

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

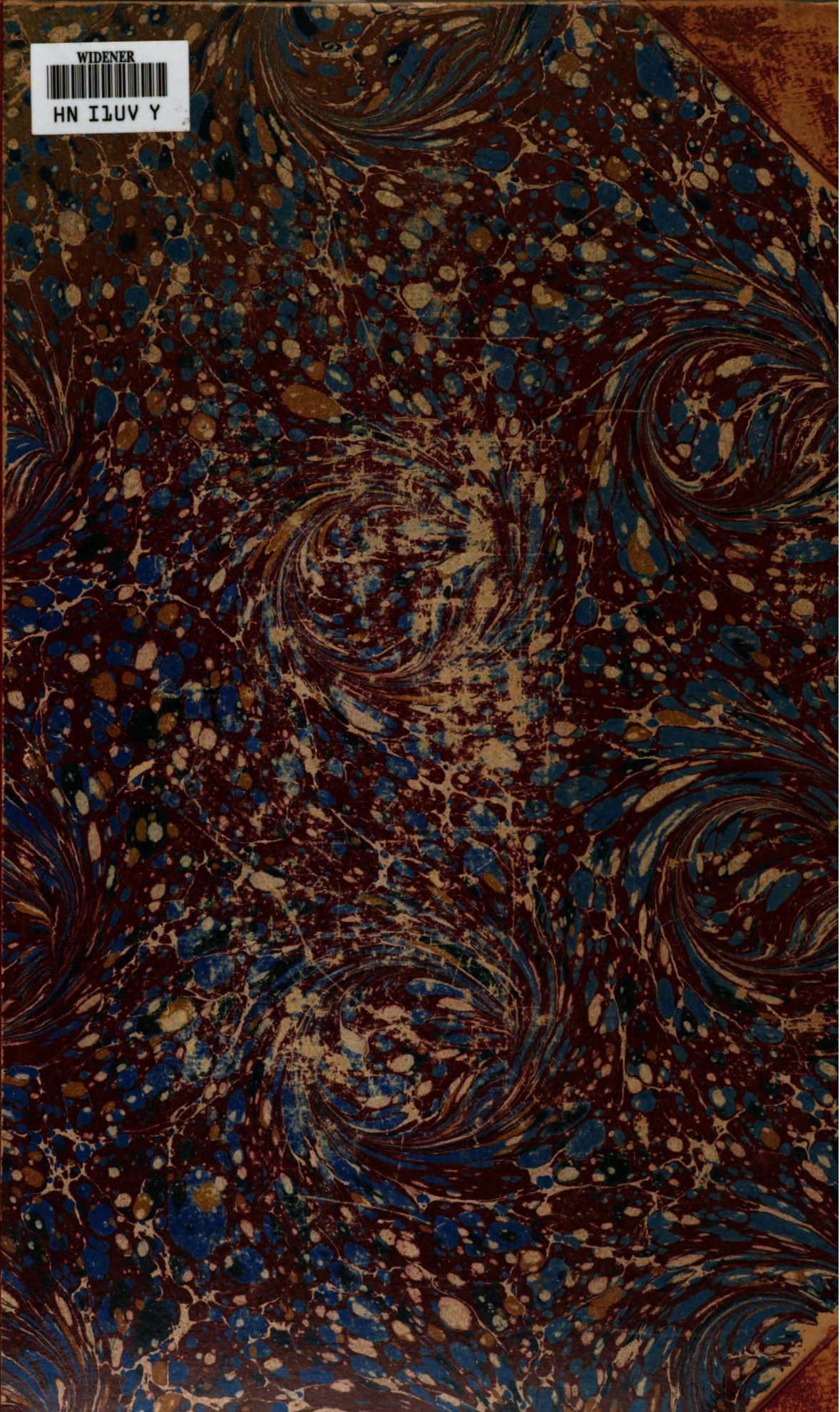
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

WIDENER
HN ILUV Y

Ch 274.1

Harvard College Library

FROM THE

J. HUNTINGTON WOLCOTT FUND

Established in 1891 by ROGER WOLCOTT (H. U. 1870), in memory of his father, for "the purchase of books of permanent value, the preference to be given to works of History, Political Economy, and Sociology," and increased in 1901 by a bequest in his will.

МОНГОЛІА и МОНГОЛЫ.

Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—1893 гг.

А. Позднѣвымъ.

ТОМЪ II

Дневникъ и маршрутъ 1893 года.

ИЗДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1898.

Ch 274.1

Wolcott fund
(II)

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе ко второму тому	IX—XXIX
I. Отъ Пекина до Калгана	1—22
Въѣздъ изъ Пекина. — Китайскія кладбища. — Названія деревень какъ памятники родоваго начала въ поселеніяхъ китайцевъ. — Гуань-гоу'ское ущелье и его достопримѣчательности. — Дороги къ сѣверу отъ Ча-дао. — Ту-му-чэнь. — Цзи-минь-и и замѣтки о вулканическихъ явленіяхъ въ этой мѣстности. — Перевалы Лунь-лао-бэй и Яо-р-лянъ. — Сюань-хуа-фу. Славныя преданія и тяжелое настоящее Сюань-хуа-фу'ской долины. Прибытіе въ Калганъ.	
II. Отъ Калгана до Хүхү хотѣ	22—52

Приготовленія къ поѣздкѣ. — Долина р. Янъ-хэ. Переправа черезъ рѣку. — Селеніе Цай-гэ-бу. — Сянъ-пинъ-коу'скія ворота Великой стѣны. — Мѣстныя гостинницы. — Чжанъ-гдръ. — Голодъ и его послѣдствія въ сѣверной Шань-си. — Лунъ-шэнь-чжуанъ. — Умершіе съ голоду. — Городокъ Фынъ-чжэнь и торговыя отношенія его къ Монголіи. — Тянь-чжэнь и свѣдѣнія о казенномъ трактѣ отъ этого селенія до Гуй-хуа-чэна. Долина Да-хай-та. — Способы заселенія и культивировки пустопорожныхъ земель. — Цаганъ булукъ. — Пещерныя жилища. — Первый осмотръ памятниковъ «ши-жэнь» и Бай-тар'а. — Прибытіе въ Гуй-хуа-чэнь.

*

III. Гуй-хуа-чэнъ 52—115

Историческія замѣтки о происхожденіи этого города. — Ламайскіе монастыри въ Хухү-хотѣ: Йэхэ-чжү, Бага-чжү съ его каменописнымъ памятникомъ, Ширѣтү чжү, Цорчжй-чжү, Пунсүкь-чжү, Хошүни-чжү, Эмчи-чжү, Табунъ-субурганай-чжү. — Земельное положеніе Гуй-хуа-чэна. — Внѣшній видъ города. — Чайная и мануфактурная торговля. — Перевозочныя средства въ Гуй-хуа-чэнѣ. — Главныя торговыя фирмы. Торговля скотомъ. — Выдѣлка попонъ. — Торговля шерстью и лѣсомъ. — Упадокъ хухү хотѣскаго рынка и его причины. Знакомство съ хухү-хотѣскою крѣпостью. — Гусай ямунь. — Амбаньскій ямунь. — Полицейское управленіе. — Хлѣбныя магазины. — Кумирня Конфуція. — Знаменное училище и его содержаніе. Плацъ для военныхъ упражненій тумѣтскихъ солдатъ. — Пороховой и оружейный склады. — Гуй-хуа-чэнская богадѣльня. — Съѣстной рынокъ и гуй-хуа-чэнскіе нищіе. — Окрестности Хухү-хотѣ: Чжао-цзюнь-фынь, или Зеленое кладбище и его памятники. — Недавнее прошлое торговли Гуй-хуа-чэна и его судьба.

IV. Отъ Гуй-хуа-чэна черезъ Калганъ до Чэнъ-дэ-фу 115—202

Отъѣздъ изъ города. — Синь-чэнъ. — Горы Да-цинъ-шань и преданія о могилахъ юаньскихъ богдохановъ. Ближайшій осмотръ Бай-гар'а. — Потребленіе опиума и его сорта. — Ши-жэнь. — Изслѣдованія о хухү-хотѣскихъ тумѣтахъ: приблизительныя границы ихъ кочевьевъ и свѣдѣнія о числѣ знаменныхъ тумѣтовъ. — Земельное положеніе тумѣтовъ и постепенная культивировка ихъ земель. — Натуральныя казенныя и общественныя повинности тумѣтовъ. Положеніе да-цинъ-шаньскихъ каменноугольныхъ копей. Расходы на содержаніе тумѣтскихъ войскъ. Расходы на дѣла благотворительныя и религіозныя. Главнѣйшіе монастыри въ кочевьяхъ гуй-хуа-чэнскихъ тумѣтовъ. — Наше движеніе по сѣверному Гуй-хуа-чэно — Чжанъ-пзя-коу'скому тракту. — Кочевья Чахаровъ. — Свѣдѣнія о хошүнѣ Дурбэнъ-хүхэтъ. — Деревенька Ци-ся и видоизмѣненіе дорожной колес. — На-хо-пянь'скій костель и посѣщеніе миссіонерскаго стана Бельгійцевъ. — Дальнѣйшій путь къ Калгану. Трудность пріисканія извозчиковъ для слѣдованія въ Чэнъ-дэ-фу. — Природа и внѣшній видъ калганскаго ущелья. — Великій торговый путь въ линіи калганскаго перевала Сэнчжитү-даба. Замѣтки о Синь-хо-чэнѣ. — Китайскіе солепромышленники. — Оспенная эпидемія въ поселкѣ Байшинтү.

Голова казненнаго повстанца. — Пастыбищныя земли Хо-цин-вана. — Урочище Хоринъ гацзарьинъ обб. — Китайскія поселенія въ странѣ чахаровъ. — Вступленіе въ Чанъ-дэ-фу'скую область. — Историческая замѣтка о совершавшихся въ ней административныхъ перемѣнахъ. Гоу-мынь-ца. — Мостъ черезъ р. Луанъ-хэ и свѣдѣнія о теченіи этой рѣки. Описаніе пещерныхъ жилищъ. Поселокъ Янъ-цзы-ва и ущелье Байнъ-гоу. — Рѣка Сяо-гуанъ-хэ. Военный лагерь Гуанъ-ди. — Положеніе о содержаніи постоянныхъ дворовъ въ сѣверной Чанъ-дэ-фу. — Горячія воды «Вань-цюань». Поселокъ Го-цзя-тунь. Торговля скотомъ. Городъ Фынъ-нинъ-сянь. — Выгоды мѣстной полицейской службы. — Торговля Фынъ-нинъ-сяня. Назойливость его жителей. Мой дальнѣйшій путь въ Чанъ-дэ-фу.

V. Чанъ-дэ-фу или Жэ-хэ202—226

Историческія замѣчанія объ этомъ городѣ и причины его упадка. — Внѣшній видъ города. Его предмѣстья съ находящимися въ немъ общественными постройками. — Торговля Чанъ-дэ-фу. — Мѣстныя шелковыя матеріи и шелководство въ аймакѣ хорчиновъ. — Императорскій дворецъ и паркъ. — Ламайскіе монастыри въ Жэ-хэ. — Кумирня Пу-лѣ-сы. — Окрестности Жэ-хэ: Пань-пуй-шань. Каменописные памятники на этой горѣ.

VI. По дорогѣ отъ Чанъ-дэ-фу къ Долонъ нуру. 226—277

Невозможность совершить путь по ЮВ. Монголіи. — Выступленіе въ дорогу. Переваль Гуанъ-жэнь-линь. Гора Юань-бао-шань и Со-та-шань'скіе пики. — Городокъ Луань-пинъ-сянь. — Поселокъ Ванъ-цзя-инъ. — Поѣздъ чжи-сяня. — Харчевни для прохожихъ. — Встрѣча съ китайскими переселенцами въ Монголію. — Распространеніе болѣзни зобъ. Русскій керосинъ и мнѣнія о немъ китайцевъ. — Слѣдованіе до Фынъ-нинъ-сяня. — Свѣдѣнія о совершившемся въ 1890—1892 гг. китайскомъ возстаніи противъ монголовъ и христіанъ въ Чанъ-дэ-фу'ской провинціи. Составъ населенія Чанъ-дэ-фу'ской провинціи и взаимныя отношенія мѣстныхъ поселенцевъ. — Первый взрывъ возстанія осенью 1891 года. — Обвиненія противъ христіанъ. — Движеніе мятежниковъ къ окрестнымъ городамъ. — Главари социальныхъ общинъ и партій въ качествѣ военачальниковъ. — Дѣйствія повстанцевъ противъ аоханьскаго и тѹмѣтскаго хошѹновъ. — Дѣятельность правительственныхъ войскъ. — Посылка Ы-чжи-чжао и его доклады. Резуль-

таты возстанія. — Сложность причинъ, порождающихъ антихристіанскія инсurreкціи и историческія разысканія по этому вопросу. — Значеніе для христіанской проповѣди тяньцзинскаго трактата. — Мнѣнія провинціальныхъ китайскихъ мандариновъ объ европейцахъ и христіанахъ. — Тяньцзинская рѣзня 1870 г. — Восемь статей, представляемыхъ китайцами европейскимъ правительствамъ. — Позднѣйшія антихристіанскія возстанія въ Китаѣ. — На чемъ основывается и чѣмъ поддерживается ненависть къ иностранцамъ и христіанамъ? Богохульство китайцевъ. — Министрамъ богдохана вточности извѣстны причины возстаній. — Наше прибытіе въ Долбнъ-нуръ. — Затрудненія въ наймѣ подводъ для дальнѣйшаго слѣдованія.

VII. Долонъ-нуръ.....277—298

Мѣстоположеніе города. — Казенныя зданія и присутственныя мѣста въ Долбнъ-нурѣ. — Новоучрежденное управленіе знаменныхъ войскъ. — Торговыя улицы: Ма-ши-цзѣ, Нью-ши-цзѣ и Дунъ-шэнь-цзѣ, Чанъ-шэнь-цзѣ. — Улица Сянь-лунъ цзѣ и преданіе о происхожденіи ея названія. — Кумирня Санъ-гуанъ-мяо. — Мастерскія для выдѣлыванія попонъ. — Долбнъ-нурскія таможни. — Земельное положеніе города. — Торговля чайная и хлѣбная. — Отпускная торговля скотомъ и продуктами скотоводства. — Извозный промыселъ въ Долбнъ-нурѣ. — Долонъ-нурскіе монастыри. — Каменописный памятникъ монастыря Шарà-сумэ. — Управленіе Шарà сумэ и его гэгэны. Хѳхѳ-сумэ. — Контингентъ долбнъ-нурскихъ ламъ и ихъ содержаніе. Великолѣпіе богдоханскихъ кумирень.

VIII. Отъ Долонъ-нұра до Бирū-хотѳ299—447

Выборъ дороги и отъѣздъ изъ Долбнъ-нұра. Слѣдованіе къ долинѣ Шанду-гѳла. — Чжунъ найманъ сумэ. — Общій взглядъ на развалины этого города и замѣтки о судьбѣ его въ послѣдніе годы Юаньской династіи. — Подробный осмотръ развалинъ. Каменописный памятникъ. — Трудность пріуроченія отдѣльныхъ руинъ къ извѣстнымъ частямъ хубилаевой столицы. — Посѣщеніе Уланъ-балгасу и народное преданіе объ этомъ городищѣ. — Наше дальнѣйшее слѣдованіе по пескамъ къ Шабартæвской кумирнѣ. — Шибэ-хурѣ. — Перемѣны видовъ со вступленіемъ въ хошунъ Хэшиктэнъ. — Прибытіе въ Дарханъ-ўлайнъ сумэ. — Древняя пещера и каменописный памятникъ отъ временъ Юаньской династіи. — Черты характера

китайцевъ и монголовъ. — Озеро Далай-нуръ. — Посѣщеніе Инъчана. — Мѣстные каменописные памятники. — Историческіе разказы о происхожденіи и современномъ положеніи Дарханъ-улайнь-хита. — Обиліе бродягъ и мѣры китайскаго правительства къ охраненію безопасности путниковъ. Усунъ-турунъская падь. — Безпокойство китайскихъ правителей, вызванное моимъ приѣздомъ въ Бирӯ хотò. — Свѣдѣнія о происхожденіи и современномъ состояніи города Бирӯ-хотò. — Главная кумирня хэшиктэнскаго хошӯна и ея настоятель Ширѣту ламайнь шабрòнъ. Разказы мѣстныхъ чиновниковъ о хошӯнѣ хэшиктэнòвъ и хлопоты ихъ о выборѣ новаго цзасака. — Отъѣздъ изъ Бирӯ-хотò. — Галдасутайскій цѣлебный источникъ. — Встрѣча китайскаго обоза, подвергшагося нападенію бродягъ. — Поселокъ Лю-цзя инъ-цза. — Вступленіе въ хошӯнъ Баринь. — Наблюденія относительно перехода бариней отъ кочеваго быта къ осѣдлому. — Почтовый трактъ отъ Гу-бэй-коу къ сѣв. границамъ Бариньскаго хошӯна. — Цаганъ субурга и его городище. — Распросныя свѣдѣнія о пути бариней въ Пекинъ. Описаніе монастыря Цаганъ-субурга. — Каменописные памятники, найденные въ древнемъ городищѣ. — Замѣтки о бытѣ бариней. — Вступленіе въ хошӯнъ Учжумуцинъ. — Встрѣча съ тибетскими сборщиками подаяній и грамоты китайскихъ богдоханòвъ тибетскому Галданъ-ширѣту. — Эчжи дабасу нуръ. — У-тай чжунъ хучитскаго хошӯна. Границы халхаскихъ кочевьевъ. — Распри въ княжеской семьѣ Э-цзасака. — Йогайцари ламайнь хуръ и ея гэгэнъ. — Свѣдѣнія о хошӯнѣ Ганданъ-цзасака и наше слѣдованіе по землямъ этого хошӯна. — Черты изъ обычнаго права монголовъ относительно усыновленія. — Вступленіе въ хошӯнъ Далай бэйсэ. — Понятія монголовъ о гоби. — Отличительныя особенности земель цэцэнъ хановскаго хошӯна. Ставка Цэцэнъ хана. — Слѣдованіе по берегамъ Харулуна. — Встрѣча съ сѣйбуномъ Илагухсанъ-хутухтѣ и его сказанія объ этомъ гэгэнѣ. — Хошӯнъ Хла-гуна и отзывъ халхасовъ о цэцэнъ-ханахъ. — Гора Тбно. Степи Гунъ-галутай и потеря лошади. Образчикъ отношенія монголовъ къ исполненію ихъ служебныхъ обязанностей. — Положеніе ургинскихъ пастбищъ амбаньскихъ табуновъ за послѣднее пятилѣтіе. — Прибытіе въ Ургу.

IX. Отъ Урги до Ульхунскаго караула.....447—486

Выѣздъ изъ Урги и слѣдованіе по долинѣ р. Налайха. — Поѣздка хошӯннаго цзасака на праздникъ. — Снова на границахъ гоби. — Прибытіе въ Цзунъ-хурънь. — Свѣдѣнія объ

основаніи этого монастыря. — Его современный внѣшній видъ и описаніе главнѣйшихъ зданій. — Управление Цзѹнь-хурѣня. — Поборы, взимаемые хошѹнными цаасака́ми съ Цзѹнь-хурѣня. — Способъ переправы черезъ р. Харѹлѹнь. — Кругной путь по берегамъ этой рѣки. — Гора Байнѹ ула́нь и разработка въ ней топазовъ. — Переправа черезъ Харѹлѹнь. — Преданія о Чингисъ-ханѣ, слышанныя въ окрестностяхъ древней рѣки Сэнкѹрь. — Картина гибели монгольскаго скота. — Монастырь Хѹхэнь-хутухты и преданія о переходѣ хоринскихъ бурятъ въ русское подданство. — Чрезвычайныя мѣры относительно сбора податей въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ падежа скота. — Потребленіе халхасами мяса дохлаго скота. — Слѣдованіе по долинѣ р. Хуйтѹнь-гѹль. — Посѣщеніе Далѹту сумѣ и свѣдѣнія о хубилганахъ Хѹхэнь хутухты. — Послѣдняя полуденная остановка. — Прибытіе въ долину р. Онона. — Возвращеніе на русскую границу.

Алфавитный указатель именъ предметныхъ и личныхъ . . .	487—503
Алфавитный указатель именъ географическихъ	504—516
Опечатки	517

Предисловіе ко второму тому.

Книги, и особливо значительныя по своему объему, всегда начинаются съ предисловіи, назначаемыхъ авторами для изложенія всякаго рода обстоятельствъ и соображеній, сопутствовавшихъ появленію ихъ трудовъ. Мнѣ, послѣ того какъ всѣ такого рода обстоятельства, составъ и планъ настоящей работы уже были объяснены въ предисловіи къ первому ея тому, можно было бы, повидимому, обойтись теперь безъ всякихъ введеній. Но съ другой стороны въ моихъ дневникахъ, составляющихъ содержаніе перваго и втораго томовъ, замѣчается почти двухмѣсячный перерывъ, за срокъ отъ 21-го декабря 1892-го, по 19-е февраля 1893-го года, и мнѣ не хотѣлось бы оставлять своихъ читателей въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что было сдѣлано мною втеченіе указаннаго періода.

Время это было проведено мною въ Пекинѣ, откуда я предпринималъ еще на двѣ недѣли поѣздку въ Тяньцзинь и далѣе по китайской желѣзной дорогѣ до ст. Танъ-ку, съ которой представлялось вполне удобнымъ проѣхать, для осмотра укрѣпленій, въ Дагу. Вообще разсматриваемые два мѣсяца были посвящены мною на ознакомленіе съ Китаемъ. Послѣдній не былъ предметомъ моего спеціальнаго изученія, оттого свѣдѣнія о немъ я и не включаю въ составъ настоящаго труда; но за всѣмъ тѣмъ жизнь Китая такъ своеобразна, такъ поражаетъ своею новизною всякаго европейца и такъ мало описана въ русской литературѣ, что, проживъ даже одинъ мѣсяцъ въ Пекинѣ, можно было бы написать цѣлый томъ о видѣнномъ и слышанномъ. То обстоятельство, что въ настоящую свою поѣздку я посѣщалъ Пекинъ уже не впервые, значительно облегчало мнѣ составленіе моихъ замѣтокъ относительно оригинальнаго вида и жизни этого города, хотя я не могу не сказать, что въ данную пору меня интересовалъ по преимуществу

вопросъ о томъ, каково дѣйствительно вліяніе на Китайъ европейцевъ и насколько поддаются китайцы этому вліянію. Съ сказаною цѣлью я старался прежде всего ознакомиться съ жизнью и воздѣйствіемъ на китайцевъ европейскихъ миссіонеровъ, которые, что и какъ бы о нихъ ни говорилось, являются все же самыми основными носителями европейской цивилизаціи въ Китаѣ. Къ тому же миссіонерскій вопросъ былъ важенъ для меня еще въ виду собранія болѣе полныхъ свѣдѣній о послѣднемъ антихристіанскомъ возстаніи въ Монголіи 1892 г. и разысканія причинъ противохристіанскихъ возстаній въ Китаѣ вообще. Несравненно меньшее значеніе въ дѣлѣ проведенія въ жизнь Китая европейскихъ культурныхъ началъ имѣютъ обосновываемыя богдоханскимъ правительствомъ школы для преподаванія европейскихъ наукъ, изъ числа коихъ главнѣйшее училище въ Пекинѣ, извѣстное подъ именемъ «Тунъ-вэнь-гуань», было также изслѣдовано мною. Не знаю, найду ли я когда либо время, чтобы обнародовать свои замѣтки о Китаѣ цѣликомъ, но, помѣстивъ нѣкоторыя собранныя мною данныя объ отношеніяхъ китайцевъ къ христіанству и европейскимъ миссіонерамъ на страницахъ этого тома (см. 256—273), я хочу здѣсь представить еще кое что изъ своихъ изслѣдованій о «Тунъ-вэнь гуани», тѣмъ болѣе что въ русской литературѣ не имѣется, кажется, рѣшительно ни одного слова объ этомъ учрежденіи.

Англо-китайская война 1860-го года и начавшіяся вслѣдъ за симъ усиленныя сношенія европейскихъ державъ съ Китаемъ мало по малу привели если не все китайское правительство, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ онаго къ убѣжденію въ необходимости для самихъ китайцевъ изученія европейскихъ языковъ и усвоенія себѣ европейскихъ знаній. Учрежденіе Цзунъ-ли-ямуня, какъ особливаго присутственнаго мѣста для сношеній съ европейскими державами, на каждомъ шагѣ свидѣтельствовало китайцамъ о нуждѣ имѣть своихъ переводчиковъ и для правильнаго пониманія требованій европейцевъ, и для должныхъ отвѣтовъ на эти требованія. Результатомъ такого сознанія было открытіе въ слѣдующемъ 1861 году при Цзунъ-ли-ямунѣ училища, или лучше сказать трехъ отдѣльныхъ училищъ, для изученія языковъ англійскаго, французскаго и русскаго.

Нижеслѣдующая выписка изъ всеподданѣйшаго доклада богдохану принца Гуна (тогдашняго министра иностр. дѣлъ) и его сотоварищей по службѣ въ Цзунъ-ли-ямунѣ проливаетъ намъ болѣе ясный свѣтъ на исторію возникновенія этого училища:

«Въ 10 годъ правленія Сянь-фынъ», говорится въ этомъ документѣ, «мы имѣли честь представить трону докладъ о тѣхъ нововведеніяхъ, кото-

рыя были признаны нами необходимыми послѣ событій послѣдней войны. Между прочими дѣлами мы пришли къ заключенію, что знаніе характера и образа правленія другихъ націй является наиважнѣйшимъ дѣломъ при веденіи сношеній съ ними. По этой то причинѣ мы обратились за разрѣшеніемъ къ Его Величеству предписать вице-королю и губернатору Кантона и Шанхая найти людей, хорошо знакомыхъ съ иностранными письменами и, снабдивъ ихъ иностранными книгами, отправить въ Пекинъ для опредѣленія на должности наставниковъ по вышеозначеннымъ предметамъ для молодыхъ людей, имѣющихъ быть выбранными изъ 8 знаменъ».

«Во исполненіе даннаго разрѣшенія мы обращались засимъ къ помянутымъ правителямъ; но вице-король Кантона отвѣчалъ, что тамъ рѣшительно нѣтъ ни одного лица, котораго онъ могъ бы рекомендовать для указанной цѣли, а губернаторъ Цзянь-су написалъ, что если бы подобный кандидатъ представился ему самому, онъ очень желалъ бы и самъ имъ воспользоваться. Этими справками объясняется долгій промежутокъ времени по приведенію въ исполненіе плана. Нынѣ слуги Вашего Величества еще болѣе убѣдились въ томъ, что при изученіи строя жизни народовъ запада необходимо знакомство съ ихъ языкомъ и письменами, что Китай все еще не имѣетъ у себя ни одного лица, которое обладало-бы сказанными знаніями и что поэтому не къ жителямъ Кантона и Шанхая нужно намъ обращаться, а необходимо искать людей для замѣщенія учительскихъ вакансій изъ среды самихъ иностранцевъ.

«Мг. Wade, англичанинъ, назвалъ намъ своего соотечественника Мг. Burdon'a, какъ способнаго занять постъ преподавателя англійскаго языка. Языки русскій и французскій будутъ изучаться такимъ же образомъ. Мы предполагаемъ открыть классы занятій этими языками, какъ только найдемъ лицъ, могущихъ вести дѣло преподаванія».

Такъ какъ докладъ этотъ удостоился согласія богдохана, то классъ англійскаго языка былъ открытъ въ Іюнѣ 1862 г., а классы французскаго и русскаго языковъ весною 1863 года.

Строй этихъ новооткрытыхъ училищъ въ ту пору являлся, повидимому, такимъ:

Преподавателями въ эти училища были приглашены лица, изъ числа проживавшихъ въ ту пору въ Пекинѣ европейцевъ, по рекомендаціямъ европейскихъ посольствъ, и въ большинствѣ случаевъ занимавшія оффиціальныя должности въ самыхъ посольствахъ. Ученики для каждой школы набирались изъ природныхъ маньчжуровъ и именно изъ привилегированнаго военнаго класса столицы; они должны были имѣть менѣе 20 лѣтъ отъ роду и неполученіе китайскихъ ученыхъ степеней не могло служить для

нихъ препятствіемъ къ опредѣленію въ училища. Въ періодъ пребыванія въ школѣ ученики жили по домамъ и получали отъ китайскаго правительства лишь въ видѣ стипендіи по 3 ланы серебра (6 серебряныхъ руб.) въ мѣсяцъ. Высшее завѣдываніе училищемъ возлагалось на двухъ директоровъ «Ти-дао», состоявшихъ въ должности начальниковъ отдѣленій Цзунъ-ли-ямуня. Всѣ расходы по содержанію училища были отнесены на суммы государственнаго казначейства и производились изъ Цзунъ-ли-ямуня, который велъ и всю отчетность по содержанію и состоянію училищъ. Первымъ преподавателемъ русскаго языка въ этой школѣ былъ старшій драгоманъ нашей дипломатической миссии въ Пекинѣ, А. Θ. Поповъ; англійскаго — Rev. J. S. Burdon и французскаго Rev. Smorgenberg.

Обоснованныя главнымъ образомъ по инициативѣ мандариновъ, увлекавшихся идеями китайскаго прогресса, эти училища не могли однако удовлетворить надеждъ и желаній своихъ организаторовъ. Пылкія головы реформаторовъ хотѣли быстрыхъ и блестящихъ успѣховъ, а дѣло между тѣмъ шло своимъ обычнымъ, медленнымъ шагомъ. Въ поискахъ причинъ этого неуспѣха мандарины, конечно, не безъ вліянія европейцевъ, пришли къ убѣжденію, что слабость успѣховъ зависитъ отъ общей неразвитости учениковъ, а потому необходима реформа училища, обеспечивающая движеніе именно въ этомъ общемъ направленіи. Опредѣлено было, не уничтожая впрочемъ старыхъ училищъ, преобразовать ихъ на новый ладъ, чтобы они могли удовлетворять вышеуказанной цѣли.

Такимъ образомъ въ концѣ 1866 года Цзунъ-ли-ямунь въ дополненіе къ существовавшимъ училищамъ обосновалъ еще новое общеобразовательное, въ которомъ должны были преподаваться, помимо европейскихъ языковъ, астрономія, математика, химія, физика, международное право и медицина. Основанія этого новаго заведенія были нѣсколько отличны отъ прежнихъ. Во 1-хъ, въ новое училище Цзунъ-ли-ямунь, черезъ посредство главнаго инспектора таможенъ, г. Гарта, пригласилъ учителей изъ Европы; во 2-хъ — ученики могли поступать сюда безъ различія какъ маньчжуръ, такъ и китайцы, но только тѣ, которые имѣли уже китайскія ученыя степени; отсюда въ составъ слушателей новаго училища вошли личности, которымъ было уже за 30 и даже за 40 лѣтъ; въ 3-хъ, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ большая часть слушателей этой послѣдней категоріи, должны были помѣщаться въ самомъ зданіи заведенія и имъ предположено было выдавать по 10 ланъ въ мѣсяцъ стипендіи. Новое училище оставалось въ завѣдываніи тѣхъ же двухъ директоровъ (ти-дао), которые завѣдывали и прежними школами; но помимо сего при немъ были учреждены еще два новыхъ инспектора, которые должны были жить вмѣстѣ съ учениками

въ самомъ зданіи училища; впрочемъ, спустя очень незначительное время, Цзунъ-ли-ямунъ подчинилъ тѣмъ же инспекторамъ и учениковъ прежнихъ училищъ. Почетнымъ попечителемъ для обоихъ училищъ равнымъ образомъ былъ назначенъ одинъ и тотъ же членъ Цзунъ-ли-ямуня, Сюй-цзи-юй, извѣстный переводомъ Всеобщей Географіи на китайскій языкъ.

Слѣдствіемъ такого устройства вышелъ цѣлый рядъ противорѣчій въ положеніи этихъ школъ. Начать съ того, что въ административномъ отношеніи оба училища были соединены: у нихъ былъ одинъ глава— князь Гунъ, одинъ попечитель, одни директора и инспекторы; но б) въ учебномъ отношеніи они были раздѣлены: въ старомъ училищѣ оставались прежніе учителя, въ новое же поступило четыре, такъ называемыхъ, профессора, приглашенныхъ Гартомъ. Двое изъ нихъ вскорѣ занялись также точно элементарнымъ преподаваніемъ англійскаго и французскаго языковъ, а другіе двое только числились при училищѣ и получали жалованье, читать же лекціи своихъ специальныхъ предметовъ они не могли, ибо не знали по китайски, а ученики еще не были подготовлены для того чтобы слушать курсы на языкахъ англійскомъ и французскомъ. Въ хозяйственномъ отношеніи оба училища были также соединены относительно содержанія учениковъ, жалованья китайскимъ учителямъ и проч.; но относительно европейскихъ наставниковъ вышла разница, а именно: прежніе учителя, приглашенные самими китайцами, получали свое жалованье изъ Цзунъ-ли-ямуня у одного изъ директоровъ, новые же профессора получали содержаніе не посредственно отъ Гарта и притомъ сумма этого содержанія была больше сравнительно съ жалованьемъ старыхъ учителей. Надлежитъ замѣтить при этомъ, что источникъ всѣхъ вообще суммъ на содержаніе училищъ съ этого времени былъ одинъ и тотъ же, это — ластовый сборъ съ европейскихъ судовъ, на который содержались также таможни, маяки по портамъ и за симъ китайскія посольства въ Европѣ. Въ виду того, что новые учителя были приглашены Гартомъ и заключили именно съ нимъ свои условія на службу китайскому правительству, они естественно признавали свою зависимость отъ Гарта, не зная же китайскаго языка, они только черезъ него могли обращаться къ китайцамъ и вести свои дѣла съ ними; прежніе учителя напротивъ не безосновательно признавали своимъ начальствомъ исключительно Цзунъ-ли-ямунъ: они почти не хотѣли знать Гарта, между тѣмъ какъ участіе и вліяніе его въ дѣлахъ училищныхъ не могло не быть велико, вслѣдствіе вышеуказанныхъ отношеній къ нему вновь приглашенныхъ профессоровъ.

Прямымъ слѣдствіемъ вышеизложенныхъ противорѣчій было крайне неопредѣленное положеніе какъ училищъ, такъ учениковъ и наконецъ самыхъ

профессоровъ и преподавателей. Для учителей старой школы англійскаго и французскаго языковъ при этомъ не могло не быть обиднымъ читать прежній курсъ и нести тѣже труды по преподаванію, получая низшее вознагражденіе въ то время, какъ ихъ, приглашенные Гартомъ соотечественники за чтеніе того же элементарнаго курса получали въ четыре раза большее жалованье. Масса явныхъ и тайныхъ несогласій и неудовольствъ обуревала школу и въ концѣ концовъ вызвала къ началу 1868 г. важныя перемѣны въ положеніи учителей обоихъ училищъ, а засимъ и самой школы. Къ сказанному времени старые учителя школы англійскаго и французскаго языковъ отказались отъ своихъ классовъ и вмѣсто нихъ преподаваніе было поручено новымъ профессорамъ, уже читавшимъ свои лекціи въ новомъ училищѣ. При этой реформѣ Цзунъ-ли-ямунъ опредѣлилъ во 1-хъ, прежняго учителя англійскаго языка г. Мартина причислить къ новому училищу въ качествѣ учителя-переводчика съ однимъ титуломъ и жалованьемъ и во 2-хъ, перевести двухъ учениковъ изъ старыхъ училищъ въ новое въ качествѣ помощниковъ мало знавшимъ китайскій языкъ профессорамъ съ тѣмъ, чтобы ученики эти оставались впрочемъ по старому слушателями прежней школы. Такимъ образомъ къ началу 1868 г. два изъ прежнихъ училищъ, англійское и французское, соединились съ новымъ и въ учебномъ отношеніи; оставалось особнякомъ только одно русское училище: оно не имѣло для себя параллельнаго класса въ новой школѣ и китайцы реформировали его только въ томъ отношеніи, что сравнили жалованье русскаго учителя съ содержаніемъ приглашенныхъ г. Гартомъ профессоровъ.

Вышеизложенныя событія мы можемъ относить къ первому періоду существованія такъ называемаго астрономическаго училища, на которое возлагалось столько блестящихъ надеждъ и которое, очевидно, по крайней мѣрѣ въ первые годы дало весьма плачевные результаты. Но могло ли оно быть иначе? Вмѣсто того чтобы найти европейскихъ учителей, знающихъ по китайски или обязать новыхъ, приглашенныхъ изъ Европы учителей, приготовиться къ чтенію лекцій на китайскомъ языкѣ, г. Гартъ и мандарины думали приготовить самихъ учениковъ къ слушанію лекцій на языкахъ иностранныхъ. Вышло то, что большая часть учениковъ, находившихся, какъ мы уже видѣли, въ весьма зрѣломъ возрастѣ, или оставили вовсе училище, или же ходили на лекціи по разу въ мѣсяцъ, ко времени полученія стипендій; остальные въ теченіе двухъ лѣтъ не сдѣлали почти никакихъ успѣховъ. Цзунъ-ли-ямунъ, постоянно недовольный новымъ училищемъ, пришелъ было наконецъ въ слѣдующемъ 1869 году къ мысли совершенно уничтожить его; но, къ счастью, ему отрекомендовали одного китайца, по фамилии Ли, который зналъ теоретически математику и пере-

велъ подѣ руководствомъ протестанскихъ миссіонеровъ нѣсколько европейскихъ книгъ на китайскій языкъ. Цзунъ-ли-ямунъ опредѣлилъ его въ училище преподавать математику и вмѣстѣ съ симъ постановилъ оставить изъ числа набранныхъ для астрономическаго училища ученыхъ стариковъ только 6 человѣкъ и прибавить къ нимъ 4-хъ учениковъ изъ прежнихъ училищъ, да принять вновь 3-хъ шанхайцевъ, какъ болѣе знакомыхъ съ англійскимъ языкомъ; засимъ лекціи французскаго и англійскаго языковъ въ астрономическомъ училищѣ прекратить, а учителей этихъ языковъ обязать читать свои лекціи въ прежнемъ училищѣ, наряду съ преподавателемъ русскаго языка. Отъ преподаванія сего послѣдняго министры Цзунъ-ли-ямуня все же видѣли нѣкоторую пользу, такъ какъ ученики русскаго училища довольно часто переводили для Цзунъ-ли-ямуня русскія бумаги, присылаемыя съ границы. Изъ этой реформы не трудно усмотрѣть, что астрономическое училище *de facto* перестало почти вовсе существовать въ это время: профессеры наукъ почти не читали въ немъ своихъ лекцій, за исключеніемъ китаецъ, преподававшихъ ариметику; что же касается учителей языковъ, то они были перемѣщены въ прежнее училище.

Вообще нужно сказать, что въ періодъ времени конца 1868 и начала 1869 гг. вопросъ объ училищахъ сильно озабочивалъ Цзунъ-ли-ямунъ и, вѣроятно, не столько потому, чтобы министры Цзунъ-ли-ямуня серіозно имѣли въ виду научный интересъ, сколько потому, что на эти училища вообще и особливо на созданное ими астрономическое училище напалъ министръ Во-жень, представившій даже всеподданнѣйшій докладъ объ уничтоженіи обоихъ училищъ и Цзунъ-ли-ямуню пришлось отстаивать ихъ. Уничтожить новое училище вовсе, или оставить его въ настоящемъ жалкомъ состояніи для министровъ Цзунъ-ли-ямуня казалось невозможнымъ: это не только было бы неловко предъ иностранцами, въ глазахъ которыхъ существованіе этого училища какъ бы служило доказательствомъ прогрессивныхъ стремленій китайскаго правительства, но главное — было бы триумфомъ для Во-женя и партіи закоренѣлыхъ китаецъ, оппозиціонной Цзунъ-ли-ямуню. Съ другой стороны г. Гартъ, нажившій себѣ своимъ вмѣшательствомъ въ училищныя дѣла много неприятностей какъ отъ новыхъ учителей, надобѣдавшихъ ему своими притязаніями, такъ и отъ мандариновъ, недовольныхъ его учителями и плохими успѣхами учениковъ, искалъ только случая снять съ себя всѣ заботы въ этомъ направленіи. Случай этотъ представился для него въ половинѣ 1869 года, съ возвращеніемъ въ Пекинъ прежняго англійскаго учителя Dr. Martin'a, который, какъ мы видѣли послѣ реформы 1868 года оставался учителемъ-перевод-

чикомъ, но, оставшись не у дѣлъ, ѣздилъ на нѣкоторое время на свою родину, въ Америку. Хорошій знатокъ китайскаго языка и преподававшій около четырехъ лѣтъ англійскій языкъ въ старомъ училищѣ, Мартинъ зарекомендовалъ себя передъ китайцами еще переводомъ «Международнаго права» и «Физики» на китайскій языкъ, такъ что переводъ его былъ отпечатанъ на суммы Цзунъ-ли-ямуня. Послѣ установленныхъ соглашеній между нимъ, мандаринами и Гартомъ, Цзунъ-ли-ямунь назначилъ его главнымъ учителемъ (цзунъ-цзяо-си), или наставникомъ-наблюдателемъ трехъ прежнихъ училищъ языковъ и вмѣстѣ съ симъ возложилъ на него обязанность позаботиться устройствомъ павшаго астрономическаго училища съ условіемъ, чтобы и самъ онъ преподавалъ въ этомъ училищѣ политическую экономію, международное право и другія науки. Въ то же время предположено было устроить особое отдѣленіе иностранныхъ переводчиковъ. Членъ Цзунъ-ли-ямуня, Дунъ сюнь, повторилъ при этомъ Мартину ту, обычно выражавшуюся мысль, что «въ нынѣшнихъ ученикахъ мандарины желаютъ имѣть себѣ преемниковъ».

Подъ управленіемъ Мартина училища, можно сказать, реорганизовались снова, только новое устройство ихъ вырабатывалось постепенно, устанавливалось практикою, хотя тѣмъ не менѣе въ теченіе какихъ нибудь двухъ лѣтъ положеніе ихъ выяснилось въ достаточной степени и къ началу 1871 года оно представлялось въ слѣдующемъ видѣ.

Оба училища старое и новое, равно какъ и состоявшіе при нихъ наставники были совершенно сравнены между собою и начали представлять собою одну коллегію, извѣстную подъ именемъ «Тунъ-вэнь-гуанъ» (同文館). Училище это находилось подъ главнымъ вѣдѣніемъ князя Гуна и министровъ Цзунъ-ли-ямуня, ближайшими же начальниками его остались два директора и два инспектора. За ними слѣдовалъ главный профессоръ Мартинъ, на обязанности котораго лежало завѣдываніе всею учебною частью, съ совѣта и согласія другихъ учителей. Самъ онъ являлся также преподавателемъ. Жалованье всѣми новыми учителями получалось отъ Гарта, или вѣрнѣе сказать изъ китайскаго банка по тратѣ г. Гарта, но за подписью D-g Martin'a и только русскій учитель получалъ его прямо изъ Цзунъ-ли-ямуня. Нѣсколько спустя однако участіе г. Гарта въ дѣлахъ училищныхъ прекратилось совершенно и самые контракты его съ учителями перешли къ г. Martin'у.

Капитальныхъ реформъ въ Тунъ-вэнь-гуанъ и съ 1869 г., можно сказать, не было вовсе; хотя жизнь и практика далеко уже уклонили его отъ тѣхъ правилъ, которыя были выработаны для этого учрежденія въ то время.

Мы видѣли что недостатокъ ученическихъ успѣховъ побудилъ Цзунъ-ли-ямунъ въ 1869 г. уволить многихъ учениковъ, находившихся въ возрастѣ свыше 40 лѣтъ. Убѣжденные совѣтами европейскихъ профессоровъ министры должны были признать, что человѣкъ въ эту пору дѣлается почти не способнымъ къ класснымъ ученическимъ занятіямъ. Какъ скоро было сдѣлано это отступленіе, оно немедленно повлекло за собою и вторую уступку относительно требованія отъ поступающихъ въ Тунъ-вэнь-гуань китайской ученой степени. Извѣстно, что эти степени пріобрѣтаются въ Китаѣ довольно поздно и естественно посему молодые люди даже и способные не могли удовлетворить этому требованію. Въ первую пору сказанныя видоизмѣненія, т. е. пріемъ въ Тунъ-вэнь-гуань молодыхъ и способныхъ людей оказалъ, говорятъ, благотворное вліяніе на дѣло обученія; но засимъ это уклоненіе отъ правилъ послужило причиною многихъ злоупотребленій, благодаря которымъ въ настоящую пору только самая незначительная часть учениковъ Тунъ-вэнь-гуан'я является мало мальски способною воспринимать преподаваемое, остальные же, будучи обязаны своимъ поступленіемъ въ училище исключительно протекціи, или ничего не могутъ, или ничего не хотятъ дѣлать. Протекція при опредѣленіи учениковъ въ Тунъ-вэнь-гуань самая необузданная и не стѣсняется ни возрастомъ учениковъ, ни ихъ способностями и познаніями: нужно министру опредѣлить какого-либо родственника старика, онъ ссылается на статью устава, обязывающую принимать въ Тунъ-вэнь-гуань людей развитыхъ, имѣющихъ ученые степени и изучавшихъ китайскую премудрость; захочется тому же министру помѣстить 16-ти, или 17-ти лѣтняго юношу, нигдѣ неучившагося и почти не умѣющаго читать по китайски, онъ указываетъ на установившійся въ училищѣ обычай принимать именно молодыхъ людей, какъ болѣе воспримчивыхъ ко всякаго рода познаніямъ. При поступленіи въ Тунъ-вэнь-гуань кандидаты не подвергаются почти никакимъ испытаніямъ, ихъ экзаменуютъ лишь изъ китайскаго языка, предлагая имъ изложить письменно свое *curriculum vitae*, которое обыкновенно признается удовлетворительнымъ и остается при дѣлѣ, заводимомъ коллегіею относительно каждаго ученика. Окончивъ пріемный экзаменъ, ученикъ обязанъ заявить, какой именно изъ европейскихъ языковъ желаетъ онъ избрать своею спеціальностію, — англійскій, французскій, русскій, или нѣмецкій, такъ какъ изученіе каждаго изъ этихъ языковъ составляетъ предметъ отдѣльнаго самостоятельнаго класса и притомъ такъ, что ни одинъ изъ студентовъ не можетъ сразу изучать двухъ языковъ, а только одинъ. Сдѣланный по началу выборъ остается неизмѣннымъ на все время пребыванія ученика въ Тунъ-вэнь-гуан'и.

Полный курсъ ученія располагается приблизительно на восемь лѣтъ, изъ коихъ первые три посвящаются главнымъ образомъ на изученіе языковъ, при помощи которыхъ ученики могутъ впоследствии съ большимъ успѣхомъ приобрѣтать познанія въ общеобразовательныхъ наукахъ. Въ общихъ чертахъ курсъ наукъ, выслушиваемыхъ въ Тунъ-вэнь-гуани, располагается такъ:

1-й годъ чтеніе, письмо и разговоръ на избранномъ специальностью иностранномъ языкѣ.

2-й годъ, — чтеніе, письмо, грамматика, переводы и упражненія въ болѣе быстромъ и сложномъ разговорѣ.

3-й годъ, — изученіе всеобщей географіи и исторіи, а по языку — упражненія въ переводахъ.

4-й годъ — ариметика, алгебра и по языку — переводы депешъ.

5-й годъ, — Натуральная философія, геометрія, тригонометрія (начертательная и сферическая) и по языку — упражненія въ переводахъ.

6-й годъ, — механика теоретическая и практическая; дифференціальное и интегральное счисленіе; плаваніе и строеніе кораблей; по языку — упражненія въ переводахъ.

7-й годъ, — химія, астрономія, международное право и переводы книгъ.

8-й годъ, — астрономія, геологія, минералогія, политическая экономія, и по языку — переводы книгъ.

Въ добавленіе къ этому ученики могутъ еще посѣщать не штатно лекціи анатоміи и физиологіи, въ высшихъ же классахъ ученикамъ вмѣняется уже въ обязанность подготовляться къ должности переводчиковъ въ Цзунъ-ли-ямунѣ, переводить или помогать въ переводѣ официальныхъ бумагъ и отдѣльныхъ сочиненій, появляющихся на томъ или другомъ языкѣ, ознакомленіе съ которыми будетъ признано необходимымъ для правительства.

Академическій годъ раздѣляется въ Тунъ-вэнь-гуани на два семестра: первый изъ нихъ начинается со дня новогоднего открытія печати, т. е. 19-го или 20-го числа 1-й луны и продолжается до періода дождей, т. е. приблизительно до 20-го Іюля; засимъ полагается около пяти недѣль каникулъ; далѣе слѣдуетъ второй семестръ, начинающійся между 25—30-мъ числами Августа и оканчивающійся 20-го, или 21-го числа 12-й луны передъ новымъ годомъ. Въ теченіе означеннаго учебнаго времени занятія учениковъ начинаются ежедневно въ 8 часовъ утра лекціею китайскаго языка, продолжающеюся непрерывно до 11½ часовъ. За симъ, отъ 1 часа дня до 4½ по полудни, идутъ занятія европейскими языками и общеобразо-

вательными науками. По субботамъ профессоры изъ европейцевъ лекцій не читаютъ и студенты Тунъ-вэнь-гуани слушаютъ только китайскихъ профессоровъ; въ воскресенье уроковъ не полагается вовсе. Кроме сего ученики Тунъ-вэнь-гуани освобождаются отъ классныхъ занятій на три дня въ наиболѣе чествуемые китайцами народные праздники.

Контроль надъ занятіями студентовъ производится посредствомъ испытаній, которыя раздѣляются на малыя, производимыя ежемѣсячно и ежегодно и большія, устраиваемыя черезъ три года. Ежемѣсячные экзамены бываютъ только письменные; годовые же, для производства которыхъ обыкновенно назначаются три послѣдніе присутственные дня въ концѣ года, раздѣляются на письменные и устные и происходятъ непременно въ присутствіи всѣхъ министровъ Цзунъ-ли-ямуня, которые собственно и производятъ испытаніе. Можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ министры, не имѣющіе ровно ни какихъ знаній по иностраннымъ языкамъ, экзаменуютъ студентовъ? Процессъ производства испытанія объяснить это, равно какъ и то, что министры, экзаменуя студентовъ, въ тоже время экзаменуютъ и ихъ профессоровъ. Дѣло ведется такъ: предсѣдательствующій министръ даетъ экзаменующимся студентамъ китайскій текстъ какой либо официальной бумаги, которую каждый экзаменующійся обязанъ перевести на языкъ своего спеціального изученія и засимъ прочитатъ этотъ переводъ передъ министрами, а учитель подлежащаго языка обязанъ дословно передавать министрамъ по китайски то, что говоритъ, или читаетъ студентъ на языкѣ иностранномъ. Степенью сходства перевода учителя съ текстомъ данной официальной бумаги и опредѣляютъ министры успѣхи учениковъ и достоинство пріобрѣтенныхъ ими знаній.

На большихъ экзаменахъ, устраиваемыхъ черезъ три года, производятся генеральныя и окончательныя испытанія.

Студенты, оканчивающіе курсъ въ Тунъ-вэнь-гуани, обязаны предварительно выдержать по китайскому языку испытаніе на степень сю-цай'я и только послѣ сего могутъ уже подвергаться окончательному экзамену изъ предметовъ европейскихъ наукъ. На этомъ послѣднемъ экзаменѣ каждый изъ нихъ прежде всего долженъ доказать свои основательныя знанія относительно устройства Цзунъ-ли-ямуня, Государственного Совѣта (Цзюнь-цзы-чу) и Министерствъ, а затѣмъ подвергается испытаніямъ изъ физики, прикладной математики, практической механики, морской и военной тактики, международнаго права, всеобщей исторіи и исторіи договоровъ Китая съ иностранными державами.

Дни экзаменовъ, какъ малыхъ еже мѣсячныхъ и годовыхъ, такъ равно большихъ, производимыхъ черезъ 3 года, являются въ большинствѣ слу-

чаевъ днями радости для студентовъ, ибо почти каждый изъ нихъ получаетъ въ это время награду.

На предметъ этихъ наградъ Цзунъ-ли-ямунь ассигнуеть при каждомъ экзаменѣ приблизительно 60 ланъ серебра, которыя раздѣляетъ между студентами въ размѣрѣ отъ 2 циновъ до 1-го лана; впрочемъ поощрительныя преміи эти стали теперь такъ обыкновенны, что, по словамъ учителей, уже мало достигаютъ своей основной цѣли поощренія студентовъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. По окончаніи годовыхъ экзаменовъ ученики, помимо этихъ поощрительныхъ премій, получаютъ еще права пользоваться казеннымъ содержаніемъ и различныя стипендіи. Казенное содержаніе въ Тунъ-вэнь-гуани ограничивается квартирою съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугою, пищу же ученики всегда имѣютъ свою. Содержаніе это ученикъ, при успѣшныхъ занятіяхъ, можетъ получить и послѣ нѣсколькихъ мѣсячныхъ испытаній, въ такомъ случаѣ по окончаніи годоваго испытанія ему назначается стипендія или жалованье, въ размѣрѣ самаго низшаго оклада, ограничиваемаго тремя ланами серебра въ мѣсяцъ. Если ученикъ окажетъ дальнѣйшіе успѣхи, то въ слѣдующемъ году стипендія его можетъ быть удвоена и наконецъ можетъ дойти до 10 ланъ, или 20 серебряныхъ рублей въ мѣсяцъ. Дальнѣйшее повышеніе жалованья для студента возможно лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ избранъ помощникомъ учителя и тогда онъ получаетъ въ мѣсяцъ 15 ланъ. Экзамены, производимые черезъ три года, отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что на нихъ, помимо производства окончательныхъ испытаній, опредѣляются еще награды студентовъ чиновничьими степенями и шариками. Высшая степень, возможная для полученія студенту, относится къ 9-му классу; хотя тѣ, находящіеся въ Тунъ-вэнь-гуани студенты, которые имѣютъ оффиціальныя обязанности, получаютъ шарикъ и высшіе, вплоть до II класса включительно, или полный генеральскій. Ученики, окончившіе полный курсъ въ Тунъ-вэнь-гуани, могутъ быть назначаемы преподавателями и переводчиками въ школы Кантона и Шанхая. Тѣ изъ студентовъ, которые, имѣя окончательный дипломъ, получаютъ вслѣдъ за симъ мѣсто за границей, причисляются къ числу чиновниковъ 4-го класса и носятъ значекъ 4-й ст. безъ отношенія къ тому классу, въ которомъ состояли они, находясь въ Тунъ-вэнь-гуани и въ Пекинѣ. Содержаніе такого чиновника, со дня опредѣленія его на заграничную службу, исчисляется по 100 ланъ серебра (200 сер. руб.) въ мѣсяцъ; къ этому ему прибавляется еще 100, или 50 ланъ въ годъ, на наемъ особаго для себя помощника. Когда такой чиновникъ повышается на должность переводчика 3-го класса, добавочное содержаніе его на наемъ помощника возрастаетъ до 200 ланъ.

Въ числѣ вспомогательныхъ учрежденій при Тунъ-вэнь-гуани находятся: библіотека, кабинеты физическій, химическій и геологическій и обсерваторія. Учрежденія эти стоятъ, можно сказать, на самой низшей степени какъ по отношенію къ количеству находящихся въ нихъ предметовъ, такъ и особливо къ качеству ихъ. Кабинетъ физическій такъ незначителенъ, что любое учрежденіе этого рода при нашихъ, самыхъ бѣдныхъ гимназіяхъ будетъ состязаться съ нимъ и по полнотѣ, и по качеству приборовъ. Кабинеты химическій и геологическій заключаютъ въ себѣ гораздо больше научнаго матеріала, но разсмотрѣніе его засвидѣтельствуетъ каждому, что въ дѣлѣ устройства этихъ кабинетовъ Тунъ-вэнь-гуанъ не проявилъ ни одной іоты самодѣятельности: всѣ образцы породъ и камней привезены изъ Европы, основнаго же, китайскаго, здѣсь нѣтъ рѣшительно ничего. Достаточно сказать, что за 25 лѣтъ своего существованія геологическій кабинетъ Тунъ-вэнь-гуаня не могъ даже приобрести коллекцію породъ китайскаго каменнаго угля, хотя мы знаемъ что окрестности Пекина безконечно разнообразны въ этомъ отношеніи. Что касается библіотеки, то она раздѣляется на двѣ части. Въ первой изъ нихъ, заключающей въ себѣ собственно сочиненія начинательныя, или учебники, числится китайскихъ 300 томовъ и европейскихъ 1700; во второмъ, такъ сказать фундаментальномъ, научномъ отдѣленіи, китайскихъ сочиненій свыше 1000 томовъ, а на европейскихъ языкахъ до 500 томовъ. Пользованіе книгами какъ для профессоровъ, такъ и для студентовъ изъ того и другого отдѣловъ библіотеки бесплатное; студенты должны только, требуя ту или другую книгу, представить одобреніе отъ профессоровъ; но, по отзывамъ тѣхъ же профессоровъ, китайскіе студенты никогда и ничего не требуютъ изъ библіотеки помимо самыхъ необходимыхъ для нихъ учебниковъ. При библіотекѣ содержится читальная комната, въ которую Цзунъ-ли-ямунъ выписываетъ до десятка лучшихъ европейскихъ газетъ на различныхъ языкахъ.

Пособія, рекомендуемыя студентамъ при занятіяхъ ихъ европейскими науками, приготовлены главнымъ образомъ профессорами Тунъ-вэнь-гуаня. Выдающимися изъ нихъ, по словамъ бесѣдовавшаго со мною д-ра Мартина, являются слѣдующія:

Wheaton's. «Elements of International Law», переведено на китайскій языкъ докторомъ Мартиномъ.

Malaguti's. — «Chemistry», переведено на китайскій языкъ профессоромъ Биллекен'омъ.

«Code Napoléon», переведено на китайскій также профессоромъ Биллекен'омъ.

«Guide Diplomatique» — Мартенса, — переведено на китайскій языкъ подъ редакцію доктора Мартина студентами Лянъ-фан'омъ и Чинъ-чжан'омъ.

Woolsey's. «International Law», — подъ редакцію доктора Мартина переведено студентами Ванъ-фынь-цзао и Фынъ-ё.

Kerl's, «English Grammar» переведено г. Ванъ-фынь-цзао.

Fawcett's, «Political Economy», — подъ редакцію доктора Мартина переведено г. Ванъ-фынь-цзао.

«Geschichte der Russen», (кажется, бывшій учебникъ въ Рижской гимназiи) — подъ редакцію профессора Гагена переведена гг. Гуй-жуномъ и Такшина.

Tytler's, «Universal History» подъ редакцію проф. Коля переведено гг. Шан'омъ и Ян'омъ.

«Chemical Analysis», — въ сокращеніи составлено и изложено на китайскомъ языкѣ профессоромъ Биллекен'омъ и гг. Шэн'омъ и Лин'омъ.

«Mathematical Physics», въ сокращеніи изложено на китайскомъ языкѣ д-ромъ Мартиномъ при участіи студентовъ Ту, Ли и др.

«Human Anatomy» — изложено проф. Дуджон'омъ.

«Comparative Calendar for 1878—88, based on Nautical Almanac» изложено на китайскомъ языкѣ профессорами Гаррингтономъ, Фритше, и Русселемъ при участіи студентовъ Ши, Шу и др.

Bluntschli's, — Droits International Codifié» переведено на китайскій языкъ д-ромъ Мартиномъ, при участіи гг. Лян'а, Чин'а и др.

«Penal Code of Singapore». Переведено г. Ванъ-фынь-цзао, подъ редакцію д-ра Мартина.

«International Law in Ancient China» издано на англійскомъ языкѣ д-ромъ Мартиномъ и переведено на китайскій г. Ванъ-фынь-цзао.

Loomis, «Practical Astronomy», — съ рукописнаго текста было переведено на китайскій языкъ профессоромъ Русселемъ, при участіи гг. Ши, Вана, и Цзо.

«Mathematical Exercises», — составлено на китайскомъ языкѣ г. Сѣкан'омъ, подъ редакцію профессора Ли-шэнъ-лян'а.

«French — Chinese Dictionary» профессора Биллекена.

Въ представленномъ краткомъ перечнѣ основныхъ учебныхъ пособій, принятыхъ въ Тунъ-вэнь-гуани для изученія европейскихъ языковъ и знаній, мы не видимъ ни одного переведеннаго съ русскаго, или назначеннаго къ ознакомленію китайцевъ съ русскимъ языкомъ, причемъ такихъ пособій не существуетъ и вообще, ибо русскіе пока еще рѣшительно ничего не сдѣлали для Китая, чтобы облегчить ему дѣло ознакомленія съ Россією.

Единственные переводческіе труды съ русскаго, — хороши или худы эти переводы, — принадлежать дѣятелямъ нашей православной духовной миссіи, для изученія положенія и дѣятельности которой, я, въ періодъ своего пребыванія въ Пекинѣ, неоднократно посѣщалъ ее отдѣльными визитами и наконецъ прожилъ въ ней безвыѣздно шесть дней, за срокъ отъ 16-го по 21-е января 1893 г. включительно. Скажу поэтому и о ней нѣсколько словъ.

Въ вѣдѣніи россійской православной миссіи въ Пекинѣ находятся въ настоящее время три отдѣльныхъ церкви и состояція при нихъ группы христіанъ: а) Успенскій монастырь, въ которомъ собственно помѣщаются члены православной миссіи; б) церковь во имя Срѣтенія Господня, находящаяся въ подворьи нашей дипломатической миссіи, въ центрѣ города и отстоящая отъ монастыря въ 7, или 8 верстахъ и в) церковь въ деревнѣ Дунь-динь-ань, во имя Святителя Иркутскаго Иннокентія, — въ 50 верстахъ отъ Пекина. Прежде православная русская миссія помѣщалась въ двухъ мѣстахъ: въ южномъ, Срѣтенскомъ, подворьи (нань-гуань) и въ сѣверномъ — Успенскомъ (бэй-гуань); но въ настоящее время южное Срѣтенское подворье перешло во владѣніе дипломатической миссіи, взамѣнъ чего наше министерство иностранныхъ дѣлъ, еще въ пору этого перехода, т. е. въ 1863—1866 гг., устроило помѣщенія для православной миссіи въ сѣверномъ — Успенскомъ монастырѣ, которыя въ настоящую пору уже значительно расширены на спеціальныя средства православной миссіи.

Вся христіанская, собственно китайская паства въ Пекинѣ по исповѣдной росписи 1892 г. исчисляется въ 459 душъ, изъ коихъ потомковъ русскихъ албазинцевъ 149 душъ и христіанъ изъ китайцевъ — 310 душъ. Большая часть изъ этихъ послѣднихъ, приблизительно до 250 человекъ, проживаетъ въ Пекинѣ, остальные, въ числѣ 60 человекъ, въ деревнѣ Дунь-динь-ань.

Историческія свѣдѣнія о распространеніи православія и жизни православной россійской миссіи въ Пекинѣ читатели могутъ найти въ довольно подробномъ изслѣдованіи по сему предмету о. архимандрита, Николая Адоратскаго; тѣмъ не менѣе мы почитаемъ необходимымъ напомнить здѣсь хотя бы главнѣйшіе моменты существованія этой миссіи.

Первыми постоянными обитателями, исповѣдующими православіе въ Пекинѣ, были русскіе казаки, взятые въ плѣнъ китайскими войсками въ 1686 году изъ города Албазина на Амурѣ. Приведенные въ Пекинъ, они образовали здѣсь отдѣльную роту въ средѣ 8 маньчжурскихъ знаменъ и были поселены въ сѣверо-восточномъ углу города, при чемъ имъ дозволено было свободно исповѣдывать православную христіанскую вѣру.

Требы и богослуженія отправлялъ у нихъ тогда пришедшій вмѣстѣ съ ними вдовый священникъ Дмитрій, который жилъ въ Пекинѣ, по преда-
 нію, 13 лѣтъ. Когда онъ скончался (около 1700 года), на мѣсто его, по
 просьбѣ албазинцевъ, присланъ былъ другой священникъ, кажется, іеро-
 монахъ, съ причетниками. Со времянь Петра Великаго, по установленіи
 дружественныхъ отношеній съ Китаемъ, въ Пекинъ стали посылаться цѣ-
 лья миссіи, въ числѣ 10-ти человѣкъ. Отправляя эти миссіи, русское пра-
 вительство всегда имѣло двѣ цѣли: а) поддержаніе православія между
 плѣнными казаками и б) изученіе Китая во всѣхъ отношеніяхъ, равно какъ
 и приготовленіе переводчиковъ китайскаго и маньчжурскаго языковъ, не-
 обходимыхъ при сношеніяхъ двухъ государствъ. Въ эту пору правитель-
 ствомъ нашимъ была запрещена всякая пропаганда православія между
 китайцами и такое запрещеніе простиралось до 1861 года, т. е. до заклю-
 ченія графомъ Путятинымъ трактата въ Тянь-цзинѣ. Такимъ образомъ до
 начала 1860 годовъ наша духовная миссія была именно и исключительно
 политическимъ агентствомъ, посредствомъ котораго наше правительство
 сносилось съ Китаемъ. Это доказывается тѣмъ, что какъ прежнимъ миссіямъ,
 черезъ каждые десять лѣтъ снаряжаемымъ въ Пекинъ, такъ и послѣдней
 таковой миссіи, отправленной въ 1857 году, всегда выдавались инструкціи
 отъ министерства иностранныхъ дѣлъ; наконецъ въ составъ ея входили, и
 даже большею частію, такіе члены, которые не имѣли никакого отношенія
 къ дѣлу православія, таковы: три студента, астрономъ, художникъ и лекарь.
 Какъ необходимое заключеніе отсюда слѣдуетъ то, что собственно *миссіо-
 нерскую* дѣятельность Пекинской Миссіи, дѣятельность по распространенію
 Евангельскаго ученія въ Китаѣ, — надобно считать только съ 1861 года,
 а на всю остальную ея службу съ 1686 по 1861 годъ (175 лѣтъ) нужно
 смотрѣть преимущественно какъ на дѣятельность учрежденія чисто поли-
 тическаго. Эти мысли высказаны здѣсь съ тою цѣлью, чтобы снять съ
 пекинской духовной миссіи, хотя долю того несправедливаго укора отно-
 сительно ея поразительной недѣятельности, по которому намъ нерѣдко при-
 ходится слышать, что «пекинская духовная миссія въ теченіе 175 лѣтъ не
 могла присоединить къ Православной церкви ни одного китайца». Въ на-
 стоящее время положеніе и дѣятельность духовной миссіи представляются
 намъ въ такомъ видѣ:

Зданія миссіи составляютъ: 1) храмъ во имя Успенія Богородицы,
 построенный изъ обожженаго кирпича и крытый черепицею, вполне крѣп-
 кій и благоустроенный. Вместимость его приблизительно на 200 человѣкъ.
 Иконостасъ въ немъ позолоченный китайскими мастерами, а иконы въ
 большей своей части исполнены въ 1864 году художникомъ миссіи, ака-

демико́мъ Льво́мъ Иго́ревы́мъ: онѣ написаны на полотнѣ и отличаются художественностью своей отдѣлки и мягкостью своихъ красокъ, особливо мѣстныхъ иконы: Спасителя, Божіей Матери, Успенія Пресвятой Богородицы, Святителя Николая, Тайной Вечери, находящейся надъ царскими вратами и на самыхъ этихъ вратахъ — Благовѣщенія и 4-хъ Евангелистовъ. Вначалѣ 1880-хъ годовъ однимъ изъ членовъ пекинской миссіи нѣкоторыя изъ этихъ иконъ были поновлены; къ сожалѣнію новый рисунокъ этотъ не отличается такою мягкостію красокъ, которыя придаютъ особенную прелесть рисункамъ Иго́рева. Утварью церковь также вполне обеспечена: у нея имѣется до 30 различныхъ облаченій и нѣкоторыя изъ нихъ, пожалованныя русскими императорами и императрицами, можно считать драгоценными; есть также достаточное число сосудовъ, крестовъ, евангелій, архимандричьихъ митръ, крестовъ и проч.; 2) покои архимандрита представляютъ собою пять не особенно большихъ, но достаточныхъ по величинѣ комнатъ; въ западной своей части, или изъ залы, онѣ соединяются съ помѣщеніемъ библіотеки миссіи, заключающей въ себѣ всего свыше десяти тысячъ томовъ различныхъ сочиненій на европейскихъ и восточныхъ языкахъ. Многія изъ этихъ сочиненій очень древни и представляютъ собою буквально библиографическія рѣдкости; 3) квартиры іеромонаховъ составляютъ также отдѣльное зданіе. Каждая изъ такихъ квартиръ заключаетъ въ себѣ три небольшихъ комнаты; 4) зданіе кухонь и, на ряду съ ними, угодій отдѣльно для каждой квартиры; 5) помѣщенія для прислуги; пустующія нынѣ: 6) зданіе обсерваторіи и 7) квартиры астронома; 8) новый, построенный въ 1881 году, домъ для священника изъ китайцевъ, занимаемый нынѣ помѣщеніями состоящихъ при духовной миссіи студентовъ имени г-на Паргачевскаго; 9) зданіе состоящаго при духовной миссіи мужскаго училища, 10) баня и 11) отдѣльно отъ монастыря, за оградой оваго, зданія женскаго училища для дѣтей мѣстныхъ христіанъ. Всѣ эти зданія находятся въ совершенно удовлетворительномъ состояніи и содержатся можно сказать въ образцовыхъ чистотѣ и порядкѣ. Такому состоянію миссіи, помимо распорядительности ея начальника, способствуютъ конечно и отпускаемая ей средства.

На содержаніе миссіи ассигнуется ежегодно 15,600 р. с. и помимо того на содержаніе состоящаго при миссіи женскаго училища 2000 руб. Главнѣйшій расходъ этихъ миссіонерскихъ суммъ идетъ, конечно, на жалованье членамъ миссіи, которое исчисляется въ количествѣ 5000 руб. содержанія архимандрита и 5,400 р. на жалованье тремъ іеромонахамъ, по 1,800 р. с. каждому. Цифры эти для русскаго слуха могутъ показаться очень большими; но мы должны сказать, что для пекинской жизни, осо-

бенно при современной ея дороговизнѣ, это содержаніе только что достаточно ¹⁾. Засимъ на остающіяся 5,200 р. содержатся церковь, мужское училище, всѣ зданія миссіи и состоящіе при нихъ служащіе. Въ подкрѣпленіе этой неособенно значительной суммы идутъ доходы съ церковныхъ земель, домовъ и лавокъ, которые Св. Синодъ разрѣшилъ Миссіи употреблять на свое содержаніе. Слѣдуетъ замѣтить однако, что эти, прежде доходныя статьи въ настоящее время приносятъ монастырю весьма мало, частію потому что нѣкоторыхъ, изъ прежде бывшихъ подворій теперь уже не существуетъ вовсе, частію потому, что аренда на земли упала вообще, а лавки и зданія между тѣмъ уже на столько обветшали, что плата за наемъ ихъ едва бываетъ достаточна для одной ихъ ремонтировки. Постройки въ Китаѣ, какъ извѣстно, возводятся весьма и весьма не прочно.

Но главное лишеніе миссіи это — крайній недостатокъ дѣятелей какъ изъ русскихъ, такъ и изъ туземцевъ. По штату православной миссіи въ Пекинѣ, здѣсь полагается имѣть одного архимандрита, трехъ іеромонаховъ, одного священника изъ природныхъ туземцевъ и одного катихизатора также изъ китайцевъ; всего 6 человекъ. Но вакансіи членовъ миссіи часто остаются незамѣщенными и бывали случаи, когда архимандриту приходилось оставаться въ Пекинѣ совершенно одному. Богослуженіе въ этихъ случаяхъ обыкновенно совершается попеременно въ двухъ нашихъ пекинскихъ храмахъ, а чтобы не оставлять прихожанъ того, или другаго храма вовсе безъ богослуженія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, всякій разъ, когда въ одномъ храмѣ служится литургія, въ другомъ отправляются часы. Понятно, что при такомъ недостаткѣ лицъ даже для отправленія богослуженій, нечего и говорить о дѣлѣ проповѣди. Правда, случай пребыванія въ составѣ миссіи только одного архимандрита — исключительный, по большей части при немъ всегда состояли одинъ, или два іеромонаха; тѣмъ не менѣе эти іеромонахи не рѣдко бывали новичками для Пекина, не могли говорить по китайски, а потому были способны лишь къ тому, чтобы отправлять богослуженіе на южномъ подворьи. Для пропаганды христіанства въ миссіи никогда не бывало больше одного лица, которое могло вести

1) За самый скромный столъ іеромонаха въ Пекинѣ уплачивается повару 30 р. с. въ мѣсяцъ; отопленіе кухни стоитъ 9 р.; отопленіе комнатъ 5 р.; содержаніе прислуги 12 р.; свѣчи $7\frac{1}{2}$ ф. 2 р. 50 к.; мыло 1 р.; сахаръ 3 р.; чай 1 р. 50 к.; канцелярскія принадлежности 1 р.; почтовые расходы 2 р.; прачка 3 р.; каждый выѣздъ изъ миссіи въ южное подворье стоитъ миссіонеру 1 р.; полагая, что онъ будетъ ѣздить только для службы по воскресеньямъ и имѣть одинъ только выѣздъ въ мѣсяцъ для исправленія требъ — 5 р.; учитель и переписчикъ изъ китайцевъ 25 р.; итого сто руб. сер. Слѣдовательно изъ 150 р. ежемѣсячнаго жалованья, остается 50 руб. на одежду, отсылку роднымъ, выписку и покупку книгъ, подарки прислугѣ и проч.

дѣло въ одномъ мѣстѣ, на сѣверномъ подворьи, оставляя безъ наставленій христіанъ двухъ другихъ пунктовъ — южнаго подворья и деревни Дунь-динъ-ань. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ не можетъ исполнять съ должнымъ успѣхомъ того, для исполненія чего едва достаточны трое; однако же дѣло миссіи идетъ своимъ порядкомъ: наши миссіонеры не имѣютъ только возможности посѣщать христіанъ деревни Дунь-динъ-ань; въ остальныхъ же частяхъ они трудятся по мѣрѣ силъ и не безъ успѣха, занимаясь съ особеннымъ усердіемъ переводами и изданіемъ священныхъ книгъ. Такимъ образомъ для назиданія христіанъ пекинскоѣ духовной миссіи переведены и напечатаны слѣдующія книги:

1) Новый Завѣтъ, переведенный бывшимъ начальникомъ пекинскоѣ миссіи, архимандритомъ Гуріемъ. Этотъ переводъ, по отзыву англійскихъ миссіонеровъ и по лично сдѣланному нами сличенію, оказался спискомъ съ перевода извѣстнаго англійскаго синолога и миссіонера Мориссона. О. архимандритъ Гурій, очевидно, провѣрялъ его, измѣнилъ англійское чтеніе собственныхъ именъ, приблизивъ китайскую транскрипцію ихъ къ языку русскому и исправилъ нѣкоторыя мѣста текста; однако же и при этомъ сдѣланномъ исправленіи, переводъ является во многихъ своихъ частяхъ не точнымъ, требуя тщательнаго пересмотра и притомъ нѣсколькими знатоками китайскаго языка. За недостаткомъ лучшаго миссіи, конечно, пользуется, по благословенію Св. Синода и этимъ переводомъ.

2) Толковое Евангеліе, составленное подъ руководствомъ нашего знаменитаго синолога, архимандрита Палладія архимандритомъ Флавіаномъ. Толкованія евангельскихъ истинъ заимствованы въ сокращеніяхъ изъ текста извѣстнаго Евангелія архимандрита Михаила.

3) Псалтирь, въ переводѣ архимандрита Палладія.

4) Краткая священная исторія ветхаго завѣта, составленная архимандритомъ Гуріемъ.

5) Земная жизнь Господа Іисуса Христа, передѣлана и издана на китайскомъ языкѣ съ католическаго китайскаго текста того же сочиненія.

6) Краткая священная исторія ветхаго и новаго завѣта, — переводъ извѣстныхъ «начатковъ христіанскаго ученія митрополита Филарета», сдѣланный іеромонахомъ Исаіей.

7) Св. Дмитрія Ростовскаго — «Зерцало православнаго исповѣданія». Переводъ этотъ, какъ можно видѣть изъ документовъ миссіи, сдѣланъ іеромонахомъ, а впоследствии архимандритомъ Даніиломъ въ 1830-мъ году.

8) Изложеніе вѣры для оглашаемыхъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, — впервые было передѣлено съ китайскаго текста католическаго изданія

того же сочиненія о. архимандритомъ Іакинфомъ, а засимъ, въ 1866 г. исправлено и издано вновь іеромонахомъ Исаіею.

9) О четырехъ духовныхъ подвигахъ: постѣ, молитвѣ, исповѣди и Св. причащеніи, переводъ архимандрита Гурія.

10) О крестномъ знаменіи и священническомъ благословеніи, переводъ епископа Гурія.

11) «Указаніе пути въ царство небесное» митрополита Иннокентія, — переведено архимандритомъ Флавіаномъ.

12) Шесть наставленій: о крещеніи, необходимости покаянія, о хожденіи въ храмъ, о христіанскомъ времяпровожденіи, объ отношеніи родителей къ дѣтямъ и о выборѣ друзей, составлено учителемъ Люнь-сянь-шан'омъ.

13) Объясненіе православнаго богослуженія, — составлено архимандритомъ Флавіаномъ.

14) Священная и церковная исторія до переселенія плѣнныхъ албазинцовъ въ Пекинъ, — составлена архимандритомъ Гуріемъ и находится въ рукописи, равно какъ и переводы многихъ житій Святыхъ.

Всѣ вышепомянутыя тринадцать сочиненій печатались китайскимъ способомъ на вырѣзанныхъ доскахъ, хранящихся въ миссіи и до настоящаго времени печатаются въ потребномъ количествѣ каждый разъ, какъ только повстрѣчается въ этомъ нужда. Особую и специальную заслугу нашихъ оо. миссіонеровъ составляютъ переводы «послѣдованій» въ дни двенадцатыхъ праздниковъ Господскихъ и Богородичныхъ, а равно входящихъ въ составъ Постной и Цвѣтной тріады, Общей минеи и Октоиха. Мы не перечисляемъ здѣсь всѣхъ этихъ переводовъ и замѣтимъ только, что желающіе могутъ найти подробный перечень ихъ въ нашихъ духовныхъ журналахъ «Христіанское чтеніе» и «Православный Собесѣдникъ».

Оставляя засимъ до болѣе удобнаго времени обнародованіе своихъ наблюденій надъ жизнью собственно китайцевъ, обращаюсь къ содержанію настоящаго тома. По характеру своему онъ мало чѣмъ отличается отъ предшествовавшаго, заключаая въ себѣ во 1-хъ подробный маршрутъ моего слѣдованія по Монголіи, а во 2-хъ тѣ изъ произведенныхъ наблюденій и замѣтокъ, которыя не могли найти для себя мѣста въ составленномъ мною за эту поѣздку систематическомъ описаніи Монголіи, имѣющемъ начаться съ слѣдующей третьей книги моего труда. Такимъ образомъ въ составъ настоящаго тома вошли, на примѣръ, мои изслѣдованія о тумѣтскихъ поколѣніяхъ монголовъ, жизнь которыхъ въ настоящую пору уже ни мало не походитъ на жизнь остальныхъ монгольскихъ поколѣній. Къ сожалѣнію, мнѣ мало пришлось восполнить въ эту поѣздку свои наблюденія

надъ бытомъ чахаровъ (см. «Замѣчанія на Дорожныя замѣтки на пути по Монголіи архимандрита Палладія». Спб., 1892 г.), также глубоко разнящихся въ своей жизни отъ остальныхъ монголовъ; но это объясняется чисто случайностью, въ которую невольно впадетъ всякій путешественникъ: не пришлось встрѣтить дѣльнаго истолкователя и представлявшіеся вопросы остались не разрѣшенными. Наконецъ, читатели, несомнѣнно, замѣтятъ, что мои дневники за послѣдніе полтора, два мѣсяца поѣздки являются уже гораздо короче предшествовавшихъ; виною этого было прямо утомленіе: полтора года напряженнаго вниманія сдѣлали свое дѣло и, подъѣзжая къ русской границѣ, я, можно сказать, былъ положительно не годенъ для дальнѣйшей работы.

Въ заключеніе почитаю долгомъ отмѣтить, что во время слѣдованія моего по юго-восточной Монголіи у меня разбилося нѣсколько приготовленныхъ мною негативовъ, таковы: «общій видъ Пань-цуй-шани», «жэ-хэ'ская башня Лю-хо-та» и «башня въ развалинахъ Цаганъ-субургана». Петербургскіе фотографы, по возможности, исправили мнѣ эту утрату; но за всѣмъ тѣмъ готовить клише со сказанныхъ разбитыхъ негативовъ было уже очень неудобно. Къ счастью, я нашелъ тѣже рисунки въ фотографическомъ альбомѣ нашего извѣстнаго путешественника, генерала А. Д. Путяты и, воспользовавшись его любезнымъ разрѣшеніемъ, заказалъ потребныя клише уже съ его рисунковъ, за каковую помощь и приношу ему мою искреннюю благодарность.

А. Позднѣевъ.

ДНЕВНИКЪ

1893 г.

I. Отъ Пекина до Калгана.

19-е Февраля. Пятница.

Сегодня оставляемъ Пекинъ. Для слѣдованія до Калгана мною наняты носилки и двѣ телѣги подъ багажъ и проѣздъ прислужниковъ, число коихъ у меня временно возрасло теперь до двухъ, такъ какъ, благодаря любезности нашего посланника, гр. Кассини, я получилъ изъ миссiи одного казака для помощи при работахъ въ Цзюй-юнь-гуани. Обычная плата отъ Пекина до Калгана: за носилки 9 ланъ, за телѣги—6 ланъ серебра; вычный мулъ—2 л. 50 ф., а осель—2 лана.

Изъ Пекина въ направленіи къ Калгану, въ Монголію, выѣзжаютъ обычно двумя воротами: «Дэ-шэнь-мынь» и «Ань-динъ-мынь». Первые изъ нихъ, — въ переводѣ: «ворота побѣды», — находятся въ сѣверной части пекинской стѣны и отъ нихъ идетъ большой трактъ въ Монголію. Такъ какъ Пекинъ сдѣлался столицею во времена минской династiи въ видахъ стратегическихъ противъ монголовъ, то, можно думать, что названіе это имѣло свой особый смыслъ, тѣмъ болѣе, что другія ворота въ этой линiи называются Ань-динъ мынь, т. е. «воротами спокойствiя, или успокоенiя».

Напутствуемые благожеланiями соотечественниковъ, мы, оставивъ въ 1 ч. 30 м. домъ нашей дипломатической миссiи, не поѣхали ни черезъ первыя, ни черезъ вторыя изъ вышепомянутыхъ воротъ. Извозчики, имѣя въ виду неудобство ѣзды по городу, повезли насъ черезъ ворота «Цянь-мынь», такъ что черезъ 8 минутъ мы были уже за стѣнами маньчжурскаго

города. Китайскій городъ мы оставили у воротъ «Пи-цзинь-мынь», отъ которыхъ проходитъ усталая громадными плитами дорога въ направленіи къ Вань-шоу-шан'и. Въ старину она, можетъ быть, была и удобна, но теперь движеніе по ней представляетъ невыразимое мученіе. Плиты частію избиты, частію выломаны вовсе. Телѣга скачетъ по нимъ, стремительно низвергаясь то въ ту, то въ другую сторону и нужно достаточно силы въ рукахъ, чтобы, упершись ими въ бока телѣги, сидѣть неподвижно, иначе можно сильно расшибить голову. Возницы обыкновенно стараются избѣгать эту дорогу, предпочитая ей боковыя тропинки, пробитыя въ лессовой почвѣ, однако, при массѣ движенія, это не всегда удается и иногда, волей неволей, приходится взбираться на этотъ «царственный» путь. Въ общей толпѣ движущихся на сѣверъ очень скоро можно было отличить предпринимающихъ дальній путь въ Монголію. Намъ попался одинъ лама бару́нь-сунитскаго аймака, прожившій нынѣшнюю зиму въ Пекинѣ. Онъ оказался человѣкомъ очень интереснымъ, потому что нѣсколько разъ былъ въ Тибетѣ, знакомъ былъ съ южнымъ Китаемъ, а въ окрестностяхъ Пекина зналъ, кажется, рѣшительно все достопримѣчательное. На первый разъ онъ указалъ мнѣ невысокую горку за рѣчкою Цинь-хэ, близъ которой якобы въ честь Чингиса и Хубилая ежегодно приносится жертва, состоящая изъ одного барана и одной свиньи. Слѣдуя далѣе на СЗ, мы въ 3 ч. 40 м. достигли деревушки Си-хо-ма, съ большимъ каменнымъ мостомъ. Повсюду здѣсь разбросаны кладбища и воздвигнуто много субургановъ. Вообще отъ Пекина почти вплоть до Нань-коу масса кладбищъ. Чуть ни каждое семейство имѣетъ здѣсь свое кладбище и оно занимаетъ мѣсто вдвое больше жилого подворья. У людей богатыхъ кладбища обсажены цѣлыми рядами деревьевъ: ближе къ могиламъ елью и сосной, дальше топодемъ, а кругомъ ивой. Большая часть кладбищъ окопана рвами съ проведенными черезъ нихъ подъѣздами, близъ которыхъ воздвигаются памятники; другія изъ этихъ обителей мертвецовъ окружены стѣнами. Близъ стѣны — домъ сторожа и хорошенькое помѣщеніе для пріѣзжающихъ на поминаеніе раза три въ годъ хозяевъ кладбища. По границѣ кладбищенской территоріи съ четырехъ сторонъ ставятся столбики съ надписью, что это сѣверная, или южная граница кладбища, принадлежащаго такой то фамиліи. Мой спутникъ, лама, говорилъ мнѣ, что на югѣ Китая совершенно нѣтъ такихъ кладбищъ, и отсюда у насъ естественно поднялся вопросъ, ужели на сѣверѣ больше почитаютъ предковъ, чѣмъ на югѣ? Трудно, конечно, пе выдавъ жизни южнаго Китая, отвѣчать на этотъ вопросъ; но мнѣ кажется, что отвѣтъ на него долженъ быть скорѣе отрицательнымъ. Правда, на югѣ нѣтъ такихъ грандіозныхъ кладбищъ, что едва ли ни объясняется незначи-

тельностью земель; но за то, по словамъ ламы, тамъ есть такъ называемые «сы-танъ», т. е. храмы предковъ. Въ Пекинѣ каждое значительное семейство имѣетъ въ домѣ особую комнату, гдѣ хранятся посмертныя таблицы отцовъ и дѣдовъ, ихъ портреты, или даже фотографическія карточки, какъ это видѣлъ я въ одной фамиліи. На югѣ цѣлый родъ имѣетъ одинъ храмъ, куда и ставитъ по порядку поколѣній таблицы своихъ праотцовъ, но въ особенности такого родоначальника, который или прославился на службѣ, или былъ ученъ и богатъ, приобрѣлъ землю, выстроилъ домъ и проч. Эти то храмы служатъ центромъ, около котораго селятся родовичи потомки и который соединяетъ ихъ узами рода, воспоминаніями, преданіями и самыми матеріальными интересами. Въ этомъ храмѣ всѣ ихъ симпатіи, всѣ завѣтныя мечты, вся мораль и вся религія. Выводъ понятенъ: на сѣверѣ заботятся о кладбищахъ предковъ, объ ихъ прахѣ; на югѣ — забота о храмѣ предковъ, объ ихъ духѣ, или тѣняхъ, мѣстомъ витанія которыхъ является храмъ, а эмблемой посмертная таблица. Мнѣ положительно кажется, что религія китайцевъ и культъ предковъ гораздо выше на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ и туда нужно ѣздить нашимъ специалистамъ китаевѣдѣнія изучать его.

Разсуждая объ этомъ, мы продолжали двигаться узкими дорожками по полямъ китайцевъ, часто встрѣчая болѣе или менѣе значительныя деревеньки. Замѣчательно, что здѣсь нерѣдко встрѣчаются цѣлые поселки, носящіе имена «Чжанъ-цзя», «Ванъ-цзя», т. е. поселокъ фамиліи Чжанъ, поселокъ фамиліи Ванъ и др. Это напоминаетъ о томъ, что здѣсь еще хранится родовое начало въ населеніи, хотя вообще въ сѣверномъ Китаѣ оно, повидимому, потеряло уже свое значеніе вслѣдствіе наплыва бродячаго и чуждаго мѣстности элемента, — монголовъ, маньчжуровъ, татаръ и переселенцевъ изъ другихъ провинцій, привлекаемыхъ сюда торговлей и промысломъ. Отсюда здѣсь къ родовымъ названіямъ «Чжанъ-цзя», «Ванъ-цзя» прибавились многозначительный «чжуанъ» и «цунь», т. е. — «деревня», «мѣстечко», а въ самомъ населеніи деревни иногда не осталось уже и фамиліи «Чжанъ» или «Ванъ»; онѣ вытѣснены и уступили свое мѣсто многимъ другимъ.

Въ 4 ч. 30 м. мы остановились въ деревнѣ «Ванъ-цзя-чжуанъ» (王家莊) чтобы сдѣлать фотографическій снимокъ съ прекрасно сохранивагося здѣсь каменописнаго памятника, отъ временъ 18-го года правленія Шунь-чжи (1661 г.). Текстъ этого памятника не могъ быть прочитанъ мною за недостаткомъ моего зрѣнія, а главное времени; тѣмъ не менѣе памятникъ этотъ кажется мнѣ весьма интереснымъ. Составныя части его слѣдующія: на южной сторонѣ двѣ колонны, служащія какъ бы входомъ; дагѣ — бѣлая мраморная доска вышиною аршина въ 4-ре, воздвигнутая

на лежащей черепахѣ; саженьхъ въ 10 отсюда на сѣверъ сдѣланъ каменный жертвенникъ, на которомъ разставлены вытесанные изъ камня же пять жертвенныхъ сосудовъ, а позади ихъ, еще далѣе къ сѣверу, земляной холмъ, — можетъ быть, могила. Если теперь въ развалинахъ древняго Каракорума мы встрѣчаемъ остатки разбитыхъ каменописныхъ плитъ и черепахъ, то, конечно, это были памятники во всемъ подобные настоящему.

Въ 5 ч. 20 м. мы миновали Вань-шоу-шань. Прилежащія къ этой горѣ поселки заняты множествомъ кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ. Очевидно, спустя 30 лѣтъ, китайцы опять надумали поправлять здѣсь императорскій дворецъ, безжалостно разрушенный англичанами. Кое гдѣ на императорскомъ пути возводятся триумфальныя ворота и пр.

Сильный вѣтеръ, подъ которымъ выѣхали мы изъ Пекина, къ вечеру началъ крѣпчать еще больше и поднималъ такія облака пыли, за которыми трудно было видѣть что либо на разстояніи десятка саженьей. Продолжая путь по полямъ, мы къ 9 часамъ добрались до Гуань-ши, — мѣста, которое заурочено здѣшними извозчиками для перваго ночлега по выѣздѣ изъ Пекина и для послѣдняго — при направленіи къ столицѣ. Селеніе это почти сплошь занято мусульманами, имѣющими здѣсь и свою мечеть, единственную для всего окружнаго населенія мусульманъ. Въ настоящій день, 14-го числа первой луны, здѣсь отправлялась церемонія «праздника фонарей», называемаго у китайцевъ Шань-юань. Праздникъ этотъ справляется здѣсь въ теченіе трехъ ночей, начиная съ 13-го числа и оканчивая 15-мъ; за границей же, какъ напримѣръ въ Ургѣ, церемонія его совершаются только въ ночь 15-го числа. Массы народа запруживали улицы, блестящія иллюминаціи и фейерверки встрѣчали и провожали нашъ поѣздъ изъ каждаго переулка. Ворота попадавшихся на пути кумирень были буквально усѣяны фонариками; черезъ улицы отъ одного дома до другого были протянуты веревки, на которыхъ также висѣли разноцвѣтные фонари. Все это придавало селенію необычайно живописный видъ. Торжественныя процессіи съ несомымъ на длинной палкѣ подъ балдахиномъ кумиромъ Тай-и неоднократно встрѣчали насъ и еще издали давали знать о своемъ приближеніи страшнымъ шумомъ гонговъ, звуками флейтъ и др. музыкальныхъ инструментовъ; хлопучки трещали безъ конца и не мало пугали нашихъ муловъ. Прибывъ въ гостинницу, мы еще долго слышали ликованіе народа и уличный шумъ стихъ только къ 1 часу ночи.

20-е Февраля. Суббота.

Мы оставили Гуань-ши въ 7 ч. утра, при тихой и ясной погодѣ съ — 2° по Р. За селеніемъ, передъ нашими глазами, открылась обширная нань-коу'ская равнина. Дорога сохраняетъ тотъ же характеръ узкой тро-

пинки, извивающейся между полями и въ общемъ весьма однообразна, зато видъ окрестныхъ горъ буквально приводилъ насъ въ восторгъ своими красотами. Въ 8 часовъ извозчики указали мнѣ верстахъ въ пяти вправо отъ дороги купу деревьевъ, — это были знаменитыя своими постройками и убранствомъ минскія кладбища, у которыхъ пекинскіе европейцы не рѣдко устрояють теперь свои дачи. Нѣсколько далѣ этихъ кладбищъ другая такая же купа обозначала областной городъ Чанъ-пинъ-чжоу, о которомъ говорятъ, что по своимъ постройкамъ онъ ничуть не лучше деревни. Изъ окрестныхъ горъ особливо привлекаетъ къ себѣ вниманіе высокая, куполообразная Лао-ѣ-шань, у южной подошвы которой раскидывается деревня Лунъ-ху-тай. По свидѣтельству исторіи, здѣсь въ 1211 году останавливался лагеремъ Чингисъ-ханъ и отсюда посылалъ онъ свои войска для взятія Пекина и др. областей Китая. Въ 1231 году здѣсь же стоялъ лагеремъ Угэдэй и также посылалъ отсюда свои войска. Отъ параллели этой горы долина, а вмѣстѣ съ нею и дорога дѣлаются каменистѣе, при приближеніи же къ Нань-коу послѣдняя становится почти непроѣзжаемой, по понятіямъ европейцевъ: громадные валуны, до $\frac{3}{4}$ аршина вышиною, усѣиваютъ ее на каждомъ шагу, и только китайскія телѣги въ состояніи выдерживать ту тряску, которая дается имъ при движеніи по этимъ валунамъ. Ъхать въ телѣгѣ по этому пространству нестерпимо и такъ вплоть до Нань-коу. Нань-коу — оживленное укрѣпленіе, запирающее гуань-гоу'скій проходъ, раскидывается по горной покатости Гуань-гоу. Это также точно мѣсто, зауроченное для остановокъ проѣзжающихъ; поэтому намъ нужно было употребить не мало труда, чтобы заставить извозчиковъ ѣхать еще далѣе 10 ли, до крѣпости Цзюй-юнъ-гуань, гдѣ мы намѣревались сдѣлать снимки надписей, начертанныхъ на крѣпостныхъ воротахъ. Послѣ довольно продолжительныхъ споровъ извозчики наши, наконецъ, поѣхали и въ 10 ч. 40 м. утра мы вступили въ Гуань-гоу'ское ущелье. Еще недавно дорога по нему была также ужасна, какъ и подъѣздъ къ Нань-коу, но вотъ уже шесть лѣтъ какъ она исправлена, благодаря исключительно заботливости Ли-хунъ-чжана. Послѣдній представилъ отъ себя особый докладъ богдохану, въ которомъ выяснилъ, что дорога по ущелью Гуань-гоу, имѣющая чрезвычайное торговое значеніе и протяженія всего на 45 ли, не исправлялась правительствомъ уже болѣе 200 лѣтъ, а потому совершенно недоступна для колесной ѣзды. За недостаткомъ казенныхъ суммъ онъ предлагалъ далѣе: а) произвести это исправленіе на сборъ съ проѣзжающихъ и прогоняемаго скота, установивъ таковой срокомъ на пять лѣтъ; и б) для немедленнаго производства работъ сдѣлать заемъ въ частныхъ китайскихъ банкахъ. Докладъ этотъ, удостоившійся высочайшаго одобренія, былъ при-

веденъ въ исполненіе и съ 1886 г. новый путь по Гуань-гоу былъ открытъ. По вычисленіи всѣхъ издержекъ оказалось, что денегъ было израсходовано на ремонтровку пути всего 15,000 ланъ. Капиталь этотъ ко времени окончанія срока установленныхъ сборовъ не могъ быть восполненъ, почему въ 1891 г. предполагено было продолжить помянутые сборы уже на неопредѣленный періодъ, впредь до образованія помянутаго капитала; такимъ образомъ сборы эти производятся до настоящаго времени. Застава, у которой взимаются деньги, установлена въ Цзюй-юнъ-гуани, и изъ бесѣды со служащими здѣсь чиновниками я узналъ, что плата за дорогу взимается только съ телѣгъ, нагруженныхъ товарами, вьючныхъ животныхъ, перевозящихъ также товары, и со скота, прогоняемаго на продажу; при этомъ съ каждой телѣги берется 150 чехъ, съ вьючнаго верблюда 100 чехъ, съ вьючныхъ лошади и мула 50 чехъ и съ каждаго барана 2 чехи.

Цзюй-юнъ-гуань искони вѣковъ приводилъ въ восторгъ китайцевъ, и почитался ими за непоколебимую твердыню. Авторъ «Шуй-цзина» описываетъ его съ очевиднымъ поэтическимъ жаромъ. «Проходъ Цзюй-юнъ-гуань», говоритъ онъ, «находится въ 60 ли на ЮВ. отъ города Цзу-янъ, въ мѣстности называемой Цзюй-юнъ. Окружающіе его шесть горныхъ кряжей служатъ ему оградой; каменная въ видѣ амфитеатра стѣна ползетъ вверхъ по ихъ уступамъ, а тамъ растущія до высоты облаковъ вершины ихъ какъ будто покрываются дымомъ и паромъ». Изъ числа девяти ущелій, или проходовъ великой стѣны Цзюй-юнъ-гуань всегда выставлялся первымъ и самымъ непроходимымъ. Монголы могли овладѣть имъ только хитростію, выманивъ отсюда китайскія войска въ Сюань-хуа-фу'скую долину. Овладѣвъ Китаемъ, они въ свою очередь начали видѣть въ Цзюй-юнъ-гуани свою защиту и посылали укрѣплять это мѣсто не только путемъ исправленія его стѣнъ, но и стараясь привлечь для сего неестественныя силы. Во всеобщей исторіи Китая сохранилось извѣстіе, что въ 1326 г. монгольскій императоръ командировалъ въ 5-й лунѣ одного чжи-хуй-ши вырѣзать тибетскія заклинанія на скалѣ Цзюй-юнъ-гуан'и. При минской династіи Цзюй-юнъ-гуаньское укрѣпленіе было также усилено: окружающія его горы были стесаны и скалы образовали самородныя стѣны кругомъ крѣпости. Настоящіе правители Китая, маньчжуры, кажется, не обращали особеннаго вниманія на Цзюй-юнъ-гуань, но они поновляли въ немъ ворота и главное повѣсили свою надпись на нихъ, которая гласитъ: «Тянь-ся ди и гуань», т. е. «первая во вселенной крѣпость», чѣмъ очевидно вполне выражается и воззрѣніе маньчжуровъ на Цзюй-юнъ-гуань. Нынѣ эту крѣпость проѣзжаешь черезъ двое воротъ: южныя и сѣверныя, въ стѣнахъ же ея находишься какъ бы въ обычной китайской деревушкѣ, и рѣшительно

ничто не напоминает о военномъ характерѣ этого пункта. Самымъ интереснымъ зданіемъ въ Цзюй-юнь-гуани являются безспорно знаменитыя ворота, построенныя монголами въ 1345 г. по Р. Х. Они занимаютъ собою все свободное пространство, являющееся между скалами, которыя какъ бы сходятся здѣсь съ обѣихъ сторонъ и оставляютъ лишь узкій проходъ, не превышающій 10, 12 саж. шириною. Ворота замыкаютъ этотъ проходъ, какъ стѣна, форму которой они и носятъ на себѣ въ общемъ своемъ видѣ. По горизонтальной и совершенно ровной вершинѣ этой стѣны уставлены украшения въ родѣ небольшихъ колоннъ вазъ и жертвенныхъ сосудовъ.

Цзюй-юнь-гуань'скія ворота.

Проходъ черезъ ворота сдѣланъ въ формѣ арки съ пятиграннымъ сводомъ. Матеріаломъ, послужившимъ для постройки воротъ, былъ вообще дикій гранитъ и на немъ, по бокамъ прохода и воротнымъ притолкамъ изсѣчены фигуры цвѣтовъ, духовъ и мифическихъ божествъ. Еще интереснѣе представляются стѣны въ проходѣ подъ аркой, являющіяся сполна украшенными многоразличными фигурами. Верхніе своды и карнизы покрыты изображеніями буддъ, притолки воротъ — фигурами китайскихъ геніевъ, а въ самой срединѣ стѣны изсѣчены надписи на языкахъ: санскритскомъ,

тибетскомъ, монгольскомъ, уйгурскомъ, чжурчженьскомъ и китайскомъ. Надписи на первыхъ двухъ языкахъ, начертанныя горизонтальными строками, помѣщены на верху, а вертикальныя строки письменъ послѣднихъ четырехъ языковъ расположены ниже. Камень, на которомъ изсѣчены эти надписи, совершенно отличенъ отъ гранитныхъ стѣнъ арки. Онъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ аспида, если не самый аспидъ;—мягокъ, легко поддается рѣзцу и, что самое главное, имѣетъ способность откалываться и отдѣляться цѣлыми пластами. При устройствѣ арки въ гранитныхъ стѣнахъ ея были, очевидно, сдѣланы ниши; а изъ аспида были отдѣльно приготовлены квадратныя плиты, до 14 вершковъ въ каждой сторонѣ квадрата, которыя засимъ и были вставлены въ помянутыя ниши по обѣимъ стѣнамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при самомъ изсѣченіи надписей прочность камня была значительно уменьшена, при способности же его откалываться пластами, многіе изъ пластовъ въ продолженіе 550 лѣтъ своего существованія отвалились и погибли для насъ. Такимъ образомъ, памятникъ этотъ въ настоящую пору является уже очень поврежденнымъ, что естественно усиливаетъ желаніе узнать его и сохранить для будущаго, хотя бы его точныя снимки. Мнѣ почти не удалось сдѣлать этого. Лишь только, остановившись въ гостинницѣ, отправились мы къ аркѣ чтобы произвести снимки, какъ насъ встрѣтили служащіе при заставѣ китайскіе чиновники, которые обратились ко мнѣ съ вопросомъ, что намѣренъ я дѣлать. Я отвѣчалъ, что заинтересованный письменами намѣренъ снять ихъ, чтобы потомъ прочесть надписи. Чиновники по началу ничего не сказали, но когда я рѣшилъ предварительно исполненія снимка промыть стѣну, когда для этого были принесены лѣстница и вода, чиновники вышли снова и спросили, «не буду ли я дѣлать снимка эстампажемъ по заморскому способу, т. е. бить стѣну»? При этомъ они разказали, что года два тому назадъ здѣсь проѣзжалъ какой-то европеецъ (изъ числа путешественниковъ здѣсь за это время были Рокхиль, Бушель и Радловъ), который поинтересовался снять надписи на полотно, а для сего, приложивъ полотно къ стѣнѣ, вбивалъ его массивными щетками; въ результатѣ надписи снять ему не удалось, а между тѣмъ подъ тяжелыми ударами щетокъ нѣсколько кусковъ аспида отвалилось, унеся съ собою невозвратно тѣ строки, которыя были на нихъ начертаны. Я успокоилъ чиновниковъ увѣреніемъ, что не буду дѣлать эстампажа, а только фотографическіе снимки и они тихо присутствовали при моихъ работахъ. Ближайшій осмотръ памятника убѣдилъ меня, что свойство его камня—отдѣляться пластами—дѣлаетъ дѣйствительно немислимымъ снимки его эстампажемъ, по недавно опубликованному у насъ способу, при которомъ смоченное гумміарабикомъ полотно прибивается къ камню и такимъ обра-

зомъ, отпечатлѣваетъ на себѣ всѣ углубленія, находящіяся на камнѣ. Способъ этотъ вполне пригодный для гранита и другихъ твердыхъ камней, оказывается черезъ чуръ грубымъ для болѣе мягкихъ и особливо слоистыхъ каменныхъ породъ.

Покончивъ фотографическіе снимки арки, мы въ 4 ч. по полудни двинулись въ дальнѣйшій путь, чѣмъ несказанно обрадовали нашихъ извозчиковъ. Бѣдные они за все это время не только оставались голодными, но даже не могли напиться чаю, такъ какъ Цзюй-юнъ-гуань населенъ обыкновенными китайцами, не принадлежащими, кажется, ни къ какой религіи въ частности и исповѣдующими всѣ извѣстныя въ Китаѣ вѣроученія; наши же извозчики были правовѣрные мусульмане, почитающіе для себя грѣхомъ даже напиться изъ чашки иновѣрца. Рознь совершенно единоплеменныхъ китайцевъ въ этомъ случаѣ поразительна; хотя замѣчательно, что презираемые ничуть не смотрятъ за сіе враждебно на презирающихъ и почитаютъ ихъ только исполняющими свои постановленія. При выѣздѣ съ постоялаго двора хозяинъ его потребовалъ съ насъ за остановку долларъ, хотя мы не пользовались въ гостинницѣ ничѣмъ, помимо одного чайника кипяченой воды. Здѣсь все сравнительно дешево если оно заурочено; но остановитесь не въ зауроченномъ мѣстѣ, спросите незауроченное блюдо, и вамъ придется платить бѣшенныя деньги.

Ущелье за крѣпостью Цзюй-юнъ-гуань носитъ тотъ же характеръ постепеннаго подъема на перевалъ по такой же прекрасной, благодаря заботливости Ли-хунъ-чжана, дорогѣ. Убійственная тряска теперь встрѣчается только въ городахъ и селеніяхъ, гдѣ мостовыя изъ каменныхъ плитъ напоминаютъ собою времена Яо и Шуня. По дорогѣ встрѣчается не мало каменописныхъ плитъ, вкопанныхъ прямо въ землю; изсѣченныя на нихъ надписи начертаны, повидимому, трудно поддающеюся для нашего чтенія китайскою скорописью. Черезъ 45 м. ѣзды мы снова повстрѣчали древнюю великую стѣну съ воротами, надъ которыми красуется таже надпись «Цзюй-юнъ-гуань».

Надо полагать, что въ понятіяхъ китайцевъ Цзюй-юнъ-гуань'ская крѣпостная территорія оканчивается именно въ этомъ пространствѣ; ворота же эти, въ отличіе отъ прежде пройденныхъ нами, называются еще «Шанъ-гуань», т. е. верхнимъ проходомъ. Къ 5 часамъ вечера, у горы «Танъ-цинъ» (игра на гусяхъ) мы достигли середины ущелья. Два горныхъ кряжа подступаютъ здѣсь снова другъ къ другу, хотя и не такъ близко, какъ въ Цзюй-юнъ-гуани, а между ними струятся два ручейка, нѣсколько ниже сливающіяся вмѣстѣ. Любители красотъ природы придумали устроить здѣсь, на совершенно отвѣсномъ уступѣ маленькую кумирню,

посвятивъ ее имени Гуань-ди; а на противоположащей ей скалѣ построили когда то красивый, а теперь уже полуразрушившійся кіоскъ. Скала подъ кумирней исчерчена изреченіями «мѣни» на тибетскомъ, санскритскомъ и монгольскомъ языкахъ. Китайцы зовутъ эту кумирню У-гуй-тоу; общее же названіе «Тань-цинъ» дано рассматриваемому урочищу потому, что ручей журчитъ здѣсь по расщелинамъ камней и производитъ шумъ, похожій на звуки играющихъ гуслей. Отъ кумирни У-гуй-тоу ущелье дѣлаетъ поворотъ налѣво и здѣсь въ скалѣ находится небольшая пещера съ высѣченными изъ камня изображеніемъ Ми-ла-фо; далѣе въ 10 минутахъ ѣзды по новомъ поворотѣ ущелья располагается деревенька Ши-фо-сы, получившая свое названіе отъ кумирни, при которой также находится въ скалѣ пещера, а въ ней высѣченныя изъ камня статуи десяти буддъ. Въ 5 ч. 35 м., уже неподалеку отъ Па-да-лина, мы увидали почти на совершенно отвѣсной скалѣ высѣченное приблизительно на высотѣ 20 саж. изображеніе будды. Оно, кажется, не было доведено до конца, по крайней мѣрѣ въ нижней части очертанія его очень не ясны; тѣмъ не менѣе трудно представить какихъ страшныхъ усилій должна была потребовать эта работа. За этимъ кумиромъ ущелье становится тѣснѣе, и вскорѣ начинается крутой подъемъ къ Великой стѣнѣ, именуемый китайцами «Па-да-лин'омъ». Подъемъ этотъ не великъ и весь путь по нему совершается въ 15 минутъ. Во избѣжаніе особенной крутизны, дорога по нему проложена ломаною линією. У послѣдняго изъ поворотовъ этой линіи совершенно неожиданно открывается видъ на ворота великой стѣны. Послѣдняя въ данномъ пунктѣ представляется сохранившеюся гораздо больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, хотя тѣмъ не менѣе подверглась значительному разрушенію. Это обычное мѣсто, откуда снимаютъ видъ на Великую стѣну наши путешественники и желающіе могутъ найти его у Ковалевскаго, Пясецкаго, Туманскаго и др. Отъ воротъ ея начинается далѣе пологій спускъ къ поселку Чадао: дорога здѣсь уже не расчищена, а потому болѣе затруднительна. Черезъ 25 м. мы достигли Ча-дао, гдѣ и остановились для ночлега.

21-е Февраля. Воскресенье.

Ча-дао довольно большое, но невзрачное поселеніе, почти сплошь занятое домами китайцевъ-магометанъ. Оно раскинулось по склону Тайханскихъ горъ, въ мѣстности, изборожденной оврагами, оттого въ этомъ селеніи нѣтъ ни одной прямой улицы и само оно не представляетъ собою одного общаго поселка, а нѣсколько отдѣльныхъ группъ китайскихъ фанзъ. У Ча-дао торговый путь, идущій изъ Пекина и вообще съ юга на сѣверъ, раздѣляется на двѣ дороги: одна изъ нихъ направляется на западъ, въ провинцію Шань-си, другая на сѣверъ, къ Калгану. Этимъ значеніемъ Ча-

дао, какъ пункта, служащаго мѣстомъ соединенія громадныхъ торговыхъ путей, опредѣляется и образъ жизни его населенія. Ча-дао нельзя назвать торговымъ пунктомъ; даже лавокъ находится въ немъ гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ подобныхъ ему поселкахъ; но за то здѣсь каждая фанза вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянный дворъ. Содержаніе гостинницъ и постоянныхъ дворовъ составляетъ почти исключительное занятіе мѣстныхъ жителей. Срединная группа фанзъ поселка Ча-дао должна быть признана, повидимому, главною, такъ какъ она окружена стѣною, въ которую ведутъ двое воротъ — южныя и сѣверныя. Впрочемъ, какъ стѣны такъ и ворота представляютъ собою полную картину разрушенія и лежатъ въ развалинахъ, какъ будто послѣ недавно происходившей здѣсь битвы.

Мы оставили Ча-дао въ 6 ч. 45 м. по полуночи. Стояло ясное и морозное утро, — термометръ показывалъ — 4° по Р. За Ча-дао виды дороги совершенно измѣняются. По спускѣ съ Тай-хана глазамъ представляется громадная равнина, приблизительно верстъ на 80, и только на сѣверѣ и западѣ ея видны не ясныя очертанія горъ. Послѣ тѣснинь Гуань-

Видъ Калгано-Пекинскаго тракта близъ Ча-дао.

гоускаго ущелья этотъ широкій просторъ, открывающійся непосредственно на сѣверъ отъ Ча-дао, кладетъ особенное впечатлѣніе на душу. Мнѣ припомнилось, что именно здѣсь, въ долинѣ близъ Ча-дао, императоръ мин-

ской династии, Юнь-ло, останавливался лагеремъ съ своими войсками. Воспоминанія о воинственныхъ временахъ Китая невольно приходятъ здѣсь въ голову, потому что все окружающее располагаетъ къ этому. Отъ подошвы Тай-хана и Ча-дао начинаются сторожевые башни и маяки—«дунь-тай»; многіе изъ нихъ теперь уже разрушились, другіе еще уцѣлѣли и являются въ видѣ четырехугольныхъ квадратныхъ зданій, сложенныхъ изъ обожженаго кирпича и имѣющихъ до нѣкоторой степени форму усѣченного на верху конуса. Близъ Ча-дао эти «дунь-тай» стоятъ очень близко одинъ къ другому, не болѣе какъ на разстояніи полуверсты, и заживавшіеся на нихъ во время оно сторожевые огни должны были представлять собою поразительную картину; далѣе на сѣверъ они разставлены, кажется, на разстояніи пяти ли другъ отъ друга. Дунь-тай'и — памятники старины еще отъ временъ минской династии; но есть здѣсь и другіе памятники, болѣе ближайшіе къ намъ по времени, хотя и менѣе сохранившіеся по причинѣ меньшей прочности своей постройки. Это—маленькія глинобитныя фанзы, игравшія роль сторожекъ, въ которыхъ проживали солдаты, наблюдавшіе за безопасностью дороги отъ разбойниковъ и мелкихъ воришекъ. Сторожки эти не трудно отличить отъ другихъ зданій, потому что всѣ онѣ окрашены въ бѣлую краску и исчерчены іероглифами. Въ настоящую пору въ этихъ сторожкахъ никто уже не живетъ и онѣ стоятъ въ разрушеніи; тѣмъ не менѣе для путника онѣ отправляютъ еще службу: по начертаннымъ на нихъ надписямъ можно узнать сколько разстоянія до ближайшихъ городовъ, легко опредѣляется также и административное дѣленіе мѣстности, такъ какъ на каждой сторожкѣ обозначено къ какой области, или уѣзду принадлежитъ она. У самаго Ча-дао сторожки обозначены принадлежащими области Янь-цинъ-чжоу, но черезъ часъ ѣзды начинается уже Хуай-лай сянь'скій уѣздъ. Дорога къ СЗ отъ Ча дао имѣетъ, какъ уже было сказано выше, общій видъ равнины, испещренной, впрочемъ, множествомъ неглубокихъ котловинъ. Въ мѣстахъ болѣе возвышенныхъ она проходитъ по лессовой почвѣ и пробита какъ бы въ глубокихъ траншеяхъ; въ котловинахъ изобилуетъ песокъ, и лежатъ цѣлыя груды камней. Ызда въ телѣгахъ по такимъ пространствамъ— невыносима. Трудно представить, что это большой торговый путь, по которому ежедневно проходятъ сотни грузовыхъ телѣгъ! Недоумѣваешь передъ безсердечнымъ равнодушіемъ и косностью китайцевъ, спокойно созерцающихъ, какъ тратятся здѣсь силы, гибнутъ животныя, ломаются телѣги, портятся товары, и предпринимающихъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій ничего къ исправленію этихъ путей! А сколько времени теряется по этимъ дорогамъ?! Обозы идутъ по нимъ, безъ сомнѣнія, вдвое и даже втрое тише, чѣмъ по ровному и

гладкому пути. Впрочемъ, китайцы вообще не знаютъ цѣны времени и не торопятся съ дѣломъ. Они идутъ узенькою, разъ пробитою колеєю: люди, какъ и животныя движутся гуськомъ, одинъ за другимъ, безъ соревнова- нія и старанія обогнать другъ друга, равнодушно подчиняясь внѣшнимъ обстоятельствамъ и выжидая, пока сами собою минуютъ встрѣчающіяся препоны. Въ дорогѣ телѣги десятка совершенно самостоятельныхъ и чуж- дыхъ другъ другу людей слѣдуютъ одна за другою, смотря по тому по- рядку, въ которомъ пришлось имъ съѣхаться, и ни одна не можетъ обо- гнать другую. Случись переднему животному остановиться, всѣ остальные спокойно ждутъ, пока оно двинется. Иногда это смѣшно; другой разъ печально и больно и не только за себя, а за человѣка вообще; иногда, на- конецъ, это дѣлается просто невыносимо раздражительно!

Въ 9 ч. 20 м. утра мы добрались до небольшого городка Юй-линь. Когда то онъ былъ окруженъ насыпью и глинобитною стѣною; теперь все это смѣшалось вмѣстѣ и представляетъ собою одинъ земляной валъ, очер- танія котораго по своей неправильности походятъ на края овраговъ. До- рога минуетъ городъ и проходитъ по восточной сторонѣ онаго, хотя и близъ самаго городского вала. Юй-линь стоитъ при небольшой рѣчкѣ, но вода ея такъ мутна, что, говорятъ, ее совершенно невозможно пить: жи- тели пользуются водою изъ колодезь, а въ случаяхъ особой крайности достаютъ чистую воду изъ ключей, бьющихъ у подошвы прилежащихъ возвышенностей. По такой же дорогѣ, окруженной пашнями поселянъ, мы черезъ одинъ часъ послѣ сего доѣхали до деревеньки Чжанъ-чжа-пу, со- стоящей всего изъ шести дворовъ, но расположенной очень красиво среди окружающихъ ее деревень, а засимъ въ 11 ч. 40 м., проѣхавъ по льду рѣки мимо громаднаго каменнаго моста, прибыли въ большой уѣздный городъ Хуай-лай, гдѣ сдѣлали полуденную остановку. Хуай-лай-сянь обне- сень крѣпкою каменною стѣною. По географіи, постройка этой стѣны была начата впервые еще въ года правленія Кай-юань (開元 713—742 г.). танской династіи. Внутри городъ кажется довольно бѣднымъ и немногимъ отличается отъ окрестныхъ деревень.

Выѣхавъ изъ Хуай-лай'я въ 1 ч. 45 м., мы въ 2 ч. 30 м. миновали селеніе Ши-ванъ-цзы и въ 3 ч. 50 м. добрались до города Ту-му-чэнъ, въ просторѣчи называемаго Да Ту-му. Какъ и во многихъ изъ другихъ горо- довъ, дорога не вступаетъ здѣсь за городскія стѣны, а обходитъ ихъ съ западной стороны города. Въ исторіи Ту-му-чэнъ замѣчателенъ какъ го- родъ, въ которомъ минскій императоръ Чжэнъ-тунъ подвергся несчастію и былъ взятъ въ плѣнъ монголами. Болѣе подробно минская исторія раз- казываетъ объ этомъ обстоятельстве такъ: Въ 14-й годъ Чжэнъ-тун'а

(1449) Ёсянь покори́лъ Да-тунъ. Князья уговорили императора самому отправиться противъ непріятелей. Императоръ выступилъ съ войскомъ, состоявшимъ болѣе чѣмъ изъ 500 тыс. человекъ; но, прежде чѣмъ оно достигло до Да-туна, войны гибли отъ недостатка продовольствія и трупы ихъ завалили дорогу. По прибытіи къ Да-туну было небесное предзнаменованіе: планета Марсъ вошла въ созвѣздіе Нань-доу (южныя полярныя звѣзды). Начальствовавшіе передовыми войсками Сунъ-инъ и др. потеряли сраженіе. 8-й луны 16-го числа богдоханъ прибылъ въ Ту-му. Преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ Ёсянемъ китайскіе солдаты бѣжали на перегонку и топтали другъ друга до смерти. Императоръ, верхомъ на конѣ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и не могъ никуда пробраться. Ёсянь, преслѣдуя, погналъ его на сѣверъ. Въ это время монголы хотѣли уже убить государя; но Байнь-тэмуръ крикнулъ Ёсяню: «смотря на него, уже ли не видишь ты, что онъ принадлежитъ къ долговѣчной и прекрасной фамиліи Минъ? Когда около него падали тысячи солдатъ, до него не долетала ни одна стрѣла и не коснулся пальцемъ ни одинъ воинъ; я вижу въ этомъ волю неба. Притомъ нѣкогда мы получили отъ него платье о девяти драконахъ; оно еще у насъ, какъ же можно убить его?» 17-го числа вѣсти обо всемъ этомъ донеслись до Пекина и были причиною сильнаго волненія. Въ слѣдующемъ году 8-й луны 16-го числа плѣнный Инъ-цзунъ былъ освобожденъ. Ёсянь далъ ему въ провожатые 500 всадниковъ, которые проводили его до Пекина. Отъ Туму до столицы 200 ли. Покрылся же пылью минскій императоръ!!» — Такъ заключаетъ свое сказаніе минская исторія, а мы считаемъ долгомъ добавить, что если гдѣ онъ могъ покрыться пылью, такъ это именно около Ту-му-чэна. Дорога близъ Ту-му-чэна проходитъ въ глубокихъ лёссовыхъ траншеяхъ и тончайшая лёссовая пыль лежитъ здѣсь толщиною въ $\frac{1}{4}$ арш. и болѣе, а поднятая животными она буквально стоитъ столбомъ, будучи сдерживаема высокими стѣнами траншеи. Самый Ту-му-чэнъ представляетъ собою небольшой городокъ, обнесенный обветшалыми стѣнами изъ глинянаго кирпича, съ такими же низенькими башенками по угламъ. Изъ этого города идетъ прямая торговая дорога въ Долбнъ-нуръ. Отъ Ту-му-чэна, миновавъ утопающее въ деревьяхъ селеніе Ту-му-коу-цза и поселки Тай-пинъ-чжуанъ и Эрлгъ-тай-цза, мы спустились подъ горку къ городку Шà-чэну, въ которомъ былъ предположенъ нашъ ночлеги. У городскихъ воротъ мы проѣхали громадныя кучи остатковъ перегорѣлаго каменнаго угля, вывозимаго сюда изъ города или, собственно, изъ винныхъ заводовъ, находящихся въ городѣ. Шà-чэнъ славится производствомъ вина, хотя и довольно низкаго качества. Съ утра нынѣшняго дня у насъ идетъ уже другой счетъ чеховъ. Въ Пе-

кинѣ, какъ я уже имѣлъ случай говорить объ этомъ, каждый мѣдный чехъ считается за десять, почему лану серебра считаютъ въ 15,000 чеховъ. Отъ Пекина до Ча-дао каждую чеху принимаютъ за двѣ и лану серебра считаютъ въ 3,000 чеховъ. Отъ Ча-дао до Калгана лану серебра какъ считаютъ равною, такъ и выдаютъ за нее 1,500 чеховъ.

22-е Февраля. Понедѣльникъ.

Ровно въ 6 ч. утра выѣхали мы изъ воротъ Ша-чэна, которыхъ въ этомъ городѣ двое: сѣверные и южные, и за которыми по сѣверной и южной сторонамъ города находятся еще пригородныя слободы. При концѣ сѣверной слободы стоитъ одиноко каменная плита надъ могилою какого то ученаго чиновника, съ надписью: 皇命文林郎宗公神道. За Ша-чэномъ открывается ровная и широкая дорога, хотя и усѣянная мелкимъ камнемъ, но все же не такая безпокойная какъ та, которую ѣхали мы доселѣ. Административное управленіе этой мѣстности также измѣняется: доселѣ шли земли уѣзда Хуай-лай, а за Ша-чэномъ сторожевыя будки начали обозначаться принадлежащими округу Бао-ань-чжоу. Утро было холодное и въ 6 ч. термометръ показывалъ — 6° R.; съ восходомъ солнца дѣлалось однако все теплѣе и теплѣе. Передъ нами отдѣльно отъ расположеннаго амфитеатромъ края горъ возвышалась величественная гора Цзи-минъ-шань; на вершинѣ ея лежала сѣрая туча и совершенно скрывала отъ глазъ пикъ этой горы. Въ 7 ч. утра мы миновали Да-тунъ, огражденный старинными глинобитными стѣнами, по сторонамъ коихъ растутъ вѣковые деревья. Отсюда черезъ 15 мин. въѣхали въ селеніе Дунъ-па-ли, глинобитныя стѣны котораго, кажется, еще древнѣе Да-тунскихъ. За стѣнами всего одна прямая улица, каждая сторона которой заключаетъ въ себѣ до 20 домиковъ: нѣсколько лавокъ, обсаженныхъ деревьями и два театра. Въ 8 ч. 5 м. добрались до города Синъ-бао-ань, т. е. новаго Бао-ань, названнаго такъ въ отличіе отъ стараго Бао-ань-чжоу, почитающагося областнымъ городомъ. Синъ-бао-ань также огражденъ стѣнами и ворота въ городѣ сдѣланы двойныя; по величинѣ онъ не значителенъ, но кажется очень оживленнымъ и торговымъ. Мы замѣтили здѣсь нѣсколько лавокъ художественной живописи, чего не встрѣчали ни въ одномъ изъ другихъ городовъ. Говорятъ, что Синъ-бао-ань гораздо лучше стараго Бао-ань-чжоу, почему и областное управленіе перенесено уже изъ этого послѣдняго города въ первый. За сѣверною стѣною Синъ-бао-аня находятся принадлежащее городу кладбище и прекрасный большой колодець. Дорога отсюда вплоть до Цзи-минъ-й вьется опять таки широкою лентой, но каменные розсыпи по ней увеличиваются и она становится болѣе тряскою. Окрестности дѣлаются живѣе и поля обрабатываются здѣсь какъ будто разно-

образнѣе. Особливо богатыми считаются мѣста въ направленіи къ западу, т. е. къ старому Бао-ань-чжоу. Встарину они были излюбленными мѣстами монгольскихъ императоровъ, владѣвшихъ Китаемъ. Юаньская исторія разказываетъ, что То-то ѣздилъ за Шунь-ди изъ верхней столицы къ Цзи-минь-шани, къ р. Хунь-хэ, гдѣ охотился государь около Бао-ань-чжоу. «Лошадь подъ государемъ упала. То-то по этому случаю сказалъ государю, что древніе императоры и князья спокойно пребывали у себя дома и бесѣдовали съ вельможами и учеными о средствахъ управленія, у нихъ и рѣчи не было о соколахъ и собакахъ. Государь послушался То-то и возвратился на сѣверъ, а гора вдругъ рушилась со страшнымъ громомъ». Нынѣ здѣсь все уже распаханно, засѣяно и заселено, такъ что не можетъ быть и рѣчи объ охотѣ. По мѣрѣ приближенія къ городу Цзи-минь-и и горѣ Цзи-минь-шани, почва дѣлается все болѣе каменистою, окрестности же по правую сторону дороги начинаютъ волноваться, а по лѣвую открывается довольно глубокая впадина, какъ будто недавно еще служившая дномъ какого нибудь обширнаго водовмѣстилища. Помимо внѣшняго вида къ этому послѣднему заключенію располагаетъ еще и то обстоятельство, что на этой котловинѣ, мѣстами уже распаханной, виднѣется много лужъ и небольшихъ водныхъ бассейновъ. Вообще очень многое здѣсь наводитъ на мысль, что въ образованіи этихъ пространствъ дѣйствовали вулканическія силы. Указаніе на это мы находимъ между прочимъ и въ исторіи. Сунь-тунъ-цзянъ записываетъ, что «въ 1334 г. въ столицѣ было землетрясеніе; въ ту же пору Цзи-минь-шань обрушилась и образовала озеро, имѣвшее до 100 ли въ окружности; много людей погибло». Мнѣ не удалось узнать, не составляетъ ли видѣнная мною съ дороги котловина дна этого озера; но вопросъ это весьма интересный. Цзи-минь-шань — въ переводѣ «гора пѣнія пѣтуха». По разказу дневника похода Юнь-ло названіе горы Цзи-минь возникло при тай-цзунѣ танской династіи. Во время похода на корейцевъ онъ, прибывши сюда, взобрался на гору и въ то же время запѣлъ пѣтухъ, отчего и дано названіе горѣ. Высота Цзи-минь-шани, кажется, не извѣстна въ точности. На вершинѣ ея красуется кумирня и нѣсколько домиковъ живущихъ тамъ монаховъ. Къ этой кумирнѣ ведетъ извилистая дорожка, протяженіемъ которой китайцы и измѣряютъ высоту горы, хотя показанія ихъ въ этомъ случаѣ крайне разнорѣчивы; одни говорятъ 10 ли (около 5 верстѣ), а другіе 30 ли (около 15 верстѣ). По красивымъ уступамъ и оврагамъ горы кое гдѣ виднѣются въ перемежку осина и раkitникъ. Китайцы всегда говорятъ о красотахъ Цзи-минь-шани съ большимъ восторгомъ. Вотъ стихи, сочиненные императоромъ Канси при восхожденіи на эту гору:

«Тутъ тропинка точно путь птицы исчезаетъ въ пространствѣ и
неподалеку великая стѣна;
А тамъ рѣка Янъ-хэ точно поясъ охватываетъ подошву горы».

Конечно, эти восторги составляютъ достояніе людей ученыхъ и обеспеченныхъ матеріальными средствами жизни, большинство же мѣстныхъ жителей выхваляетъ Цзи-минъ-шань, потому что она даетъ ему пропитаніе, доставляя для разработки каменный уголь. Надо думать однако, что помимо каменного угля въ Цзи-минъ-шани имѣются еще и другія минеральныя богатства. Лѣтопись Сунъ-тунъ-цзянь замѣчаетъ, что въ 1323 году, по особому указу богдохана, въ Цзи-минъ-шани прекращена была разработка золота и серебра. — Объѣхавъ Цзи-минъ-шань съ юго-западной стороны, мы вступили въ городокъ Цзи-минъ-й, или Цзи-минъ-чэнъ. Онъ обнесенъ каменной стѣной, по внѣшнему виду довольно опрятной; но въ общемъ кажется крайне бѣднымъ. Жители его занимаются главнымъ образомъ добываніемъ и продажею каменного угля. Здѣсь была наша полуденная остановка.

Въ 12 ч. 20 м. мы оставили Цзи-минъ-й. Дорога отсюда, поначалу въ высшей степени каменистая, вскорѣ у небольшой деревеньки Хэй-фынъ-коу выходитъ къ самому лѣвому берегу рѣки Хунъ-хо и дѣлается песчаною. Здѣсь черезъ рѣку Янъ-хэ перекинутъ на правую сторону рѣки довольно хорошо устроенный мостъ. Отъ Хэй-фынъ-коу залегаютъ самыя трудныя и опасныя мѣста изъ всего переѣзда между Пекиномъ и Калганомъ. Рѣка Янъ-хэ подходитъ здѣсь своимъ лѣвымъ берегомъ къ самымъ горамъ, окаймляющимъ долину ея съ СВ., и послѣднія высятся надъ водою совершенно отвѣсными утесами. Дорожныя тропинки пробиты въ скалахъ и чрезвычайно опасны. Разѣхаться здѣсь двумъ телѣгамъ невозможно, оттого путникамъ не рѣдко приходится стоять подолгу въ этихъ мѣстахъ, ожидая своей очереди для проѣзда. Миновавъ эти страшные утесы, мы снова спустились въ песчаную долину р. Янъ-хэ, которая въ линіи дороги окончилась для насъ прелестнымъ уголкомъ. Это — незначительная деревенька Шанъ-хуа-юань. Въ лѣтнюю пору она, вѣроятно, утопаетъ въ зелени насажденныхъ въ ней деревьевъ, которыя даже теперь своими оголенными вѣтвями — одной стороною смотрятся въ мутныя воды Янъ-хэ, а другою осѣняютъ жилища здѣшнихъ сельчанъ. Шанъ-хуа-юань въ переводѣ обозначаетъ «верхній» или «высокій цвѣтникъ» и, по свидѣтельству исторіи, составляетъ мѣсто, гдѣ императрица Сао изъ ляоской династіи занималась разведеніемъ цвѣтовъ. Отсюда наша дорога нѣсколько уклонилась на сѣверъ, къ горамъ, отдѣляющимъ долину Янъ-хэ отъ равнины

Сюань-хуа-фу. Чтобы перевалить через эти горы, мы должны были сдѣлать собственно два большихъ и чрезвычайно трудныхъ подъема: первый изъ нихъ называется Лао-лунъ-бэй, т. е. ребра стараго дракона. Дорога проходитъ здѣсь по полугорѣ, громадныя, обнаженныя каменныя плиты которой дѣйствительно напоминаютъ собою чудовищной величины ребра. На сѣверной сторонѣ этого перваго перевала стоитъ небольшая деревушка Сянь-шуй-пу. Мы въѣхали въ нее въ 3 ч. 25 мин. Толпы народа бродили по улицѣ «въ ожиданіи театра», какъ сообщили намъ наши возницы. Дѣйствительно, не смотря на всю незначительность этого поселка, въ немъ имѣется театральное зданіе, которое привлекаетъ къ себѣ окрестныхъ поселянъ, и благодаря которому, можетъ быть, и само Сянь-шуй-пу дѣлается торговымъ мѣстечкомъ. Нѣсколько далѣе Сянь-шуй-пу начинается второй перевалъ черезъ горы Яо-р-лянъ. Дорога здѣсь пробита въ каменныхъ скалахъ и, вѣроятно, стоила неимоверныхъ трудовъ при томъ состояніи инженерной техники, какая существуетъ въ Китаѣ. Щель, по которой совершается проѣздъ, на столько узка, что ось телѣги нерѣдко цѣпляется за камни, во избѣжаніе же встрѣчъ, возницы обыкновенно бѣгутъ впередъ и предупреждаютъ о своемъ движеніи путниковъ, ѣдущихъ съ противоположной стороны. Перевалъ Яо-р-лянъ приводитъ въ Сюань-хуа-фу'скую равнину, по которой, миновавъ деревни Тай-пу-цзэ и Ми-хэ-да, мы въ 6 ч. 20 м. достигли Сюань-хуа-фу, гдѣ и остановились для ночлега. Сюань-хуа-фу'ская равнина, особливо въ этомъ пройденномъ нами пространствѣ, очевидно, была также свидѣтельницею многихъ историческихъ событій. По еясюду здѣсь разбросаны кладбища и могилы; во многихъ мѣстахъ какъ у самой дороги, такъ и по сторонамъ ея стоятъ каменописные памятники и исчерченныя іероглифами плиты. Большинство ихъ относится ко временамъ минской династіи и, вѣроятно, является результатомъ многочисленныхъ походовъ минскихъ императоровъ на Монголію и Монголовъ.

23-е Февраля. Вторникъ.

Городъ Сюань-хуа-фу долженъ быть почитаемъ однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ въ Китаѣ. Мѣстность около Сюань-хуа упоминается еще во времена Юй-вана¹⁾ и въ ту пору она была причислена къ той изъ девяти частей государства, которая называлась Цзи-чжоу. По астрономическому опредѣленію, она лежитъ на сѣверной границѣ, подъ звѣздой Вэй-синь (полярная). Въ періодъ междуцарствія (Лѣ-го до Р. Х.) Сюань-хуа принадлежалъ поочередно сначала княжеству Янь, потомъ княжеству Цинь; при династіи Хань, онъ былъ причисленъ къ области Шанъ-гу-цзюнь; при

1) Юй-ванъ — третій послѣ Яо и Шуя владыка Китая.

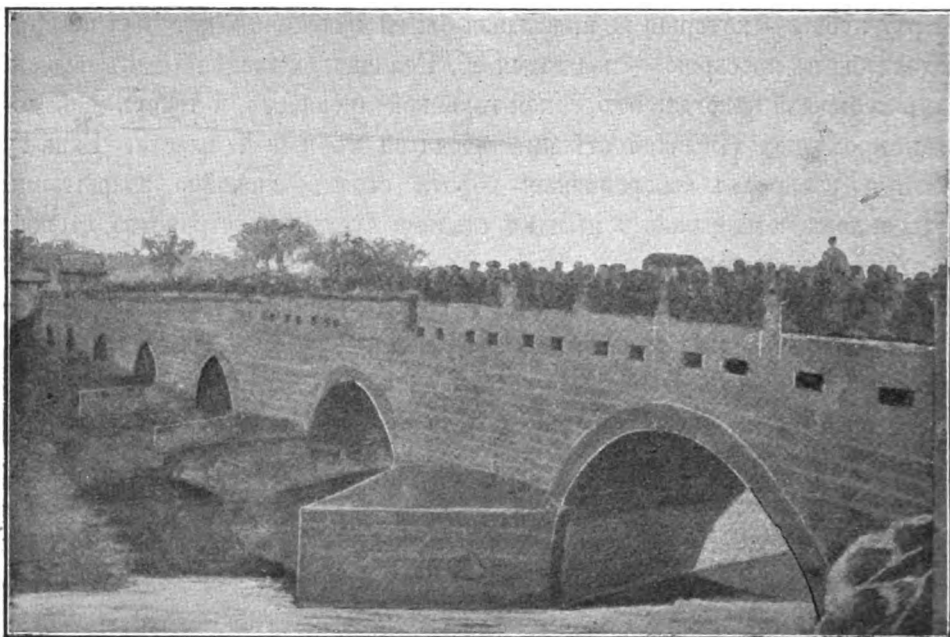
династїи Танъ назывался Ву-чжоу, потомъ И-чжоу; при династїи Ляо — Дэ-чжоу; при династїи Цзинь получилъ названіе Сюань-хуа; при династїи Юань (монгольской) назывался Сюань-дэ, а при минской династїи былъ переименованъ въ Ванъ-цзинь и подчиненъ со всѣми своими крѣпостями ду-сы, т. е. военному чиновнику 3-й степени. На СВ. отъ Сюань-хуа есть мѣсто Шанъ-гу. Въ самомъ началѣ Юаньской династїи здѣсь былъ устроенъ Кай-пинъ-фу и онъ сдѣланъ столицей, такъ называемой Шанъ-ду, т. е. верхней, или сѣверной; въ ту пору сюда ежегодно переѣзжалъ императорскій дворъ. Монголы до сего времени помнятъ, что Сюань-хуа былъ столицею ихъ императоровъ. Въ началѣ царствованія минской династїи Сюань-хуа былъ названъ вмѣсто Кай-пинъ-фу (т. е. областной городъ Кай-пинъ) — Кай-пинъ-вэй (т. е. крѣпость Кай-пинъ) и къ нему проведено было восемь военныхъ станцій. На востокъ граничилъ онъ своимъ округомъ съ Да-пинъ, на западъ простирался до Ду-ши. Минскій императоръ Юнь-ло, три раза ѣздившій для охоты на сѣверъ, каждый разъ проѣзжалъ черезъ Кай-пинъ и Синъ-ло. Съ теченіемъ времени крѣпость Кай-пинъ утратила свое значеніе; при Минахъ и гарнизонъ ея былъ переведенъ въ Ду-ши. При настоящей династїи Сюань-хуа, кажется, никогда не игралъ выдающейся роли, хотя китайцы сознаютъ, что онъ дѣйствительно составляетъ важный пунктъ въ тылу столицы и вообще является однимъ изъ серьезныхъ оборонительныхъ пунктовъ на сѣверной границѣ. Вотъ почему они поддерживаютъ это укрѣпленіе. Каменная стѣна города отличается своею шириною и высотой; по угламъ она снабжена четырьмя трехъэтажными башнями, размѣры которыхъ такъ же весьма массивны. За этими претензіозными стѣнами мнѣ быть не пришлось, но, по словамъ мѣстныхъ китайцевъ, большая часть пространства представляется здѣсь вовсе не застроеннымъ жилыми домами. Предмѣстье Суань-хуа-фу, въ которомъ останавливаются обыкновенно всѣ проѣзжающіе изъ Калгана въ Пекинъ и обратно, также огорожено стѣною и включаетъ въ себѣ почти исключительно зданія гостинницъ. Заселено оно главнымъ образомъ мусульманами, общее число которыхъ достигаетъ 50,000 душъ. Монголы зовутъ Сюань-хуа-фу — «Байнь-сумэ».

Мы выѣхали изъ гостинницы Сюань-хуа-фу въ 6 ч. 40 м. утра. Первоначально дорога проходитъ вдоль западной стѣны города, потомъ поворачиваетъ вдоль сѣверной стѣны и отъ половины ея вступаетъ какъ бы въ небольшую рощицу изъ вязовыхъ деревьевъ. Есть преданіе, что роща эта составляетъ остатокъ того парка, который окружалъ Сюань-хуа-фу, когда этотъ городъ былъ столицею Юаньскихъ государей. Посреди этой рощицы течетъ незначительный потокъ, кажется, не имѣющій даже

особаго имени; но весною онъ страшно разливается, почему для проѣзда по этому пространству устроена даже высокая, хотя и очень узенькая дамба. Миновавъ ее, дорога вступаетъ въ обширную лёссовую долину, почти сплошь распаханную подъ пшеницу и картофель. Въ 10 ли къ сѣверу отъ Сюань-хуа-фу находится селеніе Лю-хэ-чуань. Есть преданіе, что на этомъ мѣстѣ дано было сраженіе военачальникомъ Чанъ-кай-пиц'омъ, знаменитымъ полководцемъ времени царствованія минскаго императора Хунъ-ву. Преданіе это было записано полководцемъ Канси Чжанъ-пынь-гэ, хотя уже онъ замѣчаетъ, что въ его пору не осталось ни одной записи, чтобы провѣрить эти разказы. Слѣдуя далѣе по узкой дорожкѣ, пробитой между полями, мы въ 8 ч. 20 мин. миновали деревеньку Па-ли-чжуанъ, сплошь засыпанную песками; отъ нея почва дороги дѣлается также песчаною и окрестности ея представляютъ собою совершенно мертвую долину. Такъ продолжалось чуть ни цѣлый часъ, пока въ 9 ч. 10 м. мы ни подѣхали къ каменистому перевалу, дорога черезъ который проходитъ узкою колеєю. Встарину здѣсь, несомнѣнно, была пробита большая дорога, выстланная плитами, но теперь по ней уже не ѣздятъ, такъ какъ она пришла въ полное разрушеніе. Благодаря узкости дорожной колеи, по которой не могутъ разѣхаться двѣ телѣги, намъ пришлось простоять здѣсь довольно долго, пока не проѣхала телѣга, вступившая прежде насъ на переваль съ противуположной стороны. За переваломъ передъ нами открылась уже калганская равнина. Она ровна, обширна и представляется несравненно богаче Сюань-хуа-фу'ской. Мнѣ припомнилось, что, именно здѣсь гдѣ нибудь, на этой равнинѣ между Сюань-хуа-фу и Калганомъ, Чжэбэ разбилъ 400 тысячную армію китайцевъ (цзиньцевъ), выманивъ ее изъ Цзюй-юнь-гуаня. Въ 9 ч. 30 м. мы миновали по ней селеніе Ши-хо-цза, всего въ 5 дворовъ, расположенное на краю лёссовыхъ траншей дороги, а черезъ часъ ѣзды послѣ сего оставили вправо знаменитыя, цинѣ глиняныя стѣны Юй-лин'а. Вообще здѣсь также много славныхъ преданій старины, какъ мизерно и буднично за послѣднее время, — особливо за періодъ настоящей династіи; оттого то дайцинскіе путешественники, описывая современное состояніе этихъ пространствъ, не находятъ для себя ничего лучшаго, какъ восхвалять здѣсь мудрое, мирное правленіе Дай-циновъ. Вотъ что писалъ, на примѣръ, проѣзжая по калганской долинѣ, вышепомянутый Чжанъ-пынь-гэ. «Мѣста эти въ теченіе нѣсколькихъ династій считались важнѣйшими пограничными пунктами и строго охранялись, поглощая несмѣтныя суммы денегъ; но человѣческія усилія не могли быть вполнѣ успѣшны. Что касается настоящей, нашей династіи, то ея величіе и военныя доблести такъ велики, что нѣтъ мѣста, котораго они не покрывали бы подобно

небу, котораго не поддерживали бы подобно землѣ и котораго не освѣщали бы подобно солнцу и лунѣ. Нѣтъ страны, самой дикой, нѣтъ мѣста, самаго отдаленнаго, — гдѣ только растутъ на головѣ волосы, а во рту зубы, — которыя не присылали бы ей своей дани, которыя не приходили бы съ просьбою — поддаться ей. Границы ея владѣній такъ велики, какъ небывали никогда, отъ самой глубокой древности, и теперь всѣ девять проходовъ (Великой стѣны) находятся въ нашей власти. Бань-гу нѣкогда говорилъ: «пограничныя ворота стоятъ спокойно закрытыми, волы и лошади наполняютъ цѣлыми стадами пустыя пространства степей; въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній не слышно лая сторожевыхъ собакъ; народъ не несетъ на себѣ никакой военной службы». — Слова эти блестяще оправдываются въ наше время». Мнѣ показалось однако, что этотъ патріотичный восторгъ ученаго китайскаго путешественника не совсѣмъ оправдывается на дѣлѣ. Селенія здѣсь попадаются очень рѣдко, а потому сторожевые домики имѣютъ уже большой смыслъ и путникамъ, несомнѣнно, приходится иногда пожалѣть, что эти домики теперь пустуютъ. Калганская равнина не всегда спокойна. Частые неурожаи въ провинціи Шань-си имѣютъ своимъ конечнымъ результатомъ массу голодающаго, чернаго люда, который прямо выходитъ на большіе торговые тракты частію для того чтобы собирать милостыню, а частію и для прямыхъ грабежей. По всей равнинѣ намъ встрѣчалась теперь масса нищихъ. Они даже не живутъ въ селеніяхъ, а прямо сидятъ на дорогѣ, давая знать о своемъ бѣдственномъ положеніи проѣзжающимъ своими земными поклонами. Ужасно смотрѣть на эти грязныя, испитыя, болѣзненные лица и еще ужаснѣе подумать, что все это невольные кандидаты для производства смуть и безпорядковъ въ имперіи. Въ 11 ч. 5 м. мы миновали поселокъ Яо-цзя-цзо въ 10, или 12 дворовъ; онъ находится всего въ 20 ли, или 10 верстахъ отъ Калгана. Отсюда поселки уже не имѣютъ собственныхъ именъ и различаются по разстояніямъ, на примѣръ: «Ши-сань ли мяо» — т. е. Кумирня на 13-й ли; «Чи ли ча-фанъ» — Постоялые дворы на 7-й ли и проч. У этой послѣдней деревушки мы увидали страшные слѣды правосудія китайскихъ властей: близъ одной изъ сторожекъ на невысокомъ колу болталась здѣсь въ клеткѣ голова казненнаго разбойника. Онъ былъ казненъ недѣли двѣ тому назадъ и принадлежалъ тоже къ той стаѣ голодныхъ, которую встрѣчали мы на каждомъ шагу. Подъ этими тяжелыми впечатлѣніями мы въ 1 ч. дня незамѣтно подѣхали къ Калгану и переѣхали черезъ каменный мостъ Юнь-тунъ-цзяо. Калганцы чрезвычайно гордятся этимъ мостомъ, который въ самомъ дѣлѣ представляется массивною и красивою постройкой. Пока нашъ караванъ перебирался черезъ него, я спу-

стился на берегъ, чтобы сдѣлать фотографическій снимокъ моста, тѣмъ въ какія нибудь двѣ минуты привлекъ къ себѣ толпу тысячи въ двѣ человекъ,

Калганскій мостъ Юв-тунъ-цяо.

которые окружили меня и расположились по самому мосту. Замѣчательно однако, что стоило сказать имъ, что я снимаю мостъ, какъ толпа разступилась и дала возможность спокойно исполнить снимокъ, вышедшій мало удачнымъ лишь въ силу сумрачности неба, посылавшаго на насъ мелкую изморозь. Отсюда мы благополучно вступили сначала въ Ся-пу, потомъ въ Шань-пу и, наконецъ, проѣхавъ Чжанъ-цзя-коу'скія ворота, добрались до русскаго поселка въ Янъ-бао-шани, гдѣ и были приняты со всегдашнимъ русскимъ радушіемъ семьею Батуевыхъ.

II. Отъ Калгана до Хүхү-хотò.

1-е Марта. Вторникъ.

Для слѣдованія въ Хүхү-хотò мною нанято было двѣ телѣги, запряженныя каждая двумя лóцзами; въ провожатые я имѣлъ двухъ проводниковъ и условленная плата за каждую телѣгу была 13,000 калганскихъ чехъ, что составляло на серебро $17\frac{1}{8}$ лана, или около 35 нашихъ серебря-

ныхъ рублей. Благословясь, мы выѣхали въ 1 ч. дня. День былъ очень теплый, термометръ показывалъ $+14^{\circ}$ R. Миновавъ невыразимо избитую улицу Шанъ-пу, мы повернули на западъ, къ выѣзду изъ города, и здѣсь телѣги наши еле могли пробраться сквозь оборванную и шумную толпу нищихъ, собравшуюся къ дому мѣстнаго «ди-фан'а», или «лю-цзя-р'а» для полученія пособия отъ правительства. По обычаю, къ 25-му числу каждаго мѣсяца ванъ-цюанъ-сянь'скій начальникъ (чжи-сянь) присылаетъ въ Калганъ известную сумму, которая и раздается бѣднымъ въ количествѣ по 33 чека каждому. Сегодня нищие собрались именно для полученія этой подачки. При выѣздѣ изъ города намъ повстрѣчалась первая сторожка, совершенно подобная тѣмъ, которыя видѣли мы по дорогѣ между Калганомъ и Пекиномъ; сюда каждую ночь приходятъ три солдата, для охраны дороги отъ злыхъ людей. Солдаты эти, говорятъ, назначаются на свою службу изъ Сюанъ-хуа-фу и отбываютъ ее по очереди. Должно замѣтить однако, что эта, повстрѣчавшаяся намъ первая сторожка была вмѣстѣ и послѣднею, такъ какъ охранная стража расположена здѣсь по дорогѣ не на Гуй-хуачэнъ, а на Ванъ-цюанъ-сянь. Для слѣдованія въ Гуй-хуачэнъ мы должны были прежде всего перевалить черезъ горы, отдѣляющія калганское ущелье отъ долины р. Янъ-хэ. Перевалъ совершается по ущелью Юнь-хунъ-пу-гоу, называемому такъ отъ имени мѣстечка Юнь-хунъ-пу, на сѣверной сторонѣ ущелья. Со стороны Калгана пологій скатъ Юнь-хунъ-пу'скаго ущелья почти весь занятъ кладбищами, среди которыхъ встрѣчается нѣсколько весьма благоустроенныхъ; въ большинствѣ случаевъ такія кладбища принадлежатъ маньчжурскимъ чиновникамъ. Горы по бокамъ ущелья во многихъ мѣстахъ разработаны и представляютъ собою лѣстницу пашень почти до самой своей вершины. Засѣвается здѣсь по преимуществу просо. Посѣвы начинаются обыкновенно въ концѣ Марта, или въ самомъ началѣ Апрѣля, поспѣваютъ же пашни въ первыхъ числахъ Сентября и, при хорошемъ урожаѣ, даютъ обыкновенно самъ-десять. Дорога покрыта мелкими камнями, но въ общемъ можетъ быть названа довольно спокойной даже для ѣзды въ телѣгѣ. Въ 1 ч. 45 мин. мы доѣхали до селенія Юнь-хунъ-пу (бу), обнесеннаго высокою глинобитною стѣною, за которою, говорятъ, скрывается до 100 дворовъ мѣстныхъ поселянъ. Отсюда ущелье сохраняетъ ту же широту, но дорога становится гораздо уже, потому что начинаетъ проходить въ траншеѣ лёсса. Изъ за высокихъ стѣнъ этой траншеи не видны были даже и горы, стоявшія по бокамъ ущелья, а только древняя великая стѣна съ ея высокими башнями, извивавшаяся по гребню сѣверныхъ вершинъ. Въ 2 ч. 10 м. мы взобрались на верхнюю точку Юнь-хунъ-пу и отсюда начался такой же пологій спускъ, какимъ

былъ и подъемъ въ гору. По мѣрѣ пониженія дорога снова дѣлалась все шире и шире, когда же мы спустились окончательно въ долину, то здѣсь оказалась раскинувшаяся деревня У-дунъ. У этой деревни происходитъ раздѣленіе дороги: одна направляется прямо на западъ, къ городу Вань-цюань-сянь; другая же, по которой мы продолжали свой путь, потянулась къ юго-западу и вскорѣ (2 ч. 30 м.) по ней начался новый подъемъ на вторую вѣтвь горъ еще болѣе узкій, чѣмъ подъемъ Юнь-хунъ-бу. Этотъ второй подъемъ носить названіе Цзинъ-лунъ-коу. На вершинѣ его стоитъ одинокая кумирня, находящаяся подъ покровительствомъ деревни Ши-цзо-рѣ, располагающейся при выходѣ изъ ущелья Цзинъ-лунъ-коу въ долину рѣки Янь-хэ. Передъ нашими глазами, несомнѣнно, должна была открыться громадная равнина, но вѣтеръ и стоявшія въ воздухѣ облака мелкой пыли препятствовали видѣть ея величину. По началу равнина эта довольно каменистая, тѣмъ не менѣе, гдѣ только возможно, она повсюду раздѣлана подъ пашни. Въ 3 ч. 20 м. мы проѣхали черезъ мѣстечко Сюань-пинъ-бу, состоящее изъ нѣсколькихъ глинобитныхъ домиковъ. Ли въ 20 отсюда, у подошвы отроговъ Инъ-шаня, стоитъ городъ Вань-цюань-сянь, обнесенный, какъ говорятъ, высокой кирпичной, довольно сохранившейся стѣной. Городокъ этотъ ведетъ лишь мѣстную, розничную, незначительную торговлю, но онъ имѣетъ значеніе какъ центръ административнаго управленія уѣзда, при чемъ, какъ мы уже знаемъ, ему непосредственно подчиняется и Калганъ. Далѣе за Сюань-пинъ-бу, по долинѣ Янь-хэ какъ у самой дороги, такъ и по окрестностямъ ея раскидана масса деревень и хуторовъ; всѣ земли представляются сплошь обработанными подъ пашни, окруженные деревьями ивы, тополя и др. Говорятъ, что мѣстные поселяне приготавливаютъ очень удобныя и прочныя корзины изъ прутьевъ этихъ деревьевъ и это даетъ имъ хорошій заработокъ. Только въ 4 ч. 10 м. мы повстрѣчали полосу земли, версты на двѣ покрытую песками и здѣсь же переѣхали сухое русло, саженой въ 150. Когда въ 6-й лунѣ бываютъ дожди, воды съ прилежащихъ на сѣверѣ горъ образуютъ здѣсь страшный потокъ, дѣлающій на нѣкоторое время непроѣзжаемою настоящую дорогу. Вообще путь по этому пространству представляется довольно труднымъ, особливо для мѣстныхъ поселянъ, которые хотя и запрягаютъ въ свои телѣгу по три и четыре животныхъ, но за то и грузятъ ихъ страшно тяжело. Мы простояли минутъ десять, помогая здѣсь одной изъ телѣгъ выбраться изъ песку, и всетаки не достигли своей цѣли. Въ 4 ч. 40 м. миновали деревню Цзо-цзя-цзо-рѣ, въ которой еще издали видѣли кумирню, возвышенную на высокой лѣссовой горѣ. Въ деревушкѣ этой нѣтъ улицы и домики ея раскиданы въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Отсюда мы снова про-

должали путь по полямъ и въ 5 ч. 25 м. пересѣкли русло потока, правда не болѣе какъ саженой въ 6 шириною, но за то сплошь изборожденное рытвинами, очевидно, выбитыми силою теченія воды. Совершенно необыкновенное для меня зрѣлище представлялось теперь въ здѣшней атмосферѣ: небо было сѣрое, а въ воздухѣ стояла тонкая пыль, съ какимъ-то желтовато-розоватымъ оттѣнкомъ; солнце совершенно казалось бѣлымъ матовымъ шаромъ зажженнаго электрическаго фонаря. Въ 6 ч. мы подъѣхали къ деревенькѣ Чжу-цзя-цзо-рѣ. Она была значительно больше предшествовавшей и заключала въ себѣ нѣсколько постоянныхъ дворовъ; но нашъ извозчикъ почелъ ихъ плохими, поэтому мы, проѣхавъ деревню и миновавъ ея кладбище, обозначенное рядомъ каменныхъ плитъ, снова направились по узенькой лѣссовой дорогѣ, проложенной между полями. Черезъ 15 минутъ миновали деревню Цзя-сань-цзо, не выше 15 дворовъ, за которою намъ стали попадаться крестьяне, цѣлыми толпами возвращавшіеся изъ деревни То-ли-цзо, гдѣ они присутствовали въ театрѣ. Доѣхавъ до этой деревушки въ 6 ч. 30 м., мы остановились здѣсь для ночлега. Постоялый дворъ ни мало не напоминалъ собою учрежденія этого рода, находящіяся по дорогѣ отъ Калгана въ Пекинъ: во дворѣ здѣсь никоимъ образомъ не могло помѣститься болѣе шести телѣгъ, помещеніе же для проѣзжающихъ заключалось въ одной фанзѣ, служившей вмѣстѣ съ тѣмъ и кухней гостинницы. Найти въ этой гостинницѣ чаю, или мяса не было возможности: она могла представить своимъ проѣзжающимъ кипяченную воду, да сварить кашу изъ проса, или болтушку, заправленную мукою; словомъ тѣ кушанья, которыя обычно потребляются здѣшними крестьянами. Спать проѣзжающіе въ повалку на одномъ общемъ кану. Грязно и отвратительно; но усталость и сонъ берутъ свое и въ 11 ч. я заснулъ какъ убитый.

2-е Марта. Вторникъ.

6 ч. $+2^{\circ}$; 9 ч. $+7^{\circ}$; 12 ч. $+5^{\circ}$; 3 ч. $+3\frac{1}{2}^{\circ}$; 6 ч. -1° ; 9 ч. -4° .

По утру расплачиваясь съ хозяиномъ, мы выдали ему 60 чехъ за ночлегъ и 150 чехъ за приготовленіе чая и кушанья, т. е. собственно за топливо, которое составляетъ здѣсь каменный уголь, приобретаемый въ копяхъ близъ деревни Си-ма-ли, по 4 чеха за гинь.

Выѣхали въ 6 ч. 45 м. утра. Дорога продолжаетъ сохранять тотъ же характеръ однотелѣжной колеи, проложенной по сплошнымъ полямъ, изрѣдка только прерывающимся неглубокими ложбинами, по которымъ горные потоки образовали свои русла, усыпавъ ихъ мелкою галькой. Черезъ 20 м. проѣхали деревню Юй-цзя-лѣ, кумирня которой воздвигнута также на высокой столбообразной лѣссовой скалѣ, на подобіе видѣнной нами вчера въ Цзо-цза-цзо-рѣ. Въ 7 ч. 55 м. достигли поселка Ку-лу-цзо, домиковъ

въ 20, на половину служащихъ постоянными дворами. Отсюда намъ ясно обозначилось теченіе рѣки Янъ-хэ у подножія горъ, окаймляющихъ долину. Последняя образуетъ здѣсь значительную покатость въ направленіи къ юго-западу и особливо отъ деревни Чжу-цзя-хэ, до которой мы доѣхали въ 8 ч. 40 м. Это былъ уже довольно значительный поселокъ съ глинобитнымъ кремлемъ и каменными воротами, наверху коихъ находилась маленькая кумирня. Въ открытомъ предмѣстьи этого кремля была между прочимъ лавочка съ товарами, приспособленными къ потребностямъ мѣстныхъ жителей. Самое видное мѣсто занимали собою мѣшки съ просомъ, лонхоны съ водкою, кирпичный чай и свертки табаку. Въ 9 ч. 5 м. намъ повстрѣчалась вторая такая же, если еще не болѣе значительная деревня Ё-цзя-тунъ. Она также была окружена глинобитною стѣною съ каменными воротами; постоянныхъ дворовъ въ предмѣстьи ея было значительно больше, а изъ за стѣны видѣлись вывѣски нѣсколькихъ лавокъ и кумирень, наконецъ была даже одна башня съ надписью «Вань-юань-лоу», что значитъ: «башня съ которой можно видѣть на далекое пространство». Въ 9¹/₄ часовъ поднялся страшный вѣтеръ: онъ несъ облака пыли и порою на дорогѣ нельзя было отличить предметовъ на разстояніи 10 сажений.

Черезъ 25 м. мы достигли мѣстечка Бэй-ша-чэнъ, нарицательное котораго показывало, что это городъ, хотя онъ былъ гораздо хуже встрѣчавшихся передъ нимъ поселковъ; при томъ же и населеніе его составлялось исключительно изъ землешащевъ. Миновавъ его, мы впервые повстрѣчали на этомъ торговомъ пути два воза табаку — «ни-янь», везомага изъ Дай-туна въ Чжанъ-цзя-коу. Здѣсь же въ 9 ч. 55 м. намъ попалась сторожка съ караульными, высылаемыми изъ Бэй-ша-чэна. Она стояла почти на берегу рѣки Дунъ Янъ-хэ, прежде чѣмъ добраться до русла которой мы должны были проѣхать съ полверсты по покрытой сыпучимъ пескомъ ложбинѣ. Самое русло весьма каменисто, почему рѣка, имѣющая довольно высокое паденіе, течетъ не только быстро, но и бурливо, хотя и раздѣляется на нѣсколько протоковъ. Ширина главнаго русла ея не свыше 10 сажений, тѣмъ не менѣе проѣздъ черезъ него былъ бы совершенно невозможенъ въ зимнее время, если бы здѣсь не было построено временнаго моста. Дѣло въ томъ, что, въ силу быстроты теченія, Янъ-хэ, замерзающая по окраинамъ и образующая у береговъ изъ своихъ водъ ледяную кору толщиною больше аршина, почти не покрывается льдомъ всрединѣ русла, а потому и движеніе обозовъ черезъ нее является совершенно невозможнымъ: телѣга, спокойно проходящая по льду у береговъ, непременно рушится въ срединѣ. На сей конецъ поселки Бэй-ша-чэнъ и Цай-гэ-бу, какъ извлекающіе для себя наибольшую выгоду отъ этого караван-

наго пути, ежегодно въ 9-й лунѣ, лишь только рѣка начинаетъ покрываться льдомъ, строятъ на ней временный мостъ. Не особенно толстыя бревна еле еле вбиваются въ дно, застилаются досками, засыпаются сверху глиною и навозомъ и мостъ готовъ. Въ 3-й весенней лунѣ этотъ мостъ снимается и матеріалы его хранятся въ Бэй-ша-чэнѣ до будущаго года. Перебравшись черезъ этотъ мостъ, мы вступили въ уѣздъ Хбѣ-янъ, такъ какъ теченіе Янъ-хэ составляетъ собою границу на правомъ берегу уѣзда Вань-цюань и на лѣвомъ Хбѣ-янъ. Отсюда въ 10 ч. 35 м. мы переправились черезъ Си Янъ-хэ, русло которой нѣсколько шире Дунъ Янъ-хэ, но теченіе гораздо спокойнѣе. Она совершенно скрываетъ еще свои воды и мы переѣхали черезъ нихъ по льду. Поднявшись на высокій правый берегъ Янъ-хэ, мы увидали, что онъ также изобилуетъ песками какъ и лѣвый берегъ, оттого пространство до селенія Цай-гэ-бу, всего въ какихъ либо 4 версты, мы должны были тянуться около 50 минутъ. Въ этомъ послѣднемъ селеніи была заурочена наша полуденная остановка.

Цай-гэ-бу несравненно значительнѣе всѣхъ видѣнныхъ нами доселѣ поселковъ. Онъ обнесенъ большою глиняною стѣною, которая когда-то была даже облицована кирпичемъ; теперь эта облицовка уцѣлѣла только на южной сторонѣ города. Проходъ за стѣну совершается черезъ двойныя ворота, съ бойницами и дозорными башнями. Улицы въ поселкѣ широкія; главная изъ нихъ заключаетъ въ себѣ свыше 150 лавокъ, между которыми не трудно отличить нѣсколько красильень. Помимо этой торговли въ магазинахъ, масса мелочной открытой торговли на лоткахъ. Куски желѣза, гвозди, трубки, спички, табакъ и пр.; очень много также деревянныхъ издѣлій: ковши, уполовники, корзины и бороны; все это приходитъ сюда изъ Юй-чжоу за 300 слишкомъ ли. На улицахъ оживленное движеніе крестьянъ, особливо въ южномъ концѣ поселка, гдѣ находится конный рынокъ: мы увидали здѣсь до сотни лошадей, ословъ, муловъ и быковъ, пригнанныхъ на продажу. Въ настоящемъ году сбытъ скота, говорятъ, особенно великъ, такъ какъ травы уродились плохо и кормить этихъ животныхъ нечѣмъ. Вообще Цай-гэ-бу, очевидно, служитъ важнымъ торговымъ центромъ для окрестнаго населенія, которое сбываетъ въ немъ свои кустарныя произведенія и хлѣбъ. Изъ отдѣла кустарной промышленности значительную статью торговли представляютъ для города такъ называемыя рогожи (по кит. «си-цзы»), плетенныя изъ соломы гао-ляна. Такихъ рогожъ ежегодно вывозится изъ Цай-гэ-бу только для одного Калгана до 30 и 40 тысячъ штукъ, стоимостью 150, 200 чеховъ штука. Въ розничной продажѣ тѣже рогожи стоятъ 250, 300 чеховъ. Китайскіе крестьяне употребляютъ ихъ для постилки на канахъ, въ Калганѣ же онѣ

идуть на крышу чаевъ при перевозкѣ таковыхъ лѣтомъ въ телѣгахъ, запряженныхъ быками; еще далѣе изъ тѣхъ же рогожъ устриваютъ родъ корзины на телѣгахъ для перевозки гучжѣра изъ Монголіи въ Калганъ и Фынъ-чжэнь.

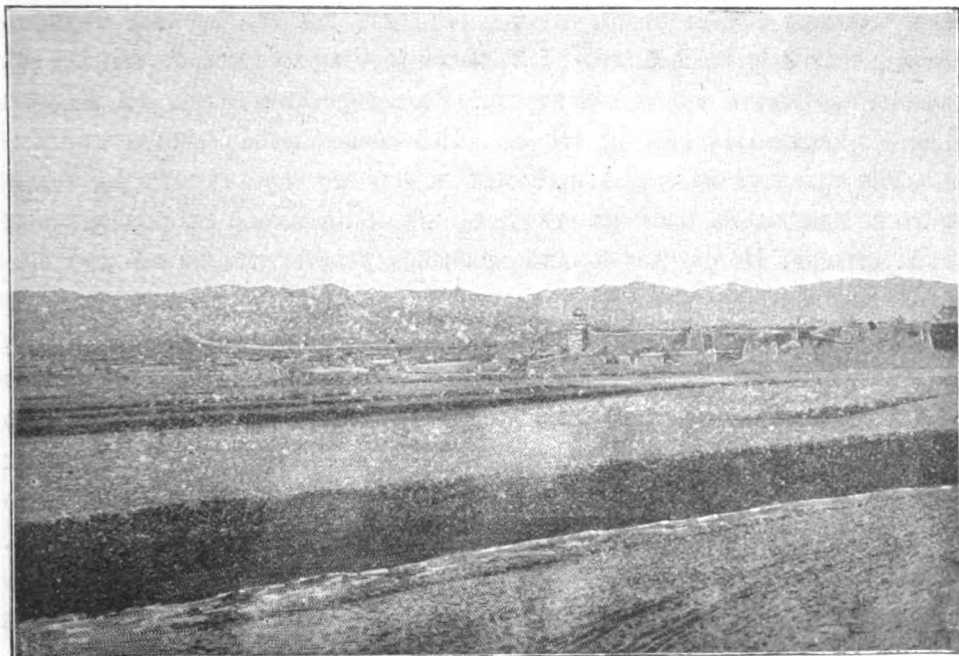
Покормивъ своихъ животныхъ, мы выѣхали изъ Цай-гэ бу въ 12 ч. 50 м. Нсвыразимый вѣтеръ дулъ съ такою силою и поднималъ такія тучи песку, что мулы наши едва могли двигаться и особливо передній изъ нихъ, пользующійся значительной свободой и управляемый только одной возжей, постоянно поворачивалъ назадъ, производя остановку во всемъ поѣздѣ. Дорога здѣсь проходитъ по песчаной и почти бесплодной возвышенности праваго берега рѣки Янъ-хэ. Въ 2 ч. 15 м. мы добрались до деревеньки Си-цзя-тунъ, состоящей всего изъ четырехъ дворовъ, очевидно; крайне бѣдныхъ, что впрочемъ и неудивительно, если принять во вниманіе условія здѣшняго хлѣбопашества. Помимо не особенно благодарной почвы посѣвамъ страшно вредятъ вѣтры. Поля почти повсюду огорожены со стороны рѣки высокими земляными валами и деревьями, но тѣмъ не менѣе это мало защищаетъ ихъ отъ заносовъ цѣлыми горами песку. Во многихъ мѣстахъ отъ рѣки проведены оросительныя каналы. Миновавъ въ 2 ч. 35 м. деревушку Ванъ-динъ-мяо, въ которой было до двухъ десятковъ дворовъ, мы спустились въ самую ложбину рѣки Янъ-хэ и дальнѣйшій путь нашъ лежалъ уже недалеко отъ ея русла, которое здѣсь если и мслче, то значительно шире видѣннаго нами близъ Цай-гэ-бу. Происходить это отъ того, что рѣка течетъ здѣсь однимъ протокомъ и только ниже русло ея раздѣляется, образуя отдѣльныя воды Дунъ Янъ-хэ и Си Янъ-хэ. Собственно коренною рѣкою является Дунъ Янъ-хэ и это между прочимъ доказывается тѣмъ, что рѣка не только носитъ это имя до своего раздѣла, но еще и сообщаетъ его стоящему на лѣвомъ берегу ея поселку, мимо котораго мы проѣхали въ 3 ч. 30 м. Находясь на противоположномъ берегу рѣки, въ поселкѣ этомъ рѣшительно ничего нельзя было видѣть кромѣ стѣнъ, да возвышающихся надъ ними воротъ. Нѣсколько выше поселка Дунъ янъ-хэ мы снова перебрались на лѣвый берегъ рѣки, переѣхавъ ее по льду, сверху котораго вода стояла минимум на четверть. Здѣшніе поселяне были заняты исправленіемъ своихъ полей. Состоя въ прямой зависимости отъ дождей, Янъ-хэ ежегодно разливается здѣсь осенью и во время этихъ разливовъ портитъ поля, вымывая на нихъ довольно глубокія ямы; поселяне засыпали теперь эти ямы, выкапывая куски лѣсса изъ прилежащихъ бугровъ и перетаскивая ихъ на пашни въ корзинахъ за спиною. Въ 5 ч. 45 м. мы проѣхали черезъ селеніе Си-янъ-бу, обнесенное высокою глинобитной стѣной. Оно было весьма значительно по объему и заключало

въ себѣ нѣсколько лавокъ, тѣмъ не менѣе жители его были обыкновенные землепашцы и никакого производства въ этомъ селеніи не имѣется. Въ 6 ч. 25 м. мы начали снова перебираться на правый берегъ рѣки. Долина ея здѣсь шириною до 100 саж., но русло, по которому обычно течетъ рѣка, не свыше 7, или 8-ми. Въ этомъ мѣстѣ рѣка уже вскрылась и мы должны были переѣзжать ее въ бродъ. Переправа была очень трудна и задержала насъ около часа, при чемъ здѣсь воочию мы увидали то, о чемъ только слышали въ Цай-гэ-бу. Рѣка открылась въ срединѣ, на окраинахъ же ея лежали пласты льда толщиной до одного аршина и болѣе. При спускѣ въ воду, колеса приходилось придерживать, чтобы они не рухнули сразу въ воду всей своей массой; при выѣздѣ — ихъ нужно было поднимать на рукахъ, такъ какъ животныя никоимъ образомъ не могли вытащить телегу, колеса которой упирались въ ледяную массу, свыше аршина вышиною. Къ довершенію непріятности наступила темнота. Въ Ку-лунь-дянь, мѣсто нашего ночлега, мы прибыли въ 8 часовъ вечера.

3-е Марта. Среда.

6 ч. -3° ; 9 ч. $+1^{\circ}$; 12 ч. $+4^{\circ}$; 3 ч. $+5^{\circ}$; 6 ч. $+3^{\circ}$; 9 ч. -4° .

Выѣхали въ 6 ч. 45 м. утра. Утро было тихое, воздухъ довольно чистый и солнце ярко освѣщало поля, между которыми извивалась наша дорога. Впереди насъ ясно обрисовывалась ползущая вверхъ по горамъ

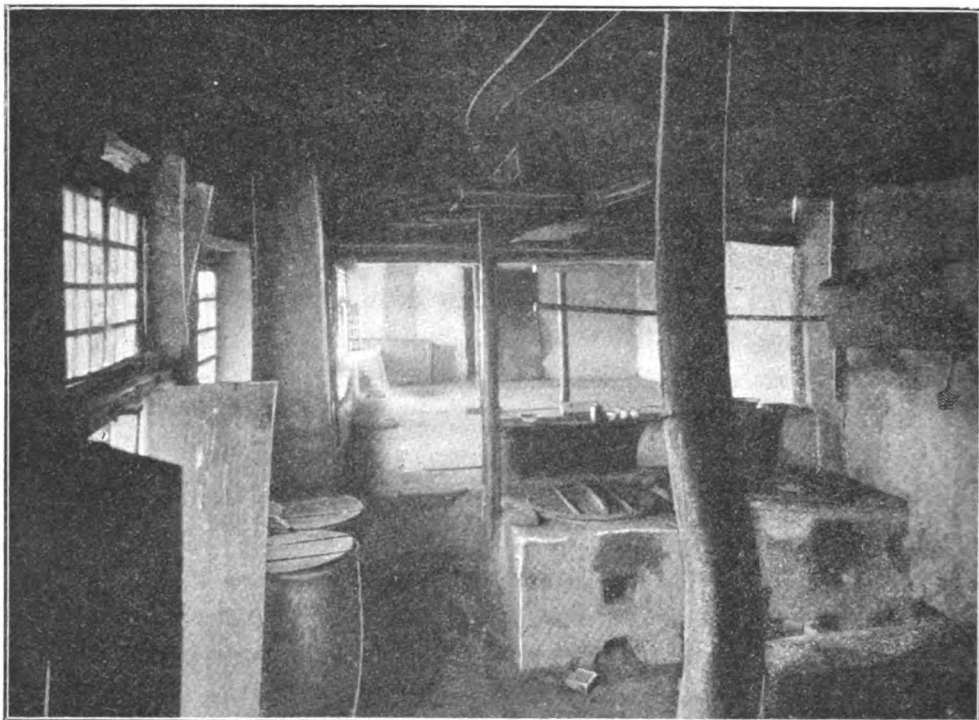
Видъ на Великую стѣну у Си-пинъ-коу.

древняя Великая стѣна; на лѣвомъ берегу Ян-хэ она тянулась по подножію горъ, хотя мѣстами отъ самой стѣны здѣсь сохранился едва замѣтный земляной валъ, да уцѣлѣли еще земляные остовы башень. Въ 7 ч. 45 м. мы подъѣхали къ мѣстечку Синъ-пинъ-коу и здѣсь сдѣлали фотографическій снимокъ какъ съ этого укрѣпленія, такъ и съ Великой стѣны. Синъ-пинъ-коу обнесенъ невысокими, облицованными кирпичемъ стѣнами, съ амбразурами и четырьмя башнями по угламъ. Въ существѣ дѣла мѣстечко это убогое; жителей его очень немного и извѣстны они только своею выдѣлкою войлоковъ изъ бѣлой бараньей шерсти; тѣмъ не менѣе Синъ-пинъ-коу замѣчательно какъ застава и проѣздъ черезъ ворота когда-то бывшей здѣсь Великой стѣны, отъ которой въ самомъ пунктѣ проѣзда не сохранилось никакихъ признаковъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ 8 ч. 20 м. мы проѣхали каменные городскія ворота съ надписью: Цза-сянъ-мынь (市祥門), т. е. ворота благознаменательнаго прохода, вблизи коихъ воздвигнута казенная кумирня, а за нею располагается и самая застава. Разказываютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ застава эта представляла собою два воткнутыхъ въ землю кола, съ положенною между ними жердью; при приближеніи каждой телѣги, дежурный солдатъ снималъ жердь и пропускалъ ѣдущихъ, если не видѣлъ въ нихъ ничего подозрительнаго; тутъ же лежали двѣ старинныхъ, чугуновыхъ маленькихъ пушки, съ деревянными затычками съ казенной части, вмѣсто камеры; но въ 1889 г. здѣсь были сдѣланы новыя рѣшетчатыя ворота изъ кольевъ и, хотя кругомъ нѣтъ, никакой стѣны, а только грязный пустырь, тѣмъ не менѣе всѣ должны проѣзжать черезъ эти ворота. Надъ воротами красуется надпись «Вэй-сяо-цзинъ-цзѣ» (威鎮境界). Подчиняясь вышеуказанному обычаю, или правилу, мы также проѣхали черезъ эти ворота, хотя не только никто не понуждалъ насъ къ этому, но и вообще мы не видали здѣсь ни какой стражи. По разказамъ мнѣ пришлось узнать, что китайское правительство содержитъ въ Синъ-пинъ-коу сотню солдатъ, принадлежащихъ зеленому знамени «Лу-инъ» и управляемыхъ особымъ чиновникомъ «фу-ѣ», съ бѣлымъ шарикомъ. Содержаніе каждаго изъ этихъ солдатъ исчисляется двадцатью четырьмя ланами въ годъ жалованья и сверхъ того выдачею въ провѣантъ 36 доу пшена натурою. Содержаніе «фу-ѣ» осталось для меня не извѣстнымъ, но достовѣрно, что должность эта отбывается срочно и къ занятію ея офицеры высылаются изъ Пекина только на три года. Обязанность этого отряда состоитъ въ охранѣ дороги отъ контрабанднаго провоза по оной товаровъ, такъ какъ торговый путь съ востока назначенъ правительствомъ на Дэ-шанъ-коу, гдѣ и взимаются пошлины за провозимый товаръ. Такимъ образомъ путь на Синъ-пинъ-коу является закрытымъ

для купцевъ: только мелочные торговцы могутъ провозить и дѣйствительно провозятъ здѣсь свои товары, но не иначе какъ въ видѣ домашняго имущества: чай можно провезти только раскупоренной хунцзой; дабу, дялянбу и другіе сорта матерій не въ тюкахъ, а лишь отдѣльными кусками; словомъ здѣсь идетъ исключительно товаръ тѣхъ мелочныхъ лавочекъ, которыя мы встрѣчали во многихъ деревняхъ. Что касается чаевъ и бумажныхъ товаровъ, движущихся изъ Тянь-цзина въ Гуй-хуа-чэнъ, то они изъ Тунъ-чжоу направляются на Бао-динъ-фу, Дай-тунъ и уже оттуда идутъ въ Си-коу.

Разставшись съ застѣннымъ Китаемъ, мы по выѣздѣ изъ воротъ тотчасъ же переправились по льду на лѣвую сторону Янъ-хэ и дальнѣйшій путь свой продолжали по пустынному и песчаному берегу этой рѣки: даже пашни встрѣчаются здѣсь сравнительно рѣдко, по большей части вблизи деревушекъ. Характеръ этихъ послѣднихъ здѣсь также измѣняется: онѣ дѣлаются меньше и поселки въ 10, 15 дворовъ встрѣчаются какъ рѣдкость. Въ 9 ч. 35 м. мы доѣхали до первой такой деревушки, названіе которой на языкѣ мѣстныхъ китайцевъ звучитъ въ формѣ «Тѹ-дѡ-инъ-цза» (頭道管子), т. е. «лагерь первыхъ переселенцевъ». Это слово «инъ-цза» — лагерь какъ будто даетъ понятіе о военномъ поселкѣ, на дѣлѣ же здѣсь нѣтъ ничего военного и обитатели этихъ деревень — самые мирные поселяне, едва ли когда и знавшіе о военномъ дѣлѣ и обязанностяхъ. Въ 10 ч. 20 м. намъ повстрѣчалось второе такое же поселеніе, съ именемъ Эрлѣ-дѡ инъ-цза, т. е. «лагерь вторыхъ переселенцевъ»; а затѣмъ черезъ полчаса мы пріѣхали въ деревню «Дянь-цза», гдѣ остановились для полдника. Населеніе деревни «Дянь-цза» такое же пришлое, какъ въ первыхъ двухъ упомянутыхъ деревняхъ — лагеряхъ и, по словамъ здѣшнихъ жителей, всѣ они пришли сюда изъ Синь-чжоу, отъ предѣловъ Тай-юанъ-фу, въ года правленія Цзя-цина. Пользуясь нынѣшнимъ прекраснымъ днемъ, я произвелъ здѣсь фотографическій снимокъ комнаты, которую занимали мы въ мѣстной гостинницѣ и которая вмѣстѣ съ симъ можетъ явиться образцомъ для всѣхъ остальныхъ помѣщеній на постоялыхъ дворахъ по этой дорогѣ, такъ какъ всѣ они устроиваются по одному шаблону. Вступивъ за ворота постоялаго двора, вы всегда найдете здѣсь три отдѣльныхъ, одноэтажныхъ корпуса, расположенныхъ покосемъ. Каждый корпусъ заключаетъ въ себѣ, смотря по своей величинѣ, отъ 2-хъ до 6-ти разобщенныхъ между собою комнатъ, въ каждую изъ которыхъ ведутъ особыя двери, обычно сколоченныя изъ тоненькихъ досокъ и никогда не притворяющіяся плотно, почему зимою въ комнату не рѣдко навѣваются изрядные сугробы снѣга. Зданіе строится изъ сырцеваго кирпича, безъ половъ, или лучше сказать

съ грунтовымъ поломъ, матица же крыши его поддерживается четырьмя столбами, или колоннами, изъ коихъ двѣ находятся у стѣнъ, а двѣ располагаются въ срединѣ зданія, на пространствѣ около сажени отъ центра зданія каждое, и на разстояніи двухъ саженей между собою. Такимъ образомъ вступивъ въ любой особый № гостинницы, вы видите передъ собою отдѣленіе комнаты, шириною сажени въ двѣ. Засимъ въ разстояніи не-большемъ сажени отъ двери прямо передъ вами будетъ печь, сложенная

Внутренній видъ гостинницы въ Днянь-ца.

изъ сырцеваго же кирпича на подобіе нашихъ кухонныхъ плитъ, со вмѣстными въ нее двумя котлами, одинъ для кипяченія воды и другой — для варки пищи. Отъ этой печи въ обѣ стороны комнаты, вплоть до наружныхъ стѣнъ ея, идутъ каналы, или громадныя лежанки, аршинъ по 6, 7 въ квадратѣ, сложенныя изъ того же сырцеваго кирпича и въ зимнее время нагрѣвающіяся снизу. Лежанки эти покрыты рогожами и представляютъ собою мѣсто, служащее для сидѣнія и сна прѣзжающихъ и останавливающихся въ гостинницѣ гостей. Днемъ на этихъ лежанкахъ устанавливаются низенькіе столики, за которыми гости сидятъ, поджавши ноги; вечеромъ столики снимаются и лежанка обращается въ одну общую кро-

вать, на которой спять въ повалку, вмѣстѣ, иногда человекъ 20, 25. Нѣтъ нужды говорить о чистотѣ и опрятности этихъ кроватей и комнатъ вообще. Сказать, что грунтовой полъ комнаты нерѣдко обращается въ грязную жидкость, которую каждый тащитъ со своими ногами на канъ, или лежанку, еще мало. Вслучаѣ недостатка гостей таже комната обращается въ хлѣвъ для животныхъ и намъ не разъ случалось видѣть, что приглашавшій насъ остановиться въ своей гостинницѣ хозяинъ, прежде чѣмъ впуститъ насъ въ комнату, выводилъ изъ нея коровъ, или лошадей, подчищалъ навозъ, а за симъ предлагалъ намъ это убѣжище. Таковы рѣшительно всѣ помѣщенія гостинницъ, содержимыхъ китайцами по дорогамъ, за Великою Стѣною.

Оставивъ мѣсто своей стоянки въ 12 ч. 40 м., мы ѣхали далѣе по узкому и глубокому рву, образовавшемуся отъ вымоинъ дороги, до деревни Бэй-цзя инъ-цза. Последняя стоитъ у подошвы горы, близъ устья ущелья, проѣхавъ по которому, приходится подниматься на довольно крутой перевалъ. Мы начали этотъ подъемъ въ 2 ч. 25 м. и до вершины перевала достигли въ 3 ч. 5 м. Здѣсь стоятъ небольшая кумирня, Гуань-ди мяо, отъ которой начинается спускъ по глубокому рву, весьма не длинный, такъ что въ 3 ч. 20 м. мы выбрались уже на пологій горный скатъ. Здѣсь стоятъ двѣ фанзы, образующія собою деревню Хбнъ-ту-ку-цза (黄土窟子), получившую свое названіе будто бы оттого, что первые обитатели ея жили въ пещерахъ здѣшнихъ лёссовыхъ скалъ желтоватаго цвѣта. Ниже по этому горному скату начинаютъ показываться пашни, а при вступленіи въ равнину (3 ч. 50 м.), встрѣчается даже поселокъ въ 4 двора, носящій имя Ту-дѣ-гоу (頭道溝), т. е. «канавы первыхъ переселенцевъ». Въ 4 ч. 35 м. мы миновали другой такой же поселокъ, съ именемъ Сань-дѣ-гоу и въ 6 ч. вечера прибыли въ городъ Чжангѣръ, гдѣ и остановились для ночлега.

4-е Марта. Четвергъ.

6 ч. —7°; 9 ч. +5°; 12 ч. +8°; 3 ч. +11°; 6 ч. +4°; 9 ч. —5°.

Чжангѣръ — небольшой городокъ, при рѣчкѣ Хой-цзѣ. Онъ заключаетъ въ себѣ не свыше 300 дворовъ и управляется «сюнь-цзянемъ», на каковую должность откомандировываются незначительные чиновники съ бѣлымъ и даже съ мѣднымъ шарикомъ; тѣмъ не менѣе Чжангѣръ имѣетъ выдающееся значеніе для края, служа центромъ мѣстной торговли хлѣбомъ. Хлѣбъ собирается сюда отъ всего окрестнаго, исключительно земледѣльческаго населенія и засимъ вывозится въ Сюань-хуа-фу, Да-тунь-фу и особливо въ Калганъ. Калганскіе купцы постоянно ѣздятъ въ Чжангѣръ для закупки зерна и какъ уплата денегъ, въ видахъ большей безопасности, со-

вершается ими обыкновенно путем переводовъ, то въ Чжангòрѣ имѣется даже три, четыре банка, ведущіе сношенія съ выше показанными тремя городами. На ряду съ ними здѣсь пріютились и ссудныя кассы подъ залогъ имущества. Онѣ существуютъ исключительно для бѣднаго люда, но ведутъ свои дѣла такъ хорошо, что богатѣютъ гораздо больше банковъ. Путешественники, ѣдущіе въ Гуй-хуа-чэнъ и Шань-си, должны перемѣнять въ Чжангòрѣ оси у своихъ телѣгъ, такъ какъ далѣе на западъ отъ Чжангòра колеи дороги почему то шире колеи, проложенныхъ на востокъ; такимъ образомъ телѣги, идущія съ востока, мѣняютъ здѣсь узкій ходъ осей на широкій и наоборотъ, идущія съ запада — широкій ходъ на узкій. Въ Гуй-хуа-чэнъ изъ Чжангòра можно ѣхать двумя путями: одна дорога выходитъ въ Монголію, собственно къ урочищу Цаганъ-обò, въ кочевьяхъ Чахаръ простаго желтаго знамени; другая — южная идетъ по мѣстностямъ съ китайскимъ населеніемъ черезъ Лунъ-шэнъ-чжуанъ (隆盛庄) и Фынъ-чжэнъ (豐鎮).

Выѣхали въ 7 ч. утра и направились путемъ по китайскимъ поселеніямъ. Дорога за Чжангòромъ напоминаетъ собою уже монгольскія равнины, индѣ покрытыя невысокими холмами. Пашень здѣсь гораздо меньше и населеніе рѣже группируется въ деревни, а живетъ отдѣльными фанзами по своимъ полямъ. Только черезъ часъ мы встрѣтили деревеньку Фынъ-цзы-хò, въ шесть глинобитныхъ хижинъ, а далѣе въ 20-ти минутахъ ѣзды отъ нея намъ попалась разрушенная кумирня Лунъ-ванъ-мяо. Какъ гласили надписи, изсѣченныя на двухъ камняхъ, стоявшихъ въ ея притворѣ, кумирня эта была построена въ 12-мъ году правленія Цзя-цина (1807 г.) и исправлена въ 11-й годъ Дао-гуана (1831 г.); помимо сего на камняхъ были начертаны имена жертвователей на возведеніе этой кумирни, съ показаніемъ суммы пожертвованія, самое большее изъ которыхъ не превышало 3-хъ ланъ. Оконныя рѣшетки и двери этой кумирни были выломаны и кумиры стояли открытыми, будучи защищаемы отъ непогоды только навѣсомъ кровли. Въ 9 ч. 10 м. мы миновали вышепомянутое раздѣленіе дорогъ въ Гуй-хуа-чэнъ и отсюда начали попадаться поселки, стоящіе въ полномъ разрушеніи. Во многихъ изъ нихъ глиняные остовы фанзъ цѣликомъ сохраняли еще свои формы, но ни оконъ, ни дверей, ни крышъ у нихъ небыло. Шедшій по дорогѣ поселянинъ объяснилъ намъ это явленіе. Дѣло въ томъ, что неурожаи трехъ предшествовавшихъ лѣтъ довели народъ до крайности. Не имѣя ни хлѣба, ни топлива, они пожгли все дерево, находившееся въ ихъ байшинахъ; частію продали, а частію побросали свои земли и ушли, куда кому вздумалось. Опустѣніе поселковъ совершалось постепенно. Семья, пришедшая въ разореніе и рѣшавшаяся оставить мѣсто

своего жительство, обыкновенно искала кому бы продать свою землю и тѣмъ временемъ переходила на жительство въ сосѣднюю бѣднѣйшую фанзу, а въ своемъ домѣ выламывала дерево и такимъ образомъ доставляла топливо и себѣ, и своимъ временнымъ хозяевамъ. Порѣшивъ съ домою, она уходила куда глаза глядятъ, а черезъ недѣлю таже участь наступала для ея недавнихъ хозяевъ. Этимъ путемъ опустѣли и доведены до разрушенія цѣлыя сотни деревень. Кумирня, въ которой мы не нашли ни дверей, ни оконъ, подверглась той же участи, хотя это уже со стороны проходящихъ хищниковъ. Въ 10 ч. 50 м. мы достигли деревни Лю-ши-эрль-хѳ (六十二號), т. е. «номеръ 62-й», уцѣлѣвшей также только на половину. Меня заинтересовало происхожденіе названія этой деревни. Оказалось, что казна, раздававшая земли здѣшнему, исключительно переселенческому люду, предвзительно дѣлила земли на участки и по номерамъ этихъ участковъ черѣдко давались и самыя названія деревнямъ. Въ 11 ч. 10 м. мы остановились для отдыха и кормленія лѳцзъ въ деревнѣ Цзю-дао-гоу, гдѣ и простояли до половины перваго часа по полудни.

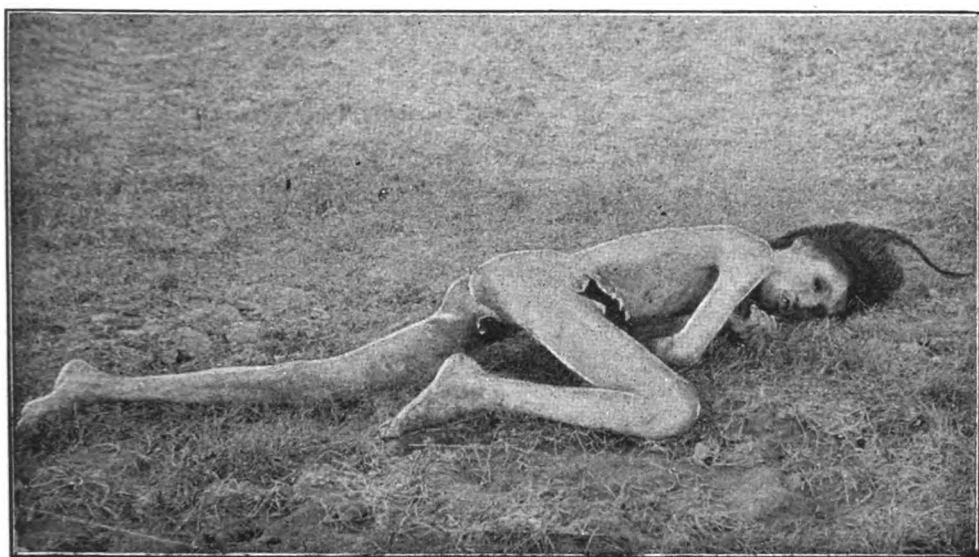
За деревнею Цзю-дао-гоу дорога идетъ по ущелью невысокихъ горъ, а за сямъ начинаются горныя увалы, мѣстами каменистыя, причемъ во многихъ распадкахъ виднѣются небольшія деревни и отдѣльныя фанзы на пашняхъ. Въ 1 ч. 5 м. мы повстрѣчали на дорогѣ опять таки до конца разрушенную и опустѣлую деревню Лю-ши-хѳ-рль, за которою начался сначала пологій взвозъ, а потомъ въ 1 ч. 55 м. крутой и каменистый перевалъ черезъ горы Но-бо-шань. На вершинѣ этого перевала стоятъ кумирня и при ней каменописные памятники, свидѣтельствующіе о томъ, что дорога здѣсь была исправлена, на средства поселеній Чжангѳра, Лунъ-шань-чжуанъа и Цюань-цзю-чжо, въ 22-мъ году правленія Дао-гуана (1842 г.). Почти непосредственно по спускѣ съ Но-бо-шань по дорогѣ начинается новый перевалъ, имя котораго мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Перевалъ этотъ труденъ только потому, что очень песчанъ и горы здѣсь не только тѣ, по которымъ проходитъ дорога, но и лежащія окрестъ ихъ тоже песчанья. Выступивъ изъ этихъ песковъ, мы ѣхали около 10 ли по равнинѣ до поселенія Лунъ-шань-чжуанъ, котораго достигли въ 3 ч. 15 м. дня.

Лунъ-шань-чжуанъ, одно изъ самыхъ значительныхъ поселеній по калганско-гуй-хуа-чэнскому тракту, располагается по обѣимъ сторонамъ рѣчки Нань-би-хэ и раскинулось на множествѣ отдѣльныхъ холмовъ, что придаетъ ему чрезвычайно оригинальный характеръ. Большинство домовъ его съ громаднѣйшими глинобитными оградами походятъ на какіе то склады. Торговля по открытымъ лавкамъ сосредоточена въ западномъ

краю поселенія, приче́мъ присутствіе здѣсь опи́умныхъ куриленъ и устрой-ство отдѣльнаго рынка для продажи самыхъ мелочныхъ товаровъ на лоткахъ ясно показываютъ на развитіе здѣсь мелочного торгова. Дѣйствительно, Лунь-шань-чжуань съ одной стороны находится неподалеку отъ чахарскихъ кочевьевъ, а съ другой—черезъ него проходитъ путь изъ Монголіи въ У-тай-шань, по которому ежегодно движутся тысячи богомольцевъ. Всѣ они привыкли смотрѣть на Лунь-шань какъ на мѣсто, гдѣ могутъ быть восполнены всѣ, открывшіяся на пути незначительныя нужды, отсюда то и вытекаетъ обиліе здѣсь мелочной торговли. Но не въ одномъ этомъ значеніе Лунь-шань'а. Чахары и монголы постоянно пригоняютъ сюда массу лошадей, скота и особливо овецъ и продаютъ ихъ мѣстнымъ прасоламъ, ведущимъ свое дѣло уже съ Китаемъ и особливо съ Пекиномъ. Столичные мясные торговцы можно сказать еженедѣльно выгоняютъ отсюда тысячные гурты барановъ и это рѣшительно во всякое время года. Тѣ громадныя ограды домовъ, которыя поразили меня при вѣздѣ въ городъ, принадлежали именно мѣстнымъ прасоламъ. Монголы, пригоняющіе сюда свой скотъ незначительными гуртами, обмѣниваютъ его на хлѣбъ, чай, бумажныя ткани и т. п. Отсюда Лунь-шань служитъ мѣстомъ для продажи хлѣба окрестнымъ населеніемъ и вообще торговля въ Лунь-шань-чжуань весьма порядочная и разнообразная. Мѣстные китайцы называютъ Лунь-шань-чжуань — Лунь-шань-цзо-рь, у монголовъ же онъ извѣстенъ подъ именемъ Лунь-сянь-хотд.

Отъ Лунь-шань-чжуань'а гуй-хуа-чанская дорога направляется на сѣверъ, въ обходъ озера Хань-хай-цза. Озеро это лежитъ въ котловинѣ, окруженной горами и имѣетъ не менѣе 10 верстъ въ окружности; вода въ немъ горькосолоная и непригодная для питья, а дно весьма илесто. Направившись по подножіймъ и скатамъ горъ, окаймляющихъ озеро, мы въ 3 ч. 50 м. въ одномъ изъ овраговъ увидали еще страшные результаты здѣшняго голода. Это былъ трупъ человѣка, умершаго голодною смертию. Человѣкъ этотъ былъ, очевидно, еще молодой, едва-ли достигшій 30 лѣтняго возраста. Голодный и совершенно нагой бродилъ онъ, напрасно ища подаянія, пока ни упалъ изнеможенный на этомъ мѣстѣ своей смерти. Поза покойника ясно рисовала эту картину. Истощеніе его было такъ велико, что въ тѣлѣ его не осталось, кажется, ни фунта мяса; это были кожа и кости въ полномъ смыслѣ этого слова. Собаки, не болѣе находящія себѣ пищи у здѣшнихъ хозяевъ, чѣмъ и этотъ нищій, нападали на трупъ его, но и они не нашли въ немъ для себя никакой наживы и могли выгрызть у него только желудокъ, оставивъ все прочее не тронутымъ. Страшная, но вмѣстѣ и поучительная картина для синологовъ, рекоменду-

щихъ намъ поучаться китайскимъ принципамъ жизни. Далѣе почти вся наша дорога проходила среди холмистой мѣстности, съ чрезвычайно рѣд-

Умершій съ голоду.

кимъ, для Китая, населеніемъ: мы повстрѣчали только двѣ полуразрушен-ныхъ деревни и именно въ 4 ч. 15 м. деревушку Сань-хо и въ 5 ч. 35 м. Гунъ-дао-цзорь. Въ 6 ч. вечера добрались до деревни Ху-дѡ-жо, гдѣ остано-вились для ночлега. Мѣста въ жилыхъ помѣщеніяхъ здѣшняго постоя-лаго двора были уже всѣ заняты, и намъ очистили не жилую фанзу, вы-гребя изъ нея, т. е. собственно съ ея кана, предварительно кучу нава-леннаго для просушки навоза.

5-е Марта. Пятница.

6 ч. -5° ; 9 ч. $+3\frac{1}{2}^{\circ}$; 12 ч. $+9^{\circ}$; 3 ч. $+10^{\circ}$; 6 ч. $+2^{\circ}$; 9 ч. $-4\frac{1}{2}^{\circ}$.

Выѣхали въ 7 часовъ. Утро было сумрачное и взошедшее-солнце еле еле пропускало свои лучи сквозь сѣровато-бѣлесыя облака. Дорога потя-нулась по непригляднымъ обрывистымъ лёссовымъ уваламъ, индѣ смѣ-няясь каменными долинами. Окрестныя поля распаханы, но многія изъ нихъ, очевидно, уже оставлены разбѣжавшимся людомъ. Черезъ 25 м. проѣхали на половину разрушенную деревушку, носящую то же имя Ху-дао. Мѣстные жители объяснили намъ, что, въ сущности, это одна деревня съ тою, въ которой мы ночевали; настоящій же особый поселокъ ея обра-зовался лишь въ видахъ большаго удобства, — близости къ пашнямъ. Дѣй-ствительно, когда-то, а можетъ быть и очень недавно, человекъ старался

здѣсь быть поближе къ своей землѣ и отдавалъ ей всё свои силы. Близъ пашень и у самой дороги лежатъ груды камней, саженой по 6 длины и сажени по двѣ, а то и больше вышиною. Все это собрано трудолюбивыми поселянами съ полей въ видахъ ихъ очистки и все это не спасло ихъ отъ голода. Въ 9 ч. 5 м. мы проѣхали деревню Гэй-хо-ва: изъ семи дворовъ ея три заняты большими гостинницами для проѣзжающихъ и одинъ представляетъ собою постоянный дворъ для прохожихъ. Въ 10 ч. добравшись до деревни Юй-шанъ-чжуанъ, мы остановились здѣсь полдничать и стояли до 11 ч. 40 м.

За Юй-шанъ-чжуаномъ дорога проходитъ также по холмистой и песчаной мѣстности, съ довольно рѣдкимъ населеніемъ: изрѣдка по сторонамъ намъ виднѣлись незначительныя деревушки, на самой же дорогѣ первую деревню мы повстрѣчали только въ 2 ч. 20 м.; она называлась Цзуанъ-цзя-цзо-рѣ. За нею начались каменистыя горы, перевалъ черезъ которыя напомнилъ намъ «Лао-лунъ-бэй» пекинскаго тракта. Страшные валуны лежатъ на самомъ пути, а избитыя колеи дороги дѣлаютъ ее похожею на весеннія зажоры въ тундрахъ. И никому вѣтъ дѣла до исправленія этого пути даже въ ту пору, какъ тысячи людей умираютъ съ голода, не находя себѣ никакой работы! Съ вершины помянутаго перевала намъ открылся видъ на долину большой рѣки, которая въ просторѣчій мѣстныхъ поселянъ извѣстна подъ именемъ Да-хэ. Въ линіи дороги рѣка эта оказалась теперь невозможною для переправы, такъ какъ середина ея уже вскрылась, а по бокамъ лежали толстыя пласты льда; мы должны были посему направиться вверхъ по ея теченію, гдѣ рѣка еще была покрыта льдомъ и, верстахъ въ 1½ отъ тракта, переѣхали на правый берегъ ея по льду. Отсюда оставалось уже не болѣе 8 ли до города Фынъ-чжэна и дальнѣйшій путь былъ совершенъ нами у самага берега рѣки по дорогѣ сравнительно, но только сравнительно, сносно. Здѣсь въ 3 ч. 35 м. намъ попался каменописный памятникъ, который сообщалъ, что эта дорога по берегу рѣки Линъ-хэ исправлена фынъ-чжэнскими торговцами въ 10-й годъ правленія Сянь-фына (1861 г.). Такимъ образомъ, официальное названіе этой рѣки было не Да-хэ, а Линъ-хэ. Отсюда, миновавъ пригородную деревеньку Цѵ-лѵ-гоу, мы прибыли въ Фынъ-чжэнъ въ 4 ч. пополудни и остановились здѣсь для ночлега, такъ какъ въ пунктѣ этомъ стоило постоять подольше.

Фынъ-чжэнъ (豐鎮) самый значительный изъ всѣхъ городовъ между Калганомъ и Гуй-хуа-чэномъ какъ по количеству народонаселенія, такъ равно по своей мѣстной и вывозной торговлѣ. Городъ обнесенъ невысокой, глинобитной стѣной, а внутри большая часть улицъ его выстлана камен-

ными плитами. По всегдашнему обычаю, плиты эти невыразимо избиты телѣгами, оттого ѣзда по нимъ просто мучительна. Въ городѣ не мало каменныхъ домовъ, кумирень и театровъ, сложенныхъ частію изъ обожженнаго кирпича, а частію изъ тесанаго дикаго камня; но все это крайне грязно, а потому имѣетъ непривлекательный видъ. Лавки снаружи вообще кажутся очень небольшими и бѣдными; тѣмъ не менѣе въ нихъ, какъ и на улицахъ, видна весьма оживленная торговля и дѣятельность. На рынкѣ масса мелочного товара; тутъ же за своею работою сидятъ брадобреи, сапожники и портные. Крайне удручающее впечатлѣніе производитъ только поразительное обиліе здѣсь нищихъ обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ.

На всемъ пространствѣ между Калганомъ и Гуй-хуа-ченомъ, да и далѣе къ сѣверу по Монголіи, Фынъ-чжэнъ славится обиліемъ такъ называемаго «лү-гор'а», подъ каковымъ именемъ извѣстны шаньсикія торговля фирмы, промышленяющія извозомъ товаровъ на телѣгахъ, запряженныхъ быками. Въ этомъ отношеніи Фынъ-чжэнъ имѣетъ значеніе и для Россіи, такъ какъ ежегодно не менѣе 12,000 мѣстъ русскаго чая перевозится изъ Калгана до Урги «лүгорями». Собранныя мною свѣдѣнія о «лүгорахъ» представили положеніе ихъ въ слѣдующемъ видѣ. Перевозкою чаевъ въ настоящее время занимается, главнымъ образомъ, десять фирмъ, изъ коихъ самыми надежными считаются: 1) Фу-хо-чэнъ (復合成), отправляющая 300 телѣгъ; 2) Фу-синъ-юнъ (福興永)—300 телѣгъ; 3) Фу-юанъ-дянь (復元店)—300 телѣгъ; и 4) Гуанъ-шэнъ-дянь (廣盛店)—также 300 телѣгъ; изъ остальныхъ—фирмы: 5) Чунъ-хо-хо (崇和合); 6) Тянь-хо-шэнъ (天合勝); 7) Тянь-тай-юнъ (天泰永); 8) Чунъ-хо-тай (崇和泰); 9) Хэнъ-цинъ-дянь (恆慶店) и 10) Фу-хо-юнъ (復合永) отправляютъ каждая по 150 телѣгъ. Слѣдовательно всего лүгора имѣется въ Фынъ-чжэнѣ въ настоящую пору около 2,100 телѣгъ и это исключительно для перевозки чая. Съ перваго раза кажется поразительнымъ это однообразіе числа выставляемыхъ телѣгъ, но дѣло здѣсь въ томъ, что китайцы, по заведенному у нихъ обычаю, ввѣряютъ каждому своему повѣренному 150 быковъ и телѣгъ, не больше и не меньше этого числа; оттого, сколько имѣетъ фирма повѣренныхъ для чайнаго дѣла, столько считаетъ она и полторасотенъ телѣгъ. Монголы, привыкшіе къ тому, что китайскіе повѣренные ѣздятъ въ палаткахъ, или мѣйханахъ, начали смѣшивать это понятіе и говорить, что такая то фирма высылаетъ одинъ мѣйханъ, т. е. одного повѣреннаго. Смѣшеніе это получило такое право гражданственности, что слово «мѣйханъ» перешло въ торговый терминъ и теперь употребляется даже въ оффиціальномъ юридическомъ языкѣ договоровъ: подрядить у фирмы одинъ «мѣйханъ»—значитъ нанять у нее

150 телѣгъ, запряженныхъ быками. Нѣтъ сомнѣнія, что каждая изъ означенныхъ фирмъ могла бы выставить отъ себя вдвое и втрое большее количество телѣгъ, равно какъ можно найти «лѹгора», и не принадлежащаго этимъ фирмамъ; но китайцы, указывая, что такая то фирма можетъ выставить одинъ или два мѣхана, имѣютъ въ виду не только способность фирмы перевезти извѣстное количество чаевъ, но и принять на себя отвѣтственность по ихъ доставкѣ; поэтому, если говорится, что фирма Фу-хочанъ можетъ выставить два мѣхана, или 300 телѣгъ, т. е. перевезти 1200 цибиковъ чаю, то это значитъ, что она не затруднится обезпечить его сохранность и принять на себя уплату его стоимости въ случаѣ его потери, или окончательной порчи. Фынъ-чжэнскіе лѹгоры, подряжающіеся перевезти чай изъ Калгана въ Ургу, на обратный путь закупаютъ въ Ургѣ строевой лѣсъ и деревянныя издѣлія и везутъ ихъ до Фынъ-чжэна; по этой причинѣ цѣны, взимаемыя ими за доставку чая, находятся въ нѣкоторой зависимости отъ цѣнъ, стоящихъ на дерево въ Монголіи и Китаѣ. Китайцы, нанимающіе «лѹгоровъ» для перевозки чаевъ, всегда принимаютъ въ соображеніе эти цѣны и, если лѣсъ въ Ургѣ дешевъ, даютъ дешевле за перевозку чая, а «лѹгоры» соглашаются на эти низкія цѣны, такъ какъ потерю на провозъ чаевъ они вознаграждаютъ на покупкѣ лѣса. Въ случаѣхъ низкой платы за перевозъ чая и высокыхъ цѣнъ на лѣсъ, фынъ-чжэнскіе «лѹгоры» вовсе не ѣздятъ въ Ургу, а занимаются или перевозкою гучжйра въ Калганъ, или же сами направляются за покупкою соли къ озеру Ирѣнь-нуръ (китайцы зовутъ его Эрлянь-норъ), въ кочевьяхъ Барунъ-сунитовъ. За этимъ продуктомъ они выѣзжаютъ обыкновенно изъ Фынъ-чжэна въ 6-й лунѣ, везя съ собою для монголовъ буду, чай и бумажныя ткани. На эти товары они приобрѣтаютъ у сунитовъ соль; покупая же ее на деньги, рассчитываютъ уплату не свыше 70 чеховъ за доу. По доставкѣ этой соли въ Фынъ-чжэнъ, «лѹгоры» продаютъ ее специальнымъ солянымъ торговцамъ. Фирмъ, занимающихся специально солянымъ дѣломъ, считается въ Фынъ-чжэнѣ шесть или семь, но обороты ихъ не особенно велики. Всего къ нимъ приходитъ въ годъ до 2,000 телѣгъ, что составляетъ приблизительно около 1,200,000 гиновъ соли. Соль продается въ Фынъ-чжэнѣ по 600 чеховъ за доу, вѣсомъ въ 40 гиновъ, и, слѣдовательно, общій оборотъ соляной торговли здѣсь не свыше 250,000 руб. сер.

Помимо соляной торговли и перевозки тяжестей въ Фынъ-чжэнѣ собирается еще изъ Монголіи шерсть, кожи и овчины, которыя сбываются отсюда въ Да-тунъ-фу, Тянь-цзинъ и другія мѣста Китая; но торговля эта составляетъ собою, такъ сказать, уже побочное занятіе для здѣшнихъ купцовъ особливо въ послѣдніе годы, когда торговля сношенія ихъ съ Мон-

голей заметно сократились. Главнѣйшею причиною этого сокращенія необходимо признать изъ года въ годъ повторяющіеся въ Шань-си неурожаи, при которыхъ вывозъ въ Монголію хлѣба, одного изъ главнѣйшихъ предметовъ торговли для фынть-чжанскихъ купцовъ, сдѣлался буквально невозможенъ. Въ истекшемъ году изъ Фынть-чжэна выѣзжали въ Монголію для торговли только двѣ фирмы: Фу-хо-чэнь (復合成) и Тянь-хо-шэнь (天合勝) и посѣщали хошуны: Цзунъ-сунитовъ, Барунъ-сунитовъ и Абага. Выѣздъ ихъ обычно совершается въ 3-й лунѣ, а возвращеніе изъ Монголіи въ 9-й, или 10-й лунѣ. Каждая фирма посылаетъ отъ себя по 7—10 приказчиковъ, снабжая ихъ по преимуществу бумажными тканями, желѣзнымъ товаромъ, чаемъ. Сами фынть-чжанскіе торговцы чая не выписываютъ изъ Ханькоу, а приобрѣтаютъ его отъ калганскихъ фирмъ въ Да-тунѣ, при чемъ чай этотъ послѣ оплаты его ли-цзиномъ въ проходѣ Дэ-шэнь-коу, не подлежитъ уже никакимъ пошлинамъ, равно какъ фынть-чжанскіе торговцы, вывозя чай въ предѣлы Монголіи, не обязываются брать для сего какихъ либо особыхъ свидѣтельствъ, или такъ называемыхъ «пяо».

Цѣны на предметы первѣйшей необходимости въ Фынть-чжэнь стоятъ довольно высокія, а именно: мука — 64 чехи за гинъ; просо за доу въ 28 гиневъ — 1,400 чеховъ; баранье мясо — 60 чеховъ за гинъ; лукъ — 30 чеховъ за гинъ; лапша (гуа-ми) мѣстнаго приготовленія — 100 чеховъ за гинъ.

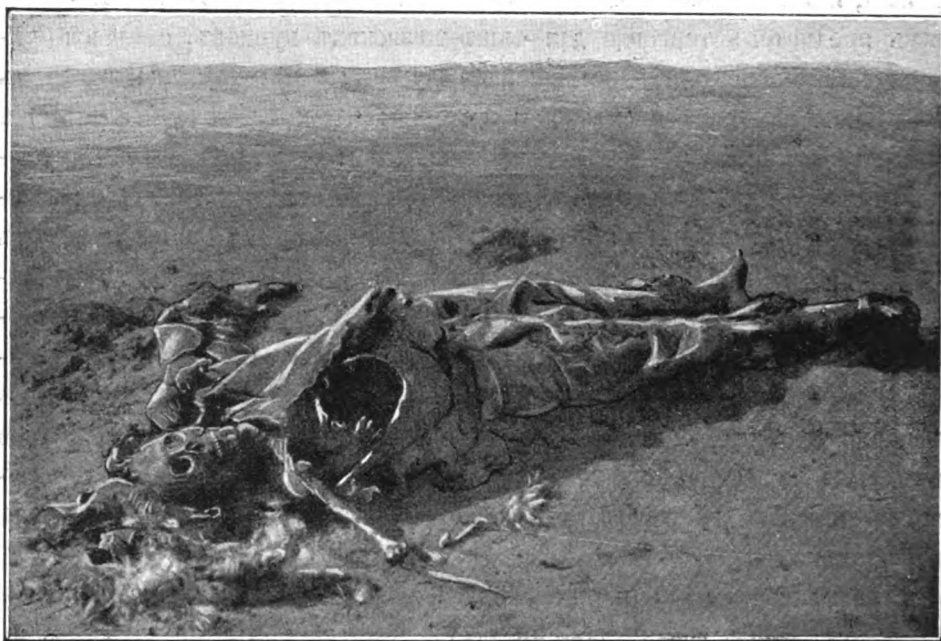
Счетъ чеховъ здѣсь также другой, при которомъ за 100 чеховъ выдается дѣйствительныхъ монетъ только 84. — Монголы зовутъ Фынть-чжэнь — Ямынь-коу.

6-е Марта. Суббота.

6 ч. —4°; 9 ч. —2½°; 12 ч. +4°; 3 ч. +9½°; 6 ч. +1°; 9 ч. —5°.

Часовъ съ двухъ ночи и цѣлое утро дуетъ страшный востоко-сѣверо-восточный вѣтеръ. Мы двинулись въ путь въ 7 ч. 15 м. и поѣхали отъ Фынть-чжэна почти прямо на западъ. Окрестности дороги казались громаднѣйшею неразработанною степью; впрочемъ, всматриваясь ближе и внимательнѣе, можно было замѣтить, что земля здѣсь культивирована и несомнѣнно представляетъ собою два или три года тому назадъ оставленныя пашни. Лѣссовая почва, кажется, гораздо скорѣе чернозема уничтожаетъ слѣды человѣческаго труда. Дорога вообще крайне однообразна: она проходитъ по этимъ покинутымъ полямъ и только кое гдѣ по сторонамъ вдали виднѣются человѣческія жилища. Въ 9 ч. 40 м. мы снова наѣхали на трупъ человѣка, умершаго голодною смертію. Мой ящикъ,

бывшій по происхожденію изъ Фынъ-чжэна, говоритъ, что онъ видѣлъ этого покойника еще мѣсяца полтора тому назадъ на городскихъ улицахъ

Умершій отъ голода.

то просящимъ милостыню, то исполнявшимъ мелкія, черныя работы у жителей. Эта тяжелая встрѣча случилась для насъ почти на берегу рѣки, которую мѣстные жители зовутъ Сяо-хэ-цза и которая, вѣроятно, имѣетъ еще особое официальное собственное имя, подобно тому какъ рѣка, называемая ими Да-хэ, именуется собственно Линъ-хэ. Сяо-хэ, рѣчушка не свыше 3-хъ сажень въ ширину, впадаетъ въ Линъ-хэ неподалеку отъ Фынъ-чжэна. Въ линіи нашей дороги крестьяне неподалеку стоящаго отсюда поселка Эр-дѣ-чѣ-цза устроили черезъ Сяо-хэ мостикъ, черезъ который мы переѣхали, уплативъ за сіе по 5 чеховъ съ телѣги. Отъ береговъ рѣки начинается пологій подъемъ въ гору, на половинѣ котораго стоитъ деревенька Фынъ-кай-лу. Въ 10 ч. 30 м. проѣхали стоящей еще ближе къ вершинѣ перевала поселокъ Эр-дѣ-гѣ-цза, одинъ изъ немногихъ, сохранявшихъ видъ зажиточности. Здѣсь имѣется до 40 дворовъ поселянъ; каменная кумирня и театръ стояли въ полной исправности; въ одномъ изъ домовъ надъ дверями висѣли привѣски, обозначающія лавочку, но оказалось, что здѣсь продаютъ только хлѣбъ для прохожихъ путниковъ. Къ 11-ти часамъ вѣтеръ сталъ утихать и термометръ началъ повышаться такъ быстро, что въ теченіе одного часа поднялся на $+5^{\circ}$. Въ 11 ч. 10 м. мы

окончательно взобрались на этот пологий и длинный, хотя и неособенно высокий переваль, именуемый Сяо-ба и съ вершины его передъ нашими глазами снова открылась долина рѣки Сяо-хэ, которая, очевидно, огибаетъ Сяо-ба съ сѣвера. Въ долину этой было раскидано до шести деревень: всѣ онѣ были окружены деревьями и выглядывали изъ нихъ, какъ бы изъ небольшихъ рощицъ; лѣтомъ, вѣроятно, съ вершины этого перевала имѣется чрезвычайно живописный видъ. Первая изъ этихъ деревень, попавшихся намъ на встрѣчу, называлась Ма-чѳ-лѣ и заключала въ себѣ 16 дворовъ. Верстахъ въ двухъ отъ нея, какъ разъ противъ деревушки Фань-цзя-хурѣ, существуетъ переправа на лѣвый берегъ рѣки Сяо-хэ и заслѣдъ дорога направляется вверхъ по теченію этой рѣки. Названіе деревни Фань-цзя-хурѣ представляетъ въ своемъ имени странное смѣшеніе китайскаго языка съ монгольскимъ. О происхожденіи его разказываютъ, что прежде здѣсь былъ одинъ домъ фамиліи Фань, построившій свои жилища за одною большою оградой, которую мѣстные чахары называли хурѣ. Въ 12 ч. 45 м. мы достигли деревни Ма-ванъ-мяо, въ которой и остановились для отдыха.

Ма-ванъ-мяо — жалкая полуразрушенная деревушка, и единственное большое и дѣйствительно красивое зданіе представляетъ здѣсь собою кумирня, отъ которой и вся деревня заимствуетъ свое имя. Кумирня эта заключаетъ въ себѣ три отдѣльныхъ храмины: первая срединная посвящена Гуань-ди; вторая съ лѣвой стороны — Лунъ-вану и третья, съ правой — Ма-вану. Осмотрѣвъ эти кумирни, мы въ 2 ч. 10 м. двинулись въ дальнѣйшій путь и тотчасъ же начали подниматься на переваль, вершина котораго оказалась увѣнчанною давно уже невиданнымъ нами монгольскимъ обѣ. По спускѣ съ этого перевала пошли длинныя, песчаныя и однообразныя долины, въ которыхъ мы за 2 часа повстрѣчали по разнымъ мѣстамъ 8 человѣческихъ труповъ, хотя и неполныхъ: гдѣ лежали ноги, гдѣ туловище, гдѣ какія либо другія части, — все это жертвы здѣшняго голода. Въ 4 ч. 25 м. миновали 6 полуразрушенныхъ хижинъ деревни Чинъ-луанъ-цзо-рѣ, а черезъ часъ съ четвертью отсюда доѣхали до селенія Тянь-чжэнъ. Оно заключаетъ въ себѣ свыше 100 дворовъ и много лавокъ; но какъ особой производительности здѣсь не имѣется, то торговля въ этихъ лавкахъ ведется только мелочная и существуетъ, очевидно, лишь ради нуждъ окрестнаго населенія. Отъ Тянь-чжэна въ направленіи къ Гуй-хуа-чэн'у существуетъ двѣ дороги: южная и сѣверная. По первой изъ нихъ ни торговцы, ни телѣги съ большими возами никогда не ходятъ, такъ какъ дорога эта отличается своею каменистостью и обиліемъ горъ. Начинаясь отъ Тянь-чжэна, она идетъ по чахарской землѣ, безъ китайскаго населенія; черезъ деревни Со-гу-чэнъ и Гунъ-ба-мяо. Отъ этого послѣдняго поселка дорога

дѣлается страшно каменистою на всемъ протяженіи до Нинь-юань-сяня, черезъ деревню Ся-хо-ди. Нинь-юань стоитъ въ глубокомъ и тѣсномъ ущельи, окруженный со всѣхъ сторонъ высокими горами, — утесами. Городъ это чисто китайскій, старинный, но, какъ находящійся уже недалеко отъ Гуй-хуа-чэна, неимѣющій рѣшительно никакого коммерческаго значенія, помимо лишь мѣстной торговли. Черезъ него проходитъ большой казенный трактъ на Пекинъ по Внутреннему Китаю. Что касается до дороги на Хухѹ-хотò, то тотчасъ же отъ города она слѣдуетъ къ крутому подъему на высокій хребетъ, спускъ съ котораго въ глубокое ущелье продѣлать на полугорѣ, по уступамъ утеса, отвѣсная высота котораго отъ 20 до 30 саженой надъ дномъ ущелья; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога просто вырублена въ утесѣ. Спускъ по такой дорогѣ тянется почти на 10 ли. За нимъ дорога начинаетъ проходить по дну ущелья, гдѣ протекаетъ довольно быстрая рѣчка, вплоть до выхода изъ ущелья, на разстояніи приблизительно 30 ли, до мѣстечка Си-гоу-мынь. Отсюда дорога поворачивается на сѣверо-западъ и въ сказанномъ направленіи слѣдуетъ черезъ послѣднюю станцію Янь-гэй-ба до самаго Гуй-хуа-чэна. Такимъ образомъ отъ Тянь-чжэна до Гуй-хуа-чэна существуютъ слѣдующіе пункты остановокъ: Ся-хо-ди — 75 ли; Нинь-юань — 40 ли; Яо-по-ло — 35 ли; Янь-гэй-ба — 50 ли и Гуй-хуа-чэнь — 50 ли.

Имѣя въ виду пустынность этого казеннаго тракта я не поѣхалъ по нему, а, собравъ вышеозначенныя свидѣнія, направился по сѣверной дорогѣ, которая, говорили мнѣ, съ одной стороны нѣсколько оживленнѣе, а съ другой монгольскій элементъ на ней гораздо ближе соприкасается съ китайскимъ, что составляло особый интересъ. За Тянь-чжэн'омъ по этой дорогѣ разстилается совершенно неразработанная степь, постоянно повышающаяся въ направленіи къ сѣверо-западу. Поднимаясь на эту возвышенность, мы все болѣе и болѣе различали воздвигнутые на находившихся передъ нами горахъ пять башенъ (тай). Къ какому времени относятся онѣ по своему построенію, мнѣ осталось неизвѣстно, но несомнѣнно, что онѣ существуютъ независимо отъ Великой стѣны. Въ 7 ч. 40 м. мы начали спускаться съ помянутой возвышенности по весьма крутому спуску, ради большей пологости, проложенному извилинами по горѣ. Въ общемъ перевалъ этотъ носитъ названіе Хань-чинъ-ба. Съ него спустились мы въ большую долину Дай-хай-та, съ двумя озерами, тянущимися съ СВ на ЮЗ. На сѣверномъ берегу послѣдняго, т. е. юго-западнаго изъ этихъ озеръ находится деревенька съ тѣмъ же именемъ Дай-хай, въ которой мы и остановились для ночлега.

7-е Марта. Воскресенье.

6 ч. —8°; 9 ч. —1°; 12 ч. —7°; 3 ч. —7°; 6 ч. —1°; 9 ч. —4°.

Выѣхали въ 7 ч. Долина Дай-хай-та у монголовъ носить названіе Дайгѣйнъ-тала и еще недавно составляла чахарскія кочевья. Лѣтъ десять тому назадъ, китайцы, намѣтивъ эти земли, какъ удобныя для хлѣбопашества, возбудили передъ правительствомъ ходатайство объ отчисленіи ихъ отъ кочевыхъ угодій чахаровъ и разрѣшеніи культивировать ихъ, а когда на сіе послѣдовало разрѣшеніе изъ Пекина, то здѣсь и начали селиться китайцы, выходцы изъ Синь-чжоу, провинціи Шань-си. Первые поселенцы именно той деревни, въ которой мы ночевали, явились только лѣтъ 7, или 8 назадъ: они приобрѣтали свои земли въ собственность, уплачивая фынъ-чжэн'скому ямуноу лишь по 900 чеховъ за квадрат. му. По отзывамъ ихъ, земли, лежащія у сѣверо-восточнаго озера, лучше земель, прилежащихъ озеру юго-западному, во 1-хъ потому что при этомъ послѣднемъ озерѣ больше мѣсть гуджирныхъ, а во 2-хъ юго-западное озеро, имѣя у себя плоскія берега, въ періодъ лѣтнихъ дождей сильно разливается и не рѣдко затопляетъ поля.

Въ 8 ч. 5 м. мы миновали сѣверный берегъ юго-западнаго озера, которое въ общей своей окружности имѣетъ не менѣе 60 верстъ. Сѣверо-восточнаго озера мы не видали вовсе: оно скрывается своими высокими берегами и лежитъ въ глубокой лощинѣ. Продолжая далѣе путь по той же долинѣ Дай-хай-та, въ 9 ч. достигли деревни Май-ху-ту, раскинувшейся очень широко, но заключающей въ себѣ едва ли свыше 50 дворовъ; тѣмъ не менѣе дворы эти стоятъ въ порядкѣ и образуютъ большія и широкія улицы. Май-ху-ту обосновалась назадъ тому лѣтъ 15-ть и землю свою мѣстные поселяне приобрѣтали у китайца Юй-во-лунъ, жительствоващаго къ сѣверу отсюда, въ урочищѣ Цаганъ-хурънь. Бесѣды о личности и дѣятельности Юй-во-луна выяснили мнѣ существованіе и положеніе здѣсь цѣлаго особаго класса людей, состоящихъ такъ сказать посредниками между китайскимъ правительствомъ и народомъ въ дѣлѣ заселенія и обработки земель, принадлежавшихъ прежде монгольскимъ кочевьямъ. Классъ этотъ носятъ у монголовъ названіе «шб-жэнь» (黍人). Вступаютъ въ него обыкновенно люди чиновные, т. е. тѣмъ или другимъ путемъ приобрѣтшіе себѣ шарикъ на шляпу, состоятельные, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы располагать капиталомъ въ 15, 20 тысячъ ланъ, и наконецъ люди оборотливые, т. е. какъ предпримчивые въ своей дѣятельности, такъ и извѣстные въ обществѣ, имѣющіе знакомство въ присутственныхъ мѣстахъ, среди ямуньскаго чиновничества и пр. Такіе люди, ознакомившись съ мѣстными монгольскими кочевьями и избравъ подходящія земли, возбуждаютъ дѣло о

разработкѣ этихъ земель. Дѣло начинается обычно въ ближайшемъ мѣстномъ ямунѣ въ той формѣ, что такой-то-де чиновникъ, желая посвятить свою дѣятельность на культуру такого то края и приносить пользу правительству взносомъ ли-цзина за земли, нынѣ лежащія пустопорожними, проситъ объ отчужденіи такого то участка, во столько-то му, изъ вѣдомства монгольскихъ кочевьевъ, предлагая за такое отчужденіе такую-то сумму денегъ съ cadaго му единовременно, и ежегоднаго ли-цзина съ cadaго му столько-то. Начавшись въ этой формѣ, дѣло это обычно восходитъ по различнымъ инстанціямъ до Пекина, причемъ со стороны возбужденнаго его чиновника бываетъ нужно не мало ловкости, чтобы провести его въ каждомъ правительственномъ учрежденіи. Если дѣло окончится счастливо и получено будетъ разрѣшеніе на отчужденіе участка, то чиновникъ этотъ становится его шб-жэн'емъ. Прежде всего онъ вноситъ въ казну деньги, причитающіяся съ него за отчужденіе земли; а засимъ раздѣляетъ этотъ свой участокъ на мелкіе участки по 30 или 40 му и объявляетъ по всему уѣзду, или области, объ отдачѣ ихъ въ арендное содержаніе. Являются мелкіе поселяне, которымъ «шб-жэнь» такъ же назначаетъ единовременный взносъ за право пользованія землей и ежегодный ли-цзинъ, который долженъ быть вносимъ поселянами ему — шб-жэню. Конечно, при этомъ «шб-жэнь» не остается безъ барышей. Уплативъ правительству, положимъ, по 900 чеховъ съ cadaго му единовременнаго взноса, онъ можетъ назначить таковой въ свою пользу поселянамъ въ 1200, 1500 и даже 2000 чеховъ; обязавшись вносить правительству ежегодно по 4 фына ли-цзина съ cadaго му, онъ можетъ назначить таковой поселянамъ по 5 фынъ и т. д. При этомъ надлежитъ однако замѣтить, что, принимая на себя тотъ или другой участокъ, «шб-жэнь» беретъ и всю отвѣтственность за него передъ правительствомъ. Если-бы ему не удалось раздать землю поселянамъ, или пришлось отдать только часть ея, онъ все таки обязанъ уплачивать ли-цзинъ за весь участокъ. Очень многіе изъ «шб-жэней», пользуясь нуждами народа, наживаютъ себѣ отъ своихъ аферъ большіе капиталы; другіе, не забывая, конечно, своей пользы, но довольствуясь незначительнымъ процентомъ, становятся истинными благодѣтелями для бѣднаго люда, которому при его средствахъ, конечно, никогда не пришлось бы выхлопотать себѣ у правительства новыя земли.

Продолжая далѣе свой путь по той же долинѣ Омбонъ дайгыйнъ-нүра, мы къ 11 часамъ дня прибыли въ слѣдующую деревню Сань-да-гоу, стоящую почти у самаго ущелья того же имени. Здѣсь намъ повстрѣчался, между прочимъ, каменописный памятникъ, поставленный нѣсколько лѣтъ тому назадъ мѣстными поселянами въ благодарность своему «шб-жэню».

Они восхваляютъ въ этомъ памятникѣ его добродѣтели и благотворительность бѣдному люду. На оборотной сторонѣ памятника выбиты имена участниковъ въ его постановкѣ съ показаніемъ, что каждый изъ нихъ пожертвовалъ на это дѣло по 500 чеховъ.

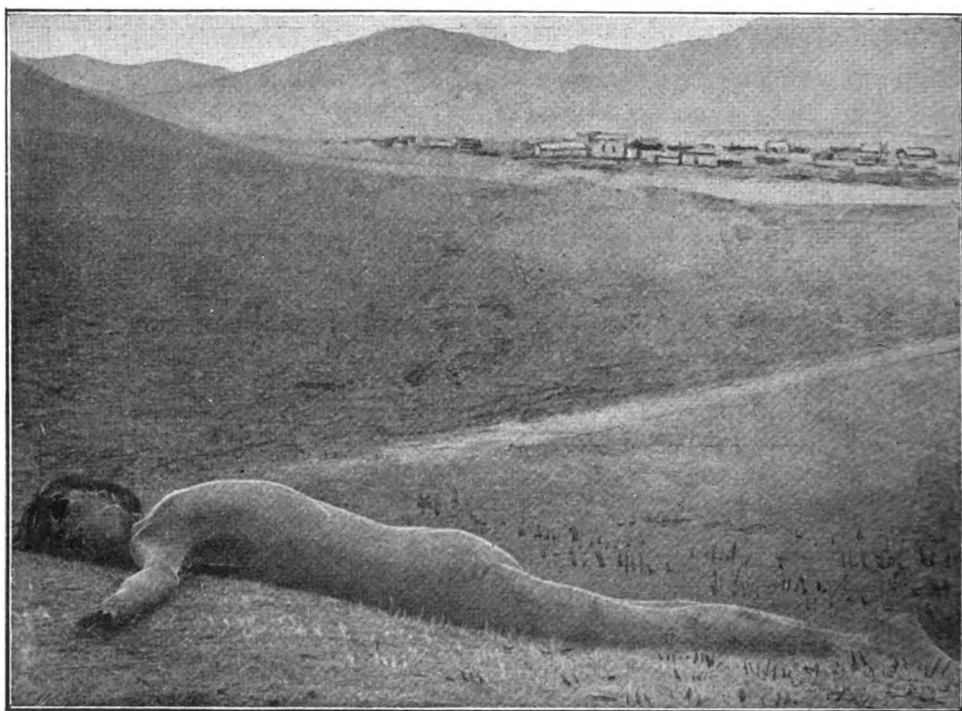
Оставивъ Сань-да-гоу, въ которой останавливались для полдника, въ 12 ч. 35 м., мы почти непосредственно по выѣздѣ изъ этой деревни вступили въ ущелье Сань-да-гоу, оказавшееся совершенно пустыннымъ: ни клочка земли здѣсь не разработано и жилищъ нѣтъ вовсе. Такой пустынный, и весьма пологій подъемъ тянулся для насъ въ продолженіе $3\frac{1}{2}$ часовъ, и только почти на самой вершинѣ перевала мы встрѣтили незначительную деревушку, принадлежащую чахарамъ краснаго съ каймою знамени. Чахары эти занимаются здѣсь хлѣбопашествомъ, хотя поля ихъ такъ незначительны, что мы едва могли усмотрѣть ихъ послѣ долгихъ указаній. Перевалъ, къ которому мы теперь направлялись, чахары называютъ Шанхайнъ-даба, китайцы же зовутъ его Сяо-ба-цза. Въ 4 ч. 35 м. мы достигли вершины его, которая замѣчательна, можетъ быть, только въ томъ отношеніи, что служитъ административною границею для чахарскихъ знаменъ хубѣту уланъ и хубѣту хѣхѣ. Спускъ съ этого перевала такой же пологій, но онъ на столько незначителенъ, что къ 5 ч. мы достигли уже долины, положеніе которой, очевидно, гораздо выше Дайгъинъ талѣ. Дорога отсюда поворачиваетъ прямо на западъ. Сѣверные скаты окрестныхъ горъ были покрыты снѣгомъ. Въ 5 ч. 55 м. мы достигли хотя и довольно большой, но полуразрушенной деревни Да-цунь. Жители ея оказались также выходцами изъ Синь-чжоу и рассказали намъ, что тамошнія мѣста представляютъ собою равнину въ большинствѣ очень плодородную. Заставила ихъ выйти оттуда крайняя бѣдность, при которой они рѣшительно не имѣли средствъ къ приобрѣтенію тамъ земли. Вообще земледѣліе въ долинѣ Синь-чжоу на столько выгодно, что земля, которая можетъ быть орошаема, и съ которой можно снимать два сбора, продается тамъ по 70 ланъ за одно му, тогда какъ сухія и лёссовыя поля, гдѣ успѣхъ труда фермеровъ зависитъ отъ количества дождей, и съ которыхъ не можетъ быть снимаемо болѣе одного сбора, стоятъ 10 ланъ за тоже пространство. Орошаемыя поля почти сплошь засѣваются овощами и макомъ и даютъ громадныя доходы. Опій продается по 540 чеховъ за ланъ и никуда не вывозится, потому что производимаго едва хватаетъ для мѣстнаго потребленія. Въ такихъ бесѣдахъ съ однимъ изъ Да-цуньскихъ крестьянъ мы въ 6 ч. 35 м. доѣхали до деревни У-ли-па весьма небольшой по объему, но, говорятъ, имѣющей у себя отличный день. Въ 7 ч. 15 м., переваливъ отсюда черезъ небольшой увалъ, мы достигли длинно растянувшагося китайскаго поселка Чагань-

булунъ, имя котораго, несомнѣнно, передѣлано китайцами изъ монгольскаго Цаганъ-булукъ, и въ немъ остановились для ночлега.

8-е Марта. Понедѣльникъ.

6 ч. $-7\frac{1}{2}^{\circ}$; 9 ч. $+0$; 12 ч. $+5^{\circ}$; 3 ч. $+3^{\circ}$; 6 ч. $+1^{\circ}$; 9 ч. -0° .

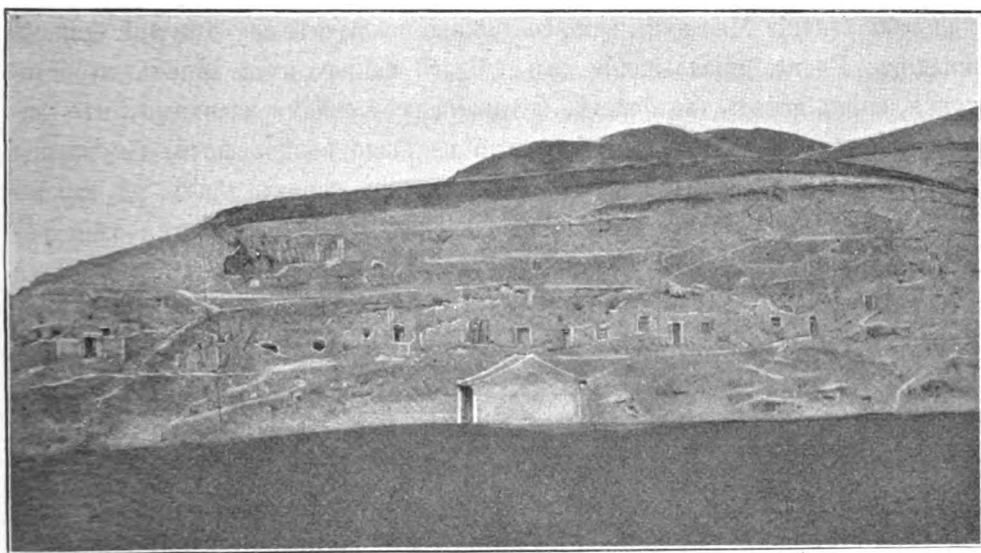
Утро сумрачное. Выѣхали въ 7 ч. 30 м. Дорога потянулась по ущелью, постепенно понижающемуся на западъ, куда мы направляли свой путь. Ущелье имѣетъ ширины не болѣе 300 саж.; посреди его извивается въ берегахъ, покрытыхъ галькою, рѣчушка Цаганъ-булукъ, а по обѣимъ сторонамъ ея распаханы узкою полососою пашни, поднимающіяся иногда на боковины горъ. Въ 15 м. ѣзды отъ Цаганъ-булуна мы снова напали на трупъ умершаго съ голоду нищаго. Про этого человѣка намъ разказы-

Умершій съ голоду.

вали, что еще недавно онъ жилъ въ Цаганъ-булунѣ цѣлою семьею, состоявшею, помимо него, изъ его матери, его жены и двухъ сестеръ. Голодъ и бѣдность заставили эту семью прежде всего продать своихъ дѣвушекъ: одну, 14 лѣтъ, за 5 лапъ серебра, другую, 9 лѣтъ, — за 2 ланы. Засимъ умерла съ голоду старуха. Мѣсяца два назадъ отъ этого бѣдняка ушла жена съ какимъ-то отчаяннымъ чахарскимъ ламою, послѣ чего самъ онъ жилъ исключительно подаяніями, ходилъ совершенно голымъ, пока съ не-

дѣлю тому назадъ не увидали его мертвымъ на этомъ мѣстѣ. Вѣроятно, никто не далъ ему пристанища на ночь, и онъ умеръ отъ голоднаго истощенія и мороза. Населеніе по ущелью Цаганъ-булунъ кажется весьма незначительнымъ. Въ 8 ч. 25 м. по дорогѣ попалась жалкая деревенька. Она носитъ названіе Сяо-булунъ, т. е. малый ключъ, заимствуя такое имя отъ ручья, вытекающаго изъ боковой горной пади ущелья и сливающагося съ Цаганъ-булуномъ. Такихъ ручейковъ здѣсь очень много. Направляясь къ одному большому ущелью, по которому шла наша дорога, и вливаясь въ Цаганъ-булунъ, они дѣлаютъ эту рѣчку все шире и шире, и вскорѣ она разливается почти на все ущелье, едва оставляя мѣсто для пашень и дороги. Деревень, въ смыслѣ жилищъ, сложенныхъ изъ необожженаго кирпича, или глинобитныхъ зданій, здѣсь почти не встрѣчается вовсе, и поселенія идутъ отсюда главнымъ образомъ пещерныя. Таковымъ прежде другихъ представился намъ въ 9 ч. 10 м. поселокъ Хунъ-саба, съ котораго мы тотчасъ же сняли фотографическій снимокъ. Въ 9 ч. 50 м. ущелье

Пещерныя жилища въ Хунъ-саба.

вдругъ расширилось и образовало въ себѣ значительную луговину. Мѣстные жители воспользовались этимъ, чтобы построить здѣсь настоящій поселокъ, посящій названіе Да-юй-шу. Въ селеніи находится до 60 глинобитныхъ дворовъ, да помимо того имѣются еще и пещерныя жилища. Мы насчитали здѣсь до 12 лавокъ, по обѣимъ же окраинамъ поселка находятся двѣ старинныхъ каменныхъ кумирни съ театрами. Тѣ и другіе, очевидно, были когда то построены на широкую ногу, а теперь уже очень обвет-

шали. Отсюда дорога по ущелью дѣлается значительно каменистѣе, но самое ущелье продолжаетъ быть порядочно распаханнымъ и поля его совершенно очищены отъ камней. Въ 11 ч. 30 м. мы достигли трехъ маленькихъ деревенекъ, именуемыхъ однимъ общимъ именемъ Хо-ло-рѣ и расположенныхъ одна отъ другой не болѣе какъ на разстояніи 150 сажень. Черезъ полчаса ѣзды отъ послѣдней изъ нихъ остановились для полдника въ селеніи Суй-моу.

Простоявъ ровно 1½ часа, мы двинулись далѣе и черезъ 30 м. проѣхали большой поселокъ Дай-чжу-ю-цзя. Дорога отъ него идетъ подъ сильнымъ уклономъ. Не смотря на непогоду, на окрестныхъ поляхъ идетъ оживленная дѣятельность: поселяне боронятъ свои пашни и разбиваютъ глыбы слежавшейся земли при посредствѣ такъ называемыхъ «дунъ-цзя», т. е. каменныхъ круглыхъ катковъ, заключенныхъ въ продолговатую деревянную рамку и вращающихся вмѣстѣ съ своей желѣзной осью. Въ 2 ч. началъ падать сильный снѣгъ и въ воздухѣ почувствовалась нѣкоторая сырость и охлажденіе, хотя тѣмъ не менѣе пахло весною. Черезъ полчаса миновали селеніе Мяо-гуй-мынь, состоящее исключительно изъ пещерныхъ жилищъ. Во все продолженіе дальнѣйшаго нашего пути вплоть до остановки, снѣгъ падалъ такъ сильно и такими громадными хлопьями, что видѣть окрестностей дороги рѣшительно не было возможности. Скука при такихъ движеніяхъ страшная. Созерцаешь лишь своихъ лѣпцъ, да дорожные камни, по которымъ черезъ нѣсколько мгновеній прокатится твое колесо. Снѣгъ падаетъ такъ сильно, что даже попадающіяся деревни видятся какъ бы сквозь густой туманъ. Въ 3 ч. 40 м. мы миновали поселокъ Хурѣ, не менѣе какъ въ 40 дворовъ, представляющихъ собою какъ глинобитныя, такъ и пещерныя жилища; въ 4 ч. 30 м. попалась полуразрушенная деревня Чжу-цзя ванъ и, наконецъ, въ 5 ч. 30 м. давно ожидаемая мною деревня Ши-жэнь ванъ. Въ существѣ дѣла интересовала меня не самая эта деревушка, оказавшаяся заключающею въ себѣ не свыше 30 дворовъ, но я слышалъ, что самое названіе ея произошло отъ находящихся неподалеку отсюда двухъ древнихъ каменныхъ памятниковъ, имѣющихъ форму человѣкообразныхъ статуй (ши-жэнь). Еще съ самаго утра думалъ я фотографировать эти памятники и торопилъ своихъ подводчиковъ; но что можно сдѣлать со снѣгомъ, который валилъ теперь безъ конца? Камни оказались стоящими на южной сторонѣ деревни и, миновавъ послѣднюю, мы увидали фигуры ихъ на пашняхъ по правую сторону дороги. По осмотру это оказались каменные статуи, изображающія двухъ даосовъ, стоящихъ другъ противъ друга также точно, какъ устанавливаются они въ даосскихъ кумирняхъ. Производить подробный осмотръ было невозможно, ибо хлопья

снѣга залѣпляли и насъ, и статуи. Отъ деревни Ши-жэнь-ванъ рѣка подходит вплотную къ отвѣсно стоящимъ на правой сторонѣ ея скаламъ, и дорога поэтому, обычно, переходитъ на лѣвый берегъ ея, чтобы избѣжать труднаго подъема на гору; но теперь рѣка разлилась почти на все ущелье, бродъ черезъ нее былъ невозможенъ, да и бесполезенъ, такъ какъ дорога по лѣвому берегу не представлялась удобнѣе, будучи залита водою. Въ видахъ этого мы должны были подняться на скалы и ѣхать по утесамъ, дорожкой, не выше двухъ аршинъ шириною, на высотѣ приблизительно 20 саж. Такой дороги было всего версты на три. Далѣе послѣдовалъ опять спускъ въ долину, по которой мы въ полчаса достигли до деревни Май-и-дя-рѣ, гдѣ предполагался нашъ ночлегъ. Но не сразу могли мы вступить въ это значное мѣсто. У кумиреньки, построенной на окраинѣ деревни, имѣется небольшая ложбина. Теперь, какъ и всегда въ періодъ таянiя снѣговъ, ложбинка эта наполнилась водою и образовала собою лужу, черезъ которую, говорятъ, невозможно проѣхать. Окружность всей этой лужи не выше 30 саженой, объѣздъ же ея по полямъ мы дѣлали 45 мин., такъ что въ деревню намъ пришлось въѣхать съ совершенно противоположнаго конца ея. «Да почему же не засыплотъ этой ложбинки?» спрашиваю я, «тогда не было бы лужи и не приходилось бы ни мѣстнымъ жителямъ, ни путникамъ дѣлать такого крюка!» — «А кто же будетъ засыпать? Вѣдь эта земля никому не принадлежитъ?! У каждого есть свое поле для работы!» — Вотъ отвѣтъ, мѣтко рисующій общественную жизнь Китая.

9-е Марта. Вторникъ.

6 ч. —2°; 9 ч. +3¹/₂°; 12 ч. +4°; 3 ч. +4°; 9 ч. —2°.

Выѣхали въ 7 ч. 30 м. утра. На дворѣ пасмурно, небо хмурится, все покрыто снѣгомъ, который шелъ всю ночь и залегъ слоємъ выше ¹/₄ аршина. Проводники сообщили мнѣ, что неподалеку отъ Май-и-дя-рѣ въ направленiи къ ЮВ. вытекаетъ рѣчка Да-хэй-хэ, которая, протекая ли въ 10 южнѣе Хүхү-хотò, впадаетъ въ Хуанъ-хэ близъ Хэ-кү. Дорога наша, очевидно, проходитъ по пашнямъ, но далѣе рассмотреть подъ снѣгомъ ничего не возможно. Въ 8 ч. 45 м. мы миновали деревню Тянь-мэй-тэ, хотя и не большую, но, кажется, довольно богатую. Гостиницы въ ней почти сплошь каменные, обнесенныя большими оградами. Ли въ 20-ти къ сѣверу отсюда мы усмотрѣли высокую башню, именуемую китайцами Бай-та-рѣ. Указанiе на ея существованiе мы находимъ въ дневникахъ походовъ Чжанъ-пынъ-гэ, который въ 1687 г. осматривалъ ее и сообщаетъ о ней слѣдующее: «Башня выведена въ семь ярусовъ и высоту достигаетъ 20 чжанъ. Платформа ея имѣетъ видъ нюнюфара и на ней выгѣплены разныя фигуры людей и животныхъ. Башня эта еще выше той, которая находится въ

Пекинѣ, въ кумирнѣ Тянь-нинъ-сы. По стѣнамъ вырѣзаны изреченія изъ священныхъ книгъ Хуа-нянь-цзинъ въ 10 тыс. частей. На башню ведетъ лѣстница, по которой можно взобраться до самаго верха; тутъ по бокамъ вырѣзаны имена тѣхъ лицъ, которыя повѣряли вырѣзанныя буквы. Это было во времена императора Ши-цзуна династіи Цзинь (1161—1190 г.). Между прочимъ мы встрѣтили здѣсь нѣсколько пирамидокъ величиною около дюйма; онѣ сдѣланы изъ глины, но если разломить ихъ, то оказывается въ срединѣ пшеница, или жито. Это приношенія, сдѣланныя благочестивыми людьми, богамъ». Въ виду плохого состоянія погоды я самъ предположилъ заѣхать и осмотрѣть эту башню на обратномъ пути, теперь же, слѣдуя далѣе, мы видѣли передъ собою одни поля вплоть до того, пока въ 11 ч. дня намъ ни попалась деревенька Доголднъ, въ которой мои извозчики остановились для полдника.

Выѣхавъ съ постоялаго двора въ 12 ч. 40 м. дня, мы опять таки продолжали путь по равнинѣ, сплошь обработанной подъ пашни. По сторонамъ отъ дороги было видно нѣсколько деревень, изъ числа которыхъ болѣе привлекаютъ своею величиною «Бозаръ» (1 ч. 35 м.) и Ми-мяо (2 ч. 50 м.). На самой нашей дорогѣ поселковъ никакихъ не было за исключеніемъ двухъ каменныхъ байшиновъ, обнесенныхъ оградой и одиноко стоящихъ на разстояніи 15 ли другъ отъ друга. Говорятъ, это зданія, устроенныя для остановки проѣзжающихъ чиновниковъ. Только съ трехъ часовъ дня по дорогѣ пошли почти сплошь постоялые дворы, но это мѣсто можно считать уже предмѣстьемъ Хухѹ-хотѹ. Дворы эти теперь всѣ пустовали и главная работа ихъ идетъ зимою, когда въ Гуй-хуа-чэнъ приходятъ монгольскіе извозчики, предпочитающіе обыкновенно жить за городомъ, чѣмъ въ самомъ городѣ. Въ 3 ч. 15 м. мы увидали въ направленіи къ сѣверу Синь-чэнъ, т. е. новый городъ Хухѹ-хотѹ, или собственно хухѹ-хотѹскую крѣпость и, не заѣзжая въ нее, вступили прямо въ старый городъ. Это было ровно въ 4 ч. пополудни.

III. Гуй-хуа-чэнъ.

Время основанія Гуй-хуа-чэна мнѣ неизвѣстно вточности. По изысканіямъ о. Іакинфа мы знаемъ, что одинъ изъ владѣтелей дома Тоба, по имени Ли-вэй, перекочевалъ отъ Даль-нора на земли между Калганомъ и Ордосомъ и занялъ мѣстность Чэнъ-ло, которая, говоритъ о. Іакинфъ, по своимъ превосходнымъ пастбищамъ искони служила мѣстопребываніемъ сильныхъ монгольскихъ хановъ, и на которой нынѣ расположенъ городъ

Хухү-хотò, или по китайски Гуй-хуа-чэнъ ¹⁾). Существовалъ ли однако въ ту пору какой либо городъ на мѣстѣ нынѣшняго Хухү-хотò, на это указаній не имѣется. Надо думать, впрочемъ, что со временъ Тоба здѣсь было обосновываемо много большихъ и маленькихъ городовъ и что въ періодъ Суновъ на мѣстѣ Хухү-хотò стоялъ городъ Дянь-чэнъ. Во времена Юаньской династїи Гуй-хуа-чэнъ составлялъ округъ Фэнъ-чжоу ²⁾, который лежалъ на СВ отъ Нинъ-ся, въ недалекомъ отъ него разстояніи. Въ «Юань-хэ-чжи» говорится: «отъ Фэнъ-чжоу на юго-западъ считается 900 ли до Линъ-чжоу»; послѣдній есть нынѣшній Нинъ-ся. Въ ту пору въ Фэнъ-чжоу былъ окружный начальникъ съ двумя помощниками, и они подчинены были правителю области Да-тунъ-фу (въ Шань-си). Есть основаніе предполагать, что китайскіе императоры дома Юань очень любили и часто посѣщали Фэнъ-чжоу.

Если вѣрить всему записанному въ лѣтописяхъ монголовъ, то время основанія нынѣшняго Гуй-хуа-чэнъ'а нужно относить къ періоду Минскаго императора Цзя-цина (1522—1567 г.). Въ эту пору славный въ исторїи монголовъ Алтанъ-хәнъ занялъ со своими тумэтами мѣстность древней Фэнъ-чжоу и для жительства своего построилъ здѣсь городъ, или вѣрнѣе окруженный стѣнами собственный дворецъ, такъ какъ усвоившееся этому городу монгольское имя «байшинъ» обозначаетъ просто «каменный домъ». Весьма вѣроятно, впрочемъ, что на ряду съ этимъ дворцомъ Алтанъ-хәна возникли здѣсь и другія постоянныя зданія, что и дало китайцамъ право называть эту ставку Алтанъ-хәна городомъ. Минъ-ши измѣнила даже его названіе въ Банъ-шәнъ (板升), которое однако, несомнѣнно, составляетъ простую транскрипцію монгольскаго имени. Извѣстно, что вся жизнь Алтанъ-хәна представляетъ собою почти непрерывный рядъ войнъ съ Китаемъ, и несомнѣнно, что именно въ этомъ Байшинѣ обсуждались и отсюда предпринимались почти всѣ тогдашніе походы монголовъ на Китай. Такъ длилось до 1570 г., когда китайцы заключили мирный договоръ съ Алтанъ-хәнгомъ, при чемъ послѣднему былъ пожалованъ титулъ «шунь-иванъ'а» и золотая печать, а городъ, въ которомъ онъ жилъ, Байшинъ, былъ переименованъ въ Гуй-хуа-чэнъ, что значитъ въ буквальномъ переводѣ «возвращенный цвѣтокъ».

Послѣ заключенія этого мира съ Китаемъ Алтанъ-хәнъ сдѣлался, какъ извѣстно, ревностнымъ буддистомъ и, въ 1578 году, призвавъ къ себѣ Далай-ламү, общалъ ему построить въ Хухү-хотò статую будды изъ золота, серебра и драгоценныхъ камней.

1) Иакинфъ. Сказаніе о народахъ. Т. I стр. 188.

2) Область Фэнъ-чжоу Танской династїи находилась по р. Хуанъ-хэ.

Преемники Алтанъ-хана уже не были такъ могущественны. Еще при сынѣ его, Сэнгэ, тумэты начали страдать отъ притѣсненій чахаровъ, а Гарту, сынъ этого Сэнгэ-дүрэнъ-хана, долженъ былъ, спасаясь отъ чахарскихъ нападеній, выйти изъ Гуй-хуа-чэн'а и переселиться на востокъ, къ предѣламъ харачинскимъ. Часть тумэтовъ, не предпринявшая такой перекочевки, осталась на старыхъ мѣстахъ и находилась подъ управленіемъ внука Алтанъ-ханова, Омбѣ хунъ-тайчжія, который продолжалъ жить въ Хухү-хотѣ и отсюда въ періодъ около 1633 г. просилъ подданства маньчжурскому императору. Маньчжуры, конечно, приняли тумэтовъ, но въ слѣдующемъ же году обвинили Омбѣ хунъ-тайчжія въ измѣнѣ, а въ 1636 г. уничтожили у тумэтовъ родовое управленіе и замѣнили его собственнымъ маньчжурскимъ. Съ этой поры маньчжурскіе императоры постоянно ласкали тумэтовъ и относились къ нимъ какъ бы съ особеннымъ довѣріемъ. Гуй-хуа-чэнскіе монастыри постоянно получали щедрые подарки отъ богдохана; гуй-хуа-чэнскіе ламы часто откомандировывались маньчурами для исполненія важныхъ дипломатическихъ порученій. Канси часто посѣщалъ Гуй-хуа-чэнъ и отсюда предпринималъ свои походы въ Монголію. Мы имѣемъ дневникъ одного изъ участниковъ этихъ походовъ, генерала Чжанъ-пынь-гэ, который посѣтилъ Гуй-хуа-чэнъ въ 1687 г. и дѣлаетъ о немъ слѣдующія замѣтки. «Городъ имѣетъ въ окружности около 3-хъ ли, но только провіантская канцелярія, казначейство и канцелярія начальника войскъ покрыты черепицей и выстроены изъ кирпича; остальной народъ живетъ въ мазанкахъ, и домовъ вообще очень не много Въ настоящую пору здѣсь находится монгольскій ду-тунъ и его помощникъ; въ ихъ вѣдѣніи состоитъ 8,000 человекъ солдатъ На южной сторонѣ около города находится кумирня, построенная въ честь Гуань-лао-ѣ и въ ней жизнеописаніе этого героя въ двухъ частяхъ. Оно хранится здѣсь съ тою цѣлью, чтобы наставлять чужеземцевъ вѣрности, долгу и правдѣ. . . . Около города есть предмѣстье, дома выстроены изъ глины, а далѣе, по окрестностямъ, пахатныя земли военныхъ и простолюдиновъ. Здѣсь постоянно ведется торговля съ чужеземцами и городъ служитъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, какъ китайскихъ, такъ и заграничныхъ Вступивъ въ самый городъ, мы увидали здѣсь памятникъ, называемый памятникомъ города Дянь-чэнъ. Вотъ что гласитъ его надпись: «Съ тѣхъ поръ какъ Фэнъ-чжоу была областью прошло уже долгое время. Мѣсто это называлось Цзю-юанъ-юнь (облако девяти источниковъ) и управлялось прежде тремя высшими сановниками, заключаая въ себѣ во всѣ четыре стороны обширное пространство земли. При династіи Цзинь оно находилось подъ управленіемъ «цзѣ-ду-ши», начальника пограничнаго гарнизона, на-

зывавшагося Тянь-дэ-цзюнь. Здѣшніе нравы и обычаи находятся въ первобытной простотѣ и грубости; здѣшніе жители далеки отъ утонченности и обстановка ихъ жизни близка къ природѣ. Почва не отличается тучностью, солончаковата и въ отношеніи къ производительности принадлежитъ къ среднему разряду самаго послѣдняго класса земель¹⁾. Мѣстоположеніе представляетъ нагорную равнину. Поля и пашни, какъ военныхъ, такъ и простолюдиновъ перемѣшаны между собою, равно какъ и оба эти класса живутъ смѣшанно. Къ югу отъ города находятся слѣды черной рѣчки и остатки зеленого кладбища; а къ сѣверу, на разстояніи около 30 ли, тянутся въ видѣ полукруга горы, называемыя Ци-лян-шань, черезъ которыя идетъ старинная кратчайшая дорога. Горные проходы города Дянь-чэнъ также длинны какъ проходъ Инъ-ванъ, и опасны какъ Юй-янъ; съ теченіемъ же времени они становились втрое опаснѣе. Отъ Тянь-пинъ городъ находится въ разстояніи 70 ли²⁾. Въ древности нѣсколько разъ проходили здѣсь арміи; но разливавшіеся горные потоки останавливали движеніе телѣгъ, и температура такъ рѣзко мѣнялась, переходя отъ холода къ зною и отъ зноя къ холоду, что люди не въ состояніи были переносить ее. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ здѣсь были правителями: областной начальникъ цзѣ-лѣ, окружный начальникъ — го-инь-ву и два помощника послѣдняго — лунъ-чжунъ-юнь. Собравъ народъ, они заставили его работать и въ непродолжительное время, при искусствѣ и разсчитанности, непроходимыя почти мѣста обратились въ ровную, гладкую дорогу, за что всѣ отправляющіеся на почтовыхъ, ѣдущіе въ телѣгахъ и перевозящіе клади были весьма признательны. Притомъ въ пунктѣ соединенія трехъ горныхъ дорогъ, мѣстѣ наиболѣе важномъ и опасномъ, поставленъ былъ военный караулъ, что навело страхъ на разбойниковъ и до того обезопасило путешествіе купеческихъ каравановъ, что на дорогѣ никто не взялъ бы себѣ потеряннаго другимъ, а путники перестали болѣе подвергаться несчастіямъ. Правленія императора Янь-ю (Сунской династіи) 7-го года 11-й луны сдѣлана эта надпись потомкомъ Юй-чжана, по фамиліи Ли-вэнь-хуанъ».

Замѣчательно, что Чжанъ-пынь-гэ, обращавшій вниманіе на всѣ памятники китайской старины, ни однимъ словомъ не обмолвливается о существованіи въ Гуй-хуа-чэнѣ ламайскихъ кумирень, хотя городъ этотъ, осо-

1) Раздѣленіе странъ по ихъ почвѣ сдѣлано еще при императорѣ Юй-ванѣ (3-й по Яо и Шунѣ). Онѣ раздѣлены на три класса: хорошія, посредственныя и плохія; а эти три класса раздѣлены на три разряда: высшій, средній и низшій. Значитъ всего разрядовъ девять, а гуй-хуа-чэнскія земли относятся къ восьмому изъ нихъ; другими словами, — онѣ плохи, но еще не совсѣмъ.

2) Инъ-ванъ находится въ провинціи Гань-су; Юй-янъ — въ западной части провинціи Шань-си; а Тянь-пинъ названіе неизвѣстнаго мнѣ древняго мѣста.

бливо въ ту пору, былъ по преимуществу замѣчательнѣ буддѣйскими монастырями. Монастыри эти приводили въ восхищеніе всѣхъ тогдашнихъ писателей востока, да и изъ европейскихъ путешественниковъ, вплоть до Гюка и Габэ, всѣ обращали на нихъ вниманіе. Мы можемъ сказать, что они и доселѣ еще имѣютъ хотя и отрицательное, но очень важное значеніе въ жизни всего города. Прибывъ въ Хүхү-хотѣ, я съ перваго же дня началъ свое изслѣдованіе монастырей тѣмъ болѣе, что заводить знакомство съ ламами удобнѣе, чѣмъ со всякимъ другимъ классомъ общества.

Ламайскіе монастыри въ Хүхү-хотѣ не носятъ обычныхъ монгольскихъ названій «хурѣ», «сумѣ», или «хитъ»; но всѣ они безъ различія называются здѣсь «чжү». Хүхү-хотѣскіе ламы считаютъ въ Хүхү-хотѣ семь большихъ и восемь малыхъ монастырей. Такое дѣленіе опредѣляется у нихъ, кажется, не обширностію монастыря и количествомъ проживающихъ въ немъ ламъ, а извѣстностью его правительству. Сверхъ того надлежитъ замѣтить, что, считая въ Хүхү-хотѣ 15 монастырей, ламы являются не совсѣмъ точны, ибо такое число принадлежитъ не одному городу, но и тѣмъ монастырямъ, которые, отдѣлившись отъ городскихъ, обосновались въ прилежащихъ Хүхү-хотѣ сѣверныхъ горахъ. Большіе монастыри въ Хүхү-хотѣ суть: Дѣ-чжү, Багѣ-чжү, Ширѣту-чжү, Пунсүкь-чжү, Эмчѣ-чжү, Рабчжѣ-чжү и Хошүни-чжү; монастыри эти извѣстны китайскому правительству, и ламы ихъ должны получать жалованье по штату. Къ числу малыхъ хүхү-хотѣскихъ монастырей принадлежатъ: Табүнъ-субурганай-чжү (кит. У-та-сы), Цорчжѣ-чжү и Гуанъ-фу-сы, состоящій въ вѣдѣніи Чжанчжѣ-гэгэна; наконецъ, сюда же причисляются монастыри, находящіеся въ сѣверныхъ горахъ: Бандѣта гэгэнай чжү, Эрдэнѣ ламайнъ чжү; Чахаръ ламайнъ чжү, Цаганъ ламайнъ чжү и Ширѣту ламайнъ чжү.

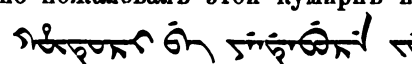
1) Дѣ-чжү, или, нѣсколько болѣе по монгольски, Йэхэ-чжү, есть, кажется, именно тотъ самый монастырь, который былъ построенъ Алтанъ-хѣномъ согласно обѣщанію, данному имъ Далай-ламѣ. Въ личныхъ бесѣдахъ мѣстные ламы не могли сказать мнѣ этого съ точностью, памятниковъ же въ монастырѣ не сохранилось никакихъ, помимо одной надписи, отлитой на чугунныхъ львахъ, стоящихъ передъ дверями главной кумирни. Надпись эта гласитъ, что «въ счастливый день 9-й луны 3-го года правленія Тянь-ци, происходящій изъ деревни Би-цао-шо Дай-тун'ской области золотыхъ дѣлъ мастеръ Чанъ-сань исполнилъ эту пару желѣзныхъ львовъ, по заказу жительствовающаго въ Сюй-юань, Омбѣ хунъ-тайчжѣя» (天啟三年九月吉日大同比草場金火匠人陳三一人成 | | 温布麻台吉許愿往帖師子一對). Исторически извѣстно только, что храмъ этотъ былъ исправленъ въ года правленія Чунь-

да (1636—1662), и въ тоже время ему было пожаловано имя «Цаглаши угэй сүмэ», которое и до нынѣ обозначается надъ воротами монастыря, будучи изображено на языкахъ: маньчжурскомъ, монгольскомъ и китайскомъ. Извѣстно также, что въ 36-мъ году правленія Канси (1697 г.), въ бытность цзасакъ-да-ламою Ндѣйчжи-тойнъ хутухты, кумирню эту, по особому высочайшему повелѣнію, разрѣшено было покрыть желтою черепицею, т. е. ей приданъ былъ видъ императорской кумирни.

Внутри кумирня Йэхэ-чжү носитъ всѣ признаки древняго великолѣпія. По сѣверной главной сторонѣ ея стоятъ громадныя литыя статуи во 1-хъ трехъ Цзү, а за симъ — четвертаго и пятаго далай ламы; по сторонамъ восточной и западной расположены такія же громадныя статуи восьми бодисатвъ и двухъ докшитовъ: Хайнкирва и Очиръ-вѣни; такимъ образомъ на каждой сторонѣ приходится по пяти статуй. Масса мелкихъ жертвенныхъ принадлежностей обращаетъ вниманіе изяществомъ своей отдѣлки; но поразительнѣе всего являются переднія, деревянныя, лакированныя колонны кумирни, стоящія передъ главною статуею Цзю. Необыкновенно толстыя, онѣ украшены рѣзными фигурами извивающихся драконовъ, изображеніе которыхъ при общей массивности тѣмъ не менѣе блестятъ тонкостью своей отдѣлки. «Бурханай ёргё» отдѣлено здѣсь отъ «хурулыйнъ сүмэ» отдѣльною стѣною. Въ хурулыйнъ сүмэ первое мѣсто по сѣверной стѣнѣ занимаетъ громаднѣйшее кресло, которое, говорятъ, встарину было сѣдалищемъ маньчжурскихъ императоровъ; нынѣ, во время хураловъ, его занимаетъ цзасакъ-лама всѣхъ хухү-хотѣскихъ монастырей.

Йэхэ чжү считается главнѣйшею изъ всѣхъ хухү-хотѣскихъ кумирень. Здѣсь имѣетъ свое мѣстопробываніе цзасакъ-лама, управляющій всѣми хухү-хотѣскими монастырями и жалуемый для сего особою печатью отъ богдохана. Во главѣ самаго монастыря стоятъ два цзасакъ-ламы и два даламы. Число ламъ въ Йэхэ-чжү не особенно велико и едва превышаетъ 100; но 80 изъ нихъ, говорятъ, почитаются штатными и состоятъ на жалованьи у китайскаго правительства. Помимо этого главнаго храма Чжү, въ оградѣ его стоятъ кумирни въ честь бурхановъ: Сандуй, Дэмчѣкъ, Айши и Чжанрайсѣкъ.

Какъ принадлежащая Йэхэ-чжү, но стоящая за отдѣльною отъ него оградю является здѣсь еще кумирня, носящая названіе Цзанканъ и посвященная гению покровителю монастыря. Къ ней съ особымъ почтеніемъ относятся какъ сами йэхэ-цзускіе ламы, такъ и принадлежащіе къ сектѣ Цзонхавы обитатели Гуй-хуа-чэн'а. Изъ надписей, приклеенныхъ на дверяхъ этой кумирни, видно, что въ 1869 г. габкүй здѣшняго монастыря хотѣлъ построить передъ этою кумирнею «туй-шорѣнъ»; но, за недостаткомъ

лѣто красноватаго зайца годовъ правленія Канси (1687 г.), при чемъ Нэйчжи тѣйнъ въ ту же пору довелъ объ этомъ сооруженіи до свѣдѣнія богдохана, и послѣдній немедленно пожаловалъ этой кумирнѣ названіе «Буяни ундурхакчи сүмэ» (маньчж. , т. е. «кумирня, возвышающая добродѣтель». Бага-чжү находится въ восточной сторонѣ торговаго города, неподалеку отъ кумирни Ширѣтү-чжү; въ ней, между прочимъ, имѣеть свое мѣстопребываніе и Нэйчжи-тѣйнъ хутухтү. По объему своему Бага-чжү значительно меньше Йэхэ-чжү и уже несравненно бѣднѣе его, по крайней мѣрѣ по внѣшнему виду: она находится теперь почти въ разрушеніи. Мѣстные ламы объясняютъ такое положеніе своего монастыря тѣмъ, что въ немъ нѣтъ хубилгана, къ которому бы стекался народъ. Дѣйствительно, правившій этимъ монастыремъ Нэйчжи-тѣйнъ хутухтү умеръ назадъ тому лѣтъ пять. Послѣ того хубилганъ его, говорятъ, былъ найденъ гдѣ то у харачиновъ, но засимъ этотъ новорожденный тоже умеръ, и теперь бага-чжүскіе ламы не собрались еще искать его новаго перерожденія, да едва ли и соберутся сдѣлать это скоро, такъ какъ въ общинѣ ихъ совершенно не имѣется людей предприимчивыхъ и энергичныхъ. Всѣхъ ламъ въ Бага-чжү считается до 60 человекъ, но въ самомъ Хухү-хотѣ проживаютъ очень не многіе: большинство ихъ разбрелось по степи и деревнямъ, тѣ же, которые остались въ Хухү-хотѣ не живутъ при кумирнѣ, такъ какъ ламскіе байшины въ ней развалились, а имѣютъ или свои байшины, или же нанимаютъ квартиры въ городѣ. Нечего и говорить, что при условіяхъ такой жизни эти ламы нисколько не походятъ на обыкновенную общину буддйскихъ монаховъ. Хуралы въ Бага-чжү совершаются только четыре раза въ годъ, а именно: въ Цаганъ-сарѣ, въ 4-й лунѣ, въ 6-й лунѣ и въ 9-й лунѣ.

А между тѣмъ несомнѣнно, что когда то Бага-чжү представлялъ собою изрядное мѣсто и пользовался особеннымъ расположеніемъ маньчжурскихъ императоровъ. Канси, неоднократно посѣщавшій Хухү-хотѣ, каждый разъ бывалъ въ этомъ монастырѣ и въ концѣ концовъ поставилъ въ немъ два каменописныхъ памятника, въ которыхъ описываетъ свои войны, веденныя съ Галданомъ. Памятники эти стоятъ посреди двора, по обѣимъ сторонамъ главной кумирни Бага-чжү, подъ особыми кіосками, устроенными каждый ввидѣ причудливо изогнутой китайской крыши, воздвигнутой на восьми колоннахъ. Надписи на камняхъ начертаны на четырехъ языкахъ, а именно: на первомъ камнѣ, по правую сторону, на китайскомъ и маньчжурскомъ, а на второмъ, по лѣвую, на тибетскомъ и монгольскомъ. Такъ какъ содержаніе этихъ надписей совершенно одинаково, то мною списанъ былъ только монгольскій текстъ; вотъ его слова:

1. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 2. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 3. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 4. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 5. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 6. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 7. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 8. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 9. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 10. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 11. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 12. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 13. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 14. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 15. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 16. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 17. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 18. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 19. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 20. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 21. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 22. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 23. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 24. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 25. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 26. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 27. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 28. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 29. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 30. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 31. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 32. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 33. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 34. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 35. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 36. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 37. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 38. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 39. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 40. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 41. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 42. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 43. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 44. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 45. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 46. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 47. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 48. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 49. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 50. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 51. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 52. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 53. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 54. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 55. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 56. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 57. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 58. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 59. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 60. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 61. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 62. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 63. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 64. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 65. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 66. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 67. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 68. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 69. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 70. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 71. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 72. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 73. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 74. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 75. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 76. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 77. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 78. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 79. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 80. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 81. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 82. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 83. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 84. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 85. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 86. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 87. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 88. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 89. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 90. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 91. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 92. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 93. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 94. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 95. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 96. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 97. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 98. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 99. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд
 100. Үлсүдэ хүмүүнүүдэд

Въ переводѣ это значить:

Какъ подумаю я, Хухү-хотò окружено мѣстами, горами и рѣками древней Фанъ-чжоу. Искони вѣковъ оно было восхваляемо, какъ лучшая мѣстность. Тòинь-ламà, возобновивъ старую кумирню, находящуюся на южной сторонѣ крѣпости, сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ, прося пожаловать имя кумирнѣ и я далъ ей названіе «кумирни, возвышающей добродѣтель». Въ зиму года красной мыши (1696 г.) я, при отправленіи повоевать блòтскаго Галдана, заѣзжалъ въ Хухү-хотò и останавливался своею ставкою передъ этою кумирней. Кумиренныя зданія удивительно хороши; воздвигнутыя (въ нихъ) фигуры буддъ блаженны и прекрасны; поэтому я, приказавъ повѣсить (въ кумирнѣ) разноцвѣтныя украшенія, положилъ здѣсь лично мною надѣвавшіеся шлемъ и панцырь, лукъ и стрѣлы, которые я держалъ при себѣ, колчанъ и футляръ для лука, которые я пристягивалъ. Обстоятельства, при которыхъ выходилъ я съ войсками за Великую Стѣну, слѣдующія: Когда халхасы и блòты, разсорившись, начали между собою войну, я не былъ въ силахъ смотрѣть, какъ уничтожаются массы народа и послалъ къ нимъ посла, приказавъ прекратить брань и войны. Но Галданъ, по причинѣ преслѣдованія халхасовъ, переступилъ мои караулы и двигался, причиняя безпокойства хошūнамъ, въ родѣ Учжумуцнньскаго. Элбэкъ-цинъ-ванъ далъ сраженіе въ урочищѣ Уләнъ-бутунъ и на голову разбилъ Галдана. Послѣ того, когда Галданъ далъ клятву передъ кумиромъ будды, что онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ поднимать военныхъ дѣйствій, я тотчасъ же возвратилъ войска многихъ дорогъ. Впослѣдствіи однако Галданъ снова нарушилъ свою клятву и отправился къ Хэрү-

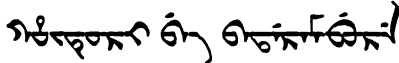
лѣну на свиданіе съ Намчжалъ-тѣйномъ. Въ силу такихъ обстоятельствъ, я въ годъ красной мыши (1696 г.) собралъ большія войска, выступилъ за Великую Стѣну и отправился для военныхъ дѣйствій по средней дорогѣ. Когда достигли мы до Хэрүлэна, то бѣлты, подпавивъ, сожгли припасы своей многочисленной арміи и обратились въ бѣгство. Нарочито отправленные мною войска западной дороги встрѣтили ихъ въ урочищѣ Цзүнь-моднѣ и разбили на голову. Дамба, Хашига и другіе, собравъ свои массы, пришли въ подданство, а Галданъ бѣжалъ. Зимой я снова, собравъ войска, отправился въ Ордосъ и потребовалъ умиротворенія и покорности. Подчиненные Галдана, одинъ за другимъ, всѣ вошли въ подданство; но Галданъ не подчинился; поэтому я въ годъ красноватой коровы, собравъ войска, двинулся въ горы, именуемая Лань-цзюй-суй-шань. Когда за симъ я откомандировалъ въ разныя стороны свои войска и офицеровъ, Галданъ, будучи доведенъ до крайности, умеръ. Жена, дѣти и подчиненные его всѣ вошли въ подданство.

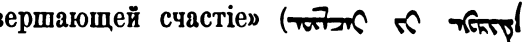
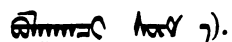
Въ настоящую пору всѣ, обитающіе внутри и внѣ (Великой Стѣны) совершенно успокоились. Такъ какъ пограничные народы живутъ теперь въ мирѣ и спокойствіи, то тѣйны и ламы сдѣлали мнѣ докладъ о томъ, не будетъ ли дозволено, соорудивъ памятникъ, запечатлѣть (воспоминаніе объ этомъ) на болѣе отдаленныя времена. Посему, приказавъ начертать настоящія письмена и выгравировать ихъ на камнѣ, я далъ возможность сохранить воспоминаніе объ этихъ событіяхъ, да вѣдомы будутъ послѣдующимъ потомкамъ мои намѣренія, по которымъ я не уклонялся отъ холода и зноя, но, выходя троекратно за Великую Стѣну, уничтожилъ зло для своего народа.

Средняго лѣтняго мѣсяца лѣта черноватой овцы, 42-го года правленія Канси (1703 г.).

Говорятъ, что всѣ вышепомянутые бранные доспѣхи богдохана Канси доселѣ хранятся въ Бага-чжү и выставляются на общій показъ VI-й луны 12-го числа, когда въ Бага-чжү совершается особенно торжественный хуралъ.

У кумирни «Бага-чжү» имѣются еще приписные монастыри. Первый изъ нихъ, извѣстный подъ высочайше пожалованнымъ ему именемъ: «Сайнь-барилдуга-сүмэ» (маньчж.) Монастырь этотъ располагается къ ЮВ отъ Хухү-хотд, при горѣ Дангна-усү, но, когда именно онъ былъ построенъ и какимъ образомъ было исходатайствовано ему высочайшее пожалованіе имени, объ этомъ не сохранилось рѣшительно никакихъ свѣдѣній.

Относительно второго монастыря, находящагося на главной улицѣ Хухү-хотò, въ разстояніи какихъ нибудь 500 шаговъ отъ Бага-чжү, извѣстно, что онъ былъ построенъ на средства нѣкоей Чжанъ тай-тай, супруги какого-то тѣмэтскаго чжалани цзангина, и принесенъ въ даръ Чжан-чжя хутухтѣ. Послѣдній въ 30-мъ году правленія Цянь-луна выхлопоталъ у богдохана почетное прозваніе этому монастырю «Буяни-дальгэрэгүлүхчй сүмэ (маньчж.)», но это не спасло его отъ гибели, и теперь монастырь этотъ стоитъ въ полномъ разрушеніи.

3) Ширѣтү чжү является въ настоящую пору безспорно самымъ обширнымъ изъ всѣхъ хухү-хотòскихъ монастырей, какъ по количеству живущихъ при немъ ламъ, такъ и по обилію находящихся въ немъ построекъ. Время первоначальнаго основанія этого монастыря, кажется, совершенно забыто; извѣстно только, что въ 35 году правленія Канси (1696 г.) Ширѣтү-хутухтү возстановилъ бывшую здѣсь прежде старую кумирню и доложилъ объ этомъ богдохану, который пожаловалъ этому новому монастырю имя «кумирни, всегда совершающей счастье» ( ). Ширѣтү чжү находится на южной сторонѣ Хухү-хотòской крѣпости, почти на ряду съ кумирней Йэхэ-чжү, — не болѣе какъ въ 100 шагахъ къ В. отъ нея. Въ ней обосновалъ свое мѣстопробываніе Ширѣтү хутухтү, явившійся нынѣ въ 19-мъ своемъ перерожденіи. Онъ имѣетъ теперь отъ роду 17 лѣтъ и года четыре тому назадъ уѣхалъ въ Гумбумъ для изученія цангита. Ширѣтү-гэгэнъ считаетъ у себя до 1,000 душъ шабинárovъ.

Встарину Ширѣтү-чжү, подобно предшествовавшему монастырю Бага-чжү, пользовался благосклонностью маньчжурскихъ богдохановъ. Въ оградѣ его также находятся два каменописныхъ памятника, поставленныхъ въ царствованіе императора Канси. По времени своей постановки они относятся совершенно къ той же эпохѣ, какъ и камни монастыря Бага-чжү, т. е. къ 42-му году правленія Канси, средней лѣтней лунѣ, года черноватой овцы. Формы тѣхъ и другихъ камней совершенно одинаковы, надписи начертываются на тѣхъ же четырехъ языкахъ: китайскомъ, маньчжурскомъ, тибетскомъ и монгольскомъ, и даже содержаніе этихъ надписей слово въ слово повторяетъ одна другую за соотвѣтствующими измѣненіями относительно именъ, какъ строителей монастырей, такъ и собственныхъ ихъ названій и за выпускомъ, конечно, того отличнаго пожертвованія, которое сдѣлалъ Канси въ Бага-чжү. Въ настоящее время кумирня Ширѣтү-чжү блещетъ своимъ убранствомъ и яркостію красокъ,

хотя, слушая обо всемъ этомъ разказы ламъ, невольно припоминаются слова Фамусова:

«Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью».

Говорять, что до 1887 года Ширѣтү-чжү ни чѣмъ не отличалось отъ другихъ кумирень, но случившійся въ этомъ году пожаръ уничтожилъ здѣсь жилище гэгэна, всѣ зданія казначейства и наконецъ сильно попортилъ кумирни. Благодаря этому обстоятельству, два года тому назадъ монастырь и главная кумирня его были отдѣланы заново. Теперь вся передняя сторона кумирни облицована глазированной кирпичемъ въ формѣ продолговатыхъ четырехугольныхъ кафель темно-зеленаго цвѣта, въ которыя по бокамъ вставлены изображенія драконовъ въ медальонахъ изъ желтой глазированной черепицы. Тою же желтой черепицей выдѣланы рамы у дверей кумирни, въ которыя вставлены изображенія съ одной стороны Сансарыйнъ-хүрдэ, а съ другой хотэ-мандалъ бурхана Аюши. Внутренность кумирни обширна, но не представляетъ собою никакихъ особенностей.

Въ Ширѣтү-чжү считается до 200 ламъ, изъ коихъ штатныхъ полагается 40; во главѣ управленія стоятъ два цзасакъ-ламы и два дэ-ламы. При Ширѣтү-чжү имѣется также свой «цзаканъ» для чествованія сакүсуна.

Шабинары Ширѣтү-гэгэна, число коихъ, какъ уже было замѣчено выше, восходить до 1000, принадлежать къ самымъ различнымъ народностямъ. Большинство ихъ происходитъ, конечно, изъ поколѣннн тѣмэтовъ, но есть также принадлежащнє другимъ монгольскимъ поколѣнннмъ и даже инымъ народностямъ, каковы: тангуты, тибетцы и др. Для поселеннн этихъ шабинэровъ Ширѣтү-гэгэнъ имѣетъ свои земли, которыя простираются къ сѣверу отъ городка Хухү-эргн и граничатъ на югѣ съ пригородными пашнями этого городка; на западѣ — съ землями Мү-минганскаго хошүна; на сѣверѣ — съ землями хошүна халхаскаго дарханъ бэйлэ и на востокѣ — съ землями хошүна Дүрбэнъ-хүхэтъ. Такъ какъ эти земли, отведенныя подъ кочевья шабинэровъ Ширѣтү гэгэна, весьма незначительны, то можно сказать, что податные гэгэна, происходящнє изъ тѣмэтовъ, не живутъ на нихъ вовсе, а остаются въ своихъ родовыхъ кочевьяхъ; въ предѣлахъ же помянутыхъ границъ кочуютъ только шабинэры гэгэна изъ числа монголовъ, халхасовъ, тангүтовъ, тибетцевъ и др. Всѣ эти различныя поколѣннн и народности въ настоящую пору уже такъ смѣшались между собою, что, по отзывамъ здѣшнихъ ламъ, глядя на ихъ физиогномнн, рѣшительно нельзя отличить, кто изъ нихъ монголъ и кто тибетецъ; говорятъ они также рѣшительно всѣ безъ

различія языкомъ монгольскимъ. Среди этихъ земель Ширѣтү гэгэна небольшой уголокъ близъ Хухү эргї постоянно занимается выходцами изъ Халхи, собственно изъ хошүна Далай-чжонднѣ бэйсэ (на земляхъ коего стоитъ, какъ извѣстно, Урга). Дѣло въ томъ, что одинъ изъ предковъ этого бэйсэ, еще во времена Юнѣ-чжэна (1724—1736) былъ женатъ на дочери богдохана. Последняя, говорятъ, не могла выносить ургинскаго климата и переселилась на жительство къ предѣламъ Хухү-хотд. Здѣсь она окончила свою жизнь и здѣсь же остались на всегдашнее проживаниеъ ея потомки. Въ услуженіе этому потомству, которое Далай бэйсэ все-таки считаетъ своимъ родствомъ, и откомандировываются имъ на очередь, срокомъ на два года, по 10 семей изъ числа его хошүнныхъ данниковъ.

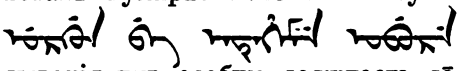
Въ историческомъ отношеніи Ширѣтү чжү замѣчательнъ, какъ монастырь, послужившій разсадникомъ для многихъ другихъ ламайскихъ обителей хухү-хотдскаго округа и, между прочимъ, въ самомъ Хухү-хотдѣ есть монастырь, отдѣлившійся отъ Ширѣтү чжү. Это такъ называемый въ просторѣчїи,

4) Цорчжї чжү, — монастырь, находящійся менѣе чѣмъ въ полу-

Внутренность двора въ кумирнѣ Цорчжї чжү.

верстѣ къ юго-востоку отъ Ширѣтү чжү. Разказываютъ, что одинъ изъ учениковъ Ширѣтү хутухты, Дарханъ-цорчжї лама, еще въ года правленія

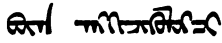
Канси, воздвигъ эту кумирню на собственные средства. Кумирня первоначально не имѣла собственной братіи и чтеніе нѣмовъ совершалось въ ней ширѣтү-чжүскими ламами, впоследствии же около нея собралось до 40 гэлүновъ и у нея образовался самостоятельный штатъ. Возвышеніе монастыря началось собственно послѣ смерти Цорчжй гэгэна, когда появился хубилганъ этого славнаго въ свою пору ламы. Въ 6 году правленія Цзя-циня (1804) хубилганъ Цорчжй хутухты былъ назначенъ на должность цзасакъ дѣ-ламы всѣхъ хухү-хотдскихъ монастырей и это положеніе дало ему возможность представить свой монастырь богдохану. Цзя-цинь пожаловалъ кумирнѣ почетный титулъ «Ўнидэ баясхулантү сүмэ» (маньчж.) и утвердилъ для завѣдыванія имъ особую должность дѣ ламы. Такое положеніе дало смѣлость хубилгану Цорчжй хутухты хлопотать о дальнѣйшемъ и онъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему молиться о благоденствіи богдохана совершенно отдѣльно отъ монастыря Ширѣтү чжү. Въ Пекинѣ не встрѣтили для сего никакихъ препятствій и удовлетворили ходатайство хубилгана. Такъ длилось, пока хубилганъ Цорчжй хутухты считался цзасакъ-дѣ-ламою хухү-хотдскихъ монастырей; но когда онъ умеръ, то Ширѣтү хутухтү немедленно представилъ жалобу мѣстному амбаню, въ которой обвинялъ цорчжй-чжү'скаго дѣ-ламу, Сономбѣ, въ томъ, что онъ допускалъ отдѣльныя постановленія въ двухъ монастыряхъ, которые состоятъ подъ однимъ вѣдомствомъ, такъ какъ Цорчжй-чжү было основано ширѣтү-чжүскимъ ламою, весь штатъ его ламъ составляется изъ шабингаровъ Ширѣтү, а потому весь этотъ монастырь не можетъ быть разсматриваемъ иначе, какъ только отдѣленіе, особая кумирня, единого монастыря Ширѣтү-чжү. Хубилганъ Цорчжй ламы представилъ по этому дѣлу встрѣчный искъ, доказывая свою самостоятельность. Дѣло это тянулось въ Пекинѣ два года и было окончено такъ: хубилгана Цорчжй ламы опредѣлено было признавать шабинцемъ Ширѣтү хутухты, но ламамъ обоихъ монастырей было предоставлено и управляться, и совершать свои хуралы совершенно независимо другъ отъ друга. На такихъ основаніяхъ оба эти монастыря существуютъ и до настоящаго времени.

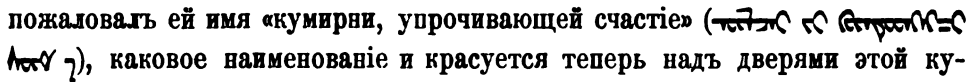
5) Съ монастыремъ Бага-чжү хухү хотдсцы тѣсно связываютъ въ своихъ преданіяхъ также большой хухү-хотдскій монастырь, обыкновенно называемый Пунсүкь-чжү. Онъ находится уже за городомъ, по западной сторонѣ его, на правомъ берегу рѣки Да-си хэ. Монастырь этотъ стоитъ теперь уже въ полномъ разрушеніи и запустѣніи. Посѣтивъ его, я не встрѣтилъ здѣсь рѣшительно ни одного ламы. Главныя ворота монастыря разрушены и черезъ нихъ свободно можетъ проходить всякій. Когда-то мона-

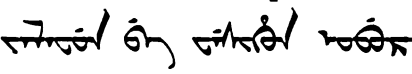
стырь этотъ былъ обнесенъ каменною оградою краснаго цвѣта, теперь за этою оградою пригородные китайцы устроили свои станки для пряжи шерстяныхъ нитокъ. Съ кумирнею Багà чжү монастырь Пунсүкъ чжү соединяется легендою, относящеюся ко временамъ Канси. Разказываютъ, что когда Канси, отправляясь въ походъ на Галдана, захалъ въ Хухү-хотò, то здѣсь, между прочимъ, онъ посѣтилъ и монастырь Пунсүкъ-чжү, въ которомъ въ ту пору имѣлъ свое мѣстопребываніе Илагүхсань-хутухтү. Канси, явившійся съ своей многочисленной свитой къ хутухтѣ, сдѣлалъ ему обычное поклоненіе, а хутухтү не подумалъ даже встать съ своего мѣста. Одинъ изъ свитскихъ генераловъ Канси, именно Бай цяннь-цзюнь, возмущенный этимъ непочтеніемъ къ богдохану, тотчасъ же выхватилъ свой мечъ и зарубилъ хутухтү. Поступокъ этотъ произвелъ страшное возстаніе шабинаровъ хутухты: по однимъ разказамъ, они тотчасъ же схватили Бай цяннь-цзюня, убили его на мѣстѣ и засимъ разорвали на клочки; по другимъ, Бай-цяннь-цзюнь, не желая отдаться въ руки монголовъ, самъ лишилъ себя жизни. Канси бѣжалъ въ городъ и скрылся прежде всего въ монастырѣ Багà чжү. Такъ какъ смута вскорѣ достигла и города, то Канси долженъ былъ удалиться и отсюда и, чтобы не быть узаннымъ разъяренною толпою, якобы оставилъ въ Багà чжү всѣ свои военные доспѣхи, самъ же переодѣвшись въ платье простого ламы, вышелъ пѣшкомъ изъ города, по дорогѣ въ Калгань. Къ востоку отъ Хухү-хотò есть мѣстечко, поросшее густымъ тальникомъ и именуемое Юй-су-линъ. Преданіе говоритъ, что въ пору бѣгства Канси здѣсь росло одно только дерево. Канси, направляясь къ нему, подумалъ, что онъ могъ бы укрыться здѣсь, если бы стояло не одно дерево, а дѣлый лѣсокъ, и въ то же мгновеніе образовались большія заросли, въ которыхъ и нашелъ себѣ пристанище бѣжавшій императоръ. Что касается Бай цяннь-цзюня, то китайцы обоготворили его и построили въ честь его кумирню, носящую имя Сы-танъ.

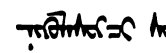
5) Почти въ такомъ же разрушенномъ состояніи какъ Пунсүкъ-чжү, находится, также почитаемый большимъ, монастырь Рабчжй-чжү. Монастырь этотъ былъ основанъ въ 6-мъ году правленія Канси (1668 г.) ламою Нинъ-нинъ хутухтү, который въ то же время сдѣлалъ о немъ докладъ богдохану и послѣдній пожаловалъ новопостроенной кумирнѣ имя «велико-радостной кумирни» (ᠨᠢᠨᠨᠢᠨᠢ ᠬᠤᠲᠤᠬᠠᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠢᠨᠢ ᠬᠤᠲᠤᠬᠠᠨᠠ). Кумирня Рабчжй-чжү находится въ настоящую пору на южномъ концѣ города, неподалеку отъ зданій знаменнаго училища. По штату въ ней назначено быть двумъ цзасакъ-ламамъ и двумъ дā-ламамъ; кромѣ того, здѣсь же долженъ былъ имѣть свое мѣстопребываніе Нинъ-нинъ хутухтү; но теперь въ монастырѣ этомъ числится всего на всего не болѣе 15 ламъ. Нинъ-нинъ ху-

тухтү скончался уже лѣтъ десять назадъ, и перерожденія его не отыскиваютъ; ни цзасакъ-ламы, ни дѣ-ламы въ монастырѣ не живутъ; единственная полуразрушенная кумирня его охраняется однимъ ламою, почти потерявшимъ сознаніе отъ излишества въ куреніи опиума. Хуралы здѣсь, по словамъ этого ламы, совершаются только одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Остальныя двѣ большія кумирни: 6) Хошүни-чжү и 7) Эмчй-чжү мнѣ не удалось осмотрѣть лично; по собраннымъ же свѣдѣніямъ оказывается, что монастырь Хошүни-чжү обосновался не сразу, а постепенно. Въ 16-мъ году правленія Канси (1678 г.) отъ шестидесяти эскадроновъ двухъ тѣмѣтскихъ знаменъ было собрано 60 ламъ, надъ ними поставленъ дѣ-лама и всѣ они обязаны были жить въ Йэхѣ чжү и совершать молебствія о счастіи императора. Въ 60-мъ году того же правленія къ означенному числу ламъ было прибавлено еще 20; а въ слѣдующемъ 61-мъ году (1722 г.) офицеры и вообще военнослужащіе люди двухъ тѣмѣтскихъ знаменъ начали строить для нихъ особый монастырь на сѣверозападномъ краю города. Въ 19-мъ году правленія Цянь-луна (1755 г.) на сѣверовосточной сторонѣ этого монастыря былъ построенъ субурганъ, а черезъ три года послѣ сего другой субурганъ на сторонѣ сѣверозападной. Въ 49-мъ году Цянь-луна (1785 г.) знаменное начальство представило всеподданнѣйшій докладъ съ просьбою дать наименованіе этому монастырю и богдоханъ назвалъ его 7. Съ того же времени для управления этимъ монастыремъ начали назначать двухъ дѣ-ламъ.

Что касается монастыря Эмчй чжү, то онъ первоначально обосновался въ 8-мъ году правленія Канси (1769 г.), когда нѣкій цорчжй ламъ, Далай, построивъ кумирню, просилъ высочайшаго разрѣшенія поселить въ ней своихъ учениковъ и отправлять хуралы. Высочайшимъ повелѣніемъ цорчжй ламъ былъ назначенъ цзасакъ-ламою этого монастыря съ порученіемъ управлять шабинарами. Въ 34-мъ году правленія Канси (1695 г.) кумирня Эмчй-чжү была возсооружена вторично, послѣ чего богдоханъ пожаловалъ ей имя «кумирни, упрочивающей счастіе» (7), каковое наименованіе и красуется теперь надъ дверями этой кумирни въ надписи на языкахъ: монгольскомъ, маньчжурскомъ и китайскомъ. Эмчй-чжү располагается въ югозападномъ концѣ города. Въ 10-мъ году правленія Цзя-цина она, говорятъ, сгорѣла до основанія и за симъ была построена снова. Являясь, такимъ образомъ, по своему построенію, нѣсколько моложе другихъ кумирень, монастырь этотъ естественно представляется и крѣпче всѣхъ ихъ; за всѣмъ тѣмъ, проходя мимо его кумирень, я видѣлъ ихъ поломанныя окна и полуразрушившіеся отъ времени навѣсы надъ входами.

Изъ числа малыхъ сѹмѣ въ понятіяхъ хухѹ-хотѣсцевъ первое мѣсто по своимъ размѣрамъ занимаетъ монастырь, называемый въ просторѣчїи «Барѹнь-чжѹ». Онъ располагается на западной окраинѣ города, приблизительно въ верстѣ отъ хухѹ хотѣскаго кремля. Построенъ этотъ монастырь былъ ламою Шарабомъ въ 18-мъ году правленія Шунь-чжи (1661 г.), и въ ту пору къ нему собралось для постоянного жительства, говорятъ, болѣе 150 ламъ, а самъ Шарабъ сдѣлался настоятелемъ монастыря. По смерти Шарѣба, ученикъ его, цзасакъ-дѣ-лама расширилъ и возобновилъ мѣстную кумирню, и засимъ въ 34-мъ году Канси сдѣлалъ о ней представленіе богдохѣну. Канси пожаловалъ тогда монастырю имя: «Улцзѣйги эрхїнь болгахчї сѹмѣ» (манчж.) и опредѣлилъ быть въ этомъ монастырѣ, въ званїи управителей онаго, одному цзасакъ-ламѣ и одному дѣ-ламѣ. Нынѣ въ качествѣ религіознаго главы здѣсь проживаетъ еще хубилгѣнъ ламы Шарѣба.

Что касается красоты и своеобразности въ архитектурѣ зданїй, то въ этомъ отношенїи первое мѣсто изъ числа малыхъ монастырей безспорно принадлежитъ уже монастырю, извѣстному подъ именемъ «Табѹнь субургѣанай чжѹ», или, какъ зовутъ его китайцы, «У-та-сы», т. е. кумирня пяти субургѣановъ. Названїе это установилось за монастыремъ, безсомнѣнїя, потому что здѣсь находится субургѣанъ чрезвычайно оригинальной формы. Время основанїя означеннаго субургѣана для меня 'осталось неизвѣстнымъ, что же касается самого монастыря, то онъ возникъ слѣдующимъ образомъ. Въ 5-мъ году правленія Цянь-луна (1741 г.) одинъ изъ Багѣ-чжѹ'скихъ ламъ, по имени Янчарчжї, состоя на очередной службѣ въ званїи цзасакъ-дѣ-ламы въ Пекинѣ, сдѣлалъ докладъ богдохѣну о своемъ намѣренїи воздвигнуть монастырь въ Хухѹ-хотѣ и, когда въ 1746 г. постройка эта была окончена, представилъ новый докладъ, прося назначить монастырю его имя. Богдохѣнъ пожаловалъ кумирнѣ имя , назначилъ для управленїя его двухъ да-ламъ и опредѣлилъ его для мѣсто-жительства Янчарчжї, хубилгѣны котораго съ тѣхъ поръ перерождались уже три раза. Монастырь этотъ находится въ настоящее время въ совершенномъ запустѣнїи: ламъ при немъ не живетъ вовсе и всѣ кумирни разрушены. Встарину онъ раздѣлялся на три двора, на каждомъ изъ которыхъ стояло по три кумирни, а по полустертымъ, но сохранившимся еще надписямъ надъ дверями этихъ кумирень можно опредѣлить, какимъ именно божествамъ онѣ были посвящены. На первомъ дворѣ срединная кумирня названа: «Гурбѣанъ цагѹнь бурханѹ сѹмѣ» (кумирня буддъ трехъ временъ), а боковыя: «Йѣхѣ нигѹлѣсѹхчїйнь сѹмѣ» и «Дарѣ эхѣйнь сѹмѣ», въ которой

до нынѣ находятся статуи (правда уже разбитыя) 21 Дарà-эхэ; на второмъ дворѣ срединная кумирня, — «Вачыр-дарайнъ сѹмэ», а боковыя: «Абидà бурхану сѹмэ» и «Амогосиддйинъ сѹмэ», а третьемъ дворѣ — средняя кумирня Бирбзана бурхану сѹмэ, а боковыя: «Акшоби бурхану сѹмэ» и «Ратна

Субурганъ кумирни У-та-сы.

самбавà бурхану сѹмэ». Что касается оригинальнѣйшаго субургана, который былъ провозглашенъ Гюкомъ за главнѣйшій изъ хухухотскихъ монастырей и средняя башня котораго, по словамъ этого путешественника «такъ высока, что теряется въ облакахъ»¹⁾, то субурганъ этотъ находится у самой сѣверной стѣ-

ны монастыря. Онъ сдѣланъ пятиглавымъ и помимо своего пьедестала весь выложенъ на подобіе изразцовой печи кафлями, на каждой изъ которыхъ находится изображеніе отдѣльнаго бурхана. Когда то всѣ эти будды были вызолочены, о чемъ свидѣтельствуютъ, какъ ихъ внѣшній видъ, такъ

1) Гюкъ. Воспоминаніе о путешествіи по Татаріи. Спб., 1866 г., стр. 184.

и надписи тушью у дверей субургана, въ которыхъ обозначено, что различные чиновные милостынедатели позолотили на свой счетъ, кто двухъ, кто трехъ бурхановъ на этомъ субурганѣ. Проживавшій здѣсь Янчарчжйнь хубилганъ въ послѣдніе годы уже не жилъ въ монастырѣ, такъ какъ содержать этотъ послѣдній было ему нечѣмъ; въ настоящую пору гэгэнъ этотъ скончался уже лѣтъ семь тому назадъ и хубилгана его не отыскиваютъ вовсе. Ламы Табунъ-субурганай-чжү перешли, кажется, снова въ монастырь Бага-чжү.

Другихъ малыхъ хухү-хотдскихъ монастырей мнѣ не удалось осмотрѣть въ подробностяхъ, но можно сказать, что рѣшительно всѣ они находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Освѣдомляясь о средствахъ содержанія монастырей и ихъ ламъ, я получалъ отъ нѣкоторыхъ изъ ламъ указанія, что всѣ большіе монастыри, какъ извѣстные китайскому правительству, получаютъ отъ него опредѣленное содержаніе по штату; другіе говорили, что такого содержанія никогда не получалось и имъ не извѣстно даже, дѣйствительно ли существуютъ для монастырей какіе-либо штаты и оклады; третьи, наконецъ, утверждали, что богдоханское правительство взамѣнъ ассигнованія существовавшего прежде монастырскаго содержанія предоставило теперь монастырямъ право владѣть хухү-хотдскими землями и отдавать ихъ въ арендное содержаніе проживающему въ городѣ населенію, предоставивъ при этомъ тоже право въ извѣстной мѣрѣ и лицамъ гражданскаго управленія тумэтовъ. Дѣйствительно, всѣ земли, на которыхъ стоитъ городъ Хухү-хотд, раздѣлены на участки, принадлежащіе или отдѣльнымъ монастырямъ, или же присутственнымъ мѣстамъ здѣшняго ду-туна и тумэтскаго управленія. Эти владѣтели участковъ сдаютъ уже на правахъ собственниковъ землю въ аренду, при чемъ арендная плата за землю весьма не одинакова, что зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ. Въ мѣстахъ бойкихъ она является, конечно, выше, а по окраинамъ города—ниже; принимается засимъ во вниманіе, застроенное ли мѣсто или пустопорожнее, далеко ли оно отъ воды и проч. и проч. Почти всѣ монастыри строятъ на своей землѣ байшины, обносятъ ихъ оградами и, образовавъ такимъ образомъ подворья, сдаютъ ихъ подъ помѣщенія мѣстнымъ купцамъ. При такихъ обстоятельствахъ арендная плата является, разумѣется, выше, такъ какъ она взимается не только за землю, но и за помѣщеніе. Счетъ при уплатѣ аренды ламы ведутъ исключительно на такъ называемые «мань-цянь», т. е. полные чехи, принимая чехъ за чехъ, а не по существующему въ городѣ курсу, при которомъ чехи являются только нарицательною единицею, такъ что за сто чеховъ даютъ иногда 50, а иногда даже 45 дѣйствительныхъ монетокъ. По такому способу счисленія арендная

плата за землю съ построеннымъ на ней помѣщеніемъ колеблется по различнымъ мѣстамъ отъ 300 до 2000 чеховъ въ мѣсяць съ каждаго чжана. Незастроенныя мѣста сдаются гораздо дешевле, т. е. отъ 75 до 500 чеховъ, при чемъ нанимателю предоставляется право возвести на арендованномъ пространствѣ, какія ему угодно, зданія. Уплата денегъ за арендованныя земли производится монастырскому нирбѣ, при чемъ съ обѣихъ сторонъ, какъ съ уплачивающей, такъ и съ получающей является непременно по два свидѣтеля. По окончаніи годичнаго срока, деньги снова получаютъ ламами за годъ впередъ и слѣдовательно аренда продолжается или возобновляется; но такое возобновленіе рѣдко проходитъ безъ пререканій, такъ какъ ламы естественно стараются возвысить арендную плату и пользуются для сего всѣми средствами, особливо если замѣтятъ, что торговецъ хорошо ведетъ свое дѣло, постройтъ большіе, красивые байшины и пр. Притязательность ихъ въ этомъ случаѣ доходитъ до того, что они прямо отказываются заключать новыя условія и предлагаютъ торговцу очистить мѣсто, принимая даже на свой счетъ разборку зданій. Конечно, въ концѣ концовъ дѣло улаживается прибавкою нѣсколькихъ десятковъ чеховъ съ каждаго чжана, и все идетъ мирно впредъ до новаго полученія платы. Такихъ арендныхъ денегъ различные монастыри получаютъ отъ 3500 до 10 и 15 тысячъ ланъ и тѣмъ страннѣе должно, конечно, казаться, какимъ образомъ, имѣя такія средства, монастыри тѣмъ не менѣе стоятъ разрушенными?

Въ откровенныхъ бесѣдахъ съ ламами мнѣ пришлось однако узнать, что въ настоящую пору монастырскія казначейства даже и не видятъ никогда этихъ денегъ. Все время правленія Дао-гуана и начальныя годы Сянь-фына, приблизительно съ наступленія нашихъ 1820-хъ до конца 1850-хъ годовъ, было самымъ безпутнымъ въ жизни ху́ху-хотѣскихъ ламъ. Гэгэны, хубилганы, правители и высшее духовенство монастырей, въ погонѣ за мелкими чиповными отличіями, изъ года въ годъ ѣздили въ Пекинъ и затрачивали тамъ громадныя суммы на подарки ради того, чтобы прибавить лишній олбѣкъ на свое сѣдалище; дома они проводили жизнь въ удовольствіяхъ и небрегли объ управленіи монастырями. При такомъ ходѣ дѣлъ монастырскихъ доходовъ не хватало, конечно, очень скоро, и для пополненія суммъ потребовалось прибѣгать къ займамъ въ счетъ будущихъ доходовъ монастыря. Разразившееся въ 1860-хъ гг. дунганское возстаніе прекратило этотъ золотой періодъ жизни ху́ху-хотѣскаго ламства; когда же съ наступленіемъ 1870 г. жизнь и дѣятельность Шань-си начала подниматься, то разоренные китайцы потребовали прежде всего возвращенія старыхъ долговъ. Такимъ образомъ всѣ арендные доходы монастырей пере-

шли въ руки китайскихъ банкировъ, въ которыхъ находятся они теперь и вѣроятно будутъ находиться еще очень долго, такъ какъ на эти громадныя суммы по долговымъ обязательствамъ китайцы, по обычаю, накладываютъ 36% годовыхъ, которые въ свою очередь должны быть также выплачиваемы. Само собою разумѣется, что и ламы не остаются въ долгу у китайцевъ по части своекорыстія: изъ года въ годъ они накладываютъ все большую и большую арендную плату, придираясь, какъ было сказано выше, къ каждому вновь построенному бѣйшину и къ каждой вновь прорубленной двери, хотя это мало возвышаетъ ихъ средства и служитъ лишь къ увеличенію тѣхъ непріязненныхъ отношеній, какія существуютъ здѣсь вообще между китайцами и монголами.

Вышеуказанное земельное положеніе города въ зависимости отъ монгольскаго ламства и монастырей кладетъ особый отпечатокъ на весь его внѣшній видъ. Прежде всего ламы, старающіеся извлечь возможно большія суммы изъ городскихъ земель, страшно скупаются на отводъ пустопорожнихъ пространствъ подъ улицы и переулки. Отъ этого въ Гуй-хуа-чэнѣ есть собственно только три большихъ улицы, — съ сѣвера на югъ: Да-нань-цзѣ, Да-чжү-цзѣ и Ширѣтү-цзѣ, да одна большая улица, выходящая изъ середины города и тянущаяся на западъ до конца его, Пунсүкъ-цзѣ. Всѣ остальные улицы и переулки шириною рѣдко превышаютъ сажень, а нѣкоторые и того уже: разѣхаться двумя телѣгамъ здѣсь никоимъ образомъ не возможно и вѣзжающіе въ переулокъ съ одной стороны обыкновенно кричатъ, чтобы никто не вѣзжалъ съ противоположнаго конца его, столкновенія же вызываютъ собою невозможные брань и споры. Съ другой стороны, китайскіе купцы, владѣльцы домовъ въ Гуй-хуа-чэнѣ, зная придирки ламъ относительно налога арендной платы при постройкѣ обширныхъ и красивыхъ зданій, возводятъ таковыя чрезвычайно рѣдко и стараются обходиться малымъ. Такимъ образомъ весь Гуй-хуа-чэнъ представляетъ собою массу узенькихъ улицъ, застроенныхъ почти лачужками и въ общемъ кажется несравненно бѣднѣе Калгана. Необходимо прибавить еще, что всѣ эти улицы необыкновенно грязны: выбрасываніе на улицу всякаго рода отбросовъ и нечистотъ составляетъ, конечно, общій обычай китайцевъ; но здѣсь заведено еще устраивать помойныя ямы и отхожія мѣста подъ заборами дворовъ, такъ что одна половина ямы находится на дворѣ, а другая половина выходитъ на улицу, а какъ улицы всегда бываютъ ниже дворовъ, то на нихъ скатывается рѣшительно все и зловоніе по переулкамъ невообразимое.

Впрочемъ этотъ необычайно грязный и бѣдный видъ Гуй-хуа-чэна обуславливается не одною только нечистоплотностью китайцевъ вообще,

или ихъ скупостью, при которой они не хотятъ уплачивать за свои помѣщенія лишнихъ арендныхъ денегъ. Гуй-хуа-чэнъ за послѣдніе годы обѣднѣлъ вообще, и торговля его особливо за истекшее десятилѣтіе сократилась минимумъ на 25, даже и на 30%. Сами китайцы говорятъ, что она стала неузнаваемой: измѣнились товары, измѣнились пути ихъ слѣдованія въ Хухѹ-хотѹ и изъ онаго, измѣнились цѣны на товары, измѣнились торговцы, все почти стало инымъ. Мы не считаемъ нужнымъ говорить здѣсь подробно о томъ, что главнѣйшее значеніе Гуй-хуа-чэнъ'а приобрѣталось имъ всегда не мѣстною торговлею, а обуславливалось тѣмъ, что городъ этотъ былъ важнѣйшимъ транзитнымъ мѣстомъ и складочнымъ пунктомъ почти для всѣхъ товаровъ, которыми производилъ торговлю Китай съ своими застѣнными владѣніями.

Наиболѣе видную статью торговли Гуй-хуа-чэна искони представлялъ собою чай, а изъ числа чаевъ, преимущественно кирпичный — и особливо въ 24 кирпича мѣсто. Чай этотъ всегда шель почти исключительно для мѣстнаго населенія китайцевъ и тумѣтовъ. Замѣчательно, что Гуй-хуа-чэнъ и Гуй-хуа-чэнскій округъ, можно сказать, положительно не знаютъ употребленія другого чая, кромѣ этого кирпичнаго, въ 24 доски. Самые богатые торговцы и дома не пьютъ ни байховаго, ни желтаго чая, а только этотъ кирпичный. При такихъ обычаяхъ, или привычкахъ, не далѣе какъ лѣтъ десять тому назадъ, помянутаго сорта чая расходилось въ Гуй-хуа-чэнѣ свыше 40 тыс. мѣстъ; въ минувшемъ году привозъ его не достигъ и 30 тысячъ. Уменьшеніе требованія совершалось постепенно и обуславливалось, безсомнѣнія, обѣдненіемъ населенія вслѣдствіе изъ года въ годъ повторявшихся неурожаевъ. Цѣны на этотъ чай за тотъ же періодъ возросли съ 12-ти, до 15-ти и даже 16-ти ланъ, т. е. именно на 25, 30%.

Привозившійся прежде въ Гуй-хуа-чэнъ и отсюда шедшій главнымъ образомъ въ Гү-чэнъ кирпичный чай, по 72 доски въ мѣстѣ, въ настоящую пору не привозится вовсе: его замѣнилъ собою новый сортъ, числомъ 110 кирпичей и вѣсомъ по 120 гиновъ чистаго чая въ мѣстѣ. Продается этотъ новый чай по 16 л. 5 цинъ, тогда какъ прежній стоилъ не свыше 9-ти ланъ. Сравнивая процентное отношеніе этихъ двухъ чаевъ, нужно сказать, что и этотъ чай повысился въ цѣнѣ, а естественнымъ послѣдствіемъ этого было сокращеніе его требованія.

Полѣнчатые чай (особливо Цянь-лянъ, составляющій совершенно одинъ сортъ съ чаемъ, называемымъ Гунъ-цзянь) подверглись также сокращенію въ привозѣ. Произошло это оттого, что означенные чаи, потребляемые исключительно туркестанцами и направлявшіеся прежде изъ Гуй-хуа-чэна во всѣ города Восточнаго Туркестана, нынѣ не имѣютъ уже такого района

для своего вывоза. Разказываютъ, что еще въ концѣ 1870-хъ гг. извѣстный генералъ-губернаторъ Восточнаго Туркестана, Цзо-цзунъ-танъ, заботясь о приведеніи въ порядокъ и обогащеніи ввѣреннаго ему края (въ ту пору разореннаго дунганями), ходатайствовалъ передъ правительствомъ о томъ, чтобы товары и особливо чай, идущіе на западъ, слѣдовали не черезъ Гуй-хуа-чэнъ, а черезъ провинцію Гань-су. Этимъ путемъ онъ, очевидно, хотѣлъ дать лишній заработокъ управляемому имъ краю и поднять его промышленность. Результатомъ сего явилось прямое запрещеніе правительства везти чай въ хамійскій и кашгарскій округи черезъ Гуй-хуа-чэнъ, и съ тѣхъ поръ чай, потребляемые въ этихъ мѣстностяхъ, идутъ не иначе, какъ на Лань-чжоу. Какимъ образомъ при такихъ условіяхъ въ районѣ Гуй-хуа-чэнскаго транспорта остался Гу-чэнъ, мнѣ не удалось этого выяснить. Количество привоза полѣнчататаго чая, именуемаго Бай-лянъ, осталось въ Гуй-хуа-чэнѣ, повидимому, тоже; но это не имѣетъ, въ сущности, почти никакого значенія, ибо разсматриваемый сортъ чая никогда не превышалъ въ своемъ привозѣ 1½ тысячи мѣсть.

Движеніе черезъ Гуй-хуа-чэнъ байховыхъ чаевъ, по словамъ мѣстныхъ китайскихъ торговцевъ, можно считать совершенно прекратившимся. Въ различныхъ видахъ чернепкаго и зеленаго чаевъ, ихъ отпускалось прежде изъ Гуй-хуа-чэн'а до 30, 35 тыс. мѣсть, для потребленія не только въ Восточномъ Туркестанѣ и Илійскомъ краѣ, но и главнымъ образомъ въ русскихъ предѣлахъ, — округахъ Вѣрненскомъ, Ташкентскомъ, Семипалатинскомъ, Омскомъ и даже въ районѣ Томской губерніи; все это было наполняемо байховыми чаями изъ Гуй-хуа-чэн'а. Но, начиная съ 1886 г. китайскіе торговцы терпѣли на этихъ чаяхъ ежегодные убытки вслѣдствіе соперничества русскихъ, которые предприняли сами вывозъ чая во всѣ показанныя мѣста. Имя Молчанова, перваго изъ нашихъ торговцевъ чаями въ Западной Сибири, извѣстно теперь всему Гуй-хуа-чэну и дѣло его, говорятъ, разорило цѣлыя десятки гуй-хуа-чэнскихъ купцевъ.

Такимъ образомъ въ районѣ и вѣдѣніи гуй-хуа-чэнскаго транспорта остался только кирпичный чай по 39 кирпичей въ мѣстѣ, идущій главнымъ образомъ въ Монголію и особливо въ Улясутайскій округъ. Чай этотъ, пожалуй, даже повысился въ привозѣ: сумма его мѣсть, получаемыхъ въ Гуй-хуа-чэн'ѣ, достигаетъ въ настоящую пору также до 30-ти тыс. Но и этотъ чай уже не можетъ давать такого процента выгоды, такъ какъ цѣна на него осталась та же, а между тѣмъ расходы, какъ на транспортировку онаго, такъ и на содержаніе рабочихъ значительно повысились.

Бумажныя матеріи и ткани, продаваемыя теперь въ Хухү-хотѣ и вывозимыя изъ него, почти всѣ безъ исключенія принадлежатъ иностранному

производству, и цѣны на нихъ за послѣдніе годы хотя и не особенно значительно, но также возрасли. Въ этомъ случаѣ интереснымъ представляется сличеніе настоящихъ цѣнъ въ тѣми, которыя были собраны въ Гуй-хуа-чэн'ѣ нашимъ купцомъ И. М. Волосатовымъ, въ 1885 году.

	Въ 1885 году.	Въ 1893 году.
Хуа-ци жэнь-тоу-цу-янь-бу 花其人頭粗洋布	кусокъ до 3 л. 20 ф.	3 л. 60 ф.
Тоже разныхъ сортовъ 雜牌粗洋布	» » 3 » — »	3 » 20 »
Хуа-ци-фэй-лунъ-си-вэнь-бу 花其飛龍斜文布	» » 3 » 30 »	3 » 40 »
Тоже разныхъ сортовъ 牌斜文布	» » 2 » 90 »	3 » 10 »
Си-янь-бу 細洋布	вѣсомъ въ 6 $\frac{1}{2}$ гиновъ кусокъ, до 1 л. 80 ф.	2 » 20 »
Тоже разныхъ сортовъ 細洋布	вѣсомъ въ 5 $\frac{1}{2}$ гиновъ кусокъ, до 1 л. 50 ф.	1 » 80 »
Бай-янь-бяо-бу 白洋標布	шириною 29 цунъ кусокъ до 1 л. 70 ф.	2 » 10 »
Тоже 白洋標布	шириною 26 цунъ кусокъ до 1 л. 40 ф.	1 » 90 »
Сянь-чэнь-юй-мѵ (красный) 象城羽毛	» » 12 » 50 »	15 » — »
Тоже 象城羽毛	» » 12 » — »	13 » — »
Тай-хо-юй-линъ (черный) 太和羽凌	» » 11 » — »	16 » — »
Ху-пай-би-цзи 虎牌啤叭	» » 5 » 60 »	7 » — »

Сорта Хунъ-мѵ-си-си-вэнь-бу (紅毛細斜文布) и Хунъ-мѵ-цу (紅毛粗) нынѣ вышли изъ употребленія, а потому вовсе не привозятся въ Гуй-хуа-чэнъ. Определить точное количество привоза каждаго изъ вышеозначенныхъ товаровъ невозможно. Оно несомнѣнно очень велико. Какъ уже было сказано, мануфактуры, продаваемыя теперь въ Гуй-хуа-чэнъ, исключительно иностраннаго производства; собственнаго китайскаго производства остались только шелковыя матеріи, а изъ бумажныхъ одна лишь да-бу. За всѣмъ тѣмъ привозъ иностранной мануфактуры въ Гуй-хуа-

чэнь все же сократился, такъ какъ въ направленіи къ Восточному Туркестану она, на ряду съ чаемъ, нашла себѣ новый путь на Лань-чжоу.

Наибольшее количество полотняныхъ и бумажныхъ товаровъ привозится въ Хүхү-хотѣ въ бѣломъ, неокрашенномъ видѣ и уже здѣсь окрашивается въ разныя краски, преимущественно же въ синюю, красную и кориичневую. На сей конецъ въ Хүхү-хотѣ имѣется не мало красильныхъ фабрикъ, хотя ведущихъ большое дѣло осталось только три.

Перевозка этихъ основныхъ предметовъ торговли Китая съ застѣнными его владѣніями, т. е. чая и мануфактуры, совершается главнымъ образомъ на монгольскихъ верблюдахъ; но помимо сего она составляетъ особый промыселъ и для нѣкоторыхъ Хүхү-хотѣсцевъ. Въ настоящую пору въ Хүхү-хотѣ имѣются и цѣлыя компаніи, и отдѣльные коммерсанты, занимающіеся прямо содержаніемъ верблюдовъ для перевозки тяжестей. Главнѣйшими изъ такихъ домовъ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, почитаются здѣсь 12 и количество отправляемыхъ ими верблюдовъ слѣдующее:

Со-синь-дэ 雙興德.....	700	верблюдовъ.
Тянь-синь-хэнь 天興恆.....	300	»
Сюй-дэ 徐德.....	240	»
Сюй-цай 徐財.....	300	»
Динь-куай 丁寬.....	200	»
Вань-мо-хуа 王茂華.....	200	»
Шо-цзунь 邵宗弼.....	200	»
Чэнь-вань-ънь 陳萬銀.....	90	»
Хуа-цзи 化柱.....	100	»
Фу-шэнь-юнь 富盛永.....	100	»
Юань-дэ-куй 元德魁.....	500	»
Тянь-цзюй-дэ 天聚德.....	400	»

Изъ числа этихъ фирмъ первыя десять ходятъ рѣшительно во всѣ мѣста Монголіи и Восточнаго Туркестана, являясь даже въ Калганъ для перевозки русскихъ чаевъ отъ Калгана до Урги, а послѣднія двѣ отправляютъ своихъ верблюдовъ исключительно изъ Гуй-хуа-чэна въ Гу-чэнь. Впрочемъ слабый вывозъ чая и товаровъ въ Монголію изъ Гуй-хуа-чэна заставили уже въ истекшемъ году и фирму Тянь-цзюй-дэ измѣнить своему правилу и командировать своихъ верблюдовъ въ Калганъ, для перевоза русскихъ чаевъ. Помимо этихъ, почитающихся большими, домовъ въ Гуй-хуа-чэнь найдется, пожалуй, до сотни хозяевъ, имѣющихъ по 30, 40 верблю-

довъ, также отправляемыхъ ими въ извозъ, такъ что общее число ходящихъ по найму перевозочныхъ средствъ въ Гуй-хуа-чэнъ, собственно со стороны китайцевъ, можно исчислять въ 7000 или 7500 верблюдовъ, могущихъ поднять грузъ до 100,000 пудовъ. Какъ уже было замѣчено, верблюды эти ходятъ по всѣмъ сторонамъ Монголіи, хотя излюбленнымъ направлениемъ ихъ является все-таки Улясутай, Кобдò и Гу-чэнъ. Обусловливается это, конечно, тѣмъ, что основной районъ дѣятельности хұхұ-хотòскихъ торговцевъ составляетъ именно западная Монголія, а слѣдовательно занимающіеся извозомъ хұхұ-хотòсцы могутъ и принимать подряды въ указанныхъ направленьяхъ, и вести счеты по этимъ подрядамъ совершенно дома, съ людьми знакомыми и постоянно имѣющимися на виду.

Должно сказать однако, что хұхұ-хотòскимъ извозчикамъ годъ отъ года приходится все меньше и меньше имѣть подряды дома. Правда, цѣлые десятки здѣшнихъ торговцевъ направляютъ свои товары на сѣверъ, въ Монголію, имѣютъ тамъ свои лавки, живутъ исключительно торговлею съ монголами; но богатые изъ такихъ фирмъ рѣшительно всѣ содержатъ своихъ верблюдовъ, а менѣе состоятельные предпочитаютъ нанимать монголовъ, такъ какъ послѣдніе доставляютъ товары скорѣе, принимаютъ выюки бòльшаго вѣса и цѣну съ верблюда объявляютъ если не дешевле, то принимаютъ хотя часть платы товаромъ, тогда какъ расчетъ съ китайскими извозчиками ведется исключительно на серебро.

Главнѣйшими изъ хұхұ-хотòскихъ торговыхъ фирмъ, ведущихъ свое дѣло въ Монголіи, считаются слѣдующія:

1) Да-шэнъ-куй (大盛魁). Свѣдѣнія объ этой фирмѣ мы уже сообщали въ трактатахъ объ Улясутаѣ и Кобдò, ¹⁾ здѣсь замѣтимъ только, что общій оборотъ этой фирмы по торговлѣ исключительно съ Монголіей исчисляють здѣсь не менѣе 9 или 10 милліоновъ ланъ серебра. Для первоза товаровъ у нея постоянно ходитъ между Гуй-хуа-чэномъ и Улясутаемъ до 1500 собственныхъ верблюдовъ.

2) Юань-шэнъ-дэ (元盛德), о которой также говорилось при описаніи Кобдò ²⁾, говорятъ, имѣетъ годоваго оборота въ Монголіи и Китаѣ до 8 милліоновъ ланъ. Число верблюдовъ этой фирмы, также постоянно движущихся между Гуй-хуа-чэномъ и Улясутаемъ, доходитъ до 900.

3) Тянь-и-дэ (天義德) ³⁾ съ годовымъ оборотомъ также около 7,000,000 ланъ имѣетъ у себя тоже количество верблюдовъ для первозки товаровъ.

1) См. т. I стр. 275, 318.

2) *ibid* 318—319.

3) *ibid* 275—318.

4) И-хо-дунъ (義和敦), годовой оборотъ которой въ Китаѣ Монголіи и Восточномъ Туркестанѣ исчисляють въ 5, 6 миллионѣ ланъ, а количество верблюдовъ, на которыхъ перевозить она свои товары, обозначаютъ приблизительно цифрою 700.

Изъ числа остальныхъ торговцевъ въ Монголіи въ Гуй-хуа-чэнѣ, какъ на болѣе состоятельныя фирмы, указываютъ на: 5) Юнь-дэ-куй (永德魁), 6) И-шанъ-танъ (— 善堂) 7) Санъ-хэ-юань (三合元), 8) Цинъ-чжунъ-чанъ (慶 | 長) 9) Тянь-юй-дэ (天裕德); 10) Да-цинъ-чанъ (大慶昌) и 11) Юань-шэнъ-юнь (元昇永). Годовые обороты каждой изъ этихъ фирмъ не превышаютъ однако суммы отъ 100 до 250 тысячъ ланъ серебра. Верблюдовъ для перевозки товаровъ каждая изъ этихъ фирмъ, за исключеніемъ только первой Юнь-дэ-куй и послѣдней Юань-шэнъ-юнь, имѣетъ своихъ въ числѣ отъ 150, до 200 головъ; что же касается означенныхъ двухъ фирмъ, то для перевозки товаровъ онѣ нанимаютъ верблюдовъ или у мѣстныхъ хуху-хотдскихъ извозчиковъ, или у приходящихъ монголовъ. Товары отправляются ими въ Монголію только одинъ разъ въ годъ, зимою. Нужно замѣтить при этомъ, что почти всѣ указанныя фирмы въ самомъ Хуху-хотд рѣшительно не имѣютъ той торговли, какую ведутъ онѣ въ Монголіи. Тамъ въ лавкахъ ихъ вы найдете рѣшительно все: и чай, и шелковыя матеріи, и бумажныя мануфактуры, и кожаные товары, и желѣзныя издѣлія, равно какъ издѣлія изъ дерева и проч. Здѣсь торговля ихъ специализируется до крайности. Фирма Юнь-дэ-куй торгуетъ, напримѣръ, въ Хуху-хотд только обувью и имѣетъ при своей лавкѣ сапожную мастерскую, въ которой постоянно работаетъ отъ 40 до 60 сапожниковъ; И-шанъ-танъ содержитъ торговлю фарфоровыми издѣліями и посудой; Цинъ-чжунъ-чанъ имѣетъ аптеку и проч.

Въ обмѣнъ на вывезенные товары гуй-хуа-чэнскіе торговцы пригоняютъ изъ Монголіи прежде всего скотъ: верблюдовъ, лошадей, быковъ и барановъ, которыхъ и продаютъ въ Хуху-хотд. Верблюдовъ покупаютъ у нихъ фирмы, специально занимающіеся перевозкою тяжестей, какъ во внутреннемъ, такъ и застѣнномъ Китаѣ; лошади идутъ за Великую стѣну вплоть до Шанхая и Гуанъ-дуна; быки, число которыхъ не особенно значительно, почти всѣ потребляются въ самомъ Хуху-хотд; бараны же, составляющіе главнѣйшую массу пригоняемыхъ животныхъ, расходятся въ самыя различныя стороны, особливо въ Пекинъ, Хэ-нань и Шань-си. Я указываю на эти пункты въ виду того обстоятельства, что именно изъ этихъ мѣстъ въ Хуху-хотд содержатся особыя, такъ сказать, агентскія конторы, которыя имѣютъ своимъ назначеніемъ закупать барановъ и направлять ихъ въ надлежащія пункты. Такія конторы извѣстны въ Гуй-хуа-чэнѣ подъ китай-

скимъ именемъ «Пань-цза», наиболѣе же богатыми изъ пань-цзы считаются пекинскія, фирмъ Ся-шэнь-хо, Ся-хо-и, Тянь-хо-дэ и Сань-хо-чэнь. Въ общемъ однѣ только эти фирмы выгоняютъ изъ Гуй-хуа-чэна не менѣе полумилліона головъ барановъ. Животныя не пригоняются въ самый городъ Хухѹ-хотѸ. Китайскій торговецъ въ Монголіи, пригнавъ свой гуртъ, оставляетъ его въ монгольской степи, на разстояніи не менѣе 50 верстъ отъ города и даетъ знать объ этомъ въ ту или другую пань-цзы. Последняя высылаетъ своихъ довѣренныхъ, которые и заключаютъ окончательныя условія по покупкѣ скота. При этомъ надлежитъ замѣтить, что онъ не приобретається иначе, какъ на чистое серебро. Впрочемъ, за послѣдніе десять или нѣсколько болѣе лѣтъ сдѣлокъ на покупку скота въ самомъ Хухѹ-хотѸ совершается несравненно меньше, чѣмъ было прежде: число ихъ сократилось даже больше, чѣмъ на половину; произошло же это оттого, что въ дѣлѣ, однако, не только покупки скота, но и всякаго рода сырыхъ произведеній Монголіи Гуй-хуа-чэнь долженъ былъ утратить свое значеніе въ пользу Бау-тоу и Хѹхѹ-эргѹ, къ которымъ теперь преимущественно совершается доставка и животныхъ, и сырья изъ Монголіи. Хухѹ-хотѸ въ дѣлѣ этой торговли участвуетъ нынѣ лишь потому, что въ немъ много банковъ и удобнѣе производится расплата за купленный товаръ, другими словами, покупка сырья совершается теперь или въ Бау-тоу, или въ Хухѹ-эргѹ, а расплата по заключенной сдѣлкѣ въ Гуй-хуа-чэнь. Помимо скота, прогоняемаго во внутренній Китай, самъ Гуй-хуа-чэнь покупаетъ и потребляетъ ежегодно не меньше 200 тыс. барановъ и до 40 тыс. быковъ.

Скотскія и бараньи кожи потребляемыхъ въ Хѹхѹ-хотѸ животныхъ почти не вывозятся изъ города, а подлежатъ выдѣлкѣ здѣсь же, на кожевенныхъ заводахъ, расположенныхъ по сѣверной и западной сторонамъ города. Общее число большихъ и малыхъ заведеній этого рода, говорятъ, доходитъ до 35-ти; но мною было посѣщено изъ нихъ только три. Чаны на всѣхъ этихъ заводахъ одинаково были вырыты въ землѣ и выложены кирпичемъ. Для обивки шерсти съ кожи вмѣсто золы употребляется известь, а для смягченія кожи при выдѣлкѣ ея кладется въ незначительномъ количествѣ хлѣбъ и солонецъ, — дубъ не употребляется вовсе. Когда послѣ этого кожа полежитъ нѣкоторое время, то солонецъ выступаетъ изъ нея и она дѣлается бѣлою. Цвѣтъ кожъ, выдѣланныхъ въ Хухѹ-хотѸ, бываетъ только бѣлый и бурый, другихъ же красокъ для кожъ неизвѣстно вовсе.

Изъ шерсти, обитой при выдѣлкѣ кожъ, въ Хухѹ-хотѸ приготавливаются различные продукты. Такъ, изъ коровьей шерсти, иногда съ примѣсью отбросковъ верблюжьей и бараньей, выдѣлываются ткани для попонъ —

мао дань (毛氈), различаемыя обычно по тремъ сортамъ. Самый низшій изъ этихъ сортовъ представляетъ собою довольно рѣдкую ткань, шириною въ 1 чи и 1 цунь; второй сортъ, называемый Ши-янъ-цзинъ (十樣錦) по той причинѣ, что въ полотнищѣ его проходитъ десять различныхъ цвѣтовъ, ткется уже гораздо прочнѣе, ширина его дѣлается въ 1 чи и 3 цуня; наконецъ, первый сортъ, еще менѣе рѣдкой ткани, хотя и такой же ширины, дѣлается коричневымъ одноцвѣтнымъ. Онъ носитъ названіе «цзинь-сянъ-юй (金相玉). Это приготовленіе ткани для попонъ составляетъ въ Хухү-хотѣ, такъ сказать, кустарный промыселъ, хотя незначительнаго въ настоящую пору числа дворовъ. Въ нынѣшнемъ году ихъ осталось не болѣе двухъ, трехъ десятковъ, при чемъ у каждаго хозяина имѣется по 4, по 8 и даже по 10 помощниковъ. Вытканная однополосною попона продается ткачами въ кускахъ въ особыя лавки, занимающіяся продажею попонъ, а послѣднія разрѣзываютъ куски на части и сшиваютъ изъ нихъ трехполосныя попоны. Изъ числа означенныхъ сортовъ самый низшій сортъ спиивается кусками длиною въ 5 чи; такія попоны направляются главнымъ образомъ въ Калганъ, гдѣ идутъ на укупорку чаевъ, отправляемыхъ въ Кяхту какъ русскими, такъ и китайцами. Цѣна такой попоны обыкновенно около 600 хухү-хотѣскихъ чжѣосу, что составитъ на серебро около 2 цинъ 3 фынъ, или нашихъ 50-ти серебряныхъ копѣекъ; попоны 2-го сорта дѣлаются различной величины и расходятся на хозяйственныя и домашнія потребности въ самомъ Хухү-хотѣ; что же до попонъ 1-го сорта, то онѣ выкраиваются длиною въ 6 чи и спитыя въ три полосы покупаются главнымъ образомъ китайцами для укупорки товаровъ, отправляемыхъ въ Сѣв-Зап. Монголію и Восточный Туркестанъ. Стоимость такой попоны 5 циновъ серебра, или около 1500 хухү-хотѣскихъ чеховъ. Попонъ 1-го сорта выдѣлывается очень немного и не продается свыше 1000 штукъ въ годъ. Въ Калганъ на укупорку чаевъ онѣ не идутъ вовсе по той причинѣ, что спитая въ двѣ полосы такая попона является недостаточною для укупорки мѣста чаю, а спитая въ три полосы представляетъ совершенно ненужный излишекъ. При той прочности, которою обладаютъ хухү-хотѣскія попоны 1-го сорта, употребленіе ихъ нашими купцами было бы весьма выгодно; но китайцы положительно отказываются измѣнить зауроченныя у нихъ мѣры тканей.

Дѣло продажи попонъ ведутъ въ Хухү-хотѣ главнымъ образомъ четыре лавки: 1) И-синъ-куй (義興魁), продающая въ годъ до 9,000 попонъ; 2) Дэ-шэнъ-чанъ (德盛長), продающая до 3,000 попонъ; 3) Юнь-шэнъ-чанъ (永盛長), продающая въ годъ до 2,000 попонъ и 4) Юнь-чанъ-чэнъ (永長成), продающая также до 2,000 попонъ.

Изъ числа этихъ четырехъ лавокъ первыя три ведутъ свое дѣло съ Калганомъ, а послѣдняя торгуетъ только въ Хухѹ-хотѸ. Изъ разговоровъ съ этими продавцами попонѣ я узналъ дальше, что большее количество попонѣ по настоящему времени и условіямъ едва и можетъ быть выдѣлываемо въ Хухѹ-хотѸ по той причинѣ, что для выдѣлки ихъ, съ одной стороны, не хватаетъ шерсти, а съ другой — и число мастеровъ этого рода за послѣдніе годы весьма сократилось. Страшная дороговизна содержания еще лѣтъ 6, 7 тому назадъ побудила наличныхъ въ ту пору мастеровъ сократить пріемъ къ себѣ учениковъ; такимъ образомъ новыхъ лицъ, подготовившихся къ мастерству, вышло немного, изъ старыхъ же между тѣмъ нѣкоторые уже умерли, а другіе стали неспособны къ дѣятельности, кто по старости, а кто по болѣзни.

На ряду съ пригономъ скота сократилась въ Гуй-хуа-чэнѣ доставка и другого рода сырыхъ произведеній Монголіи: онѣ также нашли для себя болѣе выгодное мѣсто сбыта въ Бау-тоу и Хухѹ-эргѣ; товары эти за послѣднее время притомъ значительно вздорожали, такъ:

а) верблюжьей шерсти продается теперь въ Хухѹ-хотѸ не свыше 1,000,000 гиновъ, по цѣнѣ отъ 6 до 7½ ланъ за 100 гиновъ.

б) бараньей шерсти приблизительно ввозится тоже количество, что и верблюжьей; продается же она отъ 4 л. 5 цинъ, до 7 ланъ за 100 гиновъ.

в) козій пухъ, прежде привозимый въ Хухѹ-хотѸ, теперь почти весь продается въ Бау-тоу; цѣна его 11 ланъ за 100 гиновъ.

г) овчина продается по 900 гуй-хуа-чэнскихъ чеховъ, т. е. около 3 ц. 4 фыновъ на серебро.

д) козлина въ настоящемъ году стояла по 1,300 чеховъ, или около 4 цин. 8 фыновъ на серебро; цѣна ея возросла и привозъ увеличился вслѣдствіе усиленнаго требованія на нее за границу Китая черезъ Шанхай.

е) бычьи и коровьи кожи — по 4,000 чеховъ, или около 1 л. 5 ц.

ж) мерлушка среднимъ числомъ пріобрѣталась по 3 ц. 2 ф.

з) Лошадиные хвосты — отъ 300 до 400 л. за 1,000 гиновъ; пріобрѣтаемые же въ розницу обходились не менѣе 45 л. за 100 гин.

Цѣны на скотъ въ Хухѹ-хотѸ при насъ стояли слѣдующія: верблюды — отъ 20 до 30 л.; лошадь обыкновенная — отъ 7 до 9 ланъ; быкъ — до 8 ланъ; корова — отъ 6 до 7 ланъ; баранъ — отъ 1 лана до 1 л. 3 ц. Наиболѣе дешевыя цѣны на скотъ вообще, помимо лишь верблюдовъ, бываютъ здѣсь въ 9-й и 10-й лунахъ, т. е. въ ту пору, когда монгольскіе гуртовщики пригоняютъ собранныхъ ими въ Монголіи животныхъ для продажи ихъ въ предѣлы собственнаго Китая.

Что касается монголовъ, то они приговяютъ въ Гуй-хуа-чэнъ свой скотъ въ теченіе цѣлаго года, но обыкновенно очень небольшими партіями. Главная масса скота получается изъ хошѹновъ Гобійнъ тушѹ гѹна и Мэргэнь-вѹна тушѹтѹ хѹновскаго аймака, засимъ отъ такъ называемыхъ внутреннихъ монголовъ: Дурбѹнъ хѹхэтъ и Алашаньскаго вѹна.

Сѣверные монголы изъ Урги привозятъ въ Хухѹ-хотѹ разный лѣсъ, по преимуществу сосновый, въ брусьяхъ и тесовицахъ; но еще болѣе доставляютъ такового спеціальные мѣстные торговцы лѣсомъ, нарочно отправляясь за покупкою его въ Сѣверную Халху. Цѣна лѣсного товара опредѣляется здѣсь собственно толщиною бруса, ибо длина его бываетъ всегда одинакова, въ 6 чи, т. е. около 3 аршинъ. Каждый цунь толщины бруса цѣнится въ Ургѣ около 18 шара-цаевъ, или приблизительно 36 коп. сер.; въ Хухѹ-хотѹ въ брусѣ въ 8 цуней каждый цунь цѣнится по 350 чжѹсу, что составитъ на наши деньги по существующему курсу 56 к. сер.

Монголы сайнъ войновскаго аймака, направляясь въ Хухѹ-хотѹ, везутъ главнымъ образомъ масло, кожи и шерсть, конечно, отдѣльными небольшими партіями. Надлежитъ замѣтить однако, что теперь они почти никогда не довозятъ своихъ товаровъ до Хухѹ-хотѹ и продаютъ ихъ въ Хухѹ-эргѹ — городкѣ, не доѣзжая 45 верстъ до Хухѹ-хотѹ со стороны Монголіи. Послѣдній является очень оживленнымъ пунктомъ, въ которомъ китайцы ведутъ мелочную торговлю мукою, просомъ, чаемъ, полотняными, коженными и др. товарами на монгольскую руку.

Несмотря на неоднократно отмѣченное мною паденіе Гуй-хуа-чэнъ за послѣдніе годы, читатель все же долженъ видѣть, что это пунктъ, въ которомъ есть торговцы, ведущіе миллионную торговлю, отпускающіе въ общемъ свыше 100,000 мѣстъ чая, до миллиона кусковъ матерій и пр.; все это можетъ навести его на мысль о существованіи въ Хухѹ-хотѹ богатыхъ лавокъ, хорошо обставленныхъ магазиновъ и пр. Но это было бы совершенно ошибочно. Торговцы и фирмы эти, ведущіе свое дѣло оптомъ, совершенно не имѣютъ лавокъ въ Хухѹ-хотѹ, а содержатъ только конторы и склады; со стороны улицы помѣщенія ихъ не представляютъ поэтому ничего, помимо глинобитныхъ заборовъ, съ большими двустворчатыми воротами, ведущими во дворъ, по обычаю съ трехъ сторонъ обрамливаемый байшинами для жилья и складовъ. Въ открытыхъ лавкахъ въ Гуй-хуа-чэнѣ ведется только мелкая, розничная торговля и всѣ эти лавки выглядятъ крайне бѣдно, безразличія, помѣщаются ли онѣ на главныхъ, или на второстепенныхъ улицахъ. Лучшею улицею въ Гуй-хуа-чэнѣ почитается Данаанъ-цзѣ, сѣвернымъ своимъ концомъ упирающаяся въ крѣпость Гуй-хуа-чэна, а южнымъ доходящая до конца города. На ней сосредоточены лучшія

лавки, которыя однако ведутъ также мелочную торговлю и это настолько, что ни въ одной изъ нихъ нельзя купить, на примѣръ, цѣлаго куска сукна, а въ нѣкоторыхъ такъ и цѣлаго куска далянбу. Дѣло въ томъ, что всѣ эти лавки ведутъ уже свое дѣло только съ городскими обывателями, послѣдніе же, съ одной стороны, всегда имѣя у себя подъ рукою все нужное, а съ другой, можетъ быть, просто не имѣя въ обычаѣ покупать для себя матеріи цѣлыми кусками, гораздо больше приобрѣтаютъ такой товаръ, какъ дринлинги и шертинги, привозимые изъ Тянь-цзина и Пекина или въ полукускахъ, или въ прямыхъ отрѣзахъ на халатъ, на шубу и проч. Въ такомъ же видѣ можно найти по преимуществу чи-цюй-чу, янь-чжоу и др. шелковыя матеріи. Цѣны при мнѣ стояли такія:

Далянбу	въ отрѣзѣ	на халатъ	8 цинь.
да-бу	»	»	5—7 цинь.
китайка	»	»	4 $\frac{1}{2}$ —5 $\frac{1}{2}$ цинь.
грубая чи-цюй-ча	»	»	1 л. 75 ф.—2 л. 50 ф.
Янь-чжоу	»	»	до 4 л.
Нинь-чоу	»	»	8—9 лань.

Фамильнаго чаю въ размѣрѣ цѣлаго пибика нельзя купить рѣшительно ни въ одной изъ этихъ лавокъ, да и вообще во всемъ Хухү-хотѣ; фунтами же хорошій чай можно приобрѣтать по цѣнѣ 5, 5 $\frac{1}{2}$ цинь за гинь.

Предметовъ китайской роскоши въ хухү-хотѣскихъ лавкахъ не особенно много. Изъ европейскихъ товаровъ наиболѣе всего видны столовые часы, лампы, игрушки съ машинками и кое-какія коробочки и несессеры, составляющіе у насъ принадлежность дамскихъ туалетовъ. Изъ китайскихъ — попадаются: фарфоровыя вазы, но фаланевыхъ не встрѣчается вовсе; засимъ зеркала, фарфоровыя цвѣты, картины, рисованныя на стеклѣ, и такіе же подносы, обдѣланные въ черное дерево, при чемъ очень много картинъ, какъ предназначенныхъ къ украшенію комнатъ, такъ и изображаемыхъ на подносахъ, крайне неприличнаго и невыразимо циничнаго характера. Картины эти стоятъ тѣмъ не менѣе открыто, не нарушая нисколько чувства стыдливости у проходящихъ и покупателей. Обувь, коженныя издѣлія, а равно издѣлія деревянныя, желѣзныя, мѣдныя и серебряныя, аптекарскіе товары и посуда составляютъ обыкновенно спеціальнѣйшій предметъ торговли, при чемъ торговля помещенія ихъ соединяются почти всегда съ мастерскими. По размѣру своему большая часть лавокъ представляетъ величину одного цзяня, дву-цзяньныхъ сравнительно

очень не много, а трех-пяньныхъ не найдется и десятка во всемъ городѣ. Таковъ внѣшній видъ лавокъ на главной улицѣ Да-нань-цзѣ, доходящей шириною до 2-хъ сажень, таковъ же онъ на болѣе узкихъ: Ширѣту-цзѣ и Пунсукъ-цзѣ; а въ другихъ улицахъ и переулкахъ лавки еще бѣднѣе и грязнѣе.

Улица Да-нань-цзѣ сѣвернымъ концемъ своимъ приводитъ къ хуху-хотдскому кремлю, который именуется собственно «цзю-чэнъ», т. е. старый городъ. Крѣпость эта крайне не велика и китайцы исчисляють окружность ея всего въ 3 ли, т. е. около 800 саж.

Чтобы имѣть возможность съ большими удобствами и основательностью ознакомиться съ этою, собственно казенною частью города, а равно и со всѣми иными правительственными и общественными учрежденіями Хуху-хотд, я въ первый же вечеръ по прибытіи въ городъ сдѣлалъ визитъ, т. е. завезъ свою карточку, здѣшнему дао-таю и лично побывалъ у эр-фу и двухъ тумѣтскихъ галай-дѣ, высшихъ чиновъ, непосредственно завѣдывающихъ управленіемъ тумѣтовъ. Отъ послѣднихъ я больше всего надѣялся получить необходимыя мнѣ свѣдѣнія, а потому и познакомился съ ними ближе, нѣсколько разъ обмѣнявшись подарками, въ видѣ часовъ, биноклей и наконецъ халатовъ. За то мнѣ удалось проводить у нихъ каждый вечеръ въ бесѣдахъ и получить массу самыхъ цѣнныхъ знаній; мало того, одинъ изъ галай-дѣ прямо обѣщалъ мнѣ дать въ чичероне своего сына, чтобы осмотрѣть казенныя и общественныя учрежденія города. Съ просьбою объ исполненіи этого обѣщанія я не торопился и первые дни моего пребыванія въ Хуху-хотд проводились такимъ образомъ. Часовъ въ 6 утра я выходилъ на изученіе города, осматривалъ монастыри, посѣщалъ лавки, гостиницы и базары, знакомился съ купцами и ламами. Послѣ обѣда, часа въ 3, отправлялся къ галай-дѣ и бесѣдовалъ съ ними за чаемъ часовъ до 6^{1/2}. Вечеромъ, часовъ съ 7, принималъ у себя ламъ и иныхъ людей, приносившихъ мнѣ на продажу книги, бурхановъ и др. вещи, а ночью читалъ и дѣлалъ выписки изъ разнаго рода дѣлъ и официальныхъ документовъ, которыми снабжалъ меня, въ видахъ доставленія болѣе точности въ свѣдѣніяхъ, галай-дѣ. Только 12-го числа, не заставъ галай-дѣ дома и узнавъ, что онъ занимается въ гусай ѣмунѣ, я попросилъ проводить себя къ нему, въ это высшее правительственное учрежденіе тумѣтскаго управленія. Зашедши въ главную ѣмуньскую залу, я увидалъ здѣсь каменописный памятникъ на маньчжурскомъ языкѣ, излагающій исторію основанія, или лучше возсооруженія хуху-хотдской крѣпости. Немедленно принявшись за переписку для себя текста этого памятника, я въ тоже время напомнилъ галай-дѣ, что мнѣ пора уже познакомиться и съ хуху-хотдскими учрежденіями;

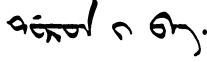
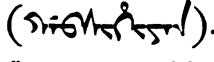
тами блестящими и величественными»; срединныя же триумфальныя ворота — «блестящими, твердыми воротами». — Въ 5 году правленія Цянь-луна (1741), (городъ) по представленіи высочайшаго доклада, возобновили въ первый разъ. Въ 60-мъ году правленія Цянь-луна (1796) послѣдовало высочайшее повелѣніе такого содержанія: «наименованіе Хуху-хотонь совершенно не соотвѣтствуетъ смыслу словъ; нынѣ переименовать его въ «Кукэ хотонь». Благоговѣнно исполняя это повелѣніе, измѣнили (названіе города) въ Кукэ хотонь».

Когда на другой день ко мнѣ пришелъ цзангинъ Дорчжй, 32-хъ лѣтній сынъ галай-дѣ, первымъ моимъ вопросомъ къ нему было: исправлялась ли когда нибудь хуху-хотонская крѣпость послѣ того времени, которое указывается въ каменописномъ памятникѣ; но онъ не могъ отвѣтить мнѣ на это опредѣленно и только высказалъ предположеніе, что если исправленія ея и предпринимались, то развѣ весьма незначительныя, капитальнаго же ремонта, вѣроятно, не было вовсе, иначе объ этомъ бы говорилось и ему было бы извѣстно, да и самая крѣпость не могла бы дойти до такого страшнаго упадка. Дѣйствительно, хуху-хотонская крѣпость въ настоящую пору, можно сказать, стоитъ полуразрушенною. Стѣны, облицованныя дикимъ кирпичемъ и когда-то бывшія очень широкими и красивыми, теперь уже страшно обветшали: кирпичъ во многихъ мѣстахъ обвалился и глина, которая была утрамбована въ срединѣ стѣнъ, образовала у такихъ пробойнъ груды мусора. Деревянныя башни надъ воротами пришли въ полнѣйшее разрушеніе: угловыя бревна ихъ стоятъ оголенными, матицы подгнили и попадали. Внутри крѣпости помѣщается все главнѣйшее гражданское управленіе, какъ самаго Гуй-хуа-чэна, такъ и Гуй-хуа-чэнскаго округа. Здѣсь находится ямунь дао-тая, ямунь эръ-фу, управленіе 12-ти тѣмѣтскихъ галай-дѣ и главное таможенное управленіе, большая часть специальныхъ конторъ или отдѣленій коего находятся въ торговой части; таковы отдѣленія для взиманія пошлины: а) по ввозу соли и опиума, б) по ввозу дерева, в) по пригону лошадей и другого скота, г) по ввозу и вывозу чая, д) мануфактурныхъ товаровъ, е) сырыхъ монгольскихъ произведеній и проч.

Отправившись съ цзангиномъ для осмотра старой хуху-хотонской крѣпости, мы вступили въ нее черезъ главныя ворота, находящіяся въ южной крѣпостной стѣнѣ. Проходя черезъ нихъ, я прослушалъ извѣстіе отъ своего чичероне, что въ городѣ искони вѣковъ хранится обычай трубить въ трубу съ городской башни, воздвигнутой надъ этими воротами: отправляется сказанный обычай ежегодно 15-го числа 2-й луны и съ 1-го по 15-е число 8-й луны.

Вступивъ въ крѣпость, мы направились прежде всего въ Гусай ямунь, или тумѣтское знаменное управленіе, — самое обширное изъ учрежденій, находящихся внутри крѣпости. Зданія его воздвигнуты ближе къ сѣвернымъ, чѣмъ къ южнымъ воротамъ и паходятся по правую, восточную сторону дороги, пересекающей всю крѣпость съ юга на сѣверъ. Зданія гусай ямуня, равно какъ и рѣшительно всѣ другія казенныя постройки въ Хуху-хотѣ, совершенно не представляютъ собою ничего особеннаго. Это обычный, самый казенный типъ китайскихъ, одно-этажныхъ корпусовъ, выведенныхъ изъ дикаго кирпича, съ зауроченными красными колонками по лицевой сторонѣ зданія, съ громадными, занимающими половину стѣны окнами, узорчатая рамы которыхъ заклеены бумагою, и съ черепичною крышею, ниспускающеюся отъ узорчатаго конька въ видѣ круглыхъ бревнышковъ. Общій, облицованный цоколемъ фундаментъ всего подворья гусай ямуня возвышается надъ окрестною крѣпостною площадью приблизительно на три четверти аршина, поэтому, входя во дворъ гусай ямуня, приходится подниматься на три порожка. Въ ширину, по направленію съ востока на западъ, фундаментъ этотъ имѣетъ протяженія 7 кит. сажень и 2 фута, а въ длину, съ юга на сѣверъ, 30 кит. саж. Передъ фундаментомъ, съ южной стороны, по обычаю, вытянутъ каменный щитъ, обогнувъ который и поднявшись по вышепомянутымъ ступенькамъ, приходишь къ большимъ ямуньскимъ воротамъ, въ три звена. По начертаннымъ здѣсь надписямъ видно, что ворота эти были перенесены на южную сторону гусай ямуня только въ 4-мъ году правленія Дао-гуана (1823-й или 1824 г.), до той же поры, какъ объяснилъ мнѣ мой спутникъ, онѣ стояли на западной сторонѣ, такъ что парадный входъ въ подворье гусай ямуня былъ съ главной крѣпостной улицы. Вступивъ во дворъ гусай ямуня, видишь передъ собою на сѣверѣ, въ самой глубинѣ двора, обращенный лицевою стороною къ югу главный корпусъ всего подворья, величиною въ 5 цзяней. Его называютъ заломъ для общихъ засѣданій совѣта всѣхъ галай дѣ. Комната этого общаго присутствія занимаетъ собою только три цзяня, два же боковыхъ цзяня отдѣлены отъ этого зала капитальными стѣнами и имѣютъ у себя особые входы. Восточный изъ этихъ цзяней назначенъ для храненія въ немъ серебра, а западный представляетъ собою кладовую для складовъ оружія и нѣкоторой части пороха.

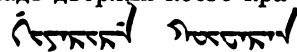
Отъ этого главнаго ямуньскаго зданія по восточной и западной сторонамъ двора, въ направленіи къ южнымъ воротамъ, вытянуты два пять цзяньныхъ, совершенно одинаковыхъ корпуса. Корпусъ западной стороны, обращенный фасадомъ на востокъ, заключаетъ въ себѣ помѣщеніе мѣстнаго отдѣленія военнаго министерства, а корпусъ восточной стороны —

отдѣленіе министерства финансовъ. Къ сѣверу отъ этихъ боковыхъ корпусовъ, на западной сторонѣ двора никакихъ зданій не имѣется; на восточной же сторонѣ, на ряду съ отдѣленіемъ министерства финансовъ, находится обращенное также лицевою стороною на западъ зданіе въ три звена, въ которомъ помѣщается управленіе дѣлами казначейства, исключительно, впрочемъ, по отпуску серебра. Оно приходится какъ разъ противъ восточной боковины главнаго ямуньскаго зданія, которая, какъ уже было замѣчено, назначена подъ кладовую для храненія серебра. Совершенно въ рядъ съ этимъ послѣднимъ зданіемъ и еще далѣе на сѣверъ отъ него вытянуть трехъэтажный же корпусъ, отведенный подъ помѣщеніе канцеляріи гусай ямуна. Это, конечно, самое людное мѣсто во всемъ подворьи, такъ какъ въ обычное время года здѣсь происходятъ всѣ засѣданія и рѣшаются всякія дѣла; здѣсь же хранится и печать ямуна, почему надъ дверями этого зданія повѣшена вырѣзанная на деревѣ крупными, выпуклыми буквами маньчжурская надпись: . Еще сѣвернѣе этой канцеляріи находится вытянутое уже поперекъ и обращенное фасадомъ къ югу двухъэтажное зданіе, заключающее въ себѣ архивъ всего дѣлопроизводства гусай ямуна. Дѣла его, говорятъ, не восходятъ дальше годовъ правленія Юнь-чжэна (1723 г.). На южной сторонѣ отъ двухъ помянутыхъ пятиэтажныхъ корпусовъ управленія министерствъ финансовъ и военнаго, являясь какъ бы посреди ямуньскаго двора, воздвигнуты обращенныя на югъ двухъэтажныя ворота въ одно звено, а по восточную и западную сторону ихъ по однимъ малымъ воротамъ. Описанная сѣверная часть двора до этихъ воротъ называется специально «правительственною», а къ югу отъ нихъ находится «служебная» часть. Помимо воображаемой межи, образуемой этими воротами, одна часть отъ другой ничѣмъ не отдѣляется, такъ что зданія второй части двора являются какъ бы прямымъ продолженіемъ первой. На восточной сторонѣ, примыкая къ отдѣленію по дѣламъ министерства финансовъ, находится обращенный фасадомъ на западъ трехъэтажный корпусъ. Здѣсь располагаются теперь казармы гвардейскихъ авангардныхъ войскъ (). Всего здѣсь содержится 200 нижнихъ чиновъ гвардейцевъ, при 20 завѣдывающихъ ими десятникахъ; службу же свою они отбываютъ исключительно при цзянь-цзюнь и фу-дунтунѣ, въ званіи стражниковъ при воротахъ ихъ ямуней. Для ямуней цзянь-цзюня полагается 120 гвардейскихъ солдатъ при 12 десятникахъ; а для ямуна фу-дунтуна 80 солдатъ, при 8 десятникахъ. Службу свою они отбываютъ по очереди, смѣняясь черезъ каждые 15 дней. На каждую очередь, при обоихъ ямуняхъ, откомандировывается одинаковое число солдатъ

и именно по 10 человекъ. На западной сторонѣ корпусу гвардейцевъ противустоятъ и является примыкающимъ къ зданію отдѣленія военнаго министерства, другой такой же корпусъ, въ три звена; здѣсь помѣщаются квартиры писцовъ и канцелярскихъ служителей мѣстныхъ присутствій. Оба послѣдніе корпусы обнесены невысокими кирпичными оградами, для прохода за которыя продѣланы калитки. Зданія эти являются прилежащими къ южнымъ, параднымъ воротамъ и заканчиваютъ собою всѣ постройки гусай ямуня.

Отсюда мы отправились осматривать такъ называемый здѣсь, въ просторѣчїи, «амбаньскій» ямунь. Онъ находится почти противъ гусай ямуня, располагаясь только нѣсколько ближе къ сѣверной городской стѣнѣ и при томъ на лѣвой западной сторонѣ срединной крѣпостной улицы. Пока проходили мы это относительно очень небольшое пространство, цзангінъ разказалъ мнѣ, что встарину, при Канси и Юнь-чжэнѣ, число казенныхъ зданій въ хуху-хотдской крѣпости было гораздо большее. Въ ту пору въ Хуху-хотд проживало два гусай-амбаня (ду-тунь), у каждаго изъ которыхъ былъ свой особый ямунь, по 42 звена каждый; да при этихъ гусай-амбаняхъ состояло еще четыре мѣйрэни цзангїна (фу-ду-тунь), ямуни которыхъ представляли собою четыре отдѣльныхъ подворья, по 38 звеньевъ въ каждомъ. Впослѣдствїи, въ силу почисленія за штатъ должностей двухъ гусай амбаней и трехъ мѣйрэни цзангїновъ, зданія присутственныхъ мѣсть ихъ одно за другимъ были распроданы въ частныя руки, такъ что въ началѣ Цянь-лунова царствованія въ Хуху-хотд оставался уже одинъ амбаньскій ямунь, который стоялъ въ юго-западномъ углу хуху-хотдской крѣпости. Въ 28 году правленія Цянь-луна (1764 г.) министерство публичныхъ работъ, согласно состоявшемуся тогда высочайшему повелѣнію, предписало перенести этотъ ямунь на другое мѣсто и отстроить его заново; съ той-то поры амбаньскій ямунь и находится противъ знаменнаго управленія, на своемъ настоящемъ мѣстѣ. Исполнивъ эти работы, богдоханское правительство, повидимому, рѣшило уже никогда больше не тратить на нихъ собственныхъ средствъ. Въ послѣднихъ годахъ правленія Цзяцина, когда амбаньскій ямунь пришелъ въ страшную ветхость, мѣстные правители дѣлали нѣсколько представленій объ его исправленіи, но всегда получали отказъ. Наконецъ во 2-мъ году правленія Дао-гуана (1822 г.) тогдашній цзянь-цзюнь Лу-чэнъ и мѣйрэни-цзангїнъ Нянъ-дэ сдѣлали всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ они просили разрѣшенія взять изъ тѣмѣтскаго знаменнаго казначейства заимообразно 1500 ланъ серебра и возобновить на нихъ зданія. Уплату этого долга предполагалось производить посредствомъ вычета ежегодно 75 ланъ серебра изъ жалованья опре-

дѣленнаго самому мѣйрѣни-цзангѣну и такимъ образомъ вся сумма долга должна была возмѣститься казначейству въ теченіе 20 лѣтъ. Такая комбинація была одобрена въ Пекинѣ причѣмъ тамъ же были исправлены и планы построекъ. Замѣтивъ, что главныя ворота амбаньскаго ямуня, выходившія въ ту пору на главную крѣпостную улицу, были продѣланы въ восточной стѣнѣ, министры предписали перенести ихъ, по закону, на южную сторону, хотя это было, конечно, въ полнѣйшій разрѣзъ какъ съ удобствами сообщенія, такъ и изяществомъ общаго крѣпостнаго вида: теперь ворота въ амбаньскій ямунь, какъ и въ гусай ямунь, идутъ не съ главной улицы, а съ прилежащихъ ей переулковъ. Въ послѣдніе годы зданія амбаньскаго ямуня снова пришли въ ветхость и говорятъ, что для поправки ихъ придется, вѣроятно, опять приложить тѣже мѣры. Подходя къ амбаньскому ямуню, мы увидали у воротъ его носилки, телѣги и десятка два лошадей, подъ сѣдломъ. Оказалось, что въ ямунь пріѣхалъ цзянь-цзюнь, въ сопровожденіи своей свиты. Это помѣшало намъ осмотрѣть ямуньское подворье. Впрочемъ, по словамъ цзангѣна, оно не отличается отъ гусай ямуня, являясь только нѣсколько обширнѣе его, потому что въ гусай ямунь считается 34 цзяня, а въ амбаньскомъ 38, хотя постройки въ амбаньскомъ ямунь гораздо скученнѣе, а потому площадь гусай ямуня значительно больше амбаньской.

Отсюда, слѣдуя по узенькимъ переулкамъ, мы двинулись въ направленіи къ сѣверо-западному углу крѣпости, чтобы осмотрѣть тамъ подворье, назначенное для помѣщенія хлѣбныхъ магазиновъ и складовъ оружія, а по дорогѣ зашли еще въ одно присутственное мѣсто, надъ дверями коего красовалась вывѣска, съ маньчжурскою надписью т. е. «полицейскій домъ». Съ внѣшней стороны это была обычная китайская фанза, въ три звена, даже не имѣющая у себя двора, а выходящая фасадомъ прямо на улицу, осмотрѣвъ же ея внутренность, мнѣ страннѣе всего было назвать ее присутственнымъ мѣстомъ. Вступивъ въ этотъ «полицейскій домъ», мы не нашли здѣсь ровно ничего помимо трехъ грязнѣйшихъ жилыхъ комнатъ, въ которыхъ помѣщались солдаты, отбывающіе по очереди сторожевую службу. Главнѣйшая обязанность ихъ состоитъ въ ночныхъ обходахъ, днемъ же ихъ вообще требуютъ крайне рѣдко, а потому теперь одни изъ нихъ занимались починкою своего платья, другіе спали, третьи курили опиумъ и т. д. Единственною, необычайною для меня принадлежностью этого учрежденія были прикрѣпленные къ стѣнѣ песочные часы, въ видѣ воронкообразнаго желѣзнаго ящика со скважиною въ днѣ, черезъ которую насыпанный въ ящикъ песокъ высыпается изъ него. Объемъ ящика и его скважины соразмѣрены съ временемъ одной стражи.

Учрежденіе этого полицейскаго дома относится, говорятъ, къ годамъ правленія Юнь-чжэна и въ ту пору для отбыванія здѣсь сторожевой службы изъ тѣмѣтскихъ знаменъ вызывалось по ежемѣсячной очереди два офицера и 20 солдатъ. Въ 39 г. правленія Цянь-луна число низшихъ сторожевыхъ чиновъ было увеличено еще на 20 человекъ, такъ что теперь при полиціи всегда состоитъ уже 40 солдатъ стражниковъ, и только число офицеровъ остается то же самое.

Дошедши до «подворья хлѣбныхъ магазиновъ и склада казенныхъ имуществъ», мы прежде всего зашли къ знакомому моего чичероне, цзангйна, смотрителю этого подворья, состоявшему также въ чинѣ цзангйна. Опъ угостилъ насъ чаемъ и разказалъ, что основаніе настоящихъ магазиновъ совершилось очень давно, еще при Канси, или въ самые первые годы правленія Юнь-чжэна. Первоначально это учрежденіе было чисто китайское. Китайцы хранили здѣсь во 1-хъ хлѣбъ, который заготовляли они спеціально въ провьянтъ для постоянно содержавшихся здѣсь въ ту пору китайскихъ войскъ; а во 2-хъ здѣсь же былъ устроенъ ими складъ для храненія казеннаго оружія, предназначавшагося для вооруженія тѣмѣтовъ, которые въ ту пору только что были призваны къ отбыванію военной повинности и не рѣдко отказывались отъ явки на службу, якобы за неимѣніемъ вооруженія. Чтобы достигать своихъ цѣлей съ большимъ удобствомъ, китайцы и обосновали тогда эти склады и даже въ двухъ мѣстахъ: въ Токто-хотѣ въ 30 цзяней и въ Хухѹ-хотѣ — въ 42 цзяня. Впослѣдствіи, по умиротвореніи Монголіи и окончаніи чжунгарскихъ войнъ, китайскія войска были выведены отсюда и гарнизонная служба была поручена главнымъ образомъ мѣстнымъ тѣмѣтскимъ войскамъ. Около той же поры было узаконено обязательное обученіе тѣмѣтскихъ войскъ, для котораго тѣмѣты обязаны были собираться въ Хухѹ-хотѣ по два раза въ годъ. Управление, завѣдывавшее дѣлами этихъ учебныхъ сборовъ, было помѣщено здѣсь же, при этихъ хлѣбныхъ магазинахъ. Являвшіеся на учебные смотры получали отъ управленія вооруженіе, заготовлявшееся на общественный счетъ и по минованіи срока смотровъ; остававшееся на храненіи при управленіи. Такимъ образомъ китайцы совершенно отдалились отъ этихъ складовъ и помѣщенія ихъ перешли въ пользованіе мѣстнаго тѣмѣтскаго общественнаго управленія. Какимъ образомъ совершился этотъ переходъ и какъ это казенное имущество перешло въ частныя руки тѣмѣтскаго общества, за давностію лѣтъ, совершенно неизвѣстно и документовъ на это никакихъ не имѣется.

Отправившись для осмотра подворья изъ помѣщенія смотрителя онаго, построеннаго у самыхъ входныхъ воротъ подворья, мы прежде всего всту-

родъ, гдѣ опъ прежде всего хотѣлъ показать мнѣ главную городскую кумирню, посвященную памяти Конфуція, съ прилежащими къ ней здавіями тѹмѣтскаго знаменнаго училища. Мы вышли изъ кремля черезъ тѣ же южныя ворота, которыми вошли въ него, и направились по главной городской улицѣ, Да-нань-цзѣ. Пройдя не болѣе полуверсты, повернули въ переулокъ направо и вскорѣ же увидали интересовавшія насъ подворья, которыя хотя и признаются хухѹ-хотдсцами за отдѣльныя, но въ существѣ дѣла представляютъ только одинъ дворъ, раздѣленный на двѣ половины. По общему обычаю китайцевъ строить казенныя зданія на нѣкоторомъ возвышеніи сравнительно съ окрестною мѣстностью, площадь подворья приподнята надъ уровнемъ городской улицы приблизительно четверти на три аршина и облицована цоколемъ. Общій объемъ ея равняется, говорятъ, въ ширину, съ востока на западъ, 8 саж. и 2 фут., а въ длину, съ сѣвера на югъ, 30 саж. и 5 фут. Расположена эта площадь подворья не въ рядъ съ уличными постройками, а нѣсколько въ глубинѣ, къ сѣверу отъ нихъ, въ рядъ же съ прочими постройками находится здѣсь во 1-хъ плацъ, раскидывающійся передъ самымъ казеннымъ подворьемъ, а во 2-хъ посрединѣ этого плаца воздвигнуть каменный щитъ, приходящійся какъ разъ противъ главныхъ воротъ подворья. Самый плацъ этотъ можетъ быть раздѣленъ на три части: двѣ боковыя стороны его, назначенныя для прохода обыкновенныхъ смертныхъ, представляютъ собою совершенно ровное и ничемъ не застроенное пространство, срединная же часть, противулежащая главнымъ воротамъ подворья, представляетъ собою нѣсколько церемоніальныхъ сооружений. Проникнуть въ эту часть возможно только черезъ двое бревенчатыхъ воротъ, изъ коихъ одинъ находится по восточную сторону щита, а другія по западную и взаимно противустоятъ другъ другу. Вступивъ черезъ эти бревенчатыя ворота въ срединную часть плаца, вы видите себя какъ бы въ небольшомъ дворикѣ, южную ограду котораго составляетъ щитъ, сѣверную большія рѣшетчатыя ворота, построенныя въ величину трехъ цзяней, а западную и восточную — помянутыя бревенчатыя ворота, отъ которыхъ тянется частоколъ съ одной стороны до щита, а съ другой до рѣшетчатыхъ воротъ. Если бы эти рѣшетчатыя ворота открылись для васъ, то вы увидали бы прямо передъ собою искусственно сдѣланный прудъ, приблизительно отъ 8 до 10 саженой въ діаметрѣ, черезъ который перекинуть мостъ, приводящій прямо къ оградѣ и главнымъ каменнымъ воротамъ подворья, построеннымъ въ объемѣ трехъ цзяней. Само собою разумѣется, что эта парадная дорога въ подворье была недоступна для насъ, а потому чтобы пройти внутрь его, мы направились по боковой, свободной отъ всякихъ построекъ сторонѣ плаца и, слѣдуя ею, прямо достигли

южной стѣны каменной ограды окружающей все подворье. Проходовъ за эту ограду здѣсь имѣется собственно три: большой, парадный — черезъ вышепомянутыя каменные трехцзяньныя ворота, бываетъ почти всегда закрытъ и открывається лишь при посѣщеніи учрежденія высшими сановниками; по бокамъ этихъ парадныхъ воротъ, съ восточной и западной стороны ихъ, располагается еще двое малыхъ воротъ; черезъ восточныя изъ нихъ мы вошли въ подворье и вступили собственно въ восточное, кумиренное, отдѣленіе двора. Въ немъ находится всего шесть отдѣльныхъ зданій. Первое мѣсто занимаетъ главная зала, въ три звена, обращенная фасадомъ на югъ; къ югу отъ нея вытянуты двѣ боковыя залы, также въ три звена, обращенныя фасадомъ одна на востокъ, а другая на западъ. Если обогнуть зданіе главной залы, то позади ея окажется еще три зданія: во 1-хъ такъ называемая «сѣверная» зала, по своимъ размѣрамъ совершенно одинаковая съ главной, а во 2-хъ два зданія, вытянутыя врядъ съ этой сѣверной залой, по обѣимъ сторонамъ ея: зданіе по восточной сторонѣ имѣетъ видъ шестиугольной бесѣдки, внутри которой хранится рисунокъ «па-гуа»; зданіе по западную сторону, величиною всего въ одну цзянь, представляетъ собою кумиренную кладовую. Что касается святынь, чествуемыхъ въ вышепомянутыхъ четырехъ большихъ кумирняхъ, то, въ главной изъ нихъ, по самой срединѣ, т. е. на первомъ мѣстѣ, стоитъ дощечка съ начертаннымъ на ней именемъ Конфуція. Передъ дощечкою, по обычаю, устроенъ жертвенникъ, а надъ нимъ повѣшены двѣ «бянь-э», съ вырѣзанными на нихъ почетными надписями, пожалованными кумирнѣ богдоханомъ. Въ другихъ цзяньяхъ, по бокамъ этого главнаго жертвенника, стоитъ также точно по жертвеннику съ чествуемыми на нихъ дощечками Янь-цзы и иныхъ ближайшихъ послѣдователей Конфуція. Въ «сѣверной» залѣ находящейся, какъ сказано, позади главной кумирни, чествуются дощечки августѣйшихъ бо, и знаменитѣйшихъ вѣновъ, положившихъ начало царствующей нынѣ въ Китаѣ дайцинской династіи. Въ двухъ боковыхъ кумирняхъ, воздвигнутыхъ по южную сторону главной, чествуются дощечки философовъ и ученыхъ. Помимо этихъ большихъ кумирень, воздвигнутыхъ во дворѣ, за оградою, здѣсь есть еще двѣ такихъ же трехцзяньныхъ кумирни, расположенныхъ по восточную и западную сторону малыхъ боковыхъ воротъ, ведущихъ въ подворье. Обѣ эти кумирни обращены фасадомъ къ югу и представляютъ собою: восточная, по восточную сторону восточныхъ боковыхъ воротъ, — общественный храмъ въ честь доблестныхъ и именитыхъ сановниковъ; на первомъ мѣстѣ здѣсь чествуется дощечка бывшаго алиха-амбѣня Тунъ-а; западная кумирня, по западную сторону западныхъ боковыхъ воротъ, представляетъ собою храмъ въ честь мѣстныхъ почетныхъ сель-

ских жителей и уважаемыхъ, стяжавшихъ себѣ добрую славу земледѣльцевъ.

Переходя отсюда къ обзору отдѣленія знаменнаго училища, мы напомнимъ прежде всего, что оно представляетъ собою собственно западную половину того же кумиреннаго двора, хотя и отдѣлено отъ него. Въ западной стѣнѣ большой залы Конфуція продѣланы небольшія, увѣнчанныя «бянь-э» двери, черезъ которыя можно прямо выйти на училищный дворъ. Группа зданій знаменнаго училища располагается совершенно параллельно большой кумирнѣ Конфуція и состоитъ: а) изъ главнаго корпуса, въ три звена, обращеннаго фасадомъ на югъ; и б) двухъ боковыхъ, восточнаго и западнаго, корпусовъ, также въ 3 звена, обращенныхъ фасадами одинъ на западъ, а другой на востокъ; это собственно учебныя и жилыя помѣщенія училища. Далѣе, на ряду съ западнымъ боковымъ корпусомъ, построено зданіе въ три звена, представляющее собою залъ для стрѣльбы изъ лука; а на ряду съ восточнымъ боковымъ корпусомъ находится зданіе въ 2 звена, предназначенное служить кухней для приготовления жертвенныхъ кушаній. Помимо сего на училищномъ дворѣ имѣются однѣ малыя двухъ-этажныя ворота и однѣ большія ворота, въ мѣру цзяня.

Что касается исторіи и внутренней стороны быта этого учебнаго учрежденія, то основаніе его относится, кажется, къ годамъ правленія Юнь-чжэна; по крайней мѣрѣ смотритель училища свидѣтельствовалъ мнѣ о существованіи его только съ этого времени. Въ 13-мъ году правленія Юнь-чжэна, по всеподданнѣйшему докладу мѣстнаго а́лиха-амбана Тунъ-чжи, было опредѣлено вытребовать отъ каждаго изъ 60 тѹмѣтскихъ эскадроновъ по два способныхъ мальчика и обучать ихъ въ Хухѹ-хотѹ; для преподаванія наукъ, предписывалось вызвать четырехъ чиновъ оберъ офицерскаго званія, въ рангѣ однакоже низшемъ эскадроннаго командира, и назначить ихъ учителями; такимъ то образомъ и положено было основаніе мѣстному тѹмѣтскому знаменному училищу.

Что касается содержанія училища, то, по началу, ученикамъ его полагалось отпускать столовыхъ денегъ по расчету 12-ти чеховъ въ день; а въ года правленія Цянь-луна штатъ этотъ былъ увеличенъ, причемъ учителямъ, за время ихъ преподаванія, назначено было каждому столовыхъ денегъ по расчету 1200 чеховъ въ мѣсяцъ, а ученикамъ — каждому ежедневно столовыхъ по 16 чеховъ. Съ тѣхъ поръ штатъ этотъ остается неизмѣннымъ и деньги эти отпускаются ежемѣсячно 10-го числа, изъ знаменнаго казначейства, даже безъ какихъ либо отчетовъ Министерству. Общее число учениковъ, въ 60 человекъ, остается доселѣ также неизмѣннымъ, но прежнее постановленіе объ обязательномъ вызовѣ отъ каждаго

эскадрона по два человѣка теперь давно уже не соблюдается; оттого въ настоящую пору нѣкоторыя эскадроны отправляютъ по одному мальчику, другіе по два; одни посылаютъ значительно выше установленнаго числа, другіе эскадроны не отправляютъ учениковъ и вовсе. Обусловливается это въ большинствѣ случаевъ удаленностью отъ города кочевьевъ знаменныхъ тумэтовъ, а помимо того крайнею недостаточностью ихъ средствъ. По отзыву смотрителя, не смотря на то, что и учителя, и ученики получаютъ теперь значительно больше содержанія, чѣмъ полагается имъ по штату, они все же не могутъ содержаться въ Хѹхѹ-хотѣ на эти выдаваемые имъ суммы, а потому волей неволей должны прикладывать еще и своихъ денегъ; вотъ почему для совершенно бѣднаго человѣка доступъ въ школу является положительно закрытымъ. Меня невольно заинтересовалъ вопросъ, какимъ образомъ состоящіе при училищѣ могутъ получать высшее противъ штатнаго содержаніе и это повело къ разъясненію другого вопроса объ источникѣ средствъ для содержанія училища вообще. Дѣло въ томъ, что съ этою цѣлью, въ мѣстности, прилежащей училищу, искони вѣковъ было построено нѣсколько казенныхъ помѣщеній и лавокъ, доходами отъ аренды которыхъ и должны были содержаться штатные члены училища. Въ эпоху цянъ-луновскаго утвержденія штатовъ были утверждены и правила аренды. Ежегодная арендная сумма была узаконена въ 320 тыс. слишкомъ чеховъ. Контрактъ на каждое отдѣльное помѣщеніе можетъ быть заключенъ не менѣе какъ на годъ; если купецъ закроетъ арендованную имъ лавку, вознамѣрится переселиться въ другой городъ, или вообще не станетъ жить, то слѣдующія за постой деньги уплачиваются имъ до той поры, пока не найдется другой квартирантъ, который приметъ на себя всѣ установленныя условія. Въ квартирахъ этихъ могутъ останавливаться и временно пріѣзжающіе торговцы, но только въ томъ случаѣ если причитающуюся за лавку арендную плату они будутъ вносить за мѣсяцъ впередъ безнедоимочно. Такъ какъ арендная плата съ лавокъ была установлена очень низкая, то помѣщенія ихъ не только никогда не могли пустовать, но всегда приносили дохода больше чѣмъ полагалось. Въ началѣ 1870-хъ годовъ лавки приносили въ 3 и въ 4 раза больше положенной суммы; теперь онѣ приносятъ иногда вдвое, а иногда нѣсколько меньше, или больше. Такъ какъ на содержаніе штатныхъ лицъ училища идетъ вся арендная сумма, получаемая съ извѣстныхъ, опредѣленныхъ лавокъ, то, при выдачѣ столовыхъ денегъ ученикамъ и учителямъ, увеличеніе или уменьшеніе ихъ полученія бываетъ неопредѣленно и находится въ зависимости отъ общаго количества арендной платы, собранной въ томъ или другомъ году отъ помѣщеній. Сверхъ сего на содержаніе училищнаго штата ежегодно полу-

чается еще аренда отъ хлѣбопахатныхъ земель, исчисленная по положенію въ 38 ланъ серебра, но также точно дающая всегда minim въ $1\frac{1}{2}$ раза больше. Курсъ наукъ въ знаменномъ училищѣ тотъ же самый, что мы видѣли и въ Кобдоской школѣ переводчиковъ (см. т. I, стр. 310); къ указанному тамъ обученію грамотѣ здѣсь только присоединяется еще ежедневная стрѣльба изъ лука.

Осмотрѣвъ зданія знаменнаго училища, мы по улицамъ торговаго города направились на восточную сторону ху^ху-хотдской крѣпости, гдѣ, приблизительно на разстояніи одной версты отъ восточной крѣпостной стѣны, воздвигнута общественная кумирня въ честь изобрѣтателя земледѣлія. Это кумирня уже чисто китайская и тѣмѣты земледѣльцы, даже окитаявшіеся по виду, никогда не посѣщаютъ ее. Тѣмъ не менѣе кумирня эта, какъ гласитъ надпись надъ ея воротами, была построена въ 5 году правленія Юнь-чжэна (1727), по всеподданнѣйшему докладу тѣмѣтскаго гусай-амбана Даньцзэня. Кумирненное подворье отличается здѣсь отъ всѣхъ другихъ ху^ху-хотдскихъ казенныхъ зданій своимъ объемомъ. Пространство его фундамента имѣетъ въ ширину, съ востока на западъ, 15 сажений, а въ длину, съ юга на сѣверъ, 30 сажений. Можетъ быть, благодаря именно этому значительному объему, внутри подворья кажется довольно пустынно. На первомъ мѣстѣ, т. е. по сѣверной стѣнѣ, по обычаю, вытянута большая зала, въ три звена, гдѣ чествуется дощечка изобрѣтателя земледѣлія, Шэнь-нунъ хуанъ-ди и находится его идолъ. По восточной и западной сторонамъ этой залы, одно противъ другого устроены два боковыя зданія, по одному звену, — это кухни для приготовления жертвъ, приносимыхъ въ кумирнѣ. Далѣе на восточной сторонѣ, находится зала въ три звена, обращенная фасадомъ на западъ; а на западной — ей противустоятъ обращенными фасадомъ на востокъ во 1-хъ бесѣдка на возвышеніи, для постановки кушаній во время совершенія торжественныхъ жертвоприношеній, а во 2-хъ зданіе въ одно звено для игры на музыкальныхъ инструментахъ. Посреди двора возвышается большой жертвенникъ, помимо, конечно, всегда имѣющагося здѣсь сосуда для возженія курительныхъ свѣчей. Большія ворота въ здѣшнемъ храмѣ земледѣлія построены въ величину только одного цзяня.

Отсюда, слѣдуя по порядку, мы пошли на сѣверную сторону крѣпости, гдѣ, приблизительно также въ одной верстѣ, или можетъ быть нѣсколько больше, отъ сѣверной крѣпостной стѣны, устроенъ плацъ для военныхъ упражненій тѣмѣтскихъ солдатъ. Самый плацъ не представляетъ собою ничего особенно выдающагося: это ровная, отлично утрамбованная и лишенная растительности площадь, на которой очень удобно могутъ про-

изводить различныя эволюціи солдаты; но помимо плаца здѣсь находятся еще и особыя зданія. Сосредоточены они ближе къ городу, т. е. на южной сторонѣ плаца. Подходя къ нему со стороны города, вы видите прежде всего поставленный по китайскому обычаю щитъ, хотя цѣль его здѣсь, за неимѣніемъ у зданія ограда, совершенно непонятна. За щитомъ будетъ главное зданіе плаца, построенное въ три звена; оно является канцеляріею, въ которой ведутся всѣ дѣла, специально касающіяся производства ученыхъ смотровъ и военныхъ упражненій. На сѣверо-востокъ отъ этого главного зданія построена бесѣдка въ два цзяня, въ которой во время учебныхъ упражненій солдаты сидятъ офицеры и смотрятъ на отправленіе военныхъ дѣйствій. На западной сторонѣ, противъ этой бесѣдки, выстроено также двухцзянное зданіе, назначенное для храненія въ немъ пороха. Наконецъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ плаца, отдѣльно стоитъ еще небольшая сторожка, въ которой проживаютъ солдаты, охраняющіе плацъ и состоящіа при немъ постройки. Вотъ все, что представляетъ собою плацъ въ обычное время. Солдаты собираются теперь на немъ, по положенію, ежегодно, по два раза, т. е. на одинъ мѣсяцъ весною, и на одинъ мѣсяцъ осенью. Каждый разъ вызывается изъ тѣхъ-же хошунъ по 1000 человѣкъ на опредѣленный условленный срокъ, къ которому и должны бывать собраты въ ху-ху-хотдскій военный лагерь какъ офицеры, такъ и нижніе чины въ упомянутомъ количествѣ. Въ лагерь они проживаютъ, на плацъ же выходятъ собственно для производства ученья и военныхъ упражненій. Установленіе въ Ху-ху-хотд этихъ военныхъ смотровъ относится къ 11 году правленія Юнь-чжэна (1734). Въ ту пору были впервые составлены положенія объ обученіи тѣхъ-же войскъ, по которымъ постановлено было вызывать солдатъ всего въ количествѣ 800 человѣкъ: 300 изъ нихъ должны были являться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а 500 — вооруженными луками. Въ 10 лунѣ 47 года правленія Цянь-луна (1782 г.), по всеподданнѣйшему докладу ху-ху-хотдскаго цзянь-цзюня Сунь-чун'я, число вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ было увеличено на 200 человѣкъ и съ тѣхъ поръ на смотръ вызывается уже по 1000 человѣкъ: 500 съ ружьями и 500 съ луками и стрѣлами. Обученіе, говорятъ, въ теченіе всего мѣсяца изо-дня-въ-день бываетъ одно и то же и продолжается ежедневно отъ 6 до 9 ч. утра. Солдаты, вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, всегда начинаютъ ученіе: они совершаютъ три различныя приема построенія и трижды стрѣляютъ въ залпъ, а засимъ отступаютъ на арьергардъ. На смѣну ихъ выходятъ солдаты, вооруженные луками: они стрѣляютъ въ мишень, стоя на ногахъ, каждый по одиночкѣ, тремя стрѣлами; а равно практикуются въ прицѣливаніи и стрѣльбѣ съ лошади. Нижніе чины огнестрѣльнаго ору-

жія, въ ту пору какъ лучники стрѣляютъ изъ луковъ, практикуются въ устройваніи земляныхъ насыпей. Помимо сего эти чины огнестрѣльнаго оружія черезъ девять дней въ десятый также точно должны стрѣлять въ цѣль, по одиночкѣ. Въ эти дни стрѣльбы лучниковъ уже не бываетъ, такъ какъ производящіе ученіе и сидящіе въ бесѣдкѣ офицеры не могутъ одновременно слѣдить за достоинствомъ стрѣльбы изъ ружей и изъ луковъ. По окончаніи ученія солдатамъ выдается, каждому на руки, ежедневно причитающееся ему провѣянное содержаніе, въ количествѣ 5 фыновъ серебра на человѣка. Деньги, расходуемыя на этотъ предметъ, отчисляются изъ суммъ, собираемыхъ въ видѣ пошлинъ съ привозимыхъ въ Хухү-хотѣ товаровъ.

Что касается порохового и оружейнаго склада на плацу, то въ немъ хранятся лишь порохъ, да пули, и при томъ въ обычное время года предметовъ этихъ бываетъ здѣсь очень мало: ихъ привозятъ главнымъ образомъ въ періодъ обученія солдатъ. Относительно пріобрѣтенія пороха и пуль мнѣ сообщили, что по началу ихъ пріобрѣтали покупкою изъ Пекина и не болѣе какъ въ количествѣ 675 гиновъ за разъ. Смотри по мѣрѣ израсходования этого провѣянта, каждый разъ дѣлался особый докладъ въ министерство и для доставки пороха изъ Пекина каждый разъ откомандировывался отдѣльный чиновникъ. Впослѣдствіи положеніе дѣлъ измѣнилось и опредѣлено было отпускать пули въ неопредѣленные сроки, — по мѣрѣ ихъ израсходования и по необходимости, а порохъ — сразу, въ количествѣ годового потребленія. Вопросъ объ отпускѣ пуль былъ рѣшенъ въ 60 году правленія Цянь-луна (1795 г.). Военное министерство представило тогда докладъ богдохѣну, въ которомъ выясняло, что обучающіеся въ Хухү-хотѣ огнестрѣльному бою тѣмѣтскія войска, въ количествѣ 500 человѣкъ, обязаны въ теченіе мѣсячнаго срока обученія три дня стрѣлять въ цѣль изъ ружей и въ каждый такой учебный день выпускать по три пули, слѣдовательно на каждый учебный срокъ имъ потребно 4500 пуль. Разсчитывая, что изъ числа этихъ пуль $\frac{3}{10}$ -хъ части, т. е. 1350 пуль, растеряется, а $\frac{7}{10}$ частей, или 3150 пуль, должно быть отыскано и снова сдано въ казну, чины военнаго тѣмѣтскаго управленія и могутъ дѣлать свои доклады министерству объ отпускѣ имъ пуль. Постановленіе о порохѣ состоялось, кажется, значительно позже. Вычислено было, что въ Хухү-хотѣ, на обученіе тѣмѣтскихъ солдатъ и на пушечные выстрѣлы при ежедневномъ открытіи и закрытіи крѣпостныхъ воротъ, должно расходоваться пороху всего 3540 гиновъ, да сверхъ того 40 гиновъ лучшаго пороха, который кладется лишь для затравки, на полку. Это именно число и постановлено было отпускать въ Хухү-хотѣ на годовой срокъ, и уже не изъ Пекина, а изъ Тай-юань-фу, главнаго города провинціи Шань-си.

Солнце уже клонилось къ закату, когда мы оставили плацъ для военныхъ упражненій, чтобы посѣтить послѣднее, какъ говорилъ цзангѣнъ, изъ замѣчательныхъ общественныхъ учреждений Хухѹ-хотѹ, — мѣстную богадѣльню. Она находится на западной сторонѣ города, вѣрнѣе даже за городомъ, въ разстояніи приблизительно $1\frac{1}{2}$ версты отъ западной крѣпостной стѣны. Учрежденіе это, когда подѣхали мы къ нему, (дорожа временемъ, я нанялъ уже здѣсь извозчика, уплативъ ему за пространство отъ плаца до богадѣльни, около $2\frac{1}{2}$ версты ѣзды, — 200 чеховъ, т. е. около 40 коп.) сильно напомнило мнѣ домики нашихъ инвалидовъ, устроенные близъ Петербурга по линіи Варшавской жел. дороги. Здѣсь также точно имѣется десятка три отдѣльныхъ фанзъ, въ которыхъ проживаютъ призраемые, только они не имѣютъ у себя ни огородовъ, ни садиновъ, а потому и не могутъ припасать что либо для своего хозяйства. Устроилась эта богадѣльня въ 1-мъ году правленія Цянь-луна (1736 г.), а въ 5-мъ году (1740 г.) былъ опредѣленъ штатъ призраемыхъ въ ней, числомъ въ 100 человекъ. На пропитаніе ихъ мѣстнымъ фу-ду-тун'омъ отпускается изъ хлѣбныхъ магазиновъ всего 350 кулей ¹⁾ зернового хлѣба, по расчету выдачи въ день на человека 10 пригоршней зерна. Мяса, зелени и другихъ какихъ либо пищевыхъ продуктовъ не выдается натурою, а взаменъ сего каждый призраемый получаетъ на руки 7 ланъ и 1 цинъ (14 р. 20 коп.) серебра въ годъ. Помимо того осенью каждаго года, каждому призраемому выдается одна дабу, на пошитіе себѣ платья и на этотъ предметъ ассигнуется всего 90 ланъ серебра. Съ 9-й и до конца 2-й луны призраемымъ полагаются еще особыя деньги на покупку каменнаго угля для отопленія; всего расходуется на этотъ предметъ около 40 ланъ.

Съ сѣверной стороны крѣпости къ крѣпостной стѣнѣ примыкаетъ рынокъ для продажи предметовъ ежедневной жизненной потребности. Здѣсь продаютъ:

Мясо (баранье) по 60 чеховъ за гинъ, — безъ костей.

Мясо (свиное) по 120 чеховъ за гинъ.

Курица живая 150 чеховъ за штуку.

Яица — 50 чеховъ за десятокъ.

Мука пшеничная, низ. сортъ, — по 25 чеховъ за гинъ.

Мука пшеничная, выс. сортъ, — по 35 чеховъ за гинъ.

1) Маньчж. куль вмѣстимостью въ 120 гиновъ зерна.

Крупа — по 30 чеховъ за гинь.

Картофель — по 12 чеховъ за гинь.

Лукъ по 20 чеховъ за гинь.

Дрова (пучекъ прутьевъ вѣсомъ въ $1\frac{3}{4}$ ф.) 90 чеховъ.

Каменный уголь — 30 чеховъ за гинь.

Сѣно (снопъ въ $1\frac{1}{2}$ гина) — отъ 8 до 25 чеховъ.

Солома овсяная (такой же снопъ) — отъ 6 до 12 чеховъ.

Такія цѣны уплачиваются «мань-цянъ», т. е. чистыми деньгами, по курсу 1380 чеховъ за одну лану серебра, что составитъ приблизительно по 5 чеховъ за одну нашу копѣйку. Этотъ съѣстной рынокъ служитъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ хуху-хотдскихъ нищихъ и послѣднихъ во всякое время можно видѣть здѣсь сотнями. По внѣшнему виду они ничѣмъ не отличаются отъ пекинскихъ нищихъ, только, пожалуй, еще грязнѣе и безобразнѣе послѣднихъ. Всматриваясь въ нихъ, ихъ легко можно было раздѣлить на двѣ категоріи: одни, одѣтые чрезвычайно бѣдно, въ шаровары и кофты, покрытыя заплатами и бродящіе, очевидно, цѣлыми семьями (мужъ съ женою и нѣсколькими дѣтьми), были доведены до своего состоянія голодомъ и неурожаями послѣднихъ лѣтъ. Это тѣ самые люди, которые, пришедши въ невыразимую крайность, побросали свои дома и поля въ деревняхъ и пошли искать пропитанія путемъ заработка, или милостыни въ мѣстахъ, наиболѣе промышленныхъ и людныхъ; другіе — были нищими добровольными, нищими по призванію. Большая часть ихъ ходитъ или совершеннымъ нагишомъ, или же обвертывается въ тряпье, клочки шерсти, овчины и кожи, никуда, никому и ни къ чему негодные; тряпицами этими они прикрываютъ тѣло, обвязывая его вокругъ веревками. Таковъ внѣшній видъ нищихъ по призванію. Это народъ совершенно погибшій нравственно, для котораго выходъ изъ положенія нищенства уже невозможенъ, тѣмъ болѣе что онъ и не ищетъ такого выхода. Живутъ они не только милостынею, но еще болѣе воровствомъ; и однако если бы тѣмъ или другимъ способомъ удалось получить имъ хотя бы нѣсколько чеховъ, они никогда не употребятъ ихъ на дѣло, а тотчасъ же отправляются играть на нихъ въ чрезвычайно распространенную среди хуху-хотдскихъ нищихъ игру въ кости. Съ цѣлью удовлетворенія этой потребности въ Хуху-хотд имѣется до десятка игорныхъ домовъ, представляющихъ притомъ самые грязные притоны разврата.

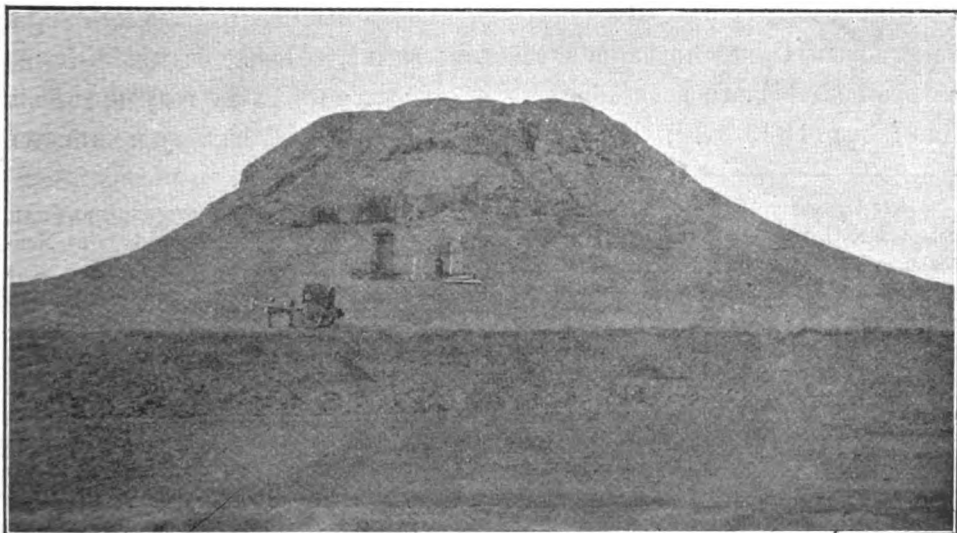
За съѣстнымъ рынкомъ, еще нѣсколько къ сѣверу отъ хуху-хотдской крѣпости, тянется нѣсколько улицъ вплоть до р. Да-си-хэ, лѣвымъ берегомъ

которой и оканчивается городъ. Въ сѣверо-западномъ углу города черезъ р. Да-си-хэ имѣется каменный мостъ, сложенный изъ дикаго гранита, отесаннаго въ брусья. Мостъ этотъ, величиною въ три пролета, соединяетъ Хухү-хотѣ съ его предмѣстьемъ, которое располагается уже на правой сторонѣ Да-си-хэ и черезъ которое обычно слѣдуютъ всѣ караваны, направляющіеся въ Монголію. Нѣсколько выше этого моста, на правомъ берегу рѣки располагаются подрядъ два подворья католическихъ миссіонеровъ, землю для устройства которыхъ они купили у китайцевъ до 2000 ланъ серебра. Въ подворьяхъ этихъ обычно не живетъ никого, помимо сторожей изъ китайцевъ; тѣмъ не менѣе разказываютъ, что въ одномъ изъ этихъ подворьевъ устроена даже отдѣльная комната, специально принаровленная къ отправленію въ ней богослуженій. Последнія бываютъ очень рѣдко, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда миссіонеры пріѣзжаютъ изъ округа въ Хухү-хотѣ, для закупа себѣ жизненныхъ припасовъ.

Пробираясь къ этимъ подворьямъ, я имѣлъ случай видѣть единственную въ Хухү-хотѣ водяную мельницу, которая, впрочемъ, работаетъ только въ лѣтнюю пору. Вѣроятно вслѣдствіе незначительности самой рѣки Да-си-хэ и невозможности на ней, какъ на горной рѣчкѣ, устроить плотину, воду къ этой мельницѣ заводятъ канавами. Устроено три подстава, а внизу три широкихъ колеса, въ которыя бьетъ вода. Сверху установлено еще одно колесо съ желѣзными кулаками, которое собственно и ворочаетъ жернова. Шестерни нѣтъ вовсе. Такъ какъ мельница эта работаетъ только лѣтомъ, то количество изготовляемой на ней муки вообще незначительно на столько, что она не могла бы даже удовлетворить потребностямъ мѣстныхъ жителей, не говоря уже о хлѣбѣ, приготовляемомъ для вывоза. Последній весь почти обрабатывается на мельницахъ съ коннымъ приводомъ, которыхъ въ Хухү-хотѣ насчитывается до двухъ десятковъ.

Изъ окрестностей Хухү-хотѣ, насколько мнѣ было извѣстно то изъ китайскихъ описаній, является замѣчательнымъ только одно древнее кладбище «Ванъ-чжао-цзюнь», или, по современному мѣстному названію, «Чжѣ-цзюнь-фынъ». По свидѣтельству Чжанъ-пынъ-гэ, кладбище это въ концѣ XVII в. носило названіе «Цинъ-чжунъ», что значитъ «зеленое кладбище»; въ «И-тунъ-чжи» же мы находимъ объясненіе на происхожденіе такого названія. «Кладбище знаменитой Ванъ-чжао-цзюнь», говоритъ означенное сочиненіе, «находится въ 30 ли отъ Фэнъ-чжоу на западъ. Тамъ по всей окрестности трава бѣлаго цвѣта, а на самомъ кладбищѣ — зеленая; отчего

оно и получило названіе зеленого кладбища». Нынѣ такое названіе совершенно не употребительно, хотя самое кладбище извѣстно каждому, проживающему въ Гуй-хуа-чэнѣ китайцу. Нанявъ телѣгу, я, запасшись фотографіею и приборами для снимковъ эстампажемъ, выѣхалъ на осмотръ его утромъ 14-го марта. Оставивъ городъ, мы направились прямо на югъ и черезъ какихъ-нибудь пять или шесть минутъ мой возница уже указалъ мнѣ самое кладбище. Издали это мѣсто казалось намъ теперь отдѣльно стоящей высокой, черной горой, до которой намъ предстояло проѣхать приблизительно верстъ десять. Дорога проходитъ по полямъ, начинающимся у самыхъ городскихъ построекъ. Почва здѣсь вообще не особенно плодородна, тѣмъ не менѣе поля распаханы въ громадномъ количествѣ. Жилыхъ построекъ сравнительно весьма не много, за то кладбища, вѣроятно, служащія мѣстомъ для погребенія городскихъ жителей, идутъ почти непрерывною линіею. Поля и кладбища, поля и кладбища, — это въ полномъ смыслѣ слова долина труда и смерти! Верстахъ въ пяти отъ города мы перебрались на лѣвый берегъ рѣки Хэй-хэ, текущей съ востока; отсюда почва становится болѣе солонцеватою и чѣмъ ближе къ Чжао-цзюнь-фынѣ, тѣмъ солонцы яснѣе выступаютъ наружу. Нѣтъ сомнѣнія, что именно такой составъ почвы и далъ основаніе говорить встарину, что «вокругъ кладбища трава бѣлая, а на самомъ на немъ зеленая». Подѣхавъ къ самому

Современный видъ зеленого кладбища близъ Ху-ху-хотѣ.

кладбищу съ сѣверной его стороны, мы увидали передъ собою громадный и высокій курганъ и болѣе ровно ничего. Чжапъ-пынъ-гэ, видѣвшій это

кладбище въ 1687 г., описываетъ его такимъ образомъ: «Высота его около 20 чжанъ; ширина и длина въ нѣсколько десятковъ му (китайская десятина). На самомъ верху кладбища стоитъ глиняный домикъ, въ одну цзянь; стѣны глухія; внутри разставлены вазы. На передней сторонѣ кладбища осталась еще пара тигровъ, но левъ въ одномъ только экземплярѣ. Судя по тонкости и чистотѣ отдѣлки, они, очевидно, сдѣланы въ Китаѣ и пожалованы, вѣроятно, какимъ нибудь императоромъ кладбищу наложницы Минь-фэй. На самомъ кладбищѣ навалена въ одномъ мѣстѣ груда кирпичей и разбросаны зеленого цвѣта черепицы. Вѣроятно тутъ была зала Сянь-дянь. Къ сожалѣнію тутъ не осталось ни одного монумента съ надписью, чтобы провѣрить это».

Со времени описаній Чжанъ-пынь-гэ прошло уже болѣе 200 лѣтъ и теперь, подѣхавъ къ этому холму, высота коего казалась мнѣ сажень въ 30, мы тщечно искали глазами на верху его упоминаемый домикъ. Взобравшись на самую вершину холма, можно было только констатировать фактъ, что отъ этого домика не осталось теперь ровно никакихъ слѣдовъ. Точно также, спустившись на переднюю южную сторону холма, мы не нашли здѣсь ни тигровъ, ни льва, все это унесено невозвратно временемъ. Определить гдѣ именно находилась Сянь-дянь въ настоящую пору также не возможно. Въ различныхъ мѣстахъ холма мы встрѣчали много старинныхъ кусковъ черепицы зеленого цвѣта; но они нигдѣ не группировались въ одну общую груду. Къ удивленію своему мы повстрѣчали здѣсь три каменописныхъ памятника на китайскомъ языкѣ, которые оказались однако самаго позднѣйшаго происхожденія и относятся къ 13-му году правленія Дао-гуана (1833 г.) ¹⁾. Поставлены они да-тун'скимъ чжи-фу и читаются

1) Последнимъ изъ осматривавшихъ этотъ холмъ нашихъ путешественниковъ былъ, кажется г. Потанинъ, посѣтившій Чжао-цзюнь-фынь въ 1884 г. Мнѣ до отъѣзда въ Монголію не было извѣстно его описаній, теперь же знакомство съ ними породило у меня много недоумѣній. Г. Потанинъ полагаетъ, наприимѣръ, что весь этотъ холмъ имѣетъ только 370 метровъ въ окружности и высоты около 6 сажень. Не знаемъ, какимъ образомъ производилъ свой обмѣръ г. Потанинъ, но въ данномъ случаѣ мы ближе склоняемся къ описаніямъ китайца Чжанъ-пынь-гэ, опредѣлявшаго высоту Чжао-цзюнь-фыня въ 20 чжановъ (1 чжанъ = 1 саж. 4 фут. 9 дюйм.), а окружность въ нѣсколько десятковъ «му» (1-му = 159 саж. 46½ квад. дюйм.). Г. Потанинъ говоритъ далѣе, что китайскій «сплугъ угрожаетъ даже сравнять этотъ холмъ съ окружающей долиной»; но думаемъ достаточно посмотреть на представляемый рисунокъ, чтобы сказать, что опасность быть сравненному съ землею для этого памятника, просуществовавшаго уже около 1920 лѣтъ, еще очень далека. Относительно происхожденія разсматриваемаго холма г. Потанинъ записалъ нѣсколько легендъ; по одной изъ нихъ, здѣсь погребена утонувшая царевна, признанная за божество; по другой — императрица династїи Хань, выданная замужъ въ Монголію; по третьей здѣсь похоронена жена Чингисъ-хана, которая оскотила мужа и бросилась въ воды Желтой рѣки. Мы не слышали ни одной изъ этихъ легендъ; напротивъ, какъ китайцы, такъ и монголы совершенно правильно называли намъ этотъ холмъ могилкою Вань

совершенно легко. Первый и самый бoльшій изъ этихъ памятниковъ представлялъ собою гранитную плиту, вставленную въ поставецъ, довольно чистенько сло-

женный изъ обожженаго кирпича и изящно украшенный черепичною крышей. Я не снималъ его эстампажемъ и удовольствовался прилагаемымъ здѣсь фотографическимъ снимкомъ его, на которомъ каждый знающій легко прочтетъ и китайскую надпись: «хань Минь-фэй чжунъ», что значитъ: «могильная насыпь ханьской «Минь-фэй», и монгольскую: «хань улус'ун

Вань-чжао цзюн'у хэгүрзъ» т. е. «гробница Вань-чжао цзюнъ ханьской династїи».

чжао-цзюнъ, что и весьма естественно, ибо всѣ они читаютъ объ этомъ на стоящихъ здѣсь памятникахъ. Г. Потанинъ видѣлъ эти памятники, но, очевидно, мало обратилъ на нихъ вниманія и лишь сдѣлалъ предположеніе, что они, вѣроятно, поставлены въ позднѣйшее время надъ могилами китайцевъ изъ сосѣдней деревни. Думаю, что г. Потанинъ даже не спрашивалъ ни китайцевъ, ни монголовъ о значеніи этихъ памятниковъ, иначе каждый прочиталъ бы ему содержаніе находящихся на нихъ надписей.

Другой памятникъ, нѣсколько меньшій по объему. Онъ представляетъ собою каменную плиту, высотой въ 1 сажень и 4 вершка, установленную на такой же каменной подставкѣ. Плита эта ничѣмъ не защищена снаружи и свободно обвѣвается вѣтрами и обмывается дождями. Благодаря сказанному всё изсѣченія на этомъ камнѣ пострадали гораздо больше, чѣмъ на первомъ; тѣмъ не менѣе надпись этого камня, начертанная обычными китайскими іероглифами, читается легко и я могъ списать ее прямо отъ руки. Вотъ текстъ этой надписи:

閨閣堪垂世明妃冠漢宮一身歸朔漠數代靖兵戎若以功各論
幾榆霍衛同人皆悲遠嫁我獨羨遭逢縱使承恩寵馬能保始終
至今青塚在絕勝賦秋風

鎮守綏遠城等處將軍兼管右衛歸

化城土默特官兵調遣宣大三鎮官兵世襲雲騎尉彥德題

將軍號亦奄滿洲正黃旗人嘉慶癸卯鄉科捷後承襲世職歷擢

參贊大臣定邊左副將軍理藩院侍郎鑲紅旗漢軍都統今簡鎮

斯土蓋儒雅而兼將畧者也瀾護道篆來此路徑黑河見所謂青

塚者因思前頗有歌咏皆未著明妃之功不足爲後世勸及見

將軍作喜曰妃無憾矣此詩之後不必有續咏矣故謹爲之序而
請勒諸石

署理分巡歸綏兵備道大同府知府長白珠瀾書

道光十三年歲次癸巳五月吉立

Въ переводѣ это значитъ:

«Среди знаменитыхъ женщинъ, упоминаемыхъ въ исторіи Ханьской династіи императорская наложница¹⁾ Минь²⁾ занимаетъ первое мѣсто. Благодаря тому, что она отправилась въ сѣверныя степи, война прекратилась на нѣсколько поколѣній. Что касается ея заслугъ, то ихъ можно сравнивать съ заслугами Хэ и Вэй³⁾. Люди сожалѣли ея, такъ какъ она вышла замужъ далеко (отъ родины); но я одинъ радуюсь, что такъ сложились обстоятельства; ибо если бы она даже пользовалась расположеніемъ богдохана, то (является еще вопросомъ) могла ли бы она сохранить это расположеніе до конца? А между тѣмъ и теперь все еще существуетъ ея зеленый курганъ и это несравненно лучше стиховъ объ осеннемъ вѣтрѣ. Стихи написаны суй-юаньскимъ военнымъ губернаторомъ, (цзянь-цзюнь), командующимъ сверхъ того гуй-хуа-чэнскими туньцзюньскими войсками лѣваго крыла и имѣющаго въ своемъ вѣдѣніи войска трехъ военныхъ округовъ (чжэнь) Сюань-хуа, Да-тунъ и Суй-юань, потомственнымъ дворяниномъ 8-го класса (юнь-ци-юй) Янь-дэ. Хао (т. е. имя, подъ которымъ извѣстенъ онъ своимъ знакомымъ) его И-янь. Онъ принадлежитъ желтому маньчжурскому знамени; въ 13 году правленія Цзя-цина выдержалъ экзаменъ на степень магистра (цзюй-жэнь) и затѣмъ наследовалъ потомственный титулъ. Вслѣдъ за симъ онъ послѣдовательно проходилъ должности: цань-цзань-да-чэн'я, динь-бянь-цзо-фу цзянь-цзюнь'я⁴⁾, товарища министра Ли-фань-юан'я (ши-

1) Императорскія наложницы раздѣляются на пять разрядовъ: а) хуань-гунь-фэй, б) куй-фэй, в) фэй, г) бинь и д) куй жэнь.

2) Минь — имя, данное богдоханомъ своей наложницѣ, которая прозывалась собственно Чжао-цзюнь (т. е. госпожа дворца Чжао-янь), по фамилии Ванъ. Въ китайской литературѣ она является героинею романа «Чжао цзюнь чу сай» (т. е. Чжао цзюнь за великой стѣной). Разказывается, что она была взята въ гаремъ богдохана Юань-ди (48 г. до Р. X.), услышавшаго объ ея необыкновенной красотѣ; но, благодаря интригамъ министра Мао-янь-шоу, не получившаго ваятки отъ ея отца и показавшаго богдохану вмѣсто ея портрета, портретъ другой самой обыкновенной женщины, она даже и въ гаремѣ долго оставалась въ неизвѣстности. Случайно богдоханъ встрѣтилъ ее и плѣнился ея красотой. Тогда Мао-янь-шоу убѣждалъ къ Сюнну'скому князю и, показавъ ему портретъ Чжао-цзюнь, возбуждалъ въ немъ желаніе сдѣлать ее своей женой. Сюннускій князь вторгнулся въ Китай и согласился возвратиться въ свои кочевья только тогда, когда ему выдали Чжао-цзюнь. Последняя послѣдовала за своимъ властелиномъ до береговъ Хэй-хэ, гдѣ она бросилась въ рѣку. По исторіи «Тунъ-цзянь-гань-му» Китайскій Императоръ въ 33 году заключилъ договоръ съ Сюннускимъ княземъ и далъ ему въ жены наложницу Ванъ цянь, называемую Чжао-цзюнь; она отправилась съ княземъ въ его кочевья, гдѣ и была признана королевой, получивъ титулъ «нинь ху» (甯胡).

3) Хэ-шу-нинь († 117 до Р. X.), знаменитый генералъ, который во времена царствованія У-ди, вмѣстѣ съ Вэй-цин'омъ, побѣдоносно боролся съ Сюнну.

4) Динь-бянь-цзо-фу-цзянь-цзюнь титулъ военнаго губернатора, при которомъ состоятъ два помощника, называемые цань-цзань-да-чэнь.

лань) и генералъ лейтенанта китайскаго краснаго съ каймою знамени, теперь же онъ назначенъ военнымъ губернаторомъ этой мѣстности. Когда я, Лань (т. е. Чжу-лань), былъ назначенъ Дао-таемъ, прибылъ къ берегамъ Хэй-хэ и увидалъ такъ называемый зеленый курганъ, я подумалъ, что хотя въ прежнее время и были поэты, но никто не воспѣлъ заслугъ наложницы Минъ и такимъ образомъ не побудилъ будущія поколѣнія къ подражанію ей. Увидѣвъ стихи цзянь-цзюня, я радостно воскликнулъ: «Не печалься наложница! Послѣ этихъ стиховъ уже не нужно воспѣвать тебя! Поэтому, написавши это предисловіе, я просилъ цзянь-цзюня вырѣзать его вмѣстѣ со стихами на камнѣ.

Написано да-тун'скимъ областнымъ начальникомъ, исправляющимъ обязанности гуй-хуа-чэн'скаго и суй-юань'скаго дао-тая, командующимъ военнымъ отрядомъ, уроженцемъ Чань-бо шань'скимъ, Чжу-лань.

Памятникъ воздвигнутъ въ 5-лунѣ 13-го года (гуй-цзи) правленія Дао гуана.

Третій, самый низенькій и срединный изъ камней также отлично сохранился, но я долженъ былъ снять его эстампажемъ, такъ какъ онъ написанъ неизвѣстнымъ мнѣ скорописнымъ почеркомъ. Представляю точный снимокъ надписи этого памятника, въ надеждѣ что онъ будетъ прочитанъ болѣе меня опытными китаистами.

Помимо означенныхъ надписей кладбище это не заключаетъ теперь въ себѣ рѣшительно ничего замѣчательнаго. Какъ уже сказано, оно представляетъ собою одинъ громадный холмъ, вышиною до 30 саж. и до 500 саж. въ окружности. Почва его лёссовая, оттого произрастающія на немъ травы должны быть зеленаго цвѣта. Сооружено кладбище въ честь Минъ-фэй, или Вань-чжао-цзюнь, наложницы императора Ханьской династіи Юань-ди. (48—33 г. до Р. X.). Послѣ несчастной войны съ Хуннами, наложница эта вслѣдствіе заключеннаго трактата, отправлена была къ хуннускому князю въ жены, гдѣ вскорѣ умерла и погребена была на этомъ кладбищѣ. Нынѣ здѣсь очень мало уже помнятъ и знаютъ о подробностяхъ этихъ событій, несмотря на поставленные у подножія холма памятники.

Чтобы покончить свое описаніе Гуй-хуа-чэна, мнѣ надлежало бы разказать еще, что городъ этотъ почитается однимъ изъ главныхъ рынковъ для торговли изюбевыми рогами, привозимыми сюда изъ русскихъ округовъ: Вѣрненскаго, Бійскаго и Минусинскаго, также точно какъ и изъ Кяхты, а въ китайскихъ владѣніяхъ: изъ Илій, Тарбагатая, Кобдо, Уліясу-

憶昔生言閑志在不負主揮毫去函義狀死無以交以
彈弓上調肝腸的徑吐聲慷慨至地名相垂千古運子
伴芳魂紅顏碎朽骨阿波了有精神一抔黃骨親王嬌弓
青塚尖渾世寸土為知己傳人最應更奇苦

家昭若蓬萊前境下蓬萊古劍予行戎中見秋亭父坐河
公務免歲以城十里青塚甲存時份愛中傳即能佳一觀
室心之趣一物存孤塚幾成五古居依山觀家素石墓仍
以法行兒云尔

考吳題作書

Надпись камня № 3-й на холме Вань-чжао-цзюнь.

тая, Гучэна, Хамі, Нянъ-ся и др. мѣстностей; но торговля этимъ продуктомъ такъ обстоятельно уже описана у насъ г. Волосатовымъ, что я не могъ бы прибавить ничего новаго къ его разказамъ объ ея производствѣ. Замѣчу только, что въ послѣдніе годы она весьма значительно упала въ Хухѹ-хотѹ. Первую и основную причину сего нужно видѣть въ совершившемся года три, четыре тому назадъ паденіи цѣнъ на рога; за симъ, когда возить ихъ въ Гуй-хуа-чэнъ стало не такъ выгодно, одни изъ купцевъ перестали покупать ихъ, а другіе если и покупали, то не отвозили въ Гуй-хуа-чэнъ, а начали продавать ихъ въ Калганѣ; такимъ образомъ начало образовываться постепенно раздѣленіе рынковъ на этотъ продуктъ. Завсѣмъ тѣмъ торговля эта еще продолжаетъ существовать въ Гуй-хуа-чэнѣ, а вмѣстѣ съ нею продолжаютъ существовать и дѣни, въ которыхъ остаются купцы, приѣзжающіе для производства этой торговли, а равно и совершается самая торговля. Конечно эти дѣни служатъ для пріюта и дѣятельности не однихъ только торговцевъ рогами: сюда приѣзжаютъ также купцы изъ срединнаго и южнаго Китая и съ другими товарами; но за послѣдніе годы такіе приѣзды значительно сократились, такъ что теперь можно слышать только воспоминанія о быломъ золотомъ вѣкѣ Хухѹ-хотѹ, окончившемся назадъ тому уже около 20 лѣтъ. Въ ту пору обиліе пришло люда вызывало существованіе въ Хухѹ-хотѹ множества гостинницъ и дѣней, но особенно славными изъ нихъ были Тунъ-сунъ-дѣнь, Дунъ-шэнь-дѣнь и Чанъ-тай-дѣнь. Это были своего рода биржевыя гостинницы, въ которыя ежедневно собирались для ужина и дѣловыхъ бесѣдъ какъ мѣстные, такъ и приѣзжіе торговцы. Зимнею порою въ каждую изъ этихъ трехъ гостинницъ, говорятъ, ежедневно приходило къ ужину не менѣе 500 человекъ. Здѣсь можно было требовать все: супы изъ курицы, баранины, или свинины; жареныхъ утокъ, фазановъ, куръ, зайцевъ и другаго рода дичину. Хорошій ужинъ съ виномъ стоилъ по 1 лану серебра съ человека (2 р. 30 к. — 2 р. 50 к.); средній — по 5 цинъ (1 р. 15 к. — 1 р. 25 к.) худшій — 2 цина (около 50 к.). Теперь въ этихъ дѣняхъ народу собирается меньше и цѣны на столъ возросли приблизительно на 25%.

Еще не далеко то прошлое, когда у насъ въ Россію настоятельно требовалось открытіе Хухѹ-хотѹ для русской торговли и вопросъ объ условіяхъ этого открытія вызывалъ жаркіе споры. Основною причиною для возбужденія такого требованія было съ одной стороны признаніе чрезвычайнаго торговаго значенія Хухѹ-хотѹ, а съ другой, — основывающееся на весьма темныхъ представленіяхъ о дѣйствительности утвержденіе, что Хухѹ-хотѹ можетъ явиться совершенно однороднымъ съ Калганомъ пунктомъ для движенія нашихъ чаевъ, могущихъ, подобно китайскимъ, слѣдо-

вать до Гуй-хуа-чэна по внутреннему Китаю. Предполагалось, что Хухү-хотò можетъ быть пунктомъ даже болѣе выгоднымъ чѣмъ Калгань, особливо при дальнѣйшемъ движеніи нашихъ чаевъ на С.-Зап. Монголію, въ направленіи черезъ Улѣсутай, или Кобдò. Какъ всегда, къ этому прибавлялись надежды на сбытъ нашихъ товаровъ, который въ такомъ важномъ торговомъ пунктѣ какъ Хухү-хотò представлялся даже очень большимъ, и тѣмъ болѣе выгоднымъ, что на Гуй-хуа-чэнъ смотрѣли какъ на мѣсто, въ которомъ торговля наша можетъ производиться свободно и безошлнно. Для послѣдняго условія имѣлись также основанія. Хухү-хотò стоитъ на земляхъ тѣмэтовъ, которыя, по своему географическому положенію, относятся прямо къ Монголіи, южныя границы коей, по государственной географіи Китая, опредѣляются Великою стѣною. Находясь внѣ Великой стѣны, Гуй-хуа-чэн'ской округъ не отдѣляется никакими заставами отъ сосѣдящихъ ему монгольскихъ аймаковъ, такъ что, признавъ его за внутренній Китай, трудно было бы даже опредѣлить, гдѣ кончается первый и начинаются вторые.

Всѣ эти сентенціи невольно приходили мнѣ въ голову, когда сидѣлъ я въ Хухү-хотò и изучалъ его современное положеніе. По соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, мнѣ было ясно, что говорить о высокомъ торговомъ значеніи Хухү-хотò даже въ ту пору, когда велись у насъ означенные споры (1885—1886 гг.), было уже поздно. Гуй-хуа-чэнъ имѣлъ это значеніе тогда, когда являлся онъ транзитнымъ пунктомъ для всей Монголіи, для всего Восточнаго Туркестана, для Илійскаго и Тарбагатыйскаго округовъ и даже для нашихъ Туркестанскаго края и Западной Сибири. Но мы видѣли уже, что еще съ конца 1870-хъ гг. онъ утратилъ это значеніе и съ тѣхъ поръ началось постепенное его паденіе. Правда, обездоленные гуй-хуа-чэнскіе торговцы надѣются еще и теперь, что рано или поздно имъ удастся выхлопотать у правительства отми́ну запрещенія движенія чаевъ въ Восточный Туркестанъ черезъ Гуй-хуа-чэнъ и что тогда городъ ихъ зацвѣтетъ снова старою жизнью; но надеждамъ этимъ едва ли суждено когда либо осуществиться. Напротивъ, при несомнѣнности намѣренія у китайскаго правительства проложить желѣзно-дорожный путь на Лань-чжоу и при возможности довольно скорого осуществленія этого намѣренія, кажется болѣе достовѣрнымъ, что роль Гуй-хуа-чэна уже сыграна и теперь для поднятія значенія его нужно ожидать развѣ какихъ либо новыхъ, совершенно непредвидимыхъ событій; при обычномъ же ходѣ вещей движеніе русскихъ товаровъ во внутренній Китай должно быть ожидаемо именно по этому направленію желѣзно-дорожнаго пути, равно какъ по нему же будетъ, несомнѣнно, развиваться и торговля внутренняго Китая съ застѣн-

нымъ. Утверждать, что черезъ Гуй-хуа-чэнъ было бы возможно съ выгодною движеніе русскихъ чаевъ, долженствующихъ слѣдовать отъ береговъ Янь-цзы по внутреннему Китаю дорогою, проложенною китайскими чае-торговцами, было также неосновательно; и лучшимъ доказательствомъ непригодности этого пути является то, что китайцы нынѣ уже сами оставили его и перевозятъ свои чаи отъ Хань-коу до Тянь-цзина воднымъ путемъ, т. е. тою самою дорогою, по которой искони перевозятъ свои чаи русскіе; отъ Тянь-цзина же чаи, направляемые китайцами на Хухү-хотò, слѣдуютъ далѣе на Бао-динъ-фу, И-чжоу, Хунь-юань-чжоу, Да-тунъ-фу и наконецъ проходятъ Великую стѣну или въ Ша-ху-коу, или въ Дэ-шэнь-коу. Что касается вопроса о причисленіи Гуй-хуа-чэна къ Монголіи, то это кажется мнѣ также положительно не возможнымъ. Не говоря, конечно, о своихъ цѣляхъ, я старался, для выясненія себѣ собственныхъ взглядовъ китайцевъ на положеніе Гуй-хуа-чэна, заводить объ этомъ разговоръ съ китайскими и тумэтскими чиновниками и въ простыхъ бесѣдахъ ихъ ярко обозначилось слѣдующее. Они сознаютъ, что Гуй-хуа-чэнъ стоитъ на земляхъ, нѣкогда бывшихъ монгольскими; но теперь эти земли уже не признаются ими за таковыя. По всюду здѣсь давно уже введено чисто китайское административное управленіе, высшимъ представителемъ котораго является дао-тай; по всей области есть здѣсь окружные начальники и всѣ эти чины мѣстной администраціи подчиняются шань-сискому губернатору. Въ торговомъ отношеніи въ Хухү-хотò взимаются съ самихъ китайцевъ рѣшительно всѣ тѣ виды пошлины, какія существуютъ во внутреннемъ Китаѣ и сами китайцы, вывозящіе изъ Гуй-хуа-чэна въ Монголію свои товары, обязаны уплачивать государственный налогъ по установленному тарифу. Одно изъ китайскихъ чиновниковъ я попробовалъ было наивно спросить, какимъ образомъ внутренній Китай продолжается у нихъ за предѣлами Великой стѣны, и онъ прямо отвѣчалъ мнѣ, что Гуй-хуа-чэнъ съ своимъ округомъ именно и составляетъ границу Внутренняго Китая. «Мы, конечно, не могли передвинуть сюда самые камни Великой стѣны», говорилъ онъ, «но съ тѣхъ поръ какъ въ Гуй-хуа-чэнѣ установлены положенія о пошлинахъ, онъ сдѣлался внутреннимъ Китаемъ; онъ сталъ тѣмъ же, чѣмъ является теперь Чжанъ-цзя-коу; оттого то въ официальномъ языкѣ мы зовемъ его не только стариннымъ минскимъ именемъ «Гуй-хуа», или маньчжурскимъ «Кукэ хотò», но еще даемъ ему новое имя: «Си-коу», т. е. «западные ворота» (во внутренній Китай), подобно тому какъ Калганъ называется у насъ «Дунъ-коу», т. е.» восточными воротами». — Дѣйствительно, проживая въ Хухү-хотò, я много разъ встрѣчалъ здѣсь казенные транспорты, и всѣ они были помѣчены адресомъ: «Си-коу»; то же названіе красуется здѣсь и на

военныхъ значкахъ мѣстнаго гарнизона. Очевидно, что Гуй-хуа-чэнъ измѣняетъ теперь даже и свое прежнее имя.

Къ общимъ замѣчаніямъ о Гуй-хуа-чэнѣ нужно еще прибавить, что жители его очень мало знаютъ европейцевъ. Мое появленіе на улицѣ всегда возбуждалось повсемѣстнымъ крикомъ, и каждую свою прогулку я совершалъ не иначе, какъ окруженный сотенною толпою, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившею за каждымъ моимъ движеніемъ и шагомъ. О работахъ съ фотографическимъ аппаратомъ нечего было и думать: каждый разъ меня окружала толпа такую плотною стѣною, что за нею скрывались всѣ городскія постройки и виды улицъ. Единственные снимки были сдѣланы мною въ «У-та-сы» и «кумирнѣ Илагухсанъ гэгэна», но это благодаря лишь тому, что обѣ эти кумирни находятся на краю города, да и то проходить къ нимъ пришлось ночью, а снимать утромъ. Наружный видъ Хухү-хотдской крѣпости «Синь чэнъ» былъ снятъ также въ самое раннее утро, отчего и рисунокъ его получился совершенно сѣрымъ.

За время пребыванія въ Хухү-хотд здѣсь наблюдаема была нижеслѣдующая температура:

10-го числа, 6 ч. утра	—5°;	12 ч. дня	+4°;	9 ч. вечера	—0°.	
11-го »	»	—3°;	»	+3°;	»	+2°.
12-го »	»	—4°;	»	+6°;	»	—5°.
13-го »	»	—5°;	»	+9°;	»	+2°.
14-го »	»	—3°;	»	+7°;	»	+1°.
15-го »	»	—3°;	»	+6 $\frac{1}{2}$ °;	»	—0°.

IV. Отъ Гуй-хуа-чэн'а черезъ Калганъ до Чэнъ-дэ-фу.

16-го Марта. Вторникъ.

6 ч. —2 $\frac{1}{2}$ °; 9 ч. +6; 12 ч. +12°; 3 ч. +12°; 6 ч. +7 $\frac{1}{2}$ °; 9 ч. +2°.

Для обратнаго слѣдованія въ Калганъ мною нанято было съ хухү-хотдскихъ извозничьихъ постоянныхъ дворовъ двѣ телѣги на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ Калганѣ; только въ Хухү-хотд было во 1-хъ, труднѣе сыскать телѣги, а во 2-хъ, такъ какъ мною заявлено было непремѣнное условіе ѣхать сѣверной дорогой, по монгольскимъ кочевьямъ, то съ меня взяли дорожку, а именно по 15000 чеховъ съ телѣги, что составило 20 ланъ, или 40 серебряныхъ рублей. Нужно замѣтить, что эта сѣверная дорога должна почитаться не только одною изъ самыхъ торныхъ въ сношеніяхъ Гуй-хуа

чѣпа съ Калганомъ, но даже болѣе обыкновенно: все караванное движеніе между этими городами на верблюдахъ, равно какъ и транспортировка грузовъ на быкахъ совершаются по этому пути; и тѣмъ не менѣе лишь только заявилъ я о своемъ желаніи ѣхать по этому пути, какъ извозчики подняли цѣну: оказалось, что и дѣни-то по этой дорогѣ плохи, и муловъ-то кормить у монголовъ нечѣмъ, и дорога-то труднѣе, словомъ всѣ условія для того, чтобы взять не 13, а 15 тысячъ чеховъ, т. е. приблизительно рубля на четыре дороже.

Мы выѣхали изъ своей гостиницы въ 8 ч. 45 м. утра и, миновавъ крѣпость, Цзю-чэнъ, въ 9 ч. 5 м. были уже за городомъ, направляясь къ новой Хухѹ-хот'ской крѣпости, именуемой «Синь-чэнъ». Относительно исторіи этой крѣпости мнѣ извѣстно лишь то, что основаніе ея было предпринято въ 4-мъ году правленія Цянь луна, что соотвѣствуетъ нашему 1739 г. Въ періодъ пребыванія своего въ Гуй-хуа-чэнѣ, я посѣщалъ «Синь-чэнъ» только одинъ разъ, такъ какъ городъ этотъ въ существѣ дѣла есть не болѣе, какъ одна громадная казарма и не заключаетъ въ себѣ ровно ничего замѣчательнаго. Отъ Цзю-чэна эта новая крѣпость, на официальномъ языкѣ китайцевъ на-

Синь-чэнъ.

зывается «Суй-юань-чэнъ», находится приблизительно на разстояніи двухъ верстъ въ направленіи къ СВ. и все пространство между этими городами

почти цѣликомъ представляетъ собою пашни. Въ окружности «Синь-чэнъ» имѣеть не менѣе 6 верстъ. Фундаментъ стѣнъ его составляютъ брусья дикаго камня, до одного аршина толщиною, выложенные въ четыре ряда; самыя же стѣны складены изъ обожженаго кирпича, дикаго же цвѣта. Въ крѣпость ведетъ трое воротъ по сторонамъ южной, западной и восточной, вышина коихъ 12 аршинъ, не считая башень. Кругомъ крѣпости проведены канавы съ проточною водою, и насажена аллея тополей и осиновыхъ деревьевъ. Внутри города проходятъ двѣ широкія и главныя улицы, одна съ юга на сѣверъ, а другая съ востока на западъ, въ точкѣ перекрестка которыхъ поставлено четверо триумфальныхъ воротъ; помимо того есть еще десятка два узенькихъ переулковъ. Въ срединѣ весь «Синь-чэнъ» наполненъ лачужками проживающихъ здѣсь знаменныхъ солдатъ, представляющихъ собою окитаявшихся маньчжуровъ. Они являются здѣсь представителями собственно китайской военной силы и составляютъ китайскій хуху-хотдскій гарнизонъ. Общее число этихъ знаменныхъ опредѣляется въ 5,000 человекъ, по способу же отправленія службы они раздѣляются на конныхъ и пѣхотинцевъ. По воззрѣнiямъ мѣстныхъ жителей, это самый недостойный народъ: они ровно ничего не дѣлаютъ, помимо того что курятъ опиумъ, да пьянствуютъ, не рѣдко производя въ пьяномъ видѣ еще возмутительные дебоши среди мирныхъ обитателей города, не говоря уже о постоянныхъ взаимныхъ ссорахъ между собою. Всѣ они получаютъ содержанiе отъ казны, которое для пѣхотинцевъ исчисляется 3-мя ланами въ мѣсяць, а для конныхъ 9-ю ланами. Занимаемая ими помѣщенiя въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою казенныя постройки, о которыхъ никто не заботится, а потому и стоятъ они полуразрушенными. Среди этихъ лачужекъ виднѣется до десятка мелочныхъ лавочекъ и три дѣня, служащихъ для остановки прѣзжающихъ чиновниковъ. Эти лавочки и дѣня, или гостинницы, содержатся почти исключительно китайскими магометанами. Послѣднiе сами себя называютъ «хуй-хуй» и почитаютъ себя людьми не китайскаго происхожденiя; надъ китайцами они смѣются, можно сказать, презираютъ ихъ за ихъ торгашество, готовность пожертвовать всѣмъ изъ за матеріальнаго расчета и особливо за трусость. Сами себя они почитаютъ храбрецами. По преданiю, эти хуй-хуй пришли на настоящiя мѣста своего жительства еще во времена Танской династiи. Для обученiя магометанству они отправляются въ Да-тунъ-фу, гдѣ изучаютъ и арабскій языкъ, но насколько сильны они въ этомъ дѣлѣ, я не имѣлъ возможности узнать этого. Лучшими зданiями Синь-чэна, конечно, почитаются домъ и ямунь цзянь-цзюня, находящiеся у восточныхъ городскихъ воротъ, хотя судить о достоинствѣ этихъ построекъ довольно трудно, такъ какъ съ улицы

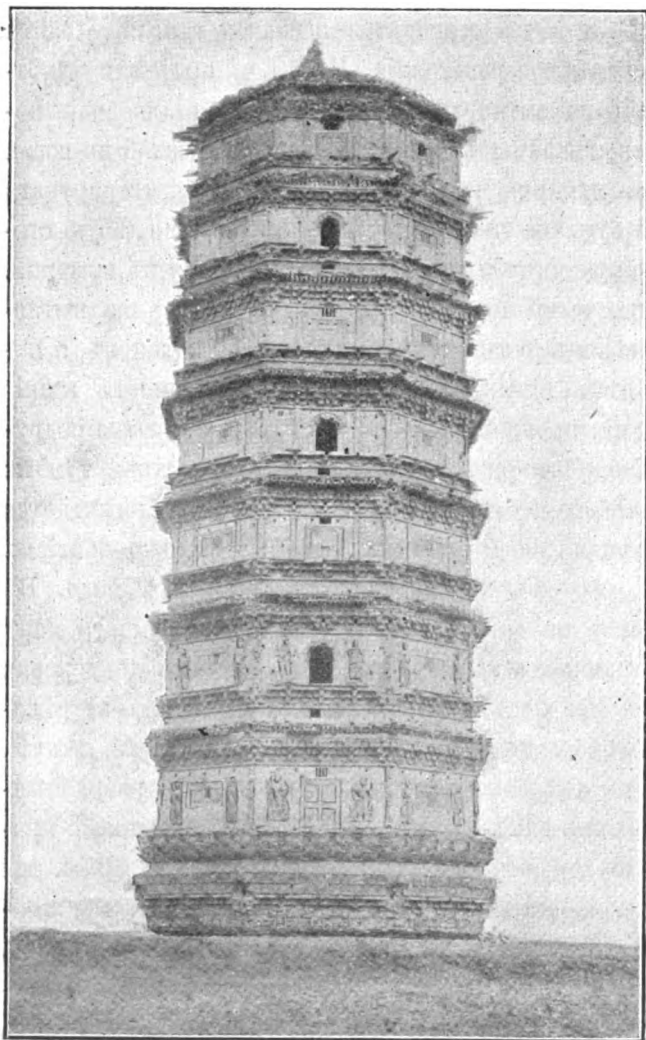
у нихъ не видно ничего, кромѣ воротъ и заборовъ. Всѣ склады оружія и пороха, насколько можно судить объ этомъ по вывѣскамъ, привѣшаннымъ надъ закрытыми воротами, помѣщаются въ самомъ центрѣ крѣпости, по западную сторону триумфальныхъ воротъ.

Двигаясь медленнымъ шагомъ, мы проѣхали отъ западныхъ до восточныхъ крѣпостныхъ воротъ въ 25 минутъ и ровно въ 10 ч. выѣхали за стѣны Синь-чэна. Съ восточной стороны къ нимъ почти вплотъ примыкаютъ маньчжурскія кладбища, въ которыхъ нашли себѣ успокоеніе доблестные обитатели крѣпости. Усыпальницы чиновниковъ, по обычаю, обведены оградами, въ которыя ведутъ ворота; могилы этихъ военачальниковъ обозначены громадными плитами, иногда водруженными на черепахахъ, подобно тому какъ мы видѣли то въ окрестностяхъ Пекина; что же касается солдатъ, то мѣста погребенія ихъ отмѣчены простыми глиняными холмами. За кладбищами снова потянулись сплошныя пашни, которыя, на взглядъ привычнаго наблюдателя, ярко бросаются въ глаза тою своею особенностью, что на нихъ совершенно не видно никакихъ поселеній: ни домика, ни сарайчика, ни даже низенькой могилы. Происходить это оттого, что означенныя земли не составляютъ частной собственности, а отведены маньчжурскимъ правительствомъ въ угодыя тѣмѣтскимъ галай-дѣ, которые уже отъ себя отдаютъ ихъ въ арендное содержаніе поселянамъ. Пространство этихъ ровныхъ полей съ запада на востокъ версты на три; но и за ними продолжается та же равнина, такъ что для глаза открывается здѣсь громадное пространство, ограничиваемое горами, изъ коихъ сѣверныя отстоятъ отъ дороги верстъ приблизительно на 20, а восточныя еще далѣе этого. Помянутыя сѣверныя горы, называвшіяся встарину Ци-лянь-шань, носятъ нынѣ названіе Да-цинъ-шань. Когда смотришь на эти горы издали, то мѣстами онѣ кажутся имѣющими ровныя и спокойныя формы, мѣстами же обнаженные камни ихъ какъ будто нагромождены одинъ на другой. Последнее замѣчается, кажется, больше всего при входахъ въ пади, которыя въ глубину горъ поднимаются впрочемъ плоско и полого, по крайней мѣрѣ такъ представляется издали. Мѣстные и Гуй-хуа-чэнскіе монголы разказываютъ, будто всѣ императоры и императрицы Юаньской династіи были хоронены въ этихъ горахъ, хотя при этомъ для нихъ не было дѣлаемо особаго кладбища. Преданіе это слышалъ еще Чжанъ-пынь-гэ, который придаетъ ему значеніе большой вѣроятности, однако же только потому, что кладбищъ Юаньской династіи въ Китаѣ не существуетъ и никто не знаетъ гдѣ хоронили юаньскихъ государей. Мнѣ передавали эти разказы о Да-цинъ-шаньскихъ горахъ очень многіе изъ гуй-хуа-чэнскихъ старожилловъ, хотя нужно сказать, что они, повидимому, съ гораздо

большимъ удовольствіемъ и уже съ несравненно тончайшими подробностями разказывали о томъ, какъ въ періодъ послѣдняго дунганскаго возстанія въ этихъ горныхъ падахъ гнѣздились монгольскія шайки мятежниковъ, отличавшіяся особенною смѣлостью нападеній подъ предводительствомъ Чантү-цзянь-цзюня и Борд-күцзү, изъ коихъ первый былъ схваченъ и казненъ въ Гуй-хуа-чэнѣ.

По дорогѣ мы, миновавъ казенныя пашни тѹмѣтскихъ галай-дѣ, достигли въ 10 ч. 40 м. китайско-тѹмѣтской деревни Салѣрѣ, что значить въ нарѣчій мѣстныхъ китайцевъ «песчаный пригорокъ». Дѣйствительно, неподалеку отъ этого пункта почва становится песчаною и поля уходятъ отъ дороги на болѣе значительное разстояніе. Въ 11 ч. проѣхали тѹмѣтскую деревню Харѣ-бутѣ (отъ имени растенія, когда то въ изобиліи покрывавшаго эту мѣстность; китайцы зовутъ эту деревню «батѣй-ин-цза»). Здѣсь находится маленькая кумирня, воздвигнутая въ честь четверорукаго Арія-бѣло. Кумирь этого бурхана посрединѣ, Маньчжүшри по лѣвую сторону и Гѣнбо-гүру по правую, вотъ и всѣ будды, находящіяся въ кумирнѣ. Они вылѣплены изъ глины, выкрашены и позолочены, но все же выглядятъ крайне бѣдно. По стѣнамъ росписаны акварелью 16 лѣхановъ, а помимо сего въ кумирнѣ нѣтъ никакихъ изображеній. Охраняетъ зданіе одинъ старый и глухой ламѣ, проживающій здѣсь вмѣстѣ съ своею подругою, — нѣмою шибеганцѣю. Онъ разказалъ намъ, что окрестные тѹмѣты живутъ исключительно хлѣбопашествомъ и очень бѣдны. Обусловливается это даже не столько малопродуктивною почвою, сколько обиліемъ здѣсь полевыхъ мышей, оготонѣ, которыя страшно портятъ поля. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуя далѣе по дорогѣ, мы увидели очень много норъ этихъ маленькихъ, но страшныхъ хищниковъ. Далѣе, вплоть до деревни Ши-лянѣ-дай, къ которой мы подъѣхали въ 12 ч. 5 м., пашни встрѣчались намъ по дорогѣ лишь небольшими участками, остальные земли лежатъ пустопорожними; только кое-гдѣ были замѣтны слѣды прежде разрабатываемыхъ полей. Отсюда вскорѣ намъ начали попадаться солончаковыя пространства и такъ вплоть до деревни Сяо-күлѣрѣ, гдѣ въ 12 ч. 30 м. мы остановились для полдника. Простоявъ здѣсь до 1 ч. 45 м. дня, мы продолжали далѣе свой путь по дорогѣ, проложенной среди полей. Въ 2 ч. 20 м. миновали деревенку Цаганѣ-бѣйшинѣ, въ которой китайцы и тѹмѣты живутъ до такой степени смѣшанно, что даже кумирни ихъ стоятъ за одною оградой. Поселяне эти, повидимому, зажиточны, по крайней мѣрѣ дома ихъ отличаются рѣдкою чистотою и опрятностью. Отъ Цаганѣ-бѣйшина начинаются сплошь распаханныя поля и это на все пространство, видимое глазомъ. Я особливо слѣдилъ эту мѣстность, такъ какъ, по замѣт-

камень Чжань-пынь-гэ, именно здѣсь, не подалеку отъ знаменитой сунской башни, находился земляной городъ, имѣвшій до 5 ли въ окружности. Со времени Чжань-пынь-гэ миновало однако уже болѣе 200 лѣтъ, и теперь все это погребено подъ пашнями до такой степени, что не только никто не могъ указать мнѣ мѣстности этого города, но даже сообщить существовали ли здѣсь когда либо земляные валы; о какихъ либо находкахъ при распаханіи полей также никто не говорилъ ни одного слова. Ровно въ 3 ч. дня подѣхали мы къ Бай-та-р'у, громадной башнѣ, сохранившейся еще

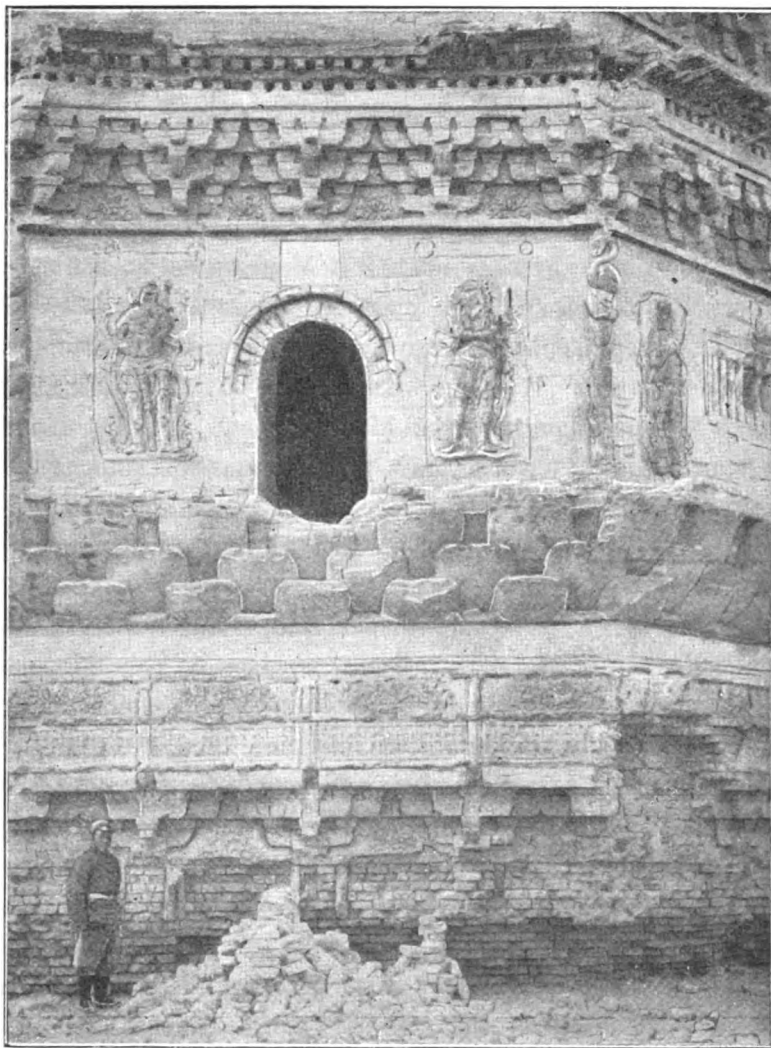
Бай-та-рѣ съ западной стороны.

отъ времени Сунской династіи. Колоссальное зданіе, кажущееся громаднымъ издали, поражаетъ еще болѣе вблизи, особливо своею высотой. Я думаю, что въ общемъ башня эта достигаетъ высоты 40 сажень. Отдѣльныя части ея, взаимно равныя своею высотой, представляютъ собою, во 1-хъ, пьедесталъ, во 2-хъ, семь этажей зданія, отдѣленныхъ одинъ отъ другого карнизами и, въ 3-хъ, его кровлю. Что касается пьедестала, то онъ совершенно круглый и имѣетъ видъ лотуса по той его формѣ, которая придается этому цвѣтку въ древнихъ изображеніяхъ хэшанскихъ буддъ. Отдѣльные этажи башни выложены всѣ восьми-

гранными, а кровля, кажущаяся какъ бы нѣсколько приплюснутою, вѣроятно, отъ несоразмѣрности съ высотой зданія, сдѣлана опять таки

круглою, изъ черепицы. Башня, какъ можно судить объ этомъ по входнымъ дверямъ, обращена лицомъ къ югу. На нижнихъ двухъ ярусахъ ея установлено по 16-ти лѣпныхъ изображеній сидящихъ буддъ и стоящихъ героевъ. Въ первомъ этажѣ съ юга имѣется входная дверь, надъ которою на бѣлой мраморной доскѣ изсѣчено шесть іероглифовъ почерка чжуань. Такъ какъ фотографія при всѣхъ моихъ усиляхъ передавала эти іероглифы очень слабо, то я списалъ ихъ отъ руки, хотя при слабости своего зрѣнія и не могу поручиться за точность каждой черты. Подняться ближе къ этой надписи у меня не было возможности. Прежде къ помянутой двери,

находящейся на высотѣ, вѣроятно, нѣскольکو болѣе 4-хъ саженьей, было устроено крыльцо изъ кирпича и гранитныхъ брусьевъ; теперь крыльцо это разрушилось, а кирпичъ и камни растасканы окрестными поселянами. Такимъ образомъ проникнуть въ средину башни теперь не представляется ни

какой возможности, а потому нѣтъ возможности и изслѣдовать находящіяся въ ней надписи, о которыхъ упоминаетъ Чжанъ-пынь-гэ.

Съ внѣшней своей стороны башня эта представляется необычайно красивой. Громадные и великолѣпно вылепленные барельефы, разнородная кладка камней и кирпичей, имѣющихъ притомъ различные цвѣта, причудливо отдѣланные карнизы, съ множествомъ выступовъ и углубленій, съ широкими тягами, въ свою очередь украшенными барельефами какихъ то сценъ, все это такъ поразительно, и въ то же время такъ ступшевывается въ общемъ рисункѣ колоссальной башни, что я почелъ необходимымъ помимо общаго вида башни снять еще отдѣльно первый этажъ ея, рисунокъ котораго и рѣшаюсь здѣсь представить.

Двинувшись отъ башни въ 3 ч. 45 м., мы въ 4 ч. 5 м. достигли деревни Бай-та-рѣ, заключающей въ себѣ до 70 дворовъ, населенныхъ по преимуществу тѣмѣтами; китайцы являются здѣсь главнымъ образомъ, какъ содержатели мелочныхъ лавокъ, число которыхъ доходитъ до 6 или 7-ми. Въ деревнѣ находится тѣмѣтская ламайская кумирня, тѣмъ не менѣе при ней, какъ и при китайскихъ кумирняхъ, выстроены театры. Отсюда мы поѣхали проселочною дорогою по полямъ, въ направленіи къ Май-и-дяру (Майдари), гдѣ почевали подѣ 9-е Марта и намѣрены были ночевать теперь. Въ 4 час. 30 мин. поѣхали деревню Хашату, до 40 дворовъ. Кумирня этой деревни, воздвигнутая въ честь тысячерукаго Арія бѣло, снабжена также театромъ. Въ 5 час. 15 мин. выѣхали на старую дорогу между Тянь-мэй-рѣ и Май-и-дяр'омъ и къ 6 часамъ прибыли въ эту послѣднюю деревню, гдѣ и остановились для ночлега въ старой гостинницѣ.

Здѣсь, за недостаткомъ мѣста въ гостинницѣ, мнѣ пришлось помѣститься въ одной комнатѣ со старикомъ китайцемъ, специальнымъ торговцемъ опиумомъ, который возвращался теперь въ Хухѹ-хотѣ изъ поѣздки по окрестнымъ уѣздамъ, гдѣ онъ подряжалъ поселянъ на доставку ему опиума урожая будущаго лѣта. По словамъ старика, куреніе опиума вошло въ обычай у шаньсійцевъ не болѣе, какъ лѣтъ 40, или 45 тому назадъ, а макъ стали разводить здѣсь только лѣтъ 25, или 30. Съ тѣхъ поръ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ у шаньсійцевъ совершился громадный прогрессъ, сурово порицавшійся впрочемъ моимъ собесѣдникомъ. По его словамъ, подѣ посѣвы мака у мѣстныхъ жителей отводятся самыя лучшія поля, а обработка мака требуетъ того же ухода, какъ садовыя растенія. Если бы эти земли и труды, говорилъ онъ, были употреблены хотя бы на посѣвъ пшеницы, мы не знали бы голода. Теперь во всей Шань-си употребляется опиумъ почти исключительно мѣстнаго приготвленія. Только богатые люди продолжаютъ курить иностранный, или гуанъ-дун'скій опиумъ и признаютъ его лучшимъ противъ китайскаго. Большое количество китай-

скаго опіума поддѣлывается кантонскими купцами подъ англійскій опіумъ для распространенія его между простымъ классомъ народа; но, какъ поддѣлка эта не только не улучшаетъ, а даже ухудшаетъ достоинство китайскаго опіума, то и не удивительно, что менѣе состоятельные изъ китайцевъ держатся того мнѣнія, что индійскій опіумъ по своимъ качествамъ ниже опіума ихъ собственнаго приготовленія.

Классификація доставляемаго изъ различныхъ мѣстностей опіума, по достоинству его, слѣдующая:

1) Индійскій, или Гуан-дунскій. 2) Опіумъ изъ Гань-су. 3) Опіумъ изъ Шань-си. 4) Опіумъ изъ Хэ-нани и Шань-си. 5) Опіумъ изъ Сы-чуани и Гуйчжоу.

По словамъ старика, во всемъ Китаѣ существуетъ одно общее мнѣніе, что самый лучший опіумъ производится въ Гань-су и Шань-си, а самый худшій — сы-чуаньскій и гуй-чжоускій. Сообразно этому существуетъ и различіе въ цѣнахъ на опіумъ. Сы-чуаньскій — самый дешевый и потому болѣе употребляемый простымъ народомъ, продается приблизительно отъ 400 до 500 чеховъ за лану; ху-бэйскій, хэ-наньскій и шань-си'скій — отъ 600 до 700 чех. за лану; шань-си'скій — 800 чех. за лану; гань-су'скій отъ 900 до 1000 чех. за лану и иностранный — отъ 800 до 1600 чех. за лану.

Таковы цѣны уже за совершенно приготовленный опіумъ. Далѣе особливо въ отношеніи провинцій сѣвернаго Китая слѣдуетъ сказать, что иностранный опіумъ здѣсь почти окончательно исчезъ съ рынковъ; онъ остается въ употребленіи только у богатыхъ, которые въ состояніи платить за неподдѣльный опіумъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на такое сокращеніе ввоза иностраннаго опіума до нѣкоторой степени вліяло усиленіе поддѣлокъ его со стороны китайцевъ; но, съ другой стороны, даже и настоящій, лучший индійскій опіумъ встрѣчаетъ для себя въ туземномъ опаснаго соперника.

17-е Марта. Среда.

6 ч. —2°; 9 ч. +8°; 12 ч. +15°; 3 ч. +15°; 6 ч. +8°; 9 ч. —1½°.

Выѣхали въ 7 ч. 10 м. Лужа по восточную сторону Май-и-дя-р'а еще не просохла, и мы снова должны были дѣлать объѣздъ ея съ тою только разницею, что теперь колесить пришлось гораздо больше. Многіе изъ поселянъ, уже подготовившіе свои поля подъ посѣвы, преградили прежде проложенную черезъ ихъ пашни дорогу, и телѣгамъ посему приходится прокладывать себѣ новые, дальнѣйшіе пути объѣзда. Только къ 8 часамъ выбрались мы на настоящій путь, удалившись отъ Май-и-дя-р'а

не болѣе, какъ саженой на 200. Двигаясь засимъ по той же дорогѣ и, вѣроятно, той же колеѣ, мы въ 9¼ часовъ подъѣхали къ Ши-жэнь-ван'и и сдѣлали снимки съ находящихся здѣсь памятниковъ (см. стр. 50). Подбѣжавшіе къ намъ поселяне съ любопытствомъ смотрѣли на нашу работу и довольно охотно рассказали намъ о «ши-жэн'яхъ» слѣдующее. По общему убѣжденію мѣстныхъ жителей, каменные статуи эти суть остатки древняго

Типъ статуй «ши-жэнь».

кладбища, и ученые, бывавшіе здѣсь, положительно сообщали, что такія статуи во времена Минской династіи ставились надъ усыпальницами вельможъ. Встарину статуй этихъ стояло здѣсь четыре, и мѣстные жители, хотя не приносили имъ никакихъ жертвъ, однако замѣчали, что «ши-жэн'и» весьма покровительствуютъ пашнямъ, ибо въ ту пору, какъ по другимъ мѣстамъ бывалъ неурожай, близъ «ши-жэн'ей» хлѣбъ родился всегда въ изобиліи. Случилось, но опять таки это очень давно, что двѣ изъ четырехъ означенныхъ статуй въ одну прекрасную ночь исчезли. Проснувшіеся по утру поселяне были убѣж-

дены, что статуи бѣжали. Огорченные лишеніемъ покровителей для своихъ пашень они еще больше боялись за то, какъ бы не ушли и остальные два «ши-жэн'я», а потому, въ расчетѣ удержать ихъ, рѣшили лишить ихъ жизни, а для сего отрубить имъ головы. Такъ и было сдѣлано, отчего статуи доселѣ имѣютъ отрубленные и только приставленные на свое мѣсто головы. Что касается двухъ исчезнувшихъ статуй, то долгое время было совершенно неизвѣстно, какъ и куда бѣжали они и скрылись; только черезъ много лѣтъ потомъ одному изъ мѣстныхъ посе-

лянь пришлось уѣхать въ Бау-тоу и, по дорогѣ, посѣтивъ урочище Си-бай-та-рь, онъ увидалъ, что бѣжавшіе истуканы стоятъ тамъ. Была пора, когда вѣрованіе въ покровительство «шй-жэн'ей» папнямъ забылось въ народѣ, а потому и уваженіе къ «шй-жэн'ямъ» ослабѣло. Потоки воды съ горъ, нанося камни на нивы, годъ отъ года все больше и больше засыпали «шй-жэн'ей», мѣстные же поселяне, очищая поля, вовсе не думали объ очисткѣ статуй. Какъ вдругъ лѣтъ десять тому назадъ страшный неврожай посѣтилъ окрестности Шй-жэнь-ван'и, и только тогда народъ одумался и откопалъ статуи снова. Въ ту пору можно было видѣть, что всѣ эти изваянія, т. е. какъ даосовъ, такъ и барана, воздвигнуты на каменныхъ плитахъ, теперь же эти плиты опять заволокло землею. Ходить, наконецъ, повѣрье, что ежегодно 1-го числа 1-й луны, т. е. въ день новаго года, сюда приѣзжаетъ на бѣлой лошади какой то человѣкъ, который сжигаетъ передъ «шй-жэн'ями» курительныя свѣчи и нѣсколько листовъ жертвенныхъ бумажекъ и уѣзжаетъ снова. Никогда ни съ кѣмъ не говорилъ этотъ человѣкъ, да и видѣли его только очень немногіе старцы; тѣмъ не менѣе мѣстные поселяне не видятъ въ такихъ разказахъ ничего подозрительнаго и полагаютъ, что это одинъ изъ потомковъ похороненнаго здѣсь лица, являющійся такимъ образомъ хозяиномъ кладбища. На вопросъ мой, почему же не освѣдомятся, что это за человѣкъ, и дѣйствительно ли здѣсь его кладбище, мнѣ отвѣчали, что приѣзжаго этого не можетъ видѣть всякій и показывается онъ только лицамъ избраннымъ: тѣмъ счастливымъ судьбы, которые уже отпраздновали свой 80-ти лѣтній юбилей. Изъ обитателей Шй-жэнь-ван'и въ настоящую пору таковыхъ нѣтъ ни одного.

Шй-жэнь-ванъ служитъ границею для распространенія на СВ тумѣтскихъ поселеній. Мы оставили эту деревню въ 10 ч. 20 мин. и начали подниматься по вышеописанному ущелью, въ которомъ я снова не нашелъ ничего выдающагося помимо лишь того, что въ прошедшій путь я, за снѣгомъ, не замѣтилъ здѣсь цѣлой деревни, Ху-цзя-ю-цзя, состоящей изъ 6 дворовъ. Мы проѣхали ее теперь въ 11 ч. 25 м., и отстоятъ она на 12 мин. ѣзды отъ поселка Чжу-цзя-ванъ. Въ 12 ч. мы добрались до Хурѣ, гдѣ имѣли свой подникъ, и, выѣхавъ изъ нея въ 1 ч. 45 м., въ 3 ч. 10 м. проѣхали деревню Мяо-гоу-мынь. Она, какъ было уже замѣчено выше, состоитъ сплошь изъ пещерныхъ жилищъ и единственное зданіе ея представляетъ собою кумирня, воздвигнутая на высокой скалѣ, преграждающей ущелье; отсюда, конечно, и названіе мѣстности «мынь». Въ 4 ч. проѣхали Суй-моу, за которымъ послѣдовалъ поселокъ Да-юй-шу, о которомъ я узналъ теперь, что поразительный недостатокъ его обусловливается существованіемъ здѣсь кустарнаго промысла выдѣлыванія боронъ. Въ общемъ ихъ сбы-

вають отсюда въ Хухү-хотò не менѣе какъ на сумму 3000 лань, ergo на каждую семью приходится не менѣе 20, 25 лань заработка, помимо хлѣбопашества, а это для китайца можно сказать, невыразимое богатство. Дальнѣйшій путь нашъ проходилъ уже ночью и въ 9 ч. вечера мы достигли Цагань-булунь.

Такъ какъ сегодня я оставилъ тумэтскія земли, чтобы больше не возвращаться уже въ эти мѣста, то на настоящемъ ночлегѣ мнѣ пришло на мысль пересмотрѣть и привести въ нѣкоторый порядокъ всѣ свои изслѣдованія и записи о тумэтахъ, составившіяся частію на основаніи устныхъ показаній бесѣдовавшихъ со мною тумэтовъ, а частію, и еще больше, на основаніи чтенія официальныхъ бумагъ тумэтскаго гусай ямуна, которыми снабжалъ меня хухү-хотòскій галай-дэ. Содержанію этихъ документовъ, какъ даннымъ, на основаніи которыхъ ведется современное управленіе тумэтами, я не могъ не придавать значенія достовѣрности, а потому совершенно не обинуясь, составилъ по нимъ свои нижеслѣдующія «краткія замѣтки о хухү-хотòскихъ тумэтахъ».

Земли, отведенныя нынѣ богдоханскимъ правительствомъ подъ поселенія хухү-хотòскихъ тумэтовъ, по показаніямъ самихъ тумэтовъ, простираются въ окружности на пространство свыше 1000 ли. На сѣверѣ онѣ граничатъ съ хошүнными землями халхаскаго Дархань-бэйлэ; на сѣверо-востокѣ урочище Дэочинь-цагань-хошү-байнь-обò полагается для нихъ границу съ хошүномъ Дурбэнъ-хухэть; на востокѣ онѣ соприкасаются границамъ чахарскаго синяго съ каймою знамени; на югѣ-востокѣ подходятъ къ границамъ чахарскаго краснаго съ каймою знамени, а также къ землямъ казенныхъ пашень, подвѣдомственныхъ Нинь-юань-тину; на югѣ доходятъ до Великой стѣны, у воротъ Ша-ху-коу (маньчж.); на юго-западѣ рѣкою Хуань-хэ отдѣляются отъ земель ордòскаго знамени; на западѣ онѣ смежны съ землями хошүна урэтскаго восточнаго гуна и, наконецъ, на сѣверо-западѣ между двумя обò, называемыми Бай-хонгòръ и Кэ-чү, соприкасаются землямъ мӯ-минганьскаго знамени. Болѣе частное опредѣленіе этихъ границъ дается уже съ гораздо большею трудностію. Средоточіемъ своихъ земель тумэты почитаютъ городъ Хухү-хотò, но это конечно, на основаніи не географическаго положенія, а лишь въ силу административнаго значенія этого города, какъ центра управленія. Отъ Хухү-хотò тумэты считаютъ, какъ разстоянія всѣхъ, расположенныхъ на ихъ земляхъ карауловъ, такъ равно отъ него же выводятъ и всѣ свои почтовые дороги, назначенныя собственно для перевозки казенныхъ пакетовъ и разъѣздовъ по дѣламъ службы разныхъ чиновъ управленія. Свѣдѣнія объ этихъ караулахъ дали мнѣ возможность дополнить опредѣленіе простран-

ства тѹмѣтскихъ земель, хотя и не въ полной мѣрѣ, такъ какъ караулы у тѹмѣтовъ разставлены не по всей ихъ границѣ. Произошло это потому, что первоначально они явились учрежденіемъ чисто временнымъ, а засимъ, какъ будто, были забыты, почему и остались существовать донинѣ. Основаніе ихъ относится къ 19 году правленія Цянь-луна. Войны съ чжунгарями и обѣдненіе страны породили тогда массу бродягъ и мелкихъ воришекъ, которые, скрываясь въ горахъ Цинь-шань, постоянно производили грабежи и нападенія, какъ на частныхъ жителей, такъ и на казенные транспорты. По такимъ то основаніямъ мѣстный прокуроръ, Боо-чу-фань, сдѣлалъ тогда всеподданнѣйшій докладъ, которымъ предлагалъ, чтобы въ 11 ущельяхъ Цинь-шаньскихъ горъ учредить караулы, помѣстивъ на каждомъ изъ нихъ по 5 нижнихъ чиновъ, подъ командою унтеръ-офицера. Солдатъ этихъ предполагалось вызывать изъ тѹмѣтскихъ хошѹновъ на мѣсячную очередь, а въ 11-й лунѣ каждаго года хухѹ-хотѣскій цзянь-цзюнь обязанъ былъ высылать маньчжурскихъ чиновъ для ревизіи дѣлъ на караулахъ. Съ окончаніемъ чжунгарскихъ войнъ окончились и грабежи въ цинь-шаньскихъ горахъ, но караулы оставались въ нихъ по-старому, хотя и безъ всякой нужды; впрочемъ, говорятъ, они сослужили нѣкоторую службу даже въ періодъ послѣдняго дунганскаго возстанія конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Всѣхъ карауловъ на тѹмѣтскихъ земляхъ считается 11 и располагаются они въ такомъ порядкѣ:

Карауль Онгѣнъ находится прямо на С. отъ Хухѹ-хотѣ и отстоитъ отъ него на 20 ли.

Карачинъ — въ 20 ли къ востоку отъ Онгѣна и въ 30 ли отъ города.

Огйтъ — въ 20 ли отъ Карачина и въ 40 ли къ СВ. отъ города.

Улясутай — въ 30 ли отъ Огйта и въ 70 ли къ В. отъ города.

Хоринъ-гѣръ — въ 30 ли отъ Улясутая и въ 80 ли къ ЮВ. отъ города.

Карауль Кэрэкѹ начинается собою линію въ другую сторону отъ Онгѣна и отстоитъ на 80 ли къ СЗ. отъ города и на 85 ли отъ Онгѣна.

Тэмѣнь-хуцзѹ — въ 60 ли къ З. отъ Кэрэкѹ и въ 140 ли отъ города.

Гарудѹ — въ 120 ли къ З. отъ Тэмѣнь-хуцзѹ и въ 200 ли отъ города.

Сульчжѹ — въ 50 ли къ З. отъ Гарудѹ и въ 250 ли отъ города.

Удѹ — въ 50 ли къ З. отъ Сульчжѹ и въ 300 ли отъ города.

Цаганъ-обѣ — въ 40 ли къ З. отъ Удѹ и въ 340 ли отъ города.

Къ югу отъ Хоринъ-гѣръ карауловъ на земляхъ хухѹ-хотѣскихъ тѹмѣтовъ не содержится, а потому къ опредѣленію пространства тѹмѣтскихъ земель мы уже не имѣемъ здѣсь никакихъ данныхъ, помимо лишь указанія

направленія почтовыхъ дорогъ, исходящихъ изъ Хухү-хотò. Такъ какъ конечные пункты этихъ дорогъ, несомнѣнно, прилежатъ къ тѣмѣтской пограничной линіи, то указаніе этихъ пунктовъ является для насъ вполне равносильнымъ указанію тѣмѣтской границы. И такъ отъ Хухү-хотò проходятъ въ различныя стороны нижеслѣдующіе казенные тракты. Къ Ю., до Ша-ху-коу — на 120 ли; къ З., до границъ Урѣтскаго хошүна, къ урочищу Баўтоу-цаганъ-обб, — на 340 ли; къ С., до границъ хошүна халхаскаго Дарханъ-бэйла, къ горѣ Хадѣмагъ-ўла, — на 220 ли; къ В., до границъ чахѣрскаго синяго съ каймою знамени, къ Цзѣрдѣ-цаганъ-хүрѣнь, — на 120 ли; къ ЮВ., до границъ чахѣрскаго краснаго съ каймою знамени и къ Нинъюанъ-тину, — на 120 ли; къ ЮЗ., до крѣпостцы Великой стѣны на берегу Хуанъ-хэ, — на 320 ли; къ СЗ., до границъ Мү-минганьскаго хошүна, къ урочищу Бай-хонгоръ-обб, — на 300 ли; и къ СВ., до границъ хошүна Дурбѣнъ-хүхэтъ, къ урочищу Дзочинъ-цаганъ-обб, — на 100 ли.

Нѣтъ сомнѣнія, что пространства, заключенныя въ означенныхъ границахъ, принадлежали тѣмѣтамъ еще задолго до времени подчиненія ихъ маньчжурамъ, и что со времени этого подчиненія у тѣмѣтовъ не только ничего не прибавилось въ территоріальномъ отношеніи, а, напротивъ, они были даже стѣснены въ своихъ земляхъ, въ силу допущенія на оныя китайскихъ переселенцевъ.

Добыть точное число современнаго населенія тѣмѣтовъ мнѣ не представилось возможности, и для приблизительнаго опредѣленія его мы располагаемъ лишь нижеслѣдующими данными. Все тѣмѣтское населеніе раздѣляется нынѣ на четыре главныхъ сословія: а) знаменныхъ солдатъ; б) военныхъ простолюдиновъ, обязанныхъ нестроевою службою; в) ламъ и г) шабинѣровъ, или простолюдиновъ, приписанныхъ къ различнымъ монастырямъ и хутүхтамъ. Болѣе точныя и опредѣленныя данныя о численномъ составѣ хранятся въ тѣмѣтскихъ управахъ лишь относительно знаменнаго населенія, подлежащаго постояннымъ вызовамъ на ученье, смотры и проч. По этимъ даннымъ, все тѣмѣтское знаменное населеніе раздѣляется на 60 эскадроновъ (сумүнь), сгруппированныхъ въ два крыла, по 30 эскадроновъ въ каждомъ. Въ частности числятся:

По лѣвому крылу:	Дворовъ	Душъ.
Въ 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 1-мъ чжаланемъ. . .	337	1572
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 2-мъ чжаланемъ. . .	287	1311
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 3-мъ чжаланемъ. . .	475	2595
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 4-мъ чжаланемъ. . .	267	1229
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 5-мъ чжаланемъ. . .	361	1573
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 6-мъ чжаланемъ. . .	226	988

По правому крылу:	Дворовъ	Душъ.
Въ 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 1-мъ чжаланемъ. . .	304	1449
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 2-мъ чжаланемъ. . .	441	801
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 3-мъ чжаланемъ. . .	397	1614
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 4-мъ чжаланемъ. . .	292	1321
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 5-мъ чжаланемъ. . .	289	1227
» 5-ти эскадронахъ, управляемыхъ 6-мъ чжаланемъ. . .	420	1900

Итого: въ 30-ти эскадронахъ лѣваго крыла дворовъ 1953 и душъ 9268; а въ 30 эскадронахъ праваго крыла дворовъ 2143 и душъ 9308.

Всего же знаменныхъ тѹмѹтовъ въ Хухѹ-хотѹ считается 4096 дворовъ и 18,576 душъ.

Большая часть этого населенія ведетъ въ настоящую пору совершенно осѣдную жизнь, занимаясь хлѣбопашествомъ и располагаясь по деревнямъ и поселкамъ. Всѣхъ такихъ деревень и казенныхъ поселковъ, состоящихъ въ управленіи 30 ротъ лѣваго крыла, считается 296, а управляемыхъ въ 30 ротахъ праваго крыла — 226. Означенныя 522 деревни почитаются населенными исключительно тѹмѹтами. Въ болѣе значительныхъ изъ поселковъ полагается по два поселковыхъ старшины (5-2-1), а въ малыхъ — по одному.

Къ числу знаменныхъ, ведущихъ кочевую жизнь, относятъ обыкновенно три эскадрона тѹмѹтовъ, располагающихся своими жилищами къ сѣверу отъ цинъ-шань'скихъ горъ. Въ общемъ кочевья ихъ со всѣхъ сторонъ облегаютъ урочище Хуяктѹ-обѹ, находящееся у границъ мѹ-минганьскихъ земель, частныя же названія мѣстъ ихъ кочевокъ остались у меня не записанными. На всемъ пространствѣ этихъ кочевыхъ земель, знаменные солдаты и свободные простолюдины, равно какъ и причисленные къ различнымъ кумирнямъ шабинары проживаютъ совмѣстно, какъ по кочевымъ пастбищамъ, такъ и въ обосновываемыхъ ими деревняхъ. Въ настоящую пору въ эти тѹмѹтскія кочевья урочища постоянно прибываютъ съ цѣлью обоснованія на нихъ осѣдности китайцы, принадлежащіе къ сословію купцовъ и землепашцевъ, и число ихъ, говорятъ, годъ отъ года сильно увеличивается.

Вышепоказанное число, 18,576 душъ, представляетъ собою общую сумму всего сословія знаменныхъ тѹмѹтовъ, какъ осѣдлыхъ, такъ и кочевыхъ и включаетъ въ себѣ всѣхъ, начиная со стариковъ до грудныхъ младенцевъ обоеихъ половъ. Оно заимствовано мною изъ оффиціального дѣла о переписи 1887 года, хотя эта перепись и не была послѣднею, такъ какъ позже перепись совершалась еще въ 1890-мъ году. Видѣтъ данныя этой

последней переписи, равно какъ и произвести сличеніе хотя бы двухъ трехъ переписей для сравнительнаго ихъ изученія и подлежащихъ выводовъ я не могъ, за недостаткомъ времени. По общему положенію, народныя переписи у тѣмѣтовъ совершаются черезъ три года. О производствѣ переписи гусай-ямунь каждый разъ получаетъ особое увѣдомленіе отъ фуду-туна, на основаніи котораго и откомандировываетъ отъ себя двухъ чиновниковъ. Последніе обязаны посѣтить всѣ поселки, деревни и кочевья отдѣльно праваго и лѣваго крыла и произвести въ нихъ счетъ всѣхъ домовъ и народонаселенія, за исключеніемъ лишь мѣстъ, охваченныхъ возстаніями, или находящихся въ рукахъ мятежниковъ. Списки эти (въ противоположность халхаскимъ порядкамъ) отправляются не прямо въ Лифань-юань, а къ хуху-хотдскому ду-туну, который, произведя еще отдѣльно перепись китайцевъ, представляетъ обѣ эти переписи совмѣстно шань-сискому амбаню.

Что касается числа знаменныхъ тѣмѣтовъ, долженствующихъ отбывать дѣйствительную строевую службу, то оно для cadaго даннаго времени опредѣляется суммою въ 5000 строевыхъ латниковъ. По разрядамъ эти последніе раздѣляются такимъ образомъ: гвардейцевъ, именуемыхъ «габшихянь», а въ походахъ долженствующихъ входить въ составъ легкаго, авангарднаго отряда, отчисляется 200 человекъ; 360 человекъ состоятъ въ рангѣ унтеръ-офицеровъ (бошкò); а остальные 4440 человекъ отбываютъ службу обыкновенными рядовыми солдатами. Изъ числа ихъ 1000 человекъ, по очереди, обязаны являться каждою весною и осенью въ Хуху-хотд, срокомъ на одинъ мѣсяць, для смотра и усовершенствованія въ воинскомъ дѣлѣ (см. стран. 100); остальные, смѣняясь мѣсячными очередями, отбываютъ службу въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, на караулахъ, переправахъ и проч.

Относительно сословія тѣмѣтскихъ простолюдиновъ, также причисляемыхъ къ военнымъ, хотя и никогда не призываемыхъ къ оружію и не отбывающихъ строевой службы, а равно и о шабинарахъ мы можемъ сказать только то, что общее число ихъ по переписи 1887 г. опредѣлялось въ 52,843 человекъ. Показаніе это было записано мною со словъ галай-дѣ, который не могъ передать мнѣ самаго дѣла этой переписи за его обширностью.

Такъ какъ означенные люди de facto рѣшительно не имѣютъ никакого отношенія къ военному дѣлу, то ихъ, казалось мнѣ, правильнѣе всего было бы считать сословіемъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, а потому въ вопросахъ объ ихъ бытѣ меня больше всего интересовало ихъ земельное положеніе. Въ извѣстной степени мнѣ удалось разъяснить это даже исто-

рически. Въ періодъ своего подданства Китаю хухү-хотòскіе тўмэты вели почти исключительно кочевую пастушескую жизнь, и только во времена уже дайцинской династіи нѣкоторые изъ нихъ начали собственными силами распахивать цѣльнины въ наиболѣе удобныхъ мѣстахъ своихъ пастбищъ и заводить на нихъ пашни. Въ періодъ Канси и Юнь-чжена, при увеличившихся китайскихъ на эти мѣста переселеніяхъ, тўмэты начали сдавать годныя для посѣвовъ поля въ аренду китайцамъ; но какъ опредѣленной мѣры земель имъ вовсе не было извѣстно, то отсюда у тўмэтовъ вскорѣ же произошли взаимные споры и тяжбы съ китайцами, доходившіе до разбирательства въ судахъ. Стремясь прекратить эти споры, манчжурскіе правители первые научили тўмэтовъ опредѣленнымъ измѣреніямъ земельныхъ пространствъ; они преподали имъ общеманчжурскую мѣру полей, высшую единицу которой составляетъ «дэ́льхэнь», или участокъ въ 300 саж. ширины и 1800 саж. длины, а низшую — «ймари», равняющуюся земельному пространству въ 3 саж. шириною и 18 саж. длины. Наука эта помогла однако дѣлу очень мало, и, когда споры изъ-за земель начались далѣе не только съ китайцами, а и между самими тўмэтами, то хухү-хотòскій цзянь-цзюнь Чжи вынужденъ былъ въ 8 году правленія Цянь-луна (1743) представить всеподданнѣйшій докладъ о необходимости проведенія какого либо порядка во владѣніи тўмэтовъ ихъ землями. Съ этою цѣлью потребовалось прежде всего точное опредѣленіе какъ общаго числа населенія тўмэтовъ, такъ и количества всѣхъ принадлежащихъ имъ пашень и кочевыхъ земель. Произведенною переписью было уяснено, что пространство пахатныхъ земель равняется у тўмэтовъ 75,049 дэ́льхэнь, а число душъ тўмэтскаго населенія было въ ту пору 43,559. Разслѣдованіе матеріальнаго благосостоянія этого населенія обнаружило крайнюю неравномѣрность въ пользованіи землями, при чемъ оказалось, что $\frac{1}{10}$ часть народа почти вовсе лишена земель, а именно, 2156 домохозяевъ засѣвало пашень всего 334 дэ́льхэнь, 88 имари, тогда какъ 2812 домохозяевъ совершенно не имѣло у себя никакой земли. Такимъ образомъ общее число душъ, нуждавшихся въ земляхъ, было 4968. Заботясь объ ихъ обезпеченіи, богдоханское правительство опредѣлило изъ общаго числа 74,714 дэ́льхэнь и 12 имари пахатныхъ земель, которыя состояли въ пользованіи 38,591 души, отчислить 4633 дэ́льхэнь и 12 имари и, присоединивъ ихъ къ 334 дэ́льхэнь, 88 имари, обрабатываемыми людьми, недостаточно надѣленными землею, распределить означенныя земли между помянутыми 4968 душами, въ размѣрѣ по одному дэ́льхэнь на каждую душу.

Послѣ вышеозначеннаго передѣла въ общей массѣ тўмэтскихъ земель оставалось еще 13,295 дэ́льхэнь и 14 имари земли, которая не была рас-

пахана, но отводилась исключительно подъ пастбища, являясь въ общинномъ пользованіи всего тѣмѣтскаго населенія. Не прошло однако и тридцати лѣтъ послѣ сего, какъ количество необработанной земли у тѣмѣтовъ еще сократилось. Въ 37-мъ году правленія Цянь-луна изъ этого числа было изъято 2244 дѣльхэ и 80 ѳмари, при чемъ часть этой земли была отведена подъ казенныя пашни, а часть распределена между бѣднѣйшими тѣмѣтами, не задолго до того утратившими свой скотъ и не могшими продолжать далѣе свою кочевую жизнь. Одновременно съ симъ изъ частнаго пользованія тѣмѣтовъ было изъято и опредѣлено на казенныя потребности еще 229 дѣльхэнь и 80 ѳмари поемныхъ луговъ, заливаемыхъ р. Хуанъ-хэ. Этотъ выдѣлъ земли считается у тѣмѣтовъ послѣднею распашкою собственною по почину и требованію правительства, хотя частныя распашки продолжались и послѣ сего. Въ 5-мъ году правленія Цзя-цина (1800 г.) изъ Хухѹ-хотѣ былъ сдѣланъ новый всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ изъяснялось, что въ теченіе второй половины правленія Цянь-лунова богатые тѣмѣты, стремясь къ большей наживѣ, еще распахали цѣльнины и засѣяли на отведенныхъ прежде подъ пастбища земляхъ всего 1450 дѣльхэнь, 78 ѳмари. Мѣстные правители, констатируя этотъ фактъ, просили теперь высочайшаго разрѣшенія на взиманіе съ этихъ земель арендныхъ денегъ съ тѣмъ, чтобы образуящуюся отъ такого сбора сумму, раздѣлять между недостаточными тѣмѣтами, общее число которыхъ опредѣлялось въ 900 человекъ. Когда на означенный докладъ состоялось высочайшее соизволеніе, то распахивавшіе прежде эти земли богатые тѣмѣты почли уже невыгоднымъ для себя обрабатывать ихъ, выдѣляя значительную долю своего заработка ничего не дѣлавшей бѣднотѣ. Вскорѣ они начали совершенно отказываться отъ этихъ земель, и черезъ 5 лѣтъ послѣ сего (1805 г.) состоялось новое высочайшее повелѣніе Цзя-цина, которымъ предписывалось отобрать эти земли у отказывавшихся отъ нихъ тѣмѣтовъ и раздѣлить ихъ между тѣми 900 бѣдныхъ, въ пособіе которымъ предполагалось выдавать получаемыя отъ этихъ земель арендныя деньги. Съ той поры въ кочевьяхъ тѣмѣтовъ считается пахотныхъ земель всего 78,974 дѣльхэнь и 38 ѳмари, а неудобныхъ для хлѣбопашества и потому отведенныхъ подъ пастбища 9369 дѣльхэнь и 76 ѳмари. Нѣкоторая часть этихъ послѣднихъ земель въ настоящую пору, говорятъ, также распахивается, но часть эта весьма незначительна, — она едва ли достигаетъ и 1000 дѣльхэнь, такъ какъ всѣ лучшія земли были взяты подъ распашку съ самаго перваго времени.

Сословіе шабинаровъ, будучи исчисляемо въ томъ же общемъ составѣ тѣмѣтскаго населенія, пользуется и землями на ряду съ прочими тѣмѣтами; а сословіе ламъ, или тѣмѣтскаго духовенства, исходя изъ всѣхъ классовъ и

разрядовъ тѹмѣтской общины, въ большинствѣ случаевъ опредѣленныхъ земель у себя не имѣеть и живетъ на средства, получаемыя отъ своихъ поклонниковъ-простолюдиновъ.

Пользуясь съ разрѣшенія правительства вышеозначенными землями и получая отъ нихъ главныя средства для своего существованія, тѹмѣты взамятъ сего обязаны передъ правительствомъ казенными и общественными повинностями, которыя выражаются, какъ въ натуральномъ отбываніи ими нѣкоторыхъ родовъ службы, такъ и во взносахъ опредѣленныхъ пошлинъ.

Натуральныя казенныя и общественныя повинности въ громадномъ большинствѣ отправляются тѹмѣтами въ мѣсячной очереди, и вотъ тѣ виды отбываемыхъ у тѹмѣтовъ натурою повинностей, которыя удалось узнать мнѣ при своихъ изслѣдованіяхъ.

1) На 11-ть вышеозначенныхъ карауловъ, начиная съ Онгона, тѹмѣты обязаны ежемѣсячно высылать на каждый караулъ по 5 нижнихъ чиновъ и для надзора за ними по одному чиновнику, въ званіи унтеръ или даже оберъ-офицера.

2) Въ хухѹ-хотѣскую полицію ежемѣсячно откомандировывается по 2 чиновника и 40 нижнихъ чиновъ.

3) Для содержанія карауловъ при складахъ серебра въ Хухѹ-хотѣ также ежемѣсячно назначается 1 чиновникъ и 10 солдатъ.

4) Разсыльными при тѣхъ же складахъ серебра — 2 солдата.

5) Для храненія складовъ оружія ежемѣсячно откомандировывается 1 чиновникъ и 5 солдатъ.

6) Въ должности стражниковъ у воротъ гусай ямуня полагается по мѣсячной очереди 1 чиновникъ и 5 солдатъ.

7) Для присмотра и содержанія въ чистотѣ хухѹ-хотѣскаго военного плаца ежемѣсячно — 1 чиновникъ и 5 солдатъ.

8) Для дежурства у четырехъ воротъ хухѹ-хотѣской крѣпости ежемѣсячно назначается при каждыхъ воротахъ по 1 чиновнику и 9-ти солдатъ.

9) Для храненія Токтѣ-хотѣскихъ складовъ ежемѣсячно — 1 чиновникъ и 6 солдатъ.

10) Для различныхъ услугъ при главной хухѹ-хотѣской кумирнѣ ежемѣсячно высылается 10 солдатъ.

11) При кумирнѣ Конфуція полагается ежемѣсячно въ званіи сторожей 4 солдата и въ званіи разсыльныхъ 2 солдата.

12) Для храненія кумирни въ честь основателя земледѣлія ежемѣсячно высылается 3 солдата.

13) Для отправленія службы въ званіи разсыльныхъ при канцеляріи гусай-ямуня и храненія печати ежемѣсячно — 5 солдатъ.

14) При отдѣленіи военнаго министерства полагается ежемѣсячно въ званіи вѣстовыхъ 5 солдатъ и для командировокъ 10 солдатъ.

15) При отдѣленіи министерства финансовъ полагается ежемѣсячно въ званіи вѣстовыхъ 5 солдатъ и для командировокъ 10 солдатъ.

16) Въ званіи разсыльныхъ при гвардейскомъ лагерѣ ежемѣсячно полагается 6 солдатъ.

17) Вѣстовыми при отдѣленіи, завѣдывающемъ учебными сборами, ежемѣсячно назначается 6 солдатъ.

Всѣ означенные чины отбываютъ свою повинность по мѣсту служенія въ городахъ, не оставляя оныхъ; засимъ для разѣздовъ и службы собственно въ степяхъ назначается еще:

18) При гусай ямунѣ, для различныхъ командировокъ въ степи 32 солдата.

19) При 12 чжалани-цзангйнахъ полагается каждому чжалани-цзангину ординарцевъ 1 вѣстовыхъ 2.

20) При 60 эскадронныхъ командирахъ полагается каждому — ординарцевъ 1 и вѣстовыхъ 1.

21) Особый видъ повинности представляетъ собою для тумэтовъ еще служба на переправахъ черезъ Хуань-хэ, которыхъ въ кочевьяхъ тумэтовъ считается собственно двѣ: переправа въ урочищѣ Хутань-хошү, отстоящая отъ Хүхү-хотò на 180 ли, въ направленіи къ ЮЗ, и переправа въ урочищѣ Мотай, находящаяся къ СЗ отъ Хутань-хошү и отстоящая отъ Хүхү-хотò на 240 ли. На каждой изъ этихъ переправъ тумэты обязаны содержать по три лодки, а въ качествѣ перевозчиковъ назначать по 30 солдатъ, для надзора надъ которыми откомандировывается по одному цзанггину и по одному хундью. Содержанія эти люди не получаютъ ровно никакого и отправляютъ означенную натуральную повинность собственными средствами. Смѣняются они, говорятъ, очень рѣдко, такъ какъ тумэты дорожатъ этими перевозчиками и даютъ имъ всякія льготы, имѣя въ виду, что переправа черезъ рѣку требуетъ извѣстнаго навыка и даже ловкости, которыя пріобрѣтаются только практикою. Вся обязанность этихъ людей состоитъ исключительно въ перевозѣ путниковъ, слѣдующихъ на ту и на другую сторону рѣки. Когда лодки состариваются, продыравливаются и разрушаются, то заботы о возобновленіи ихъ возлагаются на чиновниковъ, завѣдывающихъ прирѣчными поселеніями тумэтовъ. Чиновники эти должны собирать деньги на сей предметъ съ подвѣдомственныхъ имъ людей и выдавать собранную сумму въ видѣ вспомошествованія лодочни-

камъ, которые уже сами исправляютъ или строятъ вновь потребныя имъ лодки ¹⁾).

Наконецъ положительно ко всѣмъ тѣмѣтамъ можетъ быть отнесена отбываемая также натурою 22) подводная повинность. Достойно замѣчанія, что тѣмѣты, имѣя на своихъ земляхъ опредѣленные казенные тракты, въ тоже время не содержатъ у себя благоустроенныхъ почтовыхъ станцій, какъ это мы видѣли въ Халхѣ. Разказываютъ, что встарину, когда нужно было командировать куда либо чиновника, то онъ только выѣзжалъ изъ города или, лучше сказать, изъ своего присутственнаго мѣста на казенной лошади, а засимъ, какъ только попадалась ему на встрѣчу обывательская лошадь, онъ тотчасъ же отбиралъ ее у тѣмѣта и ѣхалъ на ней своею дорогой иногда версть 10, 15-ть, пока ему ни попадалась другая обывательская лошадь, съ которою онъ поступалъ такимъ же образомъ. Впослѣдствіи, когда на тѣмѣтскихъ земляхъ обосновалась масса китайскихъ переселенцевъ, тѣмѣтскіе правители начали жаловаться на то, что китайцы находятся въ одинаковыхъ съ тѣмѣтами условіяхъ жизни, а между тѣмъ подводная повинность лежитъ только на этихъ послѣднихъ. Жалобы эти дошли вплоть до богдохана и имѣли своимъ результатомъ изданіе особаго высочайшаго повелѣнія, по которому отбываніе подводной повинности было значительно упорядочено. Отнимать лошадей у путниковъ возбранялось чиновникамъ подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности; отправляясь же въ командировку по какому либо спѣшному дѣлу, каждый чиновникъ обязанъ былъ получить особые открытые листы, какъ отъ ху ху-хотѣскаго амбана, такъ и отъ гусай ямуна и, на основаніи этихъ листовъ, онъ могъ вѣзти лошадей въ поселкахъ одинаково, какъ у китайцевъ, такъ и у тѣмѣтовъ. Высочайшее повелѣніе это относится къ 8-му году правленія Цзя-цина, и съ тѣхъ поръ вѣзти лошадей подводъ людьми, командированными по службѣ, совершается не иначе, какъ согласно сказаннымъ положеніямъ.

Относительно существующихъ у тѣмѣтовъ денежныхъ обложеній я не могъ собрать точныхъ и ясныхъ данныхъ во всей ихъ полнотѣ. Можно утверждать, какъ несомнѣнное, что здѣсь собираются поземельные налоги, но они чрезвычайно различествуютъ одинъ отъ другого, обуславливаясь то качествомъ земель, то мѣстоположеніемъ земли, и, главнѣйше, степенью удаленности ея отъ города, то личностью владѣльца, то давностью распахки, — словомъ, различныхъ обстоятельствъ, обуславливающихъ сумму

1) Г. Потанинъ, переправлявшійся черезъ Хуанъ-хэ въ урочищѣ Хутанъ-хошѣ въ 1884 г., не сообщаетъ намъ никакихъ свѣдѣній о состояніи здѣшняго перевоза; но онъ замѣчаетъ, что его перевозили на двухъ лодкахъ, изъ которыхъ одна могла сразу поднять 16 верблюдовъ. (См. Танг.-Тиб. окраина Китая. Т. I стр. 57).

обложения, множество и довести этотъ отдѣлъ изслѣдованія до степени полной ясности мнѣ, за недостаткомъ времени, не удалось. Какъ примѣръ подобнаго обложения я могу привести лишь то, что тумѣтскій гусай ямунь получаетъ теперь около 370 ланъ пошлины съ пашень, засѣваемыхъ китаицами въ Да-цинъ-шань'скихъ горныхъ падахъ, самую обширную изъ которыхъ считается горная долина Харгиль. Въ тѣхъ же мѣстахъ съ земель, обрабатываемыхъ шабинарами Ганчжорва мэргэнъ номунъ хана и съ пашень, принадлежащихъ войскамъ императорской гвардіи, собирается еще 148 ланъ 5 цинъ, 6 фынъ и 4 ли. Далѣе я могу сказать, что гусай ямунь въ видѣ государственныхъ налоговъ собираетъ еще ежегодно суммы по нижеслѣдующимъ статьямъ:

1) Оброчной платы съ казенныхъ дворовъ и лавокъ, находящихся въ Хухү-хотѣ и окрестностяхъ онаго, а равно съ казенныхъ дворовъ и лавокъ, основавшихся въ направленіи къ Онгонъ-дабану, по обѣимъ сторонамъ Да-цинъ-шаньскихъ горъ, — свыше 500 ланъ серебра.

2) Съ казенныхъ пашень, прилежащихъ поселкамъ: Онгонъ-дабанъ, Хулуту, Номохонъ-асутъ, Бумба, Хучжиръ-тохой и др. — 90 слишкомъ ланъ серебра.

3) Пошлинъ съ открытыхъ въ Хухү-хотѣ маленькихъ закладныхъ лавокъ и ссудныхъ кассъ — свыше 1000 ланъ серебра.

4) При взаимной покупкѣ и продажѣ тумѣтами своихъ домовъ и лавокъ съ уплачиваемой суммы взимается въ видѣ пошлины съ каждаго лана по одному фыну (т. е. 1%) и засимъ по 8 циновъ за каждую приложенную къ документамъ печать.

5) Пошлины съ Да-цинъ-шань'скихъ каменно-угольныхъ копей — всего 2000 связокъ по 1000 чеховъ, или 2 милліона чеховъ. Относительно этого послѣдняго обложения мною дознано, что, согласно состоявшему въ 33-мъ году правленія Цянь-луна представленію хухү-хотѣскаго цзюнь цзюня Фу-яна, тогда же послѣдовало особое высочайшее повелѣніе, по которому разработка вышеозначенныхъ копей разрѣшалась тумѣтамъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Для сбора пошлинъ съ каменно-угольныхъ копей, разрабатываемыхъ въ да-цинъ-шань'скихъ горныхъ падахъ, Хамаръ, Алимату, Цинъ-шуй-хо и Харъ-ухэртү назначается въ каждую изъ четырехъ означенныхъ копей по одному чиновнику въ разрядѣ эскадроннаго командира (нируй чжангинь), фынъдэ-бошоку или гвардейскаго десятника, а надъ всѣми ими поставляется одинъ общій начальникъ въ званіи чжалани цзангйна. 2) По истеченіи каждаго мѣсяца чиновники, находящіеся въ четырехъ показанныхъ урочищахъ, представляютъ собранныя ими, согласно установленному для каждаго изъ нихъ отдѣльному положенію, пош-

лины чжалапи цзангину, а послѣдній отъ себя препровождаетъ ихъ въ гусай ямунь. 3) Видоизмѣненіе и опредѣленіе суммы пошлинъ, взимаемой съ каждой частной копи, устанавливается срокомъ на годъ. 4) Общая сумма пошлинъ, какъ сказано, должна составлять 2 милліона чеховъ. 5) Изъ этихъ денегъ $\frac{3}{10}$ части опредѣляются на жалованье чиновникамъ и солдатамъ, имѣющимъ надзоръ за копиями, а остальные $\frac{7}{10}$ частей представляются въ казначейство гусай-ямуни. 6) Если явятся новыя предприниматели разработки каменно-угольныхъ копей, то имъ выдается билетъ на розыски, при чемъ откомандировывается чиновникъ, который выясняетъ, имѣются ли нѣтъ подходящія для раскопокъ мѣста; по полученіи же свѣдѣній предпринимателю выдается установленное свидѣтельство за печатью и дозволяется производить раскопки. 7) Если уголь будетъ дѣйствительно найденъ, выдается новое свидѣтельство на его разработку, а чиновникамъ ближайшихъ копей поручается надзоръ за новооткрытыми шахтами и сборъ слѣдующихъ пошлинъ. 8) Старинныя копи съ теченіемъ времени вырабатываются, и угля въ нихъ становится такъ мало, что не хватаетъ даже на уплату собираемыхъ пошлинъ; тѣмъ не менѣе постановлено, чтобы первоначально учрежденная сумма пошлинъ не уменьшалась; въ соответствии сему опредѣлено также и то, что, хотя бы число новыхъ разрабатываемыхъ копей и увеличилось, общая сумма пошлинныхъ денегъ не должна быть возвышаема.

Помимо вышеуказанныхъ обложеній другія статьи доходовъ гусай ямуни остались для меня мало выясненными, что же касается общественныхъ расходовъ и нуждъ, которые обязанъ удовлетворять гусай ямунь, то главнѣйшими и наиболѣе постоянными изъ нихъ являются слѣдующіе:

1) Ежемѣсячно онъ долженъ доставлять по 6 ланъ и 4 цина для покупки кистей, туши и бумаги, потребныхъ въ дѣлопроизводствѣ самаго гусай ямуни, отдѣленійхъ министерства финансовъ и военнаго и въ учрежденіи по производству слѣдственныхъ дѣлъ. Расходъ этотъ производится на основаніи предписанія Ли-фанъ-юаня, послѣдовавшаго въ 3-й лунѣ 13-го года правленія Юнь-чжэна.

2) Въ теченіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ онъ обязанъ выдать 20 слишкомъ ланъ на покупку древеснаго угля для отопленія зданій помянутыхъ учреждений.

3) Ежегодно весной и осенью гусай ямунь расходуетъ свыше 80 ланъ серебра на принесеніе жертвъ въ кумирнѣ Конфуція, которое совершается по церемониалу, преподанному министерствомъ въ 8 лунѣ того же 13-го года правленія Юнь-чжэна.

4) Выше было уже объяснено, что да-цинъ-шань'скія каменно-уголь-

ныя копи обложены ежегодными пошлинами въ 2 милліона чеховъ, и что $\frac{7}{10}$ этой суммы должно быть представляемо въ гусай-ямунь. Деньги эти расходуются здѣсь прежде всего на выдачу вспомошествованія чиновникамъ, получающимъ дальнія командировки, по штату: офицерамъ — 3200 чеховъ и нижнимъ чинамъ — 1600 чеховъ каждому. Засимъ при окончаніи каждаго года изъ этой же суммы взимается 500 тысячъ чеховъ; сумма раздѣляется на отдѣльныя части по тремъ разрядамъ и выдается въ награду отличившимся чиновникамъ штабъ-офицерскаго званія — высшаго разряда, оберъ-офицерамъ — втораго разряда и низшимъ чинамъ — низшаго разряда. Наконецъ, остальные деньги обмѣниваются на серебро и, по нуждѣ, расходуются на исправленіе вооруженія тумѣтскихъ войскъ.

5) 290 ланъ серебра ежегодно отчисляется на покупку пороха, расходуемаго на военныхъ смотрахъ и при обученіи стрѣльбѣ тумѣтскихъ солдатъ, вооруженныхъ ружьями, а равно на производимые при наступленіи каждой ночи выстрѣлы изъ пушки съ крѣпостной хуху-хотѣской стѣны.

6) Изъ разсмотрѣнія старинныхъ, нынѣ имѣющихъ уже исключительно историческое значеніе документовъ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ 26-мъ году правленія Цянь-луна гусай ямунь собиралъ пошлины съ пашень, засѣваемыхъ китайцами въ долинахъ Да-цинъ-шань'скихъ горъ, до 590 ланъ серебра; впоследствии сумма эта изъ года въ годъ сокращалась, и нынѣ съ этихъ земель получается уже не болѣе 370 ланъ. Если къ нимъ приложить еще пошлины съ земель шабинаровъ Ганчжорва-гэгѣна и богдохѣнскихъ гвардейскихъ войскъ, то получится всего 518 ланъ, 5 цинъ, 6 фынъ и 4 ли. Изъ этой суммы прежде всего отчисляется 100 ланъ, расходуемыхъ гусай-ямунемъ на общественныя потребности; засимъ изъ этихъ же денегъ выдается спеціально на провіантъ чиновникамъ, получающимъ дальнія командировки, состоящимъ въ офицерскихъ чинахъ по 4 лана, а нижнимъ чинамъ по 2 лана. Деньги оставшіяся за удовлетвореніемъ такого рода нуждъ, опять таки въ концѣ года раздѣляются на три разряда и раздаются въ награду ревностнѣйшимъ изъ чиновниковъ по вышеописанному порядку.

7) Для принесенія жертвъ въ кумирнѣ, посвященной памяти основателя земледѣлія, отчисляется часть засѣваемого на казенныхъ пашняхъ хлѣба, а также часть денегъ, вырученныхъ отъ продажи этого хлѣба. Отчетъ по этому расходу представляется въ м-во однажды въ 5 лѣтъ, за всѣ истекшіе годы сразу. Разсматривая всѣ вышеозначенныя статьи расходовъ, нельзя не обратить вниманія на сравнительно ничтожество суммы, ассигнуемой тумѣтскимъ управленіемъ на вооруженіе своихъ войскъ. Происходитъ это, какъ оказывается, оттого, что эта статья расходовъ по-

крывается изъ особаго спеціального фонда. Мы видѣли уже, что часть пошлинь, собираемыхъ съ каменноугольныхъ копей, должнаствовала обмѣниваться на серебро и засимъ расходоваться на вооруженіе. Постановленіе объ этомъ относится еще къ 37-му году правленія Цянь-луна. Засимъ въ 19 году правленія Цзя-цина выяснилось, что помянутыя деньги тратились очень бережливо и отъ подобной экономіи въ теченіе истекшихъ 43 лѣтъ образовался цѣлый капиталъ въ 1200 ланъ серебра. Независимо отъ сего, въ 48-мъ г. правленія Цянь-луна, въ ту пору, когда еще такъ живы были воспоминанія о постоянныхъ набѣгахъ Чжунгаровъ, хухѹ-хотдскій цзянь-цзюнь Сунъ-чунъ сдѣлалъ воззваніе ко всѣмъ 60 тумѣтскимъ эскадронамъ, приглашая ихъ къ пожертвованію денегъ на приобрѣтеніе лошадей и верблюдовъ, содержаніе которыхъ обезпечивало бы тумѣтамъ ихъ всегдашнюю готовность къ военнымъ дѣйствіямъ. Тумѣты живо отозвались на этотъ призывъ: они пожертвовали на военныя нужды 1000 лошадей натурою и представили цзянь-цзюню 10,000 ланъ серебра на другія потребности. Деньги эти Сунъ-чунъ употребилъ на покупку 500 верблюдовъ, о чемъ своевременно и доносилъ богдохану. Послѣдовавшіе за Сунъ-чуномъ многочисленныя цзянь-цзюни ¹⁾ не раздѣляли однако этихъ взглядовъ и постоянно твердили богдохану о совершенной бесполезности содержанія этого скота. Въ 60-мъ году Цянь-луна одному изъ нихъ, Юнь-куну, удалось добиться распоряженія уничтожить этотъ скотъ, почему онъ въ томъ же году продалъ всѣ 500 верблюдовъ по причитавшейся за нихъ цѣнѣ 10,000 ланъ, а деньги эти отдалъ содержателямъ хухѹ-хотдскихъ закладныхъ лавокъ и ломбардовъ подъ ежемѣсячный процентъ въ 1 фынъ съ лапа или, что то же, за 12 годовыхъ процентовъ. Проценты эти по четыремъ временамъ года должны были доставляться въ гусай ймунъ и храниться въ казначействѣ онаго. Въ 4-мъ году правленія Цзя-цина, цзянь-цзюнь, бо, Юнь представлялъ всеподданнѣйшій докладъ о томъ, чтобы на сѣверной сторонѣ Дацинь-шань'скихъ горъ, въ урочищахъ Чэкэрэмтѣй и Бургасутай, поста-

1) Цзянь-цзюни въ Хухѹ-хотд, должность коиъ была учреждена только со 2-го года правленія Цянь-луна, всегда мѣнялись здѣсь съ поразительною быстротою. Не желая утомлять читателей перечисленіемъ всѣхъ ихъ по сдѣланному мною списку, я, для доказательства только справедливости своихъ словъ, укажу здѣсь на цзянь цзюней, относящихся къ означенному періоду. Помянутый Сунъ-чунъ былъ назначенъ въ 5-й лунѣ 46-го г. Цянь-луна; въ 5-й лунѣ 49-го года того же царствованія его смѣнилъ Урту-насуны; въ 10-й лунѣ того же года на смѣну Урту-насуна былъ назначенъ Чжи-фу. Этого послѣдняго во 2-й лунѣ 51 года смѣнилъ другой Сунъ-чунъ; во 2-й лунѣ 54 года явился цзянь-цзюнь Синъ-чжао; въ 10-й лунѣ 58 года въ Хухѹ-хотд сидѣлъ цзянь-цзюнемъ уже маньчжуръ Тусанга, а во 2-й лунѣ 60 года на смѣну его былъ присланъ китаецъ Юнь-кунъ, въ свою очередь правившій только 9 мѣсяцевъ и также смѣненный въ 11-й лунѣ 60 года. Въ 14 лѣтъ — 8 цзянь-цзюней!

вить двѣ станціи, на которыя высылать тѣмѣтскихъ чиновниковъ для встрѣчи и охраны приѣзжающихъ въ Хүхү-хотò улясутайскихъ военныхъ людей съ цѣлью покупки хлѣба и чая на нужды Улясутайской крѣпости; затраты же на пищу и другія потребности этихъ высылаемыхъ отнести на помянутые проценты съ капитала, вырученнаго отъ продажи верблюдовъ. Это было единственнымъ расходомъ, который покрывался означенными процентами и не мудрено поэтому, что черезъ 20 лѣтъ изъ этихъ процентовъ составился новый капиталъ въ 10,000 ланъ. Въ 19 году того же цзя-цинова правленія новый хүхү-хотòскій цзянь-цзюнь, Го-фунга, просилъ высочайшаго соизволенія опредѣлить на содержаніе двухъ помянутыхъ станцій проценты только съ 2 тысячъ ланъ, такъ какъ такая сумма была вполне достаточна, остальные же 8000 ланъ, присоединивъ къ 12 тысячамъ ланъ, предназначеннымъ для пополненія и исправленія тѣмѣтскаго вооруженія, отдать подъ проценты по расчету 1 фына на лану въ мѣсяцъ. Проценты эти поначалу предполагалось цѣликомъ расходовать на вооруженіе тѣмѣтовъ; но съ 1850-хъ годовъ часть ихъ отчисляется еще на содержаніе 4-хъ чиновниковъ и 60 солдатъ, состоящихъ при уголовномъ отдѣленіи гусай ямуни и имѣющихъ своимъ прямымъ назначеніемъ розыскивать и сторожить привлекаемыхъ къ уголовной отвѣтственности преступниковъ.

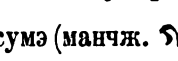
Послѣдними статьями расходовъ въ исполнительной вѣдомости гусай ямуни выставляются всегда расходы на дѣла благотворительности и религіозныя. Въ первой изъ этихъ статей отмѣчается выдача денегъ вдовамъ и сиротамъ, которая начала производиться у тѣмѣтовъ съ 37-го года правленія Цянь-луна. Въ ту пору было опредѣлено, чтобы изъ казенныхъ земель выдѣлить 193 дэляхэ и 42 ямари и передать ихъ тѣмѣтской общинѣ для сдачи въ частную аренду, а получаемыя отъ сего арендныя деньги, въ размѣрѣ не менѣе 301 лапы серебра, раздавать бѣднымъ и одинокимъ вдовамъ и сиротамъ, причисляющимся ко всѣмъ 60 тѣмѣтскимъ эскадронамъ. Нынѣ денегъ этихъ, говорятъ, собирается значительно больше, хотя ими все же далеко не удовлетворяется вся тѣмѣтская бѣднота, особливо въ голодные годы.

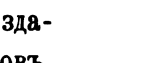
Что касается религіозныхъ потребностей, то въ этомъ отношеніи гусай ямунь совершенно игнорируетъ положеніе собственныхъ тѣмѣтскихъ монастырей и простираетъ свои заботы лишь на богдоханскія учрежденія, каковыми являются прежде всего долбнь-нүрскія богдоханскія кумирни.

Къ участию въ содержаніи этихъ кумирень тѣмѣты были привлечены лишь со вступленіемъ на престолъ Цянь-луна, когда Ли-фань-юань затребовавъ отъ тѣмѣтскихъ сумуновъ высылки 4-хъ ламъ въ долбнь-нүрскій

Шарà-сүмэ. Съ тѣхъ поръ тѹмэтскіе ламы въ означенномъ числѣ постоянно проживаютъ въ Долбнъ-нүрѣ. Когда какой либо изъ этихъ ламъ умираетъ, или вообще освобождается его вакансія, главный долбнъ-нүрскій цзасакъ-ламà посылаетъ къ хухү-хотòскому главному цзасакъ-ламѣ требованіе выслать новое лицо, которое и выбирается изъ состава всего тѹмэтскаго духовенства. На содержаніе этихъ 4-хъ ламъ гусай ямунь ежегодно ассигнуетъ 192 ланы, за полученіемъ которыхъ въ Хухү-хотò осенью каждаго года прїѣзжаетъ изъ Долбнъ-нүра тамошній нирбà. Получивъ деньги отъ гусай-ямуна, онъ возвращается домой, при чемъ для охраны его всегда откомандировывается четыре латника.

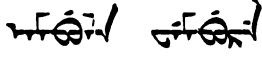
Что касается собственныхъ тѹмэтскихъ монастырей, то, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, тѹмэты почитаютъ принадлежащими имъ помимо исчисленныхъ уже хухү-хотòскихъ кумирень еще нижеслѣдующія обители:

1) Үрүшіянь абуракчи сумэ (манчж.) — монастырь, находящійся среди гòби, въ урочищѣ Толй-булакъ, близъ почтовой станціи Толй, алтайскаго тракта. Онъ былъ построенъ въ 10 году правленія Юнь-чжэна (1733 г.) и до настоящаго времени представляетъ собою одно подворье. Большая кумирня его величиною въ 3 цзяня; по восточной и западной сторонамъ расположены боковыя зданія для служенія ламскихъ хураловъ, величиною по 20 цзяней; на сѣверной сторонѣ — зданіе, отведенное подъ квартиры дā-ламь и состоящихъ при немъ учениковъ, въ 5 цзяней. Большія монастырскія ворота — въ 3 цзяня а по обѣимъ сторонамъ ихъ по одной калиткѣ. На содержаніе этого монастыря въ 7 лунѣ 20 года правленія Цянь-луна опредѣлено было выдавать: 1) на покупку благовоній, курительныхъ свѣчей, жертвенныхъ припасовъ и фруктовъ 47 ланъ серебра въ годъ; 2) одному дā ламѣ, откомандировываемому изъ тѹмэтскихъ знаменъ, столовыхъ ежемѣсячно по 10 ланъ; 3) 6-ти состоящимъ при немъ ученикамъ столовыхъ также ежемѣсячно по 5 цинновъ; 4) 20-ти ламамъ, отправляющимъ хуралы, отпускается всего 300 ланъ серебра, съ расчетомъ выдачи по 1 лану въ мѣсяць; 5) и еще 27 ламамъ въ пищу ежегодно 79 кулей рису. Если въ году случится прибавочная луна, то на содержаніе всего монастыря отпускается прибавочныхъ всего 25 ланъ серебра и 6 кулей рису.

2) Насудà асаралтү сумэ (маньчж.) — монастырь, находящійся къ западу отъ Хухү-хотò, на южной сторонѣ горъ, въ разстояніи 60 ли отъ города. Онъ былъ начатъ постройкою въ года правленія Шунь-чжи, Цаганъ-дайнчи хутүхтою, который, воздвигши главную кумирню, представилъ уже Канси всеподданнѣйшій докладъ, съ

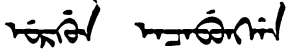
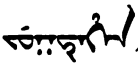
просьбою къ богдохану принять монастырь подь свое покровительство. Канси тогда же пожаловалъ монастырю его почетное имя, которое и начертывается надъ монастырскими воротами и жертвенникомъ. Этотъ Цаганъ-дайнчи хутухтү былъ первымъ настоятелемъ монастыря. Умеръ онъ въ 12-й лунѣ 23-го года правленія Цзя-цина и нынѣ монастырь управляется дѣ ламою.

3) Буяни мандагүлүхчи сүмэ (маньчж.). Монастырь находится къ СВ отъ Хүхү-хотò, въ горной пади Окитъ, раскинувшись по южному склону горы, приблизительно въ 60 ли отъ города. Основаніе его было положено въ года правленія Шунь-чжи Эрдэни дайнчи хутухтү, а въ 52 году царствованія Канси былъ представленъ всеподданиѣйшій докладъ, по которому богдоханъ и пожаловалъ монастырю его почетное имя. Настоятелемъ монастыря почитался собственно Эрдэни-дайнчи хутухтү, хотя для дѣйствительнаго веденія монастырскихъ дѣлъ былъ назначенъ особый дѣ-ламѣ. Необходимо предположить, что въ ту пору монастырь этотъ развивался довольно быстро, имѣя у себя даже приписныя кумирни съ особыми настоятелями; по крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что въ 11 лунѣ 23 г. правленія Цзя-цина, по опредѣленію Ли-фаньюаня, былъ уволенъ отъ должности второго цзасакъ-дѣ-ламы Ширѣтү-цорчи, завѣдывавшій второю приписною кумирнею. Въ 18 г. правленія Дао-гуана монастырь этотъ сгорѣлъ и съ той поры не могъ уже подняться на высоту своего прежняго благосостоянія.

4) Бухүни номогатхачи сүмэ (маньчж.). Монастырь этотъ находится въ 20 ли къ западу отъ вышеописаннаго монастыря «Насудѣ асаралтү сүмэ» и располагается нынѣ въ горахъ, у истоковъ рѣчки, стекающей со скалистыхъ вершинъ, именуемыхъ Дунгү-хадѣ. Объ основаніи этого монастыря хранится много преданій. Разказываютъ, что еще въ года правленія богдохана минской династїи Вань-ли, когда түмэты начали оказывать предпочтеніе ламаизму, въ Хүхү-хотò, неизвѣстно откуда, прибылъ знаменитый отшельникъ, Цаганъ-ламѣ Раши-чжамцò. Ушедши засамъ въ горы, отстоящія приблизительно въ 80 ли къ западу отъ города, онъ поселился для подвижнической жизни близъ скалы Дунгү-хадѣ и здѣсь проводилъ время, постоянно читая нòмы, изучая правила буддизма и ревнуя о совершенствованіи своего духа. Молясь о благѣ одушевленныхъ существъ, онъ всю свою жизнь провелъ въ созерцаніяхъ, имѣя руки сложенными въ молитвенномъ положеніи. Онъ скончался въ годъ красноватаго зайца, т. е., вѣроятно, въ 1627 г. Въ томъ

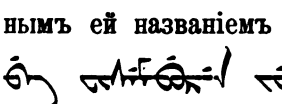
же году Тобб-дайнчи ламà Принлай чжамцò принялъ на себя, взамѣнъ Цагàнъ-ламы Рашь-чжамцò, руководство учениковъ его и построилъ кумирню въ 5 цзяней въ долинѣ Дунгү-шарà хада, у горы Бообай бада-раху, при истокахъ рѣчки Усутү-гблъ, а самъ, ради испрошенія блага для ламъ, хуварàковъ и всѣхъ одушевленныхъ существъ, замуровалъ себя въ скалу Дунгү и въ этомъ положеніи прожилъ семь лѣтъ, претерпѣвая свой трудный подвигъ и усвоивъ себѣ законъ и ученіе будды. Онъ скончался въ 12 г. правленія Шунь-чжи (1655 г.), проведя въ созерцаніяхъ всего около 30 лѣтъ. Такъ какъ главнѣйшіе ученики его, Цагàнъ-дайнчи, Чахарь-дайнчи и Эрдэни-дайнчи, вскорѣ же послѣ кончины своего учителя, Цагàнъ-ламы, обосновали каждый свою особую обитель, то оставшійся старѣйшимъ въ Дунгүскомъ монастырѣ гэлүнъ Чой-чжабъ принялъ управленіе монастыремъ вмѣсто Дайнчи ламы. Въ 15 г. правленія Шунь-чжи (1658 г.) онъ окончилъ постройкою большой дуганъ въ девять цзяней у подножія той же горы Дунгү и командировалъ посольство къ Банчэнь-эрдэни съ просьбою пожаловать монастырю особое почетное имя. Тибетскій іерархъ назвалъ монастырь «храмомъ, распространяющимъ спокойствіе» (འཇིགས་མེད་ཀྱི་སྐྱེད་ལུགས་ཀྱི་མཚན་ལྷན་པོ།). Послѣ сего Чой-чжабъ дайнчи ламà, съ молитвами о благѣ хуварàковъ и всѣхъ одушевленныхъ существъ просидѣлъ въ созерцаніяхъ около 30 лѣтъ и скончался въ 23 году правленія Канси (1684). Въ слѣдующемъ 24-мъ году возродился хубилгàнъ этого ламы, именованшійся Навàнъ-чоймпилъ, который возведенъ былъ на монастырскую кафедру въ 33 году Канси. Два года спустя (т. е. въ 1696 г.), Навàнъ-чоймпилъ представилъ въ даръ богдохàну пять хадаковъ, одинъ кумиръ будды да четыре лошади и Канси по сему случаю выразилъ ему свое благоволеніе. Въ 59 г. Канси были изъ государственнаго казначейства отпущены особыя средства на обновленіе этого монастыря; онъ былъ перенесенъ на другое мѣсто, нѣсколько ниже истока рѣчки, и всѣ кумирни его были отдѣланы заново. Когда во 2-мъ году правленія Юнь-чжэна объ этомъ было доведено до высочайшаго свѣдѣнія, то богдохàнъ утвердилъ для монастыря штатъ въ 40 ламъ, а для управленія ими учредилъ особую должность дā-ламы; что же касается хубилгàна, то онъ остался имѣющимъ уже не административное, а только религіозное значеніе. Во 2-мъ г. правленія Цянь-луна (1737) Навàнъ-чоймпилъ скончался; хубилгàнъ его возродился только черезъ два года, и въ 11 г. Цянь-луна его возвели на кафедру. Въ 44 г. того же правленія ламы предприняли новыя поправки въ монастырѣ и, окончивъ ихъ, довели о томъ черезъ посредство Ли-фань-юаня до свѣдѣнія богдохàна, прося его пожаловать почетный титулъ для кумирни. Соизволя на такое ходатайство, Цянь-лунъ

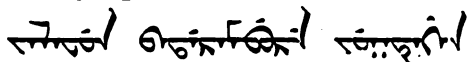
утвердилъ за кумирнею ея настоящее имя «Бүхуні номогатхахчй сүмэ» и увеличилъ числившійся при ней штатъ ламъ прибавкою двухъ гэскуевъ, двухъ дэ-дэмчй и 20 штатныхъ хуваракъ. Съ тѣхъ поръ положеніе этого монастыря остается не измѣненнымъ до настоящаго времени: управляется монастырь дэ-ламоу, высшимъ же духовнымъ лицомъ почитается въ немъ хубилганъ Чой-чжабъ дайнчи хутухты.

5) Монастырь, извѣстный въ просторѣчій «Чахаръ ламà чжү». Онъ располагается на южной сторонѣ горъ, находящихся къ СЗ отъ Хухү-хотò, въ разстояніи приблизительно 20 ли отъ города. О первоначальномъ построеніи этого монастыря разказываютъ, что встарину, еще въ періодъ мирной жизни чахаровъ, къ западнымъ хухү-хотòскимъ горамъ прибылъ отшельникъ, котораго всѣ прозвали Чахаръ-дайнчи хутухту, хотя каждому было извѣстно собственное имя его, О-ми, равно какъ и то, что онъ принадлежалъ къ фамиліи Цанба. Въ теченіе долгихъ лѣтъ проводилъ онъ свою жизнь въ созерцаніяхъ и, наконецъ, въ 34 году правленія минскаго богдохана Вань-ли (ок. 1607-го г.) построилъ кумирню на южной сторонѣ горы Нарасутай, при источникѣ Барунъ-усуту. Впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ, кумирня эта обветшала, а потому въ 47 году правленія Цянь-луна ее возобновили и чрезъ посредство цзасакъ-дэ-ламы, управляющаго всѣми хухү-хотòскими ламами, представили о томъ всеподданнѣйшій докладъ богдохану. Цянь-лунъ пожаловалъ тогда этой кумирнѣ официальное имя «Баясхуланъ-барилдугà сүмэ» (маньж. , ,), назначилъ для управленія особаго дэ ламу, религіознымъ же главою монастыря долженъ былъ оставаться хубилганъ Чахаръ-дайнчи хутухты. Впрочемъ нѣкоторые изъ этихъ хубилгановъ отправляли и административныя должности; такъ, напримѣръ, въ 23-мъ г. правленія Цянь-цина хубилганъ Чахаръ-дайнчи хутухты былъ назначенъ вторымъ цзасакъ дэ ламоу хухү-хотòскихъ монастырей, отъ каковой должности онъ былъ уволенъ по болѣзни уже при Дао-гуанѣ.

6) Монастырь, извѣстный въ просторѣчій подъ именемъ «Барунъ усуту сүмэ», представляетъ собою какъ бы отдѣленіе вышеописанной обители. Манрамба-цорчжй Лобсанъ-ванчжалъ изъ числа братіи монастыря Чахаръ-ламà чжү построилъ себѣ на той же рѣчкѣ Усуту и также въ разстояніи 20 ли отъ Хухү-хотò, только нѣсколько къ СВ отъ Чахаръ-ламà чжү, особую кумирню и чрезъ посредство хухү-хотòскаго цзасакъ дэ ламы довелъ объ этой постройкѣ до свѣдѣнія Ли-фань-юаня, а послѣдній сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ о томъ богдохану. Тогда Цянь-лунъ въ 50-мъ году своего правленія пожаловалъ новооснованному монастырю почетное

имя «Шачжинъ баясхулантү сүмэ» (манчж.); управлять же этимъ монастыремъ до нынѣ предоставляется, по старому, хубилганамъ Манрамба-цорчжй.

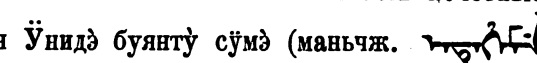
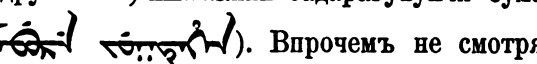
7) Другой изъ учениковъ того же монастыря, Чахаръ лама чжү, гэлүнъ Баясхуланъ, въ 35 году правленія Канси построилъ кумирню въ поселкѣ Лйсу, и кумирня эта извѣстна теперь подъ высочайше пожалованымъ ей названіемъ «Буяни дэлыгэрэгүлхчи сүмэ» (маньчж.); но когда и какимъ образомъ было пожаловано ей это имя, о томъ не сохранилось, повидимому, никакихъ свѣдѣній. Мѣстонахожденіе кумирни полагается въ 130 ли къ ЮЗ отъ Хухү-хотò, и въ ней доселѣ еще имѣютъ свою резиденцію хубилганы Баясхуланъ-гэлүна.

8) Въ тѣхъ же горахъ къ СЗ отъ города, въ долині р. Усутү-шарà, на южной сторонѣ горъ и въ разстояніи не болѣе 25 ли отъ города, находится еще монастырь, именуемый въ просторѣчии «Усутү сүмэ». Въ года правленія Канси лама Аванъ-дампйль, состоявшій въ должности цорчжй при хухү-хотòскомъ монастырѣ Ширѣтү-чжү и потому болѣе извѣстный подъ названіемъ Чинъ-цорчжи ламà, нѣсколько разъ и съ большимъ успѣхомъ исполнялъ возлагавшіяся на него богдоханомъ порученія и командировки въ разныя стороны. Въ награду за эти труды богдоханъ пожаловалъ Аванъ-дампйлу деньги, а послѣдній въ 1690 г. построилъ на нихъ особую кумирню. Когда объ этомъ доведено было до свѣдѣнія богдохана, Канси пожаловалъ кумирнѣ почетное названіе «Ульцэйги бадарагүлхчи сүмэ» (маньчж.). Впослѣдствіи, такъ какъ хубилгановъ Цорчжй ламбы не обнаружилось, а ламъ въ Усутү сүмэ всегда проживало мало, то монастырь этотъ причислили къ хухү-хотòскому Ширѣтү чжү, къ которому, какъ сказано, принадлежалъ по происхожденію и строитель монастыря Аванъ-дампйль.

9) Въ связи съ тѣмъ же монастыремъ Ширѣтү-чжү находится еще монастырь, извѣстный въ просторѣчии подъ именемъ «Цаганъ-хадайнъ чжү». Мнѣ не удалось опредѣлить въ точности, было ли то въ года правленія Канси, или уже при Юнь-чжэнѣ, но дѣло въ томъ, что хухү-хотòскій Ширѣтү хутухтү, въ видахъ большого числа своихъ шабинаровъ и для удобства ихъ, опредѣлилъ, помимо своей хухү-хотòской кумирни, построить еще другую, для чего избралъ мѣсто въ горахъ, прямо на сѣверъ отъ Хухү-хотò, въ урочищѣ Уланъ-цабъ. Когда кумирня была отстроена, богдоханъ пожаловалъ ей почетное имя: «Эгүритэ энкэ болгахчи сүмэ»

въ 36 году правленія Канси довелъ объ этомъ до свѣдѣнія богдохана. Канси пожаловалъ тогда этому монастырю почетное имя «Сайни эрхилэхчй сүмэ» (маньчж.). До монастыря этого считаютъ отъ Хухү-хотò болѣе 100 ли, въ направленіи къ сѣверо-востоку ¹⁾.

13) Другой монастырь, построенный, какъ говорятъ хухү-хотòсцы, «иноземнымъ» хутухтòю, есть такъ называемый «Дугуйнь сүмэ». Мѣсто-нахожденіе его указываютъ къ ЮЗ отъ Хухү-хотò и прямо на ЮВ отъ Токтò хотò. Основаніе его приписывается Чжанчжэ хутухтѣ, которому Дугуйнь сүмэ подчиняется и до сего времени, хотя въ стѣнахъ его проживаетъ еще и свой особый хубилганъ.

Подобнымъ же образомъ верстахъ въ 50 къ сѣверо-западу отъ Хухү-хотò основалъ для себя даже два монастыря хубилганъ Ганчжорвэ мэргэнъ номунъ хана. Оба эти монастыря находятся въ долинѣ массива Арү-байшинъ и имѣютъ у себя высочайше пожалованные имъ почетные титулы. Одинъ 14) называется Ёнидэ буянту сүмэ (маньчж. а другой 15) Шачжэни бадарагүлухчи сүмэ (маньчж.). Впрочемъ не смотря на эту обособленность, оба монастыря управляются однимъ дѣ ламою, хубилганъ же Ганчжорвэ номунъ хана проживаетъ, говорятъ, то въ томъ, то въ другомъ монастырѣ, по своему желанію.

Древнѣйшими изъ ламайскихъ монастырей Хухү-хотò'скаго округа почитаются:

16) Монастырь, отстоящій отъ Хухү-хотò въ разстояніи 200 слиш-комъ ли по направленію на западъ и называемый Майдарійнь сүмэ. На камнѣ въ главныхъ воротахъ его, говорятъ, изсѣчена старинная китайская надпись такого содержанія:

«Въ годъ красноватой. . . . (чего?) великой Минской династіи Мач-

1) Записываю это преданіе въ той формѣ, какъ мнѣ разказывали его всѣ хухү-хотòсцы, хотя и недоумѣваю въ данномъ случаѣ относительно личности Цзая-пандиты. Исторически извѣстно, что знаменитый Цзая-пандита хутухтү, верховный лама чжунгаровъ и изобрѣтатель калмыцкой письменности, скончался 20 числа средней осенней луны года барса (1662 г.), т. е. именно въ первомъ году правленія Канси. Въ началѣ этого года Цзая-пандита былъ въ Чжунгаріи; въ 1-мъ лѣтнемъ мѣсяцѣ отправился въ Тибетъ, по дорогѣ на Юдусъ; въ пустыняхъ р. Тарима онъ былъ разбитъ параличемъ и, проболевъ съ мѣсяцъ, умеръ. Очевидно, что этотъ Цзая-пандита представлялся богдохану въ первомъ году правленія Канси совершенно не могъ. Послѣдующій хубилганъ его жилъ сначала въ Тибетѣ, а отсюда переселился въ Халху (см. Т. I стр. 412). Все это даетъ поводъ къ заключенію, что если разказываемое хухү-хотòсцами преданіе имѣетъ въ своемъ основаніи дѣйствительные факты, то несомнѣнно, что въ Монголіи имѣется два различныхъ Цзая-пандиты. Разъясненіе этого вопроса принадлежитъ уже будущимъ изслѣдователямъ.

жинь, супруга Дайчинъ-тайчжя, внука Шунь-и-ван'ова, положила основаніе кумирнѣ Майдари и наименовала ее Линъ-чжу-сьд.

17) Другой, какъ полагають, не менѣе древній монастырь находится, въ селеніи Хуцзэй, находящемся въ горахъ къ западу отъ Хухү-хотò. Собственное, высочайше пожалованное имя этого монастыря «Буянй илэтхэхчй сүмэ (маньчж.); но въ какомъ году и кѣмъ именно построенъ этотъ монастырь, а равно при какихъ обстоятельствахъ испрошено ему высочайшее пожалованіе почетнаго титула, объ этомъ не сохранилось уже ровно никакихъ свѣдѣній ни въ письменности, ни въ преданіяхъ.

Всѣхъ монастырей въ хухү-хотòскомъ округѣ и на земляхъ хухү-хотòскихъ тумэтовъ считается почему то 28, хотя у меня оказалось записанными ихъ болѣе 30, между тѣмъ хухү-хотòскіе ламы не ограничивають своихъ монастырей однимъ хухү-хотòскимъ округомъ. Стремясь придать своей области значеніе разсадника ламаизма во всей окрестной странѣ, они, напримѣръ, причисляють еще къ числу своихъ обителей:

а) Монастырь, извѣстный подъ именемъ Дайгайнъ чжү. О происхожденіи этого монастыря разказываютъ, что въ 38 году правленія Цянь-луна Янцарчжйинъ-хубилганъ, проживающій, какъ мы уже видѣли, въ хухү-хотòской кумирнѣ «Табунъ субурганай чжү», поставилъ свой монастырь въ урочищѣ Дайга, находящемся въ чахарскихъ кочевьяхъ, къ востоку отъ Хухү-хотò, на разстояніи приблизительно 200 ли отъ города. О монастырѣ этомъ было доводимо до высочайшаго свѣдѣнія, и потому онъ носить все милостивѣйше пожалованное ему Цянь луномъ почетное имя «Хутала чжиргалантү сүмэ» (маньчж. .

Подобнымъ же образомъ хухү-хотòсцы причисляють къ себѣ монастырь, находящійся въ хошүнѣ урэтскаго восточнаго гуна и располагающійся въ долинѣ Удэ. Обитель эта въ просторѣчій носитъ названіе «Чжибулантү чжү», хотя у нея есть и особое, пожалованное ей богдоханомъ имя «Агой йэхэ онолтү сүмэ» (маньчж.). Въ монастырѣ этомъ имѣетъ свое мѣстопребываніе Дуйнгэръ пандита хутухтү. Отстоя отъ Хухү-хотò болѣе чѣмъ на 300 ли, Чжибулантү чжү совершенно чуждъ какой либо духовной зависимости отъ хухү-хотòскихъ монастырей и хубилгановъ и единственное основаніе причислять его къ Хухү-хотò состоитъ, кажется, въ томъ, что представленія изъ этого монастыря въ Пекинъ, въ силу особаго указа богдохана, должны совершаться черезъ посредство хухү-хотòскаго цзянь-цзюня.

18 Марта. Четвергъ.

6 ч. —5°; 9 ч. +9°; 12 ч. +15°; 3 ч. +13°; 6 ч. +7°;
9 ч. +2°.

Выѣхали въ 7 ч. 10 м. и, поднявшись на уваль, отдѣляющій поселокъ Цаганъ булунъ отъ деревни У-ли-па, не доѣзжая этой послѣдней, повернули влѣво отъ нашей старой дороги, чтобы продолжать дальнѣйшее движеніе до Калгана по сѣверному Гуй-хуа-чэно-Чжанъ-цзя-коу'скому тракту. Путь этотъ, какъ я замѣчалъ уже выше, самый обычный для торговыхъ каравановъ, движущихся между двумя помянутыми городами. Въ 7 ч. 45 м., саженьяхъ въ 150 отъ этого раздѣленія путей, мы повстрѣчали деревню Эр-дѣ-ва, что значитъ «второй перевалъ», хотя перевала здѣсь никакого нѣтъ и дорога проходить по совершенно ровному пространству, сплошь разработанному подъ пашни. На вопросъ мой, какимъ образомъ деревня носить такое, несоотвѣтствующее своему положенію названіе, мои извозчики отвѣчали мнѣ, что здѣшнее переселенческое населеніе любитъ давать своему новому мѣстожительству названія тѣхъ деревень, изъ которыхъ пришлось ему переселиться и, весьма вѣроятно, что мѣстные земледѣльцы переселились изъ какой нибудь Эр-дѣ-ва. Путь нашъ лежалъ теперь вдоль той долины, въ которую 8 Марта мы спустились, переваливъ Шанхайнъ дабѣ. Долина эта ограничивается на сѣверѣ горами, за которыми проходитъ еще одинъ, самый сѣверный, караванный трактъ между Хуху-хотѣ и Калганомъ. Онъ, говорятъ, представляетъ еще больше удобствъ, чѣмъ тотъ, по которому мы ѣхали, потому что ровнѣе и обильнѣе травой; но, какъ черезъ чуръ уже кружной, избирается рѣдко, развѣ только въ томъ случаѣ, когда на настоящемъ трактѣ бываютъ совершенно вытравлены кормы. Объ этомъ самомъ сѣверномъ трактѣ мнѣ разказывали, что онъ проходитъ черезъ урочище Дѣбсѣнъ гѣль, орошаемое рѣкою, текущею на сѣверъ и отличающеюся необыкновенно чистою водою. Кромѣ этой рѣчки здѣсь есть еще много ключей, текущихъ изъ прилежащихъ горъ. По преданію, урочище Дѣбсѣнъ было любимымъ мѣстомъ Угэдэй хана, который часто прѣзжалъ сюда, чтобы отдохнуть отъ лѣтнихъ жаровъ. Что касается долины, по которой мы ѣхали отъ поселка Эр-дѣ-ва, то она на всемъ своемъ протяженіи постоянно сохраняетъ ширину до 2-хъ верстъ и составляетъ собственно земли чахарскаго краснаго съ каймою знамени, хотя въ западной своей части всецѣло занята теперь китайскими пашнями и поселками. Постояннаго какого либо источника водъ долина эта не имѣетъ и орошается лишь въ періодъ дождей водами, стекающими съ прилежащихъ горъ. Ручьи сказанныхъ водъ образовали себѣ не мало руслъ въ болѣе или менѣе значительномъ разстояніи одно отъ другого и, судя по глубинѣ ихъ впадинъ и

обилію на днѣ ихъ пороговъ, надо полагать, что при разливахъ вода стремится здѣсь съ необыкновенною силою въ направленіи къ сѣверо-востоку. Въ 8 ч. 45 м. мы миновали группу домовъ, въ числѣ 10, образовавшую поселокъ Цзюнь-лунъ-ванъ. Это былъ первый и послѣдній поселокъ въ этой долинѣ по нашей дорогѣ, ибо китайцы живутъ здѣсь больше отдѣльными фанзами. За Цзюнь-лунъ-ванъ пашни прекращаются и долина образуетъ собою необработанную степь, по которой пасутся уже чахарскія стада быковъ и барановъ. Въ 9 ч. 25 м. она уклонилась на сѣверъ, мы же, продолжая путь къ востоку, должны были сдѣлать перевалъ черезъ пологій и невысокій отрогъ Инъ-шан'я. За переваломъ послѣдовала новая долина, которую мы также пересѣкли поперекъ и засимъ—второй перевалъ черезъ инъ-шаньскій отрогъ. Отъ этого перевала началась долина Куэнтү, распаянная только незначительными клочками. Она тянулась вплоть до деревни Куэнтү, въ которую мы пріѣхали въ 11 ч. 50 м. и въ которой имѣли свой полдникъ. Деревня Куэнтү составляется изъ 4-хъ чахарскихъ байшиновъ и одного китайскаго, содержащаго гостинницу, въ которой мы останавливались. Мѣстные чахары принадлежатъ тому же хошуну Хуботу-уланъ и занимаются земледѣіемъ, вовсе не имѣя скотоводства. Оставивъ Куэнтү въ 1 ч. 20 м., мы черезъ 10 мин. начали подъемъ на незначительный уваль Адагыйнъ голыннъ хутүль, отдѣляющій долину Куэнтү отъ равнины Утугай. Послѣдняя имѣла характеръ уже чисто монгольской степи, въ частности изобилующей отдѣльными бугорками и пригорками, но въ общемъ представляющей собою громадную равнину; мѣстами на ней паслись стада быковъ, но другихъ видовъ скота мы не встрѣчали вовсе. Равнину Утугай мы проѣхали въ 3 ч. 10 мин. За нею начался рядъ невысокихъ уваловъ, пробираясь между которыми, мы спустились въ долину р. Могойту. Рѣчка эта, текущая на сѣверъ, при нашей переправѣ черезъ нее вбродъ оказалась около полуаршина глубиною и въ ширину не свыше $1\frac{1}{2}$ сажени. На берегу ея мы повстрѣчали обозъ на быкахъ, всего въ 120 телѣгъ нагруженныхъ овечью шерстью для перевоза оной изъ Бау-тоу въ Чжанъ цзя-коу. Принимая въ расчетъ телѣжный вьюкъ приблизительно во 150 гиновъ, получимъ всего перевозимыми 18,000 гиновъ шерсти. Отсюда переваливъ черезъ Тологойту хутүль, мы въ 4 часа вступили въ неширокую долину Халагайту, по которой проходитъ восточная граница знамени Хуботу уланъ и западная — гули уланъ. Черезъ 20 мин. отсюда послѣдовала долина Шабартай, а еще черезъ полчаса, за новымъ уваломъ долина Кундуй, при вступленіи въ которую мы повстрѣчали одинъ чахарскій айль съ байшиномъ и юртою, давно уже невидѣнною нами. Въ восточной своей части долина Кундуй называется Байнъ булукъ, каковое названіе она пере-

даетъ и послѣдующему за нею перевалу, увѣнчанному колоссальнымъ обб. Означенными мѣстами мы ѣхали до 6 ч. 20 м. не встрѣтивъ здѣсь ни лица, ни даже живого существа. Съ перевала Байнъ-булукъ мы спустились въ узкую долину Хулусутай, гдѣ остановились для ночлега въ чахарскомъ айлѣ въ 7 ч. 30 м. вечера. Здѣшніе чахары живутъ въ байшинахъ, но имѣютъ и юрты; хлѣбопашествомъ не занимаются за неурожаями, а живутъ или скотоводствомъ, или какими либо промыслами. Последнее представляется для нихъ тѣмъ удобнѣе, что все же они являются людьми до нѣкоторой степени обеспеченными, получая содержаніе отъ правительства, что называется съ колыбели. Хозяевами нашей квартиры были одинъ чахаръ 48 лѣтъ, сынъ его 23 лѣтъ и внукъ 2-хъ лѣтъ; всѣ они числились солдатами и получали по 24 ланы годового содержанія. Въ помощь къ этому собственно здѣшніе придорожные чахары занимаются содержаніемъ гостинницъ, но не ухаживаютъ и не готовятъ стола для проезжающихъ сами, а нанимаютъ съ этою цѣлью слугъ и поваровъ изъ китайцевъ.

19 Марта. Пятница.

6 ч. $+0$; 9 ч. $+4^{\circ}$; 12 ч. $+14\frac{1}{2}^{\circ}$; 3 ч. $+14^{\circ}$; 6 ч. $+7^{\circ}$;
9 ч. $+2^{\circ}$.

Утро пасмурное; небо заволочено тучами, сквозь которыя совершенно не пробивается свѣтъ солнца. Выѣхали въ 7 ч. 30 м. и, поднявшись на невысокій пригорокъ Хулусутайнъ обб, спустились съ него въ громадную долину, тянущуюся съ запада на востокъ. Въ 8 ч. 55 м. переѣхали сухое русло рѣчуски Сучжійнъ голь, къ востоку отъ котораго начинаются кочевья чахарскаго хошўна гули шаръ и отсюда же самая долина получаетъ названіе Сучжійнъ талъ. На берегу Сучжійнъ гольа мы догнали ламу изъ хошўна Дурбѣнъ хўхэтъ, который вмѣстѣ съ своею женою, или лучше сожительницею, шелъ пѣшкомъ въ Пекинъ, на поклоненіе Цзанданъ-цзў. Такъ какъ я въ дорогѣ также большею частію всегда шелъ пѣшкомъ, то мнѣ удобно было поговорить съ ламою и онъ сообщилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о своемъ хошўнѣ.

Обитатели хошўна Дурбѣнъ-хўхэтъ въ просторѣчїи называютъ себя просто дурбѣтами. Хошўнъ ихъ составляется изъ 20 сумўновъ, или военныхъ эскадроновъ, которые, впрочемъ, по числу входящихъ въ составъ ихъ латниковъ, далеко не полны и нормальной цифры 150 человекъ не хватаетъ рѣшительно ни въ одномъ сумўнѣ: въ нѣкоторыхъ число латниковъ и семей не доходитъ и до 100 и въ весьма не многихъ превышаетъ 120—130 дворовъ. Такимъ образомъ общее число военнослужащихъ Дурбѣнъ хўхетовъ нужно положить въ 2,000 юртъ, или нѣсколько болѣе.

Къ этому нужно будетъ прибавить еще дворовыхъ (хамчжилга) людей тайчжievъ и шабинаровъ хутухт. Всѣхъ монастырей въ хошунѣ Дурбэнъ хухатъ имѣется до 30, главныхъ же гэгэновъ считается два: Гурундава гэгэнъ и Шарà-мурэнгйнъ гэгэнъ. Гурундава гэгэнъ имѣетъ за собою въ настоящее время уже 32 перерожденія, изъ коихъ въ хошунѣ Дурбэнъ хухатъ умерло 12, о чемъ можно судить по субурганамъ, находящимся въ его монастырѣ. Считааясь, по числу своихъ перерожденій, однимъ изъ старѣйшихъ гэгэновъ Монголіи, Гурундава гэгэнъ пользуется соотвѣтственнымъ уваженіемъ въ духовномъ мірѣ. Года три тому назадъ его приглашалъ къ себѣ для отправленія хураловъ Ламыинъ-гэгэнъ халхаскій и въ ту пору Гурундава прожилъ у него около мѣсяца, возвратившись съ богатою добычей. Это послѣднее обстоятельство побуждаетъ Гурундаву въ настоящемъ году предпринять новую поѣздку въ Халху тѣмъ болѣе, что въ монастырѣ его много новыхъ начинаній, а средствъ нѣтъ почти никакихъ. Въ этомъ отношеніи Шарà-мурэнгйнъ гэгэнъ стоитъ уже несравненно выше Гурундавы и если послѣдній высокъ въ духовномъ значеніи, то первый превосходитъ его своими богатствами. Въ оффиціальномъ мірѣ оба гэгэна стоятъ совершенно одинаково: тотъ и другой изъ нихъ извѣстны богдоханскому правительству и получаютъ отъ Ли-фанъ юаня печати для управленія шабинарами. Число таковыхъ у Гурундавы гэгэна восходитъ до 800 душъ, а у Шарà-мурэнгйнъ гэгэна до 2,000 душъ. Верховное управленіе хошуна сосредоточивается, конечно, у родоваго цзасака, имѣющаго наслѣдственное достоинство цзюнь-вана, засимъ въ видѣ помощниковъ его являются два хошунныхъ тусалакчи; одинъ амбанъ, подъ которымъ именемъ извѣстенъ у дурбэнъ хухат'овъ цзахирахчи; 4 мэйрэнъ каждый изъ которыхъ вѣдаетъ военное дѣло 5-ти сумуновъ и наконецъ непосредственнымъ начальникомъ каждаго сумуна являются цзанги и бошкò. Дурбэнъ-хухаты ведутъ вообще жизнь кочевую, живутъ въ войлочныхъ юртахъ и занимаются исключительно скотоводствомъ: овцы, быки и лошади разводятся у нихъ по всюду, верблюды же составляютъ особенность скотоводства лишь сѣверо-восточной части хошуна, соприкасающейся кочевьямъ Мэргэнъ-вана. Хлѣбопашествомъ дурбэнъ хухаты почти не занимаются и хлѣбъ получаютъ главнымъ образомъ изъ Хуху-хотò и Хуху-эргй, вымѣнивая его въ означенныхъ городахъ на скотъ. Какихъ либо особенныхъ занятій въ хошунѣ также не имѣется, даже съ извозомъ дурбэнъ-хухаты, можно сказать, никогда и никуда не ѣздятъ. Года два тому назадъ Гурундава гэгэнъ посылалъ 40, или 50 своихъ верблюдовъ для перевозки товаровъ изъ Калгана въ Ургу, но съ тѣхъ поръ и оставилъ это занятіе, вѣроятно, какъ недоставляющее особенной выгоды. Изъ просто-

людиновъ нѣкоторые, и притомъ очень не многіе, какихъ нибудь 10, 15 человекъ, иногда ѣздятъ за солью въ хошунъ Барунъ сунитовъ, къ озеру Ирѣнь-дабасу. Покупая тамъ соль мѣшками, они привозятъ ее засимъ въ Хуху-эргѣ и въ настоящемъ году продавали по 4 цина за доу. Такимъ образомъ всѣ свои деньги дурбѣнь хухэты получаютъ лишь отъ продажи скота: хорошій и совершеннолѣтній баранъ продается у нихъ на мѣстѣ по 1 лану 2 цина; лошадь обыкновенная — около 7 ланъ; быкъ 5—7 ланъ. Китайцевъ въ хошунѣ Дурбѣнь хухэть, особливо за послѣдніе годы, стало очень много и можно сказать, что весь юго-западный уголъ хошуна сталъ теперь уже совершенно китайскимъ. Занимаются они земледѣліемъ, арендуя земли въ мѣстномъ хошунномъ управленіи. Въ годъ, смотря, конечно, по качеству земли, платится отъ 3-хъ до 5-ти фынъ за каждое му; о количествѣ же арендуемыхъ земель можно судить потому, что таковыхъ арендныхъ денегъ хошунное управленіе собираетъ до 4,000 ланъ (?!). Деньги эти дѣлятся пополамъ, причемъ одна половина отчисляется въ пользу вана, а другая идетъ на удовлетвореніе нуждъ хошуна и хошуннаго управленія. Помимо китайцевъ у дурбѣнь хухэтовъ проживаютъ и европейцы. Они обосновали свои поселенія на р. Урту голь, въ урочищѣ У-тологдѣ и имѣютъ тамъ свои пашни, арендуя у хошуннаго управленія до 15 чин'овъ земли (около 1500му, или 100,000 саж.), къ обработкѣ которой нанимаютъ китайскихъ пахарей. Чѣмъ собственно занимаются эти европейцы, ламà не могъ мнѣ сказать положительно, но, вѣроятно, это миссіонеры.

Слѣдуя по однообразной и ровной долинѣ Сучжійнь талà, мы въ 11 ч. 20 м. совершенно незамѣтно добрались до чахарской деревушки Ци-ся, гдѣ остановились для полдника. Деревушка эта заключаетъ въ себѣ всего 4 двора, принадлежащихъ чахарамъ знамени гүли шарà. Къ югу отъ нея разстилается большое гучжйрное озеро Хирѣйнъ нүрь, никѣмъ впрочемъ не эксплуатируемое. Въ Ци-ся путники мѣняютъ оси своихъ телѣгъ подобно тому, какъ это видѣли мы дѣлающимся въ Чжангòрѣ; намъ пришлось теперь смѣнять широкій ходъ на узкій. Отъ Ци-ся отдѣляется дорога на Калганъ по внутреннему Китаю, слѣдуя на югъ къ селенію Цаганъ-обò и засимъ къ Чжангòру. Это тракть едва ли не самый ближайшій. Мы не поѣхали по этой дорогѣ и ровно въ 1 часъ дня направились сѣвернымъ путемъ, по Монголіи. Дорога наша слѣдовала по той же долинѣ Сучжи, которая теперь приняла чисто степной, гобійскій характеръ: равнина твердо песчаного грунта, усѣянная мелкой галькой и одаренная небогатой растительностью, — вотъ все, что видимо теперь вокругъ, приблизительно верстъ на 30, на 40 въ каждую изъ сторонъ. Слѣдя поверхность почвы мы нашли здѣсь много маленькихъ бѣлыхъ раковинокъ, что несомнѣнно свидѣтель-

ствуешь о недавнемъ сравнительно состояніи этой мѣстности подъ водою. Очень можетъ быть что нынѣшній Хирѣйнъ нуръ составляетъ собою именно жалкіе остатки того воднаго бассейна, дно котораго представляла собою вся мѣстность около Ци-ся, являющаяся значительно углубленною котловиной. Въ 2 ч. 15 м. мы переправились черезъ небольшую рѣчку Нарѣйнъ гѡль, называемую китайцами Эр-дѡ-хэ. Она имѣла ширины не свыше $1\frac{1}{2}$ сажени, но необыкновенно илиста и наши лѡцзы, увязая въ ней по колѣно, еле перебрались на другую ея сторону. Отсюда опять продолжалась таже ровная и гладкая степь, прервавшаяся для насъ лишь въ 3 ч. 40 м. теченіемъ рѣчки Тамагайнъ гѡль, называемой такъ, потому что на ней стоитъ управленіе знамени гѡли-шарѡ. При управленіи имѣется кумирня, называемая китайцами Лу-цза мяо, а монголами Тамагайнъ сумѡ. Въ 5 ч. мы подѣхали къ горному ущелью, у входа въ которое стоитъ деревушка Ца-фынъ-коу, гдѣ мы остановились для ночлега въ чахѡрскомъ айлѣ одного изъ писарей мѣстнаго хошѡннаго управленія. Писарь этотъ цѣлую ночь пропьянствовалъ съ какими то китайцами, прѣѡхавшими на слѣдствіе по дѣлу о похищенныхъ у нихъ мѣстными чахѡрами лошадяхъ.

20-е Марта. Суббота.

6 ч. $+1^{\circ}$; 9 ч. $+8^{\circ}$; 12 ч. $+13^{\circ}$; 3 ч. $+13^{\circ}$; 6 ч. $+9^{\circ}$;
9 ч. $+7^{\circ}$.

Выѣхали въ 7 ч. 15 м. и ровно часъ ѣхали по ущелью Ца-фынъ коу. Горы, стоящія по обѣимъ сторонамъ его, индѣ утесисты и съ обнаженными камнями, въ другихъ же мѣстахъ формы ихъ округленныя и онѣ поросли мелкою травкою; на самой дорогѣ почва въ большинствѣ песчано-дресвянистая. Выбравшись изъ этого ущелья, мы вступили въ неширокую, но длинную долину Хойръ-нѡрыйнъ талѡ, въ ней повстрѣчалось намъ въ 8 ч. 45 м. кочевье чахѡрскаго цзалѡна, называемое Чжалѡни бргѡ. Глинобитный домъ самого цзалѡна и три четыре байшина угодій при немъ, вотъ и всѣ здѣшнія постройки. Помѣстье это находится неподалеку отъ береговъ перваго озера долины, именуемаго Бага-нуръ, или Барѡнъ нуръ. Оно имѣетъ не свыше 3-хъ верстъ въ окружности; вода въ немъ горько-соленая и не пригодна даже для питья скоту. Въ 9 ч. 20 м., миновавъ это озеро, мы у подножія небольшого и пологоаго увала повстрѣчали чахѡрскій поселокъ въ 6 дворовъ, а переваливъ черезъ этотъ пригорокъ, увидали второе озеро, называемое Цзѡнъ нуръ, или Йѣхѡ нуръ, т. е. «восточнымъ», или «большимъ озеромъ», хотя оно кажется едва ли больше перваго. Мы миновали его въ 10 ч. 10 м. Озеро это также горько-соленое; но въ настоящую пору оно, какъ и первое, было покрыто льдомъ и только у береговъ обозначились небольшія проталины, по которымъ бродили журавли и

гуси. Во всей долині кое гдѣ попадаются незначительныя распаханныя пространства, но обыкновенно онѣ не болѣе двухъ, трехъ му. Въ 11 ч. 15 м. мы доѣхали до китайской деревни Чигэтэй, въ 12 дворовъ, гдѣ и остановились для полуденнаго отдыха.

Далѣе, деревню эту мы оставили въ 12 ч. 55 м., чтобы продолжать путь по той же долині, въ общемъ открытой и ровной, хотя мѣстами и взволнованной незначительными увалами. Сильный вѣтеръ поднималъ на насъ дѣблыя облака пыли. Обогнувъ мысъ невысокаго пригорка съ правой стороны Чигэтэя, мы въ 1 ч. 25 м. достигли китайскаго поселка Суйчуань-цза. Къ востоку отъ него земли представляются значительно распаханными и по обѣимъ сторонамъ, дороги верстахъ въ 3-хъ и 5-ти отъ нея, виднѣлось нѣсколько китайскихъ деревенокъ, на самомъ же пути намъ попались въ 2 ч. 40 м. деревушка Хунь-мо-инь-цза и въ 3 ч. 30 м. Цзохо-ку, стоящая при небольшой рѣчкѣ того же имени. Отсюда въ 4 ч. 35 м. мы доѣхали до лежащаго въ котловинѣ озера, — Гунь нуръ; оно буквально кишало птицею, но послѣдняя была, очевидно, пуганою, такъ какъ не подпускала къ себѣ даже на разстояніе 100 шаговъ. Не болѣе какъ верстахъ въ двухъ отсюда расположился чахарскій поселокъ Ганца худукъ, въ которомъ находится почтовая станція малаго тракта, служащаго лишь для пересылки казенныхъ пакетовъ между Хүхү-хотѣ и Калганомъ. Въ получасовой ѣздѣ отъ него находится другой, чахарскій же поселокъ и кумирня, именуемые Цорчжй мяо: поселокъ этотъ состоитъ всего изъ трехъ дворовъ, каждый изъ которыхъ представляетъ собою гостинницу, кумирню же намъ не пришлось видѣть, такъ какъ она скрывается за горою. Въ 7 ч. 30 м. прибыли въ деревню Сы-цунь-ди, гдѣ остановились для ночлега.

21-е Марта. Воскресенье.

6 ч. $+3^{\circ}$; 9 ч. $+2^{\circ}$; 12 ч. $+1^{\circ}$; 3 ч. -0 ; 6 ч. -2° ; 9 ч. $-5\frac{1}{2}^{\circ}$.

Съ утра падаетъ въ перемежку дождь со снѣгомъ, но больше, очевидно, падаетъ снѣга, потому что вскорѣ всѣ поля покрылись его бѣлою пеленою. Мы выѣхали въ 7 ч. 30 м. утра и первоначально продолжали путь по той же долині, а засимъ въ 8 ч. 45 м. вступили въ отлогіе отроги горъ, по которымъ во многихъ мѣстахъ распаханы поля подъ нивы. Одинъ изъ такихъ отроговъ, наиболѣе приближающійся къ дорогѣ, называется Хаданъ-хошү. Здѣсь имѣется чахарскій поселокъ, въ которомъ содержится почтовая станція такая же какъ и въ Ганца-худукѣ. Выѣхавъ изъ упомянутыхъ отроговъ, мы въ 9 ч. 15 м. вступили въ долину рѣки На-хо-пянь. Здѣсь находится деревня того же имени, заключающая въ себѣ свыше 100 дворовъ, а на пригоркѣ воздвигнутъ большой католическій соборъ. Чрезвычайно грандіознымъ и поразительно величественнымъ представляется

это зданіе среди низенькихъ фанзъ китайцевъ, къ которымъ давно уже присмотрѣлся глазъ и привыкло воображеніе. Чѣмъ-то роднымъ вѣяло и отъ окружавшихъ соборъ домиковъ миссіонеровъ, хотя все ихъ отличіе отъ китайскихъ фанзъ состояло въ томъ, что въ окнахъ ихъ рамъ вмѣсто бумаги было вставлено стекло, да покрыты они были не черепицей, а какъ и соборъ желѣзомъ. На улицахъ На-хо-цян'и было сильное движеніе: всѣ, очевидно, стремились къ собору. Для здѣшнихъ христіанъ настоящій день былъ простымъ воскресеньемъ, для меня онъ былъ еще недѣлю Вай и сколько кроткопечальныхъ думъ промелькнуло теперь въ душѣ, какъ въ минувшемъ году въ вечеръ Преображенія. Снова представилась мнѣ служба отца. . . увы! онъ уже лежитъ теперь холоднымъ прахомъ, и никогда больше не услышу я его службы. А сколько было во мнѣ надежды видѣть его еще 6-го августа прошлаго года! . . . Тяжело возвратиться и придти только къ могилѣ! Подѣхавъ къ собору, я хотѣлъ сдѣлать фотографическій снимокъ его превосходнаго зданія, но это оказалось буквально невозможнымъ: снѣгъ валилъ хлопьями и если стекло объектива еще можно было какъ нибудь защитить отъ непогоды, то на матовомъ стеклѣ камеры было очевидно, что рисунка не получится здѣсь ровно никакого. Сложивъ аппаратъ, я направился въ соборъ и былъ пораженъ всѣмъ, что пришлось мнѣ услышать и увидѣть здѣсь, лишь только отворилъ я дверь и вошелъ въ средину храма.

Его внутренность бѣдна, но величава по своему объему. Стѣны, выложенныя изъ обычнаго, дикаго китайскаго кирпича, такъ и оставлены не окрашенными; полы каменные, кирпичные же; потолки, сдѣланные въ видѣ овальнаго свода посрединѣ и оставленные прямыми по бокамъ, облицованы тесомъ; такими же тесовыми сдѣланы колонны храма, проходящія отъ входныхъ дверей до алтаря двумя рядами, въ числѣ семи въ каждомъ ряду; наконецъ тесовою же сдѣлана алтарная ниша и стрѣльчатые полукруглые своды надъ нею. Входныхъ дверей, какъ это обыкновенно дѣлается въ костелахъ, здѣсь устроено трое съ южной стороны: главныя изъ нихъ посрединѣ, высокія и створчатыя; боковыя — черезъ которыя обычно проходитъ народъ, низенькія и одиночныя, съ деревянными, окованными желѣзомъ затворами. Надъ дверями и слѣдовательно прямо противъ алтаря устроены хоры, съ арками, примкнутыми къ столбамъ храма и поддерживаемые еще снизу колоннами; на этихъ хорахъ помѣщается низшій оркестръ духовной музыки. Когда я вошелъ въ костелъ, месса еще не начиналась, но церковь была уже полна народа: мужчины по лѣвую сторону и женщины — по правую; всѣ они стояли на колѣняхъ и, въ ожиданіи начала богослуженія, пѣли псалмы подъ акомпаниментъ низшаго оркестра. Для непривычнаго

слуха это были удивительные хоры и музыка: пискливые голоса китайцевъ смѣшивались со звуками китайскихъ двуструнныхъ скрипокъ, балаляекъ, костаньетовъ, гонговъ и наконецъ барабана. Я такъ былъ пораженъ этимъ необычайнымъ явленіемъ, что нѣсколько секундъ простоялъ въ полномъ недоумѣніи и потомъ уже началъ осматриваться и приводить въ ясность окружающее. Между тѣмъ слухъ о моемъ явленіи дошелъ уже до патеровъ и не прошло пяти минутъ, какъ они выслали просить меня къ себѣ. Пройдя въ боковые притворы алтаря, я нашелъ

Внутренность Нахо-цзянь'скаго костела.

всѣхъ уже въ полномъ облаченіи, готовыми выходить для службы. Monseigneur de Вах привѣтствовалъ меня съ обычною любезностью француза и сказалъ, что имъ такъ рѣдко приходится видѣть европейцевъ, что онъ проситъ меня пробыть у нихъ хоть одинъ часъ послѣ службы. Все располагало меня исполнить эту просьбу и я остался, простоявъ въ костелѣ всю мессу. Во время совершенія богослуженія китайская музыка костела въ большинствѣ замѣнялась звуками небольшой фисъ-гармоніи, на которой игралъ китаецъ; прислуживали мальчики изъ китайцевъ, приобщалось 11 человекъ, народъ молился весьма усердно, богослуженіе и даже чтеніе евангелія соверша-

лось исключительно по латини, проповѣди не было. Не смотря на это послѣднее сокращеніе, месса окончилась только въ 12 часовъ, послѣ чего мы перешли въ общій залъ патеровъ. Съ тою же любезностью привѣтствовали они меня снова и удовлетворили моему любопытству, сообщивъ, что настоящій костель былъ построенъ 1873 г. Monseigneur'омъ de Vos'омъ, умершимъ въ 1889 г., въ Ордосѣ. Съ тѣхъ поръ въ На-хо-цiani проживаетъ постоянно 6 францисканскихъ патеровъ, что же касается Monseigneur'a de Вах, то я встрѣтилъ его здѣсь только случайно, такъ какъ постоянное мѣстопробываніе его находится въ поселкѣ Си-вань-инъ-цза. Въ общемъ итогѣ въ На-хо-цiani и ея окрестностяхъ францисканцы имѣютъ теперь до 3000 христіанъ, а въ Си-вань-инъ-цзѣ ихъ нѣсколько болѣе 1700 человекъ. Всѣ эти обращенные принадлежатъ по своему происхожденію исключительно къ китайскому населенію мѣстности; изъ среды монголовъ миссіонеры не приобрѣли еще ни одного человека, да, по собственному признанію ихъ, они не ведутъ и проповѣди между монголами, такъ какъ борьба съ буддизмомъ и ламствомъ является почти невозможною. Религіозное чувство монголовъ до такой степени удовлетворяется буддійскою обрядностью, что христіанство въ этомъ смыслѣ рѣшительно не можетъ дать имъ что либо новое и излишнее; что же касается христіанскихъ идей, то необходимо уже черезъ чуръ детальное изложеніе ученія, что бы показать высоту нравственнаго ученія Христа сравнительно съ моралью будды; излагаемое же въ общихъ чертахъ то и другое ученіе кажется монголамъ совершенно одинаковымъ. «Мы даемъ свой обѣтъ возвратиться въ небесное отечество», закончилъ свою рѣчь Monseigneur de Вах, «но приѣзжаемъ сюда обыкновенно въ возрастѣ 22-хъ, 23-хъ лѣтъ, а это черезъ чуръ поздно для того чтобы изучать религію, съ которою хочешь бороться! Я не понялъ по первому разу выраженія: «возвратиться въ небесное отечество» и спросилъ, что это значитъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было, конечно, напоминаніе объ извѣстномъ правилѣ католиковъ, по коему миссіонеры ихъ ѣдутъ на дальній востокъ для проповѣди не иначе какъ на всю жизнь, съ тѣмъ что бы никогда не возвращаться уже въ свое земное, а только въ «небесное» отечество. Правило это, безсомнѣнія, имѣетъ громадное значеніе для всей дѣятельности католическихъ миссіонеровъ. Христіанскіе проповѣдники всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій не чувствуютъ себя привязанными къ Китаю: они не рѣдко являются сюда или потому, что не могли найти себѣ мѣста на родинѣ, или изъ за желанія посмотреть Востокъ, или наконецъ просто по матеріальнымъ разсчетамъ; оттого очень многіе изъ нихъ исполняютъ свои обязанности безъ всякаго участія въ нихъ сердцемъ; къ самимъ китайцамъ они относятся съ презрѣніемъ и ждутъ

не дождутся, когда окончится для них урочный срокъ и получится возможность возвращенія на родину. Не то у католиковъ. Приѣзжая въ Китай, каждый изъ нихъ легко приходитъ къ русской пословицѣ: «что посѣялъ, то и жни». Вотъ почему каждый католическій патеръ всегда и больше всего заботится о томъ, что бы возможно увеличить число своихъ духовныхъ дѣтей, войти съ ними въ наибольшую связь, заинтересовать ихъ своею личностью, сдѣлаться необходимымъ для своихъ пасомыхъ, воздѣйствовать не только на ихъ умъ, просвѣщая ихъ подобно американскимъ методистамъ, но и еще болѣе — на сердце, какъ на главный источникъ сближенія. И несомнѣнно, что католическіе миссіонеры ближе всѣхъ другихъ европейцевъ стоятъ къ китайцамъ и едва ли кто такъ много сдѣлалъ для Китая какъ католики. Живя среди народа, они вводятъ въ жизнь его предметы европейской, болѣе удобной обстановки, приучаютъ къ употребленію стекла и керосина; на своихъ пашняхъ знакомятъ китайцевъ съ употребленіемъ машинъ, въ своихъ садахъ обучаютъ китайцевъ улучшенію породъ растений и проч. и проч. Сами католики однако недовольны еще своимъ сближеніемъ и говорятъ, что китайцы все же смотрятъ на нихъ какъ на пришельцевъ, какъ на своихъ баръ, какъ на свое начальство. И ничѣмъ нельзя измѣнить этихъ взглядовъ, не смотря на полнѣйшее сознаніе китайцевъ, что это начальство почитаетъ своею обязанностью только заступаться за нихъ, что эти бары часто ничѣмъ не отличаются отъ работниковъ, что эти пришельцы проживуть у нихъ до гробовой доски и у нихъ же сложатъ свои кости. Очевидно, дѣло тутъ въ томъ, что между просвѣтителями и просвѣщаемыми мало духовной близости и вина этого лежитъ столько же въ китайцахъ, сколько и въ самихъ католическихъ патерахъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько бы ни давали католики обѣтовъ отрѣшенія отъ своей родины, ихъ умъ и сердце всецѣло поглощены ею. Мнѣ стоило большого труда получить отвѣты на свои вопросы о жизни китайскихъ христіанъ, равно какъ и самихъ миссіонеровъ, между тѣмъ какъ меня самого засыпали вопросами объ Европѣ: дѣло Лессепса во Франціи, паденіе французскаго министерства, рѣчи Вильгельма, дѣятельность Каприви, заявленіе Кальноки о значеніи для австрійцевъ Германіи и Россіи, связь Россіи съ Франціею, поведеніе Россіи въ отношеніи къ Китаю, постройка сибирской желѣзной дороги, — вотъ вопросы, которые съ дрожащимъ отъ волненія голосомъ предлагалъ мнѣ каждый миссіонеръ, начиная съ Monseigneur'a de Вах, которому теперь уже 72 года и который чуть ни 50 лѣтъ назадъ оставилъ Европу. Что и какъ бы ни говорилось, сердце этихъ людей — въ Европѣ: ихъ задушевные мысли и чувства — на родинѣ. Китайцы не могутъ не ощущать этого при своихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ миссіонерами

и сознають инстинктивно, что патеры для нихъ все же чужіе люди. Въ 1 часть дня намъ подали общую трапезу. Всѣ миссіонеры отъ епископа до простаго катихизатора имѣють общій столъ. Составъ его, — хлѣбъ и мясо, приготовленное варенымъ и жаренымъ, — цѣликомъ является плодомъ хозяйства самихъ миссіонеровъ. За столомъ намъ подавали прекрасное вино изъ рязани, приготовляемое самими миссіонерами; вмѣсто сладкаго поставили фрукты изъ миссіонерскаго сада и наконецъ меня угостили сигарою, скрученною также самими миссіонерами изъ табаку, возвращеннаго на ихъ собственныхъ огородахъ.

Въ 2 часа дня я оставилъ этотъ гостепріимный пріютъ европейцевъ и двинулся далѣе. Вьюга лютовала и страшный снѣгъ просто засыпалъ наши телѣги. Черезъ 40 мин. мы достигли деревни Морхочинъ. Извозчики, на долю которыхъ выпадало, конечно, гораздо болѣе испытывать непогоды, хотѣли было остановиться въ этомъ поселкѣ; но рѣшительно не нашли здѣсь ни одного пустаго байшина: волей не волей мы должны были продолжать свой путь. Въ 4 ч. 20 м. мы увидали верстахъ въ 3-хъ отъ дороги, по лѣвую сторону ея, китайскую деревню Цаганъ инъ-пза, а по правую чахарскій поселокъ Данчжи, со станціею легкаго почтоваго тракта. Миновавъ ихъ, мы черезъ часъ прибыли въ китайскую деревню Хунъ-обб, гдѣ и остановились на ночлегъ. Для меня былъ очищенъ особый байшинъ, изъ котораго вывели двухъ укрывавшихся здѣсь отъ непогоды коровъ. Снѣгъ продолжаетъ идти страшный.

22-е Марта. Понедѣльникъ.

6 ч. — $4\frac{1}{2}^{\circ}$; 9 ч. — 4° ; 12 ч. — 1° ; 3 ч. — $+1^{\circ}$; 6 ч. — 3° ; 9 ч. — $6\frac{1}{2}^{\circ}$.

Выѣхали въ 7 ч. 40 м. Дуетъ сильный сѣверный вѣтеръ; онъ разгоняетъ тучи и небо начинаетъ мало по малу проясняться. Всѣ окрестности покрыты бѣлою снѣжною пеленою, подъ которою нельзя разобрать, въ какомъ состояніи находятся придорожныя земли; впрочемъ виднѣющіяся кое гдѣ по сторонамъ фанзы китайцевъ свидѣтельствуютъ, что здѣсь есть пашни. На самой дорогѣ сугробы снѣга достигаютъ вышины $\frac{3}{4}$ аршина. Къ 9-ти часамъ выглянуло солнце, но оно мало еще согрѣваетъ и пронзительный вѣтеръ, метущій по землѣ снѣжную пыль, приноситъ, кажется, гораздо больше холода.

Въ 9 ч. 15 м. миновали китайскую деревушку Ханъ-хай-пзы, состоящую изъ 8 дворовъ, но не видали здѣсь ни одного живого существа. Говорятъ, что эта деревушка стоитъ при ключѣ, образуемомъ вокругъ болотистую почву, оттого пашни мѣстныхъ поселянъ находятся довольно далеко отъ ихъ жилищъ. Въ 10 час., а потомъ въ 10 ч. 10 мин. проѣхали

два постоянных двора, расположенных на каменистых пригорках, носящих название Сучжи. Они замечательны как излюбленное место калганских как китайских, так и русских транспортировочных контор, в которое эти конторы, при недостатке у них перевозочных средств, высылают своих поверенных, чтобы вербовать чахарских верблюдов и заключать здесь контракты с чахарами. Отсюда по нашей дороге последовала цѣлая группа холмовъ, вершины которыхъ были увѣнчаны гребнями громадныхъ и обнаженныхъ каменныхъ валуновъ, далѣе до половины холма обыкновенно слѣдовали россыпи мелкой гальки и только въ нижней части и у подножия холмовъ начинался плодородный суглинокъ. Частію лавируя между ними, а частію переваливая черезъ нихъ, мы въ 12 ч. дня доѣхали до чахарскаго поселка Куйтунъ, а въ 12 ч. 30 м. до китайскихъ постоянныхъ дворовъ Гэдэнъ гү, гдѣ и остановились для отдыха.

Выѣхали въ 2 ч. 20 м. Дорога продолжаетъ тянуться по уваламъ. Въ 3 ч. проѣхали полуразрушенную деревеньку въ 3 двора, именуемую Сань-ца-коу, а черезъ 40 мин. ѣзды отсюда повстрѣчали стоящій въ котловинѣ чахарскій поселокъ изъ двухъ байшиновъ, съ юртами. Это была станція легкаго почтоваго тракта, Хагай, или, какъ зовутъ ее китайцы, Хань-нүр-тай. Проводники мои рассказали при этомъ, что неподалеку отсюда располагается довольно значительный китайскій поселокъ, носящій тоже название Хагай, или болѣе кратко Хакъ, равно какъ этимъ же именемъ называется и вся окрестная мѣстность, заимствовавшая его отъ находящагося здѣсь озера Хакъ-нүра, иначе Хагай-нүра, или Хагъинъ-нүра. Въ упомянутомъ китайскомъ поселкѣ проживаетъ амбань, завѣдывающій половиною богдоханскихъ стадъ быковъ, собственно кошүномъ «хубб шаръ ухурчиновъ», называемыхъ также «чжунъ-ухурчинами». Отъ мѣста упомянутой почтовой станціи Хагай ямщики мои, думая сократить путь, поѣхали по пашнямъ, но снѣгъ такъ замелъ дорогу, что мы потомъ, ища ее, бродили по полямъ и нашли только въ 5 ч. 10 м., подъѣхавъ къ берегу небольшой рѣки Да-хэ, текущей на сѣверъ. Да-хэ течетъ двумя протоками и имѣетъ ширины около трехъ сажень; берега ея болотисты, а дно илисто. Отсюда въ 5 ч. 40 м. мы достигли поселка и рѣчущки Сяо-хэ, которой однако я даже и не замѣтилъ: по всей вѣроятности она течетъ въ незначительной канавкѣ и въ настоящее время безводна. Снова начался снѣгъ и дальнѣйшій путь нашъ проходилъ въ сумеркахъ, усиливаемыхъ непогодю. Здѣшнія мѣста включаются, говорятъ, въ районъ пастбищъ Бэгийнъ сурұка, т. е. представляютъ собою земли, отведенныя богдоханскимъ правительствомъ одному изъ князей, принцевъ крови маньчжурскаго

дома (бэ), для содержанія принадлежащихъ ему стадъ. Къ сѣверу земли эти протягиваются будто бы почти до почтовой станціи Халюнтай, что же касается самыхъ стадъ, то они, по словамъ мѣстныхъ чахаровъ, весьма незначительны. Исключительнымъ достояніемъ бэ являются овцы и рогатый скотъ, лошадей же и верблюдовъ онъ не содержитъ вовсе. Пастуховъ и стражниковъ скота при бэгийнъ суррукъ считается не выше 10 юртъ и всѣ они принадлежатъ по происхожденію къ чахарамъ. Восточнѣе бэгийнъ суррука лежатъ болѣе обширныя пастбища другого князя, именуемаго Хэ-чинъ ваномъ. Стада Хэ-чинъ вана, говорятъ несравненно больше бэгийнъ суррука и охраняютъ ихъ чахары, въ количествѣ не менѣе 50 или 60 семей. Продолжая свое движеніе непрерывно, мы только въ 7 ч. 40 м. добрались до постоялаго двора въ урочищѣ Дорчжй-хуа, гдѣ и остановились для ночлега. Отъ Сяо-хэ до Дорчжй-хуа считается 8 ли, слѣдовательно мы дѣлали только по двѣ версты въ часъ за это время сумерокъ.

23-е Марта. Вторникъ.

6 ч. —8°; 9 ч. —2½°; 12 ч. +1°; 3 ч. +1½°; 6 ч. +2°; 9 ч. —0.

Выѣхали въ 6 ч. 50 м. и почти у самаго постоялаго двора вступили въ долину небольшой рѣчушки, Ядэинъ гблъ, впадающей въ Бургасутай. По берегамъ Ядэинъ гбла кочуютъ чахары, пастухи стадъ вѣдомства Тайфу-сы (Табисъ). Поселокъ ихъ мы повстрѣчали въ 7 ч. 35 м. Онъ называется Гэгэтэй байръ, т. е. «свѣтлая радость» и, глядя на него, мы въ самомъ дѣлѣ чувствовали радость свѣта. Давно уже не блистало для насъ такъ солнце и день, несомнѣнно, обѣщаль быть вполне яснымъ, хотя вслѣдствіе сильнаго сѣвернаго вѣтра и не особенно теплымъ. Въ 8 ч. 30 м. мы, слѣдуя холмистою степью, проѣхали чахарскій поселокъ Чулунъ онгоцò, называемый китайцами Ма-лянъ-цуй. Всего здѣсь находится шесть хашановъ, отбывающихъ почтовую повинность на гуй-хуа-чэно-чжанъ-цзя-коу'скомъ трактѣ. Черезъ часъ ѣзды отсюда достигли рѣчки Бургасутая, которую переѣхали вбродъ нѣсколько выше стоящей на ней почтовой станціи алтайскаго тракта. Бургасутай имѣлъ здѣсь въ настоящую пору ширины не болѣе сажени и сохранялъ ту же величину на всемъ протяженіи, пока мы ѣхали по правому берегу его, до поселка бургасутайскаго цзалана. Въ 10 ч. 15 м. мы выѣхали на долину ургинско-калганскихъ торговыхъ трактовъ какъ разъ противъ обѣ Харà балгасуна. Дорога наша повернула отсюда въ направленіи къ ЮВ и, слѣдуя по ней гладкой степью, мы въ 11 ч. 30 м. прибыли въ Борò-пѣчжи.

Повторять снова описаніе пути отъ этого урочища до Калгана я уже не буду; скажу только, что 23-го марта караванъ нашъ, переваливъ

Калганскій хребетъ, ночевалъ въ Ту-динъ-цза, а на другой день, къ 9 часамъ утра, былъ въ Калганѣ. Въ эти послѣднія сутки наконецъ я страшно простудился, хотя можетъ быть это случилось и прежде, теперь же болѣзнь только обострилась.

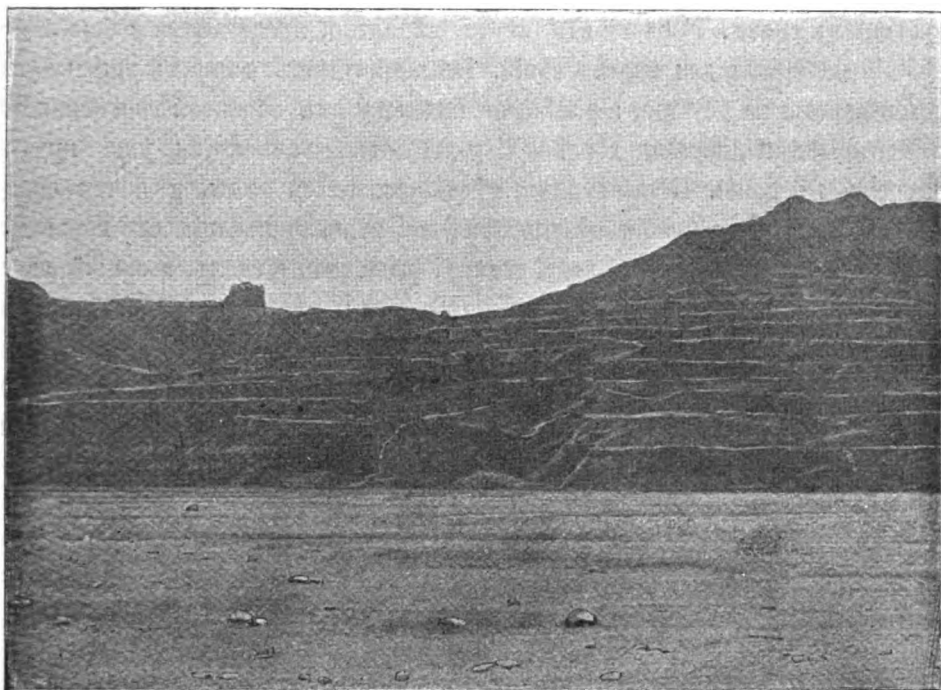
8-е Апрѣля. Четвергъ.

Время отъ 24-го Марта по 8-е Апрѣля было проведено мною въ Калганѣ частію въ изученіи этого города и русской дѣятельности въ немъ, а частію и еще больше въ излеченіи своихъ болѣзней. Сначала общее недомоганіе во всемъ тѣлѣ, а потомъ страшный бронхитъ съ кашлемъ, насморкомъ, потерю голоса и другими своими атрибутами и послѣдствіями мучили меня порядкомъ. Отъ болѣзней этихъ мнѣ такъ и не пришлось оправиться въ Калганѣ, приготовленія же къ поѣздкѣ въ Юго-восточную Монголію, можетъ быть, только поддерживали ихъ.хлопотъ и бѣготни было дѣйствительно не мало. Мнѣ непремѣнно хотѣлось проѣхать въ Жэ-хэ по Монголіи; но во 1-хъ Калганъ и Чэнь-дэ-фу не имѣютъ между собою рѣшительно ни какой торговой связи, оттого Чэнь-дэ-фу совершенно не извѣстенъ калганцамъ. На нѣкоторыхъ постоянныхъ дворахъ мнѣ прямо отказывали въ веденіи переговоровъ о наймѣ подводъ, говоря, что край этотъ не знакомый и подводъ туда отпустить невозможно. Другіе, ссылаясь на то же незнакомство съ краемъ, утверждали однако, что ѣхать въ Чэнь-дэ-фу иначе нельзя какъ по внутреннему Китаю до прохода Гу-бэй-коу, а потомъ прямо на Чэнь-дэ-фу: дороги по Монголіи между Калганомъ и Чэнь-дэ-фу, утверждали они, не имѣется; ибо на доброй половинѣ этого пространства залегаютъ страшныя горы и непроходимыя дебри. Третьи говорили, что хотя имъ и никогда не приходилось ѣздить въ Чэнь-дэ-фу, однако они слышали, что проѣхать въ этотъ городъ и даже по Монголіи возможно; только страна эта въ настоящую пору находится въ возбужденномъ состояніи и опасна для проѣзда, въ виду же рискованности предпріятія они могутъ согласиться на подрядъ лишь при усиленной платѣ: за каждую телѣгу они спрашивали по 40 ланъ, т. е. по 80 серебряныхъ руб., а за двѣ потребныхъ мнѣ телѣги соглашались взять 150 ланъ. «Мы не найдемъ у себя такихъ извозчиковъ», говорили они, «которые рѣшились бы ѣхать въ незнакомую, да еще возбужденную страну; а если и найдутся такіе смѣлые, то только имъ нужно уплатить минимумъ по 15 ланъ, а что же стоятъ телѣги и животныя, которыя, пожалуй, будутъ еще украдены? Туда и обратно наши телѣги не могутъ пройти менѣе какъ въ мѣсяцъ; а какъ рассчитывать за это время, содержаніе двухъ лоцзъ, которые должны

быть запряжены въ каждую телѣгу? Самое меньше 20 лань. А телѣги?... Словомъ, расчетъ этихъ хозяевъ выходилъ такой, что изъ 150 лань имъ едва едва останется 10-ть.

При такомъ положеніи дѣла мы рѣшили не указывать мѣста своей поѣздки, а нанимать подводы просто въ ЮВ Монголію: можетъ быть-де проѣдемъ до Чэнь-дэ-фу, можетъ быть заѣдемъ еще куда, но во всякомъ случаѣ подводы эти должны доставить меня въ концѣ концовъ до Долбнъ-нѹра. На такое предложеніе нашлись извозчики, которые рѣшили дать мнѣ двѣ телѣги: одну собственно для меня съ двумя лоцзами и другую — для багажа и Федорова, съ тремя лоцзами, съ платою по одному лану серебра за каждую телѣгу въ день, безразлично, будетъ ли этотъ день проведенъ въ ѣздѣ, или въ остановкѣ; съ моей стороны надлежало уплачивать имъ 60 лань въ мѣсяць. На такихъ то условіяхъ выѣхалъ я изъ Калгана и въ третій разъ перевалилъ Сэнчжійнь-дабѣ, доѣхавъ по извѣстной уже дорогѣ до Борд-дѣчжи. Природа и внѣшній видъ калганскаго ущелья, которымъ мы слѣдовали сегодня большую часть времени, весьма мало измѣнились за періодъ, протекшій отъ поры нашего перваго проѣзда по нему, 5 декабря прошлаго года, чему, безсомнѣнія, способствуетъ чрезвычайно позднее наступленіе нынѣшней весны. Уже 8-е апрѣля, а природа между тѣмъ совершенно спитъ. Днемъ, правда, сильно пригрѣваетъ солнышко, оно растопляетъ покрывавшій ущелье снѣгъ; но уже къ вечеру холодѣетъ, а ночью морозъ достигаетъ 6, 7° и замораживаетъ струящиеся по широкому ложу ущелья водные потоки. Такимъ образомъ все ущелье теперь покрыто льдомъ, изъ подъ глянцевитой поверхности котораго торчатъ болѣе или менѣе значительные каменные валуны, обычно усѣивающіе здѣсь дорогу. Горы, окаймляющія ущелье собственно въ окрестностяхъ Калгана, въ нижней части ущелья, не особенно высоки и богаты разнообразіемъ своихъ формъ и очертаній. На западной боковинѣ, гдѣ проходитъ древняя Великая стѣна, онѣ въ большинствѣ случаевъ имѣютъ довольно пологіе скаты и покрыты мощными слоями лесса. Такая конфигурація и составъ этихъ горъ дали возможность трудолюбивымъ китайцамъ разработывать здѣсь свои пашни, съ каковою цѣлью они обдѣлали всѣ эти горы узенькими террасами, иногда въ 8 и даже 10 ступеней. Это, говорятъ, составляетъ необычайное и весьма красивое зрѣлище особливо въ лѣтнюю пору, когда каждая изъ террасъ является покрытою разноцвѣтными нивами. Великая стѣна, проходившая здѣсь по вершинамъ горъ, въ настоящую пору можно сказать не существуетъ во все и только мѣстами отъ нея остались полуразрушенные остовы башенъ. Горы восточной боковины ущелья прежде всего гораздо выше западныхъ, а засимъ, почти въ полную противополож-

ность имъ, не рѣдко образуютъ живописные утесы и громадныя скалы, низпадающія почти отвѣсно. Мѣстами эти вывѣтрившіеся утесы походятъ

Видъ на горы западной боковины калганскаго ущелья.

какъ бы на развалины замковъ, мѣстами они напоминаютъ своими формами фигуры животныхъ, или отдѣльных частей ихъ тѣла. Такимъ образомъ верстахъ въ полтора отъ Калгана находится скала, называемая «верблюжьей пятой», а досужіе монголы составили по поводу ея даже легенду, разказывающую, что въ древнія времена здѣсь проѣзжалъ Хасаръ, братъ Чингисъ-хана; верблюдъ, на которомъ онъ ѣхалъ, лягнулъ эту скалу своей пятой и послѣдняя отпечатлѣлась на камнѣ въ видѣ неправильнаго круга, приблизительно саженаго діаметра. Китайцы, — болѣе практики чѣмъ поэты, — не увлекаются подобными олицетвореніями; но они высоко цѣнятъ эти горы, потому что добываютъ изъ нихъ превосходный строительный камень, устроивъ здѣсь съ означенною цѣлью нѣсколько каменоломенъ. По окрестностямъ этихъ промысловыхъ учрежденій расположилось главное населеніе калганскаго ущелья, сосредоточившее свои жилища въ шести, семи деревняхъ, обширнѣйшими изъ которыхъ нужно почитать три ближайшія къ Калгану и находящіяся не болѣе какъ въ одной или полутора верстахъ другъ отъ друга. За этими деревнями, суженное въ своемъ устьи ущелье расширяется и отличительную особенность его здѣсь составляетъ обиліе

впадающихъ въ него маленькихъ боковыхъ ущелий и лоцинъ. Последнія чаще всего представляются въ видѣ узкихъ корридоровъ, стѣны которыхъ почти лишены растительности, и являются въ видѣ оголенныхъ, почти отвѣсныхъ скалъ. Геологу эти мѣста, вѣроятно, представляютъ собою богатѣйшій матеріалъ для изслѣдованій. Въ помянутыхъ формахъ ущелье тянется версты на четыре, а далѣе, не подалеку отъ обильной гостинницами и постоянными дворами деревни Ту-динъ-цза, начинается уже крутой подъемъ въ горы. Конфигурація мѣстности здѣсь опять и почти сразу измѣняется: ущелье снова становится уже, ограничивающія его горы дѣлаются выше и получаютъ видъ дикихъ, оголенныхъ скалъ, а самый скатъ ущелья весь покрывается осыпями болѣе или менѣе крупныхъ глыбъ базальта, между которыми попадаются также куски порфира, гранита, гнейса и др. Растительности на этихъ пространствахъ нѣтъ уже никакой, проложенная же по нимъ дорога къ перевалу является по истинѣ ужасной. Раздѣлана она такъ узко, что полотно ея почти ровняется ширинѣ монгольской

Великій торговый путь на калганскомъ перевалѣ Сянчжиту даба.

арбы и разѣхаться двумъ телѣгамъ здѣсь почти невозможно, или по крайней мѣрѣ необычайно трудно. Въ силу уже отмѣченной нами крутизны

подъема (см. т. I стр. 643), дорога къ нему идетъ страшными зигзагами и вилаетъ чуть ни на пространствѣ каждаго ста саженой. Также крутизна создаетъ и трудности содержанія этого пути въ исправномъ видѣ. Дѣло въ томъ, что при каждомъ дождѣ съ перевала стремятся книзу страшные потоки воды, которые не только размываютъ дорожное полотно, но ворочатъ камни и усѣиваютъ ими весь путь. Такъ какъ подобная порча пути совершается по нѣскольку разъ въ годъ, то мѣстное общество никогда и не думаетъ о ремонтнрвкѣ этой дороги и всѣ исправленія ея совершаются самими путниками, которые собственными руками сбрасываютъ съ дорожнаго полотна препятствующіе движенію ихъ телѣгъ камни, или забрасываютъ тѣми же камнями образовавшіяся на дорогѣ вымоины.

Особеннаго на этомъ пути для меня сегодня ничего не случилось за тѣмъ исключеніемъ, что на дабанѣ я повстрѣчалъ знакомаго мнѣ пекинскаго китайца, торгующаго въ Ургѣ. Онъ ѣхалъ теперь съ монгольскимъ сыръемъ въ Калганъ и по выѣздѣ изъ Урги ночевалъ уже 40 ночей; такъ какъ ему предстояло переночевать еще одну ночь, то слѣдовательно изъ Урги въ Калганъ онъ долженъ прибыть на 42-й день.

9-е Апрѣля. Пятница.

6 ч. —4°; 9 ч. —2°, 12 ч. —6°; 3 ч. —6°; 6 ч. —3°; 9 ч. —0°.

Выѣхали въ 6 ч. 40 м. Еще со вчерашняго дня, лишь только поднялись мы на вершину Сэнчжинъ даба, насъ встрѣтилъ сильный монгольскій вѣтеръ; сегодня онъ дулъ прямо съ сѣвера еще страшнѣе, а отдѣльные порывы его временами чуть ни достигали силы урагана, по крайней мѣрѣ наши лѣбцы нѣсколько разъ останавливались, не будучи въ состояніи двигаться противъ этого вѣтра. Мы ѣхали пашнями въ направленіи къ Синъ-хо-чэну, на который мнѣ хотѣлось взглянуть и, можетъ быть, сдѣлать съ него фотографическіе снимки. На проѣздъ отъ Борд-цѣжи до земляныхъ валовъ Синъ-хо пришлось употребить ровно два часа. Послѣ описанія этихъ развалинъ, сдѣланнаго мною въ «Примѣчаніяхъ на дневникъ о Палладіа», я не могъ бы теперь прибавить ничего излишняго; замѣчу только, что за протекшіи 15-лѣтній срокъ очень многое здѣсь уже совершенно погибло для археологическихъ изслѣдованій. Правда, стѣны города до сихъ поръ сохраняютъ еще старый характеръ; но внутри ихъ за это время построилась цѣлая китайская деревушка, съ кумирнями и театромъ. Благодаря этой постройкѣ, масса кургановъ разрыта и на мѣстѣ ихъ или построены новыя зданія, или же распаханы нивы. На сѣверо-западномъ углу вмѣсто находившагося здѣсь монгольскаго обдъ воздвигнута маленькая часовня, въ которой поставлена дощечка въ честь «ту-ди», т. е. генія хранителя этой мѣстности. Только самый срединный курганъ пострадалъ

сравнительно меньше и на немъ попережнему валяются обломки старинной глазированной черепицы желтаго и зеленаго цвѣтовъ. Не смотря на страшный вѣтеръ, я сдѣлалъ здѣсь два фотографическихъ снимка: одинъ на новопостроенную деревню, а другой — на сѣверо-западный уголъ города, гдѣ сохранилось еще нѣсколько кургановъ. Не знаю, но трудно чтобы вышло что нибудь изъ этихъ снимковъ, по крайней мѣрѣ подъ вліяніемъ этой страшной непогоды я не рѣшился тратить времени на поѣздку за снимками въ Цаганъ-балгасу¹⁾. Далѣе къ востоку непосредственно у вала Синь-хо-чэна пріютилась также новая деревенька, У-сянь-цзо-рь, жители которой частію пріобрѣли здѣсь земли въ собственность, покупая ее по 5000 чеховъ за му, а частію арендуютъ ее у калганскаго Ли-сы-фу, уплачивая по 500 чеховъ за му въ каждое лѣто. Плата эта должна почитаться сравнительно дорогою, такъ какъ земли, прилегающія къ Синь-хо-чэну, не высокаго достоинства и изобилуютъ солончаками. Только удалившись версты приблизительно на три, мы въ 9 ч. 50 м. повстрѣчали деревню Хо-ту-ба, отъ которой начинается супесчаная почва: по сторонамъ дороги здѣсь раскидано много деревень, населеніе которыхъ исключительно китайское. Въ 10 ч. 15 м. проѣхали падь Багà хонгдръ, посреди которой лежитъ большое озеро, а въ 10 ч. 45 м. мы остановились для полдника въ деревнѣ Дунъ-хоу-цянь, построенной на возвышенномъ берегу котловины озера того же имени, имѣющаго до 4-хъ верстъ въ окружности. Все это мѣста прекрасно знакомы русскому населенію Калгана, которое чуть ни ежедневно весною и лѣтомъ выѣзжаетъ сюда на охоту за водяною птицею: гуси, утки и лебеди ютятся здѣсь безчисла, не смотря на страшное истребленіе ихъ охотниками. Въ 12 ч. 15 м. мы оставили Дунъ-хоу-цянь и, переваливъ невысокій уваль, вступили въ долину другого уже гучжѣрнаго озера, Да-ци, лежащаго влѣво отъ дороги версты на двѣ. По берегамъ этого озера кочуютъ своими юртами чахары, а окрестности его по всей долинѣ носятъ чисто степной характеръ: почва солонцеватая, растительность довольно бѣдная и хлѣбопашества нѣтъ вовсе.

Въ 3 ч. 40 м. передъ нами ясно обозначились высокіе холмы, тянущіеся съ юга на сѣверъ, а вдали, какъ бы совершенно у подножія ихъ, зачернѣлся поселокъ Бай-мяо-цзы-танъ, населенный китайцами солепромышленниками. Всѣ они выходцы изъ Калгана и въ Калганѣ содержатъ свои главные склады, здѣсь же у нихъ находятся только отдѣленія, въ которыхъ они скупаютъ по дешевымъ цѣнамъ соль у проѣзжихъ и бѣдныхъ

1) Негативы эти дѣйствительно вышли такъ плохи, что я не рѣшаюсь представлять ихъ.

монголовъ, затрудняющихся тратить нѣсколько лишнихъ дней на проѣздъ въ городъ. Всѣхъ таковыхъ солеторговыхъ отдѣленій имѣется въ Бай-мяо-цзы-танѣ — семь, отъ семи калганскихъ лавокъ: они представляютъ собою громадныя дворы, огороженные глинобитными стѣнами, въ каждомъ изъ которыхъ находится до десятка жилыхъ зданій и складочныхъ амбаровъ. Являясь такимъ образомъ важнымъ складочнымъ пунктомъ для соляной торговли Калгана, Бай-мяо-цзы-танъ служитъ мѣстомъ, у котораго сходятся калганско-долѣнурскія дороги на Шабартай и Борд-цѣжи. Не смотря на казавшуюся намъ близость Бай-мяо-цзы-тан'а къ помянутымъ холмамъ, въ дѣйствительности, подъѣхавъ къ этому поселку, мы увидали, что урочище его раскинулось не менѣе какъ на пространствѣ версты пяти отъ горъ, по крайней мѣрѣ мы пересѣкали его около 1½ часа. Почва его въ большинствѣ солонцеватая, почему мѣстные китайцы поселяне занимаются здѣсь не только хлѣбопашествомъ, но и скотоводствомъ, содержа по преимуществу стада овецъ. Сѣютъ они главнымъ образомъ юй-мя и картофель; просо и гао-лянъ признаются здѣсь невозможными къ посѣву, такъ какъ климатъ на столько холоденъ, что означенные роды хлѣба не успѣваютъ вызрѣвать. Въ 5 ч. 30 м. мы миновали поселокъ Да-ляо-ди, дворовъ въ 20, и отъ него начали подниматься въ гору на пересѣченіе помянутыхъ холмовъ, которые оказались носящими тоже названіе Да-ляо-ди. Переваливъ черезъ нихъ къ 6 часамъ вечера, мы нашли у сѣверо-восточнаго подножія ихъ поселокъ Синь-лунъ-тай, заключающій въ себѣ до 40 дворовъ, а засимъ вступили въ холмистую котловину, значительно распаханную. За отдѣльными холмами и пригорками здѣсь виднѣлось до десятка маленькихъ деревень, въ три, четыре дома каждая. Съ запада на востокъ лощина эта тянется только на 45 мин. ѣзды самымъ умѣреннымъ шагомъ; съ юга на сѣверъ, вѣроятно немного болѣе. Отъ нея мы пологимъ уваломъ начали подниматься на холмы Байшинтү, а спустившись съ нихъ, вступили въ китайское селеніе того же имени, въ которомъ и остановились для ночлега. Бесѣдуя со здѣшними китайцами, я услышалъ ихъ жалобы, что въ селеніи ихъ уже три года подрядъ является оспенная эпидемія: изъ восьми дворовъ три вымерли совершенно. Первоначально за заболѣвавшими ухаживали, но потомъ заразительность болѣзни довела людей до такого страха, что они перестали даже подходить къ тому дому, гдѣ являлся оспенный больной. Черезъ три дома отъ нашего постоялаго двора, минушею осенью проживала семья, состоявшая изъ двухъ братьевъ, въ возрастѣ отъ 23—25 лѣтъ; оба брата были женаты и имѣли у себя по одному ребенку. Болѣзнь показалась сначала на дѣтяхъ, отъ нихъ по началу заразился самый старшій хозяинъ, потомъ его братъ, потомъ жена

этого младшаго брата и наконецъ жена старшаго. Двое дѣтей были похоронены; старшаго брата также закопалъ въ землю при помощи женщины младшій, уже бывшій въ то время больнымъ. Черезъ день послѣ сего изъ дома начала показываться только одна старшая хозяйка; еще нѣсколько дней — и она кричала своимъ сосѣдямъ, что ея золовка лежитъ при смерти, а деверь умеръ и умоляла ихъ придти похоронить его тѣло, потому что у нея самой уже ноги отваливаются. Никто не отозвался на этотъ зовъ, а какъ несчастная женщина послѣ сего уже не показывалась, то всѣ заключили, что въ концѣ концовъ заболѣла, а потомъ умерла и она. Уже зимою, когда наступили морозы, пошли къ этому дому и увидали тамъ три полуистлѣвшихъ трупа. Никто не прикоснулся къ этимъ трупамъ и даже не вошелъ въ средину дома: старики опредѣлили заложить кирпичемъ и замазать его двери и окна на глухо. Такъ было поступлено и въ настоящую пору этотъ домъ представляетъ собою одну большую наглухо забитую могилу.

10-е Апрѣля. Суббота.

6 ч. — $1\frac{1}{2}^{\circ}$; 9 ч. $+8^{\circ}$; 12 ч. $+9^{\circ}$; 3 ч. -0° ; 6 ч. -1° ; 9 ч. -5° .

Выѣхали въ 6 ч. 15 м. и, бросивъ взглядъ на «страшный домъ», такъ много говорящій о «человѣколюбіи» китайцевъ, направились прямо на востокъ. Передъ нами разстилалась обширная степь, ограничиваемая на югѣ Инь-шанемъ, а на сѣверѣ уходящая вдаль за горизонтъ; на востокѣ она замыкалась впрочемъ весьма невысокими увалами, среди которыхъ виднѣлся проходъ Эр-дѣ-ва. Въ общемъ степь эта является совершенно неразработанною. Почва рыхло, но не сыпуче песчаная, растительности мало и сильный юго-западный вѣтеръ, начавшій дуть еще съ нынѣшней ночи, поднималъ облака пыли. Въ 9 ч. мы поднялись на перевалъ Эр-дѣ-ва и на вершинѣ его увидали повѣшенную на столбѣ клѣтку, съ головою казненнаго на этомъ мѣстѣ преступника китайца. Надпись, красовавшаяся на этой клѣткѣ, сообщала: 斬梟盜犯一名阿爾彬桑即劉洛四首級示眾. «Отрублена и выставлена въ клѣткѣ, на показъ всѣмъ, голова разбойника Арбиньсана, или Лю-ло-сы». Китаецъ этотъ былъ казненъ въ прошломъ году за воровство вообще, но главнѣйшимъ образомъ за разбой, совершенные имъ на дорогѣ, въ періодъ извѣстнаго возстанія въ Юго-восточной Монголіи въ 1891 году. Замѣчательное впечатлѣніе производитъ эта голова, висящая среди пустынной степи: больше чѣмъ гдѣ нибудь она должна поразить собою cadaго, показывая ему, что и здѣсь бдительно слѣдитъ за проступками правительственное око. Мнѣ хотѣлось имѣть этотъ видъ на рисунокѣ и я попробовалъ сдѣлать съ него фотографію, но едва ли что вышло. Страшный вѣтеръ закрывалъ пылью степную даль,

которая имѣла здѣсь не малое значеніе, а голова качалась съ своею клѣткою такъ сильно, что я принужденъ былъ открывать и закрывать камеру два раза, словомъ, дѣлать снимокъ въ два приѣма, такъ какъ порывъ вѣтра во время перваго снимка началъ качать клѣтку очень сильно. Въ 10 ч. 15 м. мы остановились для полдника въ чахърскомъ поселкѣ Эр-дб-ва, состоящемъ изъ двухъ бѣйшиновъ съ находящимися при нихъ юртами.

Обитающіе въ нихъ чахары принадлежатъ хошуну Хуббту шарà и представляютъ собою харулъ, именуемый Шанага, на границѣ чахарскихъ хошунновъ гули-шарà къ западу и хуббту-шарà къ сѣверо-востоку и отчасти къ востоку. Впрочемъ непосредственно на востокъ отсюда залегаютъ еще не хошунныя земли, а угодья, выдѣленные изъ этихъ земель подъ пастбища такъ называемаго «вангійнъ сурұка». Ванъ этотъ, маньчжуръ по происхожденію, проживаетъ постоянно въ Пекинѣ и извѣстенъ у Монголовъ подъ именемъ Хо-цинъ-вана. Въ данной мѣстности онъ имѣетъ три сурұка лошадей, шесть сурұковъ рогатаго скота и два сурұка овецъ. Скотъ его пасутъ чахары на общемъ условіи годоваго приращенія каждаго вида скота въ 20%. Ванъ пріѣзжаетъ изъ Пекина всегда черезъ три года и въ каждый пріѣздъ назначаетъ, по собственному усмотрѣнію, извѣстное число скота къ продажѣ. Проживаетъ онъ при своемъ сурұкѣ обыкновенно очень не долго, или по крайней мѣрѣ такой періодъ времени, въ который совершить дѣйствительно продажу скота буквально не возможно. На сей конецъ для каждаго рода животныхъ установлены извѣстныя цѣны: лошадь считается въ 6 ланъ 4 цина, корова въ 4 лана 4 цина, а овца въ 6 цинновъ, и пастухи обязаны выдать вану сумму согласно этимъ цѣнамъ и количеству назначеннаго имъ въ продажу скота. Предположимъ, что прибывшій ванъ опредѣлилъ продать изъ извѣстнаго сурұка 100 лошадей; это значитъ, что пастухи этого сурұка должны внести ему 640 ланъ серебра и, получивъ эти деньги, ванъ уѣзжаетъ, вычеркивая изъ списка убылое число лошадей, а пастухи засимъ вольны продать этихъ лошадей по какимъ имъ угодно цѣнамъ и дальнѣйшій процентный счетъ прибыли ведутъ уже изъ суммы разности, произшедшей отъ вычета убылого скота. Чахары говорятъ, что всѣ пастухи вана наживаются страшно, ибо они имѣютъ въ свою пользу не только весь приплодъ свыше 20%, но получаютъ еще и значительные барыши при дѣйствительной продажѣ скота, беря за лошадь иногда 10, а иногда и 15 ланъ. Помимо сего нѣкоторый доходъ имъ доставляютъ еще самыя земли пастбищъ. Оставаясь единственно въ распоряженіи пастуховъ и лишеныя высшаго надзора, земли эти сильно вытравливаются калганскими китайскими скотопромышленниками, которые пасутъ здѣсь тысячныя стада своихъ овецъ, уплачивая за

это пастухамъ, хотя и весьма незначительную, сумму деньгами, или хлѣбомъ. Наконецъ помимо этихъ доходовъ ванскіе пастухи получаютъ еще и прямое жалованье, въ размѣрѣ 16 ланъ серебра въ годъ каждый.

Оставивъ караулъ Шанага въ 11 ч. 20 м., мы продолжали путь по той же долинѣ до чахарскаго поселка Дэнъ-усутай, а засимъ въ 1 ч. 20 мин. вступили въ горы и начали подниматься по длиннѣйшему пологому увалу, тянущемуся на 20 ли и называемому чахарами Хоринъ гацзарьинъ обб. Подъемъ этотъ въ административномъ отношеніи важенъ какъ пограничный пунктъ, къ западу пастбищъ Хо-цинъ-вана, а къ востоку пастбищъ Тай-фу-сы, собственно восточной ихъ половины (чжунъ-гарь). Съ внѣшней стороны онъ представляетъ собою плоскую возвышенность, во множествѣ испещренную отдѣльно стоящими невысокими холмами. На всемъ протяженіи этихъ 20 ли подъема нѣтъ ни воды, ни поселеній, а потому мѣсто это извѣстно какъ пріютъ всякаго рода разбойниковъ. Въ 2 ч. пошелъ довольно сильный снѣгъ и это при температурѣ постепенно, но быстро упавшей на 9° (Въ 12 ч. было +9°; въ 2 ч. +4°, въ 3 ч. —0°). Въ 2 ч. 30 м. поднялись на вершину перевала, гдѣ дѣйствительно нашли обб. Оно ничѣмъ не отличается отъ обычной груды камней этого рода, но пользуется большимъ уваженіемъ у всѣхъ здѣшнихъ путниковъ какъ обителище хранительнаго духа; на южной сторонѣ обб между прочимъ устроено подобіе воротъ съ водруженною на нихъ доскою, на которой китайскими іероглифами обозначено, что двѣ долбнѣ-нѣрскихъ торговыхъ фирмы, счастливо избавившись отъ нападавшихъ на нихъ здѣсь разбойниковъ, въ счастливый день 6-й луны 17 года правленія Гуанъ ской (1891) чествовали это обб принесеніемъ ему въ жертву барана, хадаковъ и курительныхъ свѣчей. Спускъ съ перевала носить совершенно тотъ же характеръ что и подъемъ на него: онъ пологъ, ровенъ и настолько обширенъ, что мы почти незамѣтно въ 3 ч. 40 м. перешли изъ него въ такую же широкую равнину Сяо-цзянь-тань, на которой кочевали чахары знамени хуббтѣ шара, а въ 4 ч. 55 м., переваливъ черезъ пологій уваль, продолжали путь по холмистой равнинѣ Чжанъ-ма-цзинь. Она получила свое названіе отъ ключа, обдѣланнаго въ хорошій колодець, изъ котораго засимъ вытекаетъ ручей, носящій тоже имя Чжанъ-ма-цзинь (張麻井). Въ деревнѣ, стоящей при этомъ ручьѣ, мы остановились для ночлега.

11-е Апрѣля. Воскресенье.

6 ч. —9°; 9 ч. —6°; 12 ч. —4°; 3 ч. —2°; 6 ч. —0; 9 ч. —7.

Всю ночь шелъ снѣгъ и покрылъ землю снѣжною пеленою толще $\frac{1}{4}$ аршина. Выѣхали въ 6 ч. 40 м. Дорога проходитъ холмистою, но необитаемою вслѣдствіе безводія степью до поселка Хэ-ту-ба (黑土凹),

въ который мы прибыли въ 11 ч. 50 м. и остановились для полдника. Оставивъ его въ 1 ч. 30 м., двинулись далѣе. Вьюга продолжается: снѣгъ и сѣверный вѣтеръ. Въ 3 ч. миновали деревню А-ляо-рѣ, состоящую изъ 8 дворовъ, а черезъ полчаса послѣ сего проѣхали еще одну деревню, имя которой намъ осталось не извѣстнымъ, такъ какъ мы не встрѣтили здѣсь ни одного человѣка, — все населеніе укрылось отъ непогоды. За этою деревнею начались обработанныя поля на довольно далекое пространство. Въ 4 ч. 30 м. буря представила собою нѣчто поразительно ужасное. Страшные клубы пыли поднялись впереди насъ по дорогѣ и образовали собою желтую стѣну, соприкасающуюся облакамъ. Въ 5 ч. 45 м. переѣхали Шандянь гѣль, шириною въ 2 сажени и глубиною до $\frac{1}{2}$ арш. Отсюда къ востоку залегаетъ долина Шань-дянь твердо песчаного грунта, усѣянная мелкой галькой. Слѣдуя по этой долинѣ, мы въ 6 ч. 30 м. остановились для ночлега въ гостинницѣ поселка, носящаго тоже имя Шань-дянь-хэ (閃電河).

Постоялый дворъ этотъ былъ сплошь заставленъ телѣгами калганскихъ купцевъ, возвращавшихся изъ Долбнѣ-нѣра въ Калганъ. Выѣхавъ со своими товарами изъ Калгана въ Долбнѣ-нѣръ въ началѣ второй луны и расторговавшись тамъ, они везли теперь на продажу въ Калганѣ кунжутное масло (瓜子油), соль, кожи и муку. Въ гостинницу Шань-дянь-хэ они приѣхали еще третьяго дня и двое сутокъ уже не двигались за непогодой и вѣтромъ. Время ихъ, конечно, было проведено въ ѣдѣ, питьи и снѣ, а мой приѣздъ доставилъ имъ еще новое развлеченіе. Является только вопросомъ, какъ высчитывать при условіяхъ такого отношенія къ торговому дѣлу оборотъ торговаго капитала?

12-е Апрѣля. Понедѣльникъ.

6 ч. -7° ; 9 ч. $-1\frac{1}{2}^{\circ}$; 12 ч. $+2^{\circ}$; 3 ч. $+4^{\circ}$; 6 ч. $+4^{\circ}$;
9 ч. -1° .

Шань-дянь-хэ небольшая деревенька, недавно обоснованная выходцами изъ Долбнѣ-нѣра и населеніе ея, равно какъ и все китайское населеніе этихъ мѣстъ состоитъ въ вѣдѣніи долбнѣ-нѣрскаго Эрл-фу. Всю минувшую ночь продолжалъ дуть вѣтеръ и, по временамъ, падать снѣгъ. Къ утру вѣтеръ началъ стихать. Выѣхали въ 6 ч. 25 м. Отъ Шань-дянь-хэ слѣдуетъ раздѣленіе дороги, по которой мы ѣхали: дорога на Долбнѣ-нѣръ идетъ отсюда на сѣв.-востокъ, а чэнъ-дэ-фу'ская направляется къ юго-востоку. Мы двинулись по этой послѣдней. Мѣстность ея представляетъ собою холмистую степь, лишенную всякой культуры и обработки: китайцамъ здѣсь воспрещено селиться, такъ какъ настоящія земли отведены подъ кочевья чахъаровъ. Впрочемъ чахъары, по словамъ шань-дянь-

хэ'сцевъ, кочуютъ здѣсь только лѣтомъ, а потому въ настоящую пору мы и не встрѣтили здѣсь ни одного чахарскаго айя. Это безлюдье и необитаемость степи даетъ возможность спокойно и привольно пасться здѣсь многочисленнымъ стадамъ цзэрэновъ, которыя мы видѣли постоянно по обѣимъ сторонамъ дороги; нѣкоторыя изъ нихъ доходили по своей величинѣ до 200 и болѣе головъ. Въ 9 часовъ, миновавъ Шань-дьянь-хэ'скую степь, мы вступили въ широкую и продолговатую котловину Ту-хо, отведенную подъ пашни и поселенія китайцевъ. Деревни ихъ усажены ракетами (бургасу), разросшимися въ большія и прекрасныя деревья и это были, кажется, первыя деревья, которыя встрѣтили мы по выѣздѣ изъ Калгана. За котловиною Ту-хо идутъ опять таки китайскія поселенія. Въ 10 ч. 30 м. мы миновали деревню Эрл-ши-у-хао, а въ 11 ч. 45 м. добрались до большаго поселка Ди-цзы-эрл-хао. (地字二號). Раскинутый по склону высокаго холма, поселокъ этотъ образовался еще въ года правленія Цзяцина и въ настоящую пору заключаетъ въ себѣ до 280 дворовъ. Все населеніе его представляетъ собою выходцевъ изъ провинцій Шань-дунъ и Шань-си. Здѣсь они занимаются исключительно хлѣбопашествомъ и избытокъ своихъ трудовъ продаютъ въ Долонъ-нурѣ. Оставивъ Ди-цзы-эрл-хао въ 1 ч. 15 м. дня, мы направились далѣе широкою и на все видимое пространство разработанною подъ нивы степью, полого, но замѣтно повышающеюся въ восточномъ направленіи. Телѣжный путь извивается узкою полосою среди полей и по нему въ 3 часа мы достигли селенія Ши-па-хао, заключающаго въ себѣ до 30 благоустроенныхъ дворовъ. Отсюда черезъ два часа ѣзды доѣхали до небольшой рѣчущки Ту-дао-хэ, текущей на югъ. На лѣвомъ берегу ея, приблизительно верстахъ въ 6, или 7, высоко поднимаютъ свои вершины двѣ скалы: одна изъ нихъ является въ видѣ отвѣсно-обрывистаго, продолговатаго утеса, — она называется Лама-шань; другая кажется кругловатою и состоитъ изъ пяти или шести коническихъ возвышеній, представляющихъ собою издали какъ бы развалины башенъ какого нибудь древняго замка; мѣстные китайцы зовутъ ее Лю-цза-шань (т. е. Печь-гора). Въ 5 ч. 45 м. мы увидали на разстояніи версты въ правой сторонѣ отъ дороги деревню Сань-цзю-и-рѣ, въ которой, говорятъ имѣется прекрасная гостинница, составляющая обычное мѣсто остановки путниковъ, но мы проѣхали ее и, миновавъ засимъ деревушку Ба-тоу въ 4-е двора, въ 6 ч. 20 мин. остановились въ такой же деревушкѣ Сяо-ской.

13-е Апрѣля. Вторникъ.

6 ч. —2°; 9 ч. +11°; 12 ч. +15°; 3 ч. +16°; 6 ч. +14°; 9 ч. +8°.

Вѣтеръ стихъ и день обѣщаль быть если не яснымъ, то теплымъ.

Мы выѣхали въ 6 ч. 5 м. и первоначально продолжали путь по той же долинь, которая началась для насъ еще вчера отъ поселка Ди-цзы эр-хао. Въ 6 ч. 45 м. сдѣлавъ весьма не высокій подъемъ, подѣхали къ деревушкѣ Ба-гоу, стоящей, какъ показываетъ то и самое названіе, въ ущельи, или вѣрнѣе сказать у вершины ущелья. Давно уже мало по малу повышавшаяся долина въ этомъ мѣстѣ сѣззилась, окружавшія ее горы подступили съ боковъ и, взобравшись на гребень ихъ по помянутому невысокому подъему, мы увидали впереди себя ущелье, по которому извиается ручей Да-хэ. Въ настоящую пору онъ уже проснулся отъ своей зимней спячки и весело журчалъ своими водами, хотя мѣстами протекалъ еще подъ покровомъ своей ледяной и снѣжной коры. Слѣдуя по берегу этого ручья, мы могли видѣть постепенное увеличеніе его русла и водъ, приумножающихся главнымъ образомъ ключами. Къ 8 часамъ онъ образовалъ собою уже довольно значительную рѣчку, постоянное русло которой имѣло ширины не менѣе двухъ саженой. Здѣсь ущелье образуеетъ собою небольшую террасу, на которой ключи составили цѣлое озеро, саженой на 50 въ окружности. Въ озеро это вливается Да-хэ, а вытекая изъ него, получаетъ уже названіе Усѹ-турѹнъ. Въ 9 часовъ мы миновали выдающуюся по своей величинѣ гору Улѣнь-шань; она стоитъ на лѣвомъ берегу Усѹ-турѹна и получила свое имя, несомнѣнно, отъ краснаго цвѣта составляющихъ ее обнаженныхъ камней. Издали гора эта кажется имѣющею форму сѣдла, а вблизи представляется громаднѣйшимъ утесомъ. Въ 10 ч. 50 м. мы достигли небольшой деревушки Цю-шэнь-мяо (九神廟) и остановились въ ней для отдыха. Сама по себѣ эта деревушка въ семь дворовъ бѣднѣйшихъ хлѣбопашцевъ не представляетъ ничего выдающагося, но въ ней находится хорошо устроенная казенная кумирня, воздвигнутая, кажется, какъ пограничный знакъ раздѣла земель фынъ-нинъ-сянь'скаго уѣзда и долбнъ-нѹрскаго вѣдомства. Такимъ образомъ мы вступили отсюда въ фынъ-нинъ-сянь'скій уѣздъ чэнь-дэ-фу'скаго департамента, т. е. въ земли по своему управленію не отличающіяся отъ управленія во внутреннемъ Китаѣ.

Здѣсь я почитаю умѣстнымъ сказать, что департаментъ Чэнь-дэ-фу и его границы были опредѣлены еще въ года правленія Канъ-си, хотя въ ту пору они существовали на нѣсколько иныхъ основаніяхъ. Управление здѣсь раздѣлялось тогда на приставства, или «тинъ» (廳). Въ центрѣ находился Жэ-хэ тинъ; на юго-западѣ Харà-хотòнъ тинъ; на сѣверо-западѣ Су-шитинъ; на востокѣ Па-гоу тинъ; еще далѣе на восточной окраинѣ, — Та-цзы-гоу тинъ. Позднѣе изъ сѣверной части приставства Па-гоу былъ образованъ отдѣльный округъ съ именемъ Улѣнь-хадà, а изъ восточной части

приставства Та-цзы-гоу еще особый округъ съ именемъ Сань-цзо-та. Въ 43-мъ году правленія Цянъ-луна (1778) сказанная система административнаго дѣленія была измѣнена и съ этой собственно поры страна и стала уравненною въ управленіи съ провинціями внутреннихъ земель; въ тоже время и административнымъ пунктамъ были даны тѣ самыя имена, которыя они сохраняютъ доселѣ. Жэ-хэ тинъ избранъ былъ главнымъ городомъ департамента и наименованъ «Фу» (府), съ подчиненіемъ его вѣдомству шести остальныхъ округовъ. Па-гоу-тинъ сдѣланъ округомъ второй степени, «чжоу» (州), и центръ его управленія опредѣленъ въ городѣ Пинъ-цюанъ чжоу (平泉州); остальные пять округовъ были причислены къ административнымъ пунктамъ третьей степени, названы уѣздами, «сянь» (縣), и центрами управленія ихъ избраны; 1) Луань пинъ сянь (灤平) вм. прежняго Харъ-хотднъ; 2) Фынъ нинъ сянь (豐甯) вм. прежняго Су-ши; 3) Чи-фынъ-сянь (赤峰) вм. прежняго Уланъ-хадъ; 4) Цзяньчанъ-сянь (建昌) вм. прежняго Та-цзы-гоу и 5) Чао-янъ сянь (朝陽) вм. прежняго Сань-цзо-та.

И такъ, оставивъ въ 12 ч. 5 м. Цю-шань-мяо, мы формально, но не фактически оказались въ предѣлахъ внутренняго Китая и продолжали спускаться по тому же ущелью. Въ 1 ч. 25 м. достигли деревни Чжанъ-пинъ-инъ-цза, заключающей въ себѣ всего два двора; отъ нея по ущелью начинаютъ довольно часто попадаться одиноко стоящія деревья. Здѣсь мы сняли видъ этого ущелья, а нѣсколько ниже сего намъ предстало поразительное зрѣлище: русло рѣки суживается, берега становятся выше и здѣсь то эта маленькая всего въ $\frac{1}{4}$ аршина глубиною рѣчущка течетъ подо льдомъ, слой котораго мѣстами доходитъ до 4 арш. 11 вершковъ толщины. Можно представить сколько нужно времени для образованія такой накипи. Въ 4 ч. 50 м. мы достигли конца ущелья, заключающагося двумя чрезвычайно красивыми скалами, столько же высокими, сколько массивными, и вообще пропорціональными. Мѣсто это называется китайцами «Гоу-мынь-цза»; отъ него дорога вступаетъ въ долину р. Луанъ-хэ и, черезъ 20 мин. ѣзды шагомъ, путники могутъ доѣхать по ней до поселка Сэн-чжиту, имя котораго также измѣнено китайцами въ Гоу-мынь-цза (溝門子). Поселокъ этотъ не великъ, не болѣе 45 дворовъ. Населеніе его, исключительно китайское, занимается земледѣліемъ, но помимо сего промышляетъ и торговлею, направляясь съ указанною цѣлью, по установившимся традиціямъ, почти исключительно въ одинъ пунктъ, — Даръ ханга. Товары, — чай, бумажныя матеріи и кое какія желѣзныя и деревянныя издѣлія, — приобрѣтаются ими въ Долонъ-нурѣ, отстоящемъ отъ Гоу-мынь-цза не болѣе какъ въ 90 ли пути. Не смотря на эту промышленность, Гоу-мынь-

ца настолько бѣдна, что въ ней, какъ и въ другихъ деревняхъ, которыя мы доселѣ проѣхали, нельзя было достать мяса и мы, по обычаю, должны были питаться, приобрести курицу за 250 чеховъ, что составитъ на наши деньги приблизительно 40 коп. за штуку.

Самымъ интереснымъ предметомъ въ Гоу-мынь-ца представлялось для насъ достиженіе береговъ р. Луань-хэ. Мало изслѣдованная рѣка эта, какъ извѣстно, является единственною въ юго-восточной Монголіи рѣкою, несущею свои воды на югъ, въ Пекинскую равнину; всѣ маленькія рѣчки и рѣчущки, текуція въ томъ же направленіи, принадлежатъ системѣ Луань-хэ. Съ своей стороны, не будучи въ состояніи прослѣдить теченіе этой рѣки, мы постарались приобрести о ней свѣдѣнія хотя на столько, на сколько сообщаетъ о томъ лучшее изъ китайскихъ историко-географическихъ изслѣдованій чэнъ-дэ-фу'скаго департамента, извѣстное подъ именемъ «Жэ-хэ чжи-ляо».

«Рѣка Луань-хэ» (洛河), говоритъ означенное сочиненіе, «беретъ свое начало въ 130 ли на сѣверо-востокъ отъ прохода великой стѣны Ду-ши-коу, у горы Баянь-тугуръ шань, находящейся въ земляхъ монгольскихъ кочевьевъ. Вначалѣ она течетъ 150 ли въ сѣв.-западномъ направленіи, по территоріи, подвѣдомственной ямуню Ду-ши-коу тинъ, до мѣстности, извѣстной подъ именемъ Шанду-дянь, а засимъ входитъ в ъсѣверную часть земель, подвѣдомственныхъ Долбнъ-нуръ тин'у; отсюда она поворачиваетъ и течетъ на сѣверо-востокъ, огибаетъ съ южной стороны древній городъ Кай-пинъ-чэнъ и, нося здѣсь имя Шанду хэ, поворачиваетъ засимъ подъ тѣмъ же именемъ на юго-востокъ, протекая до урочища Лю-тяо-гоу. Всего въ предѣлахъ Ду-ши-коу'скаго и Долбнъ-нурскаго вѣдомствъ она течетъ 470 слишкомъ ли и входитъ въ уѣздъ Фынъ-нинъ-сянь (вѣдомства 4-хъ знаменъ), т. е. собственно въ южную часть земель, подвѣдомственныхъ чахърскому желтому съ каймою знамени. Отъ этихъ границъ она течетъ до поселка Сэнчжитѹ-синь, проходя съ восточной стороны онаго; потомъ—на югъ до кумирни Да-мяо, отсюда поворачиваетъ на востокъ, потомъ на юго-западъ, потомъ на юго-востокъ, потомъ опять на востокъ до моста Цю-цай-лянъ. За мостомъ, продолжая свое теченіе въ восточномъ направленіи, она вступаетъ въ земли простого бѣлого знамени и далѣе, протекая на востокъ же мимо горы У-фынъ, доходитъ до военнаго поселка Го-цзя-тунъ. Проходя мимо этого поселка съ сѣверо-восточной стороны, она неподалеку отсюда принимаетъ въ себя рѣку Сю-луань-хэ и отселѣ главное русло рѣки усвояетъ себѣ названіе Луань-хэ. Здѣсь рѣка поворачиваетъ на югъ и течетъ до горы Да-дуй-шань, потомъ поворачиваетъ на востокъ, потомъ снова на югъ до поселка Бэй-дянь, и

далѣе, вступивъ въ земли бѣлого съ каймою знамени, течетъ на югъ до деревни Синь-лунь-чжуань. Всего она проходитъ по территоріи уѣзда Фынъ-нинъ-сянь 418 ли. Отсюда Луань-хэ входитъ въ южную часть уѣзда Луань-пинъ-сянь и, протекая нѣкоторое разстояніе, сворачиваетъ на юго-западъ, а потомъ опять повертываетъ на юго-востокъ до Чанъ-бо-луань, на сѣверной сторонѣ котораго сливается съ рѣкою Синь-чжоу-хэ, притекающею сюда съ запада. Здѣсь Луань-хэ поворачиваетъ на востокъ, сливается съ общимъ русломъ рѣкъ Иматъ-хэ и Исунь-хэ, приходящимъ съ сѣвера, а потомъ принимаетъ въ себя Жао-харà хотонь, на сѣверной сторонѣ синь гун'а (походнаго дворца). Отсюда она течетъ на востокъ и засимъ на юго-востокъ до Ши-мынь-цза. Всего протекаетъ она по уѣзду Луань-пинъ-сянь 218 ли и входитъ въ пограничныя восточныя земли департамента Чанъ-дэ-фу, гдѣ течетъ до Ся-инъ-цза и сливается съ рѣчкою Жэ-хэ, притекающею съ сѣверо-востока. Отъ этого впаденія Луань-хэ поворачиваетъ на югъ и проходитъ мимо города Шанъ-пань-чэнъ до устья рѣки Бай-хэ; здѣсь же сливается съ нею Цинъ-бай-хэ, текущая съ запада и засимъ Лао-ню-хэ, текущая съ сѣверо-востока. Послѣ сего Луань-хэ течетъ на юго-востокъ, протекаетъ мимо города Ся-пань-чэнъ принимаетъ въ себя р. Лю-хэ, текущую сюда съ запада и засимъ сливается съ Цзюй-хэ, приходящей также съ запада. Отсюда Луань-хэ течетъ до Мынь-цзы-сяо, находящейся на границѣ округа Пинъ-цюань-чжоу. Всего по землямъ, управляемымъ непосредственно въ департаментѣ Чанъ-дэ-фу, Луань-хэ течетъ 220 ли и засимъ хотя и весьма незначительное пространство протекаетъ по уѣзду Цанъ-ань-сянь департамента Юнь-пинъ-фу, внѣ великой стѣны. Отсюда Луань-хэ переходитъ въ западную часть уѣзда Пинъ-цюань-чжоу и сливается здѣсь съ рѣками: Хуань-хуа-чуань, Цинъ-хэ, Гоу-хэ, течетъ до прохода великой стѣны Фань-цзя коу и вступаетъ засимъ въ предѣлы собственнаго Китая, гдѣ теченіе ея до устья уже весьма незначительно».

Зная все вышеизложенное, я легко могъ опредѣлить въ какомъ именно мѣстѣ пришлось мнѣ увидѣть Луань-хэ, чтобы, хотя по возможности, провѣрять автора Жэ-хэ чжи-ляо и въ указаніи направленія теченія рѣки онъ въ самомъ дѣлѣ оказался безукоризненно точнымъ. Къ поселку Сэнчжитѹ рѣка дѣйствительно приходитъ съ востока и протекаетъ по долинѣ его почти прямо на западъ, а засимъ, будучи преграждаема утесами Гоу-мынь-цза, поворачиваетъ на югъ. Въ одномъ только является нѣкоторая не точность, это въ утверженіи относительно названія рѣки. Съ кѣмъ и какъ я ни разговаривалъ, всѣ называли мнѣ эту рѣку Луань-хэ, а не Шанду-хэ; егго названіе Луань-хэ рѣка усвоитъ себѣ гораздо раньше впаденія въ нее

Сяо-луань хэ, хотя Жэ-хэ-чжи сообщаетъ противное. Впрочемъ очень можетъ быть, что послѣднее названіе утвердилось за рѣкою лишь въ позднѣйшее время, подѣ влияніемъ наплыва сюда китайскаго населенія съ юга, которому рѣка эта всегда была извѣстна подѣ именемъ Луань-хэ; тогда какъ въ періодъ написанія Жэ-хэ-чжи здѣсь кочевали еще чахъры, которые, по живой связи своей съ сѣверомъ, звали эту рѣку Шанду-хэ, какъ и до нынѣ зовутъ ее къ сѣверу отъ Долонъ-нѹра.

14-е Апрѣля. Среда.

6 ч. $+1^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$; 12 ч. $+18^{\circ}$; 3 ч. $+16\frac{1}{2}^{\circ}$; 6 ч. $+15^{\circ}$; 9 ч. $+7\frac{1}{2}^{\circ}$.

Выѣхали въ 6 ч. 20 м. и саженьхъ въ 200 отъ поселка Сэнчжитѹ переѣхали Луань-хэ по оригинально устроенному мосту. Изъ вѣтвей тальника сплетены продолговатыя корзины, имѣющія въ длину сажени полторы, а въ ширину около аршина съ четвертью. Корзины эти опущены въ воду, наполнены камнями и такимъ образомъ устроены быки моста; поверхъ ихъ устланы жерди, набросаны вѣтви, насыпанъ навозъ, перемѣшанный съ пескомъ и — мостъ готовъ. Устраивается онъ по распоряженію фынъ-нин'скаго чжи-сяня и принадлежитъ казнѣ, имѣя своимъ прямимъ назначеніемъ служить для казенныхъ сообщеній застѣннаго Китая съ Долонъ-нѹромъ, тѣмъ не менѣе по мосту этому ѣздятъ всѣ, не внося за это никакой платы. Луань-хэ у мѣста нашей переправы имѣла до 20 саж. ширины. Теченіе ея, какъ и всякой горной рѣки, очень быстрое и имѣетъ массу водоворотовъ, очевидно, въ мѣстахъ громадныхъ подводныхъ камней. Въ общемъ рѣка не глубока и рѣдко достигаетъ аршина, но она имѣетъ много омутовъ, особливо у лѣваго берега. Въ этихъ омутахъ водится рыба, только очень мелкая, такъ что даже бѣднѣйшее китайское населеніе пользуется ею рѣдко и скорѣе ловятъ ее люди богатые, находящіе удовольствіе ходить и сидѣть съ удочками. Переѣхавъ на лѣвый берегъ Луань-хэ, мы съ полверсты двигались вверхъ по ея теченію, а засимъ повернули прямо на югъ, въ падъ горнаго ручья Сань-цза гѹль, впадающаго въ Луань-хэ. Этою падью мы поднимались до 7 ч. 15 мин., пока достигли истоковъ Сань-цза, берущаго начало на самой вершинѣ пади изъ небольшого подгорнаго ключа. Спустившись отсюда, въ 7 ч. 45 м. достигли другой пади, имѣющей уже ВЮВ направленіе. Текущій по этой пади потокъ мы назвали Сяо-хэ-цза. Рѣчущка эта широко разлилась по пади и въ данное время лежала еще подо льдомъ: проснувшіяся воды ея катились или подѣ ледянымъ настомъ, или поверхъ онаго. Впрочемъ присутствіе этого льда нисколько не улучшало нашей дороги, ибо онъ не покрывалъ собою тѣхъ камней, которыми буквально усыпана падъ на всемъ своемъ протяженіи.

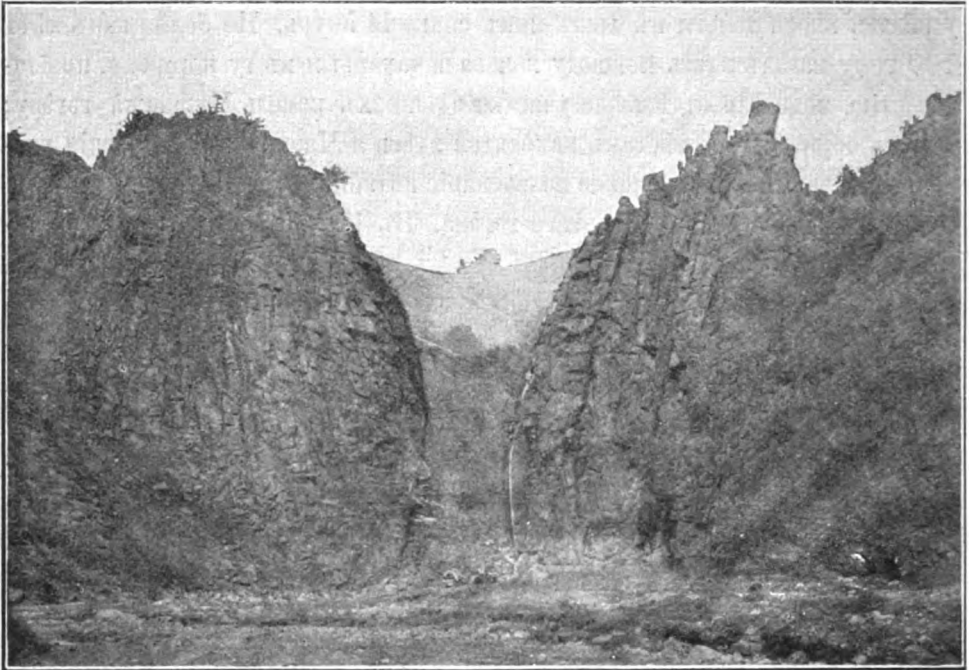
О земледѣліи здѣсь не можетъ быть и рѣчи: пашни встрѣчались намъ очень рѣдко и не иначе какъ расположенными узкими продольными полосами по скатамъ горъ, поднимаясь иногда на значительную высоту; но въ большинствѣ горы каменисты и представляютъ собою почти отвѣсные утесы. Одинъ изъ такихъ утесовъ, встрѣтившійся намъ въ 8 ч. 20 м., невольно обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ срединѣ его, на высотѣ приблизительно 15 саж. отъ земли, имѣется ровная, какъ бы умышленно пробитая полукругомъ скважина, проникающая насквозь черезъ всю толщину утеса. Мѣсто это еще доселѣ хранить за собою монгольское названіе «Онгорхѡй хадъ». Въ 10 минутахъ ѣзды ниже его встрѣчается китайская деревня Лю-цзянь-ю, представляющая собою поселокъ исключительно пещерный. Всѣ эти пещеры устроены по одному общему типу, который, повторю здѣсь, былъ наблюдаемъ мною и на ху-ху-хотѡской дорогѣ хотя въ ту пору я и не описалъ его подробно. Внутренность пещернаго жилища обыкновенно представляетъ собою три равныхъ комнаты, изъ коихъ срединная является какъ бы прихожей, а по бокамъ располагаются двѣ жилища. Обычная высота пещернаго жилища отъ $3\frac{1}{2}$ до 4-хъ арш.; потолки всегда устроиваются сводомъ, двери и окна не иначе какъ въ различныхъ стѣнахъ и притомъ посрединѣ помѣщенія или комнаты. Въ обстановкѣ китайское пещерное жилище ничѣмъ не различается отъ обычнаго байшина: тотъ же канъ, та же печь, а прочее повсюду зависитъ отъ степени состоятельности хозяевъ. Зимой хорошее пещерное жилище, говорятъ, даже теплѣе глинобитной фанзы, а лѣтомъ прохладнѣе ея; слѣдовательно помѣщеніе это лучше обыкновеннаго китайскаго жилища, и тѣмъ не менѣе въ пещерахъ живутъ въ Китаѣ только крайніе бѣдняки. Тоже самое повстрѣчали мы и здѣсь: бѣдность этихъ поселянъ была такая, что они не имѣли у себя даже рогожки, обычно постилаемой на канѣ. Хлѣбопашества они у себя не имѣютъ, а живутъ, занимаясь собираніемъ дровъ и продажею ихъ по близъ лежащимъ селеніямъ; такимъ образомъ добывается ими пропитаніе изо дня въ день. Впрочемъ и жизнь хлѣбопашцевъ здѣсь не особенно лучше и, можетъ быть, сопряжена еще съ большими трудами и затратою силъ. Оставивъ Лю-цзянь-ю въ 9 часовъ утра, мы къ 10 часамъ прибыли въ селеніе Цинъ-ши-ла, жители коего занимаются именно хлѣбопашествомъ, пашни же ихъ, какъ оказалось, располагаются на самой вершинѣ скалы, высящейся саженой на 50 надъ ущельемъ. Такъ какъ весь этотъ людъ былъ занятъ теперь паханіемъ земли, то я снялъ себѣ фотографическій снимокъ ихъ работъ. Съ половины 11-го часа снова начался вѣтеръ, который въ соединеніи съ каменистостью пути дѣлаетъ движеніе просто невыносимымъ: являешься способнымъ не наблюдать, а только браниться.

Пашни проходятъ исключительно по вершинамъ скалъ и замѣчательно, при всемъ неудобствѣ и трудности въ обработкѣ здѣшнихъ земель, за нихъ уплачивается еще $\frac{1}{10}$ часть урожая въ казну, въ видѣ подати, да сверхъ того аренда казеннымъ учрежденіямъ, или частнымъ лицамъ. Мѣстные поселяне имѣютъ здѣсь собственныхъ земель очень мало, а арендуютъ ихъ у казны, внося деньги въ фынъ-нинъ-сяньскій ямунь. Не болѣе какъ лѣтъ 100 тому назадъ здѣсь повсюду кочевали чахъры и въ ту пору они, по благочестію, поднесли отдѣльные участки здѣшнихъ земель Чжанчжъ гэгэну; такимъ образомъ по мѣстамъ находятся здѣсь и Чжанчжъ-гэгэновскія владѣнія, сдаваемые въ арендное пользованіе китайцамъ уже долбнъ-нѣрскимъ саномъ (казнохранилищемъ) этого гэгэна. Въ 12 ч. 20 м. мы достигли китайскаго поселка Янь-цзы-ва, (燕子窩) состоящаго изъ 26 дворовъ и остановились здѣсь на полуденный отдыхъ. Поселокъ раскинутъ по горному скату пади, между тѣмъ какъ дно ея сплошь усыяно громадными валунами. Мѣстные хѣшаны воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы устроить сборъ съ проѣзжающихъ на содержаніе своей кумирни и взимаютъ, смотря по обстоятельствамъ, отъ 10 до 50 чеховъ за телѣгу, въ случаѣ же не уплаты, они не пропускаютъ по дорогѣ черезъ деревню и предлагаютъ ѣхать по дну ущелья. Конечно, всѣ уплачиваютъ этотъ самовольный и безконтрольный сборъ за исключеніемъ лишь китайскихъ чиновниковъ, которые смотрятъ сквозь пальцы на незаконный поборъ народа и, можетъ быть, пользуются даже отдѣльными за это приношеніями со стороны хѣшановъ.

Жители поселка Янь-цзы-ва, не имѣющіе собственныхъ земель, арендуютъ ихъ въ санѣ Чжанчжъ гэгэна съ платою по 200 чеховъ за му въ годъ. Двинувшись въ дальнѣйшій путь въ 1 ч. и 45 м. дня, мы обогнали караванъ въ 25 верблюдовъ, идущій съ солью въ Фынъ-нинъ-сянь; хѣшаны и съ него взяли 50 чеховъ, считая по 2 чеха за верблюда. Почти отъ самаго поселка Янь-цзы-ва начинается подъемъ на очень высокій, крутой и трудный перевалъ, носящій тоже названіе Янь-цзы-ва ба. На вершину его мы взобрались только въ 3 часа. Отсюда начался для нашей дороги спускъ по ущелью Байнъ-гоу. Ущелье это узко, изобилуетъ высочайшими, отвѣсно стоящими базальтами, являющимися въ видѣ обнаженныхъ и дикихъ скалъ. Виды здѣсь поразительны своею красотой, за то дорога по ущельямъ совершенно неразчищена и представляетъ собою путь, неизмовѣрно трудный для проѣзда. По ущелью течетъ потокъ, въ вершинѣ своей имѣющій ширины не выше полуаршина. Онъ называется Чокотанъ-цза и, протекая по ущелью Байнъ-гоу версты три (1 часъ нашей ѣзды), впадаетъ въ Сяо-луанъ-хэ. Въ горную падь, по которой стре-

мится эта послѣдняя рѣка, мы выѣхали изъ ущелья Байнъ-гоу ровно въ 4 часа.

О теченіи Сяо-луань-хэ находятся нѣкоторыя свѣдѣнія въ сочиненіи Жэ-хэ-чжи, при чемъ сочиненіе это сообщаетъ, что означенная рѣка на-

Видъ ущелья Байнъ-гоу близъ Янъ-цзы-ва.

зывается еще «Курцилэ-хэ»; мы рѣшительно нигдѣ не слышали этого названія и, по всей вѣроятности, это старинное имя рѣки, которое теперь совершенно неизвѣстно въ народѣ. Сяо-луань-хэ, по Жэ-хэ-чжи, беретъ свое начало въ области императорскихъ облавъ, изъ хребта Синъ-ань-линъ. Въ первоначальномъ теченіи своемъ она соединяется со множествомъ маленькихъ ручьевъ и рѣчекъ, имѣя преимущественное направленіе на юго-западъ, а засимъ поворачиваетъ на югъ и входитъ въ ограду Ла-су-дай гэнъ; далѣе она протекаетъ мимо горы Пань-бянь-шань и вступаетъ въ предѣлы, подвѣдомственные управленію четырехъ знаменъ (фынъ-нинъ-сянъ'скаго уѣзда), собственно въ территорію простого бѣлого знамени. Продолжая отсюда сохранять то же южное направленіе, она проходитъ мимо ущелья Жэ-шуй-гоу, гдѣ сливается съ ручьемъ Вэнь-цюань, а далѣе въ сѣверо-восточной сторонѣ поселка Го-цзя-тунъ впадаетъ въ Луань-хэ ¹⁾. — Судя по этому описанію, мы выѣхали на берега Сяо-луань-хэ не

1) Жэ-хэ-чжи. Цз. 69 л. 24.

особенно далеко отъ ея истоковъ, только рѣка имѣла здѣсь уже не юго-западное, а юго-восточное направленіе. Имѣютъ ли окружающія ея горы общее названіе хребта Синъ-ань, этого не сказалъ мнѣ никто изъ мѣстныхъ жителей, такъ какъ у нихъ извѣстны только частныя названія да и то по большей части не горъ, а ущелій, раздѣляющихъ эти горы. Падь, по которой течетъ Сяо-луань-хэ, имѣетъ по началу ширины до 300 саж., а ниже нѣсколько расширяется; окружающія ея горы мѣстами также утесисты, но уже не сравнимы съ Байнъ-гоу'скими: большая часть ихъ имѣетъ пологіе и мягкіе скаты. Какъ совершенная новость для нашихъ глазъ явилось то, что по этимъ горнымъ скатамъ начали показываться березовыя рощи; теперь они стояли впрочемъ еще обнаженными¹⁾. Въ 4 ч. 50 м. мы достигли не большой деревеньки, именуемой Ту-чэнь-цза и заключающей въ себѣ 6 дворовъ. Поселокъ располагается на пригоркѣ, вѣроятно, составляющемъ земляной валъ стариннаго города, какъ указываетъ то названіе «Ту-чэнь-цза». Въ 15 минутахъ ѣзды ниже по ущелью находится поселокъ Чжи-цзо-цза, гораздо большій Ту-чэнь-цзы, а главное, — богатѣйшій ея. Здѣсь находится 11 весьма зажиточныхъ дворовъ и въ томъ числѣ четыре хорошихъ постоянныхъ подворья. Далѣе внизъ отсюда поселки, встрѣчающіеся въ пади, по которой течетъ Сяо-луань-хэ, располагаются въ большинствѣ случаевъ при устьяхъ ущелій, соприкасающихся этой пади, а потому почти всѣ они носятъ названіе воротъ ущелья. Таковыми попались намъ: въ 6 ч. 15 м. Лю-ды-гоу мынь-р (произносимое «мѣр») — въ 4 двора; въ 6 ч. 40 м. Сань-ды-гоу мынь-р — въ 7 дворовъ; въ 7 ч. 10 м. По-цуй-ла-цза-гоу-мынь-р — въ 2 двора. Почти у самаго этого поселка падь, а вмѣстѣ съ нею и рѣка поворачиваютъ прямо на югъ и черезъ полчаса ѣзды отъ сказаннаго поворота мы въ 8 ч. 5 м. достигли поселка Гуань-ди (官地), гдѣ и остановились для ночлега.

15-е Апрѣля. Четвергъ.

6 ч. $+5^{\circ}$; 9 ч. $+14\frac{1}{2}^{\circ}$; 12 ч. $+18^{\circ}$; 3 ч. $+18^{\circ}$; 6 ч. $+15^{\circ}$; 9 ч. $+4^{\circ}$.

Гуань-ди можно назвать поселкомъ военнопоселенцевъ. Всего здѣсь 56 дворовъ, въ коихъ проживаетъ до 50 семей солдатъ синяго съ каймою знамени. Назначеніе ихъ — охранять облавныя мѣста, отведенныя для императорской охоты. По увѣреніямъ здѣшнихъ китайцевъ, мѣста эти представляютъ собою квадратъ, каждая сторона котораго равняется по протяженію 400 ли. Для охраны облавныхъ мѣстъ учреждена особая стража

1) Какъ замѣчательную быстроту развитія листа нужно отмѣтить то, что на обратномъ пути 1-го мая мы нашли здѣсь уже все покрытымъ густою зеленью.

изъ знаменныхъ маньчжуровъ, состоящая подъ верховнымъ управленіемъ двухъ галай-дѣ, имѣющихъ свое мѣстопробываніе въ Танъ-санъ ин'ѣ. Составъ стражи исчисляется въ 1200 человекъ, каждый изъ которыхъ получаетъ по 24 ланы въ годъ содержанія и всѣ они отправляютъ свою службу, будучи распределены по различнымъ военнымъ поселкамъ, опоясывающимъ облавную площадь со всѣхъ четырехъ сторонъ. Такъ какъ въ настоящее время императорскихъ охотъ уже не бываетъ, то охрана звѣрья значительно ослабѣла и солдаты болѣе сторожатъ отъ порубки лѣса и вѣковыя въ нихъ деревья, чѣмъ звѣрья. Всѣ эти лѣса растутъ только по горамъ, что же касается долинъ, то онѣ изъяты теперь отъ охраны: земли эти знаменныя и обрабатываются частію солдатами, а частію сдаются въ аренду вольнымъ хлѣбопашцамъ, съ доставкою арендной платы въ Пекинъ. Въ Гуань-ди эта плата исчисляется въ размѣрѣ 1 доу пшеницы съ каждаго му пахатной земли. Помимо солдатъ и хлѣбопашцевъ въ Гуань-ди нѣтъ иныхъ жителей и, не смотря на относительную значительность этого поселка, въ немъ нѣтъ даже ни одной лавки, хотя постоянныхъ дворовъ считается болѣе 20-ти.

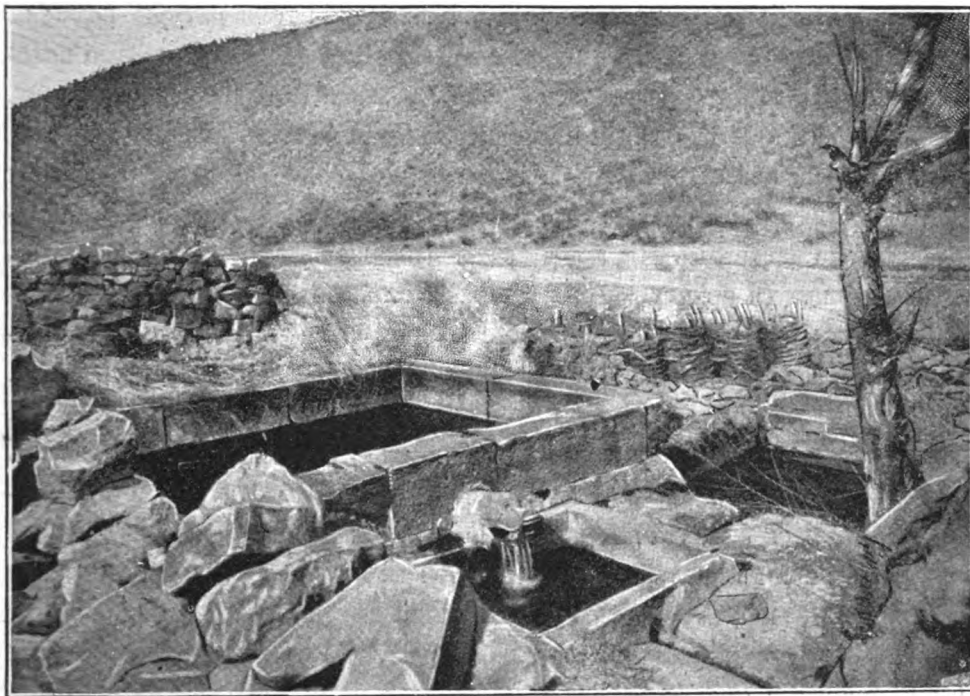
Мы оставили Гуань-ди въ 6 ч. 30 м. и направились къ югу, по той же пади, берегомъ Сяо-луань-хэ, которая имѣетъ здѣсь до 8 сажени ширины, но глубиною не превосходитъ полуаршина. Еще изъ поселка Гуань-ди мы усмотрѣли громаднѣйшую скалу, низпадающую книзу ровнымъ, точно обточеннымъ утесомъ. Подѣхавъ къ этой скалѣ въ 7 ч. 30 м., мы узнали, что это именно и есть та самая Пань-бянь-шань (半边山), существованіе которой у береговъ Сяо-луань-хэ отмѣчаетъ Жэ-хэ-чжи. Сяо-луань-хэ омываетъ подножіе Пань-бянь шан'и; течетъ она здѣсь очень быстро и бурливо, по руслу, устланному большими камнями. Дорога проходитъ по утесу Пань-бянь узенькой тропинкой, едва возможной для проѣзда одной телѣги. Отъ поселка Гуань-ди, у Пань-бянь шан'и, и даже еще ниже ея по теченію рѣки; горная падь значительно расширяется и по ней разработано много пашень; впрочемъ такая культурная полоса продолжается очень не долго: черезъ полчаса ѣзды, отъ поселка Сяо-ва-пза, пашни мало по малу сокращаются и наконецъ въ 8 ч. 30 м. падь сдѣлалась глубоко песчаной. Двигаясь по этимъ пескамъ, мы въ 9 ч. 30 м. доѣхали до деревушки Янь-цзы-гоу-мынь-р, у которой падь суживается выдающеюся съ лѣвой стороны скалою Ку-лэнъ шань. Скала, какъ показываетъ то и самое ея имя, имѣетъ у себя, подобно видѣнной нами вчера Онгорхдй ѹла, отверстіе, пронизывающее насквозь всю ея толщину: отверстіе возвышается надъ землею на высотѣ приблизительно 30 сажени и имѣетъ вѣроятно до 1 саж. ширины и сажени 3 вышиною. Интересны дѣйствительныя причины обра-

зованія всѣхъ этихъ скважинъ, китайцы же и монголы имѣютъ для происхожденія ихъ одно объясненіе: всѣ они пробиты вдревности стрѣлами богатырей. У скалы Ку-лэнь шань мы должны были переправиться на лѣвый берегъ Сяо-луань-хэ, которая имѣетъ здѣсь до 12 вершковъ глубины и течетъ двумя руслами, каждое шириною до 4 саж. Въ 10 ч. 45 м. достигли гостинницы Пинъ-ла-гоу мынь-рѣ, гдѣ остановились для отдыха. Гостинница эта стоитъ пока одинокимъ зданіемъ въ пади и принадлежитъ мусульманамъ, прибывшимъ сюда два года назадъ изъ Тянь-цзина. Земля приобрѣтена ими въ собственность, при чемъ оказалось, что песчано-каменистая мѣстность здѣшнихъ пространствъ даже не измѣряется обычно у китайцевъ мѣрою пахатныхъ земель на «му», а продается прямо на «ли». Содержатель нашей гостинницы приобрѣлъ себѣ три ли, уплативъ за нихъ 80,000 чеховъ, т. е. около 50 ланъ серебра. При оплатѣ податей эти три ли земли считаются за 10 му, такъ что вся земельная подать, уплачиваемая этимъ громаднымъ землевладѣльцемъ, равняется 4 лан. 5 цин. въ годъ. Подати вносятся въ фынъ-нинъ-сянь'скій ямунь, который для сбора ихъ отряжаетъ особаго чиновника. Необходимо предположить, что недоимки по всему уѣзду очень большіе, такъ какъ, по словамъ нашего хозяина, онъ въ теченіе своего двухлѣтняго пребыванія здѣсь ни разу еще не платилъ податей и ограничивался принесеніемъ взятки сборщику, уплативъ ему въ первый разъ 2,000, а во 2-й 3,000 чжбсу; послѣдній же доложилъ ямуню о несостоятельности плательщика. Не такъ легко приходится отдѣлываться отъ уплаты повинности за содержаніе гостинницы. Содержателямъ постоянныхъ дворовъ здѣсь повсюду выдаются книги, въ которыя они обязаны вносить имена останавливающихся, съ обозначеніемъ кто, откуда, куда и на какихъ подводахъ ѣдетъ. Не записать проезжающихъ, равно какъ и записать ихъ неправильно китайцы всегда боятся, потому что при всякомъ случившемъ дѣлѣ, каковы: воровство, грабежъ, убійство и проч., можно быть невольно замѣшаннымъ въ дѣло и обвиненнымъ если не въ соучастіи, то въ укрывательствѣ преступника. И такъ записывается все правильно, а между тѣмъ съ каждой большой телѣги нужно уплачивать 5 чжбсу, съ малой 3, съ верблюда 2, съ лошади 1 чжбсу; при несостоятельности въ уплатѣ этого взноса гостинница тотчасъ же закрывается. По вышепредставленнымъ описаніямъ Жэ-хэ-чжи мнѣ было извѣстно, что неподалеку отсюда должны находиться въ ущельи Жэ-шуй гоу горячіе ключи и, распросивъ о нихъ, я узналъ, что для проѣзда къ нимъ намъ нужно своротить съ дороги въ разстояніи 8 ли ниже Пинъ-ла-гоу-мынь-р. Къ этимъ ключамъ я и предположилъ теперь проѣхать.

Оставивъ постоянный дворъ въ Пинъ-ла-гоу-мынь-рѣ въ 12 ч. 15 м., мы ровно въ 1 ч. дня по сравнительно хорошей дорогѣ доѣхали до ущелья Жэ-шуй-гоу, которое въ настоящую пору неизвѣстно однако подъ этимъ именемъ, а называется Танъ-цюань-гоу (湯泉溝). Отъ поворота въ ущелье до родника горячихъ водъ считается 10 ли и эти 10 ли мы ѣхали 1 ч. 45 мин. Нѣтъ сомнѣнiя, что разстоянiе 10-ти ли здѣсь нисколько не преувеличено, а потому можно представить себѣ, какою должна быть дорога, ведущая къ этому цѣлебному источнику. Горы, высыпаясь по обѣимъ сторонамъ ущелья, стоятъ почти отвѣсными скалами; дно ущелья покрыто сплошь громаднѣйшими валунами, по которымъ телѣга прыгаетъ какъ резиновый мячъ; на всемъ протяженiи ущелья по нему извиляется ручей Вань-цюань, имѣющiй ширины не болѣе аршина даже при впаденiи въ Сяо-луань-хэ; населенiя по ущелью почти нѣтъ и на всемъ протяженiи 10 ли мы встрѣтили только двѣ бѣднѣйшiя хижины китайцевъ. Наконецъ намъ показалась небольшая группа домиковъ, это и была лечебница цѣлебныхъ водъ.

Когда и кѣмъ открыты эти воды, кто построилъ при нихъ кумирню и лечебницу, если такъ можно еще назвать это учрежденiе, кому принадлежитъ все это и по какому праву? Все это вопросы, на которые нельзя получить теперь ни отъ кого и никакихъ отвѣтовъ. Въ настоящее время всѣмъ завѣдуетъ и распоряжается здѣсь китаецъ-хэшань, имѣющiй отъ роду 34 года, по имени Чжао-янъ и въ тоже время называющiй себя монголо-чахаромъ знамени Гули-цаганъ. По словамъ его, онъ былъ отданъ сюда своими родителями въ обученiе жившему здѣсь хэшану и состоялъ при этомъ хэшанѣ до самой его смерти. Когда означенный хэшанъ умеръ, все завѣдыванiе какъ кумирнею, такъ и водами перешло къ этому его ученику; но когда возникло все это, послѣднему неизвѣстно, несомнѣнно только, по его словамъ, что — давно, больше 100 лѣтъ назадъ. Все заведенiе состоитъ теперь изъ полуразрушеннаго зданiя кумирни; одного крѣпкаго байшина, въ которомъ помѣщаются самъ хэ-шанъ и наиболѣе важные и состоятельные больные; двухъ байшиновъ не особенно крѣпкихъ, гдѣ живутъ больные попроще и побѣднѣе; да двухъ байшиновъ для ваннъ (однѣ женскiя, другiя мужскiя), въ каждомъ изъ которыхъ устроено по двѣ ванны. Къ этому нужно присоединить еще, что для уходовъ за больными къ заведенiю присосѣдились одна чахарская и одна тумѣтская семьи, занимающiяся здѣсь еще и хлѣбопашествомъ; наконецъ, когда то въ давнее прежнее время прiѣзжалъ сюда лечиться Чжанчжа гэгэнъ и въ ту пору для него былъ выстроенъ здѣсь особый байшинъ, правда, въ настоящее время пустующiй, но являющiйся еще и доселѣ много лучшимъ другихъ зданiй.

Важнѣйшій интересъ при осмотрѣ всего учрежденія представляли, конечно, самыя воды. Горячій ключъ находится саженьяхъ въ 15 отъ ку-

Бассейнъ горячихъ водъ «Вэнь-цюань».

мирни. Онъ обдѣланъ гранитными плитами и въ этомъ видѣ представляетъ собою бассейнъ длиною въ 4 арш. 7 вершковъ, а шириною въ 3 арш. 9 вершковъ; глубина этого бассейна равняется 5 китайскимъ чи, что составитъ нашихъ около 2 арш. 3 верш. Къ этому большому бассейну примыкаетъ еще другой, малый бассейнъ, изъ котораго продѣлано, въ видѣ открытой пасти дракона, небольшое отверстіе для стока воды. Выходя изъ этого отверстія, вода струится по узенькому (5 вершковъ), выложенному гранитомъ же желобу до вышепомянутыхъ бѣйшиновъ, находящихся на ряду съ кумиренной оградой, въ которыхъ устроено по двѣ ванны. Бѣйшины выведены изъ сырцеваго кирпича и каждый изъ нихъ глинобитною же перегородкою раздѣляется на два отдѣленія. Въ каждомъ отдѣленіи устроена своя глиняная скамья, на которой можно, сидя, раздѣться и положить одежду, а потомъ еще отдѣльная ванна. Последняя составляется изъ ямы, выкопанной въ землѣ, со вставленнымъ въ нее деревяннымъ ящикомъ. Если открыть деревянную затычку, замыкающую устроенное надъ ванной отверстіе, то вода, текущая по желобу изъ бассейна, наполнитъ

ванну; если открыть другую такую же затычку, находящуюся въ днѣ ванны, то вода выльется изъ нея, по проложенной подъ землею водосточной трубѣ. Таково нехитрое устройство всего учрежденія. Я не имѣлъ при себѣ спеціальнаго инструмента для измѣренія температуры воды; но чтобы пріобрѣсти о ней хотя нѣкоторое понятіе употребилъ въ дѣло находившійся при мнѣ термометръ Реомюра, обдѣланный въ деревянную рамку. Опущенный въ только что наполненную ванну онъ черезъ минуту показалъ $+39^{\circ}$. Конечно, садиться въ такую ванну больные не могутъ; поэтому для утреннихъ пріемовъ, часа въ 4-ре, ванны наполняются съ вечера, приблизительно часовъ въ 10; а для вечерняго купанья онѣ наполняются лишь только окончится пріемъ ваннъ утромъ, т. е. часовъ въ 6 утра. Въ самомъ бассейнѣ измѣрить температуру воды я, понятно, не могъ, такъ какъ термометръ мой имѣлъ только 40 дѣлений, а между тѣмъ вода даже въ ваннѣ, вылившаяся изъ бассейна и протекшая по желобу приблизительно 15 саж., имѣла уже 39° . И такъ о температурѣ воды въ бассейнѣ я могу сказать только одно, что ее съ довольно большимъ трудомъ выносить рука, опущенная въ бассейнъ. По качеству — вода эта желѣзистая. Лечатся въ ней отъ ревматизмовъ, болѣзней спины и почекъ, а равно отъ разнаго рода кожныхъ болѣзней и струпуевъ. По внѣшнему виду вода очень чистая, тѣмъ не менѣе если смотрѣть на дно бассейна, то самаго ключа, какъ мѣста выхожденія воды изъ подъ земли, не видно, а видны только уже почти на поверхности воды пузырьки, происходящіе отъ силы движенія воды къ верху.

Лечиться пріѣзжаютъ главнымъ образомъ монголы и обыкновенно въ періодъ со второй половины второй до начала четвертой луны, а за симъ съ 15 числа 7-й, до 15 числа 9-й луны. Берутъ въ большинствѣ случаевъ отъ 40 до 60 ваннъ. Общее число принимающихъ ванны въ годъ колеблется между 200 и 250 субъектами. Въ прежнее время народу, говорятъ, пріѣзжало гораздо больше; но нѣсколько смертныхъ случаевъ, происшедшихъ собственно отъ простуды при купаньи, отвядили здѣшнихъ пациентовъ. Дѣйствительно, непростудиться здѣсь, принимая ванны, почти не возможно: полуразрушенные бѣйшины ваннъ свѣтятся пасквозь; дверей почти не существуетъ; окна, обычно заклеенныя китайской пропускной бумагой, прорваны и въ нихъ свищетъ вѣтеръ. Мудрено-ли, что больные схватываютъ при этомъ горячку и умираютъ. Жалкое состояніе ваннъ и всего заведенія, начиная съ его кумирни, побудило наблюдателя, или хозяина всего этого, т. е. хѣшана, три года тому назадъ послать людей за сборомъ подаяній, и по его собственнымъ словамъ, теперь собрано на исправленіе заведенія уже болѣе 2,000 ланъ серебра, пациенты же гово-

рять гораздо больше. Въ настоящемъ году предполагается исправить все, начиная съ кумирни и оканчивая ваннами и помѣщеніемъ для больныхъ, для чего якобы наняты уже и рабочіе. Въ бесѣдахъ съ пациентами я узналъ однако, что все это едва ли подниметь заведеніе, такъ какъ паденіе его обуславливается даже не столько бывшими здѣсь смертными случаями, сколько характеромъ блюстителя водъ — хэшана. По общему отзыву, онъ просто мошенникъ: монголы ненавидятъ его даже за то, что онъ называетъ себя чахѣромъ и отрицаютъ его монгольское происхожденіе; они обвиняютъ его еще въ растратѣ денегъ и въ лихоимствѣ: за леченіе обычно платитъ всякій сколько можетъ, но хэ-шанъ умѣетъ обставить дѣло такъ, что больные всегда платятъ у него громадныя, по монгольскому счету, суммы: Ужаснѣе всего для монголовъ то, что ихъ спаиваютъ здѣсь водкой.

Осматривая кумирню, я нашелъ ее также въ полномъ разрушеніи: уцѣлѣли только каменные стѣны кумирни, но ни оконъ, ни дверей, ни даже бумажныхъ потолковъ не имѣется; глиняные идолаы стоятъ, конечно, загрязненными и запыленными; ни какой утвари нѣтъ, за исключеніемъ стоящей посреди двора чугунной курильницы, на которой между прочимъ находится надпись, что курильница эта отлита въ 8 году правленія Дао-гуана (1830) для кумирни, именуемой Юнь-цюань сы, Гуань-ди-мяо (湧泉寺關帝廟), находящейся за воротами Губэй-коу, въ ущельи Тань-цюань-гоу, состоящемъ въ чэнь-дэ-фу'скомъ департаментѣ, въ уѣздѣ фынъ-нинъ-сянь, на земляхъ простого бѣлого знамени, въ вѣдѣніи Го-цзя-тун'а.

16-е Апрѣля. Пятница.

6 ч. $+8$; 9 ч. $+12^{\circ}$; 12 ч. $+17^{\circ}$; 3 ч. $+14^{\circ}$; 6 ч. $+12^{\circ}$;
9 ч. $+9^{\circ}$.

Выѣхавъ въ обратный путь по ущелью въ 6 ч. 45 м., я разсуждалъ по дорогѣ, дѣйствительно ли осмотрѣнныя мною горячія воды тѣ самыя «жэ-шуй», о которыхъ разказываетъ «Жэ-хэ-чжи»? Вотъ что, въ существѣ дѣла, говоритъ это сочиненіе «на 25-й стр. своей 69-й главы, или цюани». Ручей Вэнь-цюань, по урочищу называемый жэ-шуй-гоу'скимъ, беретъ начало въ уѣздѣ Фынъ-нинъ-сянь, въ земляхъ простого бѣлого знамени, въ 35 ли къ сѣверу отъ военнаго поселка Го-цзя-тунъ, у горы Янь-шань. Въ 130 ли на сѣверъ отъ Ту-чэнь-цзы есть ручей, сливающійся съ этимъ источникомъ и воды ихъ, направляя свое совокупное теченіе къ югу, впадаютъ въ Сяо-луань-хэ». Изъ всего здѣсь сказаннаго вполнѣ вѣрнымъ является только одно, что источникъ горячихъ водъ получаетъ свое начало въ 35 ли къ сѣверу отъ поселка Го-цзя-тунъ; но имени горы Янь-шань вблизи осмотрѣннаго мною источника не существуетъ, равно какъ съ нимъ не сливается ни какого ручья. Другихъ горячихъ источни-

ковъ въ этихъ мѣстахъ рѣшительно не имѣется и единственный извѣстный здѣсь, горячія минеральныя воды, это такъ называемыя «Гуа-ди», о которыхъ упоминаетъ также и Жэ-хэ-чжи. Сравнительное однообразіе описаній того и другаго Вэнь-цюань (второй Вэнь-цюань беретъ начало въ одномъ и томъ же уѣздѣ, на земляхъ того же знамени и главное—сливается съ ручьемъ, вытекающимъ такъ же за 130 ли на сѣверъ отъ Ту-чэнь-цзы) невольно наталкиваетъ на мысль, не произошло ли у автора Жэ-хэ-чжи какого либо смѣшенія относительно двухъ этихъ Вэнь-цюаней и не прибавилъ ли онъ къ осмотрѣнному мною Вэнь-цюань сливающійся съ нимъ источникъ совершенно излишне.

Въ 8 ч. 5 м. мы выѣхали снова въ падь Сяо-луань хэ, гдѣ съ полчаса ѣзды могли отдохнуть отъ тряски, которую представляла собою дорога по Тань-цюань-гоу. Горы пади Сяо-луань-хэ послѣ утесистыхъ скалъ ущелья показали намъ теперь имѣющими положительно мягкія и ровныя очертанія ¹⁾. Передъ деревнею Сань-дао-инь-цза, которой мы достигли въ 8 ч. 40 м., падь сдѣлалась каменистѣе. Деревня заключаетъ въ себѣ 22 двора и 23-е зданіе кумирни. Это послѣдняя деревня, которая стоитъ посреди пади рѣки Сяо-луань, далѣе рѣка разливается уже по всей пади, такъ что отдѣльныя жилища поселянъ и деревеньки ихъ ютятся по горнымъ ущельямъ, а дорога проходитъ по горамъ и утесамъ. Конечно, вода не заливааетъ всей пади, имѣющей ширины около версты, но рѣка постоянно мѣняетъ здѣсь свое теченіе и проходитъ одинъ день по одному руслу, другой—по другому; оттого вся падь въ этомъ мѣстѣ является изрытой и усѣянной камнями. Въ 9 ч. 40 м. подѣхали къ большому поселку Эр-дао-инь-цза, заключающему въ себѣ до 40 дворовъ, съ красивою кумирней. Здѣшнія земли принадлежатъ пекинскимъ 8 знаменамъ и арендныя суммы за нихъ вносятся черезъ посредство Фынъ-нинъ сяня въ Пекинъ. Кумирня поселка именуется Цай шэнь мяо (財神廟), т. е. кумирня, посвященная духамъ богатствъ, *lucrei diis*, каковыхъ въ Китаѣ—два: Биганъ и Чжао-гунъ-минъ, божества чисто хэшанскія; тѣмъ не менѣе при кумирнѣ этой живетъ чахарскій лама, т. е. жрецъ цзонхавинскаго толка. Китайцы, радѣя о земледѣліи и семействѣ, не отдають и не посвящаютъ своихъ дѣтей въ хэшаны и, за неимѣніемъ послѣднихъ, нанимають ламъ, которые живутъ при кумирняхъ, приносятъ жертвы и при этомъ отправляютъ установленные обряды и чтенія по своему уставу. Не почитать ли послѣ сего удивительными религіозныя понятія востока! Настоящій лама

1) При обратномъ пути нашемъ 30-го апрѣля онѣ были сплошь покрыты цвѣтами дикихъ персиковъ (таоръ), да и по всей пади Сяо-луань хэ ихъ было очень много.

получаетъ отъ китайцевъ особое помѣщеніе при кумирнѣ, хлѣбного зерна по нуждѣ и 50 ланъ серебра въ годъ. Къ 11 часамъ падь расширилась версты на $1\frac{1}{2}$ и дорога отвернула въ лѣвую южную ея сторону, между тѣмъ какъ Сяо-луань-хэ течетъ здѣсь, придерживаясь правой стороны и, выступивъ изъ окружавшихъ ее доселѣ горъ, вливается въ рѣку Да-луань-хэ, или просто Луань хэ. При выѣздѣ изъ пади, мы миновали поселокъ Лянъ-ци-ди инъ-фо, въ которомъ находится хошѹнное управленіе; отъ него по дорогѣ можно считать уже начавшеюся долину Луань-хэ. Она очень песчана, причемъ песокъ этотъ отъ самыхъ береговъ рѣки поднимается даже до половины горъ, окружающихъ долину. Луань-хэ достигаетъ въ этомъ мѣстѣ до 25 саж. ширины и теченіе ея очень быстро хотя и не такъ бурливо какъ у Гоу-мынь-ца. Мы переѣхали ее по мосту, устроенному на сваяхъ и въ 11 ч. 25 м. достигли поселка Го-цзя-тунь (郭家屯).

Поселокъ Го-цзя-тунь сравнительно очень большой. Въ немъ считается свыше 500 дворовъ, изъ числа коихъ къ разряду общественныхъ зданій нужно отнести 4 конфуціанскихъ и буддійскихъ, китайскихъ кумирни и одну мечеть съ живущимъ при ней ахуномъ, тянь-цинскимъ уроженцемъ, прибывшимъ сюда лишь въ прошломъ году и теперь горько жалующимся на свою судьбу, такъ какъ «правовѣрныхъ» здѣсь очень не много. Въ самомъ Го-цзя-тунѣ считается только 16 дворовъ, остальные же мусульманскіе дома разбросаны въ окрестностяхъ по пашнямъ. Изъ числа присутственныхъ мѣстъ управленія здѣсь имѣется только одинъ ямунь «сюнь-цзян'я, гражданскаго чиновника, разбирающаго мелкія дѣла китайцевъ, направляя болѣе важныя изъ этихъ дѣлъ въ Фынъ-нинъ-сянь. Что касается знаменнаго управленія, то оно помѣщается не въ Го-цзя-тунѣ, а верстахъ въ двухъ отъ него, въ поселкѣ Лянъ-ци-ди-инъ-фо. Въ числѣ торговыхъ заведеній, которыхъ, считая большія и малыя, можно найти до 40, порядочными лавками слѣдуетъ назвать только 11, а вполне самостоятельную торговлю ведетъ лишь одинъ специально водочный торговецъ, имѣющій однако при этомъ и всѣ другіе сорта торговли. Остальныя лавки представляютъ собою мелкія помѣщенія въ одинъ цзянь. Смотря по специальности торговли, въ нихъ можно найти столярныя произведенія, желѣзныя произведенія, кожевенныя произведенія, все это съ находящимися тутъ же мастерскими; засимъ суровскіе товары самаго мелкаго рода; еще далѣе лавки табачныя, опиумныя, закусочныя и пр. Говорить о торговлѣ этихъ закусочныхъ рѣшительно не представляется возможнымъ; табакъ идетъ здѣсь главнымъ образомъ долонъ-нѹрскій, похожій на нашу махорку и продаваемый по 40 чеховъ за гинъ; опиумъ тоже преимущественно

мѣстнаго произведенія оцѣниваемый отъ 400 до 500 чеховъ за лану. Въ лавкахъ, торгующихъ бумажнымъ и полотнянымъ товаромъ преимущественное количество произведеній этого рода представляетъ собою китайская дѣбу. Всѣ 11 лавокъ, промышленяющіе этимъ торгомъ, получаютъ свой товаръ изъ мѣста производства его, — уѣзда Жао-янь сянъ, принадлежащаго департаменту Бао-динъ-фу и находящагося приблизительно въ 850 ли почти прямо на югъ отъ Пекина. Сами торговцы за товаромъ этимъ впрочемъ никогда не ѣздятъ. По заведенному обычаю, къ нимъ пріѣзжаютъ повѣренные Жао-янь-сянь'скихъ лавокъ, освѣдомляются, кому и сколько нужно товаровъ, а засимъ высылаютъ эти послѣдніе, смотря по заявленному требованію. При доставкѣ въ Го-цзя-тунь товары эти идугъ обыкновенно на Тунъ-чжоу, засимъ на Нью-ланъ-шань, Хуай жоу сянъ, Янь-гэ-чжуань, Ми-юнь-сянь, Губэй коу, Фынъ-нинъ сянъ, откуда уже достигаютъ Го-цзя туня. Европейскихъ товаровъ, каковы янь-бу и си-янь-бу, здѣсь имѣется очень мало, такъ какъ они являются все таки дороже дѣ-бу, а потому почти не берутся мѣстнымъ населеніемъ. Впрочемъ, въ лавкѣ помянутаго виноторговца можно найти и эти товары, здѣсь имѣется даже чи-цуй-чоу и нѣсколько кусковъ другихъ шелковыхъ матерій, только расходятся онѣ очень мало, — не всегда даже по два куска въ годъ. Самую выгодную статью торговли въ Го-цзя-тунѣ представляетъ собою лѣсной матеріалъ. Его постоянно привозятъ въ поселокъ окрестные поселяне и сдаютъ, по обычаю, въ дѣни, которые такимъ образомъ представляютъ собою лѣсные склады, распространяющіе свой товаръ къ сѣверу до Долонъ-нүра и къ югу до Фынъ-нинъ сянъ. Слега въ 5 цуней толщиной цѣнятся здѣсь въ 300 чеховъ; если же толщина дерева превышаетъ 7 цуней, то при покупкѣ договоръ ведется уже съ cadaго цуня по цѣнѣ 100 чеховъ за цунь. Совершенно толстыхъ бревенъ поселяне не привозятъ въ Го-цзя-тунь вовсе, такъ какъ рубить многолѣтнія деревья воспрещено и они охраняются стражею знаменныхъ солдатъ. Надлежитъ замѣтить однако, что несмотря на всѣ выгоды лѣсной торговли, ею занимаются здѣсь только четыре дѣня. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ недостаточности наличныхъ средствъ у населенія: покупка лѣса у поселянъ не можетъ быть произведена иначе какъ на наличныя деньги, между тѣмъ какъ всѣ остальные товары, чай, посуда, бакалея и бумажныя матеріи отдаются всегда въ кредитъ на годовой и даже большій года срокъ. Изъ болѣе частныхъ бесѣдъ съ мѣстными торговцами можно было вывести, что вообще всякаго рода товары продаются въ Го-цзя-тунѣ приблизительно на 10, 15% дороже, напримѣръ, Фынъ-нинъ сянъ'скаго, въ основѣ же такого повышенія цѣны помимо незначительности предложенія лежитъ еще дороговизна

мѣстнаго содержанія. Ни одинъ изъ жителей Го-цзя-туна не имѣеть здѣсь своей земли, такъ какъ всѣ го-цзя-тун'скія земли, равно какъ и лежащія въ окрестностяхъ этого поселка, принадлежать знаменнымъ пекинскимъ войскамъ и ими же сдаются въ аренду. Обычная арендная плата пахатныхъ земель колеблется здѣсь отъ 1-го лана до 1 л. и 2 цин., въ самомъ же поселкѣ она достигаетъ 2-хъ и даже 2 л. 5 ц. Отъ такихъ взносовъ за землю свободны только постройки казенныя и общественныя, въ числѣ коихъ я забылъ еще упомянуть о каменныхъ триумфальныхъ воротахъ, также имѣющихся въ Го-цзя-тун'ѣ. Это два выложенныхъ изъ обожженнаго кирпича столба, съ перекладиной, на которой изъ такого же кирпича выложенъ крестчатый бордюръ.

Оставивъ Го-цзя гунъ ровно въ 1 ч. дня, мы не поѣхали далѣе по пади р. Луань-хэ, а повернули прямо на югъ, въ ущелье, ведущее къ перевалу Да-бэй-ба. По началу ущелье это является довольно широкимъ и до нѣкоторой степени населеннымъ; такъ, въ 1 ч. 35 м. мы повстрѣчали деревеньку Сяо-са-го-рѣ въ 4 двора; въ 1 ч. 50 м. Я-ма-гоу-мынь-р — въ 3 двора; въ 2 ч. 40 м. Сяо-шуй-го — въ 4 двора и наконецъ въ 3 ч. 10 м. Линь-ди-ся — въ 2 двора. Всѣ эти деревеньки поражаютъ своею бѣднотою, что обуславливается, конечно, недостаточностью и неудобствомъ принадлежащихъ имъ земель. Отъ дворовъ Линь-ди-ся ущелье сильно суживается и въ 10 минутахъ ѣзды отъ него начинается крутой подъемъ на перевалъ. Трудность переправы черезъ послѣдній обуславливается главнѣйше тѣмъ, что подъемъ совершается по тремъ оврагамъ и на протяженіи его приходится три раза спускаться и три раза подниматься, каждый разъ, конечно съ прогрессивно возрастающею крутизною. Въ 3 ч. 50 мин. мы поднялись на вершину перевала, гдѣ мои извозчики были страшно напуганы появленіемъ трехъ человѣкъ, очевидно принадлежавшихъ къ разбойничьей шайкѣ, которыхъ здѣсь вообще шатается очень много. Говорятъ, что случаи грабежей здѣсь очень не рѣдки, чему много способствуетъ извилистость ущелья и его сравнительная малонаселенность. Преслѣдовавшіе насъ оборванцы, увидавъ однако европейцевъ и освѣдомившись прямо, есть ли у насъ оружіе, такъ испугались, когда я показалъ имъ свой револьверъ Лафаше, что тотчасъ же свернули въ первое попавшееся въ бокъ ущелье. По южную сторону перевала Да-бэй-ба спускъ, или подъемъ его очень круты и еще болѣе каменисты. Первая деревушка встрѣтилась намъ здѣсь въ 4 ч. 25 м. Она заключала въ себѣ пять дворовъ, населеніе коихъ сплошь занимается столярнымъ мастерствомъ къ чему здѣсь не мало удобства, такъ какъ на прилежащихъ ущелью горахъ попадаетъ не мало отдѣльно растущихъ деревьевъ. Отсюда въ 5 ч. 25 м. мы повстрѣчали

деревню Ю-су-ди, — въ 4 двора, а въ 4 ч. 45 м. Ху-ляо-гоу — въ 3 двора; при обѣихъ этихъ деревняхъ были уже маленькія пашни. Горы, начиная отъ деревни Ю-су-ди, сдѣлались очень утесисты и единственная растительность на нихъ это кустарникъ дикихъ персиковъ (тао-рл), находившихся теперь въ полномъ цвѣту¹⁾. Въ 6 ч. мы достигли поселка Да-бэй-гоу мынь-цза (大北溝), въ которомъ и остановились для ночлега.

17-е Апрѣля. Суббота.

6 ч. +6°; 9 ч. +14°; 12 ч. +18°; 3 ч. +18°; 6 ч. +14°; 9 ч. +9°.

Утро было тихое, сумрачное и теплое; на окрестныхъ горахъ лежали густыя облака и совершенно скрывали собою ихъ вершины. Мы выѣхали въ 6 ч. 35 м. и направились на ЮЮВ, чтобы продолжать путь по ущелью, носящему общее названіе Инь-дао-гоу. Черезъ 15 мин. ѣзды намъ попалась деревушка Шань-цзо-рѣ, заключающая въ себѣ два двора недавно переселившихся сюда шаньсійцевъ, а въ 7 ч. 15 м. деревня Ню-чжуань-цза уже въ 11 дворовъ, производящихъ пріятное впечатлѣніе своею зажиточностью и особливо чистотою; въ этомъ отношеніи преимущественно предъ другими отличаются дома и гостинницы китайскихъ мусульманъ, которые всегда не трудно отличить какъ по наклееннымъ надъ воротами арабскимъ надписямъ, такъ и по китайскимъ вывѣскамъ: гостинницы всегда заявляютъ на этихъ вывѣскахъ о своей принадлежности мусульманамъ. Въ дальнѣйшемъ протяженіи своемъ ущелье дѣлается отсюда крайне каменистымъ. Въ 8 ч. 20 м. мы миновали поселокъ Тоу-дао-инь-цза, (頭到營子) заключающій въ себѣ до 40 дворовъ и двѣ кумирни, построенныя на сѣверномъ и южномъ концахъ его; послѣдняя изъ этихъ кумирень, какъ гласитъ о томъ стоящій при ней каменописный памятникъ, была основана въ 3-мъ году правленія Цянъ-луна (1739 г.); въ этомъ же поселкѣ мы встрѣчали между прочимъ и полуразрушенный субурганъ цзонхавинскаго типа какъ по своей архитектурѣ, такъ и по вставленному въ него изображенію бурхана. Нынѣшній день былъ, можно сказать, исключительнымъ за все время нашего переѣзда: доселѣ мы не встрѣчали почти никого изъ путниковъ и попадались намъ только мѣстные поселяне, занятые на своихъ поляхъ, или у своихъ домовъ, обычными домашними работами. Теперь мы перегнали прежде всего двѣ телѣги, запряженныхъ быками и нагруженными хворостомъ, везомымъ на продажу въ Фынъ-нинъ-сянь. Березовые прутья, длиною отъ 1½ до 2-хъ аршинъ, были связаны въ пучки, счетомъ

1) На обратномъ пути 29-го Апрѣля мы не видали здѣсь уже ни одного цвѣточка, за то въ эту пору здѣсь все зеленѣло, чего не было въ первый проѣздъ.

по 25 прутьевъ, и каждый такой пучекъ продается въ Фынъ-нинъ сянй по 10 чеховъ, а весь грузъ телъги стоилъ отъ 500 до 600 чеховъ. Далѣе намъ повстрѣчались два поселенина, которые гнали впереди себя трехъ навьюченныхъ осликовъ и, очевидно, направлялись въ дальній путь. Изъ разказовъ ихъ мы узнали, что они фынъ-нинъ-сянь'скіе землепашцы и ѣдутъ теперь въ Долбнъ-нуръ за покупкою лошадей. Не задолго передъ симъ они купили въ Гу-бэй-коу байховаго чая, именуемаго «сянь-пянь» и обыкновенно потребляемаго въ Долбнъ-нурѣ; чай этотъ они намѣрены были продать долбнъ-нурцамъ, а на вырученныя деньги купить себѣ кобылицъ. Это обычный способъ пріобрѣтенія рабочаго скота здѣшними поселенинами. Долбнъ-нурцы всегда съ охотою покупаютъ у нихъ «сянь-пянь», потому что они продаютъ его въ гинѣ на 100, 150 чеховъ дешевле, чѣмъ можно купить въ лавкахъ, а крестьяне между тѣмъ все же имѣютъ прибыль и отъ такой продажи, а потому скотъ для нихъ обходится дешевле. По словамъ ихъ, изъ ста человекъ развѣ два, три ѣздятъ за покупкою лошадей съ деньгами, всѣ же остальные везутъ непременно чай; другіе продукты возить не въ обычаѣ, потому что они не сбываются такъ легко и выгодно. Въ 9 ч. 25 м. подъѣзжая къ селенію Эр-дао-инъ-цза, мы еще издали увидели здѣсь толпы пріодѣтыхъ поселенинъ и разрядившихся поселянокъ. Посреди селенія было устроено покрытое рогожами зданіе театральной сцены; актеры уже играли и ихъ созерцала эта масса расфранченнаго люда. Пріѣздъ нашъ произвелъ сенсацию: вся масса зрителей, оставивъ театръ, бросилась къ нашей телъгѣ; актеры, въ костюмахъ и маскахъ, перескочивъ черезъ барьеръ сцены, также бѣжали посмотрѣть «вай-го жэнь», т. е. иностранца; движеніе наше было затруднено толпою на столько, что телъги почти остановились. Народъ, очевидно, намѣренъ былъ проводить насъ черезъ все селеніе, раскинувшееся тремя отдѣльными поселками, въ 1-мъ изъ которыхъ было 9 дворовъ, во 2-мъ — 7 дворовъ, а въ 3-мъ — 6; но ему не удалось это. Дѣло въ томъ, что въ промежуткѣ между вторымъ и третьимъ поселками мы догнали гуртъ овецъ въ 360 головъ, прогоняемыхъ въ Пекинъ. Густыя облака пыли, поднятыя этими животными, остановили сопровождавшую насъ толпу и она осталась во второмъ поселкѣ, давъ намъ свободную дорогу. Овцы, которыхъ мы теперь догнали, были пріобрѣтены однимъ изъ пекинскихъ мясниковъ въ Долбнъ нурѣ, по цѣнѣ 1 л. 9 циновъ за голову. Меня поразила эта дороговизна покупки, особливо оптовой; но оказалось, что овцы эти были не степныя, а кормленныя, купленныя у долбнъ-нурскихъ прасоловъ. Съ прогономъ до Пекина каждая голова такой овцы будетъ стоить отъ 2 л. 4 цин. до 2 л. 5 цин. Для ночлеговъ такого прогоняемаго скота по всей дорогѣ устроены особыя гостинницы, съ гро-

магнѣйшими оградами и дворами, въ которыхъ берутъ приблизительно по пол-чеки съ каждой головы овцы, уплачиваемыхъ неизмѣнно прогонщиками при самомъ прогонѣ, что же касается прокорма животныхъ, то прогонщики даже и не знаютъ этого расхода: содержатели гостинницъ выдаютъ имъ по числу прогоняемаго скота установленное количество сѣна и стоимость его записываютъ на счетъ хозяевъ-скотопромышленниковъ, которые всѣ до одного имѣютъ знакомство и кредитъ въ такого рода гостинницахъ. Нѣсколько дальше отсюда мы повстрѣчали и самыхъ такихъ хозяевъ скотопромышленниковъ: они ѣхали изъ Пекина въ Долбнъ-нуръ, для покупки скота; ѣхали вдвоемъ, верхами, не имѣя при себѣ ровно ничего помимо дѣлин'овъ (двустороннихъ мѣшковъ) въ торокахъ, гдѣ была сложена у нихъ одна необходимая перемѣна одежды; денегъ эти люди съ собою никогда не берутъ и, приобретаая скотъ, уплачиваютъ за него переводами изъ Пекина. По дорогѣ нашей падь между тѣмъ все болѣе и болѣе суживалась и дѣлалась каменистѣе, такъ что близъ деревни Лань-цзя инъ-цза, къ которой мы подѣхали въ 10 ч. 30 м., пашни существуютъ уже только по скатамъ горъ. Черезъ полчаса ѣзды отсюда мы выѣхали на обширную фынъ-нинъ-сянъ'скую долину. Она имѣетъ направленіе съ СЗ на ЮВ и тянется приблизительно верстъ на пятнадцать, или нѣсколько болѣе. Въ западной сторонѣ своей долина эта орошается рѣкою, именуемою здѣсь Да-си-хэ, которая приходитъ въ долину съ СЗ. Почти у самаго выхода изъ пади въ долину располагается деревенька Шанъ-го-рѣ инъ-цза, въ которой мы въ 11 ч. остановились для полдника и, выѣхавъ изъ нее въ 12 ч. 30 м., продолжали свой путь въ направленіи къ Фынъ-нинъ-сян'ю. Окрестности его представляются сплошь распаханнымъ полемъ, такъ что отъ Шанъ-горѣ до Фынъ-нинъ-сяня мы видѣли только двѣ деревеньки, да и то одну изъ нихъ верстахъ въ 3-хъ отъ дороги. Поселокъ этотъ называется Си-гоу и славится въ окрестности своимъ гончарнымъ производствомъ: лучшіе горшки, тазы и чаши въ краѣ получаютъ, говорятъ, именно изъ Си-гоу. По дорогѣ нашей мы въ 1 ч. 15 м. повстрѣчали лишь одну деревню Цянь-фу-сы въ 12 дворовъ, съ одною большою кумирней, которою собственно и славится эта деревня, такъ какъ фынъ-нинъ-сян'цы относятся къ этой кумирнѣ съ большимъ почтеніемъ и часто посѣщаютъ ее. Весьма вѣроятно, что, благодаря именно этому обстоятельству, отъ Цянь-фу-сы до Фынъ-нинъ-сяня между полями проложена широкая и прекрасная дорога, слѣдуя по которой, мы въ 2 ч. 20 м. достигли города Фынъ-нинъ-сяня.

Фынъ-нинъ-сянъ (豐甯縣) городъ очень небольшой, получившій, какъ уже было замѣчено выше, значеніе уѣзднаго города только съ 43 г. правленія Цянь-луна (1778). До того времени поселеніе нынѣшняго

Фынъ-нинъ-сяня было болѣе извѣстно подѣ именемъ Ту-чэнь-цзы (土城子), т. е. земляного города, или городища, окруженнаго землянымъ валомъ и служившаго военнымъ пунктомъ для знаменныхъ солдатъ. Нынѣ обо всемъ этомъ у мѣстныхъ жителей сохранились лишь самыя слабыя воспоминанія и имя «Ту-чэнь-цзы» памятно и извѣстно лишь очень немногимъ. Современный Фынъ-нинъ-сянь располагается посреди своей долины, на лѣвомъ берегу рѣки, Да си хэ, въ разстояніи отъ береговъ ея приблизительно съ версту. При такой удаленности города отъ рѣки, жители его совершенно не пользуются ея водою, а получаютъ воду изъ колодезевъ, которыми снабженъ у нихъ почти каждый отдѣльный домъ. Всѣхъ дворовъ въ городѣ, какъ сообщилъ мнѣ то сынъ хозяина нашей гостиницы, полицейскій служба, считается до 1600, въ какое число входятъ впрочемъ и поселенія прилежащихъ городу слободъ. Изъ числа общественныхъ зданій главнѣйшими почитаются 4 кумирни: Гэсэръ-сүмэ, Цзю-шэнь-мяо, Вэнь-чанъ-мяо и Фо-ѣ-мяо; при каждой изъ этихъ кумирень имѣются театральныя зданія, и всѣ онѣ выглядятъ довольно благоустроено; засимъ здѣсь находится управленіе мѣстнаго чжи-сяня, (уѣзднаго начальника), а на ряду съ нимъ громадныя зданія хлѣбныхъ магазиновъ. Всѣ поля уѣзда обложены хлѣбными податями въ пользу казны и количество этого обложенія, смотря по достоинству земли, варьируется въ размѣрѣ отъ одного до двухъ доу съ cadaго засѣяннаго му. Близъ самага Фынъ-нинъ-сяня, въ долину его, съ cadaго му получается обыкновенно до 12 доу пшеницы и изъ такого дохода земледѣльца въ пользу казны взимается 2 доу. Собранный въ мѣстные хлѣбные магазины хлѣбъ этотъ отправляется потомъ, по нуждѣ, въ Чэнь-дэ-фу. По другую сторону управленія чжи-сяня находится ямунь такъ называемаго здѣсь «сы-ѣ», или смотрителя тюремнаго замка, при которомъ расположенъ и самый этотъ замокъ; наконецъ совершенно отдѣльно отъ этихъ учреждений въ Фынъ-нинъ-сянѣ имѣется еще управленіе такъ сказать мѣстнаго гарнизона, состояющагося изъ 24 знаменныхъ солдатъ. Предсѣдательствующіе въ этихъ управленіяхъ, чжи-сянь, сы-ѣ и цянъ-цзунъ, представляютъ собою высшее начальство въ городѣ, въ ямуняхъ же ихъ состоитъ громадное число низшаго чиновничества: при чжи-сянѣ, напримѣръ, такъ называемыхъ «я-и», штатныхъ и нештатныхъ, числится до 500 человекъ: они сторожатъ городъ, служатъ разсыльными, подвергають подсудимыхъ пыткамъ и наказаніямъ, сопутствуютъ чжи-сян'ю при его разъѣздахъ и проч.; сы-ѣ имѣеть у себя также служащихъ не менѣе 45 человекъ и только въ подчиненіи цянъ-цзуна состоитъ 24 знаменныхъ. Вся эта мелкота разыгрываетъ изъ себя роль людей чиновныхъ, которыхъ въ каждомъ домѣ и въ каждой лавкѣ встрѣчаютъ не

иначе, какъ съ колѣнопреклоненіемъ, чему я и самъ былъ свидѣтелемъ; нечего говорить послѣ сего о ямунскихъ письмоводителяхъ и дѣлопроизводителяхъ: они держатъ себя съ невозможною напыщенностью и гордостью и въ то же время рѣшительно всѣ, начиная съ чжи-сяня и оканчивая послѣднимъ я-и, поголовно взяточники. У мѣстнаго чжи-сяня заведено, на примѣръ, чтобы всѣ его подчиненные непремѣнно приносили ему подарки въ дни четырехъ годовыхъ праздниковъ, въ день его рожденія, и въ годовщину прибытія его на должность; а равно по случаю замѣщенія тѣмъ или другимъ лицомъ извѣстной вакансіи, или назначенія кого либо къ исполненію должности. Другіе главноначальствующіе практикуютъ тоже самое по своимъ вѣдомствамъ. Хозяинъ мой сообщилъ мнѣ далѣе, что за опредѣленіе своего сына нештатнымъ «я-и» онъ долженъ былъ уплатить чжи-сяню 30 ланъ серебра, да потомъ за включеніе егѡ въ штатъ еще 100 ланъ и кусокъ канфы на платьѣ женѣ чжи-сяня; за то теперь радость и довольство этого родителя были полны: по словамъ его, сынъ его теперь ежегодно имѣетъ доходовъ не менѣе 300, 350 ланъ серебра, на подарки же чжи-сяню ему, какъ служащему на низшей должности, приходится тратить не болѣе 50 ланъ въ годъ. Эти поборы чиновничества, говорилъ онъ, служатъ основною причиною трудности моей жизни (о томъ что также точно было другимъ вслѣдствіе поборовъ его сына, хозяинъ и не думалъ); налоги также не малые: въ городѣ поземельный налогъ съ каждаго му исчисляется по главной улицѣ въ размѣрѣ 20 ланъ; въ боковыхъ улицахъ по 15 ланъ и въ слободѣ по 10 ланъ; помимо того существуютъ еще другіе мелкіе налоги, какъ то на кумирни, на сторожей, на пріютъ для бѣдныхъ сиротъ и проч. Постройка домовъ въ Фынъ-нинъ-сян'и затруднительна и дорога, такъ что постройка одного цзяня не можетъ стоить менѣе 25 ланъ серебра. Зависитъ это главнымъ образомъ отъ недостатка въ древесныхъ матеріалахъ, послѣдній же обуславливается не тѣмъ, чтобы вокругъ города не было лѣса, а тѣмъ что никто не занимается здѣсь лѣснымъ дѣломъ, почитая это спеціальностью Го-цзя-тун'цевъ. При такихъ обстоятельствахъ жители Фынъ-нинъ-сян'я чуть ни за каждой доской отправляются въ Го-цзя-тунъ, отчего дерево обходится имъ самое меньшее на 25% дороже, а между тѣмъ поселяне, окрестные Фынъ-нинъ-сян'ю, почти всѣ поголовно занимаются порубкою, заготовленіемъ и продажею лѣса; хотя все это они везутъ въ Го-цзя-тунъ, а не въ Фынъ-нинъ-сянъ. Хозяинъ мой объяснялъ мнѣ такое положеніе дѣлъ привычкою народа, сами же поселяне говорятъ, что они находятъ для себя болѣе выгоднымъ везти свой товаръ въ Го-цзя-тунъ, потому что тамъ лѣсовщики всегда возьмутъ его и притомъ по опредѣленной цѣнѣ, между тѣмъ какъ

въ Фынъ-нинъ-сяни даже нуждающіеся въ лѣсъ люди хотятъ показать, что они могутъ обойтись безъ этой покупки и въ результатѣ непременно продашь въ убытокъ, вслѣдствіе прижимокъ со стороны полицейскихъ чиновниковъ и покупателей.

Фынъ-нинъ-сянь очень небольшой городокъ и населеніе его не превышаетъ 9, 10 тысячъ жителей. Городъ расположенъ, можно сказать, одною длиннѣйшею улицею, боковые же переулки его, хотя ихъ и не мало, незначительны, развѣ въ пять, шесть домовъ длиною. Главная улица почти сплошь состоитъ изъ гостинницъ, постоялыхъ дворовъ и лавокъ. Послѣднихъ насчитывается здѣсь 114 и всѣ онѣ должны быть причислены къ разряду мелочныхъ, ибо ни одна изъ нихъ не ведетъ большой спеціальной торговли, но каждая торгуетъ всевозможными товарами. Иной торговли, говорятъ, здѣсь быть и не можетъ. Положеніе Фынъ-нинъ-сяня неподалеку отъ Великой стѣны даетъ возможность каждому состоятельному человѣку проѣхать за большими покупками въ застѣнный Китай, случайныя же требованія дорогихъ товаровъ черезъ чуръ не значительны. Вотъ почему большинство лавокъ торгуетъ здѣсь вмѣстѣ и мануфактурою, и галантерейнымъ товаромъ, и металлическими издѣліями, и чаемъ, и конфектами, и пр. и пр. О цѣнахъ на эти товары мнѣ пришлось узнать не особенно много, вообще же онѣ должны быть почитаемы гораздо ниже не только хуху-хотдскихъ, но даже и калганскихъ. Изъ иностранныхъ бумажныхъ мануфактуръ здѣсь встрѣчаются:

Хуа-ци-жэнь-тоу-цу-янъ бу — кусокъ не свыше 3 ланъ. Низшіе сорты той же матеріи низходятъ до 2 ланъ.

Хуа-ци-фэй-лунъ си-вэнь-бу — за кусокъ 3 лана 30 фынъ; низшіе сорты за кусокъ 3 лана.

Бай-бяо-бу, шириною въ 29 цуней, продается по 5 ланъ 40 ф. и почему существуетъ такая страшная дороговизна на этотъ товаръ, для меня осталось невыясненнымъ.

Другихъ, собственно шерстяныхъ, мануфактуръ, шертинговъ и камлотовъ, продается очень мало и во многихъ лавкахъ ихъ не имѣется вовсе. Вообще крайняя степень развитія самаго мелочного торга явствуетъ здѣсь уже изъ того, что приказчики часто не знаютъ даже цѣны на цѣлый кусокъ матеріи, имъ извѣстна только цѣна ея или въ отрѣзѣ на халатъ, или мѣрою на чи. Въ послѣднемъ случаѣ стоимость товаровъ является также дешевле калганской и хуху-хотдской; такъ дѣляню (дрилингъ) въ отрѣзѣ на халатъ стоитъ въ Фынъ-нинъ-сяни 7 циновъ серебра, или 1100 здѣшнихъ чеховъ; си-янъ-бу продается по 60 чеховъ за чи, (т. е. приблизительно $8\frac{1}{2}$ нашихъ копѣекъ). Всѣхъ лавокъ, торгующихъ

краснымъ товаромъ настолькоъ значительно, что въ нихъ можно купить на халатъ, въ Фынъ-нинъ сяни до 20. Товары свои они получаютъ изъ Тянь-цзина, Тунь чжоу, но главнымъ образомъ изъ Пекина. Ъздаютъ за товарами обычно разъ въ годъ, глубокою осенью, когда, послѣ уборки хлѣбовъ поселянами, удастся покупить у нихъ по мелочамъ достаточное число зерна и муки. Съ этими запасами хлѣба фынъ-нинъ-сяньскіе купцы ѣдутъ въ Пекинъ и, продавъ хлѣбъ въ Дунъ-ба, или у воротъ Дунъ-жи-мынь, покупаютъ на вырученныя деньги красный товаръ въ Пекинѣ. Такъ какъ при покупкѣ оптомъ товары продаются всегда дешевле, то на сей конецъ фынъ-нинъ сяньскіе торговцы обыкновенно соединяются по два и по три человѣка вмѣстѣ и покупаютъ товаръ компаніями. Каждая изъ такихъ компаній вывозитъ изъ Пекина приблизительно до 100 верблюжьихъ вьюковъ. Такъ ведется дѣло почти у всѣхъ торговцевъ и, по общему отзыву, только одна лавка фирмы Бэй-цзянь-синъ торгуетъ внѣ мѣстнаго компанейства и уѣзжаетъ изъ Фынъ-нинъ-сяня за своими товарами съ деньгами. Посѣтивъ эту лавку, считаемую одною изъ самыхъ богатыхъ, я не нашелъ однако въ ней много особеннаго. Она принадлежитъ фирмѣ, имѣющей свою торговлю еще и въ Тянь-цзинѣ, оттого товаръ въ ней разнообразнѣе и, пожалуй, нѣсколько богаче; но завсѣмъ тѣмъ относительно количества всѣхъ, заключающихся въ ней товаровъ, надлежитъ замѣтить, что ежегодно ею получается продуктовъ какъ мануфактурной, такъ и всякаго рода иной мелочной торговли не свыше 120 верблюжьихъ вьюковъ, т. е. приблизительно 1700—1800 пудовъ, полагая въ томъ числѣ и такой вѣскій товаръ, какъ желѣзные таганы и чаши, мѣдныя издѣлія, фарфоровую и каменную посуду и проч. Лавка Бэй-цзянь-синъ производитъ въ Фынъ-нинъ-сяни главнѣйшую торговлю чаемъ. По преимуществу ею привозится сортъ, извѣстный подъ именемъ «сянь-пянь», такъ какъ именно этотъ чай идетъ въ мѣстномъ употребленіи у китайцевъ. Всего лавкою Бэй-цзянь-синъ привозится въ годъ чаю не свыше 30 верблюдовъ, т. е. около 120 мѣсть, продается же онъ здѣсь не иначе какъ по гинамъ и цѣна на него, смотря по качеству чая, стоитъ отъ 450 до 800 чеховъ за гинъ, т. е. приблизительно отъ 70 коп. до 1 руб. 20 к. на наши кредитныя деньги. Такъ образомъ самая богатая лавка въ Фынъ-нинъ-сяни имѣетъ годового привоза всѣхъ своихъ товаровъ не свыше 150, 160 верблюжьихъ вьюковъ и больше, говорятъ, привозитъ рѣшительно нѣтъ никакой нужды, такъ какъ вывозной торговли изъ Фынъ-нинъ сяня нѣтъ никакой, въ мѣстномъ же употребленіи большаго количества разойтись не можетъ. Движеніе товаровъ по внутреннему Китаю до Гу-бэй коу идетъ путемъ, замѣченнымъ въ рѣчи о Го-цзя-тунѣ, что же касается дороги до Гу-бэй-коу, то выѣхавъ

изъ Фынъ-нинъ сянъ по утру, обычно имѣютъ въ 1-й день ѣзды полдникъ въ Борд-нур'ѣ и ночлегъ въ Синь-чжоу; во 2-й день — полдникъ въ Шипа-пань-ляо, а ночлегъ въ Сань-ца-ко-р'ѣ; на 3-й день къ полудню приѣзжаютъ уже въ Гу-бэй-коу. Другимъ путемъ сношеній съ внутреннимъ Китаемъ Фынъ-нинъ-сянъ почти не имѣетъ. Случается, хотя весьма рѣдко, что здѣшніе торговцы ѣздятъ въ Ду-ши-коу, для продажи Фынъ-нинъ-сянскаго опиума, но далѣе Ду-ши-коу они не заѣзжаютъ. Такъ какъ поѣздки эти совершаются на легкѣ, то путь до Ду-ши-коу дѣлается также въ 2¹/₂, рѣдко въ 3 полныхъ сутокъ съ остановками въ Вань-цзя-инъ — 30 ли, Янъ-цзинъ-цза — 40 ли, Да-гоу-р — 45 ли; Си-синь-эр — 40 ли и Ду-ши-коу — 60 ли. Фынъ-нинъ сянъскій опиумъ разводится какъ въ слободахъ, прилежащихъ городу, такъ и въ окрестностяхъ оныхъ. Онъ извѣстенъ въ торговомъ мірѣ подъ спеціальнымъ именемъ Хуанъ-гу-тунъ, очень не высокъ по своимъ достоинствамъ и оцѣнивается за ланъ отъ 400, до 480 чеховъ.

Помимо опиума въ Ду-ши-коу и хлѣба въ Пекинъ и въ сѣверную часть внутренняго Китая изъ Фынъ-нинъ-сянъ ничего не вывозится. Шерсть и кожи, при общей недостаточности скота, сполна расходятся на мѣстѣ, а другихъ продуктовъ производства здѣсь не имѣется. Относительно хлѣбной торговли надлежитъ еще замѣтить, что помимо мелкихъ купцевъ, отвозящихъ зерно и муку прямо въ Пекинъ для обмѣна на потребные имъ товары, ею заняты еще четыре большихъ спеціально торгующихъ зерномъ фирмы. Мнѣ не пришлось узнать, имѣютъ ли даже эти фирмы свои лавки въ городѣ: ихъ торговля идетъ главнымъ образомъ оптомъ, на вывозъ изъ города, а потому основная дѣятельность ихъ сосредоточивается въ загородныхъ конторахъ и на складахъ. Фирмы эти считаются въ Фынъ-нинъ-сяни уже коммерсантами первой степени, съ которыми, по величинѣ ихъ оборотовъ, могутъ сравниться еще развѣ шесть оптовыхъ торговцевъ водкой, ведущихъ свое дѣло опять таки не въ лавкахъ, а по складамъ. По понятіямъ китайцевъ, къ числу богатыхъ всегда относятся еще мѣняльныя лавки и конторы, которыхъ въ Фынъ-нинъ-сян'и двѣ; но дѣятельность ихъ здѣсь очень ограничена и сосредоточивается почти исключительно на размѣнѣ серебра на мелкую монету — чохи. Курсъ чеховъ при мнѣ стоялъ здѣсь ниже калганскаго, а именно за лану серебра 1550 чеховъ, тогда какъ въ калганѣ 1514.

Какъ и въ каждомъ китайскомъ городѣ, въ Фынъ-нинъ-сяни, на ряду съ лавками, помѣщаются и мастерскія гробовщиковъ, столяровъ, мѣдниковъ и проч. ремесленниковъ. Лучшее дѣло принадлежитъ, говорятъ, здѣсь красивымъ мастерскимъ, которыхъ въ городѣ только три; между тѣмъ

почти всѣ бумажные товары европейскаго производства привозятся сюда въ неокрашенномъ видѣ. Красильнямъ поэтому дѣла очень не мало.

Обитатели Фынъ-нинъ-сян'я необычайно назойливы и дерзки: во все время нашего пребыванія здѣсь народная толпа не покидала двора нашей гостиницы, стараясь насъ увидѣть; окна нашей комнаты были буквально всѣ изорваны, ибо каждому хотѣлось посмотрѣть и каждый прорывалъ себѣ новую скважину въ бумагѣ, замѣняющей стекла. Хозяинъ гостиницы, конечно, сожалѣлъ объ этомъ убыткѣ, да и намъ такая эта назойливость была не особенно пріятна. Къ довершенію несчастія въ прорванныя окна моего номера всю ночь свисталъ вѣтеръ, благодаря чему я страшно простудилъ себѣ глаза и на слѣдующій день еле продралъ ихъ отъ засохшаго на вѣткахъ гноя. Рѣзь и жаръ въ глазахъ были настолько сильны, что, отправляясь въ дальнѣйшій путь, я рѣшилъ повязаться платкомъ и ѣхалъ полуслѣпой. Дневниковъ за 18, 19 и 20 числа почти не писалъ, а пріѣзжая на постоянные дворы, все время лежалъ, прикладывая къ глазамъ свинцовую примочку. 20-го числа въ 5 ч. 15 мин. вечера мы прибыли въ Жэ-хэ.

V. Чэнъ-дэ-фу или Жэ-хэ.

(Съ 20-го по 26-е Апрѣля).

Городъ Чэнъ-дэ-фу 承德府 и его департаментъ, именуемые у монголовъ «Эрдэмй дагагаксанъ фу» почитаются у современныхъ китайцевъ основанными очень недавно и это до нѣкоторой степени небезосновательно. До временъ вступленія на престолъ властвующей нынѣ въ Китаѣ маньчжурской династіи земли нынѣшняго чэнъ-дэ-фу'скаго департамента не состояли подъ властью Китая, но были всецѣло заняты монголами хорчинскихъ поколѣній и только послѣ подданства означенныхъ поколѣній маньчжурамъ и созданія этими послѣдними подъ своею властію нынѣшней дайцинской имперіи, начались сюда китайскія переселенія. Конечно, если мы обратимся къ исторіи, то узнаемъ, что встарину земли эти много разъ и входили подъ власть Китая, и отторгались отъ него; разбросанные здѣсь по разнымъ мѣстамъ многочисленные памятники старины являются еще и теперь краснорѣчивыми свидѣтелями распространявшейся и процвѣтавшей здѣсь культуры Китая; но въ бесѣдахъ даже съ образованными китайцами нельзя услышать объ этомъ никакихъ подробностей; напротивъ, васъ будутъ увѣрять, что никогда еще чэнъ-дэ-фу'ская область не обращала на себя такого вниманія китайцевъ и никогда не была она такъ культивирована

и изукрашена ими какъ при нынѣшней династіи. Въ дѣйствительности, Чэнь-дэ-фу возвысился только со временъ царствованія Канси и это даже не потому, что въ эту пору получилъ онъ административное значеніе «тина», а потому что мѣстность его была избрана какъ дача для лѣтняго отдыха, охоть и развлеченій богдохана. Съ этой поры на Чэнь-дэ-фу начали обращать свое вниманіе и Китай, и Европа: китайскіе ученые производили здѣсь массу историко-географическихъ изслѣдованій и результатомъ ихъ явились обстоятельнѣйшія описанія этой мѣстности; поэты воспѣвали Чэнь-дэ-фу въ своихъ стихахъ, живописцы силились передать на холстѣ и бумагѣ красоты чэнь-дэ-фу'скихъ урочищъ и проч. Золотой вѣкъ Чэнь-дэ-фу — это время правленія Цянь луна (1736—1796) и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что съ тѣхъ поръ городъ этотъ только падалъ, не смотря на то что Цянь-лунъ окончательно превратилъ Чэнь-дэ-фу въ китайскій городъ и повысилъ его административное значеніе до степени главнаго города департамента. Правда, преемники Цянь-луна пріѣзжали еще сюда на дачу; но въ разказахъ китайцевъ совершенно нельзя услышать, чтобы кто либо изъ нихъ сдѣлалъ что-нибудь для города. Третій изъ этихъ преемниковъ, Сянь-фынь, имѣлъ несчастіе умереть въ Чэнь-дэ-фу и съ тѣхъ поръ китайскіе богдоханы, опасаясь для себя той-же участи, перестали ѣздить на дачу въ Чэнь-дэ-фу: опустѣвшіе дворцы ихъ, правда, еще охраняются особою дворцовой стражей, но не исправляются, а потому приходятъ въ ветхость; собранныя въ этихъ дворцахъ богатства и рѣдкости расхищаются сторожами и, по словамъ мѣстныхъ китайцевъ, все, рѣшительно все въ этомъ городѣ годъ отъ года приходитъ въ большее и большее разрушеніе.

И это не удивительно. Чэнь-дэ-фу и его департаментъ, вмѣстѣ съ его округомъ и уѣздами, не составляютъ собственно внутренняго Китая. Не смотря на введенную въ немъ систему управленія, земли этого департамента, въ понятіяхъ мѣстнаго населенія, почитаются инородческими, принадлежащими монгольскимъ аймакамъ и только открытыми для переселенія китайцевъ изъ тѣхъ провинцій, гдѣ населеніе сгущено, а земли настолько бѣдны, что оно не можетъ находить себѣ на нихъ пропитанія. Очень можетъ быть, что такой взглядъ составился и окрѣпъ именно оттого, что сюда дѣйствительно переселяются только люди бѣдные, не имѣющіе въ самомъ Китаѣ опоры не только въ отдаленныхъ родственникахъ, а даже въ родной семьѣ, иногда, наконецъ, вовсе безродные и одинокіе. Подняться и разбогатѣть такимъ людямъ, конечно, очень трудно и они продолжаютъ влачить здѣсь свое жалкое существованіе также точно, какъ, вѣроятно, влачили сго и на родинѣ. Прямимъ результатомъ этого были, между прочимъ, тѣ социально-политическія смуты, которыя считаются умиротворен-

ными съ прошлаго года, хотя въ дѣйствительности волненіе существуетъ еще и теперь. Населеніе самаго города Чэнь-дэ-фу состоитъ изъ той же китайской гольтыбы и понятно, что такой пролетаріатъ ни коимъ образомъ не можетъ способствовать возрастанію, или процвѣтанію города. По своему естественному положенію Чэнь-дэ-фу равнымъ образомъ никогда не обѣщаль развиться въ большой и солидный городъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ высокими горными хребтами, образующими для него стѣну приблизительно въ 140, 150 верстъ толщиною, Чэнь-дэ-фу естественно имѣетъ и къ себѣ, и отъ себя очень мало удобныхъ торговыхъ путей. Ожидать для себя поддержки съ этой стороны ему было опять таки невозможно и мы дѣйствительно видимъ, что почти вся торговля Китая съ сѣверо-восточной Монголіей, направляется по болѣе прямой и удобной дорогѣ на Долбнѣ-нѹръ, что же касается до юго-восточнаго и пограничнаго Маньчжуріи угла, то товары идутъ сюда опять таки болѣе скорымъ (особливо въ послѣднее время при развитіи пароходства) и легкимъ морскимъ путемъ на Нью-чжуанъ и Шанхай гуань. Положительно можно сказать, что Чэнь-дэ-фу жилъ и развивался только тогда, когда пріѣзжали въ него богдоханы; удалился дворъ, — и городъ обратился почти въ ничтожество. Приданное ему административное положеніе способно было дать ему жизненныхъ силъ черезъ чуръ мало.

Чэнь-дэ-фу можно назвать городомъ по преимуществу казеннымъ. Какъ въ центрѣ управленія департамента здѣсь сосредоточенно не мало присутственныхъ мѣстъ съ многочисленнымъ штатомъ особливо самыхъ низшихъ чиновниковъ. При здѣшнемъ ду-тунѣ имѣется 2200 человекъ маньчжурскихъ знаменныхъ солдатъ и 800 человекъ китайскихъ, принадлежащихъ къ отдѣлу лу-инь. Для охраны богдоханскаго дворца существуетъ особый штатъ служилыхъ людей разныхъ званій, частію набираемый изъ мѣстныхъ жителей, а частію высылаемый изъ пекинскаго дворцоваго управленія: послѣдній сортъ людей составляется или изъ ветерановъ, негодныхъ уже для дѣйствительной службы въ Пекинѣ, или изъ промотавшихся въ Пекинѣ дворцовыхъ служителей, или, наконецъ, изъ ни къ чему негодныхъ полудиотовъ, имѣющихъ у себя дядюшекъ и братцевъ, пользующихся значеніемъ въ государственной службѣ и при дворѣ. Всѣ эти люди посылаются сюда просто на «кормленіе», число же ихъ въ общемъ свыше 500 человекъ. Къ этому чиновничеству нужно прибавить еще до 2000 ламъ, также состоящихъ на жалованьи у правительства, да человекъ до 300 хэ-шановъ. Какъ въ каждомъ мѣстѣ центрального управленія, въ Чэнь-дэ-фу всегда бываетъ много пріѣзжаго люда; къ монастырямъ стекается не мало поклонниковъ; а все это пришлое и постоянно смѣняю-

щееся населеніе города требуетъ для себя не мало услугъ, выполненіе коихъ лежитъ уже на мѣстныхъ жителяхъ. Этимъ составомъ населенія вполне объясняется физіогномія города, къ описанію которой мы теперь и переходимъ.

Если въѣзжать въ городъ съ западной стороны его, то, проѣхавъ городскія триумфальныя ворота 光天地日, вы съ перваго же раза поражаетесь почти неизвѣстными въ Китаѣ разбросанностью и шириною городскихъ построекъ и вамъ кажется, что въ этомъ городѣ императорской дачи и всѣ живутъ не по городски, а по дачному. Но это первое впечатлѣніе обманчиво, ибо въ данномъ пунктѣ города, пожалуй, еще и не существуетъ. Три громадныя зданія обращаютъ здѣсь на себя вниманіе: а) самое крайнее зданіе въ городѣ — «Као пынь» (考棚), это присутственное мѣсто, гдѣ экзаменуются для полученія ученаго званія и чиновъ, студенты, однажды въ годъ собирающіеся сюда къ условному сроку со всего департамента. Обычно это зданіе совершенно пустоуетъ, но теперь былъ именно срокъ экзаменовъ; поэтому, проѣзжая мимо Као-пына, я увидалъ передъ щитомъ и воротами его болѣе сотни молодыхъ людей, толпящихся, разговаривающихъ и, вѣроятно, въ сотый разъ перечитывающихъ объявленія, расклеенныя по стѣнамъ ограды, окружающей зданія. Но ворота святилица были закрыты наглухо и, говорятъ, во избѣжаніе могущихъ быть мошенничествъ, черезъ нихъ совершенно не впускаютъ во дворъ зданія до самаго дня экзаменовъ. Когда именно они начнутся, никто не могъ сказать точно; извѣстно только что ранѣе 25-го числа этого мѣсяца, а пока всѣ ожидали старшаго экзаменатора, имѣющаго прибыть изъ Пекина. Студентовъ, желающихъ подвергнуться испытанію, до настоящаго дня собралось около 450 человекъ, хотя полагаютъ, что это еще не всѣ, такъ какъ обыкновенно въ Чэнь-дэ-фу'скомъ департаментѣ экзаменуется до 600 человекъ. На ряду съ Као-пын'омъ стоитъ б) другое родственное съ наукою зданіе, — это такъ называемый «Лао-ши я-мынь» (老師衙門) т. е. присутственное мѣсто чэнь-дэ-фу'скаго старшаго наставника и вмѣстѣ экзаменатора и наконецъ в) третье, чуть ни вдвое превышающее вышепомянутыя зданія по своей величинѣ, — зданіе Фу-ямуня (府衙門) т. е. общаго управленія департамента Чэнь-дэ-фу. Неподалеку отъ него находится еще острогъ и главная городская кумирня, посвященная Гуань-ди и называемая Чэнь гуань мяо (城隍廟). Сторона улицы, противуположная этимъ правительственнымъ учрежденіямъ, сплошь застроена гостинницами для пріѣзжающихъ и самыми мелочными лавчонками, служащими вмѣстѣ съ тѣмъ закусочными, харчевнями и кабаками. Внѣшній видъ этихъ притоновъ свидѣтельствуетъ, что они существуютъ для людей са-

мыхъ низшихъ званій и состояній: здѣсь утоляютъ свой голодъ вызванные Фу-ямунемъ поселяне; здѣсь поселянка угощаетъ осторожнаго сторожа за доставленіе возможности видѣться съ заключеннымъ мужемъ, или родственникомъ; здѣсь же эти сторожа сбываютъ все выманенное, или украденное у подсудимыхъ и ихъ родственниковъ. Что касается гостинницъ для прїѣзжающихъ, то, по общему отзыву, въ нихъ останавливаются только студенты, являющіеся къ экзаменамъ, да прїѣзжающіе по дѣламъ въ Фу-ямунь на срокъ не больше одного, много двухъ дней: намѣревающіеся пробыть болѣе долгій срокъ, останавливаются обыкновенно въ городскихъ гостинницахъ, такъ какъ тамъ ближе къ лавкамъ, больше народа и вообще всякаго рода развлеченій.

Въ понятіяхъ чанъ-да-фу'сцевъ, городъ Чанъ-да-фу начинается только отъ триумфальныхъ воротъ (叙 惟 功 九), отдѣляющихъ торговую часть города отъ вышеописаннаго казеннаго его участка. Весь торговый Чанъ-да-фу можно считать состоящимъ изъ трехъ большихъ улицъ, протягивающихся съ западнаго конца города на востокъ: а) главной, или «западной большой улицы» (Си-да-цзѣ 西 大), проходящей по самой срединѣ города; б) по лѣвую сторону ея тянется улица «Лянь-ши-р-цзѣ» (粮 市 街); а по правую сторону в) улица, служащая вмѣстѣ съ тѣмъ набережной потока Хань хэ (漢 河), а потому называемой Хань-хэ-тоу-цзѣ и въ юго-восточной своей оконечности, гдѣ она оставляетъ берега потока, получающей новое названіе «Эрль-сань-цзюй» (二 仙 居). Общую особенность этихъ улицъ составляетъ то, что ни одна изъ нихъ не можетъ быть названа прямою и вполне правильною. Небрежность ли къ красотѣ улицъ, или своеобразно понимаемая у китайцевъ свобода, въ силу которой каждый ихъ домовладѣлецъ, при постройкѣ своихъ домовъ, не руководствуется ничѣмъ помимо личныхъ удобствъ, имѣетъ своимъ конечнымъ результатомъ то, что одинъ домъ стоитъ у нихъ какъ бы въ глубинѣ улицы, а другой выступаетъ на ея средину; понятно, что и самая улица при этомъ то расширяется, то суживается, то идетъ ровною линіею, то выпячивается брюхомъ въ ту, или другую сторону. Помимо этихъ неправильностей, происходящихъ собственно отъ недостатка изящнаго вкуса человѣка, улицы Чанъ-да-фу не могутъ быть правильны и по своимъ естественнымъ условіямъ. Ущелье, на которомъ расположенъ городъ, начинаясь правильною линіею на западѣ, при дальнѣйшемъ направленіи своемъ на востокъ, дѣлаетъ излучину къ юго-востоку; конечно, послѣдую за этой излучиной ущелья, точно также дѣлаютъ колѣно и всѣ улицы города. Сверхъ выше указанныхъ трехъ главныхъ улицъ, въ городѣ имѣется еще десятка два или три болѣе или менѣе значительныхъ переулковъ, также плотно за-

строенныхъ какъ и главныя улицы. Всѣ эти переулки очень грязны, а узки настолько, что по многимъ изъ нихъ не могутъ проѣзжать и телѣги.

Въ описаніи городовъ у насъ всегда обращается большое вниманіе на ихъ орошеніе, но, по отношенію къ водѣ и водоснабженію чэнъ-дэ-фу'скихъ жителей, городъ ихъ расположенъ крайне неудобно. Чэнъ-дэ-фу'ская падь, можно сказать, изобилуетъ источниками, хотя всѣ они лежатъ уже за предѣлами города, въ самомъ же Чэнъ-дэ-фу рѣшительно нѣтъ проточной воды и жители его для своихъ потребностей получаютъ воду изъ колодцевъ. Рѣчка Жэ-хэ протекаетъ на юго-восточномъ концѣ города; съ восточной и сѣверо-восточной сторонъ городъ огибается уже довольно значительною рѣкою, въ просторѣчїи называемою у мѣстныхъ жителей «Дунъ-да-хэ», но засимъ извѣстною еще подъ именами «Цинъ-лунъ-хэ» (清龍河) и «У-лѣ-хэ» (武烈河); рѣчка эта однако отстоитъ отъ города не менѣе какъ версты на двѣ и можно сказать, что чэнъ-дэ-фу'сцы рѣшительно не пользуются ею для своихъ нуждъ. Помимо сего на юго-западномъ и южномъ концахъ города проходитъ потокъ Хань-хэ (漢河), тянущійся отъ горъ, прилежащихъ съ южной стороны города, а потому называемыхъ Нань-шань. Потокъ этотъ часто пересыхаетъ вовсе, но въ періодъ таянїя снѣговъ въ 1-й и 2-й лунахъ, и обильныхъ дождей въ 6-й и 7-й лунахъ, онъ разливается на столько значительною и главное бурливою рѣчкою, что жители принуждены были сдѣлать по обѣимъ сторонамъ его русла, имѣющаго до 12-ти саженой ширины, каменную плотину. Такой же, но уже не превышающій 4 саженой въ ширину потокъ, образуемый водами, стекающими съ сѣверныхъ горъ, и называемый Лю-шуй-гоу-цзы (流水溝子) проходитъ по самой срединѣ города и однако изъ него даже въ самое половодье невозможно напоить животнаго. Обусловливается это впрочемъ исключительно тѣмъ, что жители бросаютъ сюда всякія нечистоты и, по заведенному обычаю, даже чистятъ всѣ свои дворы, помойныя ямы и грязныя мѣста въ эту пору дождей, чтобы нечистоты были легче вынесены изъ города водою.

Осматривая каждую изъ означенныхъ городскихъ улицъ въ частности, слѣдуетъ сказать, что главная улица Чэнъ-дэ-фу, Си-да-цзѣ, можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Первая, отъ западной оконечности города, областного ямуня и триумфальныхъ воротъ, идетъ до такъ называемаго краснаго моста, Хунъ-цяо (紅橋), перекинутаго черезъ потокъ сѣверныхъ водъ, Лю-шуй-гоу-цзы. Эта часть улицы представляетъ собою самую лучшую сторону торговаго города и заключаетъ въ себѣ всего до 124 лавокъ, наиболѣе богатыхъ и красивыхъ, хотя красота ихъ должна быть понимаема весьма относительно. Большинство лавокъ здѣсь должно

быть отнесено къ разряду галантерейныхъ и суровскихъ товаровъ. Онѣ принадлежатъ главнымъ образомъ выходцамъ изъ Тянь-цзина и Пекина, привозящимъ съ собою для продажи мелочные товары, какъ собственно китайскаго, такъ и европейскаго производства. Изъ числа первыхъ здѣсь можно встрѣтить: вазы разныхъ сортовъ, фарфоровыя и деревянныя чашки, принадлежности для куренія опиума, трубки, чубуки, табакерки, палочки для ѣды, бусы, браслеты и др. привѣски, пояски, платки, шелковыя и бумажныя нитки, наперстки, рисованныя на стеклѣ картины, шарики, носимые чиновниками для обозначенія ихъ чиновъ, и пр. Изъ товаровъ европейскаго производства больше всего игрушекъ, а засимъ встрѣчаются карманные, стѣнные и столовые часы разныхъ сортовъ, мельхиоровыя ложки и тарелочки, различныя пресспапье и коробочки, фотографическія картинки, папиросы и проч. Все это продается здѣсь по цѣнѣ сравнительно очень недорогой; такъ, европейская керосиновая лампа, вышиною въ 9 вершковъ, сдѣланная на подставкѣ изъ бѣлаго матоваго стекла и съ такимъ же резервуаромъ для керосина, съ мѣдною горѣлкою и стекломъ, но безъ абажура, стоитъ 600 чеховъ, т. е. около 80 к., а расхожая низенькая висячая лампа, сдѣланная изъ бѣлой жести, безъ подставки, но также съ мѣдною горѣлкою и стекломъ, по первому спросу отдается за 350 чеховъ, т. е. около 45 коп. и можетъ быть куплена за 280 и даже 270 чеховъ. Мануфактурныхъ товаровъ въ лавкахъ описываемаго разряда почти не встрѣчается, они составляютъ принадлежность лавокъ шань-си'скихъ торговцевъ, большинство коихъ является выходцами изъ области Фынъ-чжоу-фу (汾州府). По разказамъ, всѣ они ѣдутъ сюда изъ своего города по большой дорогѣ на Бао-динъ-фу, а засимъ на Пекинъ, или Тянь-цзинъ, гдѣ запасаются европейскими мануфактурами (см. т. VI показаніе о дорогахъ), отъ себя же они привозятъ дабу, да-лянь-бу и др. матеріи хлопчато-бумажнаго производства китайцевъ. Помимо этихъ суровскихъ и мануфактурныхъ лавокъ, по улицѣ Си-да-цзѣ располагаются отдѣльныя лавки обуви, до 30 аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ, хлѣбни, мастерскія серебряныхъ дѣлъ ремесленниковъ, лавки глиняныхъ издѣлій, лавки и мастерскія особаго рода плетущекъ для водки и масла (лу), наконецъ одна лавка, торгующая попонами (мао-дань). Особую спеціальность чэнъ-дэ-фу'скаго производства составляютъ столики, со складными ножками; верхняя доска и боковины ихъ разрисовываются и покрываются лакомъ. Въ продажѣ они цѣнятся отъ 1500 до 400 чеховъ, смотря по величинѣ столика и изяществу его отдѣлки. Столиками этими на главной улицѣ Чэнъ-дэ-фу торгуетъ до 10 лавокъ; здѣсь же можно находить и еще особыя, причудливыя деревянныя издѣлія, каковы выдолбленныя изъ корня дерева

маленькія складныя коробочки, вазы, чашки, уродливыя китайскія статуэтки и изображенія львовъ (ши-цза), обезьянъ и др. животныхъ, служащія игрушками для дѣтей и проч. Дерево, изъ корня котораго выдѣлываются всѣ эти вещи, называется у китайцевъ Дунъ-цинъ-шу (凍青樹); о немъ разказываютъ, что оно бываетъ постоянно зеленымъ, т. е. принадлежитъ къ разряду хвойныхъ. Наконецъ по главнѣйшій улицѣ Си-да-цзѣ и дальнѣйшему продолженію ея Пай-лу-цзѣ насчитывается всего до 78 лавокъ, спеціально занимающихся продажей стараго платья. Почти всѣ онѣ привозятъ свой товаръ изъ Пекина и въ инвентарѣ ихъ всегда можно найти массу шелковыхъ халатовъ, множество когда-то драгоценныхъ штофныхъ курмъ, съ затканными золотыми изображеніями драконовъ, тигровъ и проч. Все это представляетъ собою обноски китайскихъ придворныхъ мандариновъ и другихъ столичныхъ чиновниковъ, предназначенныя въ перепродажу ихъ жэ-хэ'скимъ сотоварищамъ по придворной службѣ, менѣе ихъ состоятельными, но едва ли не болѣе ихъ чепорнымъ и хвастливымъ.

Отъ моста Хунъ-цяо (紅橋), длина коего равняется только 16 шагамъ, т. е. не свыше 5 сажени, улица Си-да-цзѣ раздѣляется на двѣ и первая изъ этихъ новообразовавшихся улицъ, уклоняющаяся нѣсколько направо и принимающая болѣе сѣверное направленіе, почитается продолженіемъ Си-да-цзѣ. Почти въ самомъ началѣ ея стоятъ триумфальныя ворота «па-бяо-тунъ-фынъ», а отъ нихъ и самая улица называется «пай-лу-цзѣ», т. е. улицей триумфальныхъ воротъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ воротъ находится кумирня, посвященная духу огня, «хо-шэнь мяо». Послѣдній изображается здѣсь въ видѣ богатыря, съ краснымъ, т. е. огненнымъ, лицомъ, стоящимъ въ такой же красной колесницѣ и извѣстенъ подъ спеціальнымъ именемъ Ванъ-линъ гуанъ (萬靈官); вмѣстѣ съ симъ его почитаютъ и предводителемъ всѣхъ духовъ, обитающихъ во вселенной. Отъ кумирни Хо-шэнь мяо улица Пай-лу-цзѣ принимаетъ еще болѣе сѣверное направленіе и вправо отдѣляется отъ себя узенькій переулочекъ, именуемый Хо-шэнь-мяо цзѣ (火神廟). По мѣрѣ удаленія своего отсюда на востокъ Пай-лу-цзѣ дѣлается все болѣе и болѣе узкою, грязною и искривленною, доходя до степени самаго плохого переулка. Лучшее общественное зданіе, построенное на ней, представляетъ собою кумирня У-мяо (武府), воздвигнутая въ честь Гуанъ-ди, или монгольскаго Гэсэр'а. Она занимаетъ собою самое послѣднее мѣсто на восточномъ концѣ улицы и непосредственно соприкасается дворцовой оградѣ. Красныя стѣны, которыми окружена эта кумирня, свидѣтельствуютъ объ ея принадлежности правительству и дѣйствительно, по словамъ моего чичероне, она состоитъ въ дворцовомъ вѣдом-

ствѣ; тѣмъ не менѣе всѣ кумиренныя постройки въ настоящую пору являются здѣсь такими заброшенными, передъ главными воротами ея выросла такая груда мусора и всякаго рода нечистотъ, что къ нимъ невозможно и подъѣхать. По улицѣ Пай-лу-цзѣ насчитывается всего 39 лавокъ, добрая половина которыхъ ведетъ мясную торговлю; помимо того здѣсь много гостиницъ, закусовыхъ, чайныхъ, опіумныхъ и другихъ заведеній. На востокъ улица эта доходитъ до ограды парка богдоханскаго дворца и почти до самыхъ главныхъ воротъ этого дворца, именуемыхъ Ли-чжэнь-мынь (麗正門). Отъ оконечности ея къ помянутымъ главнымъ дворцовымъ воротамъ проходитъ устланная плитами дорога, называемая гунъ-мынь-коу (宮門口); дорога эта, миновавъ главныя ворота, тянется далѣе около дворцовой ограды до восточныхъ дворцовыхъ воротъ, именуемыхъ (德匯門) Дэ-инъ-мынь.

Направляясь вправо отъ восточнаго конца улицы Пай-лу-цзэ по безымянному переулку, можно дойти до ямуня жэ-хэ'скаго ду-туна, т. е. управляющаго жэ-хэ'скою областью. Онъ располагается не болѣе какъ саженьхъ во 100 къ югу отъ главныхъ дворцовыхъ воротъ и представляетъ собою послѣднее, замыкающее зданіе на вышепомянутой улицѣ хошэнь-мяо-цзѣ. Изъ числа общественныхъ зданій помимо ду-тун'скаго ямуня можно упомянуть еще о маленькой кумирнѣ въ честь Гуань-ди и о (近天禪院) Цзинь-тянь-чань-юань.

Вышепомянутая улица, направляющаяся влѣво отъ моста Хунъ-цяо и принимающая, въ противоположность Пай-лу-цзѣ, болѣе южное направленіе, называется Пань-пинъ-цзѣ. Она проходитъ по набережной праваго берега потока Лю-шуй-гоу-цзы и имѣетъ частныя и жилыя зданія, построенныя только на своей южной половинѣ, между тѣмъ какъ сѣверная половина ея, по лѣвому берегу потока, занята общественными постройками кумирень въ честь во 1-хъ генія богатства (財神) а во 2-хъ въ честь хѣна драконовъ (龍王). Улица Пань-пинъ цзѣ представляетъ собою именно такое соединеніе нищеты съ богатствомъ, которое можно видѣть только въ Китаѣ. Съ одной стороны здѣсь стоятъ полуразрушенныя байшины, въ которыхъ живутъ продавцы блиновъ, торгующіе въ день не свыше какъ на 2 цина серебра и отъ этой продажи получающіе всѣ средства для своего, поистинѣ, жалкаго существованія; съ другой — здѣсь же имѣютъ свое мѣстонахожденіе и самыя богатыя лавки города. Наиболѣе состоятельною изъ нихъ, по общему приговору, является фирма «Юнь-цзю-лунъ», ведущая торговлю домашними принадлежностями; а самую обширную — лавка фирмы «Цзинь-чэнь-юнь». Эта послѣдняя принадлежитъ компаніи шань-си'скихъ купцевъ, имѣющихъ свое основное дѣло въ Пекинѣ, въ Чэнь-дэ-фу же компанія со-

держитъ свою лавку, какъ незначительное отдѣленіе столичнаго торга. Лавка Цзинь-чэнь-юнь — единственная въ Чэнь-дэ-фу, гдѣ можно найти въ продажѣ цѣльные куски шелковыхъ матерій, хотя сортовъ этихъ матерій здѣсь очень не много и продаются они по крайней мѣрѣ на 20% дороже калганскихъ. Особенностью торговли шелковыми матеріями въ Чэнь-дэ-фу является то, что здѣсь можно найти шелковыя ткани мѣстнаго производства, выдѣлываемыя главнымъ образомъ въ Па-гоу, изъ шелковыхъ нитокъ и коконовъ, доставляемыхъ монголами прилежащихъ Па-гоу, хорчѣнскихъ хошунъ. Относительно исторіи и состоянія здѣсь шелководства мнѣ пришлось узнать, что оно началось въ хорчѣнскихъ хошунѣхъ не менѣе какъ лѣтъ полтора ста тому назадъ и было занесено сюда выходцами изъ Шань-дуна. Дѣло началось съ того, что китайскіе земледѣльцы, переселившись въ юго-восточную Монголію, нашли, что климатъ и почва этой мѣстности почти не отличаются отъ шань-дунскихъ, а слѣдовательно здѣсь возможны къ разведенію и тѣ же виды растеній, которые имѣли они въ Шань-дунѣ. Между различными видами овощей, злаковъ и кустарниковъ, они перенесли и дерево По-ло (波羅), принадлежащее къ особому виду дубовъ, (*Quercus obovata*) и расадили его первоначально близъ Та-цзы-гоу. Въ настоящую пору это дерево, По-ло, растетъ уже во многихъ мѣстахъ хорчѣнскихъ хошунъ, среди высокихъ горъ и въ мѣстахъ сухихъ, но малокаменистыхъ. Листья его, величиною въ ладонь, и ими можно кормить горныхъ шелко-вичныхъ червей. Порѣшпивъ съ разведеніемъ этого дерева въ Монголіи, шань-дунцы принесли сюда и шелко-вичныхъ червей и начали заниматься шелко-водствомъ. Мѣстные монголы переняли у нихъ это занятіе и въ свою очередь начали заниматься разведеніемъ шелко-вичнаго червя. Изъ коко-новъ они добываютъ нитки, прядутъ ихъ и продаютъ китайцамъ, которые выдѣлываютъ изъ этихъ нитокъ три рода шелковыхъ матерій. Первый изъ этихъ родовъ называется «да-лянъ-цзянь»; это сортъ въ высшей степени грубый и кусокъ его былъ пріобрѣтенъ мною въ Жэ-хэ по цѣнѣ 1 лань 9 цинь за 25 аршинъ; второй сортъ «цзинь-чоу» продается по 4 лана 2 цина за кусокъ, изъ котораго можно выкроить два халата; третій, высшій сортъ называется «цзянь-дуань», — онъ продается по 4 лана 5 цинъ за кусокъ того же размѣра. О качествахъ этихъ матерій можно сказать, что всѣ онѣ походятъ на низкіе сорта чи-цюй-чи, только несравненно грубѣе оной. Надлежитъ замѣтить еще, что монголы и до нынѣ еще занимаются шелко-водствомъ не иначе какъ подъ наблюденіемъ китайцевъ и изъ числа обработаннаго обязаны отдавать $\frac{1}{10}$ часть, въ видѣ подати, въ пользу казны. Третьею наиболѣе зажиточною чэнь-дэ-фу'скою фирмой считается «Куй-и-юнь», по происхожденію также изъ Шань-си. Фирма эта иногда имѣетъ въ

своей лавкѣ также шелковыя матеріи, хотя торгуетъ главнымъ образомъ хлопчато бумажными товарами. Значительные запасы этихъ товаровъ она получаетъ двумя путями и именно, съ одной стороны холстъ привозится ею черезъ Ню-лань-шань, на верблюдахъ, при чемъ телѣгъ не употребляется вовсе; съ другой, — товары эти везутъ на лодкахъ по р. Луань-хэ, до города Ся-бань-чэнь, находящагося въ 50 ли къ югу отъ Чэнь-дэ-фу, а отсюда, опять таки выучнымъ способомъ, до мѣста.

Параллельно главной чэнь-дэ-фу'ской улицѣ, Си-да-цзѣ, также точно начинаясь съ западной оконечности города и протягиваясь по сѣверной его окраинѣ, находится улица Лянъ-ши-цзѣ (糧市街). Подобно «Си-да-цзѣ», она тянется въ длину только до потока Лю-шуй-гоу-цзы, но значительно шире и чище другихъ улицъ. Изъ общественныхъ зданій, расположенныхъ на Лянъ-ши-цзѣ, замѣчательны: 1) кумирня Хунь-мяо (紅廟), занимающая самое первое мѣсто на западномъ концѣ улицы, у горы Хунь-мяо-шань; 2) кумирня «Би-ма-шэнь-мяо» (比馬神廟) наряду съ нею и только нѣсколько сѣвернѣе ея; и наконецъ 3) Лао-ѣ-мяо (老爺廟) или кумирня въ честь Гэсэра, — на восточномъ концѣ улицы. Какъ показывается самое названіе улицы Лянъ-ши-цзѣ, обозначающее «хлѣбный рынокъ», улица эта служитъ средоточіемъ хлѣбной торговли Чэнь-дэ-фу и почти сплошь состоитъ изъ мучныхъ лабазовъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего привлекательнаго по внѣшнему виду, но солидно и широко устроенныхъ. Всѣхъ хлѣбныхъ магазиновъ насчитывается здѣсь до 30. Разные роды хлѣба получаютъ ими сполна отъ окрестнаго населенія и только ризь привозится съ юга, изъ застѣннаго Китая. На западной окраинѣ города, Лянъ-ши-цзѣ представляется узенькимъ переулкомъ и кажется бѣднѣйшимъ толкучимъ рынкомъ, на которомъ торгуютъ исключительно съѣстными припасами и находится много бѣдныхъ и грязныхъ харчевень.

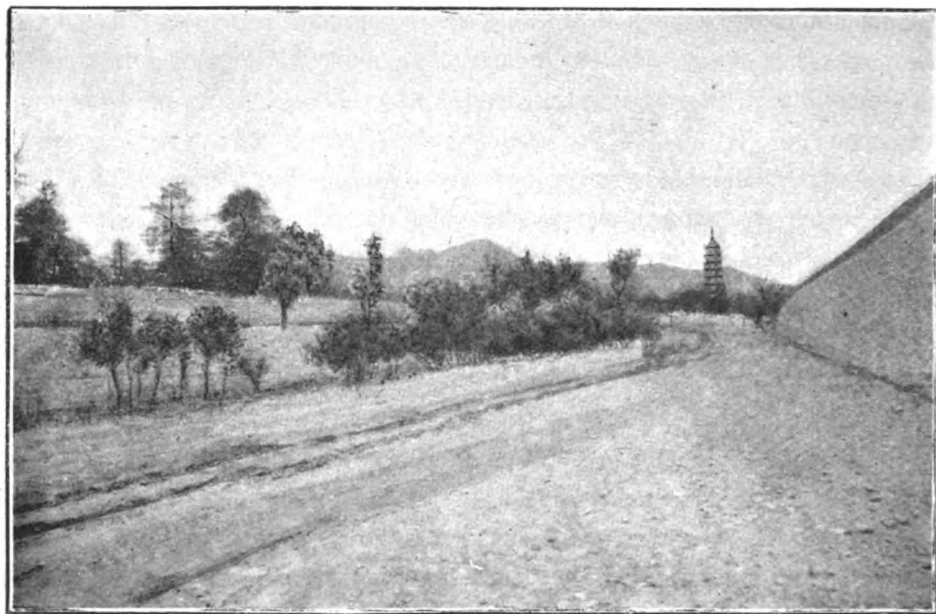
Впротивуположность улицѣ Лянъ-ши-цзѣ, составляющей сѣверную окраину Чэнь-дэ-фу, южную окраину этого города составляетъ улица Хань-хэ-тоу-цзѣ, носящая въ восточной своей части названіе Эрль-шань-цзюй. Она проходитъ по лѣвой сторонѣ потока Хань-хэ, сильные разливы котораго въ періодъ дождей побудили чэнь-дэ-фу'сцевъ заключить его въ каменные стѣны, образующія оригинальную набережную. Улица Хань-хэ-тоу-цзѣ раскинулась по лѣвой сторонѣ потока и имѣетъ у себя нѣсколько мостовъ, ведущихъ черезъ потокъ за городъ. Лучшимъ изъ этихъ мостовъ представляется Да-ши-цяо (大右橋) — большой каменный мостъ, имѣющій до 20 саж. длины. На правомъ берегу потока, какъ разъ противъ этого моста, расположена даоская кумирня Сань-гуань-мяо (三官廟), въ честь трехъ могущественнѣйшихъ духовъ: духа неба, дарующаго счастье; духа

земли, — разрёшающаго грѣховныя дѣянія и духа воды, избавляющаго отъ несчастій. На восточномъ концѣ улицы Эрль-шань-цзюй находится еще кумирня Ту-ди-сы (土地祠). Улица Хань-хэ-тоу-цзѣ на всемъ своемъ протяженіи также занята торговыми помѣщеніями, но это будутъ уже не лавки, а склады матеріаловъ лѣсныхъ, каменныхъ, кирпичныхъ и проч. Эрль-шань-цзюй, можно сказать, занять въ сплошную толкучимъ рынкомъ Чэнь-дэ-фу.

Этими улицами исчертывается весь городъ Чэнь-дэ-фу; остальные хотя и многочисленныя, узенькіе переулки его такъ ничтожны, что о нихъ трудно и сказать какое либо слово.

Перехожу теперь къ замѣткамъ о самой важной части Чэнь-дэ-фу, т. е. объ императорскомъ дворцѣ и прилежащемъ къ нему паркѣ. Дворецъ этотъ занимаетъ собою пространство на сѣверо-востокъ отъ города и расположенъ такъ, что главныя ворота его, именуемая Линь-чжэнь-мынь (麗正門), составляютъ собою послѣднія городскія зданія на восточномъ краю Чэнь-дэ-фу. Передъ этими воротами, по обычаю, воздвигнуть громадный щитъ, окрашенный въ красную краску, а по бокамъ этого щита стоятъ каменныя фигуры и громадныя каменныя же плиты, съ надписью на трехъ языкахъ, извѣщающею, что всѣ, начиная съ самыхъ высшихъ князей, должны сходить здѣсь съ своихъ лошадей и дальше слѣдовать не иначе какъ пѣшкомъ. Самаго дворца невозможно видѣть снаружи: онъ находится на такой глубинѣ за оградю, что даже крыша его скрывается въ пространствѣ. Что касается наружной ограды, то она охватываетъ собою не только дворецъ, но и весь прилежащій къ нему паркъ. Устроена она въ различныхъ частяхъ своихъ различно: на южной сторонѣ стѣны ея сложены изъ каменнаго песчаника и, вмѣстѣ съ зубцами, достигаютъ высоты 4-хъ сажень; на сторонѣ юго-восточной находится нѣсколько звеньевъ изъ дикаго гранита и это въ той именно части ограды, гдѣ у самага основанія ея устроены своды для проведенія въ паркъ воды изъ р. Жэ-хэ; на восточной сторонѣ тѣже стѣны сдѣланы уже изъ обожженаго кирпича и стоятъ на высокой дамбѣ, устроенной, несомнѣнно, въ видахъ защиты дворца и парка отъ разливовъ рѣки У-лѣ-хэ. Помимо этой дамбы съ тою же цѣлью съ восточной стороны дворца и парка, у самыхъ береговъ рѣки устроена еще каменная стѣна до сажени шириною и не менѣе двухъ сажень въ вышину. Такимъ образомъ проходя въ этомъ мѣстѣ вокругъ дворцовой ограды, идешь между двумя высокими стѣнами. Отсюда, нужно сказать представляется самый лучший видъ съ внѣшней стороны на богдоханскій паркъ, который и былъ снятъ много фотографически. Далѣе на сѣверъ дворцовая стѣна поднимается на вершины горъ и слѣдуетъ по гребнямъ

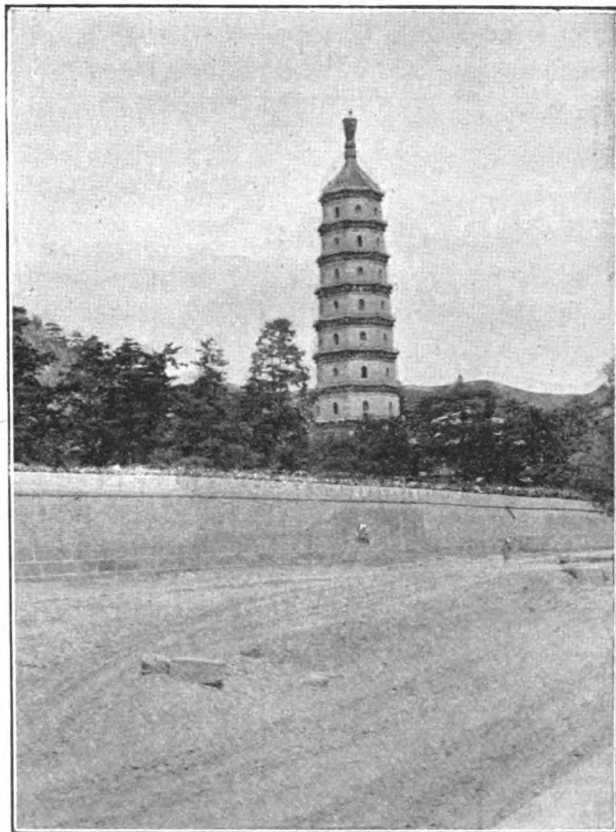
ихъ до поворота на западъ, гдѣ снова постепенно спускается, примыкая наконецъ къ описаннымъ главнымъ воротамъ на южной сторонѣ дворца.

Видъ на ограду Жэ-хэ'скаго дворца съ восточной стороны.

Мѣстные жители говорятъ, что дворцовая ограда имѣетъ въ каждой своей сторонѣ по 10 ли; но, принимая во вниманіе, что весь паркъ не представляетъ собою квадратнаго четырехугольника, можно сказать только, что окружность всей ограды равняется 40 ли. Съ восточной стороны за оградю можно видѣть верхушки и крыши нѣсколькихъ кумиренъ и кіосковъ, наконецъ такіе же кіоски уже цѣликомъ видны воздвигнутыми по горамъ парка. Надъ всѣмъ этимъ царитъ прилежащая кумирнѣ Юнь-ю-сы (永佑寺) девяти этажная башня, называемая въ просторѣчїи Лю-хо-та: она видна на очень далекое пространство и представляетъ собою самое высокое зданіе въ Жэ-хэ. Про башню эту разказывали мнѣ, что стѣны каждаго изъ девяти этажей ея изпещрены различными надписями, между которыми много цянь-луновскихъ. Сбоку ея находится зала, въ три цзяни, а на мезонинѣ ея хранится замѣчательный портретъ Канси; каждый, вступающій въ эту комнату, обязанъ сдѣлать поклоненіе передъ этимъ портретомъ. Въ другой цзяни находится такой же портретъ Цянь-луна. Самая башня Юнь-ю-сы построена въ настоящемъ ея видѣ по образцу Нанкинской фарфоровой башни, разрушенной европейцами, и сгорѣвшей башни Ву-чанской. Во время первоначальной постройки ея, она, будучи доведена до половины,

сгорѣла; тогда Цянь лунъ приказалъ остановить ея постройку и разобрать все, что было выведено не по образцу Нанкинской башни. Черезъ 10 лѣтъ послѣ сего постройка была окончена въ годъ Цзя-шэнь (申 示). Китайцами эта башня почитается красивѣйшею всѣхъ столичныхъ. Разказываютъ, что, несмотря на давнее отсутствие богдохановъ, за стѣнами дворцовой ограды все носить видъ прежняго великолѣпія, чистоты и опрятности; что въ самомъ паркѣ доселѣ еще живутъ и олени, и лоси, и дикія козы, и хищные волки, барсы и медвѣди, составлявшіе въ старые годы предметъ охоты богдохана; по насколько это вѣрно, судить, конечно, очень трудно. Прежде дворецъ этотъ былъ совершенно недоступенъ для обозрѣнія; нынѣ, вотъ уже лѣтъ десять, сдѣлалось возможнымъ, заручившись билетомъ въ пекинскій дворцовый конторѣ и представивъ его мѣстному дао-тай'ю, получить отъ него провожатаго чиновника для осмотра дворца. Къ сожалѣнію, мнѣ не было извѣстно этого въ Пекинѣ и я не просилъ нашего посланника выхлопотать мнѣ такой билетъ.

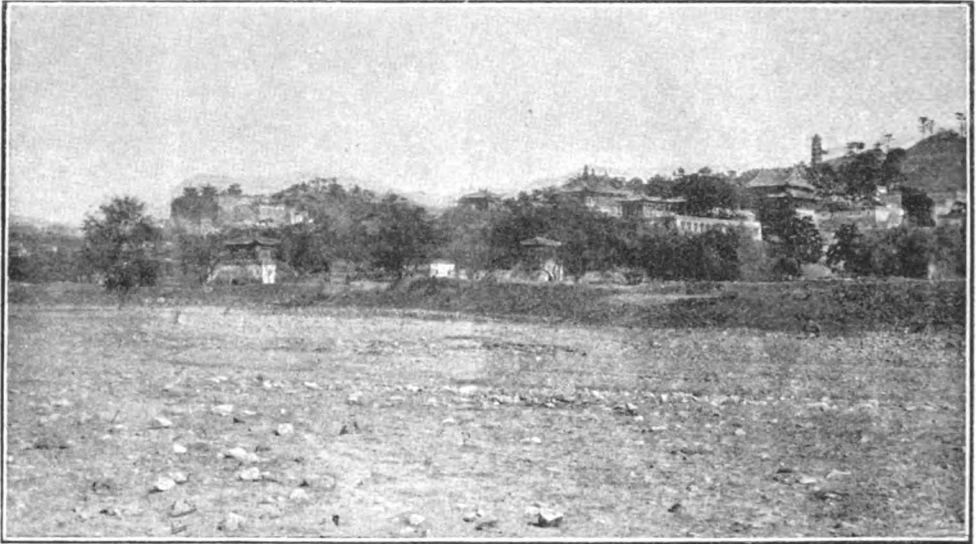

Лю-хо-га.

Самую красивую часть всей дачной мѣстности богдохана составляютъ, собою безспорно ламайскіе монастыри, воздвигнутые по сѣверной и восточной сторонамъ богдоханскаго дворца и парка. Разбросанные по горамъ, поросшимъ великолѣпными деревьями, они красиво блещутъ разноцвѣтными глазированными черепицами своихъ крышъ и выставляютъ изъ за вѣтвей причудливыя формы своихъ кумирень, кіосковъ, субургановъ, триумфальныхъ воротъ и проч. Всего насчитывается здѣсь 12-ть главныхъ мона-

стырей и располагаются они въ направленіи отъ запада къ востоку въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

1) Ло-хань-тань (羅漢堂), называемый монголами Арюнъ-цзунъ сѹмэ (ᠠᠷᠢᠶᠦᠨ ᠴᠵᠦᠨ ᠰᠤᠮᠤ) съ одною двухъэтажною кумирнею китайской

Видъ на богдоханскіе монастыри въ Жэ-хо.

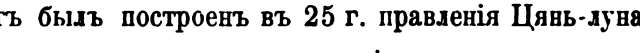
архитектуры. Въ настоящую пору монастырь этотъ является совершенно пустымъ: хураловъ въ немъ не совершается, ламъ при немъ не живетъ и даже ворота его заколочены на глухо.

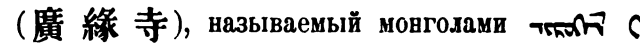

2) Цзѣ-тай (戒台), — сравнительно небольшой монастырь, съ двумя значительными кумирнями, изъ коихъ одна, въ сѣверозападномъ углу, — тибетской архитектуры, а другая, — въ сѣверо-восточной сторонѣ монастыря, — трехъ-этажная, китайской архитектуры.

3) Шу-сянь-сы (殊像寺) монастырь, называющійся у монголовъ Маньчжушрѣйнъ сѹмэ (ᠮᠠᠨᠵᠢᠰᠢᠷᠢᠶᠦᠨ ᠰᠤᠮᠤ) . По обычаю, ламы, служащіе въ этомъ монастырѣ, набираются исключительно изъ поколѣнія чахаровъ и обязаны отправлять свои хуралы на маньчжурскомъ языкѣ. Управляется этотъ монастырь дѣ-ламдою.

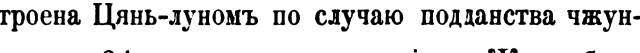
4) Цзунъ-шэнь-сы, — называемый монголами Будаляйнъ сѹмэ, (ᠪᠤᠳᠠᠯᠠᠢᠶᠦᠨ ᠰᠤᠮᠤ) , а отсюда перешедшій съ тѣмъ же именемъ Бу-да-ла (佈達拉) и въ официальный языкъ китайцевъ, является самымъ большимъ изъ жэ-хэ'-скихъ монастырей. Въ настоящую пору въ немъ считается до 200 ламъ и существуетъ единственная въ Жэ-хэ школа цангита. Главная кумирня этого

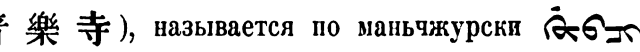
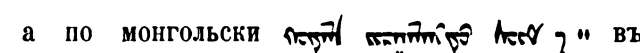
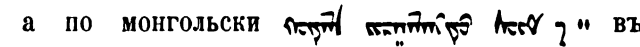

только и совершается въ Жэ-хэ церемонія цѣма. Съ этою цѣлью съ внѣшней стороны монастырь этотъ раздѣленъ на два двора и на первомъ дворѣ, густо усаженномъ деревьями, устроенъ помостъ для цамначиновъ; на второмъ дворѣ находится главная монастырская кумирня китайской архитектуры. Управляется монастырь этотъ дѣ-ламдю.

7) Пу-ю-сы (普佑寺), или, по монгольски   " Монастырь этотъ былъ построенъ въ 25 г. правленія Цянь-луна (1761), по образцу тибетскихъ кумирень и находящіяся въ немъ кумиры были всѣ привезены изъ Тибета. Съ внѣшней стороны это теперь небольшой и также совершенно оставленный монастырь.

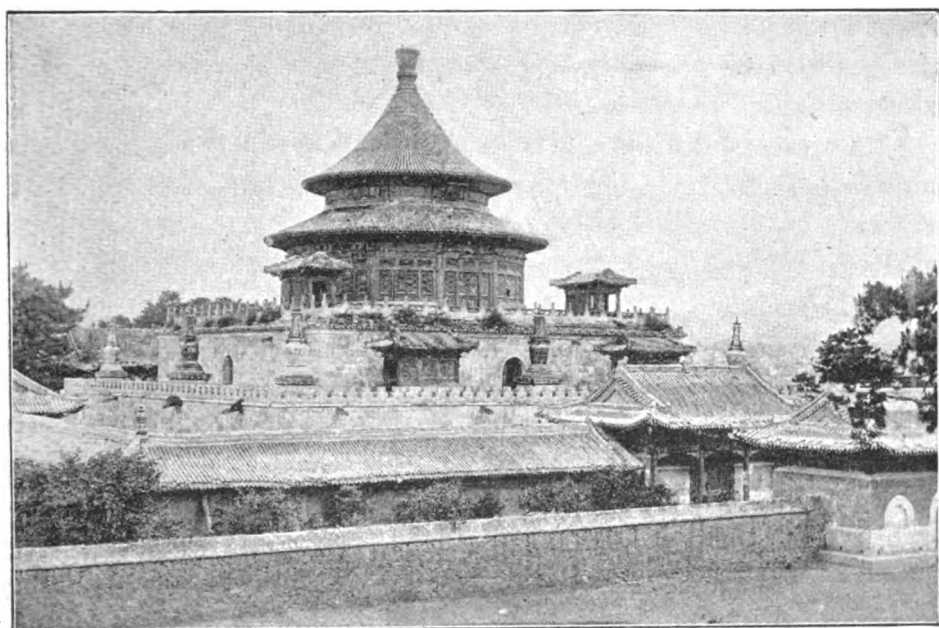
8) Гуань-юань-сы (廣緣寺), называемый монголами   " Въ немъ находится 30 штатныхъ ламъ и помимо того здѣсь же сосредоточены главное управленіе и казначейство вѣдомства Номунъ-хѣна.

Всѣ вышеуказанные монастыри располагаются къ сѣверу отъ дворца и парка; по восточную сторону ихъ, за рѣкою У-лѣ-хэ, находятся:

9) Ань-юань-мяо (安遠廟), по монгольски   " Кумирня эта построена Цянь-луномъ по случаю подданства чжунгаровъ. Дѣло въ томъ, что въ 24-омъ г. этого правленія въ Жэ-хэ были переселены плѣнные латники чжунгарскаго князя Даші-дава и для нихъ то, собственно въ 29 г. правленія (1765 г.), Цянь-лунъ приказалъ построить эту кумирню, пожаловавъ ей потомъ имя Ань-юань-сы. Первоначально кумирня эта была построена по образцу такъ называемой «кульчжинской» кумирни. Разказываютъ, что на сѣверномъ берегу р. Или, встарину, находилась чжунгарская кумирня, называвшаяся Гульчжа-дуганъ. Въ періодъ ханствованія Галданъ-цэрэна она считалась главнѣйшею въ Чжунгаріи и къ ней собирались массы народа. Въ времена послѣдовавшихъ за симъ смуть кумирня эта была разрушена; но Цянь-лунъ, желая сохранить память о ней въ сердцахъ чжунгаровъ, устроилъ для нихъ совершенно такое же зданіе въ Жэ-хэ. Въ настоящую пору кумирня Ань-юань-сы представляетъ собою единственное новое зданіе изъ всѣхъ жэ-хэ'скихъ монастырей. Кумирня эта назадъ тому лѣтъ 30 сгорѣла и разрушилась; стѣны старой стоятъ въ развалинахъ, а о бокъ съ ними воздвигнута новая, въ три этажа; по внутреннему помѣщенію эта новая кумирня, говорятъ, значительно меньше старой.

10) Пу-лѣ-сы (普樂寺), называется по маньчжурски   а по монгольски   " въ

просторѣчи же ламъ извѣстная подъ именемъ «Дэмчѡкъ-сѹмѣ», въ настоящее время не имѣетъ ламъ и для охраны этого монастыря содержатся только два сторожа изъ китайцевъ. Кумирня Пу-лѣ-сы была выстроена въ 32-мъ году правленія Цянь-луна, подъ верховнымъ распоряженіемъ Чжан-цзй хутухты, собственно ради чжунгарскихъ дѹрбѣтовъ и замѣчательна тѣмъ, что при основаніи ея было намѣреніе дать ей архитектурныя формы, во всемъ сходныя съ пекинскимъ храмомъ неба. Кумиренное зданіе выведено въ три этажа; два нижнихъ четырехугольные, квадратные, а верхнее зданіе круглое и состоитъ дѣликомъ изъ рѣшетчатыхъ оконъ. Крыто зданіе желтою глазированной черепицею. По балюстрадаѣ, на каждой сторонѣ, по три сдѣланныхъ изъ глазированной же черепицы субургана. Внутри ку-

Жэ-хэ'ская кумирня «Пу-лѣ-сы».

мирни мало бурхановъ; за то почти все зданіе занято колоссальнымъ сооруженіемъ хотѡ-мандала Дэмчѡка. Окружность этого хотѡ мандала около 20 саженьей; устроенъ онъ изъ камня, въ шесть этажей и каждый этажъ равняется $1\frac{1}{4}$ арш. въ вышину. Хуралы отправляются здѣсь ежемѣсячно 1-го и 15 числа и къ совершенію ихъ собираются ламы изъ всѣхъ сосѣднихъ монастырей.

11) Фу-шань-сы (薄喜寺) — монастырь, называемый въ просторѣчи монголовъ «Хѡхѡ-сѹмѣ», имѣетъ у себя одну только кумирню китайской архитектуры и не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго

со-внѣ; но онъ пользуется большимъ уваженіемъ буддистовъ, потому что хранить у себя какъ святыню мощи 5-го и 6-го хубилгановъ Далай-ламы; гусунъ-тукъ 6-го Далай-ламы и наконецъ три кумира, сдѣланные изъ пепла, получившагося отъ сожженія тѣла этого буддійскаго іерарха.

12) (薄仁寺) Фу-жэнь-сы, монастырь, называемый въ просторѣчїи монголовъ «Шарà-сумэ», заключаетъ въ себѣ три кумирни китайской архитектуры. Шарà-сумэ почитается однимъ изъ старѣйшихъ монастырей въ Жэ-хэ. Преданіе говоритъ, что онъ былъ построенъ однимъ изъ хорчїнскихъ тайчжїевъ еще во времена минской династіи, засимъ, въ періодъ управленія Дай-цин'овъ, по вступленіи монголовъ въ подданство, монастырь этотъ былъ поднесенъ Канси, который возстановилъ и поновилъ его, утвердилъ въ немъ штатъ въ 100 ламъ и назначилъ въ содержаніе каждаго изъ нихъ по 50 ланъ въ годъ. При Цянь-лунѣ штатное число ламъ было сокращено здѣсь до 40, а жалованье ихъ уменьшено до 24-хъ ланъ. Въ этомъ положеніи Шарà-сумэ находится и до нынѣ.

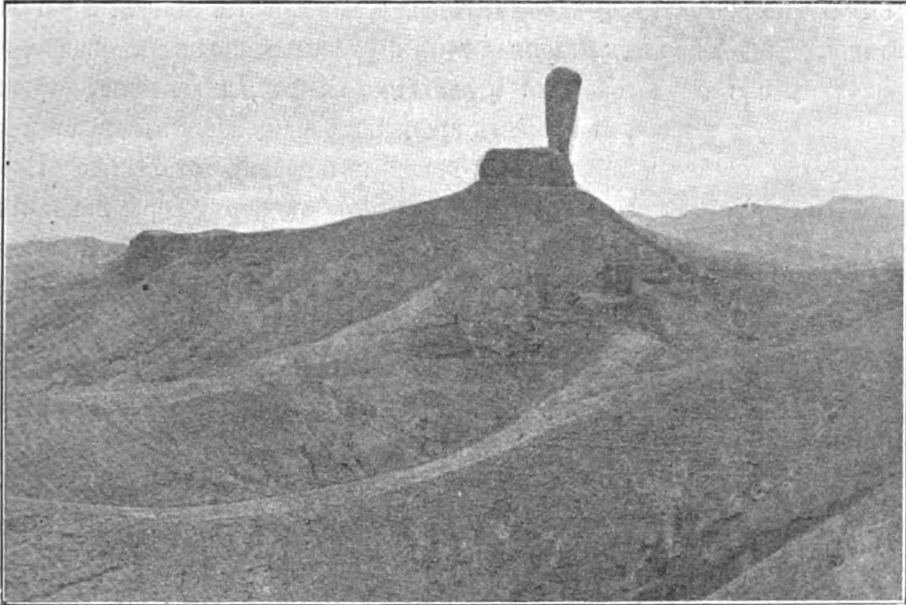
Пространство, на разстояніи верстъ четырехъ между городомъ и монастырями, занято разбросанными тамъ и сямъ домиками солдатъ 8-ми маньчжурскихъ знаменъ, сплоченное поселеніе которыхъ находится къ сѣверу отъ дворца и парка, между монастырями Дашї-хлумбò и Пу-нинъ-сы, а равно и къ востоку отъ этого послѣдняго монастыря. Разказываютъ, что постоянный гарнизонъ маньчжурскихъ войскъ былъ первоначально поставленъ въ Жэ-хэ въ 1-мъ году правленія Юнь-чжэна (1723 г.) въ количествѣ 800 человекъ, помимо офицеровъ и начальствующихъ, а во 2-мъ году того же правленія имъ было опредѣлено точное содержаніе, въ количествѣ 29, 568 ланъ серебра и 17,760 хулъ¹⁾ зерноваго хлѣба.

Въ пору моего пребыванія въ Жэ-хэ всѣхъ строевыхъ знаменныхъ солдатъ считалось здѣсь 2,200 человекъ и сверхъ того до 2½ тысячъ гарнизона, обязаннаго дежурною службою охраны во дворцѣ. Всѣ эти солдаты пользовались привилегированнымъ положеніемъ въ городѣ: они были освобождены отъ всякаго рода денежныхъ повинностей, получали жалованье и сверхъ того имѣли еще доходы отъ пожалованной имъ земельной собственности въ окрестностяхъ Жэ-хэ.

Осмотрѣвъ городъ и великолѣпныя сооруженія жэ-хэ'скихъ монастырей, я предпринялъ осмотръ окрестностей Жэ-хэ и прежде всего того выдающагося явленія, надъ которымъ не трудился человекъ, а работала одна только могучая сила природы. Понятно, что я хочу говорить о зна-

1) Хулъ называется по маньчжурски магазинный кулъ хлѣба, вѣсомъ въ 120 китайскихъ гиновъ.

менитой скалѣ Пань-чуй-фынъ, или, по точному мѣстному названію, Пань-цуй-шань, которая была впервые изслѣдована лордомъ Макартнеемъ въ 1793 году и съ тѣхъ поръ, кажется, не подвергалась уже подробному

Современный видъ горы «Пань-цуй-шань».

осмотру и описанію европейцевъ. Вотъ что говорилъ объ этой скалѣ лордъ Макартней, въ дословной тувременной передачѣ его рѣчи на русской языкѣ. «На седьмой и послѣдній день путешествія англичанъ (изъ Пекина въ Жэ-хэ), цѣпь горъ была параллельна съ дорогою. Цѣпь сія представляла горизонтальныя линіи, состоящія въ великихъ гранитныхъ скалахъ, по величинѣ своей другъ отъ друга весьма разнствовавшихъ и расположенныхъ на подобіе позвонковъ какого нибудь четвероногаго животнаго. Вершины сихъ скалъ слегка покрыты дерномъ, но бока ихъ стоятъ совершенно обнаженны, потому что земля, нѣкогда ихъ покрывавшая свалилась внизъ. Почти на половинѣ высоты горы, возвышается перпендикулярная скала, или древнія развалины, потому что видъ ея подалъ англичанамъ поводъ къ догадкамъ, что она можетъ быть и тѣмъ и другимъ. Высота ея превышаетъ 200 футовъ. Видъ ея неправильной, а вершина ея, которая гораздо шире основанія, увѣнчивается большимъ кустарникомъ. Такъ какъ скала сія находилась въ довольномъ разстояніи отъ путешественниковъ, то одинъ изъ нихъ уклонился съ дороги для точнѣйшаго ея обозрѣнія. Онъ увидѣлъ, что это были не остатки какого либо зданія, а чрезвычайная громада от-

вердѣвшей глины, къ которой примѣшено было много песку. Она извращенная пирамида, безсомнѣнія, твердѣйшаго существа нежели земля, ее окружавшая и уступившая стремленію воды, осталась памятникомъ высоты, которую въ семь мѣстѣ имѣла древняя поверхность шара. Основаніе сего памятника показываетъ, до какой глубины земля изрыта. Мягкія и рыхлыя частицы, увлеченныя отъ подошвы горъ и расположенныя постепенно, составили гладкія и плодоносныя равнины до Печили, а частицы, имѣвшія болѣе твердости и вѣсу, въ скоромъ времени воспященные въ продолженіе пути своего, составили поверхность неровныхъ долинъ татарскихъ. Пере-мѣщеніе слоя земли толщиною въ 200 футовъ съ верху горы внизъ и на толь великое пространство есть одна изъ величайшихъ перемѣнъ, воспослѣдовавшихъ на поверхности земли, о которыхъ упоминають гѣтописи рода человѣческаго».

Вотъ все, что было извѣстно до сихъ поръ въ Европѣ о Пань-чуй шани. У китайскихъ авторовъ мы находимъ нѣкоторое дополненіе къ сказанному; такъ, авторъ сочиненія Жэ-хэ чжи сообщаетъ:

Въ Жэ-хэ, въ 8 ли къ востоку отъ походнаго дворца и въ 16 ли къ востоку отъ Чэнь-дэ-фу, находится пикъ Цинь-чуй-фынь (скала, похожая на языкъ колокола). Внизу, у основанія, она острая, вверху же — широкая. Въ просторѣчїи она называется Пань-чуй-фынь, т. е. скала, похожая на дубину, имя же Цинь-чуй-фынь пожаловано ей императоромъ въ года правленія Цянь-луна. Въ ту же пору богдоханъ написалъ слѣдующіе стихи въ честь Цинь-чуй-фына:

Клонится къ западу вечернее солнце,
Каналы покрылись лазуревой дымкой,
А пикъ-великанъ, по прежнему, чудно прекрасный,
Надъ всѣми горами высоко вздымаетъ вершину,
Какъ будто желая достигнуть самаго неба.

«По мнѣнію Цянь-луна, въ числѣ 36 роскошныхъ видовъ окрестностей Жэ-хэ нужно считать и картину этого удивительнаго пика».

«На склонѣ Пань-чуй-фына существуетъ памятникъ, на которомъ вырѣзано четыре іероглифа». (Китайскіе авторы, кажется, нигдѣ не даютъ точнаго снимка этой загадочной надписи, поэтому я снялъ входящіе въ составъ ея іероглифы эстампажемъ и представляю ихъ теперь въ точной копїи). «Къ какому времени относится этотъ памятникъ», говоритъ далѣе авторъ Жэ-хэ-чжи, «не извѣстно, но написанные на немъ іероглифы оказались очень стары. Разбиравшіе ихъ китайскіе ученые увѣряють, что іероглифъ № 1-й есть древнее начертаніе іероглифа 戶 — «дверь», какъ учить о томъ

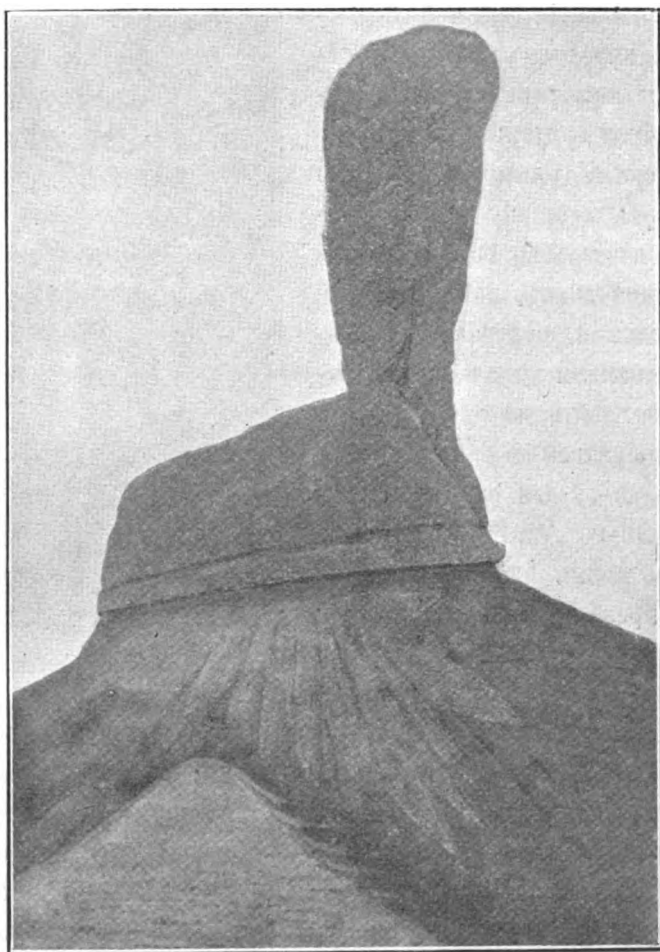
Шо-вэнь. Объ іероглифъ № 4-й производилъ изысканія нѣкто У-инъ и на-шелъ его написаннымъ на шилѣ, носимомъ на поясѣ для развязыванія узловъ, у нѣкогого Го-чжунъ-шу. Онъ употребленъ тамъ въ смыслѣ 日 — «день». Два остальные іероглифа 巾 (?) и 用, несмотря на всѣ поиски, остались неизвѣстными. Въ официальномъ китайскомъ словарѣ «Кан-си-цзы-дянь» изъ числа этихъ іероглифовъ нѣтъ ни одного».

Нѣтъ сомнѣнія, что скала эта еще издавна обращала на себя вниманіе китайскихъ писателей. Такъ, въ Шуй-цзинъ-чжу, сочиненіи, относящемся ко временамъ династіи Бэй Вэй (386—558 г.) говорится: «на юго-востокѣ рѣки У-лѣ-шуй находится каменная скала; внизу ея громоздятся пики, поднимающіеся грядами одинъ выше другаго. Уединенная скала достигаетъ высоты облаковъ. Доступъ на ея вершину крайне опасенъ. Высоту ея можно считать во 100 слишкомъ «жэнь» (仞). Одинъ чиновникъ, завѣдывающій кочевьями, человекъ сильный, отличавшійся своими физическими качествами и отлично стрѣлявшій изъ лука, пытался взойти на эту гору, но былъ не въ состояніи добраться до вершины».

Я выѣхалъ изъ Чэнь-дэ-фу для осмотра Пань-цуй-шани въ 8 ч. утра 23-го Апрѣля. Миновавъ жэ-хэ'скій дворецъ, оставивъ влѣво монастыри и переѣхавъ въ бродъ черезъ У-лѣ-хэ, мы поѣхали по горнымъ ущельямъ и къ 10 часамъ достигли подошвы Пань-цуй-шани, съ западной стороны ея. Отсюда надлежало идти пѣшкомъ, почему оставивъ лошадей у подножія горы, мы пошли далѣе уже на своихъ ногахъ. Общій видъ горы съ этого мѣста, какъ это можно видѣть по выше представленному фотографическому снимку ея, необычайно красивый. Съ внѣшней стороны всю гору можно раздѣлить здѣсь на три части; изъ коихъ первую составитъ пологая боковина горы, вторую, — возвышающаяся на этой горѣ скала и третью, — стоящій уже на скалѣ пикъ. Идя довольно быстрымъ шагомъ, мы достигли вершины горы въ 45 минутъ. Снизу отъ подножія и далѣе кверху до половины горы, собственно на западной сторонѣ ея, идутъ пашни, выше начинаются розсыпи гальки, причемъ подъемъ на гору становится

все круче и круче. Западная боковина горной вершины низпадает почти отвѣсно и подниматься на нее можно не иначе, какъ снявъ легко скользящіе по крутизнѣ сапоги и оставшись босикомъ, да и при этомъ приходится еще удерживаться руками за торчащіе камни, а иногда прямо ползти на четверенькахъ. Впрочемъ, какъ узнали мы впоследствии, подъемъ на скалу съ восточной стороны гораздо отложѣе и восхождение тамъ можетъ быть совершенно несравненно легче. Взобравшись на вершину горы до основанія скалы, намъ было трудно огибать эту послѣднюю особливо съ южной стороны, гдѣ весь Пань-цуй-шань, отъ подножія и до вершины, является почти отвѣснымъ утесомъ, а уступъ, по которому пришлось намъ ползти, шири-

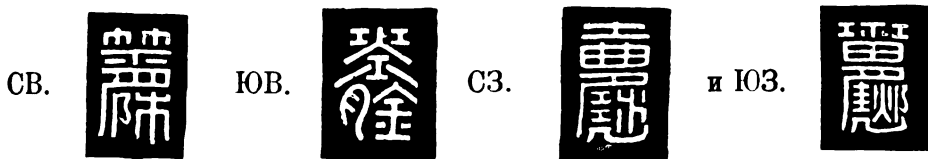
Скала и пикъ Пань-цуй-шани.

ною менѣе полу-аршина. Никакой тропинки нѣтъ и не можетъ быть, ибо я убѣжденъ, что здѣсь никогда еще не ступала нога человѣка. Перебравшись на восточную сторону горы, мы нашли возможнымъ подняться отсюда и на самую скалу; мало того, здѣсь оказалась даже еле выбитая лѣсенка, движеніе по которой уже значительно легче и только въ одномъ мѣстѣ порогъ является на столько высокимъ, что ступать на него приходится не ступою ноги, а влѣзать колѣномъ. Самая вершина скалы имѣ-

растрескавшася; изъ этихъ трещинъ пробивалась маленькая и жиденькая травка. Посрединѣ скалы, въ томъ же дресвяникѣ, образовалась ложбинка, которую мы нашли наполненною водою, безсомнѣнія, отъ падашаго за день передъ симъ дождя. Подъ самымъ пикомъ, на сѣверо-восточной сторонѣ его, образовалось маленькое углубленіе, вродѣ пещерки; оно было наполнено клочками бѣлой бумаги, а равно бараньими костями и лопатками. Очевидно, современные китайцы и мѣстные монгольскіе ламы изрѣдка посѣщаютъ Панъ-цуй-шаньскую скалу, взбираясь на нее, конечно, со стороны восточной. Доступъ на пикъ совершенно не мыслимъ.

Спустившись съ вершины скалы, мы увидали саженьхъ въ 200 отсюда прямо на сѣверъ, на вершинѣ горнаго холма, противулежащаго Панъ-цуй-шаньской скалѣ, остатки старой кумирни, находившейся въ пещерѣ. Мѣсто это извѣстно подъ именемъ «Ламъ-дунъ». Бурханы, въ числѣ шести (Цзонхавъ съ двумя своими учениками, Шакья-муни, Майдари и зеленотѣлый Аюши) остались цѣлы, будучи высѣчены на самомъ камнѣ скалы; навѣсь же и всѣ покровы кумирни уже разрушились и отъ прежняго величія остались теперь только эти шесть статуй.

Нѣсколько ниже къ востоку отсюда мы увидали небольшой кіоскъ, полуразрушенный и вовсе не привлекательный на взглядъ, но, какъ оказалось, именно и составлявшій вѣнецъ моихъ поисковъ. Кіоскъ этотъ представляетъ собою шести-гранный цилиндръ, въ вышину до 2-хъ сажень, сложенный изъ обожженаго кирпича и закрытый на глухо со всѣхъ сторонъ. На каждой изъ сторонъ этого цилиндра были отдѣльныя изсѣченныя изображенія, а именно: на сторонахъ сѣверной и южной изображенія драконовъ, а на сѣв.-восточной и юго-восточной, также точно какъ на сѣв.-западной и юго-западной, въ особыхъ рамкахъ, были вставлены мраморныя дощечки, на которыхъ изсѣчено по одному іероглифу почерка «чжуань». Точнѣе, на сторонахъ:

О существованіи этихъ іероглифовъ китайцы въ своихъ описаніяхъ Панъ-цуй-шани даже не упоминаютъ, тѣ же четыре іероглифа, на которые обращаютъ они свое особое вниманіе, и объясненіе которыхъ мы уже представили, находятся на южной грани цилиндра изсѣченными вертикальною линіею. Всѣ эти надписи я снялъ эстампажемъ. Повидимому, онѣ имѣютъ нѣсколько иное начертаніе чѣмъ то, которое придаютъ имъ ученые манда-

рины. Мои эстампажные снимки точно засвидѣтельствуютъ это и нашимъ европейскимъ синологамъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что каждый, занимавшiйся географiею этихъ странъ, интересовался Панъ-цуй-шанью, поэтому то я и распространился такъ надъ ея описанiемъ. Между моимъ осмотромъ и изслѣдованiями лорда Макартнея прошло ровно 100 лѣтъ. Общiя формы и положенiе у горы остались, кажется, совершенно тѣми же, какими наблюдало ихъ и англiйское посольство; но высота скалы и пика, повидимому, нѣсколько уменьшились. Кустарники, бывшiе на верхней площадкѣ пика, исчезли и вся гора, кажется, значительно обнажилась, будучи сильно размываема дождями и обвѣваема вѣтромъ. Китайское названiе ея «Панъ-цуй-шань», что значитъ «палицевая гора», произошло несомнѣнно отъ ея формы, напоминающей собою палицу, или дубину. Происхожденiе Панъ-цуй-шань'скаго пика съ достаточною основательностью объяснено лордомъ Макартнеемъ и надо думать, что причудливая форма ея обязана своимъ существованiемъ тѣмъ же обстоятельствамъ, при которыхъ совершились и многiя другiя образованiя этого рода въ горахъ, состоящихъ изъ песчаниковъ и пуддингстоновъ. Таковы, напримѣръ, Colopnes de fées въ долинѣ С-Жерве, у сѣв.-западной подошвы цѣпи Монблана.

За время моего пребыванiя въ Жэ-хэ мною была наблюдаема въ этомъ городѣ нижеслѣдующая температура.

Числа мѣсяца.	Ч а с ы д н я.					
	6 ч. ут.	9 ч. ут.	12 ч. дня,	3 ч. popol.	6 ч. веч.	9 ч. веч.
21-го	+9°;	—	+20°;	+20°;	+16;	+14°;
22-го	+8°;	+15°;	+22°;	+24°;	+17°;	+11°;
23-го	+9°;	+16	+20°;	+25°;	+14	+ 8.
(Въ этотъ день съ 5 ч. вечера были дождь и гроза).						
24-го	+7°;	+17°;	+17½°;	+20°;	+15°;	+10°;
25-го	+8°;	+13°;	+17°;	+15°;	+14°;	+ 9½.

VI. По дорогѣ отъ Чанъ-дэ-фу къ Долонъ-нүру.

26-ое Апрѣля. Понедѣльникъ.

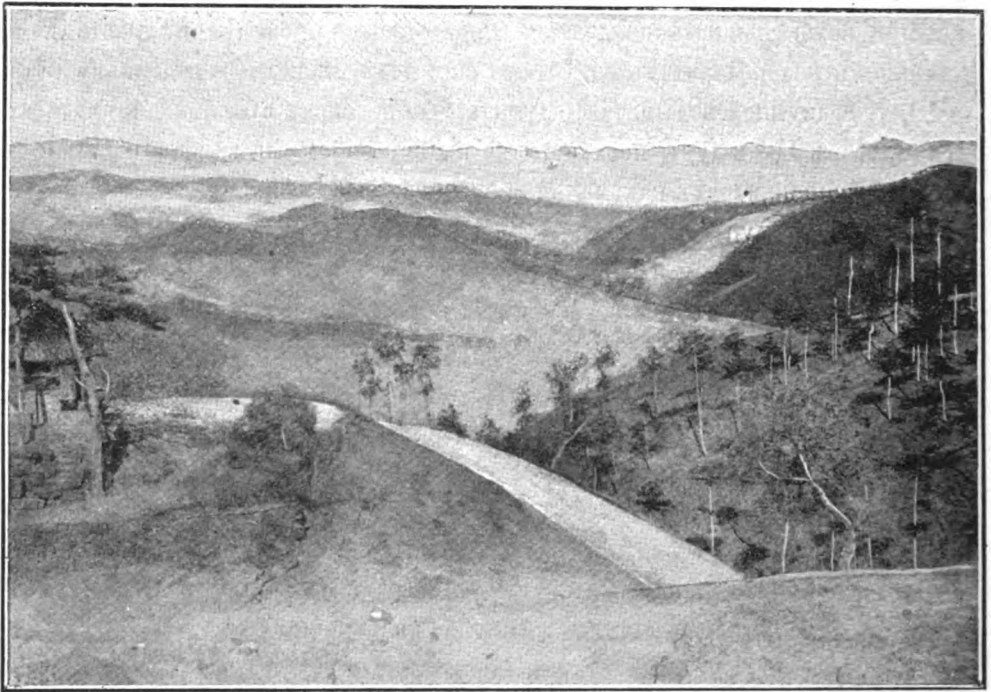
6 ч. +8°; 9 ч. +10½°; 12 ч. +14°; 3 ч. +15°; 6 ч. +11°; 9 ч. +9°

Обратный путь изъ Чанъ-дэ-фу я намѣревался сдѣлать прежде всего на городъ Пинь-цюань-чжоу, гдѣ ожидалъ я собрать основательныя свѣдѣнiя о возстанiи въ Монголіи 1891-92-го годовъ. Съ этою цѣлью я еще въ Пекинѣ заручился рекомендательными письмами какъ къ пинь-цюань-чжоу'скимъ начальникамъ отъ знакомыхъ мнѣ китайскихъ чиновниковъ, такъ и къ па-гоу'скому католическому епископу, которому любезно реко-

мендовалъ меня Rége Favier. Изъ Пинь-цюань-чжоу я хотѣлъ проѣхать на Цзянь-чанъ-сянь и далѣе на сѣверъ по берегамъ Лао-хэ до Чи-фынь-сяня (Улѣнь-хадà). На этомъ пути я думалъ поближе познакомиться съ хорчянами, аоханями онютами и тумэтами, а изъ мѣстныхъ явленій природы мнѣ особенно хотѣлось видѣть лао-хэ'скій водопадъ, находящійся, какъ это было мнѣ извѣстно, верстахъ въ 40 на сѣв.-востокъ отъ резиденціи аохань'скаго вана. У китайцевъ водопадъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Юй-бао. Разказывали, что вода падаетъ тамъ съ отвѣсно стоящей высокой скалы такъ, что между струею водопада и стѣною скалы можетъ пройти завьюченный верблюдъ, причемъ его даже не замочитъ водою. Шумъ отъ паденія воды слышенъ на далекое пространство, почему въ просторѣчїи китайцевъ водопадъ этотъ извѣстенъ еще подъ именемъ «сянь шуй» (響水), т. е. шумной воды». Надо думать, что водопадъ этотъ очень красивъ. Императоръ Цянь-лунъ неоднократно посѣщалъ его и каждое свое посѣщеніе ознаменовывалъ какимъ либо знакомъ своего вниманія къ водопаду. Такъ, въ 8-ой лунѣ 1744 г. онъ далъ ему титулъ «юй-бао», т. е. драгоценнаго водопада, въ другіе разы писалъ въ честь его стихи и проч. Однако поѣздкѣ моей въ данную мѣстность не суждено было совершиться, ибо китайцы на отрѣзъ отказались везти меня. Прежде всего они говорили мнѣ, что на всемъ пути по этой, опустошенной возстаніемъ странѣ, нѣтъ ни одной гостинницы и негдѣ найти ни пристанища, ни корма для муловъ. Можно ѣхать на верблюдахъ, но во 1-хъ ни у кого въ Жэ-хэ нѣтъ этихъ животныхъ, а во 2-хъ если бы и были они, то никто не отважится везти меня. Другое дѣло — ѣхать въ большомъ караванѣ, тамъ и болѣе безопасно днемъ, и возможны правильныя дежурства ночью; а при двухъ погонщикахъ насъ непременно ограбятъ если не на первую, то на вторую ночь и что же мы будемъ тогда дѣлать безъ животныхъ? Такъ разсуждали со мною извозчики, которые привезли меня изъ Калгана, а жэ-хэ'скіе такъ и ничего не говорили, а выслушавъ мой маршрутъ, поворачивали назадъ и коротко сообщали: «нѣтъ, туда мы не поѣдемъ». При такомъ положеніи дѣла мнѣ ничего не оставалось какъ ѣхать обратно тою же дорогою и я рѣшился на это тѣмъ болѣе, что путь отъ Чэнъ-дэ-фу до Фынъ-нинъ-сяня остался у меня незаписаннымъ и даже почти не осматрѣннымъ.

26-го Апрѣля съ утра былъ порядочный дождикъ. Часамъ къ 10 дня онъ пересталъ и въ 10 ч. 45 м. мы оставили свою гостинницу и двинулись въ обратный путь. Последнимъ зданіемъ въ городѣ была для насъ кумирня Вань-фу-сы (萬富寺) и засимъ мы вступили въ довольно широкое ущелье, по которому намъ попадались, на разстояніи 50 и самое большое 100 сажень другъ отъ друга, отдѣльныя фанзы съ прилежащими къ

нимъ огородами. Черезъ какой нибудь часъ ѣзды ущелье уже значительно сѣзилось и въ 12-ть часовъ мы миновали хорошенькую, хотя и очень небольшую кумирню, основанную лѣтъ 10 тому назадъ дэмчй ламю жэ-хэ'скаго Шарà-сумэ (Фу-жэнь-сы), по имени Чжанъ-лао-ѣ. Внутри кумирня эта, раздѣленная на три цзяня, представляетъ собою какую то странную смѣсь бурхановъ цзонхавинскихъ и древне-буддйскихъ краснаго толка. Посвящена эта кумирня въ честь Лю-бэй'я, одного изъ спутниковъ Гуань-ди. Отъ кумирни Чжанъ-лао-ѣ-мяо начинается уже крутой подъемъ на перевалъ, съ вершины котораго открывается предестный видъ какъ на

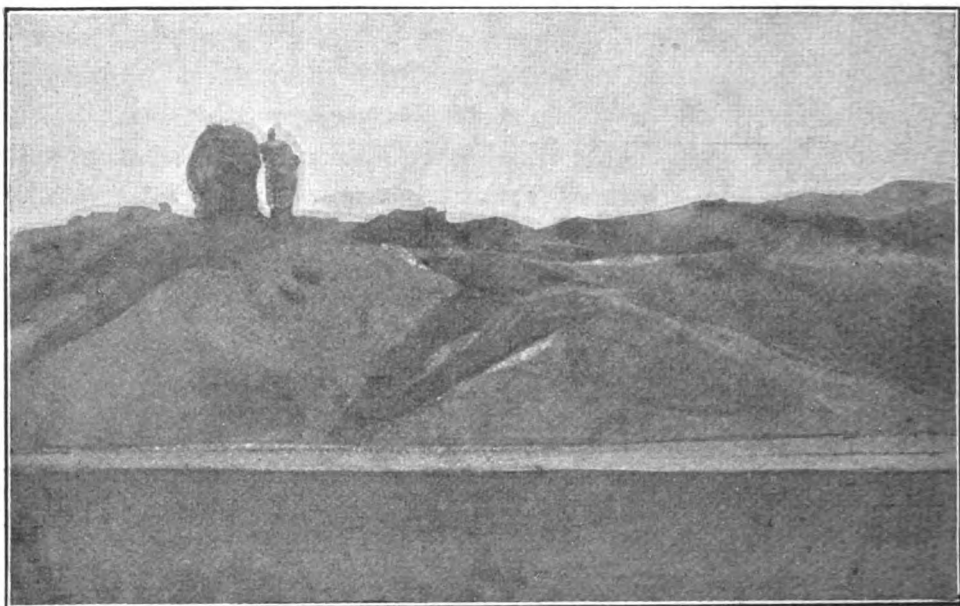
Видъ съ перевала Гуанъ-жэнь линъ.

ущелье такъ и на всѣ окрестности Жэха, хотя самаго города и не видно. Въ самой срединѣ этого ландшафта видится вдали Панъ-цуй-шань'скій пикъ, высящійся какъ черная башня на вершинѣ своей скалы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вершины перевала стоитъ кумирня и при ней кіоскъ съ прекрасно сохранившимся каменописнымъ памятникомъ отъ временъ Цянь-луна. На самой вершинѣ перевала дорога представляется высѣченною въ скалѣ, на глубину приблизительно сажени, или аршинъ 4-хъ, а на образовавшейся такимъ образомъ стѣнѣ скалы красуется надпись 承德府交界 т. е. «пограничная межа Чэнь-дэ-фу». Надъ этою надписью уже на верхушкѣ стѣны воздвигнута каменная плита, на которой значится:

旨廣仁嶺康熙五十年歲次戊仲秋穀旦 Это значитъ: «Высочайшимъ указомъ (переваль наименованъ) Гуанъ-жэнь-линь въ счастливый день средней осенней луны 50-го лѣта правленія Канси (1711), въ годъ подъ циклическимъ знакомъ «сюй».

Спускъ съ перевала Гуанъ-жэнь-линь въ сторону теченія р. Луанъ-хэ необычайно крутъ. Ни одна лошадь и ни одинъ мулъ не въ силахъ сдержать здѣсь телѣги, также точно какъ почти бесполезными являются и тормазы; поэтому, при спускѣ съ Гуанъ-жэнь-лина, китайцы практикуютъ такой способъ. Къ телѣжной оси они привязываютъ постромки, обращая ихъ назадъ и впрягаютъ муловъ въ эти постромки сзади телѣги. Самъ возница идетъ впереди этихъ муловъ и постоянно держитъ бичъ передъ ихъ мордой. Мулы, упираясь всего силою своихъ ногъ, не даютъ телѣгѣ катиться внизъ съ тою стремительностію, которая непременно сообщилась бы ей внѣ этого способа сдерживанія телѣги. У ѣдущихъ на одномъ мулѣ очень часто бываетъ, что животное, не будучи во силахъ сдерживать напоръ тяжелой телѣги, падаетъ и скатывается съ Гуанъ-жэнь-лина; причемъ, конечно, не рѣдко и увѣчится, не говоря уже о возможности порчи телѣги и положенной на ней клади. Цѣлыхъ 20 минутъ возились мы на этой кручи перевала и только въ 1 ч. 20 м. вѣхали въ стоящую у подножія его деревеньку Линъ-ди-ся, состоящую изъ 6 дворовъ. Отсюда въ направленіи къ Луанъ-хэ идетъ уже пологій, но очень длинный и каменистый спускъ по довольно широкому ущелью. Внѣшній видъ его поражаетъ необыкновеннымъ для Монголіи присутствіемъ телеграфныхъ столбовъ линіи, соединяющей Тянь-цзинъ и Маньчжурію. Чѣмъ ниже тѣмъ все больше расширяется ущелье и горы, окаймляющія его съ лѣвой стороны, становятся выше. Въ 1 ч. 50 м. мы повстрѣчали новую деревеньку Ту-цзя-дянь. Отъ нея открывается интересный видъ на южныя горы, имѣющія здѣсь самыя причудливыя формы. Таковою прежде всего представляется гора Юань-бао-шань, у которой на вершинѣ лежитъ черная скала съ основаніемъ уже ея вершины; по формѣ она напоминаетъ собою 50-ти ланнный слитокъ серебра и отсюда, конечно, произошло ея названіе. Черезъ полчаса дальнѣйшей ѣзды мы повстрѣчали здѣсь миниатюры Панъ-цуй-шани въ полномъ смыслѣ этого слова. То былъ цѣлый рядъ вывѣтрившихся скалъ, двѣ изъ которыхъ казались особливо выдающимися по своей величинѣ. Подобно Панъ-цуй-шани онѣ являлись расширяющимися у своей вершины, но достойнымъ особеннаго замѣчанія было въ нихъ то, что на одной изъ двухъ таковыхъ, о-бокъ стоящихъ, скалъ, доселѣ еще сохранилась небольшая каменная кумирня, по словамъ мѣстныхъ китайцевъ, со стоящимъ въ ней, также изсѣченнымъ изъ камня, изображеніемъ Фо. Ку-

мирня эта въ настоящую пору уже совершенно недоступна для мѣстнаго населенія, почему въ сердцахъ его сложилось вѣрованіе объ ея самобыт-

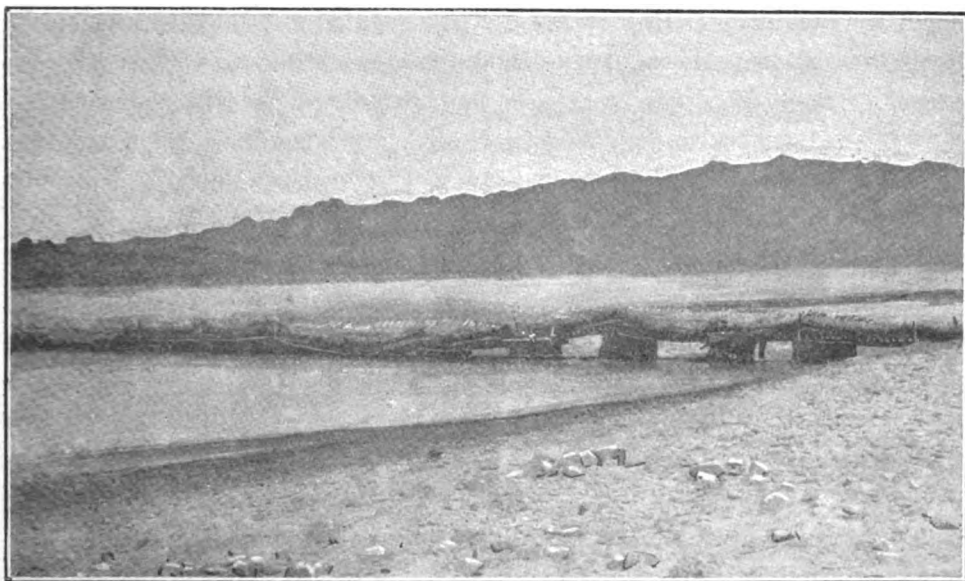

Сѵ-та-шань'скіе пики.

ности, лучше сказать, объ ея построеніи буддами. Но, оставляя въ сторонѣ эти вѣрованія и легенды, мы, глядя на эту кумирню, могли придти къ одному убѣжденію, что геологическія измѣненія совершаются здѣсь очень быстро и что образованіе многихъ пиковъ, подобныхъ Панъ-цуй-шань'скому, совершилось здѣсь во времена весьма и весьма историческія. Общее названіе горъ, на которыхъ высятся разсматриваемые пики, Сѵ-та-шань, (雙塔山) почему и пики эти носятъ названіе «сѵ-та-шань'скихъ». Подробный осмотръ возвыгнутой на нихъ кумирни, можетъ быть, точно указалъ бы намъ годъ ея построенія и слѣдовательно ту пору, когда къ этой кумирнѣ свободно подходилъ еще человѣкъ, слѣдуя по мягкой почвѣ горной вершины, нынѣ сплошь унесенной дождевыми водами и обвѣянной вѣтрами.

Въ линіи Сѵ-та-шань'скихъ пиковъ ущелье расширяется уже верстъ на 5-ть и является почти сплошь распаханнымъ. Эти пашни попрепятствовали мнѣ подойти къ Сѵ-та-шани, такъ что фотографическій снимокъ ихъ былъ исполненъ мною съ пространства версты за четыре, изъ деревни Тунъ-пяо-рль, съ жителями которой я разговаривалъ о Сѵ-та-шани. По словамъ ихъ «сѵ-та-шань'скіе пики возвышаются теперь надъ уровнемъ горы сажени на четыре и подняться на ихъ вершину не представляется ни какой возможности. Деревенька Тунъ-пяо-рль, заключающая въ себѣ всего

15 дворовъ, представляется очень бѣдной: покосившіяся и полуразвалившіяся зданія ея окружены оградами частію изъ камня, а частію изъ соломы, крыши на зданіяхъ также повсюду соломенные. Кумирня этой деревушки отстоитъ отъ нея на четверть версты, или немного болѣе, въ поселокѣ Ча-пинь, (茶棚), четыре двора котораго составляютъ, говорятъ, поселокъ гораздо болѣе древній, чѣмъ Тунъ-пяо-рлѣ. Въ 3 часа дня мы выѣхали изъ ущелья и вступили въ долину рѣки Луань-хэ, которая, притекая сюда съ С.-запада, круто поворачиваетъ здѣсь на Западо-Юго-Западъ, будучи преграждаема въ своемъ теченіи Сѣ-та-шань'ю. Дорога, послѣдуя вверхъ по теченію рѣки, также круто поворачиваетъ на ССЗападъ. Долина р. Луань-хэ имѣетъ здѣсь ширины не менѣе 10 верстъ; ближе къ горамъ почва ея глиниста и, отъ недавно прошедшаго дождя, превратилась въ непролазную грязь; ниже и ближе къ рѣчному руслу залегаютъ пески, по которымъ было бы ѣхать теперь прекрасно, если бы масса выбоинъ и котловинъ, наполненныхъ водою, не пресѣкала возможности движенія по нимъ и не заставляла бы подниматься выше къ горамъ. Версты черезъ три мы завидѣли городишко Луань-пинъ-сянь и прямо противъ него должны были переправиться черезъ Луань-хэ. Рѣка течетъ здѣсь довольно спокойно двумя протоками, каждая изъ которыхъ достигаетъ ширины 30

Мостъ близъ г. Луань-пинъ сяня.

саженей, при общей глубинѣ не свѣше $\frac{1}{2}$ аршина. Черезъ каждую изъ протоковъ Луань-хэ устроенъ очень оригинальный мостъ на плетушкахъ. Изъ

прутьевъ березы сплетены цилиндры, окружность которыхъ равняется, вѣроятно, не менѣе какъ 5 или даже 6 сажениамъ. Цилиндры опускають въ воду и засимъ въ средину ихъ набрасываютъ камней, песку и другого рода тяжестей. Такимъ образомъ получаютъ оригинальные быки, на которые набрасывается настилка моста, состоящая то изъ бревенъ, то изъ плетней. Поверхъ этой настилки навалены горами камни, глина, хворостъ, словомъ все что только возможно и эта то настилка служитъ дорожнымъ полотномъ моста. Плетни, занимающіе пространство между быками, давно уже опустились подъ давленіемъ провозимыхъ тяжестей и весь мостъ представляетъ собою рядъ колдобинъ, въ которыя ежесекундно ныряетъ телѣга, двигаясь по этому мосту. Трудно представить сколько животной силы тратится на этомъ варварскомъ сооруженіи. Правый берегъ Луань-хэ покрытъ глубокими и сыпучими песками, которые тянутся вплоть до города Луань-пинъ-сяня, отстоящаго лишь на 20 минутъ ходьбы отъ Луань-хэ'скаго моста.

Луань-пинъ-сянь (濼平縣) раскинулся несравненно больше Фынъ-нинъ-сян'я, хотя и представляется гораздо бѣднѣе его. Его нельзя сравнить даже съ хорошимъ китайскимъ поселкомъ, какъ, на примѣръ, съ Го-цзя тун'омъ: это просто группа лачужекъ, построенныхъ по берегамъ нѣсколькихъ сухихъ овраговъ, образованныхъ руслами теченія Луань-хэ, въ періодъ ея разливовъ. Въ остальное время года по этимъ сухимъ оврагамъ проходятъ всѣ городскія дороги. Всѣхъ дворовъ въ Луань-пинъ-сяни считается свыше 700, но въ числѣ ихъ не наберется и десятка порядочныхъ хотя бы на китайскую руку зданій. Положеніе Луань-пинъ-сяня на большомъ торговомъ трактѣ, соединяющемъ Тянь-цзинъ, Пекинъ, Жэхэ, и Долби-нуръ, объясняетъ главное занятіе его жителей: здѣсь что ни домъ, то постоянный дворъ, но при этомъ постоянный дворъ самаго низшаго разбора. Известно, что китайцы, при своемъ движеніи по дорогамъ, имѣютъ себя уже искони вѣковъ зауроченные пункты для полдниковъ и ночлеговъ; при этомъ лучшіе постоянные дворы можно встрѣчать у нихъ только въ мѣстахъ ночлеговъ, тогда какъ на полдникахъ, гдѣ вся остановка длится не болѣе 45 мин., много 1 часа, — у нихъ не требуется почти ничего особеннаго для угощенія путниковъ. Мало того, пункты полудниковъ при выѣздѣ изъ большихъ городовъ не рѣдко вовсе проѣзжаются извозчиками мимо, если эти послѣдніе знаютъ, что животныя ихъ не утомлены на столько, что бы безъ труда достигнуть ночлега. Положеніе постоянныхъ дворовъ въ такихъ пунктахъ еще хуже въ отношеніи заработка и именно въ этомъ состояніи находится Луань-пинъ-сянь. Проточной воды въ Луань-пинъ-сяни, за исключеніемъ времени разлива Луань-хэ, не бываетъ вовсе и жители по-

лучаютъ воду исключительно изъ колодезь. Въ городѣ имѣется только три кумирни. Торговля ведется восьмью большими лавками, къ которымъ присоединяется до 40 малыхъ, продающихъ либо старье, либо новые товары, получаемые ими отъ своихъ же мѣстныхъ торговцевъ, такъ сказать, на комиссію. Самыми значительными фирмами считаются: Да-ди-чуань, Да-ди-шэнъ и Да-шэнъ-юнь. Изъ различныхъ сортовъ чая въ этихъ лавкахъ можно найти только идущій въ мѣстномъ употребленіи «сань-пьянь», привозимый изъ Жэ-хэ; бумажные товары идутъ изъ Тянь-цзина и Пекина; соль привозится изъ Долбнъ-нѹра въ количествѣ не свыше 30 верблюжьихъ выюковъ въ годъ; шелковыхъ матерій въ городѣ не продается вовсе. Вышепомянутыя три фирмы, торгуя краснымъ товаромъ и чаемъ, въ тоже время занимаются и размѣномъ денегъ, особыхъ же банкирскихъ конторъ, или даже мѣняльныхъ лавокъ, въ Луань-пинъ-сяни не имѣется. Въ западномъ концѣ города находится слобода для поселенія маньчжурскихъ солдатъ 8 знаменъ. Всего ихъ числится здѣсь 400 человекъ, по 100 латниковъ отъ знаменъ простого бѣлаго, простого сивяго, сивяго съ каймою и простого красного. Занимаются они, какъ и большинство мѣстныхъ жителей, главнымъ образомъ земледѣліемъ и только изрѣдка, по выраженію бесѣдовавшаго со мною китайца, «забавляются» стрѣльбою изъ луковъ.

Отъ Луань-пинъ сяни до близъ лежащихъ западныхъ горъ дорога идетъ пологимъ подъемомъ къ этимъ горамъ, но полотно ея совершенно ровное, такъ какъ оно проходитъ по руслу ручья, образующагося потокомъ горныхъ водъ. Окрестныя мѣста сплошь распаханы и какъ пашни эти принадлежатъ городскимъ обывателямъ, то на пространствѣ отъ города до горъ нѣтъ ни одного жилища. Въ 4 ч. 35 м., миновавъ Луань-пинъ-сяньскую долину, мы вступили въ горное ущелье. По началу оно широко и сплошь распахано: жилища поселянъ виднѣются построенными только въ узенькихъ распадкахъ горъ и ютящимися у горныхъ скалъ. Черезъ 20 мин. миновали бѣдную деревеньку Па-ли-чжуань, въ которой насчитывается всего 11 дворовъ. Въ 5 ч. 20 м. отъ деревни Сяо-цзя-дянь ущелье начало дѣлаться каменистымъ; этотъ характеръ его увеличился у деревни Хуань-цзя-дянь, въ 5 ч. 35 мин. (9 дворовъ) и наконецъ дорога сдѣлалась просто невыносимой въ 5 ч. 45 м. у поселка Вэй-цза-юй, въ два двора. Громадныя каменные глыбы лежатъ здѣсь прямо на дорогѣ и телѣга бьется по нимъ съ такою силою, что ѣхать въ ней рѣшительно не возможно. Въ 5 ч. 55 м. мы добрались до подножія перевала у котораго стоитъ еще деревенька въ 8 дворовъ, по обычаю, именуемая Линъ-ди-ся. Издали она представляетъ собою очень красивенькій и уютный уголокъ, утопая въ садахъ и деревьяхъ. Со стороны перевала она защищена громадными горами

камней, собранных во время расчистки горной дороги. Переваль этотъ, именуемый Хо-ту-линъ, у подошвы пологій, хотя и очень каменистъ, не смотря на производимыя на немъ расчистки. Съ половины подъема онъ становится круче вообще, да по мимо того движеніе здѣсь не мало затрудняется еще обиліемъ отдѣльныхъ пригорковъ, по которымъ постоянно приходится то подниматься, то опускаться слѣдуя по перевалу. У своей вершины Хо-ту-линъ дѣлается положительно крутымъ и труднымъ для подъема. Спускъ съ перевала на сѣверную сторону его носить тотъ же характеръ, только болѣе мягкія формы горы дали здѣсь возможность устроить нѣсколько объѣздовъ, что значительно сокращаетъ крутизну ея дороги. По такимъ объѣздамъ мы въ 6 ч. 30 м. достигли кумирни Лао-ѣмяо съ стоящимъ при ней единственнымъ дворикомъ какого то стараго хѣшана. Отъ этой кумирни спускъ дѣлается уже пологимъ, а черезъ 15 м. мы достигли деревни Хунъ-чжу-ла, въ 10 дворовъ, въ числѣ которыхъ было двѣ гостинницы и одна лавка. Отъ этой деревни отдѣляется къ югу большая дорога на проходъ Гу-бэй-коу. Хозяева гостинницъ, узнавъ, что мои извозчики не имѣютъ особыхъ знакомствъ по этой дорогѣ, приглашали насъ ночевать къ себѣ, но мои китайцы порѣшили останавливаться на тѣхъ же дворахъ, на которыхъ останавливались мы въ передній путь; по этому, миновавъ въ 7 часовъ вечера деревеньку Савъ-хэ-юй-чжуанъ и выѣхавъ изъ ущелья Хо-ту лин'а, мы въ 7 ч. 30 м. добрались до военного поселка Ванъ-цзя инъ-цза и здѣсь заночевали.

27-е Апрѣля. Вторникъ.

6 ч. $+6^{\circ}$; 9 ч. $+16^{\circ}$; 12 ч. $+19^{\circ}$; 3 ч. $+18^{\circ}$; 6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+12^{\circ}$.

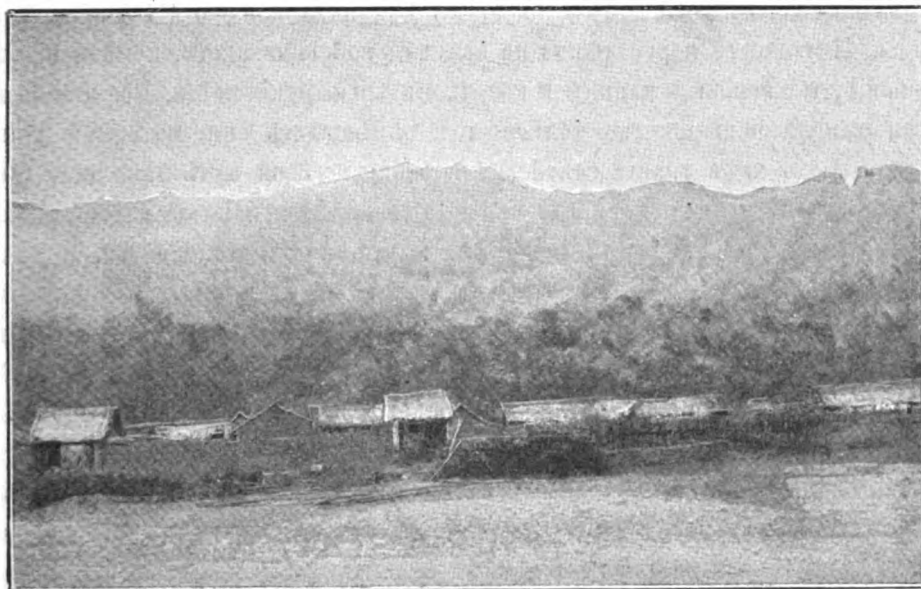
Поселокъ Ванъ-цзя-инъ (王家營) представляетъ собою большое и торговое селеніе, въ которомъ имѣется до 60 дворовъ и до 10 лавокъ. Встарину здѣсь находился, говорятъ, походный дворецъ (行宮) богдохана, назначенный на случай остановки здѣсь сына неба, производившаго въ этихъ мѣстахъ свою охоту и облавы на дикихъ звѣрей; нынѣ отъ дворца этого не осталось уже ни одного камня. Мы выѣхали изъ Ванъ-цзя-инъ-цза въ 6 ч. 30 м. и продолжали путь свой по ущелью чрезвычайно каменистому и узкому на столько, что дно его сполна занято русломъ ручья, называемаго Сяо-хэ-цза и имѣющаго въ ширину иногда сажень, а мѣстами и двѣ сажени. По внѣшнему своему виду ущелье дико. Горы его стоятъ то отвѣсными скалами, обнажая вертикальные пласты дикаго камня, то представляютъ массивныя груды громадныхъ валуновъ, лежащихъ безпорядочными массами и выставляющихъ свои безконечно разнообразныя формы. Ущелье это называется Цзинъ-цзя-гоу. Въ 7 ч. 10 м. мы достигли

деревеньки Янь-са-гоу, въ 6 бѣдныхъ дворовъ, у которой должны были простоять минутъ 10, въ ожиданіи, пока ущельемъ, по которому намъ предстояло слѣдовать, пройдетъ поѣздъ фынъ-нинъ-сянь'скаго чжи-сяня, между тѣмъ какъ одинъ изъ моихъ проводниковъ побѣждалъ впередъ извѣщать о томъ, что мы въѣхали въ ущелье. Все это по истинѣ курьезно. Поѣздъ чжи-сяня встрѣтился намъ почти при выѣздѣ нашемъ изъ Ванъ-цзя-инъ-цзя и доселѣ постоянно сталкивался своими колесами съ нашей телѣгой. Чжи-сянь былъ назначенъ на новую должность въ Лао-ху-коу (по Янь-цзы, нѣсколько западнѣе Хань-коу) и переѣзжалъ теперь къ мѣсту своего новаго служенія. Поѣздъ его открывали 18 телѣгъ, съ разными व्यюками и сундуками, слѣдовавшихъ подъ охраною солдатъ, по одному на каждую телѣгу; далѣе ѣхало верхами до 10 чиновниковъ съ бѣлыми прозрачными, бѣлыми непрозрачными и мѣдными шариками; еще далѣе узкія и длинныя дроги, запряженныя цугомъ четверкою лошадей и муловъ, — въ дрогахъ этихъ сидѣло 8 человекъ носильщиковъ чжи-сянь'скаго паланкина; за ними слѣдовалъ наконецъ самый паланкинъ чжи-сяня, обитый зеленою шерстяною матеріею и несомый 8-ю носильщиками. Въ деревнѣ Янь-са-гоу они смѣнились: несшіе доселѣ чжи-сяня усѣлись на вышепоманутыя дроги, а сидѣвшіе на дрогахъ заняли ихъ мѣсто и понесли своего мандарина дальше. Вслѣдъ за паланкиномъ мандарина шли 16 человекъ носильщиковъ, тащившихъ кто на рукахъ, кто на плечахъ, а кто на головѣ, одинъ — футляръ, очевидно, со шляпами мандарина, другой — его вооруженіе, третій — какъ будто письменныя принадлежности, прочіе — разнаго рода иныя мелкія вещи. Я искренно радовался, что этотъ поѣздъ чжи-сяня попрепятствовалъ нашему движенію всего только минутъ на 10, тогда какъ, по словамъ моихъ извозчиковъ, мы могли быть задержаны въ Янь-са-гоу часа на два и болѣе. Все это стало понятно мнѣ лишь при дальнѣйшемъ слѣдованіи по дорогѣ. Отъ деревни Янь-са-гоу ущелье Цзинъ-цзя-гоу версты на 4 къ западу имѣетъ совершенный видъ обращеннаго внизъ своею вершиною угла, стороны котораго довольно отлоги, хотя и не настолько чтобы по нимъ могла быть проложена колесная дорога. Ярко бросается въ глаза еще и та особенность, что на всемъ этомъ пространствѣ, по горѣ правой боковины ущелья, тянутся три терассы: одна, почти у вершины горы, шириною сажени въ 15, другая нѣсколько ниже, сажени въ 8, или 9, а третья, по подножію горы, едва достигаетъ сажени, мѣстами же сокращается и до $1\frac{3}{4}$ арш. Двѣ верхнія площади заняты сплошь пашнями, третья, самая узкая, оставлена для проѣзжаго и торговаго тракта. Разъѣхаться по этой дорогѣ двумъ телѣгамъ нѣтъ рѣшительно никакой возможности; оттого то каждый караванъ или поѣздъ, подѣзжая къ одной сто-

ронѣ ущелья, непременно посылаетъ впередъ гонца съ извѣщеніемъ, что дорога по ущелью занята и въѣзжать въ него нельзя. Понятно, какъ былъ я счастливъ, заставъ у устья ущелья уже хвостъ чжи-сянь'скаго поѣзда: могъ встрѣтиться еле вступившій въ ущелье обозъ въ 150, 200 бычьихъ телѣтъ и тогда пришлось бы прождать открытія дороги часа два, а то и болѣе. По истинѣ только въ высокоцивилизованномъ Китаѣ можно встрѣтить такого рода торгово-караванные и проѣзжіе пути, свидѣтельствующіе о степени развитія въ немъ общественной жизни. Въ 8 ч. 20 м. мы въѣхали въ деревушку Цзинь-цзя гоу мынь-эръ, въ 7 дворовъ, стоящихъ при самомъ входѣ въ ущелье съ СВ стороны его. Домики сплошь представляютъ собою харчевни, которыя, говорятъ, изрядно торгуютъ съ проѣзжающими и задерживаемыми ущельемъ извозчиками. Въ деревенькѣ имѣется хорошенькая кумирня, противъ которой въ моментъ нашего проѣзда устроивался временный театръ изъ рогожекъ, для какихъ-то проѣзжихъ актеровъ. Отсюда ущелье расширяется и дорога проходитъ такъ сказать по горной пади; она несравненно менѣе камениста, хотя и совершенно не разработана. Ровно черезъ часъ дальнѣйшей ѣзды отсюда мы вступили уже въ сравнительно большой поселокъ Сы-дао лянъ, заключающій въ себѣ не менѣе 70 домовъ съ постоянными дворами, гостинницами и харчевнями для прохожихъ. Послѣдніе представляютъ здѣсь собою совершенно особый типъ ресторацій, не встрѣчавшійся мнѣ въ другихъ мѣстахъ сѣвернаго и застѣннаго Китая. У входной двери передъ домомъ хозяина дѣлается навѣсъ изъ 4-хъ колышковъ, покрытыхъ циновкой. Подъ этимъ навѣсомъ устроивается печь и длинные, неподвижные столы и лавки или изъ досокъ, или еще чаще изъ глины. Прохожій, не вступая въ домъ, можетъ здѣсь присѣсть, выпить чаю, или съѣсть блинъ и идти далѣе. Отпускаются здѣсь всѣ пищевые продукты по болѣе дешевой цѣнѣ. На ряду съ этими харчевнями стоятъ столики коробейниковъ, продающихъ въ самой мелочной розницѣ табакъ, спички, трубки, муку, кусочки холста и проч. Отъ деревни Сы-дао-лянъ пада еще болѣе расширяется, дорога дѣлается ровнѣе и камни на ней пропадають. Въ 9 ч. 55 м. мы миновали деревню Сань-дао-гоу, съ 25 дворами, 2-мя харчевнями для прохожихъ и однимъ кабакомъ, а въ 10 ч. 30 м. — деревеньку Чуэ-цза-гоу, отъ которой начинается подъемъ на невысокій перевалъ. Дорога по нему довольно легкая, а на вершинѣ его воздвигнута каменная плита, съ надписью, обозначающею имя перевала «Ань-цзы-линъ» (鞍子嶺) и датую, свидѣтельствующую, что постановка этой плиты относится къ 5-му году правленія Цянь-луна (1740 г.). При спускѣ съ перевала на сѣверную сторону стоитъ деревенька того же имени Ань-цзы-линъ, съ 20 домиками очень бѣдной

постройки. Отсюда показалась намъ замѣчательная по своему внѣшнему виду гора Ло-то шань, (駱駝), имѣющая странное подобіе лежащаго верблюда. Неподалеку отъ подножія ея раскидывается большой поселокъ Чанъ-сай-юй, въ которомъ мы въ 11 ч. 25 м. остановились для отдыха.

Выѣхавъ изъ Чанъ-сай-юй'я въ 1 ч. 5 м., мы должны были разстаться здѣсь съ однимъ изъ знаковъ цивилизаціи Китая, — телеграфными столбами, которые доселѣ постоянно окаймляли нашу дорогу, начиная отъ Луань-пинъ-сяня, а теперь потянулись на востокъ, въ Маньчжурію, тогда какъ наша дорога уклонилась на СЗ. Черезъ 20 мин. ѣзды мы проѣхали бѣдную деревеньку Си-инъ-цза, въ 14 дворовъ; иначе деревенька эта называется Чао-янъ-дунъ, отъ имени какой то каменной пещеры, служащей мѣстопробываніемъ для китайскихъ хэшановъ, упражняющихся въ созерцаніяхъ. Здѣсь мы опять вступили въ ущелье, хотя и довольно широкое, но чрезвычайно каменистое и неудобное для ѣзды. Тянется оно приблизительно верстъ на 8 и на всемъ этомъ протяженіи имѣется только одна де-

Видъ деревни Нюй-инъ-цза.

ревня Нюй-инъ-цза, необыкновенно характерная для всѣхъ китайскихъ поселковъ этой мѣстности. Горы, стоящія по бокамъ этого ущелья, низпадаютъ къ нему почти отвѣсными утесами и здѣсь, на высотѣ приблизительно 30, 35 сажень, увидали мы кумирню съ двумя пещерами по бокамъ ея. По страшной крутизнѣ поднялись мы до высоты ея, буквально ползя на

четверенькахъ и засимъ узенькой тропинкой, въ ширину не болѣе $\frac{1}{2}$ аршина, должны были идти къ этой кумирнѣ. Проводники мои назвали мнѣ ее Нянь-нянь-мяо и говорили, что это кумирня дѣтей, молодыхъ дѣвушекъ и дамъ¹⁾. Я могъ подумать только, что молодое поколѣніе и прекрасный полъ у китайцевъ должны имѣть очень крѣпкіе нервы, чтобы ходить сюда на поклоненіе. Кумирня Нянь-нянь-мяо высѣчена въ скалѣ и представляетъ собою пещеру, даже не защищенную дверями. Сѣдалища идоловъ, жертвенники и сосуды, все это высѣчено изъ камня. Бурханъ большою частью приготовлены изъ глины и раскрашены соответствующими красками. Въ главной кумирнѣ только одно изображеніе Гуань-инь; въ боковой на право — кумиръ будды, окруженный статуэтками маленькихъ дѣтей. Въ четверти часа ѣзды отъ этой кумирни находится деревушка Ча-дао-ко-рь, въ 4 двора. Отъ нея ущелье становится шире и менѣе каменисто, а дорога ровнѣе. Здѣсь повстрѣчали мы поѣздъ китайскихъ переселенцевъ, движущійся изъ Шанъ-дун'а въ Монголію. Всего было здѣсь 8 телѣгъ, каждая изъ которыхъ была запряжена тремя лѣ-цзы. Телѣги эти представляли собою цѣлый домъ и были въ 4 аршина длиною и $1\frac{1}{2}$ арш. ширины. Имущества переселенцы не везли съ собою никакого, помимо шубъ, тряпокъ, тыквенныхъ ковшей и котелковъ для варенія пищи. Все это было безпорядочно напихано въ телѣги, гдѣ помѣщались еще матери и дѣти, между тѣмъ какъ главы семейства совершали свой путь пѣшкомъ. Они сообщили мнѣ, что предприняли переселеніе въ Монголію за недостаткомъ земель на родинѣ, но куда именно они ѣдутъ и гдѣ остановятся, о томъ не знаютъ сами. «Въ Монголіи земли много», говорили они, хотя тутъ же добавляли, что не рассчитывали, что имъ придется такъ далеко ѣхать за Великою стѣною. Въ 4 ч. 20 м. мы миновали еще одну деревеньку Цай-сы-ко-рь, въ 5 дворовъ; отъ нея начался для насъ пологій, но чрезвычайно каменистый спускъ, который привелъ насъ въ обширную равнину, сплошь покрытую пашнями. Поля засѣяны исключительно пшеницей, которая поспѣваетъ здѣсь въ 6 лунѣ. Послѣ получасоваго движенія по полямъ, мы выѣхали на большой трактъ и повертели прямо на СЗ. Здѣсь очевидно происходитъ раздѣленіе фынъ-нинъ-сянь'скаго тракта: дорога, направляющаяся на ЮВ, ведетъ въ Луанъ-пинъ, а на ЮЗ, въ собственный Китай, прямо къ проходу Гу-бэй коу. Это раздѣленіе дорогъ имѣетъ свое мѣсто почти у самаго поселка Нга-цзя-тунъ, отличающагося своею вели-

1) Названіе «нянь-нянь мяо», дословно — «кумирня богини», по существу дѣла не даетъ точнаго опредѣленія. Правильнѣе и точнѣе будетъ сказать, что кумирня эта посвящена богинѣ Цзы-сунъ нянь-нянь, почитаемой покровительницею дѣтей и однимъ изъ перерожденій буддійской Гуй-цзы-му.

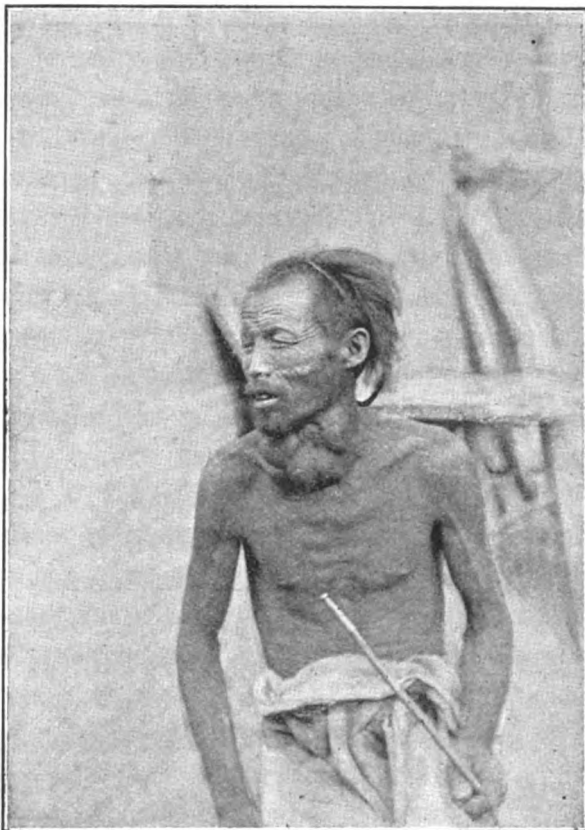
чиною и оживленною дѣятельностью. Всѣхъ дворовъ въ немъ не менѣе 70, масса лавокъ, постоянныхъ дворовъ и наконецъ обширная рыночная площадь, что вообще очень рѣдко встрѣчается въ китайскихъ деревняхъ. Отъ этого поселка для насъ открылась хорошая, мягкая и ровная дорога между полями. Черезъ $\frac{1}{2}$ часа ѣзды мы незамѣтно проѣхали полуразрушенную деревеньку Сяо-дао-гунь-мынь.

За нею пашни на время прекратились и дорога снова пошла по ущелью до поселка Вань-цзя-коу, по величинѣ своей еще превосходящаго Нга-цзя-тунь, хотя и носящаго совершенно иной характеръ. Жители Вань-цзя-коу исключительно ремесленники, занимающиеся кожевнымъ издѣліемъ. Здѣсь буквально что ни домъ, то кожевенный заводъ и представляется какъ-то даже страннымъ, что на всѣ 112 дворовъ этого поселка въ немъ всего 3, 4 лавки. Какъ необычайное обстоятельство могу отмѣтить еще то, что въ Вань-цзя-коу я буквально не видалъ ни одного человѣка безъ зоба. Распространеніе зобовъ вообще очень сильно въ луань-пингь-сяньскомъ и фынъ-нинъ-сяньскомъ уѣздахъ; но въ Вань-цзя-коу оно поразительно и, говорятъ, обусловливается именно вліяніемъ мѣстной воды. Верстахъ въ двухъ отъ Вань-цзя-коу находится военный поселокъ Инъ-фо, добравшись до котораго въ 7 ч. 10 м. вечера, мы остановились здѣсь для ночлега.

28-е Апрѣля. Среда.

6 ч. $+6^{\circ}$; 9 ч. $+17^{\circ}$; 12 ч. $+24^{\circ}$; 3 ч. $+22^{\circ}$; 6 ч. $+19^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$.

Инъ-фо представляетъ собою военный поселокъ, расположенный на

Зобатый китаецъ изъ уѣзда Луань-пингь.

возвышенномъ берегу рѣки Синь-чжу-хэ, не болѣе какъ въ верстѣ отъ рѣчнаго русла. Онъ заключаетъ въ себѣ свыше 40 дворовъ, принадлежащихъ военнопоселенцамъ и частию запаснымъ, а частию отбывающимъ дѣйствительную службу лу-ин'амъ. Послѣдніе составляютъ собою отрядъ въ 24 человѣка, подъ начальствомъ ба-цзуна, и основною обязанностью ихъ является теперь — служить дѣлу казенныхъ сообщеній Фынъ-нинъ-сяня съ Жэхэ, Луань-пинъ-сянемъ и Гу-бэй-коу. По словамъ хозяина гостиницы, служившей мнѣ пріютомъ, солдаты эти бываютъ въ постоянныхъ разъѣздахъ, особливо по дорогѣ на Луань-пинъ. Городъ отстоитъ отъ Инъ-фо по прямой дорогѣ не болѣе какъ на 70 ли, но эта прямая дорога пролегаетъ по берегу Синь-чжу-хэ, переходя то на одну, то на другую сторону рѣки. Зимой, когда рѣка замерзаетъ, путь этотъ совершенно удобенъ, а лѣтомъ дно Синь-чжу-хэ является весьма топкимъ и это дѣлаетъ броды черезъ нес затруднительными и опасными. Чтобы уничтожить эти препятствія нужно построить собственно три, и *минимум*—два моста; однако постройки этой никто не предпринимаетъ, а потому солдаты должны ѣздить по Гу-бэй-коу'ской дорогѣ (по которой ѣхали мы), что доставляетъ имъ кривую приблизительно въ 50 ли; такъ какъ по этой послѣдней дорогѣ отъ Инъ-фо до Луань-пинъ-сяня уже не 70, а 120 ли. Съ внѣшней стороны Инъ-фо представляется чистенькимъ и зажиточнымъ мѣстомъ. Вечеромъ, вмѣсто обычнаго глинянаго ночника съ коноплянымъ масломъ, мнѣ подали здѣсь керосиновую лампочку, а хозяинъ разказалъ мнѣ при этомъ, что керосинъ, извѣстный у нихъ подъ именемъ «мэй-ю» (美油 американское масло), получается ими изъ Гу-бэй-коу.

Къ великому своему удовольствію я узналъ, что мѣстнымъ китайцамъ извѣстенъ и русскій керосинъ хотя относительно достоинства его у нихъ существуютъ различныя мнѣнія, такъ одни цѣнятъ его выше американскаго, другіе говорятъ, что русскій керосинъ хорошъ только дорогой, а дешевый никуда не годенъ. Это послѣднее мнѣніе напомнило мнѣ разговоръ мой въ Тяньцзинѣ съ купцомъ Бѣлоголовымъ, который прекрасно объяснилъ мнѣ взгляды китайцевъ на русскій керосинъ. По его словамъ, керосинъ въ Китай начали впервые вывозить американцы, являющіеся и доселѣ основными поставщиками этого продукта для сыновъ поднебесной. Въ общемъ ввозъ керосина въ Китай изъ Америки превосходитъ русскую доставку въ три, если не въ четыре раза. Явленіе это при низшемъ качествѣ американскаго керосина вмѣстѣ съ его большею дороговизною, чѣмъ русскій керосинъ г. Бѣлоголовый объяснялъ главнымъ образомъ большимъ удобствомъ доставки, помимо же того онъ сообщалъ, что торгующіе американскимъ керосиномъ китайцы и иностранцы поддерживаютъ сбытъ

этого произведенія, тогда какъ мѣстные русскіе совершенно небрегутъ объ этомъ. Пользуясь такимъ отношеніемъ, конкуренты наши распространяютъ слухъ, будто русскій керосинъ даетъ много копоти и мало свѣта. Пока время и практика докажутъ не основательность этой молвы, нашъ керосинъ будетъ, конечно, въ гораздо меньшемъ спросѣ въ Китаѣ вообще чѣмъ американскій. Не мало вредитъ дѣлу также и то, что торговля русскимъ керосиномъ находится главнымъ образомъ въ рукахъ китайцевъ, покупающихъ этотъ продуктъ въ Гонконгѣ и переплачивающихъ вслѣдствіе этого лишнія коммиссіонныя деньги. Чтобы возмѣстить этотъ убытокъ, какъ оптовые, такъ и розничные китайскіе торговцы разбавляютъ при продажѣ нашъ керосинъ водою. Это послѣднее обстоятельство вполнѣ уясняетъ, почему китайцы говорятъ, что «русскій керосинъ хорошъ только дорогой». Изъ дальнѣйшей моей бесѣды здѣсь выяснилось, что въ Гу-бэй-коу русскаго керосина приходитъ очень мало и при томъ цѣны на него почти въ $1\frac{1}{2}$ раза выше чѣмъ на американскій.

Рѣка Синь-чжу-хэ, на берегахъ коей стоитъ Инъ-фо, называется монголами Шарà-талà. Она беретъ свое начало изъ горы Шарху, находящейся ли въ 80 къ западу отъ поселка Го-цзя-тунъ, въ территоріи простаго блага знамени, входящей въ составъ фынъ-нинъ-сянь'скаго уѣзда. Основное направленіе теченія ея—на юго-востокъ и выдающимися мѣстностями, вблизи которыхъ она протекаетъ, являются поселокъ Хуа-цзя-инъ, гора Чя-шань и озеро Борд-нуръ. Неподалеку отъ послѣдняго Синь-чжу-хэ вступаетъ въ предѣлы уѣзда Куань-пинъ-сянь, послѣ чего вскорѣ принимаетъ почти прямое восточное направленіе и у поселка Цзинь-дао-тунъ впадаетъ въ Луань-хэ. Синь-чжу-хэ обычно покрывается льдомъ въ срединѣ 11-й луны, а освобождается изъ подъ онаго во 2-й лунѣ; разливы совершаются обыкновенно въ 6-й, или 7-й лунахъ, причеиъ уровень воды нерѣдко поднимается до 12 чи слишкомъ.

Мы оставили Инъ-фо въ 5 ч. 35 м. утра и спустившись въ котловину, по которой протекаетъ рѣчное русло, нашли ее очень песчаной. Неподалеку отъ поселка котловина эта увеличивается и долина, по которой протекаетъ рѣка, дѣлается очень широкой. Въ 7 ч. проѣхали черезъ селеніе Сяо-чэнъ-цза, въ 25 дворовъ, а въ 7 ч. 25 м. достигли большого поселка Синь-чжу, въ которомъ, вѣроятно, не менѣе 70 или 80 дворовъ. Посреди этого поселка возведены стѣны, въ вышину $1\frac{1}{2}$ маховыхъ сажени и въ толщину одного сырцеваго кирпича. Говорятъ, что мѣстные жители намѣрены были защищаться за этими стѣнами въ періодъ послѣдняго возстанія въ юго-восточной Монголіи, но какъ бы ни были слабы силы этихъ повстанцевъ, можно смѣло сказать, они безъ малѣйшаго труда

взяли бы эту крѣпость, ибо прочность ея даже ничтожнѣе глинобитныхъ оградъ, устраиваемыхъ нашими крестьянами у своихъ огородовъ. Въ полуверстѣ отсюда мы миновали поселокъ Дао-ди, въ 10 дворовъ; а черезъ 5 минутъ ѣзды отъ этого поселка переправились вбродъ черезъ Синь-чжу-хэ: рѣка имѣетъ здѣсь до 20 саж. ширины, при глубинѣ не свыше полуаршина; дно ея устлано мелкою галькой. Отъ мѣста этой переправы дорога сдѣлалась очень песчаной и такъ продолжалось до деревеньки Сяво-пу, въ 2 двора, которой достигли мы въ 8 ч. 25 м. Весьма небольшія пашни отдѣляютъ эту деревеньку отъ таковой же бѣдной деревушки Лань-цзя-ко-рѣ, въ 4 двора, за которою мѣстность начинаетъ постепенно суживаться и въ 9 ч. мы достигли ущелья Чао-лянъ-гоу настолько узкаго, что по нему едва могутъ разѣхаться двѣ телѣги. Оно привело насъ къ высокому и чрезвычайно крутому перевалу, Да-линъ-ба. Наши мулы едва втащили телѣги на этотъ перевалъ и останавливались, чуть ни каждую минуту. На вершинѣ перевала мы повстрѣчали каменную плиту, лицевая сторона которой была украшена изящно выгравированными иероглифами съ слѣдующею надписью: 豐甯縣南界道光元年十月初一日. Это значитъ: «Южная граница Фынъ-нинъ-сяня. — Дао-гуана 1-й годъ, 10-й луны, 1-го дня». На боковыхъ сторонахъ того же камня значилось: «Къ сѣверу до Ту-чэнъ-цза 50 ли; къ югу — до Луань-пинъ-сяня 90 ли». Такимъ образомъ въ 10 ч. и 30 м. мы вступили въ фынъ-нинъ-сяньскій уѣздъ. Съ вершины этого перевала открывается прелестный видъ на долину рѣки Синь-чжу хэ, которая огибаетъ этотъ перевалъ съ запада и на языкѣ мѣстныхъ жителей только съ этого мѣста получаетъ названіе Синь-чжу, къ сѣверу же отъ перевала Да-линъ ба она именуется Да-си-хэ. Спускъ съ перевала также крутъ и длиненъ, какъ и подъемъ на него. У сѣвернаго подножія Да-линъ-ба мы нашли деревеньку Линъ-ди-ся, отъ которой слѣдовали по долинѣ съ ровной и мягкой дорогой до поселка По-ло-но (Борд-нуръ?) гдѣ въ 11 ч. 30 м. остановились для полдника въ сравнительно хорошемъ дянѣ.

Выѣхали въ 1 ч. дня и, продолжая путь по узенькимъ дорожнымъ колеямъ, среди полей, миновали въ 1 ч. 35 м. поселокъ Инъ-пань, а въ 2 ч. 10 м. деревню Ша-хо-инъ-цза, въ 11 дворовъ. Отъ этой послѣдней долина рѣки Да-си-хэ нѣсколько видоизмѣняется. Прежде всего она становится уже. Окружающія ея горы мѣстами скалисты и ясно обнажаютъ свои каменные остовы, мѣстами ровны и имѣютъ пологіе скаты съ почвою суглинка. Во всѣхъ таковыхъ мѣстахъ плодородная почва горъ обыкновенно спускается въ песчаную долину рѣки и образуемая ею займища являются сплошь распаханными подъ нивы. Въ 2 ч. 55 м. мы перebroдили рѣку

Да-си-хэ; русло ея, по моему измѣренію, оказалось здѣсь шириною въ 14 сажень, при глубинѣ до полуаршина. На берегу мы нашли четырехъ китайцевъ, которые маленькими сачками ловили рыбу: въ ведрахъ ихъ оказались только пискари, да малявки. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа ѣзды отсюда мы проѣхали деревню Сю-чжай-рѣ, въ 3 двора, служащую гранью для сравнительно большихъ распашекъ по долинѣ Да-си-хэ; отъ нея почва долины дѣлается совершенно песчаной. Затрудняемые въ движеніи этими песками, мы въ 3 ч. 50 м. добрались до деревни Па-ли-инъ-цза, въ 15 дворовъ; она сплошь обсажена деревьями и издали представлялась намъ зеленѣющимъ оазисомъ, среди окружающей песчано-каменистой долины рѣки. Въ 20 минутахъ ѣзды отсюда намъ повстрѣчалась другая, уже бѣлая деревня Лю-цзя-инъ-цза, съ двумя хорошими дянями, большою кумирней и старымъ, но еще не разрушившимся субурганомъ, съ тибетскою буквою «омъ». Отъ деревни Лю-цзя-инъ-цза мы начали приближаться къ самому руслу Да-си-хэ и въ 4 ч. 40 м. вновь перебродили эту рѣку; по измѣренію, она оказалась теперь имѣющею при той же глубинѣ уже только $10\frac{1}{2}$ сажень ширины. Почти отъ самаго мѣста этой переправы, вдали, на высокой горѣ, по лѣвую сторону дороги, намъ показалось нѣчто возвышающееся. По разказамъ, это была башня, построенная однимъ изъ фынъ-нинъ-сяньскихъ чжи-сяней на мѣстѣ погребенія его отца. Сдѣлавъ съ нее фотографическій снимокъ, я поѣхалъ впередъ что бы подняться на гору и поближе осмотрѣть ее. Оказалось, что это довольно большое сооруженіе въ 5 этажей, не считая фундамента. Послѣдній былъ сложенъ изъ сѣраго дрсвяника, въ вышину 1 арш. 12 вер., по формѣ шестиугольника, имѣвшаго въ каждой своей сторонѣ по 2 арш. 15 вер. длины. Самая башня была сложена изъ обожженаго кирпича, такую же шестигранною и нѣсколько съуживающею къверху. Нижній этажъ ея оказался вышиною въ 2 арш. 4 вершка; общая же высота башни, вѣроятно, аршинъ 14, 15. Кровля башни черепичная, украшенная наверху яблокомъ и шпиремъ. Фасадъ ея въ сущности тотъ же самый, что и хухѹ хотѣской башни временъ сунской династіи, известной подъ именемъ Бай-та-ра. Съ восточной стороны фундамента башни мое вниманіе обратила на себя небольшая груда камней и подъ ними мы нашли кости погребеннаго безъ гроба человѣка. Вся башня, несомнѣнно, очень недавней постройки; но никакихъ надписей и никакихъ изображеній на ней не сохранилось, да вѣроятно никогда и небыло. Спустившись съ горы въ 5 ч. 50 мин., я засталъ здѣсь только что подѣхавшія сюда и ожидавшія меня наши телѣги. Мы двинулись въ путь и въ 6 ч. 15 м., еще разъ перебродили Да-си-хэ, которая здѣсь была шириною только въ 6 сажень. Съ береговъ ея передъ нами ясно обрисовался Фынъ-нинъ-сянь,

до котораго мы и добрались, слѣдуя по твердо песчаному грунту долины Да-си-хэ, ровно въ 7 ч. вечера.

Дальнѣйшій путь нашъ въ направленіи къ Долбнѣ нѣру, отъ Фынъ-нинъ-сяня до поселка Гоу-мынь-цза, лежалъ по дорогѣ, уже описанной мною подъ 14, 15, 16 и 17-мъ числами сего Апрѣля; поэтому, не повторяя вновь замѣтокъ о сказанной мѣстности, я предположилъ, въ періодъ проѣзда по этимъ знакомымъ урочищамъ, упорядочить и изложить, а если нужно дополнить и уяснить себѣ свѣдѣнія, собранныя мною при проѣздѣ и проживаніи въ Жэ-хэ, о совершившемся въ чэнъ-дэ-фу'скомъ департаментѣ китайскомъ возстаніи противъ монголовъ и христіанъ, длившемся почти три года: 1890, 1891 и 1892. Сдѣлать это было необходимо именно теперь, потому что далѣе уже не у кого было бы попросить объясненій на представлявшіеся вопросы. Долгомъ считаю сказать еще, что изслѣдованіе о противухристіанскихъ гоненіяхъ въ Китаѣ интересовали меня и раньше. Свѣдѣнія по нему собирались мною и въ Пекинѣ, гдѣ весьма многое выяснили мнѣ поучительныя бесѣды съ почтеннымъ миссіонеромъ, Рёге Favier; и въ Тяньзинѣ, гдѣ я встрѣтилъ очевидцевъ знаменитаго возстанія 1870 г. и разговаривалъ съ г-жею Будылиной, родная сестра которой пала одною изъ жертвъ этого возстанія; въ Хухѹ-хотѣ, въ На-хо-цзяни и въ Калганѣ, гдѣ мнѣ пришлось видѣть очень много европейцевъ и миссіонеровъ, которые, если и ничего не писали по этому вопросу, то многое видѣли, составили себѣ по нему тотъ или другой взглядъ и имѣютъ о немъ то или другое мнѣніе. Наконецъ въ этомъ дѣлѣ много помогли мнѣ и бесѣды съ монголами многочисленныхъ юго-восточныхъ хошѹновъ, которые съ одной стороны испытали на себѣ тяжесть этого возстанія, а съ другой настолько поддались вліянію Китая, что во многомъ теперь всецѣло уже воспитали и усвоили себѣ чисто китайскіе взгляды. При такихъ то обстоятельствахъ я получилъ возможность говорить

О послѣднемъ противумонгольскомъ и противухристіанскомъ возстаніи Китайцевъ въ Монголіи и о причинахъ противухристіанскихъ возстаній въ Китаѣ вообще.

ЮВ. Монголія, или точнѣе районъ китайскаго возстанія 1891—92 г., представляетъ собою уголокъ, ограничиваемый на югѣ Великой Стѣной Собственнаго Китая, а на востокѣ Маньчжуріею. Пространства эти, приблизительно въ 500 квадр. верстѣ, отличающіяся благословеннымъ климатомъ и плодородіемъ своей почвы, не менѣе уже 8 вѣковъ составляютъ

владѣнія монголовъ и искони были очень мало заселенными, по крайней мѣрѣ сравнительно съ тѣмъ по истинѣ пчелинымъ ульемъ, какимъ кажется сопредѣльный имъ застѣнный Китай. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что такой уголокъ постоянно привлекалъ на себя взгляды полуголодныхъ обитателей сѣв. Китая, которые надѣялись найти здѣсь безпечальное житье на обширныхъ нивахъ. Само китайское правительство отличило эти мѣста, избравъ ихъ еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія для дачной резиденціи и лѣтнихъ охотъ и развлеченій богдохана, а вскорѣ за симъ объявило ихъ открытыми для китайскихъ переселеній. Но, какъ вообще бываетъ это въ странахъ малокультурныхъ, на такого рода переселенія изъ середины Китая потянулись прежде всего или люди бѣдные и обездоленные судьбою; или безродные и бездомовные одиночки, ищущіе, при своей сомнительной нравственности, приключеній и легкой наживы; или, наконецъ, положительные негодяи, не находящіе себѣ опоры дома не только въ своихъ общинахъ, или у отдаленныхъ родственниковъ, а даже и въ родной семьѣ. Незнакомые съ хлѣбопашествомъ монголы въ первое время, говорятъ, были даже рады этому наплыву китайцевъ, которымъ они могли сдавать въ аренду свои пустопорожня, непринесившія дотолѣ никакихъ доходовъ земли и съ которыми имъ такъ удобно было вести теперь свою мѣновую торговлю. Благодаря простотѣ своихъ нравовъ, жалкіе номады были страшно эксплуатируемы пришельцами, но, по своему невѣжеству, они вначалѣ совершенно незамѣчали этого. Слухи о безпечальномъ житьѣ въ Монголіи разнеслись повсюду въ Китаѣ и съ этой поры сюда цѣлыми массами устремились еще гонимые на родинѣ приверженцы разнаго рода противуправительственныхъ обществъ и ассоціацій, религіозныхъ сектъ, соціальныхъ доктринъ и пр. Всѣ эти многоразличныя партійные элементы, преслѣдующіе собственно самыя разнообразныя экономическія теоріи, объединялись между собою лишь въ одномъ, это — въ своей враждебности къ существующему государственному строю Срединной Имперіи, нормальность коего каждый изъ нихъ понималъ по своему. Уже въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія населеніе описываемаго уголка доходило до милліона душъ и вся эта гольтѣба, сложившаяся изъ вышеохарактеризованныхъ элементовъ китайскихъ общинъ, прежде всего нуждалась для себя въ матеріальномъ и нравственномъ успокоеніи. Понятно, что когда при этомъ явились сюда христіанскіе миссіонеры, громко проповѣдывавшіе любовь, призывавшіе подъ свою защиту всѣхъ труждающихся и обремененныхъ и отдававшіе весь свой матеріальный достатокъ на благо прозелитовъ, то дѣятельность ихъ имѣла быстрый успѣхъ и въ короткое время въ Юв. Монголіи христіанъ начали считать уже тысячами. А переселенцы

изъ Китая между тѣмъ все прибывали и вскорѣ окончательно заполнили собою этотъ край, которому начиная съ 1778 г. правительство богдохъна признало возможнымъ дать административное устройство, вполне сходное съ управленіемъ застѣннаго Китая. Съ этой поры ЮВ. Монголія начала наводняться еще китайскими чиновниками съ ихъ системою управленія по законамъ Шемякина суда и цѣлымъ роємъ кандидатовъ на чиновничество, т. е. всецѣло проникнувшимися конфуціанскими идеями, китайскимъ, квази-ученымъ, пролетаріатомъ, классомъ самымъ нетерпимымъ и пользующимся самой дурной славой. Новая система управленія измѣнила однако въ странѣ весьма немногое. Эксплуатація переселенцами монголовъ продолжалась можетъ быть еще съ большею силой и это до тѣхъ поръ, пока сами монголы, по совмѣстному сожителству съ китайцами, ни заразились нравами послѣднихъ и ни стали платить китайцамъ тою же монетою. Мало по малу роли перемѣнились и вскорѣ до извѣстной степени начали подвергаться притѣсненіямъ и насиліямъ со стороны монгольскихъ князей уже китайцы, нуждавшіеся въ монгольскихъ земляхъ, а потому и заискивавшіе у монголовъ. Въ результатѣ наиболѣе умные и дерзновенные изъ колонистовъ, сплотивъ вокругъ себя партизановъ, стали оказывать сопротивленіе монголамъ. Весьма вѣроятно, что, при подавляющей численности китайскаго населенія, достигшаго за послѣднее время до того, что монголы составляли въ странѣ только 15%, перевѣсъ въ этой борьбѣ остался бы на сторонѣ китайцевъ и монголы должны были бы ступешаться вовсе. Но мы видѣли уже, что сами китайцы представляли собою очень разрозненные элементы: это были люди и различныхъ провинцій, и различныхъ вѣрованій, и различныхъ политическихъ убѣжденій; люди, обуреваемые безконечною ненавистью другъ къ другу, при которой никто изъ нихъ и не помышлялъ о взаимной помощи. Богатые угнетали и озлобляли бѣдныхъ, а толпы бездомовныхъ бродягъ составляли разбойничьи шайки и наводили ужасъ на жителей своими звѣрствами. Лѣтомъ 1891 г. одинъ изъ ученыхъ докторантовъ провинціи Чэнь-дэ-фу, по имени Сюй-жунъ (許榮), принадлежавшій къ религіозно-политической сектѣ Цзинь-дань-дао (金丹道 золотой пилюли, или философскаго камня), составилъ около себя одну изъ такихъ шаекъ и началъ громить окрестности уѣзнаго города Цзянь-чань-сяня (建昌縣). Сторожимый мѣстными властями, ожидавшими только удобнаго случая чтобы схватить его, онъ убѣжалъ въ Сань-цзя-цзы (三家子), поселокъ того же уѣзда Цзянь-чань-сянь, гдѣ у него было много сторонниковъ, съ помощью которыхъ онъ могъ продолжать свою разбойническую жизнь.

Къ осени 1891 г. жатва на поляхъ уѣзда Цзянь-чань-сянь была

почти вся уничтожена и населеніе чуть ни поголовно было доведено до нищеты. Вынужденные голодомъ жители деревень въ началѣ августа потребовали у мѣстныхъ властей и у богатыхъ купцовъ въ займы рису, обѣщая отдать этотъ долгъ. Въ Китаѣ извѣстно каждому, чего стоятъ эти обѣщанія: они исполняются честно, если просьба будетъ удовлетворена, при отказѣ же, просимое можетъ быть взято силою. Волей неволей и власти, и купцы согласились удовлетворить просителей и вскорѣ былъ назначенъ день для раздачи риса каждому желающему, будетъ ли то осѣдлый землепашецъ, или новоприписанный и бездомный бродяга. Въ то же время купцы заручились помощью Сюй-жуна, нанявъ его стоять у дверей хлѣбныхъ магазиновъ, въ расчетѣ, что по крайней мѣрѣ часть крестьянъ испугается разбойника и не осмѣлится идти въ магазины. Два дня спустя, когда длинная вереница мужчинъ и женщинъ, съ мѣшками въ рукахъ, прибрела къ городскимъ складамъ риса, они нашли стоящимъ у дверей Сюй-жуна. На одинъ моментъ толпа заколебалась, но голодъ былъ сильнѣе страха: они бросились на разбойника, повалили его на землю и топтали ногами до тѣхъ поръ, пока онъ ни превратился въ безформенный кусокъ мяса. Опасаясь послѣдствій такого поступка и предупреждая мщеніе со стороны клевретовъ убитаго, народъ согласился свалить вину на христіанъ и вскорѣ по всему городу распространилась молва, что въ данномъ преступленіи виноваты христіане. Не изслѣдуя подробностей факта, сектанты Цзиньдань-дао подняли шумъ и начали угрожать смертью христіанамъ. По всѣмъ заборамъ появились расклеенными прокламаціи, приглашавшія народъ къ избіенію христіанъ, а на ряду съ ними развѣшивались раскрашенныя, литографированныя картинки, живописующія то богохульныя воззрѣнія китайцевъ на Христа Спасителя, то дикія обвиненія, возводимыя на европейскихъ миссіонеровъ въ совершаемыхъ ими звѣрствахъ, то, наконецъ, образно представляющія, какъ должно поступать китайцамъ съ христіанами. Встревоженные этимъ броженіемъ миссіонеры почти ежедневно посылали въ ямунь свои просьбы о защитѣ, но мѣстный чжи-сянь, или уѣздный начальникъ, не обращалъ на это никакого вниманія и говорилъ, что имъ не было получено никакихъ донесеній отъ его агентовъ, что все идетъ спокойно и обычнымъ порядкомъ, что бояться нечего, словомъ, въ принятіи какихъ-либо мѣръ и въ помощи христіанамъ было отказано.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда 16-го числа 10-й луны (4-го Ноября 1891 года) яростная толпа устремила на жилища миссіонеровъ въ поселкѣ Сань-цзя-цзы, ворвалась въ ихъ дома, схватила священника изъ китайцевъ Лина, разграбила все, что находилось подъ руками и сожгла церковь, домъ и сиротскій пріютъ, устроенные здѣсь католиками.

Изъ всѣхъ находившихся тамъ мужчинъ, женщинъ и сиротъ не осталось въ живыхъ ни одной души: одни были сожжены въ домахъ, другіе убиты на мѣстѣ, третьи, бѣжавшіе, были настигнуты и умерщвлены на дорогѣ. Далѣе толпа разсыпалась по всѣмъ направленіямъ за новыми жертвами и всюду, гдѣ бы ни были найдены дома христіанъ, жители были избиваемы, собственность подвергалась разграбленію, а жилища разрушаемы или сожигаемы до основанія.

Послѣ этого перваго подвига, въ которомъ нѣсколько сотъ христіанскихъ семей было убито, мятежники двинулись уже въ окружный городъ Пинъ-цюань-чжоу (平泉州). Европейскіе миссіонеры еще ранѣе того, при первомъ появленіи приглашающихъ къ возстанію противъ христіанъ прокламацій и картинъ, обратились за защитой къ окружному пинъ-цюань'скому начальнику, Вэнь-бу-няню; но всѣ просьбы ихъ были напрасны. Двигавшіеся съ сѣвера мятежники не рѣшились однако дѣйствовать сразу и открыто въ окружномъ городѣ, а положили сначала испробовать и подготовить почву. Они отправили своего посланца къ мандарину и доложили ему, что они подняли оружіе не противъ правительства, а просятъ только дозволенія отмстить христіанамъ за совершенныя ими убійства и сожженіе домовъ. вмѣсто того чтобы противодѣйствовать такому требованію, ѳмуньскіе чиновники и солдаты, въ надеждѣ или отличиться, или раздѣлить добычу, не только дозволили толпѣ разыскивать христіанъ, но еще объявили, что со всякимъ, кто укроетъ христіанина, будетъ поступлено также точно какъ и съ христіанами. Самъ Вэнь-бу-нянь, разсчитывая оправдаться передъ начальствомъ, послалъ донесеніе въ Жэ-хэ, къ тамошнему генералъ-губернатору и главнокомандующему китайскихъ войскъ, генералу Ё, въ которомъ докладывалъ, что надвигающіеся съ сѣвера мятежники, въ числѣ 30,000 человекъ, въ десять и болѣе разъ превосходятъ состоящіе въ его распоряженіи правительственныя войска; выступать противъ такой силы онъ считаетъ опаснымъ и мало того, онъ не можетъ чувствовать за собою при такой борьбѣ нравственной справедливости, ибо имъ дѣйствительно были открыты въ погребяхъ мѣстной католической миссіи цѣлыя груды костей китайскихъ дѣтей, сожранныхъ каннибалами европейцами, и масса дѣтскихъ труповъ съ вынутыми глазами и сердцами. Ужаснѣе всего было то, что Вэнь-бу-нянь, отправивъ этотъ докладъ по начальству, тотчасъ же опубликовалъ его во всеобщее свѣдѣніе, развѣсивъ также точно, въ видѣ прокламаціи, по заборамъ. Народное суевѣріе нашло послѣ этого полное подтвержденіе для себя въ объявленіяхъ начальства. Но и этого мало: генералъ Ё, который, говорятъ, и самъ принадлежалъ къ сектѣ Цзинь-дань-дао, получивъ означенное донесеніе, въ свою

очередь издавъ прокламацію противъ христіанъ: клеветѣ повѣрили еще больше и возстаніе вспыхнуло повсюду, будучи направлено теперь уже не исключительно противъ христіанъ, а противъ всѣхъ многоразличныхъ сектъ, враждебныхъ другъ другу ассоціацій и наконецъ противъ монголовъ, а особливо противъ ихъ правителей, которыхъ народъ почиталъ своими главными притѣснителями и виновниками своей бѣдности. Сектанты Цзинь-дань-дао громили приверженцевъ секты Цзай-ли (在禮); эти послѣдніе, отбиваясь отъ нападавшихъ, въ свою очередь преслѣдовали исповѣдниковъ кореннаго ученія даосизма; всѣ они, предводительствуемые классомъ ученыхъ конфуціанцевъ, избивали христіанъ, между тѣмъ какъ простой народъ бросился грабить монголовъ и богатыхъ китайскихъ коммерсантовъ. Вскорѣ къ этимъ чисто религіознымъ и экономическимъ возстаніямъ примкнулъ и мятежъ, имѣвшій исключительно политическія цѣли. Въ одну недѣлю главари соціальныхъ общинъ организовали у себя армію по нѣскольку тысячъ человекъ, понадѣлали себѣ знаменъ и подавали себѣ болѣе или менѣе громкіе титулы. Такъ, вожакъ партіи, дѣйствовавшей на сѣверо-востокѣ отъ Пинь-цюань-чжоу, извѣстный подъ именемъ Чуй, принялъ титулъ императора и, ради приданія себѣ большаго значенія, захватывалъ въ наложницы всѣхъ женъ, убиваемыхъ имъ мандариновъ; сотрудникъ его Вэй-лао-дао (衛老道), славившійся своими познаніями магіи, раздавалъ по своей арміи лекарственныя снадобья, которыя должны были сохранить ее отъ смерти: каждое утро солдаты его глотали магическія пилюли, возбуждавшія въ нихъ необычайную храбрость. На знаменахъ обоихъ этихъ главарей была надпись 興大明滅大清, что значить: «да возвысится великая Минская династія и да падетъ Цинскій домъ»; другое ихъ знамя было съ девизомъ: 榮華富貴在咱門, т. е. «слава, богатства и почести — для насъ». Предводитель мятежной шайки, дѣйствовавшей на западѣ, по имени Дунь-цзѣ, провозгласилъ себя великимъ княземъ съ титуломъ «пинь-си-вана» (平西王), т. е. «князя — умиротворителя запада». Главарь сѣверныхъ шаекъ, безчинствовавшихъ въ окрестностяхъ города У-да-чэна, носилъ титулъ «воинственнаго мудреца, очищающаго сѣверъ». Прочіе предводители меньшихъ и подчиненныхъ шаекъ также точно назвались великими князьями, великими магистрами, могущественными волшебниками и проч.

Производя свои изслѣдованія среди монголовъ, я естественно могъ собрать свѣдѣнія о дѣятельности мятежныхъ шаекъ преимущественно въ монгольскихъ степяхъ и хошунгахъ, хотя первыя движенія ихъ происходили, какъ мы уже видѣли, въ городахъ, и именно въ Цзянь-чань-сянѣ. Отсюда часть инсургентовъ отправилась, какъ уже было сказано, на югъ,

въ Пинъ-цюань-чжоу, а другая уклонилась къ СВ, въ городъ Чао-янъ-сянь (朝陽縣). По дорогѣ шайка эта ежедневно увеличивалась цѣлыми сотнями повстанцевъ, такъ что къ Чао-янъ-сяню подступилъ вооруженный отрядъ не менѣе какъ въ 8,000 человекъ. Городъ былъ взятъ въ какіе нибудь полчаса, а вслѣдъ за симъ тюрьмы были открыты, преступники выпущены и вся ярость бунтовщиковъ обратилась на жителей: имущество послѣднихъ подверглось разграбленію, а сами они были избиты; никакіе запоры и тайники не спасли даже самыя богатые и знатныя семьи и вообще въ этомъ городѣ и уѣздѣ такъ мало народа избѣжало смерти, что изъ десятка семей не было пощажено, говорятъ, и одной. Пространство въ нѣсколько сотъ ли было превращено въ груды развалинъ и залито человѣческой кровью.

Въ предѣлахъ этого уѣзда расположены два монгольскихъ хошунъ, аоханьскій и тумэтскій, и оба они подверглись окончательному опустошенію: большая часть населенія ихъ была избита, остальная разбѣжалась, имущество разграблено и предано пламени. Первымъ, испытавшимъ на себѣ дѣйствіе этого ужаснаго погрома былъ хошунъ аоханьскій. Земли этого хошунъ испещрены горными хребтами и возвышенностями и населеніе его давно уже отказалось отъ обладанія долинами въ пользу китайскихъ хлѣбопашцевъ, ютясь по отлогостямъ горъ и выпасывая свои стада на горныхъ вершинахъ, почти сплошь покрытыхъ густыми лѣсами. Но китайскіе колонисты были недовольны уступкою имъ только долинъ, имъ хотѣлось еще имѣть у себя и лѣса, въ которыхъ они всегда могли находить для себя и прекрасное топливо, и хорошее дерево для построекъ. Постоянные отказы въ этихъ притязаніяхъ монголовъ, создали естественную вражду къ нимъ китайцевъ, которая разрѣшилась въ данномъ случаѣ тѣмъ, что китайцы вошли теперь въ соглашеніе съ одною изъ самыхъ фанатическихъ даоскихъ сектъ, чтобы произвести вмѣстѣ нападеніе на монголовъ. Нѣтъ ничего легче этихъ набѣговъ въ монгольской степи. Кочевники никогда не группируются въ большія общества: пять, много шесть юртъ, или мазанокъ, — вотъ и весь поселокъ. Наскачетъ на него 150, 200 конныхъ разбойниковъ, и въ какіе либо полчаса въ прежде мирномъ хотонѣ все перевернуто вверхъ дномъ, населеніе перерѣзано и шайка мятежниковъ, захвативъ все цѣнное, или останавливается здѣсь для отдыха, или продолжаетъ свой путь дальше, до новаго хотона и новаго грабежа и убійства. Только ставки князей, гдѣ обычно хранятся у монголовъ запасы оружія, и куда въ періодъ возстаній созываются латники, представляютъ нѣкоторое сопротивленіе. Но что это за сопротивленіе? О нападеніи на ставку тумэтскаго вана разказываютъ, напримѣръ, что она была атако-

вана 20-го нашего Ноября 1891 г. шайкою около 1000 человекъ. Монгольскій князь двинулся противъ нападавшихъ съ находившимися подъ его командою 200-ми латниковъ, но, конечно, не могъ ничего сдѣлать. Въ первый день, засѣвъ за каменную ограду своей кумирни, онъ перестрѣливался съ непріятелемъ и въ теченіе дня потерялъ 60 человекъ изъ своего отряда; на слѣдующій день, получивъ нѣкоторое подкрѣпленіе отъ своего хошѹна, онъ снова возобновилъ битву, но былъ уже окончательно разбитъ и весь его отрядъ, за исключеніемъ лишь 30 человекъ знатныхъ монголовъ, былъ перестрѣлянъ. Чѣмъ сильнѣе бывало сопротивленіе, тѣмъ яростнѣе оказывались грабежъ и убійства со стороны мятежниковъ. Ставка аоханьскаго вана защищалась пять дней и неистовства овладѣвшихъ ею инсургентовъ превосходятъ всякое описаніе. Разказываютъ, что, ворвавшись въ ставку, китайцы не только перебили здѣсь всѣхъ мужчинъ, до одного человека, но четвертовали убитыхъ и развѣшивали по кольямъ и деревьямъ части ихъ тѣла. Опыяненные кровью солдаты приказывали женщинамъ убивать овецъ и готовить кушанье, а сами между тѣмъ подбрасывали на пики младенцевъ этихъ женщинъ. Про мятежнаго предводителя сѣверныхъ шаекъ Ли-го-чжэня говорили, что, усѣвшись обѣдать въ домѣ аоханьскаго князя, онъ заставилъ прислуживать себѣ жену одного тайчжя. Женщина была беременна и тѣмъ привлекла къ себѣ вниманіе пировавшихъ. Ли-го чжэнь заспорилъ съ однимъ изъ своихъ собесѣдниковъ, мальчика родить эта женщина, или дѣвочку; ударили о закладъ и тотчасъ же рѣшили его, распоровъ животъ несчастной и вытащивъ изъ ея утробы ребенка. Другую, также беременную женщину они сожгли заживо, обливъ ее предварительно керосиномъ.

Богдоханское правительство въ Пекинѣ, относящееся вообще довольно равнодушно ко всякаго рода антихристіанскимъ и экономическимъ инсurreкціямъ въ своемъ народѣ, получивъ извѣстіе о возстаніи въ провинціи Чанъ-дэ-фу, сдѣлало обычное предписаніе о подавленіи этого возстанія мѣстными гарнизонами, разрѣшивъ главнокомандующему войскъ въ Маньчжуріи, Динъ-аню, и командующему войсками чанъ-дэ-фу'ской провинціи, по нуждѣ, откомапдировывать еще вспомогательные отряды въ тотъ или другой городъ. Спустя нѣкоторое время, Ли-хунъ-чжанъ распорядился послать имъ на помощь еще и отряды своихъ войскъ. Относительно мѣстныхъ гарнизоновъ слѣдуетъ сказать, что въ большинствѣ они составлялись для каждаго уѣзда изъ одного эскадрона плохо вооруженныхъ и еще хуже того обученныхъ маньчжурскихъ, знаменныхъ солдатъ, да изъ полубатальона лу-ин'овъ, или китайскихъ солдатъ зеленого знамени, находившихся еще въ болѣе плачевномъ состояніи. По мѣсту начала возстанія дѣятель-

ность этихъ войскъ открылась прежде всего въ уѣздѣ Цзянь-чанъ-сянь. Созванныя мѣстнымъ начальствомъ войска эти однако же, при первой встрѣчѣ своей съ мятежниками въ деревнѣ Юй-шу-линь, обратились въ бѣгство. Посланы были просьбы о высылкѣ подкрѣпленій изъ главнаго города провинціи, Чанъ-дэ-фу; но для характеристики быстроты движенія этихъ подкрѣпленій мы укажемъ на засвидѣтельствованный официальнымъ документомъ примѣръ, что отрядъ, отправленный изъ Чанъ-дэ-фу въ Пинъ-цюань-чжоу, между которыми разстоянія всего 60 верстъ, прибылъ къ мѣсту своего назначенія только черезъ семь сутокъ въ восьмые. Какъ бы тамъ нибыло однако, подкрѣпленія прибыли и побѣдоносная дѣятельность ихъ по усмирению возстанія выразилась въ слѣдующихъ, отмѣченныхъ уже теперь военными лѣтописями сраженіяхъ.

16-го Ноября, по дорогѣ въ Цзянь-чанъ-сянь, отрядъ правительственныхъ войскъ дошелъ до мѣстности Ва-фанъ-дянь, къ югу отъ города Цзянь-чанъ и натолкнулся здѣсь на шайку инсургентовъ. Въ происшедшемъ сраженіи участвовало до 2000 повстанцевъ. Изъ числа ихъ было убито 900 человекъ, причемъ погибъ одинъ даосъ, читавшій заклинанія надъ мечами. Какъ трофей побѣды, войскамъ досталось три пушки и большое пятицвѣтное знамя инсургентовъ.

18-го Ноября войска дошли до деревни Юй-шу-линь, откуда, какъ мы видѣли уже, бѣжалъ гарнизонъ Цзянь-чанъ-сяня. Теперь войска окружили эту деревню со всѣхъ сторонъ и, послѣ 4 часовъ упорной битвы, истребили всѣхъ находившихся въ ней инсургентовъ, въ количествѣ болѣе 2000 человекъ. Прибывшіе на помощь инсургентамъ изъ окрестныхъ деревень ихъ сообщники также потерпѣли пораженіе, потерявъ болѣе 100 человекъ убитыми; здѣсь пало также нѣсколько ихъ предводителей, самозванный князь и волшебникъ Ли, и 4 другихъ титулованныхъ самозванца.

21-го Ноября правительственныя войска повстрѣчались съ новою шайкою инсургентовъ, численностью болѣе 1000 человекъ, засѣвшею въ мѣстности Ё-бо-шоу, на востокъ отъ Цзянь-чанъ-сяня. Мятежники вступили въ битву подъ предводительствомъ своего верховнаго мага Вэй-лао-дао. Послѣдній выѣхалъ на сраженіе на императорской колесницѣ, пожертвованной еще великимъ Канси въ мѣстную кумирню Гуанъ-ди, для перевоза въ ней идола во время годовыхъ празднествъ. Когда правительственныя войска атаквали мятежниковъ съ фронта, солдаты цзянь-чанъ-сяньскаго гарнизона напали на нихъ съ тыла и такимъ образомъ инсургенты были разбиты: 470 человекъ пало на полѣ битвы, болѣе 100 человекъ было взято въ плѣнъ, самъ Вэй-лао-дао былъ убитъ, а остальные бѣжали по дорогѣ въ Сань-цзя-цзы. Жэ-хэ'скія войска преслѣдовали ихъ

и по дорогѣ перестрѣляли еще около 40 человекъ. Дознано было, что послѣ этой битвы сектанты Цзинь-дань-дао считали въ своихъ рядахъ еще болѣе 10,000 человекъ; но хотя такимъ образомъ и превосходили численностью правительственныя войска, однако вооруженные въ высшей степени плохо и безконечно довѣрлившіе магическимъ силамъ своихъ предводителей, они скоро потерпѣли пораженія и самъ самозванный императоръ ихъ попался въ плѣнъ, а за тѣмъ былъ казненъ маньчжурами.

22-го Ноября правительственныя войска, послѣ отчаяннаго сопротивленія, оказаннаго имъ инсургентами, засѣвшими на мызѣ Мао-цзя-во-пу, нанесли имъ сильное пораженіе, такъ что изъ 2000 слишкомъ человекъ, состоявшихъ изъ конныхъ разбойниковъ и изъ сектантовъ даосовъ, погибло болѣе 1300 человекъ, при чемъ было убито два самозванныхъ великихъ князя и 8 другихъ мятежныхъ предводителей; взято множество ружей, пушекъ и лошадей. Попался въ плѣнъ самозванный великій князь-даосъ, который былъ немедленно преданъ казни.

24-го Ноября, въ деревнѣ Эръ-ши-цзя-цза были захвачены и казнены зачинщики возстанія Ванъ-тинъ-чжао, Сунъ-сѣ-чжи и Лянъ-ло-да.

За симъ, въ періодъ отъ 25 Ноября по 10 Декабря, въ уѣздѣ Цзяньчанъ-сянь было одержано еще нѣсколько побѣдъ. За это время въ кумирнѣ Санъ-гуанъ-мяо былъ захваченъ списокъ даоскихъ сектантовъ, съ разными заклинаніями; взять въ плѣнъ главарь Юй-ганъ съ 8 извѣстными разбойниками, которые были казнены и вся шайка, предводимая даосомъ У-гуанъ-шанъ-омъ была уничтожена. Другой отрядъ, собственно ли-хунъ-чжановскихъ войскъ взялъ въ плѣнъ самозваннаго князя Пинъ-си-вана, который и былъ препровожденъ для допроса и суда въ цзянь-чанъ-сянь-ское уѣздное управленіе.

Главная дѣятельность второго отряда правительственныхъ войскъ, высланнаго изъ Маньчжуріи, сосредоточилась въ Чао-янскомъ уѣздѣ, выдающимися сраженіями, въ которыхъ принималъ участіе этотъ отрядъ, дѣйствуя или самостоятельно, или въ союзѣ съ жэ-хэ-скими войсками, были: а) въ урочищѣ Шанъ-гао-хото, гдѣ изъ 2000 мятежниковъ было убито нѣсколько сотъ; б) въ мѣстности Чжао-сюй-цзы-гоу, гдѣ изъ 600 700 мятежниковъ было убито болѣе 100; в) въ мѣстности Чао-бэй-инъ-цза, гдѣ уронъ инсургентовъ былъ свыше 1000 человекъ; г) въ мѣстности Чжао-шу-гоу, гдѣ былъ захваченъ и казненъ предводитель небольшой шайки, даосъ, Ли-ло, почитавшійся верховнымъ магистромъ ордена, чествовавшаго пять стихій (воду, землю, горы, вѣтеръ и огонь); съ нимъ погибло до 50 человекъ его послѣдователей; д) въ городѣ Хэй-чэнь-цза, лежащемъ верстахъ въ 50 отъ цинъ-хэ-скихъ пограничныхъ воротъ и е) въ урочищѣ

Да-чжуанъ-цза. Въ первомъ изъ этихъ пунктовъ было убито болѣе 1000, а взято въ плѣнъ и казнено свыше 90 человекъ; во второмъ — уничтожена вся шайка, состоявшая изъ 200 человекъ. Одинъ изъ захваченныхъ главарей этой шайки показалъ, что, питая вражду къ монголамъ за воспрепятствование порубки лѣса, онъ присоединился къ шайкѣ даоскаго сектанта Ци-ло-дао и участвовалъ въ разграбленіи и сожженіи резиденціи аоханьскаго князя и въ опустошеніи его владѣній.

Совмѣстная дѣятельность войскъ Ли-хунъ-чжана съ жэ-хэ'скими отрядами имѣла свое мѣсто прежде всего при взятіи главнаго гнѣзда мятежниковъ, — резиденціи аоханьскаго князя (верстахъ въ 50 на СВ отъ города Чи-фынъ-сянь, или Уланъ-хада). Въ первый день здѣсь былъ разбитъ, говорятъ, отрядъ въ 2500 человекъ мятежныхъ войскъ, хотя этимъ сраженіе и не окончилось, ибо верстахъ въ 20 отъ ставки аоханей, въ урочищѣ Ся-чжанъ-гао, были собраны еще сильнѣйшіе отряды инсургентовъ. Предводитель ли-хунъ-чжановскихъ войскъ, Ё-чжи-чжао, предположилъ овладѣть этимъ пунктомъ на другой день послѣ битвы при аоханьской ставкѣ и двинулся къ Ся-чжанъ-гао; но непріятель, не дожидаясь атаки, ринулся впередъ на правительственныя войска. Такимъ образомъ послѣдніе самымъ неожиданнымъ для нихъ образомъ очутились лицомъ къ лицу съ мятежною шайкою, численность которой официально была опредѣлена въ 4000 человекъ. О томъ, сколько шутовства было въ этомъ сраженіи свидѣтельствуетъ также официальный докладъ, будто бы инсургенты, ради «устрашенія противника», выступили въ сраженіе съ лицами, зачерненными сажею, съ намазанными тушью носами, съ наклеенными бородами изъ красныхъ нитокъ, словомъ, казались «истинными демонами, исчадіями ада»; они бросались въ бой не иначе какъ съ заклинаніями на устахъ и постоянно поднимали кверху своихъ жрецовъ, которые простирали свои покровительственныя руки надъ ратью. Жестокая схватка продолжалась цѣлый день. Къ вечеру у правительственныхъ войскъ истощились боевые запасы и имъ не оставалось ничего больше какъ идти на приступъ непріятельскихъ окоповъ. Успѣхъ этого дѣла принудилъ мятежниковъ удалиться въ свое укрѣпленіе въ Ся-чжанъ-гао, съ потерей нѣсколькихъ сотъ человекъ убитыми и ранеными. 18-го Декабря послѣдовала новая попытка ли-хунъ-чжановцевъ овладѣть непріятельскою позиціею и на этотъ разъ она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Послѣ сего 30-го Декабря 1891 г. Ё-чжи-чжао довелъ до свѣдѣнія богдохана о восстановленіи полного спокойствія въ аоханьскомъ аймакѣ, такъ какъ 20-го Декабря ему удалось разбить на Сѣ-ли-ху'скомъ золотомъ приискѣ послѣднюю шайку инсургентовъ и взять въ плѣнъ главнаго ата-

мана мятежниковъ Янь-юэ-чун'я, вмѣстѣ съ его сыномъ, дядею и племянниками. На допросѣ Янь-юэ-чунъ признался, что, явившись въ Монголію изъ Цзянь-нани, онъ основалъ здѣсь свою религіозно-политическую секту даоскаго толка, Цзинь-дань; послѣ чего онъ присвоилъ себѣ титулъ великаго магистра «школы по основанію государства». Для приведенія въ исполненіе своихъ убѣжденій, онъ возмущилъ 4 округа Пинь-цюань, Чао-янь, Цзянь-чанъ и Чи-фынь и за симъ изъ за вражды къ монголамъ, подъ предлогомъ истребленія христіанства, производилъ нападенія грабежи и пожары, въ которыхъ имъ было погублено свыше 10,000 жертвъ.

Этимъ можно сказать и окончилась инсurreкція въ ЮВ. Монголіи. Правда, возбужденное состояніе Чэнь-дэ-фу'ской провинціи продолжалось черезъ весь 1892 и даже первую половину 1893 г.; но это были уже грабежи не инсургентовъ, а обычныхъ жителей: разбойничали и правительственные войска, и лишеныя крова и средствъ къ жизни мѣстные жители, и вновь прибывшіе бродяги. Въ 1892 г. производился главнымъ образомъ судъ надъ виновниками возстанія и прежде всего надъ правителями края. Обвиняемыми уже со стороны правительства оказались: 1) пинь-чуань'скій окружный начальникъ Вэнь-бу-нянь; его судили а) за преувеличенное донесеніе о численности шайки, вступившей въ окружный городъ; б) за непринятіе мѣръ къ предупрежденію погрома храмовъ и убійства христіанъ; в) за ложное донесеніе объ открытіи въ погребахъ католической миссии множества дѣтскихъ труповъ съ вынутыми глазами и сердцами и г) за изданіе смущающей умы населенія прокламаціи. 2) Чао-янь'скій уѣздный начальникъ обвинялся во временной потерѣ города, бездѣятельности и пьянствѣ. 3) Цзянь-чан'скій уѣздный начальникъ судился: а) за непринятіе мѣръ къ предупрежденію погрома миссии въ Сань-ши-цзя-ца и б) допущеніи убійства тамъ христіанъ. Рѣшеніемъ суда было опредѣлено: окружнаго начальника исключить изъ службы, а уѣздныхъ разжаловать въ чинахъ. Нѣтъ нужды говорить, что таковымъ рѣшеніемъ богдоханское правительство само признало активное участіе своихъ чиновниковъ въ возмущеніи народа противъ христіанъ и европейцевъ.

Послѣднимъ актомъ возстанія было то, что въ Маѣ 1892 года, по всеподданѣйшему докладу Ли-хунъ-чжана, было командировано въ Чэнь-дэ-фу'скій округъ два чиновника, по распоряженію которыхъ было зарыто болѣе 20,000 труповъ, не считая погребенныхъ родственниками и съѣденныхъ звѣрями. Израсходовано было на сей предметъ 2000 ланъ серебра (около 4000 р.), пожертвованныхъ Ъ-чжи-чжао.

Я несомнѣваюсь, что вышеизложенное убѣдитъ каждого въ необычайной сложности причинъ, породившихъ китайское возстаніе въ ЮВ. Монголіи 1891 г. Здѣсь вмѣстѣ столкнулись и перемѣшались между собою вопросы религіозные, соціальные, экономическіе, національные и наконецъ, политическіе. Различныя сектанты даосизма, обосновывающіе въ большинствѣ случаевъ и различныя, взаимно борющіяся политическія партіи, являлись всегда самыми заклятыми и непримиримыми врагами между собою; ужасное экономическое положеніе низшихъ классовъ Китая, доводящее эти классы до голодной смерти, разбоевъ и кровавыхъ расправъ съ богатыми коммерсантами, извѣстно каждому; презрѣніе, которое питаютъ китайцы къ монголамъ, одинаково свидѣтельствуется какъ литературою, такъ обычными отношеніями, въ которыхъ китайцы иначе и не зовутъ монголовъ какъ «вонючими»; наконецъ жажда государственнаго переворота съ паденіемъ царствующей маньчжурской династіи всецѣло доказывается почти ежегодными противудинастіиными заговорами то въ той, то въ другой части Китая. Каждая изъ этихъ, отдѣльно взятыхъ и постоянно дѣйствующихъ причинъ сама по себѣ могла бы быть настолько вѣскою, что бы послужить основаніемъ къ возмущенію. И не смотря на то, ближайшимъ поводомъ инсurreкціи явилась ненависть противъ христіанъ и, конечно, неразлучныхъ съ ними европейцевъ. Очевидно, что христіане и европейцы легче всего могутъ возмутить китайцевъ и это съ другой стороны подтверждается чуть ни изъ года въ годъ повторяющимися избіеніями христіанъ и европейцевъ. Думаю, что какъ ближайшіе поводы, такъ и основныя причины этихъ противухристіанскихъ и противоевропейскихъ возстаній лучшее всего можетъ указать намъ исторія.

Первая англійская экспедиція въ Китай, о которой имѣемъ мы болѣе подробныя извѣстія, была отправлена Остъ-Индской компаніей въ 1647 г. Она состояла изъ 4 кораблей подъ командой капитана Веделя. По прибытіи къ устью кантонской рѣки, она бросила якорь и, по требованію мандариновъ, спокойно ожидала обѣщанныхъ ей разрѣшеній открытія торговли. Тѣмъ временемъ форты были вооружены китайцами 46-ю чугунными пушками, каждая вѣсомъ отъ 600 до 700 фунтовъ и въ концѣ 4-го дня они неожиданно открыли огонь по англійскимъ корабельнымъ шлюпкамъ. Англійскій флотъ отвѣчалъ имъ такимъ же огнемъ, двинулся вверхъ по рѣкѣ во внутрь страны, высадилъ свой экипажъ на сушу и занялъ форты. Результатомъ этого было немедленное установленіе хорошихъ отношеній съ китайцами и полученіе требуемыхъ правъ торговли.

Инцидентъ этотъ былъ пророческій. Всѣ дальнѣйшія сношенія европейцевъ можно разсматривать какъ простое повтореніе этой исторіи въ

трехъ главахъ. Глава 1-я—европейцы ведутъ переговоры и ждутъ исполненія данныхъ имъ обѣщаній; глава 2-я — мандарины не только не исполняютъ обѣщаній, но и явно возстаютъ противъ европейцевъ; глава 3-я — европейцы въ гнѣвѣ отвѣчаютъ на это возстаніе пушечными выстрѣлами, за которыми наступаетъ періодъ дружбы и тогда все идетъ съизнова.

Въ теченіе 250 лѣтняго опыта своихъ сношеній съ европейцами китайскіе мандарины не научились еще какому-нибудь другому, лучшему образу дѣйствій. Еще недалеко то время, когда европейцы терпѣли постоянныя оскорбленія отъ китайцевъ. Имъ запрещалось привозить въ Китай своихъ женъ и свои семейства; запрещалось входить въ страну, вступать въ города, учиться языку, имѣть сношенія съ кѣмъ либо помимо официально назначенныхъ для сего людей и проч. и проч. Всячески были они ограничиваемы и стѣсняемы. Какъ лучшее выраженіе мѣръ, принявшихся китайскими мандаринами для отклоненія своего народа отъ всякаго рода связей и сношеній съ европейцами въ ту пору и одинаково практикуемыхъ до настоящихъ дней, можно указать на одно. Еще въ 1754 г. европейцы жаловались, что «правительство богдохана, имѣя въ виду возбудить къ нимъ недоброжелательство черни, ежегодно выставляетъ несправедливыя объявленія, обвиняя европейцевъ въ ужасныхъ преступленіяхъ»¹⁾. Обвиненія въ выкалываніи европейцами глазъ, обезображеніи женщинъ и дѣтей, упорно держащіяся среди китайцевъ до сей поры, обязаны не извращеннымъ слухамъ о дѣятельности медицинскихъ миссій, какъ это предполагалось нѣкоторыми, а существуютъ, несомнѣнно, съ той поры, когда Европѣ не приходилось еще и мечтать о медицинскихъ миссіяхъ въ Китаѣ.

Послѣ такъ называемой опиумной войны 1842 г. и союзныхъ войнъ, закончившихся тьяньцзинскимъ трактатомъ 1858 г., дѣла пошли нѣсколько лучше. Войны эти довольно часто трактуются у насъ какъ насиліе, принятое европейцами съ цѣлью принудить Китай къ допущенію развитія въ немъ торговли и религіи, которыхъ онъ не хотѣлъ и имѣлъ полное право не принимать. Но по крайней мѣрѣ въ отношеніи союзной войны 1858 г. можетъ быть представлена еще и другая сторона спорнаго вопроса. Въ наше время довольно трудно принудить не только какую нибудь націю, а даже отдѣльное лицо къ принятію нежелаемой имъ религіи, или торговли. Добровольный продавецъ долженъ найти равно добровольнаго покупателя, или вовсе не будетъ торговли; добровольный проповѣдникъ долженъ встрѣтить равно добровольнаго слушателя, или вовсе не можетъ

1) См. Davis. The Chinese. Chap. II.

быть прозелитовъ. Что китайцы нація торговая, всегда желавшая и желающая вести дѣло съ иностранцами, это хорошо извѣстно; достаточно доказано также и то, что они склонны уважать христіанство. Но высокомерный и столько же самолюбивый, сколько и консервативный класъ мандариновъ всегда стремился къ тому, чтобы и не допускать, и изгонять всякое иностранное вліяніе на народъ, какъ хорошее, такъ и дурное, причемъ примѣнявшіяся имъ на сей конецъ средства были таковы, что ихъ не могла допустить ни одна независимая держава.

Статья VIII тяньцзинскаго договора есть «великая хартія» христіанъ въ Китаѣ. Она гласитъ: «Христіанская вѣра, исповѣдуемая какъ протестантами, такъ и католиками, запечатлѣваетъ добродѣтель въ практикѣ и учитъ человѣка поступать въ отношеніи другихъ такъ, какъ онъ хотѣлъ бы, чтобы и съ нимъ поступали. Учители этой вѣры и исповѣдывающіе ее будутъ поэтому пользоваться правомъ покровительства китайскихъ властей и никто изъ нихъ, безъ нарушенія закона, не будетъ подвергаться преслѣдованіямъ, или притѣсненіямъ». Далѣе въ статьѣ XI предусмотрѣна привиллегія европейцевъ путешествовать по Китаю съ паспортомъ, для удовольствія, или для торговыхъ цѣлей, во всѣ стороны внутрь страны. Еще далѣе статья XII гласитъ: «Британскіе подданные какъ въ портахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, желая строить и открывать дома, пакгаузы, церкви, госпитали, или кладбища, должны заключать свои условія на землю, или постройки, въ которыхъ они нуждаются, по цѣнамъ, существующимъ въ народѣ». Условіе это, кажется, достаточно для того, чтобы открыть англійскимъ и французскимъ миссіонерамъ возможность не только проживать въ портахъ и другихъ мѣстахъ Китая, но и пользоваться при этомъ нѣкоторыми удобствами. Но вотъ черта, ярко рисующая взаимныя отношенія Европы и Китая. Случилось, что, выговоривъ себѣ указанныя права, британскія власти, въ первое время по заключеніи трактата, не рѣшились толковать этого мѣста какъ права на постоянное жительство во внутреннихъ провинціяхъ Китая. Слухи объ этомъ дошли до китайцевъ и послѣдніе, конечно, тотчасъ же возстали противъ этой статьи. Результатомъ этого было то, что англійскіе миссіонеры до настоящей поры проживаютъ внутри Китая и пользуются здѣсь разнаго рода привиллегіями ссылаясь исключительно на статью французскаго трактата, согласно правилу о наиболѣе покровительствуемой націи.

Въ 1868 г. надлежало открыть пересмотръ тяньцзинскаго трактата. Англійскіе купцы и миссіонеры добивались отъ своего правительства только подтвержденія выговореннаго уже права — жить во внутреннихъ областяхъ Китая. Тогдашніе англійскіе сивовѣды, Sir R. Alcock и Sir

J. Wade высказали однако мнѣніе, что согласиться на это весьма опасно. «Появленіе въ Китаѣ христіанскихъ миссіонеровъ, поддержанныхъ властью и престижемъ ихъ правительствъ», писалъ Sir J. Wade въ Декабрѣ 1868 г., «должно быть для китайцевъ оскорбительно также точно, какъ было бы оскорбительно для насъ самихъ поддержанное иностранными державами вторженіе къ намъ буддизма и конфуціанскихъ ученыхъ»¹⁾. Годомъ позже Sir R. Alcock представлялъ, что «если бы миссіонерамъ было предоставлено жить внѣ портовъ, то для правительства королевы было бы совершенно невозможно оказать имъ дѣйствительную помощь даже въ томъ случаѣ, если бы, помимо всякихъ желаній, оно захотѣло примѣнить силу»²⁾. Мнѣнія эти восторжествовали; но основанная на такихъ космополитическихъ сужденіяхъ и наклонности къ уступкамъ послѣдующая дѣятельность великобританскаго правительства повлекла за собою, можно сказать, безконечныя несчастія. Правительству королевы можно было, конечно, опасаться трудности оказывать миссіонерамъ дѣйствительную помощь внѣ портовъ, но это не должно было служить ему основаніемъ, чтобы положительно отказываться отъ своихъ уже выговоренныхъ правъ въ Китаѣ. Предвидѣть, что миссіонеры не остановятся передъ препятствіями и будутъ двигаться во внутрь Китая, было не трудно, а потому нельзя было и отказываться отъ предоставленія имъ этихъ правъ. Китайцы хорошо знали, что Великобританія могла требовать подтвержденія относительно свободы своихъ движеній внутри страны и, безсомнѣнія, ожидали ея требованій; но разъ замѣтили они въ англичанахъ колебанія и наклонность къ уступкѣ, они ободрились, чтобы требовать еще дальнѣйшихъ уступокъ.

Здѣсь необходимо замѣтить, что центральное правительство богдохана прежде чѣмъ рѣшиться на какое нибудь важное опредѣленіе, всегда требуетъ совѣта своихъ выдающихся провинціальныхъ сановниковъ. Въ пору пересмотра тянь-цзинскаго трактата, оно обратилось съ тою же цѣлью, между прочимъ, къ знаменитому тогда китайскому государственному дѣятелю Цзэнъ-го-фаню. Въ настоящую поѣздку по Китаю мною пріобрѣтено полное собраніе недавно изданныхъ мемуаровъ этого сановника, въ которыхъ находится и отвѣтъ его по сказанному вопросу въ Пекинѣ. Отъ начала до конца онъ проникнутъ ненавистью къ иностранцамъ. «Иностранная торговля», пишетъ Цзэнъ-го-фань, «была допущена только потому, что не могла быть не впущена и дружба съ иностранцами сохранялась только потому, что, по положенію государства, она была менѣе предосудительна,

1) Blue Book, p. 432.

2) Ibid. p. 27.

чѣмъ непріязнь». Далѣе онъ предостерегаетъ правительство, что если бы иностранцамъ были даны какія либо новыя льготы, то онъ и его сотоварищи губернаторы отвергнутъ ихъ и не будутъ принимать никакихъ мѣръ, чтобы сдерживать народное неудовольствіе. Другими словами, — мандаринъ этотъ обѣщалъ центральному правительству прибѣгнуть къ своему излюбленному оружію — покровительствованію насиліямъ черни. Такимъ образомъ со стороны англичанъ, какъ и вообще европейцевъ, мы видимъ опасеніе въ настойчивости требованій; со стороны китайцевъ, напротивъ, полную рѣшимость не только ничего не уступать, а скорѣе отнять уже данныя льготы, лишь бы только явилось для этого сносное оправданіе. Китай всегда былъ и будетъ Китаемъ и не нужно было даже пророковъ, чтобы предсказать результаты такой уступчивости въ будущемъ.

Осенью 1868 г. мистеръ Тэйлоръ, нынѣшній директоръ Китайско-Индійской миссіи, съ нѣсколькими товарищами, спокойно проживалъ въ г. Янь-чжоу, одномъ изъ самыхъ большихъ городовъ провинціи, управлявшейся Цзэнъ-го-фан'емъ. Вдругъ чернь собралась, жестоко избивала ихъ, сожгла ихъ дома, и заставила ихъ бѣжать изъ города. Дознано было, что народъ былъ подвигнутъ на такой поступокъ броженіемъ обычныхъ слуховъ о томъ, что миссіонеры убиваютъ китайскихъ дѣтей съ цѣлью извлечь ихъ глаза и сердца и что ранѣе того мелкіе чиновники собирались на сходки и рѣшили на нихъ изгнаніе европейцевъ. Конечно, вся эта мелкота дѣйствовала не безъ вѣдома мандариновъ и самаго Цзэнъ-го-фана.

Въ слѣдующемъ 1869 г. изъ числа членовъ англійской миссіи былъ убитъ мистеръ Williamson въ мѣстечкѣ, отстоящемъ на 35 миль отъ Тянь-цзина. Не смотря на сдѣланныя англичанами заявленія, убійцы не были ни арестованы, ни наказаны. Потомъ обнаружилось, что въ провинціи Шань-дунъ мелкими чиновниками разныхъ мѣстныхъ учрежденій распространялись среди народа возмутительныя и въ высшей степени богохульныя брошюры съ неизмѣннымъ приглашеніемъ избивать европейцевъ и результаты сего сказались очень скоро. Уже весной 1870 г. чернь многихъ городовъ, отстоящихъ на довольно значительномъ разстояніи одинъ отъ другого, была возбуждена слухами о злодѣянιάхъ европейскихъ миссіонеровъ. Это, были старыя и готовыя исторіи о похищеніи дѣтей, выкалываніи глазъ, оскотленіи и пр. и пр.; не доставало только живаго и осязательнаго доказательства истинности этихъ слуховъ. Какъ вдругъ въ Тянь-цзинѣ, мѣстный начальникъ (Чжи-фу) издаетъ объявленіе, въ которомъ назначается смертная казнь по способу «линь-чи» (разрубаніе на тысячу частей, — самый высшій способъ уголовного наказанія въ Китаѣ) двумъ китайцамъ, обвиненнымъ въ похищеніи дѣтей для европейцевъ. Для народнаго ума не

было послѣ этого никакого сомнѣнія въ абсолютной истинѣ носившихся слуховъ. Былъ мѣсяць Іюнь. На рѣкѣ не было ни одной иностранной лодки. Наступающій взрывъ народной страсти ясно предвидѣлся. Французскій и англійскій консулы дѣлали все зависящее отъ нихъ, чтобы побудить туземное начальство принять надлежащія мѣры, но . . . тщетно!

Гроза разразилась 21 Іюня, и результатомъ ея было избіеніе невинныхъ, половина которыхъ были безпомощныя женщины. Всего здѣсь было 20 иностранныхъ жертвъ: 10 изъ нихъ сестры милосердія; двѣ французскія дамы, одна-русская, за два дня передъ симъ отпраздновавшая 16 лѣтъ своего рожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ свою свадьбу; два русскихъ купца, французскій консулъ съ своимъ секретаремъ и др. Когда слухи объ этомъ ужасномъ событіи достигли Пекина, семь иностранныхъ посланниковъ представили коллективную ноту, требуя немедленнаго производства слѣдствія и суда; но богдоханское правительство отвѣчало, что у него вовсе нѣтъ войскъ, на которыя можно было бы положиться и что оно не можетъ сдерживать буйную чернь Тянь-цзина. Въ результатѣ, живописные вѣера, изображающіе иностранцевъ, безчеловѣчно убиваемыхъ китайцами, свободно продавались по улицамъ и сами мандарины отмахивались ими, проѣзжая по городу въ своихъ палаклинахъ.

Судебное слѣдствіе, благодаря несогласіямъ и различію взглядовъ китайскихъ судей, было ведено по этому дѣлу крайне медленно и только черезъ 4 мѣсяца былъ произнесенъ приговоръ, по которому 20 (очевидно по числу павшихъ европейскихъ жертвъ, — голова за голову) чернорабочихъ были приговорены къ смерти, а, въ возмѣщеніе жизней и имущества, французамъ опредѣлено было уплатить 400,000 ланъ (800,000 р. с.). Но стоитъ только поговорить съ русскими и другими иностранцами, проживавшими въ ту пору въ Тянь-цзинѣ, чтобы узнать, что все это было положительной пародіей суда. По словамъ всѣхъ, главнымъ виновникомъ этого дѣла былъ прежде всего Чунъ-хоу, у котораго была полная возможность предотвратить эту рѣзню. Между тѣмъ генералъ этотъ былъ облеченъ полнѣйшимъ довѣріемъ богдохана и командированъ комиссаромъ во Францію. Главнѣйшимъ вожакомъ возстанія называютъ другого генерала, Чжэнъ-го-шуай'я, который, говорятъ, за три дня до рѣзни прибылъ въ Тянь-цзинъ и руководилъ всѣмъ дѣломъ. Онъ былъ принятъ засимъ въ Пекинѣ на богдоханской аудіенціи и возвратился въ Тянь-цзинъ въ высокой чести. Относительно казненныхъ нельзя было сказать, дѣйствительно ли они были виновниками убійствъ, по крайней мѣрѣ нашъ посланникъ, г. Влангали, несогласился на казнь 4-хъ изъ нихъ, такъ какъ не былъ увѣренъ въ ихъ соучастіи въ преступленіи. Говорятъ, что правительство

уплатило большія деньги семьямъ этихъ казненныхъ и похоронило ихъ съ почестями.

Я остановился болѣе подробно на этихъ событіяхъ возстанія 69-го и 70-го гг. по той причинѣ, что всѣ послѣдующія противохристіанскія инсургенціи въ Китаѣ являются точною копіею его, а съ другой стороны мы имѣемъ самыя подробныя описанія этой эпохи во многихъ англійскихъ и французскихъ сочиненіяхъ. «Middle Kingdom» — Williams'a, «Tientsin Massacre» — Thin'a, «Chinese Recorder», Introduction to Translation of «Death Blow», «Report to English Presbyterian Mission» заключаютъ въ себѣ богатѣйшія данныя по этому вопросу и не могутъ быть не признаваемы заслуживающими полного довѣрія. И всѣ эти сочиненія прямо говорятъ намъ, что дѣйствительные виновники тяньцзинскаго кровопролитія никогда не были наказаны, такъ какъ это были люди, которые сами диктовали богдоханскую политику въ отношеніи къ иностранцамъ и что причина повсемѣстности въ Китаѣ противохристіанскихъ смуть та, что ихъ желаютъ сами правители. Дѣйствительно, при всякой другой гипотезѣ, будетъ довольно трудно истолковать какъ событія того времени, такъ равно и послѣдующихъ возстаній, вплоть до послѣдняго.

Четыре мѣсяца спустя послѣ казни 16 тяньцзинскихъ повстанцевъ, когда вызванные рѣзней тревога и напряженіе нѣсколько поулеглись, министры богдохана Вань-сянь и Шань-гуй-фань сообщили иностраннымъ посланникамъ знаменитыя «восемь статей» по миссіонерскому вопросу. Европейцы, кажется, значительно забыли уже объ этомъ важномъ документѣ, но онъ твердо хранится въ памяти китайскихъ мандариновъ и послѣ каждого изъ послѣдующихъ возстаній они неукоснительно и аккуратно предлагали что нибудь изъ своихъ пресловутыхъ «восемь статей». Эти «восемь статей» съ перваго взгляда на нихъ являются даже какъ будто предложенными о интересахъ миссіонеровъ и туземныхъ христіанъ, представляя собою, какъ говорятъ, вѣрнѣйшее средство для предупрежденія противохристіанскихъ возстаній. Но стоитъ только вдуматься въ ихъ содержаніе, чтобы сказать что при помощи ихъ желанная цѣль будетъ достигнута именно потому, что выполнение ихъ должно было бы закрыть всѣ миссіонерскія учрежденія, извратить самое христіанское ученіе, уничтожить всякую проповѣдь, предотвратить присоединеніе новообращающихся и передать старообращенныхъ въ безусловную власть язычниковъ. Самое краткое разсмотрѣніе съ очевидностью докажетъ намъ это.

Ст. I требовала упраздненія содержимыхъ миссіонерами дѣтскихъ приютовъ. Это требованіе съ тѣхъ поръ возобновляется постоянно, такъ какъ учрежденіе приютовъ выставляется главнѣйшей причиною вражды

народа. Существует убѣжденіе, что всѣ жестокости, совершаемыя европейцами, происходят именно въ этихъ пріютахъ. Представляется однако несомнѣннымъ, что если бы, въ угоду язычеству толпѣ, эти пріюты закрылись, то проповѣдники христіанской любви лишились бы минимум $\frac{3}{4}$ своей просвѣтительной дѣятельности. Тысячи дѣтей обрекаются китайцами на жертву нечестія и смерти, гибнутъ въ порокѣ и умираютъ съ голоду отъ недостатка; но европейцы подбираютъ этихъ дѣтей и они находятъ себѣ жизнь въ миссіонерскихъ пріютахъ. Китайскіе чиновники знаютъ до послѣднихъ мелочей все, что происходитъ въ этихъ пріютахъ не только черезъ распросы прислуживающихъ въ помѣщеніяхъ ихъ туземцевъ, но и потому двери этихъ учрежденій ежедневно открыты для осмотра каждому. Въ періодъ возстаній нападенія дѣйствительно всегда дѣлаются прежде всего на пріюты; но это потому что подозрѣнія и страсти черни легче всего можно возбудить означеннымъ учрежденіемъ. Языческій умъ просто не можетъ вѣрить въ христіанскую идею и чистоту намѣреній иностранцевъ, заботящихся о воспитаніи чужихъ дѣтей и подозрѣваетъ здѣсь какой нибудь дальнѣйшій злой умыселъ. Мыслимо ли однако со стороны христіанина потворствовать этому окаменѣнію сердець и отказываться отъ своего дѣла тамъ, гдѣ по преимуществу должна быть памятуема имъ заповѣдь апостола «настой благовременне и безвременне»?

Ст. II требовала, чтобы женщинамъ не дозволялось входить въ церковь, равно какъ посѣщать миссіонерскія собранія для выслушванія наставленій въ религіи. Нѣтъ нужды говорить, что удовлетвореніе этой статьи исказило бы самое христіанство, ограничивая «избраніе» однимъ мужескимъ поломъ.

Ст. III требовала, чтобы миссіонеры сообразовались съ законами и обычаями Китая, подчинялись китайскимъ властямъ и не дозволяли себѣ говорить противъ доктринъ Конфуція. — Миссіонеръ такимъ образомъ отдавался въ руки китайскихъ мандариновъ и лишался бы всякой дѣятельности, потому что каждый его поступокъ былъ бы нарушеніемъ обычаевъ Китая и каждое его слово могло было бы быть истолковано какъ порицаніе доктринъ Конфуція.

Ст. IV требовала, чтобы европейскіе чиновники и миссіонеры, такъ какъ возмущенія совершаются въ дѣйствительности людьми самаго низшаго класса, не предъявляли бы своихъ притязаній и обвиненій противъ сословія «ученыхъ» и не требовали бы широкихъ удовлетвореній за убытки, понесенные отъ сожженія домовъ, разграбленія имуществъ и пр. Вознагражденія предлагалось выдавать только въ размѣрѣ конфискаціи имущества дѣйствительныхъ виновниковъ. — Это, конечно, было съ одной

стороны предупредительной мѣрой къ тому, чтобы возстанія обходились Китаю по возможности дешевле, а съ другой — оно должно было послѣдовательно содѣйствовать паденію самыхъ миссіонерскихъ учреждений, которыя теперь обезпечены для своего возобновленія на средства контрибуціи.

Ст. V относилась до паспортовъ и предусматривала, что они не должны быть выдаваемы въ такія мѣстности, гдѣ китайскіе сановники могли предвидѣть какую либо опасность со стороны мятежниковъ. Нечего говорить, что таковымъ опаснымъ мѣстомъ долженъ былъ явиться весь Китай.

Ст. VI требовала, чтобы обо всякомъ китайцѣ, прежде чѣмъ будетъ совершено его обращеніе, было произведено слѣдствіе, не совершилъ ли онъ какихъ преступленій. Предполагалось, что ежемѣсячно, или по крайней мѣрѣ разъ въ три мѣсяца, китайскія власти будутъ поставляемы миссіонерами въ извѣстность о числѣ обращенныхъ и съ своей стороны посѣщать миссіи съ цѣлью инспектированія ихъ. Очевидно, этою статьею миссіи и прозелиты становились въ полное подчиненіе мандариновъ и, конечно, не многіе изъ туземцевъ имѣли бы мужество, при всемъ желаніи сдѣлаться христіанами, стать лицомъ къ лицу передъ чиновниками, подвергаться слѣдствіямъ и т. д.

Ст. VII требовала, чтобы миссіонеры при посѣщеніяхъ мандариновъ соблюдали тѣже самыя церемоніи, какія выполняетъ сословіе «ученыхъ». Это значило, что миссіонеръ долженъ былъ исполнять всѣ китайскія церемоніи въ отношеніи къ чиновникамъ низшихъ классовъ и даже отвѣшивать передъ высшими «кэ-тоу», т. е. земные поклоны, колѣнопреклоненія и прочіе обычаи Востока.

Ст. VIII выставляла положенія при покупкѣ миссіонерами куска земли, или дома. Требовалось, чтобы предварительнаго заключенія какихъ либо условій, миссіонеръ, вмѣстѣ съ собственникомъ, дѣлали заявленія начальству. Послѣднее прежде всего обязано было изслѣдовать, не представляется ли какого либо препятствія къ перемѣнѣ владѣльца земельного участка со стороны «фынь-шуй» (геомантическихъ силъ природы); если бы вся совокупность различныхъ чародѣйственныхъ примѣтъ оказалась въ пользу миссіонера, то можно было бы приступать ко второму подготовительному акту для совершенія сдѣлки, по которому требовалось получить засвидѣтельствованное общимъ приговоромъ согласіе мѣстныхъ жителей; по полученіи этого приговора земля могла быть объявлена принадлежащею китайскимъ христіанамъ, при чемъ, при заключеніи контракта, нельзя было выставлять другого имени, кромѣ имени дѣйствительнаго покупателя. Здѣсь столько выдумокъ для прегражденія миссіонерамъ возможности со-

вершить покупку, или заключить арендную сдѣлку, что акты эти дѣлаются для нихъ просто невысказанными. Требовать, чтобы собственникъ передъ заключеніемъ условій являлся къ мандарину, значило желать, чтобы $\frac{9}{10}$ собственниковъ прямо отказались отъ всякихъ переговоровъ, тогда какъ послѣдняго, десятого можно было отпугнуть. Засимъ, что могло бы контролировать роковое изслѣдованіе вліяній геомантическихъ силъ? Какимъ образомъ получить согласіе *всѣхъ мѣстныхъ* жителей? Наконецъ миссіонеры, очевидно, могли покупать землю только на имя «*китайскихъ христіанъ*»; продавцу же абсолютно запрещалось переводить свою собственность на чье либо имя, кромѣ дѣйствительнаго покупателя, т. е. миссіонера.

Таковы были знаменательныя «восемь статей». Многіе смотрѣли на нихъ какъ на выраженіе доброжелательства китайскаго правительства и на стремленіе его, путемъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій, упрочить благосостояніе миссій; но при поставленномъ мною комментарий я думаю согласится всякій, что едва ли когда китайская дипломатія представляла европейцамъ болѣе лицемѣрный, и униженный документъ. Статьи эти не были приняты европейскими державами и все пошло своимъ чередомъ; только терпѣливые, настойчивые и неизмѣнные мандарины хорошо помнятъ ихъ и при всякомъ благопріятномъ случаѣ стараются провести ихъ въ дѣйствительную жизнь.

Съ тѣхъ поръ мелкія возстанія противъ европейцевъ и христіанъ случались изъ года въ годъ то въ той, то въ другой мѣстности; болѣе же сильное возмущеніе было въ Кантонѣ, осенью 1884 г., въ періодъ войны съ Франціею. На нашъ взглядъ, въ эту эпоху международной войны и нужно было, конечно, ожидать взрыва негодованія противъ европейцевъ со стороны всего Китая. Было однако какъ разъ наоборотъ. Во всемъ Китаѣ и за все время войны народъ оставался апатичнымъ и индифферентнымъ за исключеніемъ только тѣхъ мѣстъ, гдѣ чиновники постарались возбудить его. Нужно сказать, что въ Кантонѣ все было спокойно, пока туда ни былъ посланъ чрезвычайный комиссаръ Пэнъ-юй-линь, знаменитый авторъ противохристіанскихъ и противоевропейскихъ брошюръ. По прибытіи его сразу понеслись слухи, что христіанство должно быть изгнано. Самъ Пэнъ-юй-линь издалъ неистовую прокламацію, въ которой объявлялъ, что Китай не отвѣтствененъ за разрушеніе народомъ домовъ, принадлежащихъ европейцамъ. Это было истолковано чернью какъ разрѣшеніе грабить и уничтожать все европейское. Въ нѣсколько недѣль было разрушено 18 протестантскихъ храмовъ и стерты съ лица земли католическіе костелы и пріюты. Туземные христіане подвергались нападеніямъ, насиліямъ, гра-

бежамъ и смерти. Въ добавокъ къ этому Пэнъ-юй-линь представилъ докладъ богдохану, въ которомъ требовалъ повелѣнія, чтобы китайскіе христіане, имѣли на своихъ домахъ доски, съ надписью «христіанинъ», носили бы особые костюмы и проч. Конечно, въ Пекинѣ все это было отвергнуто; но кому же неизвѣстно теперь, что правительство богдохана давно уже начало издавать двойныя инструкціи для своихъ чиновъ. Однѣ изъ нихъ, сокращенно появляющіяся въ газетахъ, предназначаются для всеобщаго свѣдѣнія и въ томъ числѣ для иностранцевъ, другія, — полныя и отличающіяся отъ первыхъ въ своихъ выраженіяхъ, — представляютъ собою настоящую политику китайскаго двора. Обо всемъ этомъ мы имѣемъ самое обстоятельное изслѣдованіе, изданное шанъ-хайской и хань-коу'ской комиссіями евангелическаго союза (см. Memorandum on Persecutions in China. 1885), и отсюда намъ дѣлается несомнѣннымъ, что дѣятельность провинціальныхъ сановниковъ всегда находитъ себѣ оправданіе въ пекинскихъ распоряженіяхъ. Не безъ воли Пекина издаются такимъ образомъ всѣ тѣ прокламаціи, которыми возмущаютъ противъ европейцевъ китайскій народъ его страшное и всесильное чиновничество. Я называю его всеильнымъ потому, что дѣйствительно отъ его воли зависитъ какъ поднять народъ противъ европейцевъ, такъ и укротить его страсти. Китайское правительство давно уже стало увѣрять насъ, что власть его безсильна надъ неукротимымъ народомъ; но, если основные виновники возстаній остаются ненаказанными, если правительственная войска не получаютъ даже выговоровъ за свои грабежи, то не будетъ ли вѣрнѣе предположить, что они вовсе и не нарушаютъ никакихъ приказаній, когда производятъ смуты и грабежи христіанъ? Какъ доказательство, я приведу при этомъ обратный фактъ, изъ котораго явствуетъ, что эти неукротимые дѣлались совершенно послушными, когда на то была воля ихъ начальства. Вотъ, что разказываетъ одинъ изъ англійскихъ изслѣдователей Китая, проживавшій въ городѣ У-чанъ-фу въ 1890-мъ году.

«Я никогда не вѣрилъ, чтобы возмущенія были официальнымъ движеніемъ до тѣхъ поръ, пока самъ ни увидалъ, какъ они были усмирены въ У-чанъ-фу. Сперва городъ былъ наводненъ массою прокламацій, брошуръ и слуховъ, направленныхъ противъ европейцевъ. Народъ былъ сильно возбужденъ этимъ и толпы черни собирались и забрасывали камнями католическій дѣтскій пріютъ, а начальство говорило, что оно не можетъ отвратить этого. Вслѣдъ за сямъ была вывѣшена увѣщавающая народъ прокламація, составленная генералъ-губернаторомъ и губернаторами; но народъ сорвалъ ее. Потомъ въ городъ были введены солдаты и къ миссіонерскимъ зданіямъ приставлены сильные караулы; но это только

ухудшало дѣло. Послѣ сего получился богдоханскій указъ; но онъ также былъ сорванъ. Такъ прошли мѣсяцы. Генераль-губернаторъ много разъ посылалъ миссіонерамъ свой совѣтъ — выѣхать, такъ какъ защищать ихъ онъ не видѣлъ никакой возможности. Мы всѣ чувствовали, что живемъ у кратера вулкана и много безсонныхъ ночей было проведено мною въ ожиданіи того возстанія, о которомъ насъ предупреждали. Но какъ разъ въ ту пору, когда казалось, что на другой день уже будетъ невозможно противустоять взрыву, произошла большая перемѣна. Утромъ, выходя изъ своего дома, я понялъ, что что-то случилось: народъ снова выглядѣлъ веселымъ и благорасположеннымъ, даже собаки казались какъ будто дружественнѣе. Вскорѣ я узналъ, что вчера, послѣ полудня, британскій консулъ и командиръ только что прибывшаго парохода *Atcher*, сдѣлали визитъ генераль-губернатору и сказали ему напрямикъ, что поджегъ перваго изъ миссіонерскихъ зданій послужить сигналомъ для немедленнаго же воздѣйствія со стороны военнаго судна, пришедшаго въ У-чанъ-фу. Мандаринъ, говорятъ, сначала обнаружилъ недовѣріе и намекнулъ, что такой поступокъ противорѣчилъ бы международному праву; но былъ счастливо убѣжденъ, что съ нимъ не шутятъ. Вслѣдъ за симъ онъ созвалъ своихъ подчиненныхъ, выдалъ имъ новыя инструкціи и все измѣнилось въ одну ночь. Нужно ли большее доказательство для того, что все это движеніе неизмѣнно совершалось подъ официальнымъ контролемъ? ¹⁾

Въ послѣднемъ, наблюдавшемся мною въ Монголіи возстаніи 1891—1892 годовъ отъ начала до конца повторялось тоже самое. Народъ былъ возбужденъ противухристіанскими и противуиностранными брошюрами и прокламаціями. Окончательный взрывъ этого возбужденія послѣдовалъ въ силу официально обнародованной клеветы на европейцевъ и во многихъ пунктахъ возстаніе это было усмирено также однимъ приказомъ.

Спрашивается теперь, на чемъ же основывается и чѣмъ поддерживается эта ненависть къ христіанамъ и иностранцамъ замѣчаемая особливо въ высшихъ, ученыхъ и правящихъ классахъ?

Китайскій народъ и его правительство имѣютъ у себя исконныя завѣты, изложенные въ сочиненіи: «Шэнъ-юй-гуанъ-сюнь», или «Священныя наставленія». Они называются «священными», потому что написаны двумя канонизированными императорами настоящей династіи. Въ 1670 году императоръ Канси издалъ свои наставительныя изреченія, раздѣлявшіяся на 16 отдѣленій, по 7 словъ въ каждомъ. Въ 1724 году сынъ его, Юнь-чжэнъ, въ развитіе этихъ изреченій, составилъ 16 особыхъ поученій. Эти

1) The cause of the Riots in the Yangtse valley. — Hankow. 1891, p. 24.

Основной разсадникъ противухристіанской литературы представляетъ собою провинція Ху-нань. Изъ этого центра она расходится по всѣмъ направленіямъ въ формѣ афишъ, пасквилей, каррикатуръ, брошуръ и книгъ различныхъ размѣровъ. Издаются эти брошюры, въ виду назначенія ихъ удовлетворять всякаго рода вкусамъ, въ самыхъ различныхъ стиляхъ: въ учено-классическомъ и элегантно-фельетонномъ, въ стихахъ и въ прозѣ, съ иллюстраціями и безъ оныхъ; но, какова бы ни была ихъ форма, или стиль, содержаніе ихъ всегда одного и того же возмутительнаго и богохульнаго характера. Впрочемъ, Ху-нань далеко не единственное мѣсто для изданія этого рода произведеній: перепечатка наиболѣе популярныхъ противухристіанскихъ и антиевропейскихъ брошуръ часто производится въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, а расходятся эти брошюры такъ далеко, что даже въ Чэнъ-дэ-фу, этой уже застѣнной провинціи Китая, которую будетъ вѣрнѣе называть южной Монголіей, мнѣ приходилось встрѣчать и приобрѣтать эти возмутительныя брошюры.

Изданіе и распространеніе этихъ противуиностранныхъ брошуръ совершается не ради наживы, равно какъ и не является въ отвѣтъ на какой-либо народный запросъ. Оно предпринимается обыкновенно нѣкоторыми отдѣльными личностями и ассоціациями, которыя содержатъ у себя и особыхъ агентовъ, чтобы раздавать эти книжки въ народѣ, или расклеивать ихъ по уличнымъ заборамъ. Это влечетъ за собою широкую затрату капиталовъ, которая покрывается добровольными приношеніями заинтересованныхъ въ дѣлѣ служебныхъ лицъ и средняго, особливо торговаго класса общества.

Невыразимо больно и трудно передавать мнѣ содержаніе этой литературы, брошуръ и картинъ. Въ нихъ столько богохульства, злобы, оскорбленій и самаго непрогляднаго невѣжества, что изложить все это почти невозможно. Извѣстно, что древніе римляне изображали Христа Спасителя въ видѣ распятаго на крестѣ осла; китайцы пошли еще дальше и изображаютъ его въ видѣ стоящаго, или также распятаго на крестѣ борова. Основаніемъ къ происхожденію этого изображенія послужило слѣдующее. Терминъ, принятый католиками для выраженія понятія «Богъ» — тянь-чжу (主 天), буквально «небесный Господь»; онъ же употребляется и при имени Господа нашего Иисуса Христа. Въ ху-нань'скихъ изданіяхъ, іероглифъ, «чжу» (主) — «Господь» замѣненъ произносимымъ совершенно съ тою же интонаціей, іероглифомъ «чжу» (猪) — «свинья» и такимъ образомъ вмѣсто «тянь-чжу» (天主) — «небесный Господь», является «тянь-чжу» (天猪) — «небесная свинья». Потому же примѣру европейцы изображаются въ этихъ каррикатурахъ подъ видомъ барановъ и козловъ.

Въ обычной рѣчи китайцы зовутъ ихъ «янъ-жэнь» (洋人), т. е. «заморскіе люди». Въ противуевропейскихъ изданіяхъ «янъ» (洋) — «море» замѣнено словомъ «янъ» (羊) — «баранъ». Какъ иностранцы европейцы называются — баранами, какъ христіане — свиньями. Помимо сего они называются еще «лу-мао» — «зеленая шляпа»; послѣдняя служитъ въ Китаѣ символомъ рогоносца и назвать человѣка въ Китаѣ зеленой шляпой значитъ нанести ему величайшее оскорбленіе. По этой то причинѣ на иностранцахъ въ китайскихъ карриатурахъ всегда бываютъ надѣты зеленныя шляпы и съ тою же цѣлью всѣ слова, относящіяся къ иностранцамъ, христіанству и христіанскимъ прозелитамъ, печатаются въ текстахъ антихристіанскихъ изданій зеленою краскою. Наконецъ, такимъ же постояннымъ названіемъ для европейцевъ служитъ «чертъ» («гуй-цза»), тогда какъ прозелиты изъ китайцевъ называются «умершими чертями», ибо на нихъ смотрятъ уже какъ на умершихъ. И въ такомъ родѣ идетъ вся терминологія, относящаяся до христіанства и христіанъ; о дѣяніяхъ, приписываемыхъ европейцамъ, наконецъ о китайскихъ взглядахъ и сужденіяхъ относительно этихъ дѣяній и говорить нечего: они должны поразить каждого своимъ богохульствомъ и безуміемъ до глубины сердца.

Мы не можемъ сказать, чтобы китайскія власти имѣли бы ошибочное понятіе о результатахъ сѣянія такого сѣмени въ своемъ народѣ. Министры Цзунъ-ли-ямуна, представляя всеподданнѣйшій докладъ о возмущеніяхъ въ долину р. Янъ-цзы, прямо говорятъ: «Ближайшая причина возмущеній — анонимные пасквили: они расклеиваются по городскимъ стѣнамъ съ тѣмъ, чтобы, введя въ заблужденіе народныя умы, найти удобный случай къ производству возстанія». Тѣ же признанія мы находимъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Лю-цзинъ-тан'а, генераль-губернатора провинцій Цзянь-су, Аньхой и Цзянь-си, обнародованномъ въ пекинской газетѣ отъ 23-го сентября 1891 г.; — Чжанъ-чжи-дуна, генераль-губернатора провинцій Ху-бэй и Ху-нань, напечатанномъ также въ номерѣ отъ 9-го октября 1891 г.; наконецъ, въ самомъ богдоханскомъ указѣ отъ 13-го іюня 1891 г. Послѣ такихъ завѣреній самаго китайскаго правительства мы, конечно, не усумнимся во 1-хъ признать эту литературу главною причиною возмущеній, а во 2-хъ естественно будемъ ожидать отъ мандариновъ стремленія положить предѣлъ развитію этой литературы. На дѣлѣ является совсѣмъ иное: ни одинъ мандаринъ и никогда не предпринималъ чего-либо въ этомъ родѣ и такое отношеніе составляетъ знаменательную черту всего этого экстраординарнаго дѣла. На чемъ же обосновывается такая холодность? Прямымъ отвѣтомъ на это является слѣдующій фактъ. Въ іюнѣ 1891 г. въ Хань-коу, по требованію европейцевъ, была арестована толпа проле-

таріевъ, раздававшихъ противухристіанскія книги и пасквили; на судѣ обнаружилось, что составителемъ и издателемъ этихъ брошюръ былъ Чжоу-хань, губернаторъ провинціи Ху-нань; арестованные, конечно, были тотчасъ же отпущены.

Но если подобный арестъ былъ совершенъ только по требованію европейцевъ, то нечего и говорить о возможности преслѣдованія китайцами противуиностранный литературы въ мѣстахъ, недоступныхъ для европейскаго проживанія. Тамъ, говорятъ, противуиностранные пасквили расклеиваются повсюду даже рядомъ съ богодоханскими указами, которыми они запрещаются и мѣстные власти проходятъ мимо нихъ какъ будто съ закрытыми глазами. И это не удивительно, ибо, въ существѣ дѣла, авторы богохульныхъ и непристойныхъ ху-наньскихъ пасквилей дѣлаютъ очень немного больше того, что опубликовано во всеобщее свѣдѣніе подъ заглавіемъ трудовъ Цзэнъ-го-фаня, Цзо-цзунъ-тана, Чжанъ-чжи-дуна, Лихунъ-чжана, Пэнъ-юй-лин'я и другихъ высокопоставленныхъ правителей имперіи богодохана. Каждое изъ этихъ изданій представляетъ собою труды въ объемѣ отъ 3-хъ до 10 томовъ и заключаетъ въ себѣ донесенія, воззванія и всеподданнѣйшіе доклады, составившіеся этими сановниками въ разное время. Ихъ можно находить въ каждой книжной лавкѣ и въ каждой публичной и частной библіотекѣ, а потому и каждый можетъ читать въ нихъ обвиненія противъ иностранцевъ въ томъ, что они-де выкалываютъ глаза, вынимаютъ мозги и сердца, обезображиваютъ женщинъ и дѣтей, и проч., словомъ, все то, что описывается въ ху-наньскихъ пасквиляхъ. Мало того, въ 1880-хъ годахъ появилось сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Хуанъ-чао-цзинъ-ши-вэнь» (皇朝經世文) или «Сборникъ официальныхъ документовъ на всѣ государственные вопросы». Здѣсь объ отношеніяхъ европейскихъ миссіонеровъ къ китайскимъ прозелитамъ разказывается слѣдующее: «Когда священникъ обращаетъ прозелита, о послѣднемъ говорятъ, что онъ пріобщается религіи. Когда прозелитъ умираетъ, священникъ посылаетъ кого-нибудь завернуть тѣло въ саванъ. Посланный выгоняетъ родственниковъ покойнаго, запирается и обвертываетъ покойника, причемъ двумя кусочками пластыря закрываетъ глаза трупа. Говорятъ, что все это не болѣе, какъ маска для выкалыванія глазъ умершаго, которые потомъ употребляются при очисткѣ серебра. Глаза выкалываются не только у мертвыхъ, но и у живыхъ». Спрашивается, не равносильнъ ли этотъ официальный документъ, той подпольной литературѣ, которая возводитъ на европейцевъ тѣ же самыя обвиненія, только выражаетъ ихъ въ болѣе грубой формѣ? Въ сочиненіи «Гуй-цзяо-гай-сы» объ этомъ говорится, наиримѣръ, такъ: «Чертова отродье владѣетъ черной магіей, при

посредствѣ которой оно извлекаетъ плодъ, производить оскопленіе, выкалываетъ глаза и вынимаетъ мозги. Предметы эти продаются засимъ чертовымъ торговцамъ и частію употребляются фотографами для химическихъ цѣлей, а частію примѣшиваются къ свинцу для извлеченія изъ онаго серебра. Изъ 100 фунтовъ китайскаго свинца они получаютъ 8 фунтовъ серебра; но единственный способъ для сего—смѣшеніе свинца съ глазами китайцевъ. Глаза европейцевъ для этой цѣли негодны, а потому они и не выкалываютъ глазъ у своего народа. Никому изъ обращенныхъ этотъ методъ полученія серебра неизвѣстенъ».

Если все вышеизложенное не доказываетъ еще единенія китайскихъ правителей съ иностранной пропагандой, то мы не знаемъ, какія еще нужны для сего доказательства?

Я не сомнѣваюсь, что, прочитавъ этотъ разказъ, каждый вмѣстѣ со мною придетъ къ убѣжденію, что эти оскорбленія Богу и человѣчеству должны быть прекращены. Забывъ всякую національную, государственную и религіозную рознь, европейцы, во имя единого исповѣдуемаго ими Христа, должны объединиться и совокупными силами потребовать отъ Китая полнаго истребленія этого рода литературы.

2-е Мая. Воскресенье.

6 ч. $+4^{\circ}$; 9 ч. $+9^{\circ}$; 12 ч. $+12\frac{1}{2}^{\circ}$; 3 ч. $+14\frac{1}{2}^{\circ}$; 6 ч. $+8^{\circ}$;
9 ч. $+6^{\circ}$.

Въ теченіе трехъ предшествовавшихъ дней мы сдѣлали тотъ же путь, по той же тропѣ и съ тѣми же остановками, которые были выполнены нами 14, 15, 16 и 17 Апрѣля, съ тою лишь разницею, что 29-го Апрѣля мы сразу проѣхали пространство двухдневной ѣзды и ночевали въ Го-цзя-тунѣ; 30-го Апрѣля ночевали въ Гуань-ди, а 1-го Мая добрались до Гоу-мынь-ца. Температура за это время была такая:

29-го Апрѣля 6 ч. $+7^{\circ}$; 9 ч. $+21^{\circ}$; 12 ч. $+23^{\circ}$; 3 ч. $+23^{\circ}$;
6 ч. $+18^{\circ}$; 9 ч. $+14\frac{1}{2}^{\circ}$.

30-го Апрѣля 6 ч. $+10^{\circ}$; 9 ч. $+18^{\circ}$; 12 ч. $+22^{\circ}$; 3 ч. $+22^{\circ}$;
6 ч. $+18^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$.

1-го Мая 6 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+13\frac{1}{2}^{\circ}$; 12 ч. $+8\frac{1}{2}^{\circ}$; 3 ч. $+8^{\circ}$;
6 ч. $+10^{\circ}$; 9 ч. $+7^{\circ}$.

Сегодня мы выѣхали изъ Гоу-мынь-ца въ 6 час. 5 м. утра и, вмѣсто прежняго направленія на западъ, или даже нѣсколько къ ЮЗ, поѣхали на СЗ, къ Долбнъ-нүру. Почти у самого поселка мы вступили въ горную

падъ, имѣющую тоже СЗ направленіе и начали по ней подниматься въ гору. Падъ эта имѣетъ ширины не свыше 100 саженой и настолько камениста, что разработка здѣшнихъ пространствъ буквально невозможна; къ счастью камень, покрывающій почву толстымъ слоемъ, очень дробный, а потому дорога можетъ быть названа даже довольно удобной. Только черезъ часъ ѣзды, добравшись до одиноко стоящаго постоялаго двора, Хэ-нань-дянь, мы увидали здѣсь узенькіе клочки земли, распаханые по склонамъ горъ. Продолжая подниматься далѣе, въ 7 час. 35 мин. достигли мѣста, гдѣ скрывается подъ землею текущій съ вершины горы ручей. Выше онъ оказался сплошь покрытымъ льдомъ и снѣгомъ. Въ 7 час. 55 мин. повстрѣчали деревеньку Ца-пынь, состоящую изъ 4 постоянныхъ дворовъ: домики китайцевъ были кругомъ обсажены деревьями, но послѣдніе здѣсь еще незелѣли не только листвою, а даже и своими почками. Черезъ полчаса ѣзды отсюда мы подѣхали къ подножію крутого перевала, гдѣ нашли деревеньку Па-ди (т. е. подъ переваломъ). Единственная улица ея оказалась сплошь заставленною телѣгами торговыхъ обозовъ: извозчики дали вздохнуть своимъ животнымъ передъ началомъ трудной дороги, а сами тѣмъ временемъ распивали чай въ мѣстныхъ харчевняхъ. Мы едва пробрались между множествомъ телѣгъ, нагруженныхъ дровами, хорошо обожженнымъ древеснымъ углемъ и коротенькими слѣгами; все это везется китайцами изъ Го-цзя-туна на продажу въ Долбнь-нѣрѣ. Подъемъ на перевалъ занялъ у насъ времени битый часъ, изъ коего мы только пять минутъ стояли, пререкаясь съ долбнь-нѣрскими ламами, устроившими здѣсь своего рода мытницу. Дѣло въ томъ, что заботясь о средствахъ для содержанія своихъ монастырей, они выпросили у долбнь-нѣрскаго тунъ-чжи разрѣшенія собирать на вершинѣ перевала подавнія отъ проѣзжающихъ и засимъ разрѣшеніе это истолковали въ видѣ прямого налога со всякаго проѣзжающаго, сообразно его средствамъ. Такимъ образомъ съ каждаго вьючнаго верблюда они берутъ по 5 фынъ, съ вьючной лошади, или мула 3 фына, съ быка 2 фына, съ каждой проѣзжающей телѣги, смотря по богатству ѣздока, до 5 циновъ. Къ намъ въ частности было предъявлено требованіе уплатить 2 лана (4 серебр. рубля), по этому я отправился въ кумирню и сказалъ, что какъ иностранецъ я свободенъ отъ всякихъ налоговъ, но, какъ всегда дружественный монголамъ русскій, считаю для себя пріятнымъ помочь имъ, а потому даю серебряную монету. Ламы поблагодарили, хотя видимо остались не очень довольны такимъ исходомъ своихъ требованій. Начавъ отсюда легкій спускъ съ перевала, мы въ 9 ч. 55 м. прибыли въ деревню Шуй-чжуань-цза, гдѣ и остановились для отдыха. Въ гостинницѣ не нашлось ничего кромѣ постной лапши и чая.

Двинувшись далѣе въ 10 ч. 55 м., мы продолжали спускаться съ перевала, хотя спускъ этотъ и мало замѣтенъ: онъ идетъ увалами и дорога то опускается въ небольшія впадины, то снова поднимается, повидимому на ту же высоту. Такъ продолжалось до 12 ч. 10 м., когда мы подъѣхали къ деревнѣ Сань сань-ца (三山子 отъ имени трехъ, находящихся здѣсь пригорковъ), всего въ 11 дворовъ. Отъ нея почва начинаетъ дѣлаться песчаною, далѣе же отъ деревни Са-то-ца (1 ч. 35 м.) дорога проходитъ сплошными сыпучими песками, а по сторонамъ ея возвышаются цѣлыя песчаныя горы. По такой то мѣстности мы добрались въ 2 ч. 45 м. до Долбнь-нүра и остановились въ монастырѣ Хѣхѣ-сумѣ, къ настоятелю котораго у меня было рекомендательное письмо отъ сунйтскаго вана. Последнимъ я запасся еще въ Калганѣ, благодаря своему знакомству съ ваномъ и нужно сказать письмо это принесло мнѣ большую услугу, такъ какъ я принять былъ въ монастырѣ совершенно своимъ человѣкомъ.

Съ 3-го по 23-е Мая.

Первымъ дѣломъ моимъ по прибытіи въ Долбнь-нүръ было обезпечить себѣ дальнѣйшее слѣдованіе на сѣверъ Монголіи и подыскать подходящія для сего подводы. По роду моихъ поѣздокъ и грузовъ, мнѣ удобнѣе всего было ѣхать на верблюдахъ; но таковыхъ найти въ Долбнь-нүрѣ оказалось рѣшительно не возможнымъ. Дѣло въ томъ, что утомленные зимнею караванною перевозкою чаевъ, товаровъ и другого рода грузовъ, верблюды уже къ началу весны дѣлаются у монголовъ совершенно негодными для дальнѣйшей работы: все лѣто они отдыхаютъ и готовятъ къ тому, чтобы снова сдѣлать 3, 4 и даже 5 тысячъ верстъ зимою. Конечно, встрѣчаются у нѣкоторыхъ хозяевъ, и такіе верблюды, которые сравнительно мало были утомлены зимою, а слѣдовательно могли бы работать лѣтомъ; но здѣсь выступаетъ на сцену еще та физиологическая особенность верблюда, по которой это животное, съ наступленіемъ теплой поры, начинаетъ линять и къ началу іюня мѣсяца является совершенно голымъ. Въ этотъ періодъ верблюдъ вообще дѣлается слабосильнымъ и воспримчивымъ ко всякаго рода болѣзнямъ, оттого всякій трудъ для него въ означенную пору безусловно вреденъ. Верблюдъ, прошедшій лѣтомъ въ караванѣ одну тысячу верстъ, не сдѣлаетъ зимою и 500, хотя обычно онъ могъ бы пройти отъ 4 до 5 тысячъ. По такимъ то основаніямъ монголы не рѣшаются ѣздить на верблюдахъ лѣтомъ и съ наступленіемъ мая выгоняютъ ихъ на пастбу въ степь до августа мѣсяца и даже позже того. Вышесказанное вполне объясняетъ, почему я не могъ найти теперь въ Долбнь-нүрѣ ни одного верблюда. Казначейство долбнь-нүрскихъ монастырей, правда, въ силу особой, бывшей у меня протекціи сунйтскаго вана, согла-

шалось отпустить мнѣ до Урги семь верблюдовъ, съ двумя погонщиками, но при этомъ оно поставляло условіемъ срокъ ходьбы 45 сутокъ и назначало за этотъ переѣздъ плату въ 450 ланъ, т. е. 900 сер. руб. На замѣчаніе мое о необычайной дороговизнѣ этой цѣны, мнѣ отвѣчали что такая отправка верблюдовъ дѣлается мнѣ только въ особое одолженіе. По обычному порядку, говорилъ мнѣ казначей, верблюдъ зарабатываетъ у насъ отъ 40 до 50 ланъ въ зиму и это дѣлается безъ всякаго риска; если мы пошлемъ теперь верблюдовъ, то должны отобрать во 1-хъ верблюдовъ самыхъ лучшихъ и самыхъ крѣпкихъ, (потому что другіе не дойдутъ вовсе) и верблюды эти работать зимою уже не будутъ въ состояніи; и такъ, прежде всего, мы лишаемся ихъ зимняго заработка, да притомъ еще рискуемъ, что эти лучшіе верблюды погибнутъ. За невозможностью имѣть верблюдовъ, я хотѣлъ было ѣхать на быкахъ, причемъ мнѣ указывали обычный срокъ отъ 55 до 60 сутокъ; но оказалось, что и хорошихъ быковъ въ Долбнъ-нурѣ тоже нѣтъ: всѣ, наиболѣе крѣпкія животныя этого рода угоняются въ Калганъ для перевозки чаевъ до Урги и далѣе до Кяхты, въ Долбнъ-нурѣ же остаются только слабые и плохіе быки, на которыхъ ѣздить на не большія разстоянія въ 200, 300 верстъ, да и то съ остановками, не заходящіе далеко съ своими товарами долбнъ-нурскіе купцы. Проверивъ всѣ эти показанія на постоянныхъ дворахъ и въ бесѣдахъ съ мѣстными купцами, я наконецъ предложилъ имъ вопросъ, какъ же поступаютъ они сами, если имъ понадобилось бы совершить путешествіе подобное моему? «Мы никогда не ѣздимъ лѣтомъ», былъ отвѣтъ, «а если уже такая необходимость, то можно послать наршнаго въ Калганъ и тамъ нанять что хочешь: въ Калганѣ теперь быковъ сотня тысячъ, да и верблюдовъ навѣрное не мало. Нуждающіеся монголы всегда имѣются, да и князья посылаютъ верблюдовъ изъ хошўна, если бываютъ имъ нужны деньги!» При таковыхъ обстоятельствахъ я рѣшилъ снова ѣхать въ Калганъ, что бы, по примѣру китайцевъ, нанять тамъ верблюдовъ. Въ этой поѣздкѣ я пробылъ отъ 6-го по 18 Мая. Благодаря содѣйствию М. Д. Батуева, мнѣ удалось нанять здѣсь верблюдовъ по маршруту: на Долбнъ-нурѣ, Бирў-хотѣ, аймаки кэшиктѣнскій и бѣриньскій, съ заѣздомъ на развалины Чжўнъ-найманъ сўмѣ, Инъ-чан'а, Цаганъ-субургѣ; оттуда на Кэрўлѣнъ черезъ учжумуцїнскіе хошўны къ аймаку Цэцэнъ-хѣна и засимъ въ Ургу. Весь этотъ путь взялись меня везти, по условію, за 237 ланъ 30 фыновъ (475 р. 10 к.), т. е. почти вдвое дешевле долбнъ-нурскаго, не смотря на болѣе дальнее разстояніе. Дорога на Калганъ не представила мнѣ ничего новаго. Наблюденія температуры за эти дни показали слѣдующее.

Числа мѣсяца.	6 ч.	9 ч.	12 ч.	3 ч.	6 ч.	9 ч.
3	+ 7°	+12°	+18°	+15°	+10°	+ 6 $\frac{1}{2}$ °
4	+ 9°	+12°	+16 $\frac{1}{2}$ °	+13 $\frac{1}{2}$	+ 9°	+ 6°
5	+ 9°	+14°	+19°	+18°	+13 $\frac{1}{2}$	+11°
6	+ 8°	+11 $\frac{1}{2}$ °	+14 $\frac{1}{2}$	+13°	+10 $\frac{1}{2}$	+10
7	+12°	+15°	+18°	+ 7°	+ 6°	+ 5°
8	+ 3°	+ 3°	+ 6°	+ 9°	+ 9°	+ 4 $\frac{1}{2}$ °
9	+ 2 $\frac{1}{2}$ °	+ 4 $\frac{1}{2}$ °	+10°	+ 9 $\frac{1}{2}$ °	+ 7°	+ 4°
10	+ 3°	+ 5 $\frac{1}{2}$ °	+11°	+14°	+12°	+ 9°
11	+ 8°	+13°	+18°	+20°	+17°	+14°
12	+10°	+14°	+18 $\frac{1}{2}$ °	+19°	+16°	+13 $\frac{1}{2}$ °
13	+ 9 $\frac{1}{2}$ °	+14°	+18°	+21°	+16°	+14°
14	+11°	+14 $\frac{1}{2}$ °	+19°	+21°	+17°	+14°
15	+10 $\frac{1}{2}$ °	+16°	+17°	+15°	+12°	+ 9°
16	+ 8°	+15 $\frac{1}{2}$ °	+16°	+14°	+14°	+ 9
17	+ 6°	+13°	+17°	+18°	+15°	+12°
18	+ 9°	+16°	+19 $\frac{1}{2}$ °	+17 $\frac{1}{2}$ °	+16°	+14°

18 Мая я вторично пріѣхалъ въ Долбнъ-нуръ и продолжалъ прежде начатыя наблюденія надъ жизнью и состояніемъ этого города.

Долбнъ-нуръ.

Городъ Долбнъ-нуръ, или по китайски Ламà-мяо, располагается на восточной границѣ чахàрскихъ кочевьевъ и собственно въ мѣстности, определенной не для кочевья 8 чахàрскихъ знаменъ, а для пастбищъ стадъ и табуновъ китайскаго богдохана. Мѣстоположеніе города представляетъ собою обширную песчано-болотистую равнину, почти лишенную всякой растительности, такъ что только въ сѣверо-западномъ углу самаго города можно замѣтить нѣсколько деревьевъ, возрожденныхъ трудами неутомимыхъ китайцевъ, а все остальное пространство, какъ въ городѣ, такъ и внѣ его, почти буквально лишено всякой растительности; даже травъ вокругъ города такъ мало, что монголы, пріѣзжающіе въ городъ, не могутъ останавливаться, по своему обычаю, въ открытой степи. Когда, возвратившись изъ Калгана съ нанятыми верблюдами, я предположилъ еще пять, шесть дней прожить въ городѣ, то извозчики мои рѣшили уѣхать отсюда и выпасывали своихъ животныхъ верстахъ въ семи къ востоку.

Долбнъ-нуръ отстоитъ отъ Пекина по прямому пути на Гу-бэй-коу въ 400 верстахъ, отъ Калгана въ 240 и отъ Урги въ 700 верстахъ. Съ южной и западной сторонъ города залегаютъ особливо глубокіе пески и возвышаются цѣлыя песчаныя горы. Орошается долбнъ-нур'ская равнина главнымъ образомъ водами рѣки, именуемой китайцами Си-хэ, а монголами Öртöнггйнъ гôль; основное направленіе ея теченія на ЮВ, впадаетъ же она въ Шанду гôль, верстахъ въ 70 отъ Долбнъ-нұра. Въ старину на долбнъ-нұрской равнинѣ, говорятъ, дѣйствительно раскидывалось семь озеръ, отъ которыхъ получили свое названіе какъ самая равнина, такъ и построенный на ней городъ; но теперь эти озера давно уже пересохли и отъ нихъ остались только по мѣстамъ небольшіе водные бассейны, окружающіе городъ особливо съ южной и западной сторонъ. Такое положеніе города на равнинѣ представляетъ своимъ естественнымъ результатомъ между прочимъ то, что городъ не имѣетъ почти никакого вида совнѣ, и, подъѣзжая къ нему, нельзя ни полюбоваться хотя бы издали красотою его построекъ, ни даже какъ слѣдуетъ опредѣлить величину его, такъ какъ переднія городскія зданія закрываютъ собою стоящія за ними точно такія же заднія; въ общемъ представляется какъ будто какая то масса глиняныхъ лачужекъ, крайне бѣдныхъ и грязныхъ, среди которыхъ, какъ колонча нашего пожарнаго дома, поднимаются нѣсколько болѣе или менѣе высокихъ башенъ.

Долбнъ-нуръ состоитъ собственно изъ маймачэна, или торговаго города, расположеннаго на лѣвой сторонѣ Öртöнггйнъ гôла и двухъ монастырей на правой сторонѣ этой рѣчки, отстоящихъ отъ маймачэна на пространствѣ 2½ верстъ. Маймачэнъ представляетъ собою довольно большой городъ, растянутый съ сѣвера на югъ и имѣющій протяженія въ этомъ направленіи втрое болѣе чѣмъ съ востока на западъ. Братья Бутины, посѣтившіе Долбнъ-нуръ въ 1870 г., сообщаютъ, что городъ этотъ обнесенъ стѣною, имѣющею около двухъ саженой вышины; но ни въ первое пребываніе свое въ Долбнъ-нуръ въ 1878 г., ни теперь я не нашелъ здѣсь никакой стѣны, по разказамъ же монголовъ, ея не бывало и въ старое время, въ чемъ въ свою очередь мы убѣждаемся показаніями путешественниковъ Гюка и Габэ. По всей вѣроятности русскими путешественниками за стѣну были приняты заборы, или ограды китайскихъ дворовъ, идущіе сплошною линіею вокругъ всего города: для незнакомаго съ китайской архитектурой и постройкой домовъ ошибка въ этомъ случаѣ весьма возможна. Долбнъ нуръ не имѣетъ стѣнъ, равно какъ и маймачэны другихъ монгольскихъ городовъ: Урги, Улэсутая и Кобдô. Изъ степи прямо въѣзжаешь въ городскія улицы, начало коихъ, по обычаю, отмѣчено или створчатыми

воротами, или одними только воротными столбами подъ навѣсомъ и безъ онаго.

По вступленіи въ самый городъ, впечатлѣніе его бѣдности и убогости не только не измѣняется, а пожалуй еще усиливается. Трудно представить себѣ что либо грязнѣе и беспорядочнѣе долбнѣ нѣрскихъ улицъ и переулковъ. Обычно узкіе и грязные во всѣхъ китайскихъ городахъ, они являются здѣсь еще уже и грязнѣе, чему способствуетъ главнымъ образомъ то, что проѣздныя дороги во всемъ городѣ на столько глубоко пробиты въ лессовой почвѣ, что кажутся ложбинами, надъ которыми городскія зданія

Общій видъ улицы «Чанъ-шэнь-цзѣ».

и тротуары возвышаются иногда аршина на $1\frac{1}{2}$. Въ дождливое время такія канавы проѣздныхъ дорогъ наполняются водою и грязью на столько, что нѣкоторыя изъ улицъ дѣлаются буквально непроѣзжаемыми.

Всѣ казенныя зданія и присутственныя мѣста въ Долбнѣ нѣрѣ сосредоточиваются на сѣверномъ концѣ города, такъ что ими можно обозначить сѣверную окраину онаго. Посреди всѣхъ ихъ стоятъ ямунь высшаго правителя долбнѣ нѣрскаго округа, называемаго въ просторѣчьи «эръ-фу», въ официальномъ же языкѣ полный титулъ его, по китайски, является въ формѣ «Чжи-ли До-лунъ но-рѣ Фу-минъ тунъ-чжи», а монголы передаютъ его словами: ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ. Должность «эръ-фу» почитается китайцами выше «чжи-сяня», или

уѣзднаго начальника, вѣроятно, по той причинѣ, что районъ дѣятельности его обширнѣе; такъ какъ, завѣдуя специально китайскимъ населеніемъ своего округа, онъ одновременно имѣеть нѣкоторое отношеніе и къ инородческому управленію. Самъ долбнъ-нүрскій эръ-фу состоитъ въ непосредственномъ завѣдываніи сюань-хуа-фу'скаго дао-таъ; изъ числа монгольскихъ аймаковъ вѣдѣнію его подлежатъ хошүны силннъ-гдл'скаго сейма ¹⁾).

На ряду съ ямунемъ «эръ-фу», по лѣвую, восточную сторону его располагается ямунь «цзунъ-ѣ», военнаго чиновника, завѣдывающаго мѣстнымъ гарнизономъ. Послѣдній составляется здѣсь изъ 500 китайскихъ солдатъ отдѣла «лу-инъ», или, по монгольски, «ногднъ тукъ». Для помѣщеній своихъ они не имѣютъ отдѣльныхъ казармъ, но проживаютъ въ Долбнъ нүрѣ своими домами, разбросанными по различнымъ частямъ города; живутъ они съ женами и дѣтьми, такъ что въ обычномъ быту нѣтъ и возможности отличить такого солдата отъ китайскаго простолюдина. Только при нарядѣ на службу одѣваютъ они форменное платье, а на смотры являются вооруженными луками, стрѣлами, мечами и тэнъ-пай'ями. На обязанности ихъ лежитъ смотрѣть за тишиною и порядкомъ въ городѣ; они же иногда отправляютъ и обязанности разсыльныхъ.

По правую, западную сторону эръ-фу'скаго ямуня находится управление «сюнь-цзяня», завѣдывающаго долбнъ-нүрскимъ острогомъ, зданіе котораго располагается посрединѣ между ямунями «эръ-фу» и «сюнь-цзяня». По общему обычаю долбнъ-нүрскій острогъ огороженъ двойнымъ деревяннымъ частоколомъ и состоитъ изъ одного большого бѣйшина, въ подземельи котораго помѣщаются подлежащіе заключенію преступники. Кроме обязанности начальника острога, сюнь-цзянь завѣдуетъ еще дѣломъ уменьшенія въ Долбнъ-нүрѣ бродягъ и нищенства, хотя означенная область вѣдѣнія его ограничивается лишь тѣмъ, что онъ забираетъ въ свой ямунь людей уже очень назойливыхъ, подвергаетъ ихъ наказанію и засимъ высылаетъ изъ города.

Указанныя три присутственныя мѣста составляютъ давнія, можно сказать, исконныя учрежденія Долбнъ-нүра; но въ послѣднее время, и именно въ періодъ 1884—85 годовъ, здѣсь обосновался еще одинъ новый ямунь, такъ называемаго «сѣ-таъ», также военнаго чиновника, управляю-

1) Въ составъ силннъ-гдл'скаго сейма входятъ хошүны: 1) Йэхэ Учжумуцинъ (иначе хошүнъ сэцэнъ-цинъ-вана), 2) Бага Учжумуцинъ (хошүнъ эрдэи бэйлэ); 3) Барүнъ Сунитъ (= хошүнъ турұинъ дүрэнъ цюнь вана); 4) Цзунъ Сунитъ (= хошүнъ турұинъ цюнь вана); 5) Цзунъ хучитъ (= хошүнъ турұинъ эрдэи цюнь-вана); 6) Барүнъ-хучитъ (= хошүнъ турұинъ цюнь-вана); 7) Цзунъ-Абага (= хошүнъ турұинъ цюнь-вана); 8) Барүнъ-Абага (= хошүнъ турұинъ цзориктү цюнь-вана); 9) Цзунъ-Абаганаръ (= хошүнъ хошүнү бэйсэ); 10) Барүнъ Абаганаръ (= хошүнъ турұинъ бэйлэ).

шаго знаменными войсками на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ существуетъ подобное управленіе въ Калганѣ. Учрежденіе лагеря знаменныхъ войскъ въ Долбнъ-нүрѣ состоялось не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ и было вызвано увеличеніемъ китайскихъ переселеній въ монгольскія кочевья: для охраны земель вновь занимаемыхъ китайцами, равно какъ въ предупрежденіе недоразумѣній и вражды, могущихъ возникать между монголами и китайцами, словомъ вообще для наблюденія за порядкомъ и тишиною въ странѣ, собственно внѣ города и были вызваны эти войска. Они были откомандированы въ Долбнъ-нүрѣ изъ Сюань-хуа-фу, въ количествѣ 2000 человекъ, причемъ половина ихъ была назначена для поселенія въ Долбнъ-нүрѣ, 500 человекъ откомандировано въ Бирү-хотд, а остальные размѣщены отрядами въ 20, 50 и 100 человекъ по болѣе или менѣе значительнымъ селеніямъ: таковы видѣнные нами отряды въ Дунъ-чэнъ-цза — до 40 человекъ, Гоу-мынь-цза — около 100 человекъ и проч. Солдаты эти являются вооруженными уже короткоствольными европейскими ружьями системы Винчестера. Всѣ они представляютъ собою конницу. Для помѣщенія ихъ въ Долбнъ-нүрѣ выстроено нѣчто вродѣ крѣпости, обнесенной глинобитною стѣною и наполненной внутри фанзами, въ которыхъ проживаютъ эти солдаты уже отдѣльно, безъ семей. По правиламъ, каждый изъ этихъ солдатъ черезъ три года имѣетъ право на отпускъ для свиданія съ родственниками, почему въ Долбнъ-нүрѣ никогда не бываетъ собственно узаконенной 1000 человекъ; тѣмъ не менѣе начальство обычно не увольняетъ въ отпускъ большого числа и придерживается нормы, чтобы число уволенныхъ не превышало 10% общаго числа военныхъ. Ямунь сѣ-тѣя можно сказать сосѣднѣтъ съ ямунемъ эръ-фу, только расположенъ не вродѣ съ нимъ, а по улицѣ Нью-ши-цзѣ, тянущейся съ сѣвера на югъ, составляя первое зданіе этой улицы.

Ямуни эръ-фу, сюнь-цзяня и цзунъ-ѣ располагаются по улицѣ, именуемой Тоу чэнъ-цзѣ (= первая городская улица), проложенной съ востока на западъ; хотя мѣсто, находящееся собственно передъ ямунями, довольно трудно назвать улицею, а скорѣе оно представляетъ собою обширную площадь, на которой между прочимъ обычно совершается въ Долбнъ нүрѣ торговля лошадьми и верблюдами.

Отъ этой площади въ направленіи къ югу тянутся три большія улицы: Ма-ши-цзѣ (улица лошадиного рынка), Нью-ши-цзѣ (улица бычьяго рынка) и Дунъ-шэнъ цзѣ (восточная, большая улица). Первая изъ этихъ улицъ начинается зданіемъ таможеннаго отдѣленія, въ которомъ собираются пошлины за пригоняемый для продажи скотъ. Въ отличіе отъ Калгана здѣсь установлено взимать: съ верблюда 400 чеховъ, съ лошади 200 чеховъ,

съ рогатой скотины — 100 чеховъ, съ барана и козла по 10 чеховъ. Самая улица Ма-ши-цзѣ проложена до половины города и раздѣляется створными, деревянными, рѣшетчатыми воротами на двѣ равныя части. Всего по ней располагается до 50 мелочныхъ лавокъ, но главное мѣсто занято гостинницами, въ которыхъ останавливаются купцы и лица, прїѣзжающіе въ Долбнѣ-нѣрѣ за покупкою скота.

Вторая улица, идущая отъ площади эръ-фу'скаго ямуна, Нью-ши-цзѣ, подобно первой также точно раздѣляется створными, рѣшетчатыми воротами на двѣ части, только на этотъ разъ, при такомъ раздѣленіи она мѣняетъ и свое имя, называясь по южную сторону воротъ Чжунъ-лѹ-хо-цзѣ (иначе 中樓巷). По первой изъ этихъ улицъ располагается 38 лавокъ, по второй—39. Близъ вышепомянутыхъ воротъ, въ улицѣ Чжунъ-лѹ-хо-цзѣ находится еще таможенное отдѣленіе, въ которомъ собираются пошлины съ привозимыхъ въ городъ шкуръ и шерсти, въ нижеслѣдующемъ размѣрѣ: шкура лошадиная и бычья оплачивается 20 чехами, баранья — 2 чехами, мерлушка — 1 чехомъ, козлиная — 1 чехомъ; изъ дикихъ звѣрей опредѣленная цѣна существуетъ только на лисью шкуру, за которую взимается 6 чеховъ, на другія же шкуры, какъ, соболи, рысьи и др., въ виду ихъ сравнительной рѣдкости, цѣна устанавливается таможенными начальниками произвольно. Что касается шерсти, то верблюжья и баранья шерсть оплачиваются 1 чехомъ съ cadaго гина, а козій пухъ — двумя чехами съ того же вѣса. Въ южномъ концѣ улицы Чжунъ-лѹ-хо-цзѣ начинаются лавки долбнѣ-нѣрскихъ тунъ-цзян'овъ, т. е. металлическихъ дѣлъ мастеровъ и вмѣстѣ главнѣйшихъ выдѣлывателей бурхановъ, которыми такъ славится Долбнѣ-нѣрѣ у европейцевъ еще со временъ Гюка. Слава эта едва ли однако вполне основательна: она возникла со стороны монголовъ, для которыхъ бурханное производство, впервые появившееся въ Монголіи именно въ Долбнѣ-нѣрѣ, казалось необычайною рѣдкостью; но въ настоящую пору несравненно обширнѣйшее производство бурхановъ существуетъ въ Пекинѣ, да и расходится ихъ оттуда какъ въ Монголію со включеніемъ Чжунгаріи и Кукуъ нѣра, такъ и въ Тибетъ гораздо больше, потому что цѣны на нихъ въ Пекинѣ дешевле. На улицѣ Чжунъ-лѹ-хо-цзѣ существуетъ собственно двѣ бурханскихъ мастерскихъ и лавки: Синъ-лунъ-вэй, извѣстная у монголовъ подъ именемъ Хайсандай и засимъ самая древняя въ Долбнѣ-нѣрѣ и самая славная по Монголіи мастерская Аюшй-тун-цзяна.

Улицы Ма-ши-цзѣ и Чжунъ-лѹ-хо-цзѣ, доходя, какъ было сказано выше, до половины города, упираются въ перпендикулярную имъ улицу Чанъ-шанъ-цзѣ (長盛), протягивающуюся отъ западнаго конца города до его середины. По этой улицѣ располагаются всѣ остальные мастерскія

выдѣльвателей бурхановъ съ прилежащими каждой мастерской лавками; таковы: Унцукъ тунъ-цзяна, Унцугійнъ номту, Байнтай-тунъ-цзяна, и Хучинъ-номту. Всѣхъ мастерскихъ, занимающихся выдѣлкою бурхановъ, въ Долбнѣ нѣрѣ считается семь, но дѣйствующими изъ нихъ въ настоящую пору является только шесть. Понятно, что число это очень не велико для того, чтобы ставить Долбнѣ нѣрѣ на первое мѣсто въ этой отрасли промышленности. Правда, монгольскіе ламы, разыгрывающіе изъ себя роль ученыхъ и начетчиковъ, доселѣ еще говорятъ, что долбнѣ-нѣрскіе бурханы лучше пекинскихъ и другихъ монгольскихъ по той якобы причинѣ, что въ нихъ правильнѣе соблюдается мѣра буддйскихъ изображеній и золотятся они гораздо прочнѣе, но это едва ли ни повтореніе словъ самихъ долбнѣ-нѣрскихъ мастеровыхъ, старающихся какимъ бы то ни было образомъ подорвать конкуренцію Пекина. По улицѣ Чанъ шэнъ-цзѣ располагается всего 37 лавокъ и мастерскихъ, занимающихся различнымъ производствомъ.

Третья улица, начинающаяся отъ Тоу-чэнъ-цзѣ и пересѣкающая уже весь городъ, носитъ названіе Дунъ-шэнъ-цзѣ (東盛). Это, можно сказать, долбнѣ-нѣрская толкучка. На ней сосредоточено не менѣе 300 торговыхъ помѣщеній самаго низшаго разбора. Старое платье, старые башмаки и сапоги, кусочки заржавленнаго желѣза, обломки гвоздей, треногіе столы, разбитые шкафы, сундуки и шкатулки, словомъ всякое старье пріютилось здѣсь и претендуетъ на продажу такому же бѣдному и грязному люду каковы и самыя эти вещи. Улица Дунъ-шэнъ-цзѣ, сколько разъ ни приходилось мнѣ посѣщать ее, всегда бывала наполнена нищими и свободными мастеровыми, не нашедшими себѣ поденной работы въ городѣ. Толпы ихъ днемъ стоятъ обыкновенно около убогихъ харчевень, заражающихъ воздухъ невыразимымъ смрадомъ, а ночью, говорятъ, этотъ людъ ложится здѣсь же прямо на землѣ и спитъ до разсвѣта новаго дня.

Отъ улицы Чанъ-шэнъ-цзѣ, заканчивающей собою, какъ мы уже видѣли, улицы Ма-ши-цзѣ и Чжунъ лѣ-хо-цзѣ, начинаются въ направленіи къ южному концу города три новыя улицы. Первая изъ нихъ носитъ названіе Эр-чэнъ-цзѣ. По ней почти нѣтъ торговыхъ помѣщеній, а только жилые дома долбнѣ-нѣрскихъ обывателей и главнымъ образомъ солдатъ, лу-ин'овъ. Вторая улица Синъ-лунъ цзѣ почитается долбнѣ-нѣрцами за лучшую улицу въ городѣ и вмѣстѣ съ симъ имѣетъ историческое значеніе. Разказываютъ, что императоръ Канси, прибывъ въ Долбнѣ нѣрѣ для оффиціального принятія въ подданство халхаскихъ князей, прежде всего посѣтилъ здѣсь хѣшанскую кумирню Санъ-гуанъ-мяо, а засимъ, сдѣлавъ тамъ обычное поклоненіе, направился пѣшкомъ по городу и, почувствовавъ голодъ, зашелъ въ первую попавшуюся гостинницу, гдѣ и закусилъ лао-би-

н'омъ. Гостинница эта называлась Синь-лунъ-гуань (興隆館) и зданіе ея существуетъ до настоящаго времени, хотя въ самомъ жалкомъ видѣ. Очевидно, настоящіе китайцы не особенно дорожатъ этимъ мѣстомъ и преданіемъ, хотя современники событія отнеслись къ нему, повидимому, съ должнымъ вниманіемъ, такъ какъ тотъ же разказъ продолжается далѣе, якобы одновременно съ симъ жителями было постановлено: во 1-хъ хранить навсегда имя и вывѣску этой гостинницы; во 2-хъ, опредѣлить ее на вѣчныя времена мѣстомъ для продажи хлѣба и хлѣбныхъ припасовъ и наконецъ въ 3-хъ, отъ имени этой гостинницы, Синь-лунъ-гуань, назвать и самую улицу, на которой она стоитъ, Синь-лунъ-цзѣ. На сколько справедливо это преданіе, сказать, конечно, очень трудно; но достовѣрно, что оно извѣстно рѣшительно всѣмъ долбнъ-нур'цамъ, почему каждый посѣтитель Долбнъ нѹра считаетъ своею обязанностью посмотрѣть на Синь лунъ-гуань; съ другой стороны въ домикѣ этомъ дѣйствительно продаются доселѣ мука и другіе хлѣбные припасы. Стоитъ онъ неподалеку отъ кумирни Сань-гуань мяо, являющейся теперь, кажется, самымъ красивымъ зданіемъ въ городѣ. такъ какъ она отдѣлана сравнительно очень недавно и именно въ 8 году

Кумирня и башня «Сань-гуань-мяо».

правленія Тунъ-чжи (1870). Въ ту же пору при этой кумирнѣ была построена башня, составляющая самое высокое зданіе въ Долбнъ-нурѣ. Въ

настоящее время улица Синь-лунь-цзѣ служитъ мѣстомъ для самыхъ богатыхъ лавокъ и дѣней Долбнѣ-нѹра, хотя она также грязна, какъ и всѣ другія. Лавки эти розничной продажи товаровъ почти не имѣютъ и ведутъ свою торговлю главнымъ образомъ оптомъ. Помимо сего на улицѣ Синь-лунь-цзѣ сосредоточено много банковъ и размѣнныхъ лавокъ, которые, какъ извѣстно, почитаются также богатѣйшими изъ всѣхъ другихъ торговыхъ предпріятій.

Третья улица, начинающаяся отъ Чань-шэнь-цзѣ, именуется Фу-шэнь цзѣ (福盛). На ней помѣщаются 63 торговыхъ заведенія, но по преимуществу улицу эту слѣдуетъ назвать улицею мастеровыхъ, ибо здѣсь главнымъ образомъ сосредоточивается все долбнѣ-нѹрское производство войлоковъ, попонъ, кожъ и проч. Самыя работы мастеровыхъ совершаются почти наружи, ибо каждая такая фабрика всегда имѣетъ у себя и лавку, которая вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣдко служитъ и мастерскою, особливо по части тканья попонъ, сапожнаго и башмачнаго ремесла, столярнаго дѣла и проч.

Попоны, изготовляемыя въ Долбнѣ-нѹрѣ, по своему качеству, говорятъ, не отличаются отъ кукѹ-хотѣскихъ, но дѣны на нихъ стоятъ здѣсь выше и производство ихъ болѣе ограниченное чѣмъ въ Кукѹ хотѣ. Всего выдѣлывающихъ мао-дань считается въ городѣ до 20 лавокъ. Шерсть они приобрѣтаютъ со здѣшнихъ же кожевенныхъ заводовъ, которыхъ считается въ Долбнѣ-нѹрѣ болѣе 20. Договоръ на шерсть заключается съ каждой кожи, съ платою до 100 чеховъ за количество получаемой съ кожи не мытой шерсти. Расходится долбнѣ-нѹрская мао-дань преимущественно между калганскими китайцами, русскіе же, проживающіе въ Калганѣ, привыкли уже получать попоны изъ Кукѹ-хотѣ.

На южномъ концѣ улицы Фу-шэнь-цзѣ сосредоточены главныя отдѣленія мѣстнаго таможеннаго вѣдомства, а именно, отдѣленіе, взимающее пошлины съ чая, съ мануфактурныхъ товаровъ и съ хлѣба. Установленныя въ Долбнѣ-нѹрѣ пошлины съ чая слѣдующія: съ каждой хунцзы кирпичнаго чая, безъ различія количества заключающихся въ ней кирпичей, взимается по 9 фынъ и 2 ли; съ каждого гина байховаго чая, къ какому бы сорту послѣдній ни принадлежалъ, — по 3 ли; хамбѣ-чай оплачивается съ каждой мухулунцзы по 2 фына и 8 ли. Что касается пошлины съ мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ, то она взимается съ व्यюковъ: высшіе сорта до 3-хъ ланъ, низшіе до 1 л. 20 ф.; исключеніе составляетъ только фарфоровая посуда, пошлина за которую, безъ различія вещей, взимается съ ящика въ размѣрѣ 1 л. 7 циновъ. Хлѣбъ оплачивается пошлиною только въ томъ случаѣ, если онъ привозится въ видѣ муки, причемъ

съ каждаго мѣшка, обыкновенно заключающаго въ себѣ отъ 120 до 150 гиновъ, взимается 70 чеховъ; зерновой же хлѣбъ не подлежитъ оплатѣ пошлиною совершенно.

Исчисленныя улицы могутъ быть названы торговою частью города и вмѣстѣ главными улицами Долбнъ-нѹра; но засимъ здѣсь имѣется еще нѣсколько десятковъ второстепенныхъ улицъ и переулковъ, занятыхъ по преимуществу жилыми домами и помѣщеніями.

Изъ числа общественныхъ зданій въ Долбнъ-нѹрѣ имѣется до 25 хѣшанскихъ кумирень, лучшими изъ которыхъ считаются уже упомянутая выше Сань-гуань-мяо и—Хуй-юй-гуань, стоящая въ улицѣ Нинь-юань-цзѣ. Эта послѣдняя кумирня построена на общія средства долбнъ-нѹрскихъ купцевъ сравнительно въ недавнее время, а потому блещетъ чистотою и порядностью своихъ кумировъ и утвари. Помимо хѣшанскихъ и конфуціанскихъ кумирень въ городѣ имѣется еще 6 мусульманскихъ мечетей; по общему обычаю китайцевъ, всѣ они лишены специальныхъ минаретовъ и очень бѣдны по внѣшнему виду, а потому трудно различимы отъ обыкновенныхъ китайскихъ домовъ. Только одна изъ мечетей, такъ называемая Ли-бай-сы, имѣетъ при себѣ башню, вродѣ Сань-гуань-мяо, которая вмѣстѣ съ симъ служить и минаретомъ.

Подобно Гуй-хуа-чѣну Долбнъ-нѹръ отличается отъ другихъ городовъ какъ внутренняго, такъ и застѣннаго Китая тѣмъ, что въ немъ очень мало зданій частной собственности, но почти всѣ дома здѣсь кумиренные. Каждая изъ хѣшанскихъ кумирень непременно имѣетъ у себя по 5, 6 домовъ, доходами отъ которыхъ она и содержится; тоже самое можно сказать относительно мусульманскихъ мечетей; но богаче всѣхъ въ этомъ отношеніи являются ламайскіе монастыри, Хѣхѣ-сѹмѣ и Шарѣ сѹмѣ, имѣющіе у себя въ общемъ до 200 домовъ. Обычная доходность дома исчисляется въ Долбнъ-нѹрѣ съ 12 цзяней; это, говорятъ норма, меньше которой здѣсь домовъ уже не строятъ. Домъ въ 12 цзяней приноситъ доходовъ отъ 70 до 80 ланъ. Если поэтому мы предположимъ, что всѣ зданія, принадлежащія ламайскимъ монастырямъ, будутъ самага низшаго размѣра, то и въ такомъ случаѣ валовой доходъ каждаго изъ нихъ отъ отдачи квартиръ будетъ исчисляться не менѣе 7000, 8000 ланъ серебра, хотя эта сумма должна быть очень далека отъ дѣйствительности, такъ какъ монастыри эти имѣютъ у себя дома по 40 и даже болѣе цзяней.

Въ числѣ частныхъ домовъ наиболѣе видными зданіями являются гостинницы для пріѣзжающихъ и торговые дѣни, въ которыхъ сосредоточивается основная торговля Долбнъ-нѹра. По отзывамъ здѣшнихъ купцевъ, изъ числа всѣхъ торгующихъ въ Долбнъ-нѹрѣ имѣется всего не

свыше 40 фирмъ такихъ, которые могутъ ѣздить и дѣйствительно ѣздить сами за товарами во внутренній Китай; всѣ же остальные, въ сущности, только перепродаютъ товары, приобретаая ихъ въ здѣшнихъ же дняхъ, имѣющихъ значеніе караванъ-сераевъ. Дѣни раздѣляются по спеціально-стямъ, такъ, имѣются особые дѣни для торговли чаемъ, хлѣбными товарами (къ числу коихъ причисляется также водка и масло), мануфактурами, галантерейными товарами и др. Чайныхъ дѣней въ Долонъ-нурѣ считается всего три. Наибольшее количество привозимыхъ въ нихъ чаевъ, принадлежитъ чаю кирпичнымъ, которыхъ приходитъ отъ 25 до 30 тыс. мѣстъ. Весь этотъ чай, перекупаемый мѣстными мелочными торговцами, уходитъ главнымъ образомъ въ Халху, т. е. въ Ургу и особливо въ аймакъ Цэцэнъ-хана, гдѣ долонъ-нурскіе торговцы по преимуществу сосредоточиваютъ свое дѣло. Часть его отъ береговъ Хэрүлэна проходитъ далѣе въ русскіе предѣлы и достигаетъ береговъ Ондоа и Аргүни. Второе мѣсто по количеству ввоза принадлежитъ такъ называемому ханбѣ чаю, приготовляемому изъ того же крупнаго зеленаго листа, изъ котораго выдѣляется и обыкновенный кирпичный чай, только листъ этотъ не смачивается и не прессуется въ кирпичи, а высушивается и насыпается въ круглыя камышевыя корзины, имѣющія форму ведеръ. Суниты зовутъ посему эти корзины «бортогѳ», а самый чай «бортогѳнъ ця», у китайцевъ же въ просторѣчїи онѣ называются му-ху-лу-ца. Каждая корзина заключаетъ въ себѣ приблизительно до 9 гиновъ чайнаго листа, цѣльное же мѣсто чая ханбѣ, которое монголы называютъ «уксара» (ᠤᠬᠤᠰᠠᠷᠠ), состоитъ изъ трехъ такихъ корзинокъ. Ханбѣ-ця употребляется главнымъ образомъ хорчиннами, тумэтами, ұханями, онгнүтами, абагà, абаганàрами, кэшиктèнами, восточными чахарàми и отчасти сунитами. Изъ Долонъ-нүра впрочемъ его самими китайцами вывозится очень не много, такъ какъ такіе аймаки, какъ ұчжумүцинь, абагà, кэшиктèнъ и наконецъ чахары, предпочитаютъ сами прїѣзжать въ Долонъ-нуръ за его покупкою, а еще чаще приобретаютъ его при расчетѣ за провозъ китайскихъ товаровъ. Байховаго чая приходитъ въ Долонъ-нуръ очень мало; говорятъ, даже не свыше 3-хъ, или 4-хъ тысячъ мѣстъ.

Хлѣбныхъ дѣней считается свыше 10 и самый богатый изъ нихъ принадлежитъ фирмѣ Да-шэнъ-дянь; за нимъ будутъ слѣдовать: Уй-шэнъ-дянь, Гуанъ-тай-дянь, Сунъ-ѣ-шанъ и др. Хлѣбные товары идутъ въ Долонъ-нуръ со всѣхъ сторонъ: съ запада — изъ Лунъ-шэнъ-цзор'а, Фынъ-чжэна и Калгана, съ юга — изъ уѣзда и города Уләнъ-хадà (Чи-фынь-сянь), съ востока — изъ Бирү-хотѳ и прилежащихъ къ нему аймаковъ. Благодаря такому привозу, хлѣбъ въ Долонъ-нурѣ не особенно дорогъ, а

именно: хўрай буда, или болосднъ-буда (крупное просо) 1100 чех. за доу; тўхэй буда (мелкое просо) 1000 чех. за доу; мука пшеничная 28, 30 гиновъ на 1 лану (около 6 коп. за фунтъ).

Водки (шао-цзю) въ Долбнъ-нўрѣ не выдѣлывается вовсе, дарасунъ же, приготовляемый здѣсь, не отличается особеннымъ достоинствомъ и продается не свыше 80, 100 чеховъ за гинъ. По такой то причинѣ долбнъ-нўрцы постоянно употребляютъ привозную, калганскую водку, продаваемую по 150 — 180 чеховъ за гинъ. Привозится ее въ общемъ числѣ отъ 500 до 600 тысячъ гиновъ.

Складомъ и продажею мануфактурныхъ товаровъ заняты до 12 большихъ днѣй, мелкихъ же сосчитать и не представляется возможнымъ, такъ какъ при этомъ пришлось бы, пожалуй, указывать на каждый днѣй, ибо всякому изъ нихъ приходится по нѣскольку разъ въ годъ служить мѣстомъ остановки прїѣзжихъ мануфактурныхъ промышленниковъ. Большая часть мануфактуры и галантерей приходитъ конечно изъ внутренняго Китая и главный контингентъ торговцевъ этого рода образуется шань-сйцами. Они привозятъ сюда китайскія шелковыя, полшелковыя и бумажныя матеріи, желѣзо, чугуны и мѣдь въ дѣлѣ, ножи, огнива, трубки, табакерки и другія монгольскія принадлежности. Китайцы изъ Тянь-цзина и др. портовъ, ѣдущіе съ юга, помимо означенныхъ предметовъ китайскаго производства доставляютъ еще въ Долбнъ-нўрѣ европейскіе товары, каковы: дриллингъ, шертингъ, ситцы и нѣмецкія сукна, нерѣдко поддѣлываемыя подъ русскія. Тѣже европейскіе продукты и особенно масса китайскихъ бумажныхъ и холщевыхъ товаровъ приходитъ сюда изъ Гуанъ-дуна, каковы: тўданъ (кит. су-о), продаваемый по 1 лану на отрѣзъ халата. Русскихъ товаровъ въ Долбнъ-нўрѣ очень мало: встрѣчаются сукна Тюляева и Бабкина, бязь и плизъ Морозова, юфть какъ черная, такъ и бѣлая, но все это въ самомъ незначительномъ количествѣ. Последнее обстоятельство объясняется тѣмъ, что всѣ эти товары получаютъ въ Долбнъ-нўрѣ только изъ Кяхты и продаются исключительно въ лавкахъ тѣхъ китайцевъ, которые имѣютъ свое дѣло въ Кяхтѣ, а таковыхъ имѣется здѣсь очень мало. Продаются здѣсь русскія произведенія, какъ продавались и прежде, крайне дорого. Въ настоящую свою поѣздку, какъ и во время своего пребыванія въ 1878 г., я нашелъ, что русская кожа (булигаръ) продается здѣсь — лучшая отъ 6 до 7 ланъ серебра, средняя — отъ 5 ланъ, и дешевле 4½ ланъ русской кожи не продается.

По отпуску первымъ и пожалуй даже единственнымъ предметомъ долбнъ-нўрскаго торга должно считать скотъ. Въ этомъ отношеніи Долбнъ-нўрѣ превосходить всѣ остальные пограничныя съ Китаемъ города Монго-

ли. За послѣдніе два года вслѣдствіе частію падежей скота, а частію безпокойствъ въ мѣстностяхъ, сопредѣльныхъ Долбнь-нүру, эта торговля скотомъ нѣсколько упала, за всѣмъ тѣмъ даже и въ эти годы отсюда выгоняемо было въ Китай до 70 тыс. лошадей, до 40 тыс. быковъ и отъ 350 400 тыс. овецъ. Верблюдовъ продается здѣсь сравнительно мало и за послѣдніе годы ихъ не выгоняли отсюда свыше $2\frac{1}{2}$ тыс. головъ, такъ какъ ЮВ. Монголія верблюдами вообще не богата, сѣверные же монголы, начиная отъ меридіана Урги, привыкли болѣе отправлять своихъ животныхъ въ Хүхү-хотò, хотя Долбнь-нүръ отстоитъ отъ нихъ и гораздо ближе. Цѣны на скотъ въ Долбнь-нүрѣ нельзя назвать особенно низкими и, смотря по предложенію и требованію, самыя обыкновенныя хорошія головы лошадей стоятъ здѣсь 10, 15 и даже 20 ланъ, быкъ—отъ 8 и до 15 ланъ, а верблюдъ—35, 40 ланъ. Это будетъ какъ разъ на $\frac{1}{4}$ дороже цѣнъ, существующихъ въ Ургѣ, не говоря уже о цѣнахъ въ Кяхтѣ, или въ Улясутаѣ; тѣже самыя животныя будутъ стоять въ этихъ послѣднихъ городахъ вдвое дешевле. Продажа скота начинается въ Долбнь-нүрѣ съ конца 2-й луны и продолжается до конца десятой, съ одиннадцатой же и до конца второй луны въ городѣ нельзя получить даже продажнаго барана, или же за него нужно отдать четверную цѣну: говорятъ, бывали примѣры, что къ 1-й лунѣ здѣсь платили по 6 ланъ за одну овцу. Большая часть продаваемаго скота принадлежитъ китайцамъ, производящимъ въ степяхъ свою торговлю въ обмѣнъ на животныхъ и пригоняется этотъ скотъ главнымъ образомъ изъ аймака Цэцэнъ хана, а засимъ хошүновъ Учжумуцѣнъ, Абага и Сунитъ. Кожа и шерсти продается въ Долбнь-нүрѣ сравнительно очень незначительное количество, по цѣнѣ: конская кожа около 1000 чеховъ, бычья—1500 чеховъ, баранья—500 чех. и козловая—600 чех., а иногда даже нѣсколько дороже, такъ какъ въ ней помимо шерсти цѣнится еще пухъ; на верблюжьей шерсти обычная цѣна 120 чех. за гинъ и на баранью 80 чех. за гинъ. Изъ всѣхъ этихъ родовъ шерсти въ Долбнь-нүрѣ собирается главнымъ образомъ овечья, что касается верблюжьей, то, за отсутствіемъ верблюдовъ въ хозяйствѣ монголовъ окрестныхъ хошүновъ, ея собирается здѣсь сравнительно небольшое количество и притомъ вся она приходитъ преимущественно изъ сѣверной Монголіи, принимая за южную границу ея хитъ Бандиты. Шерсть, привозимая изъ хошүновъ юго-восточной Монголіи, считается весьма низкою по достоинству, такъ какъ верблюды, съ которыхъ она добывается, употребляются на перевозку угля и соли, а потому и шерсть ихъ является мелкою, истасканною и загрязненною.

Перевозка шерсти изъ Долбнь-нүра въ Китай совершается главнымъ образомъ магометанами изъ внутренняго Китая, которые забираютъ ее

отсюда на возвратномъ пути послѣ доставки на собственныхъ верблюдахъ въ Долбнъ-нүрѣ чая изъ Тянь-цзина. Въ 9-й лунѣ, когда шерсти собирается большое количество, за провозъ ея берутся и мѣстные магометане; ни везутъ шерсть на большихъ китайскихъ телѣгахъ, въ которыя запрягаютъ по 7 лошадей и муловъ.

Относительно хода долбнъ-нүрской торговли слѣдуетъ сказать, что вообще она значительно сократилась вслѣдствіе возвысившейся за послѣдніе годы конкуренціи съ Долбнъ-нүромъ города Бирү хотд. Очень многие товары, идущіе изъ Гуанъ-дуна, какъ-то водка, конопляное масло (ма-ю), табакъ и проч., а равно и хлѣбъ, прежде вывозившійся изъ юго-восточной Монголіи въ сѣверную исключительно черезъ Долбнъ-нүрѣ, теперь уже не заходятъ въ этотъ городъ, а направляются въ Халху прямо изъ Бирү хотдана. Съ другой стороны сами монголы, особливо изъ хошүновъ Баринь, Арү-хорчинъ и прочихъ сѣв.-восточныхъ, перестали гонять свой скотъ на продажу въ Долбнъ-нүрѣ, а гонять его въ тотъ-же Бирү-хотд, гдѣ и продаютъ китайцамъ, плотно населяющимъ теперь границы кэшиктэнскаго хошүна.

Кромѣ маймачэна, какъ сказано выше, подъ общимъ именемъ Долбнъ-нүра извѣстны еще находящіеся здѣсь два большихъ монастыря, въ частности носящіе прозваніе Шарà-сүмэ и Хѳхѳ-сүмэ т. е. Желтый монастырь и Синій монастырь.

Оба эти монастыря построены для монголовъ китайскимъ правительствомъ въ разное время, а именно, основаніе перваго изъ нихъ, какъ надо предполагать, относится къ 1691-му году, а втораго—къ срединѣ правленія Юнь-чжэна. Въ китайскомъ сочиненіи «Шэнь-ву-цзи» говорится, что при подданствѣ халхасовъ, Канси въ 1691 г. вышелъ черезъ Ду-ши-коу въ Долбнъ-нүрѣ, гдѣ представились ему всѣ халхаскіе ваны и тайчжи; въ трехъ аймакахъ ихъ подѣлено было 37 хошүновъ и, по примѣру монголовъ внутреннихъ цзасакѳвъ, для приюта ихъ ламъ была воздвигнута кумирня Хуй-цзунъ-сы (шарà-сүмэ). По монгольской біографіи Чжанчжэ хутухты, монастырь Шарà-сүмэ является по постройкѣ двумя годами раньше, а именно тамъ записано слѣдующее сказаніе: «Въ годъ бѣловатой змѣи высокій ханъ подчинилъ себѣ семь халхаскихъ хошүновъ и созвалъ ихъ на сеймъ, чтобы каждому изъ нихъ дать награды. Онъ основалъ новый монастырь въ Долбнъ-нүрѣ и воздвигъ въ немъ трехъ бурхановъ. Потомъ ханъ, Чжанчжэ хутухту и многочисленные сановники прибыли въ Долбнъ-нүрѣ и здѣсь совершено было большое освященіе надъ тремя кумирами. Въ этотъ день императоръ сказалъ рѣчь такого содержанія: «Такъ какъ я стремлюсь къ созиданію блага вѣры и одушевленныхъ существъ, пользы всеобщей, а

въ особенности довольства живущихъ здѣсь, поблизости восьми чахарскихъ хошунъ, 49 хошунъ южныхъ и 50 хошунъ сѣверныхъ, то я основалъ эту кумирню, и пусть отъ каждаго изъ многочисленныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ хошунъ живетъ здѣсь по одному ламѣ и читаютъ они здѣсь священныя книги ради блага живущихъ въ мирѣ. Ты, ламà (сказалъ онъ, обращаясь къ Чжанчжã хутухтѣ), зимнее прохладное время проводи въ Пекинѣ, а въ лѣтние жары управляй здѣсь и завѣдуй мѣстнымъ духовенствомъ. Такъ», заключаетъ повѣствователь, «собравъ изъ многихъ хошунъ 180 человекъ ламъ, императоръ вмѣстѣ со вновь построеннымъ монастыремъ поручилъ ихъ управленію Чжанчжã-хутухтѣ».

Изъ обоихъ этихъ записокъ нельзя однако съ точностію опредѣлить время построения этого монастыря. На вопросъ мой объ опредѣленіи точнаго года его построения, мѣстные ламы сообщили мнѣ, что вся исторія этого монастыря разказана въ каменописномъ памятникѣ, находящемся при главной кумирнѣ и за лану серебра они не только дозволили мнѣ осмотрѣть этотъ памятникъ, но даже и списать его. Камень сохранился прекрасно и находящаяся на немъ надпись читается совершенно свободно. Текстъ ея нижеслѣдующій:

19*

плясали, устраивали торжественныя поклоненія и веселились различными способами. Такимъ то образомъ всѣ обитающіе на отдаленныхъ границахъ совокупились во едино, и внутренніе и вѣшніе стали совершенно одинаковы. По окончаніи пировъ и раздачи наградъ всѣ собравшіеся представили мнѣ такую просьбу: «Эта мѣстность представляетъ собою ровную и обширную степь; воды и источники ея чисты и прозрачны; отстоитъ она неподалеку отъ пастъбищъ богдоханскихъ табуновъ и является центромъ дорогъ, по которымъ ѣздятъ всѣ восточные, западные и сѣверные аймаки монголовъ, а равно обитающіе въ песчаныхъ пространствахъ вокругъ Гоби. Нынѣ и въ настоящій день мы присутствовали на великомъ пиру, чиновники получили великія награды и милости, тьмы народа соединились вмѣстѣ и обращаютъ свои упованія исключительно къ тебѣ, августѣйшему. Искони вѣковъ не бывало ничего подобнаго. А посему соизволь обосновать въ этомъ мѣстѣ монастырь и кумирню и явно возвѣстить (о семъ) въ хвалебной, благовѣстительной повѣсти». По такому прошенію я издалъ указъ, приказалъ построить кумирню, собралъ по одному хувараку отъ каждаго цзасакъ, и поставилъ начальствующаго ламу. Когда, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я пріѣзжалъ сюда обратно, то здѣсь же собирались многочисленныя цзасакі и нояны, и всѣ они представляли мнѣ доклады каждый о своихъ дѣлахъ. Нынѣ миновало такимъ образомъ опять-таки двадцать слишкомъ лѣтъ. Постепенно отдѣлали здѣсь заново большую кумирню, монастырскую ограду, боковыя кумирни, павильоны для колокола и барабана, а равно другія зданія, населенность стала плотнѣе, жилища помѣщенія построились непрерывною линіею, мѣсто стало обширное и очень красивое. По просьбѣ кумиренныхъ ламъ о томъ, что кумирнѣ этой прежде не было пожаловано имени, я особливо наименовалъ ее «кумирнею начала собранія» и поселилъ въ ней по одному хувараку отъ каждаго изъ цзасакѣвъ 48 хошунѣвъ, отъ каждаго изъ цзасакѣвъ халхаскихъ, каждаго изъ цзасакѣвъ блѣтскихъ, всего въ количествѣ 120. Такъ какъ законы священнаго ученія будды не двойственны и возводятъ все къ единому началу, то также точно собираясь въ сей (кумирнѣ), и также точно приходя тамъ въ единеніе, всѣ монголы, благособлюдая правила вѣры, имѣютъ приходить сюда, стекаясь по одиночкѣ изъ далекихъ мѣстностей. Это подобно тому какъ воды большихъ и малыхъ рѣкъ, протекая, сливаются въ море. Въ этомъ основній смыслъ настоящаго положенія. По такимъ то обстоятельствамъ выгравирована и поставлена на вѣчныя времена эта писаница.

Правленія Энхэ амугулан'а 53 года, послѣдней весенней луны 1-го числа.

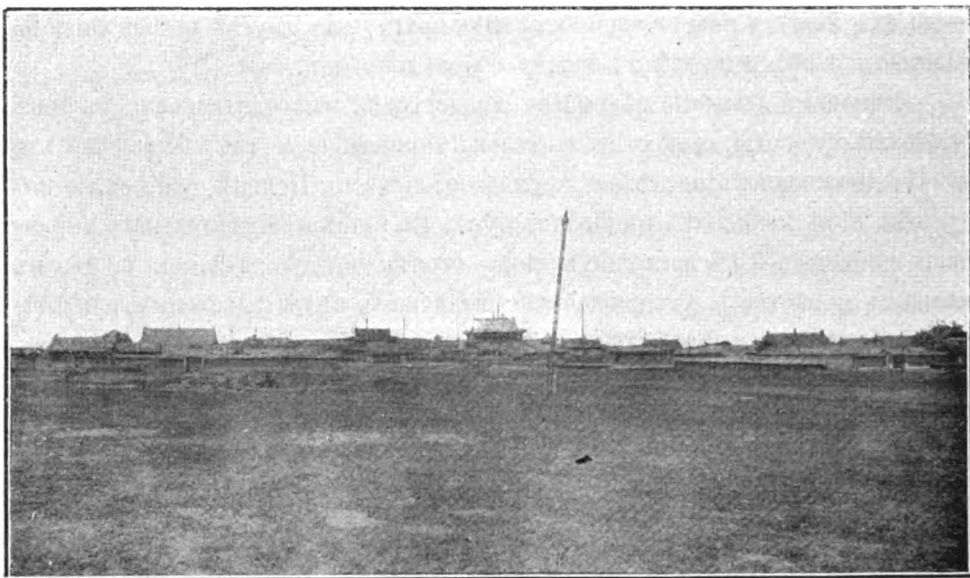
Изъ вышепредставленной, исторической рѣчи богдохана Канси яв-

ствуесть, что Шарà-сүмэ состоитъ въ непосредственномъ завѣдываніи Чжанчжà-гэгэна, впослѣдствіи же его управленію подчиненъ былъ и Хòхò сүмэ. Съ тѣхъ поръ оба эти монастыря состоятъ подъ однимъ вѣдомствомъ, но ламы ихъ живутъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга, не исполняютъ взаимно службъ и не дѣлятъ между собою доходовъ.

Впрочемъ единство вѣдомства монастырей, сосредоточенное въ лицѣ Чжанчжà хутухты, существуетъ только номинально и самъ Чжанчжà хутухтү, проживая въ послѣднее время постоянно въ Пекинѣ, уже около полусотни лѣтъ не бывалъ въ Долбнѣ нүрѣ. Во главѣ дѣйствительнаго управленія монастырей въ настоящую пору стоятъ четыре дѣ-ламы, по два въ каждомъ монастырѣ, утверждаемые китайскимъ правительствомъ, или точнѣе Ли-фань-юанемъ, и получающіе отъ него печати какъ знакъ своего достоинства и жалованье. Кромѣ сего въ Шарà-сүмэ живетъ знаменитый Эмчй-лама, а въ Хòхò-сүмэ—Ширѣту-гэгэнъ, Ганчжирь-гэгэнъ, Ачжà-гэгэнъ, Архà-гэгэнъ и др. Каждый изъ поименованныхъ гэгэновъ имѣетъ свои казначейства и своихъ шабинàровъ, надъ которыми имѣетъ частное управленіе. Это причисленіе къ общинѣ того или другого гэгэна служитъ здѣсь къ раздѣленію ламъ на аймаки какъ въ ихъ общественномъ быту, такъ и въ административномъ отношеніи.

Шарà сүмэ считаетъ въ своихъ стѣнахъ до 400 слишкомъ ламъ, а Хòхò сүмэ свыше 500 ламъ. Такимъ образомъ населеніе обоихъ монастырей представляется почти равнымъ по своему объему, да говоря вообще и по внѣшнему виду монастыри эти почти совершенно одинаковы. Въ центрѣ каждаго изъ нихъ располагается двухъ-этажная императорская кумирня, обнесенная высокою, красною каменною оградою, а вокругъ этой ограды группируются жилища ламъ, построенныя чрезвычайно скученно. Проѣхать въ телѣгѣ здѣсь по большей части улицъ и переулковъ совершенно не возможно. Въ Хòхò сүмэ помимо императорской кумирни воздвигнуто еще нѣсколько кумирень проживающихъ здѣсь гэгэновъ и каждую изъ нихъ окружаютъ байшины шабинàровъ того гэгэна, которому принадлежитъ и кумирня. Ламскія подворья вообще очень грязны, беспорядочны и тѣсны, а очень многія изъ нихъ и вовсе пустуютъ. Обусловливается это конечно составомъ и условіями быта самихъ здѣшнихъ ламъ. Всѣ они, за исключеніемъ шабинàровъ помянутыхъ гэгэновъ, принадлежащихъ почти исключительно къ чахàрскимъ хошүнамъ, суть пришельцы изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ, потому что каждый хошүнъ южной Монголіи уже обязательно содержитъ здѣсь своего ламу. Изъ рѣчи богдохана Канси мы видѣли, что здѣсь должны были жить также и ламы, представители каждаго хошүна изъ четырехъ халхаскихъ аймаковъ; но

это не соблюдается, кажется, уже очень давно. Когда мнѣ впервые пришлось посѣтить Долбнъ-нуръ въ 1878 году, то я нашелъ здѣсь

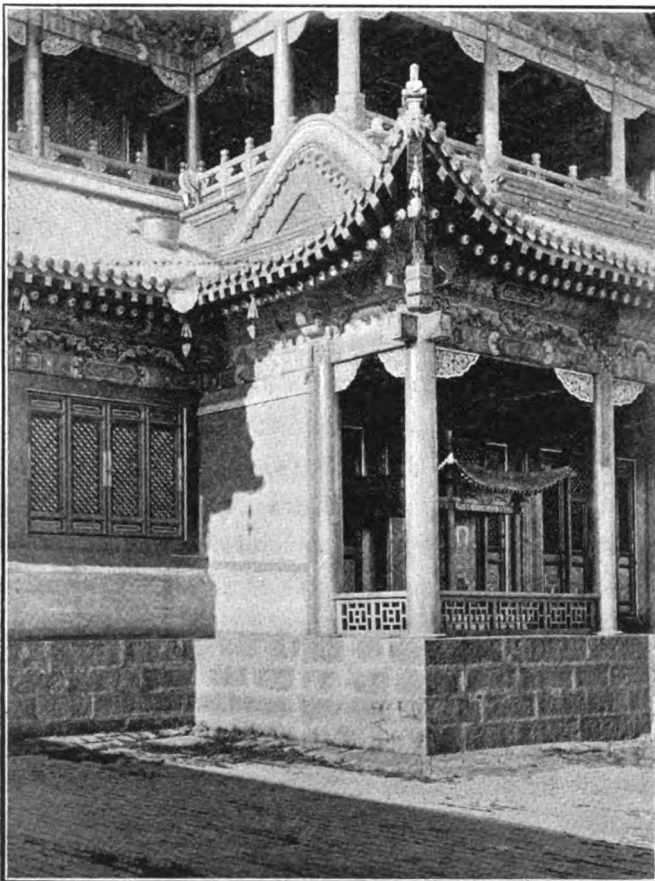

Общій видъ монастыря Хбхò сүмэ.

тогда главнымъ образомъ ламъ цэцэнъ хановскаго аймака; въ Шарà-сүмэ проживало еще два ламы, принадлежавшихъ къ аймаку тушэту-хановскому, изъ сѣйнъ-нойновскихъ же послѣдній лама, какъ мнѣ сообщали, умеръ года за два передъ симъ и мѣсто его было занято по найму ламою одного изъ южныхъ хошунъ. Въ настоящую пору я встрѣтилъ здѣсь халхасовъ до 80 человекъ и по этому поводу мѣстный цзасакъ ламà сообщилъ мнѣ, что еще въ періодъ 1880 — 1881 гг. Ли-фанъ-юань, обративъ вниманіе на неисполненіе халхасами богдоханскаго повелѣнія, потребовалъ отъ нихъ немедленной высылки ламъ въ Долбнъ-нуръ, а мѣстное монастырское начальство заявило при этомъ, что содержаніе этихъ ламъ сравнительно съ прежнимъ должно быть непременно 'увеличено хошунами. По искони установленнымъ правиламъ, 'каждый хошунъ, посылая въ Долбнъ нуръ своего ламу, обязанъ былъ давать ему средства къ существованію, ассигнуя деньги въ видѣ жалованья. Количество этого ассигнованія всегда было совершенно произвольно, а потому и весьма различно: обуславливалось оно главнымъ образомъ богатствомъ того или другого хошуна. Высшій окладъ, какъ пришлось мнѣ узнать это въ 1878 г. изъ монастырскихъ бумагъ, былъ назначенъ въ свою пору халхаскимъ хошунъ Сѣйнъ нойна, — онъ равнялся 62 ланамъ серебра въ годъ; другіе, южные хошуны давали своимъ

ламамъ 60 ланъ, Табисъ—56, а харачинскій хошунъ только 50,000 чеховъ, что составитъ около 34—38 ланъ въ годъ. Кромѣ сего каждый хошунъ, содѣржавшій своего ламу въ долбнъ-нѣрскихъ монастыряхъ, былъ обязанъ содержать для его помѣщенія особый байшинъ (домъ или келью) за отдѣльной оградой. Получивъ вышепомянутое ли-фань-юаньское предписаніе вначалѣ 1881 г., халхасы уже къ концу этого года выслали въ Долбнъ-нѣръ требовавшееся отъ нихъ число ламъ, хотя распредѣленіе ихъ и не вполне совпадало съ богдоханскимъ постановленіемъ. Такъ, въ силу совершеннаго обѣднѣнія нѣкоторыхъ хошунъ, халхаскіе сеймы освободили эти хошунны отъ сказанной повинности и взаменъ сего опредѣлили послать по два и даже по три ламы изъ хошунъ болѣе богатыхъ. Разговаривавшіе со мною ламы изъ хошуна Пунъ-бэйсэ сообщали, что они проживаютъ здѣсь вдвоемъ, причѣмъ одинъ отбываетъ свою повинность взаменъ ламы изъ недостаточнаго хошуна Цэ-цзасака; въ содержаніе они получали по 52 ланы въ годъ каждый, помимо обезпеченія потребными при служеніи духовными одеждами и помѣщеніемъ въ видѣ байшина. Изъ дальнѣйшихъ разказовъ ихъ выяснилось, что, не смотря на очень умѣренно отнущенное содержаніе, халхасы сильно почувствовали этотъ новый налогъ, а потому не дальше какъ черезъ годъ представили прошеніе богдохану, въ которомъ писали, что на содержаніе долбнъ-нѣрскихъ ламъ со всѣхъ халхаскихъ хошунъ въ общемъ ежегодно расходуется свыше 10,000 ланъ серебра; что сверхъ сего хошунны должны черезъ каждые три года обновлять духовныя одежды долбнъ-нѣрскихъ ламъ, что вызываетъ новый расходъ, приблизительно въ 4000 ланъ; наконецъ въ десять лѣтъ разъ хошунамъ нужно еще поновлять байшины и дворовыя ограды, въ которыхъ проживаютъ ламы, каковой расходъ также придется исчислять различно, но не менѣе какъ въ суммѣ отъ 6-ти до 10-ти тысячъ ланъ. Выставляя на видъ свое тяжелое экономическое положеніе, халхасы просили разрѣшить имъ не посылать своихъ ламъ въ долбнъ-нѣрскіе монастыри съ тѣмъ, чтобы штаты этихъ монастырей пополнялись бы исключительно ламами изъ южныхъ хошунъ. Такъ какъ никакого отвѣта на эту просьбу не послѣдовало, то халхасы продолжаютъ и доселѣ содержать своихъ ламъ въ Долбнъ-нѣрѣ, хотя, по отзывамъ монастырскихъ казначеевъ, высылаютъ это содержаніе крайне неисправно. Съ цѣлью побужденія къ доставкѣ ассигнованныхъ для сего суммъ управленіе монастыря Шаръ сѹмэ ежегодно по веснѣ отправляетъ въ разныя стороны отъ 8 до 12 своихъ ламъ, съ званіемъ нирбы, къ различнымъ сеймовымъ старшинамъ; но это не особенно много помогаетъ дѣлу: возвращаясь домой, нирбы привозятъ иногда только половину слѣдующей суммы. Чтобы восполнить недостатки содержанія своей братіи, монастыри нерѣдко

выдаютъ ей вспомошествованіе изъ суммъ, получаемыхъ отъ аренды монастырскихъ домовъ и земель, а равно и отъ извознаго промысла. Это даетъ возможность ламамъ быть сытыми и одѣтыми, но помѣщенія ихъ въ большинствѣ очень плохи. Всѣ байшины, въ которыхъ проживаютъ долонь-нѳрскіе ламы составляютъ собственность различныхъ хошѳновъ, а какъ эти хошѳны не высылаютъ денегъ на ихъ поправку, то они и стоятъ почти полуразрушенными за своими оградами. Во многихъ изъ нихъ невозможно даже и жить, такъ что обитатели ихъ давно уже переселились въ поставленныя на отдѣльныхъ монастырскихъ дворикахъ юрты. Сказанная бѣднота ламскихъ жилищъ представляется здѣсь поразительною особенно

Фронтонъ кумирни Шаръ сумѣ.

по сравненію ея съ великолѣпнѣмъ мѣстныхъ императорскихъ кумирень. Послѣднія своимъ фасадомъ и архитектурой живо напомнили мнѣ покчннъ въ халхаскомъ Амѳръ баясхулантѳ, только послѣдній построенъ изъ дерева, долонь-нѳрскія же кумирни каменныя и отдѣлка ихъ украшеній несравненно тоньше, изящнѣе и богаче Амѳръ - баясхулантѳской. Особенно красивыми представляются здѣсь фронтоны. Раздѣлка ихъ карнизовъ, обиліе самой причудливой рѣзьбы, чудные рельефы и изящно

выточенныя, отполи-

VIII. Отъ Долбн̄н-н̄ура до Бир̄у-хото.

23-е Мая. Воскресенье.

6 ч. $+8^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$; 12 ч. $+15\frac{1}{2}^{\circ}$; 3 ч. $+14^{\circ}$; 6 ч. $+10^{\circ}$;
9 ч. $+7$.

Сегодня предположили выѣхать изъ Долбн̄н-н̄ура съ тѣмъ, чтобы посѣтить наиболѣе выдающіеся торговые пункты юго-восточной Монголіи. Бир̄у-хото и Цаг̄анъ-субурга, вообще очень мало у насъ извѣстные. Путь нашъ поэтому долженъ былъ лежать прямо на сѣверо-востокъ. Отъ Долбн̄н-н̄ура до г. Бир̄у существуетъ двѣ дороги: одна южная, проходящая по мѣстностямъ сплошь распаханнымъ и заселеннымъ китайцами. Дорога эта выгоднѣе въ томъ отношеніи, что по ней можно проѣхать безопаснѣе и удобнѣе: мѣста полдниковъ и ночлеговъ здѣсь повсюду разсчитаны, на всѣхъ остановкахъ имѣются хотя бы грязныя, китайскія, но все же гостиницы или дяни; съ другой стороны дорога эта крайне трудна, по причинѣ обилія на ней песковъ и переваловъ. Вторая дорога, — сѣверная, проходить по монгольскимъ кочевьямъ черезъ кумирни Шабаргай с̄умэ, Шибэ-с̄умэ и Дарханъ-улайнъ с̄умэ; песковъ по этой дорогѣ, говорятъ, если и не меньше, за то горы гораздо положнѣе и перевалы болѣе легки для подъемовъ. Такъ какъ верблюды наши уже заявили себя своею слабостью, то я предпочелъ ѣхать по этой второй, сѣверной дорогѣ. Впрочемъ сѣверныхъ дорогъ также точно оказалось нѣсколько: всѣ онѣ, будучи проторены главнымъ образомъ соляными возчиками, ведутъ къ однимъ тѣмъ же предѣламъ учжумуцинъ'скаго хош̄уна и отстоятъ одна отъ другой иногда не больше какъ на разстояніи двухъ, трехъ верстъ. Избраніе того или другого частнаго пути я предоставилъ уже на волю извозчиковъ, заявивъ имъ только одно, что я непремѣнно желаю посѣтить развалины Чжун̄н-найманъ-с̄умэ.

При такихъ обстоятельствахъ мы оставили сегодня Долбн̄н н̄уръ въ 7 ч. 15 м. утра. Было пасмурно: небо кругомъ заволочено тучами и дулъ довольно сильный, прохладный, юго-восточный вѣтеръ. Непосредственно за монастыремъ Хох̄о-с̄умэ тянется дорога соляныхъ возчиковъ, по которой мы могли бы ѣхать, но, въ виду поставленнаго мною условія, — посѣщенія Чжун̄н найманъ с̄умэ, — намъ пришлось пересѣчь ее и направиться не прямо на сѣверъ, а на сѣверо-западъ, почти по дорогѣ, соединяющей Долбн̄н н̄уръ съ Ургою. Долбн̄н н̄урская равнина въ сѣверной своей части и по близости къ окружающимъ ее горамъ имѣетъ твердо

песчаный грунтъ, усѣянный мелкой галькой и поросшій мелкою травкой, вродѣ кища. Миновавъ ее, мы въ 8 ч. 40 м. вступили въ горы, или правильнѣе сказать, пологіе холмы съ мягкими скатами, покрытыми теперь богатою травою. Повсюду видны были табуны лошадей, пригнанные долбнъ нѣрскими китайскими торговцами съ сѣвера, для продажи ихъ въ Долбнъ-нѣрѣ. Нѣсколько далѣе мы повстрѣчали такой же табунъ въ 70 головъ, гонимый изъ хошѹна Биширэлтѹ бэйсэ цэцэнъ хановскаго аймака и принадлежащій торгующей въ этомъ хошѹнѣ долбнъ-нѣрской лавкѣ Хо-лицзинь; табунъ этотъ пробылъ въ дорогѣ болѣе мѣсяца и дневные перегоны его, очевидно, не превышали 20 верстъ. Въ 10 ч. мы начали подниматься на длинный и крутой перевалъ Моринъ-даба, отдѣляющій долбнъ-нѣрскую равнину отъ долины Шанду гѹла. Путь по этому перевалу довольно трудный какъ для подъема такъ и для спуска. Мой верблюдъ былъ не въ состояніи поднять телѣги, такъ что пришлось припрягать пристяжкой другого. Съ большими усиліями переваливъ Моринъ-даба, мы спустились съ него въ громадную долину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами; посреди ея съ запада на востокъ извивалась р. Шанду гѹль. Въ 1 ч. 40 м., недоѣзжая версты $1\frac{1}{2}$ до ея береговъ, мы вступили въ болотистыя пространства, окаймляющія здѣсь съ обѣихъ сторонъ теченіе Шанду гѹла: почва этихъ пространствъ крайне зыбкая вообще, теперь, подъ вліяніемъ дождей, сдѣлалась вязкою и мѣстами представляла собою прямыя трясины. Рѣка Шанду имѣла здѣсь ширины не болѣе 8 саженей и глубины не свыше 11 вершковъ; дно ея твердо песчаное. Перевродивъ ее, мы въ 2 ч. 40 м. достигли развалинъ Чжѹнъ-найманъ сѹмэ и не успѣли еще развѣютаться, какъ пошелъ мелкій, совершенно осенній дождикъ.

Чжѹнъ найманъ сѹмэ — развалины древняго китайско-монгольскаго города, по началу бывшаго столицею юаньскихъ императоровъ, а по паденіи юаньской династіи низшедшаго на степень простой китайской крѣпости и пограничнаго пункта, съ котораго китайцы наблюдали за беспокоившими ихъ границы монгольскими племенами. По буквальному переводу Чжѹнъ найманъ сѹмэ значитъ «108 кумирень»; помимо сего разсматриваемыя развалины носятъ еще и теперь всѣ тѣ имена, которыя принадлежали городу въ періодъ его дѣйствительнаго существованія. Такъ онѣ извѣстны подъ китайскимъ нарицательнымъ «Шанъ-ду», что значитъ «верхняя столица», потому что встарину этотъ городъ составлялъ сѣверную столицу Хубилай-хана; и за тѣмъ — подъ именемъ Кай-пинъ-фу. Это послѣднее названіе было собственнымъ именемъ Шанъ-ду, какъ одного изъ столичныхъ городовъ юаньской имперіи.

Производить подробный осмотръ этихъ развалинъ въ первый же день

по прибытіи, въ силу избыточно падавшаго дождя, мнѣ не представлялось никакой возможности, да къ тому же самыя развалины оказались на столько обширны, что прежде всего нужно было составить себѣ общее о нихъ понятіе. Взобравшись на валъ, не трудно было увидать, что Чжунъ-найманъ сѹмэ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ, заключающихся одинъ въ другомъ городовъ, каждый изъ которыхъ обнесенъ особыми стѣнами. Я началъ свой осмотръ съ самаго наружнаго города, объѣхавъ его около стѣнъ верхомъ на лошади, на что потребовалось 3½ часа, отъ 4-хъ до 7½ вечера; необходимо предположить поэтому, что этотъ наружный, крайній городъ имѣетъ въ окружности не менѣе 12 верстъ. Внутри его, кажется, не сохранилось ровно ни какихъ ни кургановъ, ни канавъ. Стѣны представляютъ теперь земляной валъ, мѣстами сильно избитый и почти незамѣтный особливо съ южной стороны, мѣстами значительно поднимающійся особливо на сторонѣ западной, и наконецъ, высоко вздымающійся надъ полотномъ долины на сѣверной оконечности города. Наибольшая высота вала доходитъ здѣсь до 4 саж. Произошло ли это различіе высоты стѣнъ въ послѣдующее время, или оно современно основанію города, на это нельзя отвѣчать безъ особыхъ изслѣдованій. Несомнѣнно, что время уничтожило большую часть вала на южной сторонѣ; но съ достаточнымъ вѣроятіемъ можно предположить, что онъ не имѣлъ одинаковой высоты и во время постройки. Какъ монголы, такъ и живущіе въ степяхъ Монголіи китайцы, устраивая ограды своихъ жилищъ, обыкновенно дѣлаютъ сѣверную стѣну выше остальныхъ для большей защиты отъ вѣтра, а иногда они ограничиваются даже и возведеніемъ одной сѣверной стѣны, какъ это, на примѣръ, находимъ мы въ долонѣ нѹрскомъ богдоханскомъ Шаръ-сѹмэ. Что касается ширины наружныхъ стѣнъ города, то опредѣлить ее правильно на сѣверной оконечности города хотя бы то у основанія ихъ едва ли представляется возможнымъ, такъ какъ, при разрушеніи, стѣны, несомнѣнно, должны были на столько же утолститься внизу, на сколько съузиться сверху. По вершинѣ стѣны можно свободно ѣхать на лошади, ибо она нигдѣ не суживается менѣе аршина. Въ другихъ мѣстахъ современные намъ монголы проложили здѣсь даже колесную дорогу, къ чему побудило ихъ, безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что соприкасающаяся стѣнамъ долина Шанду гѹла, особливо въ періодъ дождей, бываетъ очень вязкою, между тѣмъ какъ стѣнной валъ всегда представляетъ собою дорогу твердаго грунта. Руководствуясь, конечно, тѣми же удобствами, они устроили за стѣнами вала свои зимники и загоны скота. Помнится, что кто-то изъ недавнихъ путешественниковъ сообщалъ, будто бы здѣсь построена даже кумирня, но это не вѣрно: имѣется только одинъ бунханъ въ 1½ ква-

дратныхъ аршина, въ окошечкѣ коего стоитъ, по обычаю, идоль гацза-рѣйнъ эцзэна и засимъ никакихъ другихъ построекъ здѣсь нѣтъ. Вообще относительно городского пространства, находящагося за этимъ наружнымъ валомъ, можно сказать, что по мѣстамъ оно покрыто курганами, или буграми, но представляютъ ли эти курганы остатки зданій, а еще болѣе опредѣлить къ какому времени они относятся, рѣшительно не возможно. Трудно предположить, чтобы городская мѣстность, окруженная стѣною, не имѣла ни какихъ построекъ, но во всякомъ случаѣ курганы эти такъ низки и такъ плотно покрылись травою, что о нихъ трудно сказать что либо безъ основательныхъ раскопокъ. Весьма вѣроятно, что здѣсь то и былъ разведенъ Хубилаемъ тотъ паркъ, описаніе котораго такъ картинно изложено у Марко-Поло.

Возвратившись въ свою палатку измоченный дождемъ, я не могъ принять далѣе ничего для изслѣдованій, да къ тому же стало и темно. Оставалось припоминать и соображать все, что было когда либо прочитано о Шанду для выясненія его исторіи и положенія. Не желая повторять здѣсь уже извѣстнаго, отмѣчу лишь то, что, кажется, у насъ не было еще напечатаннымъ и заимствуется мною изъ сочиненія «Сунъ-тунъ-цзянь» (Сунской исторіи).

По словамъ этого сочиненія, время основанія Шанду относится къ періоду 1256 — 1259 г., точнѣе сказать, здѣсь говорится, что въ 1256 г. монгольскій Хубилай ханъ хотѣлъ устроить городъ, который служилъ бы рынкомъ и дворцемъ, и такимъ образомъ былъ бы пунктомъ собранія для подданныхъ имперіи. Дѣло избранія подходящаго для этой цѣли мѣста было поручено Хубилаемъ нѣкому хѣшану Цзы-цзуну, который и выбралъ урочище на востокъ отъ Хуань-чжоу и Лунъ чанъ, на сѣверномъ берегу Луанъ шуй. Постройка была окончена въ три года и городъ названъ Кайпинъ-фу, а потомъ переименованъ въ Шанъ-ду (въ 1263 г.).

1301 г. Въ 8-й лунѣ, вслѣдствіе продолжительныхъ дождей, въ Шанъ-ду, ночью, вода съ шумомъ хлынула на СЗ. Военный начальникъ Ванъ-бо-шанъ съ своими солдатами тотчасъ поставилъ сваи, навалилъ земли и камней, войлоковъ и ковровъ, открылъ городской ровъ для стока воды, такъ что къ утру все было спокойно и жители не знали о случившемся.

1321 г. Было отправлено въ Шанду 3500 солдатъ для постройки Хуа-янь-сы. — Въ томъ же году въ Шанду разрушили Хуй-хуй-сы (мусульманскую мечеть) и на ея мѣстѣ построили джань въ честь Ди-ци (Пакбалы). Тогда-же устроили въ Шанду золотую башню, Цзинъ-фоу-ду, для помѣщенія въ ней мощей будды. Наконецъ въ томъ же году въ Шанду была исправлена городская стѣна.

1323 г. Прекращена разработка золота и серебра въ Шанду, Юнь-чжоу, Синь-хэ, Сюань-дэ, Юй-чжоу, Фынъ-тэнъ-чжоу и Цзи-минь-шан'и.

1337 г. Въ Шанду, въ Ширъ-ордосы было лѣтомъ пиршество; послѣдующіе государи только этимъ и занимались.

1354 г. Повелѣно выстлатъ камнемъ дорогу на сѣверъ, къ Шанду.

1358 г. Гуань сянь-шэнъ изъ Да-туна напалъ на Шанду, сжегъ дворець, оставался въ городѣ семь дней и потомъ двинулся на Ло-янъ. Со времени сожженія дворца въ Шанду ханы болѣе не посѣщали его.

Съ 1370 г. Шанду былъ обращенъ въ «вэй». Къ нему учреждено было 8 станцій; 4 восточныя: Лянъ-тинъ, Ни-хэ, Сай-фынъ и Хуанъ яй, которыя вели къ Да-нинъ и Гу-бэй-коу; 4 западныя: Хуанъ-чжоу, Вэй-лу, Минъ-ань и Ши-нинъ, которыя вели въ Ду-ши-коу».

24 Мая. Понедѣльникъ.

6 ч. $+7^{\circ}$; 9 ч. $+8^{\circ}$; 12 ч. $+13^{\circ}$; 3 ч. $+14^{\circ}$; 6 ч. $+11^{\circ}$; 9 ч. $+8^{\circ}$.

Проснувшись, по обычаю, въ 5-мъ часу утра, я увидѣлъ, что новый день не принесъ ничего утѣшительнаго: какъ вчера моросилъ мелкій и частый дождикъ, а небо было сплошь заволочено тучами, такъ что дожда этого и конца не видѣлось; прибавилось лишь грязи и почва, напоенная водою, стала еще рыхлѣе, дрожь подъ ногами какъ трясина. Къ 9 часамъ дождь началъ переставать, или покрайней мѣрѣ моросилъ съ промежутками и я направился на осмотръ втораго города. Для обхода вокругъ стѣнъ его потребовалось времени ровно часъ, слѣдовательно этотъ второй городъ имѣеть въ окружности около 4 верстъ. Стѣны его сохранились несравненно лучше стѣнъ перваго, наружнаго города и это особливо на сторонахъ западной и восточной. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ стоятъ еще такъ прочно и цѣльно, что нельзя и подумать, что надъ этими руинами пронеслось пять столѣтій, въ теченіе которыхъ все клонилось только къ ихъ большому паденію. Высота этихъ стѣнъ была, вѣроятно, не менѣе пяти сажень. Снаружи онѣ были съ обѣихъ сторонъ своихъ облицованы гладко отесаннымъ дресвяникомъ, который скрѣплялся, повидимому, известкой съ примѣсью глины; внутри облицовки, какъ бутъ, были навалены и куски того же дресвяника, и песчаникъ, и наконецъ обломки кирпича. Въ видахъ болшей крѣпости стѣна была снабжена отстоящими другъ отъ друга въ разстояніи 30 саж. Такъ какъ на вершинѣ этихъ стѣнъ валяется чрезвычайно много глазированной черепицы, то можно предположить, что онѣ имѣли черепичную кровлю. Въ этотъ второй городъ вело всего шестеро воротъ, причемъ на сторонахъ сѣверной и южной было по однимъ воротамъ, а на западной и восточной по двое, каждыя изъ которыхъ находились въ 800 шагахъ другъ отъ друга. Всѣ эти ворота были двойныя и заграждающія во-

ротный проходъ стѣны выдавались изъ общей линіи городскаго кремля приблизительно сажень на 10; выходъ изъ воротъ никогда не бывалъ прямой, а

Видъ стѣны второго города Шанду.

только по сторонамъ и непременно въ обѣ стороны. По наружной сторонѣ городскихъ стѣнъ, несомнѣнно, проходилъ ровъ, отъ котораго теперь осталось углубленіе мѣстами въ аршинъ, а мѣстами и того менѣе. Внутри этого второго города я насчиталъ всего 18 большихъ кургановъ изъ коихъ 14 располагаются въ СВ и СЗ углахъ города. Въ СВ углу изъ наиболѣе сохранившихся и возвышающихся есть одинъ курганъ, который мѣстные монголы называютъ «хѳхѳ сумѳ», т. е. «синяя кумирня». Онъ окруженъ особымъ валомъ, несомнѣнно составлявшимъ въ прежнее время ограду и имѣющимъ въ длину, съ С. на Ю., 60 шаговъ, а въ ширину, съ В. на З., 40 шаговъ. Всего въ этой оградѣ расположено четыре кургана, отстоящихъ одинъ отъ другаго на 5, 6 шаговъ. Здѣсь, въ СВ углу ограды, неподалеку отъ главнаго, т. е. самага большаго кургана, въ неглубокой впадинѣ лежитъ камень, представляющій собою полуразбитый каменописный памятникъ, уцѣлѣвшій намъ отъ временъ Юаньской династіи. Памятникъ этотъ представляетъ теперь собою повалившуюся плиту изъ бѣлаго мрамора, прекрасно отшлифованную и еще искуснѣе украшенную изсѣченными на ней изображеніемъ двухъ драконовъ съ обращенными внизъ головами и переплетшимися на верху хвостами. Драконы эти передними своими лапами

поддерживаютъ медальонъ, въ которомъ изсѣчено 12 іероглифовъ надписи. По формѣ своей вся плита является квадратною и имѣетъ въ каждой изъ своихъ сторонъ 1 арш. и 8 вершк.; что же касается медальона надписи, то онъ длиною въ 14 вершк., а шириною въ $7\frac{1}{2}$ вершковъ. Въ свою пору плита эта была водружена на изсѣченномъ изъ такого же бѣлаго мрамора изображеніи черепахи, которое теперь находится тутъ же, не подалеку отъ плиты, на половину вросшимъ въ землю. Что касается самой надписи, то она изсѣчена китайскими іероглифами, имѣющими названіе «чжуань-цзы» и бывшими въ употребленіи у китайцевъ въ періодъ не позже II вѣка по Р. Х., нынѣ же являющимися у нихъ только для красы въ заглавіяхъ важныхъ классическихъ и ученыхъ сочиненій, въ надписяхъ на генеральныхъ географическихъ картахъ, а иногда и особенно важныхъ картинъ. Представляя здѣсь точный снимокъ этой надписи, мы добавимъ, что по современной іероглифической письменности китайцевъ она должна явиться въ слѣдующемъ видѣ:

老	司	皇
壽	徒	元
公	塲	敕
之	軒	賜
碑	長	大

и читается:

«хуань юань чи цы да-
сы - ту Цзюнь - сюань
чжань

лао Шуо гунъ чжи бэй».

Въ переводѣ это будетъ обозначать: «Могильный памятникъ (бэй), (воздвигнутый) при великой (династіи) Юань (хуань юань), по именному повелѣнію (чи цы), великому народному цивилизатору (да-сы-ту), (по наимено-

ванію) Цзюнь-сюань, честному старцу (чжанъ-лао), почтенному (гунъ) Шоу (собств. имя).

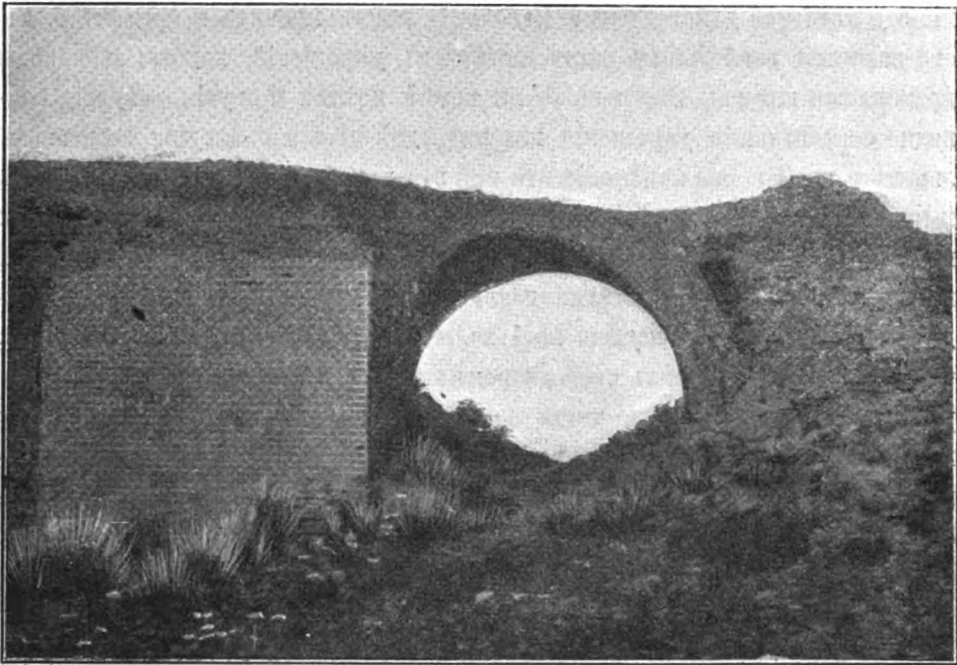
Такимъ образомъ надпись сама собою свидѣтельствуесть, что этотъ камень есть памятникъ надъ могилою какого то достославнаго мужа. Мужъ этотъ носилъ званіе «да-сы-ту», которое мы передаемъ словами «великій народный цивилизаторъ», въ объясненіе же къ сему прибавимъ еще, что оно было даваемо въ періодъ монгольской династіи въ Китаѣ довольно часто. Юань'скіе императоры, какъ извѣстно, сильно заботились о развитіи грамотности и усовершенствованіи земледѣлія въ Китаѣ и для распространенія этихъ знаній въ народѣ устанавливали отдѣльныхъ чиновниковъ; они то и носили иногда званіе да-сы-ту. Этимъ да-сы-ту поручалось иногда сверхъ помянутыхъ дѣлъ еще и собираніе оброковъ. Титулъ да-сы-ту существовалъ, кажется, еще и прежде юаней; о монголахъ же необходимо замѣтить, что они вообще часто жаловали древніе титулы, которые впрочемъ не давали никакихъ особенныхъ правъ получавшимъ ихъ. Этотъ обычай монголовъ награждать титулами относился безразличія какъ къ духовнымъ, такъ и къ свѣтскимъ лицамъ; погребенный же подъ симъ камнемъ да-сы-ту былъ буддійскій монахъ.

Кромѣ этого камня въ с.-в. же углу находится еще одинъ камень съ изображеніемъ двухъ шляпъ тибетскаго фасона, т. е. съ невысокою узкою тулею и широкими полями. Въ с.-з. углу города у одного изъ кургановъ я встрѣтилъ толстые, но уже никуда не годные по нарѣзкѣ жернова американской системы, употребляемые и по сю пору китайцами; но принадлежать ли эти жернова къ эпохѣ юаньской, или минской династіи, или наконецъ относятся къ позднѣйшему времени, опредѣлить это едва ли возможно.

Сдѣлавъ снимокъ съ надписи эстампажемъ, я направился осматривать третій и самый внутренній городъ, представлявшій собою собственно жилище богдохановъ монголо-китайской династіи Юань.

Городъ этотъ также обнесенъ стѣною, каждая сторона которой имѣетъ протяженія около 880 шаговъ (я насчиталъ въ восточной 862, южной 896, западной 868), или около 300 сажень. Стѣны эти по своему устройству были одинаковы со стѣнами втораго города: въ срединѣ ихъ находился точно такой же буть, только облицованы онѣ были не дрсвяникомъ, а обожженнымъ кирпичемъ. Сохранились онѣ особенно хорошо на южной сторонѣ, близъ воротъ, равно какъ и самыя эти ворота. Толщина этой стѣны въ воротномъ проходѣ равняется 7 сажнямъ, въ остальныхъ мѣстахъ она не превосходитъ 10 арш. и 6 вер. Замѣчательно, что стѣны этого города развалились довольно равными звѣнями, какъ будто бы въ этихъ разрушившихся мѣстахъ стѣны было устроено что либо другое, отличное отъ стѣнъ.

Восточныя и западныя ворота разрушились почти совершенно въ своей верхней части, но основаніе и стѣны ихъ еще сохранились. Можно думать,

Развалины южныхъ воротъ въ Чжунъ найманъ сунэ.

что на этихъ воротахъ помимо черепичной кровли были еще и украшенія ; такъ, напримѣръ, у восточныхъ воротъ валяются разбитыя и обезображенныя временемъ китайскія изображенія львовъ, чешуйчатая туловища змѣй, или драконовъ и проч. Все это было сдѣлано изъ гранита и по работѣ едва ли не столько же искусно, какъ дѣлается и въ настоящее время. По угламъ стѣнъ были устроены круглыя башни; но о формѣ ихъ теперь могутъ свидѣтельствовать только остовы, сохранившіеся не выше городской стѣны, да башня въ с.в. углу города, отъ которой уцѣлѣли болѣе значительные остатки.

Внутри стѣнъ третьяго города, въ противоположность пустынности двухъ первыхъ городовъ, почти все пространство занято курганами и остатками отъ прежнихъ зданій. Многіе изъ этихъ кургановъ слились вмѣстѣ и образуютъ такія безформенныя груды, что по нимъ довольно трудно опредѣлить, сколько именно зданій погребено подъ этими грудями. Также точно трудно указать теперь и мѣсто бывшаго богдоханскаго дворца. Остатки его можно предполагать и въ большомъ курганѣ, находящемся по самой срединѣ города, и въ развалинахъ зданія съ «ушами» (т. е. съ боко-

выми флигелями), находящихся у самой сѣверной стѣны. По преданіямъ мѣстныхъ, сопровождавшихъ меня монголовъ, эти послѣднія развалины и суть остатки богдоханскаго дворца; думаютъ же они такъ потому, что зданіе это является дѣйствительно массивнѣе всѣхъ прочихъ и притомъ близъ его валяется наибольшая часть остатковъ украшеній, каковы львиныя и драконовыя головы, изсѣченные на камнѣ цвѣтки и другія фигурки, очевидно составлявшія украшенія колоннъ, двѣ цѣльныя фигуры каменныхъ львовъ и пр. На мое замѣчаніе что всѣ эти украшенія могли принадлежать и противоположному зданію, развалившемуся также въ большой и даже громадный курганъ, проводники мои прямо отвѣчали мнѣ, что подъ этимъ курганомъ скрываются остатки главной кумирни Хубилая и въ подтвержденіе своихъ словъ высказали во 1-хъ то предположеніе, что невозможно, чтобы Хубилай построилъ свой дворецъ впереди, а кумирню сзади и во 2-хъ разказали какъ фактъ, что когда земли Чжунъ-найманъ-сумѣ были отданы во владѣніе шабнѣрамъ Чжанчжѣ хутухтѣ, то на мѣстѣ этого именно кургана появился кумиръ Арія-балю, который въ ту же пору былъ торжественно представленъ Чжанчжѣ хутухтѣ и до сихъ поръ хранится въ его пекинскомъ санѣ. При этомъ разказѣ мнѣ невольно пришло на мысль, не производились ли здѣсь когда либо раскопки, при которыхъ и могъ быть найденъ этотъ бурханъ; но ближайшій осмотръ кургана убѣдилъ меня, что слѣдовъ раскопокъ здѣсь не имѣется никакихъ, развѣ производились онѣ такъ давно, что успѣли уже ступеваются временемъ.

Если посмотрѣть на всю эту массу развалинъ съ вершины городской стѣны, или съ дворцоваго кургана, то не трудно замѣтить, что всѣ онѣ располагаются въ опредѣленномъ порядкѣ и представляютъ собою 6 рядовъ, тянущихся отъ сѣвера къ югу. Итакъ въ городѣ нужно предположить пять улицъ, тянувшихся съ юга на сѣверъ, съ востока же на западъ ихъ, вѣроятно, было 8. Въ срединѣ города встрѣчается много выложенныхъ кирпичемъ и круглыхъ по формѣ ямъ, имѣющихъ въ діаметрѣ до одного аршина; вѣроятно, это были колодцы. Изъ камней, замѣченныхъ мною всрединѣ города, особенно бросается въ глаза одинъ гранитъ, едва ли ни самый большой по величинѣ и отесанный въ форму ямбы. Онъ лежитъ на дворѣ перваго зданія, по лѣвую сторону дворцоваго кургана. Мѣстные монголы полагаютъ, что это подворье представляло собою казначейство юаньскихъ богдохановъ.

Что до меня, то я считаю совершенно празднымъ излагать свои заключенія о приуроченіи къ чему либо всѣхъ этихъ зданій и ихъ частей, а равно и различныхъ отдѣловъ города, приписывая всему этому то или другое назначеніе въ древнія времена Юаней. Мнѣ кажется, что всѣ эти за-

ключенія будутъ проблеммой, долженствующей имѣть тѣмъ меньше основы, чѣмъ больше узнаемъ мы всѣ тѣ перемѣны судьбы, которыя испыталъ не только этотъ городъ, но даже и эти развалины. Несомнѣнно, что ни одинъ холмъ не представляется здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ долженъ бы былъ появиться онъ какъ результатъ юаньской столицы; потому что на всѣхъ развалинахъ этихъ зданій уже неоднократно воздвигались новыя постройки, отъ которыхъ теперь остались также однѣ развалины и безпорядочныя груды мусора. Мѣстные монголы, по сохранившимся преданіямъ, знаютъ, что Чжунъ-найманъ сумэ былъ столицею Хубилая, они указываютъ даже и мѣсто, гдѣ стоялъ его дворецъ; но, опуская самый главный періодъ измѣненій Чжунъ-найманъ сумэ, т. е. минской династіи, они еще съ большими подробностями разкажутъ о томъ, какъ жилъ здѣсь отрядъ китайскихъ солдатъ во времена Канси и съ наивнымъ удивленіемъ будутъ увѣрять слушателя въ необыкновенномъ искусствѣ этихъ солдатъ, построившихъ себѣ въ стѣнахъ города и изъ кирпичей его громадныя казармы. Еще съ большимъ пониманіемъ, а потому и интересомъ они будутъ говорить, какъ строили здѣсь байшины временно пріѣзжавшіе сюда для торговли китайскіе купцы, какой величины, формы и прочности были хорбы (ограды), воздвигнутые (опять изъ камней этихъ же развалинъ?) для загона овецъ и верблюдовъ, пригоняемыхъ ими сюда для откармливанія на поёмныхъ лугахъ Шанду гда и т. д. Всѣ эти постройки, повторяю снова, теперь также превратились въ груды мусора и онѣ погребли подъ собою развалины, но опять и прежде всего, не Хубилаевой столицы, а китайской крѣпости времени династіи Минъ. По свидѣтельству Минъ-ши, Чжунъ-найманъ сумэ пересталъ быть монгольской уже не столицей, а крѣпостью еще въ 1369 г. Вотъ точныя слова этой погодичной лѣтописи китайцевъ:

«1368 г. Великій цзънь-цзюнь Сюй-да, съ войскомъ, повоевагъ юаней, государь которыхъ изъ Бай-пингъ бѣжалъ въ степь и поселился въ Кай-пингъ. Неоднократно онъ посылагъ своихъ полководцевъ Ё-су и др. нападать на сѣверныя границы».

«1369 г. — Чанъ-юй-чунъ разбилъ ихъ. (Китайскія) войска вошли въ Кай-пингъ, плѣнили внучатъ Чжунъ-ванъ-цина, Пингъ-чжанъ и Тингъ чжу. Тогда юаньскій государь (Тогднъ-тэмуръ) бѣжалъ въ Инъ-чангъ; его цзънь-цзюнь занягъ Динъ-си и причинягъ пограничныя безпокояства».

Съ тѣхъ поръ монгольскіе ханы уже не жили въ Кай-пингѣ, или Чжунъ-найманъ сумэ и прежняя столица ихъ обращена была Минами въ простую китайскую крѣпость; иначе сказать, ей пришлось испытать совершенно одну и ту же участь и имѣть одно и тоже назначеніе, какое дано было китайцами и Синъ-хо-чэну: отсюда наблюдали китайцы за движеніями

монголовъ на сѣверѣ. Что это было дѣйствительно такъ, мы находимъ указанія въ минской Лѣ-чжуань, гдѣ подь 1413 годомъ значитсѣя, что кай-пин'скій комендантъ доноситъ богдохѣну во 1-хъ о требованіи Махаму выдать ему передавшихся китайцамъ и живущихъ въ предѣлахъ Гань-су и Нинъ-ся Да-таней; а во 2-хъ, — о движеніи того же Махаму къ Кэрү-лэну, для нападений на Арудѣя. Въ Минъ-ши подь 1424 г. записано: «Весною кай-пин'скій комендантъ докладывалъ, что Арудѣя грабилъ границы и проч.». Позднѣйшія указанія китайскихъ источниковъ на Кай-пинъ мнѣ не извѣстны, а потому я не могу и точно указать времени, когда онъ былъ оставленъ китайцами, хотя думается, что они покинули его еще въ первой половинѣ XV вѣка, когда борьба съ монголами и наблюденія за ними должны были отодвинуться болѣе на западъ. Указанія эти я представилъ единственно для того, чтобы подтвердить свое мнѣніе о трудности (безъ основательныхъ раскопокъ) выводить какія либо заключенія по развалинамъ Чжүнь-найманъ сүмѣ о столицѣ Монголовъ.

Къ 12 часамъ дня небо начало проясняться и получилаcя хотя бы то малая возможность фотографировать. Явившись поэтому съ аппаратомъ, я снялъ здѣсь: 1) Общій видъ стѣнъ императорскаго города на трехъ снимкахъ; 2) Часть стѣны и ворота того же города; 3) Общій видъ внутренности императорскаго города; 4) Предполагаемый дворецъ Хубилѣя; 5) Общій видъ внутренности втораго города и отношеніе къ нему города императорскаго; 6) Каменописный памятникъ; 7) Западныя ворота втораго города, избранныя мною какъ наиболѣе сохранившіяся сравнительно съ другими и наконецъ 8) Часть стѣны втораго города на восточной сторонѣ онаго; избрано мѣсто опять таки наиболѣе сохранившееся, чтобы дать понятіе о характерѣ самыхъ стѣнъ, а равно и кладки камней, изъ которыхъ онѣ воздвигнуты.

Окончивъ эти работы къ половинѣ 2-го часа дня, я тотчасъ же приказалъ осѣдлать свою лошадь и отправился на осмотръ другою городища, именуемаго Улѣнь-балгасу, о которомъ вчера сообщили мнѣ монголы какъ о располагающемся въ весьма недалнемъ разстояніи отъ Чжүнь-найманъ сүмѣ. Мы отправились въ направленіи къ ЮЗ и на прекрасныхъ лошадяхъ ѣхали крупною рысью ровно часъ по испещренной небольшими увалами и покрытой роскошными травами степи. Судя по этимъ времени и ѣздѣ, необходимо предположить, что Улѣнь-балгасу отстоитъ отъ Чжүнь-найманъ сүмѣ верстъ на 15, 18. Именемъ Улѣнь-балгасу разсматриваемое городище называютъ только монголы, китайцы же обычно зовутъ его *Минманъ-и*. Это послѣднее названіе, повидимому, тоже монгольское, такъ какъ «минганъ» по монгольски значитъ тысяча, но что такое *и* — рѣшить трудно; я не могу

даже опредѣлить относится ли оно къ языку китайскому, или представляет также какое нибудь искаженное монгольское слово. Улѣнъ балгасу располагается шагахъ въ 1000 отъ праваго берега Шанду гѳла и въ разстояніи одной ли отъ проселочной чжанъ-цзя-коу'ской дороги, по которой калганскіе китайцы ѣздятъ на сѣверъ Монголіи для торговли, въ небольшой долинѣ, къ югу отъ перевала У-кѳдѳль. Городище, окруженное валомъ, представляетъ квадратный четырехугольникъ, каждая сторона котораго имѣетъ около 800 шаговъ длины. Стѣны его въ настоящее время отличаются отъ оградъ всѣхъ видѣнныхъ мною городищъ и имѣютъ видъ не земляного вала, тянущагося непрерывною ровною линіею, а ряда отдѣльных холмовъ, или неровныхъ кургановъ. Что это за холмы, образовались ли они по какимъ либо причинамъ въ послѣдующее существованію города время, или городъ въ самомъ началѣ своемъ былъ окруженъ рядомъ башенъ подобно тому, какъ это видимъ мы теперь въ халхаскомъ Эрдэнѣ-цзѳу, отвѣчать на это трудно; хотя, судя по той несимметричности, которая представляется въ расположеніи этихъ кургановъ, кажется болѣе вѣрнымъ первое предположеніе. Внутри вала городище представляетъ площадь, мѣстами поросшую травой, мѣстами выбитую пасшимся на ней скотомъ. Ворота въ городѣ было четверо, по однимъ въ каждую сторону свѣта, о чемъ можно заключать по плитамъ, слѣды которыхъ сохранились еще и теперь въ видѣ невысокихъ валовъ какъ съ внутренней, такъ и съ наружной стороны города. Кромѣ того въ с.-в. углу его, въ 120 шагахъ отъ сѣверныхъ воротъ, сохранился валъ, не уступающій по своей зысотѣ холмамъ общей городской ограды. Примакая къ одному изъ нихъ своимъ сѣвернымъ концемъ, онъ протягивается на 370 шаговъ къ югу внутри города и здѣсь соединяется съ другимъ такимъ же валомъ, идущимъ отъ восточнаго ряда холмовъ городской ограды. Такимъ образомъ всрединѣ городища, въ СВ углу его образуется еще свой четырехугольникъ, въ который вели ворота съ южной стороны и посрединѣ котораго возвышается небольшой курганъ. Въ 80, 85 шагахъ отсюда находятся восточныя городскія ворота. На южной сторонѣ западныхъ воротъ сохранился также большой курганъ, вышиною въ $1\frac{3}{4}$ аршина; въ немъ съ достаточною ясностью наблюдаются еще груды кирпича и гранита, по формѣ же развалины эти походятъ на фундаментъ у нашихъ разрушившихся зданій. Отъ него къ сѣверной стѣнѣ города тянется, заграждая западныя ворота, земляной валъ, имѣющій въ вышину до одного аршина, въ ширину — 40 шаговъ, а въ длину 80 шаговъ. У сѣв.-зап. угла города, уже за стѣною его, находится еще одинъ круглый курганъ, являющійся, по преданію монголовъ, могилою какого-то богатыря Манлай'я, временъ Хубилай-хана.

Монголы почитают Улянъ балгасу за городъ, который былъ построенъ Хубилаемъ и разказываютъ, что Хубилай помѣстилъ здѣсь свою дочь, бывшую предметомъ страсти Манлай батура. Батуръ Манлай погибъ безвременною смертию отъ своей безнадежной любви и прахъ его, какъ сейчасъ было сказано, погребенъ за городомъ у самой стѣны его. Вѣроятность этихъ преданій не подтверждается однако никакими историческими данными. Исторія не указываетъ даже и того, что въ Улянъ-балгасунѣ жили когда либо юаньцы и по даннымъ, отысканнымъ о. Іакинфомъ, Улянъ балгасу былъ станціоннымъ городкомъ, составлявшимъ 3-ю станцію отъ Кай-пинъ-фу къ Пекину.

Записавъ видѣнное здѣсь и возвратившись снова къ Чжунъ найманъ сумѣ въ 4 ч. 15 минутъ, я нашелъ своихъ монголовъ уже почти готовыми къ выступленію. Оставалось только уложить мои фотографическіе аппараты, которые я таскалъ съ собою въ Улянъ балгасу совершенно безъ нужды. Снять тамъ ничего не пришлось.

Въ 4 ч. 35 м. мы двинулись въ дальнѣйшій путь и направились первоначально къ сѣверу. Миновавъ Чжунъ-найманъ сумѣ, непосредственно съ вершины третьяго вала этого города открывается видъ на громадную равнину, посреди которой бѣлѣтся чистенькая, хотя и небольшая хурѣ Миндаль гэгѣна. Мы проѣхали у самыхъ стѣнъ ея въ 6 ч. 20 мин. и въ направленіи своего пути сдѣлали отсюда уклонъ къ сѣв.-востоку. Въ 7 ч. 20 м. подъѣхали къ горѣ, именуемой Улянъ обб, вѣроятно, по вѣнчающей ея вершину грудѣ камней; отъ нея начинается перевалъ, собственно не особенно крутой и высокій, но длинный, такъ какъ приходится пересѣкать нѣсколько холмовъ и въ тоже время очень трудный, потому что всѣ эти холмы глубоко песчаны. Переваливъ ихъ къ 8 часамъ вечера, мы вступили въ широкую долину, извѣстную подъ именемъ Халютай. На западной оконечности ея находится небольшое озеро, Бага-нуръ, у котораго мы и остановились для ночлега. Долина Халютай имѣетъ значеніе пограничной межи кочевья шабинаровъ къ югу, и чахаровъ знамени Гүли-хүхү къ сѣверу. Говорятъ, что первыя изъ этихъ земель были отведены собственно для Чжанчжя хутухты; но какъ всѣ остальные 12 долбнъ нурскихъ хубилгановъ признаютъ свою духовную зависимость отъ Чжанчжя, а земли у этого послѣдняго много, то на ряду съ его шабинарами здѣсь кочуютъ и шабинары всѣхъ другихъ хутухтъ. Въ эту ночь приходилось слышать почти неумолкаемый вой волковъ, которыхъ здѣсь масса и которые настолько дерзки, что осмѣливались подходить къ нашему лагерю меньше чѣмъ на 100 шаговъ; только выстрѣлъ изъ ружья, которымъ запаслись мы изъ Калгана, заставилъ ихъ держаться въ почтительномъ отдаленіи.

25-е Мая. Вторникъ.

6 ч. $+9^{\circ}$; 9 ч. $+12^{\circ}$; 12 ч. $+14^{\circ}$; 3 ч. $+15^{\circ}$; 6 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+11^{\circ}$.

По утру выѣхали въ 6 ч. 45 м. и продолжали путь на сѣверъ, по долину Халюнтай. Грунтъ ея твердо песчаный. Неудобство моихъ извозчиковъ стало сказываться уже теперь довольно сильно: они не могли назвать мнѣ ни одной изъ мѣстностей, по которымъ мы проѣзжали, да и сами совершенно терялись въ вопросѣ о выборѣ пути при каждомъ раздвоеніи дороги, а между тѣмъ развѣтвленій путей и отдѣльныхъ дорогъ здѣсь масса. Въ 8 ч., миновавъ долину Халюнтай, мы въѣхали въ песчаные холмы, именуемые Хабчиль, о которыхъ намъ говорили, что они очень трудны для проѣзда; мы помучились среди нихъ сравнительно очень мало, такъ какъ дожди предшествовавшихъ дней смочили песокъ и онъ сдѣлался удобопрѣзжаемымъ. Отъ этихъ холмовъ Хабчиль дорога принимаетъ чрезвычайно скучный и однообразный характеръ: переваливъ груды песку, образующія болѣе или менѣе значительные увалы, въѣзжаешь въ небольшую песчаную же долину, посреди которой непременно находится одно озерко, или же нѣсколько ихъ. Обыкновенно озерки эти представляютъ въ окружности не выше одной, или полутора верстъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ такіе водные бассейны имѣютъ свои частныя имена, но проводники мои не могли назвать мнѣ ихъ по незнацію, спросить же ни у кого не представлялось возможнымъ, такъ какъ населенія здѣсь нѣтъ ни какого. Въ 10 ч. въ одной изъ такихъ долинъ мы повстрѣчали телѣгу, съ тремя выючными при ней конями китайскихъ торговцевъ, ѣдущихъ изъ Хайлара въ Долбнѣ нурь; но, подобно моимъ провожатымъ, они также не знали названія мѣстностей, по которымъ проѣзжали. Изъ Хайлара доселѣ они ѣхали 38 дней, не зная гдѣ поддичали и гдѣ ночевали. Разставшись съ ними, мы въ 10 ч. 45 м. вступили въ долину озера Цзагасутай, имѣющаго въ окружности не менѣе 6, 7 верстъ. Окрестности его также печальны: тѣже пески, мѣстами покрывающіе степь ровнымъ полотномъ, мѣстами образовавшіе песчаные бугры; индѣ они поросли кустами бургасу (тальника), индѣ виднѣются на нихъ и болѣе высокія деревья Хайласу, (ильмы) почитаемыя монголами, по причинѣ ихъ крѣпости, за самое лучшее топливо. Отсюда за такими же песчаными холмами залегаетъ долина Тунчжѣ булукъ, въ которой раскинулось три небольшихъ озерка. Миновавъ ее, мы въ 12 ч. дня остановились для полдника, причемъ воду брали изъ находившагося у мѣста нашей стоянки не большаго озерка. Двинувшись отсюда въ 3 ч. 15 м., мы перевалили четыре ряда сыпуче-песчаныхъ холмовъ и наконецъ выѣхали въ широкую долину съ болѣе твердымъ песчанымъ грунтомъ, именуемую Шабартай.

На ней виднѣлась вдали кумирня того же имени, къ которой мы теперь и направляли свой путь. Взглянувъ на наши карты, я увидалъ, что мѣстоположеніе этой кумирни показывается на нихъ не особенно вѣрно. Судя по быстротѣ нашего хода, она должна находиться не менѣе какъ на разстояніи 65 верстъ отъ Долбнѣ-нѹра; между тѣмъ она показывается не болѣе какъ въ половинѣ этого разстоянія. Къ тому же на картѣ Матусовскаго показывается двѣ кумирни Шабартай, хотя въ этихъ мѣстахъ существуетъ только одна кумирня съ этимъ именемъ. Къ этой кумирнѣ, Шабартай, мы подъѣхали въ 5 ч. 20 м. Она принадлежитъ чахърскому хошѹну простаго синяго (гѹли хѹхѹ) знамени и съ внѣшней стороны кажется весьма опрятною. Кумиренныя зданія обнесены кирпичною оградою, оштукатуренною и окрашенною въ красную краску; онѣ состоятъ изъ одного весьма значительнаго по объему «хурулѣйнъ сѹмѣ», одного «бурханай ѳргѣ» и двухъ боковыхъ малыхъ сѹмѣ. На дѣлѣ однако кумирня эта оказывается очень бѣдною: въ «бурханай ѳргѣ» ея помѣщаются только три кумира Цзѹ, въ ростъ человѣка, и такой же величины кумиры Цзонхавѣ и Маньчжѹшри; другихъ бурхановъ не имѣется ровно никакихъ; по литературѣ кумирня можетъ предложить своимъ ламамъ для изученія только два переводныхъ кансіевскихъ монгольскихъ юма и одинъ тибетскій ихъ подлинникъ; всѣ эти сочиненія хранятся въ «бурханай ѳргѣ», будучи разложены въ видѣ приношеній передъ бурханами. Что касается «хурулѣйнъ сѹмѣ», то зданіе его въ Шабартайской кумирнѣ можно бы считать еще новымъ, такъ какъ оно отстроено только 13 лѣтъ тому назадъ, въ годъ цагахѣйнъ могдѣи (1881), до того времени хурулѣйнъ сѹмѣ было здѣсь деревянное; ламы захотѣли сдѣлать его кирпичнымъ, однако это послѣднее оказалось не особенно прочнымъ, такъ какъ крыша его начала протекать уже года три тому назадъ. Ламы горько жаловались мнѣ поэтому на нечестность китайскихъ подрядчиковъ и каменщиковъ тѣмъ больше, что кумирня не имѣетъ теперь ни какихъ средствъ для поправки; такъ какъ еще отъ прежней перестройки у нея осталось долговъ до 600 ланъ серебра. Всѣхъ ламъ, числящихся при Шабартайской кумирнѣ, болѣе 100 человѣкъ, но живетъ въ ней постоянно и отправляетъ хуралы не болѣе 12, считая въ томъ числѣ и учениковъ. Они помѣщаются въ построенныхъ при сѹмѣ байшинахъ, въ числѣ 8. Такимъ образомъ все зданіе кумирни вмѣстѣ съ амбарами и кладовыми заключаетъ въ себѣ до 15 байшиновъ. Отъѣхавъ отъ кумирни, мы продолжали путь по той же Шабартайской долинѣ еще минутъ 20 и засимъ снова въѣхали въ песчаные холмы, не имѣющіе впрочемъ особаго имени, а называемые, какъ сообщали мнѣ ламы, просто песками къ сѣверу отъ кумирни. Здѣсь застала насъ сильная гроза и проливной дождь. Въ 7 ча-

совъ проѣхали кочевье Ухà-обѣту, въ которомъ имѣлось до 10 юртъ и отсюда, слѣдуя по пескамъ, въ 8 ч. 10 м. остановились въ урочищѣ Хулусутай для ночлега. Воду въ Хулусутай приходится брать изъ небольшого колодца къ западу отъ дороги, а за нимъ верстахъ въ двухъ находится большое озеро, на которомъ теперь собралась масса птицы. Въ урочищѣ Хулусутай мы повстрѣчали до 70 телѣгъ, запряженныхъ быками и принадлежащихъ абагаскимъ извозчикамъ. По разказамъ ихъ, они выѣхали изъ дому еще 5 числа 4-й луны (8-го Мая) и направились къ соляному озеру Эчжійнъ нуръ, на границѣ цзунъ хучитскаго и учжумуцдиньскаго хошунъ. Купивъ тамъ соли, съ платою за нее по 4 цина серебра съ каждой телѣги въ пользу учжумуцдиньскаго хошунъ и сверхъ того по 1 цину за нагрузку, они отвезли потомъ эту соль въ Долбнъ нуръ, гдѣ и продали ее по 1 лану 7 цин. за телѣгу; а за симъ сдѣлали подрядъ за доставку товаровъ одной китайской лавки изъ Долбнъ нуръ на Кэрүлэнъ, въ хошунъ Хла-бэйсэ сэцэнъ-хановскаго аймака. Грузъ ихъ состоялъ почти исключительно изъ кирпичнаго чая, а именно 58 телѣгъ чая и 12 телѣгъ муки. Плата съ cadaго тюка, т. е. съ мѣста чая, или мѣшка муки (въ 120—140 гиновъ) по 5 ц. 5 ф., причемъ накладывается по четыре хунцзы чая, или по три мѣшка муки на телѣгу.

26-е Мая. Среда.

6 ч. $+12^{\circ}$; 9 ч. $+9^{\circ}$; 12 ч. $+4\frac{1}{2}^{\circ}$; 3 ч. $+7^{\circ}$; 6 ч. $+9^{\circ}$; 9 ч. $+4^{\circ}$:

Выѣхали въ 6 ч. 35 м. Дорога идетъ все такими же песками и имѣетъ крайне однообразный и скучный видъ тѣмъ больше, что озеро почти не стало видно. Въ 8 ч. 10 м. мы обогнали длинный обозъ (90 быковъ) цзунъ хучитовъ. Они также возили въ Долбнъ-нуръ соль и, продавъ ее на товаръ по 1 лану 6 цин., за телѣгу, везли теперь къ себѣ обратно чай хамбѣ. Къ половинѣ десятаго часа небо совершенно покрылось тучами, а въ 11 ч., доѣхавъ до кумирни Шибѣ хуръ, мы остановились здѣсь на полдникъ, чтобы съ одной стороны осмотрѣть эту кумирню, а съ другой — переждать мелкій дождичекъ, который моросилъ теперь какъ изъ сита. Въ часъ дня къ нашему удивленію дождь этотъ смѣнился снѣгомъ, который падалъ большими хлопьями, хотя и тотчасъ же растаявалъ на землѣ. Кумирня Шибѣ хуръ заключаетъ въ себѣ три сѣмѣ, вновь отстроенные въ годъ дракона (14-й годъ назадъ). Всѣ зданія ея возведены изъ кирпича, тѣмъ не менѣе она гораздо бѣдиѣ Шабартæвской кумирни. Литыхъ бурхановъ въ ней только три небольшихъ, остальные всѣ рисованные, въ зданіяхъ же кумирень, «бурханай ѳргѣ» и «хурулуйнъ сѣмѣ» соединены вмѣстѣ. Ламъ при кумирнѣ числится до 150 человекъ, живетъ

же при ней постоянно не выше 50, или 60. Шибѣ хурѣ стоитъ на земляхъ чахарскаго знамени гүли хүхү и принадлежитъ чахарамъ; но народъ собирается къ ней только однажды въ годъ, въ 6 лунѣ, когда бываетъ здѣсь церемонія круговращенія Майдари. Ламы этой кумирни почитаютъ своимъ покровителемъ Миндаль-гэгэна и признаютъ нѣкоторую зависимость отъ Пандита-сүмэ, такъ какъ почти всѣ они получаютъ свои обѣты въ этой кумирнѣ. Самъ Миндаль гэгэнъ посѣщаетъ Шибѣ хурѣ очень рѣдко, даже не въ каждомъ перерожденіи, но онъ очень часто посылаетъ сюда свои посланія, писанныя обыкновенно на двухъ языкахъ, тибетскомъ и монгольскомъ, и заключающія въ себѣ обыкновенно наставленія къ ламамъ относительно добродѣтельной жизни. Одинъ изъ экземпляровъ такого посланія виситъ въ главной кумирнѣ на ряду съ бурханами и чествуется ламами какъ и эти послѣдніе.

Вокругъ Шибѣ хурѣ мѣстность совершенно пустынная и населенія помимо трехъ бѣдныхъ юртъ нѣтъ никакого. Обусловливается это, конечно, недостаткомъ здѣсь травъ и пастбищъ. Постоянной торговли также не имѣется, хотя изрѣдка наѣзжаютъ мелкіе китайскіе торгаша и проживаютъ при кумирнѣ дня по два, по три. Проѣздныхъ дорогъ здѣсь проходитъ только одна изъ Долбнѣ-нүра на сѣверо-востокъ къ солянымъ озерамъ и городу Бирү-хотѣ. Вода получается изъ двухъ колодезѣвъ: одного большого при самомъ монастырѣ и другого малаго, — верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ къ сѣверу отъ него. — Къ 3-мъ часамъ дня дождь и снѣгъ прекратились и въ воздухѣ стало теплѣе. Мы двинулись въ дальнѣйшій путь, продолжая его снова по пескамъ и оврагамъ.

Въ 5 ч. передъ нашими глазами предстала черноземная равнина, густо поросшая травой и носящая названіе У талá, т. е. «широкая степь». Въ каждую изъ своихъ сторонъ она, правда, имѣетъ менѣе версты и для переѣзда ея намъ потребовалось только 10 минутъ, тѣмъ не менѣе и для насъ она показалась широкою, такъ отвыкъ уже глазъ отъ степнаго простора и присмотрѣлся къ мелкимъ песчанымъ буграмъ и такимъ же узкимъ оврагамъ. Въ 5 ч. 50 м. достигли песчаной долины Чарилтѣйнъ-талá, въ которой, какъ узнали мы послѣ, происходитъ раздѣленіе дороги: одинъ путь, принимающій мало по малу сѣверо-западное направленіе, идетъ на Пандитайнъ сүмэ и проходитъ далѣе на Кэрүлэнъ; другой, по которому намъ слѣдовало ѣхать, ведетъ на Дарханъ ұлайнъ сүмэ и далѣе на Бирү хотѣ. Ошибкою мои извозчики приняли сѣверо-западное направленіе и я не могъ даже обвинять ихъ въ этомъ. Уклоненіе путей, слѣдующихъ въ совершенно различные пункты, происходитъ здѣсь такъ незамѣтно, а дорогъ такая масса, что въ нихъ не трудно спутаться и знающему. Дорога раздѣ-

ляется и развѣтвляется постоянно, именно ради объѣзда песчаныхъ холмовъ; для того же чтобы опредѣлить отдѣлился ли путь къ объѣзду, или къ образованію новой самостоятельной дороги, нужно знать мѣстность черезъ чуръ хорошо. Отъ долины Чарилтѣйнъ талъ, миновавъ новые песчаные бугры, мы вступили въ не менѣе значительную долину Хучжиртѣ, гдѣ повстрѣчали нищую, бредшую съ 10-лѣтнимъ сыномъ, по словамъ ея, неизвестно куда: «гдѣ покормить, тамъ и ладно; дойдемъ до аила, переночуемъ въ аилѣ, нѣтъ, — ночуемъ на степи». — Женщина эта ничего не могла сказать намъ ни относительно названія данной мѣстности, ни относительно направленія пути, по которому мы ѣхали. Между тѣмъ дорога наша очевидно все болѣе и болѣе уклонялась къ западу и наконецъ превратилась, очевидно, въ линію, которая должна образовать одну изъ сторонъ треугольника въ отношеніи къ цѣли нашего движенія. Я замѣтилъ это своимъ извозчикамъ, указавъ, что нашъ путь долженъ лежать на сѣверо-востокъ, а мы между тѣмъ ѣдемъ прямо на сѣв.-сѣв.-западъ. Они согласились со мною, что мы ѣдемъ неправильно, поэтому, когда въ 8 ч. вечера намъ повстрѣчалась большая торная дорога, тянувшаяся на востокъ, мы повернули на нее. Минуть черезъ 10 послѣ сего насъ догналъ ламъ, ѣхавшій посмотреть на свое зимнее кочевье. Онъ разказалъ намъ путь, по которому мы ѣхали, сказалъ, что мѣсто нашей встрѣчи называется Борд-хучжиртѣ, что дорога, по которой мы теперь двигались, ведетъ въ Байнъ сѣмѣ (то самое, что у г. Матусовскаго названо Дзѣмъ хурѣ, вм. Дзѣнъ-хурѣ) и что путь въ Дарханъ ѳлайнъ сѣмѣ, который является теперь ближайшимъ для насъ, проходитъ мимо его зимника. Проѣхавъ съ нами до этой дороги и поставивъ насъ на должный путь, онъ поскакалъ впередъ, посоветовавъ намъ быть осторожнѣе, такъ какъ въ здѣшнихъ мѣстахъ много разбойниковъ, бѣглыхъ китайцевъ, не говоря уже объ обыкновенныхъ воришкахъ монголахъ. Въ 8½ ч. мы остановились ночевать въ мѣстности совершенно пустынной; воду мы везли съ собою.

27-го Мая. Четвергъ.

6 ч. $+7^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$; 12 ч. $+15^{\circ}$; 3 ч. $+17^{\circ}$; 6 ч. $+13^{\circ}$;
9 ч. $+8^{\circ}$.

Проснувшись въ 4 часа, я увидалъ, что вся трава была покрыта инеемъ. Мы выѣхали въ 6 ч. и направились по указанной намъ дорогѣ, на сѣв. сѣв.-востокъ. Долина Борд-хучжиртѣ составляетъ южную границу кэшиктэнскаго хошѣна, который тянется отсюда къ сѣверу, между тѣмъ какъ на югъ залегаютъ земли чахарскаго знамени Гѣли-хѣхѣ. Переменная хошѣна здѣсь, очевидно, имѣла вліяніе и на измѣненіе почвы. Обсуждая вопросъ о благоустройствѣ своихъ кочевьевъ, кэшиктѣны постановили на лѣтнюю пору освободить

песчанья пространства отъ кочевокъ совершенно и приходитъ сюда со скотомъ только зимою, въ томъ убѣжденіи, что лѣтомъ почва выбивается животными гораздо сильнѣе, чѣмъ зимою, а результатомъ сего является, конечно, образованіе и развитіе сыпучихъ песковъ. Нельзя не сказать, что такіе выводы и опредѣленіе народа имѣютъ за собою глубокое значеніе. Съ переѣздомъ нашимъ въ кэшиктэнскій хошунъ, почва стала только рыхло песчаною и притомъ густо поросшею травою, сыпучихъ же песковъ намъ не встрѣчалось вовсе. На всемъ протяженіи десяти часовой ѣзды отсюда до Дарханъ ұлайнъ сұмә мы не встрѣтили здѣсь ни одного кочевого жилища; мѣстами, но и то очень рѣдко, мы видали стоящими врядъ нѣсколько зимниковъ, которые легко узнать по хворостянымъ загородамъ и сложеннымъ вблизи оныхъ кучамъ аргала, заготавлиаемаго на зиму обыкновенно лѣтомъ. Имена мѣсть, по которымъ мы ѣхали остались для насъ неизвѣстными, такъ какъ спросить было не у кого: рѣкъ и озеръ на этомъ пространствѣ не встрѣчалось вовсе. Вообще воды здѣсь очень мало: многіе зимники не имѣютъ у себя колодезь и довольствуются зимою снѣжною водою. Въ 1 ч. 50 м. дня, проѣхавъ почти 8 часовъ, мы набрали на одинъ колодезь: глубина до воды была въ немъ около 5 саж.; колодезь былъ обдѣланъ деревяннымъ срубомъ, но вода въ немъ оказалась тухлою, можетъ быть отъ долгаго стоянія. Давъ отдыхъ своимъ животнымъ до 5 ч. 20 м. вечера, мы двинулись далѣе, не узнавъ имени этого колодца. Во время нашей стоянки здѣсь мимо насъ проѣхали двое ламъ; но на всѣ наши вопросы они отвѣтили только, что ѣдутъ изъ Бирӯ хотә, а засимъ даже и не остановились, чтобы сказать слово. Вообще какъ сѣверные чахары, такъ и кэшиктэны въ этомъ отношеніи страшно разнятся отъ халхасовъ. Халхасъ, завидѣвъ проѣзжающаго, самъ стремится къ нему, чтобы поговорить и узнать какія-либо новости; онъ съ охотою расскажетъ вамъ дорогу, названія мѣсть, даже существующія о нихъ преданія. Не то у чахаровъ и кэшиктэновъ. Уже много разъ приходилось намъ заѣзжать въ аили для распроса дороги: никто не выйдетъ изъ юрты, чтобы посмотрѣть кто пріѣхалъ, или даже проводить отъ своей собаки. Бывали случаи, что, подѣхавъ къ аилу мы встрѣчали народъ внѣ юрты. Чтобы не заставлятъ верблюдовъ ложиться и подниматься, слѣзая да влѣзая на нихъ, я сказалъ однажды своему проводнику, тоже чахару, чтобы онъ спросилъ дорогу прямо; чахаръ мой отвѣчалъ, что «кричать намъ издали не будутъ, нужно разговаривать лицомъ къ лицу». — «Такъ ты подзови сюда этого человѣка; вѣдь здѣсь же десять шаговъ!» — «Да онъ не пойдетъ; развѣ у насъ алба и онъ обязанъ показывать намъ дорогу?!» — Таковъ характеръ здѣшняго населенія. Въ 7 ч. 40 м. мы подѣхали къ Дарханъ ұлайнъ сұмә, стоящему у южнаго подножія горы

Дарханъ ұла, представляющей собою громадный каменный утесъ. Вокругъ монастыря повсюду лежать глубокіе пески и барханы; мѣстность страшно избитая и травы почти нѣтъ вовсе. Мы остановились близъ большого колодца, выкопаннаго квадратомъ и имѣющаго въ каждой сторонѣ по сажени ширины. Колодецъ выложенъ камнемъ; но вода въ немъ не особенно хороша. Тотчасъ же къ намъ набѣжала масса ламъ. Меня интересовали въ этой мѣстности оз. Далай-нуръ и развалины Инъ-чана, поэтому разговарившись о городищахъ, я узналъ мѣстоположеніе Инъ-чана, услышалъ, что въ немъ имѣются каменописные памятники и что помимо того одинъ каменописный памятникъ находится еще на сѣверной сторонѣ Дарханъ ұлы, близъ пещеры одного дайнчи, вышедшаго изъ здѣшняго монастыря. Къ 9 ч. вечера небо сплошь покрылось тучами.

28-го Мая. Пятница.

6 ч. $-+6$; 9 ч. $+8^{\circ}$; 12, 3 и 6 ч. наблюденій не было; 9 ч. $-+6$.

Въ 12 ч. 25 м. ночи пошелъ дождь и шелъ не переставая до 7 часовъ утра; къ 9 часамъ небо начало проясняться, а около 10 показалось даже солнце, хотя дулъ сильный юго-западный вѣтеръ и было холодновато. Предположивъ, прежде поѣздки въ Инъ-чанъ, ознакомиться съ ближайшимъ памятникомъ на Дарханъ ұлѣ, я, лишь только показалось солнце, взялъ препараты для эстампажной съемки и фотографическіе и направился на сѣверную сторону Дарханъ-ұлы. Подошва горы и до середины ея сыпуче и глубокопесчаные, выше начинаются розсыпи камня, а на вершинѣ и гребнѣ камень сплошной и оголенный лежитъ громадными валунами, по нѣскольку сажени въ каждой громадѣ. Монголы, кочующіе у сѣверной подошвы Дархана, указали намъ мѣсто пещеры дайнчи и мы подѣхали къ ней въ 11 ч. 10 мин. Пещера эта выбита въ скалѣ Дархана, а передъ нею частію устроена природою, а частію расширена путемъ насыпи площадка, огороженная глинобитною стѣною, въ которой продѣлана калитка къ отшельнику. Передъ этою калиткою, на откосѣ горы, приблизительно саженихъ въ 10 кверху отъ ея подошвы и поставленъ памятникъ. О происхожденіи всѣхъ этихъ памятниковъ я не могъ получить отъ мѣстныхъ монголовъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Одни говорили, что пещера эта существуетъ съ незапамятныхъ временъ и очень древняя; другіе увѣряли, что она выбита для ламъ созерцателей Дарханъ-ұлайнь-хита въ ту пору, когда онъ не былъ еще сеймовымъ монастыремъ и что работали ее китайцы. Относительно камня показанія были также разнорѣчивы: по однимъ, онъ стоитъ здѣсь изстари, по другимъ, его перетасили изъ Инъ-чана этотъ самый дайнчи. Сказанное обстоятельство не особенно рекомендовало мнѣ созерцателя, когда же черезъ нѣсколько минутъ онъ явился лично, то я съ перваго

же раза увидалъ въ немъ шарлатана. Это былъ человекъ лѣтъ подь 50, довольно дородный и прилично одѣтый, хотя и грязный какъ всякій монголъ. На мое привѣтствіе онъ издалъ звукъ, похожій на мычаніе, обративъ этотъ звукъ сначала ко мнѣ, потомъ къ сопровождавшему его мальчику, который тотчасъ же объяснилъ мнѣ, что лама наложилъ на себя сегодня обѣтъ молчанія и не говоритъ ни слова. Вслѣдъ за симъ лама началъ осматривать мои вещи; увидавъ мою бурку, прищелкнулъ языкомъ въ знакъ одобренія и поднялъ мнѣ большой палецъ, что обозначало первостепенное достоинство, пощупалъ брюки, сапоги, словомъ, осмотрѣлъ меня всего, какъ подобаетъ всякому невѣжественному монголу. Засимъ, возвратившись домой, онъ минутъ черезъ 10 вышелъ опять, держа въ рукахъ сочиненіе «Дорджи чжотба» и началъ вертѣть его у меня передъ глазами; я сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаю: тогда онъ положилъ книжку за пазуху, взошелъ на утесъ и, усѣвшись, тамъ, досталъ ее снова и началъ читать; черезъ три, четыре минуты онъ поднялся вторично, распустилъ свое оркимчжй такъ что оно, раздуваемое вѣтромъ, сдѣлало его похожимъ на птицу и началъ хлопать въ ладоши. Стоявшіе тутъ монголы, при видѣ такого священнодѣйствія ламы, повалились ему въ ноги. Сказать правду, фиглярство это было мнѣ противно и я принялся за работу изслѣдованія памятника, доставъ рулетку для измѣренія и эстампажные аппараты.

Памятникъ представляетъ собою плиту изъ бѣлаго, легко поддающагося рѣзцу мрамора, вышиною въ 4 аршина и 8 вершковъ, шириною въ 1 арш. 6 вершковъ и толщиною въ $5\frac{1}{2}$ вершковъ. Верхняя часть его на $1\frac{1}{4}$ аршинъ снабжена орнаментомъ, изображающимъ собою гербъ Юаньской династіи, т. е. двухъ драконовъ съ обращенными книзу головами и хвостами своими переплетшимися наверху. Между этими драконами находилась изсѣченной въ медальонѣ надпись въ 12 іероглифовъ почерка чжунань, обозначающая такъ сказать заголовокъ памятника; ниже его начинался самый текстъ памятника, писанный обычными китайскими іероглифами, только въ средѣ ихъ мнѣ попалось нѣсколько совершенно не извѣстныхъ и, кажется, не употребляемыхъ въ настоящее время. Іероглифы текста были изсѣчены очень мелко, а время потерло памятникъ, почему нѣкоторыя буквы, очевидно, не могли поддаться эстампажной снимкѣ, хотя на камнѣ можно было еще услѣдить глазомъ ихъ черты; поэтому, положивъ снять памятникъ эстампажемъ, я опредѣлилъ еще списать его весь отъ руки, и не надѣясь въ этомъ случаѣ на свои силы, думалъ было пригласить для этого какогонибудь китайца. Часть памятника, возвышавшаяся надъ землею, очевидно, не представляла собою всего памятника цѣликомъ и въ то же время онъ представлялся какъ бы вросшимъ въ землю. Попробовавъ отко-

пать его, я нашелъ, что памятникъ углубленъ не болѣе какъ на 5 вершковъ; установленъ онъ прямо на землѣ и не имѣетъ у себя пьедестала, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ едва ли стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ воздвигнутъ первоначально, а перенесенъ съ него, хотя и не извѣстно на какое разстояніе. Вслѣдъ за симъ мы приступили къ снимкѣ памятника. Снять его на цѣльный кусокъ полотна было не возможно, съ одной стороны потому что полотно не соотвѣтствовало памятнику по своей ширинѣ, а съ другой — и главнымъ образомъ потому, что надежды на успѣхъ работы было у меня очень мало. Небо съ каждою минутою все больше и больше заволакивалось тучами и нужно было ожидать скорого дождя; при такихъ условіяхъ производить съемку было гораздо удобнѣе по частямъ. Раздѣливъ весь камень на четыре части мы только что начали приколачивать полотно, какъ пошелъ дождь. Онъ шелъ промежутками: 10 минутъ дождя, 10 минутъ нѣтъ; мороситъ какъ изъ сита; и такъ вплоть до 5 часовъ вечера. При такихъ обстоятельствахъ, мы до 5 часовъ еле успѣли прибить одно полотнище, т. е. снять одну четверть камня. Главное неудобство работы состояло въ томъ, что едва успѣешь вбить нѣсколько буквъ, и уменьшить въ полотнѣ количество влаги, какъ начинающійся мелкій дождичекъ смачиваетъ его снова; влага на полотнѣ, влага на щеткахъ, влага въ воздухѣ, — понятно, какъ трудно было довести при этомъ полотно до сухости. Вторая четверть камня, во время снимка которой дождя почти не было, была исполнена гораздо скорѣе; тѣмъ не менѣе мы окончили ее только къ 8 часамъ и въ 8 ч. 30 м. возвратились къ монастырю на свое стойбище.

29-е Мая. Суббота.

6 ч. утра $+7^{\circ}$; 9 ч. вечера $+9^{\circ}$.

Въ 5 ч. съ небольшимъ изъ за горъ показалось яркое солнце и утро было прекрасное. Можно было предполагать, что сегодня будетъ такой же и день, тѣмъ не менѣе мы торопились къ своей работѣ и въ 6 ч. 45 м. были уже на коняхъ, чтобы ѣхать къ памятнику. Но, вѣрно уже таково счастье! Къ 8 часамъ небо снова начало покрываться тучами, а съ 9-ти опять пошелъ дождь на цѣлый день, съ тою только разницею, что вчера онъ былъ мелкій, шелъ короче и повторялся чаще; сегодня онъ припускалъ крупными каплями минутъ на 20, даже на полчаса, а засимъ промежутки бездождія доходили почти до часу. Работа въ нынѣшній день была еще труднѣе, по той причинѣ, что полотно не только смачивалось дождевыми каплями, но потоки воды, скатывавшіеся съ верхушки камня, особливо по бокамъ его проникали подъ полотно, отмачивали его и уменьшали клейкость гуммиарабика, такъ что таковыя отмоченныя части полотна приколотить къ камню снова не было уже никакой возможности. Не менѣе возни

было и съ краскою. Подъ вліяніемъ холода она сгустилась, класть ее приходилось на цинковую также холодную доску; растиранія пальцемъ по доскѣ помогали очень мало, такъ какъ этимъ путемъ довольно трудно было размѣстить количество краски равномѣрно; нѣсколько болѣе дѣйствительнымъ оказалось подогрѣваніе доски на огнѣ. При такихъ обстоятельствахъ мы успѣли окончить работу надъ текстомъ памятника только въ 7 м. 50 м. вечера, а заголовокъ его такъ и оставили не снятымъ. Причинъ для этого было нѣсколько. Во 1-хъ вершина іероглифовъ его находилась не менѣе какъ на разстояніи аршинъ 4-хъ отъ земли и работать надъ ними безъ подставки было не возможно, а подставки между тѣмъ у насъ ни какой не было; лѣстницы за симъ также взять было не откуда, да притомъ и приставить ее было невозможно, также точно какъ нельзя было работать и съ веревочною лѣстницей, которую мы легко могли сдѣлать, но которую опасно было привѣсить по причинѣ не устойчивости камня, легко могшаго упасть подъ тяжестью опоры на него работающаго: уже и такъ онъ замѣтно покачивался, когда мы откопали его до основанія и колотили большими щетками; наконецъ снимать сегодня было уже поздно, пріѣзжать же завтра снова мнѣ не хотѣлось, такъ какъ это, очевидно для меня, могло повлечь за собою неудовольствіе мѣстнаго населенія.

Сегодня между прочимъ произошло два эпизода, довольно ярко характеризовавшихъ мѣстныя народности. Еще вчера, предположивъ нанять китайскаго писца для списыванія камня, я узналъ, что въ одной изъ лучшихъ здѣшнихъ лавокъ имѣется хорошій писецъ. Утромъ отправившись по адресу и увидавъ, что китаецъ этотъ пишетъ дѣйствительно очень хорошо и писалъ, очевидно, много, я предложилъ ему списать мнѣ памятникъ. Къ удивленію, онъ отвѣчалъ мнѣ отказомъ по той причинѣ, что съ камня списывать очень трудно и онъ никогда не писалъ съ камней: «съ книги могу, а съ камня нѣтъ!» «Да не все ли равно тебѣ писать, на примѣръ, слова: «хуанъ-ди» съ книги, или съ камня? Вѣдь камень изсѣченъ прекрасно и читается свободно!» говорилъ я. Но китаецъ, оказалось, даже читавшій этотъ памятникъ, тѣмъ не менѣе стоялъ на своемъ, что съ книги, или съ бумаги онъ списывать можетъ, а съ камня нѣтъ. Такъ и уѣхалъ я отъ него ни съ чѣмъ, будучи вынужденъ потомъ списывать камень уже самъ. Нечего говорить какъ производилось подъ дождемъ это списываніе: прикрывшись буркою самъ и прикрывъ бумагу, я сидѣлъ на корточкахъ, выглядывая изъ подъ этого прикрытія за каждымъ іероглифомъ, да иногда еще и не одинъ разъ. Времени было употреблено minimum въ три раза больше чѣмъ слѣдовало его израсходовать. Скажутъ, развѣ нельзя было употребить это время на другое и заняться снимкою памятника на завтра? Но

кто поручился бы мнѣ, что завтра не будетъ еще бѣльшаго дожда послѣ того какъ, оставивъ дѣлганъ 8-го Апрѣля, я едва видѣлъ пять дней хорошей погоды?!

Другой эпизодъ, на основаніи котораго я предполагалъ возможность неудовольствія противъ меня мѣстныхъ монголовъ, состоялъ въ томъ, что сегодня утромъ лишь только подѣхали мы къ памятнику, какъ изъ своей калитки показался дайнчи и грозно пригласилъ сопровождавшаго меня монгола повидаться съ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ мой монголъ явился отъ него и передалъ мнѣ, какъ слова дайнчи, что снимать памятника нельзя, что онъ сообщилъ о моихъ вчерашнихъ работахъ старшимъ ламамъ и чтобы поэтому я ожидалъ бы разрѣшенія ихъ производить съемку. Я приказалъ сказать, дайнчи, что я выѣхалъ изъ Пекина, имѣю у себя документы и знаю что дѣлаю; знаю на что *нужно* просить разрѣшенія ламъ, а на что нѣтъ, и работъ своихъ не прекращу. Слова мои были, конечно, въ точности переданы ламѣ; я началъ работать, но лама не показывался. Часа въ 3, когда мы сидѣли укрывшись отъ дожда подъ утесомъ скалы, къ ламѣ подѣхалъ какой то цзангінъ. Обрадовавшись, вѣроятно, присутствію чиновнаго лица съ шарикомъ, дайнчи выслалъ его ко мнѣ. Цзангінъ храбро подошелъ ко мнѣ и чуть ни закричалъ: «дѣйствительно ли я привязывалъ своихъ лошадей къ памятнику и копалъ его, съ цѣлью подкопать счастье здѣшняго населенія? Не отвѣчая ему на этотъ вопросъ, я самъ спросилъ его, по какому праву онъ меня спрашиваетъ и кто онъ такой? Цзангінъ тотчасъ присмирѣлъ и сказалъ, что все это сказалъ ему ламъ-дайнчи, который и послалъ его спросить меня; самому же ему интересно только знать, должно ли въ самомъ дѣлѣ вѣрить тому, что камень этотъ, какъ говорятъ нѣкоторые, спустился съ неба; такъ какъ онъ видитъ, что я человекъ мудрый, знаю языки неба и земли и могу читать написанное на памятникѣ. Я отвѣчалъ ему, что памятникъ этотъ съ неба не спускался, а поставленъ при юаньской династіи, что записанныя на немъ обстоятельства имѣютъ только историческое значеніе и никакого вліянія на судьбу и счастье современниковъ они не имѣютъ: говоритъ памятникъ о дѣлахъ гражданскихъ. «Что касается словъ ламы, то ты самъ видишь», продолжалъ я, «бываетъ ли такой чулбуръ, или бурундукъ, которымъ бы можно было привязать животное къ этому камню. Ты видишь, что лама вретъ, и вретъ глупо. Ступай и скажи ему то, что говорилъ я ему еще утромъ: я чиновникъ, пріѣхавшій изъ Пекина; знаю, что дѣлаю и о чемъ у кого мнѣ нужно спрашиваться. Лама долженъ знать свои духовныя дѣла и въ дѣла гражданскія вмѣшиваться ему не подобаетъ; а если онъ посмѣетъ глупымъ враньемъ мутить народъ, то я донесу объ его поступкахъ въ Пекинъ, а здѣсь я и

съ цзасакдмъ-то вашимъ говорить не хочу!» Послѣднія слова такъ подѣйствовали на цзангйна, что онъ, уходя, сказалъ: «о, это большой чиновникъ!» За симъ, не желая, вѣроятно, принести неприятный отвѣтъ ламѣ, онъ поручилъ моему же монголу передать слышанное, а самъ уѣхалъ. Мой монголъ къ ламѣ снова не ходилъ, лама не показывался и мы продолжали и кое какъ окончили свои работы; но изъ всего случившагося было ясно, что дайчи началъ еще вчера и, конечно, будетъ продолжать смущать народъ; вліяніе же его на массу было не сомнѣнное. Меня поддерживало главнымъ образомъ то, что я выѣхалъ изъ Пекина. — Возвратившись домой, я до половины 11-го часа просидѣлъ въ разговорахъ съ приходившими ламами.

Что касается каменописнаго памятника, то онъ, несомнѣнно, относится ко временамъ династіи Юань и именно къ 1325-му году. Текстъ его читается совершенно свободно, почему я и не представляю здѣсь дорого стоящаго фототипическаго снимка съ его эстампажа, а воспроизвожу этотъ текстъ прямо іероглифами¹⁾. Такъ какъ строки надписи на памятникѣ не могли помѣститься цѣликомъ при настоящемъ форматѣ моей книги, то мнѣ невольно пришлось дѣлать нѣкоторыя изъ нихъ на части, хотя это сдѣлано мною такъ, что желающій имѣть у себя текстъ въ точномъ соотвѣтствіи его подлиннику, можетъ воспроизвести его самъ, совершенно свободно. Для сего во 1-хъ, каждая новая строка отмѣчена у меня соотвѣтствующею цифрою; во 2-хъ, всѣ красныя строки каменописи вынесены кверху также точно, какъ это соблюдается въ памятникѣ; въ 3-хъ, расположеніе начальныхъ іероглифовъ остальныхъ строкъ также точно сохранено во всей строгости, почему на однѣхъ строкахъ начальные іероглифы являются однимъ іероглифомъ ниже красной строки, на другихъ — двумя, тремя и даже четырьмя іероглифами ниже красной строки; въ 4-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ на памятникѣ почиталось возможнымъ замѣнить красную строку отступомъ, у меня также точно сохранены эти отступы и на то же число іероглифовъ, которое находится въ подлинникѣ. Дословный переводъ текста составленъ мною при дружеской помощи нашего извѣстнаго синолога, драгомана Пекинской Миссіи, П. С. Попова. Вотъ эти текстъ и переводъ памятника съ нѣкоторыми, кажущимися мнѣ необходимыми историко-литературными справками и замѣчаніями:

1) Всѣ мои эстампажные снимки, въ виду рѣдкости этого рода памятниковъ, переданы теперь мною въ Библіотеку С.-Петербургскаго Университета и желающіе могутъ всегда видѣть тамъ надпись этого памятника въ точной копій его.

10 世皇旋乾轉坤有大力量以一臂指摩一切世界金剛鐵圍碎如微塵鞭弭所向怨敵摧伏

9 皇祖櫛風沐雨勤勞天下金戈黃鉞壁于應昌于時乃顏離佛正法欲以螢火燒須彌山

8 皇姊大長公主 魯王善根堅深瞻懷

7 帝師經燈唄螺凡七晝夜龕廬積年霜苔露荆

厥象或曰曼陁山石洞有佛殊相廻命

6 駐蹕應昌之夕一佛飛空現金色身如影如幻且諭近臣莫知從來者諏耄詢俾審

5 世祖皇帝躬御六師徂征弗庭

4 至元丁亥

世延 篆 額

3 魯王桑哥不刺 重修布施常住集 賢 大學 士 光 祿 大 夫 趙

巖 撰并書

2 皇尊姑大長公主晉納 承 事 郎 同 知 常 寧 州 事 趙

1 應昌路曼陁山新建龍興寺記

20 世祖皇帝大威德 青蓮瞬目降羣魔 曼陁洞佛生光明 優鉢曇華此值遇 音聲法

19 如來金色現法身 非因非想而顯示

18 主命偈而石焉具辭曰

17 德林第一說己

得大歡喜得大饒益將自泰定甲子始是爲龍沙功

16 主身履貴富而以寂照師心以一刹徧一切刹一佛示現徧一切佛億萬永年應佛授記

15 海到菩薩岸不徹東海逢娑竭羅又安知不徹天台鴈蕩應頁飛行虜耶今

旁遊者投足深探遐歷莫得要領安知是穴不徹南

14 世祖所見等無差殊歡喜莊嚴得未嘗有巖霏褰開嵐輝月清洞邃三丈其穹半之仍穿其

13 主所定福及衆生有眼無覩 主與

12 主念益堅聞者信心迺標刹龍興以神至元若淨梵天水雲洞名皆

11 畚土斧樹礮石殿像觀音東西鹿頂三門廓宏面勢海廣一夕名洞金佛現相如初

梵王帝釋怕隨擁衛如來顯現克相有成於是鑱榛

Въ переводѣ это значить:

Запись о кумирнѣ Лунъ-синъ (сы), вновь построенной на горѣ Мань-тоу (шань), въ Юнь-чанской области (въ Кэшиктэнскомъ аймакѣ у озера Бу-юй-рѣ).

Кумирня возобновлена иждивеніемъ богдоханской тетки, старшей царевны, Пуна¹⁾ и князя Лу, по имени Саигэ-була.

Надпись на памятникѣ сочинена и написана чэнь-ши-ланомъ (назв. чина), Чанъ-нинскимъ окружнымъ начальникомъ, Чжао-янемъ, а заглавіе написано уставнымъ почеркомъ канцлеромъ и чиновникомъ 1-й ст. Чжао-ши-янемъ.

Въ годъ Динъ-хай правленія Чжи-юань (1287 г.) Хубилай ханъ, лично предводительствуя арміею, выступилъ противъ непокорныхъ²⁾. Въ вечеръ остановки его въ Инъ-чанѣ, одинъ будда, словно видѣніе, пролетѣлъ по воздуху, показавъ свое золотистое тѣло. По утру Хубилай обратился къ приближеннымъ чинамъ за разъясненіемъ, но они не знали, откуда это явленіе. Для объясненія этого знаменія обратились съ распросами къ старикамъ, изъ коихъ нѣкоторые сказали, что въ каменномъ гротѣ, на

1) О царевнѣ Пуна и мужѣ ея Саигэ-була мы встрѣчаемъ упоминаніе въ исторіи Юаньской династіи (кн. 108, стр. 4, кн. 109, стр. 2).

2) Подъ именемъ непокорныхъ разумѣется союзъ князей Нояня, Кадана и Сэнтюра подъ главенствомъ Хайду, племянника Хубилаева.

議大夫管領本投下諸色人匠役恰口都總管府總管張

24 聖天子萬億年 潢源永永咸滿願 泰定二年青龍在乙丑六月既望立石監造官嘉

23 帝姊 此刹無量福無量 祝

22 皇姊之所名 一佛示現百億身 百億身各現一佛 以壽如來壽

天水雲洞 咸奉

21 大長主大棟梁 建觀音殿於其所 刹楣龍興麗雲天 洞穴窳窳不能竟 日淨梵

事七晝夜 亦復土木新龕廬 我

горѣ Мань-тоу (шань) есть особенное изображеніе будды. Тогда Хубилай приказалъ царскому учителю совершать въ гротѣ службу, которую послѣдній совершалъ въ теченіе семи дней и семи ночей.

Въ этомъ гротѣ курильница предъ кіотомъ отъ долгихъ лѣтъ поросла мохомъ и колючками. Старшая сестра богдохана, старшая царевна и князь удѣла Лу съ любовію вспомнили, какъ ихъ царственный предокъ, претерпѣвая всевозможныя лишенія и подъемля труды для вселенной (Китая), стоялъ съ арміей въ Инъ-чанѣ. Въ то время Ноянь³⁾, отшатнувшись отъ будды и забывъ законъ⁴⁾, хотѣлъ ничтожнымъ огнемъ сжечь гору Сумэру⁵⁾, не зная того, что Хубилай вращаетъ вселенную и, обладая огромною силою, приводилъ въ прахъ несокрушимыя твердыни, шута уничтожалъ все, куда ни направлялся, сокрушалъ недовольныхъ, Брама и Индра постоянно ему сопутствовали и охраняли его; явился Татагата — и это было знаменіемъ побѣды. Подъ влияніемъ этого воспоминанія царевна и князь очистили мѣсто отъ сорныхъ травъ, расчистили землю, натесали камней и возвели кумирню, съ изображеніемъ Авалокитѣшвары, съ двумя флигелями — восточнымъ и западнымъ⁶⁾. Въ кумирню, поражавшую своею обширностію, вели трое громаднѣхъ воротъ, и въ одинъ прекрасный вечеръ золотистый будда по прежнему проявилъ свой образъ. Отъ этого благочестивое настроеніе царевны еще болѣе укрѣпилось, а слышавшіе (объ этомъ явленіи) увѣровали. Въ ознаменованіе годовъ правленія «Чжиюань», царевна наименовала кумирню Лунъ-синъ (т. е. мѣсто возвеличенія богдохана). Названія разныхъ мѣстъ въ кумирнѣ, какъ наприимѣръ, Цзинъ-

3) Ноянь былъ потомкомъ младшаго брата Чингисова Отчигни въ пятомъ поколѣніи и слѣдовательно доводился Хубилаю не дядею, такъ утверждаетъ Марко Поло (The book of Ser Marco Polo by Colonel H. Jule. London 1875. Vol. 1, p. 324), а двоюроднымъ внукомъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Д'Оссонъ (Histoire des Mongols par Baron D'Osson 1852. T. II, p. 450). Обширный удѣлъ, которымъ владѣлъ этотъ князь, обнималъ значительную часть юго-восточной Монголіи и юго-западной Маньчжуріи и заключалъ въ себѣ не мало послѣдователей Христова ученія, къ которому принадлежалъ и самъ Ноянь. Гордый своимъ могуществомъ, онъ присоединился къ союзу князей, во главѣ съ Хайду, протестовавшему противъ незаконнаго избранія Хубилая. Весною 1287 г. Хубилай, во главѣ почти полумилліонной арміи, выступилъ противъ непокорныхъ, напалъ на безпечнаго Нояня на берегахъ р. Ляо, разбилъ его трехсотъ-тысячную армію, самого его взялъ въ плѣнъ и приказалъ предать смерти. Этотъ то походъ Хубилая и вспоминается въ настоящемъ памятникѣ.

4) Фраза эта служитъ подтвержденіемъ того, что Ноянь былъ христіаниномъ.

5) Т. е. своими ничтожными силами сокрушить Хубилая.

6) Не найдя въ имѣющихся у меня подъ руками словаряхъ объясненія фразы «лунднъ» (лу = драконъ и днъ = верхушка, кровля) и не добившись такового отъ проживающихъ въ Петербургѣ ученыхъ китайцевъ, я, основываясь на томъ, что «лу» употребляется иногда въ значеніи амбара и на общемъ характерѣ постройки китайскихъ кумирень, позволилъ себѣ перевести ее словами: «двумя флигелями — восточнымъ и западнымъ».

фань-тянь, Шуй-юнь-дунъ, всѣ были даны царевною. Благословеніе, незримое для имѣющихъ тѣлесныя очи, посѣтило всѣхъ. Видѣніе же царевны было совершенно тождественно съ видѣніемъ Хубилѣя. Царевна радовалась небывалому великолѣпію кумирни, которая, словно свѣтлая луна, выступала на блестящемъ горизонтѣ горъ послѣ того, какъ разсѣивался туманъ на утесахъ.

Пещера была глубиною въ 3 сажени (чжана), а сводъ ея имѣлъ въ высоту половину этой мѣры. Въ боку ея было сдѣлано углубленіе, въ которое путешественники бросали палки, съ цѣлію удостовѣриться какъ далеко оно простирается, но не могли опредѣлить этого. Но, какъ знать, что пещера эта не проникаетъ до берега бодисатвы въ южномъ морѣ, что она не сообщается съ Согъло (Сукавати?) въ восточномъ морѣ и не проникаетъ до горъ Тянь-тай и Янь-данъ⁷⁾, въ которыхъ витають арханы?!

Нынѣ, царевна, не смотря на знатность и богатство, безмолвно исполнила волю учителя⁸⁾. А такъ какъ въ одной кумирнѣ объединяются всѣ кумирни, въ явленіи одного будды обнимаются всѣ будды безконечныхъ вѣковъ, то она, во исполненіе пророчества будды, получила великую радость и великую пользу. Такимъ образомъ, съ года Цзя-цзы правленія Тай-динъ (1324 г.), начала сбываться въ сѣверныхъ странахъ первая проповѣдь будды, сказанная имъ въ Гунъ-дэ-линѣ.

(По этому случаю) царевна приказала написать гату (гимнъ) и вырѣзать ее на камнѣ. Гата эта гласитъ слѣдующее:

Татагата показаль свое златоцвѣтное, духовное тѣло,
И показаль его безъ намѣреній и безъ причины (= свободно).
Великими доблестями отличался императоръ Хубилѣй
И темнозеленый лотусъ въ одинъ мигъ покориль толпы враговъ.
Въ Мань-тоу-шаньскомъ гротѣ будда испустиль свѣтъ,
И въ это время появился распутившійся цвѣтокъ темнозеленаго
лотуса.

Семь дней и семь ночей совершалась служба.

Снова начались постройки и сооружены новая курильница и
кіотъ.

Старшая царевна, великая опора (буддизма),
Воздвигла на этомъ мѣстѣ храмъ Авалокитѣшвары.

7) Въ провинціи Чжэ-цзянь, въ области Вэнь-чжоу, есть двѣ горы этого имени.

8) Фраза китайскаго текста: «以寂照師心», передаваемая словами: «безмолвно исполнила волю учителя», П. С. Поповъ находитъ возможнымъ перевести еще такъ: «сосерцаіемъ и гносісомъ руководила свою нравственную природу».

Возвысилась кумирня, красуясь въ небесахъ.
Пещера ея была глубины неизмѣримой.
Цзинь-фань-тянь и Шуй-юнь-дунъ
Получили свои названія отъ сестры богдохана.
Одинъ будда явился въ безчисленныхъ видахъ,
И въ каждомъ изъ безчисленныхъ видовъ явился одинъ будда.
Долгоденствіемъ будды да долгоденствуетъ царская сестра!
Какъ неизмѣрима эта кумирня, такъ да будетъ неизмѣримо ея
счастье!
Да здравствуетъ на многія лѣта августѣйшій сынъ неба!
Да исполняются всегда всѣ желанія членовъ царскаго дома!

Камень поставленъ второго года правленія Тай-динь (1325 года),
16-го числа, 3-й луны.

Надзиратель за постройками, Цзя-и-да-фу (чинъ), завѣдующій ино-
странными мастерами и Линь-коу (христіане?), Главный начальникъ
главнаго приказа Чжанъ.

30-е Мая. Воскресенье.

6 ч. $+8^{\circ}$; 11 часовъ вечера $+9^{\circ}$.

Сегодня была опредѣлена мною поѣздка въ Инъ-чанъ, которая ока-
залась счастливою въ томъ отношеніи, что въ 1-хъ въ теченіе всего дня
не было дождя, а во 2-хъ, по ошибкѣ монгола, моего извозчика, мы безъ
всякихъ усилій съ моей стороны, объѣхали все озеро, хотя этого, конечно,
не пришлось бы сдѣлать безъ особыхъ, всегда непріятныхъ переговоровъ,
если бы онъ не ошибся. Развалины Инъ-чана находятся въ самомъ юго-
западномъ углу озера Далай-нуръ и направленіе пути къ нимъ изъ мона-
стыря прямо на югъ; между тѣмъ мы поѣхали на сѣверъ и такимъ обра-
зомъ мнѣ пришлось осмотрѣть все озеро.

Мы выѣхали въ 6 ч. 50 м. утра верхами. Озеро Далай-нуръ зовется
этимъ именемъ у монголовъ; современные китайцы именуютъ его Бу-юй-
ръ хай, а въ старину, какъ-это видно по историческимъ памятникамъ, оно
было извѣстно подъ именемъ То-ро хай-цзы. Окружность его, по китай-
скимъ описаніямъ Мэнъ-гу-ю-му-цзи, равняется 200 ли, по моимъ же на-
блюденіямъ, оно должно имѣть не менѣе 80 нашихъ верстъ, по крайней
мѣрѣ на объѣздъ его мы должны были употребить не менѣе 13 часовъ
ѣзды легкой трусой на лошади. Берега озера мѣстами песчаные, мѣстами
очень болотистые, хотя весьма вѣроятно, что влажность почвы здѣсь зна-
чительно увеличивалась вслѣдствіе постоянныхъ дождей, падавшихъ въ те-
ченіе всего истекающаго мѣсяца. Озеро было теперь, очевидно, въ раз-

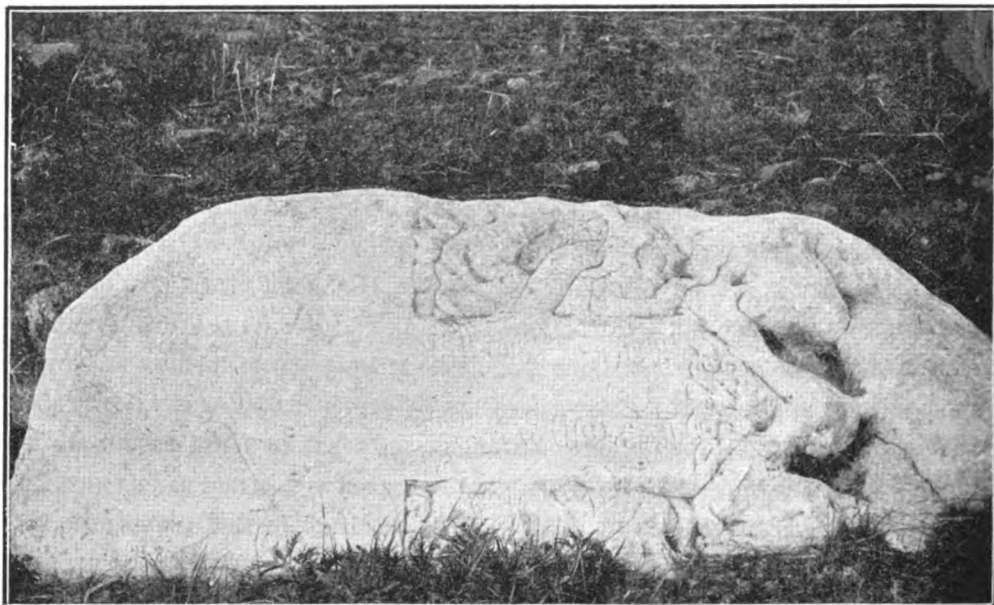
ливѣ, такъ какъ всѣ примыкающія къ нему канавки были наполнены водою. Цвѣтъ воды въ озерѣ зеленоватый, вода его прѣсная, относительно же глубины я не могъ получить опредѣленныхъ свѣдѣній; встрѣчавшіеся намъ китайцы говорили только, что озеро очень глубоко и даже не подалеку отъ берега достать дно его невозможно. На сѣверо восточномъ берегу озера, близъ его бассейна, и именно въ разстояніи $1\frac{1}{2}$, 2-хъ верствъ, имѣется нѣсколько малыхъ озеръ, которыя впрочемъ не имѣютъ для себя особыхъ названій у мѣстныхъ жителей. На всѣхъ этихъ озерахъ мы видѣли массу птицы: лебедей, гусей различныхъ породъ, утокъ бѣлыхъ, кряковыхъ и пестрыхъ, чирковъ, бекасовъ, кроншпелей, турпановъ, наконецъ безчисленное количество чаекъ, журавлей и баклановъ. Въ озерѣ водятся также и рыба и для ловли ея сюда ежегодно пріѣзжаютъ китайцы изъ города Бирү и его окрестностей. Мы повстрѣчали ихъ здѣсь не менѣе 70 юртъ въ разныхъ мѣстахъ озера, а въ каждой юртѣ проживало отъ 6 до 15 человекъ. Заѣзжая въ такія ставки, мы видѣли у рыболововъ исключительно карасей и линьковъ, другой рыбы не встрѣчалось положительно. Самые большіе караси вѣсили иногда болѣе 2-хъ гиновъ, т. е. около трехъ русскихъ фунтовъ. Ловля рыбы начинается вообще въ 4-й лунѣ и оканчивается въ 7-й; что соотвѣтствуетъ періоду отъ половины Мая до половины Августа. Наловленная рыба засаливается и провливается на мѣстѣ, а потомъ въ количествѣ отъ 600 до 800 телѣгъ направляется въ Бирү хотѣ, Долбнъ-нүрѣ и Калганъ. Полагаютъ несомнѣннымъ, что рыбы могло бы быть вывозимо вдвое и втрое больше; но дѣло въ томъ, что на промыселъ этотъ являются здѣсь почти нищіе. Сѣти они пріобрѣтаютъ почти всегда въ долгъ, да притомъ сѣтями ловятъ и очень не многіе, большая же часть ограничивается однѣми, такъ называемыми «мордами», т. е. суженными въ одну сторону плетеными изъ камыша и прутьевъ корзинами. Наготовивъ такихъ корзинокъ, полуницій китаецъ является на ловлю рыбы. Цѣлый мѣсяцъ онъ ловитъ и продаетъ свой ежедневный уловъ окрестному ближайшему населенію, чтобы на вырученныя деньги купить соли, а потомъ уже начинаетъ ловить рыбу на вывозъ. Говорятъ далѣе, что очень многіе приходятъ сюда только подъ предлогомъ рыболовства, на дѣлѣ же живутъ здѣсь исключительно разбоемъ и воровствомъ. Ежегодно возникаетъ цѣлая масса дѣлъ о разбояхъ близъ озера Далай-нүра. Хошүнное кэшиктэнское начальство за такой ловъ рыбы ничего не получаетъ, да и взять съ этого, ежегодно мѣняющагося въ своемъ составѣ пролетаріата рѣшительно нечего; охранять озеро отъ самовольной ловли рыбы хошүнъ не признаетъ возможнымъ, а еще вѣрнѣе сказать смотритъ на все это дѣло сквозь пальцы, ежегодно ахая и охая при случающихся грабежахъ и раз-

бояхъ, а потомъ какъ бы забывая обо всемъ происшедшемъ до слѣдующаго года и пассивно ожидая повторенія того же самаго слѣдующимъ лѣтомъ. Въ сѣверо-восточномъ углу озера, въ разстояніи двухъ верствъ отъ береговъ его, неподалеку отъ горы Дурбальчжинъ-ўла, находятся остатки двухъ старинныхъ городовъ, заключающіеся теперь въ квадратныхъ земляныхъ валахъ, вышиною менѣе сажени, при длинѣ въ каждую изъ 4-хъ сторонъ 220 шаговъ. Земляные валы эти густо поросли теперь травой, равно какъ и все, заключающееся въ срединѣ ихъ пространство: ни валовъ, ни кургановъ здѣсь нѣтъ совершенно, какъ будто въ городищахъ этихъ не было никакихъ зданій, а только однѣ стѣны. Мѣстные жители хранятъ у себя только одно преданіе, что города эти принадлежали когда то населявшему эту страну народу Гао-ли, и больше о нихъ ничего не извѣстно. На сѣверномъ берегу Далай-нўра ясно проходитъ широкій земляной валъ, извѣстный у монголовъ подъ именемъ «Мў хэрэмъ»; внѣшній видъ его здѣсь ничѣмъ ни отличается отъ того, который можетъ быть наблюдаемъ на Ургинско-Калганскомъ трактѣ. Западные берега Далай-нўра значительно менѣе песчаны чѣмъ восточные и почва ихъ можетъ быть названа хорошимъ супескомъ.

Наконецъ въ 4 ч. 20 м. по полудни мы подѣхали къ Инъ-чану. Городище это находится на юго-западномъ углу озера Далай нўра, можетъ быть съ самымъ незначительнымъ отклоненіемъ въ сторону западнаго берега. Отъ береговъ озера оно отстоитъ приблизительно версты на двѣ. Надлежитъ замѣтить, что пространства къ югу отъ Далай нўра сплошь засыпаны теперь песками и что западнымъ берегомъ озера вплоть до этихъ песковъ обозначается нынѣ граница хошўновъ къ югу кэшиктэнскаго и къ сѣверу уриду абагаскаго вана; не болѣе какъ саженьхъ во 100 отъ начала этихъ песковъ располагается (слѣдовательно уже на земляхъ кэшиктэнскаго хошўна) Инъ-чанъ. Городище представляется окруженнымъ земляною насыпью, имѣющею видъ очень незначительнаго вала, такъ что высота его въ отвѣсѣ не превышаетъ одной сажени. Рвовъ, или окоповъ ни по ту ни по другую сторону города въ настоящую пору не замѣчается; равно какъ несомнѣнно, что городъ былъ окруженъ только одною стѣною, ибо другихъ валовъ здѣсь ни какихъ не имѣется. Означенная высота вала наблюдается одинаково во всѣхъ четырехъ сторонахъ городища: нѣкоторое повышеніе его замѣчается лишь въ мѣстахъ, очевидно, бывшихъ воротами, что и естественно, въ силу большаго количества здѣсь матеріала, послужившаго основаніемъ вала. Форма вала четырехугольная, продолговатая, и именно стѣны, тянущіяся съ сѣвера на югъ, заключаютъ въ себѣ по 1200 шаговъ, а сѣверная и южная только по 800. Ворота въ городѣ

было трое, а сѣверная стѣна не имѣла у себя выхода. Внутри городища находятся до 30 кургановъ, по большей части четырехугольной формы; почти въ каждомъ изъ нихъ сохранились пьедесталы бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ. Передъ однимъ изъ такихъ зданій въ сѣверной части города прекрасно уцѣлѣли постаменты, обыкновенно употребляемые для утверждения на нихъ плитъ каменописныхъ памятниковъ, но самыхъ писаницъ вблизи постаментовъ не видно во все. Въ центрѣ города находится самый большой четырехугольный курганъ, безформенныя груды котораго, несомнѣнно, представляли собою императорскій дворецъ. Помимо пьедесталовъ колоннъ, въ немъ видны еще обломки глазированной черепицы, массы отдѣльныхъ кусковъ рѣзныхъ и лѣпныхъ украшеній, наконецъ, каменные фигуры львовъ, стоявшихъ вѣроятно передъ входомъ во дворецъ. Вокругъ этого кургана замѣчается невысокое, лежащее ровнымъ валомъ возвышеніе, въ которомъ можно предполагать стѣну, окружавшую дворецъ. Саженьяхъ въ 150 къ юго-западу отъ этого зданія намъ попалась верхняя часть разбитой каменной плиты изъ бѣлаго мрамора, составлявшей очевидно каменописный памятникъ. Она заключала въ себѣ во 1-хъ гербъ юаньской династіи и заголовокъ памятника, совершенно подобныя тому, какіе находили мы въ писаницѣ при пещерѣ Дарханъ ѱлы, а во 2-хъ верхнюю часть строкъ надписи на самомъ памятникѣ. Другая, нижняя часть этой плиты лежала отсюда саженьяхъ въ 50; на ней находилась, уже безъ всякихъ постороннихъ украшеній, только нижняя часть строкъ. Обѣ эти части представляли собою несомнѣнно одну плиту. Вышина обломка верхней части камня = 2 арш. 4 вер., а ширина 1 арш. 3 вер.; вышина второй нижней части памятника 2 арш. 1 верш. а ширина 1 арш. 5 вершковъ. Если мы соединимъ эти двѣ части вмѣстѣ, то онѣ образуютъ камень совершенно равный памятнику Дарханъ ѱлы и нѣкоторое уменьшеніе объема могло естественно произойти при разбитіи памятника, что особенно ясно при изслѣдованіи верхней части камня, края котораго прямо представляются обломанными. Надпись на обоихъ частяхъ этого камня на столько потерта, что не можетъ быть снята эстампажемъ, даже смотря на самый памятникъ, читать ее не возможно, за исключеніемъ развѣ болѣе крупно изсѣченнаго заголовка; что же касается текста, то въ немъ едва можно различить черты нѣсколькихъ знаковъ, въ общей же массѣ камня не только отдѣльные іероглифы, но цѣлыя десятки ихъ подрядъ уничтожены временемъ и образовали собою вмѣсто строкъ неглубокія углубленія. При такихъ обстоятельствахъ, я оставилъ работу эстампажной снимки и ограничился лишь снятіемъ фотографическихъ видовъ съ обоихъ частей камня. Очень можетъ быть что камень этотъ встарину стоялъ именно на одномъ изъ тѣхъ постаментовъ, о ко-

торыхъ было замѣчено выше и засимъ снятъ и перетащенъ сюда кѣмъ либо; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что писаницы эти привлекали къ себѣ вни-

Верхняя часть инъ-чанской писаницы.

маніе монголовъ. Отъ камня, стоявшаго на другомъ постаментѣ, въ городѣ не сохранилось даже ни какихъ слѣдовъ. Мѣстные монголы не имѣютъ у себя никакого особаго названія для этого городища, и именуютъ его просто «хотѣ», равно какъ не сохранили они о немъ и никакихъ преданій, не зная даже какому народу принадлежалъ этотъ городъ и отказываясь отвѣчать на вопросъ, кто жилъ въ немъ въ періодъ его существованія. Такимъ образомъ опредѣлить эти развалины было бы очень трудно, если бы мы не находили о нихъ особыхъ сказаній въ Мэнъ-гу-ю-му-цзи. По свѣдѣніямъ автора этого сочиненія, «на сѣверо-западѣ кэшиктэнскаго аймака, на берегу Дэлъ-нүра находится древній городъ Инъ-чанъ. Юань-ши, на основаніи записокъ Сь-тэ-шан'я сообщаетъ, что» въ 7-мъ году правленія Чжи-юань (1270 г.) Олочэнь пришелъ ко двору и просилъ позволенія построить городъ на берегу Торо-хай-цзы, на что государь согласился. Городъ этотъ былъ сначала названъ Инъ-чанъ-фу, а потомъ переименованъ въ Инъ-чанъ-лу. Впослѣдствіи сюда бѣжалъ послѣдній юань'-скій императоръ Шунь-ди (Тогднъ-тэмүръ) и здѣсь же умеръ въ 1369 г. Такимъ образомъ дѣлается яснымъ, что озеро Дэлъ нүръ, или, какъ говорятъ нынѣ монголы, Далай нүръ, называлось въ старину Торо-хай-цзы».

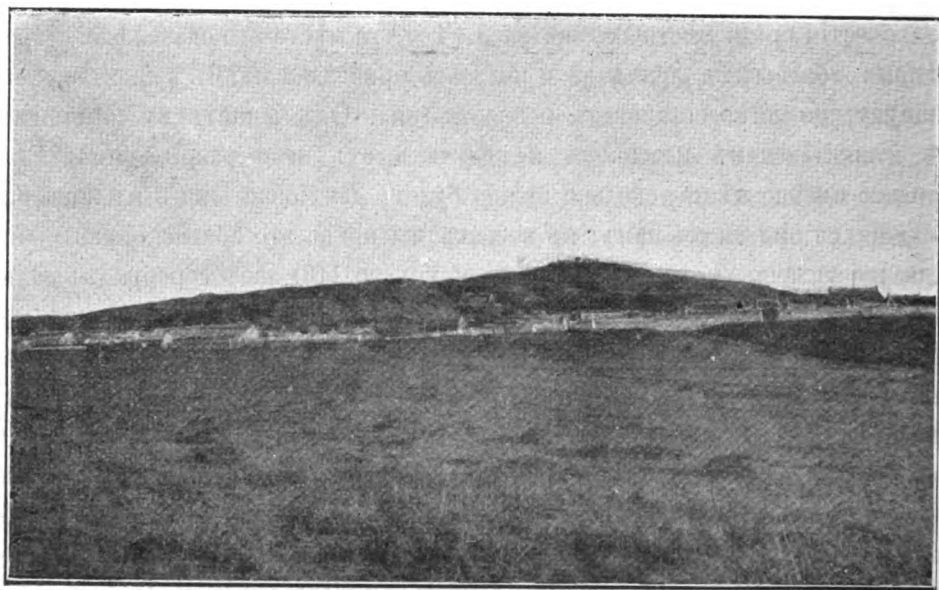
Оставивъ развалины Инъ-чана въ 6 ч. 20 м. вечера, мы продолжали путь далѣе уже по западному и южному берегу озера; въ 8 ч. 10 м. перebroдили р. Шурхà-гòль, которая почти при самомъ своемъ впаденіи въ озеро имѣла теперь до 10 саж. ширины и была не выше 2-хъ вершковъ глубиною. Въ 10 ч. 45 м. мы возвратились въ Дархàнъ ұлайнъ сұмè при полной и глубокой темнотѣ ночи.

31-е Мая. Понедѣльникъ.

6 ч. $+10^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$; 12 ч. $+18^{\circ}$; 3 ч. $+18^{\circ}$; 6 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+11^{\circ}$. —

Пора сказать слово о Дархàнъ ұлайнъ хитѣ, въ которомъ я проживалъ сегодня уже четвертый день. Время основанія этого монастыря въ точности неизвѣстно, такъ какъ ламы забыли его и на вопросы объ его происхожденіи говорятъ только, что монастырь этотъ построенъ абагàскимъ ваномъ, но дѣдомъ или прадѣдомъ нынѣшняго абагàскаго правителя праваго крыла, сказать они не могутъ. Народная память сохраняетъ однако преданія, что ванъ, построившій Дархàнъ хитъ, былъ человекъ книжный, любилъ держать при себѣ ламъ, особливо медиковъ и астрологовъ и что послѣдніе то именно и указали вану на Дархàнъ-ўлу какъ на мѣсто особливо счастливое и имѣющее у себя всѣ добрыя предзнаменованія для того, чтобы построенная на немъ обитель сдѣлалась разсадникомъ вѣры и благочестія среди мѣстныхъ жителей. То, что мѣсто это оказалось за границами абагàскихъ кочевьевъ и являлось принадлежащимъ кэшиктэнскому хошўну, не могло остановить ревности вана. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ кэшиктэнскимъ цзасакòмъ и получилъ отъ него разрѣшеніе занять столько именно мѣста, сколько нужно будетъ для монастыря и жилищъ находящихся при ономъ ламъ; въ вознагражденіе за это абагàскій ванъ обязывался уплачивать кэшиктэнскому хошўну по 100 ланъ серебра въ годъ. Впослѣдствіи, какъ надо полагать, въ половинѣ годовъ правленія Дао-гуана, въ 30-хъ гг. настоящаго столѣтія, ванъ, находя для себя стѣснительнымъ платить эти деньги и, будучи въ тоже время начальникомъ Сялинь-гòлскаго сейма, поднесъ этотъ монастырь сейму, одновременно съ симъ доведя до свѣдѣнія богдохàна, что сеймъ, получивъ такой подарокъ, опредѣлилъ этотъ монастырь для молитвъ о благоденствіи богдохàна и его царствованія. Съ тѣхъ поръ для отправленія хурàловъ въ Дархàнъ ұлайнъ сұмè командировается отъ каждаго хошўна Сялинь-гòлскаго сейма по 4, 5 и даже 6 штатныхъ ламъ, а именно: отъ 4-хъ абагàскихъ (2 Абагà и 2 Абаганàрь), 2-хъ хўчитскихъ, 2-хъ учжумуцїнскихъ и 2-хъ сунїтскихъ хошўновъ; помимо сего въ монастырѣ много сверхштатныхъ ламъ, а равно приходящихъ изъ другихъ хошўновъ, такъ что общее число проживающихъ

здѣсь монашествующихъ доходитъ до 300 душъ. Что касается штатныхъ ламъ, то получаемое ими содержаніе ассигнуется хошӯнами и количество его обуславливается главнымъ образомъ степенью состоятельности хошӯна: есть хошӯны, ассигнующіе по 30 ланъ въ годъ на человѣка, есть и выдающіе по 50 ланъ. Помимо сего ламы имѣютъ, конечно, монастырскіе доходы, причемъ опредѣлено, что каждый штатный ламъ получаетъ этихъ доходовъ не болѣе и не менѣе какъ 25 ланъ въ годъ. Со времени передачи монастыря въ собственность сейма уплата поземельныхъ денегъ за него кэшиктѣнскому хошӯну была разложена на всѣ 10 хошӯновъ силінъ-гѣлскаго сейма; но такой порядокъ продолжался не долго: спустя мѣсяцъ десять, или пятнадцать, кэшиктѣнскій цзасакъ отказался отъ полученія этихъ денегъ въ пользу монастыря и теперь мѣсто Дарханъ ұлайнь хита уже стало чисто монастырскою землею, хотя находится этотъ монастырь въ кочевьяхъ кэшиктѣновъ, принадлежитъ силінъ гѣлскому сейму и состоитъ въ вѣдѣніи абагаскаго вана. Надлежитъ замѣтить при этомъ, что силінъ-гѣлскій сеймъ, получивъ Дарханъ ұлайнь сӯмэ, оставилъ его тѣмъ не менѣе въ вѣдѣніи абагаскаго вана, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что съ одной стороны кочевья абага суть ближайшія къ монастырю, а съ другой — абагаскій ванъ, какъ строитель монастыря, естественно долженъ и больше,

Общій видъ Дарханъ ұлайнь хита.

а главное сердечнѣе заботиться о немъ. Такимъ образомъ, въ понятіи простолудиновъ, Дарханъ ұлайнь сӯмэ доннынѣ является монастыремъ абага-

скаго вана и въ обычномъ разговорѣ о немъ только и можно слышать, что это монастырь абагаскій.

Съ вѣшной стороны Дарханъ ѱлайнь сѳмѣ, расположенный по южному склону и подножію Дарханъ ѱлы, кажется монастыремъ не особенно большимъ, но очень чистенькимъ и красивымъ, чему много способствуетъ то обстоятельство, что всѣ байшины ламъ построены здѣсь изъ бѣлой глины и выглядятъ очень опрятно. Монастырскія капища были возобновлены только въ прошломъ году, а часть ихъ отдѣлялась даже при мнѣ; оттого-то все здѣсь является новенькимъ и наряднымъ. Всѣхъ капищъ въ монастырѣ 12, но большихъ только два, именно Цокчйнъ и Чдй-ра; въ послѣднемъ впрочемъ цанитъ служится рѣдко и въ большинствѣ случаевъ онъ отправляется въ цокчйнской же кумирнѣ такъ, что утромъ, часовъ въ 5, 6, служится цокчйнъ, а часовъ въ 10 начинается хуралъ цанитскій. Остальныя кумирни въ монастырѣ очень маленькія и построены частными лицами: хуралы въ нихъ отправляются развѣ два, три раза въ годъ. Вообще нужно сказать, что порядки въ Дарханъ-ѱлайнь сѳмѣ довольно строги: хуралы служатся ежедневно и притомъ не менѣе трехъ разъ въ день; ламы съ 1-го числа IV луны и по 1-е число IX луны обязаны носить «номтѣ дѣбѣль» и только съ IX луны имъ дозволяется носить платье съ рукавами. Цанитъ не отличается у нихъ особою обширностью, тѣмъ не менѣе слушающіе его получаютъ здѣсь степень «рабчжамба», хотя для полученія званія «габчжѣ» должны отправляться въ Пандита-гэгэнэй дацанъ. Содержаніе и средства монастыря довольно изрядныя. При каждой кумирнѣ здѣсь имѣется особое казначейство (чжиса), самыми большими изъ которыхъ считаются чжиса цокчйнскій и цанитскій: они имѣютъ у себя табуны лошадей и стада рогатаго скота свыше 1000 головъ каждый. Остальные чжиса менѣе значительны, но все же считаютъ свои стада сотнями головъ. Главнѣйшее стѣсненіе ламъ состоитъ теперь въ земельномъ отношеніи. По общему отзыву монашествующихъ, кэшиктѣны стѣсняютъ ихъ до такой степени, что не дозволяютъ даже выходить въ степь для сбора аргала; нечего говорить послѣ сего о томъ, чтобы нарубить себѣ не только деревьевъ, а даже валежнику: почти каждый случай выхода изъ монастыря вызываетъ собою придирки, кляузы и даже судбища. Такимъ образомъ ламы рѣшительно все, даже топливо, должны или покупать, или привозить изъ дома.

При Дарханъ ѱлайнь сѳмѣ проживаетъ до 60 человекъ китайцевъ, которые помѣщаются въ 11 глинобитныхъ байшинахъ. Изъ числа этихъ домовъ четыре производятъ торговлю, остальные живутъ промыслами, хлѣбопашествомъ же близъ Дарханъ ѱлы никто не занимается по непри-

годности для сего мѣстной почвы. Торговцы живутъ здѣсь уже по нѣскольку десятковъ лѣтъ, а первоначально двое ихъ прибыли изъ Тайюань-фу, въ Шаньси, одинъ—изъ Долбнъ-нѹра и одинъ—изъ Бурѹ хотѵ. Торговля ихъ весьма незначительна и ограничивается продажею самыхъ низшихъ сортовъ бумажныхъ и полотняныхъ матерій, при полномъ отсутствіи шелковыхъ; мелочною галантереею — въ видѣ пуговокъ, иголокъ, трубокъ и табакерокъ, да бакалейнымъ товаромъ — въ разрядъ коего причисляется главнымъ образомъ «бб-бб, т. е. маленькіе хлѣбцы съ начинкою изъ пережженаго съ мукою и масломъ сахара-леденца. Чай кирпичный не продается вовсе; хамбо — имѣется въ одной только лавкѣ и продается исключительно фунтами, а байховый нельзя даже купить и фунтомъ, переговоры и цѣны на него устанавливаются съ лана. И такова торговля лучшихъ лавокъ, другіе не имѣютъ у себя и этихъ товаровъ, промышляя лишь продажею всякаго старья. Изъ числа ремесленниковъ наиболее зажиточными являются скорняки, занимающіеся здѣсь и выдѣлкою кожъ. Главная масса рабочаго матеріала получается ими отъ здѣшнихъ же лавокъ, ведущихъ свою мелочную торговлю въ обмѣнъ на кожи; но помимо сего скорняки имѣютъ еще и собственный матеріалъ, иногда принимая отъ кэшиктѣновъ заказы на выдѣлку кожи, причемъ третья кожа идетъ въ уплату за трудъ; а иногда даже прямо покупая кожи у мѣстныхъ монголовъ. Выдѣланныя кожи направляются преимущественно въ Бирѹ хотѵ и только незначительною частью идутъ въ Долбнъ-нѹрѹ. Помимо скорняковъ здѣсь есть еще китайцы плотники и живописцы. Первыхъ въ мою пору насчитывалось свыше 20 человекъ, хотя обыкновенно живетъ ихъ не болѣе 5; вторыхъ было только двое, да и то они прибыли изъ Долбнъ нѹра лишь по обстоятельствамъ поправки здѣшнихъ кумирень, каковыя обстоятельства вызвали и увеличеніе числа плотниковъ. Взамѣнъ этого пришлого люда отсюда ушли теперь на рыбныя ловли къ Далай-нѹру другіе, постоянно живущіе здѣсь китайцы, занимающіеся въ теченіе всего года то мелкою торговлею, то услугами окрестному населенію, то наконецъ просто воровствомъ; такимъ то образомъ и выходитъ, что количество китайскаго населенія обыкновенно бываетъ около 60 человекъ. Живутъ они, какъ было уже замѣчено выше, въ собственныхъ глинобитныхъ байшинахъ, построенныхъ среди глубокихъ песковъ. Земля подъ постройку байшиновъ приобрѣтена ими отъ хошѹна въ собственность, причемъ хошѹнъ продавалъ свою землю, обращая вниманіе главнымъ образомъ не на количество продаваемой земли, а на состоятельность покупателя: болѣе зажиточные платили по 10,000 чеховъ, бѣдняки по 4000. Объемъ продаваемаго пространства обозначался всегда однимъ условіемъ: «столько, сколько нужно для

торговыхъ помѣщеній», — точной мѣры земли засимъ никакой не выставлялось; китайцамъ становилось только въ обязательство не выпасывать скоть и не пахать землю, въ случаѣ же такого рода занятій, они обязывались заключать другія условія. Товары свои всѣ здѣшніе торговцы привозятъ изъ Бирѹ хотѸ. Годовой оборотъ самой богатой лавки составляетъ 1000 ланъ серебра; торговля идетъ исключительно мѣновая, преимущественно на шерсть, кожу и иногда на скоть.

Ознакомившись съ Дарханъ ѹлайнъ сѹмѸ и его окрестностями, мы предположили сегодня отправленіе въ дальнѣйшій путь. Въ теченіе всей ночи равно какъ и раннимъ утромъ небо было чистое, поэтому солнце заблестало ярко и уже съ 6 часовъ утра начало сильно пригрѣвать. Въ виду вчерашняго долгаго блужданья, мы не могли выѣхать рано, такъ какъ нужно было покормить животныхъ и двинулись въ путь только въ 10 час. 45 мин. На наше счастье небо начало покрываться облаками и подулъ прохладный восточный вѣтеръ, такъ что наши слабые верблюды безъ особенно сильныхъ напряженій миновали пески Дарханъ-ѹлаской долины и поднялись на отроги Дарханъ ѹлы. Отсюда передъ нашими глазами открылась громадная равнина, именуемая Гунгоръ-шарѸ гѸльїнъ талѸ. Долина эта обильно поросла травою и, вслѣдствіе прошедшихъ дождей, была теперь какъ бы болотистою. Путь нашъ по ней лежалъ въ направленіи къ сѣверо-сѣверо-востоку, вплоть до переправы черезъ рѣку Гунгоръїнъ шарѸ гѸль, къ которой мы подъѣхали въ 1 час. 25 мин. дня. Рѣка эта была шириною до 3-хъ саженьей, имѣла глубины 1 арш. 2 вершка и дно довольно вязкое. По существу дѣла ее даже нельзя назвать рѣкою: это протока, соединяющая два озера, ГунгѸ нѹръ; все теченіе ея монголы высчитываютъ въ 50 ли, т. е. около 25 нашихъ верстъ. Отъ этой переправы дорога наша повернула нѣсколько болѣе къ востоку. Въ 2 час. мы подъѣхали къ озеру ГунгѸ нѹръ, западный берегъ котораго отстоялъ на версту вправо отъ нашей дороги; послѣдуя этому берегу мы ѣхали до 2 ч. 45 м. Вообще озеро ГунгѸ имѣетъ въ окружности верстъ 12-ть; на восточномъ, или точнѣе юго-восточномъ берегу своемъ оно поросло камышемъ и осокою, въ остальныхъ же частяхъ своихъ имѣетъ берега совершенно открытые. На берегу ГунгѸ нѹра я также повстрѣчалъ четыре юрты китайскихъ рыбаковъ, осмотрѣвъ садки которыхъ не нашелъ въ нихъ ничего кромѣ линьковъ, величиною не больше нашего Ылскаря. Это преимущественный видъ рыбы, водящейся здѣсь, и карасей, по словамъ рыбаковъ, въ ГунгѸ нѹрѸ не водится вовсе. Въ разговорахъ съ мѣстнымъ монгольскимъ населеніемъ мнѣ и здѣсь пришлось выслушать жалобы на воровство и обиды этихъ китайцевъ и, говорятъ, не проходитъ ни одного

дня безъ какой либо у кого либо покражи. Между тѣмъ юртъ въ окрестностяхъ Гунгѣ нѣра раскидано очень много, такъ какъ мѣста эти изобильно поросли кормовыми травами. Наши животныя такъ и рвались на выпасъ тѣмъ больше, что день былъ не жаркій и лучшій для корма. Съ часу дня солнце свѣтило надъ нами сквозь облака, а впереди насъ, въ горахъ виднѣлись страшный дождь и гроза; раскаты грома глухо достигали отсюда до нашего слуха, а порою доносились и довольно сильные порывы вѣтра. Отъ озера Гунгѣ долина, тянущаяся къ востоку, получаетъ названіе Гунгорьинъ талѣ отъ имени рѣки Гунгòръ гòлѣ, которая протекаетъ къ сѣверу отъ нашей дороги. Говорятъ, что мѣстное китайское начальство указало проѣзжающимъ и торговымъ караванамъ путь изъ Долонъ-нѣра въ Бирѹ хотò по берегамъ Гунгорьинъ гòла, какъ мѣстность болѣе безопасную отъ нападений и засимъ поселило по той дорогѣ 50 человекъ солдатъ-обѣзчиковъ, ради охраны проѣзжающихъ отъ нападений. Солдаты эти до нынѣ живутъ по различнымъ мѣстамъ дороги, тѣмъ не менѣе путемъ этимъ, какъ очень кружнымъ, никто не ѣздитъ и рѣшительно всѣ, какъ проѣзжающіе такъ и товары, идутъ тѣмъ путемъ, по которому ѣхалъ и я именно съ цѣлью прослѣдить эту дорогу. Что касается Гунгòръ гòла, то, по свѣдѣніямъ Мэн-гу ю-му цзи, онъ беретъ свое начало изъ горъ Байнъ-чжурүхэ, течетъ на юго-западъ и впадаетъ въ Далай нѣръ; послѣднія два изъ этихъ показаній вѣрны, но начало Гунгòра, по словамъ мѣстныхъ монголовъ, лежитъ не въ горахъ Байнъ-чжурүхэ, а въ высотахъ, находящихся къ востоку отъ этихъ горъ. Слѣдуя по долинѣ Гунгòръ гòла, мы въ 5 ч. 35 м. вступили въ пески рыхлые, но не сыпучіе и поросшіе травой. Они носятъ названіе Ирѣнъ хошунѣй элэсү, такъ какъ состоятъ изъ нѣсколькихъ уваловъ, кажущихся со стороны степи разноцвѣтными мысами, вслѣдствіе различной окраски самыхъ песковъ: есть здѣсь пески и бѣлые, и сѣрые, и желтые. Продолжаются они однако очень не долго, всего версты на четыре, такъ что въ 6 ч. 45 м. мы уже оставили ихъ за собою, а на смѣну ихъ явились увалы, покрытые прекраснымъ и жирнымъ вострецомъ. Такіе богатые корма даже въ Монголіи встрѣчаются очень рѣдко, а потому въ 7 ч. 15 м. мы и остановились на нихъ для ночлега.

1-е Юня. — Вторникъ.

6 ч. $+12^{\circ}$; 9 ч. $+17^{\circ}$; 12 ч. $+19^{\circ}$; 3 ч. $+22^{\circ}$; 6 ч. $+20^{\circ}$;
9 ч. $+14^{\circ}$.

Двинулись съ мѣста въ 6 ч. 10 м. и продолжали путь сначала по той же долинѣ, а засимъ въ 7 ч. 25 м. вѣхали въ горы Усунъ турүнэй ұла. Горы частію, и особливо по правую сторону, утесисто каменистыя, частію же, и преимущественно по лѣвой сторонѣ, имѣютъ супесчаную

почву; въ первыхъ изъ этихъ мѣстъ мы увидали массу горныхъ рябчиковъ; во вторыхъ — находили пашни, хотя никакого населенія вблизи не было видно. Переваль на южную сторону горъ совершается постепенно, по легкимъ, индѣ песчанымъ, пологимъ уваламъ и дорога, какъ бы отыскивая ихъ и избѣгая трудныхъ и высокихъ подъемовъ, лавируетъ изъ стороны въ сторону по горнымъ падамъ и распадкамъ. Въ 8 ч. 30 м. мы взобрались, повидимому, на высшую точку горнаго перевала и, продолжая путь, увидали рѣчку Усунъ турѣнъ. Она беретъ свое начало верстахъ въ 9-ти къ сѣверо-западу отсюда, въ тѣхъ же горахъ и отъ нея имени вся дальнѣйшая падь получаетъ названіе Усунъ турѣн'ской. По распросамъ оказалось, что во всѣхъ здѣшнихъ урочищахъ, составляющихъ, можно сказать, сѣверо-западную границу вѣдомства Бирѣ хотѣ, проживаютъ солдаты Лу-инъ, три года тому назадъ высланные изъ Сюань-хуа-фу, для охраны мѣстныхъ обывателей. Всего ихъ поселено здѣсь по р. Усунъ-турѣну 70 человѣкъ; теперь всѣ они перекупили себѣ земли у здѣшнихъ китайцевъ и поголовно занимаются хлѣбопашествомъ. Засѣваютъ просо и особливо пшеницу, которая въ хорошіе годы урожается здѣсь самъ-тридцать; такъ въ минувшемъ году солдатъ, съ которымъ пришлось мнѣ разговаривать, высѣявъ на одинъ «чинъ» земли одинъ данъ пшеницы, получилъ отъ этого посѣва 31 данъ зерна. Теперь мы застали этихъ солдатъ занятыхъ полоніемъ и чисткою пшеничныхъ полей, что совершается весьма удобно при общеупотребительномъ въ Китаѣ способѣ посѣва вслѣдъ за сохою: результатомъ сего является то, что сорныя травы растутъ только между межами и легко удаляются съ полей будучи подрѣзаны особаго рода скребками. За полями солдатъ, внизъ по теченію рѣки, потянулись пашни поселянъ и вообще вся падь Усунъ турѣн'а такъ сильно разработана, что на ней не остается ни одного свободнаго клочка земли. Въ 10 ч. 10 м. мы въ первый разъ переѣхали вбродъ Усунъ-турѣнъ: рѣка имѣетъ здѣсь ширины около 5 саженой, но вода не течетъ по всему руслу а еле занимаетъ $\frac{1}{3}$ его, при глубинѣ двухъ, трехъ вершковъ; дно усѣяно мелкой галькой и препятствій здѣшняя переправа никогда и никакихъ представить не можетъ. За переправу снова начались пашни поселянъ-китайцевъ, отдѣльныя фанзы и жилища которыхъ отстоятъ другъ отъ друга на 125, много на 150 саж. Въ деревни здѣшнія поселенія группируются очень рѣдко, такъ что, помимо солдатскихъ жилищъ, мы повстрѣчали въ 10 ч. утра только одинъ поселокъ, именуемый Шэнь-вань-ца и заключающій въ себѣ 18 дворовъ. Въ 11 ч. 15 м. намъ указали одну небольшую свободную отъ пашень полянку, на которой можно было сдѣлать приваль, но мѣстечко это очевидно эксплуатируется проѣзжающими такъ сильно,

что наши животныя могли здѣсь только полежать, да отдохнуть, оставаясь почти вовсе безъ пищи. Чтобы продолжать дальнѣйшій путь мы тронулись въ 2 ч. 15 м. и черезъ полтора часа, т. е. версть черезъ 5, 6, по дорогѣ нашей начались сыпуче-песчаные увалы, носящіе общее названіе хурай хошӯ, отчего движеніе сдѣлалось крайне затруднительнымъ: мѣстами глубина колеи сыпучаго песка доходить до полуаршина и болѣе. Въ 4 час. 45 мин., выбравшись изъ этихъ песчаныхъ уваловъ, мы вступили въ песчаную же равнину, имѣющую до 2 верствъ ширины и версть на 8 длины. Рѣка Усунъ-түрүнь разливается здѣсь широко и, при нашей переправѣ черезъ нее въ 5 часовъ, русло ея оказалось имѣющимъ уже болѣе 50 саж., хотя вода по нему текла лишь у береговъ неглубокими протоками саженой въ 5 каждая. Въ 5 ч. 30 м. мы, проѣхавъ мимо стѣнъ города Бирӯ-хотѣ, остановились лагеремъ въ углу, образуемомъ городскими стѣнами и соприкасающимися имъ постройками главной кэшиктэнской хурѣ.

Кажется не прошло еще и часа послѣ этой остановки, какъ ко мнѣ явился секретарь-адъютантъ мѣстнаго хошӯннаго управленія, который, отъ имени управлявшихъ хошӯномъ тусалахчй и цзахирахчй, спросилъ меня, кто я, куда и зачѣмъ ѣду? Я велѣлъ передать, что я русскій чиновникъ, возвращающійся изъ Пекина на родину, сюда же пріѣхалъ, чтобы познакомиться съ мѣстностью и посмотреть на городъ. Секретарь ушелъ, но черезъ полчаса явился снова и сказалъ, что правители его спрашиваютъ у меня мой паспортъ и что далѣе они очень озабочены моимъ пріѣздомъ, такъ какъ въ городѣ у нихъ и въ окрестностяхъ онаго страшное воровство и грабежи, бываютъ даже случаи убійствъ; что пребываніе мое здѣсь не безопасно, а потому они считаютъ необходимымъ, чтобы я сообщилъ о своемъ прибытіи китайскому правителю города и начальнику мѣстныхъ войскъ. Я отправилъ съ паспортномъ Федорова, приказавъ ему показать паспортъ правителямъ и тотчасъ же принести обратно. вмѣстѣ съ симъ я написалъ письмо къ правителямъ, въ которомъ, повторивъ все вышеизложенное о своей личности, прибавлялъ еще, что не имѣю у себя человѣка, котораго бы послать въ китайскій ймунь, такъ какъ состоящій при мнѣ Федоровъ не говоритъ ни по китайски, ни по монгольски; если же тусалахчй почитаетъ необходимымъ извѣстить означенныхъ имъ лицъ, то я прошу его послать съ этою цѣлью отъ себя человѣка. Послѣ сего секретарь и Федоровъ ушли и въ отсутствіе послѣдняго я получилъ отъ тусалахчй и цзахирахчй совмѣстное ихъ письмо, которое въ своемъ монгольскомъ текстѣ отъ слова до слова гласило слѣдующее:

все время осаждала нашъ мѣйханъ, посматривая то на насъ, то наши вещи и выражая свои замѣчанія и догадки по поводу того или другого своего наблюденія. Часовъ въ 9 вечера, когда народъ разошелся и совершенно стемнѣло, ко мнѣ явился шабрѣнъ, хубилганъ здѣшняго монастыря. Онъ не стѣсняясь заявилъ, что положеніе его не дозволяло ему придти раньше, при народѣ, хотя ему очень хотѣлось познакомиться съ русскимъ. Узнавъ, что я пробуду здѣсь завтрашній день, онъ любезно просилъ меня перекочевать къ нему завтра утромъ. Просидѣвъ до половины 11-го часа, онъ ушелъ и я тотчасъ же улегся спать; но едва только сомкнулъ глаза, какъ услышалъ новый шумъ прибывшихъ людей: оказалось, что правитель города прислалъ своего чиновника списать мой паспортъ, а начальникъ мѣстнаго гарнизона откомандировалъ трехъ солдатъ для охраны моей личности. Я поручилъ Федорову посидѣть, пока чиновникъ будетъ списывать паспортъ и заснулъ «въ себѣ дивяся бывшему».

2-е Юня. Среда.

6 ч. $+12^{\circ}$; 9 ч. $+18^{\circ}$; 12 ч. $+21^{\circ}$; 3 ч. $+26^{\circ}$; 6 ч. $+19^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$.

Проснувшись въ 5 ч. утра, я долженъ былъ будить и свою прислугу, и своихъ караульныхъ. Отпуская послѣднихъ, я далъ имъ по рублевику, противъ чего страшно хотя и глухо возроптали мои монголы: «эти собаки», говорили они, «пришли и тотчасъ же начали просить у насъ ужинъ, а когда мы имъ не дали, они залегли спать и спали вотъ до тѣхъ поръ, пока вы разбудили ихъ; по правиламъ, ихъ нужно бы наругать хорошенько, а вы награждаете ихъ деньгами!» — Напившись чаю, я отправился дѣлать визиты въ хошунный ямунь къ тусалахчѣ и цзахирахчѣ, а потомъ къ ширѣту ламайнъ шабрѣну. Тусалахчѣ оказался простоватымъ и добродушнымъ старичкомъ; цзахирахчѣ былъ напротивъ человѣкомъ важнымъ, образованнымъ по китайски, плутоватымъ по монгольски и потому держащимъ себя не всегда вполне тактично. Его китайское образованіе, полукитайская рѣчь, приемы въ обращеніи и особенности костюма, все обличало въ немъ ревнителя и приверженца китайскаго быта; между тѣмъ съ чисто монгольской плутовской политикой, онъ при мнѣ началъ бранить китайцевъ и выказывать мнѣ, что правленіе маньчжурской династїи теперь уже не продержится долго. Такіе характеры у монгольскихъ чиновниковъ встрѣчаются довольно часто: обладатели ихъ крайне не симпатичны, но обыкновенно сльвуть за людей мудрыхъ, дипломатовъ, и всегда играютъ большую роль въ дѣлѣ администраціи. Просидѣвъ въ ямунѣ около получаса, я отправился къ хубилгану, который снова выразилъ мнѣ свою просьбу переѣхать къ нему; я съ охотою принялъ теперь это предложеніе тѣмъ больше, что

толпы народа съ утра осаждали наше стойбище, а возвратившись домой, я узналъ, что у насъ уже повыкрали всѣ желѣзные колышки нашего майхана и замѣнили ихъ деревянными. Въ 11 часовъ я перекочевалъ во дворъ хубилгана и засимъ отправился осматривать городъ.

Бирӯ хотò извѣстенъ у китайцевъ подъ именемъ Цзинь-пинъ чэн'а (金棚城). Городъ располагается на самомъ лѣвомъ берегу Усунъ тӯрӯн'а, при главной хурѣ кэшиктэнскаго хошӯна и приблизительно въ 30 ли къ сѣверу отъ Шарà мӯрәни. Обосновался онъ на мѣстѣ шалашей, которые ежегодно устраивали себѣ воровски промылявшіе здѣсь добычею золота китайцы около 80 лѣтъ тому назадъ, до той же поры здѣсь не было ни какихъ поселеній помимо хошӯннаго хурѣ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія въ кэшиктэнскомъ хошӯнѣ китайскихъ выходцевъ вообще, городъ разросался все больше и больше, мѣстонахожденіе же его на большомъ торговомъ трактѣ, соединяющемъ Маньчжурію (собств. Гуаньдунъ) съ областями Долбнн-нӯр'ской и Калганской, много способствовало распространенію о немъ славы какъ о порядочномъ торговомъ пунктѣ. Въ года правленія Тунъ-чжи (1862—1874) городъ имѣлъ у себя до 8 тыс. жителей; но въ первые года Гуань-суй число это значительно сократилось вслѣдствіе случившагося съ городомъ несчастія. Въ 1876 году необыкновенный и неожиданный разливъ Усунъ тӯрӯн'а смылъ съ лица земли цѣлыхъ двѣ улицы, причемъ погибло до 1000 человекъ, да вдвое большее число осталось безъ крова и покинуло городъ, что бы искать себѣ пристанища въ хошӯнѣ, на пашняхъ. Результатомъ этого было то обстоятельство, что городъ на нѣкоторое время упалъ, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ началъ возрастать снова. Въ 1881 г., послѣ извѣстнаго возстанія китайцевъ и бунта ихъ въ кэшиктэнскомъ хошӯнѣ, сюда откомандировано было до 500 солдатъ «лу-инъ» для постоянного жительства здѣсь и надзора за этой мѣстностью. Такое увеличеніе числа служилыхъ лицъ повлекло за собою еще большій наплывъ мелочныхъ китайскихъ торговцевъ, которые на этотъ разъ начали строить свои байшины уже не по берегу Усунъ тӯрӯна, а по другую, сѣверную сторону города и такъ, что поселенія китайцевъ въ какихъ нибудь два года дошли до построекъ кэшиктэнскаго сӯмэ и совершенно слились съ ними. Въ настоящую пору городъ имѣетъ форму іероглифа 上, основаніе коего представляется только нѣсколько удлинненнымъ. Вообще городъ растягивается длинною линіею съ запада на востокъ, послѣдую въ этомъ направленіи теченію Усунъ-тӯрӯна, съ сѣвера же на югъ съ нимъ соприкасаются постройки кэшиктэнской хошӯнной хурѣ. Снаружи Бирӯ хотò окружень стѣною, въ двѣ маховыхъ сажени по высотѣ и въ одинъ сырцевый кирпичъ толщиною. Стѣна эта не ежегодно, а почти ежемѣсячно разру-

шается то въ томъ, то въ другомъ пунктѣ, и оттого представляется теперь испешренною заплатами и очень не взрачною на видъ. Бирӯ хотѣ искони состоялъ въ вѣдѣннѣ долбнѣ нӯрскаго тунь-чжи; но съ возрастаніемъ города, въ началѣ 1880-хъ годовъ, сюда откомандированъ былъ особый маленькій чиновникъ, съ мѣднымъ шарикомъ, носящій званіе «сюнь-цзянь»; говорятъ впрочемъ, что эта командировка состоялась лишь съ вѣдома долбнѣ-нӯрскаго тунь-чжи и сюань-хуа-фу'скаго дао-тая, не будучи извѣстна высшему китайскому правительству, такъ что, по свѣдѣніямъ министерствъ, сюнь-цзянь этотъ числится и теперь состоящимъ на должности и жительствующимъ въ мѣстечкѣ Бай-цэ-чжи, на правой сторонѣ Шара мӯрѣни, къ юго-западу отъ Бирӯ хотѣ. Другимъ свѣтскимъ правителемъ является здѣсь «шуй-цзянь», т. е. чиновникъ, завѣдывающій сборомъ установленныхъ въ городѣ пошлинъ съ товаровъ. Бирӯ'ская таможня учреждена только съ 1884 г. и опять таки по ходатайству долбнѣ-нӯрскаго тунь-чжи и съ разрѣшенія сюань-хуа-фу'скаго дао-тая, но безъ доклада о семъ пекинскому высшему правительству. Дѣло въ томъ, что долбнѣ нӯрская таможня, обыкновенно дававшая прежде годовыхъ сборовъ пошлинъ не менѣе 16.000 ланъ серебра, за послѣдніе годы стала отличаться значительнымъ недоборомъ; для поправленія то средствъ ея долбнѣ-нӯрскій тунь-чжи и придумалъ перевести таможенное учрежденіе, установленное въ Дунькоу, въ Бирӯ-хотѣ, гдѣ, по его исполнѣ вѣрнымъ расчетамъ, сборъ пошлинъ могъ совершенно пополнить долбнѣ-нӯрскіе недочеты. Сборъ пошлинъ въ Бирӯ сосредоточивается въ одномъ только ямунѣ, безъ подраздѣленія на отдѣлы. Пошлины за товаръ взимаются только съ китайцевъ, монголы же, привозящіе на продажу въ городъ продукты степей, ничего не платятъ. Установленный тарифъ исчисляется: съ пригоняемой лошади — 4 цина серебра; съ быка — 1 цинъ 2 фына; съ овцы — 10 чжбсу; съ лошадиной и бычьей кожи — 8 чжбсу; съ овечьей и козлиной кожи — 2 чжбсу; съ крупы, проса и хлѣба въ зернѣ — по 60 чжбсу съ каждаго дѣна; съ фунта водки — 4 чжбсу; съ фунта муки — 1 чжбсу; съ дорогихъ мануфактурныхъ товаровъ — по 3 лана съ вьючнаго мула; дешевая мануфактура — 1 л. 2 цина съ таковаго же количества.

Какъ уже было замѣчаемо выше, въ Бирӯ и его окрестностяхъ состоитъ теперь нѣкоторое количество войскъ, поселенныхъ для охраны этой мѣстности. Первое прибытіе сюда войскъ относится къ началу 1880-хъ годовъ, когда въ кэшиктѣнскомъ хошӯнѣ произошло мѣстное возстаніе. Впослѣдствіи войска эти уходили и прибывали снова, такъ что изъ мѣстныхъ жителей рѣшительно никто не могъ сказать мнѣ, сколько именно находится здѣсь гарнизона въ настоящее время. Три года тому назадъ, когда въ хошӯ-

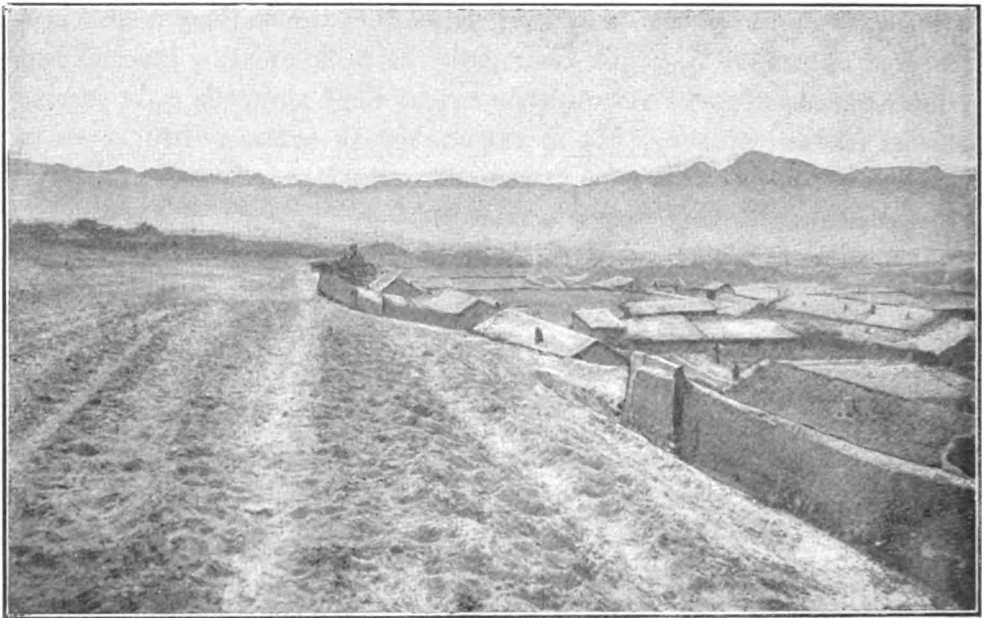
нахъ юго-восточной Монголіи снова вспыхнуло возстаніе китайцевъ, въ предѣлы долбнъ-нѣрскаго округа снова были командированы изъ Сюань-хуа-фу войска, изъ отдѣла Лу-инъ, такъ называемые Чжэнъ бинъ (正兵), какъ конные такъ и пѣхотинцы, и въ томъ числѣ для охраны Бирѹ и его окрестностей назначено было двѣ «лянъ-цзы», по 500 человѣкъ каждая, одна конницы и одна пѣхоты. По прибытіи ихъ въ Бирѹ хотѣ, они были распределены такимъ образомъ, что въ самомъ городѣ осталось 100 человѣкъ конныхъ и 100 человѣкъ пѣшихъ солдатъ, остальные же расквартированы по урочищамъ: Усунъ тѹрѹнъ — всего 70 человѣкъ; по р. Гунгѹру — 50 человѣкъ; въ Гунгѹрийнъ-шарà гѹлъ — 20 человѣкъ; въ Лю-цзя-инъ-цза — 50 человѣкъ; засимъ въ Ту-чэнъ-цза, Хунъ-ци-инъ-цза; Шуй-чжуанъ-цза, Гоу-мынь-цза и др. Всѣ они постоянно должны были разъѣзжать по дорогамъ и выслѣживать подозрительныхъ людей, охраняя мирныхъ путниковъ; но какъ мы уже видѣли исполняется это очень плохо и вмѣсто военной службы солдаты эти спокойно занимаются хлѣбопашествомъ. Содержаніе ихъ исчисляется въ размѣрѣ 7 ланъ, 5 цинѹвъ въ мѣсяцъ конному солдату и 3-хъ ланъ пѣхотинцу. Конница вся вооружена короткоствольными ружьями Винчестера, а пѣхота имѣетъ частію пистонныя ружья, частію фитильныя, нѣкоторые же вовсе не имѣютъ огнестрѣльнаго оружія и довольствуются пашками, лукомъ и стрѣлами. Такъ какъ надежда на эту охрану у китайцевъ оказалась плохая, то кэшиктѣнскій хошѹнъ уже отъ себя организовалъ изъ числа своихъ податныхъ особый отрядъ, въ 35 человѣкъ, вооруживъ его пистонными ружьями. Китайскіе купцы, отправляя теперь свои караваны, особливо къ югу, постоянно приглашаютъ этихъ солдатъ для сопровожденія, уплачивая имъ за это ничтожную сумму, вродѣ 100 чехѹвъ, или 15 коп., въ сутки на человѣка.

Изъ числа общественныхъ зданій въ Бирѹ хотѣ имѣются одна китайская кумирня и одинъ театръ, которые помѣщаются уже за городомъ, на восточной сторонѣ онаго; и ламайская кумирня кэшиктѣнскаго хошѹна, о которой будемъ говорить мы ниже. Мусульманской мечети въ Бирѹ хотѣ нѣтъ, хотя въ городѣ насчитываютъ не менѣе 1000 человѣкъ мусульманъ.

Общее число населенія въ Бирѹ хотѣ достигаетъ до 10 тыс. человѣкъ. Большая часть его, говорятъ, составляется не изъ коренныхъ китайцевъ «ханъ-жэнъ», а изъ такъ называемыхъ «манъ-цзы» (蠻子). Почти всѣ они поголовно занимаются, или по крайней мѣрѣ мнятъ себя занимающимися торговлею.

О Бирѹ хотѣ вообще говорятъ, что городъ этотъ не такъ великъ и значителенъ, какъ много о немъ славы; этимъ и объясняется большой приливъ къ нему населенія, въ числѣ коего главное количество принадлежитъ,

какъ и повсюду въ этихъ мѣстахъ, безродному и бездѣльному люду. Можно смѣло сказать, что $\frac{2}{3}$ городского населенія не имѣетъ здѣсь опре-

Общій видъ города Бирү-хотѣ.

дѣленныхъ занятій и средствъ къ существованію: нынче горожанинъ посредничаетъ и руководитъ пріѣхавшаго въ городъ монгола въ покупкѣ имъ товаровъ; на завтра самъ продаетъ полученную, или украденную у этого монгола овечью шкуру; послѣ-завтра шабаритъ у кого нибудь стѣну и т. д.; но спросите каждаго изъ этихъ людей и всѣ они какъ одинъ человѣкъ отвѣтятъ вамъ, что они: торгуютъ. Дѣйствительная торговля въ Бирү хотѣ весьма не обширна, хотя всѣхъ лавокъ считается свыше 500. Лучшую характеристику города представляетъ то, что самыми большими лавками его, ведущими наиболѣе обширную торговлю, представляются лавки «Обществъ заклада движимыхъ имуществъ», изъ числа коихъ богатѣйшимъ считается общество Хэнъ-юй-дэ. Всего такихъ компаній, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «данъ-пу», здѣсь четыре, и отъ имени ихъ главная городская улица, на которой онѣ помѣщаются, называется «Данъ-пу-цзѣ». Въ лавкахъ этихъ продаются главнымъ образомъ заложенные и просроченныя къ выкупу старыя вещи, но помимо того здѣсь имѣются и новые товары, получаемые обществами торговцевъ изъ внутренняго Китая. Вторыми по значенію и оборотамъ являются лавки, принадлежащія фирмамъ, ведущимъ болѣе или менѣе обширную торговлю съ сѣверомъ Монголіи, отправляя

туда главнымъ образомъ муку, зерновой хлѣбъ, масло, водку и наконецъ мануфактурные товары и чай. Лучшими изъ такихъ фирмъ почитаются слѣдующія:

1) Цинь-дэ-чжинь—лучшая и богатѣйшая изъ городскихъ лавокъ. Въ самомъ Бирѹ хотѣ она торгуетъ главнѣйше мѣднымъ и желѣзнымъ товаромъ, но помимо того занимается еще скупкою привозимаго въ городъ хлѣба. Этотъ послѣдній товаръ направляется ею главнымъ образомъ въ Ургу, гдѣ Цинь-дэ-чжинь хотя не имѣетъ своей лавки, однако содержитъ постояннаго агента.

2) Хэ-шэнь-юй — имѣетъ еще свои лавки въ Калганѣ, Долбнѣ-нѹрѣ и въ Ургѣ.

3) Лянь-суй-тай имѣетъ торговыя связи въ Ургѣ.

4) Юань-шэнь-тай имѣетъ лавки въ Калганѣ и Ургѣ.

5) Сянь-сюнь-хэ—самая старая лавка въ Бирѹ-хотѣ; она первая, прибывъ изъ Долбнѣ нѹра, открыла здѣсь свою торговлю.

6) Гуань-фынь-лунь, 7) Гуань-хэ-у, 8) Сы-хэ-юань и 9) Шань-хэ-чэнь, всѣ торгуютъ съ сѣверомъ Монголіи и имѣютъ свои лавки въ Ургѣ.

10) Фу-хунь-юнь считается богатою кажется только потому, что въ ней всегда можно найти шелковыя матеріи, хотя цѣлыми кусками такихъ матерій она не торгуетъ никогда.

Главнѣйшую отпускную торговлю этихъ фирмъ и лавокъ составляетъ хлѣбъ какъ зерновой, такъ и молотый. Онъ приходитъ сюда изъ хошѹновъ кэшиктѣнскаго, бѣриньскаго и вообще, можно сказать, со всего чжѹ-удѣ-скаго сейма, а равно отъ китайцевъ Чи-фынь-сяня, или Улань-хада. Хлѣба отпускается изъ Бирѹ не меньше 30,000 телѣгъ, и не далѣе какъ дней за 10 до моего пріѣзда, было отправлено въ Ургу около 1000 телѣгъ. Изъ Гуань-дуна черезъ Бирѹ проходитъ до 10,000 телѣгъ, нагруженныхъ водкою, табакомъ, коноплянымъ масломъ (ма-ю) и отчасти мукою; далѣе товаръ этотъ направляется или на сѣверъ, или въ Долбнѣ-нѹрѣ. Чай, приходитъ въ Бирѹ хотѣ или изъ Долбнѣ-нѹра, или изъ Калгана и идетъ частью для мѣстнаго потребленія, а частью движется далѣе на сѣверъ, хотя и въ очень ограниченномъ количествѣ; всего выпускается его изъ города не свыше 3,000 мѣстъ въ годъ. Мануфактурные товары получаютъ въ Бирѹ хотѣ изъ Долбнѣ-нѹра, а главнымъ образомъ изъ Улань хада и Пагоу. Сорта товаровъ — самые низшіе, но продаются они здѣсь по цѣнамъ одинаковымъ съ товарами долбнѣ нѹрскими, отличающимися несравненно высшимъ достоинствомъ. Торговля скотомъ производится въ Бирѹ хотѣ далеко не въ такихъ большихъ размѣрахъ какъ въ Долбнѣ-нѹрѣ; но отличительную черту этой торговли составляетъ здѣсь то, что между тѣмъ какъ

въ Долбнѣ-нѹрѣ въ теченіе четырехъ холодныхъ мѣсяцевъ года почти во все нельзя достать овцы, въ Бирѹ хотѣ круглый годъ можно купить и лошадей, и быковъ, и барановъ; только верблюды здѣсь являются какъ рѣдкость. Происходитъ это оттого, что, по убѣжденію монголовъ, въ Бирѹ хотѣ всегда найдутся покупатели и при томъ по болѣе сходной, и главное болѣе определенной цѣнѣ, такъ какъ окрестное китайское земледѣльческое населеніе постоянно нуждается въ скотѣ. Въ Долбнѣ-нѹрѣ такой потребности не имѣется и скотъ пріобрѣтается тамъ только на выгощъ и для перепродажи; цѣна на него страшно измѣняется при наличности и отсутствіи покупателей изъ внутренняго Китая. Въ силу такихъ то соображеній монголы не только такихъ хошѹновъ какъ Баринь, Арѹ хорчинь, или юго-восточныхъ границъ халхаскаго аймака Цэцэнъ-хана, а даже Абагъ и Суниты, при необходимости продать не гуртъ, а три, четыре, десять скотинъ, по большей части гонять ихъ не въ Долбнѣ-нѹрѣ, а въ Бирѹ хотѣ.

Какъ и всякій болѣе или менѣе значительный пунктъ Бирѹ-хотѣ имѣетъ у себя четыре мѣняльныя лавки. Одна лана серебра мѣняется здѣсь на 2400 номинальныхъ чеховъ, причемъ 68 дѣйствительныхъ монетъ считается за 100 номинальныхъ; такимъ образомъ на лану серебра дается собственно 1632 чехи.

Чехи не высокаго достоинства и при розничной уплатѣ приходится выбрасывать до 12⁰/₁₀₀.

На ряду съ лавками въ городѣ помѣщаются мастерскія: есть здѣсь четыре кожевенныхъ завода; до десяти заведеній, фабрикующихъ и продающихъ войлока; столько же столярныхъ и заведеній металлическихъ издѣлій, одновременно служащихъ и кузницами; дровяныхъ складовъ въ городѣ считается 8; гостинницъ для прѣзжающихъ 12. Всѣ эти лавки и заведенія располагаются по тремъ главнымъ городскимъ улицамъ, называемымъ: Дань-пу-цзѣ, Дэнъ-пинъ цзѣ и Да-нанъ-цзѣ. Помимо сего въ городѣ имѣется три четыре переулка, служащихъ притономъ самаго бѣднаго люда. Нищихъ, бывавшихъ всегда въ Бирѹ хотѣ въ великомъ множествѣ, за послѣднее время увеличилось еще больше. Все населеніе Бирѹ хотѣ не свыше 10 тыс.; но когда нынѣшнею зимою мѣстный градоначальникъ задумалъ однажды раздать пособіе бѣднымъ, то къ нему явилось въ одинъ день 6200 человекъ и это не злоупотребителей, готовыхъ поживиться казеннымъ кускомъ хлѣба, а дѣйствительно оборванныхъ и вовсе нагихъ кандидатовъ на голодную смерть. Массы такихъ, буквально голыхъ и изможденныхъ голодомъ людей мнѣ не только пришлось видѣть сидящими, но и слышать, что они на этихъ самыхъ мѣстахъ живутъ, рождаются и умираютъ: показывали женщину-нищую, которая за два дня передъ симъ тутъ же на

улицѣ родила ребенка, а о случаяхъ смерти и говорить нечего. Можно представить поэтому какія сцены встрѣчаются на улицахъ Бирӯ. За послѣдній годъ число нищихъ возрасло здѣсь потому, что въ городъ явилась масса поселянъ китайцевъ, утратившихъ свои пашни въ дохъанскомъ и онютскомъ аймакахъ во время послѣдней инсurreкціи. Живутъ они теперь исключительно подавнїями и воровствомъ.

Какъ уже было сказано выше, Бирӯ хотò построился около главной кумирни кэшиктэнскаго хошӯна. Монастырь этотъ очень не большой и количество постоянно живущихъ въ немъ ламъ не превышаетъ 60 чело-вѣкъ. Обосновался монастырь гѣтъ 200 тому назадъ, но съ той поры въ немъ не сохранилось ни одного зданїя. Всего въ монастырѣ имѣется пять кумирень, чисто китайской архитектуры, да и вообще всѣ монастырскїя постройки возведены здѣсь на китайскїй ладъ. Въ монастырѣ чествуется бурхъанъ Хлама и отправляется служенїе «чжудъ», но цанйтской школы нѣтъ и для изученїя цанїта ламы отправляются больше всего въ Гумбумъ. Высшимъ начальникомъ монастыря, равно какъ и первенствующимъ ламою для всѣхъ кумирень кэшиктэнскаго хошӯна, почитается теперь Ширѣтү ламайнъ шабронъ, являющїйся нынѣ въ третьемъ своемъ перерожденїи. Самъ ширѣтү лама былъ извѣстенъ какъ ревностный послѣдователь будды и устроитель ламскаго быта въ хошӯнѣ. При немъ построилось пять хошӯнныхъ кумирень; онъ же, желая чтобы въ каждой кумирнѣ непременно отправлялись круглый годъ хуралы, убѣдилъ мѣстное хошӯнное начальство учредить при каждой кумирнѣ штаты ламъ, съ назначенїемъ этимъ ламамъ особаго содержанїя отъ хошӯна. За всѣ эти добродѣтели ламы, по смерти ширѣтү-ламы, объявили его святымъ и начали искать его перерожденїя. На первый разъ оказалось, что ширѣтү лама возродился сыномъ здѣшняго же цзасакъ; такимъ образомъ въ предшествовавшемъ настоящему колѣнѣ свѣтская и духовная власть въ этомъ хошӯнѣ была сосредоточена въ рукахъ двухъ братьевъ. По смерти этого перваго перерожденїя Ширѣтү гэгѣна, новый, настоящїй хубилганъ его возродился въ хошӯнѣ Абага (официал. Абаганаръ) бэйла, сыномъ нѣкоего тайчжїя. Въ настоящее время ему только 20 гѣтъ, но это уже откормлен-ный, тучный, вполне сложившїйся мужчина. Жизнь онъ ведетъ очень простую и открытую: почти каждый китаецъ приходитъ къ нему безъ стѣсненїя, для бездѣльной бесѣды; то же самое можно сказать и обо всѣхъ свитскихъ. Шабронъ пьетъ вино, куритъ табакъ, словомъ держитъ себя совершенно свѣтскимъ. Будучи человекомъ не богатымъ, онъ побратался съ сыномъ одного богатаго китайскаго купца, который теперь снабжаетъ его кое какими деньгами, возмѣщая данное десятирицею съ хошӯна.

Настоящій ширѣту ламайнъ шабрѣнъ почитается ближайшимъ родственникомъ бывшаго кэшиктэнскаго князя, такъ какъ составляетъ перерожденіе его старшаго брата.

Ширѣту-ламайнъ шабрѣнъ.

Народное убѣжденіе въ этомъ сильно до такой степени, что когда кэшиктэнскій князь умеръ бездѣтнымъ, то хошүнъ хотѣлъ даже ходатайствовать объ утвержденіи хошүннымъ цзасакѣмъ этого шабрѣна. Послано было особое посольство къ Чжанчжѣ хутухтѣ, которое однако не имѣло особаго успѣха. Чжанчжѣ-хутухтѣ отвѣчалъ, что съ одной стороны не прилично шабрѣну снимать съ себя духовное платье и мѣнять его на свѣтское; во вторыхъ — не слѣдуетъ шабрѣну унижать себя,

мѣняя высшую, духовную власть на низшую, свѣтскую; въ третьихъ, наконецъ, хотя и можно думать, что китайское правительство при особыхъ хлопотахъ утвердить шабрѣна цзасакѣмъ, однако хлопоты эти будутъ стоить хошуну очень дорого, почему онъ, Чжанчжѣ хутухтѣ, не совѣтуетъ даже и поднимать ихъ. Такимъ образомъ хошүнъ долженъ былъ отложить свое намѣреніе и въ настоящее время правители его составляли между собою новый совѣтъ для рѣшенія вопроса о томъ, кому передать власть цзасакѣ хошүна. Что касается Ширѣту ламайнъ шабрѣна, то онъ остается въ своемъ старомъ положеніи духовнаго владыки хошүна и начальника всѣхъ, состоящихъ въ хошүнѣ кумирень. По

этому своему званію онъ получаетъ отъ хошўна особое содержаніе, которое составляютъ получаемые ламдоу въ годъ: а) 10 живыхъ барановъ, б) 10 бараньихъ тушь, собственно «ўчи», т. е. мясо цѣлаго барана, но безъ кожи, безъ головы и внутренностей; в) 20 гиновъ чаю, сорта «бортогодъ», или «хамбб»; г) 30 гиновъ свѣчей; д) 200 вязянокъ хворосту для топлива и е) 3 дана проса. Норма такого содержанія установлена первымъ Ширѣтү-ламдоу, равно какъ имъ же опредѣлено, что каждый штатный ламъ какой бы то ни было кумирни въ хошўнѣ получаетъ въ годъ содержанія 3 дана проса.

Возвратившись домой по осмотрѣ города, я долженъ былъ самъ принимать визиты. Подъ этимъ разумѣю я, конечно, не посѣщеніе меня Ширѣтү ламайнъ шабрѣномъ, который, можно сказать, сидѣлъ у меня безвыходно, а посѣщеніе тусалахчй и цзахирахчй, которые пришли вмѣстѣ и ушли врознь, наконецъ посѣщенія нѣкоторыхъ чиновныхъ ламъ кумирни. Первыми явились тусалахчй и цзахирахчй. Тусалахчй и здѣсь держалъ себя почти безгласно и всѣ его рѣчи вертѣлись около принадлежностей моего костюма; цзахирахчй, напротивъ, оказался человѣкомъ очень интереснымъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что я встрѣтилъ ихъ здѣсь случайно: постоянно они живутъ при хошўнномъ управленіи (тамагà), теперь же они собрались сюда собственно для частныхъ совѣщаній съ народомъ, или лучше съ его правителями, относительно выбора будущаго цзасакà.

Родъ кэшиктэнскихъ цзасакѣвъ современные кэшиктэны принуждены считать отъ отца послѣдняго кэшиктэнскаго правителя. Цзасакъ этотъ, извѣстный у нихъ подъ именемъ «нойнъ-абà», имѣлъ у себя трехъ сыновей. Старшій изъ нихъ умеръ еще при жизни отца, оставивъ по себѣ двухъ сыновей; второй сынъ, по имени Давà-дорчжй, былъ объявленъ Ширѣтү ламайнъ шабрѣномъ, а къ третьему, Шамбѣ, за смертію старшаго сына, перешло управленіе хошўномъ. Сдѣлавшись цзасакѣмъ, онъ имѣлъ у себя, отъ двухъ женъ, трехъ дочерей и ни одного сына; поэтому то и произошло теперь затрудненіе въ выборѣ цзасакà. Вмѣсто прямого наслѣдника, хошўну приходится хлопотать за племянниковъ, причемъ въ выборѣ послѣднихъ хошўнъ также раздѣлился. Одни, стоя на правѣ первородства и выставляя на видъ, что при этомъ, вполне законномъ и вполне правильномъ наслѣдованіи цзасакà, хлопоты объ его утвержденіи будутъ стоить хошўну дешевле, настаиваютъ на необходимости ходатайствовать за старшаго племянника, Намчжàла; другіе, въ томъ числѣ и цзахирахчй, указывая на то, что Намчжàлъ человѣкъ совершенно неученый, а потому неспособный блюсти такой серіозный хошўнъ какъ кэшиктэнскій, ратуютъ за второго, младшаго племянника, Дорчжй, получившаго должное образо-

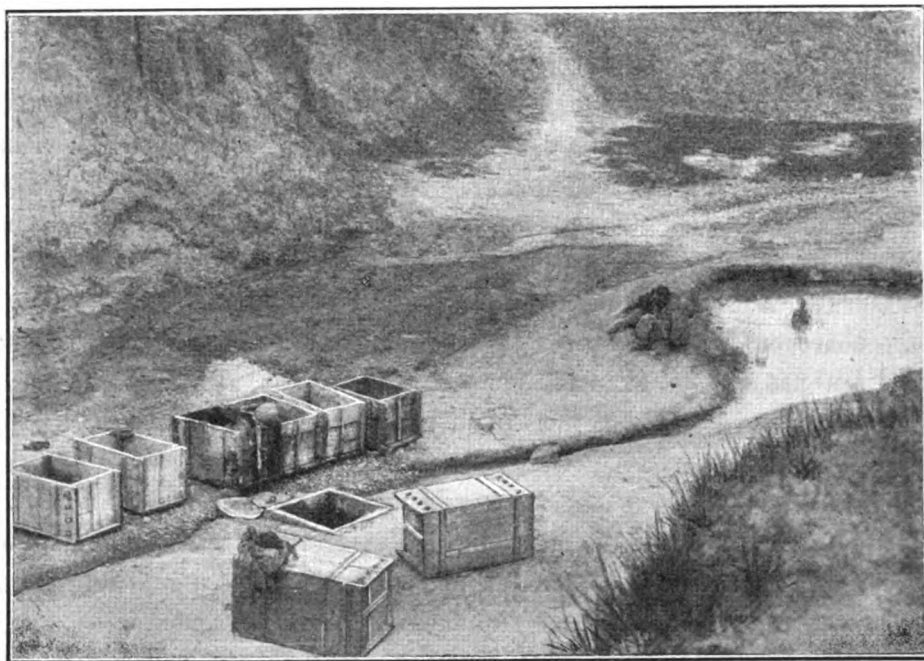
ваніе и въ то же время человека способнаго, пылкаго и лично извѣстнаго Ли-хунъ-чжану. Къ несчастію у Дорчжй, когда однажды учился онъ стрѣлять изъ револьвера, разорвало револьверъ и попортило правую руку. Обстоятельство это также выставляется на видъ противниками Дорчжй и въ докладѣ богдохану они пишутъ, что Дорчжй не способенъ теперь владѣть исконнымъ оружіемъ монголовъ, не можетъ натянуть лука и слѣдовательно, какой же будетъ онъ предводитель знамени, если не можетъ держать оружія? Пренія по этому поводу велись при мнѣ и кажется, ни одна изъ этихъ сторонъ не намѣрена уступать, а обѣ отправятся хлопотать въ Пекинъ. Ходатайства въ Пекинѣ, конечно, требуютъ денегъ и, для займа ихъ, сторонники Намчжала посылаютъ посольство подъ начальствомъ шаброна въ Калганъ, къ русской фирмѣ Коковина и Басова, извѣстной своими многочисленными долговыми обязательствами къ монголамъ вообще.

Кэшиктэнскій хошунъ и обязанности цзасака его являются въ глазахъ кэшиктэнновъ особенно важными и сложными въ силу огромнаго количества здѣсь китайскаго населенія. Переселенія китайцевъ на кэшиктэнскія земли начались еще съ 50-хъ годовъ правленія Цянь-луна (около 1780 г.), когда впервые было обосновано здѣсь 30 хлѣбопахотныхъ участковъ, съ разрѣшеніемъ китайцамъ пріобрѣтать эти участки въ собственность и обрабатывать ихъ подъ поля. При Цзя-цинѣ (1796—1821 г.) число участковъ было увеличено еще на 12-ть и въ настоящую пору вполне законнымъ порядкомъ китайцы имѣютъ въ кэшиктэнскомъ хошунѣ 3,280 чѣновъ земли. Общее число китайцевъ-поселенцевъ, обрабатывающихъ земли и имѣющихъ свои дома, исчисляется въ кэшиктэнскомъ хошунѣ въ 50,000 человекъ, да на половину этого числа имѣется еще бездомныхъ проходимцевъ, между тѣмъ какъ самихъ кэшиктэнновъ насчитывается не свыше 3,000 душъ. Понятно, сколько нужно имѣть здѣсь ума, хитрости и силы, чтобы защищать это слабое населеніе отъ натиска китайцевъ. Въ пору обоснованія паевъ китайцы уплачивали кэшиктэнскому хошуну нѣкоторую, хотя и весьма незначительную сумму денегъ: бывали случаи, что цинъ земли пріобрѣтался за 3 лана серебра и такимъ образомъ китайцы покупали почти всѣ находящіяся въ ихъ владѣніи земли, которыя впрочемъ и суть всѣ, пригодныя для хлѣбопашества пространства въ хошунѣ. Нынѣ кэшиктэнъ, желающій заняться хлѣбопашествомъ, уже покупаетъ себѣ землю у китайцевъ, причемъ ему приходится уплачивать по лану съ 1-го му и слѣдовательно за цинъ земли, проданной за 3 лана, монголы уплачиваютъ теперь китайцамъ 100 ланъ. Подати, взимаемыя въ кэшиктэнскомъ хошунѣ, исчисляются не со скота, какъ это въ Халхѣ и нѣкоторыхъ хошунахъ внутренней Монголіи, а съ цѣна пахатной земли. Подати

Выѣхали въ 7 ч. 40 м. утра и, оставивъ городъ, слѣдовали въ направленіи къ сѣв.-востоку долиною р. Усунъ-түрүна. Мѣстность вокругъ города съ этой стороны очень каменистая, хотя и не болѣе какъ версты на двѣ. Въ 8 ч. р. Усунъ түрүнь уклонилась въ горную падь къ юго-востоку, нашъ же путь, направляясь на сѣв.-востокъ, пошелъ подниматься по ущелью Би-ли-гоу. Ущелье имѣетъ до $1\frac{1}{2}$ версты ширины; посрединѣ его течетъ ручей, носящій тоже имя Би-ли-гоу хэ, пространство же по обѣимъ сторонамъ ручья до горъ представляется сплошь распаханнымъ и занятымъ отдѣльно стоящими фанзами китайскихъ поселянъ. Дорога проложена по самой крайнѣ праваго берега ручья и въ этомъ видѣ тянется она до горы Би-ли-гоу шань. Послѣдняя выдвигается на самую средину ущелья и раздѣляетъ его собою на двѣ части, при чемъ лѣвая сѣв.-зап. часть его продолжаетъ носить тоже имя Би-ли-гоу, а сѣв.-вост. получаетъ названіе Ми-ли-цзинь гоу. У южнаго подножія Би-ли-гоу шан'и, года три тому назадъ китайцы построили небольшую кумирню, отчего и мѣстность эта за послѣднее время получила у монголовъ названіе «Шинэ сүмэ», т. е. новая кумирня. Подѣхавъ къ ней, мы въ 9 ч. 20 м. переѣхали въ бродъ черезъ р. Би-ли-гоу хэ, уже соединившуюся въ этомъ мѣстѣ съ Ми-ли-цзинь хэ и имѣвшую до 3 сажень ширины и не свыше $\frac{1}{4}$ арш. глубиною; дно ея каменисто и теченіе очень быстрое и бурливое. Отъ этой переправы мы направились по ущелью Ми-ли-цзинь гоу; дорога совершенно также идетъ среди распаханыхъ полей по берегу (правому) Ми-ли-цзинь хэ. Въ 10 ч. 45 м. ущелье поворотило прямо на востокъ и отсюда оно получаетъ свое новое названіе Чжоу-сы-рѣ гоу. Подъемъ по нему дѣлается все круче и круче и въ 12 ч. дня мы подѣхали къ положительному горному перевалу, носящему монгольское названіе «аршанъ-даба». Перевалъ очень крутой, почему и дорога черезъ него проложена по боковинѣ горы, въ объѣздъ. Наши верблюды тѣмъ не менѣе останавливались и въ телѣгу пришлось впрягать сначала двухъ, а потомъ трехъ животныхъ. Спускъ къ сѣверу болѣе пологій и на половинѣ его мы въ 1 ч. 10 м. дня остановились для полдника, простоявъ 3 ч. 20 минутъ у самаго источника рѣки, скатывающейся съ этого перевала и носящей названіе «Галдасутайнъ гблэ». Отъ мѣста нашей стоянки отдѣльныя фанзы китайцевъ встрѣчались построенными не иначе, какъ за высокими и иногда замѣчательно обширными оградами; такъ въ 4 часа 45 м. намъ попалась ограда одного домохозяина, имѣвшая по одной своей сторонѣ 520 шаговъ; вскорѣ однако отдѣльныя фанзы исчезаютъ вовсе и вмѣсто ихъ начинаютъ появляться деревни. Въ 5 ч. 50 м. мы миновали деревушку Сань-дянь въ 8 дворовъ. Отъ нея горы по берегамъ Галдасутайнъ гблэ становятся круче, а гребни

ихъ уже и острѣе. Наконецъ въ 6 ч. 35 м. мы увидали здѣсь первое монгольское поселеніе. Это была кумирня, носящая названіе «Аршанъ», такъ какъ построена она при цѣлебныхъ ключахъ. Сама по себѣ кумирня эта не представляетъ ничего особеннаго: въ ней воздвигнуто три небольшихъ сѹмѣ, при которыхъ построено до 50 бѣйшиновъ для жилища хуваровъ. Штатное число этихъ послѣднихъ, получающихъ содержаніе по общему положенію въ хошѹнѣ, — 60 человекъ, но живетъ при кумирнѣ обыкновенно человекъ 30, а въ дни великихъ хураловъ ихъ собирается до 400. При кумирнѣ имѣетъ свое мѣстопребываніе Шабронъ-ламѣйнъ хубилганъ, не несущій на себѣ никакой особенной должности, хотя, какъ всякій перерожденецъ, пользующійся извѣстною долею значенія въ глазахъ суевѣрныхъ монголовъ, особливо своего околodka. Самымъ замѣчательнымъ пунктомъ для наблюденій въ этой мѣстности безспорно является «аршанъ». Подъ этимъ именемъ извѣстны здѣсь горячій и холодный сѣрные ключи, вытекающіе изъ скалы не болѣе какъ на разстояніи 1½ сажени другъ отъ друга и засимъ въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ сливающимся вмѣстѣ и текущіе однимъ потокомъ до впаденія въ Галдасутѣйнъ голь. Болѣе полно цѣлебныя воды эти называются Галдасутѣйнъ аршаномъ и сила ихъ пользуется извѣстностью какъ среди китайцевъ, такъ и среди монголовъ, которые одинаково пріѣзжаютъ сюда лечиться особливо отъ накожныхъ болѣзней. Бывали годы, что число пациентовъ при аршанѣ доходило до 500 человекъ и только въ послѣдніе два лѣта оно не превышало 300, такъ какъ смуты юго-восточной Монголіи воспрепятствовали прибытію изъ этихъ мѣстъ какъ китайцевъ, такъ и монголовъ. Взамѣнъ ихъ годъ отъ года все больше и больше возрастаетъ количество монголовъ, пріѣзжающихъ изъ Халхи, въ чемъ мѣстные ламы не безосновательно видятъ распространеніе славы своего аршана. Впрочемъ, не смотря на значительное число пользующихся водами, аршанъ является совершенно неустроеннымъ. Отъ мѣста, въ которомъ воды бьютъ изъ подъ земли, прорыта маленькая и узенькая канавка, вродѣ ежедневно прорываемыхъ на нашихъ улицахъ для стока воды изъ лужъ. Саженьхъ въ десяти далѣе отсюда выкопана яма, вершковъ въ 12 глубиною, въ которую вода течетъ по канавкѣ. Такимъ образомъ образуется бассейнъ сѣрной воды, которая засимъ уже сама собою вытекаетъ отсюда далѣе на соединеніе съ Галдасутѣйнъ голомъ. Очень многіе изъ пріѣзжихъ купаются прямо въ этой лужѣ; другіе принимаютъ ванны, если только можно назвать такъ тѣ сосуды, которые особливо устроены кумирными ламами, для купанья больныхъ. Это деревянные продолговатыя ящики, (въ 1 и 1½ арш. по сторонамъ), въ которыхъ еле можно сидѣть на корточкахъ, да и то скорчившись чтобы не имѣть открытыми плечъ.

Ванны стоятъ на воздухѣ открытыми и ни какихъ приспособленій ни для раздѣванія и одѣванія, ни для того что бы укрыться отъ дождя и

Галдасутаскій сѣрный ключъ и ванны.

вѣтра, при нихъ не устроено. Воду для купанья въ ваннахъ больные или готовятъ сами, или же поручаютъ это дѣло кто родственникамъ, а кто наемнымъ прислужникамъ изъ низшихъ ламъ. Температура ваннъ, конечно, никогда не измѣряется и каждый готовится себѣ воду по мѣрѣ личнаго ощущенія и степени своей выносливости, — кто теплѣе, а кто холоднѣе. Наливаютъ сначала воды горячаго источника, а засимъ разбавляютъ ее водами другога, сѣрнаго же, холоднаго ключа. Термометръ, опущенный въ воду горячаго источника на 3 минуты, показалъ намъ $+ 37^{\circ}$. R.

По восточной сторонѣ аршана, въ разстояніи приблизительно полуверсты отъ него, раскинулся китайскій поселокъ аршана, заключающій въ себѣ всего 12 дворовъ. Въ средѣ ихъ имѣется двѣ богатыхъ долбнѣнурскихъ лавки и одна, по обычаю, очень грязная китайская гостинница для проезжающихъ, получающая свой главный доходъ отъ содержимой при ней бѣлой харчевни, въ которой можно выпить водки, закусить блиномъ, напиться чаю и даже пообѣдать. Продолжая дальнѣйшій путь отъ этой китайской деревни долиною Галдасутайнъ гѣла, мы въ 7 ч. 45 м. не болѣе какъ въ двухъ верстахъ отъ поселка наѣхали на обозъ, только что за полчаса передъ симъ подвергшійся нападенію со стороны какихъ то китай-

скихъ бродягъ. Обозъ этотъ слѣдовалъ изъ Гуанъ-дуна на быкахъ и заключалъ въ себѣ всего 60 нагруженныхъ мукою, вермишелью (гоу-ми) и масломъ телѣгъ, охраняемыхъ шестью извозчиками. Едва достигъ онъ этого мѣста, какъ вдругъ человекъ 12, 15 оборванныхъ и полунагихъ нищихъ выскочили изъ за бугра, окружили одну телѣгу, сняли съ нея три мѣшка муки, съ другой телѣги такимъ же образомъ сняли сосудъ съ масломъ, приблизительно ведра въ два, и ушли. Оторопѣвшіе было сначала извозчики попробовали потомъ защищаться, но разбойники бросились на нихъ съ саблями, такъ что извозчики должны были отступить, ибо они были съ одной стороны совершенно безоружны, а съ другой — и по своей численности разбойники превосходили ихъ больше чѣмъ вдвое. Обобравъ все сказанное, разбойники ушли къ востоку, тою дорогою, по которой намъ предстояло теперь ѣхать. Прослушавъ этотъ разказъ, подводчики мои до того испугались, что нехотѣли ѣхать далѣе тѣмъ больше, что солнце было уже на закатѣ; я едва убѣдилъ ихъ отъѣхать съ полверсты далѣе, чтобы остановиться на хорошей и обильной травой луговинѣ. Привалъ нашъ на ночлегъ послѣдовалъ въ 8 ч. 20 м., не подалеку отъ берега той же рѣки Гадасутайнъ гѣль.

4-е Юня. Пятница.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+18^{\circ}$; 12 ч. $+22^{\circ}$; 3 ч. $+24^{\circ}$; 6 ч. $+20^{\circ}$;
9 ч. $+16^{\circ}$.

Двинулись въ путь въ 5 ч. 45 м. утра. Небо облачное, но въ воздухѣ тепло и какъ бы душно. Слѣдуя вчерашнею падью, мы въ 7 ч. 45 м. доѣхали до поселка Лю-цзя-инъ-цза. Селеніе это раскинулось на пространствѣ около 2-хъ верстъ, хотя состоитъ не болѣе какъ изъ 40 дворовъ. Жители его исключительно китайцы. Въ поселкѣ имѣется шесть большихъ лавокъ и 4 маленькихъ лавченки. Изъ числа первыхъ одна принадлежитъ долбнъ-нурской фирмѣ, двѣ — китайскимъ торговцамъ, прибывшимъ, приблизительно, лѣтъ 60 тому назадъ изъ Тай-юанъ-фу (въ Шань-си), остальные лавки принадлежатъ чи-фынъ-сянъ'скимъ торговцамъ. Большими эти лавки можно назвать только потому, что въ нихъ можно найти всякій, соотвѣтственный мѣстнымъ потребностямъ товаръ: дѣбу, дѣлянбу, хамбѣ-чай, желѣзные земледѣльческія и посудныя издѣлія, мелочныя принадлежности костюмовъ и домашней утвари, — вотъ главнѣйшее содержаніе каждой лавки; шелковыя матеріи продаются только кусочками въ $1\frac{1}{2}$, 2 аршина; байховый чай, весьма низкаго достоинства, продается на ланы, по цѣнѣ 80 чеховъ за лану, т. е. около 90 коп. сер. за нашъ фунтъ. Замѣчательно, что большая часть этихъ товаровъ даже въ лавкахъ, принадлежащихъ долбнъ-нур'скимъ фирмамъ, получается здѣсь черезъ Калганъ;

вторымъ мѣстомъ по доставкѣ является Улѣнь-хада, куда товары изъ внутренняго Китая слѣдуютъ на Гу-бэй-коу и Па-гоу; наконецъ нѣкоторая часть, особливо жизненныхъ продуктовъ, какъ то масла, водки, вермишели, сахару-леденцу и проч. получается изъ Гуань-дуна. Вывозятъ эти лавки во внутренній Китай почти исключительно зерновой хлѣбъ и муку, отправляя большую часть этихъ продуктовъ въ Калганъ, чѣмъ между прочимъ и объясняется бѣлая коммерческая связь Лю-цзя-инъ-цзы съ Калганомъ, чѣмъ съ Долбнъ-нѣромъ. Всѣ большія лавки поселка помѣщаются въ глубинѣ своихъ громадныхъ дворовъ, нѣкоторыя изъ опасенія воровъ даже за двойными, высокими, глинобитными оградами, похожими на остроги. Изъ числа маленькихъ лавокъ двѣ занимаются продажей мяса, оцѣнивая гинъ баранины и свинины одинаково въ 180 чеховъ, — другого же мяса въ нихъ и не имѣется; двѣ лавки торгуютъ овощами для мѣстнаго потребленія, а за симъ держатъ еще у себя табакъ, спички и разное мелочное старье, словомъ, товаръ потребный для проходящихъ по дорогѣ извозчиковъ. За поселкомъ Лю-цзя-инъ-цза послѣдовали сплошныя пашни китайцевъ, лавируя между которыми мы въ 9 ч. 10 м., снова подъѣхали и перebroдили Галдасутѣйнъ-гѣль, имѣющій здѣсь до 10 саж. ширины, при глубинѣ до $\frac{3}{4}$ аршина. Этими пашенными землями китайцевъ по Галдасутѣйнъ гѣлу полагается граница между кэшиктэнскимъ и бѣринскимъ хошѣнами, такъ что, переѣхавъ на правую сторону Галдасутѣйнъ гѣла, мы вступили уже въ хошѣнь Барѣнь, или Бага бѣринскаго цзасакъ-вана. Виды сразу перемѣнились: пашни какъ обрѣзало и вмѣсто сплошь обработанной нивы мы были окружены теперь богатой травами степью. Она носитъ общее названіе Галдасутѣйнъ долбнъ хошѣ, подъ каковымъ именемъ извѣстны собственно семь не высокихъ пригорковъ, окаймляющихъ вышепомянутую степь съ сѣвера и оканчивающихся къ востоку длинными, продолговатыми мысами. Подъѣхавъ къ послѣднему изъ этихъ мысовъ, мы нашли у подножія его ручей Харѣ усѣ, на берегахъ коего и остановились для полдника. Въ дальнѣйшемъ теченіи Харѣ усѣ соединяется съ Галдасутѣйнъ гѣломъ, который теперь уклонился отъ насъ къ югу.

Съ мѣста своей стоянки мы двинулись въ 3 ч. 30 м. и, черезъ полчаса миновавъ монастырь Субдѣйнъ сѣмѣ, заключающій въ себѣ до 80 бѣйшиновъ хуварѣковъ, въ 4 ч. 35 м. перebroдили ручей Улѣсутѣйнъ гѣль, а отъ него начали подниматься на первый изъ послѣдовавшихъ за симъ шести уваловъ. Мѣстность эта носитьъ общее названіе Гурбѣнь шилѣ, что значитъ собственно «три увала», кажущееся же несоотвѣтствующимъ дѣйствительности наименованіе происходитъ отъ того, что три изъ этихъ уваловъ очень не высоки и суть не болѣе какъ перекаты степнаго моря, дру-

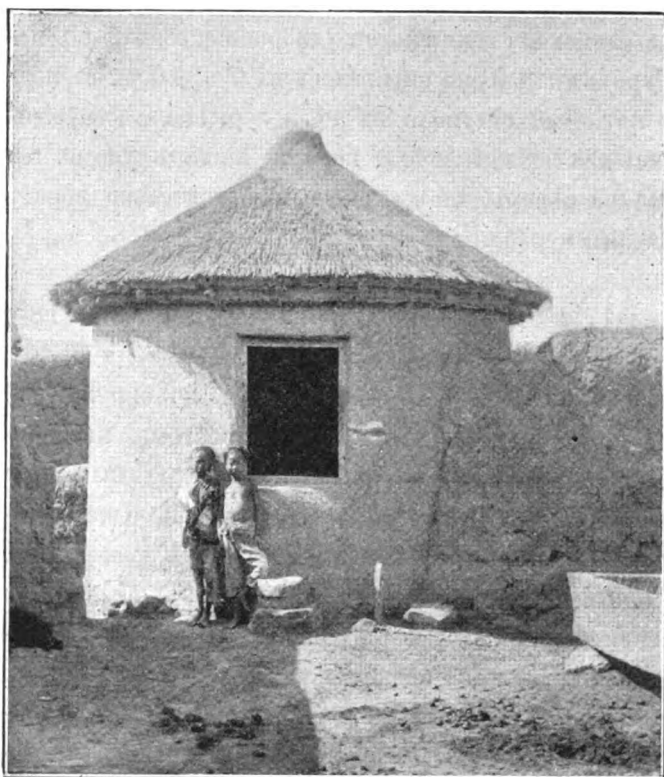
гіе же три, какъ болѣе значительные, даютъ названіе мѣстности. Урочище Гурбунъ шилі служитъ пограничною чертою для хошунъ Чжунъ, или Йэхэ баринь и Барунъ, или Бага баринь. Живутъ по нему смѣшанно люди обоихъ хошунъ и одинаково занимаются хлѣбопашествомъ. Съ послѣдняго изъ уваловъ Гурбунъ шилі мы спустились въ 7 ч. 10 м. въ падь Борд хундуй, миновавъ которую, вступили въ долину р. Цаганъ мурѣнь, въ которой и остановились для ночлега между горами Дарханъ ула на востокъ и Чжиргаланту ула на сѣверѣ, не доѣзжая приблизительно версты 10 до береговъ рѣки Цаганъ-мурѣни.

5-е Іюня. Суббота.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+17^{\circ}$; 12 ч. $+20^{\circ}$; 3 ч. $+21^{\circ}$; 6 ч. $+18^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$.

Утромъ небо покрыто облаками. Двинулись въ путь по окруженной горами долинь, имѣющей направленіе почти прямо на востокъ, къ берегамъ Цаганъ мурѣн'и. Въ 7 ч. 25 м. мы въ той же долинь проѣхали мимо небольшой кумирни Гангайнъ сумэ, въ которой имѣется только одно кумиренное зданіе, да вокругъ располагается около 20 байшиновъ хувараконъ. Говорятъ, однако, что и эти байшины пустыютъ, такъ какъ обычно при кумирнѣ не живетъ болѣе пяти, шести человекъ ламъ, остальные собираются сюда три раза въ годъ, въ дни великихъ хураловъ: Цаганъ-сарэ, круговращенія Майдари и Цзула сарэ. Это передавали намъ барини, живущіе по долинь и сплошь занимающіеся хлѣбопашествомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы остановиться въ этой долинь на двѣ, три недѣли, то можно было бы во всѣхъ подробностяхъ уяснить себѣ картину перехода ихъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому. Барунъ барини почти всѣ живутъ осѣдло, но замѣчательно, что ни одинъ изъ нихъ не переходитъ прямо изъ войлочной юрты въ китайскій байшинъ. Переходъ въ этомъ случаѣ замѣчается такою: баринецъ, принимающійся за хлѣбопашество, когда войлочная юрта его изнашивается, уже не поновляетъ ее постройкою новыхъ войлоковъ, а дѣлаетъ вокругъ хана камышевый плетень, который обмазываетъ глиною. Такимъ образомъ у него получается тотъ же байшинъ, только имѣющій всѣ формы юрты; ѳркѳ и двери въ немъ остаются войлочные. Въ это время баринецъ сохраняетъ еще въ своей куртѣ подвижной очагъ, состоящій изъ желѣзнаго тагана. На второй ступени перехода баринецъ не дѣлаетъ уже хана, т. е. подвижныхъ решетокъ, служащихъ основаніемъ и остовомъ юрты, но ставитъ прочные деревянные столбы, къ которымъ прибавляетъ накрѣпко гвоздями поперечныя слѣги. Зданіе въ эту пору еще сохраняетъ у него прежнюю круглую форму юрты, хотя неподвижный остовъ такой юрты обставляется вокругъ камышевымъ плетнемъ и обмазы-

вается глиной, а иногда еще бѣлится известкой. Крыша этихъ зданій устраивается также на слѣгахъ и покрывается камышемъ, или травою.

Форма бѣриньскаго зданія на второй ступени перехода къ осѣдлости.

При дверяхъ устраиваются сѣни. Вокругъ зданія непременно возводится ограда, за стѣнами которой нерѣдко садятся деревья. Внутри юрта сохраняется прежній строй, но очагъ въ ней устраивается уже постоянный, изъ кирпича и обмазывается глиной. На третьей стадіи бѣриньцы ставятъ уже чисто китайскіе байшины, съ кѣномъ, печами, словомъ ничемъ не отличающіеся отъ обычныхъ китайскихъ жилищъ. Для животныхъ они устраиваютъ особые са-

раи, да и самый родъ домашнихъ животныхъ значительно измѣняется: бѣриньцы почти не держатъ у себя лошадей и, можно сказать, вовсе не знаютъ верблюдовъ; изъ крупнаго скота они разводятъ у себя главнымъ образомъ быковъ и ословъ, содержатъ также и лоцзъ; изъ мелкихъ — овецъ и козъ. Масса ословъ здѣсь поразительна: они ходятъ стадами по сотни головъ и оглашаютъ степь своими криками. Въ 9 ч. 30 м. мы перѣехали наконецъ къ берегу Цаганъ мурѣни, имѣя около себя, на правомъ берегу, гору Байнъ хошѹ, а насупротивъ, на лѣвомъ, Имѣтѹ ѹла. Рѣка имѣетъ здѣсь до 5 сажень ширины и около 1¼ аршина глубиною. Мы перѣехали ее вбродъ и далѣе направились вверхъ по ея теченію. Съ правой стороны въ этихъ мѣстахъ къ рѣкѣ близко подходят индѣ очень утесистыя горы; лѣвый берегъ на значительное разстояніе представляетъ долину, кое гдѣ поросшую то отдѣльно стоящими вязовыми деревьями, то образующими изъ себя цѣлыя купы и какъ бы маленькія вязовыя рощицы.

Въ 10 ч. 25 м. дорога наша раздѣлилась: одна потянулась по низменному берегу рѣки, другая направилась восточнѣе и поднялась на пригорокъ. Обѣ дороги одинаково ведутъ къ Цаганъ субурга, но первая изъ нихъ нѣсколько длиннѣе, хотя ровнѣе и легче, а вторая прямѣе, но изобилуетъ маленькими подъемами и песками. Мы поѣхали по первой. Означенное раздѣленіе дороги происходитъ какъ разъ противъ южной оконечности стоящей на правомъ берегу Цаганъ-мурѣни горы Цѡкъ. Черезъ 20 мин. ѣзды мы увидали у подножія этой горы довольно значительную кумирню, именуемую Бальчинъ сѹмѣ, пользующуюся, говорятъ, большимъ уваженіемъ въ народѣ. Полднели на самомъ берегу рѣки, по обычаю, съ 12 час. дня, но не до 3-хъ, а до 3 ч. 40 м., каковой излишекъ былъ допущенъ вслѣдствіе ожиданія дождя. Во время нашей стоянки небо покрылось тучами, въ направленіи къ сѣверу и западу видѣнъ былъ сильный дождь, у насъ же его выпало лишь нѣсколько капель. Продолжая за симъ путь далѣе долиною Цаганъ мурѣни, въ которой намъ не представилось рѣшительно ничего замѣчательнаго помимо обильной травмаи степи, мы въ 7 ч. 20 м. проѣхали монастырь Урдѹ табинъ сѹмѣ, съ находящеюся противъ него горою, увѣчанною обѣнами и называемую также Табинъ обѣ. Монастырь заключаетъ въ себѣ три сѹмѣ и до полусотни бѣйшиновъ хуварѡковъ. Неподалеку отъ него, по самой дорогѣ располагается почтовая станція Хаирчѡкъ ѡртѣ. Почтовый трактъ, къ которому принадлежитъ она, проходитъ отъ Гу-бѣй-коу, черезъ облавныя земли до сѣверныхъ границъ бѣриньскаго хошѹна. Встарину по этимъ станціямъ ѣздили дозорные богдохѡнской охоты, а равно дворцовыя свитскіе богдохѡна; нынѣ по нимъ возятъ только казенныя бумагаи, да изрѣдка проѣзжаютъ хошѹнныя князья, направляющіеся, или вызываемые для очередныхъ представленій въ Пекинъ. Тѣмъ не менѣе на каждую изъ этихъ станцій, исчисляемыхъ всего въ числѣ одиннадцати, до нынѣ обязательно откомандировывается отъ различныхъ хошѹновъ 150 хуйковъ, обязанныхъ содержать на каждой станціи по 100 лошадей для разгона. Въ 8 ч. мы переправились въ бродъ на лѣвый берегъ Цаганъ мурѣни при глубинѣ не свыше $\frac{3}{4}$ аршина и черезъ полчаса послѣ сего остановились для ночлега на берегу Цаганъ мурѣни, не доѣзжая до выдающейся по своей высотѣ горы Орчѡкъ ѹла.

6-е Іюня. Воскресенье.

6 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+18^{\circ}$; 12 ч. $+24^{\circ}$; 9 ч. вечера $+12^{\circ}$.

Выѣхали въ 6 ч. 10 м. утра. Дорога тянется по берегу Цаганъ мурѣни, въ данной мѣстности изобилующему болотными кочками, хотя почва дороги твердая. Черезъ часъ ѣзды мы обогнули Орчѡкъ ѹла въ направле-ніи къ сѣверу и, продолжая путь не вдалькѣ отъ берега рѣки, въ 9 ч. утра

прибыли въ Цаганъ-субурга, гдѣ и стали лагеремъ въ стѣнахъ древняго, разрушеннаго города. Впереди передъ нашими глазами стоялъ небольшой монастырь, а за нимъ высилось зданіе Цаганъ-субурга, много напомнившее намъ хуху-хотдскій бай-та-ръ и подобно ему дающее названіе всей окружающей мѣстности.

Впрочемъ первое, что больше всего занимало насъ, было то, что у насъ оказались сосѣди и, очевидно, очень важные. Жилище ихъ составляла бѣлая войлочная юрта съ окаймленнымъ красною матеріею бркъ; юрта эта находилась за оградой изъ синей дабу, натянутой на вколоченныхъ въ землю кольяхъ; передъ входомъ въ такую подвижную ограду былъ воздвигнутъ синій же дабувый — полотняный щитъ, украшенный посрединѣ нашивками изъ бѣлаго полотна. Оказалось, что это былъ станъ цзасакъ бэйсэ гѣваго бѣриньскаго крыла, или барунъ-бѣриньскаго хошўна, иначе называемаго еще бага-бѣриньскимъ. Мы узнали это очень скоро, ибо не успѣли еще развѣвочиться, какъ къ намъ подоспѣли уже прислужники князя спросить, кто мы, откуда и куда ѣдемъ, зачѣмъ пріѣхали и т. д. Удовлетворивъ ихъ любопытству сообщеніемъ, что я русскій амбанъ и возвращаюсь изъ Пекина въ Россію, я послалъ ихъ князю свою визитную карточку и сказалъ, что надѣюсь познакомиться съ княземъ. Въ свою очередь они сообщили мнѣ, что бэйсэ прибылъ къ Цаганъ субурга на богомолье, что онъ уже три дня ѣздитъ въ мѣстный монастырь къ полуденному хуралу и, вѣроятно, заѣдетъ ко мнѣ послѣ этого хурала.

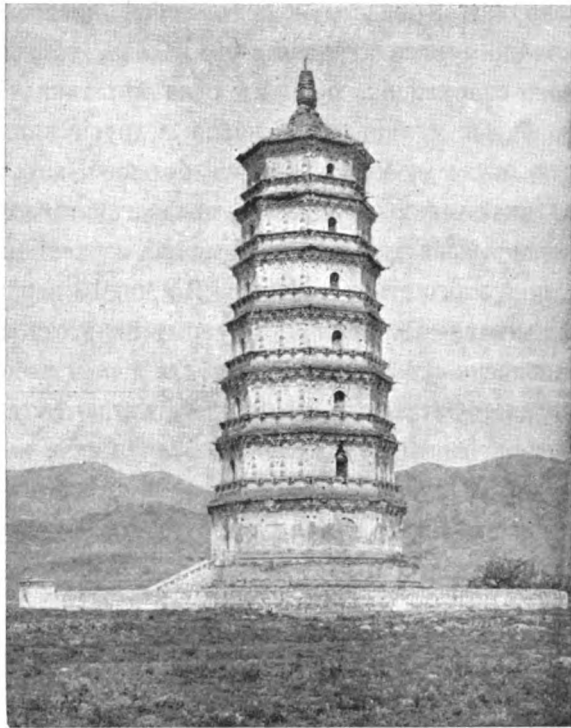
Развѣвочившись и устроивъ свой мѣйханъ по возможности понарядвѣе для пріема гостя, я приказалъ варить обѣдъ, а самъ отправился осматривать развалины стараго города. Въ 12 ч. 35 мин. мы усмотрѣли двигающимся въ направленіи къ кумирнѣ поѣздъ князя. Князь ѣхалъ въ простой синей китайской двухъ колесной телѣгѣ, сопровождаемый пятью или шестью всадниками своихъ приближенныхъ. Въ 2 часа онъ пріѣхалъ изъ кумирни ко мнѣ. Это былъ молодой человекъ, лѣтъ 35-ти, въ высшей степени умѣренный какъ внутренно, такъ и во всѣхъ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Въ разговорахъ онъ говорилъ больше всего о своей недавней поѣздкѣ въ Пекинъ, но не восхищался, какъ другіе монголы, красотами этого города, равно какъ не выказывалъ и особеннаго презрѣнія къ китайцамъ, которымъ, тѣмъ не менѣе запретилъ поселеніе въ своемъ хошўнѣ, находя, что бѣрины, по нуждѣ, могутъ и сами ѣздить въ китайскіе города для покупокъ необходимыхъ имъ товаровъ. Въ силу сказаннаго распоряженія мѣстные бѣрины и самъ князь весьма часто посѣщаютъ не только Бирўхотд, или Уланъ-хада, но и заходятъ за Великую стѣну вплоть до Пекина. На своемъ обычномъ пути отъ Цаганъ-субурга до Пекина бѣрины, по сло-

вамъ князя, имѣють уже у себя опредѣленные мѣста для полдника и ночлеговъ, на которыхъ останавливается онъ и самъ. Мѣстности эти слѣдующія: Въ первый день по выѣздѣ изъ Цаганъ-субургъ путники имѣють полдникъ въ урочищѣ Кобу, при ручейкѣ того же имени, а ночуютъ въ урочищѣ Нургъ, гдѣ также имѣется небольшая рѣчка. На 2-й день полдниють при рѣчкѣ Цаганъ усû, за которою далѣе начинается степь, весьма мало обитаемая и именуемая Уләнъ хада; въ этой степи путники и ночуютъ, получая воду изъ колодцевъ. На третій день полдникъ бываетъ при небольшомъ озеркѣ Хашātu, а къ ночи достигаютъ Шаръ-мурѣни. На 4-й день, по переправѣ черезъ эту рѣку, вступаютъ въ предѣлы хошūна Чжунъ Оню̄тъ и имѣють полдникъ или въ степи Шаръ талъ, или нѣсколько далѣе, при рѣчкѣ Цзагасутай; къ ночи достигаютъ до Борд-хотд, — мѣстечко, которое, не смотря на свое нарицательное «хотд», собственно не представляетъ собою города, а есть не болѣе какъ поселокъ, въ которомъ однако имѣеть постоянное мѣстопробываніе пять или шесть довольно значительныхъ торговыхъ китайскихъ фирмъ. На 5-й день полдниють въ деревнѣ Шабактû, гдѣ имѣется китайская гостинница, а вода получается изъ колодца. Къ югу отсюда проходитъ граница Барунъ-Оню̄тскаго хошūна. Ночлегъ полагается въ китайской деревнѣ, Сы-дао-го-лянъ, съ гостинницею; послѣдняя располагается не подалеку отъ перевала, съ котораго скатывается ручей прекрасной ключевой воды. На 6-й день путники полдниють въ гостинницѣ деревни Синь-лунъ-чжуанъ, а къ ночи достигаютъ уѣзднаго города Уләнъ-хада, или по китайски Чи-фынъ-сянь. Отсюда на 7-й день слѣдуютъ уже кочевьями хошūна харачинскаго вана, и имѣють полдникъ въ Да-нянь-сы, китайской деревушкѣ, дворовъ въ десять, а ночлегъ — въ поселкѣ Гунъ-и-фу, гдѣ находится нѣсколько китайскихъ лавокъ и воздвигнута монгольская кумирня. На 8-й день полдничаютъ въ Ва-фанъ-дяни, — поселкѣ до 20 фанзъ, а ночуютъ въ Ванъ-инъ-дяни. На 9-й день полдничаютъ въ Дабъ-му-чжанъ, а ночуютъ въ Долбнъ-гѣръ. На 10-й день полдничаютъ въ Ганса-дянь, а ночуютъ въ Хуанъ-ту-канъ, отстоящемъ всего на 40 ли отъ Жэ-хэ. На 11-й день къ полудню достигаютъ Жэ-хэ, а на ночлегъ пріѣзжаютъ въ Луанъ-пинъ-сянь. На 12-й день полдничаютъ въ Сань-дао-лянъ, а ночуютъ въ Шанъ-ши-гоу. На 13-й день къ полудню достигаютъ Великой стѣны у прохода Гу-бэй-коу, а на ночлегъ приходятъ въ Ши-ся. На 14-й день полдничаютъ въ Мэй-юнъ-сяни и ночуютъ въ Ню-ланъ-шани. Наконецъ на 15-й день, пополунавъ съ Сунъ-хэ, достигаютъ къ ночи до Пекина. Отобѣдавъ у мся, князь уѣхалъ въ 4 ч. 15 м., причемъ пригласилъ меня къ себѣ вечеромъ, а до той поры, я заявилъ ему рѣшительно, что буду осматривать развалины древняго города.

Городище Цаганъ-субурга расположено на обширной долине Цаганъ-мурэни, простирающейся здѣсь съ сѣвера на югъ верстъ на 12,—15, а съ востока на западъ верстъ на 7—9. Рѣка Цаганъ-мурэнъ, вытекая на эту долину изъ горной пади на сѣверной сторонѣ города, проложила свое русло параллельно восточной стѣнѣ городища, а въ южной части долины нѣсколько уклоняется къ западу, чтобы потомъ снова сдѣлать излучины къ югу и юго-востоку. Со сторонъ западной, сѣверной и восточной долина эта окружена довольно высокими горами, составляющими, несомнѣнно, отроги Хинганскаго хребта. Въ общемъ мѣстность городища можетъ быть названа весьма плодородною; ибо посрединѣ, въ цѣльнинахъ, она поросла роскошными травами, а по окраинамъ ея бѣрины имѣютъ пашни, дающія, по словамъ ихъ, обильные урожаи. Городище располагается ближе къ сѣверной окраинѣ долины и обнесено доселѣ еще значительно высокими землянымъ валомъ. Протяженіе восточной и западной стѣнъ его я измѣрилъ шагами и насчиталъ въ первой 1280 шаговъ, а во второй — 1326; стѣны сѣверная и южная были меньше а именно, первая 870 шаговъ, а вторая 840. По наружной сторонѣ этого вала проходитъ канава, встарину, можетъ быть, наполнявшаяся водою. Городъ имѣлъ, повидимому, четверо воротъ по сторонамъ свѣта. Въ сѣверо-восточномъ углу городища, примыкая къ этому наружному валу, имѣется еще особое, также обнесенное валомъ отдѣленіе городища, можетъ быть составлявшее его дѣтинецъ; въ сѣверо-западномъ углу этому дѣтинцу противустоитъ самое замѣчательное изъ сохранившихся здѣсь для насъ сооруженій древности, — высокая бѣлая башня, которая собственно и зовется Цаганъ-субурганомъ, давая теперь свое имя какъ городищу, такъ и всей окрестности. Съ внѣшней стороны эта башня, какъ уже было сказано, во многомъ напомнила намъ съ одной стороны хуху-хотдскій байгара, а съ другой — жэ-хэскую Люхо-та; она значительно ниже перваго, хотя и выше второй, архитектурныя же формы всѣхъ этихъ трехъ зданій совершенно одинаковы. Цаганъ-субурганъ выведенъ въ формѣ восьмиграннаго, суживающагося къ верху столба. Въ нижнемъ этажѣ каждая сторона этой грани равняется длиною 13 аршинамъ, а вся башня слѣдовательно имѣетъ у основанія 34 саж. 2 арш. въ окружности. Въ вышину каждый изъ этажей Цаганъ субургана замѣтно ниже байгара, хотя я и не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи точныхъ измѣреній. Снаружи стѣны каждаяго этажа украшены барельефами, однако болѣе сложныя фигуры геніевъ выдѣланы здѣсь только въ одномъ нижнемъ этажѣ, верхніе же этажи украшены барельефами простенькихъ пирамидальныхъ субургановъ, и притомъ не по всѣмъ сторонамъ субургана, а лишь на четырехъ граняхъ онаго, между тѣмъ какъ остальные че-

тыре грани заняты отверстиями для оконъ. Карнизы, отдѣляющіе этажи Цаганъ-субургана и крыша его мало разнятся отъ байтарскихъ, только здѣсь сохранился еще вѣнчающій кровлю ганчжиръ, уже совершенно развалившійся въ Байтарѣ. Во внутренность Цаганъ-субургана ведетъ теперь съ южной стороны широкая каменная лѣстница. Здѣсь, въ первомъ этажѣ зданія, ламы устроили теперь маленькую кумирню, въ которой ежедневно отправляютъ чжиса; на верхніе же этажи монголы не ходятъ и, за отсутствіемъ лѣстницъ, самый проходъ туда не возможенъ.

Саженьхъ въ 50 къ югу отъ Цаганъ-субургана за совершенно такою же бѣлою кирпичною оградой находится теперь одинъ изъ бѣринскихъ сумунныхъ монастырей, относящійся по своей постройкѣ лишь ко времени царствованія цянъ-лунова. За стѣнами своей ограды монастырь этотъ составляется главнымъ образомъ изъ шести зданій: во 1-хъ главное кумиренное зданіе, обращенное фасадомъ къ югу и имѣющее величину 3-хъ цзяней; во 2-хъ, два такихъ же трех-цзяньныхъ корпуса, по бокамъ главной кумирни, изъ коихъ одинъ обращенъ фасадомъ на во-

Цаганъ субурга.

стокъ, а другой на западъ, заключаютъ въ себѣ также кумирни для отправленія въ нихъ ежедневныхъ хураловъ; въ 3-хъ,—два маленькихъ бѣшина, стоящіе параллельно главной кумирнѣ, по обѣимъ сторонамъ ея и составляющіе монастырскія службы (кумиренныя кухню, кладовую и пр.) и наконецъ въ 4-хъ,—парадные монастырскія ворота, величиною въ одинъ цзянь. Всѣ эти зданія построены изъ обожженаго дикаго кирпича и крыты черепицею. Внутренность кумирни не имѣетъ у себя ничего замѣчательнаго. При кумирнѣ считается до 40 постоянно живущихъ ламъ, бѣшины которыхъ располагаются отдѣльнымъ поселкомъ къ западу отъ монастырскихъ стѣнъ.

Усмотрѣть другіе памятники старины въ Цаганъ-субурганъ также точно не представляется труднымъ, ибо, если они и не такъ массивны какъ видимая за нѣсколько верстъ башня, то все же настолько значительны, что невольно бросаются въ глаза, выдаваясь на общей ровной площади бывшаго города. Взглянувъ на эту, поросшую высокою зеленою травою площадь, вы сразу видите на ней двѣ какихъ то груды беспорядочно разбросанныхъ бѣлыхъ камней, одну — почти въ центрѣ города, другую — нѣсколько ближе къ западнымъ стѣнамъ его, почти въ параллели описанныхъ зданій бѣриньской кумирни. Подходя къ первой грудѣ этихъ руинъ, вы уже издали видите передъ собой прекрасно обработанные мраморные камни, а рассматривая ихъ вблизи, убѣждаетесь, что это остатки одного сооруженія, причемъ одни изъ такихъ камней представляютъ собою разбитыя мраморныя колонны, а другіе какъ будто служили постаментомъ для этихъ колоннъ. Самый большой изъ этихъ постаментовъ является въ видѣ четырехугольнаго, продолговатаго стола изъ бѣлаго мрамора, боковины коего украшены рѣзными изваяніями цвѣтовъ и какихъ то сценъ. Длина этого стола равняется 2 арш. 13 верш., ширина — 1 арш. 4 верш., а высота — 1 аршину. Служилъ ли этотъ столъ для постановки на немъ жертвенныхъ сосудовъ, или для какой либо другой цѣли, сказать теперь трудно. Остальные камни представляются въ видѣ разбитыхъ круглыхъ и восьмигранныхъ колоннъ. Сортируя ихъ, можно предположить, что основу всего сооруженія, составлялъ круглый съ украшеніями постаментъ изъ одного цѣльнаго куска бѣлаго мрамора. Въ окружности кусокъ этотъ имѣлъ у основанія 4 арш. 5 верш.; а верхняя часть его, на которой утверждалась колонна, имѣла въ діаметрѣ 1 арш. и 2 вершка; въ вышину постаментъ измѣряется въ 1 арш. и $2\frac{1}{2}$ вершка; на верхней площади его имѣется углубленіе, въ видѣ четырехугольной дыры, которая обыкновенно выдѣлываются въ китайскихъ памятникахъ, для вставляванія въ нихъ камней. Остальные куски мрамора, изъ которыхъ заслуживаютъ вниманія по своей величинѣ только семь, представляютъ собою, несомнѣнно, остатки колоннъ, но была ли это одна, или нѣсколько колоннъ, опредѣлить теперь едва ли возможно тѣмъ болѣе, что колонны разбиты и вдоль, и поперекъ, причемъ многіе куски погибли во все. Въ отличіе отъ постамента колонны эти были сдѣланы не вполне круглыми, но восьмиугольными, причемъ грань у нихъ была не одинаковая: четыре, болѣе широкія стороны имѣли въ ширину по 9 вершковъ, а другія четыре, съ болѣе узкою гранью, — по $5\frac{1}{2}$ вершковъ. Колонны, несомнѣнно, были составными, причемъ одни куски ихъ были украшены барельефами, а на другихъ были начертаны письмена. Образцовъ перваго рода сохранилось два. Здѣсь на широкихъ сторонахъ грани

видны изображенія сидящихъ буддъ, а на узкихъ — изображенія стоящихъ при этихъ буддахъ учениковъ ихъ. Что касается отдѣльныхъ кусковъ съ надписями, то я не могъ читать ихъ, такъ какъ онѣ начертаны неизвѣстными для меня письменами. По формѣ эти письмена весьма напоминаютъ собою китайскіе іероглифы, хотя послѣдніе, несомнѣнно, измѣнены здѣсь въ своихъ начертаніяхъ. Весьма вѣроятно, что эти надписи представляютъ собою образецъ мало извѣстнаго у насъ киданьскаго письма. Я снялъ эстампажемъ все, что можно было снять; но, къ сожалѣнію, большая часть камней такъ испорчена временемъ, что обсуждая вопросъ объ изданіи этихъ эстампажей фототипіею, я могъ выбрать изъ снимковъ съ четырехъ, имѣющихся у меня отдѣльныхъ надписей, только одинъ, достойный воспроизведенія.

Вторая группа камней заключаетъ въ себѣ памятники несравненно позднѣйшаго происхожденія. Надписи изложены здѣсь на двухъ языкахъ: тибетскомъ и монгольскомъ. Гранитная плита, на которой были изсѣчены эти надписи, раскололась поперекъ на двѣ части и образовала двѣ почти квадратныхъ доски: первая доска, составляющая верхнюю часть камня, имѣетъ въ вышину 1 арш. 2 верш., въ ширину 1 арш. 3 верш., а въ толщину $7\frac{1}{4}$ вершковъ; другая доска, нижней части камня, представляется нѣсколько больше первой, имѣя теперь вышину въ 1 арш. $6\frac{1}{2}$ вершковъ, при тѣхъ же, конечно, ширинѣ и толщинѣ камня. Обработка этого камня стоила громаднаго труда для художниковъ, такъ какъ буквы изсѣчены на немъ выпукло; но этотъ, несомнѣнно труднѣйшій способъ изваянія оказался вмѣстѣ съ симъ и наименѣе прочнымъ: выпуклыя буквы въ большинствѣ постерлись и избились, а потому текстъ читается очень трудно; тибетскій, болѣе крупный, еще возможенъ для разбора, монгольскій же, болѣе мелкій, теперь можно считать почти совершенно погибшимъ. Предпоживъ, по общему обычаю, что монгольскій текстъ составляетъ дословный переводъ съ тибетскаго, еще удастся угадывать отдѣльныя слова этого текста, но въ общемъ читать памятникъ безъ помощи тибетскаго текста въ монгольской его части совершенно не возможно. Посвятивъ этимъ памятникамъ цѣлый день, понедѣльникъ 7-го Юня, я приготовилъ эстампажи обоихъ текстовъ и за всѣмъ тѣмъ долженъ былъ отказаться отъ точнаго воспроизведенія снимковъ ихъ фототипіею, или фотодукографіею въ настоящее время. Взамѣнъ сего я возстановилъ эти тексты памятника, читая ихъ прямо съ камня въ нижеслѣдующемъ видѣ:

གོས་ཅན་ཀུན་ལ་བྱི་མཁས་འཆད་ཚུད་ཚུམ་པའི་མཛད་པ་ཅན། །ཀུལ་བ་ཀུན་དང་རྣམ་དབྱེས་མ་
 མཆིས་སྒྲིམ་མཆོག་ལ་སྒོ་གསུམ་གྱིས་པ་ཆེན་པོས་འདུན་དོ་འགོ་འདི་སྤངས། །རྣམ་འཕྲོན་སྒོན་
 བ་ཉིད་དང་བསྟན་བ་དེ་འཛིན་སྲས་མཆོག་དགོ་འདུན་དང་། །ལྷན་པར་འཇམ་དབྱངས་མི་ཡི་
 གཟུགས་འཛིན་ས་སྒྲིམ་ཆེན་བརྒྱད་བཅས་ལ། །མཆོད་དང་སྲི་ལུ་ལེགས་པར་བྱེད་པོ་ཆེ་
 རིང་གནམ་གྱི་ཤེ་མོང་ཅན། །ཉའི་མིང་ཆེད་གིས་སེ་ཆེན་ཀུལ་པོ་ལྟ་བུས་འགོ་བའི་གུ་ལྷོ་གན་ཀུལ། །
 གང་གི་སྒོ་གོས་ཡུལ་དུ་ནི། །འཕྱིན་ལས་བརྒྱད་ཅི་ལྟར་བས་ན། །འཁོར་བའི་ཆེ་
 ག་དུང་ཞི་མཛད་པ། །འཕྲོན་བ་དེ་ལ་ཡང་ཡང་འདུད། །ཆོད་ས་སྤྱད་འཛིན་པའི་སྤྱ་རྒྱུ་རྣམས་རྣམས། །
 བྱད་པོའི་མཁྱིན་སྟེན་ལྷན་ལ་གང་། །རྣ་བའི་བྱུང་བྱུང་དང་འགོགས་ཤིང་། །གདོད་བཞི་
 ལྟ་བའི་བསྟོད་དབྱངས་སྒྲིགས། །གང་གི་ཞབས་སེན་ཞོར་བུ་ཡིས། །ལྟ་བུའི་ཅོད་པན་མཛོས་བྱས་
 པ། །སྟོབས་བརྒྱའི་དབང་ཕུག་གང་དེ་ལ། །བདག་ནི་བསྟོད་པའི་མི་ཉོག་འཕྲུང་།
 དེ་བྱིར་བསྟོད་ཆོག་མེ་ཉོག་གིས། །བསོད་ནམས་སྤྱད་ཅི་སྤྱེལ་བ་དང་། །མཁས་རྣམས་དགའ་བ་
 བསྟོད་པའི་སྤྱད། །དག་གི་མཆོད་སྤྱི་ན་ཁོ་བོས་བཞིད། །དེ་ཡང་འགོ་བ་མ་རིག་པའི་
 རབ་རིབ་ཀྱིས་སྒོ་གོས་ཀྱི་མིག་ལྲོངས་པས། །ཡིད་ལ་བདེ་བ་འབའ་ཞིག་འདོད་དེ་བདེ་བ་འཚོལ་བ་ལ
 སྒོམ་པ་བརྒྱད་བས་པོངས་པ་ལྟར་ལྟར་ཡང་། །སྤང་དོར་ལ་བྱིན་ཅི་ལོག་དུ་བཞུགས་པས་སྤྱག་བསྐྱེད་འབའ་ཞིག་
 བསྐྱེད་པའི་ཐབས་ལ་འཁོར་ཡུག་དུ་འབད་བའི་སྤྱེད་གྲུ་མཐའ་དག་བྲ་གཅིག་བྲ་ལྟར་ཆེས་ཆེར་བཅེ་
 བའི་གཞན་དབང་དུ་བྱུང་བས། །སྤྱི་སྟོབས་ཆེན་པོས་བྱང་ཆུབ་ཀྱི་མཆོག་དུ་སྤྱགས་བསྟེད་དེ།
 རྣ་བས་པོ་ཆེའི་བརྟེན་འགྲུས་ཀྱིས་ཆོགས་གཉིས་ཀྱི་སྤང་བོ་ལྟར་དུ་བརྒྱས་པར་མཛད་ནས། །རི་མ་
 མཐའ་དག་དང་ཐལ་བའ་སྟོང་བ་ཉིད་དང་གཉིས་སུ་མེད་པའི་ཡེ་ཤེས་རོ་གཅིག་དུ་བཞུགས་
 བའི་ཆོས་ཉིད་ཀྱི་སྤྱི་མཛོན་དུ་མཛད་དེ། །དེ་ཉིད་ལས་ནམ་ཡང་གཡོ་བ་མི་མངའ་བཞིན་དུ་འཁོར་བ་
 མ་སྟོང་པར་དུ་རྒྱུ་མི་འཆད་ཅིང་། །ས་བརྒྱ་བའི་ཀུལ་སྲས་ཞིང་ཐམས་ཅད་ཀྱི་རྒྱལ་གྱི་
 བྱངས་དང་མཉམ་པའི་དབྱས་སུ་ཐོག་པ་ཆེན་པོའི་ཆོས་ཀྱི་འཁོར་ལོ་རྒྱུ་མི་འཆད་པར་བསྐྱོར་བའི་
 འོངས་སྤྱོད་རྫོགས་པའི་ཡེ་ཤེས་ཀྱི་སྤྱང་བཞེད་ས་ནས་དེ་ཉིད་ཀྱི་བདག་པོའི་རྒྱུན་ལས་འཇིག་

1) Род. пад. отъ བསྟོད་པ་ «хвалить, прославлять»; иначе སྤྱད་པ་

བད་མེད་གསུམ་རྣམ་རྒྱུ་ཉི་ཤེས་ཏུ་བཞུགས་པའི་དེ་དག་ལ་ལ། འདི་རྒྱུ་རྒྱུ་ཞེས་པའི་
མཚོན་རྟེན་འདི་སྟོན་ནས་མིག་ལ་མ་ཅོམ་སྒྲིབ་པར་། རྗེ་བུ་ལྟོ་འཇམ་དཔལ་དབྱེངས་ཀྱི་ཐབས་མཁའ་

ཐུགས་རྗེའི་ཉི་ཤེས་ཏུ་གསལ་ཞིང་། རྒྱལ་བའི་བསྟན་པ་མཐའ་དག་ལ་རིས་མེད་པར་གྱི་ལྷ་
བཞུགས་པོ་ཚོས་རྒྱལ་གོང་མ་ཚེན་པོའི་དང་བའི་རྒྱ་ཤེལ་ཚོགས་གཉིས་ཀྱི་ཆ་ཤས་ཡོངས་སུ་

གང་བའི་མཐུ་གཡོས་པ་ལས། སྟོན་རྒྱ་བོད་ཀྱི་ཚོས་རྒྱལ་བུང་རྒྱལ་མེས་དཔའ་རྣམས་ཀྱིས་
སངས་རྒྱལ་ཀྱི་བསྟན་པ་ཚེས་ཚེར་གསལ་བར་མཛད་པའི་ཚོས་སྟོན་དང་མཐུན་པར་མཛད་

སྟུང་བའི་འདུན་པས་བྱང་ཕྱོགས་ཀྱི་ཡུལ་འདིར་སྟེ་དགུ་མ་ལུས་པའི་ཕན་བའི་འབྲུང་གནས་སངས་
རྒྱལ་ཀྱི་བསྟན་པ་རིན་པོ་ལ་དགོངས་ནས་སྒྲུང་ཉམས་པ་གསེས་ཤིང་། ལྷན་པར་དུ་འདྲེས་

གོང་མ་རྣམས་ཀྱི་བཀའ་རྒྱུ་མི་བསྐྱུད་པར་བྱ་བའི་ཚེད་ཏུ་ཉིད་ཀྱི་ཡང་མེས་སུ་བྱུང་བ་ལྷ་མེན་ང་
སལ་སུ་རྒྱལ་བའི་སྟེ་གཏུང་ལུགས་སུ་གསོལ་བའི་སྟེད་ཏུ་ཚོས་སྟེ་རྟེན་ཚོ་འབྲུལ་ཚེན་པོའི་མཚོན་རྟེན་

དང་། ཡུམ་ནང་ནང་ཐའི་རྩའི་དགོངས་རྗེས་ཀྱི་དོན་ཏུ་ལྷ་བབས་ཀྱི་མཚོན་རྟེན་འདི་གཉིས་ཀྱིས་
གཙོས་པའི་རྟེན་དང་བརྟེན་པར་བཅས་པ་རེན་པོ་ཚེ་ཏུ་མ་ལས་བྱུང་བའི་ཚོས་སྟེ་རྟེན་མང་པོ་མོད་

རྒྱུད་ལས་ངེ་སྐྱེད་གསུངས་པ་དང་མཐུན་པར་ས་གནི་གཟི་བཞིན་ཆགས་པའི་འོད་ཀྱིས་ལུབ་པར་བརྟེན་ལ་
པོ་བྱིན་ཆགས་པ་བཞུགས་མཛེས་དབྱིབས་ལེགས་ཀྱི་མཚོན་པའི་སྟེ་རྟེན་སོགས་ཀྱིས་བསྐྱོར་བ་འདི་

དག། རྒྱལ་བའི་བཀའ་ལྷན་པའི་ལེན་ཉིད་ཀྱི་ལུམ་སྲིང་མ་སྟེ་རྟེན་པའི་སྟེ་རྟེན་ཀྱི་ལེན་པའི་བས་དོ་
དམ་བཞིས་ཏེ། སྟོན་པ་ཚོས་དབྱིངས་སུ་ལུགས་ནས་ལོ་སྟུང་སྟོང་བུལ་བཞུང་དགུ་འདས་པ་ཟད་པར་།

མེ་པོ་སྟུག་གི་ལོ་བོ་བཞིན་ལྷན་པའི་དཀར་ཕྱོགས་རྒྱལ་བ་དང་བའི་ཚོས་ལ་ལེགས་པར་སྟུབ་པའོ། །དེ་ལྷ་
བུའི་མཛད་པ་རྒྱ་བས་པོ་ཚེ་ལོ་སྟེ་རྟེན་དང་རྒྱུད་པའི་སྟོང་མི་ཤོང་བས་ཚོགས་གཉིས་སྟོན་ཏུ་བསགས་པའི་

འབྲས་བུ་ཡིན་པར་གདོན་མི་ཟེ་ལ། རྣམ་པར་དཀར་པའི་གནས་སྐྱབས་དང་མཐུང་སྟུག་གི་འབྲས་བུའི་
ཕན་ཡོན་ནི། དམ་ཚོས་པར་དཀར་ལས། རིན་ཚེན་མཚོན་རྟེན་སྟོན་སྟུག་ཏུ་མ་དག། གསེར་དང་དུལ་

1) Слово: ཅོམ་ при изготовлении текста на камнѣ было пропущено и потому выбито на верху строки.

2) Слова: ཟད་པར་ на камнѣ вытерлись и восстановлены по догадкѣ.

དང་འཛིན་ཏེ་ཤེལ་གྱི་འམི། །རྗེ་ཡི་སྤྱིང་བའི་མཚོན་རྟེན་གང་གིས་བྱས། །ལེ་རུ་བྱ་མཚོག་དེ་བཞིན་ཨིན་ཏེ་
 རྟེན་ལ། །ལ་ལས་སྤྱི་ཏིག་གེ་གེ་རུ་ལས་བྱས། །དེ་དག་གིས་ཡུང་བྱང་ལྷུ་བ་ཐོབ་བར་འགྱུར། །གང་གི་
 མཚོན་རྟེན་རྗེ་ལས་བྱས་པ་དང་། །གང་གིས་ཨ་ག་རུ་དང་ཅོན་ལྷ་རྣམས། །གང་གིས་ཐང་ཤིང་མཚོན་
 རྟེན་བྱས་པ་དང་། །ལ་ལས་ཤིང་མང་གཞན་ལས་བྱས་པ་དང་། །ས་དང་སོ་ཡག་ལས་ནི་བརྟེན་གས་
 པ་ཡི། །རྒྱལ་བའི་མཚོན་རྟེན་དགའ་བཞིན་བྱས་པ་དང་། །དེ་བཞིན་ས་རུལ་སྤང་བོ་དག་ལས་ཡུང་། །
 ལྷ་འམ་དགོན་བ་དག་ཏུ་བྱས་པ་དང་། །བྱིས་བའི་ཕྱིར་མོར་དེ་དག་དེ་དག་ཏུ། །གང་གིས་
 རྒྱལ་བ་དེ་བྱིང་མཚོན་རྟེན་དག །བྱེ་མ་ལས་ནི་སྤང་བོ་བྱས་པ་དང་། །དེ་རྣམས་ཀྱིས་ཡུང་བྱང་ལྷུ་བ་
 ཐོབ་བར་འགྱུར། །ཞེས་དང་། །ཁང་བུ་བརྟེན་གས་བའི་མདོ་ལས། །དེ་བཞིན་གཤེགས་བའི་སྤྱི་
 ……⁽⁴⁾ སྤྱི་རུ་འཛིན་ཅོམ་བཞེད་ས་བའི་ཡན་ཡོན་གངས་ཀྱིས་མི་ལངས་གསུངས་སོ། །རྟེན་འབྲེལ་
 སྤྱིང་བའི་མདོ་ལས། །རིགས་ཀྱི་
 ……⁽⁵⁾ སྤྱི་རུ་འཛིན་ཅོམ་སྤོག་ཤིང་ཁབ་…… ཅོམ་གཏུགས་ནི།

Отсюда надпись переходит на боковую сторону камня, приче́мъ двѣ строки не могутъ быть прочитаны вовсе, такъ попорчены они временемъ. Съ третьей, или въ общемъ съ 73-й, строки, надпись продолжается въ ниже слѣдующемъ видѣ:

དེ་ལྟ་སྤྱིང་བོ་མཚོར་བའི་རིན་ཆེན་མཚོན་རྟེན་
 འཇིག་རྟེན་འདི་དག་གི་བརྟེན་རུ་བྱག་མཚོན་སོགས་ཀྱིས་བསྟེན་
 བར་བྱས་བའི་ཡན་ཡོན་ནི། དམ་ཚོས་བད་དཀར་ལས། །གང་
 གིས་མཚོན་རྟེན་དག་ལ་ཐལ་མོ་སྤྱུར། །ཡོངས་……⁽⁶⁾

1) Слова དབྱུལ་དང་འཛིན་ཏེ་ཤེལ་འམ་ восстановлены ламами главнымъ образомъ по догадкѣ, такъ какъ конецъ 64-й и начало 65-й строкъ на камнѣ очень попорчены.
 2) Слова: རྒྱལ་བ་དེ་བྱིང་མཚོན་རྟེན་ на камнѣ не находятся и восстановлены по догадкѣ.
 3) Эти слова རྣམས་ཀྱིས་ཡུང་བྱང་ восстановлены также по догадкѣ.
 4) Здѣсь словъ пятнадцать совершенно утрачено.
 5) Половина 70-й строки не сохранилась совершенно.
 6) Конецъ 76-й и первая половина 77-й строки не могутъ быть прочитаны.

Далѣ текстъ переходитъ на боковую часть камня и здѣсь мы читаемъ:

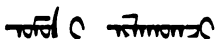
- 1: ...
- 2: ...
- 3: ...
- 4: ...
- 5: ...

утробы ¹⁾, превосходно пользующихся луком ²⁾, имѣющихъ прекрасныя сочлененія ³⁾, ѣдящаго на облакахъ ⁴⁾, носящихъ локоны всевѣдущаго ⁵⁾, властителя безплотныхъ ⁶⁾, (имѣющаго) бѣло-падмовый глазъ ⁷⁾ и прочихъ, достигшихъ самосознанія, которые, возвеличившись надъ этими тремя сансарами, дали объѣтъ покровителямъ міра. Благоговѣнно чествую будду учителя, который цѣлебнымъ средствомъ милосердія доставляетъ успокоеніе одушевленнымъ существамъ и хувараконъ, — главенствующихъ изъ стяжавшихъ высочайшее священное ученіе.

Поклоняюсь стопамъ обладающаго ненаглядною красотою, который изяществомъ своего внѣшняго вида оспариваетъ величіе утренней зари, который голосомъ шестидесяти вѣщательнаго дракона многообразно ра-

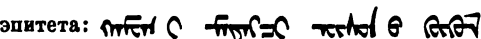

ваемаго такъ потому, что изъ числа другихъ властителей тэнгриевъ нѣтъ ни одного, который бы почитался выше его.

1) «Обладатель злато-падмовой утробы» — эпитетъ Ишвары, составившійся на основаніи нижеслѣдующей, циркулирующей среди монголовъ легенды. Когда Маха дѣва задумалъ создать міръ, онъ въ послѣдовательномъ порядкѣ произвелъ прежде всего четыре великія стихіи: воздухъ, воду, землю и наконецъ огонь. Въ массѣ этого огня, по волѣ того же Маха дѣвы, образовалось громадное золотое яйцо, изъ котораго и родился Ишвара.

2) общее названіе асуровъ.

3) Эпитетъ, общій для всѣхъ тэнгриевъ.

4) Эпитетъ Хормусты, составившійся на основаніи представленія, что Хормуста на громадномъ слонѣ объѣзжаетъ по облакамъ всю вселенную.

5) Дословный переводъ эпитета: . Въ другихъ космографическихъ и теогоническихъ сочиненіяхъ, несомнѣнно, тоже божество называется еще ; но кому именно принадлежитъ этотъ эпитетъ, мнѣ неизвѣстно.

6) «Властитель безплотныхъ» — эпитетъ владыки шимнусовъ, котораго монголы обычно зовутъ тибетскимъ именемъ Гарабъ-ванчүкъ. Собственно наименованіе «безплотный» представляетъ собою имя общее для всѣхъ тэнгриевъ міра Брамы, а какъ Гарабъ-ванчүкъ признается ихъ повелителемъ, то онъ и зовется «властителемъ безплотныхъ». Въ древности Маха дѣва вмѣстѣ съ божественною дѣвою Гѣри помѣстился для подвиговъ созерцанія въ горахъ Гандеса. У тэнгриевъ возродилось сомнѣніе, дѣйствительно ли исполняетъ онъ подвижническіе труды съ Гори и они отправили посмотреть Кама дэву. Послѣдній выпустилъ въ подвижниковъ пять стрѣлъ; при первомъ и второмъ выстрѣлахъ они совершенно ничего не почувствовали; при третьемъ и четвертомъ — у нихъ еле начало пробуждаться сознаніе; при пятомъ выстрѣлѣ Маха дѣва задался вопросомъ, что нарушаетъ его созерцательный покой и, уразумѣвъ дѣяніе Кама-дэвы, испустилъ изъ трехъ своихъ глазъ огонь, который и пожегъ тэнгриевъ міръ Брамы. Послѣ сего онъ сдѣлалъ ихъ чуждыми пожеланій и тѣлеснаго рожденія, словомъ «безплотными». По такимъ то обстоятельствомъ «владыка шимнусовъ» и называется властителемъ безплотныхъ.

7) «Имѣющій бѣло-падмовый глазъ» — эпитетъ Вишну, въ основѣ котораго лежитъ такой разказъ. Однажды Вишну, съ цѣлю принести жертву Рудрѣ, приготовилъ изъ 1000 бѣлыхъ падмъ фигурку баліна. Рудра сдѣлалъ одну изъ этихъ падмъ невидимую, вслѣдствіе чего въ балинѣ оказалась какъ бы выбоинка. Вишну, замѣтивъ этотъ недостатокъ, тотчасъ же вырвалъ у себя одинъ глазъ и вставилъ его на мѣсто падмы. Отсюда и получилъ свое начало его эпитетъ «бѣло-падмовый глазъ».

спространяеть радостное празднество уха и приводит въ посрамленіе мелодіи гандарвовъ, который знаетъ все всовершенство, содержитъ воду великолѣпія, находится въ единеніи съ ликованіемъ сіянія дѣлгъ, держитъ бремя спасительной воды, единымъ слышаніемъ уничтожаетъ страданія духовной неразвитости, извѣстенъ подъ именемъ Маньчжушри и обладаетъ совершеннѣйшею красотою.

Божественная дѣва Сарасвати, ты, которая въ позѣ поджатыхъ ногъ прекрасно изогнулась на сердцевинѣ покрытой движущимися пчелами падмы, и среди распростертой луны¹⁾, (ты, которая) обладаешь физическимъ и нравственнымъ обликомъ шестнадцатилѣтней юношеской силы, (ты, которая) пригнула къ плечу кисточку своей уснихи и носишь луно-образную корону на своемъ чубѣ, бѣло румяныя щеки которой изобличаютъ красоты цвѣтка, (ты, которая) привлекаешь духъ веселіемъ пчелокъ пары глазъ и прекрасно блистаешь украшеніями чиндамани, руки которой искусно ударяютъ по арфѣ гандарвовъ, (ты, которая) содержишь сокровищницу вѣдѣнія и милосердія, соизволь преподать и развить прелесть краснорѣчія.

Преклоняю колѣна, съ выраженіемъ чрезвычайныхъ почестей по тремъ основаніямъ, предъ своимъ высочайшимъ ламою, вѣдѣніе коего не имѣетъ границъ и даже пылинки, поднимаемые ногами котораго, являются украшеніемъ для чела многихъ мудрецовъ; дѣянія коего, являясь украшеніемъ, своимъ удивительнымъ строеніемъ повергаютъ въ область страданій могущественнѣйшихъ изъ мудрецовъ; который искусно начертываетъ для всѣхъ старинный золотой рисунокъ побѣдоносныхъ, обладаетъ дѣятельностью проповѣдыванія, диспутированія и сочинительства и является всецѣло подобнымъ всѣмъ побѣдоноснымъ. Да хранить онъ одушевленныхъ существъ настоящихъ временъ!

Да превознесется надъ главами всѣхъ тэнгриевъ и одушевленныхъ существъ низпосланный судьбою изъ области долговѣчныхъ тэнгриевъ, Дай-минъ Чингисъ сэцэнъ ханъ, благопристойно совершившій жертвоприношенія и чествованія передъ совершеннѣйшимъ руководителемъ — наставникомъ, вѣрою и содержащими оную высокородными хуваракками, а особливо передъ человѣкообразнымъ Маньчжүшри, составляющимъ основу сакьяскихъ великихъ ламъ!

Паки и паки преклоняю колѣна передъ тѣмъ руководителемъ, кото-

1) ऋषिर्गण्डा transcription санскритскаго названія созвѣздія nakshatra; ऋषिर्गण्डा ऋषिर्गण्डा по буквальному переводу: «владыка накшатры» — эпитетъ луны.

рый, въ силу низведенія въ область его мышленія рашійны дѣяній, умиротворяетъ мучительный огонь орчиана!

Молитвенно слагая свои ладони, разбрасываю хвалебные цвѣты передъ обладающимъ могуществомъ десяти силъ, драгоценностью ножныхъ ногтей коего украшены короны ста тэнгриевъ.

И такъ, ради распространенія эссенціи чистѣйшихъ добродѣтелей и порожденія радостнаго чувства у мудрецовъ, совершаю я превосходную словесную жертву цвѣтами похвальныхъ изреченій.

Онъ, возлюбивъ чрезвычайно, какъ единственнаго сына, всѣхъ подлежащихъ рожденію, тѣхъ одушевленныхъ существъ, которые, ослѣпивъ умственные очи помраченіемъ глупости и, постоянно стремясь въ душѣ къ наслаженіямъ, въ поискахъ этихъ наслаженій сдѣлались какъ бы жаждущими и лишенными питья; которые, въ силу совершенно превратнаго отношенія къ тому, что слѣдуетъ усвоить и что нужно оставлять, постоянно стремились лишь къ средствамъ, порождающимъ страданія; (возлюбивъ именно таковыхъ, онъ) подчиняясь чуждой волѣ, съ непоколебимѣйшимъ намѣреніемъ положилъ начало стремленію къ высочайшей (святости) «боди», съ величайшимъ прилежаніемъ, быстро стяжалъ массу двоякаго рода, (добродѣтелей) и проявилъ тѣло духовности, чуждое всего помраченнаго, обладающее свойствомъ пустоты и состоящее въ истинной, единосущной премудрости. Далѣе онъ возсталъ въ тѣлѣ всеблаженной премудрости, которое, являясь никогда неизмѣняемымъ и, не пресѣкая послѣдовательности (своего существованія), всегда и непрерывно вращаетъ колесо священнаго ученія о великихъ средствахъ (спасенія) среди бодисатвъ десятой области, по числу равныхъ пылинкамъ всего міра. Далѣе, по милосердію его (т. е. существа въ состояніи всеблаженства), проявилъ онъ въ царствахъ безчисленныхъ міровъ дѣянія неизреченнаго и высочайшаго превращеннаго тѣла. Этотъ-то всеобщій наставникъ и владыка Сакъясцевъ изъ всей системы міровъ въ этой странѣ и изъ числа находящихся на четырехъ двипахъ ста билліоновъ міровъ въ каждомъ принадлежащемъ четыремъ двипамъ мірѣ по одному двѣнадцать дѣяній.

Такъ проповѣдуется въ сѹтрѣ, именуемой «Арбанъ цзохійлъ цзагунъ хўльти тогату-йги нигэнъ цак-туръ ўцзэгўлху хэмэнъ «Агдй-йэхэ-пэнгэхчй», въ (сочиненіи) «Чядахчійнъ цзоригунъ чимэкъ» и другихъ; также учатъ второй всевѣдущій Басубханду, великій святой Сакья-пандита и прочіе многочисленные истинные мудрецы. Онъ сто милліоновъ міровъ, сто милліоновъ Махамай, сто милліоновъ Артасида, царю Ясодару, сына Рахўли, Ананду, Дэвадата и прочихъ какъ сказано, всѣ они во главѣ съ царемъ Судодани его и его рожденіе извлечено въ шастру,

именуемую «Махà йдга-йнь тàнтра-йнь цзарлїкъ гэгэнь цзулà что величественная небесная дѣва (= Охїнь-тэнгрї) была Ясодхàрой, Ва-чїръ-сàтвa былъ Раху̀ли; уничтожающїй всѣ препятствїя былъ Шари-пўтрой владыка тэнгрїевъ Хормустà — былъ ставироку Дэва-дàтомъ, а великїй Вайрòчана былъ воистину прешедшимъ буддою, величе-ственнымъ Сакьямўни, — такъ проповѣдано Послѣ того какъ ясно уразумѣвъ, обнаружилъ онъ состоянїе прозрѣнїя, онъ для вѣрующїхъ и находящихя въ низшемъ состоянїи просвѣщенїя преподавалъ дѣятельность, отрѣшенную отъ похотей; вѣрующимъ и находящимся на высшей степени, преподавалъ дѣятельность по парамитамъ; находящимся же на высотѣ вѣ-рованїя, глубокомысленнымъ, преподавалъ дѣятельность пожеланїй и, по (та-ковымъ тремъ) основанїямъ вращая колесо священнаго ученїя для каждаго (изъ этихъ трехъ классовъ) въ отдѣльности, онъ, ради того чтобы пресѣчь воззрѣнїе на вѣчность у просвѣщаемыхъ, вѣровавшихъ въ вѣчность, поже-лалъ показать видъ нирвãны въ городѣ Кòша. (Далѣе) онъ, владыка Сакъ-ясцевъ, ради того чтобы мы, просвѣщаемые, исполнили два собранїя и уничтожили двѣ препоны, показалъ три изображенїя божества воистину прешедшаго будды. Изъ числа ихъ о тѣлахъ всеблаженства и превраще-нїя будетъ разказано особо, здѣсь же, въ настоящую пору, при объясненїи изображенїя божества тѣла духовности, мы, основываясь на тàнтрѣ, подъ заглавїемъ «Йэхэ хотà мàндàлъ», представимъ нижеслѣдующее ученїе изъ (сочиненїя) именуемаго «Субурганў ондлъ», составленнаго святымъ Наганч-жўною.

«Есть три изображенїя тѣла духовности такимъ же образомъ пришед-шаго (т. е. будды) и эти повсюду извѣстные три суть: α) подобное опрокину-той патрѣ, β) подобное молитвенно сложеннымъ рукамъ и γ) подобное побѣд-ному знаку. Если разбирать повсемѣстно извѣстное подъ названїемъ «подоб-наго побѣдному знаку», то существуетъ восемь субургановъ «благоотшед-шаго» въ городѣ Кабалїкѣ, «субурганъ мирно пришедшаго, сочетавая букетъ распустившихся падмъ»; когда, проникнувъ, сдѣлался онъ буддою, — махà-бодїйнь субурганъ (= великой мудрости); когда вращалъ онъ колесо священнаго ученїя, въ Бенаресѣ — «многодверный субурганъ», когда показалъ превращенїя, въ Шравастѣ — «субурганъ чудесныхъ прев-ращенїй»; въ городѣ Кашика — «субурганъ нисхожденїя съ неба»; когда водворилъ единенїе, — въ городѣ Рачжагриха — «субурганъ примиренїя разсорившихся»; когда прожилъ : въ городѣ Вай-сали — «субурганъ всесовершенной побѣды»; когда сдѣлался нирвãною, — въ городѣ Кошади, — «субурганъ нирвãны». Эти восемь субургановъ, «могу-щественнѣйшаго» въ восьми великихъ мѣстностяхъ исполненныя благого-

вѣнія сдѣлались за основу стяжанія добродѣтелей.
Поклоняюсь восьми субурганамъ благоотшедшаго!

(Таковы) помянутые восемь субургановъ благоотшедшаго. Помимо сего, когда (однажды) будда ходилъ по городу Шравастѣ, увидали его два имѣвшіе совершеннѣйшую судьбу ребенка. Одинъ изъ нихъ, захвативъ полную горсть песку, хотѣлъ поднести его буддѣ. Будда опустилъ внизъ свою пѣтру, тѣмъ не менѣе мальчикъ не могъ достать до нея, (а потому) заставилъ пригнуться своего товарища, влѣзъ на него и поднесъ. Будда приказалъ Анандѣ пересчитать и когда тотъ пересчиталъ, то сказалъ буддѣ что всего было миллионъ песчинокъ. Будда сказалъ: «въ будущемъ этотъ мальчикъ сдѣлается царемъ священнаго ученія, по имени Ашдка и въ однѣ сутки построитъ миллионъ субургановъ, внутри коихъ будутъ находиться мощи «такимъ же образомъ пришедшаго»; а другой мальчикъ, сдѣлавшись извѣстнымъ подъ именемъ якша Маха-ра-та будетъ помогать этой постройкѣ субургановъ». Согласно сдѣланному предвѣщанію, царь этотъ наполнилъ царства вселенной воздвигнутыми имъ безчисленными изображеніями тѣла духовности отрѣшившій отъ страданій Послѣ сего царь священнаго ученія Ашдка въ теченіе семидесяти лѣтъ приносилъ жертвы субурганамъ и приобрѣлъ святости боди. Послѣ сего въ сѣверныхъ странахъ турушскій царь священнаго ученія построилъ восемьдесятъ одну тысячу субургановъ и, проживъ триста лѣтъ, приобрѣлъ святость боди. Такимъ же точно образомъ имѣется масса повѣствованій о томъ, какъ чествовалъ многочисленныя кумиры и субурганы въ государствахъ Лата, именуемомъ Уджайя, западной стороны Пудаскій царь Шила и помимо того какъ заботливо устроили драгоцѣнную вѣру добродѣтельные государи во всѣхъ царствахъ четырехъ странъ Индіи, — обиталища святыхъ, — и въ каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Точно такимъ образомъ въ Тибетскомъ снѣжномъ царствѣ цари священнаго ученія, — истинныя перерожденія бодисѣтвъ и предметовъ вѣрованія трехъ родовъ, — родоначальники, потомки и другіе, распространили во всѣ стороны вѣру побѣдоносныхъ и сдѣлавшагося основой всего истинно прекраснаго, полезнаго и блаженнаго. Точно такимъ же образомъ и въ этой сѣверной странѣ, основываясь на божественной защитѣ долговѣчныхъ тэнгриевъ, явно возвысился величіемъ чрезвычайныхъ добродѣтелей и повсюду сдѣлался извѣстнымъ монгольскій Чингисъ-ханъ. Въ тридцать шестомъ ханскомъ поколѣніи его родился хубилганъ бодисѣтвы, съ силою вращающій колесо священнаго ученія, Дай-минъ-сэцэнъ Чингисъ-ханъ¹⁾.

1) Здѣсь въ тибетскомъ རྒྱལ་ཁབ་ཀྱི་ и въ монгольскомъ 世界 世 нельзя не признать

Управляя многочисленными странами иноязычных, во главѣ которыхъ были китайцы и тангуты, онъ расширилъ свое ханское правленіе; а главное, — по силѣ древнихъ предопредѣленій, онъ привлекъ конемъ вѣры и благоговѣнія въ эту страну небесную драгоценность, — ламу, бывшаго въ почтеніи у древнихъ владыкъ, царей священнаго ученія, хубилгана обладающаго тысячью лучей разума въ сферѣ знанія, милосердія и силы Маньчжуши, великаго владыку Шарба, повсюду извѣстнаго подъ именемъ Ананда-шри-бадра. Положивъ въ основу взаимную связь, являющуюся между ламою и милостынедателемъ, они довели мракъ невѣрія до того, что отъ него осталось только названіе создали предметы религіознаго чествованія для тѣла, языка и духа ¹⁾, развили снова общины хуваракъ и иными образами въ высшей степени благоустроили цвѣтникъ падмы-вѣры. Все сіе и многое другое уже изложено на каменописномъ памятникѣ при дворцѣ, (именуемомъ) «всесовершенная побѣда обитающихъ въ трехъ сансарахъ», а потому тамъ это и ясно. Здѣсь искони представлялся глазамъ субурганъ, именуемый «Чжинъ-чжинъ». Вслѣдствіе эволюціи силъ, по коей всецѣло наполнился отдѣлами двухъ скандъ чистѣйшій духъ высочайшаго хана священнаго ученія, проявляющаго искусство Маньчжуши и солнечные лучи милосердія, а равно чествующаго не раздѣльно (всякую) вѣру побѣдоносныхъ, пожелалъ онъ устроить согласно священнымъ обыкновеніямъ, по которымъ древніе индійскіе и тибетскіе августѣйшіе государи-бодисатвы съ необычайнымъ блескомъ устроили вѣру будды. Возлюбивъ и признавъ за драгоценность буддійскую вѣру, — источникъ пользы и наслажденія для всѣхъ безчисленныхъ существъ въ этихъ сѣверныхъ странахъ, онъ возобновилъ и исправилъ все старое, подвергшееся разрушенію. А въ особенности, въ память заслугъ высокыхъ владыкъ и ради преданія огню трупа своего прадеда Тумэнъ-цзасакту хана, исполнилъ онъ предметъ поклоненія тѣлу духовности, — субурганъ «великихъ чудесныхъ превращеній» и, во исполненіе желаній своей матери, Нянъ-нәнъ тайху, — субурганъ «нисхожденія съ неба». Соорудивъ, согласно ученію, изложенному въ сѣтрахъ и тантрахъ, изъ различныхъ драгоцен-

перевода санскритскаго слова «bala», входившаго въ составъ одного изъ титуловъ Ликданъ хана чахарскаго. Последній, по сказаніямъ монгольскихъ лѣтописей, послѣ перевода Гань-чжура, носилъ слѣдующіе титулы: Ликданъ хутухту, Суту Чинийсь, Дай-минъ сэцэнъ. цзуг'уди тѣинъ буггѣтъ илагукчи, Бала-чакраварти, Дай дайсунъ, тэнгрійнъ тэнгрй, Дэлэхэй-дахинъи Хормуста, Алтанъ хурдуні орчигулухчи номунъ ханъ. Что касается до численія поколѣній, то монголы вообще считаютъ отъ Чингиса до Тогднъ-тэмүра 16 ханскихъ родовъ, а отъ Тогднъ-тэмүра до Ликдана — 20 хановъ.

1) Предметы чествованія для тѣла суть кумирни и кумиры; подъ именемъ предметовъ чествованія слова здѣсь несомнѣнно подразумѣвается ганьчжуръ, переведенный при Ликданъ-ханѣ; предметомъ чествованія духа именуются субурганы.

ностей за одно съ этими двумя верховными предметами чествованія и другіе многочисленныя предметы поклоненія тѣлу духовности, онъ наполнилъ (эту страну) блескомъ, дѣлающимъ величественной вселенную. Исполняя все это: и красивое строеніе, и превосходныя архитектурныя формы, и обстановку вокругъ (всего этого) облака жертъ, и проч., согласно устному приказанію хана, младшая сестра его Сорасвати-тайсунъ-хуанди закончила (это дѣло) по минованіи 3759 лѣтъ по смерти будды, въ годъ красноватаго барса, въ первой декадѣ побѣдоносныхъ бѣлой страны мѣсяца Шарабана.

Такъ какъ такое удивительнѣйшее дѣяніе является непостижимымъ для умовъ не просвѣщенныхъ людей, то, при выясненіи пользы, которая въ результатѣ достигается (такими дѣяніями), въ (сочиненіи) «Дэгэдү номъ цаганъ линхоа» говорится такъ: Если кто соорудитъ многотысячныя драгоценныя субурганы изъ золота, серебра, или изъ горнаго хрусталя, яшмы, если соорудитъ изъ превосходнаго лазурика, а равно изъ смарагда, изъ жемчуга, или изъ гэгэрү¹⁾, всѣ тѣ приобрѣтутъ святость боди. Кто построитъ субурганъ изъ камня, кто соорудитъ субурганъ изъ алое, сандала, кто — изъ дерева, или изъ чего либо другого, кто радостно соорудитъ субурганъ побѣдоносныхъ изъ глины, или изъ сложеннаго кирпича, точно также кто построитъ его изъ груды земли, въ необозримой степи, или въ необитаемой пустынѣ, дѣтской игры всѣмъ тѣмъ Если кто воздвигнетъ субурганы ради побѣдоносныхъ, насыпавъ груды пыли, всѣ тѣ приобрѣтутъ святость боди. Въ сүтрѣ «Гарь дабхуцагүлхсанъ» сказано: Нельзя исчислить награду воздвигшаго изображение будды причина субурганъ величиною съ вершокъ Относительно награды принесшаго почести и жертвы этимъ драгоценнымъ субурганамъ (?) и другими (вещами?), въ сочиненіи «Санъ-дарма пундарика» говорится: Кто, молитвенно сложивъ свои ладони передъ субурганами, всецѣло если на одно мгновеніе преклонитъ свое тѣло, или свою голову, равнымъ образомъ если онъ одинъ только разъ колѣнопреклонится своимъ тѣломъ, кто мощи и поклонится съ великимъ духомъ сказано. Въ сүтрѣ «Уйляйги гэйгүлхчи» восемнадцать наградъ построившаго субурганъ будучи красивымъ прославится; находясь въ чести у тэнгриевъ и людей, онъ будетъ всецѣло обладать богатствами, приобрѣтетъ довольство хана-чакравартина;

1) ཀེ་ ཀེ་ ཨྱ པལ་ гэгэрү, несомнѣнно драгоценный камень, но какой я рѣшительно не могъ отыскать ни въ одномъ тибетскихъ словарей.

будеть имѣть вѣкъ жизни подобный алмазному существу; исполнившись (божественныхъ) свойствъ и признаковъ, возродится въ высшихъ природахъ и въ непродолжительномъ времени получить святость бѣди. Вышеизложенные и прочіе многочисленные Въ сѣтрѣ, именуемой пространно говорится: За принесеніе передъ побѣдоносными и субурганами побѣдоносныхъ лампы, очистятся и будутъ ясновидящими глаза; за принесеніе передъ побѣдоносными и субурганами побѣдоносныхъ музыкальныхъ звуковъ, очистятся и исполнятся свѣта уши; за принесеніе передъ побѣдоносными и субурганами побѣдоносныхъ благовонныхъ куреній, очистится и сдѣлается яснымъ органъ обонанія; если кто исполнитъ предъ побѣдоносными и субурганами побѣдоносныхъ многообразныя живописныя изображенія и совершитъ украшеніе субургановъ, у того очистится и сдѣлается лучезарнымъ тѣло и проч. За стараніе о таковыхъ бѣлыхъ добродѣтеляхъ могущественнѣйшій духъ и дѣянія хановъ покровителей священнаго ученія, все сіе, а равно, по силѣ благословенія трехъ драгоцѣнностей, да распространятся безпрепятственно, какъ теченіе рѣки Ганга, долготѣіе, добродѣтели, величіе ханскаго правленія и всякія счастливыя совпаденія; отъ всѣхъ препятствій побѣдивъ безпрепятственно и во всякое время собирая во едино величіе всѣхъ совершеннѣйшихъ и счастливыхъ обстоятельствъ сущихъ въ мірѣ и прешедшихъ отъ міра да сдѣлаются ханами чакравартинами, властвующими надъ четырьмя тѣлами и владыками милостыни, содержащими вѣру будды. Въ особенности же у современнаго человѣчества да укротятся всецѣло болѣзни людей и животныхъ, всѣ злобствующие враги, да низпадаютъ во благовременіи дожди, да возрастаютъ пашни, животныя и лѣта жизни, и (да будутъ они похожи) на періодъ возрастанія (міра) въ трехъ періодахъ нирваны ради приобрѣтенія святости бѣди да исполнится».

Далѣе, какъ въ восточныхъ текстахъ, такъ и въ переводѣ должны бы слѣдовать начертанныя крупными буквами имена до двадцати участниковъ въ постановкѣ памятника, въ большинствѣ титулуемыхъ табунанами и хя, т. е. зятями и адъютантами того хошуннаго князя, которому принадлежитъ самое устройство памятника; но какъ эти имена не имѣютъ для насъ значенія, то они и не воспроизводятся дословно.

Мы почти не считаемъ нужнымъ говорить, съ какою горячностью принялись мы за дѣло снимки и разбора этого памятника, надѣясь найти въ немъ какое либо историческое свидѣтельство для точнаго опредѣленія мѣстности Цаганъ-субурга и приуроченія его къ тому или другому древнему пункту; но, какъ теперь ясно уже для всякаго, надеждамъ этимъ не

суждено было осуществиться. Разобранная нами писаница, очевидно, принадлежит къ позднѣйшему времени и трактуеть о постройкѣ двухъ субургановъ Ликданъ-ханомъ чахарскимъ и сестрою его Сорасвати черезъ 3759 лѣтъ по смерти будды, въ годъ краснаго барса, каковой годъ, несомнѣнно, соответствуетъ 1626 году нашего лѣтосчисленія. Нынѣ отъ этихъ субургановъ не осталось уже и слѣда.

Что касается древняго, уцѣлѣвшаго до нынѣ Цаганъ-субургана, равно какъ и лежащаго теперь въ развалинахъ и заимствовавшаго у него свое имя городища, то все это, несомнѣнно, представляетъ собою остатки одной изъ пяти ляоскихъ, или киданьскихъ столицъ и именно — Линь-хуанъ-фу. Посѣтившій эти мѣста въ 1891-мъ году, полковникъ Путята, по какимъ-то непонятнымъ соображеніямъ приурочиваетъ эти развалины къ городу Да-нинъ-фу; но стоитъ лишь ознакомиться съ китайскими описаніями монгольскихъ кочевьевъ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» и особливо съ изложеннымъ въ ономъ описаніемъ дневника путешествія Фу-чжэня, что бы сказать, что Цаганъ-субурганъ не можетъ быть ничѣмъ кромѣ Линь-хуанъ-фу ¹⁾.

8-е Юня. Вторникъ.

6 ч. $+12^{\circ}$; 9 ч. $+15^{\circ}$; 12 ч. $+15^{\circ}$; 3 ч. $+17^{\circ}$; 6 ч. $+19^{\circ}$;
9 ч. $+13^{\circ}$.

Выѣхали въ 7 час. 30 мин. утра и направили свой путь прямо на сѣверъ. Непосредственно отъ Цаганъ субурга начались пашни бѣриной, которыя, въ видѣ отдѣльно разработываемыхъ участковъ, почти сплошь наполняютъ окрестности только что оставленнаго нами древняго города Киданей. Посреди этихъ пашень тамъ и сямъ виднѣлись бѣриньскія жилища. По характеру своему мѣстные бѣрины еще болѣе похожи на халхасовъ, чѣмъ ихъ южные сородичи, обитающіе на границахъ кэшиктэновъ; это отображается столько же въ ихъ жилищахъ и домашней обстановкѣ, сколько и въ самомъ типѣ населенія. Жилищемъ бѣриной въ здѣшнихъ мѣстахъ является исключительно общехалхаская юрта со всѣми отличительными особенностями ея построенія въ ѳркѣ, унйнахъ и хана; внутри юрты равнымъ образомъ находится исключительно монголо-халхаская утварь.

1) Далѣе въ дневникѣ моемъ слѣдовали выписки и переводы изъ «Мэнъ-гу-ю-му-цзи» собственно дневника Фу-чжэня; но какъ сочиненіе это въ 1895 году уже издано у насъ въ переводѣ П. С. Попова, то я вычеркиваю теперь эти свои замѣтки. Прибавлю еще, что въ прошломъ 1897 году Mr. Ed. Chavannes издалъ свои подробныя изысканія главнымъ образомъ по «Ки-данъ-го-чжи, относительно Цаганъ-субургаскаго городища и, конечно, пришелъ къ тому же заключенію о нахожденіи здѣсь ляоской столицы Линь-хуанъ-фу. Новаго даннаго г. Шаванна сравнительно съ переводами г. Попова, впрочемъ рѣшительно ничего не прибавляютъ.

Халатъ бѣриньца представляетъ собою нѣчто среднее между халхаскимъ и баргутскимъ тѣрлѣкомъ: верхняя пола его также широко покрываетъ грудь, какъ у баргутовъ, но дѣлается безъ всякихъ обшивокъ какъ у халхасовъ. Женщины носятъ по преимуществу тѣрлѣки синяго цвѣта, спитые по тому же покрою какъ у мужчинъ, только рукава у женскаго тѣрлѣка дѣлаются широкіе и по краямъ обшиваются красною оторочкою. Шапки бѣриней походятъ на китайскія форменныя, отличающіяся отъ нихъ лишь разрѣзомъ на поляхъ, дѣлаемымъ прямо надъ ушами. Женщины раздѣляютъ проборомъ на двѣ равныя половины свои волосы и заплетаютъ ихъ около висковъ въ двѣ косы, которыя закладываютъ потомъ вокругъ ушей назадъ. Молодые, при такой прическѣ, украшаютъ еще голову серебрянымъ обручемъ, къ которому прикрѣпляются спускающіяся на лобъ сѣтка, а на уши цѣлыя кисти изъ бусъ и коралловъ. Въ разговорахъ мѣстные бѣрины под-

Типы монголовъ бѣриньскаго хошўна.

твердили мнѣ, что китайскихъ землепашцевъ въ багѣ бѣриньскомъ хошўнѣ совершенно нѣтъ и даже постоянныхъ китайскихъ торговцевъ здѣсь не имѣется, а лишь изрѣдка заѣзжаютъ сюда изъ учжумўцїней китайскіе офени. Какъ постоянные обитатели во всемъ багѣ-бѣриньскомъ хошўнѣ живутъ только четыре семьи китайскихъ скотопромышленниковъ, которые откармливаютъ здѣсь свои стада. Такъ какъ торговля запрещена этимъ китайцамъ, то бѣрины волей неволей приобрѣтаютъ потребные товары

въ Бирѹ хотѣ и Улѣнь хадѣ, а еще чаще ѣздить за покупками въ хошѹнѣ учжумѹцѣней. Прежде бѣрини нерѣдко дѣлали еще закупку товаровъ въ Калганѣ, который они посѣщали, отправляясь для перевозки русскаго чая; теперь подобныя поѣздки прекратились, такъ какъ года четыре подрядъ во всемъ бѣриньскомъ хошѹнѣ повторяется страшный падежъ быковъ. Обѣднѣніе, производимое этими эпидеміями, такъ велико, что у многихъ скотовладѣльцевъ изъ десяти быковъ еле осталось два, а то и одинъ; при такомъ положеніи дѣлѣ бѣрини все болѣе и болѣе берутся за хлѣбопашество, обрабатывая поля въ разныхъ мѣстахъ своего хошѹна подобно тому, какъ это мы видѣли у Цаганъ субургана. Впрочемъ такой культурный участокъ тянулся по нашей дорогѣ не болѣе какъ версты на четыре и уже въ 8 час. 30 мин. мы, осмотрѣвшись, увидели себя хотя и въ той-же долинѣ Цаганъ-мѹрѣни, но уже весьма мало заселенной, не смотря на представляемая ею необыкновенно тучныя пастбища. На сѣверѣ передъ нами возставали ограничивающія эту долину горы Хангай-ѹла, по мѣрѣ приближенія къ которымъ почва долины дѣлается замѣтно все болѣе и болѣе песчаной. Въ 9 час. р. Цаганъ мѹрѣнѣ, текшая доселѣ почти прямо съ сѣверо-запада, уклонила свое русло къ востоку, наша же дорога, обогнувъ холмы, заставляющіе рѣку дѣлать этотъ изгибъ, приняла отсюда направленіе на СЗ, или вѣрнѣе на ССЗ. Въ 10 час. мы замѣтили въ долинѣ какъ бы громадный валъ, тянущійся съ СВ на ЮЗ. Узнать его имя, или собрать свѣдѣнія объ его происхожденіи намъ не пришлось за полнымъ отсутствіемъ въ этихъ мѣстахъ какого-либо населенія. Только въ 12 час. дня повстрѣчали мы двѣ телѣги, запряженныхъ быками и нагруженныхъ овечьими кожами, двигавшихся подъ присмотромъ трехъ китайцевъ; эти люди ничего не могли сказать намъ помимо того, что ѣдутъ они теперь въ Улѣнь-хадѣ изъ учжумѹцѣнскаго хошѹна, куда отправлялись съ цѣлью сбора долговъ за прежде проданные товары. Черезъ 25 минутъ ѣзды отсюда мы повстрѣчали еще новый поѣздъ китайцевъ, остановившихся на дневку и ѣхавшихъ наоборотъ въ учжумѹцѣнскій хошѹнѣ изъ Гуанъ-дунъ хѹрѣ. Въ 12 час. 55 мин. мы поднялись на Чулѹту дабѣ, представляющій собою перевалъ довольно крутой и каменистый; за всѣмъ тѣмъ камень здѣсь мелкій, отчего и совершенно не видно было никакой трудности для подъема даже въ телѣгѣ. Нѣсколько спустившись съ этого перевала, остановились на полуденный отдыхъ. Небо теперь совершенно расчистилось и солнышко ярко пригрѣвало землю. Двинувшись въ дальнѣйшій путь въ 4 час. 20 мин., мы въ 4 час. 45 мин. поднялись на другой, значительно меньшій дабѣнѣ, отличающійся чрезвычайно пологимъ, мягкимъ и удобнымъ скатомъ къ сѣверо-западу. Подошвы его мы достигли

ровно въ 6 час. вечера, а въ верстѣ отъ нея повстрѣчали послѣднія, войлочныя юрты бѣриней, отправлявшихъ здѣсь караульную службу на границѣ чжунъ-бѣриньскаго и учжумуцнѣнскаго хошунъвъ. Съ перевала скатывается небольшой ручей, именуемый Бургасутайнъ гѣломъ: теченіе его въ обычное время года весьма незначительно и продолжается немного далѣе помянутыхъ юртъ, до горнаго мыса Уланъ-хошунъ; на болѣе далекое пространство ручей течетъ лишь въ періодъ таянія снѣговъ, свидѣтельствомъ чего въ лѣтнюю пору остается только широкое русло, именуемое Хурай-гѣломъ и окаймленное теперь полосой обильно поросшихъ травъ и цвѣтовъ. Въ 7 час. 50 мин. мы достигли перваго учжумуцнѣнскаго кочевья, Арунъ-табинъ, вблизи котораго паслись большія стада рѣшительно всѣхъ видовъ животныхъ, за исключеніемъ верблюдовъ. Черезъ 15 мин. дальнѣйшаго движенія миновали Табинъ-сумъ, представляющее собою уже осѣдлый поселокъ, составляемый одною небольшою кумирней и приблизительно 30-ю бѣйшинами хуваракъвъ. Хуръ расположена на обширномъ и сухомъ холмѣ, между тѣмъ какъ вокругъ него мѣстность довольно болотистая; есть даже два, три маленькихъ озера, каждое изъ которыхъ не превышаетъ въ своей окружности 300, или 400 сажень. Отсюда слѣдуя по долинѣ, обильно поросшей травами и густо населенной, мы въ 9 час. прибыли въ урочище Горихонъ-гѣль, гдѣ и остановились для ночлега.

9-е Іюня. Среда.

6 ч. $+8^{\circ}$; 9 ч. $+16^{\circ}$; 12 ч. $+21^{\circ}$; 3 ч. $+26^{\circ}$; 6 ч. $+23^{\circ}$; 9 $+16^{\circ}$.

Выгѣхали въ 5 час. 35 мин. Въ 6 час. 25 мин, горы, окружавшія долину Горихонъ-гѣла, начали суживаться и вскорѣ наша дорога вмѣсто долины потянулась такъ сказать по горному проходу, именуемому Холтуинъ амъ. Горихонъ-гѣль струился по нему извилистымъ и все болѣе и болѣе уменьшающимся въ своемъ объемѣ ручьемъ. Окрестныя горы, также какъ и залегающая между ними долинка здѣсь, а равно и на все видимое пространство впередъ, имѣютъ ровныя очертанія и богато поросли травами, обиліе же комаровъ свидѣтельствовало объ общей влажности мѣстной почвы. Въ 9 час. 30 мин. Горихонъ-гѣль совершенно изсякъ подъ землю, а въ 10 час. 5 мин. мы выступили изъ Холтуинъ амъ въ другую долину, находящуюся къ прежней, горихонъ-гѣльской долинѣ въ поперечномъ отношеніи, почему, можетъ быть, и называется она, вмѣстѣ съ протекающею по ней рѣчкой, — Хундунъ, т. е. поперечною. Въ 12 час. дня мы остановились здѣсь для отдыха, а въ 3 час. 10 мин. двинулись далѣе. Окрестныя горы начинаютъ постепенно понижаться; въ долинѣ тамъ и сямъ показываются одиноко стоящими ильмовыя деревья. Въ 4 час. дня мы миновали озерко Чжигистэй-нуръ, при которомъ находилось маленькое

кочевье, всего въ четыре юрты. Это было единственное поселеніе, видѣнное нами за весь нынѣшній день. Озеро Чжигистѣй-нуръ имѣетъ въ окружности не болѣе 100 саженой. Дорога отсюда, приблизительно верстъ на 20, положительно прекрасная, травы — изобиліе. Въ 7 час. 40 мин. мы подъѣхали къ рѣчушкѣ Ёргусутѣй-гѣль, на берегу которой нашли станъ до 60 телѣгъ учжумуцѣйней, ѣхавшихъ къ сѣверу, за солью. Въ 8 ч. 35 мин. остановились и сами въ той же долинѣ для ночлега.

Ближайшею причиною, побудившею насъ избрать именно это мѣсто для остановки, было то, что здѣсь, среди степи, я увидалъ стоящую одну совершенно необыкновенную для Монголіи палатку. Она была четырехугольною и весьма похожею на лагерьныя палатки нашихъ солдатъ за тѣмъ исключеніемъ, что на верхушкѣ ея былъ утвержденъ позолоченный ганчжиръ. Присутствіе этого отличительнаго знака священныхъ мѣстъ прямо указывало мнѣ, что палатка эта была или кумирнею, или вообще обиталищемъ какой-либо святыни. Развьючившись и устроившись, я отправился въ палатку, гдѣ повстрѣчалъ трехъ тибетскихъ ламъ, выѣхавшихъ, по ихъ словамъ, изъ Хлассы уже три года назадъ за сборомъ подаяній, объѣхавшихъ всю сѣверо-западную Монголію, побывавшихъ нынѣшнею зимою въ нашихъ бурятскихъ степяхъ и теперь возвращавшихся черезъ юго-восточную Монголію въ Тибетъ. Всѣ они прекрасно говорили по монгольски и, по разказамъ, изучили этотъ языкъ еще у себя на родинѣ. Собранныя подаянія они уже четыре раза посылали въ Тибетъ, черезъ Ургу, причемъ жертвованные имъ скотъ, чай, мануфактуры, различные продукты пастушеской жизни и все другое, вещное, они каждый разъ продавали, обращали въ серебро и уже въ этомъ видѣ отправляли по адресу своего монастыря. Старѣйшимъ между этими ламами былъ нирба (казначей) Галданъ-ширѣтуйнъ хита, располагающагося неподалеку отъ Галданскаго монастыря въ Тибетѣ. Нирба этотъ разказалъ мнѣ, что монастырь ихъ, построенный гдѣ 50 тому назадъ, нынѣ пришелъ въ ветхость, почему соборъ мѣстныхъ ламъ, желая приступить къ его поправкѣ, и опредѣлил командировать своего казначея, съ двумя состоящими при немъ прислужниками, за сборомъ подаяній въ Монголію. Никакихъ билетовъ, или удостовереній своей личности эти люди не имѣли, взаменъ сего они возили при себѣ лишь возваніе ламъ Галданъ-ширѣтуйнъ хита, приглашавшее милостынедателей къ пожертвованіямъ. Я поинтересовался спросить объ усердіи монголовъ къ подаяніямъ и въ отвѣтъ на это совершенно неожиданно услышалъ горькія жалобы нирбы. «Мы не ламы и не сборщики подаяній для будды», говорилъ онъ, «а скорѣе купцы и торговцы. По нынѣшнимъ временамъ даровой благостыни не найдешь и, безъ того, чтобы не

дать чего либо отъ себя, не соберешь большихъ подаяній. Это всѣмъ извѣстно, а потому монастыри, отправляя своихъ сборщиковъ подаяній, непременно даютъ имъ разные товары». Дѣйствительно, почти вся палатка этихъ ламъ была завалена тюками и основное содержимое этихъ тюковъ составляли привилегированные товары тибетскихъ ламъ. Тутъ были: священная трава гѹша (санскр. kṛṣa) и перья изъ павлиновыхъ хвостовъ, — предметы, употребляемые буддистами какъ орудіе для кропленія аршаномъ (освященной водой), тибетское сукно, четки разныхъ сортовъ, хадаки и наконецъ особыя чашки, предохраняющія отъ отравы. Чашки эти были какъ фарфоровыя, такъ и деревянныя; первыя изъ нихъ монголы называютъ «шадзанъ-хула», а вторыя — «модонъ-хула». Съ внѣшней стороны онѣ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ, но монголы вѣрятъ, что если въ такую чашку налить что либо ядовитое, то оно тотчасъ же закипитъ, или покроется пѣною. Помимо сего въ палаткѣ находились еще цѣлыя тюки съ отпечатанными на шелковой матеріи изображеніями стопы будды, Хлассы, Будалы, монастыря Сэра и др. Все это были однако весьма второстепенныя святыни, которыя ламы, какъ и прочіе товары, продавали монголамъ во множествѣ, главнѣйшимъ же предметомъ поклоненія, который предлагался монголамъ, были мощи и граматы хутухтѣ Галданъ-ширѣтѹ. Меня чрезвычайно заинтересовала эта святыня, которою галданъ-хйтскіе ламы снабдили своихъ сборщиковъ подаяній для вящаго успѣха ихъ дѣла. Святыни эти хранились теперь у ламъ въ раззолоченномъ деревянномъ сундучкѣ, окрашенномъ въ красную краску и стоявшемъ въ палаткѣ наряду съ бурханами. Познакомившись съ ламами поближе, я просилъ ихъ показать эти святыни. Мощи не представили мнѣ собою рѣшительно ничего особеннаго. Это были обыкновенныя маленькія фигурки субургановъ, приготовленныя изъ глины, смѣшанной съ пепломъ, получившимся при сожженіи тѣла одного изъ хубилгановъ Сумади-бакши, Аванъ-чжамбалъ цулчима; за то просматривая граматы, я увидалъ, что онѣ съ одной стороны чрезвычайно характеристичны для выясненія отношеній китайскихъ богдохановъ къ тибетскимъ ламамъ, а съ другой — имѣютъ и кое какое историческое значеніе. Всѣ эти граматы представляли собою письма китайскихъ богдохановъ, въ разное время отправленныя ими Аванъ чжамбалъ-цулчиму. Писаны онѣ были на плотной, разноцвѣтной, золототканой, шелковой матеріи, имѣвшей форму продолговатаго свитка въ 7 вершковъ ширины и 4 аршина 14 вершковъ длиною, а изложены были то на трехъ языкахъ, китайскомъ, маньчжурскомъ и тибетскомъ; то на двухъ языкахъ, различно, или маньчжурскомъ и тибетскомъ, или монгольскомъ и тибет-

рочныхъ и, не полагая различія между внутренними и внѣшними, взиралъ на нихъ съ одинаковою милостію. Такъ какъ, отличая достоинства и первостепенныя заслуги, онъ управлялъ, все приводя къ совершенству наставленіями, то онъ умиротворилъ даже и обитающихъ въ морѣ. Со времени восшествія на престолъ царственнаго родителя прекрасныя законы и отличное управленіе стали очевиднѣйшимъ образцомъ для тьмы поколѣній. Неожиданно онъ покинулъ всѣхъ и переселился на небо, вручивъ мнѣ великія дѣла обитающихъ во вселенной. И день, и ночь помышляю я о томъ, чтобы, комбинируя дѣянія древнихъ и являясь продолжателемъ воли царственнаго моего родителя, распространить и упрочить на вѣки великое правленіе. Я постоянно слѣдую правиламъ моего царственнаго родителя и ни въ какомъ случаѣ не измѣняю ихъ. Также точно и вы со тщаніемъ поступайте постарому. Чтобы совершить святое и доброе дѣло (= поминовеніе) за своего священнаго родителя, я нарочно командировалъ пословъ, чтобы они приготовили мѣнцзу и поручили совершить молебствія. Хубилгѣнъ-Галданъ-ширѣтү, Самадѣ-бакшѣ, рѣшающей дѣла вмѣсто Далай ламы! Всѣ старшіе и младшіе ламы вашихъ многочисленныхъ монастырей, принимая милости отъ моихъ дѣда и родителя, проживали въ мирѣ и довольствѣ. Пусть же, благоговѣнно вспомнивъ о чрезвычайныхъ благодѣяніяхъ и великихъ милостяхъ, помолятся они передъ тремя драгоценностями, вознесутъ прошенія къ буддѣ за моего священнаго царственнаго родителя и всѣ съ истиннымъ благоговѣніемъ и тщаніемъ да произнесутъ священныя чтенія объ упроченіи на вѣки народнаго правленія и о совершеніи блага всего народа и всѣхъ одушевленныхъ существъ. Только въ томъ случаѣ, если, усиленно распространяя священныя писанія и ученіе будды, приведутъ они къ высшему развитію вѣру, могутъ они сказать, что отблагодарили моего священнаго, царственнаго родителя и я самъ буду взирать на нихъ съ одобреніемъ. — Согласно постановленіямъ объ изданіи рескрипта, жалуется рѣшающему дѣла вмѣсто далай ламы, хубилгану Галданъ-ширѣтү, Самадѣ бакшѣ: 1 серебряная домбѣ, вѣсомъ въ 30 ланъ; большихъ и малыхъ хадаковъ по 5; различныхъ большихъ кусковъ шелковыхъ матерій 8. По случаю чтенія номовъ за священнаго царственнаго родителя, въ четыре большіе монастыря, Будагү, Чжашѣ-лумбү, Сэра и Брайбунъ, (назначается) въ подаваніе для каждаго монастыря: серебра по 1000 ланъ; большихъ хадаковъ по 100, малыхъ хадаковъ по 1000; чаю по 100 кирпичей; за чтеніе номовъ во всѣхъ (прочихъ, малыхъ) монастыряхъ (назначается) въ подаваніе: серебра 4000 ланъ; чаю 1000 кирпичей; и малыхъ хадаковъ 4000. Все это я отправляю, вручивъ посламъ: Минчжүлгү-хутухтү камбѣ, дѣ ламѣ Чжакба-чоймпилу, первостепенному хя Янгатаю,

при движеніи по оному. Въ 10 ч. 50 м. достигли южной подошвы Хулханай-ула, по обѣимъ сторонамъ коей кочевало 12 юртъ монголовъ поколѣнія Ўчжумуцѣинъ и паслось много скота. Близъ горы, въ степи образуется песчаная котловина, въ которой имѣется три колодца, далѣе же, съ поднятіемъ изъ этой котловины, продолжается таже однообразная гобійская равнина, только здѣсь она дѣлается нѣсколько волнистѣе. При въѣздѣ въ нее мы остановились для полдника въ 12 час. 10 мин. дня. Тронулись далѣе въ 3 ч. 15 м. и черезъ часъ миновали кочевье въ 2 юрты, получающее свое имя отъ колодца Хѳхѳ худу́къ, при которомъ оно располагается. Въ 6 ч. 5 м. въѣхали въ распадину невысокаго и протягивающагося съ ССВ на ЮЮЗ увала, Ўнигэту-нуру, за которымъ далѣе въ 7 ч. 50 мин. послѣдовала гора Асарыйнъ-борѳ тологѳй. Здѣсь повстрѣчали мы учжумуцѣиней, везущихъ на 30 запряженныхъ быками телѣгахъ соль для продажи въ Уланъ-хада. При горѣ Асарыйнъ-борѳ тологѳй имѣется колодезь, близъ котораго мы и остановились для ночлега.

11-е Юня. Пятница.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+18^{\circ}$; 12 ч. $+24^{\circ}$; 3 ч. $+29^{\circ}$; 6 ч. $+24^{\circ}$;
9 ч. $+16^{\circ}$.

Выѣхали въ 5 ч. 20 м. и съ перваго же раза замѣтили, что мѣстность окрестъ нашей дороги все болѣе и болѣе начинаетъ принимать чисто гобійскій характеръ. Передъ нами широкая степь. Почва ея твердо песчаная, хрящеватая и усыпанная мельчайшей галькой. По сторонамъ дороги вмѣсто окаймлявшихъ ее прежде сочныхъ травъ, испещренныхъ самыми яркими цвѣтами, появляется желтый дэрэсунъ и заросли его охватываютъ все видимое пространство. Въ 8 ч. 50 м. проѣхали урочище Табунъ тологѳй, неизвѣстно почему называемое этимъ именемъ, такъ какъ никакихъ сопокъ здѣсь нѣтъ. Въ 10 ч. 55 м. спустились въ котловину Олѳнъ-ху́дукъ; но въ первомъ изъ ея колодцевъ вода оказалась очень плохая и вдобавокъ поверху ея плавалъ, вѣроятно утонувшій, ягненокъ. Котловина эта тянется ровно на $1\frac{1}{4}$ часа ѣзды верблюжьимъ шагомъ и, проѣхавъ именно это количество времени, мы повстрѣчали на другомъ, сѣверномъ концѣ ея подрядъ три колодца, которые собственно и дали поводъ называть эту мѣстность Олѳнъ худу́къ. Здѣсь мы полдневали и, выѣхавъ въ 3 ч. 20 м. дня, уже въ 3 ч. 45 м. начали подниматься на такъ называемый Дабасунай даба. Перевалъ этотъ состоитъ изъ четырехъ пологихъ и небольшихъ, но возвышающихся одинъ надъ другимъ уваловъ, на каждый изъ которыхъ приходится подниматься, лишь только спустившись съ предшествовавшаго увала. Вершина послѣдняго изъ такихъ уваловъ считается вмѣстѣ и вершиною перевала. Мы поднялись на нее въ 5 ч. 5 м. Спускъ съ Дабасунай

дабана также не круть и идетъ однимъ ровнымъ и пологимъ скатомъ. Съ половины его передъ нами заблестѣло въ долинѣ озеро Дабасу нуръ. Въ 5 ч. 50 м. мы собственно спустились уже съ перевала, но засиѣ въ теченіе еще 1 ч. и 15 м. ѣхали его предгоріями, пока въ 7 ч. 5 м. не вступили окончательно въ долину соляного озера. Остановились на ночлегъ въ 9 час. вечера при Дабасунай сумѣ. Въ немъ проживаютъ до 50 ламъ, которые и отправляютъ ежедневно чжиса; всего же при этой кумирнѣ числится до 300 ламъ. Монастырское сумѣ представляетъ собою весьма небольшое, деревянное зданіе, при которомъ находится до 60 глинобитныхъ бѣйшиновъ, — жилищъ мѣстныхъ хувараконъ.

12-е Іюня. Суббота.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+19^{\circ}$; 12 ч. $+26^{\circ}$; 3 ч. $+27^{\circ}$; 6 ч. $+23^{\circ}$.

Выступили въ 6 час. утра по дорогѣ, направляющейся къ берегамъ озера и, въ 7 ч. 5 м. подѣхали къ восточному углу его, предпринявъ отсюда движеніе сначала по южному берегу, а потомъ по западному. По формѣ своей соленое озеро это, именуемое здѣсь, на мѣстѣ, Дабасу-нуромъ, но называемое также Эчжи дабасу-нуръ, продолговато съ востока на западъ, окружность же его показалась мнѣ не превышающею 5 верстѣ. Соль Эчжи дабасу-нұра, говорятъ, наилучшая во всей Монголіи и почитается несравненно выше Брѣнъ-дабасу-нұрской. Соль послѣдняго озера монголы называютъ бѣлою (цаганъ-дабасу = нашей черной); тогда какъ въ Эчжи нурѣ залегаютъ голубая соль (хѣхѣ дабасу = нашей бѣлой). Мѣстоположеніе озера совершенно совпадаетъ границамъ чжунъ хучитскихъ и йэхѣ-учжумуцнскихъ кочевьевъ, почему оно въ одинаковой степени принадлежитъ какъ эрдэнѣ-вану хучитскому, такъ и вану учжумуцнскому. Управленія обоихъ хошунонъ высылаютъ сюда своихъ дамалонъ, для сбора денегъ за вывозимую соль. Относительно правилъ, принятыхъ при таковой продажѣ соли, мнѣ пришлось узнать нижеслѣдующее: хошунные люди учжумуцнскаго вана и хучитскаго вана, какъ хозяева озера, за добываніе и вывозъ соли изъ озера ничего не платятъ, также точно какъ не берется никакой платы и съ людей бага учжумуцнскаго хошуна на томъ основаніи, что послѣдніе почитаются какъ бы «братьями» йэхѣ учжумуцнней; словомъ плата взимается только съ иноплеменниковъ и инохошунцевъ. Размѣръ этой платы также точно различенъ и, что странно всего, обуславливается онъ не количествомъ покупаемой соли, а принадлежностью покупателя тому или другому хошуну. За телѣгу, приблизительно одного и того же объема, потому что всѣ онѣ запрягаются однимъ быкомъ, взимается съ людей двухъ бѣринскихъ хошунонъ по 4 цина; съ

кэшиктэновъ — по 3 цина, а съ четырехъ абага¹⁾ — по 2 цина. Зависитъ это отъ условій, которыя были одновременно заключены съ тѣмъ или другимъ хошунномъ. Хошунные люди халхаскаго Чжи-цзасака, не смотря на близость своихъ кочевьевъ къ озеру, рѣшительно не вывозятъ изъ него соли. Относительно общаго количества вывозимой соли мѣстные дѣмалы говорили, что платныхъ телѣгъ ежегодно уходитъ отъ озера до 220,000, число же бесплатныхъ не наблюдается и остается совершенно неизвѣстнымъ. Весьма вѣроятно, что соли вывозилось бы и еще больше, если бы не происходило затрудненія въ ея добываніи и нагрузкѣ. Дѣло въ томъ, что очень многіе изъ монголовъ, особливо впервые пріѣзжающихъ за солью, не умѣютъ добывать соль изъ озера сами и должны нанимать для сего мѣстныхъ жителей, хорошо освѣдомленныхъ какъ относительно всѣхъ свойствъ озера, такъ равно и пріобрѣтшихъ ловкость въ искусствѣ ломать соляные пласты. Такихъ работниковъ обыкновенно живетъ при озерѣ 50, 60 человекъ, рѣдко число ихъ возвышается до 80 и никогда не доходитъ до 100. Этою то незначительностью рабочихъ силъ и обуславливается замедленіе въ нагрузкѣ. Очереди при нагрузкѣ телѣгъ никакой не соблюдается и если солепромышленникъ не имѣетъ у себя знакомства на озерѣ, то ему приходится иногда очень и очень долго ожидать, пока нагрузятся его телѣги; поэтому то каждый пріѣзжающій впервые старается добыть себѣ знакомство среди солекоповъ, дѣлая имъ подарки помимо установленной платы за трудъ. Что касается этой послѣдней, то она также оказывается весьма различной: съ своихъ, учжумуциней и хучитовъ, рабочіе обычно берутъ за нагрузку телѣги — одну маховую сажень полотна (дѣбу); для инохошунцевъ же нагрузка каждой телѣги обходится отъ 8 фынъ до 1 цина серебра. Хорошій работникъ, говорятъ, можетъ свободно нагрузить въ день 8 телѣгъ, а слѣдовательно заработать въ день около 2 р. сер. на наши деньги. И не смотря на этотъ хорошій заработокъ, работу солекопа принимаютъ на себя очень не многіе, а солепромышленникамъ приходится поэтому простаивать нерѣдко по 10, 15 дней, даже по мѣсяцу, пока нагрузятъ они свои телѣги. Добываніе соли изъ озера производится самымъ примитивнымъ способомъ: соляные пласты рубятся топоромъ и засимъ накладываются въ телѣги лопатами, а то и просто руками. Толщина этихъ

1) Здѣсь впервые я узналъ, что названіе Абаганаръ, повидимому, совершенно не употребительно въ просторѣчїи монголовъ. Извѣстно, что абага'скія поколѣнія монголовъ, послѣ подданства дайцинамъ, были раздѣлены маньчжурами на 4 хошуна, изъ коихъ старѣйшія два носятъ названіе Абага, а другія два оффиціально прозываются Абаганаръ. Въ народныхъ понятіяхъ монголовъ этого, установленнаго оффиціально, различія не существуетъ и мѣстные простолюдины знаютъ только поколѣніе Абага, раздѣленное на 4 хошуна, почему и называются они 4 Абага.

пластовъ въ большинствѣ не превышаетъ 2-хъ вершковъ, хотя случается, что они доходятъ и до пяти вершковъ. Мелкая соль насыпается прямо въ корзины телѣгъ. Въ зимнее время соль въ Эджи дабасу-нүрѣ не разрабатывается вовсе, равно какъ въ періоды выпаденія дождей и сильныхъ засухъ.

Отъ озера дорога направляется по прежнему на сѣверо-западъ, къ горамъ, именуемымъ У-тай. Долина Эджи-дабасу-нүра почти бесплодна: ближе къ озеру почва ея солонцеватая, по мѣрѣ же приближенія къ горамъ она дѣлается хрящеватою и твердопесчаной. Почти на границѣ этихъ различныхъ свойствъ долины мы въ 10 ч. 15 м. миновали урочище Хброкъ, населеніе коего принадлежитъ уже хошуну Чжунъ хучитъ. Отсюда начинается постепенный и пологій подъемъ къ горамъ У-тай, громкая слава которыхъ звучитъ теперь уже далеко, такъ какъ, по вѣрованіямъ окрестныхъ монголовъ, здѣсь недавно совершилось чудо. Разказываютъ, что изъ середины этихъ горъ много лѣтъ уже слышался какой-то необыкновенный шумъ, въ концѣ концовъ обратившій на себя вниманіе мѣстныхъ ламъ. Послѣдніе призвали знатокъ мѣстности, которые прежде всего нашли въ этихъ горахъ сходство съ извѣстнымъ У-тай-шан'емъ, засимъ они опредѣлили, что мѣсто это вообще святое и что на немъ необходимо должны быть знаки присутствія божества. Осматривая эту гору болѣе тщательно, ламы дѣйствительно нашли здѣсь, на скалѣ, нерукотворенное изображение бурхана Аюши и нѣсколько такихъ же нерукотворенныхъ тибетскихъ буквъ, представлявшихъ собою надпись одной тарнистической формулы. Событіе это совершилось только три года тому назадъ и съ тѣхъ поръ при горѣ поселились ламы, съ намѣреніемъ построить здѣсь монастырь, а пока они имѣютъ тутъ войлочный дуганъ, съ находящимися при немъ четырьмя юртами хуваракъ. Мѣстонахожденіе этого бурхана и буквъ указали мнѣ на самой вершинѣ одной изъ обрывистыхъ скалъ У-тай'я. Ровно въ 12-ть часовъ дня остановившись для полдника противъ этого мѣста, я поднялся засимъ наверхъ, чтобы посмотрѣть чудесную святыню; но оказалось, что видѣть ее теперь уже нельзя. Къ отвѣсной скалѣ, на которой якобы было начертано изображение бурхана и тибетскихъ буквъ, ламы пристроили три глинобитныхъ стѣны, выведши такимъ образомъ бунханъ, высотой не выше $2\frac{1}{2}$ аршинъ и съ окошечкомъ не выше 6 вершковъ. Понятно, что въ этомъ бунханѣ господствуетъ почти полнѣйшій мракъ тѣмъ больше, что, смотря въ 6-вершковое окошечко, зритель и собственно головою препятствуетъ проходить свѣту. Всрединѣ бунхана стоитъ фонарь съ лампадою, тусклый свѣтъ которой можетъ быть и далъ бы возможность видѣть изображенное на скалѣ, но передъ самымъ этимъ изображеніемъ ламы на-

вѣсили хадаки, принесенные въ жертву нерукотворному изображенію и послѣдніе совершенно скрываютъ отъ глазъ зрителя даже и скалу. Сопровождавшій меня ламѣ указалъ мнѣ на находящуюся среди этихъ жертвенныхъ привѣсокъ маленькую фигурку меча и объяснилъ, что это даръ одного шаманствующаго солонскаго гуртуна. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ заявленіемъ онъ имѣлъ въ виду убѣдить меня въ достовѣрности совершившагося чуда. Оставивъ мѣсто своей стоянки въ 4 ч. 30 м., мы вскорѣ выступили изъ горъ и вѣхали въ громадную и чрезвычайно однообразную степь — Нойнъ-талѣ, которою и двигались до самой остановки на ночлегъ въ 9 ч. 15 м. ночи.

13-е Іюня. Воскресенье.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+22^{\circ}$; 12 ч. $+26^{\circ}$; 3 ч. $+29^{\circ}$; 6 ч. $+24^{\circ}$; 9 ч. $+17^{\circ}$.

Выѣхали въ 5 ч. 40 м. Дорога продолжается тою же степью Нойнъ-талѣ, почва которой хрящевата, но довольно обильна травою. Въ 7 ч. 30 м. вступили въ горный кряжъ Улясутай-ула и начали перерѣзывать толщъ его, постепенно поднимаясь по невысокимъ уваламъ и залегающимъ между ними долинамъ все болѣе и болѣе кверху. Въ 10 час. среди этихъ горъ повстрѣчали колодецъ, носящій тоже имя Улясутайнъ худукъ, замѣчательный по своей величинѣ и способный удовлетворить потребностямъ табуна въ 2000 головъ. Въ 11 ч. 5 м. достигли обѣ, по обычаю, вѣнчающаго вершину горнаго перевала. Спускаясь отсюда, мы черезъ 45 мин. ѣзды остановились для полдника близъ колодца Онгодойнъ-худукъ. Небольшая долинка его со всѣхъ сторонъ окружена горами, защищающими ее отъ вѣтровъ пустыни. Воздухъ почти не колебался и при $+26^{\circ}$ R. жара казалась очень сильною. Каково же было мое удивленіе, когда, направившись къ колодцу, я увидалъ, что въ немъ еще уплѣлъ ледъ. Явленіе чрезвычайно характеристичное для сужденія о климатѣ Монголіи.

Выѣхавъ въ 3 ч. 5 м., мы продолжали спускаться съ Улясутайнъ ула и въ 4 ч. 25 м. подѣхали къ пограничной мѣжѣ Южной Монголіи и Халхи; на это указалъ намъ пограничный халхаскій караулъ хошүна Э-цзасакѣ цэцэнъ хѣновскаго аймака. Извозчики мои возликовали, вступивъ въ родную Халху, да и мнѣ, правду говоря, стало какъ будто веселѣе среди сѣверныхъ монголовъ, къ которымъ я привыкъ гораздо больше. Тотчасъ же вошелъ я въ юрту караульнаго бошкѣ и, приказавъ каравану слѣдовать дальше, самъ остался здѣсь для бесѣды. Бошкѣ сообщилъ мнѣ, что хошүнъ ихъ протягивается не особенно далеко, равно какъ не великъ и по численности своего населенія, обязанный выставять только $2\frac{1}{2}$ сумуна латниковъ. Относительно имени хошүна бошкѣ со вздохомъ сказалъ

миѣ, что оно теперь совершенно неизвѣстно и одни зовутъ ихъ хошунъ старымъ именемъ Чжи-цзасакъ, а другіе новымъ — Э-цзасакъ, въ сущности же нельзя называть его ни тѣмъ, ни другимъ. Основная причина этого находится въ тѣсной связи съ тѣмъ несчастнымъ положеніемъ, въ которомъ находится теперь весь хошунъ, будучи терзаемъ распреею, возникшею въ его правящемъ княжескомъ родѣ. Обстоятельства этой распри, по словамъ его, заключаются въ слѣдующемъ. За семь лѣтъ передъ симъ хошунъ ихъ управлялся престарѣлымъ княземъ, носившимъ имя Чжи-цзасакъ. Этотъ послѣдній еще въ молодыхъ лѣтахъ женился на одной изъ своихъ податныхъ, дѣвицѣ Номунъ и прижилъ съ нею двухъ сыновей и двухъ дочерей; за всѣмъ тѣмъ, будучи уже престарѣлымъ человѣкомъ, князь увидалъ однажды одну молоденькую дѣвушку, Янчжиль-хлама, также изъ числа своихъ податныхъ и такъ прельстился ею, что развелся со старою женою и женился на этой Янчжиль хлама. При совершеніи развода, Чжи-цзасакъ отдѣлилъ своей старой женѣ добрую половину своего скота и поставилъ ей три юрты, а изъ дѣтей отдалъ ей двухъ дочерей и младшаго сына, оставивъ старшаго, Эринчинъ-дорчжй, при себѣ, какъ будущаго своего наслѣдника, по преемству княжескаго званія и управленія хошуномъ. Молоденькая Янчжиль-хлама, поселившись въ домѣ своего владѣтельнаго мужа, вскорѣ приобрѣла такое вліяніе на него, что князь рѣшительно все дѣлалъ по ея словамъ. Въ теченіе семи лѣтъ своей жизни княгинею, Янчжиль-хлама родила двухъ дочерей, хотя это мало утѣшало ее: ей хотѣлось имѣть сына, котораго она надѣялась сдѣлать впослѣдствіи княземъ-владѣтелемъ хошүна, устранивъ прямого наслѣдника этихъ правъ, Эринчинъ-дорчжй. Съ помянутою цѣлью она уже на четвертомъ году по выходѣ замужъ достигла того, что Чжи-цзасакъ удалилъ отъ себя своего наслѣдника и отправилъ его къ матери. Впрочемъ надеждамъ Янчжиль-хламы не суждено было осуществиться. Осенью 11-го года настоящаго правленія Гуанъ-суй (1885 г.) Чжи-цзасакъ умеръ, а она въ ту пору не имѣла сына, хотя честолюбіе заставило ее быть весьма предупредительной. За нѣсколько дней до смерти Чжи-цзасакъ, она пригласила въ юрту умирающаго князя Йогѣцзари-хутухтү и мѣстныхъ чиновниковъ хошүна, для выслушанія послѣднихъ завѣщаній своего владѣтеля. Послѣдній якобы сказалъ при этомъ, что Янчжиль-хлама остается послѣ него беременною и, если родить она сына, то онъ, цзасакъ, поручаетъ воспитаніе этого ребенка Йогѣцзари-ламѣ, а засимъ завѣщаетъ этому новорожденному управленіе хошуномъ. Вѣсть о такомъ завѣщаніи была тогда же разнесена по всему хошуну; тѣмъ не менѣе когда Чжи-цзасакъ скончался, то хошунъ и его правители начали хлопотать объ утвержденіи въ званіи владѣтеля уже существовавшаго за-

коннаго преемника этого званія, Эринчйнъ-дорчжй. Дѣло тянулось около полутора года и въ началѣ 1887 года послѣдовало высочайшее повелѣніе богдохана, назначавшее Эринчйнъ-дорчжй хошуннымъ цзасакѡмъ. Въмѣстѣ съ этимъ назначеніемъ къ Эринчйнъ-дорчжй естественно переходили и всѣ права по наслѣдованію личнаго имущества покойнаго князя, что же касается Янчжйль-хлѡмы, то она, по обычаю, должна была непрекословно получить свое приданое и засимъ могла, по желанію, или оставаться съ своими дочерьми на житье въ домѣ князя, или возвращаться въ домъ своихъ родителей и во всякомъ случаѣ, при существованіи прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, ни она, ни дочери ея не имѣли никакого права на полученіе какой либо части имуществъ покойнаго. Обрадованная всѣмъ этимъ Номунъ, съ безконечною жаждою отмстить своей соперницѣ, явилась въ княжескую ставку, что бы потребовать отъ Янчжйль-хлѡмы отчета въ имуществѣ, но, совершенно неожиданно, нашла Янчжйль-хлѡму больною, такъ какъ послѣдняя за нѣсколько дней передъ симъ родила сына. Между двумя женщинами послѣдовали бурныя сцены, потребовавшія вызова Йогѡцзари ламайнъ хутухтѣ. Такъ какъ послѣдній засвидѣтельствовавъ, что умиравшій Чжи-цзасакъ дѣйствительно говорилъ, будто онъ оставляетъ Янчжйль-хлѡму беременною и что, вслучаѣ рожденія ею сына, онъ завѣщаетъ этому малюткѣ управление хошунѡмъ, то роль Янчжйль-хлѡмы перемѣнилась и она открыто заявила Номунъ, что не только не отдастъ ей имущества покойнаго князя, а намѣрена даже хлопотать о передачѣ управленія хошунѡмъ новорожденному сыну Чжи-цзасакѡ, такъ какъ на это была воля сего послѣдняго. Раздраженная Номунъ возвратилась домой и заставила своего сына, цзасакѡ Эринчйнъ-дорчжй, подать жалобу сеймовому старшинѣ цэцэнъ-хѡновскаго аймака, въ коей цзасакъ обвинялъ свою молодую мачиху въ томъ, что она, приживъ себѣ незаконно сына, не хочетъ отдать ему, цзасакѡ, его отцовскаго имущества, неправильно удерживая это достояніе за своимъ незаконнымъ ребенкомъ. Провѣдавъ объ этомъ, Янчжйль-хлѡма въ свою очередь подала прошеніе къ тому же начальнику сейма, въ которомъ объяснила, что по смерти Чжи-цзасакѡ она осталась отъ него беременною, о чемъ самъ Чжи-цзасакъ свидѣтельствовавъ передъ смертью хошуннымъ чиновникамъ и Йогѡцзари хутухтѣ, выражая также свою волю, чтобы, вслучаѣ рожденія мальчика, ребенокъ этотъ наслѣдовалъ бы его права на владѣніе хошунѡмъ. При таковыхъ обстоятельствахъ Янчжйль-хлѡма просила во 1-хъ оставить находящееся въ ставкѣ Чжи-цзасакѡ посмертное имущество его за нею и ея сыномъ, такъ какъ старшая жена и дѣти ея были выдѣлены Чжи-цзасакѡмъ еще при его жизни; а во 2-хъ признать за новорожденнымъ сыномъ ея право

на утверждение въ званіи хошўннаго цзасака. При этомъ Янчжиль-хлама добавляла, что она не будетъ доискиваться для своего сына этого званія теперь же, потому что такія хлопоты съ одной стороны будутъ тяжелы для обѣднѣлаго теперь хошўна, а съ другой — ребенокъ еще малъ, до времени совершеннолѣтія управлять не можетъ, а потому будетъ лучше, если въ эту пору хошўнъ будетъ вѣдаться его своднымъ братомъ. Сеймовой старшина, получивъ эти два встрѣчныхъ иска, командировалъ отъ себя двухъ почтенныхъ чиновниковъ разслѣдовать это дѣло. Положеніе послѣднихъ, какъ монголовъ, было весьма щекотливымъ, такъ какъ съ одной стороны они не могли не предугадывать правды въ жалобѣ Э-цзасака, а съ другой, — признавъ эту жалобу справедливой, они должны были или явно унижить память покойнаго цзасака, или выставить лживымъ показаніе Йогѣцзари-ламѣйнъ хутухты и во всякомъ случаѣ оставить полунищю Янчжиль-хламу. При такомъ положеніи они постарались прежде всего подѣйствовать на сердце Э-цзасака, убѣдивъ его, что разъ о беременности Янчжиль-хламы говорилъ самъ покойный цзасакъ и законность ея рожденія свидѣтельствуется божественною личностью Йогѣцзари хутухты, призвать эту законность, хотя она и свѣше человѣческаго разумѣнія, — необходимо; что же касается будущаго искательства Янчжиль-хламою для своего ребенка правъ цзасачества, то это дѣло еще долгое и какъ оно совершится — неизвѣстно; важно же покончить дѣло настоящее и покончить его всего лучше миромъ. Для этого надлежитъ-де не оставлять Янчжиль-хламу полунищю, тѣмъ больше что она была женою его родителя и дѣти ея — тоже что его братья и сестры; нужно ей выдать должную часть. Уговоривъ такимъ образомъ Эринчѣйнъ-дорчжѣ, послы сеймового старшины отправились къ Янчжиль-хламѣ, которой прямо заявили, что въ видахъ ея личной пользы они совѣтуютъ ей покончить дѣло миромъ. «Китайское правительство», говорили они ей, «никогда не признаетъ законнымъ ребенка, рожденнаго черезъ полтора года послѣ смерти мужа; а потому дѣло это въ настоящую пору не принесетъ ей ничего, кромѣ вреда и позора. Если же покончить она дѣло миромъ и получить законную часть, то это самое будетъ для нея впослѣдствіи свидѣтельствомъ, что ребенокъ изначала признавался законнымъ». Ловкія увѣщанія пословъ возымѣли свою силу: враждующіе рѣшили помириться, подѣлили имущество покойнаго Чжи-цзасака и выдали сеймовому управленію свидѣтельство, удостовѣрившее, что начатая тяжба удовлетворена всецѣло. Случилось однако, что черезъ три, четыре года послѣ сего Янчжиль-хлама отправилась на богомолье въ Ургу и здѣсь подъ вліяніемъ наветовъ китайскихъ чиновниковъ возбудила дѣло снова. Ямуньскіе дѣльцы наговорили ей, что дѣло о цзасачествѣ ея сына

подлежитъ большому сомнѣнію и если у Эринчинъ-цзасакà родится сынъ, то, конечно, этотъ послѣдній будетъ имѣть гораздо больше правъ на владѣніе, чѣмъ рожденный отъ второй жены сынъ Чжи-цзасакà; нужно-де поэтому позаботиться о томъ, чтобы смѣстить Эринчинъ-цзасакà теперь же. По такимъ навѣтамъ Янчжиль-хлама подала новую просьбу уже амбанямъ, въ которой писала, что она подавала жалобу въ сеймъ, доискиваясь правильнаго раздѣла имущества своего мужа и признанія правъ на цзасачество ея сына; что сеймъ послалъ двухъ чиновниковъ, которые рѣшили дѣло въ ея пользу, но тѣмъ не менѣе, удовлетворивъ ее въ отношеніи раздѣла имущества, ей не выяснили правъ ея сына, несомнѣнность которыхъ удостоверяется хубилганомъ Йогѣцзари хутухты. Такъ какъ вопросъ объ этомъ опущеніи она возбудила немедленно по раздѣлѣ имущества, то настоящей цзасакъ Эринчинъ-дорчжй вмѣстѣ съ матерью своею Номунъ и своимъ приближеннымъ ламою, при помощи чаръ и заклинаній, умертвили производившихъ слѣдствіе чиновниковъ, которые единственно знали дѣло какъ слѣдуетъ, потому что взяли, при слѣдствіи, письма и бумаги покойнаго Чжи-цзасакà. По такимъ причинамъ Янчжиль хлама просила амбаней разслѣдовать это дѣло и опредѣлить права ея сына. Приложивъ къ этой просьбѣ надлежащую взятку, Янчжиль-хлама представила все сіе въ за-прошломъ году маньчжурскому амбаню Аньдэ. Подкупленный амбань, съ цѣлью направить дѣло въ пользу Янчжиль-хламы, началъ свое слѣдствіе не съ разсмотрѣнія правъ ея сына, а со взведеннаго ею обвиненія на Эринчинъ-цзасакà и его мать Номунъ, якобы они чародѣйствомъ умертвили слѣдователей. Въ прошломъ году амбань самъ вызывалъ въ Ургу и цзасакà, и его мать, и приближеннаго ихъ ламу, самъ чинилъ имъ допросъ и пристрастіе его выразилось несказанно. Онъ прямо обвинилъ всѣхъ: цзасакà уже отрѣшилъ отъ управленія и представилъ докладъ въ Пекинъ о совершенномъ разжалованіи его изъ князей; мать его, Номунъ, искалѣчилъ въ пыткахъ, а ламу не только искалѣчилъ, а посадилъ еще въ острогъ, гдѣ онъ почти умираетъ въ страданіяхъ. Э-цзасакъ, возвратившись изъ Урги, сообщилъ все происшедшее хошуну, взывая о необходимости отправить особыхъ ходатаевъ въ Пекинъ. На предметъ этой поѣздки нынѣшнею зимою было собрано съ хошұна и занято у китайскихъ банкировъ Да-шэнькуй всего 6000 ланъ серебра; за всѣмъ тѣмъ изъ Пекина идутъ слухи, что князь будетъ устраненъ отъ должности и что будетъ дальше, совершенно неизвѣстно.

Выслушавъ эту скорбную исторію хошұна и подаривъ бошкò горсть китайскаго табаку, я въ 5 ч. 55 мин. сѣлъ на свою лошадь и направился догонять свой караванъ. Путь мой лежалъ теперь по совершенно необи-

таемой въ лѣтнюю пору степи, именуемой Хрстѣйнъ талъ. Ровная какъ желѣзнодорожное полотно, съ твердымъ, хрящеватымъ, гобійскимъ грунтомъ, эта степь представляла собою какъ будто искусственно приготовленный гипподромъ для бѣга. Проѣхавъ самую быстрою и крупною рысю часть съ пятью минутами, я ровно въ 7 часовъ подъѣхалъ къ своимъ верблюдамъ, прорысивъ, вѣроятно, версты 15, 16. Это было въ урочищѣ Таргунъ хэрѣ, гдѣ повстрѣчались намъ и первыя юрты хошунныхъ данниковъ Э-цзасакъ. Въ общемъ урочище это заселено довольно обильно, вмѣщая въ себѣ не менѣе 30 юртъ, но жители его крайне бѣдны: скота почти нѣтъ, заработковъ — никакихъ, извозомъ не занимаются во все. За Таргунъ хэрѣ, по дорогѣ, впереди насъ, ясно обозначились гряды покрытыхъ зеленою травкою уваловъ, которыхъ мы достигли въ 7 ч. 50 мин. Мѣстность эта носитъ названіе Хадату. Слѣдуя далѣе, мы въ 9 ч. вечера и остановились на ночлегъ среди этихъ уваловъ.

14-е Іюня. Понедѣльникъ.

6 ч. $+15^{\circ}$; 9 ч. $+15^{\circ}$; 12 ч. $+14^{\circ}$; 3 ч. $+17^{\circ}$; 6 ч. $+17^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$.

Выѣхали въ 5 ч. 45 мин. Утро теплое, но небо заволочено тучами. Дорога потянулась чрезвычайно однообразною степью, со множествомъ уваловъ и котловинъ; грунтъ повсюду твердо-песчаный и хрящеватый, растительность чисто гобійская. Съ 7 часовъ пошелъ спорый, частый и крупный дождь и небо такъ покрылось тучами, что дождю не предвидѣлось и конца. Скучно двигаться въ такую погоду: сидишь въ повозкѣ, не высовывая и головы. Въ 7 ч. 20 м. повстрѣчали двѣ телѣги, запряженныхъ быками; на нихъ возвращался въ свое кочевье монголь, по обѣщанію, отвозившій въ видѣ жертвы два воза аргала въ монастырь Йогѣцзари-ламы. Урочище это онъ назвалъ намъ Чжиранъ и объяснилъ, что оно получаетъ свое имя отъ небольшого ручья Чжирангѣйнъ гѣль. Вскорѣ мы и сами увидели этотъ ручей, оказавшійся имѣющимъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина ширины; тѣмъ не менѣе по берегамъ его кочуетъ много юртъ. Населеніе живетъ исключительно скотоводствомъ, которое однако весьма незначительно, судя потому, что у самаго важнаго мѣстнаго богача всѣ овцы оказались дойными. Въ 8 ч. 15 м. мы подъѣхали Йогѣцзари ламѣйнъ хурѣ и должны были остановиться здѣсь, потому что дождь уже такъ усилился, что ѣхать далѣе было рѣшительно не возможно.

Йогѣцзари ламѣйнъ хурѣ располагается по южному склону высокаго холма, у подошвы котораго происходитъ сліяніе вышепомянутаго ручья Чжирангѣйнъ гѣля съ рѣчкою Чондѣйнъ-гѣль. Монастырь обнесенъ оградой и имѣетъ видъ обще халхаской ламайской обители. Кумирень въ немъ

всего восемь, главнѣйшею же изъ нихъ почитается Чой-ра, гдѣ совершается служеніе и изученіе цанита и гдѣ ученые ламы получаютъ себѣ

Три Главныя кумирни въ хурѣни Йогѣцзару хутухты.

степени габжү и рачжамба. Всѣхъ ламъ въ Йогѣцзари ламайнъ хурѣ числится отъ 700 до 800 человекъ. Прежде монастырь этотъ считался очень богатымъ, теперь, говорятъ, онъ значительно обѣднѣлъ, чему способствовали усиленные расходы, понесенные имъ сначала по обстоятельству приглашенія новаго хутухты, а засимъ по дѣлу Э-цзасакѣ. Самъ хубилганъ Йогѣцзари ламы въ настоящую пору еще молодой человекъ, ему считаютъ 20 съ небольшимъ лѣтъ. Возродился онъ сыномъ тусалакчи своего хошүна, т. е. хошүна Э-цзасакѣ. Въ народномъ языкѣ монголовъ, Йогѣцзари-хутухту болѣе извѣстенъ подъ именемъ «Хатагійнъ йогүзарь-ламы», причемъ приставка «хатагійнъ» назначается собственно ради показанія мѣстопробыванія хутухты, такъ какъ кочевья его располагаются по рѣкѣ Хатагійнъ-гѣлу. На этой рѣкѣ «Хатагійнъ-гѣлѣ» живетъ три хубилгана ламы, которые, въ религиозныхъ представленіяхъ монголовъ тѣсно связываются между собою по своему происхожденію (хатагійнъ гурбунъ ламѣ). Это — жительствующій на сѣверѣ, неподалеку отъ хошүна Хла-бэйсэ, Дамдинъ-биширэлтү ламѣ; жительствующій на западѣ, близъ границъ цэцэнъ хановскаго хошүна, Халцзанъ ширѣтү и наконецъ проживающій на востокѣ, близъ границъ хошүна цзюнь-ванова, Йогүцзарь ламѣ. Монастыри этихъ хутухтъ располагаются неподалеку одинъ отъ другого: наиболѣе отдаленный хурѣ Халцзанъ-ширѣтү ламы отстоитъ отъ хурѣни Йогѣцзари на свѣше какъ

на семь станцій, а хурѣ Дамдйнѣ биширальтѣ еще и того ближе. Въ силу своего единенія, хутухты эти постоянно переѣзжаютъ изъ одного монастыря въ другой, и отправляютъ свои хуралы въ томъ или другомъ монастырѣ какъ бы нераздѣльно. Геніемъ хранителемъ какъ своимъ собственнымъ такъ и своихъ монастырей они одинаково, почитаютъ докшита Хлѣмо. Они имѣютъ каждый своихъ шабинѣровъ, отъ которыхъ получаютъ свои подати; но управленіе всѣми этими шабинѣрами принадлежитъ Йогѣцзари хутухтѣ, какъ старѣйшему и притомъ одному только утвержденному богдохѣномъ хутухтѣ, почему ему была выдана и печать на право рѣшенія дѣлъ въ своихъ отѣкахъ. Шабинѣровъ Йогѣцзари-ламы, собственно «дансатѣй», т. е. внесенныхъ въ списки, числится 1000 душъ, но въ дѣйствительности число ихъ, говорятъ, значительно превосходитъ сказанное и всѣ они почитаются людьми несравненно болѣе зажиточными, чѣмъ хошѣнныя податныя Э-цза-сакѣ. Въ силу значительной населенности Йогѣцзари-ламѣйнѣ хурѣня и относительнаго богатства его жителей, при монастырѣ этомъ расположилось всего 6 китайскихъ лавокъ. Одна изъ нихъ, подъ фирмою Сань-хэ-юань, вышла изъ Бирѣ-хотѣ, 3 лавки долбнѣ-нѣрскихъ фирмъ, 1 калганская и 1 изъ И-чжоу. Всѣ эти китайцы жалуются на упадокъ своей торговли, за исключеніемъ Бирѣ-хотѣской, которая предпочитается мѣстными монголами по той причинѣ, что товары въ ней постоянно мѣняются и всегда въ ней можно найти не только свѣжіе продукты, но и что либо новенькое. Объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что фирма Сань-хэ-юань, отправляя свои караваны изъ Бирѣ-хотѣ въ Ургу, усвоила себѣ обычай заходить въ Йогѣцзари-ламѣйнѣ хурѣ. Въ это время приказчики забираютъ изъ здѣшной лавки все залежавшееся въ Ургу, гдѣ, по ихъ словамъ, всякая залежь легко сбывается какъ при мелочной, такъ и особливо при оптовой продажѣ, вмѣсто же этого лежалаго товара въ здѣшной лавкѣ оставляется новый. Восемь дней тому назадъ Сань-хэ-юань отправили отсюда въ Ургу шедшій изъ Бирѣ-хотѣ караванъ въ 30 телѣгъ: они повезли отсюда водку, масло, тростниковый сахаръ и муку. Часа въ два пополудни небо начало прочищаться и дождь прекратился. Мы оставили хурѣнь Йогѣцзари-хутухтѣ въ 3 часа, а къ 4-мъ часамъ изъ долины Чондѣйнѣ гѣла поднялись на уваль и вступили въ громадную степь, Байнѣ Ургѣнѣ, богатую кормовыми травами. Индѣ здѣсь видны были пригорки и котловины, но замѣтно надъ общемою равниною здѣсь возвышалась только одна, одиноко стоявшая далеко къ западу отъ дороги, гора Богдѣ-хѣнѣ, которую мнѣ называли также и Батѣ-хѣномъ. Этою степью мы ѣхали до 9 часовъ вечера, миновавъ на ней только одинъ выдающійся по своей величинѣ хутѣль, именуемый Байнѣ-дулѣнѣ. Далѣе въ этой же степи мы остано-

вились и для ночлега, неподалеку от громаднаго стана Бѣриной, двигавшихся въ Ургу, на поклоненіе хутухтѣ.

15-е Іюня. Вторникъ.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+15^{\circ}$.

Всю ночь и съ утра дуетъ страшный ЮЗ вѣтеръ. Выѣхали въ 5 ч. 55 мин. Въ 6 ч. 15 м. спустились въ долину р. Чжиргалантѹ, густо и обильно поросшую кормовыми травами. Рѣчка Чжиргалантѹ не болѣе 1 сажени въ ширину, а глубиною едва достигаетъ 4-хъ вершковъ, тѣмъ не менѣе мы повстрѣчали на ней массу водяной птицы, гусей, утокъ и особливо турпановъ. Отсюда началась снова громадная степь, Байнъ-тала, тянущаяся въ направленіи къ СВ. и далѣе принимающая названіе Гашѹнъ-гѹби. Въ общемъ она довольно богата своею растительностью, но чрезвычайно мало заселена. Въ 9 ч. мы проѣхали урочище Улѣнъ хонхѹръ, которое также оказалось совершенно пустыннымъ. Далѣе по дорогѣ намъ только въ 10 ч. попались три юрты при колодцѣ, называемомъ Байнъ-дулѣнъ бѹлѹкъ. Здѣсь находятся границы трехъ кочевьевъ: къ Ю. и ЮВ. Э-цзасакѣ, къ В. Дѣйчинъ гѹна, а къ С и СЗ Гѣнданъ-цзасакѣ, по землямъ котораго намъ предстояло теперь ѣхать. Первыми представителями этого хошѹна оказались для насъ, конечно, мѣстные цакдѣ, въ количествѣ двухъ семей, кочующихъ при колодцѣ Арѹ (цзамѣинъ) хашѣту. Мы достигли этого мѣста въ 11 ч. 15 мин. и остановились здѣсь для полдника, такъ какъ въ бесѣдахъ со здѣшними чиновниками я думалъ получить болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о хошѹнѣ. Любопытство мое на этотъ разъ было удовлетворено однако очень мало. Хошѹнъ Гѣнданъ-цзасакѣ, иначе называемаго Ахѣй-цзасакѹмъ, заключаетъ въ себѣ $2\frac{1}{2}$ сумѹна; но латниковъ изъ него берется не свыше 80 человекъ, такъ какъ хошѹнъ совершенно разоренъ, по обилію на немъ долговъ. Важнѣйшія долговья обязательства принадлежатъ фирмѣ Да-шѣнъ-куй, да помимо того имѣются еще долги пекинскимъ и ургинскимъ банкирамъ. Общая сумма процентовъ по этимъ долговымъ обязательствамъ исчислена въ нынѣшнемъ году 5000-ми ланъ серебра и, по раскладкѣ на каждую юрту, приходится платить нѣсколько больше 13 ланъ, или около 27 нашихъ серебряныхъ рублей однихъ %. Въ виду несравненно крупнѣйшаго и настоятельнѣйшаго налога на удовлетвореніе текущихъ нуждъ, платить этихъ % хошѹнъ совершенно не въ состояніи и это тѣмъ больше, что фирма Да-шѣнъ-куй не беретъ здѣсь скота. Ссылаясь на то, что прогонять скотъ въ Хухѹ-хотѹ для фирмы очень трудно, банкиры заявили, что въ хошѹнѣ Гѣнданъ-цзасакѣ они будутъ принимать только серебро, да еще шкуры лисьи и волчьи, считая первую за 1 ланъ, а вторую за 1 ланъ и 2 цина серебра. Въ началѣ весны хошѹнъ, предвидя

свое бѣдственное положеніе въ настоящемъ году, извѣстилъ улѣсутайскую контору Да-шэнъ-куй, чтобы она не трудилась посылать сюда своихъ сборщиковъ процентовъ и что хошунъ самъ соберетъ что только возможно и доставитъ эти деньги въ Ургу. Да-шэнъ-куй'евцы изъявили на это свое согласіе.

Съ мѣста своей стоянки мы поднялись въ 2 ч. 55 мин. и продолжали путь тою же мало-обитаемой степью. Въ 4 ч. 10 мин. миновали довольно значительный колодець Цаганъ-дэрэсү. Въ 5 ч. 40 м. за небольшимъ уваломъ намъ предстала новая, громадная степь Ургунъ. Имѣя общее поднятіе къ ССВ, она, казалось, сливалась въ эту сторону съ горизонтомъ и уходила за него. Въ направленіи нашей дороги она протягивалась не болѣе какъ версты на 4, а далѣе слѣдовалъ уже новый уваль. Вообще видѣнная нами за весь нынѣшній день степь представляетъ собою какъ бы волны великаго моря. Цѣлый день, еле перемѣжаясь, идетъ дождикъ; вечеромъ онъ усилился и мы остановились на ночлегъ въ 8 часовъ именно отъ дождя.

16-е Іюня. Среда.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+16^{\circ}$; 12 ч. $+19^{\circ}$; 3 ч. $+23^{\circ}$; 6 ч. $+18^{\circ}$;
9 ч. $+13^{\circ}$.

Дождь прекратился часовъ съ 2-хъ ночи и къ утру все было сухо, хотя въ воздухѣ чувствовалась прохлада. Выѣхали въ 6 ч. 10 мин. утра и черезъ 40 мин. перевалили холмы Доннуръ-шарà-шорѳту. За ними послѣдовала такая же степь, повидимому, не имѣющая для себя и общаго названія, а различаемая лишь по урочищамъ, которыя притомъ, за отсутствіемъ населенія, отмѣчаются весьма слабо. Въ 8 ч. 40 мин. достигли колодца Унѣтү, отъ котораго и вся окрестная мѣстность получаетъ то же названіе вплоть до холмовъ, пересекающихъ эту долину на все видимое пространство и именуемыхъ Цаганъ-дѣль. Поднявшись на нихъ, мы увидели передъ собою долину, испещренную отдѣльными холмами и пригорками, которые нѣсколько далѣе на сѣв-востокъ какъ бы сливаются вмѣстѣ, и, образовавъ собою увалы, версты по три, четыре длиною, начинаютъ окружать эту долину со всѣхъ сторонъ. Урочище это, похожее на большое, обнесенное землянымъ валомъ городище, носитъ названіе Энгиръ-хашātu. Такъ какъ мы вступили въ него въ 10 ч. 40 м., а оставили его за собою въ 11 ч. 20 м., то протяженіе его нужно положить версты на три съ небольшимъ. Выступивъ изъ него, мы очутились въ урочищѣ Гурбунъ-ху-дүкъ, при которомъ мѣстные монголы кочуютъ, говорятъ, только позднею осенью. Нѣсколько далѣе отсюда за небольшимъ уваломъ тянется къ сѣверу широкая и длинная ложбина, именуемая Байнъ-гѳломъ. Въ ней мы

остановились для полдника въ 12 ч. 5 мин., не видавъ съ утра ни одного человѣка.

Двинулись въ 3 ч. 15 м. и первоначально продолжали путь ложбиною Байнъ-гѡла, которая въ 4 ч. образовала изъ себя широкую долину Манхатѹ, отъ имени холмовъ, находящихся на западномъ концѣ этой долины. За холмами Манхатѹ, послѣдовала новая долина Тухѹмъ, которая на западѣ и сѣв-западѣ запирается увалами Тухумѣйнъ ший. Мы миновали ихъ въ 7 ч. вечера и спустились съ нихъ въ равнину урочища Йэхэ-шанду гдѣ повстрѣчали довольно густыя кочевья монголовъ. Всего было здѣсь расположенными по одиночкѣ около 25 юртъ. Отсюда, переваливъ невысокіе холмы, мы вступили въ Байнъ мѹнкэ гѡби, въ которой въ 8 ч. 30 м. и остановились для ночлега, удалившись отъ предшествовавшихъ монгольскихъ кочевьевъ, такъ какъ про мѣстныхъ жителей идетъ не особенно то лестная слава — завзятыхъ воришекъ. Впрочемъ это удаленіе не спасло насъ, какъ говорилъ мой Ив. Федоровичъ, «отъ нашествія иноплеменныхъ». Мы еще не успѣли сварить своего чая, какъ къ намъ прискакалъ монголъ изъ тѣхъ же воровскихъ айлей. Онъ привѣтствовалъ насъ очень развязно и засимъ объявилъ, что онъ только что возвратился почти отъ береговъ Орхѡна; изъ хошѹна Со гѹна тѹшѹту хѡновскаго аймака, куда ѣздилъ на свиданіе съ своими родственниками по матери. Онъ разказывалъ намъ много о своей поѣздкѣ, говорилъ о сравнительномъ обѣднѣніи хошѹна Со гѹна, о недостаткахъ его правителей, о своемъ посѣщеніи Урги, черезъ которую онъ долженъ былъ проѣзжать и проч., и проч. Всѣ эти разказы, имѣвшіе чисто частный характеръ, не представляли для меня особеннаго интереса, но мнѣ захотѣлось выяснить вопросъ, какимъ образомъ мать Намсарая (такъ звали этого монгола) была взята его отцемъ изъ такого отдаленнаго хошѹна и я попросилъ его разъяснить мнѣ это обстоятельство. Въ отвѣтъ на это Намсарай не только удовлетворилъ мое любопытство, но и возбудилъ у меня еще новые вопросы своимъ восклицаніемъ: «да, если бы не мать, такъ и мнѣ бы числиться въ со-гѹновскомъ хошѹнѣ!» Дѣло въ томъ, что отецъ этого Намсарая, Гунгурва, еще въ пору своей молодости былъ откомандированъ для отбыванія натуральныхъ повинностей на ургинско-улясутайскій малый почтовый трактъ. Состоя подводчикомъ на одной изъ станцій со-гѹновскаго хошѹна, онъ сошелся тамъ съ Янчжигѡ, дочерью одного простаго монгола и результатомъ этой связи было появленіе на свѣтъ моего собесѣдника, Намсарая. Гунгурва прожилъ на своей станціи два срока, т. е. шесть лѣтъ и засимъ смѣнился съ очереди. Но, возвратившись домой, онъ не могъ забыть своей возлюбленной Янчжигѡ, а потому на слѣдующее лѣто отправился опять въ хошѹнъ

Со-гүна, посватался за нее, уплатилъ калымъ и женился. Новобрачные уже собрались въ далекій путь, какъ вдругъ тогдашній мѣстный цзасакъ, Максүръ-чжабъ, свободно отпуславшій, конечно, изъ своего хошүна Янчжигү, заявилъ, что маленькій Намсарай, которому въ ту пору еле минуло четыре года, долженъ оставаться въ его хошүнѣ и быть его податнымъ, такъ какъ онъ родился въ его хошүнѣ и отъ его податной монголки. Родители ни за что не хотѣли разстаться съ сыномъ и возбудившееся такимъ образомъ дѣло должно было, по жалобѣ Янчжигү на своего князя, рѣшаться уже въ сеймовомъ управленіи. На произведенномъ допросѣ Янчжигү публично засвидѣтельствовала, что ея незаконнорожденный сынъ прижить ею отъ Гунгурвѣ, а потому долженъ почитаться его сыномъ и, основываясь на такомъ показаніи, сеймъ приговорилъ перечислить маленькаго Намсарая въ аймакъ Сэцэнъ-хана, по мѣстонахожденію его родителя. — «Ну, а если бы твоя мать не сказала, что твой отецъ — Гунгурвѣ, или даже не знала этого», спросилъ я, «какъ же тогда рѣшилось бы это дѣло и чьимъ податнымъ ты бы числился?» — «Богъ знаетъ», отвѣчалъ Намсарай, «по нашему порядку, ребенокъ, а особливо мальчикъ, принадлежитъ отцу, а не матери: съ кѣмъ сошлась его мать, отъ кого забеременѣла, — того и ребенокъ, тому и принадлежитъ онъ хошүну, въ которомъ числится его отецъ. Въ Ургѣ есть теперь шибеганца Бүдэтъ, у которой было восемь человекъ дѣтей, всѣхъ ихъ поразобрали отцы и всѣ они числятся по разнымъ хошүнамъ». — Я отъ души пожалѣлъ, что только теперь узналъ этотъ монгольскій обычай и въ періодъ своего путешествія не могъ прослѣдить за его значеніемъ и степенью распространенія въ жизни монголовъ.

17-е Іюня. Четвергъ.

6 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+18^{\circ}$; 12 ч. $+23^{\circ}$; 3 ч. $+27^{\circ}$; 6 ч. $+22^{\circ}$.

Выѣхали въ 5 ч. 30 м. и продолжали путь по Байнъ-мүнхэ гдби. Въ 7 ч. 30 м. достигли стоящей посреди ея совершеннымъ особнякомъ, продолговатой съ запада на востокъ, горы Байнъ-мүнхэ ұла, иначе называемой Дарханъ-ханъ. Гора эта ежегодно чествуется всѣмъ хошүномъ Ганданъ-цзасакъ 20-го числа 5-й луны. Къ западу отъ нея лежитъ озерко, также продолговатое отъ З. къ В и имѣющее не болѣе двухъ верствъ въ окружности. Вода въ немъ солоноватая. Въ 8 ч. 45 м. Байнъ-мунхэ гдби для насъ окончилась и мы начали подниматься на уваль Мухүръ, ограничивающій ее съ западной и сѣв.-зап. сторонъ. За этимъ уваломъ мы въ 9 ч. вступили въ урочище, носящее тоже названіе Мухүръ, гдѣ нашли 4 юрты шабинаровъ Чжабцүнь-дамба хутухты и это было для насъ первое вѣстью приближенія къ Ургѣ, хотя до нея оставалось еще не менѣе какъ

версть 400. Отсюда дорога наша потянулась по степи съ легкими увалами вплоть до слѣдующаго колодца Борд-сѣкъ съ чрезвычайно мутною, вонючею и солоноватою водою, тѣмъ не менѣе, такъ какъ часы показывали уже 12 ч. 30 м., мы должны были остановиться здѣсь для полдника.

Снялись съ мѣста въ 3 ч. 50 мин. и продолжали путь тою же степью. Въ 5 ч. 20 мин. повстрѣчали колодецъ Гўнь-худукъ, вода коего была чиста и прохладна, спустившись же въ самую глубину его копани, мы снова нашли здѣсь не растаявшій еще съ зимняго времени ледъ. Отсюда, переваливъ пологій и длинный уваль, мы въ 6 ч. 30 м. вступили въ степь Дарчиктѣйнъ тала, по которой ѣхали до 8 ч. 5 м. вечера, когда взобравшись на новый уваль, спустились съ него въ котловину Шабаръ-чжиргалантѹ. Здѣсь произошло раздѣленіе нашей дороги, одна колея которой направилась къ сѣверу. Говорятъ, что далѣе къ западу эта колея опять соединяется съ нашей дорогой и что она представляетъ собою не болѣе, какъ объѣздъ той котловины, по которой намъ предстояло ѣхать. Въ весеннюю пору таянія снѣговъ и въ осенніе дожди этотъ объѣздъ, кажется, дѣйствительно необходимъ. Посреди котловины Шабаръ-чжиргалантѹ, залегаетъ глубокая впадина гуджирной почвы, въ центрѣ которой находится небольшое соленое озерко. Вся эта впадина,—шириною около 2-хъ верствъ, и въ нее стекаетъ вода рѣшительно со всей окрестности; поэтому то даже въ лѣтнюю, сухую пору здѣсь залегаетъ топкая грязь, изъ которой сопровождавшіе меня монголы, презрѣвшіе объѣздную дорогу, едва могли вытаскать теперь мою пустую телѣгу. Съ запада въ эту котловину втекаетъ и струится по ней ручеекъ Чжиргалантѹ, впадающій въ помянутое озерко. Ширина всего ручейка не достигаетъ и 1 аршина, а глубина—2-хъ вершковъ, тѣмъ не менѣе по берегамъ его на далекое пространство тянутся топкія мѣста, поросшія густымъ камышемъ. Остановились на ночлегъ, выбравшись изъ этой сырой котловины въ 9 ч. 25 мин. вечера.

18-е Іюня. Пятница.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+29^{\circ}$; 12 ч. $+25^{\circ}$; 3 ч. $+29^{\circ}$; 6 ч. $+26^{\circ}$;
9 ч. $+18^{\circ}$.

Выѣхали въ 5 ч. 30 м. и продолжали путь по такой же однообразной степи, постоянно пересѣкаемой увалами и совершенно пустынной, въ смыслѣ отсутствія здѣсь человѣческихъ жилищъ. Это однообразіе, наконецъ, удручаетъ: все время поднимаешься съ увала на уваль и видишь передъ собою одну и ту же степь, съ твердопесчанымъ грунтомъ желтоватаго цвѣта, усѣянную розсыпями мельчайшихъ камней и, правда, поросшую довольно густою травою. Взглянувъ на свои дневники, я увидалъ, что уже четвертый день мнѣ приходится писать почти одно и то же и невольно

стѣснилось у меня сердце за своихъ будущихъ читателей. Какой интересъ могутъ представить для нихъ эти страницы? Взглянувъ однако на карту проходимыхъ теперь мною пространствъ, я увидѣлъ, что на всемъ протяженіи отъ Хрстійнъ гѣби и до Хэрулѣна, т. е. на разстояніи приблизительно 400 верствъ, у насъ здѣсь буквально *tabula rasa*, — бѣлое поле бумаги, по которому нельзя уже ровно ничего сказать объ этихъ мѣстахъ. Теперь мы знаемъ, что мѣста эти удобопрѣзжаемы даже въ телѣгѣ, что повсюду здѣсь встрѣчаются въ изобиліи вода и трава, дающія возможность двигаться даже торговымъ караванамъ. Въ 11 ч. 30 м. мы подѣхали къ колодцу, находящемуся при горѣ Балимѣйнъ ѳла. Воды въ немъ было много, но она оказалась протухлою, зацвѣтшею и совершенно негодною для питья; очевидно, давно уже не черпала изъ этого колодца воды человѣческая рука, а вокругъ его не только не было жилищъ, а даже и признаковъ стойбища юрты. Продолжая отсюда путь, мы вступили въ большую равнину, на которой находилось небольшое горькосоленое озерко; наши животныя могли однако утолить въ немъ свою жажду. Озерко это называется Худѣ нѳръ, а отъ него и вся равнина носить названіе Худѣ нѳрийнъ талѣ. Мы миновали ее къ 1 часу дня и засимъ, переваливъ нѣсколько уваловъ и прѣхавъ небольшія долинки, въ 2 ч. 30 м. начали подниматься на перевалъ Мононхѣйнъ-дабѣ. Здѣсь полагается граница хошѳновъ съ одной стороны Гѣнданъ-цзасака, а съ другой — Далай бѣйсѣ Цѣцѣнъ-хѣновскаго аймака. Время нашей обычной остановки для полдника давно наступило, но какъ мы уже три дня не имѣли у себя мяса, и питались только кашей, то намъ хотѣлось добратъся до юртъ, гдѣ, можетъ быть, продали бы намъ барана. Итакъ, спустившись съ Мононхѣйнъ дабѣ мы опять начали пересѣкать увалы и долинки; пересѣкли ихъ по три тѣхъ и другихъ и, наконецъ, къ 4-мъ часамъ, вступили въ котловину, именуемую Юншумбѳйнъ-цагѣнъ-нѳръ, отъ имени находящаго здѣсь соляного озера, величиною не болѣе одной версты въ окружности. Въ долинѣ этого озера мы повстрѣчали сегодня первыя юрты, въ количествѣ 5. Воду они получаютъ изъ колодцевъ, которыхъ здѣсь два. Продать намъ хотя бы одного барана они, по бѣдности, отказались, такъ какъ всѣ овцы у нихъ были съ ягвятами и дойныя. Не смотря на полученный отказъ въ пріобрѣтеніи мяса, приходилось остановиться здѣсь, чтобы дать вздохнуть верблюдамъ, бывшимъ уже 11 часовъ въ непрерывномъ движеніи. Простоявъ съ 4 ч. 20 м. до 7 ч. 25 м., мы двинулись далѣе и, переваливъ еще три увала, достигли широкой котловины Гѣйхамшѣкъ, въ которой остановились для ночлега въ 10 час. вечера.

19-е Июня. Суббота.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+17^{\circ}$; 12 ч. $+24^{\circ}$; 3 ч. $+22^{\circ}$; 6 ч. $+19^{\circ}$;
9 ч. $+15\frac{1}{2}^{\circ}$.

Ночью и съ утра дуетъ страшный вѣтеръ, по преимуществу съ востока, но вмѣстѣ съ симъ онъ постоянно мѣняетъ свое направленіе. Выѣхали въ 5 ч. 30 м., продолжая путь по уваламъ. Въ 7 ч. 35 м. прибыли въ обширную долину, которая въ восточной своей части носитъ названіе Хучжиртү. Вся она заселена весьма значительно и въ различныхъ мѣстахъ ея виднѣлось до десяти отдѣльныхъ стойбищъ. На западномъ концѣ своемъ, котораго мы достигли въ 10 ч. 25 мин., таже долина носитъ названіе Хундудѣнь-булүкъ, отъ имени текущаго здѣсь незначительнаго источника. Въ 10 ч. 35 м., поднявшись на уваль, мы усмотрѣли верстахъ въ 2-хъ къ сѣверу отъ дороги значительную кумирню, именуемую Ундүръ-Майдари. Она построена по плану Ургинскаго Майдари и расположена при ключѣ Шинѣ булүкъ. Встрѣтившіеся намъ монголы сообщили, что въ казначействѣ этой кумирни мы удобнѣе всего можемъ купить для себя барана и я командировалъ туда съ этою цѣлью одного изъ сопровождавшихъ меня монголовъ. Сами мы продолжали свой путь степью и въ 12 ч. достигли урочища Чүчитыйнъ-хобүръ. Здѣсь догналъ насъ посланный монголь, везя на верблюдѣ прекраснаго, трехлѣтняго барана, пріобрѣтеннаго имъ за $1\frac{1}{2}$ ланы (около 3 р. с.) серебра. Послѣ пятидневной голодовки это былъ для насъ истинный праздникъ, почему мы тотчасъ же направились къ колодцу Чүчитыйнъ-хобүръ, хотя для этого пришлось свернуть въ сторону, такъ какъ колодецъ находился шіпішш на версту къ югу отъ дороги. Пополудневавъ, мы въ 3 ч. 25 м. двинулись тою же степью. Въ 4 ч. 50 м. миновали лежащую къ сѣв. отъ дороги гору Дэльгэръ обб, а въ 5 ч. 25 м. достигли урочища Арү худүкъ. Оно залегаетъ въ весьма замѣтно углубленной котловинѣ и вмѣщаетъ въ себѣ небольшое озерко Мүрыйнъ нүръ и множество лужъ; обиліе влаги и травъ служитъ, вѣроятно основною причиною того, что и заселено это урочище, по словамъ монголовъ, всегда бываетъ изрядно, а въ настоящую пору я насчиталъ здѣсь 14 юртъ. Массы скота паслись на здѣшнихъ привольныхъ пастбищахъ. Въ 6 ч. 30 м. эта прекрасная долина закончилась для насъ невысокимъ но плотнымъ кряжемъ горъ, съ 6 выдающимися вершинами, а потому и называемыхъ Цзурганъ ұла. Лавируя среди этихъ горъ, мы въ 7 ч. 40 м. встрѣтили колодецъ Адагыйнъ усү, съ хорошею и чистою водою, а черезъ часъ миновали въ тѣхъ же горахъ подрядъ три колодца, носящихъ названіе Мэндүсайханъ. Къ СЗ отсюда видна высокая гора Мүнкѣ-хәнъ. Въ 9 ч. 10 м. выступивъ изъ горъ, остановились на ночлегъ близъ колодца Цзунъ-худүкъ.

20-е Юня. Воскресенье.

6 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+15^{\circ}$; 12 ч. $+20^{\circ}$; 3 ч. $+22^{\circ}$; 6 ч. $+15^{\circ}$;
9 ч. $+11^{\circ}$.

Выѣхали въ 5 ч. 30 м. и продолжали дальнѣйшій путь по такъ называемой Цѣлійнъ гѣби. Съ наименованіемъ «гѣби» мы привыкли соединять понятіе о песчаной, или каменистой, бесплодной пустынѣ; здѣсь, напротивъ, передъ нами залежали роскошныя пространства, скорѣе похожія на хорошіе луга, чѣмъ на бесплодную пустыню. Неоднократно интересовавшійся вопросомъ, что-же такое гѣби, я теперь предложилъ его сопровождавшимъ меня монголамъ. Конечно, они не могли дать мнѣ на это точнаго опредѣленія, но, по объясненіямъ ихъ, выходило, что это мѣста, прежде всего имѣющія абсолютно низшую высоту, главнѣйшую же особенность ихъ составляетъ почва. Въ общемъ она всегда должна быть песчано-каменистою: каменистость ея можетъ выражаться залежью пластовъ, равно какъ можетъ представляться и въ видѣ гальки; но песокъ и камень необходимыя условія гѣби. Гѣби не всегда представляется бесплодной и бесплодіе не есть характеристичная примѣта гѣби. Есть мѣста, гдѣ почву гѣби составляетъ, повидимому, «шорѣй» (прахъ, черноземъ), и такія мѣста всегда являются покрытыми травою; но если копнуть тамъ на три, четыре цўня (4,5 вершковъ), то окажутся тѣже песокъ и галька. Ясно, что подъ именемъ гѣби монголы разумѣютъ всѣ тѣ мѣста, которыя въ нашей наукѣ будутъ признаны дномъ покрывавшаго прежде Монголію моря. Дорога наша проходила сначала широкою падью, среди приземистыхъ горокъ, или лучше сказать холмовъ, а потомъ привольною степью. Травы здѣсь превосходныя; но населеніе не особенно большое, всего 4,5 юртъ. Степь имѣетъ общій наклонъ къ сѣверу. На западномъ концѣ ея залегають узкое и продолговатое съ востока на западъ озеро, Цѣлійнъ нўръ. Мы достигли до него въ 8 ч. 30 м. и слѣдовали по сѣверному берегу его 10 мин. Отъ него начался подъемъ на три довольно большіе увала, приводящіе въ долину ключа Арұ-бўлўкъ; въ 11 ч. 45 м. мы остановились для полдника.

Выѣхали въ 3 ч. 20 м. и, продолжая путь, начали подниматься на казавшуюся столообразною возвышенность, Занъ-ширѣ. Возвышенность эта, круто поднимающаяся со стороны востоко-юго-восточной, къ сѣв.-западу опускается почти незамѣтно, представляя собою громадную, постепенно понижающуюся въ эту сторону степь. Двигаясь по ней, мы въ 5 ч. попали подъ страшный дождь съ грозой, который продолжался до 7 час. вечера. Въ 7 ч. 20 м. миновали урочище, именуемое Гашўнъ-гѣл'омъ, хотя рѣчки здѣсь нѣтъ, а есть только сухое русло, обильно поросшее камышемъ. За нимъ въ 8 ч. послѣдовало урочище Бадархѣй, изъ котораго

въ 8 ч. 30 м. перебрались въ долину Чжиргалантѹ, усѣянную мелкими озерами, окаймленными зарослями камыша. Здѣсь проходятъ границы хошѹновъ Далай-бѣйсэ, Цэцѣнъ-гѹна и Цэцѣнъ-хѣна. Въ долину этой въ 9 час. 20 мин. мы остановились для ночлега. Ночь была холодная и сырая.

21-е Іюня. Понедѣльникъ.

6 ч. $+9^{\circ}$; 9 ч. $+12^{\circ}$; 12 ч. $+17^{\circ}$; 6 ч. $+15^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$.

Выѣхали въ 5 ч. 15 мин. Дорога наша проходитъ тою же долиною Чжиргалантѹ, только озеро въ зап. части этой долины, т. е. со вступленіемъ въ хошѹнъ Цэцѣнъ-хѣна, уже не видно. У мѣстныхъ монголовъ это даже и примѣта: «Усутай гацзѣръ — Цэцѣнъ гѹнѣйхи, хѹрай гацзѣръ — Цэцѣнъ-хѣнайхи», т. е. водяныя мѣста — цэцѣнъ-гуновскія, сухія — цэцѣнъ-хѣновскія. Отсюда дорога направляется все перевалами, въ среды которыхъ сравнительно выдающимися являются Буянтѹ ѹла, пройденный нами въ 8 ч. 35 мин. и Таргѹнъ-хашѣту, пройденный въ 10 ч. 30 м. За нимъ послѣдовалъ новый и послѣдній передъ долиною Хэрѹлѹна переваль, очень длинный, на которомъ мы и останавливались для полдника съ 12-ти до 3 ч. 40 м. дня. Далѣе, продолжая путь по тому же перевалу, мы должны были сдѣлать одинъ незначительный подъемъ, такъ какъ переваль этотъ спускается къ Хэрѹлѹну двумя уступами и наконецъ въ 5 ч. 15 м. выѣхали на Хэрѹлѹнъ. Долина его отъ горъ до праваго берега рѣки тянется верстъ на 8; она ровна и обильно поросла травою. Протекая въ берегахъ очень низкихъ, Хэрѹлѹнъ видѣнъ первоначально отъ горъ лишь въ мѣстахъ наиболѣе открытыхъ, и воды его, будучи заслоняемы каждымъ увальчикомъ, кажутся какъ бы отдѣльными блестящими. Только пройдя до урочища Утхѹнъ дѣрсѹ, мы могли слѣдить ленту теченія Хэрѹлѹна на все видимое пространство. Рѣка оказалась въ полномъ разливѣ и глубина ея была теперь болѣе сажени. Когда въ 7 ч. 40 м. мы подъѣхали къ берегамъ ея, какъ разъ противъ ставки Цэцѣнъ-хѣна, то увидали, что верховые монголы переправлялись черезъ рѣку вплавъ; но на это рѣшались лишь имѣющіе крѣпкихъ и здоровыхъ лошадей, способныхъ поборотъ силу теченія; поѣзжане, имѣвшіе слабыхъ лошадей, быковъ и верблюдовъ, сидѣли на берегу и ждали спада воды. Между прочими мы повстрѣчали здѣсь семью монгола, прѣхавшаго на поклоненіе въ хѣнскую хѹрѣ и жившую на берегу уже 12 сутокъ. Сколько придется простоять еще, никто изъ нихъ не зналъ, и о возвращеніи домой никто и не думалъ, хотя до кочевья ихъ было не свыше 50 верстъ. Средствъ для переправы, вродѣ лодокъ или паромовъ, не было никакихъ, поэтому о возможности нашей переправы съ телѣгою и верблюдами нечего было и думать. При такихъ обстоятельствахъ мы

рѣшили, переночевавъ здѣсь, двинуться завтра къ югу, по кружной дорогѣ, въ объѣздъ Хэрүлүна.

Ставка Цэцэнъ-хана стоитъ на лѣвомъ, довольно круто возвышающемся берегу Хэрүлүна, въ разстояніи версты, или даже нѣсколько менѣе отъ обычнаго рѣчного русла. Состоитъ она изъ двухъ отдѣленій: въ южномъ — располагается дворецъ Цэцэнъ-хана съ прилежащими къ нему дворцовыми постройками, личной его кумирнею и зданія цэцэнъ-хановскаго хошүннаго управленія; въ сѣверномъ помѣщается хошүнная хурѣ (монастырь) цэцэнъ-хана. Ханскій дворецъ представляетъ собою обычный китайскій байшинъ, за кирпичной оградой розоваго цвѣта, а состоящія при немъ служебныя постройки, равно какъ и зданія хошүннаго управленія, всего въ количествѣ шести, являются бѣдными глинобитными лачужками. Что касается до хошүнной хурѣ, то она весьма значительна и заключаетъ въ себѣ 4 большихъ кумирни тибетской архитектуры и до 200 хашановъ проживающихъ при хурѣ хувараконъ. Дѣленія хувараконъ на аймаки, понимаемые въ смыслѣ административной единицы, въ хурѣни Цэцэнъ-хана, говорятъ, не существуетъ вовсе и мѣстные ламы раздѣляются здѣсь по дацанамъ, или школамъ, яснѣе, по специальности своего изученія. Наиболѣе многочисленными считаются дацаны чой-ра (богословскій), ман-ба (медицинскій), цзурхай (астрологическій) и чжудь (тарнистическій). По общему признанію ламы цэцэнъ-хановскаго хурѣни отличаются большою ученостью. Общее управленіе монастыремъ ввѣрено здѣсь порчжй и дѣ-ламамъ, избираемымъ общиною монаховъ и утверждаемымъ самимъ цэцэнъ-ханомъ. Собственныхъ гэгэновъ или хубилгановъ въ монастырѣ цэцэнъ-хана не имѣется; но недавно сюда прибылъ изъ Гумбума такъ называемый Чжайкь гэгэнъ; это молодой еще человекъ, лѣтъ 20-ти. Онъ поселился въ хурѣнѣ, но останется ли здѣсь на всегда, или сколько проживетъ здѣсь и когда возвратится, объ этомъ никому не извѣстно. Оградой хурѣ не обнесена и границы хурѣвскихъ пространствъ опредѣляются въ ней только постановкою по четыремъ угламъ четырехъ бѣлыхъ субургановъ; кромѣ того три такихъ же бѣлыхъ субургана воздвигнуты на сѣверной, главной сторонѣ кумирни. Всѣхъ ламъ, постоянно проживающихъ при хурѣнѣ считается до 2000 человекъ. Къ сѣверу отъ хурѣни возвышаются двѣ горы, Йэхэ и Бага Тогдс-ханъ ула, которыя служатъ мѣстомъ погребенія цэцэнъ-хановской семьи. Здѣсь среди горъ раздѣлана большая площадь, середина которой занята обширнымъ подворьемъ. Подворье обнесено высокою каменною оградой, а внутри его построена громадная усыпальница, въ видѣ каменнаго байшина, на подобіе кумирни. Внутренность байшина не заключаетъ въ себѣ ничего помимо бурхановъ и стоящаго передъ ними жертвенника, а подъ

поломъ, высланнымъ каменными плитами, покоятся останки почившихъ цэцэнъ-хэновъ. Такъ какъ, при погребеніи этихъ особъ, въ могилу ихъ закладывается много золота, серебра и другихъ драгоценностей, то непосредственно при усыпальницѣ постоянно стоятъ на стражѣ четыре семьи монголовъ, высылаемыхъ хошуномъ; на обязанности ихъ лежитъ не допускать рѣшительно никого въ средину усыпальницы и туда дѣйствительно никто не входитъ. Сами цэцэнъ-хэны посѣщаютъ эту усыпальницу только въ день новаго года и приносятъ здѣсь жертвы и поклоненія передъ каменною пай-цза, на которой начертаны имена погребенныхъ и которая установлена при дверяхъ усыпальницы. Впрочемъ вышеуказанной охраны, по мнѣнію мѣстнаго начальства, оказывается еще мало, отчего и самыя горы, Тогосъ-хэнь-ула, также являются, какъ говорятъ монголы, «цакдэтай», т. е. по 4-мъ сторонамъ ихъ проживаютъ стражники, особливо назначаемые хошуномъ, чтобы сторожить гробницы цэцэнъ-хэновъ. Помимо означенныхъ построекъ при цэцэнъ-хэновской ставкѣ постоянно располагаются четыре лавки китайскихъ торговцевъ, пріѣзжающихъ сюда изъ Урги и Калгана. Собщеніе съ обоими этими городами довольно большое, почему здѣсь, говорятъ, можно всегда найти довольно хорошіе товары, конечно, на монгольскую руку. Хлѣбъ привозится главнымъ образомъ изъ Урги и Бирӯ-хотѣ. Главная торговля ведется въ обмѣнъ на скотъ.

22-е Юня. Вторникъ.

6 ч. $+12^{\circ}$; 9 ч. $+16^{\circ}$; 12 ч. $+19^{\circ}$; 3 ч. $+27^{\circ}$; 6 ч. $+24^{\circ}$;
9 ч. $+15^{\circ}$.

Выѣхали въ 7 часовъ и направили свой путь кружною дорогою, въ обходъ р. Хэрүлүна. Дорога проходитъ верстахъ въ 3-хъ отъ берега рѣки. Окрестная почва твердопесчаная и травы повсюду отмѣнно хороши; по сторонамъ дороги видно много юртъ и большое обиліе скота. Въ 9 ч. 5 мин. проѣхали мимо стоящей на лѣвомъ же берегу кумирни, Хурца ламайнъ сүмѣ. Монастырь небольшой, но въ немъ имѣется одинъ прекрасный и обширный дацанъ тибетской архитектуры. Въ 10 ч. 15 м. мы доѣхали до мѣста, гдѣ прибрежная степь пересѣкается глинистымъ обрывомъ; урочище это называется Уланъ-эргѣ и находится противъ горы Уланъ-эрхэтү, выдающейся своею величиною. Отсюда населеніе становится гораздо разрѣженнѣе, но скота пасется, по старому, много. Въ 12 ч. дня, по обычаю, остановились для полдника и въ 3 ч. 10 мин. двинулись въ дальнѣйшій путь. Въ 4 ч. 50 м. забрали съ собою воды изъ прекрасно обдѣланнаго колодца, Арүйнъ худүкъ. Рѣка здѣсь, повидимому, уклоняется довольно далеко на западъ и все мѣстное населеніе достаетъ себѣ воду изъ колодезь. Въ 6 ч. доѣхали до долины Хай-хүндүйнъ-тала, въ сѣв.-восточной

части которой раскинулось множество маленьких озеръ, но чѣмъ далѣе къ ЮЗ, тѣмъ становится она суше и богаче степными травами. Долина эта тянется верстъ на 20 и заканчивается горами Хэрѣ-хошӯ, уходящими съ сѣвера, отъ праваго берега Хэрүлүна, къ югу, въ гоби. На нашей 40-верстной картѣ эти горы именуются Баинь ирхиту, хотя мнѣ совершенно не пришлось слышать здѣсь этого названія; напротивъ всѣ свидѣтельствовали мнѣ, что для горъ этихъ нѣтъ другаго имени кромѣ Хэрѣ-хошӯ и подъ нимъ извѣстны онѣ какъ въ мѣстномъ прозваніи, такъ и въ литературѣ. Въ 9 ч. мы остановились на ночлегъ, не доѣхавъ до этихъ горъ верстъ на 6, 7. Здѣсь намъ пришлось ознакомиться съ однимъ интереснѣйшимъ монгольскимъ ламою. Онъ подѣхалъ къ намъ въ пору нашего ужина и, по обычаю, подсѣлъ къ нашему чаю. Отрекомендовавшись сѣйбуномъ Илагүхсань хутухтѣ цэцэнъ-хяновскаго аймака, онъ засимъ на всѣ мои вопросы относительно того, откуда и куда онъ ѣдетъ, отвѣчалъ единое слово: «цэртэй»; это значитъ, что отвѣчать мнѣ на подобные вопросы онъ не можетъ. «Цэртэй» — великое слово у монголовъ. По буквальному своему значенію оно имѣетъ смыслъ «принятой на себя человѣкомъ нравственной обязанности воздерживаться отъ чего либо», почему требовать или просить нарушенія такой обязанности у монголовъ считается не только не деликатнымъ, а даже преступнымъ, какъ прямое насиліе надъ его совѣстью и долгомъ. Монгольскіе князья и чиновники очень часто пользуются этимъ обычаемъ при неланіи что либо дѣлать, куда либо ѣхать, кого нибудь принимать у себя и т. под.: «цэртэй» — все разрѣшаетъ и притомъ является самымъ благовиднымъ предлогомъ для отказа. Зная это, я не сталъ больше и спрашивать о таинственной поѣздкѣ сѣйбуна гэгэна и о данныхъ ему порученіяхъ, а увидавъ, что это человѣкъ дѣйствительно по монгольски образованный и дѣловой, собралъ отъ него свѣдѣнія о хубилганахъ цэцэнъ-хяновскаго Илагүхсань хутухтѣ. По словамъ сѣйбуна, земли цэцэнъ-хяновскаго Илагүхсань хутухтѣ находятся между хошүнами Хла-бэйсэ съ одной стороны и Хулүнь-бдирскаго Чжунъ-вана съ другой. Хутухтѣ этотъ почитается старѣйшимъ изъ всѣхъ халхаскихъ гэгэновъ, и во всякомъ случаѣ старше Чжэбцзүнъ дамбѣ хутухтѣ. Первый хубилганъ его прибылъ въ Халху еще до времени подданства халхасовъ маньчжурамъ и именно онъ явился сюда въ годъ воды и лошади (1642), вслѣдствіе просьбы гэгэнь цэцэнъ-хяна Шолдя, обращенной къ пятому далай-ламѣ. Звали этого хубилгана Дашидондбѣ, по положенію же своему онъ былъ эрдэнь-цорчжи ламдоу чжайба'скаго дацана въ тибетскомъ монастырѣ Сэра. Мнѣ невольно пришло въ голову, не былъ ли это тотъ самый Илагүксань хутухтѣ, о которомъ въ лѣтописи Сананъ-сэцэна, подъ тѣмъ же годомъ воды и лошади сообщается

какъ о посланцѣ далай-ламы къ маньчжурскому тайцзуну? Казалось весьма вѣроятнымъ, что именно во время своего путешествія въ Маньчжурію Илагѹхсань хутухтѹ и могъ съ удобствомъ познакомиться съ цэцэнъ-хяномъ Шолдѹемъ; но мой собесѣдникъ не могъ разрѣшить мнѣ этого вопроса, онъ зналъ только, что, по прибытіи Илагѹхсань хутухтѹ въ Халху, цэцэнъ хянь поручилъ его особу специальному чествованію своего сына Ананды далай чжондона и что Дашѹ-дондѹбъ жилъ вообще очень не долго, хотя точнаго года, въ которомъ скончался этотъ хубилганъ онъ и не зналъ. Также точно ему не было извѣстно и время рожденія второго хубилгана; сойбунъ зналъ только, что его звали Лобсанъ-даньцзинь, что онъ родился въ года правленія Эйѹ бэръ цзасакчѹ (1644—1661 г.), а умеръ во 2-мъ году правленія Найралтѹ тѹба, или по китайски Юнь-чжэна (1724 г.). Послѣ сего третій хубилганъ, именовавшійся Ишѹ-принлай-бальчжуръ-чжамцѹ, родился въ 3-мъ году Юнь-чжэна (1725) и жилъ всего 23 года, скончавшись въ 12-е лѣто правленія Цянь-лунова (1748 г.). Четвертый хубилганъ былъ также недолговѣченъ: онъ родился въ 13-мъ (1749), а умеръ въ 37-мъ году того же правленія Цянь-луна (1762); звали его Лобсанъ-ярампѹлъ. Пятый хубилганъ, по имени Лобсанъ-балданъ, родился въ слѣдующемъ 38 году Цянь-луна (1773 г.) и былъ первымъ изъ хубилгановъ, которые начали въ опредѣленные сроки представляться богдохану и отбывать повинности при дворѣ. Въ 1793 году, когда, по всеподданнѣйшему докладу Ли-фанъ-юаня, было приступлено къ составленію списковъ обо всѣхъ хубилганахъ, должностующихъ являться на служеніе ко двору, хубилганъ Эрдэнѹ Илагѹхсань хутухтѹ, Лобсанъ-балданъ, былъ внесенъ во вторую очередь и съ тѣхъ поръ всѣ его хубилганы ѣздить въ Пекинъ во второй очереди. Сколько разъ былъ дѣйствительно на очереди Лобсанъ-балданъ, этого не извѣстно, но несомнѣнно, что онъ умеръ въ 24 лѣто правленія Цзя-цина, т. е. въ 1819 году нашего лѣтосчисленія. Шестой хубилганъ, Лобсанъ-балданъ-чжигидѹтъ родился въ 25-е лѣто цзя-цинова правленія (1820 г.) и умеръ 41 года отъ роду, въ 10-е лѣто правленія Сянь-фына (1861 г.). Послѣ сего хубилгана его разыскивали сравнительно долго и седьмой, здравствующій и до нынѣ гэгэнъ Эрдэнѹ Илагѹхсань хутухтѹ родился лишь въ концѣ четвертаго года правленія Тунъ-чжи (1864 г.). Имѣло ли какое либо вліяніе на такое замедленіе китайское правительство, сказать, конечно, трудно; но, по словамъ сойбуна, приглашеніе этого гэгэна на каедру какъ то поставлялось въ связь съ тѣмъ, что хутухтинскіе шабинары сдѣлали значительное пожертвованіе въ богдоханское казначейство на нужды дѣйствовавшей тогда на Новой линіи китайской арміи. За то и богдоханъ не-остался неблагодарнымъ въ отношеніи къ хутухтѹ: несмотря на младенческой возрастъ сего послѣдняго,

ему тогда же былъ пожалованъ титуль: «нэбтэрхэй-цэцэнъ» (основательный и мудрый). Въ 5-мъ году правленія настоящаго богдохана, Гуань-суй (1880 г.), когда гэгэну, по монгольскому счисленію, исполнилось 18 лѣтъ, ему разрѣшено было перестать именоваться хубилганомъ и принять на себя какъ всѣ титулы Илагұхсанъ хутухты, такъ и управленіе шабинарами. Въ томъ же году къ новолѣтію слѣдующаго 1881 года онъ былъ вызванъ въ Пекинъ, отправлялъ тамъ положенные хуралы и представлялся богдохану, но награды не получилъ рѣшительно никакой. Еще обиднѣе для шабинаровъ его было то, что черезъ шесть лѣтъ послѣ сего, когда снова вызывались гэгэны второй очереди, Илагұхсанъ хутухту вовсе не получилъ приглашенія явиться въ Пекинъ. Въ предстоящемъ 1894 г., повидимому, вновь надлежало вызываться гэгэнамъ второй очереди; но будетъ ли вызванъ Илагұхсанъ-хутухту, это, по словамъ сойбуна, еще оставалось вопросомъ: мнѣ показалось, не былъ ли командированъ теперь разрѣшать именно этотъ вопросъ бесѣдовавшій со мною, тароватый сойбунъ? Если такъ, то говорить о цѣли своей поѣздки для него должно было быть, конечно, «цэртэй».

23-е Іюня. Среда.

6 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+19^{\circ}$; 12 ч. $+24^{\circ}$; 3 ч. $+28^{\circ}$; 6 ч. $+21^{\circ}$.

Выѣхали въ 6 ч. и продолжали путь степью. Хай-хүндүйнъ тала окончилась для насъ въ 7 ч. 25 мин. съ подъемомъ нашимъ на переваль Хэрѣ хутуль. Здѣсь находится граница цэцэнъ-хяновскаго хошұна и пограничныя мѣста (саба-нутукъ) заняты кочевьями шабинаровъ ургинскаго Чжэбцзунъ-дамба хутухты. Далѣе къ ЮЗ. отсюда тянется хошунъ Чжанъ-цзасакъ, иначе называемаго Хла-гүномъ. Спускаясь съ перевала Хэрѣ хутуль, дорога подходитъ почти къ самому Хэрүлүну, который здѣсь продолжаетъ течь въ низкихъ берегахъ съ прежнею извилистостью. Цвѣтъ воды его синій. По спускѣ съ перевала мы въѣхали въ густонаселенную долину Хэрүлүнгійнъ-хирай. Здѣсь впервые повстрѣчали мы станцію почтовой дороги, идущей на соединеніе Урги съ сеймовымъ управленіемъ цэцэнъ хяновскаго аймака, такъ называемую Дунда-örtö. Въ 9 ч. для насъ послѣдовалъ новый подъемъ на уваль Арү-шанду, отъ котораго р. Хэрүлүнъ снова уклоняется направо, къ западу. Переваль черезъ Арү-шанду совершается по такъ называемому Абдаръ-хутуль, получающему свое имя отъ находящейся на вершинѣ его груды камней, похожей на монгольскій сундукъ. Отсюда мы спустились въ небольшую котловину горы Байнъ-цокту и, поднявшись въ 9 ч. 25 мин. на эту послѣднюю, увидели передъ собою громадную степь, протягивающуюся на западъ. Въ СВ. своей части она имѣетъ солончаковую почву и, какъ всякій солончакъ, кочковата, а потому

неудобна для ѣзды. Проѣзжая по ней, въ 10 час. 10 мин. увидали въ сторонѣ сѹринъ дугунъ, при которомъ построено три субургана. Въ 11 час. 40 мин. мы остановились для полдника въ урочищѣ Уланъ-эргѣйнъ адакъ, на берегу Хэрүлүна, въ юртѣ одного изъ почтосодержателей, помянутаго почтоваго цэцэнъ-хановскаго тракта. Наступавшій полуденный зной заставлялъ насъ искать тѣни, хотя бы и въ вонючей юртѣ монгола.

Хозяинъ нашъ, принадлежавшій къ хошүну Хла-гүна, оказался довольно зажиточнымъ. Онъ имѣлъ у себя до 400 овецъ, около 80 лошадей и головъ 60 рогатаго скота; верблюдовъ онъ не держалъ, такъ какъ, по словамъ его, извозомъ онъ не занимался и верблюды были ему бесполезны. Разговорившись о благосостояніи окрестнаго населенія, я услышалъ, что хошүнъ Хла-гүна почитается вообще гораздо богаче цэцэнъ-хановскаго, на вопросъ же мой, чѣмъ обуславливается такое различіе, почтарь прямо объявилъ мнѣ, что главнѣйшая причина сего въ томъ, что цэцэнъ-хановцы искони и постоянно разоряются своими правителями. Правда, земли цэцэнъ-хановскаго хошүна бѣднѣе хла-гүновскихъ, но за то они и обширнѣе; малоплодность могла бы всецѣло покрываться обширностью и хошүнъ могъ бы, несомнѣнно, благоденствовать, а между тѣмъ почтосодержатель, доживавшій уже седьмой десятокъ, не только не помнилъ самъ, но и никогда не слыхивалъ, чтобы цэцэнъ хановцы когда либо были въ состояніи уплатить за себя цѣликомъ всѣ подати; за нихъ, по ихъ бѣдности, постоянно платятъ другіе. Предложивъ нѣсколько вопросовъ въ провѣрку тѣхъ свѣдѣній, которыя были собраны мною о цэцэнъ-ханѣ, Артасиддѣ (см. т. I, стр. 542—545) и объ его отягощеніи податями своего хошүна, я съ удивленіемъ услышалъ, что Артасидда былъ дѣйствительно плохъ, но ни чуть не выдавался изъ другихъ цэцэнъ-хановъ, а бывали и еще и похуже Артасидды, какъ на примѣръ, предшественникъ его цэцэнъ-ханъ Санцзай-дорчжй, который, за свои преступленія, былъ прямо отрѣшенъ отъ цэцэнъ-ханства. Свой титулъ цэцэнъ-хана этотъ Санцзай-дорчжй первоначально прямо таки купилъ въ Пекинѣ, уплативъ министрамъ богдохана 13,000 ланъ серебра. Было это въ года правленія Цзя-цина. За помянутый кушъ министры не только сдѣлали Санцзай-дорчжя цэцэнъ-ханомъ, но еще и назначили сеймовымъ старшиною въ аймакѣ, послѣ чего Санцзай-дорчжй въ теченіе девяти лѣтъ можно сказать положительно разорялъ аймакъ. Преступленія его слагались, впрочемъ, сами собою и логически вытекали одно изъ другого. Деньги для полученія званія цэцэнъ-хана, Санцзай дорчжй собралъ съ хошүна, заставивъ мѣстное населеніе войти въ большія долговыя обязательства и къ китайцамъ, и къ монго-

ламъ, когда же за сямъ у хошӯна не оказалось денегъ на самыя обыденныя нужды, то Санцзай-дорчжй, уже по званію сеймоваго старшины, перешелъ къ другимъ насиліямъ и началъ дѣлать раскладку податей, причитавшихся съ его хошӯна, на другіе хошӯны аймака. Къ тому же Санцзай-дорчжй былъ человѣкомъ и честолюбивымъ и любившимъ хорошо пожить. Удовлетворить его чисто дѣтскому честолюбію ему, повидимому, было очень не трудно: онъ самовольно привязывалъ себѣ на шляпу павлиновыя перья то съ двумя, то даже съ тремя очками и такимъ образомъ разѣзжалъ по всему аймаку; но широкая жизнь требовала расходовъ и Санцзай-дорчжй невольно долженъ былъ постоянно прибѣгать къ разнаго рода насиліямъ и незаконнымъ налогамъ. Каждый годъ, на примѣръ, онъ раза по два ѣздилъ то въ Ургу, то въ Долбнъ-нуръ и каждый разъ заставлялъ аймакъ выставлять до 20-ти почтовыхъ станцій по дорогѣ; это была, конечно, натуральная повинность, но все же она стоила не меньше 3, 4-хъ тысячъ ланъ, при каждой поѣздкѣ. Посѣщая монастыри, Санцзай-дорчжй то и дѣло подносилъ мандалы и различныя подарки хутухтамъ; въ городахъ дѣлалъ массу ненужныхъ покупокъ и кутилъ съ китайцами, все же это повело къ тому, что Санцзай-дорчжй долженъ былъ мошенничать съ казенными и общественными суммами. Въ концѣ концовъ шесть цзасакѡвъ, во главѣ съ цинь-ваномъ Дарма-ширй, представили жалобу на Санцзай-дорчжи ургинскимъ амбанямъ, въ которой просили изъавить ихъ аймакъ отъ такого сеймоваго старшины. Возбужденное такимъ образомъ слѣдствіе показало, что, за срокъ девятилѣтняго управления, Санцзай-дорчжйемъ было вытребовано съ аймака на разныя мелочныя нужды свыше 25 тысячъ ланъ, причемъ на сумму до 6000 ланъ Санцзай-дорчжй не могъ представить уже никакихъ оправдательныхъ документовъ. Богдоханъ лишилъ его званія цэцэнъ-хана и устранилъ отъ должности сеймоваго старшины, что, конечно, было вполне заслуженно; но при этомъ мой разказчикъ особенно негодовалъ на Санцзай-дорчжй, такъ какъ по дѣлу его пострадало всего свыше шестидесяти лучшихъ людей: одновременно съ Санцзай-дорчжй были удалены отъ своихъ должностей и подверглись разнымъ штрафамъ не только его дѣдъ чигулгану даргъ и цянъ-цзюнь, которые можетъ быть, даже участвовали въ растратѣ, но также всѣ тусалакчй и цзахирахчй, когда либо вызывавшіеся для очередной службы при сеймовомъ управленіи. Ихъ обвиняли въ томъ, что они своевременно не доносили о поступкахъ Санцзай-дорчжйа, хотя, по воззрѣніямъ моего монгола, что же могъ сдѣлать какойнибудь ничтожный тусалакчй, противъ сеймоваго начальника князей? Притомъ чины эти вызывались жить на двухъ мѣсячную очередную службу и каждый изъ нихъ въ свою пору думалъ не

о томъ чтобы жаловаться на цэцэнъ-хана, а какъ бы только самому окончить свою очередь, да уѣхать по добру по здорову.

Изъ урочища Улѣнь эргѣйнъ адакъ мы двинулись въ 2 ч. 50 мин. по долину, получающей свое имя отъ краснаго яра, Улѣнь-эргѣ, который составлялъ только незначительную часть громаднаго увала, пересѣкавшаго подлежащую нашему переѣзду степь. Въ существѣ, вся она являлась въ видѣ пологога подъема и спуска на этотъ громадный увалъ, вершины котораго мы достигли въ 5 ч. 20 мин. а спускались съ него до 7 час. вечера. Такимъ образомъ долина Улѣнь-эргѣ имѣетъ протяженія не менѣе 17, 18 верстъ. Весьма незначительный увалъ отдѣляетъ ее отъ слѣдующей долины Цагѣнъ-нѣра, получающей свое имя отъ незначительнаго озера, которое мы миновали въ 7 ч. 35 мин. Нѣсколько западнѣе долина эта смѣняетъ свое имя и получаетъ названіе Цанхѣ-эргѣ, заимствуя его отъ незначительныхъ холмовъ, которые мы проѣхали въ 8 ч. 35 мин. За этими холмами для насъ послѣдовала котловина, именуемая Мѣйханъ; въ ней имѣли мы свой ночлеги, остановившись въ 9 ч. 10 м. вечера.

24-е Іюня. Четвергъ.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+20^{\circ}$; 12 ч. $+25^{\circ}$; 3 ч. $+27\frac{1}{2}^{\circ}$; 6 ч. $+16^{\circ}$;
9 ч. $+13^{\circ}$.

Выѣхали въ 6 ч. и черезъ 15 мин. вступили въ холмы Чжиргаланту. Въ 9 ч. 20 мин. доѣхали до урочища Ару хонгоръ, гдѣ также располагается одна изъ станцій почтоваго тракта изъ Урги, къ цэцэнъ-хѣновскому, хэрүлүнъ-барсъ-хотдскому сейму. На здѣшнихъ станціяхъ постановлено имѣть по четыре юрты почтосодержателей, лошадей же содержится неопредѣленное количество: отъ 75 до 400. Трактъ этотъ — учрежденіе не китайское, казенное, а чисто монгольское, общественное, аймачное, содержимое исключительно хошүнами цэцэнъ-хѣновскаго аймака. Повинность, въ большинствѣ случаевъ, отбывается натурою, хотя существуетъ также хошүнная поставка лошадей, а нѣкоторые, отдаленнѣйшіе хошүны заключаютъ и арендныя сдѣлки (ацдкь) на исправленіе за нихъ почтовой повинности. На Ару-хонгорѣ такою арендною оказалась только одна юрта мѣстнаго хошүна Хла-гүна; она отбывала почтовую гоньбу за хошүнъ Бѣтуръ гүна цэцэнъ-хѣновскаго аймака и получала за то 50 лошадей въ годъ. Непосредственное завѣдываніе станціями ввѣряется двумъ даргамъ, высшее же управленіе ихъ въ Ургѣ сосредоточивается у амбана. Дальнѣйшій путь нашъ проходилъ увалами, по довольно неплоднѣй мѣстности; не только ни одного цвѣтка, а даже и травы были здѣсь очень плохи; видъ степи чрезвычайно однообразенъ и единственнымъ предметомъ, заслуживающимъ вниманія, представляется здѣсь гора Тѣно, стоящая на правомъ

берегу Хэрүлүна. Глядя на ея черный, утесистый и оголенный массивъ, я невольно подумалъ, что несомнѣнно такую же была эта гора почти семь вѣковъ тому назадъ, когда смотрѣлъ на нее Чжанъ-дэ-хуй и записалъ въ своемъ дневникѣ: «На сѣверной сторонѣ рѣки (Лу-цзюй = Хэрүлүнъ) есть большая гора, называемая Кусу, что въ переводѣ значитъ черная гора. Если взглянуть на нее издали, за 30 ли, то она представляется покрытою какъ бы густымъ боромъ, а когда подойдешь къ ней и посмотришь вблизи, то оказывается, что это темнозеленые камни, получившіе такой цвѣтъ, благодаря частымъ, густымъ испареніямъ, покрывающимъ вершины горы». Мои личные впечатленія отъ г. Тѣно были совершенно такими же: съ перваго раза мнѣ также показалось, что гора покрыта лѣсомъ и только вооружившись биноклемъ, я разобралъ, что вмѣсто лѣса тамъ нѣтъ ничего кромѣ оголенныхъ утесовъ. Обсуждая далѣе эту замѣтку, китайскаго путешественника, мнѣ невольно пришло въ голову и то, что если въ тѣ времена Тѣно называлась Кусу, то едва ли былъ справедливъ Хэ-цю-тао, когда онъ отождествлялъ эту гору съ горою Чэкчэръ, при которой, по свидѣтельству Юань-чао-ми-ши, проживалъ тестъ Тэмучина, Дай-сэцэнъ. Извѣстно, что молодость Чингисъ-хана протекла далеко къ востоку отсюда, на рр. Уршүнъ и Халхъ. Припомнилось мнѣ и торжество маньчжуровъ, праздновавшихъ у горы Тѣно свою побѣду надъ Галданомъ бошоктү. Извѣстно, что въ 1696 г. Канси поставилъ у подошвы г. Тѣно даже каменописный памятникъ, въ которомъ описалъ свой походъ на Чжунгаровъ; но существуетъ ли теперь этотъ памятникъ, мнѣ никто не могъ сказать этого. Если бы Хэрүлүнъ не былъ въ разливѣ, я, можетъ быть, самъ поѣхалъ бы отыскивать его; но препятствіе было черезъ чуръ серьезно, чтобы побороть его.

Простоявъ для полуденнаго отдыха отъ 12 ч. 25 м. до 3 ч. 25 мин. полудни, мы въ 5 ч. 20 мин. поднялись на довольно высокій уваль Зарă-хүтүль, съ вершины котораго передъ нами открылась громадная степь и широкая долина Хэрүлүна, именуемая Зарă-булүнъ. По вершинѣ помянутаго хүтүля проходитъ граница хошүновъ Ахай-гүна и Хлă-гүна. Въ 6 ч. вечера начался дождь настолько сильный, что проѣзжая мимо Зарă-булүнъ сүмэ, отстоявшаго отъ дороги не больше какъ версты на $1\frac{1}{2}$, мы едва могли разсмотрѣть его; повидимому, все оно состоитъ только изъ нѣсколькихъ бѣйшиновъ, на подобіе сараевъ. Въ 8 час. 45 мин. поднялись на уваль, который пресѣкаетъ долину Зарă-булүнъ и протягивается отъ высокой горы Байнъ-эрхэтү, стоящей на лѣвой сторонѣ дороги, до горы Долоту, стоящей на правой сторонѣ ея и почти у береговъ Хэрүлүна. У этой горы Байнъ-эрхэтү мы остановились для ночлега. Травы въ этой

долинѣ почти не было и нашимъ животнымъ предстояло голодовать эти сутки.

25-е Юня. Пятница.

6 ч. $+9^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$; 12 ч. $+16^{\circ}$; 3 ч. $+22^{\circ}$; 6 ч. $+21^{\circ}$;
9 ч. $+16^{\circ}$.

Все утро было пасмурно и очень сыро. Выѣхали въ 6 ч. и, поднявшись на откосъ Байнъ-эрхэтү, простились съ Хэрүлүнөмъ, широкая долина котораго осталась позади насъ, будучи притомъ и плохо видима за туманомъ. Только на восточномъ концѣ ея поднимались главы двухъ великановъ: на СВ горы Тбно и на ЮВ Дарханъ-ўлы. Хэ-цю-тао свидѣтельствуесть, что къ ЮЗ отъ горы Тбно, въ отдаленіи виднѣется гора Тўлга; не называлась ли прежде этимъ именемъ Дарханъ-ўла, ибо другой горы съ этимъ именемъ здѣсь рѣшительно нѣтъ. Дорога наша проходила увалами съ твердо песчанюю и усѣянною галькою почвою, красноватаго цвѣта. Въ 7 ч. 30 м. мы миновали лежащую къ югу отъ дороги гору Абдъръ, а въ 8 ч. 45 мин. поднявшись на одинъ изъ уваловъ могли полюбоваться прекраснымъ видомъ Гэнтэйскихъ горъ, изъ среды коихъ особенно выдавалась по своей величинѣ такъ называемая Угбмүръ ўла, у подножія которой для насъ еще разъ блеснула своею бѣлою полосю Хэрүлүнъ. Отсюда мы вступили въ долину озеръ Бүгүдүръ-харъ усү. Проѣзжая по ней, встрѣтили чиновничій поѣздъ, лошадей въ 35, или 40. Это ѣхалъ галайда (цахирахчй) хошўна Далай-бэйсэ, возвращавшійся изъ Урги, куда онъ былъ командированъ для рѣшенія дѣлъ своего хошўна съ шабинарами Чжэбцзүнъ-дамбахутухты. Самъ цахирахчй ѣхалъ телггѣ, спутники и провожатые его верхами. Поѣздъ несся вскачь и очевидно, цахирахчй казался здѣсь уже не маленькимъ чиновникомъ.

Слѣдуя долиною Бүгүдүръ харъ усү, мы въ 1 часъ дня остановились на ней для полдника при въѣздѣ въ холмы Номтү, принадлежавшіе уже хошўну Цэцэнъ бэйлэ. Дальнѣйшая дорога наша, въ которую мы выступили въ 4 ч. 5 м., проходила между этими холмами Номтү. Въ 7 ч. 15 м. мы прибыли въ урочище Чжиргалантү, подъ каковымъ именемъ извѣстна собственно падь, лежащая къ югу отъ дороги. Травы здѣсь повсюду изрядныя. Черезъ Чжиргалантү проходитъ почтовая дорога, по которой ургинскій хутухта представляетъ богдохану свою дань изъ 9-ти бѣлыхъ и о которой собралъ я свѣдѣнія еще въ прошломъ году (см. Томъ I, стр. 629). Отъ Чжиргалантү въ направленіи къ Ургѣ слѣдуетъ довольно крутой и высокій подъемъ того же имени, по спускѣ съ котораго тотчасъ же начинается новый переваль, Арү-шанду. Мы достигли его вершины въ 9 ч. вечера. Здѣсь намъ попался китайскій обозъ на телггахъ, запряженныхъ

быками и нагруженныхъ кожами. Они двигались теперь изъ Урги въ Долбнѣ-нѣръ. Спустившись съ перевала, мы остановились на ночлегъ не подалеку отъ горы Ирбѣль, одиноко стоящей среди степи. Подѣзжавшіе здѣсь къ намъ мѣстные монголы разказывали, что неподалеку отсюда, на ст. Бѣльжугъ, китайцы изъ Долбнѣ-нѣра имѣютъ свои лавки, гдѣ продаютъ на скотъ всевозможные товары монгольскаго обихода. Выгоняютъ они ежегодно изъ хошѣна Пунъ-бѣйсѣ и отъ мѣстныхъ шабинѣровъ около 10 тыс. овецъ, до 3000 головъ лошадей и приблизительно 400 быковъ. Особливо много привозится ими буды (проса), которая продается куями въ 120 гиновъ (около $4\frac{1}{2}$ пуд.), по цѣнѣ 5-ти трехлѣтнихъ барановъ за куль; трехлѣтній же баранъ стоитъ здѣсь $1\frac{1}{2}$ лана. Другими словами, китайцы продаютъ здѣсь просо по нашему разсчету — $7\frac{1}{2}$ коп. с. за русскій фунтъ.

26-е Іюня. Суббота.

6 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+16^{\circ}$; 12 ч. $+22^{\circ}$; 3 ч. $+24^{\circ}$; 6 ч. $+20^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$.

Утромъ пасмурно и туманно. Двинулись въ 5 ч. 35 м. и черезъ $\frac{1}{4}$ часа миновали гору Ирбѣль. Въ 6 ч. 15 мин. начали подниматься на Наринѣ-ухѣ, спустившись съ котораго вступили въ степь Гунѣ-Галѣтай, гдѣ въ 7 ч. миновали два небольшихъ шаньдѣ, находящихся саженьяхъ во 100 вправо отъ дороги. Здѣсь мы съ самымъ стѣсненнымъ сердцемъ должны были разстаться съ однимъ изъ своихъ спутниковъ по путешествію. То была моя лошадь, приобретенная мною еще при выѣздѣ на востокъ изъ Калгана. За протекшіе съ той поры три мѣсяца, она сдѣлала мнѣ, вѣроятно, не меньше 2000 верстъ и теперь не только совершенно отказалась отъ своей службы, а даже и отъ движенія. Уже дня три я не садился на нее верхомъ и она шла привязанною или за телѣгу, или въ хвостѣ верблюдовъ. Монголы еще вчера совѣтовали мнѣ оставить ее въ какихъ либо юртахъ, видя по глазамъ, что она неспособна къ движенію; но я все надѣялся, что она какъ нибудь дойдетъ до Урги, гдѣ я могъ обезпечить ей спокойную жизнь до смерти. Сегодня $1\frac{1}{2}$ часа тому назадъ она, по обычаю, пошла съ мѣста ночлега въ хвостѣ верблюдовъ, но какъ разъ противъ шаньдѣ стала. Въ разстояніи не болѣе версты впереди по дорогѣ виднѣлись двѣ юрты, которыми я рѣшилъ уже сдать ее, но и это оказалось невозможнымъ: лошадь не шла даже въ поводу. Когда я снялъ съ нее узду, и, какъ казалось мнѣ, въ послѣдній разъ потрепалъ ее по шеѣ и по мордѣ, она подняла на меня свои поблекшіе глаза и засимъ опустила голову. Мы двинулись дальше, а она такъ и осталась стоять съ поникшею головою посреди узенькой колесной колеи, не сдѣлавъ даже шага вбокъ, чтобы щипать траву. Доѣхавъ до

юртъ, я вызвалъ хозяина монгола и сказалъ ему, что бы онъ принялъ эту лошадь, а дней черезъ 10, если она не издохнетъ, привелъ бы ее мнѣ въ Ургу, за что получить 5 ланъ серебра. Позже десяти дней я намѣренъ былъ уже выѣхать изъ Урги въ Россію. Монголъ обѣщалъ исполнить все вточности, если только лошадь будетъ въ силахъ идти, хотя я, правду сказать, не надѣялся на исполненіе этого обѣщанія. Въ самомъ дѣлѣ, что мѣшало монголу сказать, что лошадь моя издохла? Вѣдь не поѣхалъ бы я свидѣтельствовать ея трупъ. Могъ онъ также сказать, что она черезъ 10 дней была неспособна къ движенію. Могъ даже и ничего не говорить, ибо монгола этого я видѣлъ впервые, и ровно столько, сколько нужно было для вышеозначеннаго разговора: ни онъ меня, ни я его не знали совершенно¹⁾. Отъѣхавъ отъ юртъ, я еще разъ въ бинокль взглянулъ на лошадь; она стояла совершенно въ томъ же положеніи. Въ 10 ч. 20 м. мы миновали степь Гунъ-галутай и вступили въ длинную горную падь черезъ такъ называемый Богѣлтуинъ-амъ. Падь эта окаймляется отдѣльными горами, выступающими въ нее своими мысами, всего по семи мысовъ съ каждой стороны. Миновавъ ихъ, мы поднялись на не высокій уваль и засимъ въ 1 ч. дня остановились для полдника въ урочищѣ Ганца-худукъ. Здѣсь располагается станція сеймоваго цэцэнъ-хѣновскаго тракта и мы вошли въ одну изъ юртъ ея, гдѣ слышался какой-то необыкновенный шумъ. Посидѣвъ, поговоривъ и послушавъ въ чемъ дѣло, я узналъ слѣдующее. Въ третьемъ году по почтовому тракту, соединяющему Ургу съ управленіемъ цэцэнъ-хѣновскаго аймака, былъ неурожай травъ и станціи дѣйствовали очень слабо; поэтому ургинскій амбанъ командировалъ помощника завѣдывающего этими станціями, тайчжія Галанъ-вачыра, разслѣдовать положеніе станцій. Галанъ-вачыръ отправился, проѣхалъ по всѣмъ станціямъ, пересмотрѣлъ всѣхъ лошадей, перетаврилъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ показывали ему какъ предназначенныхъ для отбыванія почтовой службы и составилъ обо всемъ этомъ подробный докладъ. Въ то же время нѣкоторыя станціи просили его, въ виду недостаточности кормовъ по тракту, исходатайствовать имъ разрѣшеніе нѣсколько уклониться своими кочевьями въ сторону отъ дороги, на хошунныя земли, доказывая, что разстояніе почтоваго пути отъ этого не особенно измѣнится, а станціонный скотъ между тѣмъ избавится отъ голодовки и будетъ исправенъ. Галанъ-вачыръ, собравъ и свой докладъ, и всѣ эти прошенія, закувертовалъ ихъ и сдалъ на Бѣльчжутской станціи для доставленія въ Ургу. Съ Бѣль-

1) Считаю долгомъ отмѣтить, что лошадь эта потомъ, 12-го Іюля, въ самый день отъѣзда моего въ Россію, была мнѣ доставлена и это, конечно, одинъ изъ нагляднѣйшихъ образцовъ честности степняка-монгола.

чжүта привезли эти пакеты на станцію Гакца худүкь и передали здѣсь очередному улѣчину, Дашй-дорчжй, у котораго въ ту пору были гости и, между прочими, вѣстовой изъ ургинскаго хошүннаго управленія Пунь-бэйсэ, Пунцүкь, который былъ командированъ изъ Урги въ хошүнъ поторопить какія-то затянувшіяся дѣла. Такъ какъ Пунцүкь этотъ, исполнивъ свое порученіе, долженъ былъ возвращаться въ Ургу, то Дашй-дорчжй и передалъ ему пакеты съ просьбою доставить въ ямунь. Пунцүкь взялъ пакеты, но вмѣсто того чтобы ѣхать въ Ургу, онъ заѣхалъ домой, гдѣ и прожилъ два дня; а тѣмъ временемъ его ребяташки схватили пакеты, разорвали конверты, хотя, къ счастію, проказы ихъ были во время замѣчены и самыя бумаги удалось спасти. Пунцүкь однако не рѣшился представить бумагъ въ разорванныхъ конвертахъ, а сложилъ ихъ въ сундукъ и берегъ у себя. Въ концѣ года пошли розыски этихъ бумагъ; переписка о нихъ тянулась больше года и вотъ теперь и Бѣльчжүтскій ямщикъ и Дашй-дорчжй пришли къ Пунцүку, разузнавать, куда онъ дѣвалъ пакеты и почему не доставилъ ихъ, а онъ разказывалъ имъ вышеописанную исторію и показывалъ старыя бумаги. Чѣмъ кончилось это дѣло и какое рѣшеніе ближайшимъ образомъ приняли почтальоны мнѣ осталось не извѣстнымъ, потому что мы поподневали и уѣхали, а они все еще продолжали кричать и едва-ли не въ десятый разъ выслушивали одни и тѣже подробности разказа. Двинувшись въ 3 ч. 45 м., мы поднялись изъ ложбины Ганца худүка и, проѣхавъ по предгоріямъ Хангяя, начали подниматься на Хангяй дабѣ, вершины котораго достигли въ 5. 55 мин. Спускъ съ дабана приводитъ въ ложбину, орошаемую ключемъ Цаганъ-чулуту на которомъ также стоитъ почтовая станція. Мы достигли ея въ 6 ч. 40 мин. Миновавъ станціонныя юрты, начали подниматься на пологій Билюту-хүтүль, съ котораго дорога круто поворачиваетъ къ сѣверу, въ направленіи къ перевалу Бурүль-дабѣ. Въ 5 ч. 45 м. проѣхали Хундүлэнъ-булүкь въ обильной травой долины котораго повстрѣчали до десятка юртъ. Въ 8 ч. 45 мин. отдѣлилась дорога на Биширэльтүйнъ дабѣ, который гораздо положе всѣхъ прочихъ переваловъ въ Ургѣ, а потому черезъ него движутся обычно на бычьихъ телѣгахъ богомольцы и извозчики, везущіе долгосрочные товары; остальные монголы не ѣздятъ по нему, такъ какъ находятъ, что сравнительная легкость подъема и спуска не окупается тою кружностью пути, которую представляетъ этотъ дабанъ при дальнѣйшемъ движеніи въ Ургу. Въ 9 ч. поднялись на Бурүль дабѣ, а въ 9 ч. 50 мин., спустившись съ его главной крутизны, стали на ночлегъ подъ дабаномъ, недоѣзжая до Урги, вѣроятно, верстъ 25. Ночь предстояла не особенно спокойная, потому что всѣ опасались воровъ.

27-е іюня. Воскресенье.

6 ч. $+10^{\circ}$; 9 ч. $+14^{\circ}$; 12 ч. $+19^{\circ}$.

Выѣхали въ 5 ч. 30 мин. и первоначально продолжали свой путь по пологому спуску съ даба̀на. Онъ приводитъ на высокую площадь, по которой струится р. Налайху (ᠨᠠᠯᠠᠶᠢᠬᠤ) и на которой располагается первая отъ Урги почтовая станція. Въ общемъ, мѣста эти считаются уже принадлежащими Ургѣ и занимаются подъ пастьбища табуновъ лошадей, со-держимыхъ при ургинскихъ ямуняхъ амбаньскомъ и сеймовомъ (ᠠᠮᠪᠠᠨᠢ ᠰᠡᠶᠢᠮᠣᠪᠤ), а равно лошадей, назначаемыхъ для личныхъ потребностей мѣстныхъ маньчжурскаго и монгольскаго амбаней (ᠠᠮᠪᠠᠨᠢ ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠢ). Съ которыхъ именно поръ на здѣшнихъ урочищахъ начали пасты помянутыхъ лошадей, и по ка-кимъ основаніямъ и условіямъ эта тягота, подлежащая удовлетворенію двухъ аймаковъ, взвалена на единый хошунъ Пунъ-бѣйсэ, — неизвѣстно; досто-вѣрно лишь одно, что «уя-акта» пасутся на этихъ мѣстахъ уже болѣе сотни лѣтъ. У мѣстныхъ пастуховъ хранится преданіе, что когда-то шли раз-сужденія о томъ, гдѣ именно должно пасты табуны этихъ лошадей и тогда якобы состоялось рѣшеніе, что ихъ можно выпасывать по всѣмъ приле-жащимъ Ургѣ урочищамъ, не стѣсняясь принадлежностью этихъ урочищъ тому или другому хошуну, но точнаго поименованія урочищъ указано не было, поэтому «уя-акта», по установившемуся обычаю, продолжали пастись на Налайху. Въ недавніе годы въ долинѣ Налайху нѣсколько лѣтъ подрядъ выпадалъ сильный снѣгъ и случались такіе страшные шурганы, что вы-пасывать здѣсь скотъ оказывалось почти невозможнымъ: въ зиму 1887 года пало, напримѣръ, однихъ цэцэнъ-хѣновскихъ лошадей до 300 головъ. Пастухи, основываясь на вышепомянутомъ, хранящемся у нихъ преданіи, задумали было перекочевать, выбравъ мѣста болѣе травянистыя и защи-щенныя горами; но какъ хошунные люди, такъ и шабінцы положительно воспротивились этому, говоря, что никогда того и не бывало, что бы обще-ственные табуны паслись гдѣ либо помимо Налайху, между тѣмъ какъ они сами искони проживали въ тѣхъ урочищахъ, на которые претендовали те-перь общественные пастухи и привыкли къ этимъ урочищамъ. Послѣ сего, кажется, въ 1889 г. пастухи, испытывая тѣже невзгоды, обращались съ просьбою къ амбанямъ, о разрѣшеніи имъ перекочевать съ общественнымъ скотомъ на ЮЗ отъ Урги, въ урочища Алтанъ-булакъ и Уланъ-хучжиръ, но амбани поставили дѣло гораздо шире. Исходя изъ того положенія, что учрежденіе «уя-акта» является необходимымъ пособіемъ для управленія и что ему неотложно быть всегда въ недалекомъ разстояніи отъ Урги, они опре-дѣлили, разрѣшить этимъ табунамъ пастись повсюду въ окрестностяхъ

Урги, не заходя только въ каждую изъ сторонъ за пространство двухъ станцій. Такъ какъ означенномъ районѣ кочуютъ только шабинъры Чжэ-бцзунъ-дамба хутухты, да хошунные податные Пунъ-бэйсэ и Мандорва гүна, то амбани и послали это дѣло на заключеніе означенныхъ правителей. Послѣдніе, конечно, признали справедливость рѣшенія амбаней, но урочищъ для пастьбы общественныхъ табуновъ, не указали, а потому табуны эти и доселѣ остаются въ долину Налайху. Слѣдуя этой долиной, мы въ 8 ч. 45 мин. поднялись на такъ называемый Шанду-даба, а спустившись съ него, въ 11 ч. дня остановились, какъ это ни было досадно, для полдника въ долину р. Шанду-гбла. До Урги намъ оставалось не болѣе 10 верстъ, поэтому я, давъ напиться чаю одному изъ своихъ проводниковъ, поѣхалъ съ нимъ далѣе одинъ, въ своей телѣгѣ, оставивъ другихъ верблюдовъ и весь свой караванъ пасться сколько имъ угодно, лишь бы къ ночи пріѣхали въ Ургу. Двинувшись отъ р. Шанду въ 12 ч. 30 м., мы ровно въ 2 ч. дня подѣхали къ русскому большому мосту черезъ р. Толу. Здѣсь, въ русской куртѣ уже ожидала меня жена, которая получила въ Ургѣ свѣдѣнія отъ монголовъ, что неподалеку ѣдутъ русскіе и выѣхала меня встрѣтить. Такъ совершилась моя поѣздка на югъ и востокъ Монголіи. Теперь предстояло уже возвращеніе на родину, въ Россію.

IX. Отъ Урги до Ульхунскаго караула.

12-е Іюля. Понедѣльникъ.

Обратный путь въ Россію былъ предпринятъ мною отъ Урги въ направленіи къ Ульхунскому караулу: во 1-хъ, выѣздъ на этотъ караулъ представляется болѣе удобнымъ со стороны Монголіи; во 2-хъ, этимъ путемъ я захватывалъ добрую сѣверную половину пэцэнъ-хановскаго аймака; въ 3-хъ, наконецъ, отъ Ульхуна можно было проѣхать далѣе на востокъ уже съ болѣшимъ удобствомъ по русскимъ почтовымъ станціямъ и казачьимъ поселкамъ. Для слѣдованія до Ульхуна было нанято девять собственно верховыхъ лошадей, три изъ которыхъ можно было впрягать и въ телѣги. Въ упряжи, по нашему, онѣ конечно не ходили, потому что не знали возжей, но и не боялись телѣгъ, а потому ихъ можно было впрягать по одиночкѣ и засимъ вести въ поводу. За симъ намъ доставлено было двѣ двухколесныхъ арбы для перевозки вещей, а третью такую же двухколеску мы нашли въ консульствѣ. Для пристра за этимъ караваномъ мы имѣли

двухъ погонщиковъ. Договоръ о поставкѣ этихъ животныхъ, арбъ и людей былъ заключенъ съ шабѣнскимъ вѣдомствомъ ургинскаго хутухты. Въ мѣстномъ ямунѣ я уплатилъ впередъ деньги, всего, по условію, 83 р. с., въ счетъ которыхъ извозчики должны были не только довезти меня, но еще и доставить обратно въ Ургу телѣгу, взятую въ консульствѣ.

Выѣхать изъ Урги рано для человѣка, имѣющаго здѣсь знакомство, трудно вообще, что же касается вчастности меня, то я еще дня за три зналъ, что мѣстное русское общество собирается провожать меня и участіе въ этомъ примутъ всѣ, за исключеніемъ консула Шипмарева. Зданіе консульства мы оставили въ 9½ часовъ утра и въ какіе нибудь ¾ часа доѣхали въ запряженныхъ тройками прекрасныхъ тарантасахъ до русскаго большаго мѣста черезъ Толу. Здѣсь были раскинуты палатки и собрались какъ консульскіе секретарь, драгоманъ и почтмейстеръ, такъ и всѣ представители русскихъ торговыхъ домовъ въ Ургѣ, съ ихъ семьями, чадами и домочадцами. Какъ и при отъѣздѣ въ Пекинъ, радушныя хозяйки повезли намъ тортовъ, пироговъ, жареной и копченой дичи, пастилы, варенья и прочихъ сладостей. Обѣдъ, начавшійся въ 11 ч. утра, продолжался съ одной стороны съ чинными рѣчами и тостами, а съ другой — съ пѣснями казаковъ и приказчиковъ до 3½ час. по полудни и только въ 4 ч. мы могли двинуться въ свой настоящій путь.

Отъ моста первыя 3 версты мы ѣхали по той же самой дорогѣ, которою ѣхали въ прошломъ году, направляясь въ Пекинъ, а засимъ повернули нѣсколько къ востоку и версты 4 слѣдовали по дорогѣ на Бурӯгъ дабѣ, пока ровно въ 6 ч. вечера не достигли конечной точки подъема къ рѣчущкѣ Шанду-гблу. Весь этотъ путь проходитъ между невысокими холмами; грунтъ твердо глинистый, усѣянный мелкими камешками и, по видимому, дорога казалось бы прекрасною; но въ двуколенной арбѣ трясеть страшно и мою-бѣднягу жену порядкомъ таки колотило, не смотря на то что мы ѣхали шагомъ. Въ 6 ч. 30 м. мы достигли перваго аяля, такъ называемыхъ Йэхэ-модочіновъ, т. е. «большаго» поселка монголовъ, отбывающихъ повинность по поставкѣ дровъ для отопленія казенныхъ и общественныхъ зданій въ Ургѣ. Малый поселокъ тѣхъ же модочіновъ лежитъ отсюда, какъ уже извѣстно, верстахъ въ 4½ на ЮЗ (см. Т. I, стр. 585). Здѣсь произошло новое раздѣленіе дороги, причемъ мы весьма замѣтно повернули къ СВ. и тотчасъ же для насъ начался пологій и длинный подъемъ на Налайхайнъ-ухѣ. Спустившись съ него, мы въ 9 ч. 30 м. вечера остановились на ночлегъ у рѣчущки Налайха вода которой оказалась мутною и крайне непріятною для вкуса. Ночью нѣсколько разъ накрапывалъ дождикъ.

13-е Юля. Вторникъ.

6 ч. $+9\frac{1}{2}^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$; 12 ч. $+18^{\circ}$; 3 ч. $+19^{\circ}$; 6 ч. $+16\frac{1}{2}^{\circ}$;
9 ч. $+13\frac{1}{2}^{\circ}$.

Двинулись въ 6 ч. утра и тотчасъ же перебрадили рѣчушку Налайха, которая имѣетъ здѣсь не болѣе $1\frac{1}{2}$ аршина ширины и не свѣше полуаршина глубиною. Долина ея, — шириною саженой въ 200, густо поросла травами и имѣетъ сравнительно небольшое углубленіе въ отношеніи окрестныхъ степей. Поднявшись изъ нея на невысокій увалъ, мы нашли здѣсь торную дорогу на Цзунъ-хурънь, именуемую Цзуръ-хуцзунъ цзэмъ. Окрестная степь представляетъ собою незначительное поднятіе къ востоку и называется монголами Ганданъ амъ, являясь въ ихъ представленіи какъ бы преддверіемъ холмовъ «Ганданъ», возвышавшихся передъ нами приблизительно верстахъ въ 5. Дорога здѣсь прекрасная. День начался яснымъ и теплымъ. Вскорѣ намъ попалось два маленькихъ озера, отъ которыхъ влѣво былъ видѣнъ красивый уголокъ въ долинѣ р. Толы. Рѣчное русло ясно обозначалось аллею деревьевъ, а въ долинѣ по мѣстамъ видѣлись рощицы, окаймляясь же она высокими и скалистыми утесами. Говорятъ, что мѣста эти отведены подъ кочевья шабинаровъ ургинскаго хутухтѣ отъка Урунъ. Вправо отъ помянутыхъ озеръ намъ ясно видѣлись двѣ дороги, Уланъ дабанай цзэмъ и Элэсѹ дабанай цзэмъ, ведущія изъ Урги въ Калганъ. Продолжая путь далѣе, мы ровно въ 8 часовъ начали подниматься на Ганданъ уха, съ котораго спустились въ долину р. Толы. Последняя очень красива, будучи испещрена рощами, отдѣльными зарослями деревьевъ и густо поросши травами и цвѣтами. Здѣсь намъ начали попадаться ѣдущими и идущими пѣшкомъ цѣлыя толпы богомольцевъ изъ Баргү-хошѹновъ, на границахъ Маньчжуріи: одни изъ нихъ направлялись въ Ургу на поклоненіе хутухтѣ, другіе уже возвращались домой. Въ 9 часовъ начали подниматься на Уланъ-дабъ, а въ 9 ч. 30 мин. перебрадивъ ручей Уланъ-дабанай гѳль, остановились для полдника на протокѣ р. Толы. Вода была у насъ теперь прекрасная и мы могли не только приготовить себѣ вкусный обѣдъ и отлично напиться чаю, но даже и заpastись такимъ на дальнѣйшій путь.

Такъ какъ лошади наши вышли изъ Урги почти не кормленными, то мы невольно должны были давать имъ болѣе продолжительный отдыхъ и выѣхали съ мѣста своей стоянки только въ 2 ч. 35 мин. Почти непосредственно отсюда р. Тола начала отдаляться отъ нашей дороги и въ 3 ч. 10 м., когда подѣхали мы къ утесамъ горы Байнъ ұла, она окончательно повернула на сѣверъ, между тѣмъ какъ мы продолжали свой путь прямо къ востоку. Черезъ 25 мин. ѣзды мы получили развлеченіе, созерцая не-

обычную картину движения каравана цэцэнъ хановскаго цзасакъ Хубчинъ-чжонднъ-бэйсэ, ѣхавшаго въ Ургу на праздникъ «Долонъ-хошунай нѣдамъ». Караванъ состоялъ изъ 112 верблюдовъ, нагруженныхъ имуществомъ и юртами князя и его прислужниковъ. Самъ князь ѣхалъ въ громадной китайской двуколенной телегѣ, снабженной двумя дверцами и четырьмя окнами. Въ телегѣ былъ впряженъ огромный бѣлый верблюдъ, съ большими, совершенно закрывающими горбы бѣлыми хомами, отороченными синею дабу. За княземъ въ телегахъ, хотя и менѣе обширныхъ, но также нарядно убранныхъ, ѣхали его чиновники съ женами и дѣтьми. Далѣе слѣдовалъ отрядъ княжескихъ борцовъ, за которыми потянулись верблюды нагруженные луками, садаками, стрѣлами и прочими военными доспѣхами; караванъ этотъ сопровождала толпа всадниковъ, человекъ въ 20-ть, — это были княжескіе стрѣлки. Невдалекѣ отъ этого княжескаго поѣзда, хотя и очевидно отдѣльно отъ него, ѣхали то верхами на лошадахъ, то въ телегахъ тайчжіи того же хошунъ Хубчинъ-чжонднъ бэйсэ, также съ своими семьями. Всѣ они были разряжены и особливо жены тайчжіевъ просто блистали своими атласными и золототкаными гүльмүками. Погожій день, очевидно, давалъ имъ возможность придать предпринятому ими путешествію характеръ прогулки: большая часть женъ тайчжіевъ, повышедши изъ телегъ, ѣхала верхомъ, непремѣнно въ сопровожденіи двухъ верховыхъ же служанокъ, слѣдовавшихъ по бокамъ сзади. Одни ѣхали степенно, другіе мчались вскачь, а вобщемъ все это представляло прекрасную и необычайно пеструю картину. Въ 4 ч. 10 мин. мы достигли пологатаго, но длиннѣйшаго перевала Цзүрү-хүцзү, поднимающагося двумя главными уступами. Двигаясь по первой части его около часа, мы взобрались на высшую точку втораго уступа уже въ 6 ч. вечера. Спускъ съ Цзүрү-хүцзү къ востоку гораздо короче, хотя и не менѣе пологій, что свидѣтельствуетъ о значительномъ возвышеніи восточныхъ долинъ сравнительно съ западными. Въ 7 ч. 10 мин. мы поднялись на Чулүту даба, получившій свое названіе отъ обнаженныхъ и вывѣтрившихся камней, стоящихъ на гребнѣ горъ въ видѣ разрушенныхъ башенъ. Спустившись съ него, мы вступили въ долину рѣки Чулүтуйнъ гбля, самой же рѣки мы почти и не замѣтили: она предстала намъ въ 8 час. веч. въ видѣ полуиссохшаго незначительнаго ручья. Отъ него черезъ перевальчикъ мы вступили въ болотистую мѣстность, именуемую Байнъ-гбл'омъ, слѣдуя по которой и стали на ночлегъ въ 9 ч. вечера. Вода здѣсь оказалась настолько грязною и вонючею, что ни сварить ужина, ни еще болѣе чая оказалось невозможнымъ; къ счастью мы имѣли у себя чай въ бутылкахъ съ береговъ р. Толы; разогрѣли его, выпили и улеглись спать. Но не надолго: въ 11 ч. 45 м. пошелъ сильный

дождь; спасаясь отъ него, мы прикрыли свою телѣгу мѣханомъ, но заснуть почти не могли отъ страшной духоты, явившейся естественнымъ результатомъ этой укупорки.

14-е Юля. Среда.

6 ч. $+9^{\circ}$; 9 ч. $+13\frac{1}{2}^{\circ}$; 12 ч. $+18^{\circ}$; 13 ч. $+13\frac{1}{2}^{\circ}$; 6 ч. $+11^{\circ}$.

Проснувшись въ $5\frac{1}{2}$ час. съ головою болью, мы съ радостью узнали, что одинъ изъ нашихъ монголовъ отправился разыскивать чистой воды, чтобы доставить намъ возможность напиться чаю. Такая заботливость и предупредительность весьма трогательны. Вскорѣ онъ привезъ кувшинъ ключевой воды, которой хватило, конечно, не на умыванье, а только на чай. Выѣхали въ 7 час. и изъ долины Байнъ-гѣла поднялись на небольшой увалъ, составляющій отрогъ высокихъ горъ Хушингъ-ѣла, тянущихся къ сѣверу отъ нашей дороги на протяженіе верстъ 15-ти. Что касается собственно дороги, то она, по спускѣ съ помянутаго увала, или лучше горнаго мыса Хушингъ-хошѣ, вступаетъ въ обширную долину Хуцѣгыйнъ-гѣла, тянущуюся съ запада на востокъ верстъ на 20, а съ сѣвера на югъ верстъ на 50, или около этого. Въ сѣверной своей части, и именно въ параллели дороги, долина эта пересѣкается невысокимъ уваломъ Хуцѣгыйнъ-уха, черезъ который мы перевалили въ 8 ч. 30 мин. Къ югу этотъ увалъ тянется не болѣе какъ верстъ на 5 и засимъ, постепенно понижаясь, сливается со степью. Тамъ, нѣсколько къ ЮВ. отъ него, залегають, говорятъ, озерко съ прѣсною водою, но мы не могли видѣть его съ дороги. Вступивъ во вторую, восточную часть долины Хуцѣгыйнъ-гѣла, мы ѣхали по ней до 11 ч. 10 м. дня, когда начали подниматься на пологій и длинный перевалъ Шѣхъ-даба, за которымъ послѣдовала долина Шѣхъ-хъинъ-гѣла. Русло послѣдняго извивается по долинѣ въ видѣ неширокаго и значительно углубленнаго ручья, но теперь мы не нашли въ немъ воды, которая, говорятъ, засохла отъ жаровъ. Впрочемъ эти жары не повліяли, повидимому, на окружающую степь, которая представляется не только богато поросшею травами, но и испещренною самыми разнообразными цвѣтами. Въ 12 ч. 50 мин. мы добрались до ключа, имя котораго намъ осталось не извѣстнымъ и здѣсь остановились для полдника. Вокругъ этого ключа росло нѣсколько деревьевъ и наши проводники говорили мнѣ, что эти деревья представляютъ собою границу распространенія древесной растительности на югъ; дѣйствительно южнѣ сего уже не было видно деревьевъ въ долинѣ. Въ 3 часа пошелъ довольно сильный дождь, который порядкомъ задержалъ насъ на стоянкѣ. Къ $4\frac{1}{2}$ часамъ онъ пересталъ и хотя небо со всѣхъ сторонъ было заволочено страшными тучами, тѣмъ не менѣе мы въ 5 ч. 10 м. двинулись въ дальнѣйшій путь, надѣясь добраться

до Цзунъ-хуръня, до котораго оставалось не больше 15 верстъ. Монголы говорили, что вся наша послѣдующая дорога должна состоять изъ болѣе или менѣе высокихъ переваловъ и въ общемъ предстоявшій намъ путь можно было обрисовать нижеслѣдующими чертами. Къ сѣверу отъ нашей дороги былъ ясно виденъ тянущійся отъ запада къ востоку горный кряжъ, съ послѣдовательно вздымающимися вершинами: Чжинсуту-ула (противъ которой мы стояли на полдникѣ), Цанту-ула, Байшинту-ула и Тогдс-ула. Съ каждой вершины трехъ послѣднихъ горъ скатывается по рѣчущкѣ, одинаково называемыхъ Байталыкъ и направляющихся къ Харулуу, а между собою рѣчущки эти раздѣляются увалами. Такъ охарактеризовали мы нашу предстоящую дорогу монголы и почти тоже встрѣтили мы въ дѣйствительности. Поднявшись съ мѣста стоянки, мы въ 6 час. переправились черезъ рѣчущку Барунъ-байталыкъ и перевалили черезъ уваль того же имени; далѣе послѣдовала долина рѣчущки Дунду-байталыкъ, пересевивъ которую, мы въ 7 ч. 10 мин. взобрались и на уваль ея имени. Далѣе послѣдовало урочище, именуемое Долбнъ-дабѣ; оно составляется семью послѣдовательно возвышающимися въ видѣ волнъ, или грядъ увалами. Переваливая черезъ послѣдній изъ этихъ дабѣновъ, мы были застигнуты страшнымъ ливнемъ, который, правда, вскорѣ ослабѣлъ до степени сильнаго дождя, но въ этомъ видѣ мочилъ насъ вплоть до прибытiя нашего въ Цзунъ-хурънь. Въ 8 ч. 30 мин. пересевивъ рѣчущку Цзунъ-байталыкъ, мы поднялись на уваль ея имени. До хуръня оставалось не болѣе 3-хъ верстъ, но дождь падалъ такъ сильно и темень была такая страшная, что рѣшительно ничего не было видно даже въ 10 шагахъ. Не удивительно посему, что, въ 10 ч. вечера, поднимаясь на пригорокъ, на которомъ расположенъ Цзунъ-хурънь, извозчики мои попали на косогоръ, гдѣ и опрокинулась одна изъ нашихъ телѣгъ съ вещами. Монастырь былъ еще въ разстоянiи версты и притомъ давно уже спалъ; людей достать было негдѣ и пришлось работать самимъ. Тутъ дѣла хватило уже на всѣхъ вплоть до жены, которой пришлось держать лошадей. Только въ 11 час. ночи добрались мы до монастыря и подъѣхали къ монастырскому казначейству. Дежурный лама ввелъ насъ въ монастырскую кухню, помѣщавшуюся въ эту лѣтнюю пору въ дощатомъ сарайчикѣ; но грязь здѣсь была такая страшная и дождь такъ протекалъ черезъ крышу, что обогрѣться въ этой кухнѣ, переменить мокрое бѣлье и платье, наконецъ выпить чаю было рѣшительно не возможно. Такъ какъ будить настоятеля монастыря было не деликатно, то я послалъ свою карточку къ монастырскому нирбѣ (казначею), прося его гостепрiимства. Минуть черезъ 10 явился казначей, который ввелъ насъ въ обширную юрту казначейскаго ямуна и предоставилъ

ее въ наше распоряженіе. Пока мы переодѣвались, намъ былъ готовъ уже чай, а явившійся снова казначей разставилъ передъ нами на столикѣ монастырскіе пряженцы, жаренныя сливки (ѹрма), жужубы, шепталу и пр. сладости. Угостивъ его своими припасами, мы только къ 1 часу ночи немножко успокоились; спать въ юртѣ не рѣшились, потому что видѣли здѣсь уже не мало неприятныхъ насѣкомыхъ, а отправились въ свою телѣгу, которую только попросили закрыть сверху нашедшимся въ казначейскомъ складѣ брезентомъ.

15-е Іюля. Четвергъ.

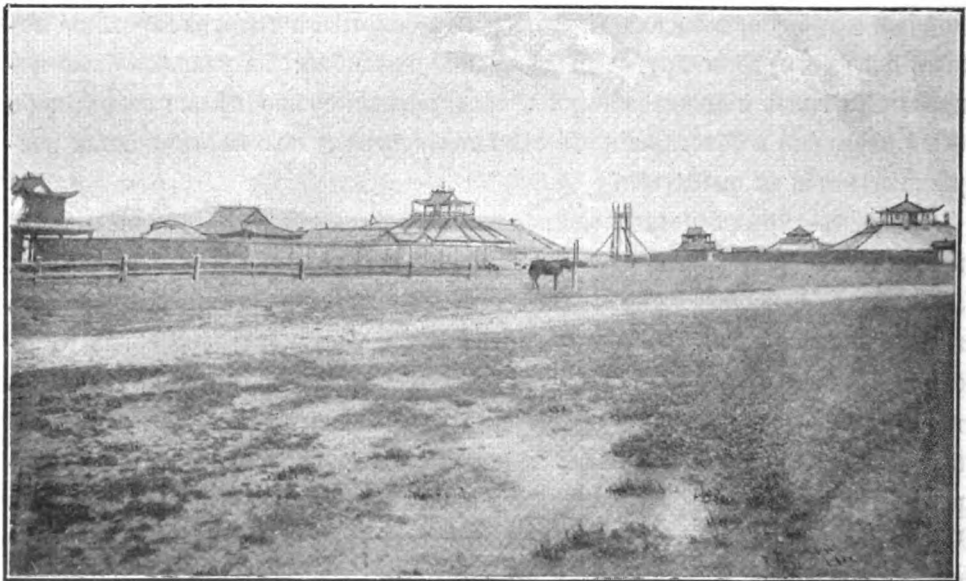
6 ч. $+9^{\circ}$; 9 ч. $+20^{\circ}$; 12 ч. $+14^{\circ}$; 3 ч. $+17^{\circ}$; 6 ч. $+15^{\circ}$;
9 ч. $+14^{\circ}$.

Проснулись въ 5 ч. 30 м. утра по звуку раковины, приглашавшему ламъ къ совершенію утренняго хурала. Дождь продолжается, хотя уже не столь сильный, а къ 7 часамъ онъ прекратился во все. Оправившись, я пошелъ къ своему хозяину, нирбѣ, что бы поговорить съ нимъ о Цзѹнь-хурѣни. Съ казначеемъ можно было говорить съ пользою о дѣлахъ хозяйственныхъ и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно не только сообщилъ мнѣ много новаго на словахъ, но и подтвердилъ свои сообщенія официальными документами, изъ которыхъ я тотчасъ же попросилъ сдѣлать потребныя для меня выписки. Въ $9\frac{1}{2}$ часовъ я сдѣлалъ визиты мѣстному цорчжй и гѣбкѹю, а засимъ отправился на осмотръ и фотографированіе монастыря, хотя то и другое было крайне неудобно: на улицахъ была непролазная грязь и дождевыя лужи представляли собою цѣлыя озера; небо было пасмурно и облежавшія его свинцовыя тучи только мѣстами стали разрѣживаться и разрываться.

Цзѹнь-хурѣ располагается верстахъ въ 3-хъ отъ р. Хэрѹлѹна, на правомъ берегу онаго и близъ южной подошвы горы, именуемой Хушй-тогдѣс. Лѣтопись «Эрдэнинь эрихѣ» записываетъ, что Ундѹръ-гэгѣнь основалъ этотъ монастырь въ 50-мъ году правленія Канси, и слѣдовательно относить его построеніе къ 1761 году, сообщая, что монастырю этому въ то же время было даровано имя Шат-дѹбъ чдй-кор линъ; тѣмъ страннѣе было прослушать мнѣ показаніе мѣстныхъ ламъ, по общему мнѣнію которыхъ, Цзѹнь-хурѣни былъ основанъ при второмъ ургинскомъ хубилганѣ Чжэбцзѹнь-дамба хутухтѣ, отцомъ этого хутухтѣ, богдѣ дарханъ-цинъ-ваномъ. Нѣкоторое примиреніе получающагося противорѣчія можно находить лишь въ третьемъ мнѣніи, что дарханъ-цинъ-ванъ построилъ здѣсь собственно дворецъ хутухтѣ. Разказываютъ, что когда малолѣтній Лобсанъ-дамба-донми былъ объявленъ хубилганомъ хутухтѣ, то отецъ его, дарханъ цинъ-ванъ, рѣшилъ пресѣчь существовавшую дотогѣ близость

хутухты хошуну түшәтү хана; онъ не желалъ, что бы сынъ его ѣздилъ въ старѣйшіе и наиболѣ славные хутухтинскіе монастыри, Эрдэни-цзү и Барунъ-хуръ, которые располагались въ түшәтү хановскомъ хошунѣ, а потому и рѣшилъ поднять значеніе третьяго хутухтинскаго монастыря, Цзунъ-хуръня, который стоялъ на земляхъ его собственнаго, дарханъ-цинъ-ванова хошүна. Съ этою цѣлью дарханъ-цинъ-ванъ построилъ здѣсь дворецъ хутухты и вообще отдѣлалъ весь этотъ монастырь, затративъ на него громадныя суммы. Біографіи ургинскихъ хутухтъ достаточно свидѣтельствууютъ намъ, что этимъ намѣреніямъ дарханъ-цинъ-вана не суждено было осуществиться во всей точности; но, несомнѣнно, что съ этой поры и самъ цинъ-ванъ, и всѣ послѣдующіе потомки его вплоть до настоящаго времени всегда смотрѣли и смотрятъ на Цзунъ хурънь не только какъ на свой родовой монастырь, но даже какъ на свою вотчину, изъ которой, по нуждѣ, они могутъ получать всевозможные доходы.

Цзунъ-хурънь монастырь не особенно большой; онъ не превосходитъ Барунъ хуръня ни по своей величинѣ, ни по своимъ постройкамъ и даже имѣетъ много сходнаго съ этимъ монастыремъ. Окружность его едва ли превышаетъ двѣ версты, а число населяющихъ его ламъ въ разное время колеблется между 2 и 2½ тысячами человекъ. По своему плану Цзунъ-

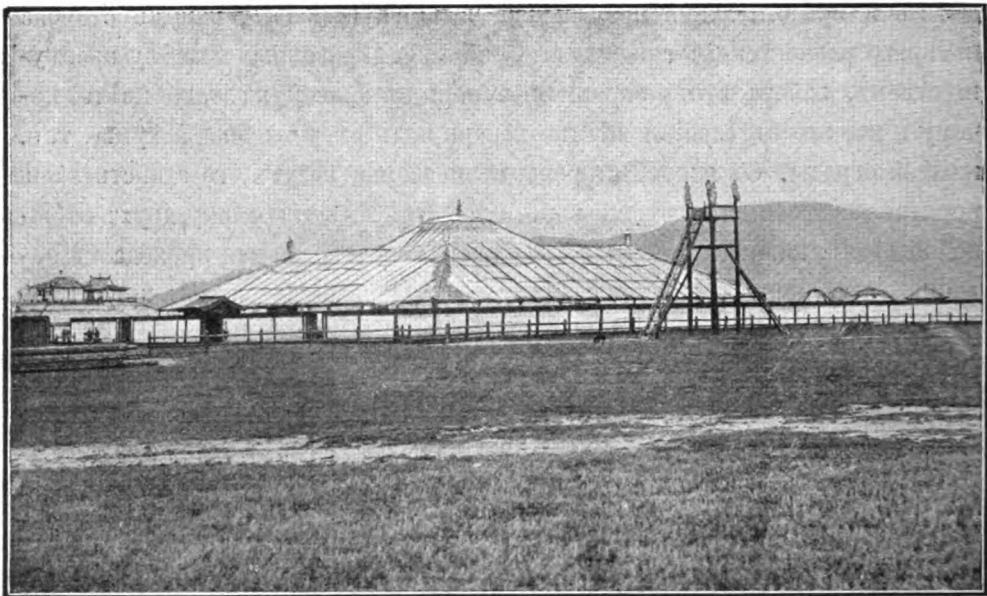
Дворецъ ургинскаго хутухты въ Цзунъ хуръни

хурънь представляетъ собою не вполне правильный четырехугольникъ, пересѣкаемый крестъ на крестъ двумя главными улицами, середина же че-

тырехугольника занимаетъ большую площадью, на которой располагаются всѣ монастырскія святыни. Основнымъ предметомъ поклоненія является здѣсь дворець гэгэна, съ внѣшней стороны много напоминающій собою ургинскій. Подворье его обнесено заборомъ изъ поставленныхъ стойкомъ досокъ и представляетъ правильный четырехугольникъ, каждая сторона котораго равняется 18 саженьямъ. Сообразно дарованнымъ гэгэну преимуществамъ, заборъ этотъ окрашенъ теперь въ краску желтаго цвѣта, почему и все это отдѣленіе извѣстно теперь подъ именемъ «шарà хуръ», т. е. желтой ограды. Съ южной стороны въ подворье ведутъ его единственныя ворота, называемыя «святыми воротами». Онѣ имѣютъ форму двухъ-этажной бесѣдки, нижній этажъ коей назначенъ собственно для прохода въ подворье, а на верху, въ мезонинѣ, устроена маленькая кумирня; крыша воротъ имѣетъ сполна форму кумиренной и отмѣчается тѣми же буддійскими символическими формулами, которыя водружаются и на кровляхъ кумирень. Передъ этими святыми воротами съ наружной стороны ихъ раскидывается во всю ширину подворья «площадь поклоненій», огороженная бальсинами. Проходъ черезъ самыя «святыя ворота» предназначается исключительно для хубилгановъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, что же касается остальныхъ смертныхъ, то они вступаютъ за «шарà-хуръ» чрезъ устроенныя по бокамъ воротъ калитки. За стѣнами «шарà хуръ» помѣщается сравнительно очень немного зданій. Отъ воротъ первое мѣсто занимаетъ большая бѣлая войлочная юрта съ гэгэновскими красными оторочками дэбура; она предназначается служить для зимняго жилища гэгэна и хотя гэгэнь рѣшительно никогда не бывалъ зимою въ Цзунъ-хуръни, тѣмъ не менѣе юрта эта изъ года въ годъ поновляется, исправляется и даже три раза ставилась новою, сгнивая на мѣстѣ, рѣшительно безъ всякаго употребленія и пользы. Шагахъ въ 10, 12-ти за этой юртой, къ сѣверу отъ нея, воздвигнуто деревянное зданіе дворцовой кумирни гэгэна, гдѣ преимущественно чествуются сакусунъ Гѣмбо-гүру и второй хубилганъ ургинскаго Чжэбцзунъ дамба хутухты. Нѣсколько вправо отсюда стоитъ деревянный сарайчикъ, служащій во 1-хъ кладовою для храненія имущества помянутой кумирни, а во 2-хъ кухню для приготовленія жертвоприношеній въ ту пору, когда въ кумирнѣ совершаются хуралы. Позади этихъ зданій у самой сѣверной стѣны построень самый простой деревянный байшинъ, предназначенный для лѣтняго проживанія хутухты. Таковъ хутухтинскій дворець въ Цзунъ-хуръни, имѣющій для халхасовъ значеніе развѣ историческое и религіозное, но не отличающійся ни своимъ богатствомъ, ни своею древностью.

На той же срединной монастырской площади располагаются и другія

общественныя кумирни Цзунъ-хуръня, каковы: Цанидъйнъ сѹмэ и Цокчйнъ. Послѣдній по своей постройкѣ представляетъ для халхасовъ ту особенность, что онъ цѣликомъ сохранилъ въ себѣ всѣ тѣ архитектурныя

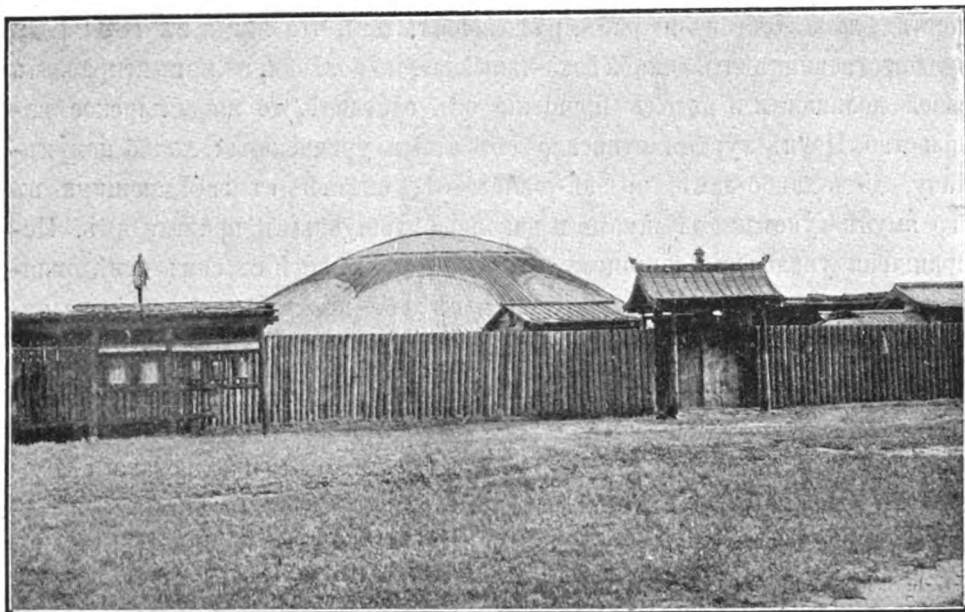

Цзунъ хуръньскій цокчинъ.

формы, которыя были составлены Ундуръ гэгэномъ для халхаскихъ цокчинскихъ кумирень. Формы эти уже были изложены нами при описаніи ургинскаго цокчина (см. томъ I стр. 82); но послѣдній является, какъ известно, въ настоящую пору уже расширеннымъ, сообразно второй части предписаній Ундуръ-гэгэна, такъ что по нему не сразу возможно опредѣлить первоначальный типъ зданія; въ цзунъ-хуръньскомъ цокчинѣ напротивъ типъ этотъ сохранился нисколько не измѣненнымъ, а потому позволяетъ видѣть какъ основной планъ постройки Ундуръ-гэгэна, такъ и заключать, каковымъ представлялся ургинскій цокчинъ до времени его расширенія.

Помимо этихъ общественныхъ кумирень монастыря на ту же главную площадь выходятъ своими главными воротами и всѣ аймачныя кумирни Цзунъ-хуръня. Послѣднія по своему внѣшнему виду удивительно воскрешаютъ въ памяти представленіе объ ургинскихъ аймачныхъ дугунахъ, ибо походятъ на нихъ какъ двѣ капли воды и въ этомъ подражаніи Цзунъ-хурънь не можетъ быть сравниваемъ ни съ Эрдэни-цзү, ни съ Барунъ-хуръ, ни съ какимъ либо инымъ изъ хутухтинскихъ монастырей. Вы видите здѣсь не только то же устройство заборовъ изъ стоящихъ бревенъ

лиственницы, но и совершенно тот же фасадъ входныхъ кумиренныхъ воротъ; то же расположеніе навѣсовъ для аукціонныхъ продажъ пожертвованныхъ кумирнѣ имуществъ; тотъ же способъ въ устройствѣ проходовъ отъ воротъ до кумирни; ту же форму кумиренныхъ сѣней; тѣ же кумиренныя юрты съ изукрашенными рубчатыми оторочками дѣбуровъ. Сло-

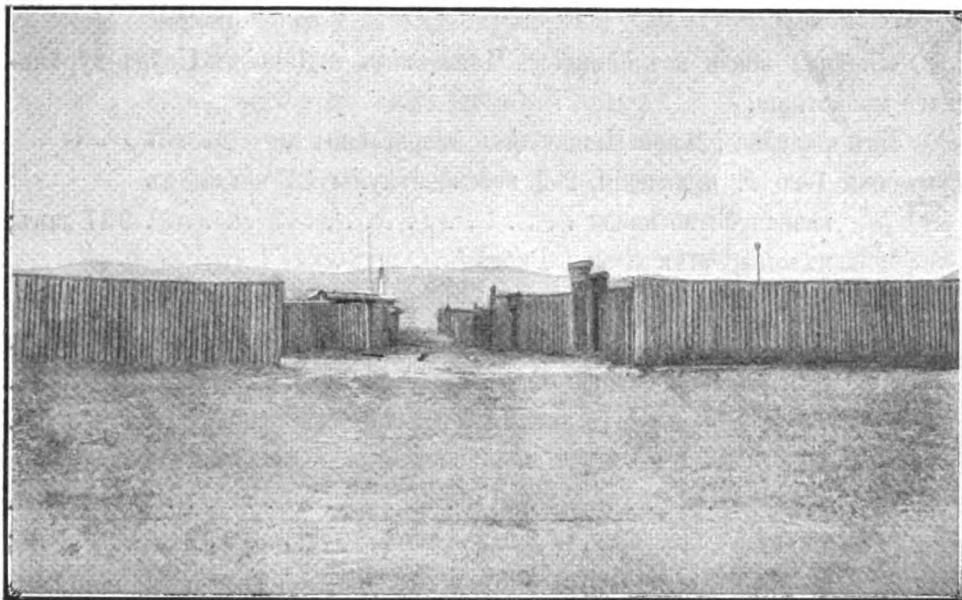
Типъ аймачныхъ кумиренъ въ Цзунъ хурѣни.

вомъ, мы можемъ сказать, что человѣку, видѣвшему аймачныя кумирни въ Ургѣ, нечего смотрѣть ихъ въ Цзунъ-хурѣни и наоборотъ.

Включаемый въ число монастырей ургинскаго Чжэбцзунъ-дамба хутхты, Цзунъ-хурѣнь имѣетъ не только одинаковое съ Ургою, но можно сказать и одно общее съ нею управленіе. Во главѣ цзунъ-хурѣньскаго управленія стоятъ два цорчжи-ламы, причемъ должность старшаго цорчжи-ламы есть собственно почетная и на нее назначаютъ обычно старѣйшіе и заслуженнѣйшіе, но уже совершенно не пригодные ни къ какой дѣятельности, по преклонности своихъ лѣтъ, ламы; въ помощь имъ назначается второй цорчжи, который дѣйствительно несетъ на себѣ всю тяготу управленія, а потому называется здѣсь: རྒྱལ་ཁབ་ལྷན་པོའི་འཕགས་པ་ལྷན་པ་, т. е. цорчжи, исполняющій завѣдываніе всякаго рода богослужебной и учебной дѣятельностью. Далѣе въ порядкѣ постепенности будутъ слѣдовать: «ширѣтү» и помощники ихъ «лацабы», которые въ Цзунъ-хурѣни не называются этимъ тибетскимъ титуломъ, а известны

подъ китайско-монгольскимъ названіемъ «да-цзайсанъ лама». Всѣ эти высшія должностныя лица духовной администраціи, равно какъ и завѣдывающіе отдѣльными частями, напримѣръ, учебнаго, или хозяйственнаго управленія, назначаются въ Цзунъ-хуръни не иначе, какъ съ утвержденія высшихъ властей: духовныхъ,—въ Ургѣ и свѣтскихъ—въ хошунѣ. Мой хозяинъ по квартирѣ въ Цзунъ-хуръни, казначей обще-монастырскихъ имуществъ, лама Лобсанъ-шарабъ, разказывалъ мнѣ, что когда въ 1881 году предшественникъ его, «нирба йэхэ-чжисана», по болѣзни, не могъ исправлять своей должности и подалъ прошеніе объ отставкѣ, то монастырское начальство Цзунъ-хуръни отписало объ этомъ ургинскимъ: ханбѣ-номунъ-хяну, дэдъ-ханбѣ-ламѣ, эрдэни-шанцзотбѣ, вмѣстѣ съ засѣдающими въ его ямунѣ гуномъ и дѣ-ламами и наконецъ хошуннымъ правителямъ. Испрашивая увольненія ищущему отставки, оно вмѣстѣ съ симъ освѣдомлялось, не имѣютъ ли помянутыя лица чего либо противъ назначенія на открывшуюся вакансію Лобсанъ-шараба и только послѣ выраженного уже всѣми ими согласія, онъ, Лобсанъ-шарабъ, былъ утвержденъ въ своей должности. Такимъ образомъ рѣшительно всѣ должностныя лица Цзунъ-хуръни являются извѣстными высшимъ правителямъ шабінскаго вѣдомства въ Ургѣ и нужно сказать, что всѣ они стоятъ у ургинскихъ правителей на гораздо лучшемъ счету чѣмъ собственно ургинскіе ламы. По этой то причинѣ, при открывающихся высшихъ административныхъ должностяхъ въ Ургѣ, къ замѣщенію ихъ скорѣе привлекаются цзунъ-хурънскіе ламы, чѣмъ повышаются отбывающіе низшія обязанности въ Ургѣ. Мы знаемъ, напримѣръ, что настоящій второй цорчжи лама въ Ургѣ до времени своего назначенія на это мѣсто, состоялъ понлибѣмъ цанитскаго дацана въ Цзунъ-хуръни. Уяснить въ точности причины существованія такого взгляда довольно трудно, хотя по общему и обычному направленію халхаской мысли можно предположить, что въ понятіяхъ халхасовъ сама Урга, представляя собою массу развлеченій для ламства, естественно дѣйствуетъ на него развращающимъ образомъ, не смотря на обиліе въ ней святынъ: кто попалъ въ Уру, тотъ уже плохой исполнитель обѣтовъ,—онъ снисходительнѣе и легче смотритъ на нарушенія обѣтовъ, чаще входитъ въ соотношеніе съ мірянами, не рѣдко хитритъ, вынуждаемый къ сему, чисто корыстными видами. Совсѣмъ не то въ Цзунъ-хуръни, гдѣ нѣтъ ни торговли, ни шумнаго рынка, гдѣ ламы только и живутъ своею жизнью и гдѣ волей неволей имъ приходится учиться и заниматься богомысліемъ. Дѣйствительно, жизнь цзунъ-хурънскихъ ламъ ни мало не похожа на ургинскую: почти всѣ ламы слушаютъ здѣсь курсъ цанита и цѣлые дни просиживаютъ за книгами; во внѣшнемъ убранствѣ ихъ юртъ

полнѣйшее отсутствіе какихъ нибудь предметовъ роскоши, или бездѣлушекъ; на улицахъ абсолютная пустота и за исключеніемъ хожденія въ хуралы, ламы, кажется, и не показываются здѣсь въ другое время. Въ Ургѣ, Эрдэни-цзү, Баруңь-хурѣни вы при каждахъ воротахъ увидите коновязи для лошадей прїѣзжающихъ гостей, а индѣ даже лавочки для вечернихъ

Цзүнь-хурѣнская улица.

посидокъ; ничего подобнаго въ Цзүнь-хурѣни: его улицы въ обычное время дня нажуются совершенно мертвыми.

Построенный на средства Дарханъ-цинъ-вана, предка настоящаго Пунъ-бэйсэ, Цзүнь-хурѣнь съ тѣхъ поръ не пользуется рѣшительно никакими особенными благами отъ своихъ хошүнныхъ правителей, тѣмъ не менѣе послѣдніе считаютъ этотъ монастырь какъ бы своимъ достояніемъ и время отъ времени освѣдомляются объ его матеріальномъ благосостояніи и достаткахъ. Разговаривая со мною по сему предмету, Лобсанъ-шарабъ, какъ главный казначей всѣхъ монастырскихъ имуществъ, могъ доставлять свѣдѣнія вполне обстоятельныя. Съ нескрываемою злобою онъ говорилъ мнѣ, что хошүнныя правители только разоряютъ ихъ монастырь, изъ года въ годъ вытребовывая изъ него цѣлыя тысячи ланъ серебра. Для доказательства онъ раскрылъ мнѣ расходную книгу по отдѣлу забора хошүннаго князя. Это былъ неподобный документъ, начинавшійся съ перваго года правленія Тунъ-чжи (1862 г.) и тянувшійся до 9-го года правленія Гуанъ-

сью (1883 г.), проштудировать его было въ высшей степени интересно; но какъ для сего у меня совершенно не было времени, то я попросилъ нирбу сдѣлать мнѣ выписку изъ этой книги княжескихъ требованій и заборовъ хотя бы изъ одного или двухъ монастырскихъ аймаковъ. Лобсанъ-шарабъ тотчасъ же приказалъ одному изъ писцовъ переписать два аймака и вотъ эта выписка въ ея точномъ переводѣ:

«Заборы князя изъ аймаковъ Чжикчжитъ и Дэмчокъ Цзунъ-хурънь-скаго монастыря.

Изъ чжисана аймака Чжикчжитъ отправлено:

Тунъ-чжи 1-го г. правленія, 2-й весенней луны 17 числа, въ казначейство князя	237 ланъ;
ихъ получилъ хѣфанъ Рабтанъ.	
» 5-го г. (1866 г.) средней зимней луны 8 числа отправлено	190 ланъ.
» того же года осенью отправлено	70 ланъ.
» 7 г. (1868 г.) 1-го числа 1-й лѣтней луны отправлено	183 л. 5 ц.
» 10 г. (1871 г.) 20-го ч. послѣдней осенней луны отправлено	403 ланъ.
» того же года, 13 ч. послѣдней зимней луны	303 л. 5 ц.;
деньги эти получилъ тэригунъ Судзуктѹ въ уплату за доставку топлива для войскъ.	
« 13 г. (1874) 9 ч. 2-й лѣтней луны отправлено	250 ланъ;
деньги эти получили дѣ-ламѣ Чжамсаранъ и цзайсанъ Дондой.	
На расходы по чествованію Гэнтѣя выдано	9 л. 6 ц.
Гуанъ-сью 4-го г. (1878) 2-й л. 14 числа, по приказанію князя, выдано тѣйну Чжамсарану, бывшему порчжй-ламѣ въ видѣ княжескаго подарка	25 ланъ.

Тунъ-чжи въ 7-мъ году въ счетъ цѣнности коровьяго масла уплачено лошадьми	75 головъ.
въ 11 году коровьяго масла	212 гин.
Гуанъ-сью въ 1-мъ г. (1875 г.) коровьяго масла	295 гин.
въ 3-мъ году (1877) въ разное время осени, зимы и весны доставлено коровьяго масла	450 гин.
въ 4-мъ (1878) г. осенью и зимою доставлено коровьяго масла	298 гин.

въ 5-мъ (1879) году доставлено коровьяго масла. . .	250 гин.
въ 6-мъ (1880) » » » » . . .	100 гин.
въ 7-мъ (1881) » » » » . . .	505 гин.
въ 8-мъ (1882) » » » » . . .	210 гин.
въ 9-мъ (1883) » » » » . . .	296 гин.

Взято изъ чжисана на нужды князя:

Боронъ торгò 2 куска.

Дашй-хадаковъ 100 шт.

Козловыхъ и овечьихъ шкуръ 67 шт.

Для внутренней обшивки княжеской юрты взято пестрой русской дѣбу (вѣроятно, — ситець) — 3 куска.

Ковровъ 2.

Во 2-мъ году Гуанъ-суй (1876 г.) для княжескаго стола затребовано 15 барановъ.

Изъ чжисана аймака Дэмчѡкъ.

Тунъ-чжи 1-го г. прибывшій въ 2-й лунѣ хѡфанъ Рабтанъ долженъ былъ получить 250 ланъ, но выдано 150

а 100 ланъ не достало.

5-го (1866) года 9-й л. 16 числа хѡлгачи Цэрѣномъ доставлено князю 70 ланъ.

того же года 11 луны 8 ч. хѡлгачи Лобсанъ доставилъ князю 190 ланъ.

въ 6-мъ (1867) г. по случаю сбора овецъ на провiантъ войскамъ доставлено 103 ланы.

въ 7-мъ (1868) г. по случаю поѣздки князя въ Пекинъ доставлено на расходы 487 ланъ.

въ 10-мъ (1871) году по случаю поѣздки князя въ Пекинъ отъ аймака Дэмчѡкъ затребовано 656 ланъ; по немедленной высылкѣ возможнаго, оставалось не выплаченнымъ 452 ланы; въ число ихъ 12-го числа послѣдней зимней луны того же года тэригунъ Сунцуктѣ получилъ 204 ланы; это были 4 слитка юанъ-бао 407 ланъ.

въ 12-мъ (1874) году, 8 луны 28 ч. черезъ посредство дѣ-ламы Чжамсарана доставлено князю 268 ланъ.

Гуанъ-суй 4-го (1878) года первой зимней луны 13-го числа. . 25 ланъ.

Коровьяго масла:

Зимю 13-го года Тунъ-чжи приказано было доставить въ княжескiй санъ 316 гиновъ; изъ нихъ за 70

гиновъ уплачено 20 сово́мъ-хадако́въ и доставлено масла натурою	446 гин.
Гуанъ-суй во 2-мъ (1876) году доставлено	100 гин.
въ 3-мъ (1877) году	150 гин.
23-го числа 10-й луны того же года	191 гин.
въ 4-мъ (1878) году 17-го ч. 1-й луны	150 гин.
» 11-го ч. 8-й луны	100 гин.
» 21-го ч. 1-й зимней луны	150 гин.
въ 5-мъ (1879) году въ прибавочной лунѣ	45 гин.
» 28-го ч. послѣдней лѣтней луны	83 гин.
въ 6-мъ (1880) году 7-го ч. 1-й лѣтней луны	50 гин.
» 4-го ч. 1-й осенней луны	33 гин.
въ то же время дарга Дамба доставилъ	17 гин.
въ 6-мъ (1880) году 27-го ч. средней осенней луны	50 гин.
» 20-го ч. 1-й зимней луны	109 гин.
въ 7-мъ году 25 ч. 2-й луны	150 гин.
» 15 ч. прибавочной луны	102 гин.
» 20 ч. послѣдней осенней луны	150 гин.
въ 8-мъ (1882) году въ 5-й лунѣ	75 гин.
» въ 7-й лунѣ	75 гин.
» 12-го ч. 9-й луны	100 гин.
въ 9-мъ (1883) году 5-го ч. 1-й луны	150 гин.
» въ 5-й лунѣ	51 гин.
» осенью	96 гин.
Сверхъ сего на нужды князя доставлено новыхъ бараньихъ тулу- повъ 100.	
Доставлено козловыхъ шкуръ: въ хошунное управленіе	15
въ княжескій санъ	15
въ 13-мъ г. Тунъ-чжи въ княжескій санъ	25
Во 2-мъ г. Гуанъ-суй для стола князя затребовано барановъ 15.	

Въ 10¼ часовъ, когда небо нѣсколько прояснѣло, я, забравъ фото-
графическіе аппараты, отправился чтобы сдѣлать нѣсколько снимковъ
Цзунъ-хуръня и при этомъ цзунъ-хуръньскіе ламы опять таки отъ мала до
велика поразили меня своею солидностью. Собравшись толпою человекъ
въ 70, 80, они, конечно, смотрѣли на фотографированіе какъ на невидан-
ное зрѣлище, но ни мало не мѣшали мнѣ снимать и въ концѣ концовъ по-
просили объяснить, какимъ это образомъ дѣлаются снимки. Объясненіе
длилось минутъ 20; ламы, кто стоя, кто сидя, слушали меня и такъ какъ

лекція эта читалась тутъ же, при аппаратѣ, то я былъ сугубо награжденъ, ибо могъ съ удобствомъ и совершенно не замѣтно для слушателей снять для себя нѣсколько десятковъ ламскихъ типовъ, которыхъ при иныхъ условіяхъ, конечно, никогда не возможно было бы собрать въ такую группу.

Окончивъ фотографированіе и возвратившись домой, я узналъ здѣсь отъ жены, что мои извозчики выражали уже свое нетерпѣніе слѣдовать въ дальнѣйшій путь; поэтому, приказавъ имъ готовиться и запрягать, я пригласилъ къ своему чаю и закускѣ здѣшняго порчжй, гѣбкѹя и своего хозяина — нирбѹ. Пробесѣдовали съ полчаса; гостей своихъ я угостилъ наливкой, а самъ выпилъ водки, отъ которой они, какъ ламы, отказались, пообѣдали же мы всѣ вмѣстѣ бараньимъ супомъ. За обѣдомъ было сказано нѣсколько йѳрѳлей на тему о сдѣланномъ пріятномъ знакомствѣ и о радостномъ свиданіи нашемъ въ будущемъ, т. е. если не въ настоящемъ, то въ одномъ изъ слѣдующихъ перерожденій. На прощанье каждый изъ ламъ поднесъ мнѣ по хадакѹ, а засимъ мы сѣли и выѣхали изъ Цзѹнъ-хурѣня въ 12 ч. 30 м. по полудни.

Спустившись съ пригорка, на которомъ располагается монастырь, мы въ 1 ч. 30 мин. подѣхали къ Хэрѹлѹну. Вода, стоявшая очень высоко въ теченіе всего послѣдняго мѣсяца, теперь поднялась еще больше отъ обилія падавшихъ въ верховьяхъ рѣки дождей. Проживавшіе у мѣста переправы монголы говорили намъ, что переправиться черезъ рѣку хотя и трудно, но возможно; такъ какъ лошадямъ все же не приходится двигаться вплавь. Одно было не удобно, это — переправлять телѣги: послѣднія, несомнѣнно, должны были скрыться подъ водою, а слѣдовательно рѣшительно все имѣло быть подмоченнымъ. Послѣ обѣщанія за перевозъ каждой телѣги въ сухомъ видѣ по лану серебра, а за весь караванъ 3-хъ ланъ, или 6 р. с., монголы рѣшили перевозить меня «амбаньскимъ» способомъ. Они притащили двѣ двухколесныхъ арбы, запрягаемыхъ быками и связали эти двѣ арбы вмѣстѣ, образовавъ такимъ образомъ единую, широчайшую телѣгу, которую никоимъ образомъ не могло уже опрокинуть напоромъ и быстротою теченія воды. На этотъ искусственно устроенный переправочный экипажъ они хотѣли ставить наши телѣги и въ этомъ видѣ перевозить ихъ. Они увѣряли, что въ такой переправѣ нѣтъ ничего опаснаго и этимъ способомъ они всегда перевозятъ амбаней и старшихъ чиновниковъ. Намъ самимъ они предлагали садиться уже на верхушку нашей телѣги и ѣхать, сидя приблизительно на высотѣ аршинъ пяти надъ землею. Конечно, имѣя въ виду обычность такихъ переправъ особенно опасаться было нечего и мы согласились. Все было уже готово и телѣги должны были двигаться,

какъ отъ рѣки слышались крики монгола, разрушившіе все предположеніе: вода оказалась настолькоъ высокою, что покрыла бы быковъ съ голо-

Способъ переправы черезъ р. Хэрүлүнъ.

вою и мало того, даже лошади не могли теперь переправляться иначе какъ вплавь. И такъ, отъ переправы черезъ Хэрүлүнъ близъ Цзүнъ-хурѣня пришлось отказаться; оставалось искать для этого другого мѣста. Выгоднѣе всего представлялось, конечно, ѣхать къ верховьямъ рѣки; но движеніе въ эту сторону было затруднительно въ томъ отношеніи, что пришлось бы переѣзжать множество мелкихъ рѣчушекъ, каждая изъ которыхъ уже сама по себѣ могла представить задержку: особенно опасными, по словамъ монголовъ, являлись три Бургүйнъ-гѡл'а, Барүнъ, Дундъ и Цзүнъ, протекающія неподалеку на сѣверо-востокъ отъ Цзүнъ хурѣня. При такомъ положеніи намъ оставалось ѣхать только внизъ и сдѣлать приблизительно три дня лишняго пути до первой имѣющейся переправы на лодкахъ. Въ эту сторону мы двинулись въ 3 ч. 20 м. по полудни.

Путь нашъ лежалъ теперь широкою долиною Хэрүлүна, поросшею густою травою и представлявшею собою превосходный лугъ. Въ 4 часа переправились черезъ рѣчку Дундү Байталыгійнъ гѡль невдалекѣ отъ ея устья. Это былъ тотъ самый Байталыкъ, который переѣзжали мы вчера вечеромъ. Нѣсколько ниже пройденной нами вчера дороги, три рѣчушки,

Бару́нь, Дунд́у и Цэ́унь Байталы́къ, соединяются въ одну рѣчку, носящую имя Дунд́у-Байталы́къ'а, сохраняющую общее направленіе на ЮВ и версть черезъ 12 теченія впадающую въ Хэрүлү́нь. Отсюда мы начали подниматься на уваль Эрэгитэй ху́рукъ (ᠡᠷᠭᠢᠲᠡᠢ ᠬᠦᠷᠦᠭᠦᠰᠡ) ухѣ. Спустившись съ него, мы ѣхали долиною Хэрүлү́на въ разстояніи версты отъ берега, до впаденія въ него р. Дунд́у-Байталы́гійнь гѣль, на которой остановились въ 6 ч., чтобы напиться чаю. Такъ какъ ночлеги предстоятъ намъ безъ воды, то мы сдѣлали запасъ въ 2 бутылки и тронулись далѣе въ 7 ч. 40 м. Тотчасъ же поднялись на Цэцэкъ-нугуй́нь ширѣ, по которому ѣхали до 9 ч. вечера. Это — возвышенная и ровная долина, съ хорошею растительностью и массою цвѣтовъ. Съ 9 ч. долина эта начала хотя и чрезвычайно полого, но замѣтно понижаться и въ 10 ч. вечера мы остановились на этомъ спускѣ для ночлега среди прекрасной степи, хотя и безъ воды. Ночь была прелестна: чистое небо, яркая луна, воздухъ и окрестности совершенно сухія, о дождѣ не было и помина.

16-е Юля. Пятница.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+16^{\circ}$; 12 ч. $+21^{\circ}$; 3 ч. $+21^{\circ}$; 6 ч. $+11^{\circ}$.

Выѣхали въ 6 ч. утра и продолжали путь по той же полого-покатой долинь Шанагѣ, подъ каковымъ именемъ извѣстенъ спускъ на южную сторону Цэцэкъ-нугуй́нь ширѣ. Лѣсной растительности здѣсь уже вовсе никакой не видно. Оставивъ за собою окончательно эту возвышенность, мы въ 8 ч. 15 м. начали снова подниматься на отлогій уваль горы Мальцээнэ. Последняя возвышается надъ берегомъ Хэрүлү́на и находилась теперь влѣво отъ нашей дороги, нѣкоторое время скрывая отъ насъ теченіе рѣки. Спустившись съ этого увала, мы увидали въ долинь, вправо отъ дороги, озеро Аягѣ гүнь нүрѣ, съ которымъ мы поровнялись въ 8 ч. 40 м. Озеро раздѣляется на четыре небольшихъ бассейна; вода въ немъ не годна для питья, ибо является горько-соленою на вкусъ. Масса птицы и особливо лебедей находилась на каждомъ изъ этихъ озеръ, причемъ одного лебедя пришлось и намъ убить изъ револьвера. Отъ озера по долинь, въ направленіи къ Хэрүлү́ну извиается ручеекъ, слѣдуя руслу котораго потянулася теперь и наша дорога. Достигнувъ Хэрүлү́на, мы должны были подниматься на скалу, которая виситъ прямо надъ берегомъ рѣки. По ней мы обогнули гору и, спустившись на берегъ Хэрүлү́на, остановились здѣсь для полдника. Извозчики мои задумали было здѣсь устроить переправу черезъ Хэрүлү́нь и повели съ мѣстными монголами объ этомъ переговоры, однако послѣдніе не привели ни къ какимъ результатамъ. Рѣка, по вѣшнему виду, представляла дѣйствительно прекрасные броды: масса отмелей и острововъ виднѣлась по различнымъ мѣстамъ ея русла; но за всѣмъ тѣмъ ближайшее изслѣдованіе

его показало, что помимо этих отмелей рѣка рѣшительно не проѣзжаема по причинѣ своей глубины. Двинувшись съ мѣста своей стоянки въ 2 часа по полудни, мы ѣхали до мѣста своего ночлега въ теченіе 6 часовъ и за все это время едва ли сдѣлали 6 верстъ. Надъ берегомъ Хэрүлүна здѣсь возвышается гора, именуемая Байца. Мы должны были обогнуть ее, но берега рѣки оказались здѣсь настолько покрытыми болотными кочками и камнями, что мы, сдѣлавши сотню шаговъ, останавливались на 10, 15 минутъ то для исправленія лошадиной сбруи, то для поправки телѣга и клади, то для помощи лошадямъ. Обогнувъ Байца, мы выѣхали на долину Хэрүлүна передъ Олбинъ дабаномъ и здѣсь остановились для ночлега. Въ долину, у самаго обрыва надъ рѣкою, оказалось три большихъ тюкюэскихъ могилы. Онѣ представляли собою обычные груды камней, окруженныя вросшими въ землю каменными плитами. Нѣкоторую особенность и усложненіе въ своемъ типѣ представляла самая большая изъ могилъ: по восточной и западной сторонамъ ея большой круглой оградѣ располагалось по три въ рядъ всего 21 небольшихъ каменныхъ круговъ. У другой, меньшей могилы къ оградѣ ея круга съ восточной стороны примыкала каменная дорожка; впрочемъ этотъ типъ уже хорошо извѣстенъ у насъ по описаніямъ Потанина.

17-е Юля. Суббота.

6 ч. $+9^{\circ}$; 9 ч. $+19^{\circ}$; 12 ч. $+21^{\circ}$; 3 ч. $+23^{\circ}$; 6 ч. $+$

Проснулись въ 4 часа утра отъ холода и сырости: термометръ показывалъ только $+4\frac{1}{2}^{\circ}$, а на степи лежала большая роса. Напившись чаю, мы выѣхали въ 5 ч. 45 м. и въ 6 часовъ начали подниматься на перевалъ Олбинъ даба. Перевалъ этотъ очень крутъ и каменистъ, а потому и труденъ для переправы. Своихъ лошадей мы должны были проводить по одиночкѣ, помогая каждой изъ нихъ встаскивать возъ на подъемъ. Въ 7 ч. 45 мин. спустились съ дабана и продолжали свой дальнѣйшій путь горною падыю въ направленіи къ Хэрүлүну, береговъ коего достигли уже въ 8 ч. 55 мин., близъ урочища Ббгійнь амъ. Къ послѣдному мы подъѣхали въ 9 ч. 40 мин. Отсюда дорога наша шла уже долиною Хэрүлүна, имѣя передъ собою гору Йэхэ угбмүрь. Проѣзжая по этой долину, мы встрѣтили здѣсь массу такъ называемыхъ болотныхъ бурундуковъ. Это маленькій звѣрокъ, бѣлаго цвѣта, съ коричневымъ пятномъ на спинѣ и длиннымъ хвостомъ, оканчивающимся пушистою кисточкой. Въ 11 час. остановились для полдника у горъ Байнь-улъанъ, стоящихъ на лѣвой сторонѣ Хэрүлүна. Горы эти величественны и славятся въ окрестностяхъ своимъ изобиліемъ и удобствомъ для кочевьевъ. Мѣстные монголы называютъ ихъ «минганъ обблчжбтэй, минганъ худуктай», т. е. имѣющими тысячу зимовокъ и ты-

сячу колодцевъ. Въ исторіи онѣ играютъ видную роль особливо въ періодъ чжунгарскихъ набѣговъ на Монголію во времена Галдана Бошокту. Подъѣхавшіе къ намъ здѣшніе кочевники много разказывали намъ о горахъ Байнъ-улаънъ. По словамъ ихъ, онѣ принадлежатъ хошуну Батуръ-гуна цэцэнъ хяновскаго аймака и, помимо своей исторической славы и значенія лучшихъ кочевьевъ въ своемъ хошунѣ, замѣчательны еще и тѣмъ, что въ нихъ находятъ «драгоценные камни». Это извѣстіе не могло не заинтересовать насъ и, по распросамъ, оказалось, что эти «драгоценные камни», вѣроятно, суть ничто иное какъ горный хрусталь, или топазъ. Монголы объясняли, что ихъ находятъ въ формѣ заостренныхъ кверху кристалловъ различной величины. Болѣе обычно собираемые монголами являются толщиной въ локтевую кость руки и длиною отъ $\frac{1}{4}$ аршина до пяти четвертей. На мое замѣчаніе что подобные камни встрѣчаются и у насъ, на горѣ Адунъ-чулү, бесѣдовавшій со мною ламъ сообщилъ, что адунъ-чулүскіе камни ему извѣстны и что порода ихъ дѣйствительно совершенно одинакова съ байнъ-улаъскими; но послѣдніе несравненно темнѣе первыхъ по своему цвѣту. Мѣстные монголы давнымъ давно уже стали разыскивать и подбирать эти камни; они отдавали ихъ проѣзжимъ китайскимъ торговцамъ въ обмѣнъ на чай, табакъ, или какую нибудь бумажную мануфактуру, а китайцы сообщали имъ, что они отвозятъ эти камни въ Тянь-цзинь, гдѣ изъ нихъ выдѣлываютъ китайскія табакерки, очки и разнаго рода привѣски. Правильной разработки байнъ-улаъскихъ камней никогда не производилось; тѣмъ не менѣе за послѣдніе пять лѣтъ получаемыя отъ камней выгоды такъ заинтересовали монголовъ, что они начали не только подбирать, но также раскапывать и ломать камень. Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Батуръ-гуна, то послѣдній тотчасъ-же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы подобныя раскопки были прекращены и, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, воспретилъ всякую добычу и продажу байнъ-улаъскихъ камней китайцамъ. Мѣстные ламы объяснили владѣтелю этого хошуну, Батуръ-гуна, что драконъ, покровитель Байнъ-улы, необычайно злобный и если-де составляющая собою мѣстопробываніе этого дракона гора будетъ раскапываема и разрушаема, то онъ, несомнѣнно, вознегодуетъ и поразитъ весь нутѣкъ, или кочевья, Батуръ-гуна болѣзнями. Въ силу такого распоряженія батуръ-гуновцы прекратили теперь добычу камней и не подбираютъ даже тѣхъ изъ нихъ, которые прямо валяются на поверхности. Послѣдующіе наши изслѣдователи-геологи должны непременно обратитъ свое вниманіе на эту гору тѣмъ больше что, по крайней мѣрѣ по словамъ монголовъ, байнъ улаъскіе топазы ставятся по качеству даже выше адунъ чулүскихъ, достоинство коихъ возводится нашими знатоками въ раз-

рядъ первостепенныхъ. Съ мѣста отдыха мы двинулись далѣе въ 3 час. 45 мин. и, продолжая путь мимо Байнъ-ула̄на, выѣхали наконецъ въ долину Души угѣмѣръ въ 6 час. вечера. Долина эта обильно поросла травами. Отсюда, переваливъ черезъ невысокіе холмы, мы вступили въ долину Бугудѣръ-хара усѣ, въ которой и остановились для ночлега въ 9 часовъ вечера.

18-е Юля. Воскресенье.

6 ч. $+12^{\circ}$; 9 ч. $+17^{\circ}$; 12 ч. $+21^{\circ}$; 3 ч. $+24^{\circ}$; 6 ч. $+23^{\circ}$; 9 ч. $+17^{\circ}$.

По утру большая роса. Выѣхали въ 6 ч. утра и продолжали путь въ направленіи къ Хэрѣлѣну. Въ долині Бугудѣръ хара усѣ содержится постоянный перевозъ черезъ рѣку, которымъ надѣялись мы воспользоваться; по этой причинѣ какъ мои монголы, такъ и я самъ заѣзжали почти въ каждую юрту освѣдомиться, гдѣ именно находится теперь этотъ перевозъ: оказалось однако, что мѣстные жители не только не могли сообщить намъ этого, но многіе изъ нихъ не знали даже и о существованіи этого перевоза. Удивительно близорукій народъ, не интересующійся знать даже то, что происходитъ въ районѣ какихъ нибудь 8, 10 верстъ отъ его кочевки! Въ 7 ч. 20 мин. дорога наша пролегла параллельно высоко поднимающейся горѣ Улцэйтѣ ула, а въ 9 ч. мы подъѣхали къ берегу Хэрѣлѣна. Случайно остановившись близъ аила въ три юрты, мы узнали, что именно хозяева этихъ юртъ и занимаются перевозомъ. Они выразили желаніе перевезти насъ, хотя сообщили, что съ недѣлю тому назадъ напоромъ воды плотъ ихъ унесло внизъ версты на три и его необходимо было привести. Начались переговоры, которые велись часа два. Имѣя въ виду, что плотъ нужно было еще вести къ мѣсту переправы, монголы-перевозчики запросили съ насъ за перевозъ по 15 кирпичей чая съ телѣги, а всего 45 кирпичей; мы дали имъ съ перваго раза 9 кирпичей и въ концѣ концовъ сошлись на 18 кирпичахъ, которые тотчасъ же и поднесли вмѣстѣ со знакомъ любезности и добрыхъ пожеланій — хадакомъ. Пригнанный плотъ оказался устроеннымъ изъ трехъ листовичныхъ бревенъ, верхковъ по 10 въ отрубѣ, сбитыхъ вмѣстѣ поперечными кольями. Приходилось перевозить по одной телѣгѣ, отчего переправа, начавшаяся въ 1 часъ дня, затянулась до 3½ часовъ. Лошади были перегнаны вплавъ. Теченіе рѣки было очень сильно и плотъ нашъ несло внизъ какъ щепку, не смотря на усиленную работу монголовъ, задерживавшихъ это стремленіе упоромъ шестовъ въ дно рѣки. Русло Хэрѣлѣна въ данномъ мѣстѣ не превосходитъ по ширинѣ 25 саженей, но прибыль воды разлила его въ общемъ саженей на 50, по этой то причинѣ намъ приходилось останавливаться на залитомъ во-

дою берегу и спускать съ плота свои телѣги опять таки въ воду, которая впрочемъ была не глубже чѣмъ по колѣно. Здѣсь запрягли мы лошадей и съ немалюю трудностью выбрались на сушу.

Отъ береговъ Хэрүлүна мы двинулись въ 4 ч. 15 мин. и направились безъ дороги по долинѣ лѣваго берега этой рѣки, держа путь на СВ. Долина обширна и отмѣнно богата своими травами. Въ 5 ч. 50 мин. начали подниматься на Буйнъ-улцзэй-дабѣ и взбирались на него ровно часъ. Перевальтъ пологій и дорога по нему прекраснаго твердо песчанаго грунта, усѣянная мелкою галькой. Здѣсь повстрѣчали мы поѣздъ дочери Цэцэнъ хана, направлявшейся на богомолье въ Ургу. Сама княжна ѣхала въ простой монголо-китайской телѣгѣ, багажъ же ея былъ навьюченъ на 12 верблюдахъ. Извозчики мои сдѣлали предположеніе, что, вѣроятно, ей придется простоять на берегу Хэрүлүна дней десять. Съ вершины Буйнъ-улцзэй дабѣна передъ нами открылась громадная степь, окруженная на сѣверѣ горами, расположенными какъ бы амфитеатромъ. Проѣзжая по этой степи, мы въ 7 ч. 50 мин. остановились для ночлега при хулукахъ Бильгяхъ. Всего здѣсь было три колодца совершенно хорошей и чистой воды, вполне добрыя качества которой ослаблялись лишь тѣмъ, что она немного отзывается землею.

19-е Іюля. Понедѣльникъ.

6 ч. $+14^{\circ}$; 9 ч. $+20^{\circ}$; 12 ч. $+24^{\circ}$; 3 ч. $+26^{\circ}$; 6 ч. $+25^{\circ}$;
9 ч. $+14^{\circ}$.

Встали въ 3 ч. 45 мин. и въ 4 ч. 50 мин. уже двинулись въ путь. Слѣдовали по той же степи, оказавшейся испещренною увалами, такъ что мы почти незамѣтно то поднимались то опускались, какъ будто по волнамъ. Въ 6 ч. 15 мин. проѣхали худукъ Сучжи, при которомъ находилось до 15 юртъ, Отсюда, черезъ три увала, въ 7 ч. 10 мин. мы добрались до озера Цагянъ-нүрѣ, лежащаго въ двухъ котловинахъ, между которыми протягивается дорога какъ бы по дамбѣ. Здѣсь мы выѣхали на почтовый трактъ, ведущій изъ Урги къ ставкѣ Цэцэнъ-хана и двигались по нему до 8 ч. утра. На всемъ пройденномъ сегодня пространствѣ намъ попадалась масса дичи и въ нынѣшнее утро мы успѣли убить двухъ рябчиковъ, одну дрохву (тѣдакъ) и двухъ молодыхъ дрохвянятъ. Въ 8 час. мы, оставивъ цэцэнъ-хановскій трактъ, повернули почти прямо на сѣверъ и въ 9 час. 10 мин. добрались до оз. Тосунъ-аршанъ нүрѣ, при которомъ остановились для полдника. Озеро имѣетъ около версты въ окружности и располагается въ круглой котловинѣ, какъ бы въ чашѣ. Неподалеку отсюда проживаютъ, говорятъ, торгующіе китайцы изъ Долонъ нүра: они занимаются преимущественно сборомъ скота и въ обмѣнъ на скотъ почти исключительно ве-

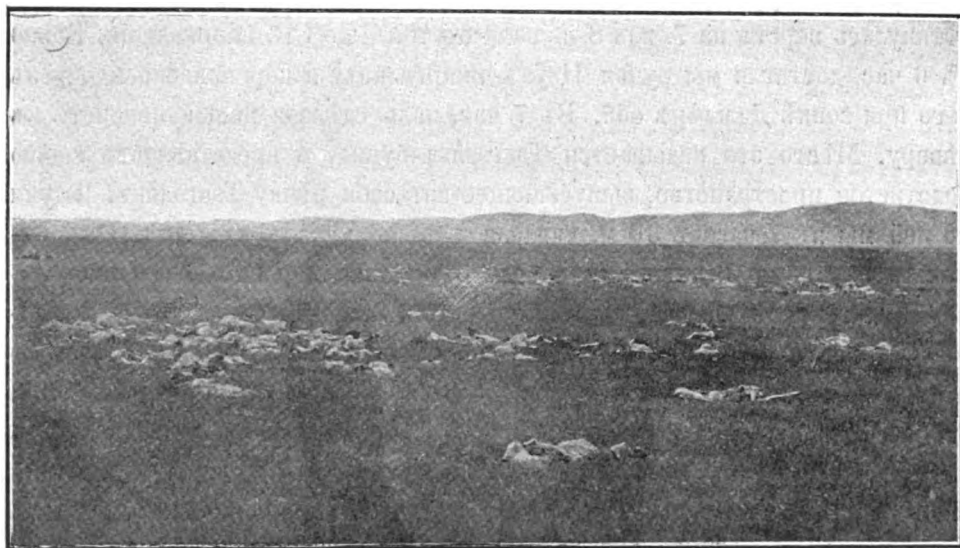
дуть всю свою торговлю. Супъ, приготовленный нами изъ мѣстной дичи, оказался довольно вкусенъ, но мясо, особливо рябчиковъ, страшно отзывалось польнью. Двинулись въ дальнѣйшій путь въ 2 ч. 20 мин. и ѣхали волнистою степью до р. Цэнкѣра, подъ каковымъ именемъ извѣстна здѣсь теперь рѣка, въ старинныхъ памятникахъ именуемая Сэнкүръ. Въ мѣстѣ нашей переправы, при горѣ Байца, она имѣла ширины до 8 сажени, глубиною же была не выше $\frac{1}{2}$ аршина; вода въ ней совершенно чистая, а дно устѣяно мелкой галькой. Окрестныя мѣста изобилуютъ преданіями о Чингисѣ ханѣ и, проѣзжая по этимъ пустыннымъ пространствамъ, я прослушалъ не мало легендъ объ охотахъ и облавахъ, которыя велъ здѣсь славный монгольскій завоеватель. Разказываютъ, что нѣсколько выше нашей переправы черезъ р. Цэнкѣръ, въ долину ея находятся двѣ столбообразныхъ горы; одна изъ этихъ горъ, находящаяся у самаго берега рѣки, называется Гольйнь цзольтэгликъ, другая, противулежащая ей въ степи, — Худбнэй цзольтэгликъ. Такъ какъ форма этихъ горъ отчасти походитъ на столбики, употребляемые для привязи животныхъ, то народная фантазія и создала легенду, по которой Чингисъ-ханъ, охотясь въ здѣшнихъ мѣстахъ, поставилъ здѣсь эти столбы, протянулъ между ними веревку и, образовавъ «цзэли», привязывалъ къ ней своихъ охотничьихъ лошадей. Впослѣдствіи эти, прежде деревянные столбы окаменѣли и превратились въ горы. Совершая свою облаву, Чингисъ, двинувшись отъ Цзольтэглика, полднелъ на р. Удэ, погналъ звѣря на Агѣ, попалъ въ него стрѣлою на Ононѣ; отсюда и получили свое названіе всѣ помянутыя мѣстности (Удэ-ду удэлэсэнъ, Агэ-ду агнасанъ, Ононъ-ду-оносанъ). Слушая эти разказы, я припомнилъ далѣе, что и по преданіямъ, занесеннымъ въ лѣтописи, именно гдѣ то здѣсь, на Сэнкүрѣ, во время оно скрывался спасшійся изъ тайчжіутскаго плѣна Чингисъ-ханъ; въ ту пору онъ, по сказаніямъ исторіи, не находилъ здѣсь себѣ иной пищи, помимо полевыхъ мышей. Теперь мы встрѣтили при рѣкѣ до 10 юртъ монголовъ Хла-чжондн-гунэй хошүна и, вошедши въ одну изъ юртъ, я нашелъ хозяевъ ея занятыми приготовленіемъ ужина изъ убитыхъ тарбагановъ. Очевидно, мѣстные обитатели и въ настоящую пору ушли не далеко отъ Чингиса, питаются тѣми же полевыми мышами. Впрочемъ необходимо замѣтить, что это питаніе мышами было для нихъ едва ли результатамъ бѣдности и нужды: повсюду мы встрѣчали здѣсь массы скота и довольство здѣшнихъ монголовъ не подлежитъ сомнѣнію. Отъ р. Цэнкѣра вдругъ подулъ сѣверный вѣтеръ и въ продолженіе получаса температура упала на 9°. Забравъ изъ Цэнкѣра, по обычаю, двѣ бутылки воды, мы не стѣснялись уже остановкой и стали на ночлегъ въ 9 часовъ вечера, среди

роскошно травянистой степи, вдали отъ всякихъ водяныхъ источниковъ и колодезь.

27-е Юля. Вторникъ.

6 ч. $+11^{\circ}$; 9 ч. $+13^{\circ}$; 12 ч. $+17^{\circ}$; 3 ч. $+17^{\circ}$.

Встали въ 4 часа и буквально дрогли отъ холода, хотя термометръ показывалъ $+7^{\circ}$. Вчерашній сѣверный вѣтеръ продолжаетъ дуть и сегодня; небо съ сѣвера покрыто тучами; на востокѣ виденъ падающій дождь; съ 5 часовъ онъ началъ моросить и у насъ. Выѣхали въ 6 ч. и продолжали путь въ направленіи къ СВ. по ровной степи, съ песчано-каменистою почвою. Травы здѣсь хорошія, но не особенно высоки, а населенія, по причинѣ безводья, нѣтъ вовсе. Въ 7 ч. 10 мин. доѣхали до урочища Ширь, гдѣ увидали страшную картину гибели монгольскаго скота отъ стужи. То было два хорбна (загона) овецъ и всего лежало здѣсь до 400 головъ. Нѣкоторыя туши теперь совершенно высохли и лежали какъ бы совершенно не тронутыми, другія были наполовину съѣдены собаками. Проводникамъ моимъ эта встрѣча дала богатую тему для разгово-

Картина гибели монгольскаго скота.

ровъ. Погибаютъ здѣсь овцы, говорили они, главнымъ образомъ въ Маѣ. Въ эту пору травы показываются еще очень плохо и кормовъ почти вовсе не бываетъ; скотъ, отощавшій зимою, теряетъ послѣднія силы; случись сибѣгъ, дождь, или холодъ и оголодалыя животныя мерзнутъ сотнями головъ на стужѣ, ибо укрыться имъ совершенно негдѣ. Хорбны, устраиваемые мѣстными монголами, представляютъ собою ни больше и ни меньше

какъ земляной валикъ, на высоту отъ одного до полутора аршина и считается уже какъ нѣчто отмѣнное, если, на ряду съ этимъ валикомъ, ставится еще такой же высоты плетень, прислонившись къ которому овцы, конечно, защищаются отъ вѣтра нѣсколько лучше. Переваливъ черезъ горы Ширь по пологому и длинному перевалу и проѣхавъ степью еще версты четыре, мы вступили въ долину Уланъ худугѣйнъ тала, составляющую границу кочевьевъ Хла-чжондонъ гѣна и Мэргэнъ-цзасака. Здѣсь въ 10 час. утра остановились мы для полудника, около небольшого сумѣннаго хурѣла, нынѣ оказавшагося совершенно пустымъ, хотя въ окрестностяхъ его было видно не мало монгольскихъ юртъ. Въ одной изъ нихъ мы купили для себя двухъ-лѣтняго барана за 3 кирпича чая и теперь мясо его показалось намъ необычайно вкуснымъ послѣ того какъ два дня мы питались исключительно дичью. Выѣхали въ 3 часа по полудни и направились къ сѣверу по пади, называемой Дашѣ-бальжуръ обѣ, отъ имени окаймляющаго ее съ востока и сѣвера длиннѣйшаго увала. Переваливъ черезъ этотъ уваль, мы въ 4 ч. 10 мин. вступили въ долину двухъ маленькихъ озеръ, Холбѣ-нуръ, отъ которыхъ дорога наша снова повернула на СВ. и потянулась верстъ на 7, или 8 по пади въ томъ же СВ. направленіи. Ровно въ 6 час. достигли мы ручья Цзѣунъ-чжиргалантѣ и переправились черезъ него при сопкѣ Дэлъгѣрѣ обѣ. Въ 7 час. падь сдѣлала новый поворотъ къ сѣверу. Мѣсто это называется Тэнгэлѣкъ-бѣридѣ и представляетъ собою болотистое пространство, выпускающее изъ себя рѣчку Тэнгэлѣкъ. Ъдучи по ней мы въ 7 часовъ 30 м. увидели хурѣнъ Хѣхэнъ хутухтѣ. Онъ отстоялъ верстъ на 6 влѣво, къ западу отъ нашей дороги и былъ расположенъ въ горной пади на ручьѣ Байнъ-гѣль, впадающемъ въ тотъ же Тэнгэлѣкъ. Здѣсь повстрѣчали мы одного изъ русскихъ бурятъ хоринскаго вѣдомства, прѣхавшаго на поклоненіе въ монастырь Хѣхэнъ хутухтѣ, а теперь возвращавшагося туда, на свою квартиру, послѣ пребыванія въ гостяхъ у знакомаго монгола. Известно, что Хѣхэнъ хутухтѣ пользуется особеннымъ расположеніемъ хоринскихъ бурятъ; теперь этотъ хоринецъ подтвердилъ намъ, что это «исконный» лама (уриданай лама) бурятъ и въ подтвержденіе этого разказалъ легенду, прекрасно рисующую какъ происхожденіе хоринскихъ бурятъ, такъ и тогдашнія отношенія ихъ къ Хѣхэнъ хутухтѣ. Встарину хоринскіе буряты жили вмѣстѣ съ Солонгутами и состояли подъ управленіемъ нѣкоего Бубѣй бѣйлѣ. Послѣдній вырывалъ съ корнями громадныя деревья, раздроблялъ ступнею каменные валуны, прострѣливалъ дикихъ козъ съ такого далекаго пространства, съ котораго обыкновенный человекъ могъ различать только глазами бѣлый предметъ, или черный; наконецъ въ стадахъ двадцати сайгачьихъ головъ онъ убивалъ

всѣхъ животныхъ, оставляя по выбору только двухъ молоденькихъ сайгачать, — самца и самку; такой ловкій и сильный былъ этотъ богатырь Бубѣй бѣйлэ. Однажды, ходя по степи, нашелъ онъ на истокѣ какого то ключа бронзовую печать (бао), принесъ и разказалъ о ней Хѹхэнъ-хутухтѣ, а гэгэнъ объяснилъ ему, что это печать царя драконовъ и является она знакомъ того, что Бубѣй-бѣйлэ долженъ царствовать. Слухъ объ этомъ разошелся между всѣми Солонгутами и они рѣшили посадить Бубѣй-бѣйлэ на ханство. У Бубѣй-бѣйлэ былъ сынъ, по имени Дай-хунъ-тайчжи. Этому сыну Бубѣй-бѣйлэ взялъ жену, по имени Бальчжина, дочь хана бѣлыхъ драконовъ и при этомъ обстоятельстве онъ отдѣлилъ Дай-хунъ-тайчжию въ управление 11 родовъ, которые впоследствии и составили собою 11 поколѣній хоринскихъ бурятъ. Послѣ свадьбы всѣ они отправились на поклоненіе къ Хѹхэнъ хутухтѣ, по дорогѣ много охотились и настрѣляли массу дичи. Прибывъ къ хуръню Хѹхэнъ хутухты, Бубѣй бѣйлэ остановился здѣсь своею ставкою, водрузивъ передъ нею, какъ знакъ своего достоинства, 8 знаменъ; сопровождавшіе его воины расположились въ мѣйханахъ, а самъ онъ въ юртѣ. Въ день, назначенный для аудіенціи, отъ дверей ханской юрты до дверей хутухты былъ посланъ златотканый атласъ и по нему шли ханъ съ ханшею и дѣтьми, а воины ихъ стояли по сторонамъ дороги. Поклонились Хѹхэнъ хутухтѣ; тотъ спросилъ, хорошо ли пріѣхали, а ханъ въ отвѣтъ на это разказалъ о своей необыкновенно удачной охотѣ. Хѹхэнъ хутухтѣ замѣтилъ, что бурятамъ необходимо замолить страшный грѣхъ убійства ими столькихъ одушевленныхъ существъ и предложилъ имъ остаться при кумирнѣ для покаянія на три дня. Съ непривычки къ молитвѣ буряты страшно устали, хотя все таки отбыли дни покаянія. При своемъ возвращеніи домой они заявили Хѹхэнъ-хутухтѣ, что намѣрены идти войною на востокъ а потому просятъ у него хранительныхъ талисмановъ (сакѹсу). Хутухтѣ приказалъ семи своимъ ученикамъ написать для cadaго изъ нихъ талисманы, но маловѣрные буряты, не стѣсняясь, говорили, что эти талисманы ничего не значущій пустякъ, едва дождались пока были готовы первые семь талисмановъ и тотчасъ же уѣхали. Прибывъ домой, они захотѣли однако попробовать хранительную силу сакѹсуновъ хутухты: повѣсили ихъ на шею семи козламъ и начали стрѣлять ихъ, — ни одна стрѣла не попала въ цѣль. Это произвело на бурятъ страшное впечатлѣніе и они рѣшили разрѣзать талисманы и взять по кусочку каждому; несчастные, они и не знали что, разрѣзывая, уничтожили вовсе это сокровище! Отправившись въ походъ, они шли девять мѣсяцевъ, дошли до моря и поѣхали дальше въ лодкахъ. Въ это время изъ воды показались какія то странныя существа, имѣвшія только наполовину человѣческое тѣло и начали бросать

въ бурять камнями. Лодки были разрушены и масса народу убита. Изъ 8000 человекъ домой возвратилось только 4000. Впослѣдствіи къ нимъ явился какой то хубилгѣнъ ламѣ, который объяснилъ имъ, что все это несчастіе произошло именно отъ истребленія бурятами сакѣсуновъ Хѣхѣнъ-хутухтѣ. Съ этого времени буряты познали силу хутухтѣ и начали питать къ нему особенное благоговѣніе, которое они сохранили и послѣ того, какъ, разсорившись съ Бѣбѣй-бѣйлэ они оставили его и перекочевали на сѣверо-западъ, въ предѣлы нынѣшней Россіи.

Что касается позднѣйшихъ гэгѣновъ Хѣхѣнъ-хутухтѣ, то буряты описывалъ мнѣ ихъ какъ въ высшей степени могущественныхъ и притомъ по своему ученію нѣсколько отличныхъ отъ всѣхъ прочихъ ламѣйскихъ гэгѣновъ въ Халхѣ. Выяснить въ подробностяхъ, въ чемъ именно состояли особенности этого ученія, исповѣдуемаго Хѣхѣнъ хутухтами, буряты мнѣ не могъ, по недостаточности своихъ знаній; но, по словамъ его, внѣшнюю особенность Хѣхѣнъ хутухтѣ является то, что они не брѣютъ волосъ на своей головѣ, а носятъ длинную скобку, раскидывающуюся у нихъ по плечамъ; ежедневно приносятъ они жертвы Падма-самбавѣ и особливо чествуютъ Мѣрву. Это конечно должно было свидѣтельствовать о томъ, что Хѣхѣнъ-хутухтѣ принадлежатъ по своему ученію или къ древней сектѣ Ньин-ма-ва, доктрины коей полны тантризма и всякаго рода колдовства и магіи, или къ новѣйшему видоизмѣненію ея, — сектѣ Гар-чжуд-ба, дающей предпочтеніе отшельничеству, созерцаніямъ и всякаго рода подвижничеству. Разказы буряты о жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ предшествовавшихъ перерожденій Хѣхѣнъ-хутухты до извѣстной степени подтверждали мнѣ это предположеніе. Такимъ образомъ онъ повѣрилъ мнѣ преданіе, что одинъ изъ старинныхъ хубилгѣновъ Хѣхѣнъ хутухтѣ началъ хлопотать у богдохѣна о выдачѣ ему печати на управленіе шабинѣрами; богдохѣнъ поначалу якобы отказалъ гэгѣну въ возбужденномъ имъ ходатайствѣ и тогда этотъ свирѣпый тантристъ, силою магическихъ заклинаній, произвелъ будто бы землетресеніе въ Пекинѣ, отъ котораго покрылась развалинами большая половина города. Другой хубилгѣнъ того же гэгѣна цѣлый вѣкъ провелъ въ подвижничествѣ и всю свою жизнь пролежалъ на правомъ боку, производя созерцаніе. Настоящій гэгѣнъ Хѣхѣнъ хутухтѣ еще очень молодъ, — ему не болѣе 17 или 18 лѣтъ; но уже и теперь онъ ходитъ съ распущенными по плечамъ волосами и отличается своею свирѣпостью. Монастырь его именуется Ринчѣнъ-тѣкѣнъ-линъ и служитъ мѣстожительствомъ для 1000 ламъ. Окрестные монголы усердно посѣщаютъ этотъ монастырь и притомъ не только для молитвъ, но и для исцѣленія отъ физическихъ недуговъ. Къ западу отъ хурѣня Хѣхѣнъ-хутухтѣ находится

такъ называемый Номтуйнъ аршанъ, — горько-соленый источникъ, холодныя воды котораго почитаются цѣлебными отъ внутреннихъ болѣзней. Шабинары Хѹхэнъ-хутухты, число которыхъ доходитъ до 1000 юртъ, кочуютъ по прилежащимъ монастырю урочищамъ. Помимо занятій скотоводствомъ они получаютъ еще порядочныя выгоды отъ принадлежащаго имъ солянаго озера, располагающагося въ равнинѣ Чандага-тала, къ ЮВ. отъ Хурѣня.

Разставшись съ бурятомъ, мы продолжали свой путь по рѣчушкѣ Тэнгэликъ-горихонъ. Она течетъ очень извилисто и русло ея лежитъ въ глубокой трещинѣ, почему переправа черезъ нее въ телгѣ очень затруднительна и можетъ быть совершена только въ извѣстныхъ мѣстахъ. Течетъ Тэнгэликъ верстъ на 20 и на всемъ этомъ протяженіи берега его болотисты и кочковаты. Впадаетъ онъ въ той же долинѣ въ рѣку Тэргэльчжійнъ гѣль. Долина эта ровная, обильная травами и необычайно красивая. Въ длину она тянется верстъ на 60, а въ ширину имѣетъ до 6 верстъ. Съ обѣихъ сторонъ она ограждена невысокими горами, вершины которыхъ покрыты лѣсомъ. Проѣзжая по ней, невольно вспоминаешь древность монголовъ; теперь она густо заселена податными людьми Мэргэнъ-цзасака. Въ 9 час. вечера доѣхавъ до р. Тэргэльчжй, мы остановились здѣсь для ночлега.

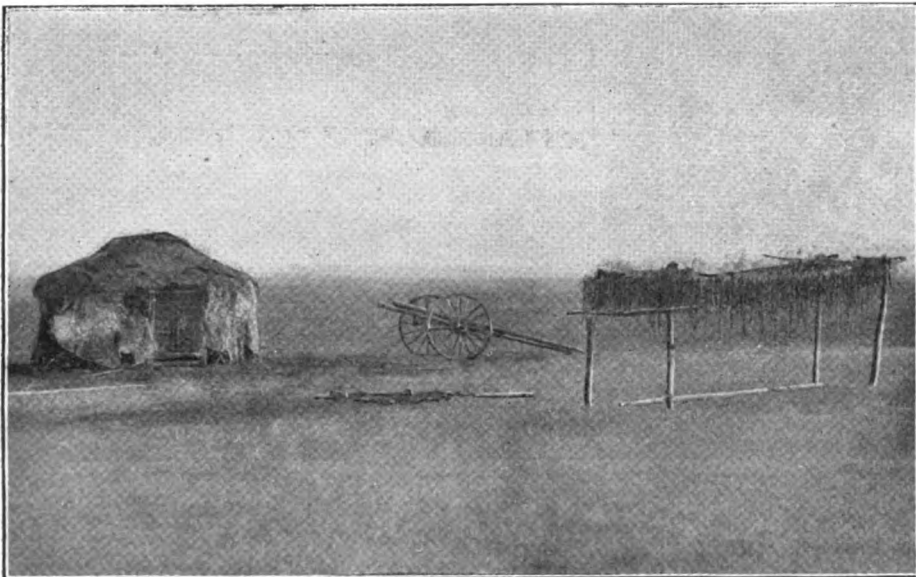
21-е Юля. Среда.

6 ч. $+9^{\circ}$; 9 ч. $+11^{\circ}$; 12 ч. $+17^{\circ}$; 3 ч. $+17$; 6 ч. $+16^{\circ}$; 9 ч. $+10\frac{1}{2}^{\circ}$.

Ночь была холодная и сырая; по утру въ 4 часа термометръ показывалъ только $+4^{\circ}$. Выѣхали въ 5 ч. 30 мин. и тотчасъ же переѣхали Тэргэльчжійнъ гѣль. Рѣчка имѣетъ до 1 сажени ширины, а по обѣимъ сторонамъ своимъ болотиста и кочковата на далекое пространство. Слѣдуя далѣе по той же пади, мы въ 8 час. 10 мин. достигли западной стороны горъ, въ общемъ называемыхъ Гурбунъ уцзуръ, и именно горы Барунъ уцзура. Здѣсь полагается граница хошѹна Губчйнъ чжондъ бэйсэ. Отсюда мы повернули по пади къ сѣверу и, переваливъ нѣсколько пологихъ уваловъ, въ 11 час. 10 мин. достигли ключа Байнъ-гѣль, отъ котораго течетъ небольшой ручей, шириною менѣе аршина. Здѣсь мы остановились для полдника и простояли до 2 ч. 50 мин., когда снова продолжали свой путь по той же пади. Въ 3 ч. 50 м. доѣхали до урочища Гурбунъ хѹгэнэ, отъ котораго падь снова поворотила на СВ. Въ 4 ч. 45 м. вступили въ урочище Шанага, съ небольшимъ ручьемъ. Населеніе здѣсь въ настоящую пору очень малое, такъ какъ мѣста эти отведены преимущественно подъ зимнія кочевки хошѹннхъ обитателей. Свидѣтельствомъ такихъ зимни-

ковъ являлось для насъ нѣсколько глинобитныхъ оградъ, устраиваемыхъ монголами для защиты отъ зимнихъ вѣтровъ. Въ одной изъ оградъ мы повстрѣчали даже нѣсколько глинобитныхъ байшиновъ; по объясненію монголовъ, байшины эти впрочемъ не жилые, а устроены мѣстными богачами, для храненія въ нихъ потребляемыхъ исключительно зимою имущества и пожитковъ. Въ 5 ч. 20 мин. вѣхали въ урочище Гурбунъ-чжиргаланту. Такъ называются три, подрядъ лежащія лощины (Барунъ, Дундѹ и Цзунъ). Миновавъ послѣднюю изъ нихъ, мы вступили въ обширную котловину Байнъ, посреди которой лежало болото, а на восточной, возвышенной окраинѣ находилось много юртъ и сѹринъ, въ видѣ огороженнаго глинобитной оградой такого же глинобитнаго байшина. Противъ всякаго ожиданія сѹринъ этотъ даже издали казался теперь обитаемымъ и я отправился по-смотреть, что могла бы обозначать эта необычайность. Подѣхавъ къ оградѣ, я увидалъ не далѣе какъ въ полуверстѣ отъ нея еще юрту, въ которой проживалъ хундѹй мѣстнаго сумуна съ цѣлю, какъ выяснилось, чрезвычайнаго сбора и приѣма податей. Необычайность эта была вызвана тѣмъ самымъ падежемъ скота, живую картину котораго мы видѣли вчерашнимъ утромъ. По разказамъ хундѹя, этотъ страшный падежъ скота охватилъ собою до шести хошунѹвъ цэцэнъ-хѣновскаго аймака и настолько ослабилъ ихъ благосостояніе, что теперь въ нихъ не осталось ни одного состоятельнаго человѣка, въ общемъ же слѣдуетъ положить, что изъ десяти головъ скота у отдѣльныхъ домохозяевъ осталось не болѣе двухъ, а у нѣкоторыхъ даже по одной скотинѣ. Такое бѣдственное положеніе вызвало собою еще новый вопросъ относительно отбыванія повинностей этими хошунами, почему съ мѣсяцъ тому назадъ цзасаки ихъ собирались у сеймоваго старшины для обсужденія вопроса, какимъ образомъ возможно облегчить простолюдинамъ исполненіе возложенныхъ на нихъ податей. На совѣтѣ этомъ сеймовой старшина, говорятъ, объявилъ цзасакамъ, что слѣдующіе съ ихъ хошунѹвъ взносы, ни коимъ образомъ не могутъ быть перенесены на другіе хошуны, а потому средства облегченія бѣднаго податного люда должны быть изысканы ими въ своей средѣ. По обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, рѣшено было: а) привлечь къ отбыванію повинностей лицъ, которыя до сего времени пользовались извѣстными льготами и прежде всего высшихъ военныхъ чиновъ хошунна; всѣ они начиная съ цзахирахчи до сумуннаго цзангйна и хундѹя, равно какъ и всѣ тайчжи обязываются теперь уплачивать законный процентъ податей съ половины своего скота; б) со всѣхъ приписныхъ людей (т. е. хамчжилга) этихъ тайчжievъ опредѣлено взимать общественныя подати пропорціонально ихъ достатку въ скотѣ совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, по которымъ упла-

чиваются такіа подати обычными хошунными людьми податныхъ сословіи; в) далѣе эти же хамчжилга привлекаются къ отбыванію и всѣхъ казенныхъ повинностей; г) съ приписныхъ людей родовыхъ хошунныхъ правителей, т. е. съ хамчжилга самихъ цзасакдовъ, въ какомъ бы чинѣ послѣдніе ни состояли, также опредѣлено взимать общественныя подати, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ: скоть ихъ дѣлится на три части и узаконенный процентъ податей они обязаны вносить только съ одной третьей части своего скота. По расчету, такого рода чрезвычайныя мѣры должны были облегчить обычные взносы податному сословію на цѣлую половину общей суммы, а можетъ быть даже и нѣсколько болѣе. На вопросъ мой къ хундую о томъ, не вызоветъ ли этотъ падежъ скота голода и смертности въ народѣ, хундуй съ улыбкою отвѣчалъ, что, напротивъ, монголы никогда не ѣдятъ столько мяса, какъ во время падежей. «Посмотрите, вонъ, сколько вялится мяса на стойкахъ у каждой юрты; теперь у каждого бѣдняка хватить говядины и баранины на круглый годъ!». Дѣйствительно при каждой юртѣ мы могли видѣть заготовку впрокъ этого мяса. Монголы обыкновенно нарезываютъ его въ видѣ тонкихъ и длинныхъ ремней и засимъ развѣшиваютъ его на особыхъ поставцахъ передъ дверями своихъ юртъ, на срокъ приблизительно пяти, семи сутокъ. За это время мясо въ лѣтнюю пору

Способъ приготовления впрокъ дохлаго мяса.

успѣваетъ вывялиться, а потомъ его хранятъ и употребляютъ исподоволь. Замѣчательно, что монголы совершенно спокойно ѣдятъ мясо животныхъ,

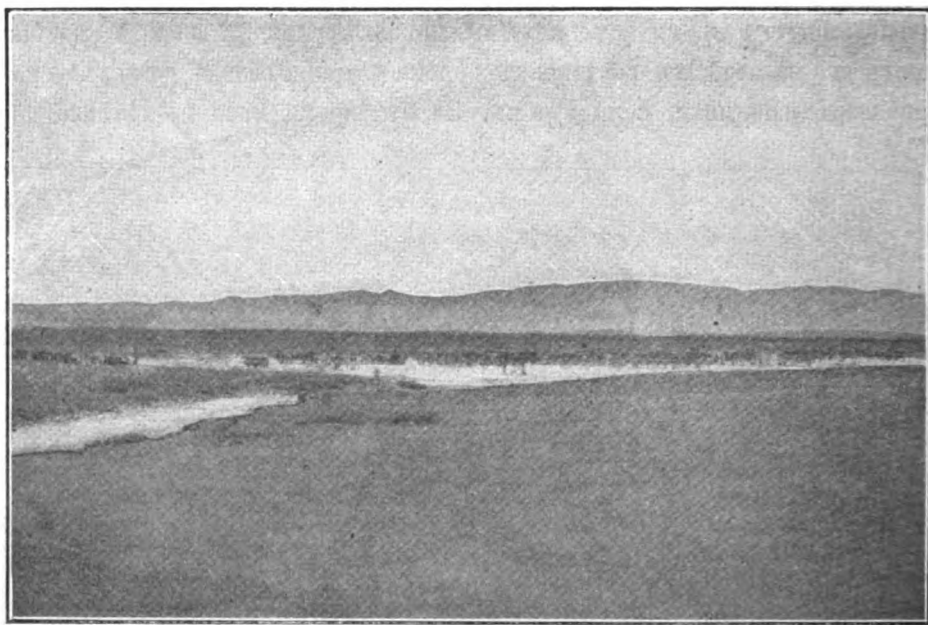
погибшихъ отъ эпидемій и никогда не наживаютъ себѣ отъ этого никакихъ болѣзней. Можно было бы предположить, что это мясо обезвреживается подъ вліяніемъ воздуха и солнца при вяленіи; но они поѣдаютъ также свѣжее дохлое мясо и наконецъ мясо, дохлое отъ эпидеміи, да еще подвергшееся разложенію и гніенію отъ времени, почитается даже въ ихъ домашнихъ лечебникахъ совершенно безвреднымъ для здоровья.

Въ котловинѣ Байнъ, приблизительно въ 7 ч. 45 мин. мы вступили на большой колесный трактъ, по которому изъ сѣверо-восточной Халхи ѣздить въ Ургу богомольцы. Въ 9 час. вечера остановились для ночлега безъ воды.

22-е Іюля. Четвергъ.

6 ч. $+10^{\circ}$; 9 ч. $+15^{\circ}$; 12 ч. $+19^{\circ}$; 3 ч. $+19^{\circ}$; 6 ч. $+15^{\circ}$;
7 ч. $+9^{\circ}$.

Ночь была холодная, но съ утра стало даже теплѣе чѣмъ въ прочіе предшествовавшіе дни. Выѣхали въ 6 ч., дорога болотиста и кочковата.

Хуйтундэй бурндѹ.— Истоки р. Хуйтунъ.

Въ 7 час. переправили рѣчку Дундѹ байнъ, шириною не свыше 1 сажени; течеть она въ направленіи къ СЗападу. Отсюда черезъ небольшой и пологій, но довольно длинный увалъ мы въ 7 ч. 55 мин. достигли котловины озера Цзѹнъ-байнъ. Озеро тянется продолговатою полоскою съ запада на востокъ и имѣеть въ окружности около 5 верстъ; вода въ немъ горько-со-

леная, почему, вѣроятно, вокругъ него и нѣтъ ни какого населенія. Долину этого озера мы пересѣкали $1\frac{1}{4}$ часъ и въ 9 ч. 10 мин. начали подниматься на песчаный и довольно крутой, хотя и не особенно длинный перевалъ Цзунъ байнай даба. Отсюда, черезъ два увала начали спускаться въ долину Хуйтунъ гѣла. Въ 12 ч. 10 мин. доѣхали до Хуйтунѣй буриду, изъ котораго вытекаетъ рѣка Хуйтунъ гѣль, впадающая въ Ульцзѣй гѣль. Здѣсь мы останавливались для полдника. Выѣхали въ 4 ч. 40 мин. и, оставивъ старую дорогу по правому берегу Хуйтуна, перебрались на другую, тянущуюся по лѣвому берегу рѣки. Какъ и первая она проходитъ долиною Хуйтуна, имѣющею до 5 верстъ ширины. Въ 6 ч. 45 мин. миновали высокую гору Барцагай ула, стоящую на правомъ берегу Хуйтуна. Горы, окружающія долину вообще не высоки и безлѣсны и Барцагай-ула возвышается надъ всѣми ними, хотя и не единственно. Такими же высокими горами являются на лѣвомъ берегу рѣки двѣ, рядомъ стоящія горы Угѣмуръ. Къ нимъ подъѣхали мы въ 7 ч. 50 мин. Отъ нихъ въ 8 ч. 40 м. перебрались на правый берегъ Хуйтуна и здѣсь остановились для ночлега. Берега рѣки здѣсь также болотисты. Нынѣшній вечеръ поразилъ насъ своею темнотою. Въ $8\frac{1}{2}$ часовъ мы уже едва различали дорогу, а на ночлегѣ, какъ говорится, рѣшительно ни зги не было видно въ окружности.

23-е Юля. Пятница.

6 ч. $+11^{\circ}$; 9 ч. $+19^{\circ}$; 12 ч. $+23^{\circ}$; 3 ч. $+23^{\circ}$; 6 ч. $+21^{\circ}$;
9 ч. $+14^{\circ}$.

Выѣхали въ 6 ч. 10 мин. и, проѣхавъ долину Хуйтунъ-гѣла начали подниматься на ограничивающія ее съ сѣв.-востока горы Харату-ула. Рѣка Хуйтунъ-гѣль повернула отсюда прямо на сѣверъ, на впаденіе въ рѣку Ульцзѣй-гѣль. На подъемъ Харату мы начали подниматься въ 7 ч. 35 мин. и миновали входящія въ составъ его четыре увала въ 8 ч. 45 м. Спустившись съ послѣдняго изъ этихъ уваловъ, вступили въ долину Сайханъ, въ западномъ углу которой извивается небольшой ручей, текущій отъ ключа Сайханъ-булукъ. Засимъ, слѣдуя по долинѣ Сайханъ, мы въ 11 час. переѣхали длиннѣйшій увалъ Будунъ уха и остановились для полдника черезъ полчаса, близъ копани, именуемой Будунъ-ухагійнь арүшандә. Двинувшись отсюда въ 3 ч. 30 мин., мы разстались съ землями Губчинъ чжононъ бэйсә, такъ какъ Будунъ-уха служитъ границею земель этого хошүна съ хошүномъ Цзайсанъ-цзасака, по землямъ коего мы теперь продолжали свой путь. Въ 4 ч. 25 м. намъ повстрѣчались два русла нынѣ уже изсохшихъ гучжирныхъ озеръ. Въ 5 ч. 10 мин. миновали колодець Уланъ-худукъ, при которомъ кочевала одна богатая юрта со множествомъ скота: говорятъ, что живущій здѣсь монголъ имѣеть у себя до 12 тысячъ

головъ барановъ. Всѣ эти мѣста, по которымъ мы ѣхали съ мѣста своей полуденной остановки, — гуджирныя. Въ 6 ч. 30 мин. подъѣхали къ Хэ-рэмъ. Теперь это земляной валъ, на высоту не болѣе одного аршина, а въ ширину не свыше сажени. Валъ густо поросъ травою. Онъ тянется съ сѣв.-востока на югъ-западъ. Наша дорога пролегла, послѣдую ему въ течение 35 мин. Въ 7 ч. 15 м. достигли урочища Ульцзэй эхінъ бұридү. Это громадная долина верстъ на 40 въ окружности, на юго-восточной сторонѣ которой залегаютъ болотистыя пространства. Слѣдуя по ней, мы въ 9 ч. 15 м. достигли урочища Ульцзэйнь ундүръ добъ, составляющаго пограничную линію для хошұновъ: къ востоку — Далай-бэйсэ, къ юго-западу Губчінъ-чжонднъ бэйсэ, а къ югу — Амбанъ, да цинъ вана. Здѣсь мы остановились для ночлега, довольно долгое время проискавъ воды. Поиски эти оказались безуспѣшны, ибо, не смотря на всѣ примѣты близкаго присутствія воды, ни источника, ни колодца мы все таки не нашли за полную темноту ночи. Легли спать безъ чаю, что было хотя и довольно обычно для насъ, но сегодня показалось труднымъ.

24-е Іюля. Суббота.

6 ч. $+11^{\circ}$; 9 ч. $+20^{\circ}$; 12 ч. $+23^{\circ}$; 3 ч. $+24^{\circ}$; 6 ч. $+21^{\circ}$;
9 ч. $+13^{\circ}$.

Выѣхали въ 7 ч. 30 мин., будучи задержаны на мѣстѣ своего ночлега болѣзнию одного изъ нашихъ извозчиковъ. Проснулись мы въ $4\frac{1}{4}$ часа, когда наши подводчики уже встали; младшій изъ нихъ, по имени Сүхэ, отправился за водой и пропалъ. Ждали его болѣе $1\frac{1}{2}$ часа, послали другого своего улѣчина ламу, разыскивать, послѣдній принесъ намъ воды, но Сүхэ не нашелъ. Пока начали кипятить воду и готовить чай, я отправился сдѣлать фотографическій снимокъ съ юрты, оказавшейся не болѣе какъ за версту отъ мѣста нашей стоянки. Разговорившись съ вышедшими ко мнѣ хозяевами юрты, я узналъ отъ нихъ, что неподалеку лежитъ, очевидно въ припадкѣ, какой то больной человѣкъ, въ настоящую пору, можетъ быть уже умершій. Я тотчасъ же предположилъ, что это нашъ Сүхэ и просилъ проводить меня, но всѣ отказались по той причинѣ, что если этотъ человѣкъ умеръ, то пожалуй еще придется отвѣчать за него на допросѣ и лишь послѣ моихъ усиленныхъ просьбъ послали со мной 6-ти лѣтнюю дѣвченку. Какъ и слѣдовало ожидать, это былъ нашъ Сүхэ; онъ лежалъ въ сѣдургахъ и съ пѣною у рта. Позвали другого улѣчина, привели больнаго въ чувство и черезъ какой нибудь часъ онъ поѣхалъ на лошади, какъ будто у него и не было припадка.

Отъ мѣста своей стоянки слѣдуя долиною Ульцзэй-гѣла, мы въ 9 ч. проѣхали по сѣверному подножію горы Түшй, которая, равно какъ и всѣ

окрестныя горы, выдается на ўльцэзэйскую долину мысомъ. Въ 10 ч. 50 м. достигли урочища Олѡнъ-бүридү, хошүна Далай бэйсэ, а въ 11 ч. 30 м. остановились для полдника при озерѣ въ урочищѣ Мүсүнь-бүридү. Двинувшись отсюда далѣе въ 3 ч. пополудни, мы черезъ 15 мин. проѣхали мимо маленькой кумирни Дала́ту сүмэ, стоящей при горѣ Ула́нь хошү. Гора эта составляетъ южную границу хошүна Далай бэйсэ и сѣверную границу Сабанъ цзасакá. Верстахъ въ 5 къ югу отъ кумирни находится лѣсистая гора Дунъ-хánъ, при которой располагается ставка Сабанъ цзасакá. Забывъ въ пустынное Дала́ту сүмэ, я не нашелъ здѣсь никого, кромѣ престарѣлаго тахильчи, который разказалъ мнѣ, что жалкая кумирня его, за бѣдностью и немногочисленностью окрестнаго населенія, можетъ быть, вовсе не имѣла бы средствъ для своего существованія, если бы ее не поддерживалъ Хүхэнъ-хутухтү, являющійся ея патрономъ. Дѣйствительно, бѣдность этой кумирни была поразительна. Едва могущая вмѣстить въ своихъ стѣнахъ человѣкъ сто ламъ, она не имѣла у себя ни одного литого бурхана и на первомъ мѣстѣ стоялъ въ ней глиняный кумиръ Цзонкавы, по величинѣ не превосходящій полуаршина. По стѣнамъ висѣли рисованныя изображенія перерожденій Хүхэнъ-хутухты, хотя онѣ, очевидно, были собраны здѣсь далеко не всѣ. Обстоятельство это дало мнѣ возможность прослѣдить вѣрованія монголовъ относительно перерожденій хутухты, которыя по словамъ моего чичероне, въ послѣдовательномъ порядкѣ были таковы: 1) Въ періодъ существованія въ этомъ мирѣ будды Сакьямүни, Хүхэнъ хутухтү жилъ и дѣйствовалъ подъ видомъ старѣйшаго изъ 16-ти ставирь, Янь-лакъ-чжун'а, который, за свое отмытное содѣйствіе благу вѣры и одушевленныхъ существъ, и почитается первымъ ученикомъ будды. 2) Послѣ сего онъ опять возродился въ Индіи и именовался Йонданъ-нүгъ, являясь во главѣ содержащихъ винаю. Далѣе въ порядкѣ рисованныхъ изображеній хубилгановъ замѣчался, несомнѣнно, громадный пробѣлъ, ибо третьимъ перерожденіемъ былъ представленъ одинъ изъ министровъ тибетскаго Сронцзанъ-гамбѡ хана, Тонмй-самбодá, который, какъ извѣстно, былъ изобрѣтателемъ тибетской письменности и составилъ тибетскій алфавитъ, заимствовавъ формы его изъ индійскаго алфавита «ланца». 4) Слѣдующимъ по порядку перерожденцемъ былъ представленъ Цзут-данъ-нинъ-бѡ, — ламá изъ сонма тѣхъ магиковъ, которые, въ періодъ прибытія въ Тибетъ Падма-самбавы, въ числѣ 25 человѣкъ сопутствовали этому своему наставнику и, на языкѣ монгольскихъ буддистовъ, объединяются подъ однимъ терминомъ «ноянъ-албатү». 5) Перерожденіемъ Цзут-данъ-нинбо былъ якобы Бѡдова Ринчэнъ-салъ, извѣстный ученикъ Чжү-адиши, прославившійся полнѣйшимъ презрѣніемъ къ свѣтской жизни и весь свой вѣкъ про-

ведшій въ подвижничествѣ и созерцаніяхъ. 6) Далѣе слѣдовалъ извѣстный тибетскій ученый лама Янбб-чжирай. За нимъ опять замѣчался несомнѣнный пропускъ въ перерожденіяхъ, ибо далѣе висѣло 7) изображеніе Дульчжйнъ-дакба-чжалцан'а, современника Цзонхавы и знаменитаго въ буддискіи мірѣ ученаго-литератора; его сумбумъ (собраніе сочиненій) почитается доселѣ классическимъ произведеніемъ. 8) Слѣдующимъ перерожденіемъ являлся лама Чжэбцзунъ-балсанъ, одинъ изъ настоятелей тибетскихъ монастырей секты Цзонхавы. 9) Совершенно въ одинаковыхъ съ предшествовавшимъ ламою формахъ изображалось и слѣдующее перерожденіе, извѣстное подъ видомъ ламы Дава-чжалцана, о времени жизни и дѣятельности котораго мой чичероне не могъ сообщить мнѣ впрочемъ никакихъ свѣдѣній. 10) Далѣе слѣдовалъ лама Йонданъ-чжамцо, о которомъ сохранилось преданіе, что онъ былъ первымъ изъ хубилгановъ Хухэнъ-хутухтү, приходившихъ изъ Тибета въ Монголію, но проживавшихъ, повидимому, въ южныхъ, окраинныхъ ея хошунгахъ. 11) Послѣдующій хубилганъ этого ламы, Цзамьянъ-чжамцо, уже возродился въ Монголіи и былъ первымъ переселившимся въ сѣверо-восточную ея область, — цэцэнъ-хановскій аймакъ. 12) Перерожденіемъ его былъ лама Лобсанъ-даньцзинъ-принлай, не прославившійся, кажется, ничѣмъ помимо того, что былъ онъ кроткимъ, ученымъ и уважаемымъ настоятелемъ своего монастыря. Всѣ эти хубилганы проживали въ Халхѣ еще до времени появленія здѣсь перваго перерожденія Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. 13) Въ періодъ жизни Ёндүръ-гэгэна помянутый Лобсанъ-даньцзинъ возродился и явился старѣйшимъ изъ учениковъ этого главы буддизма въ Монголіи, подъ именемъ Чжамбалъ-сэнбд. Когда Чжамбалъ-сэнбд скончался, то почитатели его обратились къ Ёндүръ-гэгэну съ просьбою возвѣститъ имъ, гдѣ именно возродился ихъ лама и послѣдній указалъ тогда на 14) ребенка, родившагося у одного изъ монгольскихъ простолюдиновъ, Дорчжй, принадлежавшаго къ хошуну цзасакъ Цэрэнъ-ванцукъ, түшѣтү хановскаго аймака. По преподаніи этому дитяти монашескихъ обѣтовъ его назвали Лобсанъ-бальжүръ-сэнбд и одновременно съ симъ Ёндүръ гэгэнъ приказалъ цэцэнъ-хановцамъ посадить его на каедрѣ съ выраженіемъ должныхъ почестей. Самому хубилгану онъ пожаловалъ отличительный титулъ «хухэнъ-хутухтү» и отселѣ то началось наименованіе всѣхъ послѣдующихъ хубилгановъ хухэнъ-хутухтами. 15) Впослѣдствіи, когда этотъ хубилганъ скончался, цэцэнъ-хановцы, ради опредѣленія втораго хубилгана Хухэнъ хутухты, выбрали нѣсколько прекрасныхъ по своей наружности мальчиковъ и, изложивъ въ рукописной грамотѣ имена ихъ, отправили въ Тибетъ посольство, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ шабинаровъ Хухэнъ-хутухты, лама Дарханъ-гэлүнъ Гал-

данъ, просить указанія тибетскихъ тайновѣдцевъ, въ комъ именно изъ представляемыхъ воплотился духъ почившаго хутухты. Тибетскіе ламы указали, что искомый хутухту возродился сыномъ дарханъ хунъ-тайчжи Гунцүка и послѣдній былъ возведенъ халхасами на каѳедру, получивъ, при своемъ посвященіи въ ламы, имя Лобсанъ-цэдэнъ-даньцзынь. Разказываютъ, что церемонія этого возведенія были особенно торжественны и къ отправленію ихъ собрались какъ тогдашній амбанъ-ванъ, такъ и представители всѣхъ четырехъ халхаскихъ аймаковъ. Поднеся новоявленному хубилгану даншйкъ, они при этомъ случаѣ, по общему своему совѣту, провозгласили его и новымъ, болѣе пышнымъ титуломъ: «эрдэнь-хүхэнь-нойнь-хутухту». 16) По смерти этого хубилгана, отысканіе новаго хутухты совершалось тѣмъ же способомъ: также точно было избраны и отписаны имена нѣсколькихъ мальчиковъ и также точно отправлено было посольство, подъ главенствомъ на этотъ разъ старѣйшаго изъ монастырскихъ ламъ хутухты, Хурца-дакба. Помянутому посольству не пришлось однако ѣхать въ Тибетъ, а такъ какъ въ эту пору самъ Баньчэнь богдо прибылъ въ Долонъ-нүръ, то делегаты отправились въ этотъ ближайшій цэцэнъ-хяновскому аймаку городъ, гдѣ и получили указаніе, что хүхэнь-хутухту возродился сыномъ тайчжи Чимэта, изъ хошүна Гѣмбо-гүна, цэцэнъ-хяновскаго аймака. Новообъявленному хубилгану, при посвященіи въ ламы, было дано имя Лобсанъ-чжамбалъ-дакба; но выборъ его былъ не изъ удачныхъ. Съ самыхъ молодыхъ годовъ онъ началъ хворать ревматизмомъ, а засимъ у него открылись какія то раны на ногахъ и онъ много лѣтъ лежалъ безъ движенія. На рисункѣ онъ изображается въ формѣ изможденнаго и согбеннаго старца. Это былъ послѣдній изъ хубилгановъ, изображенія которыхъ находились въ кумирнѣ; жилъ онъ въ періодъ правленія Цянь-луна.

Оставивъ Далату сүмѣ, мы въ 5 час. проѣхали мимо горы Эрхэ ула, возвышающейся вправо отъ дороги, а въ 6 ч. 55 мин. также вправо отъ дороги увидели невысокую сопку Эрдэнь-тологдй, при которой было много юртъ. Здѣсь торный путь, по которому мы доселѣ слѣдовали, какъ то внезапно исчезъ и мы должны были ѣхать далѣе уже цѣлиною, держась только опредѣленнаго сѣв.-восточнаго направленія. Въ общемъ мы, конечно, подвигались къ цѣли, но за всѣмъ тѣмъ было очевидно, что мы нѣсколько сбились съ пути, ибо вплоть до наступленія ночи не могли напасть на какой либо колодець, или иной признаковъ обитанія челоуѣка. Остановились на ночлегъ въ 9 час. 20 мин. среди степи и безъ воды, что не помѣшало однако ютиться здѣсь страшной массѣ комаровъ, не мало безпокоившихъ и насъ, и нашихъ животныхъ. По опредѣленію извозчиковъ, мы стояли гдѣ либо не подалеку отъ орто Гочб и та-

кимъ образомъ до русской границы намъ оставалось проѣхать только двѣ станціи.

25-е Юля. Воскресенье.

6 ч. $+11^{\circ}$; 9 ч.

Выѣхали въ 6 ч. 10 мин. Дорога болотистая, кочковатая и каменная. Въ 6 ч. 55 мин. доѣхали до ѡртѣ Гочѣ, юрты коего видѣлись намъ въ сторонѣ располагающими на ключѣ того же имени, Гочѣ. Лошади наши уже цѣлые сутки были безъ поѣла, спины ихъ страшно избились, утомлены онѣ были невыразимо и мы едва ли проѣзжали теперь болѣе 3 версты въ часъ. Въ 10 ч. 5 мин. миновали озеро Цаганъ-нуръ, имѣющее круглую форму и въ окружности до $1\frac{1}{2}$ версты. Отъ него мы начали подниматься

Обычная картинка нашей остановки для полдника.

на Эрвнъ-даба. Южная часть этихъ горъ представила намъ для перевала семь невысокихъ дабановъ, почти безлѣсныхъ и совершенно лишенныхъ проточныхъ водъ, такъ что только по минованіи ихъ мы достигли въ 12 ч. 20 мин. до ручья, текущаго отъ ключа съ главнаго дабана и прекраснаго въ смыслѣ качества его воды, но представившаго намъ большія трудности для переправы. Суть въ томъ, что ручей этотъ течетъ въ глубокой разсѣлинѣ, пожалуй, не достигающей и двухъ аршинъ ширины, но, въ силу своей саженой глубины, рѣшительно не возможной для переправы. И такъ мы должны были сами, общими силами, устроить здѣсь гать для своего

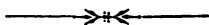
проѣзда. Вѣтви, хворостъ и камни, все это приходилось тащить съ вершины горъ на собственныхъ плечахъ. Провозившись около часа, мы выпрягли лошадей и уже на рукахъ перетаскивали телѣги, послѣ чего здѣсь же у ручья остановились для отдыха. Такъ какъ мяса у насъ сегодня не было и мы довольствовались только чаемъ и хлѣбомъ, то стоянка наша была не продолжительна, хотя это не помѣшало моему доброму спутнику, Ив. Θεодоровичу, восполнить одинъ изъ существенныхъ, по его мнѣнью, недостатковъ нашей фотографической коллекціи. Сообразивъ, что сегодня послѣдній день нашего путешествія и что мы имѣемъ теперь послѣдній полуденный привалъ, онъ захотѣлъ сдѣлать для меня сюрпризъ, приготовивъ мнѣ фотографическій снимокъ обычной картины нашей полуденной остановки. Въ 3 часа мы двинулись уже въ дальнѣйшій путь и тотчасъ же начали подниматься на главный дабѣнъ, вершины котораго достигли въ 4 ч. 35 мин. Дабѣнъ по обѣимъ сторонамъ, а особливо съ сѣвера, покрытъ густымъ березовымъ лѣсомъ. Спускъ съ дабѣна совершается по лѣсистой горной пади; онъ показался намъ не больше подъема, но движеніе по нему было крайне затруднительно: кочки, ямы, громадные каменные валуны усѣиваютъ гору и въ тоже время слѣдить за ними почти не возможно, такъ какъ трава нерѣдко покрываетъ брюхо лошади. Только въ 6 ч. 30 м. выѣхали мы изъ лѣсистой пади дабѣна въ долину р. Онѣна, гдѣ поразила насъ таже пустота, въ смыслѣ полного отсутствія человѣка. Въ какой сторонѣ содержался перевозъ черезъ Онѣнъ, извозчики мои не знали, дороги ни какой не было и спросить о направленіи въ ту или другую сторону опять таки не у кого. Чтобы не возвращаться назадъ мы, конечно, поѣхали внизъ по рѣкѣ, въ направленіи къ ВСВ и двигались прекраснѣйшимъ поемнымъ лугомъ Онѣна до 9 час. вечера. Было уже достаточно темно и мы рѣшили остановиться на ночлегъ съ тѣмъ, чтобы завтра отправить ламу на розыски дороги къ перевозу, какъ вдругъ вдали заблестѣлъ огонекъ: всѣ воспріянули духомъ, но радость наша была не описуема, когда, подъѣзжая къ разложенному костру, мы услышали здѣсь русскую рѣчь. Это были русскіе казаки, снявшіе покосы у мѣстныхъ караульныхъ монголовъ и теперь уже болѣе недѣли проживавшіе здѣсь на работахъ. Мы присосѣдились теперь къ ихъ костру и въ разговорахъ узнали, что косятъ они монгольскіе луга изъ за монгольской четвертой части, т. е., на три стога для себя ставятъ четвертый стогъ для монголовъ. Такая аренда почитается не особенно выгодной, или по крайней мѣрѣ болѣе тяжелой и принимается только по бѣдности. Болѣе богатые казаки обычно выбираютъ у монголовъ ту или другую горную падь и арендуютъ ее, уплачивая одну кобылицу, цѣнимую самое большое рублей 15, между тѣмъ въ пади этой

они косятъ сколько хотятъ и, коли не лѣнны, легко могутъ вывезти 500, 600 возовъ сѣна.

26-е Юля. Понедѣльникъ.

6 ч. $+13^{\circ}$; 9 ч. $+15\frac{1}{2}$.

Двинулись въ 6 ч. 30 мин. утра, а въ 7 ч. 10 мин. были уже на монгольской казенной переправѣ черезъ Онѡнъ. Перевозчики съ караула живо подѣхали, связали два плота въ одинъ, 6-ти бревенчатый и сначала перевезли двѣ телѣги съ вещами, а засимъ и насъ; лошадей перегнали вплавъ. На лѣвомъ берегу Онѡна мы встрѣтили еще русскихъ казаковъ, которые сообщили намъ, что въ Ульхунѣ насъ ожидаютъ уже болѣе недѣли. Отъ береговъ рѣки поднявшись на невысокій увалъ, мы, спускаясь съ него, достигли знаковъ русской границы. Они выражены здѣсь двумя обѣнами со вкопаннымъ между ними не большимъ деревяннымъ столбомъ. Но какая громадная разница въ видахъ, представившихся намъ у того и другого обѣна, отстоящихъ другъ отъ друга лишь на 15, 20 сажений! Подѣзжая къ монгольскому обѣну, мы здѣсь, у самаго рубежа монгольской земли, увидали столбы, на которыхъ были привѣшаны клѣтки съ брошенными въ нихъ головами казенныхъ монгольскихъ преступниковъ. Это были тѣ самые злодѣи, которые въ 1890 г. зарѣзали въ Ульхунѣ цѣлую семью русскихъ, въ 7 человекъ и казнь которыхъ породила собою столько тревоги и хлопотъ ургинскимъ ламамъ (см. т. I, стр. 74). Черезъ двадцать сажений, у русскаго обѣна, какъ будто какимъ то чудомъ, стоялъ уже отрядъ ульхунскихъ казаковъ, человекъ въ 30-ть, одѣтыхъ въ полную парадную форму и выѣхавшихъ встрѣчать меня, во главѣ съ своимъ атаманомъ. У меня едва хватило силы поздороваться съ ними, ибо я былъ взволнованъ не менѣе остальныхъ своихъ спутниковъ и всѣ мы смотрѣли теперь на этихъ русскихъ людей и на эту русскую землю съ какимъ то неизъяснимымъ умилениемъ, полными счастливыхъ и радостныхъ слезъ глазами.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ ПРЕДМЕТНЫХЪ И ЛИЧНЫХЪ.

А.

- Абага (хошунъ) 41, 280, 287, 289, 315, 335, 336, 350, 351, 414.
Абаганаръ (хошунъ) 280, 286, 335, 414.
Абда бурхану сумэ (кум. въ У-та-сы) 70.
Авалоктэшвара (бурханъ) 328, 329.
Аванъ-дампилъ (лама) 145.
Аванъ-чжамбалъ-цугчимъ (чжампо) 402, 404—406.
Агой йэхэ онолту сумэ (= Чжибуланту чжу) 148.
Адагйинъ усу (колодець) — 430.
Адунъ-чулускіе топазы 467.
Аешоби бурхану сумэ (кум. въ У-та-сы) 70.
Алашаньскаго вана хошунъ (Внутр. М.) 83.
Алиха-амбанъ 96, 97.
Sir R. Alcock (англ. сивологъ) 258, 259.
Алтанъ ханъ (тумэтскій) 53—54, 56.
Алтайскій трактъ 141, 162.
Амбанъ-да-цинъ-вана хошунъ 480.
Амогасиддйинъ сумэ (кум. въ У-та-сы) 70.
Амуръ-баясхуланту 298.
Ананда 391, 393.
Ананда-шри-бадра 394.
Англійская экспедиція 1647 г. 256.
Ань-динъ-мынь 1.
Ань-дэ (ургинскій амбанъ) 420.
Ань-юанъ-мао (кум. въ Чэнь-дэ-фу) 218.
Аохани 227, 250, 251, 254, 351.
Арбанъ цзохьялъ цзагунъ хульти тогату-йги нигэнъ цактур удзэгулху хэмэнь.
Агой йэхэ цэнгэхчи (сочин.) 391.
- Арбиньсанъ (разбойникъ) 170.
Аргалъ (сухой пометъ) 318, 337, 421.
Арія-бало (бурханъ) 119, 122, 308.
Артасида 391.
Артасидда (Цэцэнъ-ханъ) 438.
Арудай 310.
Ару-хорчинъ (хошунъ) 290, 350.
Ару-цзамйинъ хашату (колодець) 424.
Аруйинъ-худукъ (колодець) 434.
Арха-гэгэнъ 295.
Аршер (пароходъ) 267.
Аршанъ (кумирня) 357.
Аршанъ (сѣрн. ключи см. Галдасутайнъ-аршанъ) 357, 358.
Ахай-гуна хошунъ 441.
Ахай-цзасака хошунъ (=Ганданъ-цзасака хошунъ) 424.
Арюнь-цзунъ-сумэ (т. ч. Ло-ханъ-танъ) 216.
Ахунъ 191.
Ацокъ (арендная сдѣлка) 440.
Ачжа-гэгэнъ 295.
Ашока (царь) 393.
Аюши (бурханъ) 57, 64, 225.
Аюши-тунъ-цзянъ (бурх. мастерская въ Долонь-нурѣ) 282.
Аймакъ (ламскій) 295, 433, 456, 457, 460.

Б.

- Бабкинъ (фабрикантъ) 288.
Бага-баринъ (хош. см. Барунъ-баринъ) 360, 361, 364, 398.
Бага-учжумуцинъ (хош. Силинъ-гол'ск. сейма) 280, 413.

- Бага-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 58, 59, 62, 63, 66, 67, 69, 71.
 Баннь-дулань-булузь (колодець) 424.
 Баннь уласкіе топазы 467.
 Баннтай тунъ-цзянь (бурх. маст. въ Долонъ-нуръ) 283.
 Бальчинъ сумэ (кумирна) 363.
 Бандита гэгэнэй чжу (мон. въ Хуху-хото) 56.
 Бандиты хитъ 289.
 Бань-гу 21.
 Бань-шэнь (ставка Алтанъ хана) 53.
 Баньчэнь эрдэни 143, 409.
 Бао (печатъ) 472.
 Баргу-хошуны 449.
 Баргуты 308.
 Барини 397—400, 424.
 Баринь (хошунъ) 276, 290, 349, 350, 355, 360—368, 399, 413.
 Барунъ-Абага (хош. Силинь гол'ск. сейма) 280.
 Барунъ-Абаганаръ (хош. Силинь гол'ск. сейма) 280.
 Барунъ-баринь (хош. см. Бага баринь) 360, 361, 364.
 Барунъ-Онюгъ (хошунъ) 365.
 Барунъ-Сунитъ (хош. Силинь гол'ск. сейма) 2, 40, 41, 153, 280.
 Барунъ-усуту-сумэ (мон., относ. къ Хуху-хото'скимъ мон.) 144.
 Барунъ-хуръ (мон. въ Халхъ) 454, 456, 459.
 Барунъ-хучитъ (хош. Силинь гол'ск. сейма) 280.
 Барунъ-чжу (мон. въ Хуху-хото) 69.
 Басова и Кововина (фирма въ Калганъ) 354.
 Басубханду 391.
 Батуевъ М. Д. (рус. торгов.) 22, 276.
 Батуръ-гуна хош. (ц. х) 440, 467.
 Ба-цаунъ (низ. офиц. чинъ) 240.
 Баянь-тэмуръ 14.
 Баясхуланъ (гэлунъ) 145.
 Баясхуланъ барилдулга сумэ (т. ч. Чахаръ лама чжу) 144.
 Баяръ-камбо 406.
 Бай-бло-бу (матерія) 199.
 Бай-лянъ (сортъ чаю — полъпч.) 75.
 Баннь сумэ 317.
 Бай-та-ръ (хуху-хот. башня) 51, 120, 243, 364, 366, 367.
 Бай цзянь-цзюнь (генераль) 67.
 Байшинъ (т. ч. Бань-шенъ — ставка Алт. хана) 53.
 Бай-янъ-бяо-бу (сортъ матерія) 76.
 Monseigneur de Vax 157—159.
 Биганъ (кит. духъ богатства) 190.
 Билгихъ-хухуъ (3 холодца) 469.
 Би-ма-шэнь-мяо (кум. въ Чэнь-дэ-фу) 212.
 Бирозана бурхану сумэ (въ У-та-сы) 70.
 Биширальту бэйсэ хошунъ (Ц. Х.) 300.
 Blue Book 259.
 Бобо (маленькіе хлѣбцы) 338.
 Бадова-Ринчэнь-салъ 481.
 Волосонъ-буда (хурай-буда, просо) 288.
 Бо-лянъ (секта) 269.
 Боо-чу-фанъ (прокуроръ) 127.
 Боро-куцау (мятежникъ) 119.
 Боронъ-торго (матерія) 461.
 Боро-совъ (колодець) 428.
 Бортого (камъш. корз. для чаю = му-ху-лу-цза) 287.
 Бортогонъ-ця (хамбо-чай) 287, 353.
 Брама 328, 389.
 Брайбунь (мон. въ Тибетъ) 410.
 Бубэй-бэйлэ 472—474.
 Будала (т. ч. Будалайнь сумэ) 216.
 Буда (просо) 443.
 Будала (мон. въ Тибетъ) 410.
 Будалайнь сумэ (т. ч. Цзунъ-шэнь-сы) 216.
 Будылина (купч. въ Тянь-цзинь) 244.
 Будэтъ (шибаганца) 427.
 Булигаръ (русс. юфть) 288.
 Бунханъ 301, 415.
 Бургасу (гальникъ) 174, 313.
 Бурундукъ (мал. звѣрекъ) 466.
 Бурханай орго 57, 314, 315.
 Бутины Братья 278.
 Бухуни номогатхаччи сумэ (мон. отн. къ Хуху-хото'ск. мон.) 142, 144.
 Буяни дэльтгэрэгулхчи сумэ (мон. отн. къ Хуху-хото'ск. мон.) 145.
 Буяни дэльтгэрэгулхчи сумэ (см. Бага-чжу) 63.
 Буяни илэтгэхчи сумэ (мон. отн. къ Хуху-хото'ск. мон.) 148.
 Буяни мандагулхчи сумэ (мон. отн. къ Хуху-хото'ск. мон.) 142.
 Буяни ундурхаччи сумэ (см. Бага-чжу) 59.
 Бѣлоголовый (русс. торг. въ Тянь-цзинь) 240.
 Бэ (принцъ) 162.
 Бэгийнъ сурукъ (пастбище) 161.
 Бэй-вэй (династія) 223.
 Бэй-цзянь-синъ (фирма въ Фынъ-нинъ-сяни) 200.
 Бянь-э 96, 97.

В.

Вангийнъ сурукъ (пастбище) 171.
Ванъ-бо-шэнь (воен. нач. въ Шанъ-ду) 302.
Ванъ-мо-хуа (фирма въ Хуху-хото) 77.
Ванъ-тинъ-чжао (зачинщ. возстанія) 253.
Ванъ-цанъ (см. Чжао-цзюнь, наложница) 109.
Ванъ-чжао-цзюнь (т. ч. Минъ-фэй) 107, 110.
Ванъ-чжао-цзюнь (т. ч. Чжо-цзюнь-фынь (владб. въ Хуху-хото) 104, 111.
Ванъ-ли (минск. импер.) 142, 144.
Ванъ-линь-гуань (духъ огня) 209.
Ванъ-сянь (министръ) 262.
Ванъ-фу-сы (кумирня въ Чэнь-дэ-фу) 227.
Ванъ-юань-лоу (надп. на башнѣ) 26.
Вачжра-дара 388.
Вачиръ-дарайнъ сумэ (кум. въ У-та-сы) 70.
Вачиръ-сатва 392.
Вайрочана 392.
Веделъ (англ. капитанъ) 256.
Великая стѣна 9, 10, 21, 23, 29, 30, 33, 44, 61, 62, 79, 87, 113, 114, 126, 128, 164, 178, 199, 238, 244, 293, 364, 365.
Вишну 389.
Влангали (русс. посл.) 261.
Monsieur de-Vos 158.
Возстаніе въ Кантонѣ 1884 г.—265.
Возстаніе прот. христ. 91—92 г. 244—255, 267.
Волосатовъ И. М. (купецъ) 76, 112.
Восточный Туркестанъ 74, 75, 77, 79, 81, 113.
Ву-чанская башня 214.
Вэнь-бу-нянь (пинъ-цзюань'скій нач.) 248, 255.
Вэнь-сянь (секта) 269.
Вэнь-чанъ-мао (кум. въ Фынъ-нинъ-сяни) 197.
Вэй-лао-дао (мятежникъ) 249, 252.
Вэй-синъ (полярная звѣзда) 18.
Вэй-сяо-цзинъ-цзѣ (надп. на вор у Синъ-пинъ-коу) 30.
Вэй-цинъ, — генералъ) 107.

Г.

Габэ (путеш.) 56, 278.
Габчжу (учен. званіе) 337, 422.
Габшиханъ (гвардія) 90, 130.
Галай-да 85, 88, 442.

Галанъ-вачиръ (тайчж.) 444.
Галданскій мон. въ Тибетѣ 401.
Галданъ-бошокту 59, 61—62, 67, 355, 441, 467.
Галданъ-ширѣту-хутухту 400—411.
Галданъ-ширѣтуйнъ хитъ 401.
Галданъ-цэрэнъ 218.
Гангайнъ-сумэ (кумирня) 361.
Ганданъ-цзасака хош. (= Ахай цзасака хош. 424, 427, 429.
Ганчжиръ 365, 401.
Ганчжиръ-гэгэнъ 295.
Ганчжорва мэргэнъ номунъ ханъ 136, 138, 177.
Ганьчжуръ 394.
Гао-ли (народъ) 332.
Гао-лянь (хлѣбн. раст.) 27, 169.
Гарабъ-ванчукъ (владыка шимнус) 389.
Гарту (сынъ Сэнтэ-дурэнъ-хана) 54.
Гар-чжуд-ба (секта) 474.
Гаръ-дабхуцагулухсанъ (сутра) 395.
Гацзарийнъ эцээнъ 301.
Гобийнъ тушъ гуна хошунъ (Т. Х.) 83.
Го-инъ-ву (должн. окружн. нач.) 55.
Голфунга (хуху-хото'скій цзянь-цзюнь) 140.
Гонбо-гуру (бурханъ) 119, 455.
Гоу-ми (вермишель) 359.
Гори (бож. дѣва) 389.
Го-чжунъ-шу 223,
Гуа-ли (назв. горячихъ мин. водъ) 190.
Гуа-ми (лапша) 41.
Гуанъ-сюй 174, 345, 417, 437, 459—462.
Гуанъ-тай-дянь (фирма въ Долонъ-нурѣ) 287.
Гуанъ-тянь-ди-жи (ворота въ Чэнь-дэ-фу) 205.
Гуанъ-фу-сы (мон. въ Хуху-хото) 56.
Гуанъ-фынь-лунъ (фирма въ Биру-хото) 349.
Гуанъ-хэ-у (фирма въ Биру-хото) 349.
Гуанъ-шэнь-дянь (торг. фирма) 39.
Гуанъ-юань-сы (мон. въ Чэнь-дэ-фу) 218.
Гуанъ-ди, 10, 403, 205, 209, 210, 228, 238, 252.
Гуанъ-ди-мао (кумирня) 33.
Гуанъ-ди-мао (кум. наз. Юнъ-цзюань-сы) 189.
Гуанъ-лао-ѣ 54.
Гуанъ-сянь-шэнь 303.
Гу-бэй-коу'ская дорога 240.
Гули-уланъ (чах. знамя) 150.
Гули-хуху (чах. знамя) 312, 314, 316, 317.

Гули-цаганъ (чах. знамя) 186.
 Гули-шара (чах. знамя) 151, 153, 154, 171.
 Гульча-дуганъ (чжунгарск. кумирня) 218.
 Гунгурва (монголь) 426, 427.
 Гунъ-мынь-коу (дорога въ Чэнь-дэ-фу) 210.
 Гунъ-худукъ (колодець) 428.
 Гунъ-цзянь (сортъ чая) 74.
 Гурбанъ цагунъ бурхану сумэ (кум. въ У-та-сы) 69.
 Гурундава гэгэпъ 32.
 Гусай амбанъ (=ду-гунъ) 91.
 Гусай ямунъ 89—92.
 Гусунъ тувъ 220.
 Гучжиръ 28, 40, 45, 153, 428, 479, 480.
 Гуша (св. трава) 402.
 Гуй-жэнь (разр. имп. наложн.) 109.
 Гуй-фэй (разр. имп. наложн.) 109.
 Гуй-хуа-чэно-Чжанъ-цзя-коу'скій трактъ 36, 149, 162.
 Гуй-цзы-му 238.
 Гуй-цзяо-гай-сы (сочиненіе) 272.
 Гэбуй 57, 453, 463.
 Гэгэру (драг. камень) 395.
 Гэсэръ (= Гуанъ-ди) 209, 212.
 Гэсэръ-сумэ (кум. въ Фынъ-нинъ-сяни) 197.
 Гюкъ (путешеств.) 56, 70, 278, 282.

Д.

Дабасунай сумэ (мон.) 413.
 Дабу (кит. холстъ) 31, 76, 84, 102, 192, 208, 359, 364, 414, 450, 461.
 Дава-дорчжи 353.
 Дава чжалпанъ (хухэнь хут.) 482.
 Davis 257.
 Да-ди-чуанъ (фирма въ Луанъ-пинъ-сяни) 233.
 Да-ди-шэнь (тоже) 233.
 Да-лама 57, 66, 67, 141, 142, 216, 218.
 Далату-сумэ (кум.) 481, 483.
 Далай-бэйсэ хоп. (Ц. Х.) 429, 432, 442, 480, 481.
 Далай-лама 53, 56, 57, 217, 220, 404—411, 435.
 Далай-порчжи-лама 68.
 Далай-чжононь-бэйсэ кошунъ 65.
 Далимбу (сортъ мат. — дриллинъ) 31, 84, 199, 208, 359.
 Да-лянъ-цзянь (шелк. матерія) 211.
 Даливъ (двухстор. мѣшокъ) 196.
 Дамалъ (завѣдыв.) 413, 414.

Дамба 62.
 Дамба (дарга) 462.
 Дамдинъ-биширэлъту лама 422, 423.
 Да-мяо (кумирня) 177.
 Да-нанъ-цзѣ (улица въ Биру-хото) 350.
 Да-нанъ-цзѣ (улица въ Гуй-хуа-чэнь) 73, 83—85, 95.
 Давсуекъ (=данъшиекъ) 406, 483.
 Давъ-пу (общ. закл. движ. им. въ Биру-хото) 348.
 Давъ-пу-цзѣ (ул. въ Биру-хото) 348, 350.
 Давъ цзянь (тумэтскій гусай амбанъ) 99.
 Дао-гуанъ (дайцзиньск. имп.) 34, 35, 72, 89, 91, 106, 110, 142, 144, 189, 217, 242, 335, 407, 411.
 Дао-сы 50, 125, 249, 250, 252—256, 269.
 Даосскія кумирни 50, 212.
 Дао-тай.
 Дарасунъ (водка) 288.
 Дара эхэ (богиня) 70.
 Дара эхэинъ сумэ (кум. въ У-та-сы) 62.
 Дарданъ (шелк. мат.) 406.
 Дарма-шири (цинъ-ванъ, пзасакъ) 439.
 Дарханъ бэйлэ (халх) кошунъ 64, 126, 128.
 Дарханъ гэлунъ Галданъ 483.
 Дарханъ улайнъ сумэ (— хитъ) (монастырь) 299, 316—319, 335—337, 339.
 Дарханъ-цинъ-ванъ 453, 454, 459.
 Дарханъ-порчжи-лама 68.
 Да-сы-ту (титулъ) 306.
 Да-тани 310.
 Дапанъ 433—435, 458.
 Да-цзайсанъ-ламы (=лацабы) 458.
 Да-цинъ-чанъ (фирма въ Хуху-хото) 79.
 Да-чжу (т. ч. Йэхэ-чжу, — мон. въ Хуху-хото) 56.
 Да-чжу-цзѣ (улица въ Гуй-хуа-чэнь) 73.
 Даши-дава (чжунг князь) 218.
 Даши-дондобъ (хуб. Илагухсанъ хутухту цэцэнь-хав.) 435.
 Даши-дорчжи (улачинъ) 445.
 Даши-хадакъ 461.
 Даши-хлумбо (т. ч. Сюй-ми-фу-шоу-чжи-мяо) 217, 220.
 Да-ши-цао (мостъ въ Чэнь-дэ-фу) 212.
 Да-шэнь-дянь (фирма въ Долонъ-нуръ) 287.
 Да-шэнь-вуй (фирма въ Хуху-хото) 78, 420, 424, 425.
 Да шэнь-юнь (фирма въ Луанъ-пинъ-сяни) 233.
 Даянчи лама 319, 323, 324.

Дайгайнъ чжу (мон. въ Хуху-хотоскомъ окр.) 148.
 Дай-сэцэпъ (тесть Тэмучина) 441.
 Дай-хувъ-тайчжи (сынъ Бубэй бэйлэ) 473.
 Дайчинъ-гуна хошунъ 424.
 Дайчинъ-тайчжи 148.
 Death Blow 262.
 Диму-хутухту 404, 405.
 Динъ-ань (главнокомандующій) 251.
 Динъ-бянь-цзо-фу цзянь-цзюнь (тит. воен. губ.) 109.
 Динъ-куай (фирма въ Хуху-хото) 77.
 Ди-фанъ (= лао-цзя-р — должность) 23.
 Ди-ши — тигуль Пакба ламы) 302.
 Докшиты 57.
 Долонь-нурскіе монастыри 275, 290—298, 301, 355.
 Долонь-хошувай-надамъ (праздникъ) 450.
 Доной (цзайсанъ) 460.
 Дорчжи (цзангинъ въ Хуху-хото) 88.
 Дорчжи (племянникъ вѣшиет. цзас.) 353, 354.
 Дорчжи чжотба (сочиненіе) 320.
 Дуганъ 415.
 Дугувъ 456.
 Дугуйнъ сумэ (мон. прин. въ хуху-хото'ск. мон.) 147.
 Дунгане 75.
 Дунганское возстаніе 72, 119.
 Дунъ-жи-мышь (ворота) 200.
 Дунъ-цзѣ (мятежникъ) 249.
 Дунъ-ца (катки) 50.
 Дунъ-цинъ-шу (хвойное дер.) 209.
 Дунъ-шань-дянь (гост. въ Хуху-хото) 112.
 Дунъ-шань-цзѣ (улица въ Долонь-нурѣ) 281, 283.
 Дунъ-тай (маяки) 12.
 Дурбэнь-хухэтъ (хошунъ Внутр. М.) 64, 83, 126, 128, 151—153.
 Дурбэнь-хухэты (= Дурбэты) 151—153.
 Дурбэты (= Дурбэнь-хухэты) 151.
 Дурбэты (чжунгарскіе) 219.
 Ду-сы (воен. чин. 3-ей степ.) 19.
 Ду-туанъ (должность — гусай амбаль).
 Дуйнгэръ пандита хутукту 148.
 Дэвадата 391, 392.
 Дэгэду номъ цаганъ линхоа (соч.) 395.
 Дэхъ-ханбо-лама 458.
 Дэ-инъ-мышь (дворц. вор. въ Чэнь-дэ-фу) 210.
 Дэльхэнь (мѣра простр.) 131, 132, 140.
 Дэчп лама 228.
 Дэчокъ (бурханъ) 57.
 Дэчокъ (аймакъ въ Цзунъ-хурѣ) 460, 461.

Дэмчокъ сумэ (т. ч. Пу-лѣ-сы) 219.
 Дэнь-пинъ-цзѣ (ул. въ Биру-хото) 350.
 Дэ-шань-мышь (вор. въ Пекриѣ) 1.
 Дэ-шань-чанъ (лавка въ Хуху-хото) 81.
 Дяни (торг. въ Долонь-нурѣ) 286—288.

Ж.

Жэ-хэ'скіе богд. монастыри 216—218, 220.
 Жэ-хэ'скій дворець 214, 223.
 Жэ-хэ чжи (ляо) (ист.-геогр. сочин.) 177—179, 182, 184—185, 190, 222.
 Жэ-шуй (горачія воды) 185—190.
 Colonel H. Jule 328.

З.

Зара-булунъ-сумэ (мон.) 441.

И.

Илагухсанъ хутухту (хуху-хотоскій) 67, 115.
 Илагухсанъ - хутухту (цэцэнь - хановск.) 435—437.
 Илійскій округъ 75, 113.
 Имари (мѣра простр.) 131, 132, 140.
 Индра 328.
 Инъ-ца (лагерь) 31.
 Инъ-цзунъ (минскій импер.) 14.
 Иругэли бадарагулхчи сумэ (см. Гуанъ-юань-сы) 218.
 И-синъ-куй (лавка въ Хуху-хото) 81.
 И-туанъ-чжи (сочиненіе) 104.
 И-хо-дунъ (фирма въ Хуху-хото) 79.
 И-шанъ-танъ (фирма въ Хуху-хото) 79.
 Ишвара 389.
 И-янь (см. Янь-дэ) 109.

К.

Каданъ (имя князя) 327.
 Калганско-Гуй-хуа чэнскій трактъ 35.
 Калганско-Долонь-нурскія дороги 169.
 Кама-дэва 389.
 Каменный уголь 17, 103, 136, 137.
 Канси 16, 20, 54, 57, 59, 62, 63, 66—69, 87, 91, 131, 141—147, 203, 214, 220, 229, 252, 267, 268, 290, 293, 441, 453.
 Канси-цзы-дянь (словарь) 223.
 Канъ (лежанка) 32.

Као-пинъ (экзап. присутств. мѣсто въ Чэнь-дэ-фу) 205.
 Гр. Кассини (рус. посл. въ Пекинѣ) 1.
 Кашгарскій округъ 75.
 Кай-юань (года правленія) 13.
 Кидани 397.
 Кидань-го-чжи 397.
 Киданское письмо 369.
 Кирпичный чай 74, 75, 285, 287, 315, 338.
 Ковалевскій 10.
 Кожевенные заводы 80, 239.
 Кокovina и Басова фирма въ Калг. 354.
 Конфуцій 95—97, 133, 137, 191, 263, 286.
 Конфуціанцы 249, 269.
 Корейцы 16.
 Красильныя фабрики въ Хуху-хото 77.
 Красный (древне-буддйскій) толкъ 228.
 Кульчжинская кумирня 218.
 Куй-и-юнь (фирма въ Чэнь-дэ-фу) 211.
 Кэ-тоу (земные поклонны) 264.
 Кэшиктэнь (хошуны) 276, 287, 290, 317, 318, 327, 331—336, 343, 345—347, 349, 351—355, 360.
 Кэшиктэны 287, 317, 318, 337, 338, 342, 352, 353, 397, 414.

Л.

Лама-мяо (т. ч. Долонъ-пуръ) 277.
 Лампийнъ-гэгэнь (халхаскій) 152.
 Ланца (индйскій алфавитъ) 481.
 Лань (см. Чжу-лань) 110.
 Лао-бинъ (кушавье) 283.
 Лао-ши-я-мынь (экс. присутств. мѣсто въ Чэнь-дэ-фу) 205.
 Лао-ъ-мяо (кум. въ Чэнь-дэ-фу) 212.
 Лао-ъ-мяо (кум. на Хо-ту-лянѣ) 234.
 Лата = (Удджайя, — госуд.) 393.
 Лацабы (= да-цзайсанъ ламы) 457.
 Ли (мятежникъ) 252.
 Ли-бай-сы (мечеть въ Долонъ-пурѣ) 286.
 Ли-вэнь-хуанъ (фамилія) 55.
 Ли-вэй (изъ дома Тоба) 52.
 Ли-го-чжэнь (мятежникъ) 252.
 Ликданъ ханъ чахарскій 394.
 Ли-ло (мятежникъ) 252.
 Ли-сы-фу 168.
 Ли-хунъ-чжапъ 5, 9, 251, 253—255, 272, 354.
 Ли-фанъ-юань 109, 130, 137, 140, 142—144, 152, 295—297, 355.
 Ли-цзинъ (пошлина) 41, 46.

Ли-чжэнь-мынь (дворц. вор. въ Чэнь-дэ-фу) 210, 213.
 Линъ (священ.) 247.
 Линъ-коу (христиане?) 330.
 Линъ-чжу-сы (т. ч. Майдарийнъ сумэ) 148.
 Линъ-чи (видъ смертной казни) 260.
 Лобсанъ (халгачи) 461.
 Лобсанъ-бальчжуръ сэобо 482.
 Лобсанъ-дамба-донми (хуб. Чжэбцзунъ Д. хут.) 453.
 Лобсанъ-шарабъ-лама (казначей въ Цзунъ-хурѣ) 458—460.
 Лобсанъ-даньцзинъ-принлай 482.
 Ло-ханъ-танъ (мон. въ Чэнь-дэ-фу) 216.
 Ло-цзя-р (= ди-фанъ) 23.
 Лубцзанъ-бальчжуръ 406.
 Лугоры (назв. шалсйск. фирмъ) 39—40.
 Лу-ниъ (= ноговъ тувъ — зеленое знамя) 30, 204, 240, 251, 280, 283, 341, 345, 347.
 Лунъ-ванъ (царь драконовъ) 43, 210.
 Лунъ-ванъ-мяо (кумирня) 34.
 Лунъ-синъ-сы (кумирня) 327, 328.
 Лунъ-чжунъ-юнь (должность) 55.
 Лу-цза-мяо (т. ч. Тамагайнъ сумэ) 154.
 Лу-чэнь (цзянь-цзюнь) 91.
 Лъ-го (междударствіе) 18.
 Лъ-чжуанъ (минск. гѣт.) 310.
 Лю-бэй (спутникъ Гуанъ-ди) 228.
 Лю-хо-та (башня Жэ-хэ) 214, 366.
 Лю-цзинъ-танъ (ген. губ.) 271.
 Лянъ-ло-да (зачинщикъ возстанія) 253.
 Лянъ-суй-тай (торг. фирма въ Биру-хото) 349.
 Лянъ-цзы (отр. войска) 347.
 Лянъ-ши-цзѣ (ул. въ Чэнь-дэ-фу) 206, 212.
 Ляоская династія 17, 19.
 Ляоскія столицы 397.

М.

Ма-ванъ 43.
 Ма-ванъ-мяо (кумирня) 43.
 Магометане (хуй-хуй) 4, 9, 10, 117, 185, 191, 194, 286, 289, 290, 347.
 Макартвэй лордъ (англ. пут.) 221, 226.
 Максуръ-чжабъ (ца. Со-гуновск. хошуна) 427.
 Ман-ба (медіц. дацанъ) 433.
 Мандарва гуна хош. 447.
 Мани (изреченія) 10.
 Манлай-батуръ 311, 312.

Манрамба Дорджи лобсанъ-ванчжалъ 144, 145.
 Мань-цяпъ (полные чехи) 71, 103.
 Маньчжуря (бурх.) 119, 314, 390, 394.
 Маньчжурійнъ сумэ (т. ч. Шу-сянь-сы) 216.
 Мао-данъ (попона) 81, 208, 285.
 Мао-янь-шоу (министръ) 109.
 Марва 474.
 Марко-поло 302, 328.
 Марсъ (планета) 14.
 Матусовскій 314, 317.
 Махадэва 388, 389.
 Махамая 391.
 Махаму (военач.) 310.
 Махарата 393.
 Маха Йога-инъ тантра инъ царликъ гэгэнъ цзула (шастра) 392.
 Мачжинъ (женское имя) 148.
 Ма-ши-цзэ (улица въ Долонъ-нурѣ) 281—283.
 Ма-ю (копояное масло) 290, 349.
 Майдари (бурханъ) 148, 225, 316, 361, 430.
 Майдарійнъ сумэ (отп. въ Хуху хотоск. мон.) 147.
 Майханъ (палатка) 39—40.
 Memorandum on Persecutions in China 266.
 Мэргэнъ-цзасака хошунъ 472, 475.
 Мечеть въ Го-цзя-тун'ѣ 191.
 Мечеть въ Долонъ нур'ѣ 286.
 Middle Kingdom соч. Williams'a 262.
 Ми-ла-фо 10.
 Миндагъ-гэгэнъ 316.
 Миндагъ-гэгэна хурѣ (мон. близъ Шанъ-ду) 312.
 Минская династія 1, 6, 12, 13, 18, 19, 20, 53, 87, 124, 142, 144, 147, 220, 249, 306, 309.
 Минскія кладбища 5.
 Минская исторія (Минь-ши) 13—14, 53, 309—310.
 Минчжуръ-хутухту камбо (посоля) 410.
 Минусинскій округъ 110.
 Минъ (фамилія) 14.
 Минъ-(фэй) (имя наложницы) 106, 107, 109, 110.
 Модонъ-хула (дерев. чашка) 402.
 Модочины 448.
 Молчановъ (чайн. торг.) 75.
 Морды (корзины для ловли рыбы) 331.
 Морозовъ (фабрикантъ) 288.
 Му (мѣра простр.) 106, 153.
 Му-минганскій хошунъ 64, 126, 128, 129.

Мусульмане (см. Магометане).
 Му-ху-лу-цза (см. бортого) 285, 287.
 Мэнду-сайханъ (володцы) 430.
 Мэнь-гу-ю-му-цзи (сочиненіе) 330, 334, 340, 397.
 Мэргэнъ-вана хошунъ (Т. Х) 83, 152.
 Мэйрэнн-цзангинъ (=фу-ду-тунъ) 91, 92.
 Мэй-ю (веросинъ) 240.

Н.

Наванъ-чоймпилъ (имя хубилгана) 143.
 Наганчжуна 392.
 Nakchatra (созвѣздіе) 390.
 Намсарай (монголь) 426, 427.
 Намчжалъ (плем. кэшикт. цзас.) 353, 354.
 Намчжалъ-тойнъ 62.
 Наньинская башня 214, 215.
 Нань-доу (южная поляр. звѣзды) 14.
 Насуда асаралту сумэ (отп. къ хуху-х. мон.) 141, 142.
 Ни-янь (табакъ) 26.
 Нинъ-нинъ хутухту 67.
 Нинъ-ху (титулъ королевъ) 109.
 Нинъ-чоу (матерія) 84.
 Нинъ-юань-цзэ (улица въ Долонъ-нурѣ) 286.
 Нирба 72, 141, 297, 401, 452, 453, 460, 463.
 Нируй чжангинъ (должн. эскадр. команд.) 136.
 Ногонъ-тукъ (см. лу-инъ) 280.
 Ноннъ-аба (кэшикт. цзасака) 353.
 Номту дэбэлъ (дух. одежда) 337.
 Номунъ (супруга Чжи-цзасака) 417, 418, 420.
 Номунъ-ханъ 218.
 Номтуинъ аршанъ (горько-сол. ист.) 475.
 Ноянь (имя князя) 327, 328.
 Нумуни илагухчи (эпит. асуровъ) 389.
 Нэбтэрхэй-цэцэнь (тит. Илаг. хутухты цэц. хан.) 437.
 Нэнь-нэнь-тайху 394.
 Нэйчжи-шюинъ-хутухту (Тойнъ лама) 57—59, 61.
 Ню-ши-цзэ (ул. въ Долонъ-нурѣ) 281, 282.
 Нянь-нянь-мао (кум. бл. Нюй-инъ-цза) 238.
 Нянь-дэ — (мэйрэнн цзангинъ) 91.
 Ньин-ма-ва (секта) 474.

О.

Обо 43, 126, 151, 172, 363, 416, 483.
 Оготоно (полевая мышь) 119.
 Олбокъ (подушка) 72.
 Олоты (поколѣніе) 61, 294.
 Олочень 334.
 Омбо хунъ-тайчи 54, 56.
 О-ми (см. Чахаръ-даянчи-хутухту) 144.
 Омскій округъ 75.
 Онгодойнъ худувъ (володецъ) 416.
 Онюты 227, 287, 361, 365.
 Опіумъ 122—123, 191, 201, 257.
 Орнимчи 320.
 Вагон d'Ohsson 328.
 Отчигинъ (братъ Чингисъ-хана) 328.
 Очиръ-вани (докшитъ) 57.
 Ойраты 217.

П.

Па-бяо-гунъ-фынъ (вор. въ Чэнь-дэ-фу) 209.
 Па-гуа (рисунокъ) 96.
 Падма-самбава 474, 481.
 Пакба-лама 302.
 О. Палладій 167.
 Пандита гэгэнэй дацанъ 337.
 Пандита (йиъ) сумэ 316.
 Пандитайнъ чжу (прин. къ хуху-хото'ск. мон.) 146.
 Пань-пинъ-цзѣ (ул. въ Чэнь-дэ-фу) 210.
 Пань-цза (агентскія конт.) 80.
 Пай-лу-цзѣ (ул. въ Чэнь-дэ-фу) 209, 210.
 Пещерныя жилища 49, 180.
 Пинъ-ла-гоу-мынь-р (гостинница) 185, 186.
 Пинъ-си-ванъ (тит. мят. Дувъ-цзѣ) 249, 253.
 Пинъ-чжанъ 309.
 Пинъ (разр. имп. наложица) 109.
 Пв-цзинъ-мынь (вор. въ Пекинѣ) 2.
 По-ло (дер. вида дуб. Quercus obovata) 211.
 Погѣнчатый чай (бай-лянъ) 74, 75.
 Поповъ П. С. (драгом. Пекинск. Мис.) 324, 397.
 Потанинъ (путеш.) 106, 107, 135, 466.
 Пу-лѣ-сы (мон. въ Чэнь-дэ-фу) 218, 219.
 Пуна (царевна) 327.
 Пу-нинъ-сы (мон. въ Чэнь-дэ-фу) 217, 220.
 Пунсукъ-цзѣ (ул. въ Гуй-хуа-чэнь) 73, 85.

Пунсукъ-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 66—67.
 Пунцукъ (цзасакъ-да-лама) 146.
 Пунцукъ (вѣстовой) 445.
 Пунъ-бэйсэ хошунъ 297, 443, 445—447, 459.
 Путята (путеш.) 397.
 Пу-ю-сы (мон. въ Чэнь-дэ-фу) 218.
 Пэнь-юй-линъ (комисаръ въ Кантонѣ) 265, 266, 272.
 Пяо (свидѣтельство) 41.
 Пясецкій (путеш.) 10.

Р.

Рабтанъ (хафанъ) 460, 401.
 Рабчжамба (уч. степень) 337, 422.
 Рабчжа-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 57.
 Ратна-самбава бурхану сумэ (кум. въ У-та-сы) 70.
 Рахули 391, 392.
 Report to English Presbyterian Mission 262.
 Ринчинъ-тэгчинъ-линъ (мон. Хухэнь хут.) 474.
 Рудра 389.

С.

Саба-нутукъ (погр. мѣста) 437.
 Сабанъ-цзасака хошунъ 481.
 Сакусунъ 58, 64, 455, 473, 474.
 Сакья-муни (=Шакья-муни) 388, 392.
 Сакья-пандита 391.
 Сакьясы 390—392.
 Самади-бакши 402, 406, 409, 410.
 Сананъ-сэцэнъ 435.
 Сангэ-була (лу'скій князь) 327.
 Сандуй (бурханъ) 57.
 Сансарыйнъ-хурдэ 64.
 Санъ (казначейство) 181, 308, 462.
 Санцзай-дорчжи (цэцэнъ-хапъ) 438, 439.
 Санъ-дарма-пундарика (сутра) 395.
 Санъ-гуанъ-мяо (даоск. кум. въ Чэнь-дэ-фу) 212, 253.
 Санъ-гуанъ-мяо (кум. въ Долонъ-нурѣ) 283, 284, 286.
 Санъ-хо-чэнъ (пекинск. фирма) 80.
 Санъ-хэ-юанъ (фирма въ Хуху-хото) 79, 423.
 Сао (ялоская им-ца) 17.
 Сарасвати (бож. дѣва) 390.
 Сайни эрхилэхчи сумэ (см. Пандитайнъ-чжу) 147.

- Сайнь-бариддуга сумэ (мон. прин. въ Бага-чжу) 62.
 Сайнь-ноинновскій аймакъ 83, 296.
 Семипалатинскій округъ 75.
 Си-да-цзѣ (ул. въ Чэнь-дэ-фу) 206—209, 212.
 Силянъ гол'скій сеймъ 280, 335, 336.
 Синь-гунъ (походн. дворець) 178.
 Синь-лунъ-вэй (бурх. маст. въ Долонъ-нурѣ) 282.
 Синь-лунъ-гуанъ (гост. въ Долонъ-нурѣ) 284.
 Синь-лунъ-цзѣ (улица въ Долонъ-нурѣ) 283.
 Синь-чжао- (хуху-хото'скій цзянь-цзюнь) 139.
 Синь-гунъ (кум. въ Чэнь-дэ-фу) 217.
 Синь-чэнь (хуху-хото'ская крѣпость) 52, 115—118.
 Си-цзы (рогожи) 27.
 Си-янь-бу (мат.) 76, 192, 199.
 Со-гуна хошунъ (Т. X) 427, 426.
 Со-гъ-ло (Сукавати) 329.
 Солонгуты 772, 773.
 Сономбо (да-лама) 66.
 Сорасвати-гайсунъ-хуанди 395, 397.
 Со-синъ-дэ (фирма въ Хуху-хото) 77.
 Сойбунъ-гэгэнъ 435—457.
 Субурганъ 2, 68—71, 152, 194, 215, 219, 243, 392—397, 402, 433, 438.
 Субургану оноль (сочиненіе) 392.
 Субдуйнъ сумэ (мон.) 360.
 Судай (хя) 343,
 Судодани (царь) 391.
 Сукавати 329.
 Сумэр улцзэйту сумэ (т. ч. Сюй-ми-фу-шоу-чжи-мяо) 217.
 Сунитъ (хошунъ) 280, 289, 335.
 Суниты 275, 287, 350.
 Сунская династія 53, 55, 120, 243.
 Сунъ-нинъ (минск. военач.) 14.
 Сунъ-сѣ-чжи (зачинщ. возстанія) 253,
 Сунъ-тувъ-цзянь (исторія сунской дин.) 16, 17, 302.
 Сунъ-чунъ (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 100, 139.
 Сунъ-чунъ 2-й (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 139.
 Сунъ-ѣ-шанъ (фирма въ Долонъ-нурѣ) 287.
 Су-о (туданъ-матерія) 288.
 Суринъ-дугунъ 438, 476,
 Суртагуни тэтхуху (тит. Галзанъ-ширѣту'а) 411.
 Сухэ (подводчикъ) 480.
 Суцзууту (тэригунъ) 460, 461.
 Суй-юань-чэнь (см. Синь-чэнь) 116.
 Сучжи (колодець) 469.
 Сы-танъ (кумирня) 67.
 Сы-танъ (храмы предковъ) 3.
 Сы-хэ-юань (фирма въ Биру-хото) 349.
 Сы-ѣ (должн. смотр. тюр. замка) 197.
 Сѣ-ли-ху'скій золотой принскъ 254.
 Сѣ-тай (воен. должность) 280, 281.
 Сэнгэ-дурэнъ ханъ 54,
 Сэнтуръ (имя князя) 327.
 Сэра (мон. въ Тибетѣ) 402, 410, 435.
 Сэцэнь-хановскій аймакъ (см. Цэцэнь-хановскій).
 Сэцэнь-цинъ-ванъ 280.
 Сюнну 109.
 Сянь-цзянь (гражд. чиновн.) 33, 191, 280, 281, 346.
 Сюй-вэй-гунъ-цзю (вор. въ Чэнь-дэ-фу) 206.
 Сюй-да (цзянь-цзюнь) 309.
 Сюй-дэ (фирма въ Хуху-хото) 77.
 Сюй-жунъ (нач. разб. шайки) 246, 247.
 Сюй-ми-фу-шоу-чжи-мяо (мон. въ Чэнь-дэ-фу) 217.
 Сюй-цай (фирма въ Хуху-хото) 77.
 Сянь-дянь (зала) 106.
 Сянь-чэнь-юй-мо (мат.) 76.
 Сянь-шуй (т. ч. Юй-бао) 227.
 Сянь-пянь (байхов. чай) 195, 200, 233.
 Сянь-сюнь-хэ (фирма въ Биру-хото) 349.
 Сянь-фынь (дайцинск. имп.) 38, 72, 203.
 Ся-пу (ул. въ Калганѣ) 22.
 Ся-хо-и (фирма въ Пекинѣ) 80.
 Ся-шэнь-хо (фирма въ Пекинѣ) 80.

Т.

- Табунъ-субурганай-чжу (= У-та-сы, мон. въ Хуху-хото) 56, 69, 71, 148.
 Тага-хулуъ (колодець) 411.
 Тамага (хошунное упр.) 353.
 Тамагайнъ сумэ (т. ч. Лу-ца-мяо) 154.
 Тангуты 64.
 Таиская династія 13, 16, 19, 53, 87, 117.
 Таорль (дер. дикій персикъ) 190, 194.
 Тарбаганы (полевныя мыши) 470.
 Тарбагатайскій округъ 113.
 Татагата 328, 329.
 Татарія 70.
 Ташкентскій округъ 75.
 Тай (башня) 44.
 Тай-динъ (года правл.) 329, 330.
 Тай-и 4.

Тай-хо-юй-линъ (мат.) 76.
 Тай-цзу 293.
 Тай-цзунъ 293, 409.
 The book of sir Marco Polo 328.
 The cause of the Riots in the Yangtse valley 267.
 Thin 262.
 Tientsin Massacre соч. Thin'a 262.
 Тинъ-чжу 309.
 Тоба 52, 53.
 Тобо-даянчи-лама Приглай-чжампо 143.
 Тогонъ-тэмуръ (Шунь-ди) 309, 334.
 Тонми самбода (переводчикъ) 481.
 То-то 16.
 Тоу-чэнь-цзъ (ул. въ Дол.-нуръ) 281, 283.
 Ту-дакъ (дроква) 469.
 Ту-данъ (су-о) (матерія) 288.
 Ту-ди (геній) 167.
 Ту-ди-сы (кум. въ Чэнь-дэ-фу) 213.
 Туманскій (путь) 10.
 Тумэнь-улцзэй (тусалахчи) 343.
 Тумэнь-цзасакту ханъ 394.
 Тумэты 53—54, 58, 63, 64, 68, 71, 74, 85, 87—89, 93—101, 109, 113—114, 118—119, 122, 125—142, 186, 227, 250, 287.
 Тунъ-а (алиха-амбанъ) 96.
 Тунъ-сунъ-дянь (гост. въ Хуху-хото) 112.
 Тунъ-цзянь (мет. дѣлъ мастера) 282.
 Тунъ-цзянь-ганъ-му (сочиненіе) 109.
 Тунъ-чжи (алиха-амбанъ) 97.
 Тунъ-чжи (дайцинскій импер.) 284, 345, 459—462.
 Тунъ-чжи (должность) 274, 346.
 Туркестанскій край 113.
 Туркестанцы 74.
 Турушскій царь 393.
 Туруйнь бэйлэ 280.
 Туруйнь дурэнъ цзюнь ванъ 280.
 Туруйнь цзорикету цзюнь ванъ 280.
 Туруйнь цзюнь ванъ 280.
 Туруйнь эрдэни цзюнь ванъ 280.
 Туръсун'у чжусы (подати) 355.
 Тусалахчи 342—344, 353, 439.
 Тусанга (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 139.
 Тухэй буда (мелкое просо) 288.
 Тушъту хана хошунъ 454.
 Тушъту-хановскій аймакъ 83, 296, 426.
 Туй-шоронъ 57.
 Тэмучинъ 431.
 Тэнь-пай 280.
 Мистеръ Тэйлоръ (дир. Кит.-Инд. Миссіи) 260.
 Тьенюэскія могилы 466.

Тюляевъ (фабрикантъ) 288.
 Тянь-и-дэ (фирма въ Хуху-хото) 78.
 Тянь-нинъ-сы (кум. въ Пекинѣ) 52.
 Тянь-синъ-хэнъ (фирма въ Хуху-хото) 77.
 Тянь-тай-юнь (торг. фирма) 39.
 Тянь-хо-дэ (фирма въ Пекинѣ) 80.
 Тянь-хо-шэнь (торг. фирма) 39, 41.
 Тянь-цзиньскій трактатъ 58 г. 257—259.
 Тянь-цзюй-дэ (фирма въ Хуху-хото) 77.
 Тянь-ци (года правленія) 56.
 Тянь-юй-дэ (фирма въ Хуху-хото) 79.

У.

У-гуанъ-шэнь (матешникъ) 253.
 У-гуй-тоу (кумирна) 10.
 Угэдэй-ханъ 5, 149.
 Уджайя (= Лата, государство) 393.
 У-ди (имя императора) 109.
 У-инъ 223.
 Williams 262.
 Мистеръ Williamson (чл. англ. миссіи) 260.
 Уксара (мѣсто хамбо-чяу) 287.
 Уланъ-дабанай-цзамъ (дор. изъ Урги въ Калганъ) 449.
 Уланъ-хагайнь сумэ 411.
 Уланъ-худукъ (володець) 479.
 Улачины (подводчики) 445, 480.
 Улцзэйги бадарагулхчи сумэ (см. Усуту-сумэ) 145.
 Улцзэйги эркинь болгахчи сумэ (см. Барунъ-чжу) 69.
 Улясутайскій округъ 75.
 Улясутайнь худукъ (володець) 416.
 У-мяо (кум. Гуанъ-ди (Гэсэра) въ Чэнь-дэ-фу) 209.
 Ундуръ Майдари (кум.) 430.
 Ундуръ-гэгэнъ 453, 456, 482.
 Унидэ балсхуланту сумэ (см. Цорчи-чжу) 66.
 Унидэ буянту сумэ (отн. къ хуху-хото'ск. мон.) 147.
 Ундугуйнь номту (бурх. маст. въ Долонъ-нуръ) 283.
 Унцунъ тунъ-цзянь (бурх. маст. въ Долонъ-нуръ) 283.
 Унэту (володець) 425.
 Уратскій хошунъ 126, 128, 148.
 Ургинско-Калганскій трактъ 162, 332.
 Ургинско-Улясутайскій почт. трактъ 436.
 Урду табинъ сумэ (монаст.) 363.
 Уриду абагаскаго вана хошунъ 332.
 Урмэ (жар. сливки) 453.
 Урунь (отокъ шаб. Ург. хутухты) 449.

Урту насунь (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 139.
 Урушійнь абурахчи сумэ (отн. въ хуху-хото'ск. мон.) 141.
 Усуту сумэ (отн. въ хуху-хото'скимъ мон.) 145.
 У-та-сы (= Табунъ-субурганай-чжу) 56, 69, 115.
 Ухань (хошунъ Ю. М.) 287.
 Учжумуцинь (хошунъ) 61, 276, 280, 287, 289, 299, 315, 335, 398—401, 412, 414.
 Учи (барапья гуша) 353, 355.
 Sir Wade (англ. сипох.) 259.
 Уйлэсы гэйгулукчи (сутра) 395.
 Уй-шэнь-дянь (фирма въ Долонъ-нурѣ) 287.

Ф.

Фань (фамилія) 43.
 Pere Favier 227, 244.
 Фо 229.
 Фо-ъ-мяо (кум. въ Фынъ-нинъ-сяни) 197.
 Фу-ду-тунъ (мэйрэнн цзангинъ) 90, 91, 102, 130.
 Фу-жэнь-сы (мон. въ Чэнь-дэ-фу) 220, 228.
 Фу-лянь (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 136.
 Фу-синъ-юнь (торг. фирма) 39.
 Фу-хо-чэнь (торг. фирма) 39—41.
 Фу-хо-юнь (торг. фирма) 39.
 Фу-хунъ-юнь (фирма въ Биру-хото) 349.
 Фу-чжэнь (путешеств.) 397.
 Фушанга (хя) 411.
 Фу-шань-сы (мон. въ Чэнь-дэ-фу) 219.
 Фу-шэнь-цзѣ (улица въ Долонъ-нурѣ) 285.
 Фу-шэнь-юнь (фирма въ Хуху-хото) 77.
 Фу-ъ (воен. должность) 30.
 Фу-юань-дянь (торг. фирма) 39.
 Фу-ямупъ 205, 206.
 Фынъ-нинъ-сянь'скій травь 238.
 Фынъ-шуй (чародѣйств. примѣты) 264.
 Фынъдэ бошoku (должн. гвард. десят.) 136.
 Фэй (разр. импер. наложицѣ) 109.

Х.

Ханьвирва (дожшптъ) 57.
 Халгачи (должность) 461.
 Халха 65, 83, 130, 135, 146, 147, 152, 287, 290, 293, 295, 298, 311, 350, 354, 357, 416, 421, 435, 447.
 Халхасы 61, 64, 283, 290, 294, 296, 297, 397, 398, 435, 455, 456, 458.
 Халцзанъ-ширѣту 422.

Хамбо (ханбо)-чай (ця) 285, 287, 315, 338, 354, 359.
 Хамійскій округъ 75.
 Хамуги мэдэхчи усуну хухульту (эпит.) см. Йэхэ усутэй 389.
 Хамчжилга 476, 477.
 Ханбо-лама 217, 404, 405.
 Ханбо-номунъ-ханъ 458.
 Хань-Минь-фэй-чжунъ (надпись—см. Ванъ-чжао-цзюнь) 107.
 Ханьская династія 18, 106, 107, 109, 110.
 Хань улусун Ванъ-чжао-цзюну хэгур (надпись—см. Ванъ-чжао-цзюнь) 107.
 Хань-хэ-тоу-цзѣ (ул. въ Чэнь-дэ-фу) 206, 212, 213.
 Хара-бута (растение) 119.
 Харачинскій хошунъ 297, 365.
 Харачины 54, 59.
 Хасаръ (братъ Чингисъ-хана) 165.
 Хатагийнъ-погузаръ-лама (погазцари-хуту-хту) 422.
 Хашига 62.
 Хайду (плем. Хубилай-хана) 327, 338.
 Хайласу (дерево—илъмъ) 313.
 Хайсандай (см. Синъ-лунъ-вэй) 282.
 Хла-бэйсэ хошунъ (Ц. Х.) 315, 422, 435.
 Хла-гуна хошунъ 437, 438, 440, 441.
 Хла-чжононъ-гунэй хошунъ 470, 472.
 Хлама (бурханъ) 351.
 Хламо (дожшптъ) 423.
 Холодахини амурчжигулукчи сумэ (см. Ань-юань-мяо) 218.
 Хо-ли-цзинь (долонъ нур'ская лавка) 300.
 Хоринскіе бураты 472, 473.
 Хормуста 389, 392.
 Хоронъ (ограда) 309, 471.
 Хорчинскіе хошуну 211.
 Хорчины 202, 220, 227, 287.
 Хото-мандалъ 64, 219.
 Хохо-дабасу (соль—русс. бѣлой соли) 413.
 Хохо-сумэ (мон. въ Долонъ-нурѣ) 275, 286, 290, 295, 296, 299.
 Хохо-сумэ (т. ч. Фу-шань-сы) 219.
 Хохо-сумэ (кург. въ Шанъ-ду) 304.
 Хо-цинъ-ванъ 171, 172.
 Хошунъ-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 68.
 Хошунное управленіе 191, 342, 353, 433, 445.
 Хошуну бэйсэ 280.
 Хо-шэнь-мяо (кум. въ Чэнь-дэ-фу) 209.
 Хо-шэнь-мяо-цзѣ (переул. въ Чэнь-дэ-фу) 209, 210.
 Хуанъ-гу-тунъ (фыпъ-нинъ-сянь'скій опи-умъ) 201.

- Хуанъ-гуй-фэй (разр. импер. наложницъ) 109.
 Хуанъ-хоу 411.
 Хуанъ-чао-цзинъ-ши-вэнь (сочиненіе) 272.
 Хуа-ванъ-цзинъ (св. книги) 52.
 Хуа-цзи (фирма въ Хуху-хото) 77.
 Хуа-ци-жэнь-тоу-пу-янь (матерія) 76, 199.
 Хуа-ци-фэй-лунъ-си-вэнь-бу (матерія) 76, 199.
 Хуа-янь-сы (кум. въ Шанъ-ду) 302.
 Хубилганъ 59, 66, 69, 71, 72, 143—145, 147, 148, 220, 312, 344, 345, 351, 393, 394, 402, 404, 411, 420, 422, 433, 435, 437, 453, 455, 474, 481—484.
 Хуботу уланъ (чах. знамя) 47, 150.
 Хуботу хохо (чах. знамя) 47.
 Хуботу шара (чах. знамя) 171, 172,
 Хубо-шара ухурчины (=Чжувъ ухурчины) 161.
 Хубчинъ-чжонопъ-бэйсэ хош. 450, 475, 479, 480.
 Хулунъ бопрсаго Чжунъ-вана (хош.) 435.
 Хулэ (магазин. кулъ хлѣба) 102, 220.
 Ху-нань-скія антихр. изданія 270—273.
 Хупдуй 134, 476, 477.
 Хувны (= Сюпну) 110.
 Хунъ-ву (мипск. импер.) 20.
 Хунъ-мо-си-си-вэнь-бу (матерія) 76.
 Хунъ-мо-цу (матерія) 76.
 Хунъ-мяо (кум. въ Чэнь-дэ-фу) 212.
 Хунъ-цяо (мостъ въ Чэнь-дэ-фу) 207, 209, 210.
 Ху-пай-би-цзи (матерія) 76.
 Хуралъ 57—59, 62, 66, 68, 141, 152, 216, 219, 314, 335, 337, 351, 357, 364, 367, 423, 437, 453, 455, 459.
 Хурай-буда (= болосонъ буда — крупное просо) 288.
 Хурай-хошу (песчаные увалы) 342.
 Хурулъ (сумунный) 472.
 Хурулынъ сумэ 57, 314, 315.
 Хурца-дакба (лама) 483.
 Хурца-ламаинъ сумэ (кум.) 434.
 Хуталайги нбэгэхчи сумэ (см. Пу-ю-сы) 218.
 Хуталайги эхчэжигулухчи сумэ (см. Пу-нинъ-сы) 217.
 Хутала нигулэсуччи сумэ (см. Шара-мурэнь чжу) 146.
 Хутала чжиргаланту сумэ (см. Дайгаинъ-чжу) 148.
 Хутала чжиргаланту сумэ (см. Пу-лэ-сы) 218.
 Хухэнь-хутухту 472—474; 480—484.
 Хучинъ номту (бурх. маст. въ Долонъ-нурѣ) 283.
 Хучитскіе хошуну 280, 315, 335, 413, 414.
 Хуй-хуй (магометане) 117.
 Хуй-хуй-сы (мечеть въ Шанъ-ду) 302.
 Хуй-цзунъ-сы (см. Шара-сумэ) 290.
 Хуй-юй-гуанъ (кум. въ Долонъ нурѣ) 286.
 Хэ-нань-дянь (постоял. дворъ) 274.
 Хэнь-цинъ-дянь (торг. фирма) 39.
 Хэнь-юй-дэ (общ. закл. дв. им. въ Биру-хото) 348.
 Хэрүлэнь-бярсь-хото-скій сеймъ 440.
 Хэ-цю-тао 441, 442.
 Хэ-чинъ-ванъ 162.
 Хэ-шаны 181, 186, 188—190, 204, 234, 237, 283, 286, 302.
 Хэ- (шу-нинъ) (генер.) 107.
 Хэ-шэнь-юй (торг. фирма въ Биру-хото) 349.

Ц.

- Цагавъ-дабасу (соль—русск. черной соли) 413.
 Цаганъ-даянчи-хутухту 141—143.
 Цаганъ-дэрэсу (володецъ) 425.
 Цаганъ лама Раши чжамцо 142—143.
 Цаганъ ламаинъ чжу (мон. въ Хуху-хото) 56.
 Цаганъ сара 59, 361.
 Цаганъ-субурганъ (башня) 364, 366, 367, 397.
 Цаганъ-хадаинъ-чжу (прин. къ хуху-хото-скимъ мон.) 145.
 Цаглаши угэй сумэ (см. Да-чжу) (Йэхэ-чжу) 57.
 Цамначи 218.
 Цамъ 218.
 Цанба (фам. см. Чахаръ-даянчи-хут.) 144.
 Цанидынъ сумэ (въ Цзунъ-хурѣ) 456.
 Цанитъ 63, 216, 337, 351, 422, 458.
 Цань-цзань-да-чэнь (должн. пом. воен. губ.) 109.
 Цай-шэпъ (духъ богатства) 190, 210.
 Цай-шэнь мяо (кум. въ Эр-дао-нинъ-цза) 190.
 Цамьянь-чжамцо (хубилг. Хухэнь хутухты) 482.
 Цзапгинъ.
 Цзапданъ-цзу 151.
 Цзанканъ 57, 64.
 Цзасакту ханъ 146.
 Цзасакъ (кэшиктэнскій) 353—355.

- Цзасакъ-да-лама 57.
 Цзасакъ-лама 57, 64—67.
 Цза-сянь-мынь (вор. въ Синъ-пинъ-коу) 30.
 Цзахиракчи 342—344, 353, 355, 439, 476.
 Цзая-пандита хутухту 146, 147.
 Цзай-ли (секта) 249.
 Цзайсанъ цзасака хошунъ 479.
 Цзинь-фань-тянь (назв. мѣста въ кум. Лунъ-синъ) 329, 330.
 Цзинь-дань-дао (секта) 246—249, 253, 255.
 Цзиньская династія 19, 52, 54.
 Цзинь-сянь-юй (сортъ поповъ) 81.
 Цзинь-тянь-чанъ-юань (кум. въ Чэнь-дэ-фу) 210.
 Цзинь-фоу-ду (зол. башня въ Шавъ-ду) 302.
 Цзинь-чоу (шолк. матерія) 211.
 Цзинь-чэнь-юнь (фирма въ Чэнь-дэ-фу) 210, 211.
 Цзонхава 57, 225, 482.
 Цзанхавинскій толкъ 190, 194, 220.
 Цзо-цзунъ-танъ (ген. губ. Вост. Турк.) 75, 272.
 Цзу (статуя) 57, 314.
 Цзула-сара 361.
 Цзунъ-Абага (хош. Силинь гол'ск. сейма) 280.
 Цзунъ-Абаганаръ (хош. Силинь гол'ск. сейма) 280.
 Цзунъ-ли-ямунъ 271.
 Цзунъ-худукъ (колодець) 430.
 Цзунъ-хурѣ(нь) (мон.) 449, 452—464.
 Цзунъ Сунитъ (хош. Силинь гол'ск. сейма) 41, 280.
 Цзунъ Хучитъ (хош. Силинь гол'ск. сейма) 280, 315.
 Цзунъ-шэнь-сы (мон. въ Чэнь-дэ-фу) 216.
 Цзунъ-ѣ (воен. должн.) 280, 281.
 Цзуру-хуцзунѣй цзамъ (дорога на Цзунъ-хурѣнь) 449.
 Цзурхай (астрологическій дацанъ) 433.
 Цзуть-данъ-винъ-бо (хубил. Хухэнь хутухты) 481.
 Цзы-сунъ нянь-нянь (богиня см. Гуй-цзы-му) 238.
 Цзы-цзунъ (хэшанъ) 302.
 Цзѣ-ду-ши (должн. нач. погр. гарн.) 54.
 Цзѣ-лѣ (должн. областн. нач.) 55.
 Цзѣ-тай (мон. въ Чэнь-дэ-фу) 216.
 Цзэнь-го-фанъ (кит. госуд. дѣятель) 259, 260, 272.
 Цзюпъ-сюанъ (да-сы-ту) 305, 306.
 Цзю-цай-лянъ (мостъ) 177.
 Цзю-чэнь (хуху-хот. кремль) 85—101, 116.
 Цзю-шэнь-мяо (кум. въ Фынъ-пинъ-сяни) 197.
 Цзюй-жэнь (ст. магистра) 109.
 Цзюй-юнь-гуанъ (крѣп. бл. Пекина) 1, 5—7, 9, 20.
 Цзя-и-да-фу (чипъ) 330.
 Цзянь-дуанъ (шолк. мат.) 211.
 Цзянь-цзюнь.
 Цзя-цинъ (дайцинск. импер.) 31, 34, 66, 68, 91, 109, 132, 135, 140, 142, 144, 174, 354, 403, 405, 406, 411, 438.
 Цзя-цинъ (минскій импер.) 53.
 Ци-ло-дао (матежникъ).
 Ципъ-дэ-чжинъ (торг. фирма въ Биру-хото) 349.
 Цинъ-чжунъ (см. Ванъ-чжао-цзюнь) 104.
 Ципъ-чжунъ-чапъ (фирма въ Хуху-хото) 79.
 Цинъ (княжество).
 Цокчинъ (капище въ мон. Дарханъ-улайнъ сумэ) 337.
 Цокчинъ (кап. въ Цзунъ-хурѣ) 456.
 Цорчжи-лама 68, 433, 453, 457, 458, 460, 463.
 Цорчжи-мяо (кумирня) 155.
 Цорчжи-хутухту (-гэгэнь; -лама) см. Дарханъ-порчжи-лама 66.
 Цорчжи-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 65, 66.
 Цянь лунъ (дайц. импер.) 63, 68, 69, 88, 91, 93, 97, 98, 100, 101, 102, 116, 127, 131, 132, 136, 138—141, 143, 144, 146, 148, 176, 194, 196, 203, 214, 215, 217.
 Цянь-лянъ (сортъ чая) 74.
 Цянь-мынь (ворота въ Пекинѣ) 1.
 Цянь-цзунъ (должность) 197.
 Цэ-цзасака хошунъ 297.
 Цэрэнь (халгачи) 461.
 Цэцэнь-гуна хошунъ 432.
 Цэцэнь-хана ставка 432—434, 469.
 Цэцэнь-хана хошунъ 432, 437, 438.
 Цэцэнь-хановскій аймакъ 276, 287, 289, 296, 300, 315, 350, 418, 422, 427, 429, 435, 437, 440, 444, 446, 447, 450, 476.
 Цэцэнь-ханъ 432—435, 438, 439, 440, 469.

Ч.

- Чанъ-кай-пинъ (минск. военачальникъ) 20.
 Чанту-цзянь-цзюпъ (матежникъ) 119.

- Чань-тай-дянь (гост. въ Хуху-хото) 112.
 Чань-шэнь-цзэ (улица въ Долонъ пурѣ) 282, 283, 285.
 Чань-юй-чунь (полководецъ) 309.
 Чахарскія кочевья 36, 43, 45, 148, 277, 291, 295.
 Чахарь-даанчи-хутухту 144.
 Чахарь-лама- (инь) чжу (мон. въ Хуту-хото) 56, 144, 145.
 Чахары 34, 36, 43, 45, 47, 48, 54, 126, 128, 144, 150, 151, 153—155, 160—162, 168, 171—174, 177, 179, 180, 186, 189, 190, 216, 287, 312, 314, 315, 317, 318.
 Чехъ (монета) 15, 41, 71, 103, 201, 350.
 Чжань-гэгэнь 433.
 Чжаоба-чоймпилъ (да-лама) 410.
 Чжалани орго (коч. чах. цзаланъ) 154.
 Чжалани цзангинь (тумэтскій) 63, 134, 136, 137.
 Чжалань (должность) 128, 129.
 Чжамбалъ-сэнбо (хубилг. Хухэнь хутухты) 482.
 Чжамсаранъ (да-лама) 460—461.
 Чжамсаранъ (тойнь) 460.
 Чжанрайсэнь (бурханъ) 57.
 Чжанча-хутухту (—гэгэнь) 56, 63, 147, 181, 186, 217, 219, 290, 291, 295, 308, 312, 352.
 Чжань (имя начальн.) 330.
 Чжань (мѣра длины) 106.
 Чжань-дэ-хуй (кит. пут.) 441.
 Чжань-лао-фъ (кум. бл. Чэнь-дэ-фу) 228.
 Чжань-пинь-гэ (полков.) 20, 51, 54—55, 104—106, 120—121.
 Чжань-тай-тай (женск. имя) 63.
 Чжань-цзасака хош. (= Хла-гуна хош.) 437.
 Чжань-цзя-коу'ская дорога 311.
 Чжань-чжи-дунь (ген.-губ.) 271, 272.
 Чжао-гунь-минь (кит. духъ богатства) 190.
 Чжао-ши-янь (чиповн.) 327.
 Чжао-цзюнь (см. Вань-чжао-цзюнь) (кладб. бл. Хуху-хото) 104—106.
 Чжао-цзюнь-чу-сай (романъ) 109.
 Чжао-янь (дворецъ) 109.
 Чжао-янь (хэшань) 186.
 Чжао-янь (чань-нин'скій окруж. нач.) 327.
 Чжаши-гумбо (мон. въ Тибетѣ) 410.
 Чжай-ба'скій дацанъ (въ мон. Сэра) 435.
 Чжи (цзянь-цзюнь) 131.
 Чжибуланту-чжу (мон. хуху-хото'ск. окр.) 148.
 Чжигчигъ (аймакъ въ Цзупъ хурѣни) 460.
 Чжи-ли До-лунь но-рѣ Фу-минь тунь-чжи (тит. долонь-пурскаго эрѣ-фу) 279.
 Чжинь-чжинь (субурганъ) 394.
 Чжи-са (кумир. казначейство) 337, 460, 461.
 Чжиса 367, 413.
 Чжи-сянь (должность—уѣзд. нач.) 279.
 Чжи-сянь (вань-цюань-сянь'скій) 23.
 Чжи-сянь (фынь-пинь'скій) 179, 197, 198.
 Чжи-сянь (цзянь-чань-сянь'скій) 235, 236, 243, 247.
 Чжитку сумэ (отн. къ хуху-хото'ск. мон.) 146.
 Чжи-фу (должность) 106, 260.
 Чжи-цзасака (халх.) 414, 417—420.
 Чжи-фу (хуху-хотоскій цзянь-цзюнь) 139.
 Чжи-хуй-ши 6.
 Чжи-юань (года пр. Хубилай-хана) 327, 328, 334.
 Чжоу-хань (губ. Ху-нань) 272.
 Чжо-цзюнь-фынь (см. Вань-чжао-цзюнь—кладб. бл. Хуху-хото) 104—106.
 Чжу-адиша (будд. ученый) 481.
 Чжуань- (цзы) почеркъ) 121, 225, 305, 320.
 Чжудъ (церк. служба) 351.
 Чжудъ (тарнист. дацанъ) 433.
 Чжу- (лань) 110.
 Чжунгарія 282.
 Чжунгарскія войны 93, 127, 467.
 Чжунгары 139, 147, 218, 441.
 Чжунь-вань-цинъ 309.
 Чжунь-лу-хо-цзэ (ул. въ Долонъ-пурѣ) 282, 283.
 Чжунь-баринь (хошунъ) (= Иэхэ-баринь) 361, 400.
 Чжунь-онють (хошунъ) 365.
 Чжунь-хучинь (хошунъ) 413, 415.
 Чжунь-ухурчиновъ хошунъ (= хубо-шара ухурчиновъ хошунъ) 161.
 Чжунь-удаскій сеймъ 343, 349.
 Чжу-чань-бао (пом. нач. отд. въ мѣн.) 411.
 Чжучай (подать) 355.
 Чжэбцзунь-балсанъ (хубилг. Хухэнь хутухты) 482.
 Чжэбцзунь-дамба-хутухту 427, 442, 447, 453, 455, 457.
 Чжэбэ (полководецъ) 20.
 Чжэнь-бинь (назв. войскъ) 347.
 Чжэнь-го-шуй (генералъ) 261.
 Чжэнь-гунъ (минскій импр.) 13.

Чихахчійнъ цзоригунъ чимэвъ (сочпневіе) 391.
 Chinese Recorder 362.
 Чингисъ-ханъ 2, 5, 106, 165, 328, 390, 393, 441, 470.
 Чинъ (мѣра простр.) 153.
 Чинъ-цорчжи-лама (см. Аванъ-дампилъ) 145.
 Чи-цуй-чу 84, 211 (чи-пуй-чоу) шолк. мат. 112.
 Чой-ра (капище въ мон. Дарханъ улайнъ сумэ) 337.
 Чой-ра (капище въ Йогацзари-ламайнъ-хуръ) 422.
 Чой-ра (богосл. дацанъ въ хуръ цэцэнь-хана) 433.
 Чой-чжабъ даянчи лама 143, 144.
 Чупъ-хоу (генералъ) 261.
 Чунъ-дэ (года-правления) 57.
 Чунъ-хо-гай (торг. фирма) 39.
 Чунъ-хо-хо (торг. фирма) 39.
 Чуй (матезникъ) 249.
 Чэнь-вань-ѣнь (фирма въ Хуху-хото) 77.
 Чэнь-гуань-мяо (кум. Гуань-ди въ Чэнь-дэ-фу) 205.
 Чэнь-сань (золот. дѣль маст.) 56.
 Чэнь-ши-ланъ (чинъ) 327.

Ш.

Шабартай сумэ (кум.) 299, 314, 315.
 Шабинары 63, 64, 66—68, 128—130, 132, 136, 138, 145, 146, 152, 295, 308, 312, 423, 427, 437, 442, 443, 446—448, 474, 475.
 Шабиньское вѣдомство 458.
 Шабронъ-ламайнъ хубилгапъ 357.
 Ed. Chavannes 397.
 Шакья-муни 225.
 Шамба (вѣшнѣт. цзасакъ) 353.
 Шанъ-пу (улица въ Калганѣ) 22, 23.
 Шанъ-хэ-чэнь (фирма въ Биру-хото) 349.
 Шанъ-юань (праздникъ фонарей) 4.
 Шанъ-гуй-фанъ (министръ) 262.
 Шао-цзю (водка) 288.
 Шарабапа (мѣс.) 395.
 Шара-бичикъ (тибетская скоропись) 403.
 Шарабъ (лама) 69.
 Шара-мурэнгійнъ гэгэнъ 152.
 Шара-мурэнъ чжу (прин. въ хуху-хото'ск. мон.) 146.
 Шара-сумэ (моп. въ Долонъ-нуръ) 141, 286, 290, 295, 297, 298, 301.
 Шара-сумэ (т. ч. Фу-жэнь-сы) 220, 228.

Шара-хуръ (двор. гэгэна въ Цзунъ-хуръ) 455.
 Шара-цай 83.
 Шарба 394.
 Шарппутра 392.
 Шатдубъ-чой-кор-линъ (см. Цзунъ-хуръ) 453.
 Шацзапъ-хула (фарф. чашка) 402.
 Шачжини бадарагулуксанъ (тит. Галданъ-ширѣту'я) 411.
 Шачжини бадарагулукчи сумэ (отп. къ хуху-хото'ск. мон.) 147.
 Шачжинъ баясхуланту сумэ (см. Барунъ усуту сумэ) 145.
 Шелководство 211.
 Шибаганца 119, 427.
 Шибэ сумэ (-хуръ) (кум.) 299, 315, 316.
 Ши-жэнь (человѣкообр. статуя) 50, 124, 125.
 Ши-ла (пудаскій царь) 393.
 Ши-ланъ (должн. тов. министра) 109—110.
 Ширѣту (должность) 457.
 Цирѣту-гэгэнъ (-хутухту долопъ-нурскій) 63, 64, 65, 145, 146, 295.
 Ширѣту-гэгэнъ (Ширѣту ламайнъ шабронъ биру-хотоскій) 344, 352—354.
 Ширѣту ламайнъ чжу (мон. въ Хуху-хото) 56.
 Ширѣту-цорчжи (цзасакъ-да-лама) 56.
 Ширѣту-цзѣ (улица въ Гуй-хуа-чэнь) 73, 85.
 Ширѣту-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 59, 63—66, 145.
 Шиншмаревъ (консуль) 448.
 Ши-цза (изображ. львовъ) 209.
 Ши-цзунъ (цзинь'скій импер.) 52.
 Ши-янь-цзинъ (сортъ поповъ) 81.
 Шо-вэнь (словарь) 223.
 Шо-жэнь (посредникъ) 45—46.
 Шолой (Цэцэнь-ханъ) 435.
 Шонлибъ (монаст. должн.) 458.
 Шорой (черноземъ) 431.
 Шоу (см. Цзюнь-сюанъ) 305—306.
 Шо-цзунъ (фирма въ Хуху-хото) 77.
 Шунъ (древній импер.) 9, 18, 55.
 Шунъ-ди (= Тогопъ-тэмуръ) 16, 334.
 Шунъ-и-ванъ (тит. Алт. хана) 53.
 Шунъ-и-ванъ 148.
 Шунъ-чжи (дайцинскій импер.) 3, 69, 141—143.
 Шу-сянь-сы (мон. въ Чэнь-дэ-фу) 216.
 Шуй-цзинъ (сочиненіе) 6.
 Шуй-цзинъ-чжу (сочиненіе) 223.

Шуй-цзянь (должность) 346.
 Шуй-юнь-дунь (назв. мѣста въ кум. Лунь-синь) 329, 330.
 Шэнь-ву-цзи (сочиненіе) 290.
 Шэнь-юй (гуань-сюнь, — сочиненіе) 267—269.
 Шэнь-чунь-хуань-ди 99.

Ъ.

Ъ (генералъ) 248.
 Ъ-су (полководецъ) 309.
 Ъсянь 14.
 Ъ-чжи-чжао (предв. ли-хунь-чж. войскъ) 254, 255.

Э.

Эгуритэ энээ болгахчи сумэ (см. Цаганъ-хадайнъ-чжу) 145.
 Элбэкъ-цинъ-ванъ 61.
 Эгэсу дабаны цзамъ (дор. пзъ Урги въ Калг.) 449.
 Элэхунь (пом. нач. отд. въ мин.) 411.
 Эмчи-лама 295.
 Эмчи-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56, 58.
 Эмэту (цахирахчи) 343.
 Энхэ-амугуланъ (= Канъ-си) 293, 294.
 Эрдэмунгэ номунъ хань (тит.) 405.
 Эрдэмту номунъ ханъ (тит.) 405.
 Эрдэнийнъ эрихэ (лт.) 453.
 Эрдэни бэйлэ 280.
 Эрдэни-ванъ (хучитскій) 413.
 Эрдэни-даянчи-хутухту 142, 143.
 Эрдэни-ламайнь-чжу (мон. въ Хуху-хото) 56.
 Эрдэни-цорчжи лама 435.
 Эрдэни-цзу (мон. въ Халхѣ) 311, 454, 456, 459.
 Эрдэни-шанцзотба 458.
 Эрпичинъ дорчжи (сынъ Чжи-цзасака) 417—420.
 Эрль-сянь-цзюй (см. Хань-хэ-тоу-цзѣ) 206, 212, 213.
 Эрль-фу (долонъ-нурскій) 173, 279—282.
 Эрль-фу (хуху-хотоскій) 85, 88.
 Эрль-чонъ-цзѣ (улица въ Долонъ-нурѣ) 283.
 Эстампажъ 8, 320—322.
 Э-цзасака хошунъ (Ц. Х.) 416—424.

Ю.

Юань-ди (импер. хань'ск. дин.) 109, 110.
 Юань-дэ-куй (фирма въ Хуху-хото) 77.

Юаньская династія 19, 53, 118, 300, 304—306, 308, 309, 312, 320, 323, 324, 334.
 Юаньская исторія (Юань-ши) 16, 327, 333, 334.
 Юань-хэ-чжи (сочиненіе) 53.
 Юань-чао-ми-ши 441.
 Юань-шэнь-дэ (фирма въ Хуху-хото) 78.
 Юань-шэнь-тай (фирма въ Биру-хото) 349.
 Юань-шэнь-юнь (фирма въ Хуху-хото) 79.
 Юмъ (сочиненіе) 314.
 Юнь- (бо) (хухухотоскій цзянь-цзюнь) 139.
 Юнь-дэ-куй (фирма Хуху-хото) 79.
 Юнь-кунъ (хухухотоскій цзянь-цзюнь) 139.
 Юнь-ло (минск. импер.) 12, 16, 19.
 Юнь-тунъ-цяо (мостъ въ Калганѣ) 21, 22.
 Юнь-хо-гунъ (имп. кум. въ Пекинѣ) 355.
 Юнь-цзю-лунъ (фирма въ Чанъ-дэ-фу) 210.
 Юнь-цюань-сы (кум. Гуань-ди-мяо) 189.
 Юнь-ци-юй (пот. двор. VIII класса) 109.
 Юнь-чанъ-чэнь (лавка въ Хуху-хото) 81.
 Юнь-чжэнь (дайцинск. импер.) 65, 90, 91, 93, 97, 99, 100, 131, 137, 141, 143, 145, 220, 267, 268, 290.
 Юнь-шэнь-чанъ (лавка въ Хуху-хото) 81.
 Юнь-ю-сы (кум. въ Жэ-хэскомъ дворцѣ) 214.
 Юй-бао (Лао-хэ'скій водопадъ) 227.
 Юй-ванъ (импер.) 18, 55.
 Юй-во-лунъ (китаецъ—шо-жэнь) 45.
 Юй-ганъ (мятежникъ) 253.
 Юй-мя (хлѣбъ) 169.
 Юй-чжанъ 55.

Я.

Я-и (низш. чиновн.) 197, 198.
 Ямунъ.
 Янгатай (хя) 410.
 Яндаръ (амвонъ въ кум.) 217.
 Янчарчжи (лама) 69, 73, 148.
 Янчжигъ (монголца) 426, 427.
 Янчжилъ-хлама (супруга Чжи-цзасака) 417—420.
 Янь-бу (сорть матеріи) 192.
 Янь-юэ-чунъ (мятежникъ) 255.
 Янь (княжество) 18.
 Янь-дэ (см. И-янь) 109.
 Янь-цзы (послѣд. Конфуція) 96.
 Янь-чжоу (матерія) 84.
 Янь-ю (сунскій импер.) 55.
 Яо (древній импер.) 9, 18, 55.
 Ясодхара (царица) 391, 392.

Ө.

Өедоровъ И. Ө. 164, 342—344, 426,
482.

Й.

Йогацзари ламайпъ хуръ (мон.) 421—
423.
Йогацзари-хутухту 417—423.

Йогуцзаръ - лама (= Йогацзари - хутухту)
422.

Йэхэ-баринь (= Чжунъ-баринь) 361.

Йэхэ-модочинь 448.

Йэхэ нигулэсухчийнь сумэ (вум. въ У-та-
сы) 69.

Йэхэ усутэй (эпит.) 389.

Йэхэ учжумуцинь (хош. Силинь гол'св.
сейма) 280, 413.

Йэхэ хота мандалъ (тантра) 392.

Йэхэ-чжу (= Да-чжу) (мон. въ Хуху-хото)
56—59, 63, 68.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ.

А.

Абдарь (гора) 442.
Абдарь хутуль (горн. возвышенность) 437.
Ага (рѣка) 470.
Адагыйнъ голыйнъ хутуль (увагъ) 140.
Адунъ-чулу (гора) 467.
Алимату (горная падь) 136.
Алтавъ-булукъ (урочище) 446.
А-ляо-рь (деревня) 173.
Ань-хой (провинція) 271.
Ань-цзы-линъ (перевалъ и деревня) 236.
Аргунь (рѣка) 287.
Ару-байшинъ 147.
Ару-булукъ (ключъ) 431.
Ару-табинъ (учжумуц. кочевье) 400.
Ару-хонгоръ (урочище) 440.
Ару-худукъ (урочище) 430.
Ару-шанду (перевалъ) 442.
Ару-шанду (увагъ) 437.
Аршанъ-даба (перевалъ) 356.
Асарыйнъ-боро толгой (гора) 412.
Аяга-гунъ-нуръ (озеро) 465.

Б.

Бага-нуръ (= Барунъ-нуръ, озеро) 154.
Бага-нуръ (озеро) 312.
Бага-Тогосъ-ханъ ула (гора) 433.
Бага-хонгоръ (падь) 168.
Ба-гоу (деревня) 175.
Бадархой (урочище) 431.
Байнъ (котловина) 476, 478.
Байнъ-булукъ (см. Кундуй — долина) 150, 151.

Байнъ-голъ (болот. мѣстн.) 450, 451.
Байнъ-голъ (ключъ) 475.
Байнъ-голъ (ложбина) 425, 426.
Байнъ-голъ (ручей) 472.
Байнъ-гоу (ущелье) 181—183.
Байнъ-дуланъ (горн. покатость) 423.
Байнъ-ирхиту (см. Хэрѣ-хошу) 435.
Байнъ-мункэ-гоби (степь) 426, 427.
Байнъ-мункэ-ула (гора = Дарханъ ханъ) 427.
Байнъ-сумэ (= Сюань-хуа-фу) 19.
Байнъ-тала (степь см. Гашунъ-гоби) 424.
Байнъ-ула (гора) 449.
Байнъ-улавъ (горы) 466—468.
Байнъ-ургунъ (степь) 423.
Байнъ-хошу (гора) 362.
Байнъ-цокту (гора) 437.
Байнъ-чжурухэ (горы) 340.
Байцъ-эрхэгэ (гора) 441, 442.
Балимыйнъ ула (гора) 429.
Бао-ань-чжоу (округъ) 15, 16.
Баобай бадараху (гора) 143.
Бао-динъ-фу (департаментъ) 31, 114, 192, 208.
Барунъ байталыкъ (рѣка) 452, 465.
Барунъ бургуйнъ голъ (рѣка) 464.
Барунъ-нуръ (= Бага-нуръ — озеро) 154.
Барунъ-усуту (источникъ) 144.
Барунъ-уцзуръ (гора) 475.
Барунъ чжиргаланту (ложбина) 476.
Барцагай ула (гора) 479.
Батай-ни-цза (= Хара-бута) 119.
Ба-тоу (деревня) 174.
Бату-ханъ (= Богдо-ханъ — гора) 423.
Бау-тоу (городъ) 80, 82, 125, 150.

Бауту-цаганъ-обо (урочище) 128.
 Баянь-тугуръ шань (гора) 177.
 Бай-мяо-цзы-танъ (поселокъ) 168, 169.
 Байталыкъ (три рѣки) 452.
 Бай-та-рѣ (деревня) 122.
 Бай-хонгоръ-обо (урочище) 126, 128.
 Бай-хэ (рѣка) 178.
 Байца (гора) 466, 470.
 Бай-цэ-чжи (мѣстность) 346.
 Байшинту (холмы и селеніе) 169.
 Байшинту-ула (горн. вершина) 452.
 Бенаресъ (городъ) 392.
 Би-ли-гоу (ущелье) 356.
 Би-ли-гоу хэ (ручей) 356.
 Би-ли-гоу шань (гора) 356.
 Билюту хугуль (горная возвышенность) 445.
 Бирю-хото (городъ) 276, 281, 287, 290, 299, 316, 318, 331, 338—342, 345—351, 364, 399, 423, 434.
 Би-цао-шо (деревня) 56.
 Биширэлътуйнъ даба (перевалъ) 445.
 Богдо-ханъ (= Бату-ханъ, гора) 423.
 Богійнъ ама (урочище) 466.
 Боголгуйнъ ама (проходъ) 444.
 Больчжуть (станція) 443—445.
 Боро-нуръ (озеро) 241.
 Боро-нуръ (поселокъ) 201, 242.
 Боро-хото (поселокъ) 365.
 Боро-хундуй (падъ) 361.
 Боро-хучжирту (= Хучжирту — долина) 317.
 Боро-цэчжи (поселокъ) 162, 164, 167, 169.
 Боцзаръ (деревня) 52.
 Бугудуръ-хара-усу (озера) 442.
 Бугудуръ-хара-усу (долина) 468.
 Будада 217, 402.
 Будунъ-уха (увалъ) 479.
 Будунъ-ухагійнъ ару шанда (копань) 479.
 Бунинъ-улцзэй-даба (перевалъ) 469.
 Вумба (поселокъ) 136.
 Бургасутай (урочище) 139.
 Бургасутай (рѣка) 162.
 Бургасутайнъ голъ (ручей) 400.
 Буруль-даба (перевалъ) 445, 448.
 Бу-юй-рѣ хай (= Далай-нуръ, озеро) 327, 330.
 Буянту ула (перевалъ) 432.
 Бэй-дянь (поселокъ) 177.
 Бэй-пинъ 309.
 Бэй-цзя инъ-цза (деревня) 33.
 Бэй-шань-чэнъ (мѣстечко) 26, 37.

В.

Ванъ-дипъ-мяо (деревня) 28.
 Ванъ-инъ-дянь (поселокъ) 365.
 Ванъ-цзипъ (см. Сюань-хуа-фу) 19.
 Ванъ-цзя-инъ-цза (поселокъ) 201, 234, 235.
 Ванъ-цзя-коу (поселокъ) 239.
 Ванъ-цзя-чжуанъ (деревня) 3.
 Ванъ-цюапъ-сянь (уѣздъ) 23, 24, 27.
 Ванъ-шоу-шань (гора) 2, 4.
 Ва-фанъ-дянь (поселокъ) 252, 365.
 Вайсали (городъ) 392.
 Ву-чжоу (см. Сюань-хуа-фу) 19.
 Вэнь-цюанъ (жэ-шуй-гоу'скій ручей) 182, 186, 187, 189.
 Вэнь-цюанъ (второй ручей) 190.
 Вэнь-чжоу (область) 329.
 Вэй-лу (станція) 303.
 Вэй-цза-юй (поселокъ) 233.

Г.

Галдасутайнъ аршанъ (дѣлсб. воды) 357, 358.
 Галдасутайнъ голъ (рѣка) 356—360.
 Галдасутайнъ долопъ-хошу (степь) 360.
 Гангъ (рѣка) 396.
 Ганданай ама (степь) 449.
 Ганданъ (холмы) 449.
 Ганданъ уха (перевалъ) 449.
 Гандесъ (горы) 389.
 Ганса-дянь 365.
 Ганца худукъ (чахарскій поселокъ) 155.
 Ганца-худукъ (урочище Ц. Х.) 444.
 Ганъ-су (провинція) 55, 75, 123, 310.
 Гаруди (тумэтскій караулъ) 127.
 Гашунъ гоби (см. Банпъ-тала) 424.
 Гашунъ голъ (урочище) 431.
 Гайхамшикъ (котловина) 429.
 Гоби 294, 412, 431.
 Голмийнъ цзольтагликъ (гора) 470.
 Гонконгъ 241.
 Горихонъ-голъ (ручей) 400.
 Горихонъ голъ (урочище) 400.
 Гоу-мынь-цза (ущелье) 176, 178.
 Гоу-мынь-цза (= Сэнчжиту, поселокъ) 176, 177, 191, 244, 273, 281, 347.
 Гоу-хэ (рѣка) 178.
 Го-цзя-тунъ (воен. поселокъ) 177, 182, 189, 191—193, 198, 200, 232, 241, 273, 274.
 Гочо (почт. станція и ключъ) 485.

- Гуань-дунь (провинція) 79, 288, 290, 345, 349, 359, 360.
 Гуань-дунь 122, 123.
 Гуань-жэнь-линъ (перевалъ) 228, 229.
 Гуань-гоу (ущелье) 5.
 Гуань-гоу'скій проходъ 5, 6, 11.
 Гуань-ди (поселокъ) 183—184, 273.
 Гуань-ши (селеніе) 4.
 Гу-бэй-коу 163, 189, 192, 195, 200, 201, 234, 238, 240, 241, 278, 303, 355, 360, 363, 365.
 Гумбумъ 63, 433.
 Гунь-ба-мяо (деревня) 43.
 Гунь-Галутай (степь) 443, 444.
 Гунга-нуръ (озеро) 339, 340.
 Гунгоръ-голь (рѣка) 340, 347.
 Гунгоръ-шара голынь тала (долина) 339.
 Гунгорынь-тала (долина) 340.
 Гунгорынь шара голъ (рѣка) 339, 347.
 Гунь-дао-цзюръ (деревня) 37.
 Гунь-дэ-линъ 329.
 Гунь-и-фу (поселокъ) 365.
 Гунь-нуръ (озеро) 155.
 Гурбунъ-уцзуръ (горы) 475.
 Гурбунъ-хугэнэ (урочище) 475.
 Гурбунъ-худукъ (урочище) 425.
 Гурбунъ чжиргаланту (три лоцины) 476.
 Гурбунъ шили (мѣстность) 360, 361.
 Гу-чэнь (городъ) 74, 75, 77, 78, 112.
 Гуй-хуа (см. Гуй-хуа-чэнь) 114.
 Гуй-хуа хотонъ (см. Гуй-хуа-чэнь) 87.
 Гуй-хуа-чэнь (= Хуху-хото) 23, 31, 34, 38, 39, 43, 44, 52—55, 57, 73—80, 82, 83, 88, 105, 109, 110, 112—115, 118, 119, 286.
 Гуй-чжоу 123.
 Гэгэгэй байръ (поселокъ) 162.
 Гэдэнь-гу (постоялые дворы) 161.
 Гэнтэйскія горы 442.
 Гэй-хо-ва (деревня) 38.
- Д.**
- Даба-му-чжань 365.
 Дабасунай даба (перевалъ) 412, 413.
 Дабасу нуръ (озеро) 413.
 Да-бэй-ба (перевалъ) 193.
 Да-бэй-гоу мынь-цза (поселокъ) 194.
 Да-гоу-р 201.
 Да-дуй-шань (гора) 177.
 Далай-нуръ (озеро) 319, 330—332, 338, 340.
 Да-линъ-ба (перевалъ) 242.
 Да-лоу-ши 87.
 Да-луань-хэ (= Луань-хэ) 191.
 Да-ляо-ди (поселокъ и холмы) 169.
 Даль-нуръ (= Далай-нуръ) 334.
 Дангна усу (гора) 62.
 Да-нинъ-фу (городъ) 397.
 Да-нянь-сы (деревня) 365.
 Дао-ди (поселокъ) 242.
 Да-пинъ 19.
 Дари-хапга (торгов. пунктъ) 176.
 Дархапъ-ханъ (= Башвъ-мункэ-ула, гора) 427.
 Дархапъ-ула (гора въ Кэшикт. айм.) 319, 333, 337, 339, 361.
 Дархапъ ула (гора въ Цөц. хап. айм.) 442.
 Дарчиктыльнъ тала (степь) 428.
 Да-си-хэ (рѣка) 66, 103, 104, 196, 197, 242, 243.
 Да-Ту-му (= Ту-му-чэнь—городъ) 13.
 Да-тунъ 14, 15, 41, 106, 109, 110, 303.
 Да-хэ (= Линъ-хэ) (рѣка) 38, 42.
 Да-хэ (ручей) 175.
 Да-ци (гучжирное озеро) 168.
 Да-цинь-шань (= Цп-лянь-шань) 118, 136—139.
 Да-цунъ (деревня) 47.
 Да-чжуанъ-цза (урочище) 254.
 Даши-бальчжуръ обо (надь и увагъ) 472.
 Да-юй-шу (поселокъ) 49, 125.
 Дайга (урочище) 148.
 Дайгынь-тала (= Дай-ха-та) 45, 47.
 Дай-гунъ (область) 26, 31, 56.
 Дай-хай (деревня) 44.
 Дай-хай-та (= Дайгынь-тала) 44, 45.
 Дай-хэй-хэ (рѣчка) 51.
 Дай-чжу-ю-цза (поселокъ) 50.
 Ди-цзы-эрл-хао (поселокъ) 174, 175.
 Доголонъ (деревня) 52.
 Долонъ-гэръ 365.
 Долонъ-даба (урочище) 452.
 Долонъ-нуръ (городъ) 14, 140, 141, 164, 172—177, 179, 181, 191, 192, 195, 196, 204, 227, 232, 234, 244, 273—300, 312—316, 331, 338, 340, 345—350, 358—360, 423, 439, 443, 469.
 Долоту (гора) 441.
 Доннуръ-шара-шороту (холмы) 425.
 Дорчжи-хуа (урочище) 162.
 Дунгу (хада скала) 142, 143.
 Дунгу-шара хада (долина) 143.
 Дунда-орто (почтовая станція) 437.
 Дунда-чжиргаланту (лощина) 476.
 Дунда-бургуйнъ голъ (рѣка) 464.
 Дунду-баннъ (рѣчка) 478.
 Дунду-байталыкъ (рѣка) 462, 464, 465.

Дунь-ба 200.
 Дунь-да-хэ (рѣка въ Чэнь-дэ-фу) 207.
 Дунь-жи-мынь (ворота) 200.
 Дунь-па-ли (селеніе) 15.
 Дунь-воу (= Калгань) 114, 346.
 Дунь-коу (поселокъ въ ЮВ Монг.) 346.
 Дунь-хань (гора) 481.
 Дунь-хоу-цянъ (деревня и озеро) 168.
 Дунь-чэнь-цза 281.
 Дунь-янъ-хэ (поселокъ) 28.
 Дунь-янъ-хэ (рѣка) 26—28.
 Дурбэльчинъ-ула (гора) 332.
 Ду-ши-коу 177, 201, 290, 303.
 Души-угомуръ (долина) 468.
 Дэбсэнь-голь (урочище) 149.
 Дэльгэръ обо (гора) 430.
 Дэльгэръ обо (сопка) 472.
 Дэвчжи (поселокъ) 160.
 Дэнь усутай (поселокъ) 172.
 Дэочинъ-цаганъ-хошу-баипъ-обо (урочище)
 126, 128.
 Дэ-чжоу (см. Сюань-хуа-фу) 19.
 Дэ-шэнь-коу 30, 41, 114.
 Дэнь-цза (деревня) 31.
 Дэнь-чэнь (см. Хуху-хото) 53—55.

Е.

Е-цзя-гунъ (деревня) 26.

Ж.

Жао-хара хотонъ (рѣка) 178.
 Жао-янъ сянь (уѣздъ) 192.
 Желтая рѣка (см. Хуанъ-хэ) 106.
 Жэ-хэ (рѣчка) 178, 207, 213.
 Жэ-хэ (= Чэнь-дэ-фу) 163, 175—176,
 209—211, 214, 216—218, 220—222,
 226—228, 232—233, 240, 244, 248,
 252—254, 365, 366.
 Жэ-шуй-гоу (ущелье) 182, 185, 186, 189.

З.

Зань-ширэ (возвышенность) 431.
 Зара-булунъ (долина Хэрүлуна) 441.
 Зара-хутуль (увагъ) 441.

И.

Или (область) 110.
 Или (рѣка) 218.
 Имату ула (гора) 362.
 Имату хэ (рѣка) 178.

Инь-ванъ (горн. прох. въ Гань-су) 55.
 Инъ-панъ (поселокъ) 212.
 Инъ-фо (воен. поселокъ) 239—241.
 Инъ-чанъ (городище) 276, 319, 327—
 328, 330, 332, 334, 335.
 Инъ-чанъ (древ. гор.) 309.
 Инъ-чанъ-лу (см. Инъ-чанъ) 334.
 Инъ-чанъ-фу (см. Инъ-чанъ) 334.
 Инъ-шанъ (горы) 24, 150, 170.
 Инъ-дао-гоу (ущелье) 194.
 Ироль (гора) 443.
 Ирѣнь-дабасу (— нуръ = Эрлянъ-норъ,
 озеро) 40, 153.
 Ирѣнь-хошунай элэсу (пески) 340.
 Исунь-хэ (рѣка) 178.
 И-чжоу (см. Сюань-хуа-фу) 19.
 И-чжоу 114, 423.

К.

Кабаликъ (городъ) 392.
 Калганъ 1, 10, 15, 17, 19—25, 27, 28,
 33, 38—41, 52, 67, 73, 77, 81, 82,
 112—116, 149, 152, 153, 155, 161,
 163—165, 167—169, 171, 173, 174,
 199, 201, 211, 244, 275—278, 281,
 283, 285, 287, 288, 294, 311, 312,
 314, 323, 331, 345, 349, 354, 359,
 360, 399, 423, 434, 459.
 Каракорумъ 4.
 Карачинъ (тумэтскій вар.) 127.
 Кашика (городъ) 392.
 Кай-пинъ-вэй (см. Кай-пинъ-фу) 19.
 Кай-пинъ-фу (см. Шанъ-лу и Чжунъ-най-
 манъ сумэ) 19, 300, 302, 309, 310,
 312.
 Кай-пинъ-чэнь (см. Кай-пинъ-фу) 177.
 Кобдо (городъ) 78, 99, 110, 113, 278.
 Кобу (урочище и ручей) 365.
 Коша-ди (городъ) 392.
 Куань-пинъ-сянь (уѣздъ) 241.
 Куку-нуръ 282.
 Куку-хото (т. ч. Хуху-хото).
 Куэ-хото (= Гуй-хуа) 114.
 Куэ-хотонъ (см. Хуху-хото) 87, 88.
 Ку-лунъ-дянь 29.
 Ку-лу-цзо (поселокъ) 25.
 Ку-лэнь-шанъ (скала) 184, 185.
 Кундуй (долина) 150.
 Курцнэ-хэ (= Сюо-луанъ-хэ) 182.
 Кусу (см. Того — гора) 441.
 Куэнтү (деревня) 150.
 Куэнтү (долина) 150.
 Куйтунъ (поселокъ) 161.

Куйтунъ орто (почт. станція) 355.
 Кэрулэнъ (см. Хэрулунъ).
 Кэрэку (тумэтск. караулъ) 127.
 Кэ-чу (обо) 126.
 Кяхта (городъ) 81, 110, 276, 288, 289.

Л.

Лама-дунъ (мѣстн. бл. Пань-цуй-шани) 225.
 Лама-шань (скала) 174.
 Лань-цзюй-суй-шань (горы) 62.
 Лань-цзя инь-цза (деревня) 196.
 Лань-цзя-ко-рѣ (деревня) 242.
 Лань-чжоу 75, 77, 113.
 Лао-лупъ-бэй (перевалъ) 18, 38.
 Лао-ню-хэ (рѣка) 178.
 Лао-ху-коу 235.
 Лао-хэ (рѣка) 227.
 Лао-ѣ-шань (гора бл. Пекина) 5.
 Ла-су-дай-гэвъ (ограда) 182.
 Линь-ди-ся (деревня бл. Го-цзл-туна) 193.
 Линь-ди-ся (деревня бл. пер. Гуанъ-жэнь-лина) 229.
 Линь-ди-ся (деревня бл. Луань-пинъ-сяни) 233.
 Линь-ди-ся (деревня бл. пер. Да-линъ-ба) 242.
 Линь-хэ (= Да-хэ — рѣка) 38, 42.
 Линь-чжоу (см. Нинь-ся) 53.
 Линь-хуанъ-фу (см. Цаганъ-субурганъ) 397.
 Лису (поселокъ) 145.
 Ло-то шань (гора) 237.
 Ло-янъ 303.
 Лу (удѣль) 327, 328.
 Луань-пинъ-сянь (уѣз. гор.) 175, 178, 231—233, 237—240, 242, 365.
 Луань-хэ (рѣка) 176—179, 182, 191, 193, 212, 229, 231, 232, 241.
 Луань-шуй (рѣка) 302.
 Лунъ-синъ-хото (= Лунъ-шэнь-чжуанъ) 36.
 Лунъ-ху-тай (деревня у Лао-ѣ-шани) 5.
 Лунъ-чанъ 302.
 Лунъ-шэнь-цзо-рѣ (= Лунъ-шэнь-чжуанъ) 36, 287.
 Лунъ-шэнь-чжуанъ (поселеніе) 34—36.
 Лу-цзюй (рѣка) 441.
 Лю-ды-гоу минь-р (поселокъ) 183.
 Лю-тяо-гоу (урочище) 177.
 Лю-хэ (рѣка) 178.
 Лю-хэ-чуань (селеніе) 20.

Лю-ца-шань (скала) 174.
 Лю-цзя-инь-цза (дер. въ долині р. Да-си-хэ) 243.
 Лю-цзя-инь-цза (дер. въ дол. Галдасутайнъ гола) 347, 359, 360.
 Лю-цзянъ-ю (деревня) 180.
 Лю-шуй-гоу-цзы (потокъ въ Чэнь-дэ-фу) 207, 210, 212.
 Лянъ-тинъ (станція) 303.
 Лянъ-ци-ди-инь-фо (поселокъ) 191.
 Ляо (рѣка) 328.
 Лю-ши-хо-рѣ (деревня) 35.
 Лю-ши-эрлѣ-хо (деревня) 35.

М.

Ма-ванъ-мяо (деревня) 43.
 Ма-мянъ-цуй (= Чулупъ онгоцо поселокъ) 162.
 Манхату (долина и холмы) 426.
 Мань-тоу-шань (гора) 327—329.
 Мао-цзя-во-пу (мыза) 253.
 Ма-чо-ле (деревня) 43.
 Майдари (= Май-и-дя-рѣ) 122.
 Май-и-дя-рѣ (= Майдари — деревня) 51, 122, 123.
 Майханъ (котловина) 440.
 Май-ху-ту (деревня) 45.
 Ми-ли-цзинъ гоу (ущелье) 356.
 Ми-ли-цзинъ хэ (рѣка) 356.
 Ми-мяо (деревня) 52.
 Минганъ-и (см. Уланъ-балгасу) 310.
 Минь-ань (станція) 303.
 Ми-хэ-да (деревня) 18.
 Ми-юнь-сянь 192.
 Могойту (рѣка) 150.
 Мононхойнъ даба (перевалъ) 429.
 Морочакъ (увалъ) 411.
 Морянъ-даба (перевалъ) 300.
 Морхочинъ (деревня) 154.
 Мотай (урочище) 134.
 Мойлинъ орто (почт. станція) 355.
 Мувеэ-ханъ (гора) 430.
 Мурийнъ нуръ (озеро) 430.
 Мусунъ буриду (урочище) 481.
 Мухуръ (увалъ) 427.
 Мухуръ (урочище) 427.
 Му-хэрэмъ (земл. валъ Далай-нура) 332.
 Минь-цзы-сяо 178.
 Мэьцзэнэ (гора) 465.
 Мэй-юнь-сянь 365.
 Мяо-гуй-минь (селеніе) 50, 125.

Н.

- Налайху (= Налайха, — рѣка) 446—449.
 Налайхайнъ уха (переваль) 448.
 Нань-би-хэ (рѣчка) 35.
 Нань-коу (укрѣпленіе) 2, 4, 5.
 Нань-шань (гора у Чэнь-дэ-фу) 207.
 Нарасутай (гора) 144.
 Наринъ-голь (= Эр-до-хэ) 154.
 Наринъ-уха (переваль) 443.
 На-хо-цань (рѣка и деревня) 155—158, 244.
 Нга-дзя-гунь (поселокъ) 238, 239.
 Нинь-ся (см. Линь-чжоу—городъ) 53, 112, 310.
 Нинь-юань-сянь (= тинь, городъ) 44, 126, 128.
 Ни-хэ (станція) 303.
 Но-бо-шань (горы) 35.
 Нонинъ-тала (степь) 416.
 Номохонъ-асутъ (поселокъ) 136.
 Номту (холмы) 442.
 Нурга (урочище) 365.
 Нью-лань-шань 192, 212, 365.
 Нью-чжуань (портъ) 204.
 Нью-чжуань-цза (деревня) 194.
 Ньюи-нинъ-цза (деревня) 237.

О.

- Огитъ (тумэтск. караулъ) 127.
 Окитъ (горн. пядь) 142.
 Олоннъ-даба (переваль) 466.
 Олонъ-буриду (урочище) 481.
 Олонъ-худукъ (котловина) 412.
 Омоно-дайгминъ нуръ (озеро) 46.
 Опгонъ (тумэтск. караулъ) 127, 133.
 Онгонъ-дабанъ (поселокъ) 136.
 Онгорхой хада -ула (скважина въ утесѣ) 180, 184).
 Онопъ (рѣка) 287, 470, 485.
 Ордосъ 52, 62, 126, 158.
 Ортогминъ-голь (= Си-хэ, рѣка) 278.
 Орхонъ (рѣка) 426.
 Орчокъ-ула (гора) 363.

П.

- Па-гоу 175, 176, 211, 226, 349, 360.
 Па-да-лянъ 10.
 Па-ди (деревня) 274.
 Па-ли-нинъ-цза (деревня) 243.
 Па-ли-чжуанъ (дер. бл. Сюань-хуа-фу) 20.

- Па-ли-чжуанъ (дер. бл. Луань-пинъ-сяни) 233.
 Пань-бань-шань (гора) 182, 184.
 Пань-цуй-шань (скала бл. Жэ-хэ) 221—230.
 Пань-чуй-фынь (т. ч. Пань-цуй-шань) 221, 222.
 Пеклинъ 1—5, 10, 14, 15, 17, 19, 23, 25, 30, 36, 44—46, 52, 66, 69, 72, 79, 92, 101, 118, 146, 148, 151, 167, 171, 177, 190, 192, 193, 195, 196, 200, 201, 204, 205, 208—210, 215, 219, 221, 232, 233, 244, 251, 259, 261, 266, 278, 282, 283, 291, 295, 308, 312, 323, 324, 342, 354, 355, 363—365, 420, 424, 436—438, 448, 461, 474.
 Печили 222.
 Пинъ-цюань-чжоу (городъ) 176, 178, 226, 227, 248, 249, 250, 252, 255.
 По-ло-но (= Боро-нуръ?) 242.
 По-цуй-ла-цза-гоу-мынь-р (поселокъ) 183.

Р.

- Рачжагриха (гор.) 392.

С.

- Салоръ (деревня) 119.
 Савь-да-гоу (деревня) 46, 47.
 Савь-да-гоу (ущелье) 47.
 Савь-дао-гоу (деревня) 236.
 Савь-дао-нинъ-цза (деревня) 190.
 Савь-дао-лянъ 365,
 Савь-до-гоу (поселокъ) 33.
 Савь-ди-гоу-мынь-р (поселокъ) 183.
 Савь-дянь (деревня) 356.
 Савь-хо (деревня) 37.
 Савь-хэ-юй-чжуанъ (деревня) 234.
 Савь-ца-ко-р 201.
 Савь-цза-голь (горный ручей) 179.
 Савь-цза-коу (деревня) 161.
 Савь-цзо-та (см. Та-цзы-гоу) 176.
 Савь-цзю-и-ръ (деревня) 174.
 Савь-цзя-цзы (поселокъ) 246, 247, 252, 255.
 Савь-шань-цза (деревня) 275.
 Са-то-цза (деревня) 275.
 Сайханъ (долина) 479.
 Сайханъ булукъ (ключъ) 479.
 Сай-фынь (станція) 303.
 Си-бай-та-ръ (урочище) 125.
 Си-вань-нинъ-цза (поселокъ) 158.
 Си-гоу (поселокъ) 196.

- Си-гоу-мынь (мѣстечко) 44.
 Си-инь-цза (деревня) 237.
 Си-коу (= Хуху-хото) 31, 114.
 Си-ма-ли (деревня) 25.
 Синь-ань-линъ (хребетъ) 182, 183.
 Синь-бао-апъ (см. Бао-ань-чжоу—городъ) 15.
 Синь-ло 19.
 Синь-лунъ-тай (поселокъ) 169.
 Синь-лунъ-чжуанъ (деревня) 178, 365.
 Синь-хо-чэнь 167, 168, 309.
 Синь-хэ 303.
 Синь-чжу-хэ (рѣка) 240—242.
 Синь-чжоу 31, 45, 47, 201.
 Синь-чжу (поселокъ) 241.
 Си-панъ-коу (мѣстечко) 29, 30.
 Си-синь-эр 201.
 Си-хо-ма (деревня) 2.
 Си-хэ (т. ч. Ортопгийнъ голъ. рѣка въ Долопъ-пурѣ) 278.
 Си-цзя-гупъ (деревня) 28.
 Си-янъ-бу (селеніе) 28.
 Си-Янъ-хэ (рѣка) 27, 28.
 Со-гу-чэнь (деревня) 43.
 Со-та-шанъ (горы) 230, 231.
 Сульчжа (тумэтскій кар.) 127.
 Сумэру (гора) 328.
 Сунъ-хэ 365.
 Сучжійнь голъ (рѣка) 151.
 Сучжійнь тала (долина) 151, 153.
 Сучжи (пригородъ) 161.
 Су-шп-тинъ 175, 176.
 Суй-моу (селеніе) 50, 125.
 Суй-чуанъ-цза (поселокъ) 155.
 Суй-юанъ (военный округъ) 109, 110.
 Сы-дао-го-лянъ (деревня) 365.
 Сы-дао-ляпъ (поселокъ) 236.
 Сы-цупъ-ди (деревня) 155.
 Сы-чуанъ (провинція) 123.
 Сэпкуръ (= Цэнкиръ—рѣка) 470.
 Сэпчжійнь даба (перевалъ) 164, 167.
 Сэпчжиту (поселокъ) 176, 178, 179.
 Сэпчжиту-синь (поселокъ) 177.
 Сюанъ-дэ (= Сюанъ-хуа-фу) 19, 303.
 Сюанъ-хуа-фу (городъ) 6, 18—20, 23, 33, 280, 281, 341, 346, 347.
 Сюань-пинъ-фу (мѣстечко) 24.
 Сюй-юанъ 56.
 Ся-банъ-чэнь (городъ) 212.
 Ся-во-пу (деревня) 242.
 Ся-инь-цза 178.
 Сянь-шуй-пу (деревня) 18.
 Сяо-ба (перевалъ) 43.
 Сяо-ба-цза (= Шанхайнъ-даба—перевалъ) 47.
 Сяо-булунъ (деревня) 49.
 Сяо-ва-цза (поселокъ) 184.
 Сяо-дао-гу-мынь (деревня) 239.
 Сяо-кулоръ (деревня) 119.
 Сяо-луанъ-хэ (прит. Луанъ-хэ) 177, 179, 181—186, 189—191.
 Сяо-са-го-рѣ (деревня) 193.
 Сяо-суй (деревня) 174.
 Сяо-хэ (посел. и рѣка) 161, 162.
 Сяо-хэ-цза (рѣчка бл. Фынъ-чжэна) 42, 43.
 Сяо-хэ-цза (потокъ) 179.
 Сяо-хэ-цза (ручей) 234.
 Сяо-цзя-данъ (деревня) 233.
 Сяо-цзянь-танъ (равнина) 172.
 Сяо-чжай-рѣ (деревня) 243.
 Сао-чэнь-цза (селеніе) 241.
 Сло-шуй-го (деревня) 193.
 Ся-панъ-чэнь (городъ) 178.
 Ся-хо-ди (деревня) 44.
 Ся-чжанъ-гао (урочище) 254.

Т.

- Табинъ обо (гора) 363.
 Табинъ сумэ (поселокъ) 400.
 Табисъ (= Тай-фу-сы, вѣдомство) 162, 297.
 Табунъ гологой (урочище) 412.
 Тамагайнъ голъ (рѣчка) 154.
 Тянь-санъ-пинъ 184.
 Тянь-цюанъ-гоу (см. Жэ-шуй-гоу) 186, 189, 190.
 Тянь-цинъ (гора) 9, 10.
 Таргунъ-хашату (перевалъ) 432.
 Таргунъ-хэрэ (урочище) 421.
 Таримъ (рѣка) 147.
 Та-цзы-гоу-тинъ 175, 176, 211.
 Тай-нинъ-чжуанъ (поселокъ) 14.
 Тай-пу-цзэ (деревня) 18.
 Тай-ханъ (горы) 10, 11, 12.
 Тай-фу-сы (= Табисъ—вѣдомство) 162, 172.
 Тай-юанъ-фу (гл. гор. пров. Шанъ-си) 31, 101, 338, 359.
 Тогось-ула (горн. вершина) 452.
 Тогось-ханъ-ула (горы) 433, 434.
 Токто-хото 93, 133, 147.
 Тола (рѣка) 447—450.
 Толи (почтов. станція) 141.
 Толи-булакъ (урочище) 141.
 То-ли-цзо (деревня) 25.

Тологойту хутуль (горн. возвышен.) 150.
 Томская губернія 75.
 Топо (гора) 440—442.
 Торо-хай-цзы (= оз. Далай-нурь) 330, 334.
 Тосунь-аршань-нурь (озеро) 469.
 Тоу-дао-инь-цза (поселокъ) 194.
 Ту-дао-хэ (рѣка) 174.
 Ту-динь-цза (деревня) 163, 166.
 Ту-до-гоу (поселокъ) 33.
 Ту-до-инь-цза (деревня) 31.
 Тулга (гора; см. Дархапъ ула) 442.
 Ту-му-коу-цза (селеніе) 14.
 Ту-му-чэнь (= Да-ту-му — городъ) 13, 14.
 Тунча булукъ (долина) 313.
 Тунь-пло-рль (деревня) 230, 231.
 Тунь-чжоу 31, 192, 200.
 Ту-хо (котловина) 174.
 Тухумъ (долина) 426.
 Тухумыйнь шили (звалъ) 426.
 Ту-цзя-дянь (деревня) 229.
 Ту-чэнь-цза (— цзы деревня) 183, 189, 190, 347.
 Ту-чэнь-цза (— цзы см. Фывь-пинь-сянь) 197, 242.
 Туши (гора) 480.
 Тэньшъ-хуцзу (тумэтск. караулъ) 127.
 Тэнгэлпкъ (рѣчка) 472.
 Тэнгэлпкъ буриду (болотист. простр.) 472.
 Тэнгэлпкъ горихонъ (рѣчка) 475.
 Тэргэльчжійнь голъ (рѣка) 475.
 Тянь-мэй-рѣ 122.
 Тянь-мэй-тэ (деревня) 51.
 Тянь-пинъ (мѣстечко) 55.
 Тянь-ся ди и гуань (= Цзюй-юнь-гуань) 6.
 Тянь-тай (гора) 329.
 Тянь-цзинь 31, 40, 114, 185, 191, 200, 208, 229, 232, 233, 240, 244, 260—262, 288, 290, 467.
 Тянь-чжэнь (селеніе) 43—44.

У.

Угомуръ (двѣ горы) 479.
 Угомуръ ула (гора въ Гэнтэйск. хребтѣ) 442.
 Уда (тумэтск. караулъ) 127.
 У-да-чэнь (городъ) 249.
 У-дунъ (деревня) 24.
 Удэ (долина) 148.
 Удэ (рѣка) 470.

У-котоль (перевалъ) 311, 312.
 Уланъ балгасу (городище) 310, 311.
 Уланъ-бутунъ (урочище) 61.
 Уланъ-даба (перевалъ) 449.
 Уланъ-дабанай голъ (ручей) 449.
 Уланъ-обо (гора) 312.
 Уланъ-хада (Чи-фывь-сянь) 175, 176, 227, 254, 287, 349, 360, 364, 365, 399, 412.
 Уланъ-хада (степь) 365.
 Уланъ-хонгоръ (урочище) 424.
 Уланъ-хошу (горный мисъ) 400.
 Уланъ-хошу (гора) 481.
 Уланъ-худугийнь тала (долина) 472.
 Уланъ-хучжиръ (урочище) 446.
 Уланъ-цабъ (урочище) 145, 146.
 Уланъ-шань (гора) 175.
 Уланъ-эргийнь адакъ (урочище) 438, 440.
 Уланъ-эрги (красный яръ и долина) 440.
 Уланъ-эрги (урочище) 434.
 Уланъ-эрхэту (гора) 434.
 У-ли-па (деревня) 47, 149.
 Ульхунъ (караулъ) 447, 485, 486.
 Ульцзэй голъ (рѣка) 479, 480.
 Ульцзэйнь увдуръ добо (урочище) 480.
 Ульцзэйту ула (гора) 468.
 Ульцзэй эхинъ буриду (урочище) 480.
 У-хъ-хэ (— шуй = Дунъ-да-хэ) 207, 213, 218, 223.
 Улясутай (тумэтск. караулъ) 127.
 Улясутай (городъ) 78, 110, 113, 140, 278, 289, 425.
 Улясутайнь голъ (ручей) 360.
 Улясутай-ула (горный кряжъ) 416.
 Унигэту нуру (уваль) 412.
 Увэту 425.
 Урга (городъ) 4, 39, 40, 65, 77, 83, 152, 167, 276, 287, 289, 299, 349, 401, 419, 423—427, 434, 437, 439, 440, 442—450, 458, 459, 469, 478.
 Ургунъ (степь) 425.
 Ургусутай-голъ (рѣчка) 401.
 Урту-голъ (рѣка) 153.
 Уршувъ (рѣка) 441.
 Усунъ-турунская падь 341.
 Усунъ-турунь (рѣка) 341, 342, 345, 356.
 Усунъ-турунь (урочище) 347.
 Усунъ-турувэй ула (горы) 340.
 Усу-голъ (рѣчка) 143, 144.
 Усу турунь (см. Да-хэ) 175.
 Усу-шара (рѣка) 145, 146.
 У-сянь-цзо-рѣ (деревня) 168.
 У-тала (равнина) 316.
 У-тай (горы) 415.

У-тай-шавь 36, 415.
 У-тодогой (урочище) 153.
 Утугай (равнина) 150.
 Утхунъ-дэрэсу (урочище) 432.
 У-фынь (гора) 177.
 Уха-оботу (кочевье) 315.
 У-чанъ-фу (городъ) 266, 267.
 Уй (провинція въ Тибетъ) 404.

Ф.

Фань-цзя-коу (проходъ велик. стѣны) 178.
 Фань-цзя-хуръ (деревня) 43.
 Фынь-кай-лу (деревня) 42.
 Фынь-пинъ-сянь (уѣздн. городъ) 175—
 178, 181, 182, 185, 189—202, 227,
 232, 235, 239—243.
 Фынь-тянь-чжоу 303.
 Фынь-цзы-хо (деревня) 34.
 Фынь-чжэпъ (городъ) 28, 34, 38—42, 45,
 287.
 Фынь-чжоу-фу (область) 208.
 Фэнь-чжоу (область) 53, 54, 61, 87, 104.

Х.

Хабчягъ (песчаные холмы) 313.
 Хагай (= Хань-нурь-тай — легк. почт.
 трактъ) 161.
 Хагай (= Хакъ — кпт. поселокъ) 161.
 Хадамалъ-ула (гора) 128.
 Хадапъ-хошу (отрогъ) 155.
 Хадату 421.
 Хапрчакъ орто (почтовая станція) 363.
 Хакъ-нурь (= Хагай-нурь, = Хагыйнъ-
 нурь — озеро) 161.
 Халагайту (долина) 150.
 Халха (рѣка) 441.
 Халютай (почт. станція) 162.
 Халютай (долина) 312, 313.
 Хамаръ (горн. падь) 136.
 Хапгай-даба (перевалъ) 445.
 Хангай-ула (гора) 399.
 Ханькоу 41, 114, 235, 266, 267, 271.
 Хань-нурь-тай (= Хагай) 161.
 Хань-хай-ца (озеро) 36.
 Хань-хай-цзы (деревня) 160.
 Хань-хэ (потокъ) 206, 207, 212.
 Хань-чинъ-ба (перевалъ) 44.
 Хара-балгасунъ 162.
 Хара-бута (= Батайп-ца — деревня)
 119.
 Харату ула (горы) 479.
 Хара-усу (ручей) 360.

Хара-ухэрту (горная падь) 136.
 Хара-хотонъ тинъ 175, 176.
 Харгиль (горная долина) 136.
 Харчинъ (рѣка) 146.
 Хатагыйнъ голъ (рѣка) 422.
 Хашату (деревня) 122.
 Хашату (озеро) 365.
 Хая хундуйнъ-тала (долина) 434, 437.
 Хайларъ 313.
 Хинганскій хребетъ 365.
 Хирэйнъ-нуръ (гучжирн. озеро) 153, 154.
 Хласса 401, 402.
 Ховръ-нурыйнъ-тала (долина) 154.
 Холбо-нуръ (два озера) 472.
 Хо-ло-ръ (поселокъ) 50.
 Холтуйнъ ама (горн. проходъ) 400.
 Хонъ-ту-ку-ца (деревня) 33.
 Хоринъ-гацзарыйнъ обо (увадь) 172.
 Хоринъ-гэръ (туматскій караулъ) 127.
 Хотуба (деревня) 168.
 Хо-ту-липъ (перевалъ) 234.
 Хохо-хулукъ (кочевье) 412.
 Хой-цэъ (рѣчка) 33.
 Хой-янь (уѣздъ) 27.
 Хрстийнъ тала (-гоби, степь) 421, 429.
 Хуанъ-ту-капъ 36.
 Хуанъ-хуа-чуанъ (рѣка) 178.
 Хуанъ-хэ 51, 53, 126, 128, 132, 134, 135.
 Хуанъ-цзя-дянь (деревня) 233.
 Хуанъ-чжоу (станція) 302, 303.
 Хуанъ-ляй (станція) 303.
 Хуа-цзя-нинъ (поселокъ) 241.
 Хуай-жоу-сянь 192.
 Хуай-ланъ-сянь (уѣздн. городъ) 12, 13, 15.
 Ху-бэй (провинція) 123, 271.
 Ху-дао (деревня) 37.
 Ху-до-жо (деревня) 37.
 Худо-нуръ (озеро) 429.
 Худо-нурыйнъ тала (равнина) 429.
 Худопэй цзольтэгликъ (гора) 470.
 Хулусутай (долина) 151.
 Хулусутай (урочище) 315.
 Хулусутайнъ обо (пригородъ) 151.
 Хулуту (поселокъ) 136.
 Хулханай тала (степь) 411.
 Хулханай ула (гора) 411, 412.
 Ху-ляо-гоу (деревня) 194.
 Ху-панъ (провинція) 270—272.
 Хундулэпъ (рѣчка и долина) 400.
 Хундулэнь-булукъ (см. Хучжирту — до
 липа) 430.
 Хундулэнь-булукъ (источникъ) 430.
 Хунъ-мо-инъ-ца (деревня) 155.
 Хунъ-мяо-шавь (гора въ Чэнь-дэ-фу) 212.

Хунь-обо (деревня) 160.
 Хунь-саба (поселокъ) 49.
 Хунь-ци-ни-цза (урочище) 347.
 Хунь-чжу-ла (деревня) 234.
 Хунь-хэ (рѣка) 16, 17.
 Хунь-юань-чжоу 114.
 Хурай-голь (русло ручья Бургасутайв-гола) 400.
 Хурѣ (поселокъ) 50, 125.
 Хутань-хошу (урочище) 134, 135.
 Хуху-хото (= Гуй-хуа-чэнь) 51—104, 112—117, 122, 126—149, 152, 155, 180, 199, 243, 244, 289, 364, 366, 424.
 Хуху-хотонь (см. Хуху-хото) 87, 88.
 Хуху-эрги (городъ) 64, 65, 80, 82, 83, 152, 153.
 Хуцагыйиъ гол'ская долина 451.
 Хуцагыйиъ уха (уваль) 451.
 Ху-цза-ю-цза (деревня) 125.
 Хуцзэй (селеніе) 148.
 Хучжирту (долина) 317.
 Хучжирь-тохой (поселокъ) 136.
 Хушинга хошу (горный мысъ) 451.
 Хушинга ула (горы) 451.
 Хуши-тогосъ (гора) 453.
 Хуньту-обо (урочище) 134, 135.
 Хуйтуцэй буриду 478, 479.
 Хуйтунь-голь (рѣка) 478, 479.
 Хэ-ку 51.
 Хэ-нянь (провинція) 79, 183.
 Хэрүдунгыйиъ-хирай (долина) 437.
 Хэрүдунъ (рѣка) 61, 62, 276, 287, 310, 315, 316, 429, 432—438, 441, 442, 452, 453, 463—469.
 Хэрѣ-хошу (горы) 435.
 Хэрѣ-хутуль (переваль) 437.
 Хэрэмъ (земляной валъ) 480.
 Хэ-ту-ба (поселокъ) 172.
 Хэй-хэ (рѣка) 105, 109, 110.
 Хэй-фынь-коу (деревня) 17.
 Хэй-чэнь-цза (городъ) 253.

Ц.

Цаганъ-баггасу 168.
 Цаганъ-байшинъ (деревня) 119.
 Цаганъ-булукъ (= Чаганъ-булукъ — поселокъ) 48, 49, 126, 149.
 Цаганъ-булукъ (рѣчка) 48, 49.
 Цаганъ-дэнь (холмы) 425.
 Цаганъ-инъ-цза (деревня) 160.
 Цаганъ-мурэнь (рѣка) 361—363, 366, 399.
 Цаганъ-нуръ (озеро и долина) 440.
 Цаганъ-нуръ (озеро) 469.

Цаганъ-нуръ (озеро) 481.
 Цаганъ-обо (тумэтскій караулъ) 127.
 Цаганъ-обо (урочище) 34, 153.
 Цаганъ-субурга (городище) 276, 299, 363—366, 396, 399.
 Цаганъ-усу (рѣка) 365.
 Цаганъ-хурѣнь (урочище) 45.
 Цаганъ-чулуту (ключъ) 445.
 Цанту-ула (горн. вершина) 452.
 Цанха эрикъ (холмы и долина; см. Цаганъ-нуръ) 440.
 Цань (провинція въ Тибетѣ) 404, 405, 411.
 Ца-пынь (деревня) 274.
 Ца-фынь-коу (деревня) 154.
 Ца-фынь-коу (ущелье) 154.
 Цай-гэ-бу (поселокъ) 26—29.
 Цай-сы-ко-рѣ (деревня) 238.
 Цзагасутай (озеро) 313.
 Цзагасутай (рѣка) 365.
 Цзи-минъ-и (-чэнь городъ) 15—17.
 Цзи-минъ-шань (гора) 15—17, 303.
 Цзинь-дао-тунъ (поселокъ) 241.
 Цзинь-лунъ-коу (ущелье) 24.
 Цзинь-пынь-чэнь (= Вуру-хото) 345.
 Цзинь-цзя-гоу (ущелье) 234, 235.
 Цзинь-цзя-гоу-мынь-эръ (деревня) 236.
 Цзи-чжоу 18.
 Цзольтэгликъ (горы) 470.
 Цзо-хо-ху (деревня и рѣка) 155.
 Цзо-цзя-цзо-рѣ (деревня) 24, 25.
 Цзуань-цзя-цзо-рѣ (деревня) 38.
 Цзунъ-баннь (озеро) 478.
 Цзунъ-байтайль (переваль) 479.
 Цзунъ-байтайль (рѣчка и уваль) 452, 465.
 Цзунъ-бургуиъ голь (рѣчка) 464.
 Цзунъ-модонъ (урочище) 62.
 Цзунъ-нуръ (= Йэхэ-нуръ, озеро) 154.
 Цзунъ-чжиргаланту (лощина) 476.
 Цзунъ-чжиргаланту (ручей) 472.
 Цзурганъ-ула (горы) 430.
 Цзуру-хуцзу (переваль) 450.
 Цзу-янь (городъ) 6.
 Цзэрдэ-цаганъ-хурѣнь 128.
 Цзю-дао-гоу (деревня) 35.
 Цзю-шань-мяо (деревня) 175, 176.
 Цзю-юань-юнь (см. Дянь-чэнь) 54.
 Цзюй-хэ (рѣка) 178.
 Цзюй-юпъ 6.
 Цзянь-су (провинція) 271.
 Цзянь-си (провинція) 271.
 Цзянь-чанъ-сянь (уѣзд. городъ) 176, 227, 246, 249, 252, 253, 255.

Цзя-савь-цзо (деревня) 25.
 Ци-лянь-шань (= Да-цинь-шань, горы)
 55, 118.
 Ципь-бай-хэ (рѣка) 178.
 Цинь-лунь-хэ (= Дунь-да-хэ) 207.
 Цинь-хэ (рѣчка бл. Пекина) 2.
 Цинь-хэ'скія пограи. ворота 253.
 Цинь-чуй-фынь (т. ч. Пань-пуй-шань) 222.
 Цинь-шань (горы) 127, 129.
 Цинь-ши-ла (селение) 180.
 Цинь-шуй-хо (горная падь) 136.
 Ци-ся (деревня) 153, 154.
 Цогъ (гора) 363.
 Цо-ло-гоу (деревня) 38.
 Цэлийнь гоби (степь) 431.
 Цэлийнь-нурь (озеро) 431.
 Цэнкирь (= Сэнкуръ—рѣка) 470.
 Цэцэкъ вугуйнь ширэ (долина) 465.
 Цюань-цзю-чжо (поселение) 35.
 Цянь-ань-сянь (уѣздъ) 178.
 Цянь-фу-сы (деревня) 196.

Ч.

Чагань-булунь (= Чагань-булукъ — посе-
 локъ) 47—49.
 Ча-дао (поселокъ) 10—12, 15.
 Ча-дао-ко-рь (деревня) 238.
 Чандага-гала (равнина) 475.
 Чань-бо-луань 178.
 Чань-нинь (округъ) 327.
 Чань-сай-юй (поселокъ) 237.
 Чань-бо-шань 110.
 Чао-бэй-нинь-цза (мѣстность) 253.
 Чао-лянь-гоу (ущелье) 242.
 Чао-янь-дунь (т. ч. Си-пипь-цза—деревня)
 237.
 Чао-янь-сянь (уѣзди. городъ) 176, 250,
 253, 255.
 Ча-пынь (поселокъ) 231.
 Чарилтынъ тала (песч. долина) 316, 317.
 Чангоръ (городъ) 33—35, 153.
 Чанъ-ма-цзинь (равнина и ручей) 172.
 Чжань-пинь-нинь-цза (деревня) 176.
 Чжань-цзя-коу (= Калганъ) 26, 114, 150.
 Чжань-чжа-пу (деревня) 13.
 Чжао-суй-цзы-гоу (мѣстность) 253.
 Чжао-шу-гоу (мѣстность) 253.
 Чжинсуту ула (горн. вершина) 452.
 Чжиранъ (урочище) 421.
 Чжирангийнъ голъ (ручей) 421.
 Чжиргаланту (долина) 432.
 Чжиргаланту (падь, подъемъ, урочище)
 442.

Чжиргаланту (ручей) 428.
 Чжиргаланту (рѣка) 424.
 Чжиргаланту (холмы) 440.
 Чжиргаланту (горы) 146.
 Чжиргаланту-ула 361.
 Чжигистэй пурь (озеро) 400—401.
 Чжи-цзо-цза (поселокъ) 183.
 Чжоу-сы-рь гоу (см. Би-ли-гоу — ущелье)
 356.
 Чжунь-найманъ-сумэ (городъ) 276, 299—
 301, 307—310, 312.
 Чжу-цзя-вань (деревня) 50, 125.
 Чжу-цзя-хэ (деревня) 26.
 Чжу-цзя-цзо-рь (деревня) 25.
 Чжэ-цзяпъ (провинція) 329.
 Чпгэтэй (деревня) 155.
 Чи-ли-ча-фанъ (поселокъ) 21.
 Чипь-луань-цзо-рь (деревня) 43.
 Чи-фынь-сянь (= Улань-хада — уѣздный
 гор.) 176, 227, 254, 255, 287, 349,
 359, 365.
 Чи-шань (гора) 241.
 Чжо-тань-цза (потокъ) 181.
 Чонойпъ голъ (рѣчка) 421, 423.
 Чулунь-онгопо (= Ма-лянь-цуй — посе-
 локъ) 162.
 Чулуту-даба (перевалъ) 399.
 Чулуту-даба (перевалъ) 450.
 Чулутынъ голъ (рѣка) 450.
 Чучитынъ-хобуръ (урочище) 430.
 Чуэ-цзя-го-у (деревня) 236.
 Чэкчэръ (гора см. Того) 441.
 Чэкэрэмтэй (урочище) 139.
 Чэнь-дэ-фу (= Жэ-хэ) 115, 163, 164,
 173, 175, 177, 178, 189, 197, 202—
 213, 223, 226—228, 244, 246, 251,
 252, 255, 270.
 Чэнь-ло (мѣстность) 52.

Ш.

Шабакту (деревня) 365.
 Шабартай (долина) 150, 169.
 Шабартай (долина) 313, 314.
 Шабаръ чжиргаланту (котловина) 428.
 Шанага (долина) 465.
 Шапага (караулъ) 171, 172.
 Шанага (урочище) 475.
 Шандайнъ голъ (рѣка) 173.
 Шанду-голъ (рѣка) 278, 300, 301, 309,
 311.
 Шанду-голъ (рѣка) 447, 448.
 Шанду-даба (перевалъ) 447.
 Шанду-дянь (мѣстность) 177.

Шанду-хэ (= Луань-хэ) 177, 179.
 Шанхань даба (= Сяо-ба-ца) 47.
 Шанхай гуань 204.
 Шанхай 79, 82, 266.
 Шань-го-р-пш-ца (деревня) 196.
 Шапъ-гуань (ворота въ Великой ст.) 9.
 Шань-гу (мѣстечко) 19.
 Шапъ-гу-цзюнь (область) 18.
 Шань-ду (см. Кай-пинь-фу) 19, 300, 302 — 304.
 Шань-чань-чэнь (городъ) 178.
 Шань-тао-хото (урочище) 253.
 Шань-хуа-юань (деревня) 17.
 Шань-дунъ (провинція) 174, 211, 238, 260.
 Шань-дянь (долина) 173, 174.
 Шань-дянь-хэ (поселокъ) 173.
 Шань-си (провинція) 10, 21, 34, 39, 41, 45, 53, 55, 72, 79, 101, 114, 122, 123, 130, 174, 193, 208, 210, 211, 288, 338, 359.
 Шань-ши-гоу 365.
 Шара-мурэнь (рѣка) 146, 345, 346, 355, 365.
 Шара-гала (т. ч. Синь-чжу-хэ — рѣка) 241.
 Шара-гала (степь) 365.
 Шарху (гора) 241.
 Ша-чэнь (городокъ) 14, 15.
 Ша-хо-инь-ца (деревня) 242.
 Ша-ху-коу 114, 126, 128.
 Ши-ванъ-цзы (селеніе) 13.
 Ши-жэнь-вань (деревня) 50, 51, 124, 125.
 Шя-лянъ-дай (деревня) 119.
 Ши-мынь-ца 178.
 Ши-нинъ (станція) 303.
 Шинэ-булукъ (ключъ) 430.
 Шинэ-сумэ (мѣстность) 356.
 Ши-па-пань-ляо 201.
 Ши-па-хао (селеніе) 174.
 Шпра-ордосъ 303.
 Ширь (урочище) 471.
 Ширь (горы) 472.
 Ши-сань-ли-мяо (поселокъ) 21.
 Ши-ся 365.
 Ши-фо-сы (деревня) 10.
 Ши-хо-ца (селеніе) 20.
 Шин-цзо-рь (деревня) 24.
 Шраваста (городъ) 392, 393.
 Шуй-чжуань-ца (урочище) 347.
 Шуй-чжуань-ца (деревня) 274.
 Шухайнь голъ (ручей) 451.
 Шухайнь даба (перевалъ) 451.
 Шурха-голъ (рѣка) 335.

Шэнь-цзо-рь (деревня) 194.
 Шэнь-вань-ца (поселокъ) 341.
 Шэнь-си (провинція) 123.

Ъ.

Ъ-бо-шоу (мѣстность) 252.
 Ърэпъ-дабасу-нуръ (озеро) 413.

Э.

Эвгирь-хашату (урочище) 425.
 Эргитэй хурукъ уха (уваль) 465.
 Эрль-дао-инь-ца (поселокъ) 190.
 Эрль-дао-пинь-уза (селеніе) 195.
 Эрль-до-ва (перевалъ) 170.
 Эрль-до-ва (чах. поселокъ) 171.
 Эрдова (деревня) 149.
 Эрль-до-го-ца (поселокъ) 42.
 Эрль-до-инь-ца (поселеніе) 31.
 Эрль-до-хэ (= Нарипъ голъ) 154.
 Эрль-до-чо-ца (поселокъ) 42.
 Эрль-тай-ца (поселокъ) 14.
 Эрль-ши-у-хао (деревня) 174.
 Эрль-ши-у-хао (деревня) 174.
 Эрль-ши-ця-ца (деревня) 253.
 Эрдэми дагагахсанъ фу (= Чэнь-дэ-фу) 202.
 Эрдэми тологой (сонка) 481.
 Эрлянь-поръ (= Ирлянь-нуръ) 40.
 Эрхэ-ула (гора) 481.
 Эрэнь-даба (перевалъ) 481.
 Эрфянь-орто (почтов. станція) 355.
 Эчжйинъ вуръ (сол. озеро) 315.
 Эчжи-дабасу-нуръ (= Дабасу-нуръ) 413 415.

Ю.

Юань-бао-шань (гора) 229.
 Юлусъ 147.
 Юнъ-пинь-фу (департаментъ) 178.
 Юнъ-хунъ-пу (— бу) (селеніе) 23.
 Юпъ-хунъ-пу-гоу (ущелье) 23, 24.
 Юнъ-чань (область) 327.
 Юнъ-чжоу 303.
 Юньшумбуинь-цагань-нуръ (котловина и озеро) 429.
 Юй-линъ (городокъ) 13, 20.
 Юй-су-линъ (мѣстечко) 67.
 Юй-ця-лэ (деревня) 25.
 Юй-чжоу 27, 303.
 Юй-шанъ-чжуанъ (деревня) 38.
 Юй-янь (горный прох. въ Шань-си) 55.
 Ю-су-ди (деревня) 194.

Я.

Ядайпъ голъ (рѣка) 162.
Я-ма-гоу-мынь-р (деревня) 193.
Ямынь-коу (= Фынь-чжэпъ) 41.
Янь-бао-шань 22.
Янь-гэ-чжуань 192.
Янь-гэй-ба 44.
Янь-са-гоу (деревня) 235.
Янь-хэ (рѣка) 17, 23, 24, 26—28, 30,
31.
Янь-цзинь-ца 201.
Янь-цзы (рѣка) 114, 235, 271.
Янь-цзы-ва (поселокъ) 181, 182.
Янь-цзы-ва-ба (перевалъ) 181.

Янь-чжоу (городъ) 260.
Янь-данъ (гора) 329.
Янь-цинъ-чжоу (область) 12.
Янь-цзы-гоу-мынь-р (деревня) 184.
Янь-шань (гора) 189.
Яо-по-ло (станція) 44.
Яо-р-лянъ (перевалъ) 18.
Яо-цзя-цзо (поселокъ) 21.

Й.

Йэхэ-пуръ (= Цзунъ-пуръ) (озеро) 154.
Йэхэ Тогосъ-ханъ-ула (гора) 433.
Йэхэ-угомуръ (гора) 466.
Йэхэ-шанду (урочище) 426.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ:

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Должно быть.
25	39	Цзо-цза-цзо-рѣ	Цзо-цзя-цзо-рѣ.
56	20	Рабчжа-чжу	Рабчжи-чжу
79	1	Китаѣ	Китаѣ,
122	21	Тянь-мэй-рѣ	Тянь-мэй-тэ
177	35	Го-цзя-тунѣ	Го-цзя-тунѣ
183	24	По-цуй-ла-цза-гоу-мынѣ-р	По-цуй-ла-цза-гоу-мынѣ. р
193	12	Го-цзя-гунѣ	Го-цзя-тунѣ
200	3	Тунѣ-чжоу	Тунѣ-чжоу
201	9	лп	ли
206	18	Лянь-шир-цзѣ	Лянь-ши-цзѣ
—	20	называемой	называемая
—	22	получающей	получающая
—	23	Эрлѣ-сянѣ-цзюй	Эрлѣ-сянѣ-цзюй.
210	14	Пай-лу-цзэ	Пай-лу-цзѣ
212	30	Эрлѣ-шанѣ-цзюй	Эрлѣ-сянѣ-цзюй.
—	36	右	石
213	14	Линѣ-чжэнѣ-мынѣ	Ли-чжэнѣ-мынѣ.
221	5	русской	русскомѣ
225	20	Кіоксѣ	Кіоскѣ.
226	33	Пинѣ-цюанѣ-чжоу	Пинѣ-цюанѣ чжоу
244	17	Тянцзинѣ	Тянь-цзинѣ
255	17	пинѣ-чуанѣ'скій	пинѣ-цюанѣ'скій
262	9	English	English
302	18	Сунѣ-тунѣ-цзянѣ	Сунѣ-тунѣ-цзянѣ.
303	34	въ разстояніи 30 саж.	въ разстояніи 30 саж,
313	32	Хайласу	хайласу
338	3	Буру-хото	Биру-хото
355	19	времени	времени.
365	36	съ Сунѣ-хэ	въ Сунѣ-хэ
389	19	𠄎𠄎𠄎𠄎	𠄎𠄎𠄎𠄎

3 2044 015 488 919

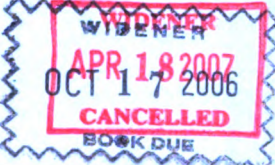
This book should be returned to the Library on or before the date stamped below.

A fine of five cents a day will be charged by retaining it beyond the due date.

WIDENER LIBRARY

Harvard College, Cambridge, MA 02138: (617) 495-2413

If the item is recalled, the borrower will be notified of the need for an earlier return. (Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.)

Thank you for helping us to preserve our collection!

